

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

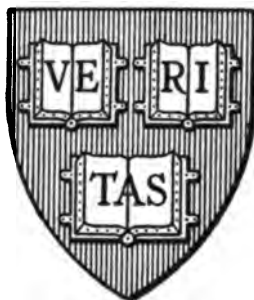
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1-2145 611.5 ($\frac{1871}{3}$)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

1878.

3.

Русскій Архивъ издается двѣнадцатью выпусками въ годъ.
Четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу съ особымъ
счетомъ страницъ и алфавитнымъ указателемъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

1878.

И. И. Боголюбскаго.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

Типографія Лебедева, въ Газетномъ переулкѣ домъ Корзинкина.

1878.

~~Slaw 25.9~~

P Slaw 611.5

Перепечатка статей и исторических бумаг изъ Русскаго Архива, какъ въ цѣломъ составѣ, такъ и въ отрывкахъ, не допускается безъ предварительнаго соглашенія съ издателемъ.

Письма Екатерины Второй къ барону Гримму.

Большая заслуга изданія въ свѣтъ этихъ писемъ принадлежитъ издателю сочиненій Державина, академику Я. К. Гроту, который напечаталъ ихъ съ подлинниковъ (хранящихся въ Государственномъ Архивѣ) въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества». Они писаны пофранцузски и очень изрѣдка понѣмецки. (Эти немногія приписки и замѣтки на Нѣмецкомъ языкѣ составляютъ тоже печатную новость: до сихъ поръ мы почти не знали Нѣмецкихъ произведеній Екатеринина пера, ибо, какъ извѣстно, Государыня не любила употреблять Нѣмецкаго языка). Здѣсь представляются въ Русскомъ переводѣ выдержки изъ этихъ драгоцѣнныхъ писемъ, обнародованіе которыхъ составляетъ эпоху въ изученіи XVIII вѣка и которыхъ несомнѣнно должны сдѣлаться настольною книгою для историка Екатерины и ея времени.

Сношенія Екатерины съ Гриммомъ (р. 1723 † 1807) начались ранѣе ихъ личнаго знакомства и переписки. На это указываетъ сохранившаяся «вѣдомость о деньгахъ, переводимыхъ къ статскому совѣтнику барону Гримму». Въ ней значится, что еще въ 1765 году баронъ Гриммъ получалъ деньги изъ Кабинета Ея Величества, а въ слѣдующемъ году ему переведено черезъ банкира Сутерланда 40 тысячъ рублей. Въ 1785 году (см. ниже, стр. 110), Екатерина пишетъ Гримму, что знаетъ его за честнаго человѣка уже двадцать лѣтъ. Какъ именно начались сношенія, остается пока неизвѣстнымъ; но, судя по количеству переведенныхъ денегъ, надо думать, что Гриммъ исполнилъ какое нибудь значительное порученіе Екатерины. Екатерина была еще великою княгинею, когда Гриммъ уже получилъ литературную извѣстность своимъ остроуміемъ и связью съ Руссо и другими Французскими философами. Его имя извѣстно въ Россіи по стихамъ Пушкина:

Ж. И. Богоявленскаго.

Руссо, замѣчу мимоходомъ,
Не могъ понять, какъ важный Гриммъ
Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,
Краснорѣчивымъ сумасбродомъ.

Кажется, что Гриммъ представлялъ собою счастливое сочетаніе Нѣмецкой основательности, не безъ чопорности, съ Французскою подвижностью и веселоравіемъ. Онъ жилъ въ Парижѣ, состоя при знатныхъ Нѣмцахъ, которые, по примѣру Фридриха Великаго, находились подъ обаяніемъ Французской словесности и подчинялись Французскому образу мыслей. Позднѣе онъ сдѣлался секретаремъ герцога Орлеанскаго. Вращаясь въ высшемъ кругу вольнолюбивой Французской знати, поддерживая дружескія связи съ лучшими писателями, Гриммъ составлялъ отчеты о движеніи умовъ во Франціи и пересылалъ ихъ въ Германію своимъ державнымъ благопріятелямъ, въ опредѣленные сроки и взямая за то опредѣленные деньги. Онъ успѣлъ завести въ Парижѣ правильную контору рукописныхъ извѣстій, и нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина получала ихъ отъ него. Въ числѣ благопріятелей находчиваго барона была и великая ланд-

графиня Дармштадтская Каролина, съ которою читатели наши знакомы по письмамъ къ ней Екатерины II-й. Каролина поручила Гримму воспитаніе единственнаго своего сына, который въ 1773 году прѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ на свадьбу сестры своей, сдѣлавшейся Русскою великою княгиней. Тогда же явился въ Петербургъ и пріятель Гримма Дидеротъ. Екатерина цѣнила знаменитаго философа и часто допускала его къ себѣ; но въ личныхъ сношеніяхъ она должна была отдавать преимущество Гримму. Эти сношенія мѣтко очерчены А. А. Половцевымъ (хотя по отношенію къ другому лицу). Про Гримма можно тоже сказать, что «готовый безмолвно выслушать, безпрекословно исполнить, онъ олицетворялъ своимъ обществомъ то временное успокоеніе, въ которомъ нуждаются самые неутомимые труженики. Разговоръ о погодѣ, невинная сплетня, журнальная ошибка, безобидная шутка, все это можетъ занимать не однихъ темныхъ людей; а раздѣлять подобное занятіе съ человѣкомъ вполне благовоспитаннымъ, умѣющимъ цѣнить довѣріе, не ищущимъ случая вернуть намѣкъ или сарказмъ, составлять удовольствіе, которымъ сильные міра не могутъ дорожить болѣе другихъ» (Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества. XVII, стр. VI). Подобнаго рода письменную бесѣду я вела Екатерина съ барономъ Гриммомъ, которому надо отдать ту честь, что онъ сумѣлъ пріучить Государыню къ перепискѣ съ собою, искренно преклоняясь передъ ея гениемъ и сдѣлавшись самымъ усерднымъ и надежнымъ исполнителемъ ея заграничныхъ порученій.

Первоначально могло быть и еще побужденіе, по которому Екатерина часто призывала къ себѣ Гримма и подолгу съ нимъ бесѣдовала: ей хотѣлось черезъ него достать рукопись Рюльера, описавшаго ея восшествіе на престолъ. Передъ тѣмъ Рюльеръ получилъ должность историографа при Французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Свою рукописную книгу поднесъ онъ тогдашнему дофину (Людovicу XVI), который на поляхъ ея сдѣлалъ любопытнѣйшія отмѣтки (нынѣ напечатанныя въ XI Книгѣ «Архива Бнязя Воронцова»). Для Екатерины было крайне заманчиво прочесть рассказъ очевидца о центральному днѣ ея жизни. Извѣстно, что авторъ обѣщалъ не печатать книги при жизни Государыни, что и было исполнено. Но Гриммъ и Дидеротъ, завѣдомо для Екатерины, читали «Исторію переворота 1762 года»¹⁾, и стало быть, она видѣла въ нихъ людей, уже знакомыхъ съ нею и съ тайною ея удивительнаго воцаренія.

Вотъ какъ описываетъ Гриммъ первую свою бесѣду съ Екатериною. «Я былъ позванъ къ ней, только что удалившейся, послѣ вечерняго собранія, во внутренніе покои. Она меня встрѣтила съ тѣмъ величавымъ выраженіемъ достоинства, которое было въ ней такъ естественно, но не имѣло въ себѣ ничего строгаго; тѣмъ не менѣе оно меня смутило. «Ну что же», сказала она, «вы желали переговорить со мною; что имѣете вы сказать мнѣ?»—«Государыня», отвѣчалъ я, «если ваше величество сохраните этотъ взглядъ, то придется уйти, потому что голова моя не будетъ свободна, и слѣд. напрасно будетъ злоупотреблять минутами, которыми вамъ угодно меня удостоить». При этихъ словахъ моихъ, улыбка снова засіяла на лицѣ ея, и она сказала: «Садитесь, поговоримъ о нашемъ дѣлѣ»²⁾.

¹⁾ Она имѣется у насъ въ рукописномъ Русскомъ переводѣ М. Н. Лонгинова.

²⁾ Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества II, 327: рассказъ самого Гримма.

Дѣло состояло въ томъ, что Екатерина предлагала Гримму, черезъ президента Академіи Наукъ графа Орлова, поступить къ ней въ службу. Гриммъ отказался за преклонностью лѣтъ, но съ этого разговора и до самой кончины Государыни онъ сдѣлался ея повѣреннымъ и велъ съ ней непрерывную переписку, исполняя порученія по части пріобрѣтенія книгъ и художественныхъ произведеній, получая за то щедрое вознагражденіе и умѣя сохранять притомъ нѣкоторую свободу отношеній. Около полугода онъ прожилъ въ Петербургѣ, при дворѣ, просто гостемъ Государыни, между тѣмъ какъ воспитанникъ его ландграфъ Дармштадтскій поступилъ въ Русскую службу и отправился на войну, которая тогда велась у насъ съ Турціею.

Въ это время, т. е. осенью 1773 и весной 1774 года (въ самый разгаръ Нугачевщины) между придворною молодежью обращалъ на себя общее вниманіе второй сынъ графа Румянцева-Задунайскаго, 18-лѣтній даровитый графъ Сергѣй Петровичъ. Въ своей автобіографіи онъ рассказываетъ, что Государыня съ похвалами отзывалась о немъ Гримму. Мать молодого человѣка, оберъ-гофмейстерина великой княгини Натальи Алексѣевны, предложила Гримму путешествовать по Европѣ съ обоими ея сыновьями, графомъ Сергѣемъ и старшимъ его братомъ (впослѣдствіи государственнымъ канцлеромъ). Гриммъ отвезъ ихъ сначала въ Лейденскій университетъ, а потомъ ѣздилъ съ ними въ Вольтеру и въ Италію ³⁾. Только что они уѣхали изъ Петербурга, получено было извѣстіе о кончинѣ ландграфини Каролины (+ 30 Марта 1774 ст. ст.), и плачемъ по ней начинаются Екатерининскія письма къ Гримму. Ландграфиня умерла совершенно одна, отославъ отъ себя родныхъ и приближенныхъ и велѣла похоронить себя въ саду, въ особомъ сѣнпѣ, который былъ тайкомъ ото всѣхъ ею самою устроенъ. Екатерина сочувствовала этой женщинѣ, можетъ быть, и потому, что находила въ ней нѣкоторое сходство съ собою: и дѣя нея письменный столъ, книги и сношенія съ философами служили замѣною супружескаго счастья; мужъ Каролины, подобно Петру III-му, беззавѣтно предавался потѣхамъ воинскихъ обрядностей, истощая скудную средства страны своей на затѣи безплоднаго солдатства. П. Б.

• 1774 годъ.

4.

25 Апрѣля ст. с 1774 ⁴⁾.

Господинъ Гриммъ! Я получила вчера ваше письмо изъ Риги отъ 19-го Апрѣля. Не вы одни плакали съ г. Ридезелемъ ⁵⁾: онъ и меня заставилъ расплакаться. Ландграфиня была безпримѣрная женщина. Какъ она умѣла умереть! Когда придетъ мой чередъ, я постараюсь взять съ нея примѣръ и также прогоню всѣхъ плаксъ. Я хочу, чтобъ въ эти минуты вокругъ меня были люди закаленного сердца, либо завзятые смѣхотворы.

³⁾ Р. Архивъ 1869, 843.

⁴⁾ Екатерина отмѣчала всѣ письма свои за границу старымъ стилемъ. Ниже мы увидимъ, какъ она отстаиваетъ употребленіе этого стиля.

⁵⁾ Одинъ изъ чиновниковъ Дармштадтскаго двора, пріѣзжавшій въ Петербургъ, по случаю свадьбы Натальи Алексѣевны.

Вы у меня спрашиваете: «какъ въбраться изъ моихъ владѣній?» Могу отвѣчать на это лишь словами Мольера: «Жоржъ Дандень, ты самъ захотѣлъ того». Впрочемъ отъ васъ зависитъ вернуться. Вы съ великою радостью праздновали въ Курляндіи сорокъ шестую годовщину моего рожденія. Поздравляю васъ; сама я ненавижу этотъ день: прекрасный подарокъ онъ мнѣ приноситъ! Каждый разъ лишній годъ, безъ котораго я могла бы отлично обойтись. Скажите по правдѣ, вѣдь было бы прекрасно, если бы императрица всю жизнь оставалась въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ?

Но прощайте, господинъ Гриммъ; письмо мое начинаетъ походить на болтовню послѣ восьми часовъ въ Царскомъ Селѣ. Глупцы, которые прочтутъ его прежде васъ, могутъ счесть непристойнымъ, что такія важныя особы, какъ вы и я, пишемъ подобныя письма. Вамъ извѣстно, что всякій обязанъ имѣть уваженіе къ ближнему своему, и вы знаете, какимъ уваженіемъ пользуется г. Томъ⁶⁾; посему изъ уваженія къ глупцамъ, которые еще глупѣе друга Тома, кончаю письмо, желая вамъ добраго здоровья и счастливаго пути.

Оренбургъ освобожденъ, и какъ я предсказывала, комедія кончится вкнутомъ и висѣлицею, къ которымъ я не чувствую склонности больше прежняго; но я понесла чувствительную утрату: генералъ Вибиковъ, въ 13 дней, умеръ отъ горячки, въ двухъ стахъ верстахъ передъ Оренбургомъ.

Гриммъ, конечно, пришелъ въ восхищеніе отъ письма Екатерины и отвѣчалъ ей цѣлою тетрадью. Екатерина испугалась такого письменнаго усердія и пишетъ ему:

2.

19 Іюня 1774.

Прежде всего, господинъ философъ, не обольщайте себя и не думайте получить отвѣтъ въ 12 страницъ. Это чистая невозможность: нынче даже и въ Вецларѣ⁷⁾ сокращаютъ письмоводство. Вы скажете: «вотъ и видно, что имѣешь дѣло съ царственнымъ лицомъ; у этихъ людей всегда есть отговорка». Неправда. Ищите другой причины, и если напр. объясните мою краткость жвнью, то будете недалеко отъ настоящей причины. Я очень люблю получать письма въ 12 страницъ, коль скоро ихъ пріятно читать, какъ ваше изъ Дрездена; но, говоря откровенно, обязанность отвѣчать на нихъ не доставляетъ мнѣ такого же удовольствія. Не люблю я частыхъ совѣщаній съ докторами⁸⁾: эти шарлатаны всегда сдѣлаютъ вамъ больше вреда чѣмъ пользы; примѣръ—Людовикъ XV; у него ихъ было десять человѣкъ, и онъ тѣмъ не менѣе mortus est⁹⁾. Кажется, чтобы умереть отъ ихъ рукъ, было тутъ девять лишнихъ. По моему, стыдно королю Франціи, въ XVIII столѣтіи, умереть отъ оспы; это варварство! Мнѣ сказывали, что императрица Россійская послала Людовику XV че-

⁶⁾ Комнатная собачка Екатерины.

⁷⁾ Въ Вецларѣ разбирались мелочные споры между многочисленными членами Германской имперіи.

⁸⁾ Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга Гриммъ былъ боленъ: онъ страдалъ засореніемъ кишекъ, надъ чѣмъ нерѣдко шутила Екатерина.

⁹⁾ Людовикъ XV скончался въ Маѣ мѣсяцѣ этого 1774 года

резъ г. Дюрана ¹⁰⁾ разуменный, человеколюбивый и дружескій совѣтъ, чтобы онъ, не медля ни секунды, приказалъ Димсдалю привить себѣ оспу. Мнѣ сказывали также, что она больше чѣмъ кто другой имѣла право подать подобный совѣтъ, сдѣлавъ удачный опытъ надъ собой и надъ своимъ сыномъ.

Г. Томъ долженъ весьма чувствовать ту честь, что вы его помните; но онъ съ нѣкотораго времени болѣе пребываетъ въ нѣдрахъ своего семейства, чѣмъ со мной: онъ влюбленъ до безумія въ свою супругу и въ пятерыхъ дѣтей, которыя на него похожи какъ двѣ капли воды. Вся сія свора прогуливается со мною по всевозможнымъ садамъ, а за симъ скрытно удаляется въ свою хижину, куда за ними слѣдуетъ и родитель, жертвующій для нихъ и царскими палатами, и парчевыми диванами, и креслами, и философско-комическими бесѣдами.

Усленіе Потемкина возвѣщено Гриму слѣдующими строками:

3.

Въ Петергофѣ, который, ни мнѣ ни Томъ не нравится, но гдѣ, однако, мы оба уже находимся цѣлый мѣсяцъ. 14-го Іюля. 1774.

Вы и ваши единомышленники подозрѣваете другихъ въ переѣзчивости. Знаю, откуда это подозрѣніе; навѣрное отъ того, что, когда вы были здѣсь, я отдалась отъ нѣкоего превосходнаго, но весьма скучнаго гражданина ¹¹⁾, котораго немедленно, и сама точно не знаю какъ, замѣнилъ величайшій, забавнѣйшій и пріятнѣйшій чудакъ, какого только можно встрѣтить въ нынѣшнемъ желѣзномъ вѣкѣ.

4.

С.-Петербургъ, 3-го Августа (1774), день молебна по случаю мира, чтѣ бы тамъ ни думали.

Что вы будете дѣлать у герцога Орлеанскаго? Блеснуть у него вамъ нельзя, такъ какъ онъ живетъ въ ссылкѣ, — аминь. Пальцевъ я себѣ болѣе не царапаю: съ тѣхъ поръ какъ вы уѣхали, не связала ни единого узла. Теперь я начала вязать одѣяло для моего друга Томаса, а генералъ Потемкинъ собирается украсть его. Ахъ, что за свѣтлая голова у этого человѣка! Ему болѣе, нежели кому нибудь, мы обязаны этимъ миромъ. И при всей своей дѣльности онъ чертовски забавенъ.

5.

30-го Августа 1774.

Нынче знаменитый день: вопервыхъ потому, что утромъ я прошла пѣшкомъ три версты съ половиной за крестнымъ ходомъ изъ Казанскаго собора въ Александроневскую лавру; а вовторыхъ, вечеромъ имѣла честь получить ваше посланіе въ двѣнадцать страницъ. Долгое сіе посланіе начинается настоящею проповѣдью о мирѣ, изъ чего я могу заключить, что господинъ баронъ весьма доволенъ тѣмъ, что миръ подписанъ. За проповѣдью слѣдуютъ удивительные комплименты

¹⁰⁾ Французскій посланникъ у насъ.

¹¹⁾ Василія Семеновича Васильчикова.

господину Томá, который въ эту минуту храпитъ изо всѣхъ силъ на Турецкомъ диванѣ позади меня. Вы, Французскія собаки, и не подозрѣваете, что могутъ существовать подобныя диваны; генераль Потемкинъ ввелъ ихъ въ употребленіе, и они такіе просторныя, что на нихъ могутъ ежиться и корчиться хоть двѣнадцать человѣкъ съ испорченными кишками. И такъ, если останетесь въ Парижѣ, совѣтую приобрѣсти подобный диванъ; если же Жоржъ Данденъ рѣшится вернуться сюда, то я сама ему куплю на свой счетъ.

И такъ Томá храпитъ, дочка его возится въ передней, а я пишу и пишу такое письмо, что еслибы мы съ вами были люди благоразумныя, то сожгли бы его до отправленія на почту вмѣстѣ съ остальными нашими письмами; а то я право боюсь, чтобы они когда нибудь не попали въ архивъ сумасшедшаго дома.

6.

30-го Сентября 1774.

Послушать васъ, такъ можно подумать, что я всюду сѣю смуты, точно маркизъ Пугачевъ. Кстати, ему дорога прямая на висѣлицу, къ вашему удовольствію, конечно? Маркиза поймали, заковали и заточили.

7.

24-го Октября 1774.

Кажется, я имѣла счастье получить экземпляръ новаго изданія «Petit Prophète de Böhmischbroda»¹²⁾, но не успѣла на него взглянуть, какъ Потемкинъ въ ту же минуту овладѣлъ книгою. Это у него старая привычка, которую онъ приобрѣлъ во время своихъ набѣговъ на непріятельскую страну. Онъ воевалъ такимъ образомъ шесть лѣтъ съ большою пользою для отечества, но себѣ богатства не нажилъ, потому что всегда свою долю отдавалъ солдатамъ. Такой способъ войны не всегда и не всѣмъ удается. Какъ вамъ извѣстно, маркиза Пугачева везутъ теперь изъ Симбирска въ Москву, связаннаго, окрученнаго, словно медвѣдя, а въ Москвѣ его ожидаетъ висѣлица. Повидимому, негодяй не отличается большимъ смысломъ, потому что онъ надѣется на помилованіе; впрочемъ, можетъ быть, вообще человѣкъ не можетъ существовать, не предаваясь обманчивымъ надеждамъ. Въ Москву я поѣду со всѣмъ дворомъ или въ концѣ Декабря, или въ началѣ Января.

8.

3-го Декабря 1774.

Симъ имѣю честь увѣдомить васъ, что большое письмо ваше изъ Парижа, № 5, мною получено. Упоминаю объ этомъ, потому что я всегда думала, что все, что идетъ оттуда, должно быть необычайно остроумно; но я должна вамъ замѣтить, что это письмо ваше отзывается Сѣверомъ, т. е., выражаясь яснѣе, вы, господинъ философъ, (не въ обиду будь сказано) говорите вздоръ, и дѣйствія ваши проти-

¹²⁾ Сочиненіе Гримма о превосходствѣ Итальянской музыки передъ Французскою.

ворѣчать вашимъ словамъ, какъ и слѣдуетъ всякому честному и прямому человѣку. Я могла бы вамъ это доказать какъ дважды два четыре, но не кочу, по той причинѣ, что у меня теперь лихорадка, и горло болитъ, и желудокъ разстроены; а я, чтобъ примѣрно наказать себя, не прибѣгая къ шарлатанамъ, посадила себя на хлѣбъ и на воду. Вы знаете, что отъ голода является аппетитъ, а отъ неудовлетвореннаго аппетита дурное расположеніе духа; вотъ поэтому вы и должны мнѣ вѣрить на слово, не требуя отъ меня никакихъ доказательствъ. Доказательства я вамъ приведу въ другой разъ, господинъ торговецъ портретами.

Поздравляю васъ, какъ обитателя Пале-Рояля, съ возстановленіемъ стариннаго парламента.

Къ концу мѣсяца уѣзжаю въ Москву, и тогда пріѣзжай туда всякъ кто можетъ, всякъ кто хочетъ! А вы, пріѣдете тоже? Я съ прилежаніемъ прочтала ваше описаніе модныхъ дамскихъ причесокъ въ Парижѣ, но не подумаю подражать. Маркизь Пугачевъ все продолжаетъ лгать, оговариваетъ людей, отрекается отъ прежнихъ словъ; но все это ни къ чему не послужитъ.

Вамъ посылаютъ поклонъ г. Томасъ, любимая его дочка и господинъ Томасъ, четырехмѣсячный его сыночекъ, который своею веселостію, причудами, живостію и дерзостію превосходитъ всѣхъ прочихъ членовъ семьи; можетъ быть, поэтому-то онъ милѣе всѣхъ. Всѣ они храпятъ около меня, и для меня эти звуки, что для другихъ—пѣніе птицъ.

9.

21-го Декабря 1774.

Черезъ нѣсколько дней комедія съ маркизомъ Пугачевымъ кончится; приговоръ уже почти готовъ, но для этого нужно было соблюсти кое-какія формальности; розыскъ продолжался три мѣсяца, и судьи работали съ утра до ночи. Когда это письмо дойдетъ къ вамъ, вы можете быть увѣреннымъ, что уже никогда больше не услышите объ этомъ господинѣ. Можно подумать, что вы просто худѣете оттого, что я живу въ мирѣ и согласіи съ любезнымъ моимъ братомъ Абдуломъ. Вотъ вамъ за то, что вы говорите, будто я разрушаю чужое семейное счастье. Знайте, милостивый государь, разъ навсегда, что я никогда не вмѣшивалась въ чужія семейныя дѣла; но чаще бывало, что другіе желали вмѣшаться въ мои. Бывало также не разъ, что меня просили помирить тѣхъ, кто между собою ссорились, и тогда я, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, дѣлала все, что могла, въ надеждѣ добра; но, право, поправлять худое весьма трудно. Спаситель сказалъ тоже самое 1750 лѣтъ тому назадъ или около того. Я имѣю право упоминать объ этомъ, больше чѣмъ иные (я ихъ не называю, чтобъ не затруднять почтовыхъ чиновниковъ): они призываютъ небо въ свидѣтели, и въ тоже время осмѣливаются думать, что тамъ ничего нѣтъ или что-то въ этомъ родѣ. Но лучше не говорить объ такихъ мудреныхъ вещахъ. Давайте говорить о чемъ нибудь другомъ.

Два различные разсказа о путешествіи принца Генриха одинаково вѣрны: дѣло въ томъ, что принцъ Генрихъ, исполняя давнишнее обѣщаніе, хотѣлъ пріѣхать къ намъ, чтобы отпраздновать заключеніе мира, но этому помѣшала моя повѣзка въ Москву. Тогда онъ думалъ было ѣхать туда же, но ему представили, что городъ сильно пострадалъ отъ пожара, бывшаго прошлымъ лѣтомъ, и было бы весьма трудно найти для него помѣщеніе вблизи отъ двора и еще труднѣе доставить удобства и удовольствія, възможныя въ Петербургѣ; въ окрестностяхъ Москвы нѣтъ ни одного загороднаго дворца, гдѣ можно бы съ удобствомъ прожить лѣто. Тогда онъ согласился отложить свой пріѣздъ до возвращенія двора въ Петербургъ. Совѣтую и вамъ воспользоваться этимъ случаемъ.

Мамзель Кардель и г-нъ Вагнеръ ¹³⁾ имѣли дѣло съ непутной головой, которая все, что ей ни говорили, принимала на выворотъ. Вагнеръ желалъ «испытаній» совсѣмъ иного рода, а упрямая головушка думала про себя: для того, чтобы быть чѣмъ нибудь на семь свѣтѣ, нужно имѣть кое-какія необходимыя качества; заглянемъ поглубже въ душу, имѣются ли у насъ сіи качества? Если нѣтъ, то нужно ихъ развить. Мартинъ Лютеръ былъ неучъ и научить этому никакъ не могъ. — Изъ Берлина мнѣ сообщаютъ о молодомъ человѣкѣ ¹⁴⁾ тоже самое, что и вы писали; у него два качества: не золь и не гордъ. Если онъ захочетъ остаться въ Москвѣ, отговаривать не стану. Сестра его все больна, да иначе и быть не можетъ: она во всемъ любитъ крайности. Коли танцовать, то десятка два контредансовъ, столько же менуэтовъ, а Нѣмецкіе танцы уже безъ счету; чтобы въ комнатахъ жарко не было, не нужно и совсѣмъ топить; иные натираютъ лицо льдомъ, ну а мы будемъ тереть все тѣло льдомъ: середины ни въ чемъ нѣтъ. Изъ опасенія злыхъ людей, мы всѣхъ на свѣтѣ подозрѣваемъ и не слушаемся никакихъ совѣтовъ, ни дурныхъ, ни хорошихъ; словомъ, не видно ни привлекательности, ни ума, ни благоразумія, и Господь вѣдаетъ, чѣмъ все это кончится. Представьте, что вотъ прошло уже полтора года, а она слова не умѣетъ сказать порусски; все хочеть, чтобы ее учили, а сама не хочеть ни минуты заняться этимъ дѣломъ. Все у насъ вертится кубаремъ: и того не терпимъ, и этого не любимъ, долговъ больше нежели имѣнія; однако едва ли кто нибудь въ Европѣ получаетъ столько, сколько они ¹⁵⁾. Ну будетъ, не слѣдуетъ отчаяваться въ молодыхъ людяхъ, да и слишкомъ ворчать тоже не годится; не нужно огорчать ни истовъ, ни неистовъ, ни людей съ поврежденными кишками. Скажу вамъ новость: императрица Россійская опять захворала и очень сильно, новою болѣзнию, которая называется законо-

¹³⁾ Наставница и учитель Екатерины во время молодости ея въ Штетинѣ. О нихъ будетъ еще говориться въ дальнѣйшихъ письмахъ.

¹⁴⁾ Молодомъ герцогѣ Дармштадтскомъ.

¹⁵⁾ Точно такъ и Елисавета Петровна была убѣждена, что Екатерина и супругъ ея много имѣютъ денегъ на свое содержаніе.

бѣсиемъ. Въ первый разъ она набросала только общія начала, теперь же въ полной разработкѣ вопроса. О бѣдная женщина! Или умреть, или доведетъ свой трудъ до конца.

1775 годъ.

1.

Изъ Твери, самаго красиваго города въ имперіи послѣ Петербурга, изъ дома епископа Платона, который черезъ два дня будетъ лишень своей епархіи и переведенъ въ Москву. 21 Января 1775.

Въ прошлое Воскресенье, послѣ обѣдни въ Новгородѣ, я получила вашу № 10, и такъ какъ сегодня уже Середа, то вы, если не разучились считать, сообразите, что во всю дорогу, т. е. три дня, письмо ваше лежало у меня въ карманѣ. Сегодня вечеромъ или въ ночь прибуду я въ домъ нѣкоего Грузинскаго князя ¹⁾, за семь верстъ отъ сей древней и обветшавшей столицы. Тамъ дождусь ихъ императорскихъ высочествъ, которыя выѣхали изъ Царскаго Села 24 часа послѣ моего отъѣзда. За симъ послѣдуетъ торжественный въѣздъ, какъ всегда бываетъ при заключеніи мира и вообще въ торжественныхъ случаяхъ, а потому знайте, что мнѣ недосугъ обращать вниманіе на вашу воркотню. Я ее обойду молчаніемъ тѣмъ болѣе, что вы сами говорите, что мнѣ напередъ уже все прощено; да кромѣ того письмо ваше весьма длинно, а у меня голова болитъ отъ угару, потому что, кажется, архіерейскихъ палатъ ни лѣтомъ, ни зимою не провѣтриваютъ.

Знаете, что въ свитѣ моей есть мое другое я, или, лучше сказать, мой представитель, котораго я посылаю въ Константинополь, для того чтобъ отъ моего имени наказать моему другу султану много хорошаго и пріятнаго; однимъ словомъ, это князь Репнинъ, веселый посланникъ и отличный товарищъ въ путешествіи. Я везу его безъ церемоніи въ Москву. Конечно, въ моемъ обществѣ ему не приобрести той степенности, которая необходима для посольскаго сана; пусть ужъ самъ добываетъ ее, гдѣ знаетъ. Кстати, моя нѣжность къ султану простирается до того, что у меня уже есть табакерка съ его портретомъ. Князю Барятинскому ²⁾ велю сказать, чтобъ онъ васъ увѣдомилъ, когда можно будетъ переслать ко мнѣ Турскій черносливъ, который вы мнѣ жалуете отъ щедротъ своихъ. Парламентскія рѣчи, которыя вы мнѣ прислали, очень хороши; для счастья народа желательно, чтобъ между дворомъ и парламентами установилось прочное согласіе.

2.

Изъ самаго сердца Москвы, 30-го Января 1775.

Господинъ философъ, объявляю вамъ искреннѣйшую признательность за тѣ желанія, которыя летѣли ко мнѣ отъ васъ черезъ воз-

¹⁾ Село Всесвятское. Тогда нынѣшняго дворца въ Петровскомъ паркѣ еще не было.

²⁾ Князь Ивану Сергѣевичу, Русскому посланнику въ Парижѣ

душное пространство наканунѣ новаго года; звуки эти достигли до меня только вчера.

Итакъ вы обѣщаетесь, что больше четырехъ страницъ писать не будете? Какъ хотите, такъ и дѣлайте, господинъ философъ, повинаясь внушенію пресловутыхъ попорченныхъ кишечъ. Но пожалуйте ста позвольте Греческому календарю остаться какъ онъ есть и безъ всякихъ заимствованій отъ Латинянъ. Вообще я думаю, что все равно, какое времясчисленіе ни принять, такъ какъ никакая часть свѣта не знаетъ его въ точности, и вы еще разъ десять перемѣните свое, между тѣмъ какъ мы будемъ имѣть удовольствіе знать, что у насъ лѣто или весна не придутся въ зимніе мѣсяцы.

Знаете ли вы, всезнающіе люди, что я въ восторгѣ отъ пріѣзда сюда и что все здѣсь, отъ мала до велика, тоже въ восторгѣ, видя меня. Городъ этотъ, какъ фениксъ, возрождается изъ пепла; народонаселеніе значительно уменьшилось вслѣдствіе чумы, которая похитила болѣе ста тысячъ человѣкъ. Но что объ этомъ толковать! Вы желаете имѣть планъ дома, гдѣ я живу. Я вамъ его пришлю, но опознаться въ этомъ лабиринтѣ премудренная задача: прошло часа два, прежде чѣмъ я узнала дорогу къ себѣ въ кабинетъ, безпрестанно попадая не въ ту дверь. Выходныхъ дверей многое множество, и въ жизнь мою столько не видала ихъ. Съ подюжины задѣлано по моему приказанію, и все-таки ихъ вдвое больше, чѣмъ нужно. Собственно говоря, тутъ три каменныхъ дома, которые, по моему приказанію, соединены посредствомъ вновь выстроенныхъ двухъ огромныхъ галлерей, большой залы и нѣсколькихъ парадныхъ комнатъ. Сама я живу въ одномъ изъ этихъ домовъ, который мнѣ уступилъ вице-канцлеръ³⁾; въ другомъ, который я купила, живетъ мой сынъ; а третій, который тоже мнѣ принадлежитъ, назначенъ тѣмъ, кому необходимо жить при дворѣ; прочіе изъ свиты помѣщаются въ десяти или двѣнадцати нанятыхъ домахъ. Все это представляетъ такой лабиринтъ, что я отчаяваюсь дать вамъ ясное понятіе. Но на сегодня довольно; вотъ вамъ три страницы за ваши четыре. Добраго вечера!

3

16-го Марта 1775.

Вы пишете мнѣ четыре страницы, нанизываете слова словно бисеръ, и все для того, чтобъ спросить, пріѣзжать вамъ или не пріѣзжать? А я васъ прямо ждала съ принцемъ Генрихомъ, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ въ 1776 г. Вы просите назначить время; но какъ же это можно, скажите? Я вернусь въ Петербургъ водою въ Апрѣлѣ или въ Маѣ, а вы пріѣдете, какъ по вашему будетъ удобнѣе, и вамъ будутъ очень рады; проживете сколько хотите, и

³⁾ Внзъ Александръ Михайловичъ Голицынь. Домъ этотъ, у Пречистенскихъ воротъ, принадлежалъ его брату Михаилу Михайловичу и нынѣ принадлежитъ его правнуку, князю Сергію Михайловичу. Онъ соединенъ былъ въ 1775 году переходами съ нынѣшнимъ домомъ А. П. Бахметевой, гдѣ помѣщался Потемкинъ.

чѣмъ дольше, тѣмъ лучше; уѣдете, когда вздумается. Кажется, исно? Но надо правду сказать, философы—престранный народъ; они, мнѣ кажется, на свѣтъ рождаются для того, чтобъ объяснить то, что и безъ нихъ довольно понятно; что людямъ кажется несомнѣннымъ, какъ дважды два четыре, они затемняютъ и заставляютъ въ томъ сомнѣваться.

Слушайте же еще разъ: дозволяется вамъ пріѣхать и одному, если угодно, и въ такомъ случаѣ путешествіе будетъ на мой счетъ; пріѣхать прежде, чѣмъ ѣхать въ Италію, или послѣ. О молодомъ человѣкѣ могу вамъ сообщить ⁴⁾, что онъ здѣсь связался съ повѣсами, которые его раззорятъ и безславятъ. Сестра его въ чахоткѣ, и повидимому нѣтъ того, чего мы съ вами желаемъ ⁵⁾; впрочемъ, живутъ они согласно.

4.

Москва, 27-го Марга 1775..

Маркизу Пугачеву никогда и въ голову не приходило предлагать мнѣ завоеваніе Китая, и я полагаю, онъ даже и не зналъ, что есть на свѣтѣ такая земля. Вы пишете о черносливѣ; правду сказать, вы много о немъ толкуете. Къ сожалѣнію, я его еще не получала, но все-таки благодарю васъ и принимаю какъ знакъ вашего ко мнѣ вниманія, милостивый государь: видите, сегодня я не забываю вставлять это слово. Мамзель Кардель навѣрное бы стала меня бранить за подобную разсѣянность; покойница всегда говорила, что отъ слова «милостивый государь» языкъ не отвалится. Вѣроятно, она заимствовала это изреченіе изъ какой нибудь комедіи. Кромѣ разныхъ наукъ, она еще знала, какъ свои пять пальцевъ, всякія комедіи и трагедіи, и при всемъ томъ мамзель Кардель была особа презабавная. Кстати, не вздумайте сыграть со мной ужасной шутки, не давайте никому моей болтовни съ Дидеротомъ. М-за де Кастри я очень уважаю, но онъ можетъ умереть, и тогда записки мои пойдутъ по рукамъ, попадутъ къ типографщикамъ, а я нигопечатанія какъ огня боюсь. Поэтому, что бы не говорили вы и другъ мой принцъ Генрихъ, копій не давать никому, и скажите Дидероту, что я ему посылаю поклонъ и чтобъ онъ копій ни единой души не давалъ, а отвѣты мои клалъ бы въ нашу общую бібліотеку ⁶⁾ на сохраненіе.

Но вотъ что, господа философы, послушайте: такъ какъ вы никакихъ особенныхъ мнѣній не придерживаетесь, то вы были бы любезнѣйшими, прекрасными людьми, если бы сдѣлали милость, составили планъ ученія для молодыхъ людей, начиная съ азбуки и кончая университетомъ включительно. Просьба моя можетъ вамъ показаться нескромною, но мнѣ говорить, будто нужно имѣть три разряда школъ;

⁴⁾ Ландграфъ Дармштадтскомъ.

⁵⁾ Т. е. беременности великой княгини.

⁶⁾ Извѣстно, что Екатерина купила у Дидерота его бібліотеку, оставила ему ее въ пожизненное пользованіе и сверхъ того давала годовое жалованье яко бы ея бібліотечарю.

— а такъ какъ я не ученая и въ Парижѣ не бывала, и нѣтъ у меня ни ума, ни знаній, то стало быть я и не знаю, чему нужно учиться и чему можно выучиться и откуда объ этомъ узнать, коли не отъ васъ, ученыхъ. Согласитесь ли вы на мою просьбу или нѣтъ, я покуда вотъ что сдѣлаю: стану перелистывать Энциклопедію. О, тамъ я навѣрное найду все, что мнѣ нужно и чего не нужно.

5.

Апрѣля 7-го 1775. Въ Москвѣ, сидя между трехъ дверей и трехъ оконъ, во Вторникъ на Страстной недѣлѣ.

Не прогнѣвайтесь, я вчера начала говѣть, присутствуя на муровареніи. Такъ какъ муро есть цѣлительное средство и притомъ же святыня, то коли хотите, я вамъ его пришлю для исцѣленія отъ различныхъ недуговъ, между прочимъ и отъ болѣзни въ кишкахъ. По крайней мѣрѣ, я бы желала, чтобы свершилось это чудо; но для этого вамъ нужно бы имѣть вѣру съ горчичное зерно, а въ такомъ еретикѣ, котораго Лютеръ совсѣмъ лишилъ вѣры, я увѣрена и на столько ея не найдетса.

Вы не можете меня упрекнуть въ лѣности: съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я уже нацарапала четыре манифеста. Изъ нихъ одинъ состоитъ изъ сорока семи пунктовъ и лишаетъ меня полутора милліона дохода; онъ будетъ памятенъ по многимъ причинамъ; говорить объ немъ подробно было бы слишкомъ долго. Другой манифестъ предлагаетъ полутора-милліонную ссуду съ платой одного процента семействамъ, пострадавшимъ отъ Пугачева. Подробности всего этого взяли бы слишкомъ много времени; лучше скажу вамъ, что мамзель Мими и г. Томасъ улеглись на моей постелѣ позади меня. Дѣвица эта постуцала ко мнѣ отъ князя Репнина, который ее любитъ до безумія, и онъ поручилъ ее мнѣ, въ надеждѣ, что ей будетъ хорошо. Не правда ли, онъ умѣетъ пристроить своихъ? Мими живетъ въ великой дружбѣ съ господами Томасами, которыхъ теперь всѣ охотно разбираютъ; они очень размножились, такъ что мы ихъ раздаемъ.

Вы ошиблись, государь мой, если думали, что ваше письмо не разсмѣшитъ меня: я нѣсколько разъ принималась хохотать, и особенно насмѣшилъ меня Юлій съ своимъ календаремъ. Такъ какъ вы пишете о торжествахъ по случаю мира, то слушайте, что я вамъ расскажу и не вѣрьте ни въ единомъ словѣ неувѣностямъ, какія пишутся въ газетахъ.

Былъ составленъ проэктъ празднествъ, и все одно и то же какъ всегда: храмъ Януса, да храмъ Бахуса, храмъ еще, не вѣсть какого дьявола, все дурацкія, несносныя аллегоріи, и притомъ въ громаднхъ размѣрахъ, съ необычайнымъ усиліемъ произвести что нибудь прекрасное. Я разсердилась на всѣ эти проэкты, и вотъ въ одно прекрасное утро приказала позвать Баженова, моего архитектора и сказала ему: «Любезный Баженовъ, за три версты отъ города есть лугъ; представьте, что этотъ лугъ Черное море, и что изъ города двѣ дороги; ну вотъ одна изъ сихъ дорогъ будетъ Танаисъ, а дру-

гая Борисоенъ; на устьѣ перваго вы построите столовую и назовете Азовомъ; на устьѣ второй—театръ и назовете Кинбурномъ. Изъ песку сдѣлаете Крымскій полуостровъ, помѣстите тутъ Керчь и Еникале, которыя будутъ служить балными залами. Налѣво отъ Танаиса будетъ буфетъ съ винами и угощеніемъ для народа; противъ Крыма устроится иллюминація, которая будетъ изображать радость обоихъ государствъ о заключеніи мира; по ту сторону Дуная пущенъ будетъ фейерверкъ, а на мѣстѣ, имѣющемъ изображать Черное море, будутъ разбросаны лодки и корабли, которые вы иллюминуете; по берегамъ рѣкъ, которыя въ тоже время и дороги, будутъ расположены виды, мельницы, деревья, иллюминированные дома, и такимъ образомъ у васъ выдетъ праздникъ безъ вычуръ, но можетъ стать гораздо лучше многихъ другихъ, и въ немъ будетъ гораздо больше простоты». Позабыла вамъ сказать, что вправо отъ Танаиса Таганрогъ, гдѣ будетъ ярмарка. Вы привыкли все разбирать; но скажите, развѣ это дурно придумано? Правда, что море на твердой землѣ — бессмыслица, но не обращайтесь вниманія на этотъ изъянъ, и все остальное окажется очень сносно. Такъ какъ мѣсто очень просторное, и будетъ это вечеромъ, то все сойдетъ, по крайней мѣрѣ нисколько не будетъ хуже, чѣмъ нелѣпыя языческія храмы, которые мнѣ страшно надоѣли.

6.

12-го Апрѣля 1775 г. Свѣтлое Христово Воскресенье.

Вы пишете, что умрете отъ чувства благодарности, которое скрылось внутри; а я вамъ скажу, что рано или поздно умру отъ многописанія: никогда въ жизнь не приходилось мнѣ такъ много писать какъ здѣсь. Теперь царапаю прекрасныя, краснорѣчивыя указы, которые прескверно будутъ переведены, такъ какъ въ нихъ мыслей больше, чѣмъ словъ, а у переводчиковъ обыкновенно бываетъ больше словъ, нежели мыслей. Если вамъ попадетъ такой переводъ, плюньте на него и не читайте; но коли увидите въ концѣ 47 пунктовъ, тогда скажите: «Она не колдунья, а между тѣмъ, тотчасъ послѣ войны, которая длилась шесть лѣтъ и которую въ Парижѣ всѣ считали очень раззорительною, прощаетъ около двухъ милліоновъ податей, и у нея расплата со всѣми полная». Скажите, пожалуйста; мнѣ сдается, что папа Браски ⁷⁾ немножко іезуитъ; я ничего не имѣю противъ этого, и вы знаете, какъ я дорожу этимъ драгоценнымъ отродьемъ: я ихъ берегу и считаю этихъ людей самыми пріятными и разумными между обитателями Бѣлоруссіи. Правду сказать, что эти мошенники—отличные люди; такихъ школъ, какъ у нихъ были, никто не сумѣлъ еще устроить, хотя для этого и разграбили ихъ имѣнія. Недавно вашъ молодой человекъ чуть не женился и самымъ глупымъ образомъ; не знаю еще, чѣмъ это все кончится. Чудеса, да и только! Но Боже мой, зачѣмъ дѣти чаще походятъ на отцовъ, тогда

⁷⁾ Пій VI, не задолго передъ тѣмъ заступившій мѣсто знаменитаго Климента XIV-го.

какъ имъ лучше бы походить на матерей⁸⁾. Это бессмыслица: натура очень часто глупа; когда нибудь на эту тему напишу разсужденіе и посвящу его вамъ. Прощайте, для Свѣтлаго Воскресенья довольно.

7.

Въ Коломенскомъ, въ 7 верстахъ отъ Москвы, 29-го Апрѣля 1776.

Противъ Царскаго Села Коломенское все равно что дрянная пѣса въ сравненіи съ трагедіей Лагарпа; я очень скромна, какъ видите, потому что и Царское Село не лучше всѣхъ другихъ увеселительныхъ домовъ на свѣтѣ. Но какъ тутъ писать? Вотъ Андерсонъ требуетъ, чтобъ я его покыла. Онъ сидитъ на креслѣ напротивъ меня, и мы опираемся, я лѣвой рукой, а онъ правой лапой на открытое окно, которое можно бы принять за церковную дверь, не будь оно въ третьемъ этажѣ. Изъ окна сэръ Андерсонъ видитъ, во-первыхъ, рѣку Москву, которая извиваясь образуетъ поворотовъ двадцать; онъ начинаетъ беспокоиться, лаетъ. Это плыветъ барка; нѣтъ, нѣтъ, кромѣ барки, еще двадцать лошадей переплываютъ рѣку къ другому берегу, гдѣ зеленые луга, покрытые цвѣтами, тянутся вплотъ до вспаханныхъ холмовъ, принадлежащихъ тремъ деревнямъ, которыя я отсюда вижу. Налѣво въ лѣсу, маленькій монастырь, выстроенный изъ кирпича, а далѣе извилины рѣки и дачи, а тамъ вплоть до самой столицы, которая виднѣется вдали. Направо взорамъ Тома представляются холмы, поросшіе густымъ лѣсомъ; въ зелени мелькаютъ колокольни, каменные церкви, а кое-гдѣ въ углубленіяхъ, между холмами, еще лежитъ снѣгъ. Повидимому г. Андерсону надобно любить такія прекрасныя видомъ; вотъ онъ завертывается въ одѣяло и располагается ко сну. Если отъ сего моего описанія и ваши глаза тоже сомкнутся, то вы можете, государь мой, послѣдовать его примѣру. Можетъ быть, вы полюбопытствуете узнать, какъ велика семья Андерсонова въ настоящее время. Я вамъ скажу, что во главѣ стоитъ родоначальникъ племени сэръ Томъ Андерсонъ; супруга его герцогиня Андерсонъ, дѣти ихъ—молодая герцогиня Андерсонъ и господинъ Андерсонъ. Томъ Томсонъ остался въ Москвѣ, подъ покровительствомъ генералъ-губернатора, князя Волконскаго. Всѣ они пользуются уже извѣстностью, но кромѣ нихъ есть еще четверо или пятеро многообщающей молодежи, которая воспитывается въ лучшихъ домахъ Москвы и Петербурга, какъ напр. у князя Орлова, у Нарышкиныхъ, у князя Тюфякина. Во второмъ бракѣ сэръ Андерсонъ женился на мамзель Мими, которая отселъ приняла имя Мими-Андерсона, но потомства еще нѣтъ. Кромѣ сихъ законныхъ супружествъ (исторія повѣствуетъ какъ о добродѣтеляхъ, такъ и о порокахъ) у г. Тома были и случайныя привязанности: у герцогини есть прехорошенькія собачки, которыя ей причинили много безпокойства, но до сихъ поръ еще не видно ни одного изъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Повидимому, ихъ и не было, всѣ слухи—клевета.

⁸⁾ Очевидно, что неудовольствіе, выраженное еще въ письмѣ отъ 12 Декабря 1774 (см. выше стр. 12), продолжалось и въ Москвѣ.

30 Іюня 1775.

Сегодня я расположена отвѣчать на ваши письма.

Милостивый государь, письмо ваше № 19 я получила въ ту минуту какъ садилась въ экипажъ, чтобы ѣхать сюда.

Комментарій на слово сюда. Ея императорскому величеству прискучило бродить по лугамъ и доламъ села Коломенскаго, гдѣ представляется на выборъ или мочить ноги, или карабкаться на горы на подобіе козы; и вотъ, въ одинъ прекрасный день, ея величество изволила выѣхать на большую дорогу, которая ведетъ изъ Москвы въ Каширу. Такой городъ существуетъ на землѣ, хотя его на картѣ, можетъ быть, и нѣтъ. Дорога привела къ огромному пруду, рядомъ съ которымъ былъ еще прудъ больше и живописнѣе; и этотъ прудъ принадлежалъ не ея величеству, а сосѣду ея, князю Кантемиру. Ко второму пруду примыкалъ еще третій съ извилистыми берегами. Вотъ гуляющіе, направляясь отъ одного пруда къ другому, то пѣшкомъ, то на лошадяхъ, на разстояніи семи верстъ отъ Коломенскаго, начинаютъ завидовать чужому имѣнію, хозяинъ котораго, старикъ за 70 лѣтъ, совершенно равнодушенъ и къ водамъ, и къ лѣсамъ и ко всѣмъ живописнымъ видамъ, приводящимъ въ восторгъ посѣтителей. Онъ только и дѣлалъ, что игралъ въ карты и бранился, когда проигрывалъ. Вотъ всѣ придворные, съ повелительницей во главѣ, начинаютъ весьма осторожно и ловко пронохивать на счетъ его свѣтлости, выигрываетъ ли онъ или проигрываетъ, не продаетъ ли имѣнія, очень ли дорожить имъ, часто ли тамъ бываетъ, не нуждается ли въ деньгахъ, кто его друзья, черезъ кого у него все вывѣдать. Мы не желаемъ принимать одолженій, и чужаго добра намъ не надо; мы покупаемъ, но отказъ не сочтемъ за преступленіе: какъ вамъ угодно, милостивый государь; хотъ намъ и сильно нравится это помѣстье, но можно и безъ него обойтись. Придворные мои хлопчатъ; одинъ говоритъ: онъ мнѣ отказалъ, не продаетъ. Ну, тѣмъ лучше! Другой доноситъ: денегъ ему не нужно; онъ счастливъ. Третій докладываетъ: онъ говорить, я не могу продать, я одинъ, наследниковъ у меня нѣтъ, имѣніе получено отъ казны, я въ казну отдамъ послѣ смерти. Гм., гм.! Приходитъ пятый и сказываетъ, что Кантемиръ говорить: я продамъ имѣніе только казнѣ.— Ахъ! вотъ это мило. Тотчасъ же отправляютъ чрезвычайнаго посла узнать, любитъ ли онъ это имѣніе. Нисколько, отвѣчаетъ онъ; и вотъ доказательство: я живу въ другомъ имѣніи, а это мнѣ досталось отъ брата, и я въ немъ никогда не бываю, оно можетъ годиться только Государынѣ. Чтѣ вы желаете взять за него? говорить посоль кланяясь. 20,000 рубл. Государь мой, я уполномоченъ предложить вамъ 25,000 рубл. Тотчасъ по совершеніи купчей, принялись за стройку, и черезъ двѣ недѣли, благодаря нашимъ деревяннымъ сооруженіямъ, я уже могла переселиться сюда. Уфъ, вотъ такъ комментарий! Но мое новое владѣніе не называется сюда: я его назвала Царицынымъ, и по общему мнѣнію это сущій рай.

Мои камердинеры не выдаютъ мнѣ больше двухъ новыхъ перьевъ въ день; а когда они испортятся, я уже не смѣю просить другихъ, но изловчаюсь какъ нибудь писать этими. Вотъ еще любопытный анекдотъ. Я не могу видѣть равнодушно новаго пера: тотчасъ же начинаю улыбаться и чувствую сильное искушеніе употребить его въ дѣло.

Относительно картинъ Губера я уже распорядилась. Что касается до 47 промаховъ ⁹⁾ ученицы мамзель Кардель, то я могу вамъ сообщить, что надъ этими пустяками я трудилась семь лѣтъ, и они лежали у меня въ портфелѣ до той минуты, когда я ихъ обнародовала. Есть у насъ еще и другое произведеніе, въ которомъ нѣсколько десятковъ статей, но уже въ иномъ родѣ; онѣ не лишены достоинствъ, и когда мы ихъ вновь перечли, то нашли, что это превосходное произведеніе ¹⁰⁾. Мы его готовимъ къ осени, и тогда будемъ дѣйствовать потихоньку, незамѣтно, такъ что отъ васъ даже и видно не будетъ, есть ли что или нѣтъ. Совѣтую вамъ приобрести хорошую зрительную трубу, такую, какая нужна для наблюденія за происходящимъ на лунѣ.

9.

Москва, 23-го Іюля 1775.

Объявляю вамъ высочайшее запрещеніе: вы не должны умирать ни отъ удущья вслѣдствіе прилива благодарности, ни отъ радости, которую вамъ причиняютъ мои письма. Вообще смерть отъ той или другой изъ этихъ причинъ не имѣла бы смысла, какъ говаривала мамзель Кардель. Кромѣ того, такая смерть уже вышла изъ моды: благодарность встрѣчается весьма рѣдко, а земныя радости, по мнѣнію г. Вагнера, не стоятъ того, чтобы изъ-за нихъ умирать. Вы понимаете, что весь Парижъ осудитъ тѣхъ, которые умрутъ не по модѣ. Избави васъ Господи отъ этого! Хотя вы соглашаетесь принять въ подарокъ священное масло, варенное въ моемъ присутствіи, но я не могу его вамъ переслать, по той причинѣ, что оно (прости Господи) совсѣмъ протухло; на дняхъ Потемкинъ велѣлъ выкинуть въ рѣку цѣлую стлянку, потому что отъ нея пошелъ невыносимый запахъ.

Ну, я больше ни слова не скажу о вашемъ любезномъ Лютерѣ, и никакихъ ему прозвищъ придумывать не стану, хотя они сами такъ и просятся на кончикъ пера, коли вы ужъ такъ горячо защищаете этого неуча.

По случаю празднованія мира, архіепископъ Московскій Платонъ насъ всѣхъ заставилъ плакать. Въ проповѣди, онъ обратился къ

⁹⁾ Т. е. 47 пунктовъ манифеста.

¹⁰⁾ Т. е. Учрежденія о губерніяхъ, обнародованныя въ Ноябрь 1775 года. Государыня трудилась надъ ними, живучи въ Коломенскомъ, въ старинномъ дворцѣ царя Алексѣя Михайловича. Князь Потемкинъ, въ то время наиболѣе близкій къ ней человекъ, приказалъ сохранять въ Оружейной Палатѣ (которая состояла тогда въ вѣдѣніи извѣстнаго писателя Майкова) подсвѣчники съ ея письменнаго стола изъ Коломенскаго (слышано отъ графа Д. Н. Блудова).

фельдмаршалу Румянцову и говорилъ такъ хорошо, такъ краснорѣчиво, такъ справедливо и такъ кстати, что самъ фельдмаршалъ заплакалъ, а съ нимъ вся церковь, которая была биткомъ набита, и я тоже.

Къ чему это вы подняли такой шумъ изъ-за моихъ указовъ и постановлений, вышедшихъ еще въ Мартъ? Все это старье царя Ирода и уже почти забыто, но дѣйствіе ихъ все еще ново, и люди все еще не перестаютъ дивиться, *wie die Kuh über das neue Thor* ¹¹⁾). Это прекрасное сравненіе заимствовано изъ застольныхъ проповѣдей вашего любимца. Если у васъ кто нибудь еще спроситъ: «Да какъ же она это дѣлаетъ? Откуда она беретъ средства? Какъ можетъ она выдавать ссуду съ платой по одному проценту, послѣ войны, которая длилась шесть лѣтъ?» Отвѣчайте имъ, что, если я разсержусь, то сдѣлаю еще хуже, хотя и нѣтъ у меня философскаго камня. Подождите еще немного и увидите, чего никакъ не ожидаете, и тогда можете отгадливаться, какъ самый чванный Нѣмецкій бургомистръ.

Но кстати, расскажу вамъ, какъ я наградила фельдмаршала Румянцова, въ день празднованія мира. 1) Онъ получилъ грамоту, въ которой подробно изложены всѣ его побѣды, завоеванія и заключеніе мира, 2) фельдмаршалскій жезлъ съ брилліантами, 3) великолѣпную шагу, 4) шляпу съ лавровымъ вѣнкомъ, и къ ней привѣсокъ 5) брилліантовую оливковую вѣтвь съ эмалью, 6) орденъ и звѣзду Св. Андрея съ брилліантами, 7) пять тысячъ крестьянъ, 8) сто тысячъ рублей, 9) серебряный сервизъ на сорокъ персонъ, 10) собраніе картинъ. Если бы вы знали, какія у насъ торжества по случаю мира, вы бы умерли отъ восторга. Вчера былъ прелестный праздникъ; я говорю вчера, потому что, такъ какъ я захворала на другой день послѣ перваго праздника, то всѣ увеселенія были отложены до вчерашняго дня. Но я знаю, что вы отъ природы любопытны и подробно расскажу, что со мной было. 11-го Іюля, въ три часа пополудни, со мной сдѣлалась колика; я думала, что она пройдетъ отъ четырехъ стакановъ воды Спа, но отъ этого у меня сдѣлалась лихорадка. Я позвала Рожерсона, который сталъ меня бранить и прописалъ три приема соли съ сельтерской водой, но до слѣдующаго дня они не произвели никакого дѣйствія. Въ Воскресенье открылась диссентерія, и жаръ усилился такъ, что докторъ, видя, что все это длится уже 42 часа, воспользовался перемежкой и пустилъ кровь. Мнѣ стало легче, но я послѣ того ослабѣла. Вчера праздники снова начались; но что это за праздники! Посылаю вамъ рисунокъ, изображающій мѣсто, гдѣ гулянье. Что за видъ! Сколько народу! Какъ красивы эти холмы, гдѣ построены зданія! Описать всего нѣтъ возможности. Однимъ словомъ, никогда еще не было такого пиршества, и ничто не нарушало всеобщаго удовольствія. Всѣ говорятъ, что праздникъ былъ прелестный.

Завтра все кончится маскарадомъ и фейерверкомъ въ той же мѣстности; но такого мѣста другаго нѣтъ! Представьте, тутъ сто тысячъ

¹¹⁾ Какъ корова на новые ворота.

человѣкъ, и ни малѣйшей толкотни, ни тѣсноты; всякій находитъ свой экипажъ на мѣстѣ, безъ малѣйшаго затрудненія, всякій приходитъ и уходитъ, какъ и когда ему угодно; не приходится терпѣть ни отъ жара, ни отъ холода, и всѣмъ предоставлены всевозможныя удовольствія. Чтобъ понять рисунокъ, вы должны знать, что Кинбургъ это театр, Керчь и Еникале—три большія залы, Азовъ—столовая, а мачты, фонтаны и народныя зрѣлища находятся тамъ, гдѣ Ногайскіе Татары расположены станомъ.

На сегодня нацарापано довольно. Какъ вы видите, учитель мой г. Лоранъ (три года тому назадъ, онъ еще жилъ въ Штетинѣ), хотя и дуракъ, но не даромъ бралъ деньги за уроки каллиграфіи. Г. Жюинье еще не прѣзжалъ сюда съ вашими сухими фруктами. Общаю вамъ, что они также скоро будутъ покончены, какъ и черносливъ. Молодой человѣкъ ¹²⁾ нагрубилъ генералу Потемкину, но тотъ ему такъ намылилъ голову, что онъ попросилъ прощенія.

10.

Царицыно, 27-го Августа 1775 г.

Всѣ Андерсоны, отъ мала до велика, также какъ и мамзель Мими, находятся въ добромъ здоровьи. Сегодня въ шесть часовъ утра я имѣла удовольствіе всѣхъ ихъ видѣть во время прогулки. Имъ пришлось испытать кратковременное, но сильное огорченіе: они пришли въ лѣсъ въ ту минуту, какъ я на паромѣ переѣзжала на другой берегъ. Такъ какъ они не могли ко мнѣ подойти, то начали лаять, визжать и даже выть, до тѣхъ поръ, пока я не прислала за ними парома. Вотъ вамъ еще картинка, подстать къ описанію Коломенскаго. Позади Томасовъ вы нарисуете крутой берегъ, поросшій лѣсомъ. Ея величество съ камердинеромъ ѣдутъ на паромѣ. Передъ ними низкій берегъ, кустарникъ и фазаній дворъ; направо большой прудъ съ плотиною, на которой растутъ высокія ивы; между ивами мелькаетъ другой прудъ еще больше перваго; на крутомъ его берегу виднѣются деревья, на отлогомъ поля, луга, деревья купами и въ одиночку; направо отъ парома грязный ручей, скрывающійся въ лѣсу, который поднимается полукругомъ. Представьте себѣ все это, и вы будете въ Царицынѣ, которое совсѣмъ не то, что Коломенское. На Коломенское теперь никто и смотрѣть не хочетъ. Видите, каковъ свѣтъ! Еще не такъ давно всѣ восхищались мѣстоположеніемъ Коломенскаго, а теперь всѣ предпочитаютъ ему ново-открытое помѣстье. Оно недавно куплено, домъ построенъ въ двѣ недѣли, и вотъ почти шесть недѣль, какъ мы въ немъ живемъ. А вчера были именины великой княгини, и у насъ въ лѣсу исполняли комическую оперу; Анета и Любенъ жили въ хижинѣ и распѣвали, къ немалому изумленію окрестныхъ мужиковъ, которые, я думаю, до тѣхъ поръ и не знали, что есть на свѣтѣ комическая опера. Сказано сдѣлано: вы желали, чтобы отъ моего богомолья къ Троицѣ сдѣлалось чудо и

¹²⁾ Ландграфъ Дармштадтскій.

чтобы Господь послалъ молодой великой княгинѣ что нѣкогда даровалъ Саррѣ и престарѣлой Елисаветѣ; желаніе ваше исполнилось: молодая княгиня уже третій мѣсяць беременна, и здоровье ея, по видимому, поправилось. Событіе это ускорило мое возвращеніе въ Петербургъ; я поѣду туда по первому санному пути.

Навѣрное, вы были рады пріѣзду Орлова въ Парижъ, такъ какъ вы вообще принимаете участіе во всѣхъ пріѣзжихъ Русскихъ. Я полагаю, что онъ тамъ останется до свадьбы принцессы Клотильды¹³⁾, какъ этого желаетъ королевская фамилія. Онъ не нахвалится пріемомъ и почестями, и признаюсь, что мнѣ было приятно это слышать. Но если онъ пробудетъ тамъ до окончанія споровъ съ Дидеротомъ, то ему нескоро придется вернуться на родину.

Увидите князя Орлова въ Парижѣ, скажите ему, что герцогъ Браганцскій поѣхалъ въ Константинополь, чтобы видѣть вѣвядъ и аудіенцію князя Репнина. Я очень многого ожидаю отъ чернильницы, которая была начата во время бури¹⁴⁾. Бури и сильный вѣтеръ по утрамъ, когда еще человекъ натошакъ, всегда разгорячаютъ воображеніе; мнѣ нравится, что вы эту мою мысль считаете чуть не вдохновеніемъ. Почему знать? Можетъ быть, я когда нибудь въ бурю примусь пророчествовать; если это случится, то я текстъ пришлю къ вамъ, для того чтобы вы разъяснили его прежде прочихъ. Прощайте.

И.

Изъ Воскресенскаго монастыря, въ 45 верстахъ отъ Москвы. 14 Сентября 1775 г.

Это Новый Іерусалимъ, но не тотъ, который такъ ясно описанъ въ Іоанновомъ Откровеніи и еще яснѣе комментированъ многими учеными, какъ свѣтскими, такъ и духовными. Не правда ли, что такое начало проповѣди много обѣщаетъ хорошаго? Однако, предупреждаю васъ, что сегодня нѣтъ ни бури, ни сильнаго вѣтра, и пишу я вамъ, сидя на диванѣ въ кельѣ игумена, т. е., повѣжливѣе, лѣнтая. Я подозреваю, что монастырь этотъ не имѣетъ никакого дѣйствія на воображеніе, и вотъ доказательство: до сихъ поръ здѣсь не было ни видѣній, ни порядочныхъ чудесъ; монахи довольствуются прекрасными постройками и тѣмъ, что церковь ихъ есть точное подражаніе храма, гдѣ Гробъ Господень въ Іерусалимѣ. Поэтому сюда стекаются толпами любопытные, и монахамъ приходится такъ много показывать, что рассказы были бы излишними. Я превосходно развила свою мысль, не правда ли?

Можетъ статься, вамъ желательно знать, милостивый государь, зачѣмъ я пишу къ вамъ? Отъ праздности. Такъ какъ я хотѣла насладиться полнымъ отдыхомъ, то и не взяла съ собой никакого дѣла и ни клочка бумаги; но когда увидела на столѣ довольно чистую чернильницу, отличное перо и бѣлую бумагу, то не могла устоять

¹³⁾ Сестра Французскаго короля вышла тогда за Сардинскаго короля. — ¹⁴⁾ Екатерина и Потемкинъ заказали черезъ Гримма въ Парижѣ богатую чернильницу для засѣданій Георгіевской Думы, она нынѣ въ Императорскомъ Музеѣ.

противъ бѣса-бумагомарателя. Вотъ и пословица гласить: не владѣ плохо, не вводи вора въ грѣхъ.

Но посмотрите, что моя голова сегодня творить: дѣлаетъ что хочеть, и я справиться не могу. Господь вѣдаетъ, какой будетъ конецъ у этого письма, потому что, предупреждаю васъ, мнѣ нечего вамъ сказать, развѣ только, коли васъ интересуеть, что со мною нѣтъ ни сѣра Андерсона, ни миссъ Мими. Я ихъ не взяла съ собою въ видахъ сбереженія мебели фельдмаршала Чернышева (какова внимательность!). Онъ живетъ отсюда въ 60 верстахъ ¹⁵⁾; я приглашена къ нему и поѣду завтра, слѣдовательно буду къ Петербургу ближе на нѣсколько десятковъ верстъ.

Вы подумаете, что я нынѣшній годъ веду крайне бродячую жизнь. Отвѣтъ у меня готовъ, и притомъ я могу привести превосходное и преполозное правило: если гдѣ жить дурно, то приходится искать гдѣ лучше. Въ Москвѣ у меня домъ очень неудобенъ; онъ находится въ грязной части города, стоитъ на высокомъ мѣстѣ, да и самъ по себѣ высокъ; поэтому до него доносятся всѣ испаренія и запахи сосѣднихъ улицъ, что можетъ быть полезно отъ истерики, но вовсе неприятно. Вотъ поэтому-то я уѣзжаю оттуда, когда только есть возможность ¹⁶⁾.

Наслѣдный принцъ Гессенъ-Дармштатскій отправился на дняхъ къ своему отцу. Ну и Богъ съ нимъ! Тамъ ему будетъ лучше, нежели въ Москвѣ.... ¹⁷⁾ Видѣла я описаніе Парижа, составленное княземъ Орловымъ; онъ не нахвалится приѣмомъ; я думаю, онъ опять туда вернется. Прощайте, иду въ церковь.

Статуя Петра Великаго не удалась въ отливкѣ: прѣдется передѣлать голову и правую руку Императора, а также и голову лошади.

12.

Москва, 20 Сентября 1775 г.

Князь Орловъ, простившись съ вами, чуть не утонулъ въ Рейнѣ подъ Кельномъ. Отъ одного описанія этого приключенія дѣлается страшно.—Боже мой, какъ вы становитесь обидчивы на счетъ Нѣмецкихъ принцевъ: сейчасъ видно, что готовитесь занять постъ посланника. Вы уже начинаете придерживать придворнаго этикета.

¹⁵⁾ Село Ярополець, Волоколамскаго уѣзда. Принадлежитъ нынѣ графу Чернышеву-Круглякову. Тогдашній владѣлецъ, графъ Захаръ Григорьевичъ, человекъ близкій Екатеринѣ съ самыхъ первыхъ лѣтъ ея великокняжества, передъ тѣмъ лишился президентства въ Военной Коллегіи; великолѣпныя зданія въ Яропольцѣ возведены солдатами—¹⁶⁾ Мѣстность, гдѣ жила Екатерина въ этотъ Московскій приѣздъ свой, была въ то время тѣснѣе нежели нынѣ: существовали еще Пречистенскіе съ башнею или Чертольскіе ворота, на мѣстѣ Храма Спасителя стоялъ дѣвичій Алексѣевскій монастырь, и не убрана еще была полуразрушенная зубчатая стѣна Бѣлаго города, шедшая отъ Москвы-рѣки по направленію теперешнихъ бульваровъ.—¹⁷⁾ Точка въ подлинникѣ.

Но я умоляю изъ боязни накликать на себя опять длинныя и скучныя объясненія тѣхъ мѣстъ письма, которыя были мною не такъ поняты какъ слѣдуетъ.

13.

Москва, 29 Ноября 1775 г.

Господинъ полномочный посланникъ (приносящій своему повелителю не болѣе пользы, чѣмъ большая часть моихъ посланниковъ мнѣ приносятъ), письмо ваше изъ Женева я получила вчера. лежа въ постели отъ простудной лихорадки. Я захватила ее на Георгіевскомъ праздникѣ, который случился послѣ припадка законанія, продолжавшагося пять мѣсяцевъ сряду и кончившагося сыпью. Но это еще не конецъ болѣзни, которая пойдетъ своимъ чередомъ, а только начало; продолженіе будетъ послѣ, и это начало было встрѣчено всеобщимъ удовольствіемъ, что всегда служитъ ободреніемъ для великихъ геніевъ, каковы Гаршъ, Дора, Пуансине и другіе, именъ которыхъ я не вѣдаю, книгъ ихъ не читала и читать не стану.

Вы имѣете полное право ворчать: неприятно, когда планы разстраиваются. Вы такъ умно и хорошо придумали пріѣхать сюда съ принцемъ Генрихомъ, а сначала ѣхать въ Италію. Конечно, съ моей стороны было большою неловкостью измѣнить свои намѣренія и возвратиться въ Петербургъ не весной, а зимой; но позвольте вамъ замѣтить, что вина падаетъ не на одну меня, но также и на моего добраго друга, принца Генриха, который непременно захотѣлъ пріѣхать въ мое любимое время года, а не осенью. Но вы знаете, что всякій любить товаръ лицомъ показать и во время: вообразите, четыре эскадры, которыхъ я не видала шесть лѣтъ, только что вернулись изъ Средиземнаго моря¹⁸⁾, а у васъ уже бились объ закладъ, что я отъ нихъ и щепки не увижу. Но я ихъ увижу и принцу Генриху покажу, а онъ такой свидѣтель, что ему стоитъ ихъ показать, не правда ли? Ну и кромѣ того беременность великой княгини. Въ добавокъ я раньше кончила, чѣмъ предполагала, все, что мнѣ слѣдовало сдѣлать. Если вы у меня спрашиваете, какъ же теперь исправить безпорядокъ, происшедшій отъ измѣненія въ моихъ планахъ, то я могу указать только одно: путешествуйте спокойно по Италіи, и потомъ, не торопясь, вернитесь сюда съ графами Румянцовыми, буде господинъ вашъ и повелитель изъявитъ на то согласіе; если же нѣтъ, побѣжайте въ Парижъ и пойте: Жоржъ Данденъ, ты самъ того захотѣлъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь, я ужасно много исписала бумаги. Последнія мои учрежденія отъ 7-го Ноября заключаютъ 250 печатныхъ страницъ въ четвертую долю листа, но за то клянусь вамъ, это мое лучшее произведеніе, и въ сравненіи съ этимъ трудомъ Наказъ мой представляется мнѣ въ сію минуту не болѣе какъ пустой болтовней. Ага! Васъ начинается разбирать любопытство. Знаете ли, всѣ

¹⁸⁾ На одномъ изъ этихъ кораблей Рибасъ привезъ такъ называемую княжну Тараканову.

известные ябедники говорятъ, что настала конѣцъ всякимъ ябедамъ. Вотъ зачѣмъ вы сказали мнѣ, что у васъ цѣлый запасъ перьевъ? Еслибъ вы промолчали, я бы избавила васъ отъ этого писанія, а теперь вы будете мучиться отъ неудовлетвореннаго любопытства.

1776 годъ.

1.

С.-Петербургъ, 20-го Января 1776.

Сожалѣю, что вы такъ беспокоитесь о моей прошлой болѣзни: это было въ Июлѣ, полгода тому назадъ; и съ тѣхъ поръ я уже успѣла побывать во всѣхъ городкахъ около Москвы: въ Волоколамскѣ, Звенигородѣ, Коломнѣ, Серпуховѣ, Тулѣ, Калугѣ¹⁾. Вотъ научитесь произносить всѣ эти слова, и тогда, увѣрю васъ, языкъ станетъ такъ гибокъ, что вы безъ труда будете выговаривать на всѣхъ возможныхъ языкахъ.

Мнѣ очень приятно слышать, что у васъ всѣмъ понравилось, что всѣ награды, полученныя отъ меня фельдмаршаломъ, имѣютъ каждая особенное значеніе. Признаюсь, было время, когда и мнѣ самой мысль объ этомъ доставляла удовольствіе: я принадлежу къ такимъ людямъ, которые любятъ всему знать причину. Объ этихъ наградахъ, и зачѣмъ они и къ чему, можно бы написать интересную книгу.

Пропускаю ваши оскорбительныя слова на счетъ моей болѣзни, такъ какъ все это уже потонуло во мракѣ времени. Чтò ни говорите, а я очень берегу свое здоровье и забочусь о себѣ, но иногда оно разстроивается вслѣдствіе форсированныхъ маршей; какъ напр., разъ послѣ обѣда, когда у меня голова горѣла и отъ жары, и отъ новыхъ указовъ, я, по разсѣянности, съѣла два десятка персиковъ; вотъ отъ этого я и захворала. Правда, что передъ тѣмъ у меня уже была бессонница, и если я засыпала, то сонъ былъ очень тревоженъ; но я не обращала на это вниманія, потому что не люблю принимать лекарства во избѣжаніе могущихъ приключиться болѣзней. Кельхенъ и Рожерсонъ ничего не знали и не беспокоились. Я понятія не имѣла о синьорѣ Анжело Таласси изъ Феррары. Что же до знаменитой Кориллы²⁾, дорогой пріятельницы графа Алексѣя Орлова, я о ней слышала; говорятъ, что это необыкновенно поэтическая натура. Благодарю васъ, что вы отвѣчаете поклонами на любезности, съ которыми обращаются ко мнѣ. Но не думаю, чтобы вы поблагодарили г. Лагарпа за то, что онъ искажилъ мои мысли, вложивъ ихъ въ уста Меншикову, который, хотя и былъ любимецъ Петра I, но не умѣлъ ни читать, ни писать, и ни о чемъ не имѣлъ яснаго понятія. Г. Лагарпъ поступилъ съ Меншиковымъ, по примѣру китолововъ: онъ забросилъ множество обманныхъ крючковъ и

¹⁾ Объ этихъ поѣздкахъ до сихъ поръ почти не сохранилось извѣстій.

²⁾ Это была Итальянская писательница Моралли. Въ 1771 году, за стихи свои, она получила вѣнокъ въ Капитоліи.

затѣмъ вытащилъ его со дна моря; остается узнать, столько ли въ его драмѣ остроумія и смысла, сколько у кита жиру и реберь; коли нѣтъ, то мнѣ его жалко. Но вотъ что правда: какъ у насъ понимаютъ его героя, благородныя мысли ему совсѣмъ не къ лицу, и еслибы онъ вѣрно изобразилъ его характеръ, было бы отлично убить его къ концу трагедіи. Изъ сего я заключаю, что это бессмыслица. Но и вы сдѣлали ужасную ошибку: вы думали, что г. Лоранъ ³⁾ былъ Лютеранинъ, а онъ былъ школьный учитель, Кальвинистъ и застоольныхъ проповѣдей Лютера не читалъ, потому что не зналъ понѣмекки и презиралъ Лютера. Но застоольныя проповѣди были любимымъ чтеніемъ старой бабки моей матери; она приводила оттуда изреченія при всякомъ удобномъ случаѣ, а цѣлѣная головушка понимала все иначе, чѣмъ какъ ей говорили. Такъ бывало съ мамзель Кардель и съ г. Вагнеромъ всякій Божій день, потому что никто не знаетъ, о чемъ ребятишки думаютъ; да ихъ и вообще трудно узнать, особенно, когда хорошее воспитаніе пріучило ихъ выслушивать все, что бы имъ ни говорили, а опытъ научилъ быть осторожными съ наставниками. Изъ сего вы можете извлечь то прекрасное правило, что не слѣдуетъ часто бранить ребятишекъ, не нужно ихъ стѣснять: тогда они и не будутъ отъ васъ скрывать своихъ проступковъ. Но правда, что для учителей гораздо удобнѣе, когда они могутъ дать волю своей охотѣ повелѣвать и такимъ способомъ управлять учениками.

Я слышала и мнѣ писали изъ Германіи, что молодой человекъ, у котораго смиренный видъ, позволяетъ себѣ довольно дерзкія рѣчи и даже не щадитъ родной сестры. Каковъ! Онъ при томъ жалкій глупецъ, хотя и считаетъ себя умникомъ. Я, кажется, не позволю ему возвратиться сюда ⁴⁾.

2.

28-го Февраля 1776.

Еслибъ вы знали, какъ иные дураки мнѣ надѣдаютъ книгами! Они комментировали мой Наказъ и въ такомъ видѣ прислали съ княземъ Орловымъ, думая тѣмъ придать дѣлу больше важности; но я, конечно, читать не стану. Я не стою за разныя запрещенія; но однако думаю, что они иногда бываютъ полезны, и уничтожать ихъ было бы и безразсудно, и опасно; на примѣръ, у насъ по городамъ акцизы были уничтожены при покойной императрицѣ, такъ что въ началѣ жизнь была равно дешева какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ. Это привлекло множество людей въ городъ. Тогда все вздорожало, но уже никому не хотѣлось возвращаться въ деревню; стали входить въ долги и раззоряться, а въ деревняхъ все-таки стало меньше жителей, и это дѣло ужъ ничѣмъ нельзя было поправить. Вы знаете, какія бываютъ послѣдствія отъ неограниченнаго вывоза хлѣба зерномъ. Привожу только факты, оставляя умозаключенія въ сторонѣ.

³⁾ Учившій Енаторину чистописанію въ Штетинѣ. См. выше, стр. 22.

⁴⁾ Говорится о наследномъ ландграфѣ Дармштадтскомъ, собиравшемся въ то время жениться на будущей нашей императрицѣ Маріи Теодоровнѣ,

3.

Царское Село, 17-го Апрѣля 1776.

Десятаго Апрѣля въ 4 ч. утра, сынъ мой пришелъ за мною, такъ какъ великая княгиня почувствовала первыя боли. Я вскочила и побѣжала къ ней, но нашла, что ничего особеннаго нѣтъ, что она очень тревожится и что тутъ нужны только время и терпѣніе. При ней находились женщина и искусный хирургъ. Такое состояніе продолжалось до ночи, были спокойныя минуты, она иногда засыпала, силы не падали. Понедѣльникъ прошелъ въ безпокойствѣ и ожиданіи: перемѣны не было. Кромѣ ея доктора, который сидѣлъ въ первой комнатѣ, приглашены были на совѣтъ докторъ великаго князя и самый лучший акушеръ. Но они не придумали ничего новаго для облегченія страданій и во Вторникъ потребовали на совѣтъ моего доктора и стараго искуснаго акушера. Когда тѣ прибыли, то было рѣшено, что нужно спасать мать, такъ какъ ребенокъ, вѣроятно, уже не живъ. Сдѣлали операцію, но по стеченію различныхъ обстоятельствъ, вслѣдствіе сложенія и другихъ случайностей, наука человѣческая оказалась безсильною. Это было въ Среду. Въ Четвергъ великая княгиня исповѣдалась и причастилась. Принцъ Генрихъ предложилъ своего доктора; онъ пришелъ и нашелъ, что его товарищи поступили правильно. Въ Пятницу, въ 5 часовъ вечера, великая княгиня скончалась. Вчера было вскрытіе въ присутствіи 13-ти докторовъ и хирурговъ, и изъ того, что они нашли, заключили, что случай былъ почти исключительный, и помочь было нельзя. Вы можете вообразить, что она должна была выстрадать, и мы съ нею. У меня сердце истерзалось; я не имѣла ни минуты отдыха въ эти пять дней и не покидала великой княгини ни днемъ, ни ночью до самой кончины. Она говорила мнѣ: «вы отличная сидѣлка!» Вообразите мое положеніе: надо одного утѣшать, другую ободрять. Я изнемогала и тѣломъ и душою, а между тѣмъ принуждена была всѣхъ ободрять, все рѣшать, придумывать, чтобъ не забыли чего нибудь нужнаго. Признаюсь, я въ первый разъ въ жизни была въ такомъ затруднительномъ, тяжеломъ, ужасномъ положеніи: я забыла объ ѣдѣ и о снѣ; не понимаю, какъ у меня доставало силъ. Думаю, что если эти событія не произведутъ разстройства въ моей нервной системѣ, то, стало быть, ее ничѣмъ нельзя разстроить. Двадцать четыре часа послѣ смерти великой княгини, я, ради своего спокойствія, послала къ великому князю принца Генриха; онъ пришелъ и не покидалъ его. Онъ довольно твердо переноситъ свое тяжкое горе, но сегодня у него лихорадка. Тотчасъ послѣ смерти его супруги, я его увезла и привезла сюда. *Sic transit gloria mundi!*⁵⁾

⁵⁾ Такъ минуетъ слава свѣта!—Объ этомъ событіи Екатерина написала также большое письмо въ Москву, къ князю М. Н. Волконскому («Осмнадцатый Вѣкъ ии, 1-я).

4.

18-го Апрѣля 1776.

Не сокрушайтесь, что не могли сюда прѣхать въ одно время съ принцемъ Генрихомъ, а возблагодарите Бога: ваши больныя кишки не выдержали бы всего, что здѣсь было и что я вамъ описываю въ прилагаемомъ листкѣ отъ 17-го числа этого мѣсяца. Мы чуть живы, хотя и не имѣемъ чести страдать такую болѣзнію. Были минуты, когда при видѣ мученій я чувствовала, точно и мои внутренности разрывались: мнѣ было больно при каждомъ вскрикиваньи. Въ Пятницу я стала точно каменная, и до сихъ поръ все еще не опомнилась. Иногда я себя чувствую крѣпкою, иногда нападаетъ слабость; происходитъ это отъ перемежающейся лихорадки, но ее скорѣе можно назвать нравственною, нежели физическою. Кто не видалъ на другихъ или самъ не испыталъ, тотъ не можетъ представить, что это за болѣзнь. Вообразите, что я, извѣстная плакса, не пролила ни единой слезы, когда умирала великая княгиня. Я себя говорила: «Если ты заплачешь, другіе зарыдають; коли ты зарыдаешь, тѣ упадутъ въ обморокъ, и всѣ потеряють голову; тогда не съ кого будетъ взыскать». Но перестанемъ говорить объ этомъ. Предоставляю остальное принцу Генриху: пусть онъ досказываетъ, я буду молчать. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

5.

Царское Село, 2-го Іюня 1776.

Если вы будете въ Берлинѣ въ концѣ Іюля, то найдете тамъ людей, съ которыми вамъ удобнѣе всего прѣхать сюда. Принцъ Генрихъ уѣзжаетъ отсюда 15-го числа сего мѣсяца, и скоро вы узнаете, зачѣмъ все это дѣлается. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ; вотъ вы увидите, что этотъ годъ можно будетъ назвать годомъ ложныхъ расчетовъ, по волѣ Всевышняго.

Я знаю, отчего вы такъ много обо мнѣ думали, когда были въ Римѣ: вы тамъ нашли такъ мало древнихъ Римлянъ, что тотчасъ же стали припоминать, у кого болѣе всѣхъ истинно республиканская душа. Случайно оказалось, что это у меня. На іереміады никогда не отвѣчаю; что непоправимо, о томъ и думать не слѣдуетъ.

Что касается до моихъ новыхъ указовъ, то я вамъ могу ихъ выслать, такъ какъ они недѣлю тому назадъ переведены на Нѣмецкій языкъ. Я ихъ отправлю въ Вѣну къ князю Голицыну, и вы можете ими тамъ наслаждаться. Развѣ вы сдѣлались Гернгутеромъ, что такъ много толкуете о Новомъ Іерусалимѣ? Принцъ Генрихъ, я полагаю, умираетъ со скуки, хотя изъ учтивости не хочетъ въ томъ сознаться; но послѣ несчастія, о которомъ я вамъ писала, мы всѣ стали шрачны и озабочены.

Объ удовольствіяхъ никто не думаетъ, и все ограничивается прогулками по саду (отъ котораго я безъ ума: манія садоводства овладѣла мною вполнѣ и болѣе чѣмъ когда либо), комедіями, концер-

тами. Праздниковъ не было ни одного. Иногда мы болтаемъ; но не знаю отчего, мнѣ кажется, что ему невесело со мной теперь. Отшлите пресловутую чернильницу съ купцомъ къ барону Фридрихсу, и пусть она доѣдетъ сюда хоть вплавь, или же отдайте ее князю Барятинскому: онъ придумаетъ, какъ ее переслать; навѣрное есть у васъ въ Парижѣ Русскіе, которымъ бы пора вернуться на родину для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ. Прощайте, господинъ полномочный посолъ!

6.

Отвѣтъ на 32-й номеръ. Впрочемъ, если вы плохо нумеруете, это не моя ошибка. Петергофъ, 29 Іюня 1776.

Очень рада, что письмо мое съ извѣщеніемъ о печальномъ событіи (которое надо постараться забыть, такъ какъ оно непоправимо) пришло къ вамъ въ то самое время, какъ вы желали знать отъ меня о ходѣ дѣла. На мой счетъ перестаньте беспокоиться: я здорова. Увидавъ, что корабль накренился на одинъ бокъ, я не теряла времени, наклонила его другимъ бокомъ, кovala желѣзо, пока оно было горячо, чтобы возмѣстить утрату, и такимъ образомъ мнѣ удалось разсѣять глубокую печаль, которая насъ удручала. Сначала я предложила попутешествовать, съѣздить кое-куда и провѣтриться, и потомъ сказала: «Мертвыхъ не воскресишь, надо помышлять о живыхъ. Были убѣждены въ своемъ благополучіи, утратили это убѣжденіе. Но зачѣмъ же отчаяваться обрѣсти его вновь? Поищемъ этого новаго». — «Да въ комъ же?» — «О, у меня есть наготовѣ». — «Какъ, уже?» — «Да, да, и какая игрушечка!» Такимъ образомъ затронута любопытство. «Кто же? Да какъ же? Черноволоса, бѣлокура, высока, маленькая?» — «Нѣжная, прекрасная, восхитительная игрушечка». Про игрушечку весело слышать. Начались улыбки. Слово за словомъ, призывается въ свидѣтели нѣкій расторопный путешественникъ, недавно пріѣхавшій нарочно, чтобъ утѣшать и развлекать. И вотъ онъ взялся посредничать и вести переговоры; посланъ курьеръ, возвратился курьеръ, назначено путешествіе, приготовлено свиданіе, все это съ неслышанною быстротою. И вотъ сжатое сердце начинаетъ расширяться. Мы горюемъ, но по необходимости заняты приготовленіями къ поѣздкѣ, которая неизбежна для здоровья и должна послужить къ развлеченію. «Такъ дайте же намъ пока мѣсть портретъ, отъ этого еще ничего не станется». — «Портретъ? Да немногіе портреты нравятся. Живопись не производитъ впечатлѣнія». Портретъ пришелъ съ первымъ курьеромъ. «На что онъ? Ну какъ не понравится? Лучше не вынимать его изъ ящика». И вотъ портретъ цѣлую недѣлю лежитъ завернутый тамъ, гдѣ его положили, когда онъ былъ привезенъ, у меня на столѣ, рядомъ съ моею чернильницей. «Что тамъ такое?» — «Вкусы разные, на мой взглядъ черты прекрасныя». Наконецъ портретъ вскрытъ, немедленно положенъ въ карманъ и потомъ опять вынутъ, и напоследокъ на него не посмотрятъ, и торопятъ приготовленіями къ отъѣзду, и вотъ путешествіе

предпринято; остальному вы сами свидѣтель, когда получите это письмо.

Не знаю отчего, но съ 1767 года я всегда чувствовала особенное влеченіе къ этой дѣвушкѣ. Разсудокъ, который, какъ вамъ извѣстно, отстраняетъ побужденія неопредѣленныя, заставилъ меня тогда отдать предпочтеніе другой, потому что первая была слишкомъ молода. Казалось, я навсегда потеряла ее изъ виду, и вотъ теперъ, вслѣдствіе несчастнѣйшаго событія, мое особенное влеченіе снова заявило себя. Что же это такое? Вы станете разсуждать по своему и напишете это случаю. Вовсе нѣтъ. Я женщина восторженная, я не довольствуюсь случаемъ: мнѣ нужно чего нибудь повыше.

Сирѣ Томъ вамъ кланяется. Онъ вовсе не препятствуетъ вашему путешествію. Кстати скажу вамъ, что вашъ великій и глупый нѣженка будетъ пасти гусей съ пенсіономъ въ 10 т. р., но подъ условіемъ, чтобы я никогда его не видала и о немъ не слыхала. Ридель повезъ ему эту добрую вѣсть. Онъ пріѣзжалъ сюда, не знаю хорошенько зачѣмъ.

Зачѣмъ вамъ въ Штетинѣ? Вы никого тамъ не застанете въ живыхъ, одного развѣ Лорана, дряхлаго старика, который въ молодости былъ ничтожествомъ; но если вы не можете освободиться отъ этой охоты, такъ знайте, что я родилась въ домѣ Грейфенгейма, въ Маріинскомъ приходѣ, что я жила и воспитывалась въ угловой части замка и занимала на верху три комнаты со сводами, возлѣ церкви что на углу. Колокольня была возлѣ моей спальни. Тамъ учила меня мамзель Кардель и дѣлалъ мнѣ испытанія (Prüfungen) г-нъ Вагнеръ. Черезъ весь этотъ уголокъ, по два или по три раза на день, я ходила подпрыгивая къ матушкѣ, жившей на другомъ концѣ. Впрочемъ, не вижу въ томъ ничего занимательнаго; развѣ, можетъ быть, вы полагаете, что мѣстность что нибудь значить и имѣетъ вліяніе на произведеніе сносныхъ императрицъ. Въ такомъ случаѣ вамъ надо предложить Прусскому королю, чтобъ онъ завелъ тамъ школу въ этомъ вкусѣ и распорядился бы, какъ вздумается.

7.

Царское Село, 4 Августа 1776.

Скажите на милость, какая была надобность показывать отрывки моего писанія снѣору Анжелико Квирини? Вѣроятно, съ цѣлю заразить и его Екатеринофильствомъ, вы ему показали вздоръ, который я вамъ пишу. Я никому никогда такъ не писала какъ вамъ. Вы владѣете умѣньемъ развивать мысли, и это умѣнье развило во мнѣ тѣ восхитительныя приемы, которыхъ я стала держаться относительно васъ.

Мнѣ мало одного секретаря для всѣхъ присылокъ, которыя я получаю и которыхъ никогда не читаю, въ особенности отъ этихъ проклятыхъ экономистовъ и всѣхъ вашихъ Парижскихъ рифмачей. Каждому хочется поучить меня своимъ крикомъ. Блэкстонъ не присылалъ мнѣ своихъ записокъ, а между тѣмъ онъ одинъ уже два года имѣетъ честь быть читаемъ ея величествомъ, и его записки со мною

неразлучны. Это неистощимый доставитель предметовъ и мыслей. Я ничего не дѣлаю изъ того, что имѣется въ его книгѣ; но это мои нитки, которыя я разматываю по-своему.

8

Царское Село, 18 Августа 1776.

Половина нашихъ путешественниковъ, т. е. великій князь и его приближенные вернулись въ прошлое Воскресеніе. Принцесса придетъ дней черезъ десять. Какъ скоро она будетъ въ нашихъ рукахъ, приступимъ къ ея обращенію. Но чтобы обратитъ ее, потребуется, полагаю, недѣли съ двѣ. Не знаю, сколько времени будетъ ей нужно, чтобы внятно и правильно произнести порусски исповѣданіе вѣры. Но во всякомъ случаѣ, чѣмъ поспѣшнѣе это уладится, тѣмъ будетъ лучше. Въ видахъ ускоренія, г-нъ Пастуховъ отправился въ Мемель учить ее дорогою азбукѣ и исповѣданію. Убѣжденіе придетъ послѣ. Вы изъ этого видите, что мы предосторожны и предугадливы, что обращеніе и вѣроисповѣданіе слѣдуютъ по почтѣ. Черезъ недѣлю послѣ сего дѣйствія назначаю свадьбу. Если хотите танцевать на ней, такъ спѣшите. Очень рада, что, судя по словамъ вашимъ, всѣ вообще хорошо отзываются о маляуткѣ, которую я выбрала по внутреннему сочувствію. Было бы очень жаль, чортъ возьми, если бы она вышла за вашего молодого человѣка⁶⁾. Чего я вамъ расскажу про этого господина и еще кое-про кого! Вы увидите, что со временемъ стануть ѣздить въ Штетинъ на ловлю принцессъ, и въ этомъ городѣ появятся караваны посланниковъ, которые будутъ тамъ собираться какъ за Шпицбергенемъ китоловы, и тогда смѣло можно будетъ раздѣлитъ посланниковъ на два рода, на китолововъ и на сельделововъ. Знаю, что послѣднее изъ сихъ наименованій покажется вамъ черезъ-чуръ пошлымъ; но это не моя вина: оно просто попало подъ конецъ моего пера. И потомъ, сказать вамъ правду, въ дѣлахъ политическихъ я встрѣчала наименованія такіе же пошлыя, да и пошлѣе: господинъ политикъ не прогнѣвается, я надѣюсь⁷⁾. Но послушайте, какъ глава церкви, я оскорблена сими двумя строками: «И имя Софіи⁸⁾ въ другой разъ погрузится въ священныя воды Греческаго крещенія». Въ священномъ негодованіи скажу вамъ, что философы говорятъ вздоръ какъ другіе люди: знайте, знайте, что у насъ никакого христіанина не крестятъ вновь, а только утверждаютъ, какъ и у католиковъ, при чемъ нарекается вамъ имя, и это имя, данное Греческою церковью, сохраняется, а всѣ другія вамъ придется положить въ карманъ. Сберегите это письмо.

⁶⁾ Известно, что, когда скончалась великая княгиня Наталья Алексѣевна, преемница ея (родившаяся, какъ и Екатерина, въ Штетинѣ) была невѣстою ея брата, Гримова ученика, который, разумѣется, долженъ былъ уступить ее.

⁷⁾ Баронъ Гриммъ получалъ передъ тѣмъ званіе посланника во Франціи отъ Саксенъ-готскаго герцога.

⁸⁾ Въ числѣ Нѣмецкихъ именъ императрицы Маріи Феодоровны было, такъ же какъ и у Екатерины, имя Софіи.

Черезъ двѣ тысячи лѣтъ оно будетъ драгоцѣнно для антикваріевъ, когда придется имъ говорить о нравахъ и обычаяхъ нынѣшняго времени. Прощайте. Да будетъ надъ вами небесное благословеніе.

9.

Царское Село, 28 Августа 1776.

Жребій великаго Губера устроимъ, когда вы пріѣдете; но картины его не произвели впечатлѣнія въ темнотѣ на меня и при яркомъ свѣтѣ на принца Генриха; только сирь Томъ лаялъ на нихъ, и я не могла догадаться почему. О великомъ Губерѣ вы говорите слѣдующія замѣчательныя слова: «Онъ, какъ всѣ гениальные люди,—дитя, котораго надо водить на помочахъ, но такъ, чтобъ онъ ихъ не чувствовалъ. Безъ этой предосторожности дитя путается и не всегда знаетъ, куда ему идти». Знаете ли, какое дѣйствіе произвели на меня слова эти? Прочитавъ ихъ, мнѣ захотѣлось считать себя гениальною. Почему? Потому что я всегда чувствовала большую склонность быть подъ руководствомъ людей, знающихъ дѣло лучше моего, лишь бы только они не заставляли меня подозрѣвать съ ихъ стороны притязательность и желаніе овладѣть мною: въ такомъ случаѣ я бѣгу отъ нихъ безъ оглядки. Я никого не знаю, кто бы умѣлъ такъ удовлетворять этой моей склонности, какъ князь Орловъ: голова у него ясна и естественна; въ ней все идетъ своимъ чередомъ, а моя за нею слѣдуетъ. Это для меня тотъ же Блакстонъ, съ помощью котораго я разматываю мои нитки.

Не постигаю, чего вамъ такъ заботиться о берлогѣ, гдѣ спрячутся принцессы? Неужели вы думаете, что въ знаменитомъ Штетинѣ котораго вы не видали, и трава, и вода способствуютъ къ образованію людей? Будь это такъ, я бы посоветовала Прусскому королю вызвать оттуда назадъ свою племянницу, туда удаленную⁹⁾. Говорятъ же, что ея преемница невообразимо плоха. Скажите на милость, отчего не принцессы, а собаки бываютъ породисты? Доказательство сирь Томъ: все его семейство на него похоже. Тотъ же умъ, тотъ же вкусъ, фигура, физиономія, склонности.

Какъ скоро прибудете, увѣдомьте меня черезъ Эка¹⁰⁾ записочкою, по которой я не поѣду съ первымъ посѣщеніемъ, но назначу вамъ часъ, когда вы можете быть ко мнѣ. Разсчитываю, что во всѣхъ отношеніяхъ вы будете при дворѣ точно также, какъ и въ первый пріѣздъ вашъ, лишь бы вы сами того захотѣли. Я остаюсь здѣсь, въ Царскомъ Селѣ, до 6 Сентября, и въ этотъ день возвращаюсь въ городъ съ моею принцессою. Если пріѣдете и я буду здѣсь, побы-

⁹⁾ Первую супругу будущаго короля Фридриха Вильгельма II-го. Онъ съ нею разошелся и при жизни ея женился на старшей сестрѣ нашей великой княгини Натальи Алексѣевны. Эта сестра не была умна и вовсе не походила на мать свою, великую ландграфиню Каролину Гессенъ-Дармштадтскую.

¹⁰⁾ Петербургскаго почтдиректора.

вайте, когда вздумается, и мы станемъ болтать, какъ кривыя сороки. Извините за сравненіе. Страсть къ законодательству по боку! Обѣщаюсь говорить съ вами по этой части сколько могу рѣже, потому что я дошла до предметовъ наиболѣе сухихъ, и если они мнѣ не спятъ мозга, то съ остальными я надѣюсь справиться честно и искусно. А когда мнѣ ничего не останется дѣлать, для прогнанія скуки стану писать свою исторію¹¹⁾; ибо чувствую, что мною владѣтъ демонъ бумагомаранія. Что касается до моихъ Учрежденій, если вы не отказываетесь отъ этого скучнаго чтенія, я сама вамъ представлю экземпляръ ихъ; но повѣрьте, они вамъ надобдять. Они очень хороши, очень прекрасны, можетъ быть, но очень скучны.

10.

Царское Село, 1 Сентября 1776.

Принцесса моя пріѣхала вчера вечеромъ, и съ той самой минуты она разомъ всѣхъ восхитила собою. Она прелестна. Послѣ этого какая же возможность говорить о вашихъ Лагарпахъ съ братією, объ ихъ пророчествахъ и другихъ нескладныхъ дѣяніяхъ! Вѣдь въ моей принцессѣ нѣтъ ничего нескладнаго. Мнѣ бы хотѣлось картины Менгса для моей галлерей, но принцесса занимается собою умъ мой. Хорошо бы имѣть и Сириелеву Психею, но въ эту минуту кружить мнѣ голову моя принцесса, которая прекрасна какъ Психея. Вашъ молодой человѣкъ самъ не зналъ что дѣлалъ, раставшись безъ сожалѣнія съ моею принцессою.

11.

Царское Село, 2 Сентября 1776.

Хочется мнѣ послать это письмо часовому, который стоитъ у дворцоваго подъѣзда, съ тѣмъ чтобъ онъ его самъ отдалъ, когда вы подъѣдете. Каково, почти уже недѣлю, какъ изъ-за васъ я перепортила всѣ мои перья! Неужели мнѣ отвѣчать на ваши письма изъ Рима, Болоньи, Берлина, Кенигсберга и Риги? Богъ знаетъ, откуда они ни приходятъ ко мнѣ. Рижское письмо помѣчено 37-мъ; получивъ его, я приказала, чтобъ вамъ приготовили комнаты здѣсь. Мнѣ отвѣчали, что остаются незаняты только приготовленные на свадебные случаи. Я сказала: «Тѣмъ лучше, отдайте ихъ ему; вѣдь онъ и есть человѣкъ свадебный». Не подумайте однако, что это комнаты великаго бязя. Они назначены для всѣхъ новобрачныхъ, которыхъ вѣнчаютъ въ Царскомъ Селѣ, для придворныхъ дамъ, фрейльнъ и пр. Васъ примутъ тамъ за новобрачнаго.

Я послала Учрежденія о губерніяхъ къ вамъ на встрѣчу, чтобы усыплять васъ въ коляскѣ. Скажите правду: «наша императрица забавница». Я сама очень часто считаю ее такою. Къ чему это, позвольте спросить, по поводу «нашей императрицы», сравнивать Неа-

¹¹⁾ Екатерина, въ самомъ дѣлѣ, описала порусски первыя шестнадцать лѣтъ своего царствованія; но это сочиненіе до сихъ поръ вполне не отыскано, лишь небольшіе отрывки напечатаны въ Р. Архивѣ.

поль съ Ригою? Потребую отчета при первомъ нашемъ свиданіи, и если вы станете дурно отзываться о Неаполитанскомъ королѣ, я скажу, что вы отъявленный льстецъ; потому что Неаполитанскій король, по словамъ князя Орлова (котораго онъ полюбилъ до такой степени, что предложилъ ему поиграть съ нимъ въ шары); не дуракъ, а шаль¹⁸⁾, а это значить порусски такой человекъ, который, не обижая другихъ, ходитъ по сторонамъ, куда ему вздумается, и помышляетъ только объ исполненіи своихъ желаній. Прощайте, до свиданья.

Гримиъ прѣехалъ въ Петербургъ ко второй свадьбѣ великаго князя Павла Петровича и оставался при дворѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Съ отъѣдомъ его изъ Россіи, въ Августѣ 1777 года, Екатерина по прежнему стала писать къ нему, что и продолжала до самой своей кончины. Наши нижеслѣдующія выписки начинаются рассказомъ о страшномъ Петербургскомъ наводненіи 1777 года, которое по своимъ опустошеніямъ уступало развѣ наводненію 1812 года.

1777 годъ.

1.

Сиб. 10 Сентября 1777, въ 8 ч. утра, Воскресенье.

Я очень рада, что вчера въ полдень возвратилась въ городъ изъ Царскаго Села. Была отличная погода; но я говорила: «посмотрите, будетъ гроза»; потому что наканунѣ мы съ княземъ Потемкинымъ воображали себѣ, что беремъ крѣпость приступомъ. Дѣйствительно, въ десять часовъ по полудни поднялся вѣтеръ, который началъ съ того, что порывисто ворвался въ окно моей комнаты. Дождикъ шелъ небольшой, но съ этой минуты понеслось въ воздухъ все что угодно: черепицы, желѣзные листы, стекла, вода, градъ, снѣгъ. Я очень крѣпко спала; порывъ вѣтра разбудилъ меня въ пять часовъ. Я позвонила, и мнѣ доложили, что вода у моего крыльца и готова залить его. Я сказала: «коли такъ, отпустите часовыхъ съ внутреннихъ дворовъ; а то, пожалуй, они вздумаютъ бороться съ напоромъ воды и погубятъ себя». Сказано, сдѣлано. Желая узнать поближе, въ чемъ дѣло, я пошла въ Эрмитажъ. Нева представляла зрѣлище разрушенія Іерусалима. По набережной, которая еще не кончена, громоздились трехмачтовые купеческіе корабли. Я сказала: «Боже мой! Биржа переимѣнила мѣсто: графу Миниху придется устроить таможеню тамъ, гдѣ былъ Эрмитажный театръ». Сколько разбитыхъ стеколъ! Сколько опрокинутыхъ горшковъ съ цвѣтами! И какъ будто подъ стѣну цвѣточнымъ горшкамъ, на полу и на диванахъ лежали фарфоровые горшки съ каминовъ. Нечего сказать, тутъ-таки похозяйничали! И въ чему это? Но объ этомъ нечего спрашивать. Нынче утромъ ни къ одной дамѣ не придетъ ей парикмахеръ; не для того служить обѣдню и на куртагъ будетъ пусто. Кстати: десертъ господина Бретеля (который давно прибылъ и покоится послѣ трудовъ и опасностей, весь цѣлый, ненадтреснутый и неразбитый, въ послѣдней комнатѣ

¹⁸⁾ Старинное Русское, нынѣ неупотребительное слово, значеніе котораго сохранилось въ словѣ шальнои.

Эрмитажа) нынѣшнею ночью тоже едва не сдѣлался жертвою урагана. Большое окно упало на землю подлѣ самаго стола, весьма прочнаго, на которомъ десертъ разставленъ. Вѣтромъ сорвало съ него тѣсную покрывку, но десертъ остался цѣлехонекъ.

Продолженіе, по выслушаніи обѣди.

Обѣдаю дома. Вода сбыва и, какъ вамъ извѣстно, я не потонула. Но еще немногіе показываются изъ своихъ берлогъ. Я видѣла, какъ одинъ изъ моихъ лакеевъ подѣхалъ въ Англійской коляскѣ; вода была выше задней оси, и лакей, стоявшій на запяткахъ, замочилъ себѣ ноги. Но довольно о водѣ; подбавимъ о винѣ. Погреба мои залиты водою, и Богъ вѣсть чтѣ съ ними станется. Прощайте. Четырехъ страницъ довольно во время наводненія, которое съ каждымъ часомъ уменьшается.

2.

Спб., 5 Октября 1777.

Выищите, пожалуйста, случай и скажите Неккеру, что Шуваловъ¹³⁾ доставилъ мнѣ его книгу о торговлѣ хлѣбомъ и что я чрезвычайно благодарна ему за нее: это превосходная книга. Это ему, а вотъ вамъ: авторъ этой книги, которую я сама читаю, есть голова глубокомысленная. Сочиненіе его понятно не всякому, а только людямъ извѣстнаго закала. Я помѣстила его въ числѣ моихъ классическихкихъ книгъ: это въ родѣ Блэкстона. Книга Неккера удостоилась краснаго карандаша. Въ особенности мнѣ полюбилось чтѣ онъ говоритъ о Сѣверѣ, но я не могу согласиться съ его мнѣніемъ. Не бывъ на мѣстѣ, онъ недостаточно знакомъ съ мѣстными условіями и говоритъ черезъ чуръ рѣшительно и въ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Если бы я знала его, мы бы съ нимъ поспорили. Такъ, напримѣръ, я бы сказала ему: въ сѣверныхъ странахъ есть мѣста, обращенныя къ Югу, и они суть самыя плодородныя на всемъ свѣтѣ и не имѣютъ ничего общаго съ берегами Ледовитаго моря. Сіи послѣдніе малолюдны, за то въ другихъ мѣстахъ ощущается малоземелье и пр. Потерпимъ: чрезъ нѣсколько лѣтъ вы будете имѣть карты Россіи, которыя дадутъ настоящее понятіе о ней. Много недоразумѣній происходитъ отъ того, что столицы находятся въ климатѣ неблагопріятномъ.

Представьте себѣ, что послѣднимъ наводненіемъ набережная испорчена слишкомъ на двѣсти сажень. Съ этого дня я сердита на городъ Св. Петра. Во многихъ домахъ ѣли рыбу, пойманную у себя на дворѣ. На конюшнѣ у графа Панина можно было заниматься рыбною ловлею. У меня въ Эрмитажѣ почти всѣ окна побиты. Сто сорокъ строеній погибло на Невѣ и у меня подъ окнами. Зрѣлище ужасныхъ утратъ самымъ объемомъ своимъ развлекало людей, и горе сноси-

¹³⁾ Иванъ Ивановичъ, только что возвратившійся изъ - за границы. Книга знаменитаго Французскаго министра Неккера называется: «О законахъ, относящихся до хлѣба и о торговлѣ имъ». Читая ее, Екатерина дѣлала отиѣтки краснымъ карандашомъ

лось отъ этого легче. Но городъ порядкомъ пострадалъ. Скажите, какой изъ этого прокъ? ¹⁴⁾

3.

17 Ноября 1777.

Сегодня утромъ, проснувшись въ 6-мъ часу отъ сильной боли въ тѣлѣ, я хотѣла сѣсть и почувствовала, что боль поднялась въ грудь и что я задыхаюсь. Я позвонила. Ко мнѣ пришли, но я не знала что со мною и мѣста не находила въ постели. Кельхенъ объявилъ, что это колика отъ скопленія вѣтровъ. Этотъ желудочный ураганъ продолжался непрерывно пять часовъ и прошелъ, какъ и начался, самъ собою, ни съ того, ни съ сего. Избави васъ Боже отъ чего либо подобнаго: императорское терпѣніе и знаніе истощались.

Библіотека аббата Гальяни нерѣдко доставляетъ мнѣ удовольствіе. Я посѣщаю ее за часъ до обѣда и, подобно маленькимъ дѣтямъ, роюсь въ гравированныхъ листахъ, ища меду для своего улья. Что касается до переплетовъ, я на нихъ не смотрю и очень равнодушна къ нимъ. Пошлаю аббату медаль, которая ему будетъ вмѣсто портрета; вѣдь у васъ ихъ цѣлая лавка. Знаете ли, что я весьма возгордилась съ тѣхъ поръ, какъ возвратившійся изъ чужихъ краевъ Шуваловъ объявилъ мнѣ, что для художниковъ въ Италіи профиль мой не представляетъ никакихъ затрудненій; что для того имъ стоитъ взять бюстъ, медальонъ или медаль Александра (Македонскаго), немного подправить, и выдетъ очень похоже? Одну такую камеею любители моей физіономіи считаютъ весьма удавшеюся и просятъ съ нея снимковъ. Послѣ этого я стала подымать голову съ особенною важностью. Въ письмѣ маленькаго аббата есть прелестныя вещи, особливо что онъ говоритъ о короляхъ и государяхъ слишкомъ возвышенныхъ. Я люблю еще нераспаханныя страны. Повѣрьте мнѣ, онѣ суть наилучшія. Я тысячу разъ говорила вамъ, что я годна только для Россіи. Помните? Въ другихъ мѣстахъ нѣтъ болѣе святой природы (*sancta natura*): все изысканно и искажено искусственностью.

4.

Изъ бывшаго утиаго гнѣзда, нинѣ С.-Петербурга, 25 Ноября 1777.

Сего утра пришла мнѣ фантазія писать къ вамъ. Мнѣ нужно поговорить съ вами объ очень важныхъ предметахъ. Напримѣръ, на этихъ дняхъ я прочитала въ «Разговорахъ» аббата Гальяни, что великія головы образуются изъ совмѣщенія многихъ противорѣчій, и я сказала: это правда, это великая мысль, это высокое разъясненіе. Съ этихъ поръ совмѣщеніе протіворѣчій безпрестанно тормозитъ мою голову, и я ко всему его примѣняю.—Еще хочется мнѣ вамъ сказать, что о прибытіи вашемъ въ Парижъ мнѣ извѣстно, что и должна я вамъ засвидѣтельствовать. Очень рада, что вы отдыхаете

¹⁴⁾ Послѣднія слова относятся вѣроятно къ раздѣляемой Гриммомъ Вольтеровской мысли, что все на свѣтѣ дѣлается къ лучшему.

послѣ вашихъ повѣздокъ. Третья новость: было бы вамъ извѣстно, что герцогиня Лавальеръ приказала мнѣ сказать черезъ Шувалова, что она любитъ меня до безумія, на что я отвѣчала, что весьма къ тому чувствительна. Вотъ новое заигрыванье. Шуваловъ же передалъ мнѣ много всяческой болтовни отъ господъ Монморанси. Видите, съ какими людьми я вожусь. Есть съ чего возгордиться! И не правда ли, слѣдовало написать вамъ объ этомъ?—Позабыла еще очень важную вещь. Вчера, наканунѣ своихъ именинъ, я не спала всю ночь, потому что голова моя произвольно работала, отчего она должна была либо сильно разболѣться, либо произвести рядъ мыслей. За обѣдомъ же я разродилась великолѣпнымъ сравненіемъ. Я распредѣлила головы по минераламъ: вотъ голова на подобіе желѣза, столь же какъ оно гибкая; вотъ голова мѣдная, серебряная, вотъ голова золотая. Сего послѣдняго закала всѣхъ лучше и всѣхъ драгоценнѣе для скупцовъ, а вы—скупецъ. Не правда ли, не ожидали такого вывода? Если не помрете со смѣху, то ужь не моя вина. Предупреждаю, что я сегодня напыщена гордостью, и отчасти потому и пишу къ вамъ, такъ какъ, съ тѣхъ поръ какъ васъ знаю, я сдѣлала изъ васъ настоящаго козла отпущенія (*souffre-douleur*).

5.

Слб., 14 Декабря 1777.

Знаете ли вы господина Александра? Часто ли бываете въ Версали? Знаете или не знаете чиновниковъ, подначальныхъ чиновникамъ господина Александра? По крайней мѣрѣ того господина Александра, о которомъ столько говорится въ «Простодушномъ»¹⁵⁾? Но ручаюсь, что Александръ, о которомъ я вамъ скажу, неизвѣстенъ вамъ. Это вовсе не Александръ Великій, а очень маленькій Александръ, родив-

¹⁵⁾ «Простодушный» (*L'Ingénu*), повѣсть Вольтера. Герой этой повѣсти, оказавшій государственную услугу отраженіемъ Англичанъ, высадившихся было на Французскій берегъ, отправляется въ Версаль, чтобы представиться королю и расчитывается, что его подвигъ будетъ оцѣненъ его государемъ; но въ Версали ему говорятъ, что представить королю можетъ только нѣкто Лувуа. «Ведите же меня къ Лувуа!» восклицаетъ Простодушный. «Говорить съ Лувуа еще труднѣе, чѣмъ съ его величествомъ», отвѣчаетъ ему дворцовая прислуга: «лучше мы васъ проведемъ къ г-ну Александру, первому воинскому чиновнику». Они идутъ къ Александру, но ихъ не пускаютъ, потому что Александръ занятъ съ какою-то придворною дамою и велѣлъ никого не принимать. «Ну такъ пойдемте къ первому чиновнику г-на Александра», замѣчаетъ прислуга, и т. д.—Давъ имя Александра новорожденному внуку, Екатерина вспомнила про Александра, упомянутаго у Вольтера, и съ этого начинается свои сообщенія Гримму объ Александрѣ Павловичѣ, которыя потомъ будутъ очень часто повторяться. Встаетъ замѣтить, что несомнѣнная любовь Екатерины къ внукамъ служить психологическимъ опроверженіемъ взводимой на нее клеветы, будто она ненавидѣла ихъ отца. Она только обуздывала его, къ чему, въ качествѣ матери и Государыни, имѣла и право, и обязанность.

шійся утромъ 12 числа сего мѣсяца, въ десять часовъ три четверти. И такъ великая княгиня родила сына, который, въ честь святаго Александра Невского, получилъ великолѣпное имя Александра и котораго я называю господиномъ Александромъ, потому что, если онъ вырастетъ, то со временемъ его чиновники непременно будутъ имѣть подъ своимъ начальствомъ чиновниковъ. Вотъ что значить быть бабушкой: загадываешь впередъ, пророчишь и судачишь. Да Боже ты мой! Чтожъ такого особеннаго выдетъ изъ этого мальчика? Хочу думать вмѣстѣ съ Белемъ и отцомъ Тристрама Шанди, что имя предмета имѣетъ вліяніе на предметъ, а наше имя знаменито. Семейные примѣры стоятъ чего нибудь, какъ вамъ кажется? Иной разъ выборъ затруднителенъ. Но примѣры тутъ не при чемъ, и по завѣту почтеннаго пастора Вагнера все дѣло въ натурѣ. А гдѣ она гнѣздится, эта натура? Въ добромъ тѣлосложеніи? Кажется, таковое имѣется, лишь бы масса не взяла верхъ надъ испареніемъ, мясомъ и костями. Думаю, передумываю и пошлю на разсужденіе къ вдовствующей Шведской королевы¹⁶⁾: она рѣшить лучше моего. Жаль, что феи вышли изъ моды: онѣ надѣляли вамъ ребенка всѣмъ чѣмъ угодно. Я бы ихъ щедро вознаградила и шепнула бы имъ на ухо: «природы, милостивыя государыни, запасите природы» Остальное почти все есть дѣло опыта.

6.

Слб. 22 Декабря 1777.

Что можетъ быть докучливѣе, какъ преслѣдовать людей письмами? Согласно, и тѣмъ не менѣе, кажется, въ третій разъ пишу къ вамъ, сама не зная за чѣмъ. Но надо, чтобы я къ вамъ писала: голова того хочетъ. Ну такъ не читайте же, вѣдь на все есть средство. Повторяю: бросьте письмо въ огонь не читавши.

Третьяго дня окрестили господина Александра, и всѣ чувствуютъ себя исправно, кромѣ Англичанъ, которые ходятъ наклоня голову къ животу послѣ плачевнаго происшествія съ генераломъ Бургуаньемъ¹⁷⁾. Есть съ чего кусать себѣ ногти, какъ дѣлаетъ князь Потемкинъ.

Когда будете писать ко мнѣ, скажите что нибудь о Квирини, объ аббатѣ Гальяни и о Менгсѣ¹⁸⁾. Сей послѣдній пишетъ ли мнѣ картины? Ахъ Боже мой, если бъ вы видѣли, какъ, не смотря на ваши зловѣщія предсказанія, я отлично устроилась нынѣшнюю зиму! Сколько со всѣхъ сторонъ размѣщено и разбросано вокругъ меня великолѣпныхъ вещей, которыя мнѣ ни на что ненужны и которыми я вовсе не пользуюсь; а взглянуть, такъ счастье! Я похожу на Киргизскаго

¹⁶⁾ Сестра Фридриха Великаго, Луиза Ульрика, мать Густава III-го, который въ это лѣто навѣстилъ Екатерину въ Петербургъ и къ которому въ Швецію ѣздилъ въ гости Гриммъ.

¹⁷⁾ Губернаторъ Канады, неудачно дѣйствовавшій въ войнѣ съ возставшими Американскими колоніями.

¹⁸⁾ Знаменитый живописецъ въ Римѣ.

хана, которому императрица Елисавета подарила домъ въ Оренбургѣ, а онъ велѣлъ поставить свою вибитку на дворѣ этого дома, чтобы жить въ ней. Я не выхожу изъ своего угла.

Патріархъ ¹⁹⁾ сдѣлалъ мнѣ честь присылкою книги, которую онъ озаглавилъ: «Премія справедливости и человеколюбія». Ему желательно, чтобы кто нибудь за сто лудировъ составилъ уголовное уложеніе. Нельзя сказать, что онъ расщедрился. Мнѣ думается, что такое уложеніе либо будетъ написано даромъ, либо вовсе никто его не напишетъ. Для этого необходимо поудить въ сердцѣ человеческомъ, въ опытѣ людей и въ законахъ, нравахъ и обычаяхъ народа. Кошелекъ тутъ не при чемъ. Академическія преміи хороши для возбужденія молодыхъ умовъ; а въ этомъ случаѣ нужны люди уже просвѣщенные, въ лѣтахъ, руководившіе многими дѣлами и не имѣющіе надобности зарабатывать себѣ сотню лудировъ.

1778 годъ.

1.

Сколько подарковъ! Турская спаржа! Она очень вкусна. Я занимаюсь ея истребленіемъ. Сахаръ отъ Море противъ кашля! Я не кашляю, и потому его истребляетъ Леди, которая, кажется мнѣ, простудилась. Пара чулокъ изъ кроличьей шерсти виситъ у меня на столѣ. Князю Орлову хотѣлось завладѣть ими, но штука въ томъ, что они ему слишкомъ коротки и слишкомъ узки. Очень благодарна за все это и за всѣ ваши совѣты относительно сквозныхъ вѣтровъ. Завтра испробуемъ ихъ: будетъ маскарадъ въ честь рожденія господина Александра. Этотъ господинъ Александръ, это князь, это князь.... это князь, который въ добромъ здоровьи.

О человекѣ съ двумя физиономіями скажу вамъ, что я страхъ боюсь, не похожъ ли онъ на нашихъ епископовъ. Кто-то, поговоривъ съ ними въ продолженіи двухъ часовъ, находилъ, что они очень любезны и удивлялся, отчего ихъ рѣдко видятъ и зачѣмъ они избѣгаютъ случая бывать съ нами. Другой отвѣчалъ ему: это оттого, что имъ стоитъ большаго усилія быть любезными, и такая физиономія бываетъ у нихъ не долѣе двухъ часовъ.

У меня къ вамъ нѣсколько вопросовъ о Деонѣ. Зачѣмъ эта дѣвушка переряжалась мужчиною? Какъ она поступила въ военную службу? Какъ открыли, что она дѣвушка? Зачѣмъ приказано было, чтобы она одѣлась поженски? И зачѣмъ запретили ей носить платье, которое ей казалось удобнѣе? Письмо къ ней Людовика XV-го съ извѣщеніемъ, что онъ приказалъ ее захватить, какъ-то рѣзко. Читая его, не совсѣмъ понимаешь, кто въ это время во Франціи исправлялъ должность короля, конечно уже не Людовикъ XV. Къ этому

¹⁹⁾ Т. е. Вольтеръ; въ этой книгѣ онъ предлагалъ деньги тому, кто составитъ новый сводъ уголовныхъ законовъ.

письму можно бы составить весьма забавныя примѣчанія. Да Богъ съ нимъ; оно само за себя говорить.

Чего вы беспокоитесь о Бретѣлевскомъ десертѣ? Онъ отлично принятъ и пребываетъ у меня въ антресоляхъ, въ комнатѣ, именуемой Музеумъ, куда, чтобы ему не было скучно, снесены съ четырехъ концовъ свѣта золотыя и серебряныя вещи и драгоценныя камни, съ огромнымъ количествомъ Сибирскихъ исписовъ и агатовъ. Мыши да я ходить туда смотрѣть на него. Даже Томасовъ рѣдко туда пускаютъ, ради прекрасныхъ ковровъ. Но когда они тамъ бываютъ, вся ихъ семья выражаетъ особенную радость. Подумаешь, что они любить хорошую обстановку.

2.

Слб. 2 Февраля 1778.

Спѣшу писать къ вамъ, потому что время не терпитъ. До поста осталось какихъ нибудь двѣ недѣли, а между тѣмъ у насъ будетъ одинадцать маскарадовъ, не считая обѣдовъ и ужиновъ, на которые я приглашена. И такъ, чтобы не остаться въ изъяснѣ, я вчера заказала мою эпитафію и велѣла торопиться, потому что желаю имѣть удовольствіе поправить ее. Между тѣмъ для забавы я начала ее сама, на подобіе эпитафіи сѣра Тома Андерсона. Кстати объ эпитафіи и о городѣ, гдѣ была моя колыбель. Я помню, что у мамзель Кардель бывалъ часто, особливо по Воскресеньямъ, г-нъ Моклеркъ, служитель Божьяго Слова въ замковой церкви. Этотъ Моклеркъ приходился зятемъ историку Рапеню-Туарасу и, кажется, былъ издателемъ его Исторіи Англій. Моклеркъ былъ другъ и совѣтникъ мамзель Кардель. Сынъ Рапеня-Туараса, шурина Моклерка, служилъ тамъ же регистраторомъ. Всѣ они были близкими пріятелями мамзель Кардель и очень заботились объ ея воспитанницѣ. Вагнеръ же отнюдь не являлся съ этими еретиками, не понимавшими его языка, какъ и онъ не понималъ ихняго. Мамзель Кардель одна знала почти все, ничему не учившись, почти также какъ ея воспитанница.

Упомянутая Екатериною эпитафія есть пародія на ту надпись, которая высѣчена на могильномъ камнѣ ея собачки въ Царскомъ Селѣ (и къ сожалѣнію, не подновляется, такъ что теперь уже трудно ее разбирать). Курьезная эпитафія эта напечатана пофранцузски П. П. Пекарскимъ въ его статьѣ о литературной дѣятельности Екатерины II (въ III-мъ томѣ Записокъ Имп. Академіи Наукъ, 1863). Приводимъ ее переводъ.

Здѣсь лежитъ Екатерина Вторая, родившаяся въ Штетинѣ 21 Апрѣля (2 Мая) 1729 года. Она прибыла въ Россію въ 1744 году, чтобы выдти замужъ за Петра III-го. Четырнадцать лѣтъ отъ роду, она возмѣла тройное намѣреніе понравиться своему мужу, Елисаветѣ и народу. Она ничего не забывала, чтобы успѣть въ этомъ. Въ теченіи 18 лѣтъ скуки и уединенія она по неволѣ прочла много книгъ. Вступивъ на Россійскій престолъ, она желала добра и старалась доставить своимъ подданнымъ счастье, свободу и собственность. Она легко прощала и не питала ни къ кому ненависти. Поощаливая, обходительная, отъ природы веселонравная, съ душою республиканскою и съ добрымъ сердцемъ, она имѣла друзей. Работа ей легко давалась. Она любила искусства и быть на людяхъ.

14 Февраля 1778.

Господишь козелъ отпущенія! Мнѣ надо писать къ вамъ, такъ какъ у меня голова болитъ. Нынѣшній день не ждите особенныхъ фантазій, ни потока словъ, стремящихся одно за другимъ какъ волны изъ прорванной плотины. Совсе не то: хочу просто рассказать вамъ о празднигѣ господина Азора. Прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, надо вамъ напомнить, о чемъ я уже васъ увѣдомляла, что мы были по уши въ праздникахъ и маскарадахъ и перекатывались по городу изъ дому въ домъ, словно мыши въ закромѣ. 13 Февраля выбрался несчастный денѣкъ роздыха. Оглушенные музыкою, усталые отъ танцевъ и возни, всѣ рассчитывали отдохнуть у себя по домамъ. Не тутъ-то было! Замѣшался чортъ, этотъ врагъ спокойствія. Чтоже онъ сдѣлалъ? Онъ внушилъ вельможному Африканскому дворянину выбрать оперный день, когда ложи были почти пусты, а въ партерѣ довольно мѣстъ незанятыхъ. Вельможа является въ убранствѣ страны своей и раздаетъ человѣкамъ тридцати, изъ самыхъ значительныхъ, прилагаемое объявленіе. Этимъ прекраснымъ произведеніемъ, въ которомъ никто ничего не понималъ, произведено общее движеніе. Чтѣ это такое? Чтѣ будетъ? О, я знаю! А я такъ не могу догадаться. Ломаютъ себѣ голову, дѣлаютъ предположенія и смѣются. «Доброе начало праздника!» говоритъ Азоръ. Въ серединѣ спектакля, по желанію Африканскаго вельможи, всѣ приглашенные отправляются въ назначенное мѣсто, для чего имъ приходится взбираться по маленькой и очень узкой витой лѣстницѣ, однако не на чердакъ, но въ извѣстные антресоли, гдѣ все дышетъ Азіатскою амврозіей. Тамъ приготовлены для игры въ Макао три большіе стола, съ покрывками изъ бархатныхъ ковровъ. На каждомъ столѣ небольшой ящикъ, золотая ложечка и прилагаемая афиша (вхожу въ эти подробности для удобства тѣхъ, кто захочетъ подражать господину Азору). Общество съ усердіемъ соотвѣтствовало намѣреніямъ хозяина. Нѣтъ живѣе этой игры, говорили мужчины. Нѣтъ ничего забавнѣе, говорили женщины. Какъ весело играть въ брилліанты! Это похоже на Тысячу и Одну Ночь. Золото и драгоцѣнныя бездѣлушки перекатываются. Словомъ, эта прекрасная игра продолжалась полтора часа до ужина, и ящики все еще не опорожнились. Рѣшено было подѣлить остатки, послѣ чего спустились тою же лѣстницею внизъ, прямо въ зеркальную комнату: стѣны, потолокъ, все изъ зеркала. Противъ лѣстницы большое окно, коего занавѣски внезапно распахнулись, и гостямъ представилась огромная буква А, въ аршинъ величины и толщиною въ руку, вся изъ самыхъ большихъ коронныхъ брилліантовъ! Подъ этимъ громаднымъ А стояло человѣкъ двадцать пажей въ золотомъ платьѣ съ голубыми атласными поясами. Они были тутъ для прислуги за столами и картинно расположились въ углубленіи окна подъ брилліантовымъ А. Столы были разставлены вдоль стѣнъ, направо и налѣво, такъ что пирующие могли видѣть себя въ зеркалахъ.

Но какъ описать вамъ десертъ, размѣщенный передъ зеркалами? Тутъ были, всё бездѣлушки изъ четырехъ вамъ извѣстныхъ шкаповъ и покрывали собою лучшія вещи Бретѣлева десерта. Рисунокъ и все устройство казались чѣмъ-то волшебнымъ. Я велѣла снять на бумагу и потомъ выгравировать. Я вамъ пришлю. Каждый входившій въ комнату буквально ослѣплялся красотою и богатствомъ зрѣлища, и прошло полчаса, прежде чѣмъ гости пришли въ себя и размѣстились на указанныхъ мѣстахъ. Восторгъ не прекращался все время ужина, послѣ котораго на нѣсколько минутъ надо было уйти на верхъ. Забыла сказать, что сначала проходили черезъ эту комнату, и въ ней ничего не было. Все устроилось, пока шла игра въ брилліанты. Еще забыла: противъ большаго А въ окнѣ, на противоположномъ концѣ, въ углубленіи, было такое же А, только изъ жемчугу.

Объявленіе ¹⁾.

Францискъ Азоръ имѣлъ честь нѣсколько разъ заявить въ присутствіи свидѣтелей, что онъ дѣйствительно Африканскій дворянинъ. Многие выражали въ справедливости сего сомнѣніе; ему неизвѣстно, какая тому причина, зависть или что другое. Но теперь дѣло не въ томъ. Онъ рѣшился наконецъ объявить передъ лицомъ публики, что онъ есть представитель своего отечества, страны золота, серебра, драгоценныхъ камней и чудовищъ, словомъ великой части земнаго шара, именуемой Африкою. Онъ сдѣлаетъ больше: онъ вызывается доказать это всякому, кто получитъ отъ него изъ рукъ въ руки или чрезъ уполномоченнаго настоящую бумагу подъ условіемъ, чтобы получившій благоволилъ, по выходѣ изъ спектакля сего 13 Февраля 1778 года, явиться въ покои Императрицы, имѣя при себѣ сію бумагу. Просвѣщенные люди согласятся, что Африканскій вельможа выбралъ для своего заявленія наиболѣе пригодную минуту, такъ какъ земля, небеса, воды и существа всей природы соревновали между собою въ эти дни, для возвеличенія нынѣшней эпохи. Въ заключеніе онъ желаетъ, чтобы послѣ игры и ужина, сладкій сонъ низошелъ на утомленныхъ вѣжды его гостей.

Афиша.

Африканскій вельможа выложилъ на каждомъ столѣ ящикъ съ брилліантами, не на продажу, а чтобъ играть въ Макао. Каждое девять будетъ оплачиваться камнемъ въ одинъ каратъ.

Игра въ Макао, нынѣ довольно рѣдка, а въ прошломъ вѣкѣ весьма распространенная, состоитъ въ томъ, что каждому участнику игры дается по три карты; для наибольшаго выигрыша надо, чтобъ число очковъ въ трехъ его картахъ составляло цифру 9. При этомъ фигури (т. е. король, дама, валетъ и десятки) не считаются вовсе. Напримѣръ, вамъ сдано: дама, король и тройка; вы открываете и заливаете три очка. Если у противника вашего, примѣрно, десятка, тройка и шестерка, то онъ беретъ всё деньги, поставленнаго остальными играющими. — Брилліантъ въ одинъ каратъ представляетъ собою сравнительно

¹⁾ Въ подлинному письму оно приложено печатное во Французскомъ текстѣ.

малую цѣнность, такъ что у Екатерины игра, пожалуй, обходилась дешевле иной ивишней. (Карать около теперешнихъ ста рубл.). Впрочемъ, брианты были необходимы, либо выпутне изъ оправъ.—Мы видѣли, съ какимъ восторгомъ Екатерина отнеслась къ рожденію внука, и въ дальнѣйшихъ письмахъ ея къ Гриму сохранилась, можно сказать, исторія дѣтства Александра Павловича. Всѣ эти праздники происходили въ честь событія, коимъ уврочивалось престолонаслѣдіе въ Россіи. Сохранилось современное рукописное описаніе этого праздника, которое приводимъ въ дополненіе и объясненіе къ письму о немъ Екатерины.

Современное описаніе придворнаго праздника по случаю рожденія Александра Павловича.

Мѣсяць Февраль 1778 года.

13 числа во Вторникъ ея императорское величество обѣденное кушанье изволила кушать во внутренней, гдѣ вещи бриліантовыя, комнатѣ, къ которому столу приглашены были:

1. Князь Федоръ Сергѣевичъ Барятинской.

2. Семенъ Гавриловичъ Зоричъ.

Въ столовой комнатѣ кушали господинъ гофъ-маршалъ и дежурные кавалеры, 5 персонъ.

Въ вечеру, въ исходѣ 6-го часа, въ присутствіи ея императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ, въ оперномъ домѣ представлена была Итальянская опера, называемая Ахиллъ.

Въ продолженіе оной оперы, находящійся при ея императорскомъ велиествѣ Арапчикъ Азоръ, представлявшій Африканскаго вельможу и блюстителя всего свѣта сокровищъ, разносилъ нижеслѣдующимъ знатымъ обоого пола особамъ билеты, приглашая во внутренніе ея императорскаго величества покои.

Предъ окончаніемъ оной оперы, въ исходѣ 8-го часа, ея императорское величество изволила съ ихъ императорскими высочествами шествовать во внутреннія комнаты, куда и приглашенные Азоромъ особы слѣдовали, которымъ представлены были 3 стола карточные, на которыхъ столахъ поставлено было по ящику бриліантовъ, во всякомъ ящикѣ по 52 камня, а каждый камень по 1 кратѣ, и продолжалась игра въ Макао: у кого выходило 9, тотъ и бралъ изъ ящика одинъ камень.

Когда камня были разыграны, просилъ помянутый Азоръ за столъ кушать, отъ котораго было представлено въ двухъ комнатахъ 3 стола. Въ 1-й комнатѣ, которая убрана зеркальными стеклами, было 2 стола; за 1-мъ столомъ кушать изволили ихъ императорскія высочества съ знатыми обоого пола особами, а за другимъ кушали знатныя-жъ особы. Во 2-й комнатѣ, которая называется Турецкая, за круглымъ столомъ кушали знатныя-жъ однѣ мужскаго пола особы. Ея императорское величество кушать не изволила, а изволила какъ съ ихъ высочествами, такъ и съ засѣдающими персонами въ обѣихъ комнатахъ продолжать разговоры. На означенныхъ столахъ вмѣсто десертныхъ штукъ поставлены были пирамиды, которыя на

оний случай нарочно сдѣланы, представляющія разныя древности и украшенныя драгоценными каменьями, какъ брилліантами, яхонтами, изумрудами, жемчугомъ, такъ золотою рудою и разныхъ родовъ рѣдкими каменьями.

Когда ихъ императорскія высочества изволили пойти въ первую комнату, при самомъ ихъ вступленіи въ оную отдернуть былъ у окошка занавѣсъ, и въ ту самую минуту блеснула въ глаза зрителей литера А, выложенная драгоценными брилліантами; таковыя двѣ литеры на зеленомъ бархатѣ были убраны: одна брилліантами, а другая жемчугомъ крупнымъ.

При тѣхъ столахъ ихъ императорскимъ высочествамъ и засѣдающимъ персонамъ служили пажы, которые одѣты были въ длинное платье, шитое нарочно вновь изъ золотаго газету; чрезъ плечи ихъ висѣли перевязки изъ голубаго атласу; распущенные волосы завязаны были бѣлыми лентами.

Столъ кончился въ 11-мъ часу, и изволили ихъ императорскія высочества отбыть въ свои покои, а прочія персоны разъѣхались.

При столѣ сервизъ былъ золоченый и шандалы золоченые-жъ.

Приглашены были слѣдующіе:

1. Его императорское высочество.
2. Ея императорское высочество.
- не была. 3. Ея свѣтлость герцогиня Курляндская.

Штатсъ - дамы:

- не была. 4. Графиня Марья Андреевна Румянцова.
5. Графиня Анна Алексѣевна Матюшкина.
6. Княгиня Дарья Алексѣевна Голицына.
7. Графиня Катерина Михайловна Румянцова.
- не были. { 8. Анна Никитишна Нарышкина.
- { 9. Графиня Анна Родіоновна Чернышова.
10. Графиня Прасковья Александровна Брюсова.
11. Княгиня Катерина Николаевна Орлова.

Дамы:

12. Марина Осиповна Нарышкина.
13. Княгиня Наталья Александровна Репнина.

Кавалеры:

14. Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ.
15. Графъ Никита Ивановичъ Панинъ.
16. Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ.
17. Александръ Александровичъ Нарышкинъ.
18. Графъ Минихъ.
19. Князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ.
20. Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ.

21. Иванъ Ивановичъ Бецкой.
22. Николай Ивановичъ Салтыковъ.
23. Левъ Александровичъ Нарышкинъ.
24. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.
25. Князь Николай Васильевичъ Репнинъ.
26. Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ.
27. Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ.
28. Князь Федоръ Сергѣевичъ Барятинской.
29. Семенъ Гавриловичъ Зоричъ.

4.

Слб., 2, 3 и 4 Марта 1778 года, въ разныя приемы.

Пожалуйте, пожалуйста, господинъ баронъ: надо мнѣ съ вами поговорить. Нынче большой вѣтеръ, и вотъ два вашихъ письма, спрашивающихъ отвѣта. Правда, у меня два письма отъ короля Прусскаго, три отъ Шведскаго, два отъ Вольтера, и трижды столько же Богъ вѣсть отъ кого, и всѣ эти письма пришли гораздо раньше вашихъ; но такъ какъ они мнѣ немилы, потому что, отвѣчая на нихъ, надо писать, а къ вамъ я никогда не пишу, а просто болтаю (замѣтьте, это новость), то мнѣ пріятнѣе позабавиться и дать полную волю рукъ, перу и головѣ. И такъ начнемъ! Громите, громите меня письмами. Это хорошо, потому что меня забавляетъ. Я читаю и перечитываю ваши писанія и говорю: «Какъ онъ меня понимаетъ! Боже, онъ почти одинъ и понимаетъ меня какъ слѣдуетъ». Если когда я закажу молебствіе, то съ тою цѣлью, чтобы небеса даровали пониманіе господина барона людямъ, меня не понимающимъ. Я прибавлю еще особенную молитву о ниспосланіи многимъ вашей способности къ уясненію.

Объ Александрѣ нѣтъ больше рѣчи, какъ будто его и не было. Съ тѣхъ поръ какъ онъ явился на свѣтъ, ни малѣйшаго безпокойства. Милость Божія да будетъ надъ душою его, какъ надъ тѣломъ. Онъ здоровъ, вотъ и все. Вы говорите, что ему предстоитъ на выборъ, подражать либо герою, либо святому одного съ нимъ имени; но вы, вѣроятно, не знаете, что этотъ святой былъ человекъ съ качествами героическими. Онъ отличался мужествомъ, настойчивостью и ловкостью, что возвышало его надъ современными ему, удѣльными, какъ и онъ, князьями. Татары уважали его, Новгородская вольница подчинилась ему, цѣня его доблести. Онъ отлично колотилъ Шведовъ, и слава его была такъ велика, что его почтили саномъ великаго князя. И такъ, по моему, Александру не придется выбирать. Его собственныя дарованія направятъ его на стезю того или другаго. Во всякомъ случаѣ изъ него выдетъ отличный малый. Боюсь за него только въ одномъ отношеніи, но объ этомъ когданибудь скажу вамъ на словахъ. Дочекайте! ²⁾ Разсужденія вашихъ фей слишкомъ для меня лестны, чтобы мнѣ отвѣчать на нихъ. Сердце говоритъ мнѣ, что не первый, а второй будетъ похожъ на

²⁾ Гриммъ вѣроятно догадался, что Екатерина боится вліянія отцовскаго.

меня (если это оправдается, я стану заранее описывать его жизнь и подвиги). У него не будетъ ничего общаго съ моимъ добрымъ братомъ во дни поста и покаянія. Но съ чего вздумали вы желать, чтобы онъ содѣйствовалъ къ оживленію умовъ? Онъ произошелъ отъ чреслъ, коими принижены злыя рѣчи. Это добрый гражданинъ, вотъ и все. Вы знаете мое глубокое уваженіе къ этому слову. Какъ скоро оно произнесено, нужно умолинуть. Что касается до Франклина, онъ долженъ былъ выдти тѣмъ, чѣмъ есть, коль скоро природа обдѣлила его государя способностью сдѣлать изъ него себя ближайшаго друга. Теперь о другомъ, не такъ ли? Это будетъ испытаніемъ предъидущему. Но ради же Бога, посоветуйте осьмидесятилѣтнему старцу ³⁾ оставаться въ Парижѣ. Что ему здѣсь дѣлать? Онъ умретъ отъ холоду, долгаго вѣку и дурныхъ дорогъ здѣсь, или на пути. Это было бы въ родѣ пріѣзда короля Шведскаго. Помните мои тревоги! Между прочимъ, вы можете ему представить, что Катенька хороша только издали. Я много смѣялась надъ этой Катенькой. Кстати: въ Голландіи сдѣлали медаль, на которой императрица-королева и императрица Россійская сидятъ вмѣстѣ въ коляскахъ, а король Пруссій на возлахъ. Ихъ спрашиваютъ, куда они ѣдутъ? Онъ отвѣчаютъ: куда кучеру захочется повести насъ. По моему, это очень забавно. Недостаетъ только истины или музыки изъ Французской комической оперы: въ первомъ случаѣ оно было бы зло, а во второмъ вполне пошло.

Сервискій сервизъ, который я заказала, назначенъ для перваго въ свѣтѣ кусателя ногтей, для моего милаго и возлюбленнаго князя Потемкина; а чтобы сервизъ вышелъ получше, я сказала, что онъ для меня. Отправляю къ вамъ мое посланіе къ господину патриарху. Надѣюсь, что съ онымъ вы надежно можете предстать предъ него. Но не показывайте ему моихъ писемъ. Слогъ нашъ пригоденъ только для насъ, да для почтовыхъ чиновниковъ, которые иной разъ дивятся ему, ничего не понимая или понимая не то. Добраго дня и добраго вечера! Вамъ потребуется терпѣніе народа Божія во время Вавилонскаго плѣненія, чтобы прочитатъ эту болтовню въ восемь страницъ.

5.

Сиб. 13 Апрѣля 1778.

Никогда у императрицы Елисаветы не было женщины въ должности чтеца. Она также мало знала господина или госпожу Деонъ, какъ и я, видѣвшая его въ качествѣ политическаго прихвостня въ свитѣ маркиза Лопитала или барона Бретѣля.

6.

Царское Село, 16 Мая 1778

Письмо ваше пришло вовсе не кстати. Голова у меня совсѣмъ разстроилась. Я замѣчала, что эти припадки бывають послѣ законобѣсія. Сему послѣднему я подверглась въ Декабрѣ мѣсяцѣ, и оно

³⁾ Вольтеру.

продолжалось до сихъ поръ, сильно и настойчиво. Тутъ дѣйствовали огонь и гений, такъ что я бывала внѣ себя. Увы! Не ѣмъ, не пью, не сплю. Кельхенъ затрудняется опредѣлить мой пульсъ; въ груди у меня стѣсненіе. Друзья бранятъ меня, увѣряя, что это ни на что непохоже. Я и сама это знаю. Они совѣтуются съ лекарями. Тѣ считаютъ, что я больна и предписываютъ лекарства. Я соглашаюсь, лишь бы предоставили мнѣ выборъ: проглотить нетрудно. Что вы объ этомъ скажете? Не правда ли, что все это свидѣтельствуеть о разстройствѣ?

Я не могла писать иначе. Въ добавокъ у меня отвращеніе къ черниламъ, перу и бумагѣ, какъ у бѣшеной собаки къ водѣ. Я не слышу что мнѣ говорятъ или читаютъ. Хочу читать и ничего не вижу. Глаза не двигаются. Вижу себѣ оборки. Это можно, потому что дозволяетъ думать совсѣмъ о другомъ и не раздражаетъ. Я молчалива и не промолвлю слова; хотять заставитьъ меня говорить и только выводить изъ терпѣнія. Вотъ чертовская болѣзнь законобѣсія. Отличная мысль, прекрасный садъ, благорастворенная погода, пробудите меня, попеременно или всѣ вмѣстѣ. И вотъ, всѣ эти вещи, ложи Рафаеля, бани Тита, Бибиена и Блэкстонъ являются нелѣпостью. Чертъ возми! Черезъ чуръ сильно сказано. Но я устала и возьмусь за перо, когда буду мочь.

Черезъ четыре дня берусь опять за перо, чтобы сказать вамъ, что чувствую себя нѣсколько легче. Пульсъ сильнѣе, лихорадка ослабѣваетъ, лишь бы опять не усилилась.

Спб. 26 Мая.

Наконецъ, я опять къ вамъ пишу. Я переѣхала въ городъ, гдѣ у меня больше бодрости и гдѣ мнѣ лучше, нежели на дачѣ. Вотъ доброе начало пятидесятаго моего года, который вы такъ торжествовали, и все это, неправда ли, чрезвычайно ободрительно? Прибавьте къ тому, что въ семействѣ Томовъ случилось великое несчастье: сэръ Томъ Андерсонъ и внучка его леди Азоръ укушены собакою, про которую говорятъ, будто она бѣшеная. Ихъ отвели въ особое помѣщеніе, но покажѣтъ они здоровы. Этому уже три недѣли.

Еще анекдотъ. Африканскій вельможа больше не называется иначе какъ Гваделупскимъ Григоріемъ Александровичемъ ⁴⁾, и имя Азора, воспитателя черепахъ, сдѣлалось ненавистно ушамъ его. Очень рада, что праздннкъ, на которомъ играли въ Макао, заслужилъ ваше благоволеніе. Снимокъ съ десерта дѣлаютъ изъ поддѣльныхъ брилліантовъ, и даже въ этомъ видѣ онъ будетъ прекрасенъ. Эстампъ съ него вы получите, а можетъ и не получите, отчего вамъ будетъ ни тепло, ни холодно.

Моя эпитафія назначена для васъ, но я не хочу, чтобы почтовые чиновники списали ее, прежде чѣмъ она къ вамъ дойдетъ. Мнѣ такъ

⁴⁾ Мы видѣли изъ приложеннаго современнаго описанія, что это былъ одинъ изъ придворныхъ Араповъ, которому теперь Екатерина дала имя и отчество князя Потемкина.

надоѣли съ просьбами дать мой портретъ, что увидите, съ досады я не пошлю его въ свою колыбель⁵⁾. Я позабыла даже велѣть, чтобъ спросили у Эриксона тотъ портретъ, который вы такъ хвалите. Противъ Вагнера я ничего не имѣю, но внутренно убѣждена, что онъ былъ дуракъ и что Кардель была умная дѣвушка. Я никого не знаю, кто бы такъ любилъ скуку какъ вы. Неужели вамъ хочется быть такимъ же скучнымъ, какъ я? О несчастномъ Рёллингѣ я вамъ никогда не говорила; потому что вы знаете, какъ уроки его были полезны. Онъ всегда приводилъ съ собою человѣка, который вылъ басомъ, и онъ заставлялъ его пѣть у меня въ комнатѣ. Я слушала и думала про себя: онъ реветъ какъ быкъ; но Рёллингъ былъ внѣ себя отъ восхищенія, какъ скоро начинала дѣйствовать глотка его баса.

Вы очень любезно именуєте мое перо очаровательнымъ. Въ молодости я думала писать какъ ангель; но съ того времени перо мое испытало разныя непріятности, и я не думаю, что пишу хорошо, а пишу какъ могу; стараться не стоитъ труда. Восторгъ къ патриарху людей образованныхъ не удивляетъ меня; но восторгъ народонаселенія, едва знающаго о немъ по имени, явно свидѣтельствуетъ о стадообразіи народа. Хотѣла бы знать, находились ли въ толпѣ люди изъ духовенства⁶⁾. Если да, то это очень важно и поведетъ меня къ поучительнымъ соображеніямъ на счетъ приемовъ мысли у народовъ. Уполномочиваю васъ заказать бюстъ патриарха. Здѣсь есть медальеръ, желающій выбить его медаль; но онъ работаетъ плохо, такъ что выбивать не стоитъ.

7.

Въ Осиновой Рошѣ, помѣстья, которое прошло года я подарила моему князю Потемкину, въ 23 верстахъ отъ Петербурга, 29 Мая (1778).

Сегодня нѣтъ вовсе вѣтру, слѣдов. воображеніе не работаетъ; но съ виду здѣсь все въ переполохѣ. Вчера, пріѣхавъ сюда, я безпрестанно твержу нижеслѣдующее. Переведу вамъ какъ нибудь понѣмецки это весьма поѣтическое описаніе Финляндіи, которое я сдѣлала во время послѣдняго припадка законобѣсія. Вещь вышла слишкомъ поѣтическая, и я принуждена отдать ее моимъ секретарямъ, чтобъ они ее поурѣзали. Богъ вѣсть, что они изъ нея сдѣлаютъ; но я увѣрю васъ, что я никогда не сочиняла ничего подобнаго. Это обзоръ моего царствованія и описаніе всей Россіи, область за областью, короткое, сильное, точное, ясное. Иные отзываются, что это произведеніе академическое. Подъ конецъ я должна была стараться избѣгать рѣзкостей, которая безпрестанно просилась подъ перо. Вотъ подлинникъ: «Финляндской губерніи каменистыхъ горъ хребетъ покрытъ лѣсами; ущелины водою, немного ровныхъ мѣстъ къ житію удобныхъ, со трудными проходы, жилища разсѣяны и пр.». Вотъ плохой

⁵⁾ Т. е. въ Штетинѣ.

⁶⁾ Говорится о почестяхъ, которыя были оказаны въ Парижѣ Вольтеру, незадолго до его кончины.

переводъ ⁷⁾. Осиновая Роща—мѣсто восхитительное: у вашихъ ногъ Петербургъ, море, горы, лѣса, поля, камни, избы. Съ нами Англійскій садовникъ и архитекторъ, и вчера мы уже ходили цѣлый день и Богъ знаетъ чего насажали и настроили. Царское Село, Гатчина и даже Царицыно, по мѣстоположенію, дрянъ въ сравненіи съ Осиновою Рощею. Но покамѣстъ весь дворъ помѣщается въ домѣ о какихъ нибудь двѣнадцати комнатахъ; но что за виды изъ всякаго окна! Чортъ побери, это прекрасно! Изъ моего окна видны два озера, три пригоръва, поле и лѣсъ.

8.

Петергофъ, 8 Іюня 1778.

Охота вамъ толковать о второмъ числѣ Мая новаго стиля, двадцать первомъ Апрѣля по старому! Это значить толочь воду. Притомъ же всѣ свидѣтели моего рожденія давно уже померли и зарыты въ землю. Въ прошломъ году скончалась моя кормилица. Я боялась ея какъ огня, какъ посѣщенія королевскаго или другихъ знаменитыхъ особъ. Бывало, только увидить меня, схватить за голову и начнетъ цаловать и перецаловывать, чуть не задушить. Въ добавокъ отъ нея пахло курительнымъ табакомъ, до котораго супругъ ея былъ большой охотникъ. (Но подождите немного, мнѣ мѣшаютъ писать).

Принимаюсь опять за перо. Поболтаемъ! Такъ какъ шла рѣчь о кормилицѣ, скажу вамъ, отчего я боюсь посѣщенія королей. Оттого, что обыкновенно это люди скучные, нелѣпые, съ которыми надо держать себя какъ будто аршинъ проглотивъ. Что касается до знаменитыхъ особъ, я бываю стѣснена уваженіемъ къ нимъ. Съ ними я должна напрягать свой умъ; иногда приходится съ напряженіемъ выслушивать ихъ рѣчи, а я люблю болтать, и когда молчу, то мнѣ скучно. Вотъ, я вся передъ вами опросталась! Бьюсь объ закладъ, что вы въ восторгѣ отъ этой болтливой страницы: ибо я замѣчала, что вы именно любите тѣ мои письма, которымъ я не придаю значенія и про которыя мамзель Кардель сказала бы, что въ нихъ нѣтъ никакого смысла. Но сегодня у меня охота болтать. Вы мнѣ говорите: «Какая доброта!» Отвѣтъ: «Можетъ быть». Діалогъ между Нѣмецкимъ барономъ и мною. Нѣмецкій баронъ: «Какая смѣсь величія, чувства и характера, веселости и этой доброты и пр.» Я: «Величія! Вспомните, кто я. Чувства! Я женщина. Характера! Чортъ побери! Было съ чего запастись имъ. Веселости! Въ ней моя сила. Доброты! Но коль скоро сердце доброе, оно ищетъ добра повсюду; а дурное тоже повсюду даетъ себя знать». Прочтя страницу, я сейчасъ скажу, что авторъ ея съ добрымъ или съ дурнымъ сердцемъ. Всякій ищущій епископства получаетъ его не по своему краснорѣчію или знанію, но по тому, на сколько въ проповѣди, которую онъ произноситъ въ моемъ присутствіи, проглядываетъ сердечной доброты. Чтò бы онъ ни говорилъ, но выдастъ себя, потому что

⁷⁾ Въ подлинникѣ слѣдуетъ Нѣмецкій переводъ отиѣченныхъ ковычками словъ, которыя въ письмѣ къ Гримму написаны Екатериною порусски.

это, безъ его воли и вѣдома, скажется всюду. Оттого у насъ много епископовъ, какихъ трудно сыскать во всѣхъ другихъ странахъ. Скажете, что они берутся изъ состоянія противуестественнаго, изъ монашескаго. Но Александръ Невскій тоже сдѣлался монахомъ, а онъ имѣлъ доблести героическія до такой степени, что когда нибудь я напишу въ похвалу ему слово, будучи недовольна тѣмъ, которое произносится въ день, посвященный его памяти. Я велю произнести это слово, когда мой Александръ придетъ въ возрастъ и будетъ въ состояніи дѣйствовать, на что въ моемъ словѣ, разумѣтся, не будетъ намѣковъ. Мнѣ все равно, будутъ ли у него сестры; но ему нуженъ младшій братъ, коего исторію я напишу, разумѣтся, если онъ будетъ одаренъ ловкостью Цезаря, способностями Александра; коль же скоро это будетъ плохой господинъ, я воскликну: давайте мнѣ третьяго! и такъ далѣе. Дочери всѣ будутъ плохо выданы за-мужъ, потому что ничего не можетъ быть несчастіе Россійской великой княжны. Онѣ не сѣмѣютъ ни къ чему примѣниться; все имъ будетъ казаться мелочно. Это выдутъ существа рѣзкія, крикуньи, охулительница, красивыя, непослѣдовательныя, выше предразсудковъ, приличій и людской молвы. Конечно, у нихъ будутъ искатели, но это поведетъ къ безконечнымъ недоумѣніямъ, и хуже всѣхъ придется той, которая будетъ называться Екатериною⁸⁾: самое имя доставитъ ей больше неприятностей сравнительно съ сестрами. При всемъ томъ, можетъ случиться, что жениховъ не оберешься. Мнѣ бы хотѣлось помочь этому, назвавши всѣхъ ихъ, хотъ бы народилось десять, именемъ Маріи. Тогда, мнѣ кажется, онѣ будутъ держать себя прямо, заботиться о своемъ станѣ и цвѣтѣ лица, ѣсть за четверыхъ, благоразумно выбирать книги для чтенія, и на послѣдокъ изъ нихъ выдутъ отличныя гражданки для какой хочешь страны⁹⁾. Но Боже мой, чтò же это такое? О чемъ пишутъ люди! Чудесно устроены у нихъ головы!

Кстати о будущемъ. Вы станете говорить о моихъ собакахъ, объ Рафаелевыхъ ложахъ, Бибиенѣ, Блэкстонѣ. Будьте добры, занесите въ списокъ, о чемъ вамъ говорить, Ангорскаго кота, которымъ князь Потемкинъ отдалъ меня за Сервскій сервизъ. Это надъ котами котъ, веселый, умный, вовсе невзбалмошный и именно такой, какъ вамъ хочется, чтобъ былъ котъ съ бархатными лапками. По поводу этого кота надо рассказать вамъ, каково было изумленіе принца Генриха, когда князь Потемкинъ вогналъ въ комнату, гдѣ мы сидѣли, обезьяну. Въмѣсто того, чтобы продолжать пріятный разговоръ съ принцемъ, я начала играть съ обезьяною. Принцъ выпучилъ глаза; но дѣлать было нечего: штуки, которыя выдѣлывала обезьяна, вывели его изъ недоумѣнія.

⁸⁾ Екатерина Павловна родилась черезъ десять лѣтъ послѣ этого письма. При ея рожденіи, Екатерина забыла про этотъ отзывъ свой.

⁹⁾ Читателю чувствуется въ этихъ строкахъ самолюбивая, державная свегровь, съ отгнѣномъ злорадства относящаяся къ семейнымъ доблестямъ невѣстки, коими судьба обдѣлала ее самою.

Получила два письма отъ патриарха изъ Парижа. Сегодня вечеромъ ѣду въ Царское Село, гдѣ кончу это письмо.

Царское Село, 11 Июля.

Вчера у меня очень болѣла голова. Однако я была въ церкви, потому что было Воскресенье. Потомъ, вмѣсто обѣда, я проспала три часа, потомъ отлично убралась и смотрѣла гренадерскій полкъ, и потомъ ходила пѣшкомъ вокругъ пруда, все жалуясь на голову. Сегодня легче, но ума осталось съ иголку.

9.

Царское Село, 21 Июня 1778.

Увы! Доселѣ я питала надежду, что слухи о кончинѣ Вольтера невѣрны, но вы мнѣ подтверждаете ихъ. Получивъ ваше письмо, я вдругъ ощутила всемирную утрату и вмѣстѣ съ тѣмъ величайшее презрѣніе ко всему на здѣшнемъ свѣтѣ. Май мѣсяцъ для меня роковой. Я лишилась двухъ людей, которыхъ никогда не видала, которые меня любили, и я ихъ почитала: Вольтеръ и Чатамъ ¹⁰⁾! Долго, долго и можетъ быть во вѣки вѣковъ, никто не сравнится съ ними, особливо съ первымъ изъ нихъ, и никогда никто не превзойдетъ, и для меня они безвозвратно погибли! Хоть кричать, такъ въ ту же пору. Но возможны ли гдѣ нибудь, кромѣ той страны, гдѣ вы живете, такіе переходы отъ почета къ обидѣ и отъ разума къ безумію? Послѣ всенароднаго чествованія черезъ нѣсколько недѣль лишать человѣка погребенія, и какого человѣка! Перваго въ народѣ, его несомнѣнную славу. Зачѣмъ вы не завладѣли его тѣломъ, и притомъ отъ моего имени? Вамъ бы слѣдовало переслать его ко мнѣ, и ей ей это промахъ съ вашей стороны, первый въ вашу жизнь. Ручаюсь, что ему была бы у насъ великолѣпнѣйшая гробница. Но если у меня нѣтъ его тѣла, то непременно будетъ ему памятникъ. Осенью, вернувшись въ городъ, я соберу письма, которые писалъ ко мнѣ великій человѣкъ, и перешлю ихъ къ вамъ. У меня ихъ много. Но если возможно, купите его библиотеку и все, что осталось изъ его бумагъ, въ томъ числѣ мои письма. Я охотно и щедро заплачу его наследникамъ, которые, вѣроятно, не знаютъ всему этому цѣны. Вы меня очень одолжите также, доставивши мнѣ Крамера ¹¹⁾, не только самое полное изданіе сочиненій, но и всѣ листки, вышедшіе изъ подъ пера его. Я устрою особую комнату для его книгъ.

10.

Царское Село, 11 Августа 1778.

Знаете ли, чѣмъ виноваты передо мною Американскіе крейсера? Они захватываютъ у меня купеческіе корабли, идущіе изъ Архангельска. Этимъ отличнымъ ремесломъ занимались они въ Юль и Ав-

¹⁰⁾ Чатамъ или Питтъ Старшій умеръ 11 Мая, а Вольтеръ 30 Мая этого 1778 года; тогда же умеръ и Руссо, но его Екатерина не жаловала.

¹¹⁾ Издатель сочиненій Вольтера въ Женевѣ.

густѣ; но я вамъ общаю навѣрно, что въ будущемъ году, если кто вздумаетъ коснуться Архангельской торговли, тотъ заплатится мнѣ дорого. Я не братъ Густавъ, меня нельзя безнаказанно водить за носъ. Съ братомъ Густавомъ они могутъ дѣйствовать, какъ угодно; а со мною имъ придется кусать себѣ ногти. Я сердита, очень сердита. Вѣнская газета говорить, что Пруссаки повсюду одерживаютъ верхъ. Можетъ быть; но по моему, кто идетъ впередъ, тотъ всегда въ выигрышѣ. Въ послѣднюю войну, Французскіе первостатейные политики, какъ Дюранъ, Сабатье и Секель постоянно говорили о нашихъ пораженіяхъ, а мы шли впередъ и заключили миръ въ 500 верстахъ отъ Адрианополя.

II.

Спб., 1-го Октября 1778.

Уже давно въ дѣйствіяхъ моихъ я не обращаю вниманія на двѣ вещи и не принимаю ихъ вовсе въ расчетъ: вопервыхъ людскую благодарность и вовторыхъ исторію. Дѣлаю добро для добра, вотъ и все тутъ. Это меня подняло и прогнало тоску и безучастіе ко всему на здѣшнемъ свѣтѣ, которымъ я поддалась, узнавъ о смерти Вольтера. Впрочемъ, онъ мой учитель. Ему или вѣрнѣе его сочиненіямъ я обязана образованіемъ моего ума и головы. Я вамъ нѣсколько разъ говорила, что я его ученица. Будучи моложе, я любила ему нравиться. Сдѣлавъ что нибудь, я тогда только была довольна, когда сдѣланное стоило, чтобъ о немъ сообщить ему, и онъ тотчасъ былъ извѣщаемъ. Онъ до того къ этому привыкъ, что бранилъ меня, когда я не посылала ему вѣстей и они доходили къ нему со стороны. Въ послѣдніе годы я сдѣлалась неисправна въ этомъ отношеніи, вслѣдствіе быстроты событій, которыя предшествовали миру и за нимъ слѣдовали, а огромная предпринятая мною работа отучила меня отъ писемъ, такъ что писать ихъ стало мнѣ не такъ легко и не такъ охотно.

Благодарствуйте за вашу увѣренность въ томъ, что я продолжаю садить, устраивать, хлопотать и пр. Такъ точно: все идетъ своимъ чередомъ по прежнему; но Вольтера нѣтъ, и Англія лишилась еще лорда Чатама. Вы находите, что Англія не измѣнила себѣ въ воздаяніи почета его памяти и въ награду его потомству; а я такъ прочла о томъ и другомъ съ чувствомъ негодованія. Мнѣ казалось, что враги его хотѣли насмѣяться надъ нимъ. Какъ! Продажный парламентъ, радуясь его смерти, велитъ его похоронить и назначаетъ пенсію его дѣтямъ? Это напоминаетъ того тирана, Римскаго императора, который говорилъ, что тѣло умершаго врага хорошо пахнетъ. А зачѣмъ же не чтили его, когда онъ могъ быть полезенъ отечеству; зачѣмъ единогласно не принимали его мыслей и начинаній? Послѣдняя его рѣчь въ парламентѣ содержала въ себѣ тѣ самыя мысли, которыя я два года назадъ приписывала ему.—Если бы баронъ Гриммъ былъ моимъ посланникомъ, я бы его выбрала, отъ чего онъ моимъ именемъ не потребовалъ тѣла Вольтера, оставшагося безъ погребенія въ отечествѣ. Но надо быть со всякимъ справедливу: ни князь Барятинскій,

ни аббатъ Миньонъ ¹²⁾ не заслуживаютъ брани за то, что не проводили его ко мнѣ въ видѣ посылки.

Очень рада, узнавъ причину вашего молчанія. Я уже думала, что мой кредитъ у васъ колеблется и что какой нибудь Нѣмецкій князь вытѣснилъ васъ изъ моей памяти. Зная вашу страсть къ нимъ, я говорила себѣ: вѣрно онъ гоняется за какимъ нибудь рѣдкимъ гениемъ, какъ мы это видали.

Я собираю письма Вольтера. Вѣроятно Фальконетъ (уѣхавшій отсюда не простясь со мною) увезъ съ собою многія изъ нихъ. Онъ ихъ бралъ у меня для прочтенія, и если память мнѣ не измѣняется, никогда не возвращалъ. Какъ скоро они найдутся, запечатаю и пошлю къ вамъ. До сихъ поръ сыскано 92. Знаменитая чернильница и два бюста Вольтера составляютъ украшеніе моего Эрмитажа. Бюстъ безъ парика мнѣ больше нравится. Вы знаете мое отвращеніе къ парикамъ и особливо къ бюстамъ въ парикахъ. Мнѣ все кажется, что всякій парикъ надѣвается ради шутовства. Кавалеру Тейсоньеру отдала я пакетъ, который вы ко мнѣ прислали для него. Князь Потемкинъ полюбилъ этого офицера и охотно съ нимъ бесѣдуетъ; въ частыя свои поѣздки онъ беретъ его къ себѣ въ коляску и забавляется его рассказами о путешествіяхъ и походахъ его.

12.

17, 18 или 19 Октября 1778.

Только что отвезли на почту письмо мое отъ 1-го Октября (которое, мимоходомъ сказать, кончено только нынче), какъ я вспомнила, что многое множество забыла сказать вамъ, а именно подписаться на сто экземпляровъ сочиненій Вольтера, новаго изданія. Дайте мнѣ творенія моего учителя, полныхъ сто экземпляровъ, чтобы мнѣ разослать ихъ повсюду. Я хочу, чтобы они служили поученіемъ, хочу, чтобы ихъ изучали, вытверживали наизусть, чтобы умы питались ими: они образуютъ гражданъ, гениевъ, героевъ и авторовъ; отъ нихъ разовьется сотня тысячъ дарованій, которыя иначе затерялись бы во мракѣ, невѣжествѣ и пр. ¹³⁾ Смотрите, куда я занеслась! Кто въ этомъ усумнится, коль скоро я взялась за перо, и кто можетъ предсказать, чѣмъ кончится этотъ листъ? Пожалуйста, достаньте мнѣ лицевую сторону Фернейскаго замка и, если возможно, внутреннее расположеніе покоевъ. Я непременно устрою Фернейскій замокъ въ Царскосельскомъ паркѣ. Мнѣ надобно знать также, какіе покои въ замкѣ на Сѣверъ и какіе на Югъ, Востокъ и Западъ. Еще важно имѣть свѣдѣніе, видно ли Женевское озеро изъ оконъ замка, и съ какой стороны, а также гора Юра. Еще вопросъ: есть у замка подъѣздный дворъ, и съ какой стороны? Какъ же вамъ нравится эта

¹²⁾ Племянникъ Вольтера.

¹³⁾ На сколько права Екатерина въ своемъ поклоненіи Вольтеру, представляется судить читателю; но то несомнѣнно, что, по счастливому выраженію одной изъ нашихъ современницъ, чтеніемъ Вольтера «обтачиваются способности ума».

мысль, и отчего бы ей не понравиться? Правда, что она не нова. Я не одобряю мысли Пэнкука ¹⁴⁾ выпустить напередъ новыя творенія Вольтера. Мнѣ хочется имѣть его всего, въ порядкѣ времени, по годамъ, когда онъ писалъ. Я педантка и люблю слѣдить въ сочиненіяхъ за ходомъ авторскаго ума, и повѣрьте мнѣ, такое распредѣленіе несравненно благоразумнѣе, нежели обыкновенно думаютъ. Обсудите хорошенько и согласитесь, что я права. Я могла бы написать вамъ объ этомъ цѣлое разсужденіе, съ обозначеніемъ зеленаго, зрѣлаго и перезрѣлаго.

Правда, что кардиналъ Бернисъ доставилъ мнѣ изъ Рима списокъ съ процесса Анны Боленъ ¹⁵⁾; но, признаюсь, я желала не этого процесса, а классическихъ писателей, Греческихъ и Латинскихъ; мнѣ говорили, что въ тамошней библіотекѣ есть вещи никому неизвѣстныя.

Дальше рѣчь идетъ про Ивана Николаевича Корсакова (который умеръ въ Москвѣ позднѣе всѣхъ любимцевъ Екатерины и къ которому Пушкинъ вѣжалъ слушать его разсказы про Екатерину). Его Государыня прозвала Пирромъ, царемъ Эпирскимъ. Онъ былъ отъѣнный красавецъ и, будучи родомъ изъ Малороссіи, любилъ музыку.

Удивленіе, государь мой, и восторгъ внушаются образцовыми произведеніями природы. Прекрасныя вещи падаютъ и разбиваются передъ величіемъ, какъ идола передъ кивотомъ Господнимъ. Когда Пирръ заиграетъ на скрипкѣ, собаки его слушаютъ; когда онъ запоетъ, птицы прилетаютъ внимать ему, словно Орфею. Всякое положеніе, всякое движеніе Пирра изящно и благородно. Онъ свѣтитъ какъ солнце и вокругъ себя разливаетъ сіяніе. И при всемъ томъ ничего изнѣженнаго; напротивъ, это мужчина, лучше какого вы не придумаете. Словомъ, это Пирръ, царь Эпирскій. Все въ немъ гармонія, ничего отрывочнаго. Таково дѣйствіе драгоценныхъ даровъ, которыми природа соединила и которыми надѣлила красоту свою. Искусство тутъ не при чемъ, а изысканности нѣтъ и тѣни ¹⁶⁾.

13.

7 Декабря 1778

Я тотчасъ, не читая, спрятала Нѣмецкую рукопись барона Дальберга въ ящикъ, куда собираю сочиненія о школахъ, гимназіяхъ и университетахъ. Нетерпѣливо жду что вы можете еще мнѣ доставить по этой части, согласно вашему обѣщанію; потому что со временемъ все это пойдетъ въ дѣло, если только Богъ пошлетъ мнѣ годы покойнаго слуги Своего Маеусаила.

¹⁴⁾ Издателя Вольтеровыхъ сочиненій.

¹⁵⁾ Супруги Генриха VIII-го, короля Англійскаго.

¹⁶⁾ Сохранилось нѣсколько писемъ Екатерины къ И. Н. Корсакову, вполне соответствующихъ этимъ отзывамъ.

1779 годъ.

1

Въ ночь съ 1 на 2 Января 1779.

Коль скоро Рейфенштейнъ ¹⁾ будетъ продолжать свои предложенія черезъ посредство Шувалова, онъ можетъ быть увѣренъ, что покупщицею буду не я; ибо, во первыхъ Шуваловъ ²⁾ уже два мѣсяца боленъ разслабленіемъ въ ногахъ и не выѣзжаетъ; вовторыхъ, когда онъ и здоровъ, то долго не рѣшается говорить со мною: ему очень жаль моихъ денегъ. Въ доброе старое время обходились безъ этихъ вещей и, соблюдая больше противъ нынѣшняго экономію, не имѣли ни денегъ, ни картинъ. Нынѣшнее время виновато, а доброе старое время надлежитъ уважать, и онъ обижается, когда придумаютъ, чего ему самому не пришло въ голову. Короче сказать, всякій разсуждаетъ по своему; но во всякомъ случаѣ этимъ путемъ продать и купить трудно. Въ добавокъ, онъ сдѣлался такъ благочестивъ, что не предложитъ мнѣ Тиціановой Венеры, считая то за грѣхъ. Графъ Караманъ утвердилъ его въ состояніи благодати, и благочестіе немало способствовало разслабленію ногъ, такъ какъ прошлымъ лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ онъ проводилъ цѣлыя ночи, молясь Богу на колѣняхъ.

2.

Царское Село, 16 Апрѣля 1779.

Если синьоръ маркизъ Гриммъ захочетъ сдѣлать мнѣ удовольствіе, то онъ напишетъ Рейфенштейну, чтобы тотъ сыскалъ мнѣ двухъ хорошихъ архитекторовъ, родомъ Итальянцевъ, искусныхъ въ своемъ дѣлѣ, пригласилъ бы ихъ въ службу ея величества императрицы Всероссийской по контракту, на столько-то лѣтъ и препроводилъ ихъ изъ Рима въ Петербургъ, въ видѣ ящика съ инструментами. Онъ не дастъ имъ милліоновъ, но приличное и сходное жалованье и выберетъ людей честныхъ и разсудительныхъ, отнюдь не въ родѣ Фальконета, ходящихъ по землѣ, а не летающихъ на воздухѣ. Онъ велитъ имъ обратиться ко мнѣ, или къ барону Фридрихсу, или къ графу Брюсу, или къ Эку, или къ Безбородкѣ или къ черту и его бабушкѣ, лишь бы мнѣ имѣть ихъ; потому что всѣ мои стали либо слишкомъ стары, либо слишкомъ слѣпы, либо слишкомъ медлительны, либо слишкомъ лѣнны, либо слишкомъ молоды, либо слишкомъ бездѣльны, либо слишкомъ большіе господа, либо слишкомъ богаты, либо слишкомъ тяжеловѣсны, либо слишкомъ легкомысленны.... словомъ, все что угодно, только не то что мнѣ нужно.

¹⁾ Знатокъ древностей, жившій въ Римѣ.

²⁾ И. И. Шуваловъ, бывшій любимецъ Елисаветы Петровны и въ это время оберъ-камергеръ.

3.

Царское Село, 7 Мая 1779.

Смерть какъ устала, вернувшись съ крестинъ господина Константина, явившагося на свѣтъ 27 Апрѣля 1779. Этотъ чудакъ заставлялъ ожидать себя съ половины Марта и, тронувшись наконецъ въ путь, выпалъ на насъ какъ градъ, въ полтора часа. Старушки, его окружающія, увѣряютъ, что онъ похожъ на меня какъ двѣ капли воды. У меня спросили, кому быть воспреемникомъ. «Всего бы лучше любезнѣйшему другу моему Абдуль-Гамиду», отвѣчала я; «но такъ какъ Турку нельзя крестить Христіанина, то по крайней мѣрѣ сдѣлаемъ ему честь и назовемъ младенца Константиномъ». И вотъ всѣ кричатъ: Константинъ! И вотъ Константинъ, толстъ какъ кулакъ, и вотъ я справа съ Александромъ, а слѣва съ Константиномъ. Подобно отцу Тристрама-Шанди, люблю звучныя имена. Въ Греческой церкви даютъ ихъ только по одному, слѣдовательно съ дюжину еще останется дать. Но этотъ послабѣе старшаго брата, и при малѣйшемъ холодѣ прячетъ носъ въ пеленки.

4.

Царское Село, 29 Мая или, можетъ быть, 30-го, 1779.

Отговорите вашего статскаго совѣтника отъ поѣздки сюда. Скажите ему, что я хороша только издали, какъ всѣ мои братья и сестры. Боюсь Робеновъ, какъ огня, послѣ опыта съ г-номъ Деларивьеромъ³⁾. Парики у нихъ густы, а у насъ париковъ не носятъ.

Императрица никогда не дастъ вамъ исторіи, потому что перо у нея не историческое, а пригодное лишь для ея ремесла. Но знаете, заговоривъ мнѣ объ Александрѣ, вы тронули слабую мою сторону. Прежде я вамъ писала, что этотъ князь въ добромъ здоровьи; но нынѣ уже можно прибавить, что онъ обнаруживаетъ смыслъ, необыкновенный для ребенка въ его возрастѣ. Я отъ него безъ ума, и если бы можно, всю жизнь держала бы подлѣ себя этого мальчугана. Нравъ у него всегда одинаковъ, потому что онъ здоровъ, и этотъ нравъ состоитъ въ томъ, что онъ всегда веселъ, привѣтливъ, предупредителенъ, ничего не боится и прекрасенъ, какъ амуры. Дитя это есть предметъ всеобщаго восхищенія, и особливо моего. Могу дѣлать изъ него что мнѣ угодно. Онъ ходитъ одинъ. Когда рѣжутся у него зубы, то даже боль не мѣняетъ его нрава: смѣясь и забавляясь онъ показываетъ, что ему больно. Онъ понимаетъ все, что ему говорятъ. Изъ знаковъ и звуковъ составилъ онъ себѣ языкъ, очень вразумительный. Самая веселая музыка наиболѣе его забавляетъ. Паизиелло скажетъ вамъ, какую роль играетъ онъ въ кон-

³⁾ Кто Робень, намъ неизвѣстно; а Деларивьеръ пріѣзжалъ въ Россію съ притязаніями занять важное мѣсто и оболванивать грубыхъ Россіянъ; но Екатерина умѣла его выпроводить.

цертъ, который онъ иногда устраиваетъ и разстроиваетъ на свой ладъ; какъ онъ приходитъ просить, чтобы ему сыграли что ему нравится, и какъ потомъ по своему благодарить.

5.

Петергофъ, 1 Июля 1779.

Г-нъ оберъ-камергеръ ⁴⁾ ѳздилъ въ Москву и дорогою заѳзжалъ во всѣ монастыри. Онъ днемъ и ночью молится до истощенія силъ. Онъ сдѣлался блѣденъ и тощъ, Богъ вѣсть по какой причинѣ. При этомъ все еще хочется удержать за собою старинную славу любезности, въ которой однако про себя онъ раскрывается. Отсюда вздохи и еще больше нерѣшительности. Право, жаль на него смотрѣть.

Что касается до Александра, предоставьте его самому себѣ. За чѣмъ хотите, чтобы онъ обдумывалъ и узнавалъ что думали и знали до него? Учиться не трудно; но, по моему, нужно, чтобы голова ребенка и его способности развились, прежде чѣмъ оглушать его множествомъ историческихъ событій; ихъ тогда надо представлять ему съ разборомъ. Боже мой! Чего не дѣлаетъ природа, того не можно произвести никакимъ ученымъ; но ученье часто заглушаетъ собою прирожденную остроту, и вѣтъ ничего хуже людей съ натертымъ умомъ и знаніемъ, какъ говорила покойная госпожа Жофрень.

6.

Петергофъ, 5 Июля 1779.

Возможно ли разбирать ничтожныя имена, даваемые при крещеніи? Видно, дѣлать нечего, когда привязываются къ этому. Чтожъ, по вашему, Александра и Константина слѣдовало назвать Никодимомъ или Ѳаддеемъ? Вѣдь имъ нужно было имя. Первый названъ по имени святаго, который есть покровитель его роднаго города; а второй родился за нѣсколько дней до своего святаго. Очень просто, о чемъ тутъ толковать? Случилось, что имена эти звучны. Моя ли эта вина? Я вовсе не отрицаю, что гармоническія имена мнѣ нравятся. Последнимъ именемъ воспалилось воображеніе рѣмачей, которые протрезвонили мнѣ разныхъ разностей. Я имъ сказала, чтобы они отпавлялись пасти гусей и не называли ни кума, ни кумы и оставили меня въ покоѣ, такъ какъ, благодареніе Богу, я храню мой покой посредствомъ ушей. Вы не знаете худшаго: по несчастію, первые пять дней, крестникъ кума имѣлъ кормилицу прекрасную какъ день, родомъ Гречанку, по имени Елену. Эта Елена, видно, какъ другая Елена, произвела страшную тревогу. Къ счастью, Елена заболѣла, и ее отослали, и тревога, произведенная Еленою, улеглась къ великому моему удовольствію.

Безбородко вздумалъ составить списокъ событій, достопамятныхъ и общественныхъ предметовъ, за семнадцать послѣднихъ лѣтъ. Онъ

⁴⁾ И. И. Шуваловъ, лѣтъ пятнадцать прожившій за границею и возвратившійся въ Петербургъ осенью 1777 г., ѳздилъ въ Москву къ сестрѣ своей княгинѣ Прасковѣ Ивановнѣ Голицыной.

мнѣ принесъ его въ день, когда начался нашъ осмнадцатый годъ. Этотъ списокъ довольно объемистъ; но я удивилась его краткости и чтобы узнать, нѣтъ ли опущеній, велѣла провѣрить его по каждому вѣдомству. Напримѣръ, не упомянуто о работахъ на Двинѣ въ Ригѣ, а они немаловажны и могли бы найтн себѣ уголокъ въ списокѣ. Путру я законодательствую; потомъ идутъ текущія дѣла. Въ десять съ половиною—Александръ въ то время, какъ я одѣваюсь. Говорятъ, что я образую изъ него забавное существо, исполняющее все что мнѣ угодно. Онъ веселъ и любезенъ, сколько можно въ его возрастѣ. Я его не видала четыре дня, и мнѣ было его испортили; но все исправлено къ полнѣйшему удовольствію папеньки и маменьки (ахъ, это немало!), которые не знали, какъ съ нимъ справиться.

7.

Царское Село, 30 Іюля 1779.

Какая у насъ жара эти два мѣсяца! Боюсь растаять и никогда въ жизнь такъ не потѣла. Но странно, что здѣшняя трава нисколько отъ этого не въ накладѣ, а напротивъ лучше чѣмъ когда либо. Вчера, на прелестномъ театрѣ моемъ, въ которомъ помѣщается до 500 человекъ, опять давали «Пулмонію», и я хотела безъ умолку, и еще другую піесу, въ которой слова: «Salve, tu domine Argati-phontidas, salutem tibi per me». Я пою эти слова, и на маскарадѣ 22 Іюля подошла къ Паизиелло и пропѣла ему его арію, чѣмъ онъ конечно пошелъ хвастать передъ своими знакомыми. Святѣйшій Синодъ былъ на вчерашнемъ представленіи, и они хотали до слезъ вмѣстѣ съ нами³⁾. Видите, тогда какъ вы деретесь, мы поемъ и хохочемъ: всякому свое въ здѣшнемъ мірѣ. Однако я желаю отъ всего сердца, чтобы весь міръ пѣлъ и хохоталъ, а о битвахъ чтобъ не было больше и помину. У насъ распространяется другое зло: это новыя губерніи. Ихъ будетъ осмнадцать, согласно новому преобразованію, имѣющему состояться въ концѣ года. Прощайте. Мнѣ надо идти учить Александра азбукѣ.

8.

Я узнала о кончинѣ Менгса⁴⁾ изъ газетъ и вскрикнула отъ горести. Страшно, что всѣ насъ покидаютъ, и въ дѣлѣ искусства остаются только прощелыги. Остановитесь, сударыня, прощелыги рядомъ съ Менгсомъ! Не то, скажутъ: такъ-то вы ободряете искусства и науки! Слушайте! Ни вы, ни Рейфенштейнъ, ни Испанскій посланникъ, не имѣете никакого права на двѣ тысячи скуди, полученныхъ Менгсомъ чрезъ посредство оберъ-камергера. Деньги эти принадлежатъ неустроеннымъ или малолѣтнимъ или необезпеченнымъ дѣтямъ покойнаго Менгса. Это тайна, которую вамъ ввѣряю. Если хотите или найдете нужнымъ, вытребуйте эти деньги моимъ именемъ; но они неприкосновенны, и вы съ Рейфенштейномъ дѣйствуйте какъ душе-

³⁾ И въ началѣ Екатерининскаго царствованія, какъ видно изъ Записокъ Порошина, члены Синода бывали на придворныхъ спектакляхъ.

⁴⁾ Рафаэля Менгса, знаменитаго живописца.

прикащики, положите деньги въ ростъ или какъ знаете, лишь бы они достались его дѣтямъ. Вотъ сколько шуму изъ-за этихъ денегъ! Подумаешь, миллионы.

Я нахожу, что вы искусный негодіаторъ и ходите какъ кошка кругомъ горшка, прежде чѣмъ раскроетъ его. Въ дѣлѣ двухъ архитекторовъ вы поступали, словно заключали миръ или присутствовали на конгрессѣ. Это несравненно и служить прекраснымъ обращеніемъ, какъ вести дѣла. Любезный Типбейнъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь, представилъ намъ модель одного театра и рисунокъ другаго; одинъ будетъ построенъ въ Петергофѣ, а другой въ Москвѣ. Вы знаете, между прочимъ, что страсть къ постройкамъ усилилась у насъ какъ никогда, и ни однимъ землетрясеніемъ не разрушено столько зданій, сколько мы ихъ строимъ. Стройка дѣло дьявольское, она пожираетъ деньги, и чѣмъ больше строишь, тѣмъ больше хочется строить. Это болѣзнь, какъ запой, или она обращается въ какую-то привычку. Теперь я завладѣла мистеромъ Камерономъ. Это Шотландецъ родомъ, Якобитъ по исповѣданію, великій чертежникъ, напивавшійся древностью и извѣстный книгою о древнихъ баняхъ. Мы здѣсь устроиваемъ съ нимъ террасу съ банями внизу и галлерею наверху. Выдетъ прекрасно! Я очень рада, что Гваренги пріѣдетъ съ женою; будетъ съ кѣмъ провести время женѣ Паизиелло, которая всегда почти одна прогуливается у меня въ саду. Я давно уже желала, чтобы ей было съ кѣмъ гулять.

Поговоримъ объ Александрѣ. Это дитя любитъ меня по внутреннему влеченію. Только что увидитъ меня, онъ уже доволенъ. Чтò я ему скажу, исполняетъ въ точности. Онъ перестаетъ плакать, когда я вхожу; а когда весель, при моемъ появленіи веселость его усиливается. Я его наставляю сообразно его понятію, и онъ уступаетъ моему вразумленію. Однажды, видя это, князь Орловъ удивился и сказалъ: вотъ дитя, которому еще нѣтъ двухъ лѣтъ, которое не умѣетъ говорить, и однако его можно вразумить. Но не со всѣми онъ такъ послушливъ.

9.

Сиб. 7 Декабря 1779.

Очень мнѣ жалко, что вы мучаетесь, будучи такъ долго прикованы къ этому болѣзненному ложу. Троншенъ со всею своею наукою безсиленъ противъ разнообразныхъ проявленій госпожи природы. Относительно темпераментовъ и способовъ, лекаря точно авгуры: встрѣчаясь другъ съ другомъ, имъ всякій разъ слѣдовало бы хохотать надъ собственнымъ невѣжествомъ и надъ довѣрчивостью остальныхъ смертныхъ.

Хотите, я скажу вамъ чтò думаю объ этомъ Тешенскомъ мирѣ, который такъ у васъ возвеличенъ и о славѣ, которая, по вашему, подобаетъ миротворителямъ! Въ жизнь мою я не приписывала славы дѣламъ, о которыхъ было много крику. Всякій кричитъ или молчитъ сообразно своей выгодѣ. Это не то. Слава, которую я люблю, часто всего менѣе разглашается; ею творится добро не для настоящаго

только времени, но и для временъ будущихъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію до безконечности. Эта слава иной разъ производится однимъ словомъ или одною буквою, прибавленною или опущенною. На поиски ея даже ученые люди пойдутъ съ фонаремъ въ рукѣ и стукнутся объ нея носомъ, ничего въ ней не понимая, коль скоро нѣтъ въ нихъ генія, способнаго къ разъясненію. Ахъ, милостивый государь, передъ долею такой славы меркнуть въ глазахъ моихъ всѣ славяшки, о которыхъ бы мнѣ захотѣли говорить. Но полно; станемъ работать въ тихомолку, будемъ дѣлать добро для добра, и всему остальному предоставимъ болтать. Строгановъ отнюдь не забылъ Парижа; онъ у него постоянно на устахъ. Вы говорите, что, судя по лицу, императрица все та же; но съ нѣкотораго времени она чрезвычайно какъ любить быть одна. У нея нѣтъ своей минуты. Двадцати четырехъ часовъ ей мало. Она много пишетъ и читаетъ, все ей некогда, работаетъ безъ перерыву и все-таки меньше, чѣмъ бы хотѣла. Огромныя кипы занимаютъ три полки. Ничего не кончено, многое перебѣлено, многое въ половинѣ, одинъ предметъ цѣпляется за другой, несмѣтные запасы собраны отовсюду и готовы поступить въ дѣло.

Перехожу къ «Эпохамъ Природы» ⁷⁾. Да, тутъ есть что читать. По моему это гипотеза, дальше которой до сихъ поръ не простирался умъ или вѣрнѣе человѣческій геній. Ньютонъ сдѣлалъ гигантскій шагъ; это еще такой же. Да, милостивый государь, эта книга опять поддала мнѣ мозгу ⁸⁾. Какъ бы я желала, чтобы онъ все сказалъ; мнѣ кажется, что на эпохѣ человѣка онъ еще не совсѣмъ опорожнилъ свой запасъ. Правда, что мысль его, прослѣженная, становится довольно ясна. Да, да, берега Волги и даже Сибирь наполнены памятниками и могилами, созидаціями всякаго рода. Запрещено подъ смертною казнію разрывать ихъ, потому что въ началѣ сего вѣка и въ концѣ прошедшаго отъ этого нѣсколько разъ распространялась зараза. Ахъ, милостивый государь, Бюффонова гипотеза движетъ и сотрясаетъ умы.

Я люблю Корнелия. Онъ всегда возвышалъ мнѣ душу, и мнѣ досадно, когда касаются произведеній геніальнаго человѣка. Пишу это маленькими буквами, чтобъ осталось между мною и вами. Пусть всякій дѣлаетъ какъ можетъ; но поправлять произведеніе надлежитъ исключительно самому автору.

Знаете-ли, что къ числу величайшихъ уклоненій, которымъ предавался человѣческій родъ, принадлежитъ франъ-масонство. Я имѣла терпѣніе прочитать, въ печати и въ рукописяхъ, всѣ скучныя нелѣпости, которыми они занимаются, и съ отвращеніемъ убѣдилась, что, какъ ни смѣйся надъ людьми, они не становятся отъ того ни образованнѣе, ни благоразумнѣе. Отличныя басни! И возможно ли чело-вѣку разсудительному не кинуть ихъ, послѣ того какъ они всячески изобличены. Исторія Адонирама такъ глупа и столько разъ была повторяема, что надо бы вмѣстѣ съ нимъ прогнать къ чорту его вы-

⁷⁾ Сочиненіе Бюффона.

⁸⁾ Ce livre-là m'a rendu de la cervelle.

зываетей. И вотъ чѣмъ занимаются герои вѣка, и этотъ принцъ Фердинандъ во главѣ ихъ, и столько другихъ, и Вольтеръ принять къ нимъ. Но возможно ли это, и какъ они, встрѣчаясь между собою, не расхохочутся! Ваша пріятельница, мадамъ Бухвальдъ должна быть огорчена смертью маленькаго принца Готскаго, котораго герцогъ велѣлъ похоронить у себя въ саду на острову, какъ Жанъ-Жакъ Руссо въ Эрменонвиллѣ*). Мнѣ нравится это, и я желала бы, чтобъ такого рода погребеніе вошло въ моду.

1780-й годъ.

1.

11 Января 1780.

Желая удовлетворить любопытству одного больнаго, я принялась читать всѣ масонскія глупости и нелѣпности, и такъ какъ по этому случаю мнѣ приходилось ежедневно подсмѣиваться надъ многими, то члены масонскаго братства наперерывъ другъ передъ другомъ знакомили меня съ своимъ ученіемъ, въ надеждѣ совратить меня на свою сторону. Всѣ продавцы горчицы приносили мнѣ самую свѣжую горчицу изъ всѣхъ странъ и изъ всѣхъ ложъ, въ томъ числѣ и новыя ребяческія затѣи изъ вашей страны. Вотъ покажѣсть мой отвѣтъ; въ другой разъ пришлю, что еще произошло отъ этого.

Mettez pour légende:

«Inutile petit moyen

Dont il ne résulte rien» ¹⁾.

Это чудачество, увеличивая собою общее число человѣческихъ чудачествъ, по внѣшнему виду, есть соединеніе религиозныхъ обрядовъ съ ребяческими играми. Въ немъ явственно выразилась та страна, въ которой оно родилось, т. е. страна, изобилующая монастырями, духовными общинами, правовѣрующими и не правовѣрующими, монахами, аббатствами и пр. и пр. Всѣ тамъ находящіеся держатся наилучшихъ обѣтовъ. Тѣмъ не менѣе, въ просвѣщеннѣйшихъ странахъ до такой степени дознана польза, приносимая человѣчеству этими учрежденіями, что принимаются рачительныя мѣры къ уменьшенію числа ихъ. Кто дѣлаетъ добро для добра, какая ему нужда въ обѣтахъ, чудачествахъ, въ одѣянїяхъ нелѣпыхъ и странныхъ? Продавецъ горчицы, прочитавъ это, сказалъ мнѣ: «однако согласитесь, то, что я вамъ доставилъ, лучше прочаго?» На это я сказала: «Ясно вижу, что мудроено васъ вылечить; но вы хотите знать, что я о томъ думаю. Ну такъ скажу вамъ, что если сравнивать, то, по моему, ваше ученіе еще страннѣе и нелѣпнѣе прочихъ, такъ какъ въ немъ чудачество соединено съ ребячествомъ».

*) И какъ князь Г. Г. Орловъ былъ первоначально похороненъ на острову въ селѣ Отрадѣ, въ Серпуховскомъ уѣздѣ.

¹⁾ Возьмите себѣ вмѣсто вывѣски: бесполезное мелкое средство, которымъ ничего не достигнешь.

2.

2 Февраля 1780.

Пожалуста, пришлите мнѣ одинъ или два или нѣсколько экземпляровъ «Разговоровъ Эмили»²⁾, новаго умноженнаго изданія, потому что это книга отличная. Пользуясь ею, и заслужила отъ меня благоволеніе маленькаго моего друга Александра. Удивительно, какъ эта крошка любитъ слушать, когда съ нимъ говорятъ разумно.

Такъ какъ рѣшено, что у васъ хранится складъ моихъ мечтаній, то сего 1-го Марта 1780 года, посылаю вамъ вопросы, касающіеся Эпохъ Природы³⁾.

Вопросы, пришедшіе въ голову одному невѣжѣ, при чтеніи Эпохъ Природы.

1) Вещество, изъ котораго образовались планеты, отторглось отъ солнца. Послѣ такого отторженія солнце умалилось или нѣтъ въ своемъ объемѣ?

2) Въ наши дни возможны ли еще подобныя приключенія съ солнцемъ?

3) Почему же ничего подобнаго съ нимъ не случилось въ теченіи столькихъ столѣтій?

4) Комета беретъ ли у солнца вещество, для того чтобъ образовался свой малый міръ?

Я вовсе не знаю графа Бюффона, и мнѣ бы не хотѣлось обращаться къ нему съ вопросами столь легкими; но вы конечно читали его книгу; пожалуста отвѣчайте мнѣ и разрѣшите мои сомнѣнія.

3.

Полоцкъ, 21 Мая 1780, въ именини Константина, у котораго глаза отъ меня умне.

Я получила тетради «Живописнаго путешествія по Греціи». Тутъ на каждомъ шагу видна вражда Шуазеля съ товарищами противъ Россіи. Малѣйшее и самое невинное обстоятельство служитъ поводомъ къ эпиграммамъ и словоизреченіямъ, напоминающимъ собою тѣ сто тысячъ книжонокъ, которыя были напечатаны противъ насъ и которыя однако не помѣшали намъ сдѣлать то, что мы сдѣлали. Обратитъ вниманіе на глупости значить умножить число ихъ. Они должны быть презираемы. Но замѣчательно въ нихъ умонастроеніе и въ особенности закоренѣлая ненависть къ Русскому имени.

4.

Могилевъ, 25 Мая 1780.

Я пріѣхала сюда вчера утромъ и нашла г. Фалькенштейна, который находился здѣсь уже двое сутокъ. Узнавъ, что я ускорила мое путешествіе на четыре дня съ цѣлью пріѣхать раньше его, онъ по-

²⁾ Это педагогическое сочиненіе сожительницы Гримма, г-жи д'Эпинн (см. Р. Архивъ сего года, II, 464).

³⁾ Сочиненіе Бюффона.

скакала днемъ и ночью и прибыла сюда до меня. Вчера мы цѣлый день провели вмѣстѣ. Повидимому онъ не скучалъ. Я нашла, что онъ очень образованъ, любить говорить и говорить очень хорошо. Цѣлый день шелъ дождь, заставившій насъ провести вечеръ вмѣстѣ, точно какъ бы въ зимнее время года. Образцовыя училища (Normalschulen) были вчера однимъ изъ предметовъ нашей бесѣды. Судя по тому что я объ нихъ слышала, это должно быть превосходное изобрѣтеніе; но намъ-то нужны будутъ образцовые учителя. И тутъ тоже я нашла, что дѣти иной разъ непохожи на своихъ родителей. Мы, кажется, не особенно богомольны, что выражается особливо въ выборѣ книгъ для чтенія. Однако «Эпохи» еще не попались ему въ руки. Знаете, когда видишь переодѣтыхъ кесарей, точно будто поднимаешься на воздухъ: носъ къ верху, и обнюхиваешь воздухъ, что, какъ вы сами можете понять, мѣшаетъ съ должною тщательностью отвѣчать на получаемыя письма.

26 Мая

Вчера вечеромъ мы были въ комической оперѣ и, бесѣдуя со мною, г. Фалькенштейнъ наговорилъ вещей достойныхъ напечатанія. Мысли у него глубокія и конечно послужатъ къ безконечной его славы, если онъ приведетъ ихъ въ исполненіе. Я не смѣю оглашать ихъ, потому что они были мнѣ передаваемы на ухо, не изъ плутовства, а изъ скромности.

27 Мая.

Отсюда, сидя въ шестимѣстной каретѣ, рядомъ другъ съ другомъ, графъ Фалькенштейнъ и я, мы ѣдемъ въ Смоленскъ, до котораго двѣсти верстъ. Оттуда она поѣдетъ въ Москву и возвратится черезъ Петербургъ, куда я отправлюсь ждать его. Мы говорили про все на свѣтѣ, слѣдовательно и про васъ, а какъ онъ все знаетъ, то ему извѣстно, что вы были въ Вѣнѣ съ графами Румянцовыми.—Нынче утромъ графъ Фалькенштейнъ и я мы были у католической обѣдни, которую служилъ Могилевскій епископъ въ сослуженіи іезуитовъ, эксъ-іезуитовъ и представителей всякаго рода духовныхъ и недуховныхъ орденовъ; мы больше смѣялись и болтали, чѣмъ слушали: онъ мнѣ разъяснялъ, а я раскрывала ротъ и поучалась. Прощайте! Бумага вся вышла.

Ключокъ, написанный въ Полоцкѣ, 20 Мая 1780, по возвращеніи отъ іезуитовъ.

Я была у нихъ нынче утромъ, слушала «Тебѣ Бога хвалимъ!» и посѣтила ихъ домъ. Тамъ полное веселіе. Вчера, вѣзжая сюда, я была поражена великолѣпіемъ ихъ представительности. Всѣ остальные ордена—свиньи въ сравненіи съ ними. Одно только, что они не пляшутъ. Къ намъ они пожаловали изъ всѣхъ странъ. Ей, ей подкладные люди! У нихъ здѣсь прекраснѣйшая церковь. Мнѣ они наговорили всяческихъ сладостей на всяческихъ языкахъ, кромѣ однако тѣхъ языковъ, которые я разумѣю. Ахъ, что за плутовскія рожи есть между ними!

5.

Царское Село, 25 Июля 1780.

Графъ Фалькенштейнъ выѣхалъ отсюда 10 числа и теперь долженъ быть близко отъ Вѣны. Не знаю какъ довольно похвалить его. Мало людей съ такимъ основательнымъ, глубокимъ и просвѣщеннымъ умомъ. Высокій союзникъ мой заказывалъ торжественную обѣдню за упокой души Вольтера. Но я не люблю подражать. Къ тому же негодится обижать живыхъ изъ любви къ покойникамъ.—Узнайте мнѣ, если можете, что думаетъ баронъ Дальбергъ⁴⁾ объ Австрійскихъ образцовыхъ школахъ. Я много слышала объ нихъ хорошаго, и потому запаслась всѣми книгами, которыя до нихъ относятся. Графъ Фалькенштейнъ доставилъ мнѣ ихъ самолично. Онъ говорилъ мнѣ, что объ васъ до него доходили отличнѣйшіе отзывы, и я просила его быть увѣрену, что эти отзывы справедливы.

6.

Спб. 7 Сентября 1780, за полночь.

Да будетъ Божіе благословеніе на Александрѣ! Тутъ есть уже воля и нравъ, и слышатся безпрестанно вопросы: Къ чему? Почему? Зачѣмъ? Мальчику хочется все узнавать основательно, и Богъ вѣсть, чего, чего онъ не знаетъ. Онъ не любитъ даже играть съ тѣмъ, кто знаетъ меньше его, потому что такой не можетъ удовлетворить нашимъ запросамъ. Сказанное бабушкою всего намъ дороже, и мы ей больше всего вѣримъ. При этомъ въ насъ любезность и врожденная веселость, не безъ насмѣшливости, но обворожительная. Ей, ей, коли онъ не удастся, то я не знаю, что можетъ удастся на этомъ свѣтѣ. Тутъ будетъ успѣхъ физическій и душевный, или я ничего въ этомъ не смыслю, или бѣлое должно обратиться въ черное. Все это весьма таинственно, загадочно, пророчественно и можетъ дать пищу умамъ подобнымъ уму Вагнера, т. е. привыкшимъ мучиться надъ растолкованіемъ пророческихъ писаній.

Мнѣ нужно покинуть на нѣсколько дней толстую книгу листового формата, изъ которой три мѣсяца я дѣлаю извлеченіе, и это извлеченіе, не обезсудьте, занимаетъ собою уже восемьдесятъ страницъ. Не спрашивайте, къ чему оно; потому что тогда я принуждена буду сообщить вамъ, что изъ этого извлеченія придется еще извлекать, и послѣ того наступитъ другая большая работа. Охъ, я тружусь надъ нею съ ослинымъ терпѣніемъ, три, четыре, пять, шесть лѣтъ. Но что

⁴⁾ Баронъ Дальбергъ (1744—1817), послѣдній курфирстъ Майнцкій и при Наполеонѣ великій герцогъ Франкфуртскій, сочинитель книги: Созерцанія Вселенной (Betrachtungen über das Universum), практическій философъ, подъ управленіемъ котораго въ то время, когда писано это письмо, процвѣталъ городъ Эрфуртъ и его область. Екатерина вѣроятно много слышала о немъ отъ императора Іосифа.

отсюда выдетъ, извѣстно дьяволу; ему я обязана и отвлеченіями отъ работы, потому что, кромѣ моего путешествія, у насъ теперь его королевское высочество, наследный принцъ Прусскій ⁵⁾. Еще здѣсь принцъ Делинъ, существо самое забавное и обходительное, умъ свойбытный и глубокомысленный, и при этомъ способный на дѣтскія шалости. Съ такими людьми легко ужиться.

1781 годъ.

1.

Царское Село, 25 Апрѣля 1781.

Посылаю вамъ для графа Бюффона подарокъ, который, по мнѣнію моему, непременно ему понравится. Это золотая цѣпь, найденная въ полѣ на берегу Иртыша, въ Сибири, крестьяниномъ, который пахалъ это поле. Цѣпь привезена въ Петербургъ какимъ-то купцомъ и очутилась у нѣкоторыхъ дамъ, которыя понадѣлали изъ нея запыстевъ и привѣскѣвъ къ часамъ. Я овладѣла ими и нѣкоторыя кольца послала въ Академію, а остальное прилагаю для г-на Бюффона. Крючки сдѣланы здѣсь; но четыре кольца, какъ утверждаютъ лучшіе здѣшніе золотыхъ дѣлъ мастера, такой работы, что ихъ ни сдѣлать, ни поддѣлать невозможно, и слѣдовательно они не отъ вѣка сего.

2.

Царское Село, 24 Мая 1781, въ годовщину моего прѣзда въ Могилевъ.

Шведскій король и принцъ Прусскій просили у меня и получили на обращикъ платъе, въ какомъ Александръ ходилъ съ шестимѣсячнаго возраста своей жизни ¹⁾. Тутъ нечего завязывать, и ребенокъ почти не замѣчаетъ, что одѣваютъ его. Ему за одинъ разъ всовываютъ руки и ноги въ эту одежду, и все готово. Тутъ выразилась моя геніальность, и оттого мнѣ захотѣлось, чтобъ вы о томъ знали. Надо вамъ сказать, что оба мальчишки растутъ и отмѣнно развиваются, и мои пріемы съ ними чудесно какъ удаются. Одинъ Богъ знаетъ, чего только старшій изъ нихъ не дѣлаетъ. Онъ складываетъ слова изъ буквъ, рисуешь, пишетъ, копаетъ землю, фехтуетъ, ѣздитъ верхомъ, изъ одной игрушки дѣлаетъ двадцать; у него чрезвычайное воображеніе, и нѣтъ конца его вопросамъ. Однажды захотѣлось ему узнать, отчего на свѣтѣ есть люди, и зачѣмъ самъ онъ явился на свѣтѣ или на землѣ. Въ головѣ этого мальчика признаки какой-то особенной глубины, и при этомъ онъ очень веселонравенъ. Вотъ от-

⁵⁾ Племянникъ Фридриха Великаго, по вступленіи своемъ на престолъ (въ Августъ 1786 года) недоброжелатель Екатерины. См. ея отзывъ о немъ въ Р. Архивъ сего года, II, 289.

¹⁾ Въ подлинномъ письмѣ Екатерина сдѣлала рисунокъ этого дѣтскаго платъя. Густавъ III-й и наследный принцъ Прусскій въ то время имѣли маленькихъ дѣтей. Первому изъ нихъ Екатерина, по его просьбѣ, писала о томъ, какъ она воспитываетъ своего старшаго внука (См. Р. Архивъ 1871, 1519).

чего я особенно забочусь, чтобы не направлять его ни къ чему. Онъ дѣлаетъ что хочетъ, и ему не даютъ только дѣлать что нибудь вредное себѣ и другимъ.

Вамъ сказали правду, что я чувствую себя хорошо. Повидимому, здоровье мое окрѣпло въ послѣдніе два года. На простуду въ рукѣ я не обращала вниманія, и теперь это совсѣмъ прошло. Сильныя головныя боли тоже, кажется, за это время распрощались со мною. И въ прилежаніи я не слабѣю, и въ этотъ мѣсяцъ обнаруживаются три учрежденія, изъ которыхъ одно я подписала, другое переписывается, а третье въ чистилищѣ моихъ секретарей, и такимъ образомъ мало по малу дѣла устроятся, и за тѣмъ объ нихъ больше нѣтъ и рѣчи. Какъ скоро дѣло пошло въ ходъ, всякому кажется, что иначе и быть не могло, и такъ какъ оно никого не стѣсняетъ, то и совершается нечувствительно. Ея величество больше не вяжетъ. Она читаетъ, пишетъ, болтаетъ какъ кривая сорока, и если пишетъ она не такъ часто, т. е. рѣже посылаетъ на почту, за то письма ея бывають въ двадцать страницъ, и она затрогиваетъ въ нихъ столько отличныхъ вещей, что письма эти нельзя уже посылать иначе какъ пользуясь вѣрнымъ случаемъ или съ нашими собственными курьерами. Представляется вамъ на выборъ: стану писать письма покороче и посылать ихъ чаще, за то выдутъ нѣсколько сухи; либо письма очень длинныя и по прежнему полныя всякою про себя всячиной, но они будутъ приходять рѣже и черезъ курьеровъ²⁾. Жалѣю васъ отъ всего сердца, но не знаю, какъ пособить, и вы меня очень одолжите, преподавъ наставленіе. Дѣлайте какъ Вольтеръ: онъ вовсе не читалъ, въ чемъ предчувствовалъ скуку.

3.

Спб. 25 Іюня 1781.

Изъ Александровой азбуки сдѣлано извлеченіе, пригодное ко всеобщему употребленію, и теперь это Русская Азбука. Въ двѣ недѣли ея продано здѣсь въ городѣ 20 т. экземпляровъ. Это выдетъ бабушка-повитушка всѣхъ будущихъ нашихъ умовъ.

Оберъ-камергеръ распустилъ слухъ, будто Рейфенштейнъ³⁾ покупаетъ слишкомъ дорого, потому что самъ онъ покупалъ всегда одну только дрянъ, и стало быть дешево. Дрянъ же эту онъ хотѣлъ выдавать за произведенія прекрасныя. Удивительно, какъ, проживши столько лѣтъ въ Римѣ, онъ не нажилъ себѣ тамъ побольше вкуса и

²⁾ Такъ позднѣ Екатерина и дѣлала, и Гриммъ получалъ отъ нея письма-тетради, писанныя иной разъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

³⁾ Жившій въ Римѣ знатокъ древностей и искусствъ Рейфенштейнъ, котораго Екатерина въ письмахъ своихъ нерѣдко называетъ почему-то божественнымъ (le divin), получалъ отъ нея пенсію за то, что способствовалъ ей въ приобрѣтеніи изящныхъ произведеній. Черезъ него Екатерина получила между прочимъ копій съ знаменитыхъ Рафаелевыхъ ложъ, составляющія драгоценное достояніе Императорскаго Эрмитажа.

толку. Знаете, что онъ въ дружбѣ съ тремя или четырьмя старыми герцогинями, которымъ проповѣдуетъ про эту дороговизну ⁴⁾.

4.

Петергофъ, 6 Июля 1781.

Для г-на Бюффона у насъ готова здѣсь прекраснѣйшая шкатулка со всѣми золотыми медалями, выбитыми въ мое царствованіе. Вы ихъ получите съ первымъ курьеромъ, который поѣдетъ въ Парижъ. Но прошу васъ, доставьте мнѣ бюсть Бюффона изъ бѣлаго мрамора и пожалуста закажите его Гудону. Кромѣ того знайте, что въ головѣ моей Бюффонъ занимаетъ почетнѣйшее мѣсто, и я считаю, что въ своемъ родѣ онъ самый замѣчательный человѣкъ нынѣшняго вѣка. Я не удивляюсь, что налагается запрещеніе на свободу мысли: вѣдь отказали же въ простомъ погребеніи человѣку, который у древнѣихъ былъ бы причисленъ къ сонму боговъ и получилъ бы имя бога вселости (dieu de l'agrément).

5.

Царское Село, 9 Июля 1781.

Вы заговорили о шарлатанѣ Калиостро; такъ слушайте. Онъ пріѣхалъ сюда подъ именемъ полковника Испанской службы, выдавалъ себя за природнаго Испанца и пропустилъ про себя слухъ, что никто лучше его не умѣетъ вызывать духовъ и что они у него въ распоряженіи. Услышавъ о томъ, я сказала: «Человѣкъ этотъ совершенно понапрасну пріѣхалъ сюда. Въ Россіи будетъ ему плохая пожива; у насъ не жгутъ волшебниковъ, и я царствую уже двадцатый годъ, а случилось всего одно дѣло, въ которомъ замѣшано было колдовство. Сенатъ пожелалъ видѣть колдуновъ и когда ихъ привели, они оказались дураками, но совершенно невинными людьми». Однако Калиостро прибылъ въ минуту весьма для него благоприятную, когда многія франмасонскія ложи, напоенныя ученіемъ Шведенборга, хотѣли непременно видѣть духовъ. Они накинулись на Калиостро, увѣряя, что онъ владѣетъ всѣми тайнами доктора Фалька, который былъ близкимъ пріателемъ герцога Ришелье и который нѣкогда, съ вѣдома всей Вѣны, заставилъ его произвести закланіе чернаго козла; но, къ несчастію для себя, онъ не могъ удовлетворить любопытству людей, желавшихъ все видѣть и все ощупать, тогда какъ видѣть и ощупывать было нечего. Тогда Калиостро предъявилъ свои таинственные чудеса по части цѣлебной; онъ увѣрялъ, что можетъ доставать ртуть изъ ноги подагрика, но когда онъ поставилъ ногу подагрика въ воду, то замѣтили, какъ онъ влилъ туда ложку ртути. Потомъ онъ показывалъ красивые составы, которыми нельзя ничего выкрасить и химическія сочетанія, ни къ чему непригодныя. Затѣмъ у него произошла продолжительная и непріятная перебранка съ Испанскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, который оспаривалъ его

⁴⁾ Говорится про И. И. Шувалова, надъ которымъ Екатерина нерѣдко подшучивала; это были отзвуки старой непріязни еще Елисаветинскаго времени.

званіе и Испанское происхожденіе, и потомъ оказалось, что онъ едва умѣетъ читать и писать. Напоследокъ, весь въ долгахъ, онъ бѣжалъ въ погребъ къ г-ну Елагину, гдѣ пилъ, сколько могъ, Шампанскаго вина и Англійскаго пива, и однажды, послѣ пирушки, какъ видно, съ перепоею, схватилъ за чупъ Елагинскаго секретаря, который влѣпилъ ему за то пощечину. Отъ пощечинъ дѣло дошло до кулаковъ. Елагину стало досадно, что у него въ погребѣ завелась такая крыса, да и было начетисто такое истребленіе вина и пива; онъ послушался, наконецъ, своего секретаря и вѣжливо предложилъ Каліостро отправиться въ кибиткѣ, а не по воздуху (какъ онъ грозилъ), и чтобы заимодавцы не затруднили ему путешествія въ столь удобномъ экипажѣ, далъ ему въ провозатые стараго солдата, который и довезъ его съ графинею до Митавы. Вотъ исторія Каліостро, въ которой есть все что хотите, только нѣтъ ничего чудеснаго. Я его не видѣла ни разу, ни вблизи, ни издали, да и не хотѣла видѣть, потому что вовсе не люблю шарлатановъ. Увѣрю васъ, что Рожерсонъ ⁵⁾ думалъ о Каліостро столько же если не менѣе, какъ о Ноевомъ ковчегѣ. Князь Орловъ, противъ своего обыкновенія, не обращалъ на него вниманія; онъ даже смѣялся надъ тѣми, кто добивался увидѣть его изъ простаго любопытства и немало содѣйствовалъ къ вразумленію жалкихъ поклонниковъ сего лысаго бѣса. Но шарлатаны самые глупые и невѣжественные способны надѣлать шуму въ большихъ городахъ, и потому можно думать, что въ Парижѣ г-ну Каліостро будетъ привольно. Желаю вамъ добраго пути и веселой жизни въ Спа.

6.

Царское Село, 11 Іюля 1781.

28 Іюня сего года г-нъ Безбородко, фактотумъ ⁶⁾, принесъ мнѣ мой отчетъ до сего дня. Онъ долженъ ежегодно дополнять его тѣмъ, что произойдетъ въ теченіи года. Вотъ лаконическій выводъ.

За послѣдніе 19 лѣтъ:

Губерній, устроенныхъ на новый ладъ.	29
Городовъ (предположенныхъ) и выстроенныхъ. .	144
Соглашеній и заключенныхъ договоровъ.	30
Одержанныхъ побѣдъ	78
Замѣчательныхъ указовъ, законодательныхъ и учредительныхъ	88
Указовъ для всенароднаго облегченія.	123

492.

⁵⁾ Извѣстный докторъ Екатерины. Вѣроятно пропущенъ былъ слухъ, что и такой умный человекъ, какъ Рожерсонъ, вѣрить цѣлебнымъ средствамъ Каліостро.

⁶⁾ Т. е. дѣлецъ на всѣ руки; въ дальнѣйшихъ письмахъ Екатерина иначе не называетъ Безбородку какъ фактотумъ.

Все это имѣеть значеніе государственное, и въ этотъ перечень не занесено ни одного частнаго дѣла, какъ вы видите. Ну, государь мой, какъ вы нами довольны? Лѣвились мы или нѣтъ?

12 Іюля. Я очень рада вашему доброму отзыву о сынѣ княгини Дашковой. Я никогда не была равнодушна къ этому ребенку, потому что мнѣ казалось, что у него превосходное сердце 7).

Царское Село, 31 Августа 1781. Камергеръ Ланской посылаетъ въ Парижъ своего двоюроднаго брата подполковника Ланскаго съ курьерскимъ паспортомъ, потому я кончаю письмо это. Ланской передастъ вамъ его прямо въ руки. Прошу васъ не оставить его вашими совѣтами и выдавать ему до трехъ тысячъ червонцевъ изъ находящихся у васъ моихъ денегъ. Будьте ему полезны и тѣмъ одолжите почтенную семью, которая теперь въ тяжкомъ горѣ по поводу глупостей, надѣланныхъ однимъ молодымъ человѣкомъ, по увлеченію и наущенію одного негодяя. Молодой человѣкъ этотъ есть братъ камергера Ланскаго, уѣхавшій, какъ говорятъ, безъ позволенія родителей изъ Дрездена въ Парижъ. Съ нимъ отправился нѣкто Фонтенъ, прѣзжавшій сюда съ герцогинею Кингстонъ. Теперь посылается за нимъ подполковникъ Ланской съ тѣмъ, чтобы помѣстить его въ ученье къ какому нибудь профессору въ Лозаннѣ или Болоннѣ. Если можно, подъ рукою помогите сыскать нашего повѣсу. Ему лѣтъ 17 или 18 отъ роду, и намъ конечно желательно, чтобы все это уладилось безъ всякой огласки. Не знаете ли въ Лозаннѣ или Болоннѣ хорошаго семейства, которое бы согласилось принять молодого человѣка на свое попеченіе? Вы насъ безконечно одолжите. Когда я сказала, что курьеръ долженъ будетъ явиться къ г-ну Гримму, лицо камергера просіяло удовольствіемъ, что служить доказательствомъ, въ какомъ почетѣ у моихъ приближенныхъ находится г-нъ Гриммъ, козелъ отпущенія.

Александръ Дмитріевичъ Ланской, генераль-поручикъ и генераль-адъютантъ (р. 1758—25 Іюня 1784), былъ сынъ капитана арміи Дмитрія Артемьевича и имѣлъ единственнаго брата Якова (котораго дочь была за известнымъ генераломъ Пансіемъ Сергѣевичемъ Кайсаровичемъ, а другая за графомъ Конст. Петр. Сухтеленемъ). Упоминаемый здѣсь двоюродный братъ, должно быть, былъ Василій Сергѣевичъ, впоследствии дѣятель въ Варшавѣ и управлявшій министерствомъ внутрен. дѣлъ. Нижегородина упоминаетъ его подъ именемъ Базила. Вся эта исторія важна потому, что цѣпью случайностей привела въ Россію Лагарпа.

7.

Петербургъ, 11 Декабря 1781.

Намедни Александръ, разговаривая со мною, началъ съ ковра, разостланнаго у меня въ комнатѣ, и по прямой линіи дошелъ до фигуры земли, такъ что я принуждена была послать въ Эрмитажную бібліотеку за глобусомъ. Овладевъ симъ послѣднимъ, онъ принялся со всеусердіемъ путешествовать по земному шару и, если не ошибаюсь, въ какіе нибудь полчаса узналъ почти столько же, сколько

7) Таковъ и былъ Павелъ Михайловичъ, послѣдній изъ княжескаго рода Дашковыхъ. Княгиня-мать испортила ему жизнь и свела его преждевременно въ могилу.

твердилъ мнѣ покойный Вагнеръ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Теперь мы за ариеметикой и до тѣхъ поръ не убѣждаемся, что два и два составляютъ четыре, пока не сочтемъ сами. Этотъ мальчуганъ то и дѣло спрашиваетъ, любопытствуетъ, жадничаетъ узнать что нибудь для себя новое. Просто не надивлюсь! Онъ очень хорошо понимаетъ понѣмьцки и знаетъ довольно пофранцузски и поанглійски. Онъ болтаетъ какъ попугай, любитъ рассказывать, вести разговоръ, а когда начнутъ ему рассказывать, то весь обращается въ слухъ и вниманіе. Память у него отличная. При этомъ онъ дитя и совсѣмъ дитя, и скороспѣлъ развѣ только по своей внимательности.

Генераль Ланской засвидѣтельствуетъ вамъ самъ свою признательность, которую онъ вполне чувствуетъ. Ему досадно, что онъ дозволилъ брату ѣхать въ Дрезденъ. Но поѣздка эта придумана не имъ, и Фонтена отыскалъ не онъ, а тѣ, которые теперь умываютъ себѣ руки во всей этой исторіи, бывъ и зачинщиками, и способниками. Но что прикажете дѣлать! У насъ неодолимая привычка довѣряться всякаго рода проходимцамъ. Кричали противъ нея, а отдѣлаться не въ состояніи. Пройдетъ еще цѣлое поколѣніе прежде чѣмъ, можетъ быть, освободимся отъ такого зла. Когда подумаешь объ исторіи этого проходимца, о поступкахъ его съ молодымъ человѣкомъ и о той опасности, которой молодой человѣкъ подвергся и которая можетъ имѣть вліяніе на всю остальную его жизнь, просто беретъ ужасъ за подобныхъ людей. Въ дѣлѣ этомъ вы поступили съ отличнѣйшимъ благоразуміемъ; но оправдалась пѣсенка, говорящая, что философы и ученые просто неучи передъ Люцилей: двѣ молодыя головы сдумали обойти самое мудрое распоряженіе. Но такъ какъ, не смотря на появленіе Дульциней⁸⁾, вы настояли, чтобы молодой человѣкъ выѣхалъ, и такъ какъ въ Парижѣ приволье дѣвцамъ подобнаго рода, и надо ждать нашихъ отвѣтовъ два съ половиною мѣсяца, то мы смѣемъ надѣяться, что разрыву положено прочное начало. Кромѣ того, въ теченіи этого времени, двоюродный братъ будетъ зорко слѣдить за молодымъ человѣкомъ въ Лозаннѣ. Кроткимъ и завлекательнымъ обращеніемъ онъ привяжетъ его къ себѣ и склонитъ подчиниться желанію семьи. Онъ поѣдетъ съ нимъ въ Италію, что ему помѣшаетъ уклониться отъ пути, по которому желательно чтобы онъ слѣдовалъ. Оттуда они поѣдутъ въ Штутгардъ, и будетъ приложено стараніе водворить его тамъ. Желаютъ лучше держаться этихъ соображеній, а не допустить предлагаемое вами соединеніе, согласиться на которое невозможно, въ виду могущихъ оказаться послѣдствій и чтобы потомъ не упрекать себя, если молодой человѣкъ будетъ несчастливъ. На этомъ остановились. Оставлять его въ Лозаннѣ или посылать въ Стразбургъ я не совѣ-

⁸⁾ Это была какая-то Ленхенъ изъ Дрездена. Гримуу сначала казалось, что бракъ между нею и Яковомъ Дмитріевичемъ Ланскимъ можетъ состояться; но онъ успѣлъ какъ-то освободить молодаго человѣка отъ его нѣжныхъ обязательствъ. Впослѣдствіи Я. Д. Ланской женился на Грушецкой и во второмъ бракѣ на княжнѣ Прасковѣ Николаевнѣ Долгоруковой (вдовѣ Лачинова).

тую. Другое дѣло проѣхать по Италіи: мысли молодого человѣка могутъ получить другой оборотъ отъ этого путешествія. Такимъ образомъ Дульцинея предоставляется вамъ въ собственность, и вы рѣшительно освобождаетесь отъ обязанности заботиться объ ея содержаніи и бласти будущія и настоящія выгоды ея. Во всякомъ случаѣ, если дѣло еще не состоялось, надо предполагать, что същется добрый человѣкъ, который возьмется за него вмѣсто васъ.

1782 годъ.

1.

Спб. 25 Февраля 1782.

Добропорядочность, благоразуміе и разсудительность господина Лагарпа ¹⁾ снискали ему расположеніе присутствующихъ и отсутствующихъ. Благодаря ему, все пошло согласно нашему желанію, и онъ приобрѣлъ себѣ доброе мнѣніе и признательность лицъ принимающихъ въ этомъ дѣлѣ участіе. Поэтому мы не только соглашаемся, чтобы другъ Лагарпъ ѣхалъ въ Италію вмѣстѣ съ двоюродными братьями, но желаемъ, чтобы за тѣмъ, вмѣсто Штутгарда (подробное описаніе котораго внушило намъ отвращеніе къ нему) всѣ трое ѣхали черезъ Триестъ въ Вѣну, оттуда черезъ Подолію въ Кіевъ и по маленьку добрались до Петербурга. Пожалуста, дайте имъ изъ моихъ денегъ, сверхъ того что я разрѣшила, еще тысячу червонцевъ до Вѣны; а тамъ, если понадобится, ихъ снабдить деньгами князь Голицынъ. Судьбу г-на Лагарпа охотно устроимъ приличнымъ образомъ. Я беру на себя 13,500 ливровъ, которые вы имъ выдали заимообразно. Что касается до Ленхенъ, все важнѣйшее мы утверждаемъ. Примите въ расчетъ, что она отправляется куда ей угодно. Козель отпущенія отомкнетъ свою денежную шкатулку, достанетъ оттуда 20,000 Французскихъ ливровъ, помѣститъ ихъ въ казну короля Французскаго на имя Ленхенъ, которая будетъ получать по 2,000 ливровъ ежегодно пожизненнаго дохода, и за тѣмъ чтобы не было больше рѣчи ни объ ней, ни въ особенности объ ея родителяхъ. Да въ самомъ дѣлѣ, чего же имъ еще пожелать? Дѣвушка уѣхала по собственному изволенію, и генералъ Ланской даетъ ей пожизненный доходъ (не забудьте этого, я тутъ отнюдь не вмѣшиваюсь) съ тѣмъ, чтобы высвободить своего брата изъ когтей сей колдуньи.

Въ Венеціи давались прекрасные прадники въ честь графа Сѣвернаго. Вотъ уже полгода какъ они путешествуютъ и по возвращеніи будутъ очень удивлены необыкновенными успѣхами Александра. Онъ до того любознательнъ, что нянька журить его за то, что онъ не покидаетъ книги, тогда какъ другихъ дѣтей журятъ за невниманіе къ книгамъ. Ему всего четыре года, и сообразно его пониманію пришлось составить для него книгу, которая доставляетъ ему на-

¹⁾ Лагарпъ, впоследствии одинъ изъ воспитателей императора Александра Павловича, по указанію Гримма былъ выбранъ сопровождать молодого Ланскаго во время его исправительнаго путешествія по Швейцаріи и Италіи. Съ ними былъ еще нѣкто Гарди.

слаждене. Теперь мы сочиняемъ ему уже третью. Ихъ печатается нѣсколько десятковъ экземпляровъ.

2.

Слѣб. 1 Апрѣля 1782.

Представьте, что, вопреки пустымъ разглагольствіямъ противъ насъ аббата Рейналя, мы законодательствуемъ съ шести часовъ утра до девяти; за тѣмъ до одиннадцати текущія дѣла. Потомъ приходятъ Александръ и Константинъ. Полчаса до обѣда и часъ послѣ обѣда посвящены вышеозначеннымъ господамъ, т. е. мы сочиняемъ для нихъ азбуки, сказки, записки. Слѣдуютъ два часа совершеннаго отдыха, и за ними полтора часа уходятъ на маранье писемъ и пр., послѣ чего до восьми снова являются и производятъ возню означенные господа. Отъ восьми до десяти приходитъ кто хочетъ. По моему, день полнехонекъ.

Вы уже знаете, или не знаете, что ваше заблудное и обрѣтенное чадо, послѣ путешествія по Италіи, возвратится прямо сюда, и слѣдов. должно надѣяться, что преподанный ему дѣятельный образъ жизни избавитъ его отъ змѣйки, оставшейся подъ вашимъ сохраненіемъ. Такимъ образомъ вы понимаете, что будетъ очень плохо съ вашей стороны, если вы препроводите ее сюда въ видѣ посылки; семейство потребуетъ обратнаго направленія, смертельно опасаясь супружескаго союза. Этотъ г-нъ Лагарпъ, не подъ стать другому ²⁾, голова добрая.

2 Апрѣля. Если бы вы знали, что такое Александръ лавочникъ, Александръ поваръ, Александръ, занимающійся самолично всякаго рода ремесломъ и рукодѣліемъ: онъ чешетъ, развѣшиваетъ ковры, смѣшиваетъ и растираетъ краски, рубитъ дрова, чиститъ мебели, исполняетъ должность кучера, конюха, выдѣлываетъ всякія математическія фигуры, самъ учится читать, писать, рисовать, считать, всему и какъ попало навываетъ и знаетъ въ тысячу разъ больше, чѣмъ всякое другое дитя въ его возрастѣ, но такъ, что познанія не превышаютъ его возраста, потому что познанія ему не навязываются, а самъ онъ ихъ отыскиваетъ. Въ добавокъ этотъ крошка незнакомъ съ досадою или съ упрямствомъ; онъ всегда веселъ, послушливъ, щедръ, въ особенности къ нуждающимся и признателенъ къ своимъ приближеннымъ; дѣлаетъ добро, и ничто живущее никогда не видало отъ него никакого зла. Ни минуты нѣтъ у него празднои, всегда занятъ. Что вы мнѣ скажете на все это? Не знаю, откуда г-нъ Фалькенштейнъ досталъ большую Александрову азбуку; я еще не выпускала ее изъ моего портфеля, и тотъ, для кого она назначена, пользуется покуда общенародною, которая напечатана для всѣхъ начальныхъ школъ. Если бы вы знали все, что я намѣтила послать вамъ въ разные сроки, вы бы не стали мнѣ дѣлать столько попрековъ. Я пробую даже перевести Безбородкинскій историческій перечень и въ добавокъ пе-

²⁾ Т. е. извѣстному Французскому критику, сочинителю Лицея.

редѣлать его слогомъ «Маленькаго пророка изъ Бемишброды»³⁾. Не достаетъ только времени кончать все это. Таковы мои законы, мои учрежденія; все начато, ничего не кончено, все изъ пятого въ десятое; но если я проживу два года, все приведется въ конечное совершеніе. Покамѣстъ посылаю вамъ платье Александра, когда ему было два года, чтобы помочь вамъ въ исполненіи благороднаго намѣренія облечь августѣйшаго дофина одѣяніемъ на подобіе этого. Оно придетъ вовремя, потому что рязить въ него ребенка раньше восьми или девяти мѣсяцевъ неудобно.

2 А прѣля, послѣ обѣда. Желаю отъ всего сердца, чтобы здоровье ваше совершенно поправилось и чтобы вамъ можно было танцевать на балахъ, которые будутъ даваться графу и графинѣ Сѣвернымъ въ Парижѣ и его окрестностяхъ. Говоря это, предполагаю, что господинъ козель отпущенія не убѣжитъ изъ Парижа, не смотря на болтуновъ, надоѣдалъ, попрошаекъ и людей скучныхъ. Сіи послѣдніе, по мнѣнію моего учителя, всѣхъ хуже; потому что онъ говаривалъ, что изъ всѣхъ родовъ самый худшій есть тотъ, который скученъ. Я не памятлива на обиду, но такимъ людямъ мстила, и мстила по своему, т. е. разражаясь хохотомъ. Боже мой! Не говорите мнѣ о бракахъ. Это предметъ самый скучный на свѣтѣ, и въ теченіи года по этой части у меня столько было возни, что не хочу больше о томъ слышать. Впрочемъ, не знаю, походить ли Каролина на старшую сестру свою, вышедшую замужъ за шурина⁴⁾; но сія послѣдняя уже разъ двадцать готова была развестись. Вашъ близкій другъ, чопорнѣйшій и застегнутый Герцъ⁵⁾, выговорилъ мнѣ напрямикъ, что принцесса напоминаетъ неровностью нрава ту особу, которая заточена въ Штетинѣ⁶⁾. А Герцъ могъ знать что происходило въ Любенѣ въ Силезіи, потому что его жена находилась въ обществѣ сказанной особы, жившей прежде въ Любенѣ и въ настоящую минуту вѣроятно скачущей на почтовыхъ, чтобы водвориться въ Выборгъ, въ Финляндіи.

³⁾ Сочиненіе Гримма (о превосходствѣ Итальянской музыки передъ Французскою).

⁴⁾ Т. е. за шурина великаго князя Павла Петровича. Говорится о дочеряхъ герцога Брауншвейгскаго, изъ которыхъ старшая Августа (о ней много будетъ рѣчи въ послѣдующихъ письмахъ) вышла въ 1780 году за принца Виртембергскаго Фридриха, брата нашей Маріи Феодоровны, получившаго дворецъ на Моховой въ Петербургѣ и мѣсто Выборгскаго генералъ-губернатора и позднѣе, по его угодливости Наполеону, сдѣлавшагося первымъ королемъ Виртембергскимъ. Младшая ея сестра Каролина вступила въ бракъ съ Англійскимъ наслѣднымъ принцемъ (позднѣе Георгомъ IV) и приобрѣла впоследствии громкую извѣстность нарушеніями супружеской вѣрности.

⁵⁾ Прусскій посланникъ въ Петербургѣ. Екатерина въ послѣдующихъ письмахъ зоветъ его просто: boutonné.

⁶⁾ Т. е. тетку Виртембергской принцессы Августы, первую разведенную супругу наслѣднаго Прусскаго принца.

Что это вамъ вздумалось стать въ ряды защитниковъ папы? Да кто же его обижаетъ? Стоитъ ли подымать шумъ изъ того, будетъ ли на свѣтѣ дюжиною или двадцатью монастырей болѣе или менѣе? Какъ будто никогда ихъ не закрывали! Когда мнѣ хочется, чтобы однимъ монастыремъ было меньше, я просто говорю имъ: перебирайтесь въ другой монастырь, и толковъ не бываетъ никакихъ, и никто не умиляется по этому поводу. Фи, стыдно быть крикуномъ: Александръ не плачетъ и не кричитъ. Не знаю, получилъ ли папа прекрасную шубу отъ графа Сввернаго; но знаю, что у меня готовится для него отличѣйшая, и я ему отправлю ее, какъ скоро получится отъ него палліумъ для Могилевскаго архіепископа ⁷⁾.

4 Апрѣля, на другой день послѣ праздника въ честь престелнаго дофинчика. Я пробыла на немъ три часа, потому что онъ давался въ бывшемъ канцлерскомъ домѣ и сдѣлала это изъ вниманія къ первенцу Людовика XVI-го, ради добрыхъ поступковъ, которые оказываютъ его папенька и добрые слуги, онаго.

3.

Царское Село, 1 Іюня 1782.

Хоть я и запрещаю, но пришлось увидать въ газетахъ несчастное мое письмо къ Бюффону. Это вѣдь уже не ваши листы. Я пороптала сквозь зубы на нескромность козла отпущенія съ братією, и сказала себѣ: «Люди эти обезумѣли; но пройдетъ дня три, ни я, никто на свѣтѣ не будетъ больше о томъ думать», т. е. о газетахъ. Выставляйте сколько угодно имя мое на новомъ изданіи «Разговоровъ Эмилиі». Видите, сколько я оттуда наградила для Александра и Константина! Скажите мнѣ, что вы думаете объ этихъ книжечкахъ, для нихъ составленныхъ.

Генераль-прокуроръ откроетъ вамъ новый счетъ на 25 т. рублей, и въ первый разъ какъ его увижу, я скажу ему, чтобы онъ доставлялъ вамъ деньги въ неограниченномъ количествѣ. Отъ этого онъ непременно задохнется, и при всей моей власти надъ нимъ, если не дамъ особаго указа, ничего не добьюсь; у него послѣдуютъ трепетанія сердца, отъ чего боюсь, чтобы не усилились припадки его одышки. Согласитесь, что слѣдуетъ щадить здоровье человѣка, который, сверхъ другихъ добрыхъ и почтенныхъ качествъ, владѣетъ еще качествомъ всегда имѣть въ запасъ деньги на всевозможные случаи, имѣя притомъ дѣло съ такою ненасытимою расточительницею какъ я. Говорю вамъ напрямикъ, что больше не покупаю картинъ. Некуда ихъ вѣшать, и будь они прекраснѣйшія на свѣтѣ, я великодушно отказываюсь отъ нихъ.

⁷⁾ Палліумъ (отъ чего нынѣшнее слово палъто—*pallium totum*) есть почетное одѣяніе католическаго высшаго духовенства. Присылкою палліума Се-стренцевичу Богушу, который облачился въ него 18 Января 1784, папство изъ-являло какъ бы одобреніе Екатерининской (къ несчастію впоследствии брошенной ея пріемникомъ) попытки создать для Русскихъ католиковъ самостоятельное церковное управленіе.

2 Іюня. Я разсмѣшила генерала Ланскаго, передавъ ему исторію, какъ въ трехъ миляхъ отъ Женевы былъ потерянъ ящикъ, и онъ козю прыгаль у меня по комнатѣ, когда я вручила ему письма и портретъ его брата, назначенные для Дульциней, которая утѣшена утѣшителемъ, посланнымъ ей отъ неба. Нечего сказать, вы удивительно умѣете устраивать дѣла. Это гениальная выдумка помѣстить деньги для Ленхенъ на имя ея и на имя Людовика XVI-го. Еслибъ они увидали себя рядомъ, каково было бы ихъ изумленіе! Вотъ что значить добиваться денегъ во что ни стало. Король и Дрезденская Ленхенъ запряжены въ одну повозку, какъ пара Лифляндскихъ мереновъ. У меня нѣтъ третьяго мерена, чтобъ вышла тройка, и потому оставляю дѣло въ томъ видѣ, какъ козелъ отпущенія счелъ благоразумнымъ его повести и говорю: отличнѣйше, прекраснѣйше!

Знайте, что свинцовый ящикъ съ сѣмянами отъ Бюффона прибылъ, и сѣмяна вскрыты моимъ Англійскимъ садовникомъ Бушемъ, который тотчасъ ихъ посѣялъ, но полагаетъ, что они очень стары и сомнѣвается, взойдутъ ли. Пакетъ на имя генерала Ланскаго вѣроятно пришелъ вмѣстѣ съ сѣмянами, потому что сосновые ящики, въ которыхъ географическія карты на деревѣ для Александра, благополучно прибыли. Слушайте: сказка о царевичѣ Хлорѣ такъ ничтожна, что мнѣ удивительно, зачѣмъ ее перевели. Присоедините ее къ тому что у васъ есть и будете имѣть весь Александровъ запасъ; но для маленькой головы Александра онъ весьма пригоденъ, и мальчуганъ отлично знаетъ, что до сихъ поръ сочтено нужнымъ чтобы онъ зналъ. Въ настоящую минуту онъ землемѣрствуетъ въ Царско-сельскомъ саду. Скажу между нами, что садъ этотъ, по словамъ Англичанъ, разныхъ путешественниковъ изъ всѣхъ странъ и нашихъ бывавшихъ въ чужихъ краяхъ, становится такимъ, какихъ нѣтъ. Не говорю о покояхъ; но Гваренги увѣряетъ, что они и прекрасны, и своеобразны и что, кто не видалъ ихъ, не можетъ составить себѣ понятія. Напримѣръ, я пишу къ вамъ въ кабинетъ изъ массивнаго серебра, разубраннаго красными листьями. Четыре столба также разубранные поддерживаютъ собою зеркальное стекло, которое служитъ навѣсомъ дивану изъ Московской ткани яблочнаго цвѣта съ серебромъ. Стѣны зеркальныя, въ серебряныхъ рамахъ, разубранныхъ красными листьями. Балконъ выходитъ въ садъ; дверь изъ двухъ стеколъ, такъ что кажется, будто она всегда отворена, хоть ее и запрутъ. Кабинетъ этотъ очень богатъ, очень великолѣпенъ, очень веселъ, вовсе не громозденъ и очень приволенъ. Есть у меня другой, похожій на табатерку, бѣлаго, голубаго и бронзоваго цвѣта; бѣлое и голубое изъ стекла, и рисунокъ пестрый. Кстати: если Скородумовъ желаетъ пріѣхать сюда и гравировать у меня въ галерею, я дамъ ему 1,200 рублей и 1,000 на дорогу, лишь бы онъ обязался не лѣниться.

3 Іюня. Признаюсь откровенно, ваши извѣстія объ успѣхахъ графа и графини Сѣверныхъ въ Парижѣ превзошли мои ожиданія. Благодарю за подробности, которыя вы мнѣ сообщаете объ нихъ и которыя доставляютъ мнѣ великое удовольствіе. Когда «Свадьба Фигаро» будетъ напечатана, пожалуйста пришлите мнѣ. Графиня мнѣ дѣйствительно

писала, что она васъ увидѣла очень потолстѣвшимъ; кажется, вы могли бы тоже самое сказать про нее. Они оба увѣдомляютъ меня, что, изъ угожденія мнѣ, они задержали своего курьера съ тѣмъ, чтобы онъ могъ взять ваши посланки.

4.

Петергофъ, 29 Іюня 1782, поутру.

Я видѣла сына г-на Бюффона, который былъ мною принятъ, какъ сынъ знаменитаго человѣка, т. е. безъ всякихъ околичностей. Онъ обѣдалъ со мною въ Царскомъ Селѣ. Бюсть отца его поставленъ въ Эрмитажѣ. Я не ожидала, чтобы письмо мое къ историку природы назвали образцовымъ произведеніемъ. Правда, что генераль Ланской отзывался мнѣ, что оно прелестно; но этотъ молодой человѣкъ, при всемъ умѣ своемъ и умѣнны держать себя, легко приходитъ въ восторгъ; притомъ же душа у него горячая. Чтобы дать понятіе объ этомъ молодомъ человѣкѣ, скажу вамъ, что князь Орловъ отозвался о немъ одному изъ друзей своихъ: «Вы увидите, какаго человѣка она изъ него сдѣлаетъ! Тутъ поглощается все». Въ теченіи зимы онъ началъ поглощать поэтовъ и поэмы; на другую зиму многихъ историковъ. Романы намъ наводятъ скуку, и мы жадно беремся за Альгаротти³⁾ и его товарищей. Не предаваясь изученію, мы приобретаемъ знаній безъ числа и любимъ водиться лишь съ тѣмъ, что есть наилучшаго и наиболѣе поучительнаго. Кромѣ того, мы строимъ и садимъ, мы благотворительны, веселонравны, честны и мягкосердечны. Можете сказать г. Бюффону, что въ сынѣ его я не замѣчаю никакихъ недостатковъ и слѣдовательно не нахожу случая воспользоваться правомъ пожурить его, которое онъ мнѣ предоставилъ. Въ тоже время поблагодарите его за продолженіе его твореній. Мнѣ будетъ очень досадно, если подтвердится что сказалъ мнѣ его сынъ, будто онъ больше не хочетъ писать. Надѣюсь, что онъ раздумаетъ.

5 Іюня, въ 7 часовъ утра. Уѣзжаю отсюда завтра. Не люблю этого мѣста между прочимъ потому, что здѣсь я сплю точно кротъ и не имѣю ни времени, ни охоты писать, а пишу только императорскія, королевскія и полукоролевскія письма. За то, съ тѣхъ поръ какъ здѣсь, отлично преодолеваю мою склонность сидѣть на мѣстѣ. Три дня тому назадъ ѣздила я въ Кронштадтъ во время противнаго вѣтра. Господа моряки полагали, что я возвращусь назадъ, но я упрямо продолжала путь, и черезъ четыре часа мы доплыли къ гавани. Мы вымѣрили ее пѣшкомъ вдоль возобновляемаго канала до самыхъ доковъ, построенныхъ крестомъ, тамъ гдѣ каналъ начинается. Мимоходомъ мы заложили еще одинъ стопушечный корабль, послѣ чего ходили смотрѣть машину, которая дѣйствуетъ огнемъ и посредствомъ которой очищается каналъ и за тѣмъ пришли, опять таки

³⁾ Славный Итальянскій писатель (1712—1764), отличавшійся многосторонними свѣдѣніями, знатокъ изящныхъ искусствъ. Фридрихъ Великій далъ ему графское достоинство и поставилъ ему памятникъ въ Пизѣ.

пѣшкомъ, къ адмиралу Грейгу пить чай. Вамъ вовсе нелюбопытно, но для этой пристани очень важно, что мы одѣваемъ ее снаружи и внутри каменною набережною, которая начинается стройкою нынѣшній годъ, и это веселое дѣло весьма насъ развлекаетъ.

Въ этомъ же письмѣ находится отзывъ Екатерины о торжественномъ засѣданіи Французской Академіи въ честь великаго князя Павла Петровича и его супруги. Въ засѣданіи этомъ Лагарпъ, извѣстный критикъ, читалъ высокому гостю свое посланіе въ стихахъ, а аббатъ Арно утомлялъ слушателей статью объ Юліи Цезарѣ.

6 Іюля. Вы хорошо сказали, что понатерлись безсмертіемъ въ академическомъ засѣданіи, которое открылось стихами господина Лагарпа. Онъ же трется объ гармоническіе стихи, изъ которыхъ ни одинъ не остается въ памяти. Ахъ мой учитель, мой учитель! Не таковы твои творенія: они запоминались невольно, и даже несогласный съ тобою во мнѣніи твердилъ тебя и подражалъ тебѣ. Вотъ что называется овладѣвать умами и мнѣніями, наперекоръ людямъ. Этотъ «Портретъ Цезаря» въ прозѣ точно гадкій скелетъ; ничего не случилось мнѣ читать ничтожнѣе. Коль скоро не умѣешь постигнуть человѣка, зачѣмъ браться за его изображеніе и тѣмъ оскорблять его? Мой учитель внушилъ бы восторгъ къ великимъ и прекраснымъ дѣяніямъ; онъ бы излекъ и высосалъ доблестныя черты изъ самаго порока, а у этого великія и возвышенныя дѣянія являются порочными. Это глупо, этимъ не подымеешь души, не освѣжишь ея, а уронишь ниже посредственности. Я не чувствую сожалѣнія къ такимъ людямъ; но духъ мой негодуетъ, зачѣмъ они хотятъ выдавать себя за ораторовъ, тогда какъ они только риторы. Я бы ихъ разругала, если бы не удерживало меня то соображеніе, что ругательствомъ никого не исправишь. Эгоистамъ нельзя браться за изображеніе великихъ характеровъ. Цезарь не былъ эгоистъ. Геніемъ и отвагою онъ увлекался за предѣлы посредственности и становился выше самаго себя. Онъ искалъ славы, во что ни стало; она была его кумиромъ; онъ не давалъ себѣ пощады, а эгоистъ всегда падитъ себя.

Царское Село, 7 Іюля, утромъ. То, что я вамъ писала о Зельмирѣ⁹⁾, сказано было мнѣ самой слово въ слово ледянымъ и застегнутымъ другомъ¹⁰⁾; слѣдовательно это не сплетни, прибавить и убавить нечего. Я охотно беру сторону Зельмиры, потому что нельзя же ставить человѣку въ преступленіе, если онъ не находитъ любезнымъ того, что ему не является таковымъ? Но надо, чтобы я вамъ сказала о Зельмириномъ мужѣ, въ пользу котораго я вовсе не предупреждена, но который, мнѣ кажется, оклеветанъ жестоко. Мы его нашли здѣсь: толстая масса, и ничего больше. Отнюдь не подозревая его въ жестокосердіи, въ способности къ жестокому и безчеловѣчному обхожденію, мы его видѣли въ такихъ обстоятельствахъ, гдѣ онъ обнаружилъ сострадательность и большое добродушіе, а также

⁹⁾ Т. е. о супругѣ принца Виртембергскаго Фридриха, назначеннаго Виртембергскимъ генералъ-губернаторомъ и передъ тѣмъ путешествовавшего вмѣстѣ съ сестрою своею, великою княгинею Маріею Феодоровною, по Италіи.

¹⁰⁾ Т. е. Прусскимъ посланникомъ Герцемъ.

и благородный образъ мыслей. Два раза онъ ссорился съ своимъ зятемъ изъ-за пустяковъ и кончалъ дѣло съ благородствомъ. Однажды онъ упрекалъ сестру свою, зачѣмъ она бранить своихъ женщинъ, которыхъ онъ увидалъ въ слезахъ. Есть много обстоятельствъ, которыя свидѣтельствуютъ скорѣе въ его пользу, нежели противъ него. Ей ей, я сильно подозрѣваю, что не пролилось ли тутъ желчи изъ застегнутаго льду, который иной разъ просто жжетъ изъ своей охоты къ тому. На свѣтѣ мнѣ случалось видать, какъ распинаются въ добрыхъ чувствахъ и мягкосердечіи, прикрывая тѣмъ злость и самую жестокую клевету. Ложь ходитъ во всякихъ нарядахъ, а когда ей нечѣмъ прикраситься, она зоветъ свои происки политикою и ловкостью. Къ этому въ особенности прибѣгаютъ эгоисты, которые мнѣ стали больше чѣмъ когда нибудь противны съ тѣхъ поръ, какъ они приписываютъ эгоизмъ Цезарю, который былъ всего менѣе эгоистомъ. Эти господа не въ состояніи выдти изъ того ничтожнаго круга, который сами они создали, и имъ хочется захватить въ этотъ кругъ Цезаря. Это называется глупостью въ полномъ смыслѣ слова.

5.

Спб., 30 Сентября 1782.

Въ головѣ Александра съ братіею начинается образовываться весьма необыкновенная начинка. Нѣтъ города и страны, которыхъ Александръ, читая, не отыскалъ бы на своемъ глобусѣ, и ему доставляетъ великое удовольствіе имѣть при себѣ глобусъ въ то время, какъ онъ читаетъ. Поутру и послѣ обѣда, только что откроетъ глаза, какъ уже бѣжитъ къ своей книгѣ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, вскакивая съ кровати, онъ говаривалъ своимъ нянькамъ: «Теперь я примусь читать, потому что потомъ мнѣ веселѣе будетъ гулять, чѣмъ читать; а если теперь не почитаю, то день у меня пропадетъ». Забудьте, что никогда ему не приказывали читать или заниматься; онъ самъ дѣлаетъ себѣ изъ этого удовольствіе и долгъ. Онъ прочелъ свои четыре книжки и перечелъ ихъ по нѣскольку разъ; такое повтореніе ему нужно и его забавляетъ. Кромѣ того Александръ есть сама доброта; онъ столь же послушливъ, какъ и внимателенъ; онъ, такъ сказать, воспитывается самъ собою. Нынче осенью ему пришла охота посмотрѣть фарфоровую фабрику и арсеналъ. Рабочіе и офицеры были озадачены его распросами, его любознательностью, вниманіемъ и въ добавокъ вѣжливостью. Ничего не ускользаетъ отъ этого мальчугана, которому еще нѣтъ пяти лѣтъ. Даже дѣтскія шалости его необычайно любопытны: какая-то послѣдовательность мыслей, чрезвычайно рѣдкая въ дѣтяхъ. Я приписываю это превосходнѣйшему сложенію, ибо онъ прекрасенъ какъ ангелъ и великолѣпно сложенъ. Братъ его будетъ уменъ, но природа у него далеко не такъ совершенна. Кстати о Гваренги, о которомъ вы мнѣ пишете, скажу вамъ, что, по мнѣнію Александра, Гваренги говоритъ слишкомъ громко. Александръ спросилъ у меня, отчего это. Я ему отвѣчала: оттого, что въ дѣтствѣ ему не говорили, чтобъ онъ не возвышалъ черезъ чуръ голоса. А Константинъ замѣтилъ, что у него очень крупенъ носъ, вѣроят-

но оттого, что онъ слишкомъ часто хватался за него пальцами. Я очень рада, что этотъ искусный архитекторъ доволенъ. Его дарованіямъ здѣсь просторъ, потому что страсть къ постройкамъ у насъ разыгралась. Есть мѣста, которыхъ вамъ не узнать, если вы ихъ въ другой разъ увидите; напр. побережье Фонтанки. Ее очищаютъ, и строится каменная набережная.

3 Октября. Хотѣла бы я знать, кто вамъ сказалъ, что я не имѣю правильнаго понятія о Франціи. Скорѣе Французы не знаютъ Россіи, потому что большая ихъ часть очень малосвѣдуши, а другіе обманываются относительно Россіи либо по пристрастію, либо потому, что не могутъ узнать ее, тогда какъ я знала, откуда почерпнуть свѣдѣнія.

14 Ноября. Вы скажете: вотъ письмо, писанное съ долгими промежутками. Но есть ли возможность писать, когда съ нѣкотораго времени безпрестанно меня теребятъ? Впервыхъ, кромѣ обыкновенныхъ занятій, Александръ то и дѣло проситъ у меня чтенія. Нельзя же прекратить доставленіе ему онаго! На этихъ дняхъ онъ узналъ про Александра Великаго. Ему захотѣлось лично съ нимъ познакомиться, и онъ совсѣмъ огорчился, узнавъ, что его уже нѣтъ въ живыхъ. Онъ очень о немъ жалѣетъ. Кромѣ занятій я до смерти измучена состояніемъ князя Орлова. Онъ ѣздилъ на Царицынскія воды и только что началъ принимать ихъ, какъ у него начались припадки умоповрежденія. Послѣ лѣченія водами, онъ возвратился въ Москву. Тамъ онъ нашелъ способъ освободиться отъ надзора своихъ братьевъ; они успѣли обогнать его лишь на нѣсколько часовъ. Онъ прибылъ сюда. Я видѣла его три раза. Онъ кротокъ и тихъ, но слабъ, и всѣ мысли у него не вяжутся. Сохранилась только непоколебимая приверженность ко мнѣ. Вообразите, что должна была я испытывать, видя его въ такомъ состояніи. Теперь его уложили въ постель. Болѣзнь его почитаютъ слѣдствіемъ апоплексическаго удара, стало быть нѣтъ никакой надежды къ выздоровленію.

Когда Александръ боленъ, онъ по цѣлымъ днямъ разсматриваетъ гравированныя картины, такъ что я затрудняюсь доставлять ихъ ему. Вотъ какія прекрасныя наклонности обнаруживаются у этихъ мальчугановъ. Онъ ненасытно любитъ познанія, книги и гравюры. Двадцать лѣтъ нашего царствованія отпразднованы дѣлами милости. Вотъ какъ слѣдуетъ чествовать подобныя эпохи! Это годъ милостей, и все тутъ.

15 Ноября. Козель отпущенія! Надо, чтобы ты зналъ мои удовольствія и мои невзгоды. Сего утра я получила извѣстіе, что 12 числа графъ и графиня Сѣверные прибыли въ Ригу. Только что прочла я письма ихъ, какъ приносятъ письмо отъ генерала Бауера; онъ боленъ и очень боленъ здѣсь съ первыхъ чиселъ Августа¹¹⁾. Вчера,

¹¹⁾ Георгіевскій кавалеръ Федоръ Вилимовичъ Бауеръ (1731—1783), генералъ-инженеръ и генералъ-квартирмейстеръ, оказалъ Россіи великія услуги во время первой Турецкой войны, а въ мирное время руководилъ главнѣйшими государственными сооружеціями. Ему и Москва обязана Мытищенскою водою.

почитая себя умирающимъ, онъ написалъ ко мнѣ письмо, такое, что камень лопнулъ бы отъ жалости, и вотъ я плачу и рыдаю при мысли о потерѣ этого вѣрнаго служителя. Онъ одаренъ гениальными способностями, и за него я бы охотно отдала пожалуй хоть съ десятокъ глухихъ, лишь бы мнѣ не распредѣлять между ними его занятій. Приходитъ Рожерсонъ доложить, что Бауеръ не такъ плохъ. О, онъ пришелъ кстати: я ему сказала, что ни одинъ докторъ не можетъ и не умѣетъ вылѣчить даже отъ укушенія клопа, и жестоко отдѣлала весь факультетъ, который никого не умѣетъ вылѣчить, хотя они держатъ людей въ постели по три мѣсяца. Я до тѣхъ поръ не успокоилась, пока онъ не согласился, что онъ и всѣ его товарищи были невѣждами и никого не сумѣли вылѣчить. Смягчившись отъ этой истины, я сказала: «довольно, идите!» и принялась писать къ козлу отпущенія, чтобы облегчить себя. Между прочимъ имѣю вамъ сказать, чтобы вы не умирали, чтобы были здоровы: потому что почти уже мѣсяцъ, какъ я мучусь бѣдами и болѣзнями людей, въ которыхъ принимаю участіе. Вотъ и генералъ Ланской перепугалъ насъ; онъ заболѣлъ воспалительною лихорадкою, но, слава Богу, внѣ опасности и сегодня полегоньку прогуливается въ саняхъ по улицамъ.

16 Ноября, въ часъ по полудни. Я очень рада, что вы довольны описаніемъ моего дня и какъ день распредѣленъ. Но у меня все мало времени, за чтѣ бы ни принялась. Вотъ и теперь надо идти обѣдать, а я хотѣла писать, и мнѣ уже два раза помѣшали.

16 Ноября послѣ обѣда. О, какъ жестоко ошибаются, воображая, будто чье либо достоинство страшитъ меня. Напротивъ, я бы желала, чтобы вокругъ меня были только герои, и я всячески старалась внушить героизмъ всѣмъ, въ комъ замѣчала къ тому малѣйшую способность.

Сиръ Томъ, обрѣтающійся по прежнему въ добромъ здоровьи, лишился своей супруги. Это въ его семействѣ первая утрата въ теченіи 15 лѣтъ. Изъ нихъ въ настоящее время живутъ у меня въ комнатѣ Леди-Томъ и Тезей-Томъ. Сей послѣдній есть воспитанникъ генерала Ланскаго, благодаря которому изъ него вышло существо гордое,мышленное и во всѣхъ отношеніяхъ благовоспитанное. Онъ только никому не уступаетъ мѣста возлѣ камина, и кто бы ни подошелъ къ этому мѣсту, ущипнетъ за ногу, кромѣ Александра и Константина, которые въ особенной милости у Томовъ, а потому у нихъ обоихъ есть по своему Тому. Папенька и маменька уже не узнаютъ дѣтей своихъ: такъ они выросли, и если пойдетъ такъ, то изъ нихъ выдутъ гиганты.

Мнѣ очень нравится, что вы пишете о мятежѣ идей и какъ всѣ эти идеи явились къ двери и хотятъ разомъ выдти. Это живописно; но какое дать одѣяніе идеямъ? — Я, такъ сказать, поставила верхъ дномъ не одно Царское Село: и здѣсь въ городѣ вы не узнаете моей спальной комнаты. Я нашла способъ устраивать спальни, какъ вы придумать не можете. У меня было углубленіе; теперь его нѣтъ. Кровать моя противъ оконъ; но чтобы свѣтъ не мѣшалъ глазамъ,

къ кровати приставлено зеркало, обращенное къ окнамъ, и подъ нимъ диванъ, почти такой же ширины, какъ кровать. Съ обоихъ боковъ у кровати стоятъ скамеечки. Просто прелесть, и это изобрѣтеніе вашей покорнѣйшей служулицы распространяется теперь по всѣмъ Петербургскимъ домамъ. Кромѣ того у моей кровати нѣтъ багдахина, и только одни занавѣски.

17 Ноября. Знайте разъ навсегда, что я еще никогда не находила, чтобы письма ваши были слишкомъ длинны. Продолжайте писать, но не перечитывайте вашихъ писемъ, если это утомляетъ васъ. Что это вы вздумали дѣлать мнѣ наставленія, какъ я должна читать ваши писанія? У меня крѣпкая грудь, и я читаю ихъ иной разъ по два часа сряду, не чувствуя ни скуки, ни усталости, ниже нетерпѣнія. Меня нечего предостерегать: вѣдь мнѣ приходится глотать вещи несравненно суше. Это вы, козелъ отпущенія, изволите подшучивать. И такъ не говорите мнѣ больше объ этомъ: если бы столы мои ломались подъ тяжестью вашихъ писемъ, я все-таки читала бы ихъ съ великимъ удовольствіемъ.

Слушайте, не вздумайте воображать, что я хочу сдѣлать изъ Александра разрубателя Гордіевыхъ узловъ. Отнюдь нѣтъ! Александръ будетъ превосходный человѣкъ, но вовсе не завоеватель: ему нѣтъ надобности быть имъ, и если онъ васъ увидитъ живаго или мертваго, онъ будетъ знать чего вы стоите, и я также. Что до господина Константина, это будетъ голова съ умомъ и своеобразная. Надо дать волю годовѣ.

2 Декабря. Пожаръ, уничтожившій лавки, произвелъ именно то, что вы говорите: я приказала не обращать вниманія на предразсудокъ и старую привычку. Будетъ вмѣсто одного торговаго двора десять съ дозволеніемъ всякому купцу имѣть у себя лавку. Противъ всего этого было много возраженій, но я настояла, и все улаживается безъ шума. Меня брало нетерпѣніе, и я вѣдила сама посмотрѣть, отчего пожаръ не прекращается, и вскорѣ онъ потухъ. Потери много меньше, нежели думали; рѣшительно ничто не вздорожало, а въ большихъ каменныхъ амбарахъ все цѣло.

3 Декабря. Будьте увѣрены, что генералъ Ланской чувствуетъ надлежащимъ образомъ все, что вы для него сдѣлали и что у него душа исполненная признательности. Онъ говоритъ, что вы сама мудрость. Гарди¹²⁾ будетъ у него бібліотекаремъ, къ выгодѣ обоихъ. Вы очень хорошо поступаете, что держите Фонтена въ Тамплѣ¹³⁾, пока возвратятся наши странствующие рыцари. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ другихъ, я замѣтила руку Вержея, и ни разу еще министръ Французскаго короля не внушалъ такого всеобщаго довѣрія къ себѣ; онъ первый изъ нихъ, которому я вѣрю. Вы очень хорошо сдѣлали, поставивъ на мой счетъ издержки по переводу денегъ Скородумова: за это я заставляю его жену заняться миниатюрою. Я да-

¹²⁾ Гувернеръ Якова Дмитриевича Ланскаго. См. выше стр. 72.

¹³⁾ Парижской тюрьмѣ.

да имъ денегъ на наемъ помѣщенія. Полагаю, что его печатальщикъ также имѣетъ все что ему нужно.

7 Декабря. Господинъ фактотумъ доложилъ мнѣ, что курьеръ отправится черезъ недѣлю, стало быть надо спѣшить окончаніемъ этого письма. Лучше, чѣмъ посылать съ сыномъ Бюффона, который повезетъ мое письмо къ своему отцу, и я боюсь, что дать ему письмо къ вамъ, онъ его не доставитъ. Здѣсь говорятъ, что этотъ молодой человѣкъ часто напивается и въ такомъ видѣ приходитъ въ общества. Надѣюсь, что это неправда. Покамѣстъ въ немъ не замѣтно батюшкина ума. Но онъ еще дитя.

Самойловъ, которому Щедринъ писалъ и прислалъ своего Эндимиона, ѣздилъ въ Крымъ, оттуда пріѣхалъ сюда, и за тѣмъ отправился опять въ Москву. Слѣдовательно мнѣ трудно будетъ узнать отъ него о письмахъ Щедрина и объ его Эндиміонѣ. И такъ заставьте Щедрина писать Геркулеса для генерала Каменскаго, покамѣстъ я освѣдомлюсь объ Эндиміонѣ, но съ тѣмъ, чтобы онъ отнюдь не бралъ этого генерала за образецъ Геркулеса. Ей, ей, я не могу держать г-на Щедрина на одинакомъ положеніи съ г-номъ Скородумовымъ, потому что и сего послѣдняго очень трудно удовольствоваться. Я велѣла ему сказать, что, если онъ ничѣмъ недоволенъ, я его не удерживаю, и онъ можетъ странствовать по бѣлу свѣту. То, другое не по немъ, слишкомъ холодно, слишкомъ жарко. Нѣтъ ничего несноснѣе художниковъ на жалованьи.

Вы мнѣ столько говорите о границахъ имперіи. Надо, чтобъ я вамъ сказала о восьмидесяти и больше народахъ, населяющихъ эту имперію. Здѣсь объ этомъ вышла книга профессора Академіи Георги, отменно любопытная. Въ ней описаны жители отъ мраморнаго дворца до пещеры, всѣ вѣрованія и секты, такъ что вамъ стоитъ только пріѣхать къ намъ и спрашивать чего вамъ угодно по части строеній, языковъ и вѣрованій: все отыщется.

8 Декабря. Послушать васъ, скажешь, что вы одни овладѣли истиною. Что бы тамъ вы съ братією ни толковали, а я не больше того, что я есмь, т. е. по вкусу однимъ и не по вкусу другимъ.

Я вовсе не буду рада отъѣзду дюка Санъ-Николо. Онъ сдѣлался близкимъ другомъ генерала Ланскаго. Уходя онъ запираетъ его на ключъ у себя въ библіотекѣ, съ тѣмъ чтобы по возвращеніи съ нимъ видѣться. Санъ-Николо говоритъ порусски какъ Русскій, и онъ перевелъ съ Русскаго на Итальянскій Александрову библіотеку. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы Неаполитанскій дворъ не отзывалъ его отсюда. Не думаю, чтобъ можно было переводить съ Русскаго на Французскій съ точностью: строй языковъ слишкомъ различенъ. Появилось нѣсколько новыхъ выпусковъ этой библіотеки.

9 Декабря. Я велѣла для васъ перевести ихъ понѣмецки, и пришло, если поспѣютъ, съ этимъ письмомъ. Ну хорошо, выдайте вашему любимцу Щедрину, на Геркулеса и Эндиміона, пятьсотъ червонцевъ, чтобы ѣхать ему, если захочетъ, въ Римъ или пожалуй оставаться и работать въ Парижѣ.

Зельмира пріѣхала и ведетъ себя очень хорошо. Я тщательно ста-

ралась развѣдать, кто изъ нихъ виновать, мужъ или жена, и повидимому мужъ могъ бы вести себя помягче. Впрочемъ въ настоящее время они, кажется, живутъ лучше прежняго. «Brave femme» понѣмецки, я думаю, надо перевести «eine tüchtige Frau». Ей ей, я очень довольна этою похвалою графа Шомберга; что можно сказать больше! Остерегайтесь вашего друга, застегнутаго: это онъ, онъ наговорилъ мнѣ самой про Зельмиру такого, что ее мало повѣсить; онъ уподоблялъ ее во всемъ тетужкѣ ея, пребывающей въ мѣстѣ моего рожденія¹⁴⁾. Знайте, что этотъ застегнутый лжетъ, безъ всякаго стыда, и каверзы дѣлаются его ремесломъ. Гдѣ замѣшаны его выгоды, тамъ онъ не скупится на жолчную клевету, такъ что даже товарищи смѣются надъ нимъ. При этомъ онъ *pedantesco Tudesco* (педантъ-Нѣмецъ). Я думаю, что супругъ Зельмиры, живучи здѣсь, поумѣритъ себя. Поступая иначе, онъ ничего себѣ не выиграетъ, и малюткѣ будетъ оказано покровительство гораздо больше, нежели она можетъ быть ожидала, и тѣмъ еще лучше.

Генералу Ланскому смерть какъ хочется имѣть головку Грѣза; если вы ему достанете съ нея маленькую копію на эмали, онъ станетъ прыгать какъ коза, и цвѣтъ лица его, всегда прекрасный, оживится еще болѣе, а изъ глазъ, и безъ того подобныхъ двумъ факеламъ, посыпятся искры.

10 Декабря. Не знаю, будетъ ли множество Екатеринъ въ Россіи; но если страна эта должна обиловать только памятниками мнѣ, то скажу навѣрное, что объ этомъ я вовсе не стану заботиться и охотно предоставляю эту честь господину Александру, который, когда ему страшно, говоритъ своимъ нянькамъ: «боюсь, но ничего, останавливаться не нужно». Мнѣ кажется, онъ созданъ природою, чтобы вносить послѣдовательность и неустрашимость въ дѣла, которыя онъ предприметь. Предпріятія же его, я думаю, не будутъ вредить ближнему; потому что коль скоро онъ видитъ или думаетъ, что ближній находится въ бѣдѣ, у него выступаютъ слезы. Въ Петрѣ Великомъ, когда онъ совсѣмъ открылся, показалось намъ выраженіе подвижности и величія. Скажешь, что онъ таки доволенъ своимъ твореніемъ. Я долго не рѣшалась его разсматривать, по чувству умиленія, и когда оглянулась кругомъ, то увидала, что всѣ тутъ бывшіе прослезидись. Лицомъ онъ обращенъ къ сторонѣ противоположной Черному морю; но выраженіе головы свидѣтельствуетъ, что онъ не смотритъ ни въ какую сторону. Онъ былъ слишкомъ далеко, чтобы говорить со мною; но онъ мнѣ показался доволенъ, что побуждаетъ меня стараться дѣйствовать впередъ, если могу, лучше.

Господинъ Александръ не получалъ никакого кирасирскаго полка. Онъ учится читать и писать, чтобы получить шарфъ и отвороты, которые польстятъ его честолюбію. Отъ этого онъ такъ примѣрно учится уже два года. Честолюбіе господина Константина покажется состоитъ только въ томъ, чтобы хорошо ѣсть, подражать брату и

¹⁴⁾ Въ Штетинѣ была сослана въ 1769 году первая супруга наслѣднаго Прусскаго принца, урожденная принцесса Брауншвейгская.

весело дурачиться. Въ городѣ Гриммѣ меня критикуютъ. Пусть ихъ говорятъ, разбираютъ и судачатъ. Надо этимъ людямъ предоставить свободу рѣчи, какъ и городу Москвѣ.—Не бойтесь, я не проболталась и не проболтаюсь на счетъ намѣренія Каменскаго, и Щедринъ можетъ для него работать съ полною надежностью; Каменскій же далеко отсюда, въ своихъ губерніяхъ, Тамбовской или Пензенской, между Рязанью и Воронежемъ.

18 Декабря. Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ судьба словно тѣшится тѣмъ, чтобы доставлять мнѣ огорченія. Теперь въ добавокъ Александръ и Константинъ заболѣли. Вчера встрѣчаю перваго изъ нихъ у двери его комнаты завернутаго въ плащъ. Спрашиваю, къ чему эта церемонія? Онъ отвѣчаетъ: это часовой, умирающій отъ холода. Какъ такъ? А вотъ видите: у него лихорадка и, чтобъ позабавиться и разсмѣшить меня, онъ во время озноба завернулся въ плащъ и представляетъ изъ себя часоваго. Каковъ больной, не правда ли? Совсѣмъ бодръ и веселехонекъ!

1783 годъ.

1.

5-го Января 1783.

Что вамъ угодно, чтобы я сдѣлала изъ чертежа Константинополя? Это дѣло султана. Я ничего не покупаю, ни чертежей. Не знаю, на что жалуется Рейфенштейнъ. Скажите ему, что мнѣ по опыту извѣстно, какъ честный человекъ можетъ быть обмануть, и по чести я рѣшительно не имѣла понятія объ открытой войнѣ между нимъ и княгиней Дашковой. Я узнала о томъ только изъ письма Рейфенштейна. Вотъ какъ мало свѣдуши бываютъ владыки сего міра! Никто не чернилъ и не очернилъ Рейфенштейна въ моихъ глазахъ; но если у него голова пошла кругомъ, козлу-то отпущенія изъ-за чего волноваться? Убирайтесь вы оба съ вашими завѣщаніями и отчетами; въ жизнь мою я васъ ни въ чемъ не подозрѣвала, ни того, ни другаго; за чѣмъ же вы мнѣ надѣдаете подобною дрянью и мелочью? Образумьтесь оба; а чтобъ наказать васъ, посылаю новую сказку Февей, сочиненную для Александра на Александровской фабрикѣ, и отъ всего сердца желаю, чтобы надъ чтеніемъ ея вы зѣвали до боли въ челюстяхъ. Въ письмѣ Ванъера ¹⁾ я встрѣтила Вольтерово выраженіе, доставившее мнѣ большое удовольствіе: «умъ хорошій и неподдѣльный». Надѣюсь, что таковой образуется у Александра. Это называется кончить восхожденіемъ на свой треножникъ. Прощайте, козелъ отпущенія! Милостью небесъ будьте здоровы.—Князю Орлову все хуже и хуже. Онъ уже подъ опекою у братьевъ своихъ. Генералъ Бауеръ тоже не выздоравливаетъ какъ бы слѣдовало, а я изнемогаю отъ работы и отъ болѣзни людей, которыхъ люблю и ува-

¹⁾ Ванъеръ былъ секретаремъ Вольтера, по смерти котораго пріѣзжалъ въ Россію. См. письмо его къ графу А. Р. Воронцову въ V-й книгѣ Архива Князя Воронцова.

жаю. Стало быть, не надо болѣть. Имѣющій уши да слышать. Слышите?

2.

Сиб., 3-го Марта 1783.

Я была очень огорчена кончиною генерала Бауера. Чертъ побери этихъ докторовъ, хирурговъ и весь факультетъ: это скоты, жрать имъ сѣно. Они мнѣ еще погубили человѣка, находившагося при мнѣ 33 года; словомъ, не кончишь, если рассказывать вамъ все что я отъ нихъ вытерпѣла этотъ годъ. Томъ между тѣмъ здоровъ, а доктора къ нему никогда не зовутъ.

Не знаемъ, о комъ говоритъ Екатерина въ этомъ письмѣ, что былъ при ней 33 года Генералу Бауеру, передъ его смертью, она послала орденъ Св. Владимира 1-й степени и написала слѣдующее сохранившееся въ спискѣ между письмами ея къ Гримму письмо.

Письмо Екатерины II-й къ генералу Бауеру.

Господинъ генералъ Бауеръ! Я получила ваше письмо и сочиненіе о дорогахъ, которое вы мнѣ послали и которое я прочту прежде, чѣмъ отвѣчать вамъ въ подробности. Но мнѣ удивительно, какъ вы такъ прилежно работаете послѣ столь сильной болѣзни. Вы знаете, что я принимаю большое участіе въ вашемъ здоровьи, и потому я прошу васъ убѣдительноше позаботиться о вашемъ выздоровленьи. Признаюсь, что я обрадовалась, увидавъ вашу подпись. Желаю имѣть удовольствіе увидать васъ вскорѣ совершенно поправившимся. Прощайте. 5 часовъ, 18 Января (1783).

3.

Сиб., 9-го Марта 1783.

Господинъ фактотумъ любезнѣйше извѣстилъ меня, что въ Субботу, можетъ быть, отправится курьеръ въ Парижъ, а потому берусь за перо, чтобы сказать вамъ, что третьяго дня пріѣхалъ Рибасъ и привезъ мнѣ множество писемъ, на которыя должна я написать отвѣты въ три дня, если могу. Срокъ конечно очень короткій въ виду столь обширныхъ депешъ, не считая размышленій, отступленій, диссертаций, примѣчаній и пр., которыя загородятъ мнѣ дорогу; но есть ли возможность удерживать въ сердцѣ что приходитъ на кончикъ пера? Чтобы помочь этому, я рѣшилась послать вамъ что до Субботы окажется положеннымъ на бумагу. Да и для этого мнѣ приходится покинуть вторую эпоху Россійской исторіи, сочиняемую для употребленія Александра и Константина. А читавшіе первую эпоху этой исторіи нашли, что это въ своемъ родѣ сочиненіе озарительное; въ числѣ ихъ князь Потемкинъ, княгиня Дашкова, господинъ фактотумъ и многіе другіе, люди требовательные. Таковое одобреніе умножаетъ любовь нашу къ сему любезному труду, и мы уже набросали жизнь и подвиги Святаго Владимира, который, наперекоръ вамъ и людямъ невѣрующимъ, былъ человѣкъ рядовой. Ахъ, господинъ козелъ отпущенія, не правда ли, что вы уже проникливаете, какъ бы достать перевода? Надѣйтесь, но не такъ скоро, потому что я ста-

новлюсь довольна эпохою по мѣрѣ того какъ подвигаюсь въ обработкѣ слѣдующихъ.

Послѣ этого вступленія, благодарю васъ за румяны, которыми вы желаете, чтобы я расцвѣчивала себѣ лицо. Я хотѣла попробовать, но нашла, что они слишкомъ красны и что пожалуй выду похожа на злючку. Стало быть, не прогнѣвайтесь, не могу послѣдовать этой прекрасной модѣ и одобрить ее, не смотря на то, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ вы, я теперь въ большой чести, что, полагаю, не будетъ продолжительно. Русскія барыни должны быть весьма польщены вниманіемъ и почетомъ, которые имъ расточаются въ Версали. Мнѣ ихъ перепортятъ, и по возвращеніи это будутъ барыни притязательныя.

Я давно знала, что нѣтъ для васъ больше счастья, какъ если подѣл васъ, по близости, съ боковъ, впереди или позади какое нибудь Германское высочество. Богъ вѣсть, откуда вы умѣете ихъ выкапывать, и они непрерывно такъ къ вамъ и лѣзутъ. Эта принцесса Мекленбургъ - Шверинская могла сдѣлаться моею невѣстою. Она стояла третья въ спискѣ; но какъ я знала ея отца и ея дядей, то признаюсь, не пожелала ея. Вѣроятно, она непохожа на нихъ, потому что вы ее находите любезною.

....Что касается до моихъ святыхъ, я беру ихъ ²⁾ изъ моихъ святцевъ. Когда мнѣ понадобится, я ищу кто между ними послужилъ государству или человѣчеству. Господъ новыхъ кавалеровъ ордена Св. Владиміра выбрала я изъ первыхъ и лучшихъ слугъ государства, и лишь въ семь качествъ они пойдутъ въ рай, если могутъ. Разсердите вы меня, и я вамъ доложу, что Св. Владиміръ былъ дѣдъ королевы Французской, шуринъ императора Оттона II-го, зять императора Константинопольскаго Романа. Одна изъ дочерей его была за Венгерскимъ королемъ Стефаномъ, другая за королемъ Богемскимъ. Стало быть, вы видите, что родство у него было не дурное и, не смотря на то, вы меня все-таки спрашиваете, откуда я взяла его. Стоитъ ли угодить небу и землѣ, чтобы черезъ 900 лѣтъ оставаться въ неизвѣстности? Но за чѣмъ вы безпрестанно говорите мнѣ о Константинополѣ, о муфти Абдуль-Гамида? Скажите г-ну Фаготу, пусть обращается съ грузомъ своимъ къ Французскому посланику въ Константинополь, а не ко мнѣ. И такъ, мой указъ о перемѣнѣ одежды, о прическѣ и побрягушкахъ, изъ-за котораго забыли даже о мирѣ ³⁾, пришелъ какъ разъ встати, когда кошельки были пусты, а счета велики, и вызвалъ лишь философскія разсужденія. Увѣряю васъ, я этого и не воображала. Я такъ привыкла къ злорѣчію относительно меня и страны моей, что не предполагала, что могли думать иначе. — Говорятъ, что Бретель займетъ мѣсто Верженя; это называется спокойную голову замѣстить горячею. Зельмира ле-

²⁾ Т. е. для наименованія внучать и для учрежденныхъ кавалерственныхъ орденовъ Св. Георгія и Владиміра. Уху иностранца имена эти звучали странно.

³⁾ Говорится о мирѣ, заключенномъ между Франціею и Англіею. Рѣчь идетъ о томъ, какъ толковали въ Парижѣ по поводу Екатерининскаго указа о сокращеніи при дворѣ роскоши въ нарядахъ.

жить, и очень трудно сказать что она такое, потому что она не разживаетъ зубовъ. Я всячески старалась удовольствоваться ея, но мнѣ это не удалось. Подождемъ лѣта; можетъ, она будетъ сообщительнѣе.

На прошлой недѣлѣ я васъ увѣдомляла по почтѣ о прїѣздѣ г-дъ Ланскаго и Лагарпа. Генераль Ланской бываетъ радъ какъ дитя, когда получаетъ письма отъ васъ; онъ ими хвастаетъ передо мною и говоритъ: ко мнѣ пишеть, а къ вамъ нѣтъ! Я должна воздать ему справедливость: онъ проникнуть признательностію и уваженіемъ къ вамъ. Я ему сказала, чтобы впередъ онъ диктовалъ письма къ вамъ⁴⁾, и увѣрена, что вы останетесь довольны его образомъ мыслей и его умомъ. Хорошо сдѣлали, что выпустили на волю Фонтена, который теперь не опасенъ. Критикуйте: «Petro Primo Catharina Secunda»⁵⁾. Я пожелала, чтобы было такъ, потому что мнѣ хотѣлось, чтобы знали, что это я, а не его супруга.—Пожалуста, сдѣлайте милость, купите для Александра карманную печатальную машинку; надо также, чтобы были буквы и нѣсколько дюжинъ досокъ для отпечатыванія гравюръ. Это будетъ ему великимъ угощеніемъ. Онъ и безъ того бѣгаетъ по фабрикамъ, гдѣ только объ нихъ прослышать.

4.

Слб., 19 Апрѣля 1783.

Вы содрогнетесь отъ ужаса, когда узнаете, что для васъ переводится понѣмецки первая эпоха Россійской исторіи, т. е. съ сотворенія міра до 862 года. Въ ней одной около 40 страницъ, и она составляетъ часть Александро-Константиновской бібліотеки. Стало бытъ козлу отпущенія надобно имѣть ее. Кромѣ того вашему превосходительству представится Февей, буквально переведенный по-французски, какъ вы того желаете. Вторая эпоха, по крайней мѣрѣ вдвое больше первой, можетъ быть, будетъ кончена и переведена до отправки сего посланія. Она начинается съ 862 года и оканчивается въ серединѣ двѣнадцатаго вѣка. Все это набросано въ теченіи приблизительно трехъ мѣсяцевъ. Это выдетъ противоядіе негодникамъ, уничижающимъ Россійскую исторію, каковы Деклеркъ и учитель Левекъ; оба—скоты и, не прогибавайтесь, скоты скучные и гнусные. Заранѣе прошу вашего извиненія за весь этотъ ворохъ. Можете бросить его въ огонь, и также поступить и съ тремя послѣдними эпохами, которыя непосредственно послѣдуютъ за двумя первыми, потому что всѣхъ будетъ пять. Вы скажете, что ея величество стала скучна и нелѣпа. Какъ быть? Тонъ и умъ всякаго человѣка обусловлены его положеніемъ. Таково мое. Не пожалѣете ли вы моихъ мальчугановъ, что имъ придется переваривать такіе большіе куски? Покажѣсть они принялись учиться, писать и рисовать. Учителя говорятъ про Александра, что успѣхи его удивительны по его возрасту, что другія дѣти бѣгаютъ отъ учителей, а ему все

⁴⁾ Позднѣ Екатерина ради шутки писала Гримму, яко бы отъ имени Ланскаго, который будто бралъ ее себѣ въ секретари и заставлялъ писать подъ диктовку.

⁵⁾ Петру Первому Екатерина Вторая—извѣстная надпись на памятникѣ.

мало, сколько бы они ни сидѣли съ нимъ; но они старательно наблюдаютъ, чтобы не засиживаться. Нынѣшнею зимою мы открыли въ Александрѣ странное желаніе. Однажды онъ задержалъ въ углу одну изъ моихъ женщинъ, съ которою онъ любить возиться, и настойчиво просилъ ее сказать, на кого онъ похожъ. Она отвѣчала, что повидимому у него черты матери. «Это не то», сказалъ онъ, «о чемъ я спрашиваю: нравомъ и обращеніемъ на кого я похожъ?» Женщина сказала ему: «Этимъ вы, мнѣ кажется, походите скорѣе на бабушку, чѣмъ на кого другаго». — «Ахъ, вотъ этого мнѣ хотѣлось узнать!» сказалъ онъ, бросился къ ней на шею и сталъ цаловать за то, что она ему сказала.

Генералъ Ланской готовить для васъ особую посылку, которая займетъ цѣлый уголъ вашей комнаты. Бромптонъ *) умеръ, не кончивъ начатаго портрета; но вы увидите, что выборъ генерала Ланскаго недуренъ. Богъ вѣсть, откуда онъ умѣетъ это выкапывать; каждое утро онъ рыскаетъ по всѣмъ мастерскимъ, и у него есть свои козлы отпущенія, которыхъ онъ заставляетъ работать словно каторжниковъ; въ моей галлерей ихъ слишкомъ поддюжины, и онъ ежедневно доводитъ ихъ до изступленія. Одного изъ нихъ онъ зоветъ Брудеръ; у остальныхъ тоже имѣются прозвища, но я готова битися объ закладъ, что онъ не знаетъ ихъ по имени.

5.

Царское Село, 20 Апрѣля 1783, въ 7 часовъ утра.

Вчера вступилъ въ дѣйствіе капитуль Святаго Георгія. У него денегъ 260 тысячъ р., которые г-нъ grosмейстеръ позаботился собрать независимо отъ доходовъ ордена. Послѣ этого подвига я возвратилась сюда, гдѣ меня ожидало печальнѣйшее извѣстіе о кончинѣ князя Орлова. Онъ умеръ въ Москвѣ, въ ночь съ 12 на 13 число этого мѣсяца. Хотя горестное событіе это вовсе не было для меня неожиданностью, но признаюсь вамъ, я почувствовала живѣйшую скорбь. Въ немъ я теряю друга и общественнаго человѣка, которому я безконечно обязана и который оказалъ мнѣ самыя существенныя услуги. Меня утѣшаютъ, и я сама говорю себѣ все что можно сказать въ подобныхъ случаяхъ; но отвѣтомъ на эти доводы служатъ мои рыданія, и я страдаю жестоко съ той минуты, какъ пришло это роковое извѣстіе. Только занятія меня развлекаютъ и, не имѣя здѣсь съ собою бумагъ моихъ, я пишу къ вамъ для своего облегченія. Генералъ Ланской выбивается изъ силъ, чтобы помочь мнѣ въ перенесеніи горя, но это только растрогиваетъ меня еще больше. Любопытно, что графъ Панинъ умеръ 14 или 15 дней прежде князя Орлова, и такимъ образомъ Панинъ не узналъ о смерти Орлова, а Орловъ не могъ узнать о смерти Панина. Они были совсѣмъ разныхъ мнѣній и вовсе не любили другъ друга: какъ они удивятся, встрѣтившись опять на томъ свѣтѣ! И то сказать, больше сходства у во-

*) Живописецъ, писавшій портретъ Екатерины.

ды съ огнемъ, чѣмъ у нихъ. И оба они столько лѣтъ были моими ближайшими совѣтниками! И однако дѣла шли, и шли большимъ ходомъ. За то часто мнѣ приходилось поступать, какъ Александру съ Гордіевымъ узломъ, и тогда противорѣчивыя мнѣнія приходили къ соглашенію. Одинъ отличался отвагою ума, другой мягкимъ благо-разуміемъ, а ваша покорнѣйшая служница слѣдовала между ними укороченнымъ скокомъ (*kurz Galop*), и ото всего этого дѣла великой важности принимали какую-то мягкость и изящество. Вы мнѣ скажете: «Какъ же быть теперь?» Отвѣтствую: «Какъ сможемъ». Во всякой странѣ всегда есть люди, нужные для дѣлъ, и какъ все на свѣтѣ держится людьми, то люди могутъ и управиться. Геній князя Орлова былъ очень обширенъ; въ отвагѣ, по моему, онъ не имѣлъ себѣ равнаго. Въ минуту самую рѣшительную ему приходило въ голову именно то, что могло окончательно направить дѣло въ ту сторону, куда онъ хотѣлъ его обратить, и въ случаѣ нужды онъ проявлялъ такую силу краснорѣчія, которой никто не могъ противостоять, потому что онъ умѣлъ колебать умы, а его умъ не колебался никогда. Но при этихъ великихъ качествахъ, ему недоставало послѣдовательности по отношенію къ предметамъ, которые въ его глазахъ не стоили заботы, и лишь немногіе предметы удостоивалъ онъ своей заботы или скорѣе труда своего, ибо занятъ былъ однимъ предметомъ ⁷⁾. Отъ этого онъ казался небрежнымъ и неуважительнымъ больше, нежели былъ на самомъ дѣлѣ. Природа избаловала его, и онъ былъ лѣнивъ ко всему, что внезапно не приходило ему въ голову. Графъ же Панинъ былъ лѣнивъ по природѣ и обладалъ искусствомъ придавать этой лѣности видъ благоразумія и разсчитанности. Онъ не былъ одаренъ ни такою добротою, ни такою свѣжестью души, какъ князь Орловъ; но онъ больше жилъ между людьми и лучше умѣлъ скрывать свои недостатки и свои пороки, а они были у него великіе.

28 Апрѣля 1783. Сегодня Александръ опять пришелъ просить книги. Вотъ завзятый читатель! Я поскорѣ сунула ему книгу для чтенія въ образцовыхъ училищахъ, чтобъ поскорѣ отъ него отдѣлаться, и посулила дать ему первую эпоху Россійской исторіи. Это сильно, и будетъ очень умно, и притомъ очень весело, и пятое слово всегда бабушка, такъ что дай ему волю. онъ уже давно поселился бы у меня въ комнатѣ. Но полно; нечего вамъ надобѣдать нашимъ хозяйствомъ, которое очень забавно и очень многихъ потѣшаетъ.

Слушайте однако: не слѣдуетъ вамъ болѣть, и когда вы больны, обращайтесь съ болѣзнию какъ я, т. е. не подбавляйте къ ней боли или доктора. Боль и докторъ стали у меня однозначущими словами. Эти дьяволы морили меня много разъ; по крайней мѣрѣ они никого не вылѣчили. Мѣсяца два назадъ, у меня начиналась горячка; семь дней я пролежала въ постели, но ни одинъ Эскулапъ не перешагнулъ порога моей комнаты.

⁷⁾ Т. е. приверженностью къ Государынѣ.

6.

Царское Село, 1 Июля 1783, въ 10 ч. утра.

Только что я возвратилась изъ саду (гдѣ оставила Александра и Константина, по шею въ ручьѣ, съ сѣтью, которою они ловятъ рыбу), какъ синьоръ фактотумъ возвѣстилъ мнѣ, что онъ отправляетъ нарочнаго вѣстника въ мѣсто вашего пребыванія и предписываетъ мнѣ имѣть на готовѣ депеши, долгія или короткія. И такъ хорошо, чтобъ вы узнали, что 8 числа сего мѣсяца я ѣду въ Финляндію на свиданіе въ Фридрихсгамъ съ братомъ и кузеномъ моимъ королемъ Шведскимъ. Прощаясь съ нимъ въ Петергофѣ, мы уговорились, что, если онъ пріѣдетъ въ свою Финляндію, я отправлюсь въ свою и что командующій въ томъ мѣстѣ войсками графъ Брюсъ помѣститъ насъ въ Фридрихсгамскихъ клѣтушкахъ. Когда вы получите эти строки, все это будетъ уже давнопрошедшимъ, потому что я останусь тамъ всего три дня.

По общему отзыву, Царское Село нынѣшнею весною сушій рай. Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, у насъ отличнѣйшая погода, и я гуляю сколько могу. Оно мнѣ, правду сказать, и нужно послѣ всѣхъ горестей и понесенныхъ мною утратъ: съ 14 Октября я не знала покою, и смерть князя Орлова свалила меня въ постель; ночью у меня сдѣлалась такая сильная лихорадка съ бредомъ, что 1 Мая въ полдень принуждены были пустить мнѣ кровь. Я не говорю вамъ о вашей потерѣ, потому что не надо питать мрачныя мысли и подновлять ихъ. Будьте увѣрены, что я рздѣляла ваши горести, какъ убѣждена, что и вы принимали участіе въ моихъ ^{а)}.

3 Іюня. Поговоримъ о пріятныхъ предметахъ. Если бы вы видѣли, какъ Александръ копаетъ землю, сѣетъ горохъ, сажаетъ капусту, ходитъ за плугомъ, боронуетъ, потомъ весь въ поту идетъ мыться въ ручьѣ, послѣ чего беретъ свою сѣть и съ помощью Константина принимается за ловлю рыбы. Они отдѣляютъ щуку особо, потому что, говорить онъ, щука ѣстъ другихъ рыбъ, стало быть надо ее удалить отъ нихъ. Чтобы отдохнуть, онъ отправляется къ своему учителю чистописанія или къ тому, кто его учитъ рисовать. Тотъ и другой обучаютъ его по методѣ образцовыхъ училищъ. Все это мы дѣлаемъ изъ собственной охоты, съ одинаковымъ усердіемъ и даже не замѣчая, что мы все это дѣлаемъ. Насъ ни къ чему не принуждаютъ; отъ этого мы веселы и живы какъ рыба. Ни брани, ни дутья, ни упрямства, ни слезъ, ни криковъ. Беремъ за чтеніе книги съ тѣмъ же расположеніемъ, какъ вскакиваемъ въ лодку, чтобы грести, и надо посмотреть на насъ, когда мы въ лодкѣ! У Александра удивительная сила и гибкость. Однажды генералъ Ланской принесъ ему панцирную рубашку, которую я едва могу поднять рукою; онъ схватилъ ее и принялся съ нею бѣгать такъ скоро и свободно, что насилу можно было его поймать.

^{а)} 15 Апрѣля 1783 скончалась сожительница б. Гримма, г-жа д'Эпина.

7 Юня. Вотъ моя поѣздка въ Фридрихсгамъ отложена или отсрочена, такъ какъ Шведскій герой, по неловкости и неискусству въ верховой ѣздѣ, упалъ съ лошади и разбилъ себѣ правую руку вкось между плечомъ и локтемъ. Съ этою прекрасною новостью онъ прислалъ ко мнѣ своего камергера. «Я могла бы обойтись безъ подобныхъ вѣстей», велѣла я сказать ему: «люблю добрыя вѣсти, а не дурныя».

10 Юня. Сей часъ принесли мнѣ табакерку, которую покойный генералъ Бауеръ по моему приказанію велѣлъ сдѣлать для г-на Бюффона. Она изъ камня, которымъ мостятъ дорогу отъ Петербурга до Петергофа. Покойный Бауеръ увѣрялъ, что это тотъ же камень, что открыли въ Лабрадорѣ; онъ принимаетъ всевозможные цвѣта, по мѣрѣ того, какъ его обтачиваютъ. Кто-то въ Академіи хвалился, что у него есть такой маленькій камень, и тогда Бауеръ обѣщаль ему на другой день прислать телѣгу, нагруженную имъ. Ящичекъ, сдѣланный изъ него, я показывала графу Бюффону-сыну. Пожалуста, г-нъ козель отпущенія, пошлите отъ меня этотъ ящичекъ графу Бюффону-отцу, чтобы онъ рѣшилъ, имѣетъ ли камень какую важность.

7.

Царское Село, 16 Августа 1783.

Моя заздравная поминальная книжка на дняхъ умножилась барышней, которую, въ честь ея старшаго брата, назвали Александрю. По правдѣ сказать, я несравненно больше люблю мальчиковъ, нежели дѣвочекъ.

Когда генералъ Ланской узналъ, что вы не успѣли купить собраніе древнихъ камней, съ нимъ чуть не сдѣлался обморокъ, и онъ едва не задохся. Извѣстіе о томъ пришло черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ онъ страшно ушибся, упавъ вмѣстѣ съ лошадыю, отчего многіе дни пролежалъ въ постели. Теперь онъ совсѣмъ поправился, и хотя сдавилъ себѣ грудь и харкалъ кровью, но, благодаря отличному своему сложенію, повидимому не чувствуетъ отъ того послѣдствій.

Кажется, я позабыла вамъ сказать, что видѣлась въ Фридрихсгамѣ съ любезнѣйшимъ братомъ моимъ донъ-Густавомъ и нашла его одѣтымъ поиспански, съ подвязанною рукою, которую онъ вывихнулъ или сломалъ, двѣ недѣли до нашего свиданія, въ своемъ лагерѣ при Тавастгусѣ. Изъ этого Шведскаго лагеря пріѣзжало въ Фридрихсгамъ множество офицеровъ, принадлежащихъ по большей части къ лучшимъ фамиліямъ Швеціи. Цѣлый день они ходили взадъ и впередъ передъ моими окнами, а надо сказать, что весь Фридрихсгамъ-то въ 260 туазовъ длиною. Это мнѣ показалось довольно страннымъ, и я сказала Шведскому королю: «Отчего вы не приведете ихъ ко мнѣ? Я бы очень желала поближе ихъ увидать». Онъ отвѣчалъ, что у нихъ нѣтъ приличнаго одѣянія, чтобы явиться передо мною; прилично же одѣться значило у него снять Шведскій мундиръ и надѣть Испанскій нарядъ чернаго и алаго цвѣта. Мнѣ надоѣли эти околичности, и я вздумала поступить по своему: когда они проходили мимо моихъ оконъ, я заговаривала съ ними въ его присутствіи (мое

помѣщеніе было внизу). Я видѣла графа Крейца, который пріѣхалъ въ Финляндію прямо изъ Парижа; у него не было кармана въ его Испанской накидкѣ, и онъ принужденъ былъ класть себѣ въ шляпу то, что кладется въ карманы. Самимъ Шведамъ страшно надоѣдало это Испанское чудное убранство. Замѣтите, что мои люди имѣли глупость не взять другаго платья кромѣ того, какое я обыкновенно ношу во время моихъ поѣздокъ, такъ что дворъ Россійскій и дворъ Шведскій совѣмъ не походили одинъ на другой.

8.

Слб. 20 Сентября 1783.

Этотъ годъ былъ и для васъ, какъ для меня, роковымъ. Болѣзни и горести смѣнялись у меня по очереди: приходилось беспокоиться за каждаго изъ близкихъ мнѣ людей. Въ теченіи лѣтнихъ жаровъ я захватила кашель и думала, что у меня сдѣлается чахотка; князь Потемкинъ чуть не умеръ; генералъ Ланской едва не сломилъ себѣ шею и шесть недѣль былъ боленъ. Вотъ при какихъ прекрасныхъ предзнаменованіяхъ родилась Александра Павловна. Боюсь еще, чтобъ не умеръ фельдмаршалъ князь Голицынъ⁹⁾. Состояніе его здоровья мнѣ вовсе не нравится. Это отличный и честный человекъ, къ которому я очень привыкла, котораго люблю и уважаю.

Надо полагать, что синьоръ Скородумовъ существо очень лѣнивое: съ тѣхъ поръ какъ онъ здѣсь, рѣшительно никому очень ничего не сдѣлалъ. Да благословить Богъ дарованія г-на Щедрина и избавить его отъ всякаго пенсіона, убивающаго дарованія въ художникахъ.

Мнѣ досадно, что вы тратите время съ людьми въ родѣ Гюльзена: это отъявленный глупецъ. Представьте, что онъ бросался въ ноги къ покойному графу Панину, умоляя его открыть ему тайну Массонскаго всецѣлебнаго лѣкарства. Онъ думалъ, что Панинъ владелъ этою тайною. Тоже дѣлалъ онъ и со многими другими лицами.

21 Сентября. Я въ восхищеніи отъ довѣрія, которое вы мнѣ оказываете, и по истинѣ раздѣляю ваши печали и заботы, какъ вы раздѣляли мои по поводу незамѣнимыхъ понесенныхъ мною утратъ въ князѣ Орловѣ и Бауерѣ. Я не могу о нихъ вспомнить и не расплакаться, и передъ тѣмъ какъ ѣхать въ Фридрихсгамъ, я уговорилась съ Шведскимъ королемъ, чтобъ онъ со мною не заводилъ о нихъ рѣчи. Онъ такъ и сдѣлалъ; но я сама стала вспоминать ихъ.

Я передала генералу Ланскому про ваше желаніе, чтобъ ктонибудь изъ Ланскихъ всегда былъ въ дорогѣ. Онъ мнѣ выразилъ свое удовольствіе по поводу вашего отъѣзда, что Ланскіе отлично исполняли свои обязанности. Я ему ежедневно говорю, что все ихъ племя отъ природы доброе; самъ же онъ перлъ изо всего племени, потому что никто, даже Базиль, не стоитъ своего дяди¹⁰⁾

⁹⁾ Князь Александръ Михайловичъ, покоритель Хотина. Екатерина говорила, что онъ храбрѣе Румянцева.

¹⁰⁾ Вѣроятно Екатерина описалась и хотѣла сказать: своего двоюроднаго брата.

13 Октября. Слушайте: сказать правду, Зельмира не слыветь у насъ за умную женщину; но я знаю за нею умнѣе заставить другихъ хохотать, и повидимому она любитъ всякое живое упражненіе; поэтому я не раздѣляю общаго о ней мнѣнія. Мнѣ кажется, что она застращена своимъ медвѣдемъ, и этотъ страхъ поддержанъ невѣсткою во время поѣздки медвѣда въ Херсонъ (онъ оттуда возвратился). Оттого Зельмира боится раскрыть ротъ. Впрочемъ она очень молода и никого не знаетъ. Я подозреваю, что матушка, какъ и батюшка, не изъ орлиной породы. Зельмира не получила выдержки, какъ слѣдовало бы предполагать. У насъ ея не находятъ ни умною, ни любезною; потому что она постоянно задумчива и молчалива.

19 Декабря. Читали вы когда Индѣйскія басни Бидпая и Локмана? Знаете ли, что всѣ новые писатели, даже Монтескье и Вольтеръ, дѣлали оттуда похищенія? Вотъ великолѣпное открытіе, которое я сдѣлала нынѣшнею зимою. Кстати, поздравляю васъ съ воздушными колесницами, летающими вокругъ вашихъ головъ¹¹⁾. Когда они усовершенствуются, очень приятно будетъ съѣздить отсюда въ Парижъ въ три дня. На всякій случай, я велю держать на готовѣ для васъ топленныя комнаты. Говорю: топленныя, потому что уже три дня нашъ градусникъ колеблется между 18 и 27°.

Я могла бы написать вамъ цѣлую книгу о прекрасныхъ открытіяхъ, которыя ежедневно дѣлаю, сочиняя или портя вторую эпоху Россійской имперіи; но большую часть моихъ размышленій я помѣщу въ нѣкотораго рода обзорѣнн, которое послѣдуетъ за второю эпохою, и послѣ этого обзорѣнн я кончу свою работу, потому что въ Москвѣ, въ Archivъ, подначальные покойнаго Миллера сочиняють для образцовыхъ училищъ Россійскую исторію гораздо лучше моей. Можетъ быть, я постараюсь къ каждой эпохѣ написать по обзорѣнню на мой ладъ. Чтѣ вы объ этомъ думаете?

9.

Спб., наканунѣ Рождества Христова 1783.

Благодарю васъ за посмертныя сочиненія Монтескье и за превосходные раскрашенные эстампы съ изображеніемъ шара-аэростата. О небо! Даруй имъ поскорѣ перья, дабы ни одинъ изъ дѣлающихъ опыты не сломалъ себѣ шею, падая съ высоты. Какъ вы ни придете, по землѣ, водѣ или воздуху, всегда будете желаннымъ гостемъ. Хотя Кельнскій газетчикъ и говоритъ, что императрица умерла, но она чувствуетъ себя лучше, чѣмъ во многія другія зимы; я же все не лгу. Когда я приказывала просить Саксонскаго курфюрста, чтобы онъ позволилъ графу Ангальту перейти ко мнѣ въ службу, онъ отказался на отрѣзъ; но графъ Ангальтъ, узнавъ о томъ, подалъ въ отставку, чего онъ и прежде желалъ и, уволившись отъ Саксонской службы, поступилъ въ мою. Вотъ стало быть здѣсь теперь однимъ другомъ прибыло козлу отпущенія.

¹¹⁾ Т. е. съ изобрѣтенными тогда аэростатами.

1784 годъ.

1.

28-го Марта 1784.

Я написала прекрасную инструкцію для воспитанія господъ Александра и Константина. Пришлю вамъ ее, когда мнѣ переведутъ ее какъ должно. Покамѣстъ, эти благородные господа забавляются, подъ руководствомъ Нѣмца-столяра, господина Майера, изученіемъ столярнаго искусства и добрую часть дня пилятъ, полируютъ и пр. Неправда ли, забавно, что будущіе государи воспитываются учениками столярнаго дѣла. Но игрушки прискучили Александру, и столярное искусство заступило мѣсто игрушекъ. Имъ занято наше время, и устранено бездѣлье. Лагарпъ будетъ въ числѣ состоящихъ при Александрѣ такъ, чтобы онъ говорилъ съ нимъ не иначе какъ по-французски. Другому поручено говорить съ нимъ по-нѣмецки. По англійски онъ уже говоритъ. Вообще наше маленькое дѣло въ ходу, сообразно нашимъ силамъ. Расскажу вамъ замѣчательную черту его. Братъ его простудился, и ему запретили подходить къ окну, которое выходитъ на балконъ и изъ котораго дуло. Малютка, очень шаловливый, безпрестанно подходилъ къ окну; на паркетъ сдѣлали черту и приказали, чтобъ онъ не переступалъ за нее. Но тотъ все таки переступилъ. Тогда старшій говоритъ ему: «Братецъ! Когда мнѣ приказываютъ не ходить дальше, я, чтобы не забыть, нарочно провожу въ мысляхъ черту позади той, которая мнѣ назначена, и коль скоро изъ шалости я переступлю эту мою черту, тотчасъ припомню, что не надо переступать другую».

5-го Апрѣля. Если бы вы видѣли, какъ генераль Ланской вскакиваетъ и хвастаетъ при полученіи вашихъ писемъ, какъ онъ смѣется и радуется при чтеніи! Онъ всегда огонь и пламя, а тутъ весь становится душа, и она искрится у него изъ глазъ. О, этотъ генераль существо превосходнѣйшее. У него много сходнаго съ Александромъ. Этимъ людямъ всегда хочется до всего коснуться, и я страхъ какъ боюсь, чтобы любезный вашъ генераль не сдѣлался аптекаремъ. Какой-то Англичанинъ прислалъ ему всевозможныхъ и самыхъ лучшихъ аптекарскихъ снадобьевъ, и у него такъ и чешутся руки, чтобы разлагать, соединять и смѣшивать эти вещества. Не ручаюсь, чтобъ въ эти три дня, безпрестанно разбирая свои снадобья, онъ уже собственноручно не попотчивалъ ими кого нибудь изъ своихъ Калмыковъ и Татаръ, живущихъ у него на заднемъ дворѣ. А поводъ прекрасный: съ наступленіемъ Пасхи немало бываетъ желудочныхъ болѣзней въ нашей благочестной странѣ.

2.

Царское Село, 8 Мая 1784.

Гоните, гоните печальныя мысли. Они годятся только на то, чтобы мучить людей. Я желаю, чтобъ вы одержали побѣду въ этой

борьбѣ ¹⁾. Поглядите кругомъ себя и не предавайтесь ощущенію одиночества. Будьте увѣрены, что всякій разъ какъ вамъ приходится на умъ, что я васъ забыла или равнодушна къ вашей участи, вы ошибаетесь и набиваете себѣ голову вздоромъ. Я знаю, что возраженія эти не столь вѣжливы и лестны, сколько правдивы; но вѣдь всякій думаетъ и пишетъ какъ можетъ. Понимаете, козелъ отпущенія? Я очень рада, что въ вашихъ глазахъ я не мраморная статуя и что вы знаете, какъ, даже въ то время, какъ улаживались Крымскія дѣла, я не переставала сочувствовать вашему горю. 1783 годъ былъ несчастливъ для меня и для васъ; но вообще я замѣчала, что мои тяжкія горести сопровождаются событіями радостными и славными: госпожа Таврида стоила мнѣ много слезъ вслѣдствіе утратъ, мною понесенныхъ и мнѣ угрожавшихъ.—Зачѣмъ вы питаетесь печальными мыслями, и въ васъ замѣчается какое-то отшельничество? Къ чему это? Повѣрьте мнѣ, надо продолжать жить, какъ вы привыкли, безъ всякаго измѣненія; для здоровья нужно продолжать жить, какъ живешь.

3.

Письмо отъ имени А. Д. Ланскаго.

Царское Село, 10 Мая 1784.

Милостивый государь! Дворянскій братъ мой Иванъ Ланской доставилъ мнѣ письмо, которымъ вамъ угодно было снабдить его для меня, а равно и драгоценную эмаль съ изображеніемъ дражайшей нашей Императрицы. Прошу васъ принять мою искреннѣйшую благодарность за таковое исполненіе моихъ желаній и за участіе вами выражаемое по поводу новыхъ милостей и отличій, коими Ея Императорское Величество меня удостоила. Изъ вниманія къ добродѣтели вашему мнѣнію о секретарѣ моемъ ²⁾, который за излишнюю болтливость подвергся было моей немилости, я снова взялъ его къ себѣ, и онъ самолично чертитъ настоящія строки. Я велѣлъ ему засвидѣтельствовать вамъ, что мною ежедневно дѣлаются извлеченія изъ всего что я читаю. Сюда входитъ все что мнѣ покажется полезнаго и пріятнаго, и секретарь мой утверждаетъ, что извлеченія сіи драгоценны, представляя собою квинтъ-эссенцію полезнаго и пріятнаго изъ прочитанныхъ мною книгъ. Кромѣ того онъ говоритъ, что выборъ мой недурень и что сими извлеченіями я лучше всего изображаю себя самого. Такъ отзывается мой секретарь; я же тутъ не при чемъ, не хвастаю и продолжаю идти своимъ путемъ. Я люблю то что люблю, и любимое кажется мнѣ хорошимъ. Секретарь мой говоритъ, что оно въ самомъ дѣлѣ не только хорошо, но и превосходно, и само по себѣ и относительно вкуса и выбора.

Съ чувствами отличнаго почтенія и дружбы имѣю честь быть и пр.
Ланской.

¹⁾ Гриммъ передъ тѣмъ лишился своей г-жи д'Эпиннъ, которая была въ теченіи долгихъ лѣтъ ему сожительницею и другомъ. На внучкѣ ея, такъ называемой Эмили, сосредоточились теперь сердечныя привязанности уже престарѣлаго Гримма.

²⁾ Т. е. о самой Екатериинѣ.

4.

Царское Село, 10-го Мая 1784.

Что бы тамъ ни говорилъ вамъ про меня графъ Гага ³⁾; для него я прескучная особа, скучная до смертельной зѣвоты; но онъ въ томъ не смѣетъ признаться, потому что у насъ есть страстишка придавать цѣну тому, что цѣнится другими, а сами мы въ сущности остаемся къ тому безучастны; и потому еще, что мы вовсе не то, чѣмъ хотимъ казаться. Въ Фридрихсгамѣ мы считали нужнымъ каждый день, съ четырехъ часовъ до шести, проводить время одинъ на одинъ съ вашей покорнѣйшей служанкой, Богъ знаетъ для какой радости; кажется, для того только, чтобы другіе видѣли. Ужъ мы, бывало, говоримъ, говоримъ, и, бывало, замѣтивъ, что онъ зѣваетъ и желая положить конецъ болтовнѣ, я, какъ скоро заслышу, что есть какая нибудь человѣческая душа въ приемной, отворяю дверь, чтобы избавить ихъ Шведское и Россійское величества отъ этихъ скучныхъ и нелѣпыхъ бесѣдъ съ глазу на глазъ. Отъ этого я смерть какъ потѣла, что немало способствовало тому, что я простудилась прошедшимъ лѣтомъ, такъ какъ это продолжалось цѣлыхъ шесть дней.

Вѣсти, которыхъ вы требуете. Императрица въ текущемъ 1784 году въ Херсонъ не поѣдетъ, если только вы не добудете ей летучей колесницы, нарочно для этой цѣли ⁴⁾.

Въ Парижъ она не поѣдетъ никогда, даже для того, чтобы повидаться съ вами; опять развѣ добудете летучую колесницу. Меня туда ничто не манитъ: ни братецъ Гага, ни папа, кромѣ одного козла отпущенія.

Ну, полно вамъ хныкать: лѣто никогда еще не проходило безъ листьевъ, по сказанію Бюффона, а козелъ отпущенія не оставался безъ писемъ; они у него были, есть и будутъ. Кстати, надо вамъ знать, что ея величество, дражайшая императрица, вчера изобразила въ видѣ рисунковъ для медалей весь первый періодъ Россійской Истории, и что генералъ Ланской, увидавъ эти наброски, сказалъ мнѣ, что это прелестное произведеніе. Дѣло въ томъ, что этотъ генералъ начинаетъ исправлять должность вашего намѣстника, т. е. когда сдѣлаютъ что нибудь такое, чѣмъ хотятъ похвастать, то показываютъ ему.

³⁾ Т. е. король Шведскій Густавъ III-й, ѣздившій въ этомъ году по Европѣ и находившійся передъ тѣмъ, какъ писано это письмо, въ Парижѣ. Въ одномъ изъ предъидущихъ писемъ Государыня назвала его пиковымъ королемъ и писала: «Теперь онъ у васъ. Хотите, чтобы онъ зѣвалъ: говорите ему о дѣлахъ серьезныхъ и вызывайте на разсужденіе дѣльное; хотите заслужить полное его расположеніе: станьте, повернувши спину, передъ зеркаломъ и говорите съ нимъ про стихи, пѣсни, комедіи и уборы, и тогда, глядясь въ зеркало, онъ долго не уйдетъ отъ васъ. Если онъ вамъ говоритъ, что любитъ меня, не вѣрьте: мы съ нимъ сходимся, какъ кругъ съ четырехугольникомъ».

⁴⁾ Намекъ на изобрѣтенные передъ тѣмъ аэростати.

Какъ же не любить тѣхъ, кто насъ любить? Если меня любить, то и я люблю. Я полагаю, что Таврида имя Греческое, а Крымъ — Татарское. Если вы только этого ждали, чтобы помириться, то вамъ бы уже давно слѣдовало заключить мировую.

Посылаю вамъ писанные на фарфорѣ медальоны Александра и Константина: вы должны имѣть ихъ. Въ физиономіи младшаго вы замѣтите много сходства съ Петромъ I-мъ.

Большая фабрика въ Итальянскомъ стилѣ, которую господа Ланской и Гваренги вмѣстѣ строятъ, ломаютъ, перестраиваютъ, воздвигаютъ вновь, находится на площади противъ зимняго дворца ⁵⁾.

На Адмиралтейскую площадь будутъ переведены всѣ Коллегіи, Сенатъ и присутственныя мѣста, и набережная будетъ продолжена.

5.

19 Мая 1784. Царское.

Слушайте, козелъ отпущенія, что я вамъ скажу. Вольтерова статуя, работы Гудона, выложена и поставлена въ Утренней залѣ ⁶⁾. Тамъ ее окружаютъ Антиной, Аполлонъ Бельведерскій и много другихъ статуй, модели которыхъ привезены изъ Рима, а отлиты онѣ здѣсь. Когда входишь въ эту залу, то буквально захватываетъ у тебя духъ и, о чудо! Вольтеръ работы Гудона не терпитъ изъяна отъ своего окруженія. Онъ помѣщенъ отлично и созерцаетъ все что есть прекраснѣйшаго между древними и новыми статуями. Господинъ козелъ отпущенія припомнитъ, что въ залѣ этой одна дверь выходитъ на озеро, а другая на очень густую просѣку. Съ тѣхъ поръ, какъ тамъ Вольтеръ, смотрѣть Утреннюю залу ходятъ караванами.

Другая новость: сирь Томъ Андерсонъ околѣлъ нынѣшнею зимою и положенъ съ своею надписью позади гранитной пирамиды. У меня не хватило еще духу пойти туда, и я объявила объ его смерти только нынче. Онъ дожилъ до 16 лѣтъ.

6.

Царское Село, 7 Июня 1784.

Я встала въ шесть съ половиною часовъ и занесла въ нѣкую записку, которую я веду и которая у насъ называется матеріалами, слѣдующія слова: «Монастыри и общины суть плохіе наслѣдники. Они управляютъ либо дурно, либо ужъ черезъ чуръ хорошо, такъ что нарушаютъ справедливость». Прекрасное это умозаключение тотчасъ породило во мнѣ желаніе написать вамъ, что вчера во второй разъ я слышала пѣніе удивительной Тоди, и что пѣвица эта, по моему единственная въ своемъ родѣ, чрезвычайно какъ взбудоражила мнѣ голову. Она мнѣ доказываетъ, что совершенство имѣетъ свои неоспоримыя права и что права совершенства состоятъ

⁵⁾ Говорится о домѣ, который строился для Ланскаго.

⁶⁾ Такъ называется бесѣдка въ Царскосельскомъ саду, близъ озера. Знаменитая статуя Вольтера, послѣ разныхъ и знаменательныхъ перемѣненій, находится нынѣ въ Императорской Публичной Библиотекѣ.

въ поднятіи душъ, какъ у людей ученыхъ, такъ и у невѣждъ. Ска-
завъ вамъ это, прошу васъ мнѣ сказать, какъ и почему первая и
вторая мысль сдѣлились и послѣдовали другъ за другомъ въ моей
головѣ; я же не вижу въ нихъ никакого сродства, развѣ сроднило
ихъ мое желаніе сообщить вамъ ту и другую.

2 Іюля Когда я начинала это письмо, я была счастлива, и мнѣ
было весело, и дни мои проходили такъ быстро, что я не знала, ку-
да они дѣваются. Теперь уже не то: я погружена въ глубокую скорбь;
моего счастья не стало. Я думала, что сама не переживу невозна-
градимой потери моего лучшаго друга, постигшей меня недѣлю
тому назадъ. Я надѣялась, что онъ будетъ опорой моей старости:
онъ усердно трудился надъ своимъ образованіемъ, дѣлалъ успѣхи,
усвоилъ себѣ мой вкусъ. Это былъ юноша, котораго я воспитывала,
признательный, съ мягкой душой, честный, раздѣлявшій мои огор-
ченія, когда онъ случались, и радовавшійся моимъ радостямъ. Сло-
вомъ, я имѣю несчастье писать вамъ рыдая. Генерала Ланскаго
нѣтъ болѣе на свѣтѣ ⁷⁾. Злокачественная горячка, въ соединеніи съ
жабой, свела его въ могилу въ пять сутокъ, и моя комната, въ ко-
торой мнѣ прежде было такъ пріятно, превратилась въ пустыню.
Наканунѣ его смерти я схватила горловую болѣзнь и жестокою
лихорадку; однако со вчерашняго дня я встала съ постели, но слаба
и до такой степени болѣзненно разстроена въ настоящее время, что
не въ состояніи видѣть человѣческаго лица безъ того, чтобы не
разрыдаться и не захлебнуться слезами. Не могу ни спать, ни ѣсть;
чтеніе нагоняетъ на меня тоску, а писать я не въ силахъ. Не знаю,
что будетъ со мной; знаю только, что никогда въ жизни я не была
такъ несчастна, какъ съ тѣхъ поръ, какъ мой лучшей и дорогой
другъ погинулъ меня. Я открыла ящикъ письменнаго стола, нашла
тамъ этотъ начатый листокъ, написала эти строки, но затѣмъ силы
измѣняются мнѣ.

7.

Сиб., 9-го Сентября 1784.

Мнѣ слѣдуетъ отвѣчать на три письма ваши, изъ которыхъ по-
слѣднее, отъ 11 (22) Августа, требуетъ слѣшнаго отвѣта.

Признаюсь, за все это время я была не въ силахъ писать вамъ,
потому что знала, что это заставитъ страдать насъ обоихъ. Черезъ
недѣлю послѣ того, какъ я написала вамъ мое Іюльское письмо, ко
мнѣ пріѣхали графъ Орловъ и князь Потемкинъ. До этой минуты я
не могла выносить человѣческаго лица. Оба они взяли за дѣло,
умѣючи. Они начали съ того, что принялись выть за одно со мною;
тогда я почувствовала, что мнѣ съ ними по себѣ, но до конца еще
было далеко. Отъ слишкомъ сильно возбужденной чувствительности
я сдѣлалась безчувственной ко всему, кромѣ одного горя; это горе
росло каждую минуту и находило себѣ новую пищу на каждомъ
шагу, по поводу каждаго слова. Не подумайте впрочемъ, чтобы, не
взирая на весь ужасъ моего положенія, я пренебрегла хотя бы по-

⁷⁾ Скончался 25 Іюня 1784 года, въ Царскомъ Селѣ.

слѣдней малостью, для которой требовалось мое вниманіе: въ самыя тяжкія минуты ко мнѣ обращались за приказаніями по всѣмъ дѣламъ, и я распоряжалась какъ должно и съ пониманіемъ дѣла, что особенно изумляло генерала Салтыкова. Болѣе двухъ мѣсяцевъ прошло безъ всякаго облегченія; наконецъ, стали наступать промежутки, сперва только часы, болѣе спокойные, потомъ и цѣлые дни. Такъ какъ начиналась осень и становилось сыро, въ Царскомъ Селѣ пришлось топить комнаты; въ моихъ стало дымить, и такъ сильно, что вечеромъ пятого Сентября, не зная, куда дѣваться, я велѣла подать карету и пріѣхала нечаянно, когда никто не ожидалъ, сюда въ городъ, гдѣ высадилась въ Эрмитажъ; вчера въ первый разъ выходила къ обѣднѣ и въ первый же разъ, стало быть, опять видѣла всѣхъ, и меня всѣ видѣли. Но, признаюсь, это стоило мнѣ такого усилія, что, возвратясь къ себѣ въ комнату, я почувствовала упадокъ силъ, и всякій другой непременно упала бы въ обморокъ, чего со мною отродясь еще не бывало.

Теперь поговоримъ о главныхъ пунктахъ вашего письма. Когда Эмилія будетъ выходить замужъ, подарите ей отъ моего имени двѣнадцать тысячъ рублей, а если у васъ нѣтъ моихъ денегъ, трасируйте на насъ. Только чтобы это не попало въ газеты.

Выдайте вдовѣ Дидерота тысячу рублей; это составитъ пенсіонъ за пять лѣтъ впередъ, по двѣсти ливровъ въ годъ. На всѣ другіе пункты вашего письма дамъ отвѣтъ въ другой разъ; теперь вы извините: право, пишуци къ вамъ, дѣлаю усиліе надъ собой, потому что чувствую себя слабую послѣ Богъ знаетъ сколькихъ всякаго рода лихорадокъ, которыя я перенесла за послѣдніе два съ половиной мѣсяца. Въ это время я прочла полдюжины Русскихъ лѣтописей и три тома «Первобытнаго Міра». Знакомы вы съ этой книгой? Еще я добыла себѣ всякихъ словарей, какіе только можно было сыскать, между прочимъ Финскій, Черемисскій, Вотяцкій, и теперь всѣ мои столы завалены этимъ добромъ. Кромѣ того я собрала множество свѣдѣній о древнихъ Славянахъ и скоро буду въ состояніи доказать, что Славянамъ обязаны своими названіями большая часть рѣкъ, горъ, долинъ и мѣстностей во Франціи, Испаніи, Шотландіи и другихъ странахъ.

Очень обязана вамъ за предложеніе пріѣхать сюда; но совѣтую не дѣлать этого, потому что или мнѣ будетъ суждено умереть на вашихъ глазахъ, или вамъ на моихъ, что будетъ слишкомъ грустно для того изъ насъ, который переживетъ другаго. Не говорите мнѣ о покупкахъ, особенно извѣстнаго рода⁸⁾. Уже очень давно я покупала не для себя.

8.

14-го Сентября 1784.

Все меня огорчаетъ, а я никогда не любила быть жалкою. Видно, отъ подобнаго состоянія не умираютъ, такъ какъ я вотъ осталась жива и только шесть дней пролежала въ постели.

⁸⁾ Т. е. о покупкахъ художественныхъ произведеній, что такъ напоминало Екатерину недавнее ея прошлое.

И. И. Богоявленскаго.

Изо всѣхъ, окружавшихъ генерала въ продолженіи этой злокачественной пятнистой горячки (*fièvre maligne et rougrée*), которая началась болѣю горла 19-го Іюня въ три часа по полудни, я одна захватила горловую болѣзнь, отъ которой чуть было не умерла. Представьте, въ этотъ самый день онъ пришелъ ко мнѣ какъ у него разбалчивалось горло, и объявилъ, что у него готовится опасная болѣзнь, отъ которой онъ не встанетъ. Я постаралась выбить у него эту мысль изъ головы, и мнѣ показалось даже, что онъ пересталъ думать о своей болѣзни. Въ половинѣ пятаго онъ ушелъ къ себѣ, въ шесть я вышла гулять въ садъ. Онъ пришелъ туда и вмѣстѣ со мною обошелъ вокругъ озера. Когда мы вернулись ко мнѣ въ комнату, онъ опять сталъ жаловаться, но попросилъ меня сыграть обычную партію въ реверси; игра продолжалась недолго, потому что я видѣла, что онъ страдаетъ. Когда всѣ ушли, я посоветовала ему пойти къ себѣ и лечь въ постель; онъ такъ и сдѣлалъ и послалъ за очень хорошимъ хирургомъ, который живетъ въ Царскомъ Селѣ. Врачъ нашелъ у него перемежающійся пульсъ и на другой день въ семь часовъ поручилъ сообщить мнѣ, что онъ желалъ бы имѣть когонибудь изъ своей братіи для совѣщанія. Я послала ему Кельхена и отправила нарочнаго въ Петербургъ за Вейкардомъ. Къ полудню пріѣхалъ Вейкардъ; когда я узнала объ его пріѣздѣ, я пошла къ больному, котораго нашла въ сильномъ лихорадочномъ состояніи. Вейкардъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: это нехорошо. Я сказала ему: но что же это такое? Вейкардъ отвѣчалъ: злокачественная горячка, и онъ умретъ. На это я сказала: Неужели нельзя помочь? А молодость? А крѣпкое сложеніе?—Да, сказалъ онъ, это правда, конечно; но пульсъ-то перемежающійся, и я могу сказать напередъ, какъ это пойдетъ далѣе, часъ за часомъ. Я позвала Кельхена. Этотъ, хотя и болѣе политикъ, чѣмъ Вейкардъ, однако тоже не скрылъ своихъ опасеній. Между тѣмъ больной упорно не хотѣлъ ничего принимать: онъ далъ пустить себѣ кровь, поставилъ ноги въ воду, пилъ много воды и другаго питья, но не принялъ никакого лѣкарства. Въ Четвергъ, цѣлые сутки, онъ много спалъ, все лице сильно опухло, и кончикъ носа побѣлѣлъ. Въ Пятницу пріѣхалъ докторъ Соболевскій, его пріятель; онъ заставлялъ его пить много холодной воды и давалъ ѣсть разваренныя винныя ягоды. Ни Вейкарда, ни другихъ онъ не хотѣлъ видѣть до самаго вечера, когда лихорадка усилилась съ жестокою тоскою. Въ Субботу ему, повидимому, стало немного легче; но къ полудню началась рвота, рвало весь день, послѣ чего онъ сталъ икать, и выступили багровыя пятна. Впрочемъ, въ Субботу вечеромъ Вейкардъ приходилъ сказать мнѣ, что, если не послѣдуетъ прилива къ мозгу, больной, быть можетъ, еще и оправится. Въ это время стояла сильная жара. Въ Воскресенье его перемѣстили въ болѣе прохладную комнату. Онъ перешелъ туда на своихъ ногахъ; въ три часа я пришла къ нему, и онъ говорилъ мнѣ, какія онъ сдѣлалъ распоряженія, чувствуя себя очень худо накануне. Въ это время онъ еще не заговаривался, но черезъ часъ у него начался бредъ. Онъ называлъ всѣхъ по имени и отчеству; но

между тѣмъ сталъ заговариваться и сердился на всѣхъ, что ему не хотять привести его лошадей и запрячь ихъ въ постель. Такое раздраженіе подало намъ надежду, что его вырветъ жолчью; но этого не случилось. Въ Понедѣльникъ онъ сталъ слабѣть съ каждой минутой. Я вышла отъ него въ одиннадцать часовъ, совсѣмъ ослабѣвъ, и скрывала мои собственные страданія до Вторника утромъ. Забыла сказать вамъ, что въ Понедѣльникъ я посылала за Рожерсономъ, который тогда собирался уѣзжать на воды. Иванъ Чернышевъ ⁹⁾ напомнилъ мнѣ о Джемсовыхъ порошкахъ, которыхъ Нѣмецкіе доктора и хирурги будто бы не умѣютъ давать; Рожерсонъ далъ ему этихъ порошковъ, но безъ всякой пользы.

Теперь, послѣ того, какъ я вамъ высказала все это, у меня стало легче на душѣ, и я надѣюсь написать вамъ длинное письмо; между тѣмъ какъ, начиная, я могла писать только отрывочныя слова.

Посылаю вамъ опять медальонъ Константина, тутъ онъ нѣсколько похожъ на Петра I-го.

Вы, кажется, уже знаете, что Лагарпъ опредѣленъ къ Александру. Это тотъ Швейцарецъ Лагарпъ, который путешествовалъ съ обоими Ланскими, забудыгой и Базилемъ ¹⁰⁾. Онъ признаетъ дарованія въ своемъ ученикѣ Александрѣ.

18 Сентября. Прошу васъ взглянуть на прилагаемые листы. Они написаны послѣ чтенія книги г-на Балъи объ исторіи астрономіи. Въ этомъ сочиненіи онъ много говоритъ о первоначальномъ народѣ, который могъ существовать въ Сибири. Я начала искать разъясненій этому мнѣнію, раздѣляемому и г-мъ Бюффономъ. Содержаніе моихъ листовъ можетъ быть занимательно для Балъи и Бюффона; въ такомъ случаѣ вы можете показать имъ сіи слабые опыты; и если господа эти захотять послать намъ вопросы, вы мнѣ ихъ доставьте. Но вотъ что для одного васъ, потому что это еще недостаточно обслѣдовано. Салийцы и Салическій законъ, Хильперикъ I-й, Хлорисъ и всѣ Меровинги были Славянскаго происхожденія, равно какъ всѣ Вандальскіе государи въ Испаніи: имена ихъ и походы на это указываютъ. Величайшими врагами Славянъ были Итальянскіе монахи. Они ненавидѣли ихъ какъ язычниковъ и какъ христіанъ не ихняго вѣроисповѣданія. Послѣ этого не удивляйтесь, что Французскіе короли, коронуясь въ Реймсѣ, присягаютъ на Славянскомъ Евангеліи. Хильперикъ I-й былъ лишенъ престола за то, что онъ желалъ, чтобы Галлы, получившіе свою азбуку отъ Римлянъ, прибавили къ ней три Грекославянскія буквы, именно: ч, х или херъ и пси.

⁹⁾ Иванъ Львовичъ Чернышевъ (1736—1793), женатый на сестрѣ Ланскаго, Евдокіи Дмитриевнѣ (†1816), впоследствии сенаторъ, отецъ военнаго министра Николаевскихъ временъ, князя А. И. Чернышева; а можетъ быть, здѣсь говорится о графѣ И. Г. Чернышевѣ, который былъ прежде посланникомъ въ Англіи.

¹⁰⁾ См. выше, стр. 70 и 93.

Если бы г. Куръ-де-Жебеленъ ¹¹⁾ зналъ послavianски или порусски, то сдѣлалъ бы еще болѣе любопытныхъ открытій. Я считаю его всемирную грамматику однимъ изъ превосходнѣйшихъ твореній, появившихся въ нынѣшнемъ вѣкѣ.

21 Сентября. Скажу вамъ: что касается дѣлъ общественныхъ, то все пойдетъ своимъ чередомъ, по прежнему; но въ моемъ личномъ существованіи прежде я была очень счастлива, а теперь лишилась этого счастья. Я стараюсь утопить себя въ чтеніи и письмѣ, вотъ и все; у меня остается одна только крайняя чувствительность къ вознаграждаемой утратѣ, которую я испытала.

23 Сентября. Вскорѣ я вамъ сообщу новости объ Этрускахъ и о руническихъ древностяхъ. Вы увидите, что дѣло начинаетъ разъясняться. Писатели и историки не знали порусски и потому страшно напутали и затемнили истину. Я отдумала: не показывайте этихъ тетрадей ни Балли, ни Бюффону. Это не ихъ дѣло, хотя они первые указали на существованіе народа, объ открытіи котораго, пожалуй, и не заботятся. Впрочемъ дѣлайте какъ хотите: это не охладитъ нашихъ розысканій. Забудьте, что я не даю себѣ полного отчета въ томъ, что пишу въ этомъ письмѣ, и не имѣю духа перечестъ его. Но оно для васъ, и вы лучше оцѣните состояніе моей головы.

26 Сентября. Сейчасъ получила вашу № 76, въ которомъ вы спрашиваете о моемъ здоровьѣ; на это скажу вамъ, что я не больна и не была больна послѣ моего письма отъ 2 Юля, но до крайности огорчена. Да, я не въ состояніи обѣщать вамъ, что буду писать каждую недѣлю, потому что буду забывать обѣщаніе: я никогда не умѣла подчинить себя такому этикету; да и къ чему такъ аккуратно посвящать во все почтамтскихъ чиновниковъ ¹²⁾.

Относительно камней скажите тѣмъ, кто будетъ вамъ ихъ предлагать, что я ихъ никогда не покупала для себя лично, такъ какъ не знаю въ нихъ толку, а впередъ и совсѣмъ не буду покупать. Если вы желаете имѣть вѣрное понятіе о моемъ положеніи, скажу вамъ, что вчера исполнилось три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ я не могу утѣшиться послѣ моей вознаграждаемой потери. Единственная перемѣна къ лучшему состоитъ въ томъ, что я опять привыкла къ человѣческимъ лицамъ; впрочемъ, сердце также обливается кровью, какъ и въ первую минуту. Долгъ свой исполняю и стараюсь исполнять хорошо; но моя скорбь велика, какой я еще въ жизни никогда не испытывала, и вотъ уже три мѣсяца, какъ я нахожусь въ этомъ ужасномъ состояніи и страдаю адски.

¹¹⁾ Court de Gébelin, сочинитель книги: «Le Monde primitif analysé et comparé avec le monde moderne, въ 9 частяхъ, вышедшихъ съ 1773 по 1781 г. См. о немъ въ статьѣ Я. Б. Грота: Филологическія занятія Екатерины II-й, въ Р. Архивѣ 1877, I, 426. Онъ считался чудомъ учености и умеръ въ Маѣ этого 1784 г.

¹²⁾ Какъ извѣстно, у Фридриха Великаго перечитывались письма, шедшія изъ Россіи во Францію и другія Европейскія государства.

1785 годъ.

1.

20 Февраля 1785.

За эту зиму я составила списокъ изъ 280 словъ, которыя велѣла перевести на сто восемьдесятъ языковъ и нарѣчій; мнѣ ихъ еще продолжаютъ доставлять всякій день: вотъ и все, чѣмъ я занималась ¹⁾. Чувствуя себя неспособной ни къ чему, я полагала, что не къ чему писать. Русская исторія заснула; мои внуки подростаютъ; прекрасная Елена достойна этого имени, потому что этотъ ребенокъ въ самомъ дѣлѣ красавица, вотъ почему я и назвала ее Еленою. Мѣстоположеніе дачи, которую я купила, очень пріятно. Какъ видите, не смотря на всѣ газетныя толки, я еще не умерла; у меня нѣтъ и признака какой нибудь болѣзни, но до сихъ поръ я была существомъ бездушнымъ, прозябающимъ, котораго ничто не могло одушевить. За это время я увидѣла и узнала, сколько у меня истинныхъ друзей, и ихъ дружба часто мнѣ была въ тягость; между тѣмъ, уже во многомъ они сдумѣли произвести поворотъ къ лучшему, и надо сказать правду, это уже немало, а затѣмъ баста. Вотъ все, что я имѣю сказать вамъ. Будьте здоровы.

2.

5 Марта 1785.

Я успѣла глубоко убѣдиться въ томъ, что у меня есть друзья; самый могучій, самый дѣятельный, самый прозорливый изъ нихъ, безспорно, фельдмаршалъ князь Потемкинъ. О, какъ онъ приставалъ ко мнѣ, какъ не давалъ мнѣ покоя, какъ я его бранила, какъ на него сердилась! Но онъ не унывалъ, подступая то съ той, то съ другой стороны, пока вытацилъ меня изъ моего кабинета длиною въ десять сажень, въ Эрмитажъ, въ которомъ я поселилась. Надобно отдать ему справедливость: онъ умнѣ меня и все, что онъ ни дѣлалъ, было глубоко обдуманно. Я очень обязана вамъ за участіе, которое вы принимали въ моемъ положеніи. «Первобытный Миръ», первобытныя языки, словари двухъ сотъ языковъ сдѣлали изъ меня совершенно нелѣпное существо. Я хотѣла утопить мое горе во всемъ этомъ хламѣ, между тѣмъ этотъ хламъ нагонялъ на меня тоску, и я наводила скуку на другихъ ²⁾. Тѣмъ временемъ господа Александръ и Константинъ перешли на руки мужчинъ; воспитаніе приняло опредѣленное направленіе на основаніи неизмѣнныхъ правилъ; они

¹⁾ Екатерина отовсюду получала матеріалы для составленія своего Словаря, о которомъ она говоритъ въ этомъ письмѣ. Но дворъ Неаполитанскій отказалъ ей въ присылкѣ словъ, отозвавшись, что Мексиканскій и Перуанскій словари составляютъ государственную тайну.

²⁾ Точно такъ Гете, лишившись взрослого сына, заперся у себя въ комнатѣ, никого рѣшительно не видѣлъ и утолялъ горе исправленіемъ своего почерка.

являются прыгать вокругъ меня, и мы поддерживаемъ подобающій тонъ. Смѣю утверждать, что эти дѣти подають очень большія надежды. Барышни, ихъ сестрицы, здоровы; но старшая не въ моемъ вкусѣ; быть можетъ, я соблазуюсь красотою младшей³⁾. Говорять впрочемъ, что она похожа на меня, и я чувствую къ ней нѣкоторую слабость. Очень рада, что мы сходимся въ мнѣнїяхъ; я всегда говорила, что этотъ магнетизмъ никого не выдѣчиваетъ, но и уморить также никого не можетъ. Я думала, что одна я способна быть за чтенїемъ романовъ или во время представленїа трагедїй; теперь оказывается, что вы дѣлаете тоже самое весь свой вѣкъ: вотъ отчего вы такъ хорошо понимаете меня, умѣете меня угадывать и истолковывать мое душевное состоянїе лучше меня самой. Въ виду этого вы ужъ сдѣлайте милость, выносите меня пока во всемъ моемъ настоящемъ слабоумїи.

Я нахожу, что письмо дочери Дидерота написано превосходно и съ силой. Письмо Эмили прелестно, и такъ какъ вы производите ее въ мои фрейлины, то быть по сему. Желаю, чтобы это могло способствовать ея счастью. Пришлите мнѣ сочиненїа Дидерота; заплатите за нихъ, что спросятъ; разумѣется, я не выпущу ихъ изъ своихъ рукъ, такъ что они не могутъ повредить никому; пришлите мнѣ ихъ вмѣстѣ съ библіотекою Дидерота. Зачѣмъ вы хотите ѣхать въ Швейцарїю? Если удалиться отъ дѣлъ, то прїѣзжайте сюда; къ тому времени, можетъ статься, и я опять нѣсколько поумнѣю.

3.

18 Марта 1785.

Надобно рассказать вамъ, что сегодня затѣялъ Александръ. Онъ смастерилъ себѣ круглый парикъ изъ куска ваты и, пока мы съ генераломъ Салтыковымъ дивились тому, что его прекрасное личико не только не обезобразилось отъ этого наряда, но еще похорошѣло, онъ сказалъ намъ: «Пожалуста, смотрите не столько на мой парикъ, сколько на то, что я буду дѣлать». И вотъ онъ беретъ комедїю: Обманщикъ⁴⁾, которая лежала на столѣ, и начинаетъ представлять одну сцену съ тремя дѣйствующими лицами; всю эту сцену онъ разыгрываетъ одинъ, придавая каждому лицу тонъ и тѣлодвиженїа, свойственныя роли, которую онъ изображаетъ. Никогда еще ни Калифалькжерстонъ, ни Самбленъ, ни его дворецкїй не были разыграны лучше, съ большою естественностію и правдою, и сверхъ того, съ той изящной граціей, которую этотъ ребенокъ умѣетъ придать всѣмъ своимъ затѣямъ. Мы просто глазамъ не вѣрили, глядя на то, что онъ выдѣлывалъ, и при этомъ помирали со смѣху. Никогда никто не училъ его драматическому искусству; но этой зимой онъ бывалъ на представленїяхъ въ маломъ эрмитажномъ театрѣ. Онъ посѣщалъ театръ усердно и съ большимъ вниманїемъ, и передъ спектаклемъ охотно читалъ самъ или просилъ прочитывать себѣ пїесу.

³⁾ Великая княжна Елена Павловна род. 13 Декабря 1784.

⁴⁾ Сочиненїе Еватерины.

Признаюсь, меня удивили способности, которыя выказалъ сегодня этотъ мальчуганъ. Не можетъ быть, чтобы онъ не удался; онъ идетъ себѣ самъ собою, и какъ еще!

3 Апрѣля. Сирѣ фактотумъ объявилъ мнѣ, что это письмо пора отправлять; прилагаю экземпляръ Русской Флоры и Нѣмецкій переводъ Обманщика въ двухъ экземплярахъ. Если вы спросите, зачѣмъ я пишу такую пропасть комедій, я буду отвѣчать подобно г-ну Пэнсѣ: по тремъ причинамъ. Вопервыхъ, потому что это меня забавляетъ; вовторыхъ, потому что я желала бы поднять Русскій народный театръ, который, за неимѣніемъ новыхъ піесъ, находился въ нѣсколько заброшенномъ состояніи, и втретьихъ, потому что не лишнее было хлестнуть духовидцевъ, которые начинали задирать носъ; теперь, осмѣянные, они опять притихли и попрятались въ кусты. Обманщикъ и Обманутый имѣли успѣхъ чрезвычайный: Московская публика, подъ исходъ Масляницы, не хотѣла слышать о другихъ піесахъ, и какъ скоро объявляли какую нибудь другую, начинала кричать, чтобы давали ту или другую изъ двухъ выше названныхъ. Что было особенно забавно, такъ это то, что на первомъ представленіи стали вызывать автора, который здѣсь, дома сохранялъ глубочайшее инкогнито, не смотря на свой огромный успѣхъ. Каждая изъ этихъ піесъ въ Москвѣ дала содержателю театра, въ три представленія, десять тысячъ рублей⁵⁾.

14 Апрѣля. Очень рада, что у васъ приходится натывать публику носомъ на самыя интересныя вещи, потому что безъ этого на нихъ не догадались бы обратить вниманія. На это не было лучшаго мастера, какъ покойный графъ Панинъ: онъ, бывало, мигомъ состряпаетъ себѣ великолѣпный нарядъ изъ чужихъ перьевъ и, чѣмъ мнѣе этотъ нарядъ былъ его собственностью, тѣмъ болѣе онъ его расхваливалъ, чтобы видѣли его родительскую любовь къ дѣтищу, надъ произведеніемъ котораго обыкновенно для него старался кто нибудь другой. Аттестатъ барона Гроссшлага не можетъ повредить графу Н. Румянцову. Это семейство недавно понесло чувствительную потерю въ лицѣ графини Брюсъ, которая скончалась въ Москвѣ на прошедшей недѣлѣ⁶⁾. Нельзя не пожалѣть о ней всякому, кто зналъ ее близко, потому что она стояла того, чтобы ее любили; лѣтъ шесть или семь тому назадъ, это огорчило бы меня еще болѣе, но съ тѣхъ поръ мы нѣсколько болѣе прежняго поотдалились одна отъ другой.

Скажите правду: роль Герцберга⁷⁾ должна быть очень скучна? Аккуратно всякій годъ ему приходится усыплять свою Академію, и ни-

⁵⁾ Этими представленіями Екатерина думала воспрепятствовать успѣхамъ Новиковскаго масонства въ Москвѣ, прежде чѣмъ приступить противъ него къ мѣрамъ крутымъ. Дѣятельность Новикова еще ждетъ безпристрастной оцѣнки.

⁶⁾ Графиня Прасковья Александровна, ур. гр. Румянцова. Мужъ ея въ то время былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ. Екатерина была дружна съ нею съ самаго своего пріѣзда въ Россію.

⁷⁾ Главный министръ Фридриха Великаго.

кто въ грошъ не ставитъ его нескончаемыхъ разсужденій. Кромѣ того, онъ старается затирать историческія истины: онъ утверждаетъ, что никогда Славяне не бывали во владѣніяхъ короля, его государя, между тѣмъ какъ всѣ ихъ города и селенія носятъ Славянскія названія; рѣки, озера и горы точно также. О, если я когда нибудь выложу передъ вами мои собственныя открытія по этимъ тремъ статьямъ, вы раскроете ротъ отъ удивленія; но такъ какъ это могло бы перейти въ зѣвоту, я поостерегусь ввергать васъ въ эти бездныя премудрости, которыя въ Фридрихсгамѣ нагнали хандру на Густава съ сложенной рукой. Ну, это опять статья иная; еще можно поспорить, а ли придираюсь къ вамъ.

Что это за дѣло Бобринскаго? Онъ остался и, такъ сказать, основался въ Парижѣ. Онъ юноша крайне безпечный; но я не считаю его ни злымъ, ни безчестнымъ; онъ молодъ и можетъ быть вовлеченъ въ очень дурныя общества; онъ вывелъ изъ терпѣнія тѣхъ, кто были при немъ; словомъ, ему захотѣлось пожить на своей волѣ, и ему дали волю. Впрочемъ, онъ весьма въ состояніи платить: у него тридцать тысячъ рублей годоваго дохода, и деньги высылаются ему по востребованію. Вы обязали бы меня, если бы могли разузнать положеніе его дѣлъ въ Парижѣ. Получаетъ онъ свои деньги или не получаетъ? Есть ли у него долги? И постарайтесь, если можете, оградить его отъ исторій въ родѣ той, о которой вамъ сообщалъ г. де Жюиньб⁸⁾. Думаю, было бы не дурно приставить къ нему кого нибудь, но если онъ догадается, то не знаю, недовѣрчивость не заставитъ ли его надѣлать новыхъ проказъ. Это немножко своеобразная голова; такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ. Но онъ не глупъ, не безъ образованія и даже не безъ дарованій.

Если хотите пріѣхать въ Херсонъ, то пріѣзжайте въ Апрѣль 1787 года. Быть можетъ, мнѣ удастся прислать вамъ арію, которую Сарти написалъ на точки, разставленныя на удачу княземъ Потемкинымъ. Опера, которую вы проектируете, вѣроятно не будетъ поставлена на сцену въ Тавридѣ, потому что, вопреки всему что болтаютъ въ газетахъ, я намѣрена ѣхать туда безъ всякой пышности. По требованіямъ краснорѣчія, на Русскомъ языкѣ всякій проповѣдникъ, всякій ораторъ говоритъ: ты. Вотъ въ чемъ дѣло относительно фельд-маршала Разумовскаго; догадываюсь, почему переводъ его рѣчи вышелъ дурень: у него былъ плохой переводчикъ, нѣкто Казьбѣ, чело-вѣкъ совершенно безтолковый. Онъ сдѣлалъ уморительный переводъ Обманщика; такъ я знаю, на что онъ способенъ. Сегодня утромъ получила я письмо отъ вашего собрата, академика Циммермана; онъ пишетъ мнѣ, что, читая эту комедію въ Нѣмецкомъ переводѣ, онъ чуть не померъ со смѣху, особенно отъ: шю, шю, шю и пр. и по поводу котла, который разрывается въ пѣсѣ. Какое вамъ дѣло до Кронштадтской верфи? Развѣ господинъ Густавъ не выстроилъ въ четыре года двадцать кораблей на Французскія деньги? Я строю на свои собственныя.

⁸⁾ Бывшій прежде Французскимъ посломъ въ Петербургѣ.

22 Апрель 1785.

...Что до меня касается, то скажу вамъ, что два мѣсяца какъ мнѣ легче, но что не надо говорить о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго. Вотъ все что я могу сдѣлать.—Знайте, милостивый государь, знайте, что никогда Россійская имперія не будетъ разрушена. Вотъ что говоритъ сочинитель «Первобытнаго Мира».

«Всякая имперія имѣла свою причину, какъ всякое слово имѣло свой смыслъ».

«Возвышеніе, долговѣчность, слава или паденіе государствъ не зависятъ отъ страстей или отъ мѣстныхъ и преходящихъ случаевъ. Эти событія всегда были необходимымъ и сознательнымъ дѣйствіемъ хорошаго или дурнаго примѣненія великихъ началъ всякаго общества. Мелкія страсти и случаи только пользовались состояніемъ дѣлъ и никогда не производили онаго. Вѣтры конечно могутъ опрокинуть зданіе, воздвигнутое на зыбкомъ основаніи; но то, которое хорошо осѣло, посмѣвается вѣтрамъ. Какъ! Люди, соединившіеся въ общество, государства, имперіи не могутъ рассчитывать на свою долговѣчность, не могутъ утвердить свое благосостояніе, не могутъ сдѣлаться прочны, какъ почва, на которой они возникли! И потому только, что бывали имперіи, исчезавшія какъ дымъ, разсѣваемый вѣтромъ, думать, что такая же судьба неизбѣжна для всякаго государства, для всякой имперіи! Нѣтъ! У всего есть своя причина, свой смыслъ, свое неизмѣнное начало; есть то, чѣмъ навсегда обезпечивается благосостояніе народовъ и имперій: это соблюденіе обязанностей. Есть и одна причина, которая можетъ повести ихъ къ гибели: это нарушеніе обязанностей, извращеніе того, на чемъ основано ихъ возвышеніе и благосостояніе. Всѣ, пользовавшіеся благосостояніемъ, народы дошли до процвѣтанія только тѣмъ, что внимали голосу порядка и подчинялись его предписаніямъ. Законодатель былъ поистинѣ великъ и полезенъ своимъ современникамъ и міру лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ усвоивалъ себѣ порядокъ и законы свои умѣлъ сообразовать съ нимъ. Имперіи начинаютъ клониться къ упадку, коль скоро они заводятъ, такъ сказать, деревни въ городахъ и города въ обширной и громадной столицѣ, пучинѣ государственныхъ богатствъ и могилѣ поколѣній настоящихъ и грядущихъ. Истинное величіе имперіи состоитъ въ томъ, чтобы быть великою и могущею не въ одномъ только мѣстѣ, но во всѣхъ своихъ мѣстахъ, всюду проявлять силу, дѣятельность и порядокъ».

Я переписала все это мѣсто, потому что оно отмѣнно прекрасно⁹⁾ Скажите, что вы этимъ довольны.

25 Апрель 1785.

И такъ Россійское государство не можетъ пасть, ибо мы любимъ порядокъ, добиваемся порядка, обрѣтаемъ и утверждаемъ порядокъ;

⁹⁾ Мѣсто это, какъ Екатерина сама указываетъ въ одномъ изъ дальнѣйшихъ писемъ, находится въ VIII части сочиненія Буръ-де-Жебелена, на стр. LVIII-й.

оно пускаетъ корни, и пусть попробуютъ разрушить его. Надобно сознаться, что это государство стоитъ на прочныхъ основаніяхъ. Въ моихъ домашнихъ дѣлахъ возвратилась тишина, и горизонтъ прояснися, благодаря тому, что, при помощи нашихъ друзей, мы сдѣлали надъ собою усиліе. Мы теперь выступили съ комедіей, которую находятъ прелестной; это доказываетъ нѣкоторое возвращеніе веселости и прежняго размаха. Объ односложныхъ словахъ въ разговорѣ нѣтъ и помину, и я не могу пожаловаться, чтобы вокругъ меня не было людей, которыхъ привязанность и усердіе весьма способны разсѣять и развлечь меня; но требовалось время, чтобы возвратилась охота замѣтить ихъ и еще болѣе, чтобы къ нимъ привыкнуть. Однимъ словомъ, у меня есть другъ, весьма способный и весьма достойный носить это имя ¹⁰⁾, и есть друзья, которые меня не покидаютъ.

Господа Александръ и Константинъ на рукахъ у генерала Салтыкова, который, равно какъ и всѣ окружающіе ихъ, во всемъ слѣдуетъ моимъ правиламъ и предписаніямъ. И въ самомъ дѣлѣ, они оба восхитительно красивы собой, видны, сильны, здоровы, умны, послушны; словомъ, на нихъ можно любоваться. Я убѣждена, что Александромъ будутъ всегда совершенно довольны. Въ немъ съ чрезвычайной ровностью характера соединяется пріятность, удивительная въ его возрастѣ. Лице у него открытое, улыбающееся и привѣтливое; воля его всегда хорошо направлена; онъ желаетъ успѣвать и успѣваетъ во всемъ выше своихъ лѣтъ; онъ учится вѣдѣть верхомъ, читаетъ и пишетъ на трехъ языкахъ, рисуетъ и все дѣлаетъ безъ принужденія; пишетъ онъ всегда что нибудь относящееся къ Исторіи или Географіи, или какія нибудь избранныя изреченія или что нибудь веселое; сердце у него превосходное.—Я уже говорила вамъ, что чрезъ каждые три мѣсяца я буду присылать вамъ курьера, вы же за то будете такъ добры постараетесь прожить на свѣтѣ какъ можно дольше. Папа не назначалъ епископа въ Теодосію или въ какое другое мѣсто въ Тавридѣ, потому что я не потерпѣла бы никакого другаго епископа, кромѣ моего Бѣлорусскаго господина; это единственный, котораго я выношу или терплю, потому что мы любимъ порядокъ и устранимъ все, что съ таковымъ несогласно.

Съ 16-го Февраля я уже болѣе не живу въ Эрмитажѣ; я перешла въ свои комнаты въ зимнемъ дворцѣ, о чемъ князь Потемкинъ велъ переговоры въ продолженіи большей части зимы. Но у насъ сохранилась большая нѣжность къ Эрмитажу, и въ особенности къ одной залѣ въ десять сажень длины, которая въ продолженіи шести мѣсяцевъ служила намъ кабинетомъ.

Я не удивляюсь репутаціи г-на Сегюра; она, мнѣ кажется, вполне заслужена и, безъ сомнѣнія, онъ—самое лучшее изъ всего, что имѣется у насъ изъ вашихъ мѣстъ. Остается узнать, будутъ ли глаза его

¹⁰⁾ Это былъ Александръ Петровичъ Ермоловъ, появившійся при дворѣ въ Февралѣ 1785.

зачарованы силою предубѣжденій, привычекъ, инструкцій и свѣдѣній, почерпнутыхъ въ архивахъ, или онъ будетъ видѣть ясно и не будетъ возмущаться тѣмъ, чего у насъ вовсе не дѣлается, не думается и не говорится; убѣжденіе, что «умны одни мы, да наши пріятели»—это страшная цаца, которая болтается на носу у политиковъ нѣкоторыхъ государствъ, и заставляетъ ихъ закидывать голову назадъ, подобно той кисти, которую въ Персидской и Турецкой упряжи вѣшаютъ между глазъ у лошадей. Англійская упряжь совершенно лишена этого украшенія, потому что въ Англии сочли бы жестокимъ навязывать его лошадямъ; Англичанинъ слишкомъ любитъ свою лошадь, чтобы напутать ей на глаза нѣчто столь неудобное. Не правда ли, какое остроумное сравненіе?

Я получила портретъ Неккера и очень благодарна вамъ за этотъ подарокъ. Я до сихъ поръ не получала отъ Вейтбрехта сочиненія Неккера; онъ только увѣдомилъ меня, что его посылаетъ. Прошу васъ заранѣе поблагодарить Неккера; теперь я читаю пока экземпляръ, присланный вами, и скажу вамъ о немъ откровенно мое мнѣніе, когда прочитаю. Я вовсе не охотница до гениальности по фискальной части и до изобрѣтеній по части мелочныхъ доходовъ, которые только не дадутъ покоя людямъ и въ дѣйствительности очень маловажны. Такъ какъ изъ бюллетеней видно, что король Французскій усердно читаетъ книгу Неккера, то я думаю, что все недоброжелательство противъ сего послѣдняго и его книги останется безъ послѣдствій. Въдъ не всѣ же такіе, какъ Людовикъ XV, котораго покровительство не имѣло никакого значенія. И такъ вы отрекаетесь, какъ отъ уголовного преступленія, отъ будто бы происходившихъ у васъ переговоровъ съ принцомъ Генрихомъ, между тѣмъ какъ политики этому повѣрили. Ваша защитительная рѣчь по этому поводу очень краснорѣчива; но вы могли безъ нея обойтись со мной, имѣющей честь знать васъ уже двадцать лѣтъ¹¹⁾ за челоуѣка вѣрнаго и вполне подагающей на вашу преданность.

Я чувствую себя отличнѣйше и не была больна съ Іюля мѣсяца, вопреки газетчикамъ и извѣстіямъ, которыя распускаются застегнутыми и незастегнутыми повѣренными Ирода¹²⁾, которые приписываютъ мнѣ собственныя болѣсти; а такъ какъ я здорова, то очень мало забочусь о чужомъ здоровьи.

По поводу бронзоваго Геркулеса, котораго вы дарите господамъ Александру и Константину, скажу вамъ, что господинъ Александръ дѣла не можетъ прожить безъ того, чтобы не заняться разглядываніемъ эстамповъ, и особенно если онъ хоть чуточку не совѣтъ здоровъ: тогда онъ бываетъ ими обложенъ и, пока самъ занимается ими, кому нибудь изъ находящихся при немъ велитъ взять книгу и читать ему вслухъ, потому что мы по собственной охотѣ и склонности котимъ быть постоянно заняты. Чтò вы объ этомъ скажете?

¹¹⁾ И такъ сношенія Екатерины съ Гриммомъ начались съ 1765 г.

¹²⁾ Т. е. престоарѣваго въ то время Фридриха Великаго. Екатерина услѣла тогда освободиться отъ сѣтей его политики, сближаясь съ Франціей и Австріей.

Избавьте меня, если можете, отъ появленія въ печати моихъ писемъ и вопросовъ Бюффону; все, что я пишу, выходитъ очень нескладно, когда бываетъ напечатано на какомъ нибудь другомъ языкѣ, кромѣ Русскаго. Достаньте мнѣ всѣ сочиненія Бальи, которыхъ, помнится, я не получала отъ Дидерота. Но что же вы дѣлаете съ библиотекой сего послѣдняго? Пришлете ли вы ее мнѣ когда нибудь?

Я отправлюсь въ Херсонъ, только не этимъ лѣтомъ; въ Маѣ я поѣду въ Боровичи обозрѣть каналы, по которымъ все доставляется въ Петербургъ, и вернусь сюда водою. Купленному мною помѣстью недостаетъ только дома для житья; тотъ, который тамъ есть, отвратителенъ. Оно находится между Шлюссельбургомъ и Петербургомъ, какъ разъ на скверныхъ Невскихъ порогахъ; рѣка въ этомъ мѣстѣ образуетъ нѣчто въ родѣ залива, въ который, саженья въ ста отъ дома, впадаетъ Тосна, рѣчка также судоходная. Мѣстоположеніе прелестно, виды чрезвычайно разнообразны, и все вообще будетъ очень удобно убраться въ видѣ сада въ Англійскомъ вкусѣ¹³⁾. Царское Село оттуда въ двадцати верстахъ.

5.

27 Апрѣля 1785.

Вы мнѣ писали о Зельмирѣ, рекомендуя ее отъ имени ея родителей моему участию. Прежде всего я должна сказать вамъ, что она ведетъ себя прекрасно и что ее не въ чемъ упрекнуть; но бездѣльникъ мужъ ея—человѣкъ, съ которымъ нѣтъ возможности ужиться; онъ ведетъ себя съ нею такъ дико и безобразно, что изведетъ бѣднjackу, и я даже не знаю, можно ли при немъ не опасаться за самую ея жизнь и здоровье. У него съ нею на прошлой недѣлѣ произошла возмутительная сцена, которая сдѣлалась извѣстна всѣмъ: онъ билъ ее, таскалъ за волосы и потомъ заперъ на ключъ въ своемъ домѣ. Родная сестра, шуринъ и всѣ на сторонѣ жены. Какъ скоро я узнала объ этомъ, то, щадя жену и принимающихъ въ ней участие, не подвергла этого дѣла огласкѣ и услала мужа въ его губернію подъ предлогомъ слѣшнаго дѣла. При отъѣздѣ его они кое-какъ помирились, но можно предвидѣть, что этотъ миръ будетъ непроченъ; она поѣдетъ со мной въ деревню, куда я отправляюсь послѣ завтра. Ея муженекъ ежечасно говоритъ ей, что онъ терпѣть ее не можетъ, и вотъ самое любезное привѣтствіе, которое ей приходится отъ него слышать. По моему, для бѣдной женщины было бы полезно, чтобы ея родители узнали о печальномъ положеніи, въ которомъ она находится безъ всякой вины съ ея стороны; но слѣдовало бы внушить имъ, чтобы они не подвергали этого огласкѣ. Ей совершенно неизвѣстно, что я пишу теперь, а пишу я потому, что придвину, что рано или поздно ее придется развести съ мужемъ, если не хотять уморить ее. Вы сдѣлаете изъ этого употребленіе, какое найдете лучшимъ; если можно будетъ, мы постараемся устранить всякій случай, который могъ бы нарушить миръ; но съ такимъ полоумнымъ, какъ ея мужъ, это, повидимому, трудненько.

¹³⁾ Говорится о загородномъ мѣстѣ Немѣ.

Тверь, 1 Іюня 1785.

Я выѣхала изъ Петербурга (днемъ отъѣзда было 24 Мая), обоарѣвать водяныя сообщенія, по которымъ доставляются въ Петербургъ съѣстные припасы и товары. Посолъ императора, посланники Французскій и Англійскій, пожелавшіе участвовать въ этой поѣздкѣ, находились при мнѣ. По большой Московской дорогѣ, очень весело и въ наилучшемъ здоровьѣ, не смотря на газетные толки, направлялись мы въ Боровичи, гдѣ предполагалось пересѣсть на суда. Когда мы пріѣхали въ Вышній-Волочокъ, вдругъ пріѣзжаетъ къ намъ изъ Москвы графъ Брюсъ и начинаетъ уговаривать ѣхать дальше и навѣстить его въ Москвѣ. Его никто не слушаетъ, а онъ все продолжаетъ свое. Какой вздоръ! Какъ въ Москву?—Да, въ Москву.—А гдѣ взять лошадей?—Это мое дѣло.—Но мы хотимъ обѣдать, ужинать, говорятъ путешественники.—Все будетъ, отвѣчаетъ онъ. Понемногу начинаютъ свыкаться съ этой мыслью, начинаютъ соблазняться ею; всѣ рѣшаютъ, что это было бы прелестно, и наконецъ не могутъ устоять противъ соблазна. Тогда графъ Брюсъ кидается въ свою коляску и уносится, какъ молнія. Мы вслѣдъ за нимъ, и вотъ мы ѣдемъ до Твери въ прекраснѣйшую погоду и краемъ, представляющимъ очень пріятныя на видъ мѣстоположенія. Посолъ и посланники Французскій и Англійскій, по очереди, ѣдутъ со мною въ моей шестимѣстной каретѣ; всѣ трое очень образованы и очень уживчивы, при этомъ (замѣтите) очень веселы. Князь Потемкинъ, графъ Чернышевъ, оберъ-каммергеръ, оберъ-штабмейстеръ, графъ Ангальтъ и нѣкоторые другія лица, всего шестнадцать человѣкъ, состоятъ при мнѣ, и всѣ на перерывъ стараются занимать и смѣшить общество. Сегодня, Воскресенье послѣ обѣдни, мы выѣзжаемъ въ Москву, пробудемъ тамъ сутокъ двое или трое и вернемся, чтобы въ Боровичахъ пересѣсть на суда и выйти на берегъ въ Петербургъ. Чтò скажете вы объ этой шалости? И что-то будутъ говорить газеты и застегнутые, которымъ угодно утверждать, что я нахожусь при смерти.

14 Іюня. Вотъ я выѣхала изъ Москвы и уже двое сутокъ, какъ плыву на судахъ по рѣкѣ Мстѣ, которая завтра или послѣ завтра доставитъ насъ въ Новгородъ, черезъ озеро Ильмень; оттуда мы вступимъ въ рѣку Волховъ, которая провезетъ насъ въ Ладожскій каналъ, изъ котораго въѣдемъ въ Неву и высадимся въ Петербургъ. О настроеніи общества, ѣдущаго со мною, можете судить по прилагаемому прекрасному литературному произведенію, которое родилось подъ влияніемъ настроенія. Надобно отдать справедливость господину Сегюру: трудно быть любезнѣе и остроумнѣе; ему, кажется, пріятно съ нами, и онъ веселъ, какъ заблѣкъ. Онъ для насъ сочинялъ стихи и пѣсни, а мы ему платили плохой прозой. Князь Потемкинъ всю дорогу морить насъ со смѣху и, повидимому, всѣ изъ кожи лѣзутъ помогать ему. Мы пользуемся прекраснѣйшей погодой и любимся прелестными мѣстоположеніями.

20 Іюня, изъ Петергофа. Третьяго дня мы доплыли на судахъ по Невѣ до Петербурга, а вчера я пріѣхала сюда сухимъ путемъ. Посолъ и Французскій съ Англійскимъ посланники были доставлены, каждый до своего дома въ городъ. Ей, ей, пожелаю я только, они, кажется, были бы готовы ѣхать со мной хоть на край свѣта. Можно поздравить Францію, если у нея много такихъ людей, какъ Сегюръ: съ личными достоинствами, съ умомъ, съ талантами и образованіемъ, онъ соединяетъ благородство чувствъ и любезность; надобно отдать ему эту справедливость. Кажется, онъ любитъ и уважаетъ маркиза Лафайета и надѣется, что маркизь пріѣдетъ сюда; если маркизь стоитъ его самого, то это будетъ очень пріятное знакомство.

Замѣтите, пожалуйста, что Англійскаго посланника мы увезли изъ Петербурга больного, что онъ передъ тѣмъ уже нѣсколько мѣсяцевъ не ѣлъ и не пилъ; опасались даже, что онъ совсѣмъ впадетъ въ мрачную меланхолію; назадъ же мы доставили его совершенно выздоровѣвшимъ: онъ ѣсть, пьетъ, хохочетъ во все горло и думаетъ о томъ, какъ бы разсмѣшить другихъ; у него появился хорошій цвѣтъ лица, и онъ пополнѣлъ. Сообщите мнѣ, какіе будутъ толки о самой веселой поѣздкѣ, какая, думается мнѣ, когда либо бывала на свѣтѣ. Согласно съ вашими приказаніями, вотъ вамъ второй курьеръ за три мѣсяца ¹⁴⁾.

Надо вамъ сказать, что въ продолженіи всего моего путешествія, около 1200 верстъ сухимъ путемъ и 600 верстъ по водѣ, я нашла удивительную перемѣну во всемъ краѣ, который частію видѣла прежде. Тамъ, гдѣ были убогія деревни, мнѣ представились прекрасные города, съ кирпичными и каменными постройками; гдѣ не было и деревушекъ, тамъ я встрѣтила большія села, и вообще благосостояніе и торговое движеніе, далеко превысившія мои ожиданія. Мнѣ говорятъ, что это послѣдствія сдѣланныхъ мною распоряженій, которыя уже десять лѣтъ какъ исполняются буквально; а я, глядя на это, говорю: «очень рада». Это не особенно остроумно, за то правдиво.

Сегодня послѣ обѣда ожидаю моихъ внучатъ, которыхъ вызвала сюда; тяжелый багажъ ¹⁵⁾ прібудетъ лишь 26-го. Надо вамъ знать; если вы еще не знаете, что этой зимой я прочла книгу объ Уединеніи, которая совсѣмъ исцѣлила меня отъ этого недуга и внушила мнѣ столь отличное понятіе о сочинителѣ (г. Циммерманнѣ, медикѣ Англійскаго короля въ Ганноверѣ и пріятелѣ здѣшняго Вейкарда), что я ни съ того, ни съ сего вступила съ нимъ въ переписку, не для того, чтобы просить его совѣтовъ на счетъ болѣзни или здоровья, но чтобы потолковать съ нимъ объ умныхъ вещахъ и о вздорѣ, и

¹⁴⁾ Въ Апрѣлѣ 1785 года Гриммъ и Екатерина уговорились, что черезъ каждые три мѣсяца курьеръ будетъ привозить въ Парижъ Екатерининскія письма и отвозить въ Петербургъ Гриммовскія.

¹⁵⁾ Т. е. сынъ и невѣстка.

вотъ онъ пишетъ мнѣ письма, въ которыхъ буквально столько же ума, сколько и вздору. Это тоже голова, которая идетъ, сама не зная куда, но заходить всегда дальше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Я было желала, чтобы онъ пріѣхалъ сюда; онъ и самъ желалъ этого, но потомъ, послѣ того какъ онъ выразилъ такое желаніе, я ему отсвѣтовала, потому что онъ страдаетъ болѣзью, которая не позволяетъ ему путешествовать. Онъ думалъ пріѣхать, даже не смотря на это; но я не хотѣла, чтобы онъ умеръ. Посмотрите, пожалуйста, до какихъ дурачествъ эта поѣздка взбудоражила мою голову; письмо это лучше отправить съ курьеромъ: иначе всѣ почтамтскіе чиновники, особенно въ Германіи, будутъ соблазняться этимъ легкомысленнымъ тономъ ¹⁶⁾. Въ продолженіи всего путешествія мы читали въ газетахъ о состояніи моего слабенькаго здоровья. Я думаю, что люди, распускающіе подобныя слухи, сами больны и очень заняты своимъ собственнымъ здоровьемъ; ибо людямъ въ добромъ здоровьѣ и въ голову не придетъ предполагать болѣзни у людей здоровыхъ. Я думаю, что «застѣгнутые» бѣсятся отъ злости по поводу этого путешествія, которое доказываетъ, какъ дважды два четыре, ихъ лживость и черноту ихъ желчныхъ изліяній.

Въ Петергофѣ, 28 Іюня 1785. Вотъ и двадцать три года царствованія исполнилось. Однако я сегодня встала двумя часами позже, чѣмъ въ этотъ самый день, тому назадъ двадцать три года. Тогда я отсюда выѣхала въ шесть часовъ утра. Вчера пріѣхалъ къ намъ князь Барятинскій ¹⁷⁾, который, передавая мнѣ свои отзывныя грамоты, вручилъ и вашу пакетъ. Письмо ваше показалось мнѣ очень короткимъ, потому что заключало въ себѣ всего только четыре биткомъ наполненныхъ страницы; развѣ такъ надо писать? Но послушайте, что это вы такъ раскричались на мой десятисаженный кабинетъ и на мой словарь двухъ сотъ языковъ? Знаете ли, что я никогда не могу видѣть этого маленькаго кабинета безъ того, чтобы у меня не явилось желаніе остаться въ немъ, и что въ этой залѣ

¹⁶⁾ Екатерина написала въ шутку нѣсколько выдуманнхъ извѣстій объ этомъ путешествіи своемъ, на подобіе тѣхъ, какіе распускались за границею завистниками Россіи и ея славы: тутъ были и заговоры, и мятежи, и всякія другія бѣды, отъ которыхъ Россія должна развалиться. Столь ясное и твердое отношеніе къ общему мнѣнію иностранцевъ, которыхъ Екатерина всегда почитала зараженными безсознательнымъ Кайнскимъ братоненавдѣніемъ къ Россіи и всему Славянству, служило однимъ изъ залоговъ Русскаго благоденствія; но въ тоже время умы высокіе и безпристрастные въ Западной Европѣ пользовались у Екатерины полнымъ, самостоятельнымъ признаніемъ, горячимъ сочувствіемъ и даже покровительствомъ, какъ это видно по самымъ этимъ письмамъ.

¹⁷⁾ Князь Иванъ Сергѣевичъ, посланникъ въ Парижѣ, дѣдъ фельдмаршала князя Александра Ивановича. Екатерина его вспомнила въ день своего восшествія на престолъ, потому что 23 года назадъ онъ отрицательно участвовалъ въ устреніи судьбы ея (см. Р. Архивъ сего года, II, 288).

я всего болѣе люблю бывать даже и до сихъ поръ? Нѣтъ того дня, чтобы, не взирая на вѣтеръ и погоду, я не проводила въ ней нѣсколько часовъ, когда бываю въ городѣ. Мой любезный словарь въ скоромъ времени имѣеть появиться въ печати. Это, быть можетъ, самый полезный трудъ, какой когда нибудь былъ произведенъ для всѣхъ языковъ и словарей, и особенно для Русскаго языка, для котораго Россійская Академія задумала составить словарь, для чего она, сказать правду, совершенно не имѣла достаточныхъ свѣдѣній. Мое же произведеніе — лучезарный свѣтильникъ, о которомъ можно сказать: имѣющій уши слышать и очи видѣть услышитъ и увидитъ; а кто глухъ и слѣпъ отъ рожденія, тотъ такимъ и останется. Не знаю, какъ это вы только могли не догадаться, что ф. кн. Пот. ¹⁸⁾ значить: фельдмаршалъ князь Потемкинъ. Это еще яснѣе моего словаря, подъ гнѣтомъ котораго вамъ казалось, что я задохлась. Въ прошломъ году, объ эту самую пору, мы были больны при смерти и почти безъ надежды; двѣ недѣли были мы между жизнью и смертью. Тогда къ намъ явились на выручку друзья: князь Потемкинъ изъ Крыма, графъ Ѳедоръ Орловъ изъ Москвы. Они взялись помогать; но я не выносила помощи, и никто не умѣлъ ни сказать, ни сдѣлать ничего намъ по мысли; на мысли же у насъ лежала печаль, а тутъ хотѣли сдѣлать ее веселою, по прежнему. Но этого было нельзя; надобно было ступать шагъ за шагомъ и каждый шагъ брать съ боя; приходилось каждый разъ выдерживать баталію, когда выиграть, когда проиграть. Время, между тѣмъ, не стояло; оно шло, тянулось медленно, и все было такъ тягуче и тоскливо. Но князь былъ очень ловокъ: онъ все бродилъ кругомъ, крадучись словно кошка; не удастся одинъ подходъ, онъ перевернется; глядишь, а ужъ у него готовъ другой; наконецъ, стало немножко веселѣе. Князь обрадовался и постарался поразвеселить еще. Такимъ-то образомъ онъ насъ воскресилъ изъ мертваго сна.

Послушайте однако, я писала вамъ о Зельмиръ и объ ея печальномъ положеніи. На два мѣсяца я усала ея медвѣдя; но въ настоящее время у меня уже нѣтъ благовиднаго предлога, чтобы держать его вдали отсюда: онъ воротился сюда. Сестра и шурина ожидаютъ повторенія прежнихъ сценъ. Эта бѣдная женщина видимо чахнетъ. Сообщили ли вы отцу Зельмиры, что я передавала вамъ о несчастномъ положеніи его дочери? Если же нѣтъ, то прошу васъ довести до свѣдѣнія ея родителей, что я писала вамъ и сверхъ того, что я предвижу, что скоро буду вынуждена, чтобы дать покой сестрѣ и шурина, къ отсылкѣ бездѣльника во свояси. Тогда что станетъ съ бѣдной, неповинной Зельмирой? Какъ она поѣдетъ съ этимъ человѣкомъ, отъ котораго можетъ ожидать однихъ оскорбленій? Я желала бы, чтобы отцу Зельмиры угодно было условиться со мной насчетъ того, какимъ способомъ облегчить судьбу этой несчастной женщины. Отецъ грозилъ запереть ее на вѣкъ, если она осмѣлится не поѣхать за сво-

¹⁸⁾ Въ письмѣ отъ 5 Марта 1785 (см. выше) о Потемкинѣ упомянуто съ этими сокращеніями.

имъ мужемъ; но не угодно ли папашѣ самому попробовать пожить съ нимъ? Онъ увидалъ бы, что тутъ можно ожидать однихъ только побоевъ, да ругательствъ. Зельмира, боюсь, не проживетъ долго съ нимъ; даже собственныя дѣти, какъ они ни малы, не могутъ видѣть его безъ ужаса. По мнѣ, остается сдѣлать и выбирать одно изъ трехъ, когда онъ будетъ высланъ отсюда, гдѣ всѣ его ненавидятъ и терпѣть не могутъ: 1) пусть Зельмира съ миромъ возвратится къ родителямъ, или 2) если это родителямъ не угодно, пусть она остается здѣсь, буде пожелаетъ, или поселится гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ; 3) дѣтей не отдавать на руки отцу, сыновья должны поступить на попеченіе Виртембергскаго курфиршества, а дочери—остаться при матери, поведеніе которой безукоризненно. Коротко и ясно: я общалась Зельмирѣ мое покровительство и обязалась передъ ней честнымъ словомъ, что ея не покину. Я не прочь, чтобы ея папаша и мамаша знали это и не позволю, чтобы такъ или иначе ее сдѣлали несчастіе, чѣмъ она уже есть. Я хочу, чтобы, не имѣя возможности жить съ мужемъ, она не терпѣла нужды въ своемъ уединеніи, и объявляю вамъ на прямки, что запрещу Зельмирѣ рѣшительно выѣзжать изъ Россіи, пока не удостовѣрюсь формальнымъ и надлежащимъ образомъ, что она будетъ обезпечена во всѣхъ отношеніяхъ. Слышите? Ясно ли все это, и станете ли вы говорить объ этомъ съ папашей, какъ слѣдуетъ, или не станете, чтобы въ случаѣ если вамъ нельзя будетъ переговорить, я могла бы поручить другому лицу? Но такъ какъ онъ поручилъ мнѣ свою дочь черезъ васъ, то я полагаю, вы могли бы передать ему то, что я говорю вамъ для блага и пользы его дочери.

Царское Село, 4 Іюля. Наконецъ, я вернулась сюда вчера вечеромъ, пропутешествовавъ безъ одного дня цѣлыхъ шесть недѣль. Изъ Петербурга я ѣздила въ городъ, потомъ ночевала за рѣкой, въ Осиновой Рошѣ; изъ нея ѣздила въ Систербекъ, изъ котораго воротилась въ городъ; вчера обѣдала и ужинала съ своими карманными министрами, императорскимъ посломъ и Французскимъ и Англійскимъ посланниками, у братьевъ Нарышкиныхъ, откуда воротилась сюда. Если Сегюръ предпочтетъ мнѣ султана, то ему будетъ великій грѣхъ; ибо, право, я гораздо любезнѣе этого человѣка. Вотъ поглядите, пока этотъ неучъ цѣлыми дюжинами рубить головы, какія я сочиняю прекрасныя реляціи для газетъ¹⁹⁾. Почитайте ихъ и потомъ рѣшайте выборъ между султаномъ Абдуль-Гамидомъ и мною. Не правда ли, ужъ ради одного этого я заслуживаю предпочтенія?

14 Іюля. Смотрите, не подумайте, чтобы я стала ученѣе, потому что занималась языками и грамматикою. Я сохраняю мое ненарушимое невѣжество. Прекрасная Елена процвѣтаетъ, и ей ей въ шесть мѣсяцевъ она уже умнѣе и живѣе старшей сестры, которой на той недѣлѣ будетъ два года.

¹⁹⁾ Говорится объ упомянутыхъ въ 16-мъ примѣчаніи выдуманныхъ извѣстіяхъ. Въ подлинникѣ они напечатаны вслѣдъ за этимъ письмомъ къ Гримму.

Въ Пеллѣ, 18 Іюля. Вотъ я пріѣхала сюда, въ это мѣсто, о которомъ вы не имѣете понятія. Я теперь въ 26 верстахъ отъ Шлюссельбурга, въ 32 отъ Петербурга, въ 35 отъ Царскаго Села. Я нахожусь въ изгибѣ, который Нева образуетъ выше пороговъ; въ настоящую минуту эти пороги у меня по правую руку, и на такомъ же разстояніи по лѣвой сторонѣ я вижу изъ своего окна впаденіе въ Неву рѣчки Тосны; отъ пороговъ до устья Тосны берегъ образуетъ большой полумѣсяцъ, въ срединѣ котораго находится Пелла. Нева проходитъ порогами и, образовавъ губу, въ которой я нахожусь, имѣетъ любезность продолжать свое теченіе, какъ разъ противъ моихъ оконъ, по направленію къ Петербургу, такъ что фасадъ Пеллы выходитъ совсѣмъ не на Сѣверъ, а какъ разъ на рѣку на Западъ, а лицевая сторона двора на Востокъ. По ту сторону, противъ Пеллы, есть мысокъ, за которымъ видны деревни, рощи, дома, расположенные по обоимъ берегамъ Невы. Черезъ четыре года у меня въ этомъ помѣстьѣ будетъ прекрасный домъ; фундаментъ уже заложенъ, а пока я живу въ деревянномъ домѣ прежняго владѣльца; домъ этотъ скорѣе великъ, чѣмъ изященъ. Нева въ этомъ мѣстѣ имѣетъ видъ большаго озера; тысячи лодокъ, словомъ, всѣ торговые грузы и весь строительный матеріалъ для Петербурга проходятъ передъ моими окнами, и въ эту минуту на водѣ и на берегахъ все—движеніе.

Между тѣмъ околѣла Земира, правнучка сира Тома, и графъ Сегюръ написалъ ей прилагаемую эпиграму.

Царское Село, 21 Іюля. Вчера въ Эрмитажѣ я распрощалась со всей моею путевой компаніей. На возвратѣ изъ Пеллы въ Петербургъ, мы произвели посла въ короли, а графиню Браницкую въ королевы, потому что они сидѣли рядомъ, на одномъ креслѣ; ихъ прозвали королевемъ Дагобертомъ и королевой Бертой, а потомъ изъ этого вышли безконечныя дурачества и возня, которыя провожали насъ до самой высадки на берегъ. Чтѣ вы объ этомъ скажете?

22 Іюля. Г-нъ фактотумъ увѣдомилъ меня, что курьеръ совсѣмъ готовъ къ отъѣзду. Посему запечатываю этотъ толстый пакетъ, желая вамъ необходимаго терпѣнія, чтобы его перечитать и крѣпкаго здоровья для перенесенія всѣхъ подступовъ жолчи, которые могутъ быть вызваны этимъ чтеніемъ. Однако Кельхенъ дорогою увѣрялъ насъ, что невозможно умереть отъ смѣха. Вѣрю, такъ какъ всѣ живы, а хохотали мы съ утра до вечера.

7.

Царское Село, 10 Августа 1785.

Въ эту минуту г-да Александръ и Константинъ очень заняты: они бѣгаютъ снаружи домъ въ Царскомъ Селѣ, подъ руководствомъ двухъ Шотландскихъ щикатуровъ. Увы! Сказать, не солгать, а я до сихъ поръ не прочла книги Неккера. Два раза принималась за нее, но столько было помѣхъ, что всего прочтено не болѣе 20 страницъ. Я очень рада, что вы довольны моими деклараціями. Я всегда стараюсь избѣгать двухъ вещей: вопервыхъ говорить слишкомъ много; вовторыхъ говорить сухо, чтѣ никому не нравится и, слѣдовательно, не

можетъ предрасположить въ мою пользу. Многотомная книга Куръде-Жебелена наполнена такими мѣстами, которые я вамъ выписала и многимъ другимъ, любопытнымъ и драгоценнымъ, чего ни у кого инаго не встрѣтишь. Извѣстности сочинителя, мнѣ кажется, помѣшало то, что не всякому подѣ силу прочитать 9 томовъ въ четвертку; но Франція никогда не имѣла основательно-ученѣйшаго человѣка. Его всеобщая граматика, на мой взглядъ, есть совершенство въ своемъ родѣ. Кромѣ этого сочинитель одаренъ особенною способностью приводить въ движеніе голову своего читателя.

12 Августа. Двѣ недѣли, какъ у насъ очень страшные жары, и я не въ силахъ писать безъ передышки. Ну да, я была въ Москвѣ! Зачѣмъ дѣлать изъ этого столько шуму? Развѣ я не могу имѣть свои причуды, какъ и всякій другой. Г-жа Тоди здѣсь и гуляетъ сколько можетъ съ любезнымъ своимъ супругомъ. Очень часто мы встрѣчаемся носъ къ носу, но не сталкиваемся. Я говорю ей: «Добрый день или добрый вечеръ, г-жа Тоди, какъ ваше здоровье?», и она цѣлуетъ у меня руку, а я цалую ее въ щеку. Собаки наши обнюхиваются; она беретъ свою собаку на руки, я зову моихъ собакъ, и каждый идетъ своею дорогою. Когда она поетъ, я ее слушаю и ей аплодирую, и мы обѣ того мнѣнія, что отношенія наши очень хороши ²⁰⁾.

8.

Спб. 20 Августа 1785.

Я вчера переѣхала въ городъ совершенно также, какъ въ прошедшемъ году, невзначай. Я нахожу, что это премило: никто меня не провожаетъ, никто не встрѣчаетъ; я проѣзжаю воровски, незамѣтно, а когда узнаютъ вдругъ, что я пріѣхала, то повторяютъ цѣлыя сутки: она пріѣхала неожиданно! И вотъ пустые мечтатели и политики придумываютъ, для объясненія, самыя тонкія и мудрыя причины, а ваша покорнѣйшая служница, между тѣмъ, разгуливаетъ по Эрмитажу, глядитъ на картины, играетъ съ своей обезьяной, смотритъ своихъ голубей, своихъ попугаевъ, своихъ Американскихъ птичекъ сянго, краснаго и желтаго цвѣта и предоставляетъ всѣмъ волю говорить, сколько угодно, точь въ точь какъ городу Москвѣ. Эта дурища до того доворчалась, что ей наконецъ пришлось въ послѣдній разъ сдѣлать мнѣ такую встрѣчу, какой она еще никогда и никому не дѣлала, по свидѣтельству даже самыхъ древнихъ кумушекъ мужеска и женска пола.

Юсифу легче. Это Иродъ, самъ едва прозябающій, распускаетъ всѣ эти слухи о плохомъ здоровьѣ.

22 Августа. Хотите знать мой образъ жизни? Вотъ онъ за послѣдніе три дня: утромъ я встаю въ шесть часовъ и тотчасъ послѣ кофею бѣгу въ Эрмитажъ, гдѣ въ своемъ десятисаженномъ кабинетѣ принимаюсь за свой винегретъ, который называется у меня экстрактомъ. Когда онъ мнѣ надоѣстъ, я гуляю и смотрю на картины или на Неву, сплошь покрытую судами; затѣмъ приходитъ фактотумъ;

²⁰⁾ Пѣвица Тоди была вызвана въ Петербургъ черезъ посредство Гримма.

когда я покончу съ нимъ и со всѣми утренними наводеніями, то возвращаюсь въ свои апартаменты одѣваться и прихожу обѣдать въ Эрмитажъ. Послѣ обѣда назадъ къ себѣ и въ три часа иду опять въ Эрмитажъ, и тогда наступаетъ очередь камеръ, которыя мы раскладываемъ, перекладываемъ и т. д. Около шести возвращеніе во дворецъ; въ шесть приѣмъ; къ восьми я возвращаюсь къ себѣ, и мы играемъ, болтаемъ до одиннадцатаго часа; около одиннадцати ложусь спать. По этому начертанію вы можете слѣдить за мной шагъ за шагомъ.

21 Сентября. Щедринъ пріѣхалъ. Мнѣ не хочется заказывать мой бюстъ. Становлюсь стара. Пусть лучше дѣлаютъ снимки съ тѣхъ бюстовъ, которые уже есть.

Зельмира съ своимъ медвѣдемъ поѣхала въ Финляндію, гдѣ ихъ дѣтямъ была привита оспа. Письма отца и матери у меня; я передамъ ихъ ей только тогда, когда увижу въ томъ надобность. Она пишетъ своей золовке, что они теперь ладятъ и что если онъ будетъ продолжать обходиться съ ней также хорошо, какъ теперь, она будетъ довольна. Онъ намѣревается, какъ видно, будущей весной уѣхать во свояси: въ его губерніи его ненавидятъ и, по отзыву шурина и сестры, нельзя ни минуты положиться на это примиреніе.

22 Октября. Иду читать Гомерову Илиаду, въ Нѣмецкомъ переводѣ графа Стольберга. Переводчикъ теперь здѣсь. Я нахожу, что этотъ переводъ прелестенъ.

9.

28 Октября 1785.

По выходѣ изъ Эрмитажа я имѣла длинное совѣщаніе съ синьоромъ Гваренги, которому сегодня въ четыре часа пополудни было поручено мною заказать, для помѣщенія въ паркъ въ Пеллу, три колонны бѣлаго мрамора, единственный и замѣчательный остатокъ храма Юпитера Громовержца. Вотъ какая фантазія припала мнѣ вдругъ за послѣдніе три дня. Мною овладѣло просто какое-то лихорадочное нетерпѣніе видѣть эти три колонны, которыя мнѣ хочется имѣть въполненныя въ настоящую величину и во всей ихъ красѣ. Чтѣ вы скажете объ этомъ? Если я разсержусь, то изъ этихъ трехъ могутъ выйти и больше, но для пробы довольно и трехъ. Этотъ Гваренги строить намъ прелестныя вещи: уже весь городъ полонъ его построекъ; онъ строитъ Банкъ, Биржу, множество магазиновъ, лавокъ и частныхъ домовъ, и его постройки лучшія въ городѣ. Онъ построилъ мнѣ въ Эрмитажѣ театръ, который будетъ готовъ черезъ двѣ недѣли и который внутри представляетъ прекрасный видъ; въ немъ могутъ помѣститься отъ двухъ до трехъ сотъ человѣкъ, но не болѣе, чтѣ для Эрмитажа и составляетъ самую крайнюю цифру.

Что касается до господина генераль-прокурора, онъ ужъ не жалуется больше ни на какія выдачи; онъ такъ обтерпѣлся, что теперь выдаетъ съ величайшей любезностью и часто самъ даже придумываетъ способы для опорожненія своихъ сундуковъ. Но на это

есть кое-какія маленькія причины: такъ какъ его доходы чутьчуть повозросли, то и его затрудненія поубавились, потому что мы имѣемъ притязаніе считать себя чрезвычайно благоразумными, и всѣ уколы злоязычнаго пера и нашего козла отпущенія не задѣваютъ и не огорчаютъ насъ. Надобно дать ему, точно такъ какъ городу Москвѣ, полную волю: пусть себѣ говорить, сколько хочетъ, и дѣлаетъ по своему, сколько ему угодно. Никогда, никогда въ свѣтъ мы не занимались ростовщичествомъ. Скажите, пожалуйста, развѣ христіаннѣйшій король становится ростовщикомъ для Голландцевъ, когда принимаетъ на себя половину долга, который они должны выплатить императору? Въ разсужденіяхъ безпристрастной публики бываетъ много непереведеннаго вздору.

Эта Систербекская фабрика—заводъ для приготовленія орудія и другихъ предметовъ изъ желѣза, какъ то: рѣшетокъ, желѣзныхъ кроватей и т. д. Она находится на новой Выборгской дорогѣ, за рѣчкой. Чтобы сблизить Выборгъ съ Петербургомъ, мы строимъ второй понтонный мостъ черезъ Неву, выше литейнаго завода. Генералъ Миллеръ, начальникъ артиллеріи, завѣдуетъ этой фабрикой, которая всегда принадлежала къ артиллерійскому вѣдомству. Сынъ покойнаго Эйлера тамъ директоромъ.

10.

1-го Ноября 1785.

Около мѣсяца, какъ яслегрызъ²¹⁾ убрался отъ насъ. Право, этотъ человекъ—олицетворенная жолчь; онъ служилъ своему господину не съ усердіемъ, а съ бѣшенымъ остервенѣніемъ. Онъ задается тѣмъ, чтобы быть злымъ. Если это значитъ стараться быть приятнымъ, то нѣтъ такой награды, которой бы онъ не заслуживалъ. Развѣ не онъ наговорилъ мнѣ самой ужасовъ о бѣдной Зельмирь? Надобно думать, что жена его зла не менѣе его, ибо она всевозможными средствами старалась повредить ей въ глазахъ ея свекрови, и ужъ мой сынъ и моя невѣстка обличили эту гадкую женщину и добились, что ее уволили отъ Зельмиры.

2 Ноября. Еще разъ прошу васъ убѣдительно оставить мое невѣжество во всей его неприкосновенности. Оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ и я, мы завязые невѣжды, и своимъ невѣжествомъ бѣсимъ оберъ-камергера Шувалова и графа Строгонова, которые, и тотъ другой, состоятъ членами по меньшей мѣрѣ 24 академій, и въ особенности Россійской. Вотъ, отчасти, чтобы побѣсить ихъ и показать имъ, что имъ приходится сообразовать свой Русскій словарь съ мнѣніемъ невѣждъ, мы и составили нашъ словарь на Богъ вѣсть сколькихъ языкахъ, и трудъ этотъ—произведеніе невѣжественныхъ младенцевъ.

Если я много развѣзжала этимъ дѣломъ, то и за нынѣшнюю осень тоже мало сижу на мѣстѣ, и съ того самаго дня, какъ возвратилась въ городъ, встаю каждое утро въ шесть часовъ, выпиваю чашку

²¹⁾ Krippenbeisser. Такъ называется Екатерина Пруссаго посланника Гѣрца, котораго прежде она звала застегнутымъ.

кофею, потомъ бѣгу въ Эрмитажъ, и тамъ отъ шести до девяти ворочаю и переворачиваю винегретъ, который называется у меня экстрактомъ; за тѣмъ являются сирь фактотумъ и всѣ фактотумы; въ одиннадцатъ возвращаюсь въ свои комнаты—одѣваться и шалить съ толпою внуковъ и внучекъ; одѣвшись, возвращаюсь въ Эрмитажъ обѣдать. Послѣ обѣда опять уйду въ свои покои, а оттуда опять въ Эрмитажъ, гдѣ прежде всего кормлю орѣхами бѣлку, которую сама приручила; потомъ играю нѣсколько партій на биллиардѣ; затѣмъ иду разсматривать свои камни или какіе нибудь эстампы, или брожу среди картинъ, послѣ чего дѣлаю визитъ прелестной обезьянѣ, которая у меня есть и которую я не могу видѣть безъ смѣха: до того она дурачится. Въ четыре часа возвращаюсь въ свои комнаты, до шести читаю или пишу; въ шесть у меня бываетъ приемъ, съ которымъ я теперь помирилась; въ восемь поднимаюсь на свои антресоли, гдѣ у меня собирается болѣе избранное общество; въ одиннадцатъ ложусь спать. Теперь вы можете прослѣдить за мной шагъ за шагомъ цѣлую зиму, буде пожелаете.

Господа карманные министры были выписаны въ Царское Село, для того, чтобы сдержать слово, данное имъ въ дорогѣ,—не только показать имъ Царское Село во всѣхъ подробностяхъ, но еще свозить ихъ посмотрѣть прекрасное и пріятное мѣстоположеніе Пеллы, при чемъ нельзя было избѣжать обѣдовъ и ужиновъ у Нарышкиныхъ. И такъ все это совершенно въ порядкѣ вещей, не смотря на всѣ вопли яслегрыза. Зельмира и ея медвѣдь возвратились изъ Выборга. Она утверждаетъ, что за это лѣто не можетъ пожаловаться на него. Уже три недѣли, какъ они пріѣхали. Сегодня она у меня обѣдала. Я не передавала Зельмирѣ писемъ ея родителей и передамъ, когда это будетъ необходимо. Зельмира молода, неопытна и, кажется мнѣ, слабохарактерна, но не столько робка, сколько придавлена; я такъ какъ они пока, кажется, ладятъ, то я не хочу будить черную кошку: благо заснула. Но если раздоры начнутся опять, я пушу въ ходъ письма, и ея родители могутъ быть увѣрены, что я не покину ея, пока она будетъ находиться въ моихъ владѣніяхъ. Это лѣто она жила въ Царскомъ Селѣ безъ мужа, а осенью пробыла съ нимъ въ Выборгѣ шесть недѣль по собственному желанію, для привитія оспы дѣтямъ.

Мнѣ было чрезвычайно пріятно узнать изъ письма министра Зельмира родителю, что страсть къ палочной расправѣ прирожденная въ семействѣ супруга; этимъ подтверждается моя собственная догадка. Дѣло въ томъ, что всѣ они очень дурно воспитаны; этимъ пристрастіемъ къ палкѣ они желаютъ заявить свои военныя способности, я и считаю ихъ всѣхъ записными капралами. Если братецъ Людвигъ не уймется колотить свою супругу, то его Полька ²³⁾, думаю, долго съ нимъ не наживетъ. Польки не отличаются сносливостію, и онъ очутится безъ денегъ и безъ жены, совсѣмъ какъ его Датскій братецъ очутился безъ прислуги послѣ палочной расправы во Франц-

²³⁾ Урожденная княжна Радзивиль.

фуртъ. Не яслегрызъ чернилъ Зельмиру предъ отцомъ, а яслегрызка; эта злая женщина, съ паклей вмѣсто волосъ, всѣмъ рассказывала на ухо ужасныя вещи о бѣдной Зельмирѣ, такъ что, какъ я уже сказала выше, шуринъ и золовка были до такой степени возмущены этимъ, что вмѣстѣ съ свекровью стали на сторону Зельмиры.

5 Ноября. Еще не дальше, какъ въ Воскресенье, Зельмира увѣряла всѣхъ, что ея положеніе отличное; а въ Понедѣльникъ опять была ссора и драка; затѣмъ они помирились, то есть условились, по временному соглашенію, разѣхаться послѣ родовъ великой княгини²³⁾, о чемъ Зельмира и писала мнѣ, а вчера просила меня сохранить все это въ тайнѣ. Сказать правду, она сама хорошенько не знаетъ, чего хочетъ, и неудивительно. Я бы рада была, если бы оба они убралась отсюда, потому что мало пріятнаго слушать всѣ эти похождения. Я отослала ей письма ея родителей.

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, графъ Гага и выудилъ денегъ на путевыя издержки изъ чьихъ нибудь чужихъ кошельковъ, только не изъ моего, и если онъ самъ это говорилъ, то скажите ему, что это неправда, и это ужъ не первый случай, на которомъ мнѣ приходится ловить его.

Въ Херсонѣ я думаю ѣхать въ концѣ 1786 г., ну а о Константинополѣ гдѣ же думать? Туда отправляться надобно бы въ хорошей и многочисленной компаніи. Уже одна мысль объ этомъ, при всей своей несбыточности, поднимаетъ всю жолчь у вашихъ политиковъ, безъ ума влюбленныхъ въ марабутовъ²⁴⁾, ихъ друзей и покровителей. Эти марабуты до того дороги ихъ сердцу, что нѣтъ случая, которымъ бы они не воспользовались для сообщенія мнѣ, что они во что бы то ни стало будутъ отстаивать своихъ прелестныхъ марабутовъ. Дай имъ Богъ имѣть ихъ когда нибудь своими сосѣдями, тогда они заговорятъ иначе; но къ чему дѣлать всѣ эти заявленія мнѣ? Думаютъ ли этимъ запугать меня, думаютъ ли помѣшать мнѣ сдѣлать то, что могло бы потребовать благо моего государства? Что они тамъ хитрятъ! Этимъ они только отдаляютъ отъ себя мое расположеніе, и пусть не прогнѣваются, если изъ этого выйдетъ что придется. Говорить людямъ, что способно ихъ раздражать; это значить—подливать въ масло огонь. И чего я могу ожидать отъ людей, которые мнѣ безпрестанно говорятъ: естественные враги вашего государства самые дорогіе, самые закадычные друзья наши? Мы ихъ любимъ, и жалуемъ и стоимъ за нихъ горой. У меня на это можетъ быть только одинъ отвѣтъ: кто другъ моимъ естественнымъ врагамъ, тотъ недругъ мнѣ, и затѣмъ мое имъ почтеніе.

8 Ноября. Съ недѣлю или дней съ десять тому назадъ Щедринъ началъ мой бюстъ для васъ.

Я прочла введеніе книги Неккера; только что окончила его. Такъ какъ онъ цѣнитъ чужое уваженіе, то увѣрьте его въ моемъ пол-

²³⁾ Великая княжна Марія Павловна родилась въ слѣдующемъ 1786-мъ году, 4 Февраля.

²⁴⁾ Т. е. въ Турокъ.

номъ уваженіи; видно, что онъ былъ на своемъ мѣстѣ и занималъ его съ страстной преданностью дѣлу, о чемъ онъ и самъ свидѣтельствуеъ. Мнѣ нравятся эти слова: сдѣланное мной я готовъ повторить опять. Такъ не можетъ говорить недобрый человѣкъ, и надобно быть безъ памяти добрымъ, чтобы не растерять этой доброты послѣ столькихъ непріятностей. Я постараюсь прочесть остальное и скажу вамъ о немъ нѣсколько словъ до заключенія настоящаго посланія.

20 Ноября. Книга Неккера, которую я все продолжаю читать, внушила мнѣ мысль, что мнѣ необходимо сказать вамъ, если еще этого не знаете, что я очень не долюбиваю кропателей проектовъ, между которыми развѣ изо ста одинъ найдется хорошій или приложимый къ дѣлу. Кстати, надобно вамъ сказать еще, что Гваренги прервалъ меня на половинѣ фразы, явившись съ докладомъ о прелестномъ театрѣ, выстроенномъ имъ на краю Эрмитажа, который теперь идетъ аркой черезъ каналъ и соединяется съ старымъ дворцомъ Петра I, что иначе называется корпусомъ, гдѣ живетъ все принадлежащее къ Русскому театру. И такъ съ этой стороны я похожа на Густава III, съ тою только разницей, что онъ помѣшанъ на спектакляхъ, а я ими вовсе не занимаюсь; но вѣдь вы знаете, что и на Людовика XV я была тоже похожа, какъ двѣ капли воды.

23 Ноября. Въ каталогѣ бібліотеки Дидерота я нашла тетрадь, озаглавленную: «Замѣчанія на Наказъ Е. И. В. Коммиссіи депутатовъ для составленія Уложенія». Это—настоящая болтовня, въ которой нѣтъ ни знанія дѣла, ни разсудительности, ни предусмотрѣнія. Если бы мой Наказъ былъ написанъ во вкусѣ Дидерота, онъ могъ бы все поставить вверхъ дномъ. Я же утверждаю, что мой Наказъ былъ не только хорошъ, но превосходенъ и хорошо соображенъ съ обстоятельствами; ибо осмнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ существуетъ, онъ не только ни въ какомъ отношеніи не сдѣлалъ вреда, но еще все хорошее. Что произошло за это время и что признается всѣми, произошло изъ основныхъ началъ, установленныхъ этимъ Наказомъ. Порицать легко, а дѣло дѣлать трудно: вотъ что можно сказать, читая эти замѣчанія философа, который, кажется, весь вѣкъ свой отличался такой разсудительностью, что не могъ прожить безъ опеки. Должно быть, онъ сочинилъ это послѣ возвращенія отсюда, ибо здѣсь онъ никогда объ этомъ мнѣ не говорилъ.

1786 годъ.

1.

17 Февраля 1786.

Надобно вамъ сказать, что съ курьеромъ Сегюра я отправила къ вамъ музыку Армиды и переводъ съ Русскаго на Нѣмецкій комедіи: *Обманщикъ*, съ приложеніемъ маленькаго письмаца отъ себя. Князь Потемкинъ съ особеннымъ удовольствіемъ приказалъ сдѣлать для васъ эту копію Сартіевой оперы: Армида. За комедіей: *Обманщикъ* послѣдовала другая—*Обольщенныи*¹⁾. И та и другая имѣли

¹⁾ Обѣ комедіи сочинены Еваторіною II-ю.

успѣхъ изумительный и то превосходное послѣдствіе, что сдержали и остановили прыть обманщиковъ и оболъченныхъ. Теперь у насъ еще въ работѣ Февей, комическая опера, и Сибирскій Шаманъ, комедія. Все это будетъ по возможности весело: шаманъ—теозофъ, который продѣлываетъ всѣ шарлатанства собратій Парацельса. Справьтесь съ статьею: Теозофъ въ Энциклопедіи, и вы узнаете секретъ нашихъ комедій, масонства и модныхъ сектъ. На представленіи послѣдней комедіи присутствовалъ Св. Синодъ, но не въ одиночку, а въ полномъ составѣ; всѣ они очень хохотали и хлопали оглушительно. Вотъ описаніе нашихъ зимнихъ развлеченій.

2.

17 Апрѣля 1786.

Глядите, вотъ князь Потемкинъ осыпаетъ васъ подарками. Вон первыхъ, онъ посылаетъ вамъ свою большую Ораторію Сарти; вторыхъ, Дуеть; третьихъ, Рондо. Точки въ нотахъ красными чернилами сдѣланы самимъ княземъ, и по нимъ Сарти сочинилъ эти двѣ піесы, т. е. Дуеть и Рондо. Слышите же, козелъ отпущенія, ставлю вамъ на видъ, чтобъ вы поблагодарили князя: онъ для васъ выбивается изъ силъ. Прощайте; будьте здоровы, если можете. Я только что слушала Русскую комическую оперу Февей. Лишь отеческія и материнскія внутренности способны бывать къ столь великой нѣжности ^а).

3.

21 Апрѣля 1786.

Я узнала кое-какія обстоятельства, которыя мнѣ прежде не были извѣстны насчетъ молодаго человѣка, которымъ интересуется г. Жюинье и свое участіе къ которому онъ доказалъ письмомъ, которое вы мнѣ переслали. Вы ни за что не догадаетесь, что это продѣлка Ирода; между тѣмъ я имѣю въ рукахъ доказательства. Потому прошу васъ написать записочку господину Б. и сказать ему, что вы отъ меня имѣете приказаніе передать ему, что банкиръ Сутерландъ будетъ ежегодно кредитовать его на сумму въ тридцать тысячъ рублей и что онъ Б. совершенно воленъ оставаться, гдѣ онъ найдетъ за лучшее, воленъ также и возвратиться. Надо вамъ знать, что вышепомянутая проклятая шайка «застегнутаго» создала въ головѣ Б. несуществующій призракъ, который онъ считаетъ своимъ врагомъ, хотя этотъ мнимый врагъ никогда ничѣмъ врагомъ не бывалъ. Еще лучше будетъ, если вамъ можно будетъ залучить его къ себѣ и поговорить съ нимъ. Посовѣтуйте ему, чтобы онъ обращался къ вамъ. Вы увидите, что онъ неглупъ, но что очень трудно пріобрѣсти его довѣріе. Прошу извинить за хлопоты, которые вамъ причиняю, и предоставляю вамъ дѣйствовать по вашему усмотрѣнію: только бы тотъ зналъ, что онъ непремѣнно будетъ получать свой чистый доходъ ежегодно.

^а) Въ этой оперѣ много Русскихъ народныхъ пѣсень.

4.

Пелла, 18 Іюня 1786.

Не бойтесь: вы не будете забыты во время Таврическаго путешествія ³⁾; но какъ мой козелъ отпущенія есть человѣкъ самый исправный въ исполненіи моихъ порученій, то уставъ ордена Св. Владиміра дозволяетъ и требуетъ, чтобы онъ былъ причисленъ къ кавалерамъ онаго. По этимъ причинамъ посылаю вамъ ленту второго класса. Продѣньте въ нее шею и носите ее на груди, а звѣзду приколите надъ самымъ сердцемъ. Да благословитъ васъ Богъ!

5.

Царское Село, 22 Іюля 1786.

Все, что вы пишете мнѣ объ извѣстномъ молодомъ человѣкѣ ⁴⁾, меня не удивляетъ. Онъ происходитъ отъ очень странныхъ людей и во многомъ уродился въ нихъ; но не надобно, чтобы молодой человѣкъ умиралъ съ голоду изъ-за прихоти людей, не имѣющихъ на него никакихъ правъ. Совершенно въ его волѣ оставаться или ѣхать назадъ, и какъ бы онъ ни рѣшился, деньги онъ будетъ получать. У него въ настоящее время свыше 37,000 рублей дохода; капиталъ лежитъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Не понимаю, какимъ образомъ это могло остаться ему неизвѣстнымъ, такъ какъ въ 1782 году я увѣдомила его собственноручнымъ письмомъ, какъ великъ его капиталъ и доходъ. Его замѣчанія относительно Бецкаго очень вѣрны и правильны; не знаю, въ какомъ отношеніи сей послѣдній впредь могъ бы вмѣшиваться въ его дѣла, такъ какъ Опекунскій Совѣтъ обязанъ выдавать доходъ съ его капитала ему, то есть самому молодому человеку, или его повѣреннымъ. При семъ посылаю письменное свидѣніе объ этомъ капиталѣ и копію съ моихъ приказовъ по этому предмету. Изъ прилагаемой записки Бецкаго видно, что онъ опять хотѣлъ вставить крючокъ; я сразу положила этому конецъ, написавъ ему, чтобы проценты высылались безъ всякихъ кляузъ и что всякій иной образъ дѣйствія будетъ несправедливъ и не будетъ мною одобренъ.

6.

23 Сентября 1786.

Не я дала Пеллѣ имя Пеллы: Пелла называлась Пеллою до меня и пофински значитъ пыль. Когда у васъ будетъ мой словарь всѣхъ языковъ, вы сдѣлаете много другихъ открытій. Сто словъ уже напечатано на двухъ стахъ языкахъ. Когда ихъ будетъ полтора ста, выдать первый томъ въ четвертку.

³⁾ Всѣ распоряженія къ этому путешествію были подписаны Екатериною еще въ Мартѣ мѣсяцѣ 1786 года, и тогда же отъѣздъ назначенъ на Январь 1787 года.

⁴⁾ Бобринскомъ. См. его бумаги и его путевой дневникъ въ третьихъ книгахъ Русскаго Архива 1876 и 1877 годовъ.

Потеря Бразинскаго ⁵⁾ невознаградила. Это былъ человекъ умный и достойный. Прочитавъ хорошую книгу, я отдавала ее ему на прочтеніе. Никто такъ не служилъ мнѣ какъ этотъ человекъ, и поэтому я считаю его кончину жестокою для себя потерей.

Циммерманъ не спасалъ Прусскаго короля: его нельзя было спасти⁶⁾.

Извѣстный молодой человекъ вполне можетъ распоряжаться своей судьбой. Такъ какъ теперь у насъ нѣтъ никакого дѣла для военныхъ людей, то онъ можетъ вернуться сюда, или оставаться тамъ, или дѣлать что ему угодно. Если бы гдѣ нибудь была война, можно было бы посоветовать ему поступить волонтеромъ. Коли захочетъ побывать въ Англіи, на то его воля. Если онъ вернется сюда, то будетъ служить, пока придетъ его чередъ выйти въ армию.

Что странно въ судьбѣ Ирода, это, что на мѣстѣ никто не пожалѣлъ его кромѣ его жены, которой онъ не любилъ. Она одна искренне плакала по немъ.

5 Октября. Имѣю честь препроводить вамъ карту окрестностей Петербурга. Пеллу извольте искать надъ рѣкой. Какъ разъ противъ Пеллы найдете островки, дачу или, вѣрнѣе, имѣніе князя Потемкина, прелестное мѣстечко; а какъ разъ возлѣ Пеллы Петрушкино, помѣстье оберъ-штабмейстера Нарышкина. Надобно вамъ сказать, что, когда я ѣзжу въ Пеллу, въ двухъ этихъ мѣстностяхъ, которыя лежатъ на самыхъ Невскихъ порогахъ, бываетъ очень шумно. Когда прочтете на картѣ Софію, то да будетъ вамъ извѣстно, что этотъ новый городъ находится прямо противъ Царскосельскаго сада или, вѣрнѣе, озера; но, чтобы вамъ лучше уяснить все это, дарю вамъ планъ Царскаго Села, даже для большаго удобства, въ двухъ экземплярахъ; впрочемъ скажу вамъ, что всѣ мои загородныя резиденціи просто бѣдныя хижинки въ сравненіи съ Пеллою, которая воздвигается какъ Фениксъ.

7.

Спб. 17 Декабря 1786.

Черезъ двѣ недѣли мы ѣдемъ въ Кіевъ, и когда вы получите это, мы уже будемъ близко отсюда. Признаюсь мнѣ бы хотѣлось уже быть тамъ, потому что къ отъѣзду накопилось столько дѣлъ, что нѣтъ минуты свободной. Между прочимъ дѣла Зельмиры совсѣмъ въ отчаянномъ положеніи, и по всему видно, что мнѣ очень скоро придется обратиться прямымъ путемъ къ ея родителю. Вотъ уже цѣлая недѣля, какъ со мной каждый разъ, какъ я только вспомню объ ней, дѣлается лихорадка. Говорите послѣ этого, что я равнодушна къ чужому горю.

Далѣе въ подлинникѣ слѣдуетъ:

«Метафизическое, физическое и нравственное описаніе Краснаго Кафтана» (l'habit rouge).

⁵⁾ Христіанъ Ермолаевичъ Бразинскій, камердинеръ Екатерины. У Храповицкаго, подъ 27 числомъ Февраля 1786: «Х. Е. Бразинскому давали читать въ будуарѣ комическую оперу, Февей». Онъ скончался 9 Мая этого года.

⁶⁾ Фридрихъ Великій умеръ 17 (29) Августа этого 1786 года.

Подъ этимъ именемъ разумѣется графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ (род. 19 Сент. 1758, въ одинъ годъ съ Ланскимъ, сконч. 29 Сент. 1803) близкій родственникъ Д. И. Фонвизина и сынъ дѣльца, издавна служившаго по дворцовому вѣдомству. Екатерина въ первый разъ упомянула о немъ Гриму въ письмѣ отъ 23 Іюля 1786, а 17 Сентября пишетъ: «Вы узнаете со временемъ, что такое Красный Кафтанъ, если уже не знаете».

8.

26 Декабря 1786.

Въ нашемъ Эрмитажѣ вотъ уже десять дней витаетъ заколдованная принцесса: Зельмира убѣжала ко мнѣ, такъ какъ она рисковала бы жизнью съ такимъ недостойнымъ негоднемъ, каковъ ея супругъ. Не было дурнаго обращенія или оскорбленія, которыхъ бы ей не пришлось испытать или опасаться. Я воспользовалась удобнымъ случаемъ и приказала сказать этому дьяволу, чтобы онъ убирался отсюда. Онъ написалъ мнѣ бѣшеное письмо; но все-таки ему пришлось собраться въ дорогу, и во Вторникъ на прошедшей недѣлѣ онъ уѣхалъ, объявивъ, что ѣдетъ для свиданія съ тестемъ, и Зельмира боится, чтобы онъ не очернилъ ея въ глазахъ ея родителей. Общество все противъ негодяя; даже самые близкіе къ нему люди не оправдываютъ его. Они жалѣютъ только, зачѣмъ Зельмира не предупредила ихъ; но, говоря по совѣсти, она не могла этого сдѣлать. Думаю, что и на меня тоже дуются, но какъ себѣ хотять: посердятся, да и перестануть. Мое положительное и твердое намѣреніе отправить Зельмиру обратно къ ея родителямъ, и во всемъ этомъ дѣлѣ я поступала, поступаю и поступлю, какъ велитъ долгъ. Дождаться отвѣта отъ родителей здѣсь я не могу, потому что уѣзжаю 2-го Января. Отправить Зельмиру наудачу я не могу, и потому пока рѣшилась услатъ ее отсюда, такъ какъ оставаться здѣсь ей тоже нельзя. Куда она поѣдетъ дожидать рѣшенія своей участи, въ эту минуту не могу вамъ сказать опредѣленно, потому что это будетъ зависѣть отъ помѣщенія, и я теперь разослала по разнымъ мѣстамъ выбрать для нея удобный и приличный пріютъ. Сверхъ того я ей дала слово, что, помимо ея собственной воли и не убѣдившись въ томъ, что судьба ея устроится къ лучшему, на сколько это возможно въ ея тяжкомъ положеніи, ея не заставятъ покинуть уединеніе или временный пріютъ, гдѣ она пока будетъ помѣщаться. Все это, кажется, почеловѣчески и пристойно. На сколько можно было, я постаралась закрыть молчаніемъ разные ужасы и на другой же день отправила курьера и написала родителю Зельмиры, прося его уладить это дѣло со мною дружески. Я нахожу, между прочимъ, что Зельмира отнюдь не глупа. Въ ней довольно мужества и твердости; она надѣется, что я ея не покину, и въ этомъ не ошибется. Ей бы очень хотѣлось остаться въ Петербургѣ и именно у меня, но это наврядъ ли возможно, потому что у насъ будутъ рады забыть всю эту непріятную исторію. Надобно признаться, что Зельмирину роду никогда не было счастья въ Россіи: вотъ уже восьмой

или девятый человекъ изъ этого дома терпитъ здѣсь горе⁷⁾. Сообщите мнѣ, что узнаете о настроеніи Зельмирина батюшки, доволенъ ли онъ мною или не доволенъ? Не могу допустить, чтобы негодяю удалось заставить его забыть, какой онъ злой и дурной человекъ. Для этого я слишкомъ высокаго мнѣнія объ умѣ человека, принадлежащаго къ числу героевъ нашего вѣка⁸⁾. Негодяй же, напротивъ, герой злости. Говорятъ, онъ намѣренъ поселиться въ Швеціи. Онъ самъ сказалъ Зельмирѣ, что онъ во враждѣ непримиримъ и не понимаетъ, какъ люди могутъ прощать. Не правда ли, премилый характерецъ?

*

Надѣмся, что читатели Русскаго Архива не посѣтуютъ на то, что весь настоящій выпускъ занятъ однимъ и тѣмъ же предметомъ. Предупреждаемъ ихъ, что мы далеко не исчерпали всего историческаго богатства, содержащагося въ письмахъ Екатерины къ Гримму за первые двѣнадцать лѣтъ ихъ переписки, и увѣрены, что всякій занимающійся Русскою исторіею обратится къ подлинникамъ, которые изданы въ особой книгѣ Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ. Въ книгѣ этой разсыяно множество драгоценнѣйшихъ указаній и для общей Европейской исторіи; но для насъ, Русскихъ, образъ великой Государыни является въ этихъ письмахъ въ новомъ, еще болѣе противъ прежняго привлекательномъ и достопамяномъ, видѣ.

Извлеченія изъ писемъ за послѣдующее и послѣднее десятилѣтіе появятся также въ Русскомъ Архивѣ. П. Б.

Поправки.

Выше, на стр. 9-й, въ 2-мъ примѣчаніи вмѣсто: Василія Семеновича, слѣдуетъ Александра Васильевича.

На стр. 40, при первомъ письмѣ пропущены слова: 10-го Января 1778 года.

*

Во второй книгѣ Русскаго Архива сего года, на стр. 315, упомянуто нами о мятежѣ регулярныхъ войскъ во время Хивинскаго похода 1839 года и приведенъ разговоръ, какъ поступилъ въ этомъ случаѣ графъ В. А. Перовскій. Мы получили отъ графа Бориса Алексѣевича Перовскаго положительное заявленіе, что ничего подобнаго онъ никогда не слышалъ ни отъ брата своего, ни отъ участниковъ Хивинскаго похода, и что разговоръ этотъ онъ считаетъ неправдоподобнымъ. П. Б.

⁷⁾ Кто эти восемь или девять лицъ изъ Брауншвейгскаго дома, мы доподлинно указать не можемъ; развѣ Екатерина считаетъ и дѣтей Антона Ульриха.

⁸⁾ Отецъ Зельмиры отличился воинскими подвигами во время Силезскихъ войнъ и въ войну Семилѣтнюю.

Письма Екатерины Второй къ барону Гримму.

1787 годъ.

1.

Спб. 1 Января 1787.

Сегодня канунъ моего отъѣзда. Завтра ѣду въ Царское Село и оттуда 7-го числа Января въ Кіевъ. Столъ у меня прибранъ и со-всѣмъ чистъ. Остается только вамъ отвѣчать. Возвратившійся Ро-жерсонъ совѣтуетъ вамъ дѣлать больше движенія. Никогда еще не заваривалось такой каши, какъ за послѣднія три-четыре недѣли. Прилагаемое письмо познакомитъ васъ со сплетнями на счетъ Зель-миры. Мнѣ пришлось заняться этимъ дѣломъ не кое-какъ, а очень и очень серьезно. Невѣстка разыгрываетъ невиннаго ребенка; ей нель-зя всего говорить; ну она, какова есть, такою и останется. Стало быть благоразумнѣе всего было поступить такъ, какъ я поступила, вотъ и все. Но это говорится для васъ однихъ. Гдѣ же писать вамъ обо всѣхъ дѣлишкахъ, которыми мы здѣсь занимаемся? Все это идетъ своимъ чередомъ, и когда что нибудь сдѣлано, о томъ перестаютъ и думать. Такимъ способомъ мы роемъ каналы и строимъ большія дороги и тридцать шесть гранитныхъ мостовъ между Петербургомъ и Москвой. Мои три карманные министра ¹⁾ поѣдутъ со мною 7-го числа. Оказывается, что г-нъ фонъ-Герцбергъ ²⁾—Германскій Златоустъ; но, скажите пожалуста, приходилось ли вамъ читать что нибудь изъ его писаній? Я ничего не читала, сколько помнится, кромѣ развѣ объявленій въ газетахъ или журналахъ. Что вы мнѣ сообщаете о вашей перепискѣ съ покойнымъ Прусскимъ королемъ, очень стран-но; полагаю, вы передъ нимъ были вдвойнѣ виноваты: дружбой съ принцемъ Генрихомъ и съ вашей покорнѣйшей служницею; ну а онъ обоихъ насъ не долюбливалъ.

¹⁾ Т. е. посоль Германскаго императора графъ Кобенцель, посланникъ Ан-глійскій Фицъ-Гербертъ и посланникъ Французскій графъ Сегюръ. Екатерина и въ предъидущихъ письмахъ называла ихъ карманными, оттого что они часто бывали при ней и она передъ тѣмъ возила ихъ съ собою, путешествуя по Вышневолоцкой системѣ и въ Москву и въ поѣздахъ на дачи.

²⁾ Первый министр новаго Прусскаго короля-масона Фридриха Вильгельма II-го, враждебно настроеннаго къ Россіи.

2 Января, въ семь часовъ утра. Уѣзжаю сегодня въ 11 часовъ въ Царское Село; но надо напередъ отвѣчать на ваше письмо. Прежде всего тутъ комплименты на комплиментахъ и извиненія съ вашей стороны, и затѣмъ увѣренія, что при Гриммовскомъ дворѣ я обрѣтаюсь все въ болѣеи милости. За это великое спасибо. И такъ я не похожу на принца Оранскаго, про котораго оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ презабавно говоритъ, что ему очень плохо при дворѣ. Надо вамъ знать, что я отменно довольна, когда оберъ-шталмейстеръ заговоритъ о политикѣ, и великое удовольствіе предоставить ему Европейское устройство. Графъ Ангальтъ возвратился и послѣ всѣхъ своихъ разъѣздовъ отправляется со мною. Я ему отъ васъ кланялась. А! теперь очередь за Краснымъ Кафтаномъ. Не нынче-завтра, при первой удобной оказіи, онъ самъ возьмется за перо и, чертъ побери, станетъ обороняться, потому что онъ на это мастеръ и, сверхъ того, вы ошибаетесь: первый наставникъ г-на Краснаго Кафтана былъ іезуитъ, къ которому онъ почувствовалъ довольно сильное отвращеніе, а затѣмъ ему дали прекраснѣйшаго наставника, котораго онъ полюбилъ всей душой и до сихъ поръ любить; подъ его руководствомъ онъ выучился читать классиковъ съ охотой и пользой. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду нашъ Красный Кафтанъ такъ пристрастился къ Гомеру, что его трудно было оторвать отъ него; онъ бралъ его съ собою въ постель, когда ему не давали читать его днемъ, и я могу засвидѣтельствовать предъ вами, что г. Красный Кафтанъ—личность далеко не рядовая. Въ насъ бездна остроумія, хотя мы никогда не гоняемся за остроуміемъ, мы мастерски рассказываемъ и обладаемъ рѣдкой веселостью; наконецъ, мы—сама привлекательность, честность, любезность и умъ; словомъ, мы себя лицомъ въ грязь не ударимъ. Я прочитала ему все, что вы пишете касательно до него; онъ нашелъ, что это прелестно и кланяется вамъ, не будучи знакомъ съ вами.

2.

Въ Кричевѣ, помѣсть князя Потемкина, въ 130 верстахъ отъ Смоленска, между Смоленскомъ и Киевомъ, въ Могилевской губерніи, 19 Января 1787.

По мѣсту, откуда пишу къ вамъ, вы видите, что, вопреки Амстердамской газетѣ, я ѣду, и все обстоитъ какъ нельзя лучше; но правда, что въ Смоленскѣ г-нъ Красный Кафтанъ извоилъ слечь въ постель, захвативъ не на шутку сильнѣйшую лихорадку съ страшной горловой болью; но мистеръ Рожерсонъ атаковалъ его Джемсовскимъ порошкомъ и Шпанской мушкой, которые живо поставили его на ноги. Во время моего четырехдневнаго пребыванія въ этомъ городѣ замѣчательно вотъ какое обстоятельство: такъ какъ нашей прислугѣ подъ рядъ трое сутокъ дулъ въ глаза вѣтеръ, то, когда мы приѣхали въ Смоленскъ, почти у всѣхъ разболѣлись глаза; но пока я оставалась въ этомъ городѣ, всѣ выздоровѣли. Всѣ мои спутники очень веселы и здоровы. Мы въ восьми стахъ верстахъ отъ Петербурга и въ семи стахъ отъ Киева, подъ 54 градусомъ долготы. Одна-

ко еще холодно. Вчера я получила письмо отъ князя Потемкина, который 7 Января былъ въ Тавридѣ и увѣряетъ, что тамъ уже зелень.

3.

Кіевъ, 8 Февраля 1787.

Я пріѣхала сюда 29 Января въ добромъ здоровьѣ, въ двадцатиградусный морозъ; не взирая на то, ни носовъ, ни ушей отмороженныхъ не оказалось. Всѣ эти дни мы провели въ балахъ, праздникахъ, маскарадахъ, а сегодня, въ Понедѣльникъ, слава Богу наступилъ постъ и положилъ конецъ всей этой суматохѣ. Поль-Польши съѣхалось сюда. Пріѣхалъ Испанскій грандъ, принцъ Нассаускій, и еще одинъ Испанецъ, по фамиліи Миранда. Все это, когда развѣдется, станетъ говорить, что не стоило пріѣзжать. Страненъ здѣшній городъ: онъ весь состоитъ изъ укрѣпленій, да изъ предмѣстій, а самого города я до сихъ поръ не могу доискаться; между тѣмъ, по всей вѣроятности, въ старину онъ былъ по крайней мѣрѣ съ Москву. Съ герцогомъ Брауншвейгскимъ мы ведемъ теперь очень разумные переговоры; мой курьеръ привезъ отвѣтъ отъ него, а вчера я отправила къ нему другаго курьера. Я выдамъ имъ мою принцессу только тогда, когда удостовѣрюсь, что происки мужа не повредили ей въ глазахъ ея родителей, чего она очень опасается; если разъ я взялась покровительствовать, то покровительствую не на шутку; я желаю обезпечить моей принцессѣ въ будущемъ, послѣ столькихъ страданій и разочарованій, возможность тихаго и спокойнаго существованія ³⁾.

4.

Кіевъ, 1 Апрѣля 1787.

Вчера я получила письмо отъ Зельмиры и вложенное въ немъ письмо отъ ея родителя. Изъ письма видно, что, не смотря на обѣщанія родителя, клеветы мужа не остались безъ впечатлѣнія. Этотъ бѣшеный на меня злитъ по крайней мѣрѣ столько же, сколько на жену, за покровительство, которое я ей оказала. У него теперь развязаны руки, благодаря тому, что я прикрыла его безобразія; но, если онъ выведетъ меня изъ терпѣнія, я заговорю въ свою очередь, и тогда увидимъ, кто изъ насъ будетъ болѣе правъ. Изъ послѣдняго письма отца Зельмиры ко мнѣ я очень хорошо вижу, что онъ сталъ со мной гораздо менѣе откровененъ, чѣмъ былъ по началу. Я, было, приписала это первому невольному впечатлѣнію послѣ шестичасовой бесѣды съ зятемъ; но письмо его къ дочери доказываетъ, что эта бесѣда пускаетъ прочные корни. Зельмира умираетъ отъ страха, какъ бы ея не выдали мужу. Всякій, кто знаетъ положеніе дѣла, какъ я его знаю, скажетъ, что это было бы безчеловѣчно. Буду молчать, пока будетъ можно, и никогда не заставлю Зельмиры покинуть свое теперешнее убѣжище, гдѣ она живетъ въ безопасности и на своей волѣ, до тѣхъ поръ пока она сама не убѣдится вполнѣ и совер-

³⁾ Часть переписки между Екатериною и герцогомъ Брауншвейгскимъ напечатана въ XII книгѣ Архива Бнязя Воронцова.

шенно въ томъ, что ея судьба измѣнится къ лучшему, и пока у нея не останется никакого повода къ какому бы то ни было опасенію. Послушайте, я покаместъ говорю и не договариваю, потому что рѣшилась сказать свое настоящее слово тогда только, когда увижу въ томъ необходимость. Постарайтесь воспользоваться настоящимъ сообщеніемъ возможно лучше, чтобы подѣйствовать на отца; я буду очень рада, если меня не вынудятъ заговорить.

Если бы я могла переговорить съ вами въ продолженіи четверти часа, вы сказали бы: она въ самомъ дѣлѣ права; и отецъ, и дочь и зять обязаны ей много, очень, очень много. У меня на это есть неопровержимый свидѣтель, который, въ случаѣ нужды, подтвердитъ все, что мною сдѣлано и что я теперь говорю.

2 Апрѣля. Сегодня пишу вамъ тѣмъ самымъ перомъ, которымъ утвердила торговый трактатъ съ Франціей. Мнѣ нужно увѣдомить васъ о прибытіи ко мнѣ курьера-философа Паликучи. Это сынъ одного Грека-капитана, который состоялъ на нашей службѣ на своемъ собственномъ кораблѣ въ послѣднюю войну съ Турками и на нашей службѣ умеръ; сестра этого Паликучи—Гречанка-красавица, которая мнѣ служить и которую я очень люблю за то, что она ловка, какъ мартышка, и одѣваетъ меня, какъ ей вздумается, и всегда въ моемъ вкусѣ.

О, сколько бѣдъ понадѣлали нѣкоторымъ государствамъ добрые граждане! Видѣли мы, какъ превосходные граждане упустили цѣлыхъ пятнадцать провинцій. Фицъ-Гербертъ утверждаетъ, что для Англіи это истинное благополучіе. Отъ такого благополучія упаси Богъ всякаго добраго человѣка! Вотъ еще одинъ отличнѣйшій гражданинъ скончался, не стяжавъ себѣ славы, бѣдняжка. Людская слава несправедлива; я начинаю думать, что она влюбляется въ однихъ дураковъ. Въ теперешнюю пору помилуй насъ Богъ отъ государей-гражданъ. Немного чести, когда похвалятъ въ одномъ лишь надгробномъ словѣ: мало охотниковъ слушать эти слова, а читать и вовсе нѣтъ. Кстати о принцѣ Генрихѣ: говорятъ, онъ отправляется въ Женеву на долгое житье; видно, хвалѣнный-то Фридрихъ Вильгельмъ недостаточно часто обращается къ нему за совѣтомъ. И то сказать, куда неудобно всегда имѣть такихъ дядюшекъ, которые все хотятъ, чтобы у нихъ спрашивали совѣта, и уѣзжаютъ, какъ скоро у нихъ не просятъ совѣтовъ. Что сынъ покойнаго герцога Орлеанскаго, при жизни отца, выбралъ путь противоположный тому, которымъ шелъ отецъ, — все это совершенно въ порядкѣ вещей и меня нимало не удивляетъ. Арлекинъ въ комедіи сказалъ бы: точь въ точь, какъ у насъ дѣлается. Я впрочемъ этого не говорю прямо, но надѣюсь того же. Но, наконецъ, если герцогъ Орлеанскій и герцогъ Бурбонскій желаютъ предпочтительно, чтобы собраніе камней перешло въ мои руки въ полномъ составѣ, то я рѣшаюсь купить его за ту цѣну, въ которой вы успѣете сойтись, но ни въ какомъ случаѣ не свыше 480 тысячъ ливровъ; именно вы заплатите сперва часть покупной суммы изъ тѣхъ денегъ, которыя у васъ имѣются въ настоящее время, а срокомъ для уплаты остальнаго назначите

три первые мѣсяца 1788 года. Впрочемъ пожалуй, если будетъ возможность, я заплачу и прежде этого срока, а вы увѣдомите меня о томъ, какъ вамъ удастся уладить, и во время предупредите меня. Но не покупайте съ аукціона, если таковой состоится, и постарайтесь выторговать побольше, чтобы съ княземъ Вяземскимъ не случилось удушья.

Вопервыхъ, невозможно же требовать, чтобы я постоянно отмѣчала и записывала всѣ сцены, которыя, къ соблазну цѣлаго Петербурга и всей Финляндіи, происходили между Зельмирой и ея мужемъ, пока они тамъ жили. Повторныхъ, о многихъ изъ такихъ сценъ до моего свѣдѣнія доходило только уже спустя нѣкоторое время. Втретьихъ, я не всегда упоминала о нихъ, потому что мнѣ это надобно, и я вовсе не подражалась вести имъ списокъ. Но это замѣчаніе съ вашей стороны тѣмъ болѣе остановило мое вниманіе въ настоящую минуту, что отецъ пишетъ дочери, будто бы, до ея отъѣзда отъ мужа ко мнѣ, въ ея домъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ господствовали тишина и согласіе. Это пахнетъ упрѣкомъ, и дочь задѣта этимъ за живое. На самомъ дѣлѣ Зельмира божилась мнѣ, что за всѣ семь лѣтъ ея супружеской жизни, она, общимъ счетомъ, не можетъ насчитать и шести недѣль спокойныхъ; да и тутъ еще двѣ недѣли насчитала я, потому что собственно по ея словамъ не наберется и четырехъ. Въ Финляндіи, къ великому соблазну цѣлаго края, сцены нерѣдко бывали за столомъ въ присутствіи мѣстныхъ служащихъ, такъ что отъ приглашеній на ихъ обѣды бѣгали, какъ отъ чумы. Я не покину Зельмиры, но она боится, что родитель ея выдастъ ее тирану. Впрочемъ все, что будетъ сдѣлано для блага Зельмиры, очень меня порадуетъ, потому что я принимаю искреннее участіе въ этой бѣднjackъ, участь которой могла бы быть совсѣмъ иною, если бы ея не выдали за этого полоумнаго, у котораго, повидимому, жолчь отнимаетъ разсудокъ, потому что онъ злится безъ исключенія на весь родъ человѣческій. Я не могу вмѣшаться прямо въ дѣло о разводѣ, потому что съ перваго же дня велѣла передать бѣшеному супругу, что не берусь быть его судьей, и счастье его, что это такъ. Таковой отзывъ мой я сообщила и герцогу Брауншвейгскому; но если бы сей послѣдній или владѣющій герцогъ Виртембергскій пожелали моего добраго содѣйствія, то графъ Румянцовъ, находящійся во Франкфуртѣ, уполномоченъ мною оказать имъ таковое. И такъ покажѣсть я ограничиваюсь тѣмъ, что стараюсь, какъ только могу, быть полезною Зельмирѣ, которая въ своемъ уединеніи несетъ свое горе съ твердостью и мужествомъ философа, и которая гораздо умнѣе, нежели я предполагала въ то время, когда она была слишкомъ поражена. Желаю, чтобы молодая вдовица, которую вамъ не удалось выдать полтора года тому назадъ, была счастливѣе, чѣмъ жены двухъ старшихъ братьевъ. Зельмира сказала мнѣ: они всѣ большіе охотники до женитьбы; причина понятна—бѣдность. Такъ какъ вы пишете, что мать не ослѣплена насчетъ кого бы то ни было изъ своихъ дѣтей, то при свиданіи постарайтесь узнать, извѣстны ли ей дѣянія старшаго сына и тотъ позоръ и огорченія, которыя онъ въ теченіи

четырехъ лѣтъ наносилъ своей сестрѣ, и то вліяніе, которое, не смотря на то, онъ имѣетъ на свою сестру, которая, быть можетъ, боится его болѣе вблизи, чѣмъ въ отдаленіи. Впрочемъ, я не предполагаю и не требую, чтобы вы стали пускаться съ нею въ эти разъясненія въ ущербъ ея зарождающейся благосклонности къ вамъ. Ея наивное признаніе, сдѣланное вамъ, что она питала къ вамъ сильное отвращеніе, потому что считала васъ своимъ любимцемъ,—неопѣненно.

Красный Кафтанъ, въ знакъ особой благосклонности, посылаетъ вамъ рисунокъ своей работы. Онъ соглашается самъ, что глазъ нарисованъ немножко выше, чѣмъ бы слѣдовало, а носъ вышелъ чутьточку слишкомъ востеръ; но, въ виду того, что, занимаясь подобной работой уже нѣсколько дней къ ряду, онъ успѣлъ натрудить руку, что онъ съ самой любезной готовностью согласился нарисовать этотъ портретъ собственно для васъ, что у него съ руками рвутъ всѣ портреты, которые онъ только успѣваетъ сдѣлать, что принцъ Делинъ и многіе другіе растащили у него экземпляры гораздо лучше этого; въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, вы благоволите удовольствоваться этимъ отмѣннымъ знакомъ его расположенія. Впрочемъ этотъ Красный Кафтанъ такъ любезенъ, остроуменъ, веселъ, такой красавецъ, такой добрый и пріятный, такой милый собесѣдникъ, что вы очень хорошо сдѣлаете, если полюбите его заочно. Крімъ того, онъ страстно любитъ музыку, о чемъ можете справиться у шеваляе Деламета. Этотъ шеваляе и Сегюръ вчера ужинали у него, и онъ угощалъ ихъ игрой превосходнаго скрипача, котораго мнѣ пришлось выписывать нарочно изъ Петербурга, въ силу того, что Красный Кафтанъ безъ музыки жить не можетъ. Можете быть увѣрены, что этотъ господинъ вездѣ, во всякой сферѣ, будетъ на мѣстѣ, и что всѣ наши путешественники любятъ его, потому что онъ необыкновенно милъ въ обществѣ.

4 А прѣля. Князь Потемкинъ поручилъ сказать вамъ, что онъ готовилъ вамъ даръ, но что этотъ даръ не можетъ быть отправленъ съ настоящимъ курьеромъ, поелику даръ сей еще не готовъ. Я любопытствовала, что бы это такое было, и онъ сказалъ мнѣ, что это музыка дервишей съ нотами и его, князя Потемкина, собственными примѣчаніями. Вамъ извѣстно, что я ненавижу посвятительныя посланія; потому всѣхъ этихъ господъ съ посвятительными посланіями извольте адресовать къ хваленому Фридриху Вильгельму: тамъ ихъ настоящее мѣсто.

Я, кажется, уже поздравляла васъ по случаю рожденія дѣвицы дю-Бюейль⁴⁾; у ея кума Александра и у красавицы Елены, въ мое отсутствіе, была корь, равно какъ и у всѣхъ братцевъ и сестрицъ, и притомъ непосредственно вслѣдъ за летучей оспой; и такъ какъ можно опасаться, чтобы къ нимъ, т. е. дѣвочкамъ (мальчикамъ оспа была привита) не пристала настоящая оспа, то красавица Елена и ея сестрицы будутъ безотлагательно подвергнуты привитію.

⁴⁾ Госпожа дю-Бюейль была впучка г-жи д'Эпинэ. Въ устройствѣ ея судьбы Екатерина приняла дѣятельное участіе.

Смерть Верженя—потеря для Франці; я приказала выдать его на слѣдникамъ то, что предназначалось ему; я его очень цѣнила и уважала. Г. Сенъ-При хорошо могъ бы замѣнить его; на мое довѣріе къ нему онъ можетъ вполне расчитывать. Г-на де-Монморена очень хвалятъ. Сочиненія г. Байли я очень рада; еще не успѣла раскрыть ихъ, ни даже прочесть его письмо, но, при первой возможности, расквитаясь съ нимъ. Красный Кафтанъ слишкомъ уменъ, чтобы даться въ обманъ шарлатанамъ; вообще его не такъ легко мистифицировать: мы слишкомъ образованны, въ насъ слишкомъ много здраваго смысла и тонкаго такта, чтобы попасться на удочку.

4 А прѣля послѣ обѣда. Вчера послѣдовалъ размынъ ратификацій торговаго трактата. Грустно, что Бобринскій входитъ въ долги. Ему хорошо извѣстна цифра его дохода; доходъ этотъ очень приличный; затѣмъ, кромѣ этого, у него ничего нѣтъ.

Шевелье Ламетъ сегодня прощался. Я думаю, что ему и всѣмъ пріѣхавшимъ сюда иностранцамъ приходилось не разъ расказываться въ томъ, что они предприняли это путешествіе; потому что прежде всего, городъ отвратителенъ: они съ трудомъ могутъ продовольствоваться въ мерзѣйшихъ клѣтушкахъ. Кромѣ того большая ихъ часть пріѣхала, повидимому, чтобы находиться въ моемъ сообществѣ, тогда какъ меня увѣряли, что цѣлью ихъ было увидѣть меня. Обманувшись въ своемъ намѣреніи, они разѣхались. Но тѣмъ не менѣе, какая толпа! Я никогда не видала ничего подобнаго.

Что до вашего собранія нотаблей, хотя оно дѣлаетъ честь благимъ намѣреніямъ короля, но до сихъ поръ у насъ объ этомъ собраніи не высокаго мнѣнія. Князь Потемкинъ въ восхищеніи по поводу Славянскаго Евангелія, на которомъ Французскіе короли присягаютъ въ свою коронацію.

5 А прѣля. Вчера мнѣ принесли привезенное курьеромъ Трипольскимъ. Я засѣла читать до шести часовъ вечера; но по мѣрѣ того какъ я читала, хартіи все разростались. Потомъ является князь Потемкинъ, за нимъ Красный Кафтанъ. Они говорятъ мнѣ: да извольте же одѣваться; у васъ сегодня куртагъ. Встаю, одѣваюсь, отправляюсь на этотъ куртагъ, за которымъ слѣдуетъ балъ, играю въ карты, потомъ прощаюсь съ депутаціей отъ Крымскихъ Татаръ, которая прибыла мнѣ на встрѣчу звать меня пріѣхать къ нимъ; потомъ возвращаюсь въ свой кабинетъ, приподнимаю ваши хартіи, изъ нихъ выпадаетъ купидонъ съ двумя лебедями на привязи. Красный Кафтанъ поднимаетъ его съ полу. Это что такое? Я знать не знаю, ничего еще не успѣла прочесть; ну—искать, искать, что бы это могло быть такое. Красный Кафтанъ, между тѣмъ, беретъ карандашъ и копируетъ для васъ этотъ рисунокъ, который ему очень понравился; но какъ я ни читала, какъ ни рылась и ни доискивалась, ни въ вашихъ письмахъ, ни въ приложеніяхъ къ нимъ не могла доискаться и помину объ этомъ купидонѣ, который такъ приглянулся Красному Кафтани. Благоволите объяснить намъ какъ нибудь въ другой разъ это обстоятельство, а покажѣтъ купидонъ будетъ покоиться въ портфелѣ у Краснаго Кафтана.

Вы пишете, что этотъ господинъ проигралъ два своихъ годовыхъ дохода и даже болѣе. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы войти въ соглашеніе съ займодавцами относительно уплаты долга, и вотъ такимъ образомъ: ему извѣстно, сколько онъ имѣетъ годового дохода; пускай они (займодавцы) оставятъ ему тысячу червонцевъ въ годъ, а онъ пускай переведетъ на нихъ право на полученіе его доходовъ впредь до погашенія долга. Удивительно, какъ такой скряга далъ себя увлечь до того, что такъ разсорилъ свои средства. Я, пожалуй, прислала бы кого нибудь, чтобы вызвать его оттуда; но онъ такой недотрога и скрытничекъ, что, пожалуй, не захочетъ довериться: скажется больнымъ и увернется. Мнѣ думается, всего лучше было бы вамъ вызвать его къ себѣ и сказать ему, что я поручила вамъ посовѣтовать ему привести въ порядокъ свои дѣла, да не играть и не держать пари на такія суммы, которыя превышаютъ его доходы и расплатиться съ долгами тѣмъ способомъ, какъ указано выше. Тогда видно будетъ, что онъ будетъ говорить. Потребуйте отъ него откровеннаго признанія и, если онъ признается, заставьте его изложить на бумагѣ, какъ онъ думаетъ уладить дѣло. Если же, напротивъ, онъ станетъ скрытничать и увертываться, въ такомъ случаѣ потрудитесь представить ему, какія изъ этого могутъ выйти послѣдствія. Скажите ему, что, предвидя его увлеченія, его сначала поручили Бушуеву; что затѣмъ ему захотѣлось пожить на своей волѣ, что ему дали эту волю, и послѣдствіемъ было то, что въ его рукахъ не хватило огромной суммы, что на будущее время онъ хорошо сдѣлаетъ, если постарается распорядиться своими деньгами съ большей осмотрительностію; если, впрочемъ, онъ хочетъ раззориться, то пусть дѣлаетъ, какъ знаетъ. Чтобы удалить его изъ Парижа, думаю, слѣдовало бы внушить ему съѣздить въ Англію: въ Англіи будутъ Русскіе корабли ⁵⁾, на которыхъ, можетъ быть, ему придетъ охота совершить морской походъ, за неимѣніемъ случая для сухопутнаго. Если увидите, что онъ неотложно нуждается въ средствахъ на дорогу, можете ссудить ему до тысячи червонцевъ, но никакъ не болѣе; потому что, мнѣ кажется, ему будетъ полезно испытать стѣсненіе такого рода. Должно вамъ сказать, что, при большомъ умѣ и отвагѣ, нашъ баринъ слыветъ за отъявленнаго лѣнтя и даже нажилъ славу человѣка рѣдкой безопасности и распушенности; но на всѣ эти недостатки, которые могутъ разомъ измѣниться къ лучшему, не слѣдуетъ обращать вниманія. Нужда его, быть можетъ, исправить, потому что основа хороша; только мы не на своемъ мѣстѣ. Впрочемъ, Сутерландъ дѣлаетъ ему кредитъ въ счетъ его дохода и, переведя право полученія этого дохода на займодавцевъ, какъ я сказала выше, полагаю, можно было бы удовлетворить тѣхъ, кому онъ задолжалъ.

Вы не можете себѣ представить, какъ я люблю, когда мнѣ говорятъ: ты. Я бы желала, чтобы вся Европа говорила: ты.

⁵⁾ Это не сбылось тогда.

Цюрихскій Лафатеръ выводитъ, что королева Христина была несравненно лучше меня относительно физиономіи и что я далеко не то, что обо мнѣ говорятъ; словомъ, что я ея башмака не стою и что моя физиономія выражаетъ ребячество и необдуманность. И такъ благоволите оставить въ покоѣ наши бѣдные носы, оберъ-шешковъ и мой, а вмѣсто нашихъ, извольте заняться носомъ королевы Христины, этого Александра Швеци, и на сей конецъ обратиться съ своими разсужденіями къ Густаву-Антонину, ея преемнику, каковой въ настоящее время предается въ Упсалѣ глубокому изученію всѣхъ наукъ, и особенно той, въ которой онъ всего болѣе нуждается—науки дѣлать золото. Мнѣ она не нужна; я даю займы одиѣми бумажками, но сама больше не занимаю.

Г-нъ де-Калонъ прислалъ мнѣ кучу разныхъ своихъ проектовъ, которые онъ выдаетъ за собственное произведеніе короля; я ничего еще не читала и очень опасаюсь, не вышло бы также скучно, какъ три тома Неккера; желаю, чтобы это не оказалось до такой же степени несбыточнымъ и бесполезнымъ. Мысль—созвать нотаблей была чудесная. Если удалось мое собраніе депутатовъ, такъ это отъ того, что я сказала: «слушайте, вотъ мои начала; выскажите, чѣмъ вы недовольны, гдѣ и что у васъ болитъ? Давайте пособлять горю; у меня нѣтъ никакой предвзятой системы; я желаю одного общаго блага: въ немъ полагаю мое собственное. Извольте же работать, составлять проекты; постарайтесь вникнуть въ свои нужды». И вотъ они принялись изслѣдовать, собирать матеріалы, говорили, фантазировали, спорили; а ваша покорная услужница слушала, оставаясь очень равнодушной ко всему, что не относилось до общественной пользы и общаго блага.

Вы правы, говоря, что дѣло Зельмиры меня занимаетъ не на шутку, а очень и очень. Я не разъ чувствовала искушеніе исписать къ ея отцу цѣлыя тетради бумаги по этому дѣлу и удержалась потому только, что сказала себѣ: развѣ ты забыла, что объявила сама, что не хочешь быть судьей въ этомъ дѣлѣ; или ты желаешь записаться въ стряпчие и впутаться въ это дѣло больше, чѣмъ слѣдуетъ? Во мнѣ не произошло никакой перемѣны по отношенію къ интересамъ Зельмиры. Но Зельмирѣ кажется, что такая перемѣна произошла въ умѣ свѣтлѣйшаго родителя и что сей послѣдній далъ себя опутать ея полоумному супругу и намѣренъ ему выдать ее; и вотъ Зельмира въ такомъ смущеніи, что нельзя и выразить. Я думаю, что, если отецъ дастъ мнѣ честное слово никоимъ образомъ не вынуждать Зельмиру съѣхаться опять съ мужемъ, отъ котораго она, дѣйствительно, всего можетъ опасаться, то мнѣ легко удастся убѣдить ее возвратиться къ родителямъ, и срокомъ для этого, принимая въ расчетъ всѣ обстоятельства, я полагаю время моего возвращенія въ Петербургъ; ибо думаю, что къ той порѣ отецъ и мужъ успѣютъ сговориться насчетъ ея содержанія. Обѣщаніе возвращенія дочери къ отцу могло бы послужить приманкой; но я вижу, что эта статья у нихъ уже улажена. Изъ пунктовъ или статей соглашенія, предложеннаго мужемъ отцу, я усматриваю, что онъ предлагаетъ ей 7000 гульденовъ

въ годъ, каковыя, мнѣ думается, будутъ уплачиваться весьма плохо; ибо Петербургскіе заимодавцы свидѣтельствуютъ, что почтенный супругъ никогда ничего не платилъ. И такъ, если хотите знать чистый доходъ Зельмиры, самое вѣрное будетъ считать доходъ съ дома, который я подарила ей въ Петербургъ, если его удастся продать; да и то слѣдуетъ замѣтить, что супругъ запустилъ его страшно, какъ не принадлежащій ему, и не хотѣлъ никогда гроша истратить ни на какой ремонтъ.

Князь Вяземскій поѣхалъ въ Саратовъ на воды лѣчиться отъ своего удушья; онъ очень давно страдаетъ удушьемъ и не въ духѣ. Если г. де-Калонъ обрѣжетъ у владѣльцевъ государственной ренты проценты, которые онъ или его предмѣстники имъ обѣщали, то онъ уподобится аббату Террѣ: это не дѣло. Но скажите пожалуйста: чего хотятъ ваши нотабли? Я, съ своей стороны, ничего не понимаю. Я полагаю, что у нихъ просятъ денегъ; въ такомъ случаѣ не можетъ быть сомнѣнія и очень естественно, что денегъ имъ нѣтъ охоты давать. Я скажу фактотуму, чтобы онъ выслалъ вамъ патентъ⁶⁾, но на это потребуется время. Письмо ваше Рожерсону передано. Но я не могу подарить вамъ то, что составляетъ собственность г-жи Фальконетъ, а эти люди до того жадны, что запросятъ съ васъ какуюнибудь безумную цѣну, которой вы не захотите дать. Бюсть работы Щедрина въ Петербургъ: весною онъ собрался послать его вамъ; но въ немъ находятъ неестественность и натянутость, и посадка будто бы мнѣ вовсе несвойственна. Красный Кафтанъ находить этого бюсть отвратительнымъ; впрочемъ, если смотрѣть издалека, на извѣстномъ разстояніи, онъ кажется не такъ плохъ. Я велю сказать Щедрину, чтобы онъ отправилъ его къ вамъ въ скорѣйшемъ времени. Вашъ поклонъ Польскому королю передамъ при свиданіи; онъ теперь въ Каневѣ на Днѣпрѣ, и когда я буду плыть мимо на судахъ, онъ пріѣдетъ ко мнѣ, и мы вмѣстѣ будемъ обѣдать.

5.

Кіевъ, 16 Февраля 1787.

Я получила здѣсь два письма отъ Бецкаго съ приложеніемъ двухъ писемъ отъ молодого Бобринскаго; оба изъ Парижа, одно отъ 28 Декабря, другое отъ 11 Января. Бобринскій жалуется на нужду въ деньгахъ и проситъ ихъ у Бецкаго, а тотъ заявляетъ, что слѣдующая за текущій годъ сумма передана банкиру Сутерланду. Прежде всего прошу васъ не оставлять молодого Бобринскаго безъ денегъ и добиться, чтобы онъ сосчиталъ самъ или велѣлъ сосчитать, что онъ получилъ или чего не получалъ или что ему остается дополучить; онъ долженъ разсчитывать на тридцать семь или тридцать восемь тысячъ рублей въ годъ, которые ему принадлежатъ и составляютъ его собственность, и кромѣ его самого, никто не можетъ и не долженъ распоряжаться ею.

⁶⁾ На орденъ Св. Владиміра.

6.

Кіевъ, 2 Марта 1787.

Зельмира пишетъ мнѣ изъ своего пріюта, что она никогда въ жизни не была такъ спокойна и счастлива; она видится только съ честными и добрыми людьми, которыхъ я къ ней приставила; она читаетъ, работаетъ, гуляетъ, занимается музыкой и, повидимому, здорова. Она, кажется, въ очень кроткомъ настроеніи, притомъ мужественна и тверда, и я сдѣлалась ея кумиромъ; за то и я съ своей стороны ея не покину. Мужъ дѣлаетъ все на свѣтъ, чтобы очернить ее передъ всѣми: въ самомъ дѣлѣ, не виновата ли она, что не обожаетъ такого чудовища. Въ концѣ концовъ то, въ чемъ онъ обвиняетъ ее, было бы не болѣе, какъ весьма извинительная человѣческая слабость, между тѣмъ какъ проступки мужа гнусныя и преступныя мерзости.

7.

Съ галери „Дивиръ“, между Кіевомъ и Каневымъ, 24 Апрѣля 1787.

Я выѣхала изъ Кіева 22 этого мѣсяца, и вотъ уже три дня мы плывемъ по Борисѣну на веслахъ, всѣ здоровѣхоньки. Новостей для васъ никакихъ не имѣю, кромѣ того только, что изъ всѣхъ моихъ плаваній это едва ли не самое затруднительное, потому что эта рѣка представляетъ столько изгибовъ, такое множество острововъ и островковъ, что до сихъ поръ намъ не приходилось пускаться въ дѣло паруса; она гораздо быстрѣе Невы. Теперь мы находимся между двухъ береговъ, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ Польшѣ: Польскій берегъ гористъ, а Русскій очень низменный. Богъ вѣсть, откуда пойдетъ это письмо. Надѣюсь завтра или послѣ завтра принимать Польскаго короля у себя на галерѣ.

26 Апрѣля. Король Польскій вчера провелъ девять часовъ на моей галерѣ; мы вмѣстѣ обѣдали. Почти тридцать лѣтъ, какъ я его не видала; можете судить, нашли ли мы одинъ въ другомъ перемѣну. Сегодня утромъ, съ разсвѣтомъ, я отплыла изъ подъ Канева, и мы проѣхали верстъ тридцать; послѣ полудня на насъ налетѣлъ здоровый шквалъ, и вотъ мы стоимъ на якорѣ, и пока моя галера покачивается на своемъ якорѣ и руль бездѣйствуетъ, какъ инвалидъ, я развлекаюсь тѣмъ, что пишу къ вамъ, передъ тѣмъ только что окончивъ письмо къ Брюсу, которому я отдаю отчетъ въ моемъ поведеніи два или три раза въ недѣлю, чтобы вызвать его на тоже самое; чего впрочемъ онъ никогда не пропускаетъ.

Сегодня утромъ мы узнали объ отставкѣ г-на де Калона; ну а нотабли, съ ними что же будутъ дѣлать? Я какъ разъ въ это время читала его докладныя записки и говорила про себя: опять красованіе на показъ. Но дѣйствительныхъ лѣкарствъ прискаты трудно, а почва очень скользкая, потому что всѣ скользятъ; проектъ чудесный, проектъ великолѣпный! Въ чемъ же дѣло? Въ какомъ же мѣстѣ давить башмакъ? Широко что-ли онъ слишкомъ или слишкомъ тѣсенъ? И въ томъ и въ другомъ случаѣ легко споткнуться. Спаси Богъ «бѣдныхъ людей!» Аминь.

Сего 3 Мая на моей галерѣ, въ 4 верстахъ отъ Кременчуга, гдѣ я провела три дня въ большомъ, красивомъ и прелестномъ домѣ, выстроенномъ фельдмаршаломъ княземъ Потемкинымъ, близъ прекрасной дубовой рощи и сада, въ которомъ есть грушевыя деревья такой вышины и толщины, какихъ я не видывала отродясь, и всѣ въ цвѣту. Я думаю, что безспорно здѣсь прекраснѣйшій климатъ въ цѣлой Россійской имперіи; между тѣмъ здѣшніе жалуются на весну, что она въ этомъ году опоздала на три недѣли. Кременчугъ прелестнѣйшая мѣстность, какую мнѣ случилось видѣть; здѣсь все приятно. Мы нашли здѣсь расположенныхъ въ лагерѣ 15 тысячъ человекъ превосходнѣйшаго войска, какое только можно встрѣтить; я здѣсь дала балъ, на которомъ было по меньшей мѣрѣ восемь сотъ человекъ. Сегодня мы отсюда уѣхали и обѣдали на судахъ, но вѣтры досаждаютъ намъ столько же, какъ проекты людей, контролирующихъ финансы христіаннѣйшаго короля. Кстати, что вы скажете объ избраніи барона Дальберга ⁷⁾ въ коадьюторы курфиршества Майнцскаго? Это, мнѣ кажется, дѣло хорошее: я люблю, когда достойному достается мѣсто по заслугѣ; ибо, Богъ свидѣтель, мы, люди тѣмные, не питаемъ ни малѣйшаго сочувствія къ дуракамъ на высокихъ мѣстахъ, а такихъ куда какъ много на бѣломъ свѣтѣ и, мнѣ сдается, будто ихъ все прибавляется. А вы дураковъ любите? Признайтесь мнѣ по душѣ. Если бы вы вѣдали все, что каждый день творится у меня на галерѣ, вы бы со смѣху умерли. Весь этотъ людъ, который ѣдетъ со мной, такъ обжился у меня, что чувствуетъ себя какъ дома.

4 Мая, на моей галерѣ. Послушайте однако: что это Брауншвейгскій папаша наводитъ такой страхъ на свою дочку? Бѣдняшка пишетъ мнѣ изъ своей Эстляндской резиденціи въ Лодѣ, что по письмамъ отца видно сильное неудовольствіе противъ нея. Скажите пожалуйста, за что такая немилость? За то ли, что она не въ силахъ была болѣе выносить дурное обращеніе мужа? Зачѣмъ-же не позаботились дать ей мужа получше? Если хотятъ имѣть ее опять у себя, не надобно высказывать ей неудовольствія, иначе она ни за что не уѣдетъ изъ Лодѣ, гдѣ она живетъ очень уединенно. Ей бы очень хотѣлось воротиться въ Петербургъ, но это не входитъ въ мои расчеты; къ моему пріѣзду ея дѣло, надѣюсь, успѣетъ вполнѣ уладиться, и тогда я желала бы отправить ее, ибо что же ей дѣлать у меня? Если же ее у меня будутъ морить страхами и опасеніями, какъ мнѣ уговаривать ее уѣхать добровольно? А, говоря правду, безъ ея собственной доброй воли и не будучи увѣрена въ спокойной ея участи, я сама не рѣшусь посоветовать ей рисковать этой поѣздкой. Такимъ образомъ моя малютка, у которой на свѣтѣ только одна я и которая держится за меня, какъ павилика, вовсе не глупо дѣлаетъ, что замокъ Лодѣ, гдѣ ей покойно, предпочитаетъ новымъ непріятностямъ. Мнѣ сдается еще, что папаша и на меня также немножко изволить дуться, ибо съ Февраля отъ него ни слуху, ни духу; все это

⁷⁾ См. выше стр. 65.

за то, что я не разболтала всего, что мнѣ было извѣстно, и дѣйствовала съ удивительной осторожностію, такъ что, право, даже и сама на себя дивлюсь. Этимъ, быть можетъ, пользуется ея отвратительный супругъ, который, сдается мнѣ, завладѣвъ ушами папаши и набиваетъ въ нихъ Богъ вѣсть чего. Между тѣмъ, захоти только я показать свой товаръ на лице, вѣтеръ бы перемѣнился, такъ что не поздоровилось бы супругу, мерзости котораго я схоронила и котораго судьбою отказалась быть. Замѣьте, вотъ чему подвергаешься, когда говоришь, какъ оракуль, и дѣйствуешь съ удивительной осмотрительностію и осторожностію. Мужья прячутся въ кусты, родители принимаются дуться, а бѣдняжки-жены никакъ не могутъ добиться спокойнаго существованія. Ну что же вы? Извольте дѣйствовать вы съ вашей высокой логикой и даромъ убѣжденія; извольте дѣйствовать и направить все это на такую дорогу, чтобы всѣ остались довольны. Тогда и мы съ моей маленькой Зельмирой будемъ довольны.

Херсонъ, 15 Мая. Послѣ того, какъ я написала предшествующія страницы, я получила письмо отъ Брауншвейгскаго папаши. Письмо это показалось мнѣ благодушнымъ и разсудительнымъ; я его и отправила тотчасъ же въ Лодѣ, чтобы успокоить Зельмиру. Седьмого этого мѣсяца, находясь на своей галерѣ за Кайдаками, я узнала, что графъ Фалкенштейнъ скачетъ ко мнѣ на встрѣчу во весь карьеръ. Я тотчасъ вышла на берегъ и тоже поскакала ему на встрѣчу, и оба мы такъ поусердствовали, что съѣхались въ чистомъ полѣ носъ съ носомъ. Первое слово его было, что вотъ-де въ какой просакъ попались всѣ дипломаты: ни одинъ не увидитъ нашей встрѣчи. При немъ находился его посланникъ, при мнѣ принцъ Делинъ, Красный Кафтанъ и графиня Браницкая. Ихъ величества, помѣстившись въ одномъ экипажѣ, однимъ духомъ, безъ остановки, проскакали 30 верстъ до Кайдаковъ; но, проскакавъ такимъ образомъ одни одинѣшеньки по полю (при чемъ онъ разсчитывалъ обѣдать у меня, а же разсчитывала найдти обѣдъ у фельдмаршала князя Потемкина, а сей послѣдній вздумалъ поститься, чтобы выиграть время и приготовить закладку новаго города) мы нашли князя Потемкина только что возвратившагося изъ своей поѣздки, и обѣда не оказалось. Но такъ какъ нужда дѣлаетъ людей изобрѣтательными, то князь Потемкинъ затѣялъ самъ пойти въ повара, принцъ Нассаускій въ поваренки, генералъ Браницкій въ пирожники, и вотъ ихъ величествамъ никогда еще, съ самаго дня ихъ коронаціи, не случилось имѣть такой блистательной прислуги и такого плохаго обѣда. Не взирая на то, кушали исправно, много смѣялись и удовольствовались обѣдомъ, приготовленнымъ пополамъ съ грѣхомъ. На другой день обѣдали получше и ѣздили въ Екатериноградъ⁸⁾, гдѣ и былъ заложенъ первый камень этого самаго города; оттуда въ три дня доѣхали сюда, гдѣ обрѣтаемся четвертый день; сегодня спустили на воду три военныхъ корабля; это седьмой, восьмой и девятый по-

⁸⁾ Т. е. въ Екатеринославъ.

строенные здѣсь. Но какъ пересказать вамъ все, что мы здѣсь видимъ и дѣлаемъ?

Херсону нѣтъ еще и осми годовъ отъ роду, между тѣмъ онъ уже можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ военныхъ и торговыхъ городовъ Имперіи; всѣ дома выстроены изъ тесаныхъ камней; городъ имѣетъ шесть верстъ въ длину; его положеніе, почва, климатъ безподобны; въ немъ по меньшей мѣрѣ отъ десяти до двѣнадцати тысячъ жителей всякихъ націй; въ немъ можно достать все что угодно, не хуже Петербурга. Словомъ, благодаря попеченіямъ князя Потемкина, этотъ городъ и этотъ край, гдѣ при заключеніи мира не было ни одной хижины, сдѣлались цвѣтущимъ городомъ и краемъ, и ихъ процвѣтаніе будетъ возрастать изъ года въ годъ.

Послѣ завтра мы отправляемся въ Тавриду вмѣстѣ съ графомъ Фалкенштейномъ. Я пошлю настоящее письмо изъ Севастополя, курьера ради. Черезъ двѣ недѣли мы будемъ назадъ. Всѣ здоровы, особенно графъ Сегюръ, въ чемъ вы можете удостовѣрить его семью. Увѣряютъ, будто отецъ графа Сегюра и г. де-Кастръ тоже имѣютъ получить отставку; это называется поновить или повычистить домъ.

8.

Въ Бахчи-сарай, прежней резиденціи хановъ и въ ихъ дворцѣ, гдѣ помѣщается весь багажъ обоихъ императорскихъ величествъ, 21 Мая 1787.

Третьяго дня мы перебрались черезъ Перекопскій валъ и вчера, около шести часовъ по полудни, прибыли сюда всѣ въ добромъ здоровьѣ и веселые. Всю дорогу насъ конвоировали Татары, а въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда мы нашли все, что только есть лучшаго въ Крыму, на конѣ. Картина была великолѣпная: предшествуемые, окруженные и сопровождаемые такимъ образомъ, въ открытой коляскѣ, въ которой сидѣло восемь персонъ, мы въѣхали въ Бахчи-сарай и остановились прямо въ дворцѣ хановъ. Здѣсь мы помѣщаемся среди минаретовъ и мечетей, гдѣ голосятъ, молятся, распѣваютъ и вертятся на одной ногѣ пять разъ въ сутки. Все это слышно намъ изъ нашихъ оконъ, и такъ какъ сегодня день Константина и Елены, то мы слушаемъ обѣдню на одномъ изъ внутреннихъ дворовъ, гдѣ на сей конецъ раскинуты палатки. О, что за необычайное зрѣлище представляетъ пребываніе въ этомъ мѣстѣ! Кто? Гдѣ? Принцъ Делинъ говоритъ, что это не путешествіе, а рядъ празднествъ, не прерывающихся и разнообразныхъ, нигдѣ не виданныхъ, и какихъ нигдѣ болѣе не увидишь. Скажутъ: какой льстецъ этотъ принцъ Делинъ! Но, быть можетъ, онъ и не совсѣмъ неправъ.

Завтра мы выѣзжаемъ отсюда въ Севастополь. Дня два-три тому назадъ я получила еще письмо отъ Брауншвейгскаго папаша съ приложеніемъ въ копіи окончательныхъ условій соглашенія, подлинникъ которыхъ онъ, какъ говорить, отправилъ къ дочери для подписи. Онъ проситъ меня давать ей совѣты по этому поводу; но когда уже все улажено, когда посылается для подписи, какаго же еще нужно совѣта? Я въ Крыму, Зельмира въ Лодѣ; чтобы намъ съ ней снестись и

договориться, потребуется еще по крайней мѣрѣ мѣсяць. Стану ждать, чтобы она откровенно по душѣ высказала мнѣ, что она объ этомъ думаетъ, и тогда буду имѣть болѣе возможности и удобства сказать ей мое мнѣніе. Но и отсюда на угадъ предвижу, что супругъ ей гроша не дастъ, не взирая на всѣ обѣщанія, и что если папаша тоже не дастъ ничего, то она останется ни съ чѣмъ. Надо же узнать, рада ли будетъ остаться ни съ чѣмъ моя Зельмира, которая въ настоящее время пользуется полнымъ довольствомъ. Если она сама выскажется въ этомъ же смыслѣ, я право не буду знать, что отвѣчать ей; развѣ папаша заблагоразсудитъ обѣщать намъ, что, буде супругъ окажется неисправнымъ, то онъ будетъ за него выплачивать намъ содержаніе; наконецъ вѣдь, умереть съ голода, послѣ того какъ не удалось умереть съ горя,—жребій, право, очень грустный и неприятный, и меня не удивитъ, если Зельмира захвораетъ отъ одной мысли о такой участи, тѣмъ болѣе что она мнѣ всегда казалась слабогрудой.

9.

Севастополь, 23 Мая 1787.

Здѣсь, гдѣ тому назадъ три года не было ничего, я нашла довольно красивый городъ и маленькую флотилію, довольно живую и бойкую на видъ: гавань, якорная стоянка и пристань хороши отъ природы, и надо отдать справедливость князю Потемкину, что онъ во всемъ этомъ обнаружилъ величайшую дѣятельность и прозорливость. Турецкій флотъ, который стоитъ приблизительно въ шести стахъ верстахъ отсюда, еще не показывался; увидимъ, явится ли онъ сюда, сдѣлать высадку и выгнать насъ отсюда, какъ предсказываютъ въ газетахъ. Графъ Фалкенштейнъ, повидимому, очень доволенъ всѣмъ видѣннымъ, а принцъ Делинъ говоритъ, что это одинъ непрерывный праздникъ.

10.

Коломенское, въ 10 в. отъ Москвы, 25 Іюня ст. ст. 1787.

Останавливаюсь пока на бѣдственномъ положеніи, въ которомъ очутился молодой человекъ вслѣдствіе надѣланныхъ имъ глупостей. Чтобы не связываться съ его бывшимъ любезнымъ опекуномъ и не имѣть дѣла съ невыносимыми пререканіями и придирками, которыя происходятъ отъ старческой дряхлости, самодурства и недостатка доброй воли, я приказала моему фактотуму отправить къ вамъ 23.000 рублей, въ которыхъ молодой человекъ имѣетъ такую крайнюю нужду. Они взяты изъ капитала, который имѣется для него въ запасъ, но о которомъ онъ ничего не знаетъ и знать не долженъ. Потому извольте дать этому какой угодно оборотъ; только уплатите или поручите кому другому уплатить, что уплатить необходимо. Прощайте! Я возвратилась совершенно здоровая изъ своего путешествія, которымъ имѣю полное основаніе быть совершенно довольною. На недѣлѣ располагаю выѣхать отсюда въ Петербургъ.

Москва, 29 Іюня 1787.

Подите вы съ вашими нотаблями: у васъ не знаешь, на что и положить. Ни г. де-Калонъ вашъ и никто изъ другихъ не прельщаютъ меня; берегите ихъ про себя. Всѣ они знаютъ въ десять разъ больше моего, а дѣйствуютъ въ десять разъ хуже, чѣмъ я и мои служащіе, хотя мы и говоримъ громкихъ фразъ меньше. Не вѣрьте тому, что пишутъ въ газетахъ о моихъ путевыхъ расходахъ. Выдумали, будто бы графиня Браницкая была моей поставщицей, будто въ Кіевѣ ей выдавалось на мой столъ по 500 рублей въ сутки, и она продавала мнѣ яйца по полтинѣ за штуку; всеодна пошлая ложь, но она доставила намъ случай вдоволь подразнить поименованную графиню, которая сама вмѣстѣ съ нами хохотала по этому поводу.

Надѣюсь, теперь молодой человекъ выпутается изъ бѣды, такъ какъ сверхъ посланныхъ ему 23,000 рублей я письменно приказала Бецкому выслать ему еще просимые имъ 51,426 рублей, которые онъ прежде успѣлъ прикопить къ его капиталу. Такимъ образомъ онъ имѣетъ $51,426 + 23,000 = 74,426$ рублей, помимо его третнаго дохода. Онъ очень хорошо сдѣлаетъ, если (подъ опасеніемъ окончательно разориться) поудержится отъ такого рода рѣзкихъ поступковъ, которые не сдѣлаютъ ему ни чести, ни радости. Аминь.

13 Сентября 1787.

Поговоримте о дѣлахъ Зельмиры. Какъ я ни старалась до сихъ поръ, она не выказываетъ ни малѣйшаго желанія возвратиться на родину. Она говоритъ, вопервыхъ, что тамъ ей ждать нечего, кромѣ непріятностей и каверзъ, что такъ какъ ея содержаніе должно будетъ зависѣть отъ мужа, то она считаетъ внѣ всякаго сомнѣнія, что онъ не будетъ давать ей ничего, что она только будетъ въ тягость своимъ родителямъ, которые притомъ каждый Божій день будутъ приставать къ ней, требуя, чтобы она вернулась къ мужу, а въ такомъ случаѣ она опасается за самую жизнь, изъ чего слѣдуетъ, что она предпочитаетъ оставаться тамъ, гдѣ она теперь, гдѣ она избавлена отъ всякихъ преслѣдованій и живетъ очень скромно, но совершенно покойно. Если хотите знать настоящую суть этого дѣла, я вамъ ее объясню и скажу мое собственное мнѣніе. Зельмира уѣхала отсюда въ помѣстье, которое у меня есть въ Эстляндіи и называется Лоде, за три или четыре дня до моего отъѣзда въ Кіевъ, въ концѣ прошедшаго года, съ твердымъ намѣреніемъ дожидаться тамъ окончательнаго рѣшенія своего дѣла, которое и я и она представили на благоусмотрѣніе ея батюшки, къ которому я отправила курьера. Родитель ея, по пріѣздѣ курьера, заблагоразсудилъ имѣть нѣсколько свиданій съ супругомъ Зельмиры. Довольно странно, конечно, что отецъ несчастной и оскорбленной дочери видится съ бѣшенымъ человекомъ и допускаетъ отводить себѣ глаза. Зельмира думаетъ и убѣждена, что ея родитель дастъ полную вѣру всему,

что любезному супругу угодно было на нее взвести. Вѣрно, что письма ея родителя, и особенно присылка нѣкоего Шрёдера, который въ настоящее время состоитъ на службѣ у супруга, котораго онъ самъ даже присылалъ къ ней въ Лоде въ мое отсутствіе, достаточно доказываютъ, что папаша и супругъ за одно, что папаша въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ не съ тѣмъ благородствомъ и прямою, которыя свойственны человѣку возвышеннаго характера, какой я за нимъ всегда предполагала. Я бы даже имѣла право жаловаться на недостатокъ откровенности герцога со мною. Я дала ему это почувствовать, и онъ вывернулся довольно неловко, слегка коснувшись этого мѣста моего письма. Представьте себѣ, что, въ то самое время, какъ батюшка отправляетъ этого самаго Шрёдера въ Лоде съ грознымъ письмомъ къ дочери, въ которомъ приказываетъ ей подписать, въ присутствіи Шрёдера, разные пункты соглашенія, для дочери весьма невыгодные, въ тоже самое время онъ пишетъ мнѣ въ Кіевъ письмо, которымъ проситъ меня подать ей совѣтъ. По моему, это значитъ смѣяться надъ добрыми людьми. Дочери онъ приказываетъ что-то такое подписывать въ Лоде, въ то время, когда я болѣе чѣмъ за тысячу верстъ оттуда; а меня онъ проситъ совѣтовать. Ясно, что или она должна подписать безъ моего совѣта, или же должна послушаться отца и обратиться ко мнѣ за совѣтомъ; а я, ничего не зная, какія ей тамъ присланы приказанія, изволь совѣтовать. Но—коса нашла на камень. Шрёдера къ Зельмиръ не допустили. Мой пріятель г-нъ Польманъ, завѣдующій маленькимъ хозяйствомъ Зельмиры, человѣкъ осторожный и предусмотрительный, озабоченный единственно интересами Зельмиры, очень учтиво спровадилъ посланца, объявивъ, что безъ моего особаго приказанія никого не можетъ допустить видѣться съ Зельмирой. Тогда Шрёдеръ показалъ письмо отца, и оно было передано Зельмиръ. Это громоздкое писаніе повергло Зельмиру въ отчаяніе: она заболѣла и слегла въ постель. Тѣмъ временемъ я возвратилась сюда. Извѣстившись объ ея грустномъ настроеніи, я обмѣнялась съ нею нѣсколько разъ письмами и, высказавъ ей все, что могла резонно высказать ради того, чтобы склонить ее воротиться къ родителямъ, наконецъ, право, сжалилась надъ ея положеніемъ, и вы можете быть увѣрены, что впредь не сдѣлаю болѣе ни шага въ этомъ направленіи какъ въ отношеніи Зельмиры, такъ и ея почтеннаго батюшки. Зельмира останется въ Лоде, какъ долго сама того пожелаетъ, или возвратится къ родителямъ, тоже когда ей захочется, и такъ какъ она рада жить въ Эстляндіи, то и я этому рада, и такъ какъ любезный папаша предпочитаетъ слушать уroda-супруга, которому онъ вѣритъ больше, чѣмъ намъ съ Зельмирой, то пусть себѣ слушаетъ его на здоровье, сколько ему будетъ угодно. Такъ какъ Зельмиръ не къ кому прибѣгнуть на свѣтъ, кромѣ меня одной, то я клянусь и беру васъ въ свидѣтели, что я ея не покину. Въ Лоде она держитъ себя съ кротостію ягненка и заставила обожать себя тѣхъ немногихъ людей, которые ее окружаютъ. Польманъ сдѣлался ея преданнымъ другомъ; мадамъ Вильде—тоже. Они въ ней души не чаютъ. Время проводить

она въ чтеніи, въ занятіи музыкой или въ прогулкахъ; притомъ она добра и тверда духомъ.

Что касается до изданія сочиненій Вольтера, которое попало въ руки Фигаро, то намъ оно не требуется; тоже самое можно сказать и объ его собратѣ—Гольдони; тѣмъ не менѣе все это оказалось доставленнымъ намъ съ вашими хартіями въ одно время. Г. Красный Кафтанъ удостоиваетъ васъ милѣйшимъ отвѣтомъ, который онъ опять вынулъ изъ пакета, чтобы приписать къ нему еще бездну всякихъ дурачествъ. Не правда ли, что онъ прекрасно пишетъ: и умно, и свободно? Словомъ, прошу васъ полюбить его, потому что онъ безконечно любезенъ. Беру въ свидѣтели графа Сегюра и принца Делина, которые проводятъ очень пріятныя минуты въ его обществѣ. Онъ собирается послать вамъ пословицу въ лицахъ, на половину его собственное, на половину мое твореніе. У насъ на нихъ большой урожай, и мы порѣшили, что это единственное средство возстановить на театрѣ настоящую комедію. Что до юнаго путешественника, вы скажете или напишете ему, что рѣшено въ армию не принимать никого волонтерами, ни своихъ, ни чужихъ, и что слѣдовательно онъ можетъ оставаться въ отпуску тамъ, гдѣ онъ теперь, выплачивать свои долги и проживать свои доходы, и я премного вамъ благодарна за хлопоты по устройству его дѣлъ. Развѣ только онъ вздумаетъ отплыть изъ Англіи въ предстоящемъ году на нашихъ корабляхъ, которые имѣютъ отправиться въ Средиземное море.

7 Октября. Предупреждаю васъ, что Красный Кафтанъ больше моего помѣшанъ на камняхъ и на медаляхъ: сегодня мнѣ стоило великаго труда вытащить его, послѣ двухъ часовъ, проведенныхъ въ разглядываніи, изъ мицкабинета, гдѣ онъ такъ обставилъ себя со всѣхъ сторонъ ящиками и ящичками, что наконецъ черезъ комнату стало невозможно пройти, и потомъ кончилъ тѣмъ, что унесъ съ собой ключъ отъ комнаты, чтобы кто нибудь не нарушилъ отличнаго порядка, который онъ устроилъ и благодаря которому входъ и доступъ въ комнату до такой степени загромождены, что я считаю невозможнымъ пробраться туда для кого бы то ни было, даже и безъ этой предосторожности, которая на мои глаза совершенно бесполезна, а по его мнѣнію составляетъ дѣло высокаго благоразумія и мудрой предосторожности.

22 Окт. Сейчасъ только подали мнѣ вашу № 92, въ которомъ вы много говорите о дѣлѣ сторожеваго фрегата въ Днѣпровскихъ устьяхъ. Вотъ исторія этого дѣла. Не успѣло еще прійти извѣстіе объ объявленіи войны Турціей, какъ Турецкій флотъ изъ трехъ линейныхъ и четырнадцати двухмачтовыхъ судовъ вышелъ изъ Очакова и затѣялъ атаковать этотъ самый фрегатъ, при которомъ находилось еще другое маленькое судно. Названіе фрегата: Скорый. Этимъ фрегатомъ командовалъ одинъ лейтенантъ, по фамиліи Обольяниновъ; онъ оборонялся храбро и въ три часа времени выпустилъ, помнится, 580 пушечныхъ зарядовъ; во время самаго боя отрубилъ якорь, чтобы выйти въ открытое море, и прошелъ подъ укрѣпленіями Очакова, выдержавъ ихъ огонь; пустилъ ко дну нѣсколько Турецкихъ судовъ,

съ другими велъ ружейную перестрѣлку и, потерявъ убитыми и раненными всего десять человекъ, пришелъ обратно на свое мѣсто съ поврежденіями въ снастяхъ. Его дѣло ставятъ выше дѣла фрегата Бельпуль, нѣкогда надѣлавшаго столько шума. Такъ какъ вы интересуетесь такого рода подвигами, я угощу васъ еще нѣсколькими, въ которыхъ судьба порадила намъ также, какъ и въ этомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого дѣла, этотъ самый Очаковскій флотъ отправился обстрѣливать и бомбардировать Кинбурнскій фортъ; на Днѣпрѣ вооружили суда, которыя прибыли туда вмѣстѣ со мной и которыя представляютъ нѣчто въ родѣ галеръ. Турки сдѣлали двѣ высадки подъ Кинбурномъ, были отброшены и сильно побиты сухопутными войсками; но такъ какъ Турецкій флотъ безпокоилъ портъ, то отдѣлили одну изъ этихъ галеръ, по имени Десна, ту самую, на которой, бывало, мы обѣдали; эта-то галера принялась въ свою очередь обстрѣливать Турецкій флотъ изъ пушекъ, пробилась сквозь Турокъ и стала подъ выстрѣлами форта. Этой галерой командовалъ одинъ Мальтійскій кавалеръ, 25 лѣтъ отъ роду, по фамиліи Ломбардъ, который поступилъ на мою службу не далѣе какъ со времени моего путешествія въ Кіевъ. Генералъ Суворовъ доставилъ Ломбарду на его галеру до двадцати орудій, съ которыми онъ держитъ въ почтеніи весь Турецкій флотъ и сжегъ у нихъ Богъ вѣсть сколько судовъ. Съ Кинбурнскаго форта у нихъ были взорваны военный корабль и два фрегата, а господинъ Ломбардъ и его галера раззорили, потопили и сожгли по крайней мѣрѣ шесть канонирокъ. Наконецъ, 1 Октября, Турки опять высадили на косъ, гдѣ стоитъ Кинбурнъ, болѣе 5.300 человекъ, изъ коихъ въ Очаковъ не вернулось и пяти сотъ.

13.

25 Ноября 1787.

Я боялась, что Красный Кастанъ съ ума сойдетъ отъ радости по поводу кабинета герцога Орлеанскаго. Извольте, пожалуйста, замѣтить, что, послѣ занятій рисованіемъ, Красный Кастанъ мѣсяць тому назадъ принялся гравировать на камнѣ. Учитель изумляется его успѣхамъ. Онъ уже успѣлъ вырѣзать шлемъ съ перьями, знамя, кадудей и еще Богъ знаетъ сколько разныхъ разностей; но, отъ усиленныхъ занятій гравированіемъ, у него немножко заболѣли глаза, и коллекція поспѣла очень кстати, чтобы вытащить насъ изъ ма-стерской. Онъ самъ будетъ отвѣчать вамъ скоро.

Со времени объявленія войны крупныхъ дѣлъ еще не было. Турки нѣсколько разъ собирались захватить у насъ Кинбурнскій фортъ, каждый разъ бывали отбиты и въ послѣдній разъ потеряли около пяти тысячъ человекъ. Севастопольскій флотъ пострадалъ отъ бури, нѣсколько кораблей лишились мачтъ, а Марія Магдалина, не знаю, какими судьбами, какъ была, безъ мачтъ и съ течью, очутилась на якорѣ въ Константинопольскомъ проливѣ, откуда, и была отведена въ Терапійскій арсеналь. Капитанъ этого корабля былъ не Русскій, а Англичанинъ. За то Турецкій флотъ подъ Очаковымъ потерялъ два военныхъ корабля и нѣсколько фрегатъ, затоплен-

ныхъ или взорванныхъ на воздухъ нашимъ Днѣпровскимъ флотомъ или съ Кинбурнскаго форта. На Кубани генераль-лейтенантъ Потемкинъ разбилъ, въ семи отдѣльныхъ стычкахъ, Ногайскихъ Татаръ. Чтобы отбить у нихъ охоту впредь переходить къ намъ за Кубань, онъ проникъ внутрь ихъ собственнаго края. Нападающая сторона Турки; они захватили насъ върасплохъ, но до сихъ поръ, мы слава Богу, не потеряли ни одного вершка земли. Вы будете аккуратно получать извѣстiя обо всемъ, что произойдетъ. У насъ есть фрегатъ, который оборонялся, какъ дьяволъ, противъ всей Очаковской эскадры; есть у насъ галера, которая подъ Кинбурномъ держала въ почтенiи всю эту самую эскадру; наконецъ, вообще все идетъ хорошо, и я имѣю поводъ быть довольной, но до рѣшительныхъ ударовъ дѣло не могло еще дойти. Я убѣждена, что два мои фельдмаршала справятся очень хорошо; я исполнѣ вѣрю въ ихъ способности и искусство и льщу себя надеждой, что и они въ меня вѣрятъ. Люди остались тѣже, что и въ прежнiя войны; средства тѣже самыя; а если что и измѣнилось, то надѣюсь только къ лучшему, а потому и не вижу, отъ чего бы намъ много хандрить; можетъ быть, Туркамъ и есть отъ чего, а намъ не отъ чего. Мука вздорожала, но это не мѣшаетъ вездѣ ѣсть хлѣбъ и курить вино.

Послушайте: это нагло, что Бомарше напечаталъ мои письма безъ моего позволенiя. Если это однѣ лишь письма, писанныя ко мнѣ Вольтеромъ, то мнѣ до этого дѣла нѣтъ, лишь бы не напечатали моихъ собственныхъ; если же онъ напечаталъ мои, то прошу васъ устроить такъ, чтобы они не появлялись въ свѣтъ. Хотя, конечно, въ нихъ нѣтъ ничего способнаго возбудить непрiятности, но его слѣдуетъ проучить за то, что онъ забылся по отношенiю ко мнѣ.

Донъ Ферось де Монбельяръ⁹⁾ заявилъ мнѣ, что, по пламенной привязанности къ Русской армiи, онъ желаетъ продолжать службу; а я отвѣчала, что, такъ какъ обстоятельства, вызвавшiя его удаленiе отсюда, не могутъ измѣниться, то я не могу согласиться на его желанiе. На это онъ сообщилъ мнѣ, что выходитъ въ отставку, послѣ чего я приказала не считать его долже на службѣ Россiйской Имперiи. Что до Зельмиры, то лѣтомъ она будетъ жить въ своемъ помѣстьѣ, Лоде, а по зимамъ въ Ревелѣ. Сегюръ пляшетъ отъ радости, что его дворъ отозвалъ у Турокъ Французскихъ инженеровъ.

14.

26 Ноября 1787.

Прошу извинить и благодарю васъ за всѣ хлопоты, которыя вамъ пришлось испытать по дѣламъ юнаго путешественника. Не правда ли, что вотъ тоже голова, которая вѣчно умираетъ отъ страха, какъ бы кто нибудь не присвоилъ себѣ права руководить ею, и которая изъ боязни какъ бы ея не повели по прямой дорогѣ, вѣчно сбивается съ настоящаго пути, и потомъ говорить про себя: «я таки никому

⁹⁾ Т. е. супругъ Зельмиры; въ Монбельярѣ жилъ его родитель, въ то время еще не владѣтельный герцогъ.

не позволилъ себя учить; мнѣ не въ чемъ себя упрекнуть». Слава Богу, что онъ заплатилъ свои долги и что вы съ нимъ раздѣлялись. Мнѣ кажется, будетъ хорошо, если уплативъ остальные 15 тысячъ ливровъ, вы, согласно вашему предложенію, векселя перешлете мнѣ. Что странно въ этомъ дѣлѣ, такъ это то, что юноша въ сущности-то большой скряга. Вашъ отчетъ въ суммахъ, израсходованныхъ по этому дѣлу, будетъ специально утвержденъ. Но какъ вы хотите, чтобы я довѣрила командованіе полкомъ такому разгильдяю? У него нѣтъ еще ни опытности, ни простаго здраваго смысла.

27 Ноября, въ Эрмитажѣ, за двѣ комнаты отъ каменъ, въ пяти отъ Рафаэлевскихъ ложъ, въ шести отъ прелестнѣйшаго театра, какой только можетъ быть, въ чемъ согласны всѣ очевидцы.

Теперь восемь часовъ утра. Если мнѣ дадутъ время, я буду отвѣчать на вашъ № 93-й; но прежде скажу вамъ, что эти Рафаэлевскія логи одно изъ самыхъ изящныхъ и прелестнѣйшихъ произведеній, какія только можно видѣть. Вашъ № 93 помѣченъ изъ Констанца; будь онъ изъ Константинополя, онъ доставилъ бы мнѣ еще больше удовольствія. Да, да, есть столь ясныя доказательства, что пути Божіи и Его Промыслъ о Своихъ чадахъ неизслѣдимы. Предоставьте только дѣламъ идти своимъ естественнымъ ходомъ, и они пойдутъ хорошо. Ну, вотъ нашли чему удивляться, что я въ точности исполнила задуманное за годъ впередъ! Отчего бы и не такъ? Если меня разсердятъ, я задумаю и выполню въ назначенный срокъ и день въ день... вступленіе... для балета... Но еще не пришла пора... Ну, а колдовать я не умѣю: я не вызываю духовъ, предоставляя это Фридриху Вильгельму. Полагаю только, что мы имѣемъ право на нѣкоторую опытность. Шутки въ сторону, вы очень хорошо сдѣлали, что вздумали попутешествовать лѣтомъ; въ самомъ дѣлѣ, это здорово, и я сама на себѣ испытала это. Вы спрашиваете, отчего это я не скучаю? Извольте я вамъ скажу: отъ того, что я страстно люблю быть занятой и нахожу, что человѣкъ тогда только и счастливъ, когда бываетъ занятъ. Впрочемъ, жизнь моя очень однообразна. Графъ Сегюръ, вблизи видѣвшій и видащій это однообразіе, говоритъ, что, жизнь, правда, однообразна, но что въ это однообразіе входитъ довольно содержанія, чтобы для скуки не оставалось ни минуты. Ни онъ, ни принцъ Делинь моимъ однообразіемъ, кажется, не скучали; Красный Кафтанъ тоже. Если въ Швейцарскомъ государственномъ сеймѣ, который вамъ довелось видѣть въ Фрауэнфельдѣ, происходили одни только разумныя, осмысленныя пренія, притомъ не лишеныя соли, то сеймъ этотъ, стало быть, не походилъ на сеймы другихъ свободныхъ странъ, на которыхъ большинство мелеть изумительный вздоръ.

27 Ноября, послѣ обѣда. Возвращаюсь изъ Эрмитажа, гдѣ Красный Кафтанъ обмиралъ отъ радости надъ четвертымъ ящичкомъ, разглядывая его съ каталогомъ въ рукахъ. Онъ считаетъ это приобрѣтеніе за дешевую покупку. Я ему сказала, что сообщу вамъ объ его обмираніяхъ по поводу этихъ каменъ; онъ отвѣчалъ, что, если я это сдѣлаю, вы опять станете его бранить, на что я объявила, что и это будетъ доведено до вашего свѣдѣнія. Теперь вѣдайтесь съ нимъ, какъ

знаете, а я возвращаюсь къ Фрауэнфельдскому сейму, который былъ прерванъ приходомъ моего фактотума, явившагося съ кучей бумагъ. И такъ, стало быть, послѣ этого сейма вы могли подъ Юльскими дождями; у насъ этотъ мѣсяцъ былъ точно также холоденъ и дождливъ, какъ почти повсемѣстно въ Европѣ. Очень рада, что этотъ дождь помѣшалъ вамъ путешествовать пѣшкомъ въ мелкіе кантоны, гдѣ нечего видѣть, и что вмѣсто того вамъ вздумалось писать ко мнѣ. Всѣ подробности, которыя вы сообщили о Швейцаріи, чрезвычайно интересны. Геснера я знаю только по имени и по двумъ его картинкамъ, которыя у меня есть. Съ Лафатеромъ я болѣе знакома: мнѣ извѣстно, что моя фізіономія ему не по душѣ, и что онъ вообще не жалуетъ Русскихъ фізіономій. Я нарочно послала принести его книгу изъ моей бібліотеки и приведу вамъ страницу за страницей, чтобы вы убѣдились, что я говорю правду. Терпѣніе, сударь! Вы увидите, что мы имѣемъ доказательства на лице и что его настоящая героиня— королева Христина. Клянусь вамъ, что нимаю не завидую ей. Берлинскій Николай обвиняетъ Лафатера въ томъ, что онъ папистъ, и приводимыя имъ доказательства весьма убѣдительны. Ну, вотъ и книга: томъ III, въ большую четверку, изданная въ Лейпцигѣ и Винтертурѣ, страница 328, строка девятая; потрудитесь взглянуть, что онъ въ этомъ мѣстѣ говоритъ о своей королевѣ, героинѣ его сердца. Никакъ не могла отыскать страницы, гдѣ онъ поноситъ Петра I-го и князя Орлова; но несомнѣнно, что такая страница существуетъ.

Что до вашего свиданія въ Делисахъ съ Донъ-Ферось-Монбельяромъ, то оно меня много насмѣшило. Это была такая сцена, которую бы стоило нарисовать.

Но каковъ сплетникъ тесть! Онъ выболталъ зятю все, что самъ поручалъ вамъ передать мнѣ относительно своей дочери; право, кто бы подумалъ, что они подружатся въ Берлинѣ до того, что станутъ повѣрять другъ другу, что до сихъ поръ скрывали одинъ отъ другаго? Если хотите знать правду, я была лучшаго мнѣнія о свѣтлѣйшемъ тестѣ, чѣмъ какое вынесла о немъ теперь изъ всего этого дѣла. Онъ человѣкъ фальшивый и безъ сердца: ибо если бы оно у него было, сталъ ли бы онъ обращаться съ тираномъ родной дочери, какъ съ близкимъ другомъ? А по отношенію ко мнѣ онъ поступалъ съ такимъ двоедушіемъ, какаго я не могла ожидать. Забудьте, что дочь мало вѣрила въ правдивость батюшки и часто говорила: о, онъ обманываетъ мою мать! А собственно это совсѣмъ не такъ. Но объ этомъ, пожалуста, никому ни слова, чтобы не поставить ихъ на ножи.

Можетъ быть, дѣти Зельмиры стали очень милы. Мнѣ извѣстно, что здѣсь они за такихъ не слыли и что наши господа Александръ и Константинъ находили ихъ общество до такой степени скучнымъ, что бѣгали ихъ, какъ огня. Что касается благосклонности, которой якобы вы пользуетесь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они теперь обрѣтаются, я, клянусь вамъ, за эту благосклонность не дала бы гривенника. Я готова допустить, что мать не всегда оправдываетъ своихъ дѣтокъ, но все это такой сентиментальный народъ, у котораго рассу-

докъ разведенъ въ цѣлой лужѣ гиперболъ, и въ нихъ трудно понять что нибудь, или по крайней мѣрѣ только вы одни способны понять что нибудь. Мнѣ извѣстно все, что вы пишете мнѣ на счетъ моей золовки ¹⁰⁾. Небо и землю призывала я въ свидѣтели, чтобы убѣдить ея мужа позволить ей возвратиться во свояси; я дѣйствовала въ этомъ смыслѣ даже чрезъ Вѣнскій дворъ, который на него имѣетъ нѣкоторое вліяніе; но ничто не могло заставить его измѣнить свое рѣшеніе. Вотъ тоже головка: въ сумасшедшемъ домѣ лучше бываютъ.

30 Ноября. Если черезъ мѣсяць отъ сего числа вамъ скажутъ, что я сегодня была больна, потому что не выходила на празднигъ, извольте знать, что это произошло чисто отъ одной лѣни и что я такъ мало больна, что сейчасъ только изъ Эрмитажа, гдѣ мы съ Краснымъ Кафтаномъ разбирали седьмой ящикъ съ рѣзными камнями, который вы намъ добыли и которыми я очень довольна. Красный Кафтанъ утверждаетъ, что коллекція не полна, что одного отдѣла не прислано, что онъ его знаетъ по встампамъ, что онъ готовъ дать Богъ знаетъ что, чтобы ее можно было отдать назадъ. На все это я сказала, что ему бы лучше замолчать; но его не образумишь. О! говоритъ онъ, нашъ козелъ отпущенія все можетъ. Я говорю: замолчи, я не хочу слышать объ этомъ; не хочу, чтобы стали говорить, будто я покупаю вещи, которыя съ рукъ нейдутъ, или отказываюсь отъ купленнаго. О, сказалъ онъ, знай я только, къ кому обратиться! Не знаю, съ чего онъ взялъ, будто подобное предложеніе было дѣйствительно сдѣлано; тогда, я наконецъ, сказала: перестань ворчать; я ничего подобнаго не напишу нашему козлу отпущенія; но если онъ захочетъ столковаться съ тобой, то уговаривайтесь, какъ знаете вдвоемъ; для того же, чтобы вамъ столковаться и чтобы я въ это дѣло не вступалась, все, что я могу сдѣлать, это написать нашему козлу отпущенія, чтобы мое имя было тутъ ни при чемъ, ни посредственно, ни непосредственно, чтобы потомъ изъ этого не вышло газетныхъ толковъ, вотъ и все тутъ.

Почтеніе царицѣ, сударь! Впередъ, говоря объ Аннѣ Степановнѣ ¹¹⁾, извольте называть ее царицей; ибо уже два года, какъ она признана царицей въ лото и въ силу этого раздаетъ почетныя званія. Я имѣю честь состоять при царицѣ въ качествѣ осенней гоняльщицы мухъ, Красный Кафтанъ—привилегированный критиканъ царицына двора. Наконецъ, я успѣла перезабыть половину всего штата, какой состоялъ при отъѣздѣ въ Кіевъ; отъ всего этого осталось одно званіе царицы за самой царицей, а всѣ ея подданные разбѣжались отъ лото. Признаюсь, что эти безконечныя хартіи отъ добрыхъ людей изъ города Гриммы читаются очень пріятно, и никогда еще онѣ не казались мнѣ слишкомъ длинными, только прошу васъ спасти ихъ отъ напечатанія до истечения ста лѣтъ.

¹⁰⁾ Братъ Екатерины Фридрихъ Августъ († 1793) проживалъ тогда въ Базелѣ, занимаясь поставкою рекрутовъ въ разныя арміи и особенно въ Австрію.

¹¹⁾ Протасовой.

Принцъ Делинъ уѣхалъ въ армію фельдмаршала князя Потемкина; впрочемъ, я отпишу ему, какую ссору «на Нѣмецкую статью» вы затѣваете съ нимъ за выраженія, употребляемыя имъ въ изображеніи или описаніи моего путешествія. Знаете, я вовсе не люблю ссоръ на Нѣмецкую статью; развѣ только ссора Фламандцевъ съ своими повелителями мнѣ еще болѣе не по вкусу. Одного въ этой ссорѣ я не могу взять въ толкъ: какимъ образомъ этотъ государь, который разговаривалъ со всякимъ, и съ самымъ мелкимъ, и съ самымъ крупнымъ людомъ, не имѣлъ даже подозрѣнія о томъ, что происходило въ Нидерландахъ; какимъ образомъ въ тотъ моментъ, когда вспыхнуло неповиновеніе, онъ ничего не зналъ о настроеніи умовъ; какимъ образомъ могло совершиться это поголовное соглашеніе, въ которомъ оказались за одно рѣшительно всѣ: знатные, незнатные, всѣ состоянія, всѣ промыслы! Это превосходитъ мое пониманіе. Какимъ образомъ этотъ поголовный насморкъ могъ охватить подданныхъ и правительство, безъ малѣйшаго предварительнаго признака? Если же онъ зналъ, то какъ же не взять никакихъ мѣръ осторожности? ¹²⁾ Вотъ мы, люди темные, надо сознаться въ этомъ (хотя вы и оспариваете это) мы—люди темные, потому что не учились въ университетѣ, это фактъ неоспоримый. Ахъ, какое святотатство! Вы, вы дерзаете причислять брата Гу. и брата Вил. къ глупцамъ! Какъ? Брата Гу. и хваленаго брата Вил.! ¹³⁾ Я не желаю себѣ счастья перваго: онъ упустилъ 15 провинцій; я считаю это преступленіемъ противъ государства, достойнымъ строгаго наказанія; но Туркамъ желаю подобнаго счастья. Если другой довольно просто, чтобы тѣшиться призрачными надеждами, тѣмъ хуже для него. Хотите пари, что онъ въ этомъ рано или поздно раскается?

Что до моей Зельмиры, то она окончательно рѣшилась остаться въ Эстляндіи и очень хорошо дѣлаетъ; недавно я получила отъ нея письмо, и она мнѣ кажется спокойной и довольной. Донъ-Ферось хотѣлъ было опять пріѣхать и поступить въ армію, но я сказала: «него, не желаю», а когда его жена узнала, что таково было его намѣреніе и что онъ получилъ отказъ, она сказала, что и за сто миль отъ нея онъ все еще будетъ казаться ей слишкомъ близкимъ.—О! «бѣдные люди» ¹⁴⁾, вездѣ-то они дѣлаютъ вздоръ, и внутри, и во внѣшнихъ дѣлахъ; не уладить попъ дѣла, придется на поклоны стать. У «бѣдныхъ» давно вѣтъ хорошей, здоровой головы, потому что вѣдь что же за радость? Голова хоть и на плечахъ, а все-таки не на томъ мѣстѣ, гдѣ ей слѣ-

¹²⁾ Говорится объ Австрійскихъ Нидерландахъ, возмущившихся противъ Іосифа II-го во имя своей старины и противъ его непрерывныхъ нововведеній, предпринятыхъ съ благодѣтельными намѣреніями, но не спросясь страны.

¹³⁾ Fr. Ge, Fr. Gu—т. е. Frère Georges, Frère Gustave: этими сокращеніями Екатерина означала королей Георга Англійскаго и Густава Шведскаго. Иногда она соединяла эти сокращенія и говорила G e g u. Братъ Вил.—король Пруссій.

¹⁴⁾ «Бѣдными людьми» Екатерина называетъ тогдашнее Французское правительство, вѣроятно, вслѣдствіе разстройства денежныхъ дѣлъ, понудившаго созвать государственные чины.

дуетъ быть, а на другомъ? Сами-то они пусты, и головенка-то у нихъ закружилась. Какъ только изъ вашихъ мѣстъ услышу чтонибудь о парламентѣ, такъ у меня уши вянуть. Что касается до Европы, то съ тѣхъ поръ, какъ написано ваше письмо, въ ней много было разнаго хотѣнья и нехотѣнья. Я никогда ни на минуту не сомнѣвалась, что у шевалье Гарриса больше ума, чѣмъ у маркиза де-Верака, у котораго совсѣмъ онаго не имѣется; но шевалье Гаррисъ смутникъ и каверзникъ, вотъ и все, а когда ему нельзя ни мутить, ни каверзничать, то у него разливается желчь, что съ нимъ и случилось здѣсь. О «бѣдные люди», и хотятъ они быть моими друзьями! Мнѣ истинно очень, очень жаль, что и внутри, и снаружи они такіе больные и разбитые. Вы правы: разныя нужны бывають снаровки, чтобы иной разъ имѣть удачу въ дѣлахъ на бѣломъ свѣтѣ, и какъ можно меньше слѣдуетъ рисоваться на показъ; доказательство—отчетъ Неккера.

1 Декабря. Я совсѣмъ не раздѣляю вашего мнѣнія насчетъ глупцовъ: я ими вовсе не восхищаюсь, а нахожу, что всякій глупецъ смѣшенъ, и по мнѣ глупецъ и смѣшной синонимы. Извольте спорить, сколько угодно, а я иду своей дорогой и, подобно вамъ, до страсти люблю оригиналовъ. Ну вотъ принцъ Нассаускій, который 19 (30) Юля къ вамъ точно съ неба свалился: и сюда, къ намъ, опять тоже будто съ неба упалъ, тому будетъ скоро мѣсяць. Очень рада, что онъ сообщилъ вамъ, что среди Татарской гвардіи можно вести бесѣду совершенно также хорошо, какъ и среди не-Татаръ. За Перекопомъ въ Крыму мы первую ночь ночевали въ палаткахъ, разбитыхъ на этотъ конецъ. Графъ Фалкенштейнъ, который имѣетъ привычку вставать всегда рано, вышелъ въ четыре часа утра изъ своей палатки и напелъ на ногахъ графа Ангальта, который встаетъ не позже. Они вздумали до шести часовъ прохаживаться взадъ и впередъ передъ моей палаткой; а я себя спала. И вотъ первый, которому, очевидно, надоѣлъ мой долгій сонъ, говорить другому: «Представьте, что она спитъ себя очень спокойно въ своей палаткѣ, среди необозримой степи, подъ охраною двухъ часовыхъ, какъ разъ посреди Татаръ, точно у себя во дворцѣ въ Петербургѣ». Когда я проснулась, меня угостили этими размышленіями, а я сказала: «Отчего же нѣтъ? Я и здѣсь на людяхъ, точно также, какъ и вездѣ». Вотъ вы такъ настоящій волканъ¹⁵⁾ и мечете огонь и пламя со времени прибытія пр. Нассаускаго, Тутолмина и пр. и полученія писемъ Краснаго Кафтана, принца Делина, графа Сегюра и фактотума. Принцъ Делинъ признался мнѣ, что въ первое свое путешествіе онъ ожидалъ увидѣть во мнѣ женщину большаго роста, неподвижную, какъ желѣзная спица, выражающуюся не иначе, какъ сентенціями и требующую, чтобы ей постоянно удивлялись, что онъ былъ очень радъ, что ошибся и напелъ существо, съ которымъ можно разговаривать и которое само умѣетъ болтать.

¹⁵⁾ Намекъ на аббата Гальяни, который сравнивалъ Екатерину съ огнедышащею горою Этною.

Весьма радуюсь впечатлѣнію, произведенному на васъ чертою, которую вы приводите изъ одного двадцатипятилѣтняго царствованія, отысканною въ нѣкоей рукописи, которой вы не указываете ни названія, ни года. Надѣюсь, что Александръ будетъ такого покроя. Это превосходнѣйшая личность. Его наставникъ, Лагарпъ самъ возлагаетъ на него наилучшія надежды; а этотъ Лагарпъ Швейцарецъ, который вовсе не изъ льстецовъ и заставляетъ его въ большихъ пріемахъ глотать всякія горькія истины изъ исторіи и другаго рода. Онъ мальчикъ добрый, прекрасно и счастливо одаренный отъ рожденія; братъ его тоже очень неглупъ, но у него есть недостатки, которыхъ нѣтъ у брата. Оба они исполнены благороднаго честолюбія и желанія быть изъ лучшихъ. Они рождены со всѣми задатками успѣха, потому что это головы свѣтлыя, а у старшаго столько чутья, сколько только возможно.

1 Декабря, въ пять часовъ вечера. То, что вы пишете о маркизѣ Лафайетъ, вовсе не удивляетъ меня. Какъ видно, это голова революціоннаго склада; это онъ, говорятъ, первый поднялъ тревогу противъ управленія де-Калона. Что касается до его диверсіи въ Средиземное море, то мнѣ не совсѣмъ понятно, чего онъ хочетъ. Онъ все собирался пріѣхать сюда; если онъ намѣренъ пріѣхать и пріѣдетъ при настоящихъ обстоятельствахъ, тогда можно будетъ поближе и поточнѣе узнать, объ чемъ онъ хочетъ повести рѣчь. Впрочемъ, готовятся значительныя вооруженія. Такъ какъ онъ запретилъ вамъ сообщать мнѣ объ этомъ, то вы тоже потрудитесь не говорить о томъ, что я вамъ пишу, чтобы не подать виду, что я вызвала его на что нибудь, что могло бы навлечь ему какія либо непріятности въ настоящемъ или въ будущемъ. Ну, вотъ и опять братъ Ге. у васъ съ пера не сходитъ. Эти Ге и Гу являются всюду, точно трюфи въ кушаньѣ.

15.

11 Декабря 1787.

13 Октября генераль-аншефъ Текели съ четырьмя колоннами перешелъ за Кубань и обратилъ въ бѣгство (вдоль рѣкъ Лабы, Зеленчука, Кефита и Урупа) Татаръ различныхъ ордъ, населяющихъ эти мѣстности и часть которыхъ собралась подъ знаменемъ имама Мансура; изъ него Порта сдѣлала свое орудіе еще до нарушенія мира. Все это было поколочено, прогнано, разсѣяно, перебито или забрано въ плѣнъ. Добыча нашихъ казаковъ должна быть громадна; они захватили нѣсколько тысячъ плѣнныхъ. Все остальное покорилось и прислало депутатовъ; другіе выдали заложниковъ, чтобы ихъ не трогали. Словомъ, отъ Кубани до Кавказа, преслѣдованіе удалось вполнѣ. Самъ имамъ Мансуръ, потерявъ все, бѣжалъ на Суджакъ. Вотъ все, что на этотъ разъ я имѣю сообщить вашему превосходительству. Вы ни за что не повѣрите, если я скажу вамъ, что за эту экспедицію мы потеряли всего только 7 человекъ убитыми, и ранеными—9; а между тѣмъ это фактъ, который можно подтвердить документами.

16.

28 Декабря 1787.

Я поручила графу С. Воронцову написать юному путешественнику, чтобы онъ возвращался сюда и назначила надъ нимъ опекуна, чтобы спасти, если можно, остатки очень порядочнаго состоянія. При такой умной головѣ и такой готовности слушаться полезныхъ совѣтовъ, я считаю его почти ни на что негоднымъ, хотя и говорятъ, что никогда не слѣдуетъ отчаяваться въ молодыхъ людяхъ. Теперь ужъ дѣло г. Завадовскаго, опекуна надъ молодымъ человѣкомъ, позаботиться, какъ выпутать его изъ бѣды.

Относительно Вольтеровой переписки я уже сообщала вамъ мое мнѣніе. Постарайтесь, пожалуйста, устроить такъ, чтобы Фигаро не выпустилъ въ свѣтъ ни одного изъ моихъ писемъ. Для этого скупите все, что до сихъ поръ напечатано изъ этого тома и киньте все въ огонь; но постарайтесь сдѣлать такъ, чтобы у этого негодяя не сохранилось ни одного экземпляра, чтобы, продавъ мнѣ, онъ не вздумалъ проданное напечатать съизнова: ибо этотъ плутъ на все такое способенъ, какъ меня увѣряли. Очень рада, что посѣщеніе генерала Левашева доставило вамъ удовольствіе; толковалъ ли онъ съ вами о рѣзныхъ камняхъ? Онъ знаетъ мои не хуже самой меня, а пасты Талье—еще лучше.

1788 годъ.

1.

22 Февраля 1788.

Прошу васъ не называть меня болѣе Екатерина Великій ¹⁾; впервыхъ, потому что я не люблю прозвищъ; вовторыхъ, мое имя Екатерина Вторая; втретьихъ, я не желаю, чтобы про меня кто нибудь сказалъ, какъ про Людовика XV, что прозвище не соответствуетъ лицу; вчетвертыхъ я не велика и не мала ростомъ. Представьте кому надлежитъ, что я уступаю всякое прозвище лицамъ, оное заслуживающимъ, какъ напр. господамъ Жегю (Gégu) съ товарищи ²⁾.

2.

27 Апрѣля 1788.

Молодой человѣкъ прибылъ въ Ригу, откуда я отправила его въ Ревель; туда же отправился и его опекунъ ³⁾, чтобы уладить съ нимъ его дѣла и добиться отъ него прямаго толка. Теперь мы идемъ на капитуляцію. Онъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ выражаетъ сожалѣніе, что раззорился; я отвѣчала, что, если только осталось съ чѣмъ, пусть ѣдетъ въ армію.

¹⁾ Извѣстная острота принца Делина.

²⁾ См. выше, прилѣч. 13-е на стр. 152.

³⁾ Графъ П. В. Завадовскій.

Вотъ мой многоуважаемый братъ и сосѣдъ, тупица, затѣваетъ вооруженія противъ меня на сушѣ и на морѣ. Онъ сказалъ своему сенату рѣчь, въ которой изложилъ, что я вызываю его на войну, что-де въ томъ удостовѣряютъ всѣ донесенія его здѣшняго посольства. Эти донесенія онъ приказалъ прочесть, и его сенатъ сказалъ своему барину, что его величество всегда правъ; по выходѣ же изъ сената, каждый говорилъ, что его величество дѣлаетъ отчаянныя натяжки изъ донесеній своего посланника, который говоритъ какъ разъ противное тому, что ему приписываетъ его величество. Между тѣмъ его величество, по выходѣ изъ сената, отдалъ приказаніе вооружить галерный флотъ и двинуть въ Финляндію семь полковъ; надобно думать, что они теперь уже выступили въ походъ. Если онъ меня атакуетъ, я, надѣюсь, съумѣю оборониться и, оборонясь, буду говорить, что его слѣдуетъ посадить въ сумашедшій домъ; если же не атакуетъ, то скажу, что онъ еще болѣе полоумный, поступая такъ, какъ онъ поступаетъ, съ цѣлю оскорбить меня.

Вамъ, думаю, уже извѣстно, что великая княгиня родила, слава Богу, четвертую дочь, что приводитъ ее въ отчаяніе. Въ утѣшеніе матери, я дала новорожденной мое имя.

31 Мая. Каневское свиданіе продолжалось двѣнадцать часовъ и далѣе не могло продолжаться, потому что графъ Фалкенштейнъ скакалъ во весь карьеръ къ Херсону, гдѣ было назначено свиданіе, но куда противные вѣтры не допустили меня прибыть во время, отчего и произошло, что мы встрѣтились въ Кайдакахъ. Я весьма сожалѣла, что не могла простоять на якорѣ трое сутокъ, какъ того желалось его Польскому величеству; но это оказалось совершенно невозможнымъ. Надо согласиться, что разсужденіе Лафатера о деревянной физиономіи (что, полагаю, равносильно болвану, на который надѣваются парики) васъ очень занимаетъ; между тѣмъ, что ни говорите, Лафатеръ также мало сочувствуетъ моей физиономіи, какъ я восторженнымъ людямъ.

Ахъ, милостивый государь, если бы мириться приходилось намъ съ вами, то мировая состоялась бы очень скоро; но такъ какъ объ этомъ мирѣ хлопочетъ вся Европа, то желательно и необходимо, чтобы Европа перестала хлопотать о мирѣ, для того чтобы онъ могъ состояться. Видали вы, какъ маленькія дѣти тащатъ въ разныя стороны какую нибудь тряпку, пока не разорвутъ ея? Ну, вотъ та же исторія и съ этимъ миромъ. Впервыхъ, ни кампанія еще не началась, ни мой посланникъ не выпущенъ изъ заключенія, а уже гг. Энсли и де-Шуазель условились утверждать, изъ нихъ каждый отдѣльно, что его именно посредничествомъ посланникъ освобожденъ изъ Семибашеннаго замка, гдѣ, не смотря на этотъ споръ, онъ сидитъ и до сихъ поръ. Это, безъ сомнѣнія, доказываетъ большую ловкость. Миѣ также очень нравится этотъ нейтралитетъ безъ нейтралитета и это отреченіе отъ марабутовъ и предоставленіе ихъ соб-

ственной судьбѣ, которыя однако вѣчно сводятся къ тому, чтобы, сколько возможно, спасти и выручать ихъ. О Господи! Какъ это ловко не знать, чего хочешь, или хотѣть морочить людей; видно, это большая честь давать людямъ чувствовать, что ихъ считаютъ за пошлыхъ дураковъ.

Красный Кафтанъ въ теченіи двухъ недѣль возведенъ въ графское Римской имперіи достоинство Юсифомъ II, сердце котораго онъ полнилъ, и въ генераль-адъютанты Екатериной II. Великіе умы встрѣчаются, какъ изволите видѣть; онъ собирается писать вамъ. Посылаю вамъ алькоранъ, напечатанный въ Петербургѣ; съ нимъ извольте дѣлать, что знаете.

4.

21-го Іюня 1788.

Сэръ Джонъ Фальстафъ, отправляясь моремъ въ Финляндію, велѣлъ сказать графу Разумовскому, чтобы онъ выѣхалъ изъ Стокгольма за то, что графъ заявилъ ему письменно, что я не питаю никакихъ непріязненныхъ замысловъ ни противъ него, ни противъ его народа. Онъ выставилъ предлогомъ, что его чести противно, когда называютъ его народъ рядомъ съ нимъ самимъ; онъ, стало быть, хочетъ совсѣмъ вычеркнуть изъ употребленія имена народовъ, которыя однако помѣщаются въ грамматикахъ и въ словаряхъ. Видно, по его мнѣнію, народностей болѣе не существуетъ; существуютъ только одни короли. Вотъ величайшій деспотъ изъ королей, какаго когда либо видано! Садясь на суда, чтобы плыть въ Финляндію, онъ самъ сказалъ, что затѣваетъ бѣдовое дѣло; позвольте спросить: къ чему же и затѣвать его въ такомъ случаѣ? Тѣмъ временемъ я получила извѣстіе, что принцъ Нассаускій и Поль Джонсъ дрались въ Лиманѣ съ шестьюдесятью Турецкими кораблями, три изъ нихъ взорваны на воздухъ, а остальные прогнаны. Я еще не получала подробностей, но знаю, что мы не потеряли ни одного корабля.

Сэръ Фальстафъ дурной родственникъ и дурной сосѣдъ; его несправедливость по отношенію ко мнѣ нѣчто неслыханное: я передъ нимъ никогда ни въ чемъ не была виновата; я кормила его Финляндцевъ нѣсколько лѣтъ, когда въ Финляндіи былъ голодъ; онъ никогда ни на что не жаловался, и теперь, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ никакого повода жаловаться. Его величество доказываетъ, что, незаконно завладѣвъ неограниченною властью, пользуется ею на горе своимъ подданнымъ, для того чтобы навязать имъ ссору съ сосѣдями. Всякій король, всякій государь первое лице своего народа, но одинъ король не составляетъ всего народа. Неужели упомянуть о Шведскомъ народѣ значитъ обидѣть короля? По какому праву онъ беретъ на себя судить Русскаго посланника? Онъ высылаетъ его за то, что онъ упомянулъ о Шведскомъ народѣ: развѣ есть законъ, которымъ это запрещено? Онъ переходитъ отъ одного оскорбленія къ другому: по его приказанію Шведская эскадра потребовала салюта отъ трехъ нашихъ судовъ, что противно 17 статьѣ трактата 1743, которымъ выговорено не салютовать. Далѣе, содержаніе ноты, адресованной Шведскимъ королемъ ко всѣмъ Европейскимъ дворамъ,

крайне оскорбительно и наполнено клеветами. Въ ней говорится, между прочимъ, объ основныхъ законахъ Шведскаго королевства; повидимому, это законы, сочиненные и изданные Густавомъ III. Онъ жалуется въ этой нотѣ на дурные принципы и на происки посланниковъ, бывшихъ до графа Разумовскаго. Я могла бы сказать тоже самое о Шведскихъ посланникахъ; но такъ какъ я знаю, что мои подданные не имѣютъ повода жаловаться на меня, такъ какъ я не посягаю на ихъ свободу, такъ какъ я не употребляю по отношенію къ нимъ ни хитрости, ни притворства, ни двоедушія, такъ какъ я не позволяю себѣ затѣвать несправедливой войны: то я и не боюсь, чтобы какіе нибудь иностранцы могли отклонить мои же подданныхъ отъ долга вѣрности, съ которой равно тѣсно связано ихъ благосостояніе, и ихъ собственныя, существенныя и истинныя выгоды. Вы скажете: вотъ такъ филиппика! Какъ быть? Она вылилась однимъ почеркомъ пера; замѣтьте, пожалуста, что Шведскій король всегда казался доволенъ графомъ Разумовскимъ. Помнится, у меня есть письмо, въ которомъ онъ отзывается о немъ съ особой похвалой, и онъ никогда не жаловался ни на графа, ни на его предшественниковъ.

25 Іюня. Сейчасъ кладу въ пакетъ письмо. Шведскій король началъ враждебныя дѣйствія, пославъ переодѣтыхъ солдатъ ограбить таможеню и схватить таможеннаго чиновника съ его помощниками въ окрестностяхъ Нейшлота, въ Финляндіи. Вотъ самый благородный способъ для начала военныхъ дѣйствій! Я приказала дать знать капитану округа, чтобы онъ наказалъ, какъ разбойниковъ, тѣхъ, кого онъ успѣетъ захватить на такихъ достославныхъ подвигахъ; до сихъ поръ не сдѣлано еще ни одного выстрѣла.

5.

5 Іюля 1788.

Вторая филиппика противъ Шведовъ. Вотъ мы въ открытой войнѣ съ Шведскимъ королемъ. Вамъ уже извѣстно, полагаю, что когда его величество прикинулся, что мои вооруженія, назначавшіяся въ Средиземное море, принимаетъ за вооруженія, направленные противъ него и, подъ этимъ предлогомъ, началъ вооружаться самъ, яко бы для собственной обороны, то предварительно открылся въ этомъ Даніи. Когда это сдѣлалось извѣстно, графу Разумовскому было приказано передать Шведскому министру, что мое намѣреніе жить въ мирѣ и согласіи съ его величествомъ и Шведскимъ народомъ. Въ отвѣтъ на это Шведскій король выслалъ изъ Стокгольма графа Разумовскаго подъ тѣмъ предлогомъ, что посланникъ въ своей нотѣ отдѣлилъ-де короля отъ народа. По полученіи этого извѣстія, не оставалось болѣе сомнѣнія насчетъ намѣреній Шведскаго короля; черезъ десять дней онъ высадился въ Финляндіи со всѣмъ своимъ войскомъ; за нимъ послѣдовалъ флотъ. Его посланнику было приказано выхлать. Какъ скоро сдѣлалось извѣстно, что его флотъ потребовалъ салюта отъ трехъ нашихъ кораблей, ему объявили осмидневный срокъ,

точь въ точь, какъ было поступлено съ графомъ Разумовскимъ; но Нолькенъ еще не успѣлъ выѣхать отсюда, какъ изъ Финляндіи пришли вѣсти, что король Шведскій распорядился снять одну таможеню, вмѣстѣ съ ея начальникомъ и его помощниками, на границѣ близъ Нейшлота, что лодка, которая везла дрова для гарнизона Нейшлотской цитадели и на которой были двое старыхъ инвалидовъ солдатъ и одинъ пассажиръ, была захвачена и находившіеся на ней убиты, и что Шведы атаковали и обстрѣливали Нейшлотъ. Тѣмъ временемъ секретарь Шведскаго посольства, еще не получившій приказанія выѣхать, испросилъ у вице-канцлера часть срока для представленія ноты, написанной по повелѣнію его государя. Вице-канцлеръ, по моему приказанію, его принялъ и выслушалъ; онъ прочелъ ему ноту съ довольно длиннымъ, многословнымъ, недѣльнымъ вступленіемъ, въ которой не постыдились даже припомнить бунтовщика Пугачева. Но все это ничто предъ мирными условіями, которыя предлагалъ Россіи его Шведское величество:

1. Подвергнуть примѣрному наказанію графа Разумовскаго невѣдомо за что, такъ какъ его величество никогда не жаловался на графа и даже въ той самой нотѣ, которой ему предписывалось выѣхать, воздалъ ему пространную и весьма напыщенную похвалу. Я думаю, въ первый еще разъ на свѣтѣ, высылаютъ посланника, который является съ мирными и дружескими увѣреніями, и требуютъ наказать представителя иностранной державы, котораго сами же осыпали безконечными похвалами.

2. Чтобы я возвратила Швеціи Финляндію до Систербекка, включая Нейшлотъ и Кексгольмъ.

3. Чтобы я приняла посредничество его Шведскаго величества для заключенія мира съ Турками.

4. Чтобы я уполномочила его предложить Туркамъ Крымъ и что, если они не захотятъ мириться на этихъ условіяхъ, предоставила ему право заявить имъ, съ моей стороны, готовность возстановить границы въ томъ видѣ, какъ онѣ были въ 1768.

5. Чтобы я приступила къ разоруженію на сушѣ и на морѣ и отодвинула свои войска отъ вышеупомянутыхъ границъ какъ со стороны Швеціи, такъ и со стороны Турокъ, а ему бы предоставила не разоруживаться впредъ до окончательнаго выполненія сего мирнаго трактата.

Вице-канцлеру эта нота показалась такъ хороша, что онъ ее принялъ, а черезъ два часа г. Шлаффъ получилъ черезъ графа Брюса предписаніе выѣхать вмѣстѣ съ барономъ Нолькеномъ, и въ слѣдующее же затѣмъ Воскресенье здѣсь въ Петербургѣ было обнародовано объявленіе войны съ Швеціей. Покамѣстъ Шведскій флотъ грабитель на Балтійскомъ морѣ суда, но не наши, а нейтральныхъ державъ, а именно онъ захватилъ одно Португальское судно, одно Прусское, одно Французское, и влѣпилъ два ядра въ бортъ одному Англійскому кораблю, который они собирались взять. Его Шведское величество высадившись въ Финляндіи, нашелъ однако, что пылъ его войскъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ его собственному; тогда, дабы поднять ихъ

духъ, онъ велѣлъ объявить имъ, что пускай они только слѣдуютъ за нимъ, что онъ имъ обѣщаетъ превзойти и затмить славу Густава-Адольфа и довершить начатое Карломъ XII-мъ (т. е. повидимому, окончательную гибель Швеціи). Сообразно съ симъ, онъ велѣлъ приготовить себѣ полное вооруженіе, въ которое намѣренъ облекаться для сраженій, — латы, набедренники, наручники и шлемъ съ великимъ множествомъ перьевъ. Прощаясь съ Стокгольмскими дамами, онъ приглашалъ ихъ завтракать съ нимъ въ Петергофъ. Адмиралъ Грейгъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, 1-го сего мѣсяца находился съ флотомъ на разстояніи 12 морскихъ миль отъ Шведскаго флота; по всему надо думать, что сей послѣдній не станетъ его дожидаться. Такъ по крайней мѣрѣ надо полагать по обыкновеннымъ расчетамъ житейскаго опыта и здраваго смысла; но такъ какъ въ настоящемъ случаѣ все поставлено на ходули, то можетъ случиться и иначе, что надо будетъ видѣть, подождать и услышать. И такъ, стало быть, сэръ Джонъ Фальстафъ впутался въ скверную исторію. Посмотримъ, что-то изъ этого выйдетъ. Но, что очень странно и очень гадко во всемъ этомъ, это то, что его Шведское величество, чтобы заставить свой призрачный сенатъ одобрить наступательныя мѣры, принимаемыя противъ меня, самъ въ полномъ собраніи сената читалъ донесенія, которыми якобы Нолькенъ, его посланникъ, извѣщаетъ его, что я вооружаюсь противъ него, Шведскаго короля. Теперь Нолькенъ отпирается и отрекается отъ подобныхъ донесеній, и клянется, и божится, что никогда не писалъ ничего подобнаго, и что если его величество читалъ что нибудь похожее на это, то эти донесенія не имъ, Нолькеномъ, измышлены. Говорятъ, король пошелъ еще дальше и въ полномъ же присутствіи сената читалъ какія-то письма очень оскорбительнаго содержанія, которыя онъ, повидимому, сочинилъ самъ, а выдалъ за полученные якобы отъ меня. Между тѣмъ, я съ 1785 не написала ему ни единого письма и нарочно приказала принести себѣ писанныя прежде, чтобы справиться, что въ нихъ могло заключаться обиднаго, и убѣдилась, что эти письма хоть сейчасъ отдавай въ печать, что я, быть можетъ, и сдѣлаю когда нибудь. Предоставляю вамъ судить, что послѣ этого слѣдуетъ думать о государѣ, прибѣгающемъ къ такимъ низкимъ и гнуснымъ средствамъ, чтобы затѣять ссору съ державой, противъ которой онъ задумалъ безумную войну. Обманъ собственныхъ подданныхъ и клевета на сосѣдку и родственницу — вотъ средства, за которыя онъ прежде всего хватается. Между тѣмъ онъ самъ лично, и устно, и письменно, не увѣрялъ ли меня сколько разъ въ вѣчной дружбѣ, въ томъ, что почтетъ величайшимъ несчастіемъ для себя и для Швеціи, если когда либо измѣнитъ этой дружбѣ? Я не просила у него этихъ увѣреній. Кто же заставлялъ его говорить все это? Слѣдовательно, онъ такой же лукавецъ, какъ и глупецъ и лгунъ. Вотъ по истиннѣ качества достойнаго героя, и развѣ истинная отвага когда нибудь являлась въ союзѣ съ подобными свойствами? Его Нолькенъ здѣсь задолжалъ по уши; какъ же бы, вы думали, распорядился Густавъ-Фальстафъ? Онъ прислалъ ему кредитивъ, съ подписью: Густавъ.

Нолькенъ посылалъ его во всѣ здѣшнія банкирскія конторы, но сіе священное имя не внушило никому никакого довѣрія: ему не повѣрили ни копѣйки, и онъ увезъ съ собою своего Густава, въ томъ самомъ видѣ, какъ получилъ. Есть весьма сильныя основанія подозревать, что онъ очень золъ на меня лично. За что, право, не знаю; потому что я ему никогда ничего, кромѣ любезностей, не оказывала. Ну, что же вы скажете или что говорятъ тамъ, въ вашихъ мѣстахъ, о семъ Антонинѣ? У насъ ходятъ слухи, что, въ случаѣ неудачи, онъ намѣревается отправиться въ Римъ, принять Римскую вѣру, къ которой онъ будто бы весьма склоненъ ради ея пышныхъ обрядовъ, что мнѣ случалось слышать отъ него самого, и что въ Римѣ онъ будетъ жить, на подобіе королевы Христины. О! что касается сей послѣдней, то я всегда считала ее за отпѣтую дуру.

7 Іюля. Вотъ такъ король, который думаетъ, добыть себѣ ложью и обманомъ много чести! Не бывать, сударь, этому, а будетъ то, что онъ сдѣлается притчей и посмѣшищемъ у потомства: ложью и обманомъ ни славы, ни чести не добудешь.

8 Іюля. Просто неслыханныя вещи рассказываютъ про Шведскаго короля. Представьте, говорятъ, будто онъ хвастаетъ, что приѣдетъ сюда въ Петербургъ, велитъ низвергнуть конную статую Петра I, а на ея мѣсто поставитъ свою. Посылаю вамъ наше объявленіе войны и копію съ пресловутой ноты, которая, мнѣ кажется, можетъ считаться образцовымъ произведеніемъ нечѣстности и горячечнаго бреда. Чѣмъ далѣе останавливаешься надъ вступленіемъ, тѣмъ безумнѣе оно кажется; онъ, напримѣръ, хочетъ, чтобы ему было причтено въ заслугу, что онъ не зарѣзалъ меня во время Пугачевскаго бунта и не явился союзникомъ разбойника съ большой дороги; между тѣмъ онъ упоминаетъ о немъ съ очевиднымъ самодовольствомъ. У насъ простой народъ такъ озлобленъ противъ его Шведскаго величества, что прозвалъ его вторымъ Пугачевымъ. Повторыхъ, онъ обвиняетъ моихъ посланниковъ въ Швециі въ проискахъ противъ его новой формы правленія, между тѣмъ какъ на послѣднемъ сеймѣ самъ же онъ говорилъ иностраннымъ посланникамъ и всякому, кто хотѣлъ слушать, что его удивляетъ оппозиція, встрѣченая имъ на сеймѣ, въ то время какъ онъ совершенно увѣренъ, что эта оппозиція не имѣетъ поддержки ни въ одной иностранной державѣ, а съ тѣхъ поръ какъ онъ въ 1772 г. незаконно захватилъ неограниченную власть, я Шведамъ не давала ни гроша. Такимъ образомъ всѣ его жалобы пустыя, ложныя, клеветническія, а самъ онъ—государь очень дурнаго сердца и о которомъ у насъ всѣ увѣрены, что онъ помѣшался. Замѣтьте еще, пожалуста, выраженіе о двухъ имперіяхъ; это очень гурьозно и указываетъ на какіе-то виды, которые еще не успѣли окончательно развиться. Мнѣ также очень нравится это хвастанье средствами великой державы: точно неизвѣстно, что у его Шведскаго величества всего четыре милліона дохода и что съ этимъ далеко не уйдешь. Онъ ведетъ себя совсѣмъ какъ какой нибудь выскочка. Турки дали ему два-три милліона піастровъ, и онъ совсѣмъ ошалѣлъ отъ этого

здора, воображая, что имъ и конца не будетъ; употреби онъ ихъ для блага своей страны, я бы ему завидовать не стала.

14 Августа. У меня два дня была колика, заставившая меня пролежать въ постели. Вчера, соскучившись лежать, я велѣла принести себѣ Нѣмецкихъ книгъ и, въ числѣ прочихъ, мнѣ принесли одинъ журналъ подъ заглавiемъ *das graue Ungeheuer* ⁴⁾, гдѣ помѣщенъ яко бы мой портретъ. Въ этомъ изображенiи мнѣ думаютъ оказать великую честь, не признавая всѣхъ ужасовъ, въ которыхъ даже самые враги мои успѣли увѣрить лишь очень немногихъ людей. Затѣмъ мнѣ отводится мѣсто прямо послѣ Марiи-Терезiи; этимъ я, безъ сомнѣнiя, не могу не быть довольна, и совершенно убѣждена, что есть стороны, въ которыхъ я должна уступить ей. Она, наприимѣръ, находила своего мужа очень достойнымъ любви; я о своемъ этого по совѣсти сказать не могла, а для лжи, какъ вы знаете, я не рождена. Но вотъ что: это *Ungeheuer* требуетъ, чтобы вы, г-нъ козелъ отпущенiя, изволили написать мое изображенiе съ натуры; тамъ сказано, что въ Парижѣ живетъ одинъ человекъ (это, конечно, никто иной, какъ вы), у котораго въ портфель хранятся доказательства того, что я не кровожадна. Представьте себѣ! Вотъ какъ судятъ о людяхъ, вотъ какъ знаютъ ихъ! Вотъ какъ пишутся съ нихъ портреты! Авторъ говорить, что во мнѣ скорѣе много хитрости, чѣмъ разсудительности или ума. Такъ ли это? Предоставляю вамъ судить о томъ. Наконецъ, онъ даетъ понимать, что во мнѣ есть всѣ женскiе недостатки. Опять отдаю себя на вашу судъ.

18 Августа. Лукавый унесъ Шведскаго короля: говорятъ, онъ убрался обратно въ Швецію. Въ Финляндiи его розыскиваютъ, какъ иголку, и никакъ не могутъ розыскать. Финляндскiя войска отступили отъ Нейшлота, и такъ какъ имъ надобно было плыть водой мимо крѣпости, то они прислали просить коменданта не стрѣлять по нимъ, пока они будутъ удаляться. Прямо, невиданное дѣло! Комендантъ согласился, и вотъ они убрались потихоньку ночью. Шведскiй король объявилъ въ газетахъ, что послѣ морскаго сраженiя 6 Юли его братъ отправился блокировать Кронштатъ. Да, какъ бы не такъ! Адмиралъ Грейгъ, съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ Кронштата, еще не бывалъ назадъ, и въ виду Свеаборга, гдѣ Шведскiй флотъ застрялъ послѣ битвы, сжегъ 64-хъ пушечный корабль, по имени Густавъ Адольфъ, и ни одна собака не явилась на помощь этому кораблю, хотя это и происходило въ виду сказанной гавани. Они насъ бьютъ на бумагѣ, а мы ихъ колотимъ на самомъ дѣлѣ. Герцогъ Зюдерманландскiй, по отзывамъ нашихъ моряковъ, не только не выказалъ особенной храбрости, но первый улизнулъ изъ сраженiя; ихъ вице-адмиралъ, который у насъ въ плѣну, чтобы прикрыть трусость герцога, выдавалъ его раненымъ, но онъ, слава Богу, здоровехонекъ. На пятый день послѣ того какъ всѣ ихъ корабли, безъ мачтъ и въ самомъ жалкомъ состоянiи, воротились въ гавань, точно собаки, выгнанныя съ кухни, они вздумали пѣть благодарственный молебень и до сегодня

⁴⁾ Съдое чудовище.

не высунули носа изъ этой ямы, со всѣхъ сторонъ окруженной скалами и подводными камнями. Увидимъ, что-то изъ этого выдетъ и какимъ образомъ и когда они вернутся во свояси. Въ Финляндіи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Шведы стоятъ теперь, крестьяне вынуждены прятать свой хлѣбъ, потому что голодные солдаты хотятъ его отнимать у нихъ силой. Никогда не видано ничего подобнаго этой войнѣ. Увидите, что наконецъ намъ же, изъ челоуѣколюбія, придется спасать ихъ отъ голодной смерти. Попутай Богъ короля Фальстафа!

4 Сентября. Что за удивительный мѣсяцъ выдался этотъ прошедшій Іюль. Въ послѣдній день Іюня я переѣхала въ городъ, чтобы не терять въ проволочкахъ понапрасну по три часа на каждомъ дѣлѣ, что въ общей сложности могло составить много потерянныхъ даромъ часовъ, и въ тоже время, чтобы успокоить переполохъ этой чопорницы—моей столицы. Здѣсь я очутилась въ обстановкѣ военнаго города, среди оружія и вооруженій всякаго рода. Все это двигалось и тянулось водой и по сушѣ у меня передъ окнами; я однимъ этимъ только и была занята; домъ мой превратился въ главную квартиру, и я сама находилась въ немъ безотлучно для получения вѣстей во всякій часъ дня и ночи, и всякую минуту размышляя, думая, придумывая разнаго рода проекты и ресурсы. Хотите, чтобы я сказала вамъ чистую правду? Среди всего этого я чувствовала себя отлично по себѣ, удивительно довольная собою и другими, вездѣ, на каждомъ шагу встрѣчая одно пламенное усердіе и готовность дѣйствовать для общаго блага. Изъ деревень, безъ всякаго указа и требованія, мнѣ слали десятаго для войска; горожане и города вызывались жертвовать и жертвовали огромныя суммы. Извозчики на почтовыхъ доставляли полковые обозы, и вмѣсто двухъ сотъ лошадей на станцію выставляли до пяти и семи сотъ. Иностранцы распускали слухъ, будто я собираюсь уѣхать въ Москву; но коренные жители, и особенно простой народъ, говорили: она ни за что не покинетъ Петербурга при теперешнихъ обстоятельствахъ. Въ эту самую пору Фальстафъ высаживался въ Финляндіи, и производилось нападеніе на Нейшлотъ. 6 (17) Іюля, говорятъ, въ Петербургѣ въ воздухъ былъ слышенъ запахъ пороха, что очень можетъ быть. Я въ этотъ день была нездорова и лежала въ одной изъ большихъ Эрмитажныхъ залъ на диванѣ; вся компанія играла въ карты, а неигравшіе забавлялись тѣмъ, что ругали Фальстафа. Черезъ два дня я получила извѣстіе о морскомъ сраженіи. Это было несравненно болѣе, чѣмъ въ данную минуту требовалось: ибо, по всѣмъ соображеніямъ, мы предполагали, что какъ скоро будетъ опрокинутъ первый Шведскій отрядъ, то послѣдуетъ, что сперва Финляндскія войска, а потомъ и Шведы перестанутъ слушаться и не станутъ далѣе поддаваться невообразимымъ сумасбродствамъ своего полоумнаго (повелителя), который, вѣроломствуя отнositельно насъ, въ тоже время обманывалъ собственный народъ и велъ его къ конечной гибели. Съ этой самой минуты все именно такъ пошло, какъ мы предвидѣли. 31 Іюля я получила извѣстіе, что послѣ отпаденія Финляндцевъ саръ Фальстафъ поручилъ своимъ приближеннымъ начать переговоры. Я запретила отвѣчать. По настоящую ми-

нугу вся Финляндія очищена отъ непріятели, кромѣ одного поста въ Гегфорсѣ, откуда ихъ тоже не замедлятъ выжить. Слѣдовательно извольте успокоить свои страхи.

18-го Сентября. Смѣшно, что вы вѣрите его выдумкамъ и тревожитесь ими: ничего подобнаго съ нами не случится. У насъ никого не осталось изъ его людей: отягченные недоумѣніемъ, полумертвые отъ голода и страха, безъ денегъ и почти безъ одежды, они отправились во свояси пасти гусей. Просто умора, если разсказать все что было: они словно заразились безуміемъ одного человѣка. Прощайте, будьте здоровы; готовлю вамъ огромное посланіе, со множествомъ приложений.

3-го Октября. Съ одной стороны графъ Пушкинъ подступалъ со всѣми своими силами, а съ другой Финляндцы потребовали отъ Шведовъ, чтобы они отступили отъ Гегфорса, и теперь во всей Россійской Финляндіи нѣтъ ни единого Шведа. Адмиралъ Грейгъ заперъ Шведскій флотъ въ Свеаборгъ и будетъ его держать въ блокадѣ, покуда время года благопріятствуетъ плаванію нашихъ кораблей. Теперь Фальстафъ далъ знать королямъ Прусскому и Англійскому, Голландскимъ Статамъ, Датскому двору, королямъ Французскому и Испанскому, каждому порознь, что онъ бросается къ нимъ въ объятія и проситъ посредничества при заключеніи мира. Всѣ дворы, кромѣ Датскаго, тотчасъ сообщили мнѣ о просьбѣ Фальстафа. Датчане же сказали, что Шведскій король опоздалъ и что они, будучи въ союзѣ съ Россіей, не могутъ принять на себя посредничество. Теперь всѣ ждут моего отвѣта, а я спѣшить не буду. Представьте, какая выходитъ все-Европейская смѣсь! Коль много поваровъ, плохая квашня, говорится у Нѣмцевъ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что зачинщики всему дѣлу г. Гаррисъ и Герцбергъ.

Посылаю вамъ двѣ пословицы, написанныя въ Августѣ для Краснаго Кастанана. Произведенія театральныхъ авторовъ Эримтажа могли бы уже теперь составить по меньшей мѣрѣ два тома. Можно подумать, что у этихъ пяти бѣдняковъ инаго дѣла нѣтъ; они раздѣляютъ работу между собою и говорятъ другъ другу: «ты вотъ это сдѣлай», а тотъ отвѣчаетъ: «а вотъ работа тебѣ». Точно имъ деньги за это платятъ! Теперь заразъ готовятся четыре пьесы, да готовыхъ ужъ почти столько же. — Адмиралъ Ванъ-Дезинъ давно уже соединился съ адмираломъ Повалишинымъ, который вернулся изъ Архангельска. Я не получала еще извѣстій о взятіи Хотина или Очакова. Какъ только будетъ оконченъ отвѣтъ на ужасныя обвиненія и клеветы, которыя Фальстафъ публично взвелъ на насъ 21-го Іюля, я вамъ его пришлю; онъ заключаетъ въ себѣ много чрезвычайно любопытныхъ фактовъ, а такъ какъ Фальстафъ въ безуміи своемъ осмѣлился клеветать на насъ и всячески насъ оскорбляетъ, то пусть и поплатится теперь за это въ глазахъ всей Европы. Этотъ безхарактерный злодѣй недостоинъ мѣста, которое онъ занимаетъ; въ поданныхъ своихъ онъ возбуждаетъ скорѣе презрѣніе, чѣмъ ненависть. Думаю, что теперь онъ станетъ посмѣшищемъ всей Европы и возбудитъ всеобщее негодованіе. У насъ и свои, и чужіе говорятъ,

что онъ совсѣмъ не имѣеть военныхъ дарованій: трусь и хвастунъ, голова у него безпорядочная и неспособная. Датчанами я весьма довольна. О Георгѣ и Фридрихѣ Вильгельмѣ ничего не могу сказать; вижу только, что имъ сильно хочется надѣлать дерзостей; но удасться имъ или нѣтъ, а я надѣюсь, что дѣла наши пойдутъ хорошо.

Посылаю вамъ Русскую комическую оперу, Иванъ Царевичъ, музыка сочиненія барона Ванжуры. Скажите пожалуйста, гдѣ находится маркизъ Лафайетъ. Если онъ въ немилости, если онъ тамъ лишний, пусть приплюютъ его къ намъ: мы ему найдемъ дѣло.

6.

17 или 18 Декабря 1768.

Имѣю честь объявить вамъ новость, которую вы уже, можетъ быть, и знаете, именно о взятіи штурмомъ Очакова. Фельдмаршалъ князь Потемкинъ прислалъ мнѣ донесеніе съ подполковникомъ Бауеромъ, котораго я тотчасъ же произвела въ полковники. Въ Николинъ день, 6-го Декабря ст. с., на разсвѣтъ, шесть колоннъ, подъ начальствомъ трехъ генералъ-лейтенантовъ, овладѣли въ полтора часа ретранша-ментами г-на Лафита, Гассанъ-пашинскимъ замкомъ и крѣпостью Очаковымъ. Генералъ-лейтенанты, принцъ Ангальтъ-Бернбургскій и Самойловъ, каждый съ своей стороны, были изъ первыхъ и за это получили по большому Георгіевскому кресту 2-й степени. Фельдмаршалъ получилъ Георгія 1-й степени. Извѣстія дошли до насъ 15-го Декабря вечеромъ. Въ этотъ день я хворала отъ простуды и лежала въ постели, но на другой же день присутствовала при молебнѣ, во время котораго былъ сдѣланъ 101 пушечный выстрѣлъ; стояло 25° и до 28° мороза. Въ народѣ большая радость; побѣды для насъ дѣло привычное. Я точно, какъ и въ прошлую войну, всегда больна въ тѣ дни, когда получаютъ хорошія и важныя извѣстія; это очень странно, но это такъ. Плѣнныхъ взято множество: болѣе 12000 чел., въ томъ числѣ трехъ-бунчужный паша. Ждемъ подробностей.

Завадовскому я прикажу покончить съ вами; чтоже касается до денегъ, которыя вы заплатили за состоящаго подъ его опекою, то по справедливости ихъ слѣдуетъ занести въ мой счетъ.

1789 годъ.

1.

23-го Января 1789.

Сочиненія Прусскаго короля уже давно получены здѣсь, но я прочла только еще 30 страницъ, на которыя написала 27 примѣчаній ¹⁾. У насъ говорятъ, что его величество въ очень многихъ мѣстахъ своей книги наговорилъ неправды безъ зазрѣнія совѣсти. Я еще не знаю навѣрное, я прочла только нѣсколько страницъ; однако мнѣ кажется, что онъ ради остраго слова жертвуетъ иногда вѣрностью событій.

¹⁾ Гдѣ эти примѣчанія? Или, не заключаются ли они въ примѣчаніяхъ на сочиненіе Аббата Денины, служащее введеніемъ къ собранію твореній Фридриха Великаго? См. Р. Архивъ сего года, II, 283 и далѣе.

Попадается также весьма много хорошаго. Братецъ Густавъ могъ бы съ пользою прочесть книгу, но дуракамъ ничто не въ помощь. Я еще не дошла до того мѣста, гдѣ говорится о принцѣ Генрихѣ и объ его пребываніи у насъ; но вѣрно то, что король погрѣшалъ иногда противъ истины: онъ говоритъ, что принцъ Генрихъ ходилъ съ ума зимою послѣ похода, окончившагося Тешенскимъ миромъ. Мнѣ рассказывалъ графъ Панинъ и увѣрялъ, что самъ читалъ объ этомъ въ собственноручной припискѣ короля. Я часто придумывала, что могло заставить короля прибѣгнуть къ подобной выдумкѣ, и полагаю, что онъ это сдѣлалъ изъ бережливости и съ цѣлю помѣшать принцу въ третій разъ къ намъ пріѣхать. Но пожалуста, чтобъ это осталось между нами: другаго употребленія сдѣлать нельзя. Впрочемъ, мнѣ было весьма пріятно слышать отъ васъ о добрыхъ намѣреніяхъ принца; не могу того же сказать о поведеніи его племянника: оно насквозь проникнуто двуличіемъ и полнѣйшимъ макиавелизмомъ.

24-го Января. Конечно я не забыла, что имѣла честь въ 1762 г. возвратить Фридриху II-му его королевство Пруссію и часть Помераніи. Не сомнѣваюсь также, что если племянничекъ не измѣнитъ своего поведенія, то ему, можетъ быть, грозятъ еще большія потери, чѣмъ дядюшкѣ, который и при своемъ геніальномъ умѣ съ великимъ трудомъ выпутался изъ бѣды. Радуюсь, что Сенъ-При сдѣланъ членомъ Совѣта; я хорошо знаю, чѣмъ бы желала его видѣть ²⁾. Вы напрасно стараетесь уничтожить Польскую націю: она сама къ тому стремится. Не такъ давно они уничтожили Постоянный Совѣтъ, который одинъ только могъ понуждать къ исполненію законовъ. Не бойтесь: пустая, безумная нація все будетъ сумасбродствовать, пока, наконецъ, придетъ минута, что она убѣдится въ своихъ глупостяхъ и раскается.

27-го Января. Сказываютъ, что князь Потемкинъ, котораго мы ждемъ съ часу на часъ, очень доволенъ присланнымъ отъ васъ хирургомъ. Маркизъ Лафайетъ нашелъ обширное поприще для своего усердія и, судя по ходу дѣлъ, ему предстоитъ много дѣла.

29-го Января. Если въ нотабляхъ или государственныхъ чинахъ проявится излишній пылъ, то я бы посовѣтовала дать имъ политическое развлеченіе ударомъ на партію штатгальтера въ Голландіи. Тогда всѣ горячія головы ринутся туда, а между тѣмъ хладнокровныя заплатятъ долги и установятъ подати. Такимъ образомъ всѣ были бы довольны и, можетъ быть, только этимъ способомъ и возможно успокоить волненіе, охватившее у васъ умы.

2.

19 Марта 1789.

Вы говорите, что по отзывамъ безумцевъ нѣтъ болѣе Екатерины. Но если бы ея не было, Россійская имперія не перестала бы суще-

²⁾ Т. е. первымъ министромъ Людовика XVI-го.

ствовать, и ея конечно не разрушать ни Фальстафъ, ни Фридрихъ Вильгельмъ, даже въ соединеніи съ другомъ Абдуль-Гамидомъ. У насъ прибываетъ силы отъ самаго времени. Кромѣ того, повѣрьте, что всѣ эти узлы могли бы распутаться въ четверть часа; но нѣтъ сомнѣнія, что если бы «бѣдные люди» *) соблаговолили заговорить погромче съ Голландцами, дабы не совсѣмъ погибли сторонники ихъ въ этой республикѣ, то для меня это было бы отмѣнною услугою. Поговорите объ этомъ дружески съ Сенъ-При и обсудите сообща, нѣтъ ли возможности склонить тотъ дворъ, гдѣ вы находитесь, къ какому нибудь дѣйствию, которое бы показало, что Франція еще въ числѣ значительныхъ державъ и что, владѣя 80-ю военными кораблями, она не обрекла ихъ на гніеніе въ портахъ, безо всякой пользы для государства. Значеніе этого двора совсѣмъ пропадаетъ, благодаря его бездѣйствию. Меня никогда не обвиняли въ пристрастіи къ нему; но выгоды мои и всей Европы требуютъ, чтобы онъ, елико возможно скорѣе, занялъ снова подобающее ему мѣсто, что, по уплатѣ долговъ, и должны посовѣтывать королю государственные чины. Вся Европа зарукоплещетъ, и нація прославится въ настоящемъ вѣкѣ и на будущее время. Французы любятъ честь и славу. Стоить имъ указать на требованія чести и отечественной славы, и они все сдѣлаютъ; а всякій Французъ долженъ согласиться, что чести и славы нѣтъ въ этомъ политическомъ бездѣйствіи, во время котораго безпрестанно питаются, расширяются, растутъ и накапливаются смуты внутреннія. Пусть напряженіе перельется за предѣлы королевства, и тогда прекратится это разложеніе, похожее на то, какъ черви точатъ основу корабля. Если бы Франція возвысила голосъ и заняла прежнее мѣсто, миръ состоялся бы скоро; за чѣмъ она для того не отправитъ своего флота въ Архипелагъ?

1790 годъ.

1.

24 Января (1789).

Повидимому г. Феронсу ¹⁾ любопытно узнать, что я вамъ написала о смерти Зельмиры. Да чтожъ я могла сказать кромѣ того, что Зельмира умерла? Я послала ея отцу копію съ письма, которое мнѣ написалъ Польманъ. Г. Феронсъ проситъ фактотума сообщить мнѣнне докторовъ или описаніе ея смерти. Фактотумъ навѣдывался въ Лоде. Докторъ сказалъ, что Зельмира нѣсколько разъ посылала за нимъ, чтобъ посовѣтоваться насчетъ здоровья, что онъ ей приготавливалъ лѣкарства отъ той болѣзни, отъ которой она умерла; что его не было при ней въ минуту смерти: за нимъ послали, но она уже умерла, такъ какъ болѣзнь продолжалась всего нѣсколько часовъ. Теперь

*) Die armen Leuten—такъ Екатерина называла тогдашнее, запутавшееся въ долгахъ Французское правительство.

¹⁾ Феронсъ, первый министръ герцога Брауншвейгскаго. См. Hist. secr. de la cour de Berlin, стр. 21.

папенька хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ постарался спасти для вну- чать то небольшое, что осталось послѣ Зельмиры, т. е. сорокъ или пятьдесятъ тысячъ рублей и брильянты. Грубіянь требуетъ, чтобъ все отдали ему, а тогда дѣтямъ не видать ни гроша, потому что онъ дыравый мѣшокъ и по уши въ долгахъ.

Столь часто упоминаемая Екатериною подъ именемъ Зельмиры принцесса Вир- тембергская Августа (род. 3 Декабря 1764) была старшею дочерью владѣтель- наго герцога Виртембергскаго Карла Вильгельма Фердинанда, известнаго пол- ководца и масона. По матери своей Зельмира приходилась племянницею ко- ролю Англійскому Георгу III-му, а по отцу племянницею первой разведенной жены короля Прусскаго Фридриха Вильгельма II-го (которая была удалена въ Штетинъ и тамъ скончалась лишь въ 1840 году). Этимъ родствомъ и связа- ми отчасти объясняется то участіе, которое приняла въ ней Екатерина. За- боты о Виртембергской принцессѣ могли служить какъ бы противовѣсомъ Прус- кому двору, который вмѣшивался въ домашнія дѣла Екатерины (мы видѣли, что «Иродъ» не оставлялъ въ покоѣ даже и молодого Бобринскаго, см. выше). Судьба Зельмиры видна изъ Екатерининскихъ писемъ къ Гримму, которыми опровергаются безчисленныя клеветы, до сихъ поръ по этому по- вodu распускаемыя въ произведеніяхъ Нѣмецкой историографіи и словесности и подрывающія наше довѣріе къ Нѣмецкой добросовѣстности. Приводимъ от- носящіяся сюда выдержки изъ Дневника Храповицкаго. Въ исходѣ 1786: «По- сыланъ къ Стрекалову, отъ него привезъ 1000 р., которая отдана Вильдшѣ. Говорено о принцѣ, что заслужилъ онъ кнутъ, ежели бы не закрыли мерз- кихъ его дѣлъ. 30 Декабря: Отправлена принцесса Виртембергская съ Г. П. Польшаномъ и Вильдшею. 5 Іюня 1788: Писала къ Польшану и къ прин- цессѣ и послали Французскія книги. Она любитъ чтеніе и время проводить съ Польшаномъ и его семьею. Ежели бы не было ему 60-ти лѣтъ, то бы со- чли его ея любовникомъ. «Не говорить ли сего?»—«Я не слыхалъ». 21 Сен- тября 1788: Послано на дачу къ гр. Безбородкѣ по случаю полученнаго на штафетѣ увѣдомленія отъ Польшана о смерти принцессы. Сказывали, что она умерла отъ остановившихся кровей; съ ней и прежде то случалось. Жаль ея! Осмѣлился сказать, что она въ несчастіи своемъ кромѣ вашего величества иной защиты не имѣла. 22 Сентября 1788: Приказано Рылѣву (Петербург- скому оберъ-полицеймейстеру) запечатать у купца Арнста принцессы бри- льянты, на продажу высланные; ихъ по оцѣнкѣ отъ 15-ти до 20 тысячъ. Когда донесъ онъ объ исполненіи, то велѣно привезть брилліанты во дворецъ. 23 Сентября 1788: Брилліанты принцессыны, запечатавъ въ ящикъ, ото- слалъ для храненія въ кабинетскую кладовую. Сказано: «Ихъ надобно отдать, но до времени пусть не знаютъ, что такое». 10-го Октября 1788: Разго- воръ о смерти принцессы Виртембергской, 16 Сентября приключившейся, и что нѣтъ отвѣта отъ Польшана на письмо ея величества отъ 21 Сентября. Я сказалъ, что начинаютъ говорить о томъ въ городѣ, чаятельно, по слухамъ изъ Ревеля. Написали письмо къ отцу ея и къ матери, поставя 23 Сентября. 19 Ноября 1788: Спрошенъ послѣ обѣда для отправленія курьера къ Польшану съ тѣмъ, дабы онъ, по желанію родителей покойной принцессы, при- слалъ обстоятельное описаніе о всемъ, относящемся къ болѣзни ея и ранове- менной смерти. Тутъ говорено о обоюдной ихъ другъ въ другу привязанно-

сти, очень похожей на любовь. Вопросъ у меня.—«Здѣсь не было слышно, развѣ были рѣчи въ тѣхъ мѣстахъ, кои ближе, и притомъ г-жа Вильде знать должна».—Она не смѣетъ говорить и мнѣ только сказала, что когда онъ не велитъ, то и гулять не поѣдетъ».—Приморскій замокъ Лоде, позднѣе владѣніе Буксгевдена (можетъ быть того, что былъ женатъ на дочери князя Орлова Софьѣ Григорьевнѣ) находится близъ Ревеля. Тула впоследствии удалена была Е. И. Нелидова. Принцесса Виртембергская была еще жива, когда прибылъ въ Ревель молодой Бобринскій.

2.

12 Февраля 1790.

Ужасно что вы рассказываете про ваше житье въ теперешнія пріятныя времена. Я знала, что какой-то г. Бельзэнсъ погибъ, но не знала, что это братъ г-жи дю-Бюэль; мнѣ грустно за нее. Теперь такія времена, что приходится жалѣть о прошломъ. Здоровье ваше очень меня тревожитъ. Такъ вамъ нравятся совѣты г. Рожерсона? Слѣдуйте имъ, если находите ихъ полезными; но вы не прославите этимъ ни аптеки, ни Эскулапа въ моихъ глазахъ. Правда, для васъ вовсе не заманчиво путешествовать во время возрожденія, по милости котораго страна стала походить на лѣсъ, населенный дикарями.

Такъ какъ я не люблю, когда умираютъ люди достойные, то смерть г-жи Бухвальдъ²⁾ меня весьма огорчила; мнѣ извѣстно было, что она пользовалась всеобщимъ уваженіемъ. Я нахожу, что у васъ грустные мысли. Видно, что вы страдаете и тѣломъ и душою; старайтесь развлечься, и если я могу облегчить ваше горе, то расскажите мнѣ все откровенно, съ тонкостью и умѣньемъ. Къ чему этотъ король Французовъ? Зачѣмъ отнимать у него Наварру, наслѣдіе отцовъ? Зачѣмъ, когда восемь сотъ лѣтъ всегда говорили «Франція», теперь вмѣсто того говорить «Французы»? Значеніе, которымъ пользовалось государство, должно было повидимому предохранить его отъ такихъ перемѣнъ, относительно которыхъ опытъ еще не указалъ, что хорошо и что дурно, что полезно и что вредно. Съ какихъ это поръ сумасбродство, легкомысліе, беспорядокъ, всевозможныя крайности цѣнятся выше опытности, благоразумія, порядка и закона? Ничего не зная и не понимая, могу только задавать вопросы, когда на моихъ глазахъ рушится все что было такъ дорого человѣку въ началѣ и въ срединѣ этого столѣтія, что руководило въ жизни, и безъ чего живетъ лишь изо дня въ день.

3.

21 Іюня 1790, Царское Село.

Повидимому вы несчастіе насъ, хотя мы заразъ ведемъ двѣ войны. Одна изъ нихъ такъ близко ведется отъ Петербурга, что въ

²⁾ Это была пріятельница Гримма, см. Р. Архивъ сего года I, 395.

городъ, а еще больше здѣсь, ужъ цѣлый мѣсяцъ слышенъ громъ пушекъ и, не смотря на это, мы всѣ очень веселы. Я думаю, это происходитъ отъ того, что у насъ всѣ убѣждены, что если бываютъ войны правыя, то это именно мои войны, такъ какъ мы сражаемся противъ несправедливости и измѣнниковъ.

Отъ искренняго сердца желаю, чтобъ несчастія Франціи окончились и чтобъ она вновь приобрѣла утраченное значеніе въ Европѣ. Живѣйшее участіе, которое я принимаю въ королевѣ, заставляетъ меня въ особенности желать улучшенія въ ея положеніи. Для преодоленія великихъ опасностей нужно имѣть и мужество великое.

Въ настоящую минуту г. Фальстафъ можетъ выказать свою храбрость. Возьмите пожалуста карту Балтійскаго моря и отыщите Выборгъ. Онъ находится въ углу залива на Финскомъ берегу; заливъ этотъ ближе всѣхъ другихъ къ Кронштату. Ну такъ, послѣ трехдневной битвы, которая начиналась всякій день на зарѣ и оканчивалась съ закатомъ солнца, флотъ подъ начальствомъ герцога Зюдерманландскаго, вслѣдствіе Шведскихъ соображеній, соединился передъ этимъ заливомъ съ галернымъ флотомъ, подъ начальствомъ самого короля. Выборгскій заливъ весь усѣянъ островами, между которыми стоятъ тридцать нашихъ галеръ; за островами находится городъ Выборгъ. Оба Шведскіе флота стоятъ между нашими тридцатью галерами и двумя эскадрами Ревельской и Кронштатской, которыя имъ отрѣзываютъ сообщеніе съ моремъ и Шведскими берегами; со стороны же Кронштатскаго залива стоятъ принцъ Нассау съ флотиліей галеръ, шебековъ и другихъ весельныхъ судовъ, которымъ нѣтъ числа. Ну, что же онъ дѣлаетъ, т. е. я разумью Фальстафа? И онъ, и всѣ, кто съ нимъ, умираютъ съ голоду, потому что всѣ бѣгутъ: пошлютъ кого за чѣмъ нибудь, хоть за водой, тотъ больше не возвращается. Въ Выборгскомъ заливѣ, между рифами и камнями, теперь находится съ обѣихъ сторонъ болѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ и, вѣроятно, когда вы получите это письмо, дѣло будетъ покончено.

22 Іюня. О Лафайетъ я ничего не скажу, но вижу, что и вы тоже думаете, что я. Что касается до г. Неккера, то я уже давно съ нимъ раскланялась и думаю, что для счастья Франціи было бы хорошо, если бы онъ никогда и не вмѣшивался въ ея дѣла. Мальтійскій орденъ не напрасно чувствуетъ ко мнѣ влеченіе: я болѣе чѣмъ кто либо уважаю и горячо люблю храбрыхъ, благородныхъ рыцарей, и всякій Малтійскій рыцарь всегда возбуждалъ во мнѣ почитаніе. Я готова сдѣлать все, что потребуется, только бы знать, чѣмъ я могу имъ быть полезна. Св. Іоаннъ Креститель пользуется у насъ весьма большимъ почетомъ, и въ особенности чтить его ваша почорная услужница съ того памятнаго дня 24-го Іюня с. ст., который мы всякій годъ празднуемъ, когда Оттоманскій флотъ былъ разбитъ при Чесмѣ. Можетъ быть, и Шведскій флотъ будетъ разбитъ въ тотъ же день, т. е. послѣ завтра. Аминь.

Что это за удушье, которое является у васъ, какъ только вы принимаетесь за письмо? По правдѣ, меня это очень огорчаетъ.

Вижу, что мои потери въ Вѣнѣ ³⁾ вамъ причиняютъ столько же огорченія, какъ и мнѣ, и теперь еще мнѣ тяжело о нихъ говорить. Я долго не могла видѣть посла; и онъ, и я едва могли удержаться отъ рыданій. Тысячу разъ пожалѣла я о Французской королевѣ, которая въ такое короткое время понесла столько различныхъ потерь; но она обладаетъ мужествомъ, какъ и мать ея, и неустрашимостью, отличающею весь ихъ родъ. До какой степени доходила неустрашимость Іосифа (иногда, какъ я смѣю думать, вредившая ему самому) видѣла я сама въ Тавридѣ; когда мы получили первое извѣстіе о смутахъ въ Голландіи. Онъ сталъ говорить со мной объ этомъ, и я рѣшилась откровенно высказать свое мнѣніе; признаюсь вамъ, его отвѣтъ испугалъ меня, вида, что онъ остроумнѣе и рѣчистѣе меня; однако все-таки дала ему понять, какъ бы я стала разсуждать въ подобномъ случаѣ. Больше я ничего не могла сказать, такъ какъ онъ вѣроятно зналъ мѣстные условія, которыя мнѣ были неизвѣстны, а мои мысли по обыкновенію были приложимы только къ моей странѣ.—Не знаю, что называетъ Дидотъ моими записками, но по истинѣ я никогда не писала таковыхъ, и если это грѣхъ съ моей стороны, то я и признаюсь въ немъ.

23 Іюня. Очень рада, что вы отдали справедливость Іосифу II: я къ нему чувствовала искреннее расположеніе, и онъ тоже любилъ меня. Я не могу о немъ вспомнить безъ умиленія. Онъ мнѣ написалъ ужасное письмо; я отвѣчала тотчасъ же, но мое письмо опоздало. Я многого ожидаю отъ его наслѣдника, который на первыхъ порахъ оказывается человѣкомъ осторожнымъ, благоразумнымъ, твердымъ, достойнымъ уваженія. Онъ производитъ хорошее впечатлѣніе во всѣхъ отношеніяхъ.

4.

25-го Іюня 1790.

Большія дороги заростутъ терніемъ, которое было уничтожилъ Генрихъ IV, къ великой радости Сюлія. Никогда я такъ часто не перечитывала Гапріады и записокъ того времени какъ нынѣшнюю зиму. Національное Сеобраніе должно бросить въ огонь всѣ лучшія произведенія Французскихъ авторовъ и все, что способствовало распространенію ихъ языка въ Европѣ, потому что все это служить осужденіемъ отвратительной теперешней неурядицѣ. До сихъ поръ думали, что слѣдуетъ вѣшать всякаго, кто замышляетъ гибель своей родины, а вотъ теперь это дѣлаетъ цѣлая нація или, лучше сказать, тысяча двѣсти представителей націи. Я думаю, еслибы повѣсить нѣкоторыхъ изъ нихъ, остальные бы образумились. Для начала слѣдовало бы уничтожить жалованье въ восемнадцать ливровъ, которое выдается каждому депутату (и тогда эта голь для своего пропитанія должна была бы вернуться къ своимъ ремесламъ), а потомъ запретить

³⁾ Кончина императора Іосифа II-го, 9 Февраля этого 1790 года; за два дни передъ нимъ умерла Австрійская эрцгерцогиня Елисавета, супруга будущаго императора Франца и старшая нашей императрицы Маріи Теодоровны,

закономъ принятіе адвокатовъ въ члены собранія. Противъ ябедниковъ существуютъ во всѣхъ земляхъ законы, иногда очень строгіе; а во Франціи этимъ шавкамъ дали законодательную власть. Вся эта сволочь не лучше маркиза Пугачева, про котораго я всегда говорила, что онъ отлично зналъ про себя, какой онъ злодѣй. Недавно еще эти самые адвокаты, смотря по тому за что платили больше, защищали равно истину и ложь, справедливость и беззаконіе. Я бы однимъ разомъ разогнала людей, а не стала бы по ключкамъ уничтожать что они сдѣлали или дѣлаютъ. Это придетъ само собою. Но говорятъ, что повелителю нравится эта игра въ гражданство (*bourgeoisie*), а такимъ образомъ не уничтожишь зла. Можно пожалѣть о государствѣ и о всѣхъ благоразумныхъ людяхъ! Что же касается до толпы и до ея мнѣній, то имъ нечего придавать большаго значенія.

5-го Августа 1790 г.

Спѣшу сообщить г-ну козлу отпущенія, что 3 Августа 1790 г. генераломъ Игельштромомъ съ нашей стороны и любимцемъ короля Армфельдомъ съ другой подписанъ миръ между Шведскимъ королемъ и его сестрой императрицей Россійской, безъ всякаго посредничества. Однимъ зломъ стало меньше. Сегодня утромъ у меня отвалились на ногахъ четыре мозоли, которыя меня очень беспокоили; изъ сего слѣдуетъ, что этотъ день можетъ быть причисленъ къ благопріятнымъ.

5.

12 Сентября 1790, послѣ обѣда.

У меня голова идетъ кругомъ отъ мирныхъ празднествъ, начавшихся 8 числа сего мѣсяца. Это плодъ мира. Слава Богу, что она у насъ не кружилась въ продолженіе войны. Это надо будетъ переносить съ терпѣніемъ и самоотреченіемъ. Вотъ небольшое предисловіе къ отвѣту на ваше письмо отъ 1-го (12-го) Августа, привезенное мнѣ Павловымъ. Оно начинается словами: «О бо мнѣ можно пожалѣть». Жалобный тонъ приличенъ человѣку, живущему въ столицѣ государства, которое стремится къ перерожденію и уже два года мучается родами, а все не можетъ ни родить, ни доносить: то родится выкидышъ, умирающій въ ту же минуту, то является на свѣтъ сгнившій и зловонный уродецъ....⁴⁾ Но лучше отвернуться отъ такихъ ужасныхъ и отвратительныхъ вещей, каковы преступленія этой гидры о тысячѣ двухъ стахъ головахъ. Вы хорошо дѣлаете, что ѣдете путешествовать для развлеченія. Во Франкфуртѣ вы найдете Николая Румянцова; можете обниматься съ нимъ, сколько угодно. Принцъ Нассау потерпѣлъ поражение не отъ Шведскаго короля съ его флотиліей, а просто вслѣдствіе сильнаго вѣтра и излишней пылости моряковъ, которые считали себя непобѣдимыми. Онъ хотѣлъ поддержать смѣльчаковъ, бросившихся впередъ, а тутъ поднялась буря, и онъ потерпѣлъ неудачу. Но, не смотря на это, онъ все-таки оказался сильнѣе Шведовъ. Въ то время, какъ подписывали миръ, онъ снова заперъ Шведовъ. Имъ грозило неминуемое истребленіе,

⁴⁾ Точки въ подлинникѣ.

какое обстоятельство сильно подѣйствовало на заключеніе мира, такъ что Шведы потребовали ратификаціи по истеченіи шести дней, потому что люди ужасно страдали. Они были заперты отвсюду посреди обломковъ разрушенія, послѣдовавшаго 22-го Іюня, въ тотъ день, когда принцъ сдѣлалъ промахъ и пошелъ къ Гогланду, вмѣсто того чтобъ лавировать между шкерами. Я полагаю, что его уговорили капитаны, потому что имъ понравилось брать большіе Шведскіе корабли, которые сдавались въ плѣнъ гребнымъ судамъ, чему, я думаю, мало было еще примѣровъ на морѣ. Если бы, вмѣсто того, чтобъ гоняться за военными кораблями, они отрѣзывали и преслѣдовали гребныя суда, чтó составляло ихъ обязанность: то каждый бы сдѣлалъ свое дѣло, и уплывшія суда не могли бы повредить принцу, какъ это случилось. Но сдѣланнаго не воротить, и нечего объ этомъ толковать.

Сегодня 12-го Сентября, народный праздникъ, а дождь льетъ какъ изъ ведра. У меня подъ окнами стоятъ два жареныхъ быка съ разными дополненіями, и соусъ изъ дождевой воды тутъ не кстати. Вино, которое бьетъ изъ двухъ фонтановъ, рядомъ съ господами быками, тоже будетъ пополамъ съ дождемъ. Видите, какъ я вѣжливо выражаюсь даже о жареныхъ быкахъ, не то, что Страсбургскіе жители, которые, по слухамъ, не хотятъ, чтобъ даже на письмахъ писали: «милостивый государь». Надо говорить правду: у васъ во Франціи теперь преобладаетъ тонъ грубой разнузданности. Однакоже Франція прославилась не этимъ тономъ, а изящнымъ языкомъ, которымъ говорили при дворѣ Людовика XIV-го.

Общественное мнѣніе дорожило этимъ блескомъ цѣлыя полтора столѣтія, и вотъ все это три года тому назадъ вдругъ исчезло. Вотъ на какія размышленія навели быки! Я бы еще многое могла сказать по этому поводу, но мнѣ принесли сейчасъ какой-то громадный пакетъ, и я должна васъ избавить отъ дальнѣйшихъ размышленій. Однако, прежде чѣмъ примусь за чтеніе бумагъ, я непременно должна вамъ сдѣлать вопросъ: а какъ же поступать Французы съ своими лучшими сочинителями, которые почти всѣ жили въ царствованіе Людовика XIV? Всѣ они, не исключая даже Вольтера, приверженцы королевской власти и проповѣдуютъ порядокъ и спокойствіе, чтó прямо противоположно ученію гидры о тысячѣ двухъ стахъ головахъ. Можетъ быть, они ихъ предадутъ сожженію? Если же нѣтъ, то это послужитъ къ опроверженію ихъ системы, коли у нихъ есть какая нибудь система.

12-го Сентября, послѣ обѣда.

Народный праздникъ кончился; у насъ каждый празднуетъ миръ по своему. Это пора увеселеній, прощенія, помилованій, наградъ и празднествъ. А вотъ сосѣдь мой, какъ вернулся въ Стокгольмъ, первымъ дѣломъ началъ рубить головы. Господи Боже мой, какъ разпо понимаютъ вещи на семъ свѣтѣ!

13-го Сентября 1790, во время сильнаго тумана.

Разнообразіе людскихъ мнѣній, туманъ и, можетъ статься, мѣстныя условія, все вмѣстѣ произвело—что? Перо мое само собой пи-

шесть: «Рейхенбахскій договоръ»; пожалуй, но тревожиться, лихорадочно волноваться вамъ не слѣдуетъ отъ этого. Принцъ Генрихъ правъ, что не обращаетъ вниманія на надутаго педанта ⁵⁾, который такъ неумѣло управляетъ дѣлами его племянника; нѣтъ хуже тѣхъ людей, которые изъ своей среды попадаютъ въ среду имъ чуждую и по физическимъ, и по нравственнымъ условіямъ жизни. Волченка хотѣли сдѣлать руководителемъ Европы, онъ и принялъ всѣ ухватки выскочки. Замятьте, пожалуйста: подобные люди губятъ себя тѣмъ, что дѣлаютъ зло безъ всякой пользы.

Но какъ вамъ не стыдно. Можно ли бояться еще четвертой войны? Мы бы ее вели точно также какъ, остальные войны противъ, противъ, противъ...., и всѣмъ бы имъ пришлось помѣряться силами съ нами. Теперь правая рука у насъ свободна; вы понимаете, мы увидимъ что увидимъ. Въ письмѣ, которое князь Потемкинъ написалъ, какъ только получилъ извѣстіе о заключеніи мира, есть нѣсколько словъ чрезвычайно мѣткихъ, которые неожиданно вырвались у него; я не могу не перевести ихъ вамъ. Онъ въ ту же минуту схватилъ перо и началъ письмо такимъ образомъ: «Здравствуй, матушка, всемилостивѣйшая государыня, съ плодомъ неустрашимой твоей твердости» ⁶⁾. Я люблю геніальные порывы, и мнѣ кажется, что подобную черту можно назвать геніальной. Я не могу этого не признать, хотя можетъ показаться, что въ словахъ много лести. Я отвѣчала ему, что Русская императрица, у которой за спиной шестнадцать тысячъ верстъ, войска въ продолженіи дѣлаго столѣтія привыкшія побѣждать, полководцы отличаются дарованіями, а офицеры и солдаты храбростью и вѣрностью, не можетъ, безъ униженія своего достоинства, не выказывать «неустрашимой твердости».

14 Сентября 1790.

Древніе всегда старались съ мужествомъ переносить невзгоды и боролись съ ними: тутъ и выказывались истинное величіе ихъ душъ, сильный умъ и закаленная доблесть. Герои новыхъ временъ должны бы имъ подражать; они должны бы питать свой духъ чтеніемъ древнихъ писателей, которое развило бы въ нихъ и укрѣпило всѣ свойства необходимыя для совершенія великихъ дѣяній. Хотите знать, чѣмъ въ свободные часы мы занимались съ генераломъ Зубовымъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ, когда вблизи гремѣли пушки? Ну, мы вамъ повѣримъ свою тайну: мы переводили томъ сочиненій Плу-тарха на Русскій языкъ. Благодаря этому, мы, не смотря на передрагу, оставались спокойны и были счастливы. Кромѣ того онъ еще читалъ Полибія.

Вашъ разговоръ о несчастномъ положеніи Французской королевы подтверждаетъ то, что я уже знала. Въ настоящее время ей можно только посовѣтывать величайшую осторожность въ дѣйствіяхъ. Впрочемъ, она можетъ быть увѣрена, что я сочту за долгъ быть ей полезной всячески какъ только могу; другъ и вѣрная союзница ея

⁵⁾ Графа Герцберга, перваго Прусскаго министра.

⁶⁾ Въ подлинникѣ слова эти приведены и порусски, и въ Нѣмецкомъ переводѣ.

братьевъ не можетъ думать иначе. Желаю отъ искреннѣйшаго сердца, чтобъ эти критическія обстоятельства переимѣнились въ возможно скоромъ времени.

15-го Сентября 1790.

Сегодня не знаю что бы вамъ сказать; развѣ то, что у меня большой обѣдъ на 288 человекъ, т. е. для офицеровъ всѣхъ четырехъ гвардейскихъ полковъ. Они превосходно исполняли свое дѣло и на сушѣ и на морѣ, оттого-то обѣдъ этотъ занимаетъ видное мѣсто между торжествами по случаю мира. Въ этой войнѣ гвардейскіе полки отличались, какъ рвеніемъ, такъ и дисциплиной и храбростью, и по истинѣ служили примѣромъ для всей арміи. Всѣ генералы отзываются о нихъ съ одинаковою похвалою; между прочимъ, они дѣлали неслыханные до сихъ поръ восьмидесяти-верстные переходы, и если иногда останавливались отдыхать на походѣ, то только ради обозныхъ лошадей; солдаты же не хотѣли отдыхать и только просили, чтобъ ихъ вели на враговъ: они боялись, чтобъ тѣ не убѣжали до ихъ прихода, и оттого-то такъ стремились впередъ. Кто изъ моихъ сосѣдей можетъ похвастать, что у него есть десять тысячъ солдатъ, проникнутыхъ подобнымъ единомудіемъ? Пойдемъ, пойдемъ, пойдемъ своей дорогой: враги не застанутъ насъ врасплохъ.

18 Сентября 1790.

Вотъ вамъ, г-нъ козелъ отпущенія, двѣ гравюры съ шестью ребятами. Эта ребятяжь растетъ наглядно. Г-нъ Александръ, телѣсно, сердечно и умственно—рѣдкій образецъ красоты, доброты и смысленности. Онъ живъ и основателенъ, скоръ и обдумчивъ, съ глубокими, своебытно-простыми идеями, и всякое дѣло у него спорится, словно онъ вѣкъ имъ занимался. Онъ великъ и силенъ для своего возраста, и притомъ гибокъ и легокъ. Словомъ, мальчикъ этотъ соединяетъ въ себѣ множество противоположностей, отчего отменно любимъ окружающими. Сверстники легко сходятся съ нимъ въ понятіяхъ и охотно за нимъ слѣдуютъ. Одно боюсь: женщинъ; потому что за нимъ будутъ гоняться, и нельзя чтобъ этого не было, такъ какъ у него наружность самая завлекательная. Впрочемъ онъ не знаетъ, что прекрасенъ и до сихъ поръ не придаетъ значенія своей красотѣ. Вы понимаете, что отнюдь нежелательно сдѣлать изъ него фата. Кромѣ того, онъ очень свѣдущъ для своихъ лѣтъ: говоритъ на четырехъ языкахъ, основательно знакомъ со всеобщей исторіей, любитъ чтеніе и никогда не бываетъ празденъ. Онъ охотно предается всякимъ удовольствіямъ своего возраста. Когда я съ нимъ заговорю о чемънибудь дѣльномъ, онъ понимаетъ, слушаетъ и отвѣчаетъ съ одинакимъ удовольствіемъ; заставляю я его играть въ жмурки, онъ и на это готовъ. Всѣ имъ довольны, и я также. Воспитатель его Лагарпъ находитъ, что онъ—личность замѣчательная. Теперь онъ занимается математикой, которая ему также легко дается, какъ и все прочее. Короче сказать, я представляю вамъ Александра какъ личность, замѣчательную между ему подобными, и если ожиданія наши не сбудутся, то я и не знаю, кто же послѣ того можетъ рассчитывать на успѣхъ.

Замѣтите еще, что, когда Александръ боленъ или утомленъ, когда ему скучно, онъ обращается къ изящнымъ искусствамъ, и тогда картины, медали, рѣзные камни доставляютъ ему немалое развлеченіе.

Второе мѣсто на эстампѣ занимаетъ Константинъ. Живость его характера иногда переходитъ въ дерзость; но онъ очень уменъ, и сердце у него предоброе. У него все выражается порывами, и нѣтъ въ характерѣ той послѣдовательности, какую отличается старшій братъ; но онъ заставитъ говорить о себѣ. Владѣетъ онъ также четырьмя языками, но вмѣсто Англійскаго, на которомъ говоритъ старшій, онъ изучилъ всѣ діалекты Греческаго. Недавно онъ замѣтилъ брату: «Что это ты читаешь плохіе Французскіе переводы? Я такъ читаю все въ подлинникахъ». Увидалъ онъ у меня Плутарха и говоритъ мнѣ: «Такое-то и такое-то мѣсто очень дурно переведено; я лучше переведу и принесу вамъ». Дѣйствительно, онъ мнѣ принесъ нѣсколько страницъ, которыя онъ перевелъ по своему; внизу стояло: «переведено Константиномъ». Я чрезвычайно люблю бесѣдовать съ Константиномъ; онъ очень воинственъ по природѣ и болѣе всего любитъ морское дѣло. Въ началѣ этой войны случилось, что нѣкто капитанъ Сакенъ, на Черномъ морѣ, видя себя окруженнымъ Турками, взорвался на воздухъ съ своимъ кораблемъ; Сакенъ этотъ тотчасъ же сталъ его героемъ. Нѣсколько разъ я уже замѣчала, что геройскіе поступки возбуждаютъ въ насъ удивительную охоту поступать также: въ такихъ случаяхъ онъ приходитъ въ восторженное состояніе. Вообще личность радующая.

Третій портретъ представляетъ дѣвицу Александру. До шести лѣтъ она ничѣмъ не отличалась особеннымъ, но года полтора тому назадъ вдругъ сдѣлала удивительные успѣхи: похорошѣла, выросла и приняла такую осанку, что кажется старше своихъ лѣтъ. Говоритъ на четырехъ языкахъ, хорошо пишетъ и рисуетъ, играетъ на клавишнѣ, поетъ, танцуетъ, учится безъ труда и выказываетъ большую кротость характера. Меня она любитъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ, и я думаю, что она готова кинуться въ огонь, чтобъ только понравиться мнѣ или хоть на минуту привлечь мое вниманіе.

Четвертая головка—Елена. Она, кажется, будетъ красавицей въ полномъ смыслѣ слова: у ней необыкновенно правильныя черты лица; она стройна, легка, ловка и граціозна отъ природы; характеръ у ней очень живой и шаловливый, сердце доброе. Всѣ сестры любятъ ее за ея веселый нравъ. Вотъ все, что можно о ней сказать.

Пятая головка—Марія. Ей бы слѣдовало быть мальчикомъ: привитая натуральная оспа ее совсѣмъ изуродовала, всѣ черты огрубѣли. Она сущій драгунъ, ничего не боится, у нея и наклонности, и игры мужскія; не знаю, что изъ нея выйдетъ. Обыкновенно она ходитъ подпершись кулаками въ бока: это ея любимая привычка.

Шестой ⁷⁾ только два года. О ней еще нечего говорить: она слишкомъ мала и далеко не то, что были братья и сестры въ ея лѣта.

⁷⁾ Великой княжнѣ Екаторинѣ Павловнѣ, родившейся передъ самою Шведскою войною 10 Мая 1788.

Она толста, бѣла, глазки у нея хорошенькіе, и сидитъ она цѣлый день въ углу съ своими игрушками, болтаетъ безъ умолку, но не говоритъ ничего достойнаго замѣчанія ⁸⁾.

Кромѣ этого эстампа дарю вамъ также работу г-на Жаркова ⁹⁾: портретъ въ мѣховой шапкѣ, который вы видѣли у г-на Сегюра. Въ-стѣ съ эстампомъ, изображающимъ ребятишекъ, найдете еще голову въ каскѣ, которую великая княгиня вздумала выгравировать на крѣпкомъ камнѣ. Вотъ еще приобрѣтеніе для вашего музея. Мой музей въ Эрмитажѣ состоитъ, кромѣ картинъ и Рафаелевыхъ ложъ, изъ 38 тысячъ книгъ. Четыре комнаты полны книгами и гравюрами, 10 тысячъ рѣзныхъ камней, почти столько же рисунковъ, и въ двухъ большихъ залахъ кабинетъ естественной исторіи. Ко всему этому прелестный театръ, въ которомъ смотришь и слышишь чудесно, съ удобнымъ сидѣньемъ и безъ сквознаго вѣтра. Мое маленькое убѣжище таково, что пройти туда и назадъ изъ моей комнаты составляетъ три тысячи шаговъ. Я въ немъ гуляю посреди многихъ вещей, которыя люблю и которыя доставляютъ мнѣ удовольствіе. Отъ этихъ прогулокъ по зимамъ я на ногахъ и здорова.

1791 годъ.

1.

13-го Января 1791.

Послѣдніе два года я стала къ вамъ писать и рѣже, и меньше, но это происходитъ не отъ того, что не о чемъ писать, а отъ нынѣшнихъ обстоятельствъ: не люблю я посылать къ вамъ письма во время страшной кутерьмы, которая происходитъ вокругъ васъ. Никогда не знаешь, живы ли вы еще въ этомъ вертепѣ разбойничьихъ смуть, грабежей и убійствъ. Злодѣи захватили власть и превратятъ скоро Францію въ Галлію временъ Цезаря. Но Цезарь ихъ усмирить. Когда же придетъ Цезарь? О, онъ придетъ, не сомнѣвайтесь; онъ явится! Еслибы я была на мѣстѣ гг. Артуа и Конде, я бы съумѣла употребить въ дѣло эти триста тысячъ Французскихъ рыцарей. Честное слово: или бы я погибла, или бы они спасли отечество, вопреки всѣмъ вашимъ слѣдственнымъ комиссіямъ. Но не сообщайте никому, что я думаю, потому что я не хочу этимъ повредить въ Парижѣ королю и королевѣ, которыхъ мнѣ отъ души жалко.

2.

3 Марта 1791.

Коцебу, можетъ быть, отличный человекъ и писатель; но, правду сказать, онъ не думаетъ о своихъ обязанностяхъ: беретъ жалованье, а другіе дѣлаютъ за него дѣло. Онъ находится подъ непосредствен-

⁸⁾ Сличу у Храповицкаго, подъ 27 Декабря 1787 года отзывъ Екатерины о трехъ старшихъ ея внучкахъ: «Первая ни рыба, ни мясо; вторая *seга, je crois, jolie* (будетъ, кажется мнѣ, красива); а третья *parait avoir de l'esprit* (умна повидимому) и всегда меня смѣшитъ».

⁹⁾ Екатерина пишетъ его имя въ одномъ мѣстѣ Garkou, въ другомъ Jarkou. По каталогамъ гравюръ Ровинскаго и Васильчикова имя этого художника нами не найдено.

нымъ покровительствомъ Циммермана, который его хвалить; но за всѣмъ тѣмъ я предвижу минуту, когда Сенатъ ему приплетъ отставку за то, что онъ не исполняетъ своей должности, и Сенатъ поступить законно, и нечего будетъ противъ этого возразить.

3.

15 Апрѣля 1791.

У насъ третій день послѣ Пасхи, а погода стоитъ почти такая же, какъ въ половинѣ Апрѣля бываетъ въ Кадиксѣ: отъ 19 до 20° въ тѣни, дѣло неслыханное и небывалое во всю мою жизнь. Все зеленеетъ, листъ развертывается, всѣ окна выставлены, и мы не знаемъ куда дѣваться отъ жару. Письмо ваше подтверждаетъ мнѣ что я знала. 16 Апрѣля, возвратившись изъ Франккурта въ это гнѣздилище разбойниковъ, вы были угощены зрѣлищемъ разрушенія. Вотъ что производится правительствомъ адвокатовъ, прокуроровъ и людей полоумныхъ, которыхъ въ былыя времена выставляли на посмѣшище въ театрѣ. Подумаешь, что они теперь мстятъ публикѣ за насмѣшки, которымъ подвергались. Во всякой странѣ имѣются законы противъ кляузы и кляузниковъ, а у васъ ихъ поставили во главу управленія. Но полно, я напишу сочиненіе о демократіи обширнѣе всего, что о ней было писано.

21-го Апрѣля 1791.

Въ Лондонѣ народъ писалъ меломъ на домахъ: «Не хотимъ войны съ Россіей». Послѣ этого во мнѣ воскресла вся прежняя нѣжность къ Англійскому народу. Двадцать лѣтъ тому назадъ, когда отправляли въ тюрьму лорда-мера, этотъ самый народъ кричалъ на улицахъ, чтобъ отослали все дѣло къ императрицѣ Россійской, и она рѣшитъ по справедливости безконечный процессъ ¹⁾. Вы, конечно, понимаете, что моя нѣжность не простирается на министерство, потому что оно ея не заслуживаетъ. Великій Герцбергъ, не отличающійся вѣжливостью, совсѣмъ не великій человекъ и не великій писатель; онъ просто тупой, упрямый Померанецъ, еще не отдѣланный отъ школьныхъ привычекъ; онъ всячески старается разорить своего повелителя, безъ всякой выгоды тратитъ его деньги, которыхъ и такъ не особенно много, и губитъ его въ общемъ мнѣніи. Теперь хлопочуть какъ бы заставить Герцберга выдти въ отставку; а тотъ, лишившись довѣрія своего государя, переноситъ всевозможныя униженія, подъ предлогомъ, что онъ принимаетъ мученія ради общаго блага. Подчиненные ободряютъ его и совѣтуютъ перенести мученія, потому-де, что государству нужна его бездарность: должно быть, у нихъ тамъ совсѣмъ нѣтъ даровитыхъ людей, если первенствуетъ человекъ, который только умѣетъ сѣять раздоры. Я вамъ сказала сущую правду, что въ день заключенія мира у меня свалилась большая мозоль съ ноги: эта мозоль все лѣто мѣшала мнѣ ходить, а въ этотъ день она сама собою свалилась, и я была очень рада, потому что люблю ходить, особенно по саду, который я сама развела.

¹⁾ Объ этомъ, сколько намъ извѣстно, въ Русской печати еще ничего не было.

Графъ Штапельбергъ отправляется въ Швецію, и я надѣюсь, что мы не замедлимъ придти къ соглашенію; вы узнаете объ этомъ, можетъ быть, прежде чѣмъ получите мое письмо. Что касается до Франціи, то я, не смотря на дружбу, начинаю думать, что у моего друга нѣтъ ни ума, ни характера, необходимыхъ въ его званіи и положеніи: боюсь, что это такъ. Зачастую бываетъ въ домѣ частнаго лица, что все несчастіе происходитъ отъ того, входитъ ли хозяинъ въ управленіе дѣлами или нѣтъ, и тогда они идутъ или хорошо или дурно, смотря потому, какова голова у хозяина. У васъ тоже самое.

Я попробую истолковать драгоцѣнную переписку принца Генриха, за которую я васъ откровенно благодарю. Католическій любимецъ покойнаго короля ²⁾ могъ нравиться своимъ остроуміемъ и своими познаніями; но въ Польшѣ онъ такъ много путалъ, каверничалъ и такъ часто противорѣчилъ самому себѣ, что всѣ извѣрились въ него. Что касается до нѣкоторой знатной дамы, то, конечно, она не могла желать, чтобъ Гу поступалъ такимъ образомъ, такъ какъ это было противно и ея интересамъ. Что у дядюшки совѣта не спрашивали и теперь не спрашиваютъ, это мы тоже знаемъ. Кто сознаетъ въ душѣ, что онъ глупъ, тотъ всегда опасается умныхъ людей. Это относится къ отрывку отъ 22-го Января 1790. Затѣмъ слѣдуетъ извлеченіе отъ 6-го Февраля, гдѣ онъ себя называетъ бесполезнымъ и лишнимъ человѣкомъ. Это и досадно, и горько; общество измѣнилось, оно уже не то, что было въ 1740 г.; нѣтъ прежняго блеска, остроумія, исчезъ геройскій духъ. Конечно, когда никто не знаетъ, чего онъ хочетъ или не хочетъ, то невозможно разсуждать ни о мирѣ, ни о войнѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ люди хорошіе радуются, что остались въ сторонѣ. Это похоже на оберъ-камергера Шувалова: онъ всегда сдѣлаетъ шагъ впередъ и сейчасъ же раскаивается, зачѣмъ не сдѣлалъ шага назадъ. Отрывокъ отъ 18-го Февраля гласитъ, что трупъ составленъ изъ плохихъ актеровъ. Въ этомъ всѣ согласны. Отрывокъ отъ 1-го Марта признаетъ, что война была бы несчастіемъ для страны: стало бы, было бы лучше и не начинать ея, тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакой необходимости. Касательно моего покойнаго задушевнаго друга ³⁾ я не могу придти въ себя отъ изумленія. Какъ, будучи созданъ, рожденъ, воспитанъ для своего званія, съ умомъ, дарованіями и знаніями, онъ ухитрился управлять такъ плохо! Мало того, что онъ ни въ чемъ не имѣлъ успѣха, онъ еще довелъ себя до несчастій, среди которыхъ и умеръ. Наслѣдникъ его держится другихъ правилъ; онъ единственный человѣкъ, которому я прощаю его игру. Если онъ обманываетъ насъ, я его поздравляю; если же нѣтъ, то мнѣ его жалко. Но, вѣроятно, онъ достигнетъ своей цѣли, и тогда на его долю выпадетъ блестящая и славная роль. Если только въ него не вселится дьяволъ, то онъ останется другомъ друзей своего покойнаго брата. Альбіонъ такъ милъ, съ своимъ помѣшаннымъ глупцомъ, что едва ли пріобрѣтетъ себѣ

²⁾ Бенуа? — ³⁾ Иосифа II-го?

друзей. Отрывкомъ отъ 7-го Марта великій Герцбергъ причисляется къ безумцамъ: и по дѣломъ ему, тамъ его настоящее мѣсто; по моему мнѣнію, его бы слѣдовало послать на мѣсто, оставшееся свободнымъ послѣ Мирабо. Безъ сомнѣнія, спокойствіе водворится, если вмѣсто того чтобы вынимать шпагу, мы ее оставимъ въ ножнахъ. Принцъ Генрихъ хотѣлъ покинуть свое отечество, но милый племянникъ не позволилъ ему уѣхать. Пусть кормчіе управляютъ кораблемъ и вымѣряютъ глубину, какъ имъ угодно; но если нѣтъ ни попутнаго вѣтра, ни весель, судно все-таки не двинется съ мѣста, все равно какъ тѣло безъ души и безъ силы, необходимой для приведенія его въ движеніе. 2-го Апрѣля. Невеселый былъ день. Повидимому, Пруссаки не имѣютъ большаго довѣрія къ своимъ кормчимъ. Сравненіе того, что они видятъ, съ Національнымъ Собраніемъ, ясно обрисовываетъ положеніе дѣлъ, и конечно хуже этого ничего не можетъ быть. Миръ повидимому исчезъ съ лица земли. Знакомцу нашему ⁴⁾ не нравится быть нулемъ, и это весьма простиительно. Итальянецъ, сумашедшій и простофиля ⁵⁾ заварили пиво слишкомъ кислое, и дай Богъ, чтобы имъ же долго пришлось его расхлебывать. Въ отрывкѣ отъ 5-го Апрѣля онъ говоритъ, что въ рукахъ иныхъ людей политика обращается въ путаницу; происходитъ это отъ того, что дураки всегда поступаютъ глупо, и иначе поступать не могутъ, что бы тамъ ни толковали! Последнее заимствовано изъ Ученыхъ Женщинъ ⁶⁾, и весьма кстати. Большая пріятельница ⁷⁾ не податлива, дѣла свои она поведетъ не иначе какъ по своему разумѣнію и, конечно, никакіе Жегю ⁸⁾ на свѣтѣ не заставятъ ее поступить иначе, чѣмъ какъ она поступаетъ. Объясненія по поводу ума безсердечнаго герцога ⁹⁾ утверждаютъ меня въ моемъ мнѣніи о немъ; я видѣла, какъ онъ обращался съ своей дочерью: очень фальшивый, очень двуличный и очень мелочный человекъ, такъ что тутъ является очень много на его счетъ разныхъ но...; объ остальномъ и упоминать не стоитъ. Я не прочла ни одного сочиненія великаго и възбалмошнаго Герцберга, но чутье мнѣ уже давно подсказало, что его литературныя достоинства равняются его искусству въ политикѣ; какъ видите, распознать это чутьемъ было не легко. Отъ 16-го Апрѣля. Я никому не мѣшала заключать миръ, и миръ былъ заключенъ; но правда, что имъ онъ стоилъ милліоны. О Систовскомъ же мирѣ еще не слышно, хотя они и носятъ съ нимъ уже болѣе девяти мѣсяцевъ; дѣтище ихъ что-то медлитъ появленіемъ на свѣтѣ, а можетъ появиться и выкидышъ. Да это и случится, если дѣла пойдутъ такъ, какъ они теперь идутъ.

⁴⁾ Т. е. принцу Генриху.

⁵⁾ Т. е. Лукезини, Георгъ III-й и Фридрихъ Вильгельмъ II-й.

⁶⁾ Комедія Мольера: *Femmes Savantes*.

⁷⁾ Т. е. сама Екатерина.

⁸⁾ Мы уже знаемъ, что подъ этимъ словомъ Екатерина разумѣла Георга III-го, Густава III-го, а иногда Прусскаго Фридриха Вильгельма.

⁹⁾ Герцога Брауншвейгскаго.

22-го Апрѣля. Я остановилась на отрывкѣ отъ 30-го Апрѣля. Внутреннія невзгоды удручаютъ его; онъ непричастенъ политической и военной неурядицѣ, господствующей въ странѣ. На это истолковательница замѣчаетъ, что, благодаря этому двойному бѣдствію, Бранденбургскіе пески останутся песками; но при первой войнѣ все остальное улетучится какъ дымъ. Глупость есть хроническая болѣзнь, противъ которой не устояла даже Франція, и знаете ли отчего? Оттого что глупость заставляетъ дѣлать именно то, чего не слѣдуетъ дѣлать.

Въ отрывкѣ отъ 3 Мая говорится, что Франція въ ужасномъ положеніи, съ чѣмъ согласна истолковательница. Авторъ прибавляетъ, что у нихъ тоже плохо, но въ иномъ родѣ. Историкъ замѣчаетъ на это, что Франція уже въ судорогахъ, между тѣмъ какъ у нихъ онѣ еще готовятся, благодаря глупости, которую излѣчить еще труднѣе, нежели судороги. Прекратится глупость, исчезнутъ и судороги; но дѣло въ томъ, что дураковъ излѣчиваетъ только могила, а лѣкарства отъ глупости еще не найдено. Разсудокъ и здравый смыслъ не то что оспа: привить нельзя.

Прогулка по Силезіи кончилась вздоромъ. Рейхенбахскій конгрессъ не лучше. Посмотрите что изъ этого вышло! Гдѣ же миръ и Систовскій конгрессъ? Все это чепуха. Я докажу, какъ дважды-два—четыре, что глупѣе этого ничего не могли сдѣлать. Кажется, довольно ясно? Объ остальномъ было бы слишкомъ долго писать; да къ тому же, вамъ все это также хорошо извѣстно, какъ и мнѣ, если не лучше. Авторъ сожалѣетъ, что не имѣетъ голоса. Я была бы рада, еслибъ онъ его имѣлъ; потому что гораздо лучше имѣть дѣло съ умными людьми, чѣмъ съ такими, у кого ума ни на грошъ.

До сихъ поръ, благодаря моему природному чутью относительно книгъ, я не прочла болѣе семнадцати страницъ изъ выдумокъ г. Люк(езини). 27-го Мая послужило поводомъ къ сочиненію похвального слова великому Герцбергу, который, по моему, просто *un grand mîsère*, а *grand mîsère* въ играхъ, изобрѣтенныхъ Франклиномъ въ Бостонѣ, означаетъ сдачу, состоящую только изъ младшихъ картъ, съ которыми надо не брать ни одной взятки; слѣдовательно, когда на рукахъ такая сдача, то гораздо чаще приходится проиграть, нежели выиграть.

Венгерскій король выигралъ время: Венгерцы обѣщаютъ ему 60,000 войска, которое они обязуются содержать на свой счетъ, съ условіемъ, что онъ не откажется отъ своихъ завоеваній. Вотъ Пруссія не дѣлаетъ своему королю подобныхъ блестящихъ и въ тоже время основательныхъ предложеній. По моему мнѣнію, если Венгерской кавалеріи дать въ подкрѣпленіе Русскую пѣхоту, то противъ такихъ войскъ не устоятъ искусственные корпуса. Историкъ восторгается Венгерцами еще больше прежняго, съ тѣхъ поръ, какъ они сказали своему королю: «Ваше величество, не отдавайте ничего, на этомъ условіи мы вамъ дадимъ все что будетъ нужно». Когда въ рукахъ такая сила, спрашиваю я у васъ, не является ли желаніе помѣряться въ борьбѣ съ дерзостью и неразуміемъ?

23-го А прѣ ля. Въ отрывкѣ отъ 1-го Юля говорится, что императрица Россійская очень несговорчива. Слѣдуетъ добавить, что она не потерпитъ, чтобъ ей предписывали законы и что, конечно, она бы давно заключила миръ, если бы смутники сидѣли смирно и не мѣшали Туркамъ мириться, а на это дѣло они тратятъ попусту огромныя суммы. Русскіе такъ и останутся Русскими, а г. Герцбергъ все тѣмъ же грубымъ Померанцемъ, который даетъ такой видъ всѣмъ поступкамъ своего государя, что по его милости король слыветъ за человѣка жестокаго и двоедушнаго. Какъ видите, истолковательница выражается довольно невѣжливо; она однако зачеркнула слово олухъ (bebet), которое было тутъ не кстати и портило фразу. Правда подчасъ колется; оттого-то, можетъ быть, ей и не счастливится, и не всѣмъ она нравится. Но истолковательницѣ можно извинить рѣзкость, такъ какъ она пишетъ въ защиту истины и справедливости. Конечно, лучше бы было воздерживаться отъ эпитетовъ; но что прикажете съ нею дѣлать? Она говоритъ, что пишетъ то слово, какое ей подвернется на языкъ. На это я могу замѣтить, что если кто не дуракъ, то отъ слова ему ничего не станется, онъ не поглупѣетъ, но тогда отвѣтственность ляжетъ на толковательницу. Въ отрывкѣ отъ 11-го Юля говорится о крохотномъ тщеславіи, которое я хорошо знаю, и я могла бы даже привести такую черту, что хотъ сейчасъ въ комедію; толковательница говоритъ, что она убѣждена, что глупостямъ конца не будетъ, что любезный дядюшка не разгорялся на многочисленныя арміи для угожденія своимъ тщеславнымъ министрамъ, и что племяннику они достались неизбалованными, а смущенными. Мнѣ очень нравится, какъ чиновникъ князя Кауница сидитъ противъ великаго Герцберга. Императрица не изъ таковскихъ, чтобъ посылать туда кого нибудь своего. Пришлось рѣшителю судебъ Европы ѣхать на конгрессъ съ кѣмъ попало; Голландца нужно было тянуть за уши, а Англичанина толкать въ спину.

Въ отрывкѣ отъ 8-го Сентября авторъ спрашиваетъ, какъ онъ записанъ у вашей героини—въ бѣлой книгѣ или въ черной? Такъ какъ толковательница увѣряетъ, что ей отчасти извѣстно, кто такая эта героиня, то и ручается за ея уваженіе къ автору, такъ какъ нельзя не уважать одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего времени, единственнаго человѣка въ государствѣ, который остался вѣренъ стариннымъ правиламъ и никогда не подчинялся вліянію газетныхъ писакаъ. Но миръ я заключу только на тѣхъ условіяхъ, которыя уже объявила. По поводу записки 10-го Октября, толковательница выражаетъ ту мысль, что съ хитростью бываетъ тоже что съ ученостью: человѣкъ самый ученый все-таки ничего не знаетъ, а тотъ, кто себя считаетъ очень хитрымъ, совсѣмъ не хитеръ. 17-го Февраля,—сильная выходка противъ Англичанъ; толковательница только что передъ тѣмъ прочла рѣчи оппозиціи, и потому замѣчаетъ, что то, что въ настоящую минуту не нравится однимъ, нравится другимъ. Она права, потому что, благодаря этому, люди привыкаютъ размышлять; а вы должны сознаться, что подобная привычка вещь крайне необходимая. И такъ толковательница проситъ Небо ниспослать свое бла-

гословеніе на тѣхъ, кто силою краснорѣчія борется противъ писакъ. Въ отрывкѣ отъ 8-го Ноября снова говорится о бѣлой книгѣ и о черной; но толковательница говоритъ, что она разъ уже отвѣчала на этотъ вопросъ, и отвѣтъ ея можетъ считаться рѣшительнымъ. 19-го Ноября авторъ, по словамъ толковательницы, выказалъ много скромности, когда поздравлялъ себя съ тѣмъ, что не находится въ числѣ плохихъ дѣятелей; потому что тѣ, кого онъ называетъ великими дѣятелями, въ сущности жалкіе дѣятели, и всѣ ихъ дѣянія крайне нелѣпы. По поводу отрывка отъ 15-го Декабря, толковательница восклицаетъ: честное слово, мнѣ досадно, что авторъ не имѣетъ никакого вліянія на государственныя дѣла; это доказываетъ, что тамъ не умѣютъ распознавать достоинство людей. Онъ любитъ свою племянницу, но эта особа извѣстная Фурія, самая неумолимая изъ всѣхъ Фурій, когда либо существовавшихъ на свѣтѣ. Я ей ничего не сдѣлала; не знаю, почему она себя вообразила, что я ей буду вредить, хотя я никогда не вмѣшивалась въ ея дѣла, и съ тѣхъ поръ она натравливаетъ на меня не только брата, но и Англичанъ, и Голландцевъ. Она и отецъ Зельмиры злятся на меня такъ, что я и рассказать вамъ не могу. Толковательница добавляетъ, что планъ вѣчнаго мира—прекрасная мечта, отъ которой посредственнымъ умамъ немудрено и опьянѣть; но если кто господинъ у себя и есть у него своя собственная шапка, то онъ не позволитъ, чтобъ впихнули его голову въ такую шапку, гдѣ ужъ есть еще головы, которыя давятъ одна другую. Толковательница увѣряетъ, что она помнитъ то время, когда его королевское высочество занимался политической экономіей; потомъ онъ, по ея словамъ, возымѣлъ большое довѣріе къ графу Мирабо. Наконецъ, толковательница говоритъ, что его планы слишкомъ отвлечены и не соотвѣтствуютъ ни естественному ходу вещей, гдѣ все такъ просто и вмѣстѣ величественно, ни стремленіямъ человѣческимъ; слѣдовательно это пустыя выдумки. По поводу 28-го Декабря толковательница говоритъ: «Имѣю страхъ Господень, любезный Абнеръ, и нѣтъ у меня инаго страха». Англичане напрасно грозятъ намъ; меня ихъ не испугать: мы ихъ примемъ какъ надо; да и что они намъ могутъ сдѣлать? Развѣ они будутъ забирать свои собственные корабли и корабли своихъ союзниковъ или, можетъ стать, захватятъ нейтральные? Наши же суда не въ состояніи ихъ вознаграждать за издержки на вооруженіе. Тогда-то можно будетъ сказать съ Вольтеромъ: «Какимъ неразумнымъ тиранамъ вручилъ Ты вселенную!» Угроза Англичанъ новая глупость съ ихъ стороны, вотъ и все. Отрывокъ отъ 10 Января 1791 г., по мнѣнію толковательницы, отличается мрачнымъ характеромъ и доказываетъ, какъ и все остальное, что у автора не спрашиваютъ совѣта, а онъ сожалеетъ объ этомъ, такъ какъ, что ни говори, а онъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. 24-го Января говорится, что актеры безъ рѣчей играютъ глупую роль. Толковательница замѣчаетъ, что когда люди ничтожныя захотятъ блеснуть, то всегда бываютъ глупы. Объ отрывкѣ 31-го Января таже толковательница, о которой уже столько разъ упоминалось, замѣчаетъ, что въ немъ заключается драгоцѣнное изло-

женіе политическихъ мнѣній великаго человѣка, Герцберга, котораго потомство назоветъ грубымъ и безтолковымъ, и только. Къ отрывку отъ 23-го Февраля относятся слѣдующіе комментаріи: хорошо бы было поручить дядюшкѣ высѣчь кое-кого изъ его племянниковъ, кого онъ захочетъ, чтобъ и другіе знали, что за двоедушіе и глупость бьютъ, а за честность и благородство хвалятъ и современники, и потомство. Но при этомъ не должны страдать неповинные ни въ чемъ простаки; бѣдный простофія, котораго водятъ окружающіе его интриганы, достоинъ сожалѣнія. И по правдѣ, мнѣ его жалко; но надѣюсь, что ему никогда не придется относиться ко мнѣ съ такимъ же чувствомъ. Въ отрывкѣ отъ 10-го Марта говорится о такъ называемой главѣ; вотъ это мило! Да вѣдь это все равно что нуль, замѣчаетъ толковательница и потомъ добавляетъ: никакія разумныя слова не проникнуть въ эту безформенную мозговую массу; авторъ самъ потерялъ всякую надежду. Это просто баранья голова!

24-го А пр ѣ л я. Сегодня идетъ снѣгъ; и мнѣ нельзя сидѣть на воздухѣ въ саду Эрмитажа, какъ нѣсколько дней тому назадъ. Видите, мнѣ нужно было вамъ это сказать: иначе нельзя было продолжать письма. Я перечла семь листовъ, которые уже исписала; изъ нихъ составилось бы недурное письмо, если бы я постаралась: они представляютъ обильный матеріалъ, но мнѣ недосугъ.

Снова возвращаюсь къ драгоценнымъ отрывкамъ. Я остановилась на 14-мъ Марта. Толковательница говоритъ: не нужно доказывать, что въ депешахъ иногда заключаются противоположныя приказанія. Въ иныхъ государь говоритъ: не исполняйте приказаній начальниковъ, потому что я не раздѣляю ихъ мнѣній; а начальники говорятъ: не обращайте вниманія на его слова; онъ думаетъ о многомъ не такъ, какъ бы слѣдовало; дѣлайте свое дѣло. Затѣмъ приходитъ приказаніе остановиться. Представьте же себѣ положеніе подчиненныхъ, получающихъ подобныя предписанія? А у этихъ подчиненныхъ есть опять свои подчиненные, которые сносятся съ своими товарищами.

Конецъ комментарія.

Затѣмъ благодарю васъ за все что вы пишете о вашемъ довѣрїи ко мнѣ; я очень тронута и видите, какъ отвѣчаю вамъ.

25-го А пр ѣ л я. Слава Богу, до сихъ поръ еще въ Ливоніи не замѣтно признаковъ благотворительности короля надъ королями, великаго и великодушнаго Герцберга. Но онъ снова подстрекаетъ Шведскаго короля, и меня нисколько не удивитъ новое нападеніе съ этой стороны, такъ какъ онъ готовъ служить тому, кто больше дастъ, а конечно трое дадутъ больше, чѣмъ можетъ дать одинъ. Пусть приходитъ, я ему пуцу навстрѣчу стрѣлу, которая всегда прямо попадаетъ въ цѣль. Посмотримъ, можетъ быть, графъ двухъ имперій, Суворовъ Рымникскій еще поукоротитъ одежду у Шведскаго короля, а она и безъ того коротка. Но пусть будутъ прокляты всѣ Жегю съ ихъ шайкой и всѣ подстрекатели! Они—царство сатаны на землѣ. Девятнадцатый вѣкъ, по словамъ генерала Зубова, не обѣщаетъ ничего хорошаго въ будущемъ. Ему это не нравится; онъ молодъ и еще успѣетъ увидать этотъ вѣкъ во всемъ великолѣпїи. Какая разница со второю

половиною восемнадцатаго! Половина тѣхъ, кто еще въ живыхъ, или дураки, или сумашедшіе; попробуйте, коли можете, пожить съ такими людьми! У меня теперь страсть на все писать комментаріи. Я начну съ декретовъ Национальнаго Собранія, преимущественно съ того, который присуждаетъ къ каторгѣ всѣхъ министровъ короля за тѣму проступковъ, которые имъ даже и въ голову не приходили; если хоть одинъ изъ нихъ останется послѣ того при королѣ, то придется сказать, что министры его величества упрямы даже самого г. Питта.

26-го Апрѣля. Г. Коцебу мнѣ надоѣлъ¹⁰⁾. Я не имѣю чести его знать, но знаю одно, что онъ всѣхъ заставляетъ ко мнѣ писать, а самъ вездѣ, только не тамъ, гдѣ бы ему слѣдовало быть. Конечно, если у него такой нравъ, что онъ не можетъ сидѣть смиренно на мѣстѣ, то онъ воленъ ѣхать, куда угодно. У насъ онъ слыветъ завзятымъ Пруссаконъ; онъ былъ въ сношеніяхъ съ Густавомъ; полагаю, что тотъ глупецъ, въ качествѣ всесвѣтнаго покровителя, обласкалъ и его, какъ человѣка даровитаго и литератора. Письмо его прочту и, если можно будетъ, напишу комментарій на него.

29-го Апрѣля. Да будетъ извѣстно моему козлу отпущенія, что вчера фельдмаршалъ князь Потемкинъ далъ намъ великолѣпный праздникъ, на которомъ я пробыла отъ семи часовъ вечера до двухъ часовъ утра. Разстояніе между моимъ домомъ и его, который рядомъ съ конногвардейскими казармами, будетъ версты четыре; но такъ какъ я привыкла вставать въ шесть часовъ, то и проснулась какъ всегда въ этотъ часъ, и теперь пишу къ вамъ, чтобъ отдѣлаться отъ легкой головной боли, которую чувствую. Праздникъ начался народнымъ угощеніемъ, но я застала уже остатки, такъ какъ народъ въ минуту все растащилъ; почтенная публика долго дождалась, стоя на дождѣ, который лилъ съ двѣнадцати часовъ, и потому съ великою поспѣшностью бросилась на угощеніе. Потомъ, вѣроятно, тѣ, кому удалось что нибудь захватить, отправились восвояси, чтобъ тамъ насладиться плодами своихъ трудовъ. Публика же, приглашенная по билетамъ, во дворецъ князя, прошла черезъ великолѣпныя сѣни и первую залу въ другую громадную залу, которая по размѣрамъ и по красотѣ постройки уступаетъ, какъ говорятъ, только Св. Петру въ Римѣ. Въ залѣ два ряда колоннъ; за колоннами съ одной стороны обширный зимній садъ, украшенный статуями и вазами, которые кажутся очень маленькими. По этому вы можете судить о размѣрахъ. Я набросала вамъ рисунокъ залы, а вы постарайтесь себѣ представить, какъ все было¹¹⁾.

Большая зала въ длину имѣетъ, я думаю, сажень 35; она построена изъ кирпича, но удивительно изящна и величественна. Какъ только я вошла въ залу, князь подвелъ меня къ стульямъ, стоявшимъ рядами, на мѣстѣ, означенномъ буквою д; я усѣлась посреди публики, которая была безъ шапокъ и не промокла подъ дождемъ, и тог-

¹⁰⁾ См. стр. 177 и 191. Это извѣстный драматургъ.—¹¹⁾ Къ подлинному письму приложенъ сдѣланный Екатериною чертежъ Таврическаго дворца.

да изъ саду, гдѣ я поставила значки ††, появились двѣ кадрили, одна розовая, другая голубая; въ первой былъ великій князь Александръ, во второй великій князь Константинъ. Каждая кадрили состояла изъ двадцати четырехъ паръ: тутъ была самая красивая Петербургская молодежь обоюго пола, и всѣ они, и женщины, и мужчины, были съ головы до ногъ залиты брилльянтами: тутъ были всѣ брилльянты, какіе только нашлись въ городѣ и въ предмѣстіяхъ. Различныя танцы были превосходно исполнены: я никогда ничего не видала разнообразіе, красивѣе и блестящѣе этихъ танцевъ, которые продолжались почти три четверти часа. Послѣ того князь повелъ меня и все остальное общество въ театръ, гдѣ была представлена комедія. Когда представленіе кончилось, мы опять вернулись въ большую залу, и начался балъ. Посреди бала молодежь наша вздумала вмѣсто контр-реданса опять повторить свою кадрили, и присутствующіе во второй разъ буквально пришли въ восторгъ. По окончаніи танцевъ я ушла во внутреннія комнаты, которыя также великолѣпны, какъ и все въ этомъ волшебномъ замкѣ, и тамъ отдыхала; въ двѣнадцать часовъ ночи доложили, что ужинъ готовъ въ театральной залѣ; обѣ кадрили ужинали на сценѣ. Всѣ мужчины, участвовавшіе въ кадриляхъ, были одѣты Испанцами, всѣ дамы Гречанками. Остальными столами наполнялся амфитеатръ. Зрѣлище было чудное. Послѣ ужина въ первой залѣ былъ вокальный и инструментальный концертъ, послѣ котораго я и уѣхала въ два часа утра. Вотъ какъ, государь мой, проводятъ время въ Петербургѣ, не смотря на шумъ, и войну, и угрозы диктаторовъ!

30-го А прѣлѣя. Великій князь Александръ совершенно покоришь сердце князя Потемкина. Онъ его называетъ царемъ души своей и находитъ, что онъ съ красотою Аполлона соединяетъ большую скромность и умъ. Это юноша разсудительный, вѣжливый, обходительный и образованный; однимъ словомъ, если бы пришлось выбирать на его мѣсто изъ тысячи, трудно бы было найти подобнаго ему; лучше же его найти невозможно. Нынѣшнею зимою онъ пріобрѣлъ расположеніе всѣхъ, кто только приближался къ нему, и я не поручусь, чтобъ онъ не внушилъ нѣкоторымъ особамъ своего возраста чувства болѣе нѣжнаго, чѣмъ простое расположеніе. Обыкновенно въ его лѣта мальчики бываютъ несносны, но ему уже четырнадцатый годъ, а онъ все милъ. Я ему какъ-то разъ сказала, что онъ не очень красивъ собою; онъ скромно улыбнулся на мои слова. Я поспѣшила прибавить, что красота не зависитъ отъ нашей воли, стало быть, нечего о ней и заботиться. Я теперь дѣлаю такъ: когда невозможно удержаться, чтобъ не похвалить его, я принимаюсь изъ всѣхъ силъ хвалить его костюмъ; я принуждена была такъ поступить въ день моего рожденія: шалунъ былъ очаровательно красивъ въ этотъ день.

Мирабо былъ колоссъ, чудовище нашего времени. Живи онъ не теперь, его бы всѣ избѣгали, ненавидѣли, держали бы взаперти, повѣсили бы, четвертовали и т. п. Нужно бы почитать всемірную исторію, и тогда будетъ видно, что для спасенія всякой страны не-

обходимъ дѣйствительно великій человѣкъ, и я бы могла предсказать что будетъ съ Франціей. Въ Персіи еще не явился этотъ великій человѣкъ, и государство въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ все близится къ разрушенію. Когда въ Россіи прекратился родъ Рюрика, междоусобная война продолжалась около сорока лѣтъ¹²⁾, покуда наконецъ явились три человѣка и спасли отечество: у одного изъ нихъ было богатство, у другаго храбрость, третій же былъ искусный политикъ, и у всѣхъ троихъ были именно тѣ качества, которыя были необходимы для успѣха въ тѣ времена. Какъ только вступилъ на престолъ первый изъ Романовыхъ, всѣ смуты прекратились: ссориться стало не изъ за чего, такъ какъ мѣсто было занято. Царю было тогда шестнадцать лѣтъ; отецъ его, патриархъ, правилъ отъ его имени; онъ-то и былъ этотъ политикъ чрезвычайно искусный для своего времени. Знаете-ли, что будетъ во Франціи, если удастся сдѣлать изъ нея республику? Всѣ будутъ желать монархическаго правленія. Вѣрьте мнѣ: никому такъ не мила придворная жизнь, какъ республиканцамъ. Однако, если я буду такъ продолжать, то вмѣсто письма выйдетъ цѣлая книга. По всему, что я вижу во Франціи и по всѣмъ слухамъ, я считаю ее одержимою душевною болѣзнію; но, благодаря природному легкомыслію, болѣзнь эта должна была бы пройти скорѣе, чѣмъ у всякаго другаго народа. Кажется, съ ними этотъ недугъ приключается черезъ каждыя двѣсти лѣтъ; прочтите ихъ исторію. Сколько времени продолжался онъ прежде? Отвѣчайте, пожалуйста.

Царское Село, 2-го Мая (1791).

Вчера, не говоря худаго слова, я во всю прыть прискакала сюда, и такъ какъ, въ ожиданіи тяжелаго обоза, дѣлать мнѣ нечего, то я и продолжаю свое посланіе.

Не нравятся мнѣ почести, воздаваемые Мирабо, и я не постигаю, къ чему это, развѣ только чтобъ онъ служилъ поощреніемъ нечестію и всевозможнымъ порокамъ. Мирабо заслуживаетъ уваженія Содомы и Гоморры. Я начала брошюрку о коалиціи. Когда вы мнѣ пришлете сцену брата Ге съ министромъ Прусскимъ, то я пришлю другую сцену, подъ стать къ вашей; въ ней участвуютъ братецъ Гу и еще нѣкто, съ кѣмъ онъ былъ въ сношеніяхъ. Сцена эта—верхъ совершенства въ своемъ родѣ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что ваши демократы на жалованьи и у ограниченныхъ, и у неограниченныхъ. Будемъ надѣяться, что падучая болѣзнь, наконецъ, когда нибудь избавитъ насъ отъ величайшаго изъ политиковъ, Герцберга, прежде чѣмъ онъ успѣетъ сдѣлать намъ все то зло, которое замышляетъ.

Я бы желала, чтобъ вы никогда не были больны. Благодарю васъ отъ всего сердца за предлагаемый вами планъ; частію онъ уже приведенъ въ исполненіе. Что жъ касается до Густава Фальстафа, кто можетъ за него поручиться? Впрочемъ, я думаю, что и онъ ограничится только угрозами въ видахъ наживы, такъ какъ онъ долженъ же знать, что его всѣ покинутъ. Если Англичане не сунутся въ Балтійское море, то, полагаю, и тотъ не захочетъ вновь начинать войну; но вѣдь онъ такой негодникъ, что на него никогда нельзя

¹²⁾ Число лѣтъ преувеличено.

положиться. Кажется, въ настоящую минуту въ Англіи происходитъ перемѣна министерства, и можетъ быть и политики, судя по отвращенію, выражаемому Англійскимъ народомъ; тамъ пишутъ на всѣхъ домахъ: «Не хотимъ войны съ Россіей». Но придутъ они, или не придутъ, мы все-таки съ вами запоемъ: «Иванъ ушелъ съ чѣмъ пришелъ; нѣтъ у него ни капитала, ни процентовъ». Но пожалуста, не вздумайте отъ того проводить ночи безъ сна: право, не стоитъ труда.

Г. Машковъ привезъ мнѣ поклонъ отъ г-жи дѣ-Бюэль; радуюсь весьма, что она не перемѣнила имени; прошу поклониться ей отъ меня. Надѣюсь, что и Катинька, и Като оправились послѣ прививной оспы. Эта прививка оспы страшно дѣйствуетъ на тѣхъ, которымъ грозила смерть отъ натуральной оспы въ случаѣ, если бы имъ ея не привили; мою третью внучку узнать нельзя: до привитія оспы она была прелестна, какъ ангель, теперь же всѣ черты лица огрубѣли, и она стала пребезобразная. Что касается до Катиньки и до Като, то поступайте такъ, какъ сочтете для нихъ болѣе полезнымъ; повѣрьте мнѣ, красота вещь совсѣмъ не лишняя; я ее всегда очень и очень цѣнила, и хотя сама никогда не была очень красива, но всегда поклоняюсь красотѣ. Крестный отецъ ¹³⁾ Александръ переросъ меня на цѣлую ладонь; онъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. На вопросъ Катиньки: «что значитъ императрица», вы могли бы отвѣчать, что объясните ей это, когда она вырастетъ, потому что теперь она ничего не пойметъ; если же она будетъ настаивать, то объясните ей со всѣми подробностями, что такое императрица; и тогда она сама увидитъ, что ничего не понимаетъ. Я всегда такъ дѣлаю съ моими сорванцами, и всегда выходитъ удачно. Я не принимаю участія въ спорѣ по поводу названій Таврическаго или Таврійскаго; а вы, если хотите, можете сцѣпиться съ фельдмаршаломъ княземъ Потемкинымъ. Я же, какъ только заходитъ рѣчь о какой нибудь наукѣ, прикрываюсь своимъ незнаніемъ, какъ плащомъ и храню молчаніе: это самое удобное для насъ невѣждъ, такъ я думаю. О теперешнемъ герцогѣ Ришелье ¹⁴⁾ всѣ отзываются одинаково и говорятъ: «Хорошо, если бы онъ когда нибудь сдѣлался для Франціи тѣмъ, чѣмъ былъ кардиналъ Ришелье, но безъ его недостатковъ». Я люблю достойныхъ людей и потому желаю ему много успѣха, хотя и незнакома съ нимъ. Я ему написала отличное письмо, вполне рыцарское и послала Георгіевскій крестъ. На зло Національному Собранію, хочу, чтобъ онъ оставался герцогомъ дѣ-Ришелье и содѣйствовалъ возстановленію монархіи; слышите ли, козелъ отпущенія? Такова моя воля. Но вотъ человекъ, которому я не могу простить его продѣлокъ: это Сегюръ. Фи! Онъ фальшивъ, какъ Іуда. Меня ничуть не удивляетъ, что во Франціи его никто не любитъ; жить на свѣтѣ, такъ нужно имѣть какое нибудь свое мнѣніе, а у кого его нѣтъ, тотъ заслуживаетъ презрѣнія. Какую роль будетъ онъ играть передъ папою? Ту же, какую играетъ передо мной послѣ своего отъѣзда? А между тѣмъ, здѣсь ему совали подъ носъ всякія правила старин-

¹³⁾ Т. е. заочный крестный отецъ дѣтей г-жи дѣ-Бюэль. — ¹⁴⁾ Устроитель Одессы.

наго Французскаго рыцарства и заставили сознаться, что онъ въ отчаяніи отъ всего, что происходитъ въ Парижѣ, а теперь онъ по-палъ туда, и что же онъ дѣлаетъ?

3-го Мая. У иныхъ онъ старается прослыть демократомъ, у другихъ аристократомъ, и наконецъ онъ первый бѣжитъ въ ратушу принимать прекрасную присягу, а потомъ отправляется въ Римъ, вѣроятно для того, чтобъ наглядно показать папѣ лицо человѣка, отлученнаго отъ церкви. Я очень рада, что онъ сюда не вернется. Онъ написалъ мнѣ длиннѣйшее письмо и требуетъ, чтобъ я ему отвѣчала, потому что, говоритъ онъ, вы удостоиваете этой чести и принца Делина и принца Нассау. Мнѣ очень хочется ему отвѣчать, что Делинъ не шелъ за колесницей Ванъ-деръ-Ноота, что онъ не измѣнилъ своему законному королю, а что, если я пишу къ Нассау, то мнѣ нужно это дѣлать, потому что онъ состоитъ у меня на службѣ. Но такъ какъ я желаю высказать ему все, чего онъ стоилъ бы, то нужно, чтобъ кто нибудь отвѣчалъ ему вмѣсто меня.

9-го Мая. Я не отступаю отъ своего пророчества: если революціей вашей заразятся и другія государства (чего впрочемъ не будетъ, благодаря всѣмъ нелѣпостямъ, которыя у васъ творятся), то я поздравляю Турокъ. Но я нисколько не оспариваю того мнѣнія, что Россія будетъ всеобщей спасительницею. Если Англійскія эскадры появятся въ Балтійскомъ морѣ, Американцамъ будетъ раздолье: они возмутъ Русскія каперскія свидѣтельства и примутся забирать и увозить съ собою Англійскія торговыя суда; а это послужитъ къ усиленію ихъ могущества. Нисколько неудивительно, что Французскіе рыцари превратились въ конюховъ и жокеевъ: говорить, у всѣхъ у нихъ отцы были лакеями.

Выписка изъ сочиненія Жанъ-Жака-Руссо.

(Размышленія о Польскомъ правленіи, ч. 2-я, по изданію 1783, стр. 264): «Гордая и святая свобода! Если бы эти жалкіе люди могли уразумѣть тебя, если бы они знали, какою цѣною ты покупаешься и сохраняешься, если бы они чувствовали, что законы твои неумолимые самаго тяжкаго ига тирановъ: слабыя ихъ души, увлекаемыя страстями, которыя должны быть подавляемы, страшились бы тебя во сто разъ больше, чѣмъ рабства; онѣ бы съ ужасомъ бѣжали отъ тебя, какъ отъ громады, которая готова раздавить ихъ».

Утрите этими строками курносыхъ!

13-го Мая. Стривонокъ изъ письма герцогини Саксенъ-Готской. Толкованіе на этотъ отрывокъ.

Герцогиня Саксенъ-Готская проситъ васъ оказать большую услугу ея двоюродному брату Филипсталю, который смертельно раненъ. Вопервыхъ, онъ рассказываетъ, что при этомъ потерялъ свой обозъ, а это чистѣйшая ложь. Вовторыхъ, онъ опять солгалъ, будто у него пропало жалованье, полученное имъ за шесть мѣсяцевъ: онъ деньги не потерялъ, а вѣрнѣе проигралъ и такъ какъ онъ игрокъ и мотъ, то у него не бываетъ никогда ни гроша; потому-то и невозможно ему довѣрить полкъ. Хотя онъ и полковникъ, но хозяинъ

очень плохой. Рана его зажила, и онъ теперь здѣсь. Когда онъ еще служилъ въ гвардіи, то каждые два мѣсяца подавалъ мнѣ просьбу о выдачѣ ему денегъ и страшно надоѣдалъ этимъ. Теперь я ему дала тысячу червонцевъ въ видѣ милости, но я увѣрена, еслибъ ему дать десять тысячъ червонцевъ, то и тогда бы онъ все-таки нуждался въ деньгахъ. Мальчишка страшно мотаетъ, и герцогиня хорошо бы сдѣлала, еслибъ посоветовала ему меньше играть и меньше лгать. Я очень была бы рада сдѣлать удовольствіе герцогинѣ, но молю Бога (говоритъ толковательница), чтобы ея свѣтлость не вздумала намъ присылать подобныхъ молодцовъ дюжинами. Она, вѣроятно, испугала ее (толковательницу), когда сказала, что желала бы имѣть двѣнадцать сыновей, чтобъ всѣхъ прислать къ намъ: это было бы черезъ-чуръ наглядно для кассы ея величества. Истолковательницѣ уже чудится, какъ всѣ двѣнадцать то и дѣло приходять съ просьбами и просятъ денегъ для того, чтобъ въ тотъ же день ихъ проиграть. Если же имъ отказать, то они завопятъ, что о нихъ не хотятъ позаботиться, и пойдутъ жаловаться двоюроднымъ сестрицамъ, герцогинямъ и т. д. и т. д. Пусть козелъ отпущенія проститъ толковательницѣ ея выходку противъ одного изъ князей священной Римской имперіи.

Слѣдуетъ извлеченіе изъ депеши графа Риокура. Толкованіе.

14-го Мая, въ семь часовъ утра, сижу въ колоннадѣ, въ Царскомъ Селѣ, и простымъ глазомъ вижу отсюда Пеллу, хотя она по крайней мѣрѣ за 35 верстъ отсюда, а кромѣ Пеллы еще видно верстъ на сто въ окружности. Колоннада эта имѣетъ то удивительное свойство, что на одной сторонѣ въ холодъ не такъ холодно, а на другой въ жаръ не такъ жарко. Длинною она въ 37 сажень, по серединѣ стеклянная, и выходитъ въ цвѣтникъ; въ нижнемъ этажѣ помѣщаются прислуживающія мнѣ женщины; онѣ живутъ какъ нимфы среди цвѣтовъ. Въ колоннадѣ стоятъ бронзовыя изображенія великихъ людей древности: Гомера, Демосеена, Платона и др. Есть также и другія статуи. Фарнезскій Геркулесъ и Флора украшаютъ лѣстницу, которая ведетъ къ террасѣ у пруда. Св. Николай ¹⁵⁾ могъ бы вамъ все это рассказать, еслибъ празднества и особенно Франкфуртскіе свѣтлѣйшіе принцы не помѣшали разговорамъ, говоритъ истолковательница письма Риокурова, возвращаясь снова послѣ длиннаго отступленія къ тому же письму. По моему мнѣнію это доказываетъ, что въ головѣ вышеупомянутаго лица имѣется нѣкоторая послѣдовательность, хотя, конечно, мысль его порхаешь съ предмета на предметъ; но, должно быть, тутъ виноваты боги: они окружили насъ такимъ обиліемъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ, что невольно перебѣгаешь отъ письма къ колоннадѣ и прекрасному виду передъ нашими глазами, а оттуда снова къ тому же письму. Впрочемъ, письмо графа Риокура не представляетъ для васъ ничего интереснаго, по той причинѣ, что Французскіе революціонеры ломаютъ себѣ шею, не выходя изъ Франціи, а тогда всѣ ихъ дѣянія расплывутся какъ вода въ морѣ.

¹⁵⁾ Графъ Н. П. Румянцовъ.

4.

Въ Царскомъ Селѣ, 3-го Іюня, въ лѣто отъ Рождества Христова 1791-е.

Г. Сенакъ дѣ-Мельянъ пріѣхалъ къ намъ въ качествѣ литератора, желающаго заняться исторіею. До сихъ поръ онъ еще не поступилъ ко мнѣ на службу; но это такой человѣкъ, съ которымъ разговаривать весьма пріятно. Кажется, въ настоящую минуту онъ работаетъ надъ планомъ исторіи. Чтò же до вашего Коцебу, о которомъ я постоянно слышу, то по правдѣ сказать, я къ нему совершенно равнодушна: слышала, что двѣ изъ его театральныхъ пьесъ были запрещены въ Вѣнѣ, по причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ. Графа Форстемберга я видѣла разъ или два; онъ вступилъ въ нашу службу, и князь Потемкинъ помѣстилъ его къ себѣ въ полкъ. Немудрено, что отецъ любитъ его болѣе своихъ законныхъ сыновей, которые, какъ онъ самъ сознается, всѣ дураки. Но почему отецъ запретилъ ему вѣздъ въ Силезію и въ Берлинъ? Признаюсь, я была нѣсколько удивлена его пріѣздомъ, но разъ онъ пріѣхалъ, мы ему рады. Принцъ де Краонъ все еще собирается къ намъ. Теперь вошло въ моду, чтобъ всѣ ваши праздноватающіеся пріѣзжали къ намъ, точно также какъ прежде наши отправлялись къ вамъ.

Я пишу это 3-го Іюня послѣ обѣда, сидя у стеклянной двери, которая изъ моихъ комнатъ ведетъ въ цвѣтникъ. Нужно вамъ еще сказать, что трое изъ потомковъ Томаса лежатъ около меня на зеленомъ кожаномъ диванѣ, на открытомъ воздухѣ. Св. Николай расскажетъ вамъ, если вы только полюбопытствуете у него спросить, что диванъ этотъ стоитъ въ полуоткрытыхъ сѣняхъ противъ сада, и я тамъ сижу, точно Крымскій ханъ въ кіоскѣ, или какъ попугай въ клеткѣ. Вы не можете себѣ представить, какъ хорошо въ Царскомъ Селѣ въ хорошую, теплую погоду!

Чтò касается до принца Виртембергскаго, то вѣдь я не прихожу въ восторгъ отъ всякаго Нѣмецкаго принца какъ иные люди, то и не завидую, что вы имѣли удовольствіе его видѣть, хотя папа и одобрилъ его бракъ съ чужой женой, отъ живаго мужа, и не получившей еще развода. Желала бы я знать, получилъ ли герцогъ Рিশелье мое письмо, посланное вмѣстѣ съ Георгіевскимъ крестомъ. На другой день послѣ штурма Измаила, онъ все спрашивалъ у младшаго Зубова (юноши, подающаго большія надежды: его первые опыты показали въ немъ мастера своего дѣла, и графъ обѣихъ имперій называетъ его храбрость безпримѣрною, за что я и произвела его въ майоры Измайловскаго гвардейскаго полка): «Скажите, другъ мой, какъ вы думаете, дадутъ мнѣ Георгію?» Онъ не разъ задавалъ ему этотъ вопросъ. Зубовъ, который стремился къ тому же и зналъ статусъ ордена наизусть, увѣрялъ его, что ему должны дать крестъ. Оба храбрые воина почти ровесники, они познакомились на батарее на одномъ изъ Дунайскихъ острововъ и такъ полюбили ее, что не разставались съ ней двѣнадцать дней сряду.

Радуюсь, что г. дѣ-Рিশелье видѣлъ на Лондонскихъ домахъ многозначащую надпись: «Не хотимъ войны съ Россіей». Послѣ

того мы посмотримъ, достанетъ ли у г. Питта храбрости начать съ нами войну, подъ опасеніемъ лишиться своего мѣста. Благодарите Бога, что Юсуфъ-паша опять сдѣлался визиремъ: такъ какъ онъ началъ войну, то ему остается единственное средство для спасенія жизни—это заключить миръ и оставить всякія глупости. Вы увидите, что онъ такъ и сдѣлаетъ; впрочемъ онъ человѣкъ не глупый, а, конечно, гораздо лучше имѣть дѣло съ людьми умными, чѣмъ съ прирожденными дураками. Пускай г. Шуленбургъ и вся прочая братія, дѣйствующая и бездѣйствующая, толкуютъ все, что имъ угодно, а вы оставайтесь невозмутимо спокойны. Хотите биться объ закладъ, что изъ бумагъ покойнаго короля и изъ всѣхъ его плановъ, которые такъ нелѣпо приводятся въ дѣйствіе, ничего не выйдетъ кромѣ вздору.

Истолкованіе Рейнсбергскихъ ¹⁶⁾ отрывковъ.

9-го Апрѣля. Онъ старался свалить всю вину на Англичанъ, а тѣ сваливаютъ ее на Пруссаковъ. Шведскій король ухалъ на воды въ Спа и раньше осени не примется за прежнее. Англійскіе корабли не отправляются ни въ Черное море, ни въ Балтійское; число ихъ далеко не доходитъ до 60 и, право, не стоитъ такъ хлопотать о status quo. Въ это столѣтіе Россія не понесла убытковъ ни отъ какой войны и не позволить управлять собою, какъ малымъ ребенкомъ. Его королевское величество хотѣлъ на этотъ разъ только васъ поугаты немного. 11-го Апрѣля. Онъ очень сердитъ на Англичанъ; въ добрый часъ! Не смотря на его предсказаніе, отвѣтъ мой дойдетъ до нихъ, прежде чѣмъ они дойдутъ въ Балтійское море; да они туда совсѣмъ и не пойдутъ. Хотите побиться объ закладъ? Онъ находитъ, что говорить объ этомъ предметѣ и грустно, и непріятно; въ этомъ онъ правъ. 17-го Апрѣля. Въ словахъ его больше досады, чѣмъ истины; императрицѣ не угрожаетъ ни малѣйшая опасность, но она будетъ защищаться, какъ демонъ; нападать на status quo не стоитъ: для этого надо быть сумашедшимъ. Мнѣ очень нравится, что Герцбергъ плачетъ; ну и пускай плачетъ, а я тутъ не при чемъ. Онъ довольно таки злобствовалъ и натворилъ достаточно глупостей и грубостей; когда заплачется, пусть тогда утретъ себѣ носъ.

5.

27-го Августа 1791 года, въ шесть часовъ вечера.

Всѣ окна отворены, словно я ожидаю пришествія Мессіи. Странная погода у насъ стоитъ все лѣто. Начиная съ Апрѣля мѣсяца у насъ неизмѣнное вѣдро, и мы подписываемъ одинъ миръ за другимъ: предварительныя условія съ Турками подписаны 31-го Юля, а три дня тому назадъ я получила огромную связку писемъ отъ васъ, и фактотумъ хочеть, чтобъ я тотчасъ же отвѣчала на нихъ. Ну такъ, постараемся отвѣчать на все, коли можно. Кстати: когда уже предварительныя условія были подписаны, къ намъ дошло чрезъ Турец-

¹⁶⁾ Въ Рейнсбергѣ жилъ принцъ Генрихъ.

кій лагерь странное извѣстіе, будто адмиралъ Ушаковъ свирѣпству-
еть, и гдѣ же? Передъ самымъ Константинополемъ. Для
усмиренія его, фельдмаршалъ князь Потемкинъ долженъ былъ по-
слать одного подполковника къ визирю, съ тѣмъ, чтобъ передать
контръ-адмиралу приказъ умѣрить его воинственный пылъ. Не
рѣшаюсь рассказать вамъ все, что онъ тамъ надѣлалъ; вы все это
знаете изъ другаго источника. Вы не повѣрите, какъ всѣ завистники
изъ себя выходили отъ того, что у насъ было много баловъ про-
шлую зиму. Нужно быть крайне мелочнымъ, чтобъ обращать вни-
маніе на подобныя вещи. Они обвиняли насъ, будто мы изъ-за стра-
сти къ баламъ пренебрегали важными дѣлами. Я давала также балъ
въ Царскомъ Селѣ для г. Фокнера¹⁷⁾. Я еще никогда не видала такого
сговорчиваго до приторности уполномоченнаго; если его всегда бу-
дутъ уполномочивать на то, чтобъ онъ соглашался съ мнѣніемъ
противника, конечно, переговоры его будутъ имѣть такой же успѣхъ
вездѣ, какъ и у насъ: не мы согласились съ его мнѣніемъ, но онъ
съ нашимъ. Теперь спрашивается, зачѣмъ же онъ пріѣзжалъ? Да
хотѣлъ, чтобъ люди подумали, что онъ пріѣзжалъ за дѣломъ, что
ему нужно что-то такое здѣсь совершить важное; и дѣйствительно,
все совершилось весьма быстро, потому что тутъ и совершаться
было нечему. Однако, рассуждая такимъ образомъ, можно писать до
скончанія вѣка, между тѣмъ фактотумъ очень снѣшить отправкой;
но что же дѣлать, пускай подождетъ, покуда я передамъ весь этотъ
взоръ козлу отпущенія. Весьма сожалею, что здоровье г-жи дѣ-Бюэль
пострадало по милости этой преступной революціи: Юньскія собы-
тія не могли имѣть благотворныхъ дѣйствій на чувствительную душу
монархистки. Въ особенности поразительна неблагодарность, съ
которою нація или, лучше сказать, чернь Французская относится къ
королю. Удивительно, отчего король или правительство не назначили
себѣ адвокатовъ: я думаю, вначалѣ это было бы нетрудно сдѣлать.
Я отъ природы чувствую большое презрѣніе ко всякимъ движеніямъ
толпы; бьюсь объ закладъ, что только бѣ овладѣть открытою силою
хоть двумя крѣпкими мѣстами, то можно бы всѣхъ барановъ заста-
вить плясать по своей дудкѣ: самые ярые, самые безумные изъ
нихъ покорятся прежде всѣхъ и будутъ съ жаромъ опровергать
то, что прежде защищали. Это вѣрно какъ дважды два четыре.
Я думаю, что самая большая помѣха бѣгству короля была въ немъ
самомъ, и это крайне досадно. Королева хорошо знаетъ своего су-
пруга и не хочетъ его покинуть; она права, но отъ этого явилось но-
вое затрудненіе для побѣга. Я думаю, что коронованныя главы долж-
ны вступить за короля: этотъ вопросъ касается ихъ всѣхъ и также
всѣхъ установленныхъ правительствъ, потому что преступное На-
ціональное Собраніе своими нелѣпыми дѣйствіями наноситъ имъ всѣмъ
оскорбленіе. Мнѣ кажется, что вы важничаете тѣмъ, что васъ, суди
по вашимъ рассказамъ, чуть не повѣсили въ Миркурѣ; должно быть,
теперь это въ модѣ во Франціи, вѣдь тамъ на все мода. Но я думаю,

¹⁷⁾ Пріѣзжавшаго изъ Англіи подогрѣвать происшедшую остуду.

вы бы хорошо сдѣлали, еслибъ вывели изъ адской бездны, называемой Франціей, вашу воспитанницу съ мужемъ и дѣтьми. Когда мнѣ случается видѣть Французовъ, я имъ всѣмъ проповѣдую объединеніе во имя вѣрности къ королю и монархіи, чтобы всю жизнь положить на ихъ защиту и даже умереть, если будетъ нужно, и потомъ отсылаю ихъ назадъ, говоря: «Я буду другомъ и опорой тѣхъ, кто будетъ держаться такого образа мыслей». Такимъ образомъ я спровадила много подобныхъ горячихъ головъ къ братьямъ короля; они воспользуются моими совѣтами, когда найдутъ удобнымъ. Я бы желала, чтобы они больше всего разсчитывали на свои собственные силы, и если они таковы какъ имъ слѣдуетъ быть, то станутъ во главѣ королевскаго двора, который долженъ состоять исключительно изъ Французскихъ дворянъ, и силы ихъ учетверятся. О, дѣло пойдетъ на ладъ, ошибки не будетъ; я отправлю къ нимъ всѣхъ голворѣзовъ, и они поборятъ всякія препятствія. Шевалье дѣ Бельзэнсъ справедливо полагаетъ, что нельзя ждать пощады и милосердія отъ людей, которые теперь стоятъ во главѣ правленія, отъ этихъ виновниковъ ужасовъ, уже два года совершающихся на его родинѣ. Это все висѣльщики, которымъ не миновать висѣлицы; да они и сами на нее напрашиваются. Послѣдуйте его совѣту, увезите изъ Франціи его сестру съ мужемъ и дѣтьми: это единственное средство спасти имъ жизнь.

Сегодня, 30-го Августа, именины великаго князя Александра, а онъ нехотати вздумалъ захворать именно въ этотъ день. Богъ знаетъ что у него. Все жалуется на головную боль, на лихорадку или скорѣе на ознобъ и колику. Надѣюсь, что изъ этого ничего не выйдетъ. Шалунъ переросъ меня на три пальца.—Письма мои пишутся не для потомства, въ особенности такія длинныя, какъ то, число листовъ котораго вы мнѣ не хотите назвать. Почти всегда я пишу къ вамъ въ торопяхъ, лѣвою рукою придерживая ваши хартіи, а правую марая отвѣтъ, слѣдя глазами по хартіямъ и набрасывая мысли, которыя вы вызываете во мнѣ.— Не сомнѣваюсь, что вы въ восторгѣ отъ пріѣзда во Франкфуртъ: вопервыхъ нѣтъ Французской сумятицы, и потомъ вы въ средоточіи высочества всей Германіи, съ герцогомъ Саксенъ-Готскимъ во главѣ. Вотъ увидите, они помѣшаютъ мнѣ получить отвѣтъ въ 8 томовъ въ 8-ю долю листа, на который я имѣю полное право; но вѣдь мы и такъ никогда не отвѣчаемъ другъ другу на письма: мы пишемъ все, что взбрѣдетъ на умъ. Не прогнѣвайтесь, вы увлеклись воображеніемъ, представляя себѣ, будто я думаю, что вы даете читать отрывки изъ моихъ писемъ; вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ я имѣю удовольствіе вамъ писать, и ни разу подобная мысль не пришла мнѣ въ голову¹⁸⁾. Вы стали очень подозрительны, съ тѣхъ поръ какъ вамъ пришлось жить среди слѣдственныхъ комитетовъ; пожалуста, въ другой разъ этого

¹⁸⁾ Слѣдовательно, если память на этотъ разъ не обманула Екатерину, Гриммъ вступилъ съ нею въ переписку еще за три года до своего перваго пріѣзда въ Россію.

не говорите. Съ тѣмъ же курьеромъ, который привезъ мнѣ ваше письмо изъ Франкфурта, я получила очень неприятное извѣстiе, что Симолинъ ¹⁹⁾ сталъ ярмымъ демагогомъ и теперь восхищается всѣми нелѣпостями, которыя совершаетъ негодное Национальное Собрание. Я думаю, что его совратилъ съ пути истиннаго г. д'Отэнъ (d'Autan); впрочемъ, сей посланецъ не везъ съ собою ничего важнаго, и вы бы могли задержать его на нѣсколько мѣсяцевъ безъ малѣйшаго для меня ущерба.

1-го Сентября 1791.

У г. де Мельяна очень плохое здоровье. Я нахожу, что у него болѣе хотѣнья, чѣмъ умѣнья: долгие сборы кончаются пустяками. Если онъ и напишетъ исторiю, чего я не думаю, то она будѣтъ въ томъ же родѣ. Я съ нимъ говорила раза два - три: онъ любитъ поучать, и когда начинаетъ говорить, то напередъ знаешь все что онъ скажетъ. Кромѣ того, онъ, какъ и всѣ его друзья, самъ не увѣренъ, что онъ такое, демагогъ или роллистъ согласно своей прежней должности; но я думаю, это все равно. Онъ пишетъ хорошенькіе стихи. Два мѣсяца или недѣль шесть тому назадъ, онъ уѣхалъ отсюда черезъ Москву; тамошніе архивные ученые пришли въ негодование отъ его легкомыслія; вообще я никого еще не видала здѣсь, кто бы такъ мало сдумалъ понравиться. Говорятъ, въ Москвѣ онъ сказалъ, что въ Россіи только и видишь, что бороду да ленту черезъ плечо, и что гораздо почтениѣе не имѣть ленты, чѣмъ ее имѣть. Судите по этому, могъ ли онъ понравиться. Здѣсь онъ бывалъ только у одной Щербининой, съ которой всѣ женщины прекратили знакомство. Это дочь княгини Дашковой, но ведетъ такую жизнь, что мать и слышать о ней не хочетъ. Въ Москвѣ онъ рассказывалъ, что только у нея собирается прiятное общество, а здѣсь говорятъ, что онъ почти постоянно засыпалъ на креслѣ въ ея гостиной. Когда нибудь вы узнаете, зачѣмъ я приглашала г. де Мельяна. Онъ мнѣ не годился, какъ я потомъ увидала; но довольно объ этомъ, и прошу не болтать: это должно остаться между нами.

Я отдала генералу Зубову сочиненіе объ артиллеріи Поля Джонса; самой мнѣ недосугъ прочитывать всѣ книги, какія мнѣ присылаютъ. Я согласна съ вами и очень боюсь за Булье; на него долженъ сильно подѣйствовать неудачный побѣгъ короля, но онъ воленъ поступить на службу къ кому хочетъ: я отъ этого ничего не выиграю и не проиграю, потому что у меня все пойдетъ также, какъ шло безъ него до сихъ поръ. Я думаю, что ему лучше всего въ настоящее время служить тамъ, гдѣ есть надежда возвратить Людовику XVI отнятый у него престолъ. Господи! Кто бы могъ подумать, что я, врагъ Людовика XV или скорѣе его министровъ, окажусь въ числѣ самыхъ сильныхъ приверженцевъ его внуковъ? Если революція охватитъ всю Европу, тогда явится опять Чингизъ или Тамерланъ и усмирить ее: это непременно случится, будьте увѣрены. Но этого не бу-

¹⁹⁾ Русскій посланникъ въ Парижѣ.

детъ ни въ мое царствованіе, ни, надѣюсь, въ царствованіе Александра. Коль скоро всѣ государи согласятся издать воззваніе, я приму участіе; но нужно подкрѣпить слова дѣломъ. Я утверждаю, что стоитъ только захватить двѣ или три крѣпостцы во Франціи, и все остальное исчезнетъ само собою.

Англія обѣщаетъ остаться нейтральной, но она столько разъ отрекалась отъ своихъ словъ, что положиться на нее мудрено. Князь Потемкинъ пишетъ, что миръ съ султаномъ будетъ въ скоромъ времени подписанъ. Онъ былъ очень боленъ, но 24-го Августа ему было уже гораздо легче: я нарочно называю число, чтобъ вы не вѣрили ложнымъ слухамъ. Увидимъ, что произойдетъ изъ свиданія между императоромъ и т. д. и дастъ ли войско братецъ Вильг.; я повѣрю, когда увижу своими глазами: лгунамъ я на слово не вѣрю. Покорить Францію нельзя: завистники помѣшаютъ, и вознагражденія за понесенные расходы не скоро дождешься. Густавъ явится первый: онъ уже велѣлъ готовить свои яхты и пр. Вы видите, что все дѣлается такъ, какъ вы предполагали съ г. Грошлагомъ. Конечно, жаль, что у государей нѣтъ денегъ, а ихъ понадобится много. Всѣ согласны, что г. д'Артуа поступаетъ, какъ слѣдуетъ. Я знаю, что тамъ теперь маршалъ дѣ Кастри, и мнѣ кажется, что братьямъ короля не нужно лучшаго сопутника и совѣтника. Навѣрное, Симолинъ одинъ изъ первыхъ покинетъ Парижъ, такъ какъ вице-канцлеръ посовѣтовалъ бывшему королевскому повѣренному въ дѣлахъ не являться болѣе ко двору. Тотъ сказалъ, что протестуетъ противъ такого насилія и будетъ все-таки являться при дворѣ, не смотря на совѣтъ вице-канцлера. Тогда графъ Остерманъ сказалъ, что если онъ такъ думаетъ, то онъ, Остерманъ, запрещаетъ ему отъ моего имени бывать при дворѣ; повѣренный пришелъ въ ярость и отправился съ жалобой ко всѣмъ другимъ министрамъ, которые старались его образумить, но безъ успѣха. Король въ темницѣ и лишенъ власти; стало быть, по моему, неприлично для коронованной особы принимать людей, которые свои полномочія получили отъ бунтовщиковъ или отъ короля, лишеннаго свободы. И потомъ, Симолинъ не видитъ Французскаго короля; и какъ моего посланнаго не принимаютъ, зачѣмъ же у насъ принимать посланнаго отъ бунтовщиковъ или отъ королевскаго заключенника? Имя этого человѣка Жене (Genet); онъ ярый демагогъ. Онъ послалъ протестъ вице-канцлеру и курьера во Францію. Теперь онъ рассказываетъ всѣмъ и каждому, что вооружаетъ на свой счетъ двухъ человѣкъ для защиты границъ отъ внѣшнихъ враговъ. Г. дѣ Сень-При говоритъ про него: «онъ дуракъ и притомъ еще бѣшеный дуракъ»²⁰⁾. Берегитесь, если вернетесь во Францію, чтобъ къ вамъ не придрались за то, что вы, какъ извѣстно, привязаны ко мнѣ: васъ повѣсятъ за переписку со мной. Письма мои, по вашему желанію,

²⁰⁾ Объ этомъ Жене Екатерина позднѣе (13 Августа 1792) писала Гримму, что онъ братъ г-жѣ Кампанъ, камеръ-фрау Маріи Антоанеты и что, уѣзжая изъ Петербурга, онъ вздѣлъ на голову красный шерстяной колпакъ.

будутъ посланы къ Св. Николаю; но противъ этихъ людей и такой предосторожности мало. Надо избѣгать ихъ: единственное средство отъ нихъ избавиться.

2-го Сентября. Я писала къ князю Потемкину, чтобъ узнать, отчего герцогъ дѣ Ришелье не получилъ до сихъ поръ ни моего письма, ни Георгіевскаго креста; должно быть, онъ отослалъ ихъ въ Вѣну, не зная, гдѣ находится герцогъ, и теперь письмо и крестъ ждутъ его тамъ. Я получила его благодарственное письмо въ вашемъ конвертѣ; онъ хорошо дѣлаетъ, что остается съ принцами и старается возстановить Французскую монархію: этимъ онъ и мнѣ сослужить службу. Двадцать тысячъ казаковъ растянулись бы слишкомъ большою зеленою полосой отъ Стразбурга до Парижа; достаточно двухъ тысячъ казаковъ и шести тысячъ Кроатовъ. Извѣстно навѣрное, что Сегюръ вообразилъ, будто имѣетъ вліяніе на Лафайета, и это было отчасти причиною его отъѣзда во Францію ²¹⁾. Издаваемые имъ статьи написаны хорошо, но не думаю, чтобъ онѣ много значили. Своими дѣйствіями онъ, конечно, не могъ внушить о себѣ особенно хорошаго мнѣнія, всего же болѣе своей присягой: онъ этимъ измѣнилъ самому Небу, всему свѣту, самому себѣ, какъ говоритъ Альзира.

6.

16 Сентября 1791.

Г. д'Артуа прислалъ ко мнѣ изъ Дрездена графа Эстергази. Когда мнѣ попадаетъ въ руки ктонибудь изъ ихъ братіи, я всячески стараюсь вдохнуть въ нихъ мужество; всѣ, кто прѣзжаютъ сюда, ниже своего назначенія. Не знаю, каковы они, когда возвращаются къ себѣ; но я стараюсь ихъ начинить, указывая имъ на Генриха IV, у котораго противниковъ было больше чѣмъ у нихъ, а за него не стояла вся Европа, какъ теперь за нихъ; я толкую имъ, чтобъ они изъ его примѣра учились, какъ дѣйствовать и какими средствами. Изъ всѣхъ, кого я здѣсь видѣла, умнѣ всѣхъ графъ Сень-При: онъ чрезвычайно проницателенъ, дѣйствуетъ всегда съ разсудкомъ, притомъ человекъ опытный и храбрый.

25-го Сентября. Ну что же это такое? Людовикъ XVI подписываетъ сумазбродную конституцію, спѣшитъ дать присягу, а самъ нисколько не желаетъ ее выполнять. Да и никто не требовалъ отъ него присяги. Кто же эти белотолковые люди, которые заставляютъ его дѣлать такія глупости? Вѣдь это подло и низко: словно они забыли и вѣру, и нравственность, и честь. Я страшно разсердилась, топнула даже ногой, когда прочла про всѣ эти... эти... гадости. Фи, мерзкіе! Когда вы вернетесь въ Парижъ, и если ихъ еще не повѣсятъ до тѣхъ поръ, то возьмите розгу и хорошенько высѣките мальчишекъ, совѣтчиковъ Французскаго короля, за то, что онъ по ихъ совѣтамъ надѣлалъ столько глупостей: вѣдь этимъ онъ лишился всякаго уваженія, унижился и отдалъ себя на посмѣяніе и презрѣ-

²¹⁾ Бывшій при Екатеринѣ Французскій посланникъ графъ Сегюръ уѣхалъ изъ Петербурга въ Парижъ вслѣдъ за взятіемъ Бастиліи, раннею осенью 1789.

нѣ; однимъ словомъ, надавайте имъ пощечинъ, если возможно. Я вамъ все позволяю, только бы ихъ отколотить хорошенько.

Reponser aux dieux que l'on croit dans son coeur,
C'est le crime d'un lâche, et non pas une erreur ²³⁾.

30-го Сентября. Вамъ, я думаю, покажется смѣшно, что я такъ разсердилась; но это все оттого, что я не люблю глупостей. Если бы король не далъ согласія, тогда бы онъ не былъ причастенъ банкротству, а теперъ онъ во главѣ.

7.

13-го Октября 1791, въ 2½ часа утра.

Снова страшный ударъ разразился надъ моей головой. Послѣ объѣда, часовъ въ шесть, курьеръ привезъ горестное извѣстіе, что мой выученикъ, мой другъ, можно сказать мой идолъ, князь Потемкинъ Таврическій, умеръ въ Молдавіи, отъ болѣзни, продолжавшейся почти цѣлый мѣсяць. Вы не можете себѣ представить, какъ я огорчена. Это былъ человѣкъ высокаго ума, рѣдкаго разума и превосходнаго сердца; цѣли его всегда были направлены къ великому. Онъ былъ человѣколюбивъ, очень свѣдущъ и крайне любезенъ. Въ головѣ его непрерывно возникали новыя мысли; какой онъ былъ мастеръ острить, какъ умѣлъ сказать словцо кстати! Въ эту войну онъ выказалъ поразительныя военныя дарованія: вездѣ была ему удача и на сушѣ, и на морѣ. Имъ никто не управлялъ, но самъ онъ удивительно умѣлъ управлять другими. Однимъ словомъ, онъ былъ государственный человѣкъ: умѣлъ дать хорошій совѣтъ, умѣлъ его и выполнить. Его привязанность и усердіе ко мнѣ доходили до страсти; онъ всегда сердился и бранилъ меня, если по его мнѣнію дѣло было сдѣлано не такъ какъ слѣдовало; съ лѣтами, благодаря опытности, онъ исправился отъ многихъ своихъ недостатковъ. Когда онъ пріѣзжалъ сюда, три мѣсяца тому назадъ, я говорила генералу Зубову, что меня пугаетъ эта перемѣна, и что въ немъ не замѣтно болѣе прежнихъ его недостатковъ, и вотъ къ несчастію мои опасенія оказались пророчествомъ. Но въ немъ были качества, встрѣчающіяся крайне рѣдко и отличавшія его между всѣми другими людьми: у него былъ смѣлый умъ, смѣлая душа, смѣлое сердце. Благодаря этому, мы всегда понимали другъ друга и не обращали вниманія на толки тѣхъ, кто меньше насъ смыслилъ. По моему мнѣнію, князь Потемкинъ былъ великій человѣкъ, который не выполнилъ и половины того, что былъ въ состояніи сдѣлать.

22-го Октября 1791.

Въ письмѣ отъ 20 (31) Августа вы прежде всего говорите о мирѣ съ Турками, который еще не заключенъ. Я послала въ Яссы фактума недѣлю тому назадъ, чтобы поскорѣе покончить съ ними, но

²³⁾ Отречься отъ боговъ, которымъ вѣруешь въ душѣ, не есть заблужденіе, но подлое преступленіе.

онъ до сихъ еще въ дорогѣ. Князь Потемкинъ своею смертію сыгралъ со мной злую шутку. Теперь вся тяжесть правленія лежитъ на мнѣ. Я было хотѣла попросить васъ помолиться обо мнѣ. Ну какъ же быть? Надо дѣйствовать. Представьте себѣ, есть у меня здѣсь князь Вяземскій, который уже два года какъ заговаривается отъ старости, потомъ еще во флотѣ графъ Чернышевъ, съ нимъ былъ ударъ нынѣшней весной, онъ опять отправился путешествовать: оба они живы, а тотъ, кто обѣщаль долго прожить, скончался!

Ну вотъ, не смотря на шесть сотъ тысячъ рублей, истраченныхъ на укрѣпленіе Финляндіи, третьяго дня, я получила извѣстіе о заключеніи союза между Густавомъ III и мной: желанія ваши исполнились, онъ вырвался изъ когтей Жегю. Новый союзникъ не стыдится просить, чтобы ему позволили явиться сюда, хотя мы всячески стараемся отклонить его отъ этого намѣренія. Какъ же вы хотите, чтобы я ему поручила войска ²³⁾, когда онъ не умѣетъ ими управлять? Какъ видите, условія, подписанныя въ Пильницѣ, не имѣютъ ни силы, ни значенія; я дѣлаю все возможное, чтобы ихъ одушевить на дѣло: писала къ обоимъ по просьбѣ принцевъ; отвѣта еще не было. Но я надѣюсь, новое Законодательное Собраніе натворитъ такихъ глупостей, что король принужденъ будетъ или опять протестовать или бѣжать: тогда мы посмотримъ. Но главное дѣло, нужно, чтобы королева присоединилась къ партіи принцевъ, и чтобы она считала эту партію самую многочисленною и самую преданною королевской власти, что и есть на самомъ дѣлѣ, и тогда пусть она присоединится ко мнѣ, чтобы заставить дѣйствовать ея брата. Какъ только онъ двинется, Вильгельмъ поневолѣ послѣдуетъ за нимъ.

Ахъ, Боже мой! Опять нужно приняться и все самой дѣлать. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что двое Зубовыхъ подають болѣе всего надеждъ; но подумайте, вѣдь старшему только 24-й годъ, а младшему нѣтъ еще и двадцати. Правда, они люди умные, понятливые, а старшій обладаетъ обширными и разнообразными свѣдѣніями. Умъ его отличается послѣдовательностію, и по истинѣ, онъ человекъ даровитый. Очень рада, что вы одобряете мои дѣйствія относительно потомковъ Святаго Людовика: клянусь вамъ, я принимаю въ нихъ живѣйшее участіе. Мнѣ мило это дворянство, эти истинные Французскіе рыцари вокругъ нихъ. Они мнѣ написали прекрасное письмо, и я имъ отвѣчала. Но, да будетъ вамъ извѣстно, что я всегда чувствовала нѣжность къ миледи Мальмсбери, не смотря на то, что она жена вздорнаго Гарриса. Очень мнѣ нравится составленная вами смѣсь изъ женской проникательности, мужскаго ума, женской кротости и мужской твердости: да' развѣ не у всѣхъ тоже самое? Это встрѣчается сплошь и рядомъ.

23-го Октября 1791 г.

Сказываютъ мнѣ, что королева не любитъ парламентовъ, а я говорю, что такъ какъ король самъ ихъ возстановилъ, то теперь, вознамѣрившись ихъ уничтожить, онъ станетъ въ противорѣчіе съ самимъ

²³⁾ Т. е. для дѣйствія противъ Французскихъ мятежниковъ.

собою. Парламенты тѣсно связаны съ монархіей; безъ нихъ или Франція будетъ республикой, или король сдѣлается деспотомъ.

8.

12-го Декабря 1791 г., въ день рожденія Александра, когда ему минуло 14 лѣтъ.

Я здорова, и дѣла идутъ тѣмъ же порядкомъ, не смотря на ужасную потерю, о которой я вамъ писала въ ту же ночь, какъ пришло роковое извѣстіе. Я все еще продолжаю грустить. Замѣнить его невозможно, потому что нужно родиться такимъ человѣкомъ, какъ онъ, а конецъ нынѣшняго столѣтія не представляетъ гениальныхъ людей. Станемъ надѣяться, что у насъ будутъ по крайней мѣрѣ умѣлые люди; нужно время, стараніе, опытъ. Что касается до меня, будьте увѣрены, что я останусь неизмѣнной; я всѣмъ проповѣдую постоянство и, конечно, сама не стану мѣняться.

1792 годъ.

1.

4-го Апрѣля 1792, Свѣтлое Воскресенье.

Г-нъ Бельзэнсъ привезъ мнѣ ваши пакеты съ Сентября по 4 (15) Марта. Его самого я не видала, потому что онъ прибылъ вечеромъ въ Великій Четвергъ, а въ этотъ день, въ Пятницу, Субботу, а равно и въ самое Воскресенье на Пасху, не совсѣмъ удобно дѣлать новыя знакомства, потому что въ эти четыре дни мы безпрестанно бываемъ на церковныхъ службахъ и устаемъ чрезмѣрно.

Я очень рада, что вы можете шутить послѣ всѣхъ ужасовъ, которыхъ были очевидцемъ; я же боюсь одурѣть по милости событій, которыя такъ сильно потрясаютъ нервы, какъ, напримѣръ, неожиданная смерть императора ¹⁾, убійство Шведскаго короля, ежедневныя опасенія о томъ, что произойдетъ во Франціи. А бѣдная Португальская королева сошла съ ума! Правда, что она внучка Филиппа V, а въ семьѣ Анжу, кажется, сумашествіе—наслѣдственная болѣзнь. Но что же дѣлать, тутъ не ихъ вина. Орлеанскому же дому непростительно стать въ ряды безумцевъ, руководить ими и принимать участіе во всѣхъ творимыхъ ими ужасахъ. И какая была необходимость этому презрѣнному Филиппу Капету посылать свою дочь въ Англію, чтобы она тамъ научилась самому низкому изъ всѣхъ ремеслъ?

14 Апрѣля 1792. Якобинцы всюду разглашаютъ, что они меня убьютъ, и ужъ отправили троихъ или четверыхъ людей для этой цѣли. Мнѣ съ разныхъ сторонъ присылаютъ ихъ примѣты. Думаю, что если бы они дѣйствительно имѣли это намѣреніе, то не кричали бы о немъ такъ, что слухи доходятъ и до меня. Въ Варшавѣ Маззей побился объ закладъ, что 3-го Мая меня не будетъ въ живыхъ, а меръ Петіонъ увѣрялъ, говорятъ, что къ 1-му Юня я уже буду на томъ свѣтѣ. По долгу совѣсти считаю нужнымъ сообщить вамъ числа, чтобы вы

¹⁾ Леопольда.

знали, что я все еще жива ²⁾). Какъ только будетъ можно, я попрошу отколотить хорошенько этихъ мошенниковъ и проучить ихъ какъ слѣдуетъ. Въ концѣ XVIII-го вѣка, должно быть, убійство чело-вѣка стали считать дѣломъ похвальнымъ, а потомъ увѣряютъ меня, будто Вольтеръ проповѣдывалъ такое ученіе. Вотъ какъ клеветуютъ на людей! Думаю, что Вольтеру было бы пріятнѣе находиться тамъ, гдѣ его похоронили, нежели очутиться въ храмѣ Св. Женевьевы въ обществѣ съ Мирабо. Когда же положить конецъ всѣмъ этимъ мерзостямъ? Странно, что въ этомъ случаѣ всѣ дворы согласуютъ свои дѣйствія съ намѣреніями Французскаго короля и королевы и подчиняются ихъ руководству, тогда какъ оба они постоянно поступали самымъ безпутнымъ образомъ. Я знаю, откуда все это идетъ, но не одобряю причинъ, побуждающихъ такъ дѣйствовать ³⁾).

2.

9 Мая 1792, послѣ обѣда.

Ничего не читаю, кромѣ относящагося къ XIII вѣку Россійской исторіи. Около сотни старыхъ лѣтописей составляютъ мою подручную бібліотеку. Пріятно рыться въ этомъ старомъ хламѣ. Остальное время уходитъ на дѣла, которыя съ каждымъ днемъ умножаются. Вы объ насъ услышите, и Французскія дѣла отнюдь не будутъ забыты; но я не сдѣлаю шагу безъ тѣхъ, кому покровительствую и безъ Французскаго дворянства, которое поддержу во что бы ни стало.

Генералъ Зубовъ отличается трудолюбіемъ, безкорыстіемъ, усердіемъ и замѣчательнымъ складомъ ума; о немъ скоро заговорятъ. Отъ меня опять зависитъ, чтобы изъ него вышелъ фактотумъ. Гваренги совершенно здоровъ; онъ только что окончилъ прекрасную большую залу въ Зимнемъ дворцѣ. Живописецъ Лампи, пріѣхавшій къ намъ изъ Вѣны, недавно списалъ большущій портретъ съ вашей покорнѣйшей служушницы, и всѣ говорятъ, что никогда не видали ничего подобнаго. За то же и мучили меня въ восемь пріемовъ.

Вы рассказываете о баронѣ Бретейлѣ и о намѣреніяхъ, которыя ему приписывали; на это я вамъ скажу въ свою очередь, что новомодныя шарлатанства лишь сгубили Францію, и я думаю, что новая форма правленія только усилитъ сумятицу; а можно бы изъ прежней повытачить гвозди, отъ которыхъ страдало политическое тѣло. Но дѣйствовать нужно не спѣша, съ осторожностью и съ разсудкомъ. Къ несчастію, зло коренится въ Тюильри, и между нами будь сказано, исключительно тамъ. Къ чему эти двойные, тройные, четверные ходы? Къ чему противорѣчивыя письма? Чего они хотятъ, чего не хотятъ, я, право, не знаю; да и никто ничего тутъ не понимаетъ. Мужъ говоритъ одно, жена другое; то, по словамъ своей половины, онъ даетъ согласіе, то опять отрывается. Не говорите объ этомъ никому, но это истинная правда. *И. И. Богоявленскаго.*

²⁾ Изъ Дневника Храповицкаго видно, что Парижскій «легіонъ царевѣицъ» посылалъ въ Россію Бассевиля съ умысломъ на жизнь Екатерины, и у насъ удвоены были дворцовые караулы.

³⁾ Есть указанія, что все это шло изъ Англіи, и Екатерина вѣроятно ее разумѣетъ.

3.

14-го Августа 1792, въ 7 часовъ утра.

Благодарю васъ за прекрасное поздравленіе по случаю исполнившагося тридцатилѣтія моего царствованія. Года черезъ два или три надѣюсь имѣть правнучатъ отъ Александра. Какъ бы вы удивились и пришли въ восхищеніе, при видѣ этого высокаго, красиваго, славнаго юноши. О, какъ много въ немъ хорошаго! Онъ олицетворенное чистосердечіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ какая глубина, какая послѣдовательность мысли! У него твердыя правила и непримѣрное желаніе во всемъ поступать хорошо. Послушайте, къ чему торопиться съ коронаціей? Мнѣ это не по вкусу (*écoutez: je n'aime pas les couronnements en poste*). Соломонъ сказалъ: «Всему свое время». Сперва мы женимъ Александра, а тамъ со временемъ и коронуемъ его со всѣми церемоніями, и будутъ при томъ всякія торжества и всевозможныя народныя празднества. Все будетъ блестяще, величественно, великолѣпно. О какъ онъ самъ будетъ счастливъ, и какъ съ нимъ будутъ счастливы! При всемъ томъ онъ чрезвычайно скромнъ и естественъ: въ немъ нѣтъ ничего дѣланнаго. Ахъ какой онъ славный! Всѣ отъ него безъ ума, да и немудрено. Онъ нашъ любимецъ, и очень хорошо знаетъ это, и идетъ своей дорогой. Голова у него нѣсколько напередъ; красивая голова! Когда на нее посмотришь, забываешь, что онъ ее держитъ недовольно прямо и немного наклоняетъ впередъ. Его уже часто осуждали за это, но когда онъ танцуетъ или сидитъ на лошади, то держитъ голову прямо надъ плечами и напоминаетъ Аполлона Бельведерскаго тѣмъ, кто имѣетъ честь знать сего послѣдняго. У него совершенно такой же величественный видъ. Для 14-ти лѣтъ онъ таки толстенекъ; но полно: объ томъ не слѣдуетъ говорить слишкомъ много.

16 Августа 1792.

Возвращаюсь изъ моей колоннады, гдѣ прогуливалась между бронзовыми бюстами, которыя тамъ уже поставлены. Если вамъ любопытно знать, кто эти достойные люди, я для васъ сдѣлала, гуляя, списокъ имъ. Не повѣрите, какія прелестныя мысли рождаются въ подобномъ сообществѣ! Я поистинѣ нахожу въ томъ удовольствіе. Юлій Цезарь, Ахиллесъ, Цицеронъ, Фоксъ, Демосѣенъ, Сенека, Овидій, Софокль, Теокритъ, Геродотъ, Геркулесъ, Карнеадъ, Лизій, Теофрастъ, Пяттакъ, Сафо и Фаонъ, Аполлонъ, Гомеръ, Платонъ.

Это бронзовыя головы, находящіяся нынѣ въ Царскомъ Селѣ, въ колоннадѣ. Со временемъ ихъ будетъ 82.

4.

7-го Декабря 1792.

Скажите пожалуйста, гдѣ вы теперь? ⁴⁾ Такъ какъ вы бѣжите, преслѣдуемые Кюстиномъ и Дюмурье, то можетъ въ одинъ прекрасный день и согласитесь исполнить мою просьбу, бросите въ огонь мои письма, чтобъ они не попались въ руки демонамъ, которые, какъ видите, отлично умѣютъ идти впередъ куда имъ нужно, не смотря на

⁴⁾ Въ началѣ этого 1792 года Гриммъ снова былъ въ Парижѣ.

дожди, грязь, недостатокъ припасовъ и фуража, а наши увальни никакъ не могутъ попасть куда имъ слѣдуетъ.

Кстати, скажите на милость, что же это дѣлаетъ вашъ отчасти ученикъ, преславный ландграфъ Гессенъ-Дармштадтскій? У него въ Гиссенѣ 4000 солдатъ, а онъ ничего не предпринимаетъ для своей собственной защиты противъ Французовъ? Право, только въ Германіи и можно найти такое образцовое неразуміе. Ему слѣдовало бы дать себя изрѣзать на куски за свое правое дѣло, вмѣсто того онъ умираетъ со страху вмѣстѣ съ своимъ никому ненужнымъ войскомъ въ Гиссенѣ. Вотъ такъ достойный герой нынѣшняго вѣка!

Ну чтоже? Если васъ такъ занимаетъ музыка въ нынѣшнія бѣдственныя времена, ступайте въ Мюнхенъ; тамъ можете слушать наилучѣйшую музыку вмѣстѣ съ княземъ Изембургомъ, военнымъ министромъ Баварскаго курфюрста. А этотъ самый князь Изембургъ, военный министръ курфюрста Баварскаго, съ кѣмъ вы будете слушать наилучѣйшую Нѣмецкую музыку, расскажетъ вамъ, можетъ быть, между прочимъ, какъ его высочество въ чинѣ полковника оставилъ нашу службу, гдѣ его всѣ знали за труса, какъ онъ два мѣсяца тому назадъ писалъ мнѣ, что желаетъ вновь вернуться къ намъ въ качествѣ полнаго генерала, на что я отвѣчала самымъ вѣжливымъ образомъ, что такъ какъ я въ мирѣ съ всѣми, а Германской имперіи угрожаетъ война, то пусть его высочество и посвятитъ лучше своему отечеству блестящія свои дарованія, которыми конечно добудетъ себѣ славы.

Меня радуешь, что вы убѣждены въ вѣрности моего взгляда и сужденія относительно современныхъ событій; но при всемъ томъ слушатели мои остаются глухи: всякъ полагаетъ, что понимаетъ больше меня въ этомъ дѣлѣ. Спросите у вашего Св. Николая: онъ вамъ скажетъ, что никто меня не слушаетъ, не смотря на все мое краснорѣчіе. Небо на всѣхъ наслало ослѣпленіе. Вы очень сердитесь на графиню Шувалову за то, что она увезла двухъ Нѣмецкихъ принцессъ? Вы ихъ берегли для дѣятельныхъ гражданъ, спутниковъ Дюмурье, для сыновъ равенства? Впрочемъ благодарю за довѣріе, которое вы мнѣ оказываете, поручая передать ваше письмо графинѣ Шуваловой; порученіе ваше исполнено. Послушай, козелъ отпущенія, всѣ эти дни я такъ много писала о современныхъ событіяхъ, что тебѣ ни напишу о нихъ ни слова; дай Богъ, чтобъ меня послушали; но къ несчастію задача не подъ силу тѣмъ, кто за нее взялся.

1793 годъ.

1.

13-го Апрѣля 1793.

Въ послѣднее время событія слѣдуютъ одно за другимъ съ такой быстротой, что я за ними не поспѣваю, и у меня постоянно недосугъ. Отъ этого-то вы получите лоскутокъ бумаги, на которомъ не наберется столько строчекъ, сколько я вамъ писывала прежде страницъ или листовъ. Послушайте, иногда бывало, что государственная власть становилась дряблєю, но чтобы она переходила въ руки злодѣевъ, этого, кажется, еще никогда не бывало. Удовольствіе это

предназначалось XVIII-му вѣку, который когда-то хвастался, что онъ самый мягкій, самый просвѣщенный между всѣми вѣками, и этотъ-то вѣкъ породилъ среди города, славнѣйшаго между всѣми когда либо существовавшими городами, такихъ жестокосердыхъ людей. Ахъ, какія отвратительныя существа! Мнѣ нравится что сказалъ Ирландскій священникъ Людовику XVI-му: «Сынъ Людовика Святаго, гряди на Небо!» Помните, вы мнѣ когда-то говорили, что видѣли отъ людей только добро, а я вамъ отвѣчала: «Въ какомъ тѣсномъ кругѣ жили вы до сихъ поръ!»

Знаете ли вы, что происходитъ на вашихъ глазахъ во Франціи? Галлы силятся изгнать Франковъ; но, вы увидите, Франки вновь вернутся, и тогда дикіе звѣри, такъ жадно пьющіе человѣческую кровь, будутъ или истреблены, или принуждены скрываться, гдѣ попало. Я велѣла у себя привести къ присягѣ всѣхъ, кто хочетъ оставаться въ Россіи, и представьте, что случилось? Всѣ, кто присягнули, превратились въ ревностныхъ роялистовъ. Объ этомъ можетъ засвидѣтельствовать графъ д'Артуа, который живетъ здѣсь уже пять недѣль. Съ нимъ здѣсь всѣ обращаются какъ съ королевскимъ сыномъ. Завтра онъ уважаетъ. Надѣюсь, что онъ доволенъ своимъ пребываніемъ у насъ: по крайней мѣрѣ онъ могъ видѣть, что всѣ старались облегчить его несчастное положеніе и не подбавлять горечи, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ считаютъ необходимымъ пріучать ихъ къ этому; но это жестоко. Наконецъ, я надѣюсь, что онъ отдастъ справедливость нашему честному и откровенному образу дѣйствій относительно его. Я нашла въ немъ всѣ качества, которыя желала видѣть: онъ одаренъ яснымъ пониманіемъ, душею возвышенною, сердцемъ добрымъ и великодушнымъ. Какихъ имъ еще нужно принцевъ? Епископъ Аррасскій—человѣкъ умный, съ которымъ пріятно вести разумную бесѣду. Касательно вашихъ проэктовъ можно сказать, что умные люди всегда согласны: придетъ пора, проученные эмигранты соединятся съ принцами. Это ихъ назначеніе. Мы получили извѣстіе объ отпаденіи Дюмурье; отчего онъ этого не сдѣлалъ на мельницѣ Вальми? Король былъ бы теперь живъ; если онъ тогда же предлагалъ это, а проклятый герцогъ Брауншвейгскій не воспользовался предложеніемъ, то онъ дѣйствительно очень виновенъ. Я передала графу д'Артуа ваше письмо.

2.

Въ С.-Петербургѣ, въ Таврическомъ дворцѣ, 22-го Апрѣля 1793.

Вчера, въ Великій Четвергъ и въ день моего рожденія, я причащалась. Я здѣсь съ Воскресенья. Домъ стоитъ въ саду. Вы знаете, что и домъ, и садъ принадлежали князю Потемкину. Расположеніе и убранство прелестны. Такъ какъ всю недѣлю стояла чудная погода, то мы постоянно гуляли, на сколько это возможно при говѣннѣ; я говорю мы, потому что со мной тутъ мои три внучки. Великіе князья Александръ и Константинъ остались въ зимнемъ дворцѣ съ отцемъ, матерью, двумя младшими сестрами и Баденскими принцессами. Константинъ по этому поводу замѣтилъ: «Понятно, что брата оставили съ невѣстой, а я-то чтожъ буду тамъ дѣлать?» Говоря по правдѣ,

они оба завидуютъ тремъ старшимъ сестрамъ, которыя переѣхали сюда говѣтъ со мной.

Графъ д'Артуа недѣлю тому назадъ уѣхалъ въ Ревель; тамъ онъ сядетъ на фрегатъ, который и доставитъ его или въ Гуалъ въ Англію, или въ какойнибудь другой портъ Англіи или Голландіи, куда ему будетъ угодно высадиться. Онъ уже знаетъ объ отпадении Дюжурье и что тотъ уѣхалъ къ ученику графа Суворова-Рымникскаго, къ принцу Кобургскому, этому Іосіи, который одинъ не остается въ бездѣйствіи. Такая его судьба, что ему облегчаютъ побѣду, а это не со всѣми бываетъ; но мнѣ не нравятся воззванія его высочества. Для насъ постороннихъ зрителей ясно, что такой взглядъ на дѣло поведетъ не къ миру, а къ продолженію волненій, чтобъ удобнѣе было въ мутной водѣ рыбу ловить. Графъ д'Артуа, епископъ Аррасскій, и др., кажется, остались довольны нашимъ приѣмомъ и своимъ пребываніемъ въ Россіи. Г. д'Артуа любитъ меня какъ родную мать. Онъ всѣмъ понравился; у него горячее сердце, быстрое соображеніе и здравый умъ; онъ охотно выслушиваетъ добрые совѣты и, я увѣрена, будетъ имъ слѣдовать. Мнѣ кажется, что у него есть мужество и неустрашимость. Епископъ Аррасскій человекъ умный и разсудительный; я бы желала, чтобъ при графѣ д'Артуа былъ какойнибудь опытный хорошій генералъ; но во всякомъ случаѣ лучшихъ людей желать нельзя, и разъ онъ будетъ регентомъ королевства, я увѣрена, что дѣло у него пойдетъ отлично. Несчастіе лучшей наставникъ въ свѣтѣ, и право, я думаю, Генрихъ IV не былъ опытнѣе его. Чтобъ совершить великія дѣла, нужно знаніе четырехъ или пяти неоспоримыхъ истинъ, и все зависитъ отъ этого: если онъ ихъ будетъ держать, будетъ и удача. Здѣшніе Французы, очищенные принесенной присягой, всѣ выражали ему достождныя чувства.

3.

Царское Село, 14-го Мая 1793.

Представьте, какое подозрѣніе пало на Александра! Кто бы могъ это подумать? Одинъ изъ приставленныхъ къ нему кавалеровъ вздумалъ прошлое лѣто перевести на Русскій языкъ съ Англійскаго комедію Шеридана «Школу Злословія». Она была представлена въ Эрмитажѣ, и всѣ нашли, что Русскій переводъ гораздо лучше Французскаго, сдѣланнаго во Франціи, и что въ немъ бездна остроумія. Переводъ такъ хорошо принаровленъ къ нашимъ нравамъ и обычаямъ, и сдѣланъ такимъ своеобразнымъ языкомъ, что всѣ пришли въ восторгъ. Александръ тоже не отставалъ отъ другихъ въ громкихъ изъявленіяхъ одобренія. Я просто думала, что онъ изъ дружбы къ переводчику придаетъ такую цѣну аплодисментамъ. Пьесу стали давать въ городѣ, но тамъ публику было не такъ легко провести какъ меня. Всѣ заговорили, что, должно быть, Александру принадлежитъ большая часть мнимаго перевода съ Англійскаго, что онъ этотъ языкъ знаетъ лучше своего кавалера, и что напрасно онъ скромничаетъ: всѣ знаютъ, что удачныя остроты принадлежатъ ему. Слухи дошли до меня, и я ему про нихъ сказала. Онъ сталъ отрекаться, но

покраснѣлъ и объяснилъ, что онъ слышалъ отрывки въ чтеніи, можетъ быть, иногда высказывалъ свое мнѣніе, а кавалеръ его воспользовался этимъ и кое-что измѣнилъ въ переводѣ. Но какъ болѣзненно прилипчивы! Вотъ что значить дурной примѣръ!

4.

Царское Село, 28 Іюня 1793.

Помните ли вы маскарадъ въ Петергофѣ, когда два сѣверные тирана ¹⁾ повстрѣчали философа и такъ надоѣли ему? И все-таки, не смотря на всѣ наши недостатки, мы, тираны, болѣе чѣмъ когда либо необходимы на семь свѣтѣ. Посмотрите, какъ плохо безъ насъ. Графъ Панинъ, который произносилъ въ носъ и при каждой остановкѣ дѣлалъ гм, г'м, обыкновенно говаривалъ: «Короли, короли — это необходимое зло, безъ него обойтись нельзя». А когда я ему жаловалась, что не все дѣлается такъ, какъ бы хотѣлось, онъ говорилъ: «На чтожь вы жалуетесь? Если бъ на свѣтѣ все было совершенство или способно къ совершенству, тогда бы васъ совсѣмъ не нужно было». Ну чтожь, развѣ Франція или нынѣшняя Галлія не подтверждаютъ истины его словъ? Когда я говорю Галлія, я знаю, что я понимаю подъ этимъ словомъ; потому что кто же не видитъ (любимое выраженіе Лафатера), что изгнаніе дворянства это изгнаніе Галлами Франковъ-побѣдителей. (Одинъ изъ критиковъ Лафатера, которому надоѣло безпрестанно повторяющееся восклицаніе: «Ктожь не видитъ, когда у него на носу то и то», возражаетъ ему: «Да вотъ я не вижу»). Я послала графа д'Артуа, или лучше сказать посоветовала ему ѣхать въ Англію. Безъ меня онъ не могъ бы высадиться во Франціи; и намъ бы, можетъ быть, удалось вдвоемъ положить конецъ неурядицѣ. Но въ Англіи воспользовались тѣмъ предлогомъ, что у принца много долговъ и отправили его въ Гаммъ. Ни тамъ и нигдѣ не желаютъ, чтобъ смуты окончились, а между тѣмъ жалуются на двойные и тройные расходы, которые приходится нести; а все оттого, что не принимаютъ такихъ мѣръ, которыя бы сразу пресѣкли зло. Благодаря противорѣчію во взглядахъ и стремленіяхъ, образовалась политическая разнородная смѣсь: вы видите, какія отъ этого жалкія послѣдствія. Всѣ хотятъ мира, а договариваться не съ кѣмъ, и мѣръ никакихъ для этой цѣли не принимается; напротивъ, судя по-тому, что творится, очевидно, что войнѣ конца не будетъ.

5.

6 Августа 1792. Въ день отъѣзда изъ Царскаго Села принцессы Фредерикъ Баденской.

Отвѣчать на ваше письмо мнѣ некогда, потому что я составляю второй томъ родословника для Россійской исторіи. До сихъ поръ всѣ, кто принимались за Исторію Россіи, постоянно впадали въ ошибки, потому что не слѣдовали тому родословному порядку, который мы составили. Первый томъ уже напечатанъ и считается классическимъ руководствомъ для справокъ по Россійской исторіи.

¹⁾ Т. е. Екатерина и Густавъ III-й въ 1777 г., когда Гриммъ жилъ въ Россіи.

6.

19 Ноября 1793.

Усмотрѣвъ изъ вашего послѣдняго письма отъ Октября мѣсяца, что вы находитесь въ нищетѣ по милости злодѣевъ-царевубійцъ, которые захватили власть во Франціи и обращаютъ ее въ пустыню, населенную самыми лютыми звѣрами, когда либо осквернявшими собою землю, посылаю вамъ при семь три векселя—денежку на черныи день: всего на двадцать тысячъ рублей. Если вы поѣдете въ Вѣну, или вздумаете приобрести дачу, я вамъ въ будущемъ году пришлю еще пятьдесятъ тысячъ.

7.

4 Декабря 1793.

Catharina in ihrer Thaten (Екатерина въ ея дѣяніяхъ): таково заглавіе книги, которую вы мнѣ прислали въ тройной оберткѣ. Я ее сію минуту развернула. Слушайте, козелъ отпущенія, развѣ можно такъ расхваливать людей? Вы прослывете за отъявленнаго льстеца, да оно и похоже! Если вѣрять книгѣ, то я на старости лѣтъ вдругъ сдѣлалась образцовой правительницей. Ахъ, Господи, Господи! Обо мнѣ столько говорили дурнаго, да и теперь еще говорятъ, что образцовою меня назвать отнюдь нельзя, коли всему вѣрять. Знаете ли вы, что похвалы мнѣ никогда не приносили пользы; но когда начинали меня злословить, я съ гордою самоувѣренностію говорила про себя въ насмѣшку хулителямъ: «Отмстимъ имъ, уличимъ ихъ во лжи!» Но къ чему такая хвалебная рація? Какая отъ нея польза? Кромѣ длинноты и скуки ничего нѣтъ.

5 Декабря.

Французскіе философы, которыхъ считаютъ подготовителями революціи, ошиблись въ одномъ: въ своихъ проповѣдяхъ они обращались къ людямъ, предполагая въ нихъ доброе сердце и такую же волю, а вмѣсто того ученіемъ ихъ воспользовались прокуроры, адвокаты и разные негодяи, чтобъ подъ покровомъ этого ученія (впрочемъ они и его отбросили) совершать самыя ужасныя преступленія, на какія только способны отвратительнѣйшіе въ мірѣ злодѣи. Они своими злодѣяніями поработили себѣ Парижскую чернь: никогда еще не испытывала она столь жестокой и столь бессмысленной тиранніи какъ теперь, и это-то она дерзаетъ называть свободой! Ее образумятъ голодъ и чума, и когда убійцы короля истребятъ другъ друга, тогда только можно надѣяться на перемѣну къ лучшему. Господи Боже мой! Еслибъ слушались меня, многое было бы иначе; но Вѣнскій дворъ съ своими жожаками, барономъ Брейтелемъ и графомъ Мерси, воображалъ, будто мнѣ издали ничего не видно, чтѣ дѣлается, и продолжалъ упорствовать въ своемъ мнѣніи, будто королева будетъ въ большей безопасности среди Якобинцевъ, чѣмъ подъ покровительствомъ братьевъ короля. Я ничего не выдумываю: это фактъ. За этотъ ложный принципъ пришлось поплатиться жизнью. Таковы были послѣдствія ошибки.

Теперь дворы Вѣнскій и Англійскій начинаютъ, кажется, соглашаться съ тѣмъ, что я имъ непрерывно проповѣдываю вотъ уже три года; но, послушайся они меня раньше, не совершилось бы такъ много преступленій, да и тратъ было бы меньше. Въ ту минуту, какъ они приходятъ въ разумъ, короля Прусскаго подучаютъ предъявить самыя несообразныя, чрезмѣрныя требованія. Посмотримъ, что изъ этого будетъ? Если онъ не образумится, тѣмъ хуже для него.

6-го Декабря. Наши новобрачные ²⁾, повидимому, очень заняты другъ другомъ, а шаловливый Константинъ вертится около нихъ. Вы не можете себѣ представить, какой это чудакъ: онъ совсѣмъ некрасивъ, чрезвычайно живъ, уменъ и остеръ, притомъ легкомысленъ какъ Майскій жукъ; но у него превосходное сердце, сильное стремленіе къ добру, и въ своихъ проступкахъ онъ всегда сознается откровенно. На мой взглядъ, онъ милый мальчикъ и далеко не дюжинная личность; дѣлаетъ онъ все порывами. Въ публикѣ братъ его пользуется несравненно большею любовью. Не смотря на все это, я предсказываю ему блестящую будущность. Въ дѣтствѣ онъ былъ нескладенъ, точно медвѣжонокъ, но теперь совсѣмъ не то.

1794 годъ

1.

12 Января 1794.

Должно быть, само Небо предназначало этотъ день для того, чтобъ я могла васъ поздравить съ новымъ годомъ, такъ какъ до него у меня все былъ недосугъ, благодаря дѣламъ и стариннымъ лѣтописямъ. Дошедши до 1321 года, я остановилась и отдала переписывать около восьми сотъ страницъ, нацарапанныхъ мною. Представьте, какая страсть писать о старинѣ, до которой никому нѣтъ дѣла и про которую, я увѣрена, никто не будетъ читать кромѣ двухъ педантовъ: одинъ изъ нихъ переводчикъ мой Фолькнеръ, другой библіотекаръ Академіи Буссе. Онъ старается изо всѣхъ силъ хвалить мою точность въ журналахъ, у которыхъ едва ли наберется четыре читателя во всей Европѣ. А между тѣмъ я очень довольна, что привела въ порядокъ все относящееся до исторіи, и сдѣлала это лучше всѣхъ, кто брался за эту работу до сихъ поръ. Я тружусь точно за деньги: такъ корплю, такъ стараюсь, кладу въ дѣло весь свой умъ и сообразительность и, всякій разъ какъ напишу страницу, восклицаю: «Ахъ, какъ это хорошо, мило, восхитительно!» Но конечно, я никому объ этомъ не говорю, кромѣ васъ; вы понимаете: надо мной стали бы смѣяться. Елагинъ умеръ, и исторія его, вѣроятно, останется неоконченною; но послѣ него остались сочиненія о масонствѣ—удивительная чепуха, изъ которой явствуетъ, что онъ сходилъ съ ума.

Скажите, получена ли вами черезъ братьевъ Ливіо и Франкфуртскаго корреспондента моя записка съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ

²⁾ Т. е. Александръ Павловичъ и Елисавета Алексѣевна.

бумажекъ ¹⁾, Я послала ихъ, чтобы не простывалъ кипятокъ въ котелкѣ козло-отпущенскомъ (la margite souffre-douleurienne). Смерть какъ боюсь, чтобъ ихъ не украли на пути. Ничего больше не покупаю; хочу платить свои долги и копить деньги. Стало быть, отказывайте всѣмъ, кто вамъ будетъ предлагать.

2.

10 Февраля 1794.

Я получила, какъ и вы, безыменное письмо въ 12 страницъ, въ которомъ меня убѣждаютъ послать войска на Рейнъ. Но какъ туда посылать? Послать немного и связаться съ пачкунами, войска будутъ побиты, какъ и другія. Много же посылать я не могу, потому что съ часу на часъ жду разрыва съ Турками, которыхъ подзадориваютъ милордъ Энсли и Декоршъ. Отдѣлите теперь пожалуйста немножечко милорда Энсли отъ Англійскаго министра. Сей послѣдній желаетъ, чтобы Турки напали на меня въ томъ случаѣ, когда нельзя удержать ихъ отъ войны съ Вѣнскимъ дворомъ, и тутъ имъ проповѣдуютъ войну съ Россією. Декоршъ преповѣдуетъ войну съ обоими императорскими дворами вмѣстѣ. Ради этой путаницы я должна быть на сторожѣ и не могу въ большомъ числѣ отправлять мои войска въ дальнюю сторону. Впрочемъ вы знаете, что прошлою весною я предлагала Англійи переправить значительное число ихъ на помощь Вандейцамъ или вѣрнѣе приверженцамъ королевской власти, и графъ д'Артуа долженъ былъ принять участіе въ этомъ предпріятіи; но въ Англійи не захотѣли меня послушаться.

11 Февраля 1794.

Русская пословица говоритъ: чтобъ не было скучно, мѣшай дѣло съ бездѣльемъ. Поэтому скажу вамъ, вопервыхъ, что третьяго дня, 9 Февраля, въ Четвергъ, исполнилось 50 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ я съ матушкою пріѣхала въ Россію. Было это въ Четвергъ, 9-го Февраля, слѣдовательно, вотъ уже 50 лѣтъ какъ я живу въ Россіи, и изъ этихъ пятидесяти я по милости Божіей царствую уже тридцать два года. Вовторыхъ, вчера было при дворѣ за разъ три свадьбы. Вы понимаете, что это уже третье или четвертое поколѣніе послѣ тѣхъ, кого я застала въ то время. Да, я думаю, что здѣсь въ Петербургѣ едва ли найдется десять человѣкъ, которые бы помнили мой пріѣздъ. Вопервыхъ слѣпой, дряхлый Вецкій: онъ сильно заговаривается и все спрашиваетъ у молодыхъ людей, знали-ли они Петра I-го. Потомъ 78 лѣтняя графиня Матюшкина, вчера танцовавшая на свадьбахъ. Потомъ оберъ-шенкъ Нарышкинъ, который былъ тогда камеръ-юнкеръ и его жена. Далѣе его братъ оберъ-штабмейстеръ; но онъ не сознается въ этомъ, чтобъ не казаться старымъ. Потомъ оберъ-камергеръ Шуваловъ, который по дряхлости уже не можетъ выѣзжать изъ дому и, наконецъ, старуха моя горничная, которая уже ничего не помнитъ. Вотъ каковы мои современники! Это очень странно: всѣ

¹⁾ См. выше письмо отъ 19 Ноября 1793.

остальные годились бы мнѣ въ дѣти и внуки. Вотъ какая я старуха! Есть семья, гдѣ я знаю уже пятое и шестое поколѣнія. Все это доказываетъ, какъ я стара; самый рассказъ мой, можетъ быть, свидѣтельствуешь тоже самое, но какъ же быть? И все таки я до безумія, какъ пятилѣтній ребенокъ, люблю смотрѣть, какъ играютъ въ жмурки и во всякія дѣтскія игры. Молодежь, мои внуки и внучки, говорятъ, что я непременно должна быть тутъ, чтобъ имъ было весело, и что со мной они себя чувствуютъ гораздо смѣлѣе и свободнѣе, чѣмъ безъ меня.

Уже давно толковали, что южныя Европейскія государства въ упадкѣ, и однако всѣ продолжали туда ѣздить (я думаю, чтобы нагрѣть руки); и однако этотъ упадокъ было бы такъ легко предотвратить! На каждомъ шагу всѣ удивляются, какъ это могло случиться. Я думаю, тутъ много помогло нерадѣніе. Если Франція справится съ своими бѣдами, она будетъ сильнѣе, чѣмъ когда либо, будетъ послушна и кротка какъ овечка; но для этого нуженъ человекъ недожизненный, ловкій, храбрый, опередившій своихъ современниковъ и даже, можетъ быть, свой вѣкъ. Родился онъ, или еще не родился? Придетъ ли онъ? Все зависитъ отъ того. Если найдется такой человекъ, онъ стоюю своею остановить дальнѣйшее паденіе, которое прекратится тамъ, гдѣ онъ станетъ, во Франціи, или въ иномъ мѣстѣ.

Скажите кстати, знавали вы когданибудь этого противнаго аббата Сіейса, одного изъ главныхъ дѣятелей во Франціи? Помните, какъ въ Петергофѣ два капуцина обвиняли васъ въ принадлежности къ нѣкоему обществу? Помните ли вы также, что покойный король Пруссійскій увѣрялъ, будто Гельвецій признавался ему, что у философовъ было намѣреніе ниспровергнуть всѣ троны въ Европѣ и что Энциклопедія имѣла единственною цѣлю уничтоженіе всѣхъ властей и всякаго вѣрученія. Помните также, какъ вы никогда не хотѣли, чтобъ васъ причисляли къ философамъ. Вы правы, что не хотѣли быть въ числѣ фанатиковъ, иллюминатовъ и философовъ, потому что всѣ они, какъ доказываетъ опытъ, стремятся только къ разрушенію. Но что они ни говори и что ни дѣлай, все же міру не обойтись безъ повелителя, и ужъ конечно лучше неразуміе одного человека, которое и продолжается-то недолго, чѣмъ неразуміе многихъ. По ихъ милости, двадцать милліоновъ людей приходятъ въ бѣшенство отъ одного только слова свобода; а между тѣмъ у нихъ и тѣни ея нѣтъ, и безумцы все бѣгутъ за ней и никакъ не могутъ поймать.

Не знаю почему, но кажется, Константинъ слыветъ однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ жениховъ въ Европѣ: не проходитъ дня, чтобы его не женили на какойнибудь изъ Европейскихъ принцессъ, и потомъ всѣ наперерывъ награждаютъ его всякими владѣніями, тогда какъ онъ и въ помышленіи того не имѣетъ, да и ничего подобнаго не желаетъ. Онъ становится премилый юноша, живой и пылкой, какъ и слѣдуетъ быть въ его лѣта; притомъ у него сильное стремленіе ко всему доброму и горячее сердце. Учитель его Швейцарецъ не любитъ льстить, но и онъ говоритъ, что великій князь и уменъ, и понятливъ.

13 Февраля 1794.

Надѣюсь, что теперь уже ни одинъ изъ Бурбоновъ не захочетъ называться Орлеанскимъ, судя по отвращенію, которое возбуждаетъ послѣдній изъ носившихъ это имя. Благодарю васъ за сообщенныя подробности о немъ и объ этой гадкой женщинѣ, которая его погубила. Но мудрено, чтобы въ ея поступкахъ была такая послѣдовательность, какъ вамъ рассказывалъ эмигрантъ и какъ ему потомъ показалось впоследствии. Очень можетъ статься, что они оба, какъ люди злые и порочные по природѣ, совершили много проступковъ и злодѣяній, сами того не сознавая и не думая о послѣдствіяхъ. Конечно, они были не высокаго ума, иначе умъ бы остался при нихъ; но несомнѣнно, что, благодаря ихъ содѣйствію, умножились пороки, злоба и всякія преступленія: все это мы видѣли своими глазами. Каково начало, таковъ и конецъ. Счастье и несчастье зависятъ отъ характера человѣка; характеръ опредѣляется нравственными правилами, а успѣхъ зависитъ отъ умѣнья найти надлежащія средства для достиженія цѣли. Какъ скоро у человѣка нѣтъ твердыхъ убѣжденій, и онъ ошибся въ средствахъ, тотчасъ пропадаетъ всякая послѣдовательность въ поступкахъ.

14 Февраля 1794.

Весьма сожалѣю, что сочувствіе къ общественнымъ бѣдствіямъ такъ вредно отразилось на здоровьи г-жи дѣ Бюэль. Не нужно постоянно думать объ одномъ и томъ же, и я согласна съ мнѣніемъ княг. Голицыной, что поѣздка въ Россію могла бы ей принести большую пользу. Вы мнѣ совѣтуете ѣхать путешествовать въ ваши края, но вѣдь этотъ совѣтъ внушенъ вамъ вашею лѣнью: я думаю, что вамъ хотѣлось бы со мной повидаться, но васъ пугаетъ длинная дорога. Знайте же, что если я двинусь въ путь, то никакъ не въ вашу сторону; прежде чѣмъ я отправлюсь на тотъ свѣтъ, я должна увидеть плодородныя страны, лежащія между Борисѣеномъ, Днѣстромъ и устьемъ Буга: отъ тамошняго воздуха излѣчиваются сами собою всѣ болѣзни. Туда-то спѣшилъ князь Потемкинъ, когда почувствовалъ приближеніе смерти, но умеръ въ дорогѣ.

3.

Сегодня 27 Августа, погода ужасная, а я все еще въ Таврическомъ дворцѣ. Лѣта совсѣмъ не было, ни одного жаркаго дня, и вотъ уже два съ половиною мѣсяца по крайней мѣрѣ, что у насъ постоянные дожди. На дворецъ этотъ пошла мода; онъ въ одинъ этажъ, съ огромнымъ прекраснымъ садомъ; вокругъ же все казармы по берегу Невы: направо Конногвардейскія, направо Артиллерійскія, а позади сада Преображенскія. Для осени и весны нельзя желать ничего лучшаго. Я живу направо отъ галлерей со столбами; такого подѣзда, я думаю, нѣтъ еще нигдѣ на свѣтѣ; Александръ помѣщается направо. Правда, что прежде въ этомъ дворцѣ было не немного, а чрезвычайно сыро, такъ что изъ подъ колоннъ въ залъ текла вода, и на полу стояли лужи; происходило это отъ того, что фундаментъ залы былъ ниже уровня

воды въ пруду. Но я помогла горю, приказавъ вырыть между домомъ и прудомъ сточную трубу и выложить ее камнемъ; труба идетъ во-кругъ всего дома и такъ хорошо отводитъ воду, что теперь совсѣмъ нѣтъ сырости въ домѣ и не пахнетъ гнилью, какъ прежде.

28 Августа 1794, въ Таврическомъ дворцѣ.

Вы пишете, что императоръ уѣхалъ, чтобы принять начальство надъ войскомъ; мы видѣли, что онъ выигрывалъ побѣду за побѣдой, а дѣло все не подвигалось впередъ, и затѣмъ внезапно уѣхалъ въ Вѣну, и вслѣдствіе этого Нидерланды были оставлены и т. д. и т. д. Вслѣдъ за этимъ вы дѣлаете нѣсколько вопросовъ насчетъ обязанностей государя, что имѣетъ видъ какъ бы проповѣди, которою я все-конечно постараюсь воспользоваться. Но скажите мнѣ одно, кто же больше Людовика XVI сообразовался съ общественнымъ мнѣніемъ при выборѣ министровъ и другихъ должностныхъ лицъ? И мы видѣли, что изъ этого вышло. По моему мнѣнію, во всякомъ государствѣ найдутся люди, и искать ихъ нечего; нужно только употребить въ дѣло тѣхъ, кто подъ рукою. Про насъ постоянно твердятъ, что у насъ неурожай на людей; однако, не смотря на это, дѣло дѣлается. У Петра I-го были такіе люди, которые и грамотѣ не знали, а все-таки дѣло шло впередъ. Стало быть, неурожая на людей не бываетъ, ихъ всегда многое множество; нужно только ихъ заставить дѣлать что нужно, и какъ скоро есть такой двигатель, все пойдетъ прекрасно. Что дѣлаетъ твой кучеръ, когда ты сидишь въ закрытой каретѣ? Была бы добрая воля, какъ всѣ дороги открыты. Пускай одинъ ограниченъ, другой ограниченъ, но государь отъ этого не будетъ глупѣе. Францъ II совсѣмъ не глупъ; напротивъ, это государь храбрый и честолюбивый: онъ слушаетъ другихъ, потому что положеніе его теперь затруднительно, а онъ еще молодъ и неопытенъ. Но онъ ни на кого не посмотрѣлъ, когда задумалъ ѣхать къ войску; тутъ былъ его собственный починъ, и это хорошо: онъ пойдетъ далеко и безъ чужой помощи, какъ только пойметъ и убѣдится, что умнѣе другихъ. Въ молодости на первыхъ порахъ хорошо послушать другихъ, а дальше видно будетъ. Былъ у нихъ орелъ, да они его не оцѣнили.

29-го Августа 1794, въ Зимнемъ дворцѣ.

Холодъ выгналъ меня изъ Таврическаго дворца; конецъ Августа точно Октябрь. Я пріѣхала въ свою зимнюю лачужку, поднялась по мраморной лѣстницѣ и прошла въ залы, которыя вновь отдѣланы подъ мраморъ къ свадьбѣ Александра, по рисункамъ и указаніямъ Гваренги. Эти три прелестныя залы ведутъ въ комнаты Александра; прошлый годъ онѣ были роскошно убраны; теперь уничтожили всю роскошь, мѣшавшую удобству, и вышли очень пріятныя комнаты, хотя прежней роскоши въ нихъ нѣтъ. Оттуда я прошла въ комнаты, назначаемыя для восьмаго ребенка великой княгини Маріи Теодоровны, который, вѣроятно, явится на свѣтъ или въ концѣ нынѣшняго года или въ началѣ 1795-го. Невѣстка ея еще не въ такомъ положеніи. Оттуда я прошла коридорами въ комнаты Александры, которой уже минуло одиннадцать лѣтъ, и она съ нынѣшняго лѣта считается взрослой дѣ-

вицей; отъ нея я отправилась къ Еленѣ: ея спальня такъ мило убрана, что она навѣрное не заснетъ въ эту ночь отъ удовольствія. Оттуда я прошла въ церковь посмотришь, что тамъ дѣлается, потомъ въ знакомую вамъ галерею, а оттуда въ свои комнаты, потомъ въ Эрмитажъ, въ тамошній театръ, изъ театра въ ложи Рафаэля, прошла три залы, гдѣ помѣщается кабинетъ естественной исторіи, и вернулась къ себѣ въ комнату, гдѣ и сѣла вамъ писать, послѣ того какъ обошла весь дворецъ и Эрмитажъ, что составитъ версты съ двѣ или три. Я вамъ все это рассказываю для того, чтобы вы подивились, какъ ваша покорная служница до сихъ поръ еще проворна.

1-е Сентября. Церковный годъ начинается отличнѣйше. Вы конечно знаете, что годъ этотъ начинается 1-го Сентября. И вотъ годъ этотъ отлично знаменуется: генералъ-маіоръ князь Циціановъ, имѣя при себѣ людей вчетверо меньше своего противника, послѣ четырехчасоваго боя взялъ въ плѣнъ генерала Грабовскаго, со всѣмъ его войскомъ, пушками и пр. и со множествомъ женщинъ, находившихся въ обозѣ. По взятіи Вильны, куда Польскія войска сбѣгались съ трехъ сторонъ, Грабовскій устремился къ Минску и какъ бѣшенный бѣжалъ до Лубани къ нашей цѣпи. Тутъ князь Циціановъ побилъ его и, обезоруживъ все войско его, захватилъ ружья, пики, косы и пушки. Теперь можно сказать, что вскорѣ будемъ держать ихъ за уши. Надо вамъ сказать, что этотъ князь Циціановъ родомъ Грузинъ, родившійся и воспитавшійся здѣсь. Онъ храбръ какъ его шпага, исполненъ ума и познаній. Мнѣ радостно думать, сколько теперь въ арміи молодыхъ людей, подающихъ блестящія надежды. Это не увальни (Passgänger), но люди съ огнемъ и пламенемъ. Благо-словіи и сохрани ихъ Богъ!

Екатерина тотчасъ угадала что за человекъ былъ князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ, которому ранноремениная кончина (1806) помѣшала вполне проявить гениальныя его дарованія. Князь М. С. Воронцовъ, будучи намѣстникомъ на Кавказѣ, говаривалъ, что старается только привести въ дѣйствіе предначертанія князя Циціанова относительно тамошняго края. Это былъ западный другъ графа Ростопчина (см. Девятнадцатый Вѣкъ, кн. 2), который, въ своемъ подмосковномъ селѣ Вороновѣ (внѣ владѣній графа А. Д. Шереметева) почтилъ его память слѣдующими, выбитыми въ большомъ камнѣ и до сихъ поръ уцѣлѣвшими стихами:

Сей честнымъ бытъ хотѣлъ,
Искалъ пути Христова
И смертью лишь дошелъ
До счастья примаго.

3 Сентября. Сегодня утромъ я получила извѣстіе, что его величеству королю Прусскому благоугодно было снять осаду Варшавы, по той причинѣ, что въ его собственныхъ владѣніяхъ вспыхнуло возмущеніе. Еслибъ я была на его мѣстѣ, я бы тотчасъ овладѣла Варшавой и тѣмъ задушила бы бунтъ въ самомъ началѣ. О Господи! Я не смѣю говорить всего, что думаю; но, къ несчастью, четыре года тому назадъ, я уже предсказывала принцу Нассау и многимъ другимъ все, что потомъ случилось съ Людовикомъ XVI-мъ. Иногда бываетъ, что взглядъ мой съ быстротой ракеты пронизываетъ будущее и тамъ провидитъ яркія черты какаго-нибудь явленія. Но лучше молчать; между

окружающими короля нѣтъ ни одной умной головы. У насъ всѣ возмущены и осыпаютъ ихъ всевозможными ругательствами. Польскіе разбойники отбили у его величества два обоза, одинъ съ пушками на Вислѣ, а другой съ военными запасами, шедшій изъ Силезіи. Дорого бы я дала, чтобъ захватили также его маркиза Лукезини, который ѣдетъ къ нему назадъ изъ Вѣны; но я увѣрена, что этого не будетъ: онъ имъ слишкомъ полезенъ, и потому онъ Итальянецъ, а Итальянцы, чтó Греки, всегда съумѣютъ вывернуться.

4 Сентября. Сегодня съ утра, какъ только я встала, у меня такъ болить шея, что я совсѣмъ не могу повернуть голову назадъ. Думаю, это все отъ того, что меня разозлили. Принцъ Нассау прислалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ о снятіи осады Варшавы очень молодаго человѣка, котораго я спрашивала о разныхъ разностяхъ и между прочимъ о доблестномъ Манштейнѣ, который хотѣлъ вступить въ переговоры съ Костюшкой, воображая, что Костюшко тоже чтó Дюмурье. Я спросила, чтó за человѣкъ Манштейнъ; тотъ отвѣчалъ въ двухъ словахъ: «онъ дуракъ». Отвѣтъ мнѣ понравился, и я сообщаю его вамъ. Можетъ быть, вы прежде этого не знали; такъ знайте: онъ дуракъ.

4.

1-го Октября 1794, въ 5 часовъ вечера.

Отобѣдавъ, я взяла съ собою господина Константина и отправилась въ Таврическій дворецъ съ нимъ и съ четырьмя его сестрами. Я обошла кругомъ обширный тамошній садъ, послѣ чего сѣла въ коляску и по Англійской набережной доѣхала до параднаго подъѣзда, откуда поднялась къ себѣ въ комнату нѣсколько усталая, сказать правду; но какъ тѣ, кто меня помоложе, тоже устали, то этимъ я утѣшаюсь. Съ восьмага Сентября у насъ опять лѣто. Но послушайте, козелъ отпущенія, васъ въ Германіи чтутъ какъ оракула; растолкуйте же герцогу Веймарскому, что если послѣ брата не остается иныхъ наслѣдниковъ кромѣ сестры, то сестра прямая наслѣдница всего братняго имѣнія, и тогда нечего разыскивать еще какихъ-то потомковъ прабабушки, если существуетъ самая близкая родственница послѣдняго владѣльца. Представьте себѣ, его свѣтлость пишетъ мнѣ, что посылаетъ длиннѣйшую диссертацию, въ которой доказывается, что владѣніе Іеверъ, оставшееся послѣ моего брата, должно перейти къ нему, а не ко мнѣ. Но владѣніе это совсѣмъ не ему принадлежитъ; это также вѣрно какъ то, что его тамъ не любятъ, и жители желаютъ быть мойми подданными: они уже вездѣ ставили Россійскіе гербы и хотѣли одѣться въ красные и въ зеленые кафтаны; но я имъ посовѣтовала оставить у себя прежній владѣльческій гербъ. Я поручила управленіе моей невѣсткѣ²⁾, а имъ послала свой пор-

²⁾ Невѣстка эта, вторая жена Екатерины брата, урожд. Ангальтъ-Бернбургская, родившаяся 28 Августа 1744 и получившая Іеверъ въ пожизненное владѣніе, должна была уступить его въ 1807 году Франціи, но по Тильзитскому миру пользовалась доходами съ него (60 т. Голл. гульд.) до самой своей кончины, 12-го Апрѣля 1827 года. Іеверъ находится въ Ольденбургѣ.

треть во весь ростъ, котораго они у меня настоятельно потребовали. Ихъ ужасно огорчить, когда они узнають, что его свѣтлость хочетъ ихъ у меня оттягать. Мнѣ показалось изъ письма, которое графъ Гёрцъ, застегнутый, бывшій воспитатель его свѣтлости, передалъ отъ герцога Саксенъ-Веймарскаго моему повѣренному въ Регенсбургѣ, что его свѣтлость не прочь бы уступить мнѣ свои мнимыя права на владѣніе за извѣстное вознагражденіе. Не можете ли вы разузнать черезъ герцога Саксенъ-Готскаго, въ чемъ приблизительно должно состоять вознагражденіе. Я бы желала, чтобъ это мнимое право перешло лучше ко мнѣ, чѣмъ къ кому нибудь другому. Въ сущности, оно столько же принадлежитъ герцогу Саксенъ-Веймарскому, сколько самому герцогу Саксенъ-Готскому, который тоже потомокъ сестры одного изъ принцевъ Ангальтъ-Цербтскихъ, Іеверскаго владѣльца, которому наслѣдовали мой дядя и отецъ, стало бытъ также и мой братъ, а по кончинѣ его законная наслѣдница я. Однакоже только одинъ герцогъ Саксенъ-Веймарскій заявляетъ о своихъ правахъ, домъ же Саксенъ-Готскій не говоритъ ни слова. Я почти готова думать, что тутъ замѣшанъ Берлинскій кабинетъ; это его низкая политика: онъ нарочно выставилъ мнѣ соперника, съ цѣлью купить у него право на владѣніе въ случаѣ, если я не пойду на сдѣлку, и потомъ при первомъ удобномъ случаѣ присоединить Іеверъ къ восточной Фрисландіи. Люди эти такъ дурны, такъ коварны, что право отъ нихъ можно ожидать самыхъ безнравственныхъ поступковъ.

Не изъ того же ли источника шло увѣреніе, будто Екатерина тайнымъ завѣщаніемъ предоставила Іеверъ Бобринскому. Нѣмецкіе проходивці брали съ сего послѣдняго много денегъ для отысканія этихъ мнимыхъ правъ. См. Р. Архивъ 1876, книга III-я.—Герцогъ С. Веймарскій (позднѣ свекоръ нашей Маріи Павловны) вѣроятно ссылался на такъ называемый Салическій законъ, не допускающій женщинъ къ державнымъ правамъ наслѣдованія.

5.

8 Декабря 1794.

Не могу кончить письма, потому что у меня что-то въ родѣ рожи на головѣ: боль ужасная, и я ничѣмъ не могу заниматься. Вотъ уже двѣнадцать дней, какъ я почти ничего не ѣмъ и совсѣмъ не сплю, а доктора глупы. Я изъ силъ выбиваюсь, толкуя имъ, что это просто спазмы. Наконецъ, сегодня я потеряла всякое терпѣніе и начала сама лѣчить себя отъ спазмовъ, стала употреблять самое сильное лѣкарство отъ этой болѣзни, какое я только знаю, именно Бестужевскія капли, и вотъ я спала послѣ того цѣлый часъ, и вотъ доктора всѣ дураки, а я права, и вотъ не мѣшало бы также полѣчить Прусскаго короля, если онъ будетъ продолжать также поступать какъ теперь, а на это нѣтъ лучше фельдмаршала, графа обѣихъ имперій³⁾: онъ ему такъ отдуетъ бока, что тотъ сейчасъ же поздоровѣетъ, какъ только нужно будетъ дѣйствовать⁴⁾.

³⁾ Т. е. Суворовъ.

⁴⁾ Т. е. противъ Французовъ.

15 Декабря 1794—11 Января 1795.

Пріятелю нашему Валеріану ⁵⁾ ядромъ расшибло ногу, и при этомъ случаѣ онъ выказалъ твердость души несовсѣмъ обыкновенную: лошадь его убило тѣмъ же ядромъ, онъ упалъ вмѣстѣ съ нею, хотѣлъ слѣзть и тутъ только замѣтилъ, что у него сломана нога, потому что не могъ на нее стать. Офицеры, бывшіе съ нимъ, тотчасъ же соскочили съ лошадей и унесли его за занавѣску; привели хирурга, и раненый велѣлъ ему отрѣзать ногу на четыре пальца выше раны, что и было тотчасъ же исполнено при громѣ непріятельскихъ пушекъ и подъ ядрами, которыхъ было такъ много, что два раза во время операціи пришлось перемѣнить мѣсто. Потомъ его положили на носилки и понесли мимо второй линіи нашихъ войскъ, наступавшихъ на непріятеля. Валерьянъ говорилъ съ солдатами, шутилъ съ ними; многіе солдаты при видѣ его плакали; наконецъ, его отнесли въ господскій домъ, недалеко отъ переправы черезъ Бугъ, гдѣ шло сраженіе. Всѣ окружавшіе его не могли удержаться отъ слезъ, онъ же заботился только о нихъ и о томъ, какъ огорчатся его родные, когда узнаютъ объ его бѣдѣ. Надобно вамъ сказать, что всѣ храбрецы и вся военная молодежь непремѣнно хотѣли служить вмѣстѣ съ нимъ; его любятъ одинаково и начальники, и подчиненные; да онъ и самъ замѣчательно храбръ и уже пріобрѣлъ себѣ воинскую славу. На него возлагаютъ большія надежды. Въ письмѣ къ роднымъ онъ завѣряетъ, что все тотъ же и останется такимъ же, что будетъ продолжать служить и жалѣетъ, что не могъ участвовать во взятіи Праги. Однимъ словомъ, онъ выказалъ себя героемъ, а между тѣмъ герою только 24 года. Его перевезли, по его желанію, въ Варшаву; теперь онъ начинаетъ уже ходить на костыляхъ. Графъ обѣихъ имперій проводитъ съ нимъ все свободное время, а фельдмаршалъ Румянцовъ просто влюбился въ него и все присылаетъ курьеровъ узнавать объ его здоровьи. Словомъ, еще никто у насъ не пользовался такою любовью, такимъ почетомъ, такимъ уваженіемъ, какъ онъ. Въ подробномъ донесеніи о взятіи Праги, фельдмаршалъ графъ обѣихъ имперій, въ числѣ прочихъ, расхваливаетъ одного инженернаго поручика, воспитанника Артиллерійскаго Кадетскаго Корпуса, который, по его словамъ, составлялъ планы атакъ Измаила и Праги, а онъ фельдмаршалъ только выполнялъ ихъ, вотъ и все. Молодому человѣку отъ 24 до-25 лѣтъ, зовутъ его Глуховъ. Прощайте. Спѣшу: сегодня вечеромъ концертъ, въ которомъ трое нашихъ поютъ, двое играютъ на скрипкѣ, одинъ на клавесинѣ. Это насъ тѣшитъ. Вы знаете или узнаете, что число увеличилось дѣвицею Анною, великаншею по длинѣ и толщинѣ; но эта не поетъ и не кричитъ еще.

⁵⁾ Графу Валерьяну Александровичу Зубову.

1795 годъ.

1.

16 Января 1795.

Вотъ 16 дней полнехоньки. 1-го Января, новый годъ, праздникъ. 6-го Января, Богоявленіе, праздникъ и водоосвященіе. 7-го Января явилась на свѣтъ великая княжна Анна. 13-го Января праздникъ по случаю дня рожденія великой княгини Елисаветы. 14-го Января крестины новорожденной. 15-го Января скончалась великая княжна Ольга. Представьте, что за болѣзнь такая! Недѣль осмнадцать тому назадъ проявился у ней такой голодъ, что она всякую минуту просила ѣсть, и вслѣдствіе этого выросла необыкновенно для своихъ лѣтъ: ей два года съ половиной. Въ тоже самое время появилось у ней множество коренныхъ зубовъ, затѣмъ сдѣлалась изнурительная лихорадка, сухотка, продолжавшаяся 16 недѣль, и вчера часу въ восьмомъ вечера она скончалась въ страшныхъ страданіяхъ, продолжавшихся 24 часа. Въ Пятницу или въ Субботу будутъ похороны.

2.

1 Февраля 1795.

Я пришлю вамъ десять тысячъ рублей, для раздачи неимущимъ; но прошу васъ, на сколько возможно, не говорите, откуда эти деньги. Поэтому лучше разсылать деньги просящимъ, о которыхъ вы мнѣ говорили, въ письмахъ, не говоря отъ кого; вы можете даже скрыть и свое имя, чтобъ не могли подозрѣвать меня.

3.

5 Апрѣля 1795.

Скотину Герцберга слѣдовало бы хорошенько отколотить за то, что онъ исторію знаетъ столько же, какъ мой попугай. Онъ дерзаетъ говорить, что Россія овладѣла Полоцкомъ, не имѣя на то ни малѣйшаго права, тогда какъ слѣдовало бы сказать, что Россія всегда забывала о своихъ древнихъ правахъ, такъ какъ Полоцкъ былъ отданъ Владиміромъ I-мъ своему старшему сыну, Изяславу. Онъ былъ старшій изъ двѣнадцати сыновей Владиміра I-го, между которыми отецъ раздѣлилъ государство, послѣ того, какъ женившись на дочери Греческаго императора, Аннѣ, принялъ христіанскую вѣру и отослалъ своихъ шестерыхъ женъ съ ихъ дѣтьми въ назначенные имъ удѣлы. Вотъ отъ этого-то старшаго сына Владиміра и произошли князья Полоцкіе. Потомъ, будучи великимъ княземъ Литвы, Владиміръ I-й отдалъ Литву сыну своему Святославу, который умеръ бездѣтнымъ. Въ 1386-мъ году Ягайло или Яковъ, пятый сынъ Ольгерда, принялъ Латинскую вѣру, женился на Польской королевнѣ Гедвигѣ, наслѣдницѣ престола, и сталъ царствовать подъ именемъ Владислава,

соединивъ такимъ образомъ Литву съ Польшей въ одно государство. Но государственный министръ, дуралей и неучъ, ничего этого не знаетъ; отъ чванства онъ сталъ грубъ и глупъ какъ Померанскій вождь, котораго мало кормятъ (покойный король, по его собственному признанію, морилъ его съ голоду). Поэтому онъ и не знаетъ, что вплоть до семнадцатаго столѣтія не только въ Полоцкѣ, но и во всей Литвѣ всѣ рѣшительно дѣла велись на Русскомъ языкѣ, что во всѣхъ Литовскихъ архивахъ бумаги писаны порусски, что всѣ акты писаны порусски и Русскими буквами, что годъ сотворенія міра тотъ же, какой признается Греческою церковью, и даже до сихъ поръ Греческій церковный индиктъ служитъ для этого указателемъ. Все это доказываетъ, что до семнадцатаго столѣтія Греческая вѣра была господствующею не только въ Полоцкѣ, но и во всей Литвѣ, и ее исповѣдывали всѣ великіе князья и весь княжескій родъ; во всѣхъ церквяхъ тамошнихъ, и въ особенности въ соборныхъ, вездѣ алтарь обращенъ на Востокъ по обычаю Восточной церкви. Если вамъ мало этихъ доказательствъ, можете потребовать еще: истину доказать не трудно. Кромѣ того, Полоцкъ разъ двадцать переходилъ изъ рукъ въ руки, и нѣтъ ни одного договора, гдѣ бы та или другая сторона не требовали какой нибудь части страны, а то и цѣлой страны, смотря по обстоятельствамъ. Можно бы этого дурака министра и побольше отхлестать за его невѣжество относительно тѣхъ народовъ, которыхъ онъ хочетъ присоединять. Оселя! Мнѣ такъ хотѣлось васъ разсмѣшить, что я, какъ видите, отбросила всякую вѣжливость въ своемъ ученомъ разсужденіи. Впрочемъ, вы и сами знаете: когда педанты бываютъ одержимы гнѣвомъ или хотятъ выказать усердіе, то не всегда соблюдаютъ правила вѣжливости въ своихъ разсужденіяхъ; я же, какъ вамъ тоже безъизвѣстно, такъ много возилась съ архивами и лѣтописями, что теперь меня мудрено сбить съ толку.

6 Апрѣля. Ну теперь начинается отвѣтъ или, лучше сказать, долженъ начаться; но такъ какъ уже полдень, а на первой страницѣ денежные отчеты, то пусть полежитъ такъ до послѣ-обѣда, а я пойду одѣваться, ибо вечеромъ я отправлюсь на любительскій концертъ. Александръ и графъ Платонъ Зубовъ будутъ играть на скрипкѣ, Елисавета, Александра и Елена будутъ пѣть, а акомпанировать имъ на фортепьяно будетъ великая княжна Марія, которая удивительно любить музыку; ей девять лѣтъ, а она уже кончила съ Сарти изученіе генераль-баса. Сарти говоритъ, что у ней замѣчательный музыкальный талантъ, и кромѣ того она очень умна, имѣются способности ко всему, и будетъ современемъ преразумная дѣвица. Она любитъ чтеніе и проводитъ за книгой цѣлые часы, по словамъ генеральши Ливенъ; притомъ она очень веселаго, живаго нрава и танцуетъ какъ ангелъ. Вообще довольно красивая семья. Тяжелый обозъ три дня тому назадъ уѣхалъ въ Гатчину. Довольно. Кошки дома нѣтъ, мышкамъ воли, радость и счастье.

7 Апрѣля. Вчерашній концертъ вполне удался; были тамъ и Литовскіе депутаты. Я имъ сказала, что пригласила ихъ для того, чтобъ они ознакомились со мной и съ моей семьей. Между ними одинъ ста-

рикъ (котораго, кажется, Александръ и его супруга совсѣмъ очаровали) сказалъ мнѣ, что отъ нихъ должны родиться ангелы. Великая княгиня Елисавета настоящая сирена: у нея голосъ такъ и проникаетъ вамъ въ душу; я ее полюбила всею душою. Мужъ ея съ младенчества старался быть ко мнѣ какъ можно ближе, и все ему казалось мало, такъ что ребенкомъ онъ всегда тихонько прижимался ко мнѣ плечомъ; теперь онъ жену толкаетъ ближе ко мнѣ, чтобъ и она прижалась покрѣпче, потому что ему кажется, что ей тогда будетъ хорошо, когда она будетъ какъ можно ближе ко мнѣ. Онъ и самъ всячески старается объ этомъ; да, онъ дѣйствительно мой любимецъ. Вчера пѣніе и музыка продолжались три часа, и мамзель Марія такъ играла на фортепьяно, что теперь она во всей Литвѣ прослыветъ за необыкновенную музыкантшу.

Такъ вотъ какъ: вѣкъ живи, вѣкъ учись. Я только третьяго дня узнала, что вы въ 1740 году принимали участіе въ органистѣ большаго монастыря Базилѣ. Помню, что зима тогда была очень суровая, и я страшно мерзла въ Штетинѣ, сидя у ногъ матери, а она любила сидѣть на ступенькѣхъ возлѣ задѣланнаго окна и всегда ставила тамъ себѣ стулъ.

Конечно, въ замѣчательныхъ людяхъ никогда не бываетъ недостатка, такъ какъ люди зависятъ отъ обстоятельствъ, а обстоятельства зависятъ отъ людей. Мнѣ никогда не приходилось отыскивать людей; но у меня всегда подъ рукой находились люди, которые мнѣ служили и всегда служили хорошо. Кромѣ того, я по временамъ люблю новыхъ людей: работа идетъ хорошо, когда они работаютъ вмѣстѣ и рядомъ съ прежними. Это все равно, какъ когда въ пьесѣ кстати и во время вводятъ новое лицо для оживленія дѣйствія: благодаря имъ, машина не ржавѣетъ.

8-го Апрѣля, въ 7 часовъ утра. По моему мнѣнію, Кобленцскій сѣвядъ сдѣлалъ одинъ только промахъ, именно не сумѣлъ лучше употребить громаднаы суммы, которыя были у него въ распоряженіи. Еслибъ только онъ вооружилъ десять тысячъ Французовъ и подъ начальствомъ принцевъ овладѣлъ какимъ нибудь укрѣпленіемъ, у него тотчасъ бы явилась точка опоры во Франціи, особенно въ то время, когда злодѣи еще не успѣли сформировать ни одного полка какъ слѣдуетъ; но они вмѣсто того захотѣли взять Страсбургъ, чтобъ тамъ провести зиму и увѣрили, что у нихъ есть соумышленники въ городѣ. По мнѣ, это не то. Я имъ твердила о крѣпости. Я не согласна съ принцемъ Генрихомъ¹⁾ и утверждаю, что Французы любятъ неограниченную власть и что только при такомъ образѣ правленія и возможно будетъ потушить внутреннія смуты во Франціи. Франція дошла до изнеможенія, благодаря республикѣ, которая ей надѣлала столько зла. Да потомъ вѣдь республика всегда въ концѣ концовъ превращается въ монархію. Почитайте всемірную исторію, присмотритесь къ играмъ дѣтей и животныхъ: развѣ у нихъ всѣ равны по силѣ? Развѣ не всегда сильные покоряютъ слабыхъ?

¹⁾ Близкое знакомство съ Мирабо сильно подѣйствовало на принца Генриха,

9 Апрѣля. Какъ хорошо, что вы обратились съ своими задачами на преміи къ Петербургскому Экономическому Обществу! Оно съ самаго начала своего существованія отличалось геніальностью. Началѣ оно съ того, что шесть мѣсяцевъ продумало, гдѣ бы достать денегъ и наконецъ додумалось до остроумной мысли, что денегъ можно попросить у меня. Прошлый годъ я узнала, что ловкое общество ухитрилось, не знаю какъ, выхлопотать позволеніе печатать на мой счетъ издаваемые имъ Записки, на что требовалось сто рублей въ годъ. Затѣмъ всякій годъ, подъ предлогомъ умноженія расходовъ, оно очень ловко вытягивало изъ моего собственнаго кармана до четырехъ тысячъ рублей, и это нѣсколько лѣтъ сряду, а деньги мои раздавало направо и налѣво и предлагало разные вопросы, одинъ пустѣе и глупѣе другаго. Я посмѣялась надъ первой геніальной выдумкой общества, также какъ смѣялась надъ снятіемъ осады Варшавы, но потомъ просто на просто разсердилась и сказала председателю, что подобные поступки называются мошенничествомъ, тѣмъ болѣе, что весь барышъ отъ продажи пресловутыхъ Записокъ, за которыя я и гривны не дамъ, шелъ въ ихъ же пользу. Тогда онъ отвѣчалъ, что онѣ совсѣмъ не раскупаются; а я на это сказала, что стало быть не къ чему ихъ и печатать и что отъ меня они уже не получаютъ ни гроша на изданіе. Съ тѣхъ поръ не слышу объ обществѣ, ни объ ихъ экономіи; у меня же одной аксіомой прибыло, а именно: если какое нибудь экономическое общество не подаетъ примѣра, какъ существовать собственною экономіею, то не зачѣмъ ему и писать о способахъ къ умноженію чужаго благосостоянія.

10 Апрѣля. Герцогъ Зюдерманландскій, котораго наши матросы послѣ двухъ морскихъ сраженій при Кальскерѣ и подъ Ревелемъ (гдѣ онъ оказался большимъ трусомъ) прозвали въ насмѣшку Сидоромъ Ермолаичемъ, вздумалъ приплестъ къ никогда не существовавшему заговору Неаполитанскій дворъ и меня. Мое имя открыто упоминается въ его писаніяхъ и даже произносится на судебныхъ слѣдствіяхъ. Но еслибъ дѣйствительно былъ заговоръ, и я въ немъ участвовала, то ручаюсь вамъ, онъ бы удался. Армфельда, въ противность завѣщанію покойнаго короля, изгнали изъ совѣта регента за приверженность къ монархической власти, а на его мѣсто хотѣли посадить отъявленнаго якобинца, Рейтергольма. Армфельдъ уговорилъ покойнаго короля заключить миръ въ Верелѣ, и самъ составлялъ условія и подписывалъ вмѣстѣ съ генераломъ Игельштромомъ, что и послужило къ его сближенію съ нами послѣ несчастной кончины покойнаго короля. Онъ былъ страстно къ нему привязанъ и теперь перенесъ всю свою любовь на молодаго короля; онъ зналъ, что покойникъ, умирая, поручилъ мнѣ своего сына, зналъ, что и прежде этого я открыто принимала сторону ребенка противъ всѣхъ его враговъ и что я говорила и покойному королю, и всѣмъ, кто только хотѣлъ слушать, что если отецъ признаетъ ребенка за своего сына, то никто уже не имѣетъ права оспаривать, тѣмъ болѣе, что король имѣетъ болѣе власти, чѣмъ всякой другой отецъ. Онъ видѣлъ, что всѣ дѣйствія регента шли въ разрѣзъ какъ съ убѣжденіями покойника, такъ

и съ интересами юнаго короля, и уѣхалъ изъ Швеціи. Но онъ писалъ слишкомъ откровенныя письма къ своимъ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ въ Швеціи, а потомъ къ этому еще присоединилась ревность съ стороны регента: по свѣту ходять два собственноручныя любовныя письма регента къ дѣвицѣ Руденскіюльдъ, любовницѣ Армфельда. Регентъ вздумалъ приказать, чтобъ ее высѣкли, велѣлъ везти ее на эшафотъ и потомъ заперъ въ смиренный домъ, вѣроятно, за то, что она предпочитала Армфельда его королевскому высочеству. Кромѣ того, регенту вездѣ мерещатся заговорщики, а доказать существованіе заговоровъ онъ не можетъ. Убійца покойнаго короля былъ одинъ только наказанъ за свое преступленіе, но при этомъ многіе подверглись заточенію, другіе безъ всякаго суда были отставлены отъ должности. Неаполитанскому двору онъ объявилъ войну, а къ намъ придирается безпрестанно за пустяки. Мнѣ, конечно, все равно; еще неизвѣстно, кто будетъ въ проигрышѣ. Регентству скоро будетъ конецъ, и еслибъ я только вмѣшалась въ дѣло, то оно покончилось бы еще скорѣе; но въ Швеціи всѣ думаютъ, какъ и я, что изъ-за глупца не стоитъ заводить шуму. Правда, онъ задираетъ меня при всякомъ случаѣ, и теперь посланникъ его г. Стедингъ играетъ жалкую роль, тогда какъ прежде обязанности его были очень пріятныя, а въ будущемъ предполагалось еще нѣчто лучшее. Покойный король желалъ женить сына на старшей изъ моихъ внучекъ; онъ и сыну внушилъ такое сильное желаніе, что тотъ только объ одномъ и мечталъ. Дѣвица моя можетъ терпѣливо ждать рѣшенія своей участи до совершеннолѣтія короля, такъ какъ ей всего одиннадцать лѣтъ. Если же дѣло разоидется, она можетъ утѣшиться; потому что тотъ будетъ въ убыткѣ, кто женится на другой. Я могу смѣло сказать, что трудно найти равную ей по красотѣ, талантамъ и любезности, не говоря уже о приданомъ, которое для небогатой Швеціи само по себѣ составляетъ предметъ немаловажный; кромѣ того бракъ этотъ могъ бы упрочить миръ на долгія лѣта. Но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: обидами да оскорбленіями мира имъ не купить, да кромѣ того еще нужно, чтобъ король ей самой понравился.

Депутаты отъ Литвы и отъ Курляндіи пріѣхали сюда не для того, чтобъ предъявлять свои условія, но просто чтобъ просить уравнианія съ другими облястями государства, т. е. учрежденія губерній. Я имъ сказала, что это само собой разумѣется и что тотчасъ же будетъ приступлено къ предварительнымъ распоряженіямъ, т. е. будутъ опредѣлены округа, дѣла раздѣлены на четыре разряда, будутъ приготовлены зданія для взиманія податей, присутственныя мѣста и установлено внутреннее ихъ распредѣленіе. Обыкновенно, для всего этого требуется не менѣе года, но такъ какъ тоже дѣло уже приходилось дѣлать разъ сорокъ или даже больше, то теперь есть много людей, вполне съ нимъ освоившихся; мало по малу оно стало что нотная бумага, и всѣ имъ довольны, и я тоже.

Палласъ отправился на житье въ Тавриду. Въ тотъ разъ онъ мнѣ сказалъ, что самыя выдающіяся событія моего царствованія были

война и миръ съ Швеціей. Видите, ученые и тутъ суются съ мнѣніемъ. Есть одна причина, почему всѣ такъ остались довольны мною: я была одна, почти безъ помощниковъ, и такъ какъ я постоянно боялась сдѣлать упущеніе по незнанію или по забывчивости, то и принялась за дѣло такъ ретиво, какъ и не ожидала отъ себя. Я вдавалась въ такія подробности, что взяла на себя даже заботы о продовольствіи войска, и по мнѣнію всѣхъ никогда еще солдаты не получали такого хорошаго продовольствія въ такой мѣстности, которая и безъ того представляетъ мало средствъ къ существованію. Одинъ разъ графъ Пушкинъ пришелъ мнѣ сказать, что ему нужно четыреста телѣгъ и восемьсотъ лошадей. Это было въ полдень, я тотчасъ же послала въ Царское Село съ приказаніемъ спросить у крестьянъ, сколько телѣгъ и лошадей могутъ они пожертвовать добровольно; тѣ отвѣчали, что они жертвуютъ все требуемое количество, и къ шести часамъ вечера у графа Пушкина уже было четыреста двуконныхъ телѣгъ, которыя и остались въ Финляндіи при арміи до Октября. Въ другой разъ, я послала сказать казеннымъ крестьянамъ Петербургской губерніи, что мнѣ нужны рекруты, чтобъ они прислали, сколько сами хотятъ: они собрали 75 человекъ съ тысячи, что составляетъ громадную цифру. У меня еще оставалось въ резервѣ 22,000 человекъ, которыхъ могъ поставить одинъ Петербургъ; но они не понадобились, хотя и были совершенно готовы и вооружены. Такимъ образомъ можно сказать, что воевала одна только Петербургская губернія. Но, надо быть, и остальные губерніи тоже хотѣли принять участіе въ войнѣ, потому что онѣ мнѣ предложили поставить по батальону и по эскадрону съ каждой. Я отказалась, потому что не было въ томъ никакой необходимости, и по замиреніи распустила по домамъ всѣхъ здѣшнихъ рекрутъ съ медалью въ петлицѣ.

10 Апрѣля 1795, въ 4 часа послѣ обѣда.

Я не знаю, изъ чего дѣлаются Бестужевскія капли; знаю только, что въ составъ ихъ входитъ желѣзо, что ихъ даютъ вмѣсто хинины и отъ всякаго рода заваловъ; я ихъ даю и кстати и не кстати. Между прочимъ Константину они спасли жизнь, и всѣ окружающіе меня постоянно ихъ употребляютъ и всегда съ успѣхомъ. Моя горничная захворала въ одно время со мной; она лежала въ постели, а я нѣтъ, и я навѣщала ее по нѣскольку разъ въ день, чтобъ она меня видѣла, потому что она гораздо больше тревожилась обо мнѣ, нежели о себѣ самой; наконецъ, я же и ее вылечила Бестужевскими каплями. Но что такое съ вами, и отъ чего вы все жалуетесь на здоровье? Если бы вы были здѣсь, я бы васъ заставила принимать Бестужевскія капли: онѣ помогаютъ отъ истерики, вѣтровъ и даже отъ судорогъ.

Насчетъ контръ-революціи положитесь на самихъ Французовъ: они это дѣло сдѣлаютъ лучше, чѣмъ всѣ союзные государи. Они уже усиленно принялись за него. По моему мнѣнію, когда вся эта сволочь, царубійцы, будетъ истреблена, ихъ мѣсто займутъ иные люди, не такіе злодѣи какъ тѣ, и имъ уже не будетъ такой выгоды защи-

щать подлые парадоксы. Но чтобы съ успѣхомъ управлять ими, нужно короля очень и очень способнаго и очень и очень находчиваго. Между прочимъ онъ долженъ имъ сказать вотъ что: «Господа, я желаю блага всѣмъ и каждому въ отдѣльности; это моя страсть, и въ ней заключается и мое счастье, и ваше; прошу васъ помогать мнѣ въ достиженіи этой цѣли». Потомъ нужно будетъ вытаскивать одинъ за другимъ изъ политическаго тѣла Франціи всѣ беспокоящіе его гвозди. Спѣшить не нужно, но нужно трудиться безъ отдыха и всякій день стараться понемногу устранять препятствія по мѣрѣ того, какъ они будутъ появляться; выслушивать всѣхъ терпѣливо и дружелюбно, во всемъ выказывать чистосердечіе и усердіе къ дѣлу, заслужить всеобщее довѣріе справедливостью и непоколебимою твердостью въ примѣненіи правилъ, которыя признаны необходимыми для возстановленія порядка, спокойствія, личной безопасности и законнаго пользованія собственностью; всѣ споры и процессы передать на разсмотрѣніе судебныхъ палатъ, оказывать покровительство всѣмъ угнетеннымъ, не имѣть ни злобы на враговъ, ни пристрастія къ друзьямъ. Если карманы пусты, то прямо такъ и говорить: «Я бы радъ вамъ дать, но у меня нѣтъ ни гроша». Если же есть деньги, то не мѣшаетъ при случаѣ быть щедрымъ. При подобномъ образѣ дѣйствій черезъ полгода все пойдетъ иначе.»

11 Апрѣля 1795.

Валерьянъ здѣсь; онъ ходитъ очень проворно на костыляхъ, заказалъ себѣ удивительнѣйшую ногу, которую доктора запретили ему покуда показывать, потому что боятся, какъ бы онъ не надѣлъ ее прежде, чѣмъ закроется рана. Она уже почти зажила, но нашъ молодецъ разъ, въ пылу разговора, позабылъ, что у него недостаетъ полноги, вскочилъ со стула и растянулся на полу, отчего рана вновь открылась, и всѣ перевязки свалились. Но вообще онъ здоровъ и все такой же красавецъ какъ прежде.

16 Апрѣля 1795.

Послушай, козелъ отпущенія, дружень ты съ герцогинею Мекленбургскою, бывшей, кажется, принцессой Саксенъ-Готскою, или нѣтъ? Если дружень, то поручается козлу отпущенія, отложивъ въ сторону всякое пристрастіе къ Нѣмецкимъ принцамъ и принцессамъ, представить мнѣ правдивое описаніе всѣхъ на возрастъ дочерей вышеупомянутой герцогини, и если возможно сообщить мысли отца, матери и дочерей насчетъ вѣроисповѣданія. До сихъ поръ всѣ они въ той странѣ слыли за строгихъ и ревностныхъ протестантовъ, не допускающихъ никакихъ измѣненій. Прошу мнѣ отвѣчать на это самымъ точнымъ образомъ. Сколько у нихъ въ семьѣ дочерей большихъ и маленькихъ? Одинъ долговязый юноша, при видѣ счастливаго супружества старшаго брата, и спитъ, и видитъ, чтобы и съ нимъ было тоже самое. Пылкій характеръ мальчика проявляется во всемъ. Ну, козелъ отпущенія, отвѣчай какъ можно скорѣе: что знаешь, и чего не знаешь?

4.

Безъ года.

Печатано въ Академіи, больше я ничего не нашла. Но я вамъ могу все объяснить: такъ какъ я не осмѣлилась помѣстить въ исторію свои соображенія на счетъ Рюрика, потому что они основывались только на нѣсколькихъ словахъ, встрѣчающихся въ лѣтописи Нестора и еще на одномъ мѣстѣ въ исторіи Швеціи Далина, а въ это время я читала Шекспира по-нѣмецки, то и вздумала въ 1786 году написать на это драму; драма была напечатана. Никто тогда не обратилъ вниманія на это странное произведеніе, которое никогда не было исполнено на сценѣ, а я уѣхала въ Тавриду. Въ 1792 году покойный Болтинъ прислалъ мнѣ съ Пушкинымъ, бывшимъ тогда прокуроромъ Синода, свои возраженія на Россійскую Исторію князя Щербатова. Такъ какъ они много занимались изученіемъ исторіи Россіи, я съ радостью представила свои историческіе наброски на строгій судъ Болтина и однажды сказала Пушкину, что помѣстила свои догадки въ драмѣ, но что никто не обратилъ на нее вниманія. Оказалось, что ни Болтинъ, ни Пушкинъ никогда ее не видали и не читали. Когда драма попала въ руки къ Болтину, онъ придѣлалъ къ ней замѣчанія и просилъ позволенія напечатать вмѣстѣ съ замѣчаніями, что и было имъ исполнено. Несторъ же говоритъ, что Гостомысль, Славянскій князь, княжившій въ Новгородѣ, умирая просилъ выбрать въ князья на свое мѣсто князей, снискавшихъ себѣ славу въ прошлыя войны, именно Рюрика, Синеуса и Трувора. Они были его внуки, дѣти его старшей дочери. Далинъ говоритъ, что въ древности на Сѣверѣ считалось за стыдъ не только для князя, но и для всякаго знатнаго человѣка, если онъ не бывалъ въ морской службѣ. Стало бытъ, нужно искать въ седьмомъ столѣтіи, когда происходили главнѣйшія морскія войны, и оказалось, что тамъ наши три князя занимаютъ почетное мѣсто. Къ вашимъ услугамъ, вотъ вамъ наша откровенная исповѣдь, хотя въ настоящую минуту я безъ духовника: мой духовникъ ослѣпъ и умеръ нынѣшнимъ лѣтомъ къ моему великому прискорбію и къ сожалѣнію всего Петербурга. Никто не запомнитъ такаго многолюдства, какое было на его погребеніи.

5.

Въ Царскомъ Селѣ, 11-го Іюня 1795.

Вотъ что я вамъ скажу касательно поѣздки г-жи Бюэль въ Россію, такъ какъ вы хотите, чтобы я рѣшила этотъ вопросъ и просите дать вамъ помѣщеніе при дворѣ. Вотъ теперь я и хлопочу, гдѣ бы васъ помѣстить. Въ настоящую минуту Зимній дворецъ не то, что прежде, когда вы пріѣзжали ко мнѣ въ свитѣ покойной ландграфини: тогда насъ было только двое, я да сынъ; теперь же тутъ помѣщается женатый сынъ, семеро его дѣтей, изъ которыхъ одинъ сынъ уже женатъ, другой скоро женится, и весь необходимый штатъ. Второй сынъ долженъ будетъ помѣститься въ другомъ домѣ, рядомъ, который теперь передѣлываютъ и устрояютъ для него; онъ будетъ примыкать

къ Эрмитажу. Стало быть, чтобы успѣть вамъ приготовить жилище въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ я провожу большую часть года, я должна отложить удовольствіе васъ видѣть до будущей весны, когда вы отправитесь въ путь. И тогда успѣю вамъ выслать денегъ, и вы поѣдете съ дѣтьми лѣтомъ, найдете меня на дачѣ и къ зимѣ переселитесь въ свое жилище.

12-го Іюня. Но послушайте, какая у меня пренепріятная исторія съ принцемъ Ксаверіемъ Саксонскимъ! Онъ помѣстилъ своего сына ко мнѣ на службу, я его произвела недавно въ полковники. Вдругъ онъ затѣялъ ссору съ маленькимъ княземъ Щербатовымъ, мальчикомъ лѣтъ 15-ти или 16-ти, не больше. Въсто того, чтобы стараться ихъ помирить, нашлись вздорные люди, которые еще больше запутали все дѣло; наконецъ дошло до того, что разъ, выходя изъ театра, шевадье дѣ Саксъ публично далъ пощечину тому молокососу, а молокосось въ отвѣтъ ударилъ его премаленькой, маленькой тросточкой по лицу. Полиція вступилась и задержала обоихъ; тогда нѣкто г. Макартней собралъ толпу молодежи и хотѣлъ ихъ отбить у полиціи, но та исполнила свою обязанность. Былъ составленъ актъ, и шевадье дѣ Саксъ и Макартней за противодѣйствіе закону и нарушеніе общественнаго спокойствія были высланы за границу съ запрещеніемъ возвращаться въ Россію. Теперь принцъ Ксаверій проситъ меня простить его сына, но я этого сдѣлать не могу. Пятнадцатилѣтняго молокососа отправили къ отцу въ деревню; пусть отецъ выпоретъ его, коль хочетъ; но онъ мальчикъ очень тихій, между тѣмъ какъ шевадье дѣ Саксъ взрослый верзила, вдвое выше и сильнѣе его, и здѣсь онъ уже начинать нравиться болѣе женщинамъ, чѣмъ мужчинамъ. Вообще, прескверная исторія. Я все сдѣлала, что слѣдовало, и въ двадцать четыре часа дѣло было покончено и навсегда. Говоря по правдѣ, всѣ эти эмигранты—превздорные люди; но одно изъ двухъ: или они перемѣнятся въ Россіи, или должны будутъ выѣзжать.

6.

25-го Августа 1795, изъ Таврическаго дворца.

Ну чтожъ, козелъ отпушенія, вы поднимаете носъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлались учителемъ графа обѣихъ имперій? Но вы, можетъ быть, не знаете, что онъ подписываетъ свое имя мельчайшими буквами, вопервыхъ, по своему смиренію, вовторыхъ, чтобы всѣ знали, что онъ пишетъ безъ очковъ. Кромѣ того, когда онъ обращается къ кому нибудь съ вопросомъ, то нужно ему отвѣчать тотчасъ же, безъ малѣйшей заминки и никогда не говорить: «я не знаю», потому что онъ тогда приходитъ въ ужаснѣйшій гнѣвъ; но отвѣтъ, какъ бы нелѣпъ ни былъ, никогда не разсердить его. Вообще онъ большой чудакъ, притомъ человекъ чрезвычайно даровитый и начитанный, но у него пропасть странностей, которыя ему иногда вредятъ.

31-го Августа, послѣ обѣда. Часа два тому назадъ скончался Бецкій 93-хъ лѣтъ отъ рожденія; уже почти семь лѣтъ, какъ онъ впалъ въ младенчество, иногда переходившее въ безуміе, и десять лѣтъ, какъ ослѣпъ. Когда кто нибудь навѣщалъ его, онъ всегда говорилъ:

«Если Императрица будетъ васъ спрашивать, что я дѣлаю, скажите, что я занимаюсь съ своими секретарями». Онъ особенно отъ меня скрывалъ потерю зрѣнія, боясь, чтобъ я не отставила его отъ занимаемыхъ имъ должностей; но въ сущности, уже давно другіе правила дѣлами вмѣсто него, только онъ этого не зналъ.

11-го Сентября. Вчера я присутствовала при спускѣ 74-хъ пушечнаго корабля, названнаго Елисаветой. Онъ двинулся очень быстро, точь въ точь, какъ ходитъ сама великая княгиня. Барыня эта имѣетъ у насъ большой успѣхъ: она мила и кротка, какъ ангелъ. Кому угодно, пусть оказываютъ помощь марабутамъ; но я надѣюсь, что, когда бы намъ ни пришлось имѣть съ ними дѣло, Господь поможетъ намъ разрушить козни нашихъ враговъ явныхъ и тайныхъ; всѣ они занимаются вздоромъ. Будьте увѣрены, что Фоксъ также мало расположенъ къ Русскимъ, какъ и Питтъ; но Фоксъ былъ противъ войны съ Россіей, потому что нація не желала войны, а желала только одинъ дворъ, и Питтъ былъ на столько уменъ, что уступилъ, видя, что ему не переспорить. Какъ и многіе другіе, онъ полагалъ, что насъ можно запугать и заставить подписать что-то въ родѣ Рейхенбахской конвенціи, но они ошиблись: запугиванья никогда еще на насъ не дѣйствовали по той причинѣ, что бояться никогда не годится, да храбрая нація и не захочетъ дѣйствовать изъ страха, который всегда ведетъ за собой позоръ. Если интересы Великобританіи не заставятъ Питта быть въ дружбѣ съ Россіей, то конечно ужъ никакой другой интересъ не привлечетъ на мою сторону ни его, ни Фокса. Какому нибудь маленькому государству, можетъ быть, выгодно скрывать свои силы, но развѣ можно скрыть силы Россіи? И все-таки ихъ или совсѣмъ не знаютъ, или плохо еще знаютъ; у насъ въ Россіи есть такіе народы, которыхъ, явись только какой нибудь врагъ, разомъ можно поднять, и они пойдутъ съ оружіемъ и обозомъ противъ кого угодно; если же придется имѣть дѣло съ жалкими Китайскими войсками, то у насъ во всякомъ случаѣ больше войска, чѣмъ сколько нужно.

16-го Сентября. Выслушайте о Польшѣ историческое Евангеліе, подлинность котораго я могу доказать письменными свидѣтельствами. До 1386 года Польшу составляли воеводства Краковское, Сендомирское, Мазовецкое и страна по ту сторону Вислы, которая называется Великой Польшей. Въ 1386-мъ году Польская королева Гедвига вышла замужъ за Ягайлу, великаго князя Литовскаго, происходившаго по прямой линіи отъ Владиміра I, великаго князя Русскаго, который отдалъ своему старшему сыну Изяславу Полоцкѣ, а другому Литву, потомъ по наслѣдству перешедшую въ родъ этого Изяслава. При раздѣлѣ я не получила ни единой пяди Польской земли; но и Червоная Русь, Кіевское воеводство, Подолія, Волынь съ главнымъ городомъ Владиміромъ и у Поляковъ носили тѣже названія. Владиміръ былъ основанъ княземъ Владиміромъ I-мъ въ 992-мъ году, а Литва и Самогитія никогда не составляли коренныхъ частей Польши. Если же мнѣ не принадлежитъ ни единой пяди Польской земли, то я не могу принять титула Польской королевы. Сверхъ то-

го, коль скоро у нации отнято даже самое имя, то по моему мнѣнію она это заслужила, потому что сама нарушала договоры, упрочивавшіе ей государственное существованіе, не принимала ничьихъ совѣтовъ и наконецъ дошла до такого разъединенія, что нельзя было найти двухъ человѣкъ, которые бы въ чемъ нибудь согласились между собою. Продажный народъ, испорченный, легкомысленный, болтливый! Всѣ они притѣснители, мечтатели, имѣнія свои роздали въ управленіе Жыдамъ, а тѣ высасывали кровь изъ народа, и господа получали отъ того немного выгоды. Вотъ вамъ Поляки! Они даже не знаютъ, что я не владѣю ни единой пядью Польской земли, а сами предлагаютъ мнѣ быть ихъ королевой. Передъ тѣмъ они просили у меня внука, у Прусскаго короля сына, у Вѣнскаго двора эрцгерцога, и все это въ одно время, у Испанскаго короля инфанта, у дома Бурбоновъ одного изъ принцевъ, а у себя ставили законъ, чтобъ королю быть изъ рода Пястовъ. Вѣдь это безсмыслица, но въ Польской головѣ она прекрасно укладывается.

17-го Сентября. Я не могу содержать посланника въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, потому что до сихъ поръ еще не признала ихъ независимости. О возстановленіи Греческой имперіи тоже не можетъ быть рѣчи, такъ какъ мы съ Турціей въ мирѣ, и не ищемъ, и не желаемъ войны. Впрочемъ намъ извѣстно, что Селима подучаютъ объявить намъ войну, и что его величество усердно къ ней готовится: по его приказанію шесть сотъ солдатъ обучаются на Европейскій ладъ, къ негодованію Янычаръ, которые выражаютъ свой гнѣвъ тѣмъ, что поминутно поджигаютъ то ту, то другую лачугу въ Константинополѣ; кромѣ того, подъ предлогомъ усмиренія пашей, шестьдесятъ тысячъ человѣкъ направлены къ берегамъ Дуная, гдѣ заготавливаются огромные запасы продовольствія. Ну, чтожь, на здоровье! Это не въ первый разъ. *Kommt Zeit, kommt Rath* (Придетъ время, образумятся).

Мы добыли изъ Голландіи отличныхъ инженеровъ и гидравликовъ.

В. к. Александръ поѣдетъ, можетъ быть, лѣчиться отъ глухоты въ Карлсбадъ, но никакъ не въ Англію: это черезъ чуръ далеко.

18-го Сентября. Изъ исторіи Россіи видно, что народы, жившіе на Сѣверѣ государства, легко подчиняли себѣ народы, жившіе на Югѣ; южные же жители, предоставленные самимъ себѣ, были всегда слабы; и не имѣли прочнаго могущества, тогда какъ Сѣверъ легко обходился безъ Юга или безъ южныхъ странъ. Но по моему мнѣнію, настоящая столица имперіи еще не найдена, и по всей вѣроятности не мнѣ ее найти. Еслибъ въ Шведскую войну меня здѣсь не было, то потребовалось бы шестьдесятъ тысячъ лишняго войска для противодѣйствія стремительному нападенію Шведовъ.

Въ Зимнемъ дворцѣ, 19-го Сентября послѣ обѣда. Если толстякъ Вильгельмъ выпуститъ на меня своего болвана Мадалинскаго, я выпущу на него своего простака Костюшку; онъ все хвораешь, потому я и помѣстила его въ домъ Штегельмана, гдѣ прежде жилъ покойный графъ Ангальтъ; при домѣ небольшой садикъ, и

тамъ онъ можетъ гулять. Онъ кротокъ какъ овечка, но я думаю, не прочь подратъся съ толстякомъ.

20-го Сентября 1795.

Козель отпушенія и Шотландскій пэръ оба хвалятъ 33-хъ лѣтнее царствованіе, а вотъ какой-то секретаришка Саксонскаго посольства Гельбигъ ²⁾ то и дѣло бранить его и на словахъ, и на письмѣ, и даже на улицѣ толкуеть въ томъ же духѣ съ прохожими. Онъ мой личный врагъ и ненавидитъ все Русское. Двадцать разъ я обращалась къ Саксонскому двору съ просьбою его отозвать отсюда; но, должно быть, тамъ его письма очень цѣнятся, потому что онъ все еще здѣсь. Недавно я сдѣлала послѣднюю попытку, и если послѣ этого все-таки не отзовутъ его, то я прикажу посадить его въ кибитку и отвезти на границу; право, бездѣльникъ становится черезъ чуръ дерзокъ. Если вы или Шотландскій пэръ имѣете тамъ какое нибудь влияніе, то помогите мнѣ выпроводить отсюда ненавистника вашей любимицы и ея 33-хъ лѣтняго царствованія, которое вы находите столь исполненнымъ чудесъ.

7.

6 и 7-го Октября 1795.

Правду сказать, графъ Головинъ существо столь же способное, какъ и склонное къ проiscaмъ. Оттого во многихъ мѣстахъ, а именно въ Вѣнѣ ему перестали вѣрить. Тамъ онъ не кстаети и безъ толку съезжался съ Лукезини. Впервыхъ, онъ какъ пріѣхалъ, въ Неаполь, сейчасъ же присталъ къ Италинскому; они во всемъ сходятся, говоритъ Головкинъ: къ чему терять время, сейчасъ надо подружиться. Замѣтьте, Италинскій получаетъ такое же жалованье, какъ и всѣ другіе; по пріѣздѣ сюда, ему дадутъ мѣсто, если онъ выйдетъ изъ дипломатіи, безъ Головкина и безъ его рекомендаціи. Головкинъ никогда не бывалъ въ нашихъ Черноморскихъ губерніяхъ и говоритъ наобумъ о чиновникахъ, которыхъ не знаетъ; слѣдовательно все, что онъ замѣчаетъ мимоходомъ о неспособности чиновниковъ, лишено всякаго основанія. Генераль-губернатору графу Платону Александровичу Зубову постоянно приходится уличать во лжи господина посланника. Не знаю, про какихъ людей онъ говоритъ, которые окружаютъ меня и могутъ оскорбиться откровенностью г-на посланника. Самъ онъ, вѣрьте мнѣ, никогда не былъ въ такомъ положеніи, чтобъ ему приходилось жаловаться на неблагодарность облагодѣтельствованныхъ имъ людей. Онъ уѣхалъ не по своей волѣ; но такъ какъ его считали за человѣка умнаго и способнаго къ выполненію новыхъ обязанностей, то и дали ему это мѣсто, чему онъ былъ крайне радъ. Особенными милостями онъ никогда не пользовался. Но вотъ вамъ достаточно яркая черта: получивъ все, что дается обыкновенно людямъ въ его положеніи, онъ отправился къ графу Зубову съ просьбою передать мнѣ, что онъ не можетъ ѣхать, если ему не дадутъ еще восьми тысячъ кромѣ того, что ему уже выдали. Я велѣла ему сказать, что не сдѣлаю для него больше, чѣмъ для другихъ. Послѣ

²⁾ Авторъ книги *Russische Günstlinge*.

того онъ уже не былъ у графа Зубова, но еще долго оставался въ городѣ; кто-то повстрѣчалъ его и спросилъ: «Отчего вы перестали бывать у Зубова?» и Головкинъ отвѣчалъ: «Мы переписываемся раза по два или по три на дню, съ насъ довольно». Никакой переписки не бывало ³⁾. Мои принцессы пріѣхали вчера, 6-го Октября вечеромъ; онъ прехорошенькія. Сегодня утромъ, 7-го Октября, генераль Будбергъ передалъ мнѣ ваше письмо и посылки; отвѣчать буду завтра. НВ. Это завтра протянулось до сегодняшняго дня, до 9-го Октября; кромѣ обычной суматохи пришлось такъ много заниматься Константиномъ и всѣмъ, что до него касается, что у меня не было ни минуты свободной, и я устала до нелзя. Наслѣдная принцесса Саксен-Кобургская прекрасная, достойная уваженія женщина; дочки у нея хорошенькія. Жаль, что нашъ женихъ долженъ выбрать только одну, хорошо бы оставить всѣхъ трехъ; но, кажется, нашъ Парисъ отдастъ яблоко младшей: вотъ увидите, что онъ предпочтетъ Юлію сестрамъ. Всѣ кто ее видѣли, т. е. человѣкъ двѣсти, въ одинъ голосъ говорятъ: «Онъ выберетъ Юлію», и дѣйствительно шалунья Юлія лучше всѣхъ. Вы видите, насколько это согласно съ вашей запиской, которую я распечатала и прочла прежде письма, не смотря на ваше строгое запрещеніе.

Картины Терезины прелестны. Благодарю герцогиню Готскую за присылку сочиненія барона Тюммеля. Скажите, пожалуста, каковъ второй сынъ герцогини, красивъ ли, уменъ ли, добръ? Я хочу собрать справки о всѣхъ младшихъ сыновьяхъ Германскихъ государей и когда у меня будетъ полный списокъ, я выберу сколько будетъ нужно для моихъ невѣстъ, а онѣ будутъ выбирать себѣ каждая мужа по сердцу, и которая кого выберетъ, выведетъ мужа въ люди. Я начинаю съ младшаго Готскаго; есть еще младшій сынъ въ Кѣтенѣ, его тоже можно залучить; если можете сообщить о немъ кое-какія свѣдѣнія, крайне меня обяжете. Но не говорите никому о моей погонѣ за женихами; я не хочу, чтобы о томъ разглашали до поры до времени. Царствующихъ принцевъ мнѣ не нужно, а только младшихъ, у которыхъ нѣтъ ничего кромѣ званія.

11-го Октября. Принцъ Генрихъ теперь хлопочетъ женить молодого Шведскаго короля на принцессѣ Меклембургской; онъ же устроилъ бракъ князя Радзивила съ дочерью принца Фердинанда. Умникъ нашъ на старости лѣтъ сталъ сводникомъ; если вамъ вздумается жениться, обратитесь къ нему.

14-го Октября. Всѣ, даже самъ Прусскій министръ, говорятъ, что принцъ Генрихъ во всемъ слѣдуетъ образу мыслей Филиппа Эгалите, оставившаго по себѣ такую позорную память.

14 Октября, послѣ обѣда. Дѣло сладилось: Константинъ женится на Юліи, и они въ восторгѣ другъ отъ друга. Глядя на милую парочку, мать и всѣ окружающіе то плачутъ, то смѣются; жениху

³⁾ Этими свидѣтельствомъ подтверждаются отзывы графа Ростопчина въ осьмой книгѣ «Архива Князя Воронцова».

16 лѣтъ, невѣстъ 14. Оба проказники! Вѣроятно, завтра отправится курьеръ въ Кобургъ.

8.

8-го Ноября 1795.

Въ царствованіе Людовика XIV Французская школа живописи отличалась благородствомъ въ изображеніяхъ, и можно было ожидать, что она сумѣетъ сочетать умъ съ благородствомъ и пріятностію. Теперь пріѣзжаетъ къ намъ г-жа Лебрёнъ, въ Августѣ, когда я перебралась въ городъ и увѣряетъ, что можетъ соперничать съ Анжеликой Кауфманъ, которая несомнѣнно умѣетъ придать благородство своимъ фигурамъ; даже больше: ея фигуры отличаются идеальной красотой. Соперница Анжелики для перваго опыта рисуетъ портретъ великихъ княженъ Александры и Елены; у первой изъ нихъ благородное, выразительное лицо и царственная осанка; вторая—красавица въ полномъ смыслѣ слова и смотритъ совершенною невинностію. Г-жа Лебрёнъ усаживаетъ обѣихъ на диванъ, заставляетъ младшую совсѣмъ повернуть шею, и выходятъ точно двѣ обезьяны, которыя грѣются на солнцѣ, или, если хотите, двѣ отвратительныя маленькія Савоярдки, съ виноградными кистями въ волосахъ какъ у Вакханокъ, въ кавихъ-то малиновыхъ съ фіолетовымъ туникахъ; однимъ словомъ, не только нѣтъ ни малѣйшаго сходства, но обѣ сестры такъ обезображены, что люди спрашиваютъ, которая изъ нихъ старшая и которая младшая. Приверженцы г-жи Лебрёнъ превозносятъ картину до небесъ; но на мой взглядъ это дрянъ, потому что безъ всякаго вкуса и благородства, да и сходство-то отсутствуетъ; нужно большое тупоуміе, чтобы, имѣя передъ глазами такой оригиналь, не сумѣть ничего изъ него сдѣлать: нужно было рисовать природу какъ она есть, а не придумывать такія положенія, что вышли обезьяны вмѣсто людей.

9.

12-го Декабря 1795.

Святой чудотворецъ вашъ, объ отъѣздѣ котораго вы такъ жалѣли, теперь здѣсь; онъ, кажется, утѣшаетъ свою двоюродную сестру ⁴⁾, неутѣшную вдову. При жизни мужа она двадцать разъ собиралась съ нимъ разводиться, потому что онъ былъ человѣкъ непріятный, невыносимый для нея и для всѣхъ, а теперь вотъ уже 7 мѣсяцевъ какъ она въ такомъ горѣ, какое я вижу за нею въ пергый разъ: заперлась въ какомъ-то мезонинѣ на третьемъ этажѣ и не выходитъ даже подышать воздухомъ; все это отъ упрямства и по духу противорѣчія. Пусть дѣлаетъ, что хочетъ; посмотримъ, что будетъ дальше.—Такъ какъ г. Клерфельдтъ ѣдетъ впереди васъ, то вамъ нечего бояться разбойниковъ, и можно надѣяться, что вы зиму спокойно проживете въ Готѣ съ моими крестниками и съ ихъ матерью.

Германскому Солону ⁵⁾ не придется пировать на свадьбѣ у дочери фельдмаршала, потому что она уже вышла замужъ въ Апрѣлѣ и теперь скоро должна родить; фельдмаршалъ уже съ недѣлю какъ здѣсь

⁴⁾ Екатерина хотѣла сказать: двоюродную тетку, т. е. А. Н. Нарышкину.

⁵⁾ Т. е. королю Прусскому.

и завтра уѣзжаетъ въ Финляндію осматривать значительныя укрѣпленія, построенныя по его указаніямъ.

14-го Декабра 1795. 18 и 19 градусовъ мороза.

У насъ уже съ мѣсяць гоститъ знатный Персіанинъ, Муртаза-Кулиханъ, пріѣхавшій искать убѣжища въ Россіи, потому что братъ его Ага-Мехметъ-ханъ выгналъ его изъ его владѣній. Онъ человекъ очень умный и притомъ вѣжливый и обходительный. Онъ просилъ позволенія осмотрѣть Эрмитажъ въ четвертый разъ. Онъ проводитъ тамъ часа по три, по четыре сряду и все осматриваетъ какъ настоящій знатокъ: отъ его взгляда ничто не ускользаетъ; его поражаетъ все выходящее изъ ряду вонъ. Ему хотѣлось видѣть, какъ гравируютъ, какъ пишутъ картины; ему доставили это удовольствіе, и онъ простоялъ нѣсколько часо́въ возлѣ гравера и живописцевъ. Его водили въ ложи Рафаэля, онъ тотчасъ же призналъ на потолкѣ всюду исторіи изъ Ветхаго и Новаго Заветовъ и заговорилъ о Библии. Когда онъ увидалъ изгнаніе Адама и Евы изъ рая, то замѣтилъ, намекая на ложи Рафаэля: «Здѣсь можно подумать, что вся эта исторія выдуманна, потому что здѣсь рай земной». Въ сравненіи съ Персіянами Турки настоящіе мужики, особенно всѣ эти чванные дураки, дураки набитые, посланники, которыхъ присылали къ намъ нѣсколько разъ. Намедни на балу я черезъ переводчика велѣла сказать Муртазѣ-Кулихану, что вѣроятно наши обычаи ему кажутся очень странными; онъ на это отвѣчалъ мнѣ, что было бы желательно, чтобы во многомъ у нихъ стали намъ подражать. Отвѣты его всегда мѣткі и разумны. На Георгіевскомъ праздникѣ, вида, что я объѣдаю вмѣстѣ съ кавалерами ордена, онъ захотѣлъ узнать всѣ подробности объ этомъ учрежденіи и потомъ вскричалъ: «Какъ это должно поощрять и возбуждать усердіе!»⁶⁾

15-го Декабря. Великій князь Константинъ все утро проговорилъ со мной о своемъ положеніи, что вотъ онъ женится въ Февралѣ мѣсяцѣ и будетъ жить въ Мраморномъ дворцѣ. Такимъ образомъ мы и болтали съ нимъ, помирали со смѣху и въ тоже время говорили серьезно. Съ Константиномъ говоришь обо всемъ, всегда перескакивая изъ пятого въ десятое; онъ очень остеръ.

25-го Декабра.

Ваши оба письма къ фельдмаршалу Суворову прелестны. Вчера онъ вернулся изъ Финляндіи, куда ѣздилъ осматривать, все ли сдѣлано по его указаніямъ и вернулся вполне довольный своей поѣздой, такъ какъ тамъ не осталось ни одного уголка, куда бы Шведы могли проникнуть, не встрѣтивъ сильнаго сопротивленія. Великая княжна Елена все хорошеетъ. Но вы, можетъ быть, равнодушны къ красотѣ? Солонь требуетъ добродѣтелей, какъ будто красота не добродѣтель, и притомъ весьма привлекательная! Не презирайте ни единого изъ даровъ Неба; я такъ очень люблю красивые личики.

⁶⁾ Сличи въ Чертковской библіотекѣ, въ комнатѣ Д, во 2-мъ шкапу, на 3-й полкѣ, книгу 4-ю, на Персидскомъ и Русскомъ языкахъ.

1796 годъ.

1.

5-го Января. Вотъ уже три дня, какъ я немного прихрамываю отъ ревматизма въ колѣнѣ, но это значитъ только, что я три года тому назадъ упала съ лѣстницы въ 15 ступенекъ, когда шла въ ванну и съ тѣхъ поръ, какъ дурная погода, такъ у меня начинается болѣть ушибенное колѣно; случилось это за два дня до прїѣзда графа д'Артуа.

2.

18-го Февраля 1796.

Свадьба вел. кн. Константина была назначена 13-го, но въ Воскресенье у невѣсты его сдѣлалась лихорадка и такая страшная зубная боль, что пришлось отложить до Пятницы 15-го Февр., такъ какъ у ней щека распухла и одинъ глазъ сталъ совсѣмъ маленькій. Наконецъ, въ Пятницу ихъ обвѣнчали; въ мраморной Георгіевской залѣ былъ обѣдъ, потомъ балъ, послѣ котораго новобрачныхъ отвезли въ Мраморный дворецъ, гдѣ они теперь живутъ. На другой день они обѣдали у меня, а вечеромъ были балъ и вечерній столъ въ большой залѣ, которую не нужно смѣшивать съ Георгіевской (та гораздо меньше). Вчера, Воскресенье 17-го, мы всѣ отдыхали. Сегодня въ двѣнадцать часовъ дня было народное угощеніе, гдѣ всѣ очень веселились, а потомъ я обѣдала въ Мраморномъ дворцѣ у в. к. Константина. Я думаю, трудно найти домъ красивѣе и удобнѣе, гдѣ бы было все такъ роскошно, изящно и съ такимъ вкусомъ. До обѣда и послѣ обѣда мы все осматривали домъ, и я осталась очень имъ довольна, и в. к. Константинъ тоже.

До сихъ поръ я чувствую себя очень хорошо, весела и легка какъ птица, по выраженію Понятовскаго, который такъ сказалъ генералу Пассеку, а тотъ сегодня передалъ мнѣ его слова. Ну чтожъ? Для 67-ми лѣтней женщины аттестатъ весьма похвальный; я вамъ передаю чтò слышала. Чтò вы на это скажете? Теперь жениховъ у меня больше нѣтъ, но за то пять невѣстъ; младшей только годъ, но старшей пора замужъ. Она и вторая сестра—красавицы; въ нихъ все хорошо, и всѣ ихъ находятъ очаровательными. Жениховъ имъ придется поискать съ фонаремъ, днемъ съ огнемъ. Безобразныхъ намъ не нужно, дураковъ тоже; но бѣдность не порокъ. Хороши они должны быть и тѣломъ, и душою. Коль попадется такой товаръ на рынкѣ, сообщайте мнѣ.

25-го Февраля 1796.

Вчера на маскарадѣ, великія княжны Елисавета, Анна, Александра, Елена, Марія, Екатерина, придворныя дѣвицы, всего двадцать чetyре особы безъ кавалеровъ, исполнили Русскую пляску подъ звуки Русской музыки, которая всѣхъ привела въ восторгъ, и сегодня только и разговоръ объ этомъ и при дворѣ, и въ городѣ. Всѣ онѣ были одна лучше другой и въ великолѣпныхъ нарядахъ. Какъ видите, у насъ то и дѣло пиры. На будущей недѣлѣ начинается великій

пость. Графъ Валерьянъ Зубовъ уѣхалъ начальствовать надъ войскомъ въ Персію; говорятъ, братъ Муртазы-Кули-хана, похититель Ага-Мехметъ, стоитъ уже въ шестидесяти верстахъ отъ Дербента; его подбучили Турки. Наши передовые отряды стоятъ тоже не далеко отъ Дербента. Дербентъ въ горномъ проходѣ. Мы скоро узнаемъ, что изъ этого выйдетъ.

3.

11-го Марта 1796.

Головкина отозвали изъ Неаполя, потому что онъ осмѣлился надѣлать дераостей Неаполитанской королевѣ и потомъ имѣлъ наглость самъ написать ко мнѣ длинное подробное письмо о томъ что сдѣлалъ.

14-го Марта. Еслибъ вы слышали, какъ играетъ и поетъ великая княжна Марія, вы бы навѣрное расплакались. Она играетъ и поетъ еще лучше, чѣмъ ея сестры танцуютъ менуеть; а это много.

4.

Въ Таврическомъ дворцѣ, въ 5 часовъ пополудни, 11-го Мая 1796.

Очень, очень вамъ благодарна за ваше посланіе къ графу Лоссу; оно возымѣло свое дѣйствіе, потому что бездѣльника Гельбига⁷⁾ тотчасъ же отозвали отсюда. Въ этомъ случаѣ вліяніе козла отпущенія оказалось сильнѣе вліянія всего Русскаго посольства, включая сюда Местмахера и Фелькерзама, здѣшняго Саксонскаго посланника, который очень хорошо зналъ о поведеніи секретаря посольства, но довольствовался тѣмъ, что вздыхалъ и отписывалъ своему двору. Этотъ Гельбигъ былъ большой любимецъ графа Герца застегнутаго; онъ-то и помѣстилъ его сюда, чтобъ употребить въ дѣло его дарованія.

13-го Мая. Вчера я провела цѣлый день у оберъ-штальмейстера Нарышкина. Я отправилась въ два часа пополудни въ каретѣ вмѣстѣ съ великими княжнами Александрой и Еленой; за мной ѣхали великіе князья Александръ и Константинъ съ своими супругами. Ѣхали мы (изъ Таврическаго дворца на конецъ Мойки, гдѣ находится новый домъ оберъ-штальмейстера, замѣняющій ему весной Тавричскій дворецъ) почти цѣлый часъ, такъ какъ это совсѣмъ на другомъ концѣ города. Мы нашли прекрасный домъ, великолѣпный обѣдъ и прелестный садъ, въ которомъ изобиліе цвѣтовъ. За обѣдомъ всѣ были очень веселы, а послѣ обѣда молодежь начала прыгать и плясать, такъ какъ было слишкомъ вѣтряно для прогулки. Къ вечеру танцующихъ еще прибавилось, и они протанцовали до девяти часовъ. Тогда я уѣхала съ моими дѣвками. Мы пріѣхали домой въ четверть одинадцатаго, и такъ устали (я, хотя и не танцевала, и онѣ, потому что много танцевали), что сейчасъ же легли спать, т. е. я и мои обѣ красавицы.

Господи, Боже мой! Если бы вы знали, какъ я ненавижу всѣхъ этихъ агрономовъ и сельскихъ хозяевъ, которые и сохи-то никогда въ руки не брали, вы бы не стали толковать со мной ни о г. Ленишѣ, ни о милордѣ Финдлатерѣ; а крестьяне Русскіе ихъ ненавидятъ еще больше моего, и они правы. Что годится для клочка земли не

⁷⁾ См. выше, стр. 228.

больше моей комнаты, не годится для необозримых наших полей; у насъ крестьяне привыкли съ небольшимъ трудомъ добывать все необходимое для жизни, и они же доставляютъ другимъ государствамъ рогатый скотъ и лошадей. Видали мы Англичанъ хозяевъ-хлѣбопашцевъ, но подражать имъ не станемъ: у насъ другой климатъ, другія условія жизни. Знаете, что было бы съ мнимымъ хозяиномъ Ленишемъ, если бы ему дать управлять въ одномъ изъ казенныхъ имѣній? Крестьяне отправили бы его на тотъ свѣтъ и съ агрономіей, которая ни на что не годна, вотъ и все. Предоставьте насъ самимъ себѣ: мы производимъ и продаемъ больше хлѣба, чѣмъ всѣ остальные государства Европы, взятыя вмѣстѣ; такъ какъ же вы хотите, чтобъ мы брали въ образецъ крохотную Англию? На великана не напялишь платье карлика. Кромѣ того, нигдѣ такъ не возрастаетъ сельское и городское народонаселеніе, какъ у насъ; я боюсь сказать, но вѣдь правда, что въ мое царствованіе оно удвоилось. У насъ не умираютъ отъ голода, а больше отъ отягощенія желудка. У насъ не видно худощавыхъ людей и нѣтъ нищихъ. Если у насъ кто проситъ милостыни, то отъ лѣни; сами крестьяне это говорятъ, а они такъ гостеприимны, какъ никто на свѣтѣ.

Хорошо, что вы не вѣрите всѣмъ слухамъ, которые распускаетъ въ Германіи ненавистный вамъ Сидоръ Ермолаичъ⁸⁾; и онъ, и управляющій его Рейтергольмъ, отъявленные лгуны. Но истинная правда, что молодой человекъ ни за что не хочетъ жениться на рыжей, безобразной и горбатой принцессѣ Меклембургской. Она ему написала четыре письма, онъ не отвѣчалъ ни на одно; она ему послала прядь своихъ рыжихъ волосъ, онъ ихъ положилъ въ шкафъ, и они до сихъ поръ тамъ лежатъ; свадьба отложена до совершеннолѣтія.

5.

15-го Іюня 1796.

Мы гуляемъ по два и по три раза въ день, и ждемъ, когда мамаша родить.

25-го Іюня 1796.

Объявляю козлу отпущенія, что сегодня, въ три часа утра, мамаша родила большущаго мальчика, котораго назвали Николаемъ. Голосъ у него басъ, и кричитъ онъ удивительно; длиною онъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки немного поменьше моихъ. Въ жизнь мою, въ первый разъ вижу такого великана⁹⁾. Прощайте, будьте здоровы. Если онъ будетъ такъ продолжать, братья выдутъ передъ нимъ карлики.

2-го Іюля 1796.

Въ Воскресенье крестины великана Николая; онъ совершенно здоровъ.

⁸⁾ Т. е. герцогъ Зюдерманландскій, впоследствии король Шведскій Карлъ XIII-й.

⁹⁾ Николай Павловичъ родился очень трудно. Екатерина, которая присутствовала при всѣхъ родахъ своей невѣстки и помогала повивальной бабушкѣ, немедленно по рожденіи ребенка, приказала вынести новорожденного на балконъ Царскосельскаго дворца и показать гуляющимъ третьяго своего внука. Дежурнымъ камеръ-юнкеромъ былъ въ этотъ день князь Сергѣй Михайловичъ

Я писала въ Вѣну и уговаривала императора оставить Людовика XVIII-го при арміи Конде, чтобъ они шли во Францію и тѣмъ отвлекли вниманіе отъ Италіи: коли побѣдить Кареагенъ, нужно идти въ Кареагенъ. Господь вѣдаетъ, какой я получу отвѣтъ. Я къ вамъ писала о вашемъ путешествіи, всякими путями. Если мнимое сокровище ¹⁰⁾ причиняетъ вамъ заботы и безпокойство, бросьте его въ печку; я вамъ это совѣтовала уже разъ двадцать; пожалуста, не стѣсняйтесь и будьте увѣрены, что я ему не придаю никакой цѣны.

5-го Іюля. Великанъ Николай поминутно проситъ ѣсть, такъ что вотъ уже три дня, какъ его стали кормить кашкой; это неслыханное дѣло для ребенка, которому всего недѣля. У нянекъ просто руки опускаются отъ удивленія; если такъ будетъ продолжаться, придется къ шести недѣлямъ отнять его отъ груди. Онъ смотритъ на всѣхъ во всѣ глаза (*il toise tout le monde*), а голову держитъ прямо и поворачиваетъ не хуже моего.

16-го Іюля. Сегодня одиннадцатый день, что я беру ванны изъ морской воды, которую мнѣ привозятъ съ Голланда, и онѣ мнѣ приносятъ большую пользу ¹¹⁾.

Графъ Валерьянъ Zubovъ взялъ Кубань; въ ожиданіи взятія Бакинскаго порта, не знаю, писала ли я вамъ, что въ день взятія Дербента, вечеромъ, когда ключи уже были принесены графу и гарнизонъ нашъ уже былъ въ городѣ, въ лагерь къ графу пріѣхала, въ сопровожденіи множества женщинъ, принцесса Переджи-Шанумъ, какъ говорятъ, первая красавица и умница между Персидскими принцессами. Она была вся закутана покрываломъ, и только были видны ея чудные глаза. Она велѣла старшей изъ женщинъ, бывшихъ съ нею, сказать переводчику, что она пріѣхала въ лагерь просить графа объ облегченіи участи ея брата, Дербентскаго хана, что онъ еще молодой человѣкъ и его сгубили дурные совѣтники. Графъ Валерьянъ обѣщалъ уважить ея просьбу. Тогда она попросила позволенія повидаться съ братомъ, Дербентскимъ ханомъ; ее отвели къ нему въ палатку, гдѣ она провела ночь; между тѣмъ графъ запретилъ кому бы то ни было приближаться къ палаткѣ. На другое утро принцесса уѣхала верхомъ обратно въ городъ съ своими подругами, а графъ Валерьянъ объявилъ ее правительницею владѣній брата, который остается у насъ въ лагерь, и назначилъ ей совѣтъ, по тамошнему диванъ. Вотъ теперь красавица и умница Переджи-Шанумъ—правительница, благодаря самому благородному и вѣжливому рыцарю, какаго только можно встрѣтить въ нынѣшнія времена.

Голицынъ (впослѣдствіи предсѣдатель Московскаго Опекунскаго Совѣта). Онъ рассказывалъ, что Екатерина выразилась при этомъ: *Je n'ai eu d'enfants qui me donnât tant de fils à retordre* (Ни съ кѣмъ изъ дѣтей у меня не было столько возни).

¹⁰⁾ Т. е. Екатерининскія письма, которыя теперь напечатаны.

¹¹⁾ По свидѣтельству одного современника, эти ванны и были причиною удара, отъ котораго скончалась Екатерина.

19-го Іюля. Вчера получено извѣстіе о взятіи Баку, порта на Каспійскомъ морѣ. Бакинскій ханъ вручилъ графу Зубову ключи отъ города на границѣ своихъ владѣній. Нужно замѣтить, что гр. Зубовъ сдѣлалъ въ два мѣсяца то, для чего Петру I-му потребовались два похода, и притомъ онъ встрѣтилъ болѣе сопротивленія, чѣмъ императоръ, такъ какъ въ самомъ Дербентѣ было одинадцать тысячъ человѣкъ, которые твердо рѣшились защищаться, между тѣмъ какъ Петру ключи были поднесены прежде, чѣмъ онъ дошелъ до города. У насъ въ лагерѣ всѣ здоровы и находятъ, что жары довольно сносны; у насъ нѣтъ ни въ чемъ недостатка, установились правильныя сообщенія и сушею, и моремъ, и такъ какъ войска наши отличаются примѣрной дисциплиной, то ихъ всюду встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями. Говорятъ, Грузинскій царь Гераклій овладѣлъ Ганджей, но официальнаго извѣстія мы еще не получали. Въ такомъ случаѣ флангъ арміи будетъ защищенъ съ той стороны, а графъ Валерьянъ двинется во главѣ ея прямо на Шемаху; когда онъ тамъ будетъ, все теченіе рѣки Куры, которая сливается съ Араксомъ (обѣ впадаютъ вмѣстѣ въ Каспійское море) будетъ совсѣмъ очищено. На другомъ берегу Аракса соберутся, говорятъ, къ Сентябрю всѣ силы похитителя Персидскаго престола, Али-Мехметъ-хана. Братъ его Муртаза-Кули-ханъ уѣхалъ отсюда въ Астрахань, чтобъ оттуда на нашихъ судахъ переправиться къ себѣ; города Рештъ и Мазендеранъ принадлежатъ ему по праву наслѣдства, но его братъ захватилъ власть въ свои руки. ●

5-го Августа. Я думаю, если придется вамъ непременно спастись бѣгствомъ, то лучше искать убѣжища въ Магдебургѣ, гдѣ вы будете поближе къ намъ. Что же касается до путешествія, я сказала вчера вашему чудотворцу ¹²⁾, чтобъ онъ позаботился приискать вамъ помѣщеніе; вы отправитесь въ путь-дорогу будущей весной, а покуда ступайте жить гдѣ всего безопаснѣе.

13-го Августа. Баронъ Гриммъ, кавалеръ ордена Св. Владиміра, назначается въ Гамбургъ на мѣсто умершаго Гросса.

18 Августа 1796.

Графы Гагскій и Ваза съ огромной свитой въ 140 человѣкъ прибыли сюда тринадцатаго вечеромъ. На другой день, 14-го, они отдыхали и потомъ исходили и извѣздили весь городъ и повстрѣчались носъ съ носомъ кое съ кѣмъ, кто даже и не подозрѣвалъ о возможности встрѣчи въ то время, какъ онѣ возвращались отъ меня въ свои комнаты. Чтобъ понять, какъ это случилось, нужно знать Таврическій дворецъ, смежныя съ нимъ зданія и проходъ между домомъ, гдѣ живутъ мои внуки, и дворцовыми оранжереями. 15-го Августа, въ шесть часовъ вечера, оба графа пріѣхали въ Эрмитажъ, гдѣ въ четверть часа перезнакомились со всѣми. Графъ Гага мало того что понравился всѣмъ, онъ сразу заставилъ всѣхъ полюбить

¹²⁾ Графу Н. П. Румянцову.

себя, а замѣтите, что у насъ этого никогда не бываетъ: онъ исключеніе. У него замѣчательная наружность, кроткая и вмѣстѣ величественная, и пріятное выраженіе, умное и пріятное. Онъ рѣдкій молодой человѣкъ и, ужъ конечно, въ настоящее время никакое государство въ Европѣ не можетъ похвастаться подобнымъ наслѣдникомъ престола. Онъ добръ и чрезвычайно вѣжливъ, при этомъ осторожность и чувство мѣры въ немъ развиты не по лѣтамъ; однимъ словомъ, повторяю еще разъ, онъ очарователенъ. 16-го онъ снова провелъ вечеръ у меня въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ, какъ и въ первый разъ, были балъ и ужинъ. Злые языки утверждаютъ, будто глаза стали смотрѣть поласковѣе, и величество засіяло отъ удовольствія. На бѣду случилось, что у моей дѣвицы пропала собачка 14-го вечеромъ, и она проплакала о ней весь вечеръ и все утро, такъ что воспитательница ея, генеральша Ливенъ, ужасно боялась, чтобъ у ней не были красны глаза. Вчера, 17-го числа, хотя собачка еще не нашлась, она уже была повеселѣе; послѣ обѣда графъ Гага долго съ ней разговаривалъ, и хотя оба стояли на солнцѣ, которое достаточно припекало, но они того не замѣчали, что не укрылось отъ нашего вниманія. Но представьте себѣ, въ списокъ театральныхъ пьесъ, назначенныхъ къ представленію, помѣстили балетъ подъ названіемъ «Обманутый Опекунъ!» Къ счастью мнѣ показали списокъ, и я сейчасъ же приказала исключить пьесу. Это не годилось, не правда ли? Это было бы противно правиламъ благопристойности. О графѣ Ваза трудно сказать что нибудь новое; но въ свитѣ, которая все прибываетъ всякій день, есть люди всѣхъ партій, и между ними попадаются очень достойные и любезные люди. Прощайте, на сегодня довольно; вечеромъ будутъ балъ и ужинъ у великаго князя Александра: нужно, чтобъ гостямъ было весело. Кажется, имъ у насъ нравится: такъ всѣ говорятъ въ одинъ голосъ. Будьте здоровы; я весела и летаю какъ птица.

6.

30-го Августа 1796 г. въ день Александра Невскаго, въ 8 часовъ утра.

Начинаю письмо съ того, что у насъ съ 15-го Августа все пиры съ утра до вечера и съ вечера до утра, по случаю пребыванія здѣсь Шведскаго короля; кромѣ того у меня еще на рукахъ три или четыре дѣла крайне важныя, такъ что мнѣ невозможно было отвѣчать на ваши № 21 и 22, хотя и они тоже важны, но вѣдь во дню только двадцать четыре часа. У насъ всѣ, и старыя, и малыя, въ восторгѣ отъ молодаго короля: онъ чрезвычайно вѣжливъ, очень хорошо говоритъ; поболтать съ нимъ пріятно. Лицомъ онъ очень хорошъ: красивыя, правильныя черты лица, глаза большіе, живые; осанка величественная; онъ довольно большаго роста, но тонко и гибко сложенъ, любитъ прыгать, танцовать, и вообще во всякихъ тѣлесныхъ упражненіяхъ очень ловокъ. Похоже, что ему здѣсь очень нравится; онъ пріѣхалъ только на десять дней, но живетъ уже три недѣли, и до сихъ поръ еще день отъѣзда не назначенъ, хотя осень близко. Адмиралъ его, большой чудакъ, говоритъ: «Я ему ручаюсь

за свободный проѣздъ до Января, но послѣ этого времени будетъ уже его дѣло, какъ выбратся отсюда до весны». Люди замѣчаютъ, что его величество все чаще и чаще танцуетъ съ вел. кн. Александрой, и что разговоръ у нихъ не прерывается. Говорятъ еще, будто его величество сказалъ своимъ: «Устраивайте дѣло поскорѣе, потому что я чувствую, что влюблюсь до безумія; а когда у меня закружится голова, я надѣлаю глупостей». Кажется, и дѣвица моя не чувствуетъ отвращенія къ вышеупомянутому принцу: она уже не имѣетъ прежняго смущеннаго вида и разговариваетъ очень свободно съ своимъ поклонникомъ. По правдѣ сказать, это парочка, какую рѣдко можно встрѣтить. Ихъ оставляютъ въ покоѣ, никто не мѣшаетъ и, повидимому, дѣло будетъ слажено или по крайней мѣрѣ условлено до отъѣзда его величества, которому уѣзжать не хочется, хотя 1-го Ноября н. с. онъ долженъ быть объявленъ совершеннолѣтнимъ. Кто-то спросилъ у одного изъ наиболее вліятельныхъ лицъ въ свитѣ короля, нравится ли в. княжна графу Гагскому; тотъ отвѣчалъ рѣзко: «Нужно быть дуракомъ, чтобъ не влюбиться въ нее».

1-го Сентября. Говорятъ, будто уже курьеръ готовъ отправиться съ формальнымъ отказомъ къ Меклембургской дѣвицѣ. Прежде этого я, конечно, не могла и слышать о предложеніи. Но нужно сказать правду: онъ не можетъ скрыть своей любви. Молодой человѣкъ пріѣхалъ сюда грустный, задумчивый, смущенный, а теперь его не узнаешь: все существо его проникнуто радостью и счастьемъ. Завтра три недѣли, какъ онъ здѣсь, и Богъ знаетъ, когда онъ уѣдетъ; но осень близко.

3-го Сентября. Вчера былъ балъ у императорскаго посланника; было очень весело, потому что ходили слухи, что все уже рѣшено на словахъ. Не знаю, какъ это случилось, отъ сильной радости, или отъ чего другаго, но только нашъ женихъ, танцуя съ своей будущей невѣстой, осмѣлился слегка пожать ей руку. Та поблѣднѣла какъ смерть и побѣжала рассказать своей воспитательницѣ. «Представьте себя, онъ въ танцахъ пожалъ мнѣ руку; я ужасно смутилась». Та спросила: «что же вы тогда сдѣлали»? Она отвѣчала: «я такъ испугалась, что думала, упаду со страху».

4-го Сентября. Вчера вечеромъ былъ большой фейерверкъ, который очень удался. Сегодня графы Гага и Ваза отправились въ Царское Село, а оттуда въ Павловскъ, гдѣ они будутъ обѣдать у великаго князя, отца невѣсты, а мы, слава Богу, можемъ отдохнуть. Завтра Елисаветинъ день, и ровно три недѣли, что мы непрерывно веселимся. Объ отъѣздѣ еще ничего не слышно, и дня еще не назначено. Шведскій дворъ, который состоитъ изъ двадцати трехъ человѣкъ, находятъ, что въ Петербургѣ жить очень пріятно.

Я велѣла написать принцамъ Ангальтъ-Дессау и Бернбургскому, что по моему мнѣнію Людовикъ XVIII-й могъ бы жить въ Цербстѣ: пусть скажутъ королю Прусскому, что я имъ подала этотъ совѣтъ. Невѣсткѣ моей я написала, что Людовику XVIII-му мною дозволено поѣхать въ Іеверъ, когда ему вздумается, и тамъ поселиться. Но вмѣсто того чтобъ отмачиваться, конечно лучше бы помѣститься

тамъ, откуда бы онъ могъ скорѣе прибыть къ арміи фельдмаршала Суворова, которой ему и не покидать, какъ скоро она переправится за Краковъ или въ Богемію. Ему надо быть при арміи и, по моему, всякое другое пребываніе менѣе для него прилично. Я потребую, чтобы корпусъ принца Конде присоединился къ нашему; но пока мѣсть молчите объ этомъ. Курьеры у меня отправлены въ Берлинъ, Вѣну и Лондонъ. Приказано держать на готовѣ 60 тысячъ человекъ. Въ замѣну имъ, по первому приказу, произведу двойной наборъ, такъ чтобы не произошло ни малѣйшаго разстройства и было чѣмъ поколотить зложелателей. Это называется говорить, не правда ли? Что скажете? Теперь Журданъ разбитъ, Моро также. Дай Богъ, чтобы такъ продолжалось.

Слушайте, козелъ отпущенія: общее замѣшательство въ Европѣ много дѣлаетъ помѣхи и нашей перепискѣ. Вы безпрестанно пишете мнѣ бессмыслицу, а я молчу, чтобъ вамъ не противорѣчить; но въ одинъ прекрасный день намою вамъ голову, какъ скоро придетъ охота и сыщется время.

5 Сентября, въ 8 часовъ утра. Говорю и повторяю, что по моимъ правиламъ отнюдь не слѣдовало покидать армію. Царствовать или умереть, вотъ нашъ кличъ. Эти слова надо бы съ самаго начала выгравировать на нашемъ щитѣ. Теперь уже слишкомъ поздно. Дѣло не въ пышныхъ выраженіяхъ, и нечего съ ними носиться. Дѣло въ томъ, чтобы заставить говорить о себѣ. Slѣдовало одинаково относиться къ удачѣ и невгодѣ. За чѣмъ ѣхать въ Россію? За чѣмъ и въ Русскую армію, коль скоро не умѣешь дѣйствовать погеройски, раздѣлять всѣ опасности и заслуживать уваженіе арміи? Тамъ скорѣе себя выдашь, нежели въ другомъ мѣстѣ. Все это для васъ однихъ: читайте и молчите. Не нужно вовсе дуться, особливо у насъ. За чѣмъ давать мнѣ отчетъ? Убѣждаютъ дѣйствія, а не писанія. Это пахнетъ оправданіемъ.

Сыновья ихъ, привлекательные по вѣншности, либо ничтожны, либо очень не значительны. Это все только обороты рѣчи, а они не годятся никуда. Благодаря имъ, повсюду одна неудача. Поглядите: вся Франція хочетъ короля; но хотятъ ли ихъ, говорятъ ли о нихъ. Между тѣмъ, если не будетъ государя при рожденнаго, возникнутъ безконечныя партіи, пока, наконецъ, явится опять государь по праву, слѣдовательно будетъ государь, но... ¹²⁾ это страшная задача! О Боже мой! За чѣмъ надо мечтать вслухъ? Лучше молчать. Остальное, можетъ быть, вызовется на свѣтъ нуждою. Служить имъ однако слѣдуетъ, сколько можешь: это требуется долгомъ и настойчивостью. Отмалчиваться! Смотрите, чтобъ не прошла о немъ такая молва. Я этого не понимаю, и если молчу, то развѣ для того, чтобъ сильнѣе нанести ударъ, потому что съ природы мы шумливы и не любимъ вовсе отмалчиваться.

Если онъ не будетъ по близости отъ Франціи, какъ ему вступить въ нее? Повидимому этимъ господамъ хочется, чтобы прямо въ ротъ

¹²⁾ Точки въ подлинникѣ.

летѣли къ нимъ жавороноки совсѣмъ жареныя ¹¹⁾. Дай Богъ, чтобы все это не оказалось просто плутнею, о чемъ зложелатели уже и разносятъ слухи. Ну съ этимъ, мой другъ, далеко не уйдешь.

Въ настоящую минуту всякому нужны запасы. У нихъ они были огромныя; а что они изъ нихъ сдѣлали? Они жили величаво, широко и все успѣли съѣсть, а отъ дѣятельности ихъ одна болтушка. На первыхъ порахъ у нихъ было 8 милліоновъ; я одна доставила имъ слишкомъ полтора милліона рублей, на первый годъ.

7.

ПОСЛѢДНЕЕ ПИСЬМО ЕКАТЕРИНЫ II-Й КЪ ВАРОНУ ГРИММУ.

20-го Октября 1796.

Вчера и третьяго дня получила я ваши письма съ Колычевымъ и Яковлевымъ. Не имѣю времени отвѣчать на нихъ, потому что пришли еще письма изъ Англіи и Персіи, весьма удовлетворительныя, но не менѣе требующія занятій. Прусскій король вооружается. Что вы объ этомъ думаете? Противъ кого? Противъ меня. Въ угоду кому? Цареубійцамъ, друзьямъ своимъ, на которыхъ ему нельзя положиться ни въ чемъ. Надо согласиться, что роняютъ страннымъ образомъ честь и славу этого государя, подавая ему столь коварныя совѣты. У чести и славы одна дорога. Идти по ней осмѣлилась я предложить ему; но его отводятъ въ сторону и влекутъ въ лабиринтъ, унижая его силу. Онъ окажется покорнѣйшимъ слугою наглыхъ злодѣевъ, которые, въ сущности, замышляютъ погубить его. Если этими вооруженіями думаютъ отвлечь меня и остановить походъ моихъ войскъ, подъ предводительствомъ фельдмаршала Суворова, то очень ошибаются; потому что я все-таки останусь обезпечена со всѣхъ возможныхъ сторонъ, безъ исключенія. Вотъ вамъ довольно, чтобы дать знать, что я получила ваши письма. Прощайте, будьте здоровы. Я сказала вамъ, что подвернулось подъ перо. Хорошо, чтобы вы знали мой образъ мыслей и какъ я смотрю на дѣла.

Письмо это писано Екатериною за 16 дней до ея кончины.

¹¹⁾ На этотъ разъ Екатерина сходилась во мѣстѣ съ графомъ С. Р. Воронцовымъ, который герцогу д'Артуа сказалъ напрямикъ, что нечего побираться, а когда въ жилахъ течетъ кровь Генриха IV-го, надо мечемъ добывать своего права.

Четыре письма императрицы Екатерины II-й къ графу Н. И. Салтыкову.

1.

Николай Ивановичъ! Изъ Псковскаго карабинернаго полка, о которомъ послѣднія были извѣстія изъ Валдая, прикажите одинъ полный эскадронъ, выбравъ лошадей полегче, но надежныхъ и подъ начальствомъ самаго исправнаго штабъ-офицера, отправить прямо съ мѣста, гдѣ застанеть повелѣніе, ближайшею дорогою въ Петрозаводскъ; а правящему должности генерала губернатора Олонецкаго генераль-поручику Тутолмину предписано отъ насъ о расположеніи сего эскадрона. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны.

«Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ
4 Іюля 1788 года.

2.

Николай Ивановичъ! Сверхъ полковыхъ пушекъ, имѣющихся при трехъ баталіонахъ гвардіи нашей въ походъ отправляемыхъ, повелѣваемъ послать вообще при семь отрядѣ полевой артиллеріи шесть орудій и именно пушекъ двѣнадцати фунтовыхъ и шести фунтовыхъ по двѣ каждого калибра, да полукартаульныхъ единороговъ два, съ потребнымъ количествомъ снарядовъ, отдавъ все то въ команду генераль-маіора и гвардіи Преображенскаго полка премьеръ-маіора Татищева, къ начальству означенными баталіонами и эскадронами конной гвардіи отъ насъ опредѣленнаго. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

«Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ,
7 Іюля 1788 года.

3.

Николай Ивановичъ! Въ разсужденіи надобности въ порохѣ, прикажите селитру, сколько можно болѣе, закупить въ Малороссійскихъ и другихъ губерніяхъ, не дѣлая излишнихъ переписокъ и затрудненій въ цѣнѣ и оную доставлять на пороховые заводы на почтѣ, снесясь съ губернаторами; на пороховыхъ же заводахъ велите умножить работу, прибавивъ наймомъ хотя до двухъ сотъ человѣкъ и приложить всемѣрное стараніе, чтобъ потребное число пороху для сухопутныхъ войскъ, флота и крѣпостей, съ довольнымъ сверхъ того

III, 16.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1878.

запасомъ, какъ наискорѣе, отдѣлано было, въ чемъ имѣть вамъ надзираніе и настоять за непремѣннымъ сего исполненіемъ. Пребывая впрочемъ вамъ благосклонны.

«Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ,
10 Іюля 1788 года.

4.

Николай Ивановичъ! По настоящему военному времени, доколѣ оное продлится, позволяемъ генералу критсъ-коммисару, для скорѣйшаго снабженія полковъ мундирными и аммуничными вещами, подряжать и покупать оныя не держась предписанныхъ обрядовъ, но употребляя способы самые краткіе, наблюдать колико возможно выгоду казенную и то уваженіе, по которому поспѣшность въ доставленіи означенныхъ вещей въ настоящихъ обстоятельствахъ есть всего нужнѣе. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

«Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ,
12 Іюля 1788 года.

Подлинники хранятся въ Московскомъ Отдѣленіи Архива Главнаго Штаба. Оп. 205, св. 1-я, изъ дѣлъ графа Мусина-Пушкина.

Примѣчаніе. Всѣ эти четыре рескрипта послѣдовали на имя бывшаго президента Военной Коллегіи, вполнѣдствіи свѣтлѣйшаго князя Н. И. Салтыкова, въ самый разгаръ войны Россіи со Швеціею. Они замѣчательны по энергіи Великой Екатерины, которая отлично понимала, что выиграть время и въ извѣстныхъ случаяхъ заранѣе приготовить къ войнѣ необходимыя вещи, дорожке денегъ, и поэтому она нерѣдко избѣгала формальностей, тормозящихъ нерѣдко ходъ самыхъ важныхъ событій въ дѣлахъ войны и мира.

Григорій Александровъ.

12 Іюля 1878 г.
Г. Москва.

Изъ бумагъ генераль-прокурора графа А. Н. Самойлова.

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й.

1.

(По поводу кончины князя Потемкина).

Все письмо писано собственноручно Императрицею.

Александръ Николаевичъ! О общей нашей печали теперь распространяться не буду: вы несумѣнно знаете, что я оную раздѣляю съ вами чистосердечно и погружена въ глубокую самую печаль. Ради Бога, продолжайте и кончите мирные договоры на томъ же основаніи, какъ они при князѣ ведены были, и я васъ прошу быть ко мнѣ надежду, какъ на каменную стѣну. Лишь продолжайте поступать съ равной вѣрностью и ревностью, какъ при немъ. Пребываю къ вамъ доброжелательна

Екатерина.

Октября 14 ч. 1791.

Къ вамъ отправляю графа Безбородка; но пока пріѣдетъ, продолжайте переговоры и окончайте, буде къ концу пришло.

2.

Пол. 17-Ноября. Все письмо писано рукою Императрицы.

Александръ Николаевичъ! Письмо ваше отъ 15 Октября до рукъ моихъ доставлено, изъ котораго вижу, что при глубокой печали вы находитесь и нездоровы еще, и что усердіе ваше и упованіе на меня, преодолевая то и другое, готово на всякое служеніе. Сіе расположеніе вижу съ удовольствіемъ, о печали же распространяться никакъ не могу по великой моей чувствительности. Я писала къ вамъ уже, что мое желаніе есть, чтобы вы продолжали мирныя условія, и по благополучномъ окончаніи оныхъ возвратитесь сюда и можете быть увѣрены о моемъ непремѣнномъ добромъ къ вамъ расположеніи и что я съ тою же довѣренностію пребываю доброжелательна

Екатерина.

Ноября 4 ч. 1791.

3.

Все письмо писано собственноручно Императрицею.

Александръ Николаевичъ! Получивъ письмо ваше отъ 10 Декабря съ приложеніемъ извѣстнымъ, любовалась я честности и безкоры-

16

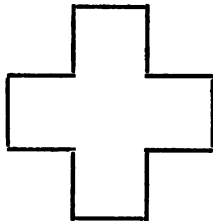
стію вашему; но сіе дѣло есть испешдшее и прошедшее, и какъ я о семъ изъ устъ князя въ бытность его здѣсь ни слова не слыхала, почему думаю, что вѣрнѣйшее и приличнѣйшее будетъ оставить вещь въ законномъ и естественномъ теченіи, тѣмъ паче, что изъ письма того никакого употребленія дѣлать не можно по его слогу и содержанию. Присланное отъ васъ письмо чрезъ Михаила Сергѣевича ¹⁾ я получила съ курьеромъ отъ Кречетникова изъ Кіева и съ письмами моими послѣ нечаянной кончины Михаила Сергѣевича, о которой всѣмъ сердцемъ жалю. Усердіе ваше вижу съ большимъ удовольствіемъ; я объ ономъ и не сумнѣвалась, какъ вы изъ писемъ моихъ усмотрѣть могли. Еще вамъ и того скажу, что я не вижу, для чего бы предпочитать одного неизвѣстнаго и сумнительнаго нѣсколькимъ заслуженнымъ и ко мнѣ усерднымъ. Прощайте, Богъ съ вами. Пребываю къ вамъ непремѣнно доброжелательна

Екатерина.

Декабря 24 ч. 1791.

4.

Неизвѣстно кѣмъ сдѣлана надпись, вѣроятно графомъ А. Н. Самойловымъ, а крестъ Императрицею.

собственноручно

28-го Мая 1795.

5.

Записка писана Императрицею, а помѣта внизу вѣроятно графомъ Самойловымъ.

Какъ Нефедьевъ предо мною оправдался, то указы объ немъ разосланные возвратить.

Получено 7 Декабря
1795 года.

6.

На клочкѣ бумаги вѣроятно рукою графа Самойлова.

Письмо сіе отъ Гавр. Романов. Державина Ея Имп. Вел. поданное; съ гнѣвомъ дѣло изорвано.

ПИСЬМА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА.

7.

Гатчино, Ноября 3 дня 1795.

Управлявшій Гатчинскою волостью и Каменнымъ Островомъ и имѣвшій въ вѣдѣніи своемъ всѣ по онымъ производимыя строенія стат-

¹⁾ Потемкина.

ской совѣтникъ баронъ Ворхъ, сдѣлавъ во всемъ совершенное упущеніе и растроивъ всѣ части, какъ-то несодержаніемъ никакаго порядка какъ въ приходѣ и расходѣ по хозяйству, такъ и по получаемымъ отъ меня денежнымъ суммамъ, не ведя ничему книгъ и записокъ и не имѣя никакихъ документовъ и счетовъ, да и по строеніямъ оказавъ таковоежъ нерадѣніе, не соблюдая ни малѣйшаго порядка ни въ заключеніи контрактовъ, ни въ приѣмѣ и отпускѣ матеріаловъ, что все нынѣ при смѣнѣ его ясно и доказывается тѣмъ, что онъ ни по хозяйству, ни по другимъ дѣламъ не могъ отдать никакаго отчета, ниже предъявить какое письменное объясненіе, за что отрѣшивъ его отъ порученныхъ ему дѣлъ, даю вамъ, графъ Александръ Николаевичъ, какъ въ замѣчаніе, такъ и въ предостереженіе, о семъ знать. Впрочемъ съ совершеннымъ моимъ къ вамъ благорасположеніемъ пребываю навсегда вамъ благосклоннымъ

Павелъ.

Подписано собственноручно.

8.

Гатчино, 6 Ноября 1795.

Самой смыслъ письма моего къ вамъ, графъ Александръ Николаевичъ, показываетъ, что по дѣламъ своимъ долженъ былъ я барона Борха слѣдовать уже, гдѣ онъ и изобличень, о чемъ я нужнымъ почелъ вамъ знать дать; слѣдственно съ моей стороны и почитаю уже все конченнымъ. Впрочемъ съ совершеннымъ моимъ къ вамъ благорасположеніемъ пребываю навсегда вамъ благосклоннымъ

Павелъ.

Подписано собственноручно.

9.

Графъ Александръ Николаевичъ! По желанію вашему, для поправленія здоровья вашего, позволяемъ вамъ на годъ отъ дѣлъ отлучиться, пребывая вамъ благосклонный

Павелъ.

Подписано собственноручно на траурной бумагѣ.

С.-Петербургъ
Декабря 4, 1796 года.

10.

ПИСЬМО ГРАФА ВЕЗВОРОДКИ.

Милостивый государь мой графъ Александръ Николаевичъ!
Объ оставшихъ послѣ покойнаго генерала-фельдмаршала князя Потемкина Таврическаго и находящихся у вашего сіятельства гетманскихъ булавахъ, всего пятнадцать штукъ, Его Императорское Величество высочайше указать мнѣ изволилъ сообщить вамъ, милостивый государь мой, чтобы вы оныя приказали ко мнѣ доставить для отсылки въ Московскую Мастерскую Оружейную Палату; что-жъ ка-

сается до одной пары литавръ серебрянныхъ, которыя также у вашего сіятельства остались, Государь указать изволилъ отдать оныя господину оберъ-маршалу графу Николаю Петровичу Шереметеву, о чемъ сообщивъ вамъ, пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою графъ А. Безбородко.

Въ С.-Петербургѣ
Генвара 17-го 1797.

Писано на траурной бумагѣ. Подпись собственноручная.

11.

ПИСЬМО ГРАФА ГУДОВИЧА.

Милостивый государь мой графъ Александръ Николаевичъ!

Почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства получить удостоился и тотъ же часъ приложенныя письма къ Николаю Николаевичу, находившемуся тогда въ Тарцѣ въ 60 верстахъ, но теперь же онъ здѣсь. Мнѣ самому совершенно неизвѣстно, за что онъ изъ службы исключенъ, какъ и въ высочайшемъ приказѣ не сказано. А жалѣю о томъ искренно, зная его всегда достойнымъ офицеромъ; но гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость. Сдачу полка, по объясненію его мнѣ, безъ всякаго затрудненія окончить онъ полагаетъ. Впрочемъ, сколько мнѣ возможно будетъ, я помогать ему готовъ. Милостивыя одолженія, ко мнѣ оказанныя, меня обязываютъ навсегда къ чувствительной благодарности, которыя сохраняя, пребываю навсегда съ особеннымъ къ вамъ почтеніемъ и совершенною преданностію вашего сіятельства милостиваго государя моего покорнѣйшимъ слугою графъ Иванъ Гудовичъ.

4 Іюля 1797 года.

Крѣпость Георгіевская.

Все письмо собственноручное. Вѣроятно, рѣчь идетъ о Н. Н. Раевскомъ, племянникѣ гр. Самойлова, впоследствии героя 1812 года. Онъ участвовалъ въ Персидскомъ походѣ, во время котораго и родился у него, въ Дербентѣ, дочь Екатерина, нинѣ вдова достопамятнаго М. Ѳ. Орлова. П. В.

12.

ПИСЬМО ГРАФА В. П. КОЧУВЕН.

Милостивый государь мой графъ Александръ Николаевичъ!

Пріемля съ чувствами искренней признательности изъявляемое вашимъ сіятельствомъ участіе по случаю происшедшаго вчера съ неприятнаго приключенія съ женою моею отъ неосторожности кучера вашего и открывая въ изъясненіяхъ вашихъ, милостивый государь мой, образъ мыслей, свойственный благовоспитанію вашему, я побуждаюся притомъ увѣрить васъ, что показаніе людей вашихъ есть совершенно неосновательное. Заняты, можетъ быть, будучи разговоромъ или другими предметами, ваше сіятельство могли конечно не видѣть, какъ все происходило и что, будучи самъ въ каретѣ съ женою моею, подало мнѣ поводъ принести вамъ жалобу. Экипажъ нашъ находился въ линіи, изъ которой ему выѣхать не можно было, и мы ѣхали въ слѣдъ за другими, какъ извозчики ваши внѣ ряду и одни на сторонѣ находившіеся хотѣли отрѣзать мою карету, что не только я смѣло утвердить могу, но даже сослаться могу и на

полицейскаго офицера, тутъ случившагося и коему не оставилъ я принести жалобы и спросить, чья была карета. Впрочемъ, изъясняя обстоятельства сіи, я отнюдь не имѣю намѣренія беспокоить ваше сіятельство, чтобъ дали вы слѣдствіе сему приключенію. Объясняя истину, я считаю сдѣлать вамъ угодность, доставляя вамъ случай приказать для переду болѣе осторожности людямъ вашимъ.

Примите впрочемъ увѣренія отличнаго почтенія, съ коимъ честь имѣю быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга.

графъ В. Кочубей.

Апрѣля 20, 1802.

Все письмо собственноручно.

13.

ПИСЬМО КАНЦЛЕРА ГРАФА Н. П. РУМЯНЦОВА.

Милостивый государь мой графъ Александръ Николаевичъ!

Поставляя себѣ въ обязанность изъяснить вашему сіятельству благодарность мою за ту довѣренность, съ которою вы, милостивый государь мой, поручать мнѣ изволите быть ходатаемъ въ пользу племянника вашего, я въ тоже время принимаю съ большою признательностію, что ваше сіятельство изволите тѣмъ отдавать справедливость моему къ вамъ уваженію. Я не могу однакоже показать, сколько бы мнѣ пріятно было сдѣлать вамъ услугу, потому что не прошу и за тѣхъ, кои мнѣ съ родни, и хотя бы я не менѣе имѣлъ усердія въ разсужденіи племянника вашего, но при нынѣшнемъ случаѣ не могу отступить отъ своего правила.

Впрочемъ съ истиннымъ и непремѣннымъ почтеніемъ честь имѣю быть всегда вашего сіятельства покорнѣйшій слуга.

графъ Николай Румянцовъ.

Подпись собственноручная.

Ноября 10 дня 1806.

Племянникъ, о которомъ рѣчь, вѣроятно Николай Николаевичъ Раевскій.

14.

ПИСЬМО А. Л. ДАВЫДОВА.

Гродно, 12 Генвара 1807 года.

Милостивый государь дядюшка.

Сейчасъ имѣлъ честь получить письмо ваше отъ 3 сего мѣсяца, на которое спѣшу отвѣчать вамъ, потому что 15 переходимъ мы границу и соединяемся съ главной арміею.

Писать изволите, что удивляетесь, что я жену свою оставилъ въ Митавѣ, а не въ Каменгѣ, и что, казалось бы вамъ, сходнѣе ее мнѣ оставить у матушки. Резоны мои, казалось мнѣ, вамъ уже извѣстны; но я вижу, что вы позабыли, что я вамъ говорилъ въ коляскѣ вашей, когда провозать меня изволили прошлаго года. Въ такомъ случаѣ спросите вы у брата и друга моего Николая Николаевича и ежели послѣ того что онъ вамъ откроетъ, найдете вы меня виновнымъ: тогда я, согласясь съ вами, самъ себя упрекну. Но мнѣ кажется, что моей женѣ въ Каменгѣ жить безъ меня никакъ не можно.

Жену же я оставилъ въ Митавѣ во дворцѣ у Louis XVIII. Комнаты ея подлѣ королевинныхъ, которая, сохраняя нѣжную память къ покойной матери жены моей, любить жену мою, какъ она заслуживаетъ, доказываетъ свою привязанность во всякой минутѣ и благодарила меня за удовольствіе что я ей въ ея несчастіи доставилъ. Отецъ же Аглаіевъ недалеко отъ ея комнатъ живетъ, и какъ сущій дворецкій управляетъ ея дѣлами и любитъ ее чрезвычайно. Дочь Louis XVI, la duchesse d'Angoulême, примѣрная, святая, безпорочная женщина, также на всякомъ шагу доказываетъ женѣ моей свою дружбу; однимъ словомъ сказать, дворецъ сего несчастнаго короля наполненъ примѣрными людьми, храбростью, честностью и привязанностью къ несчастному ихъ монарху; а женщины всѣ украшены добродѣтелями свойственными ихъ полу.

Теперь оставляю, милостивый государь дядюшка, разсудить вамъ, въ какомъ кругу я ее оставилъ. Армія наша такъ отдалена отъ Кіева и такъ близка къ Митавѣ, что и это служить резономъ можетъ. Случится, что наши дѣла пойдутъ хорошо, жена моя за мной поѣдетъ; случится, что я тяжело раненъ буду, отвезутъ меня въ Митаву, и я опять воскресну. Однимъ словомъ вамъ скажу, что сердце мое съ разсудкомъ несогласно: оно хочетъ, чтобъ моя жена жила тамъ, гдѣ любезнѣйшая и добрѣйшая мать живетъ, а разсудокъ мой мнѣ не позволяетъ сіе сдѣлать. Вспомните, дядюшка, что матушка не одна живетъ, и вспомните, что я вамъ въ коляскѣ говорилъ, когда вы меня изъ Смѣлы провожать прошлаго года изволили.

Теперь примите увѣреніе моей благодарности, милостивый государь дядюшка, я не говорю за 500 рублей; нѣтъ, за все, за драгоценнѣйшую вашу милость и дружбу, за совѣты, которыми вы меня не оставляете и которые доказываютъ мнѣ, сколь я васъ интересую. Будьте увѣрены, что я буду стараться вашу милость всячески заслужить, а больше любить васъ, какъ люблю, не могу. Поручаю вамъ, дядюшка, жену мою; не оставьте ея, попросите матушку, чтобъ она прежде 4 или 6 мѣсяцевъ денегъ мнѣ не посылала; я и жалованьемъ государевымъ проживу, а все то, что мнѣ назначено будетъ, чтобъ пересылала къ женѣ въ Митаву: ей нужны очень деньги, я ей почти ничего не оставилъ. Ежели же случится, что у ей (sic) накопится тысячи двѣ или три лишнихъ денегъ, то послѣ кампаніи онѣ нужны намъ будутъ, чтобы къ вамъ пріѣхать, ибо это мое первое желаніе. Прощайте, дядюшка, дай Богъ вамъ быть такъ здорову, какъ и есть.

Письмо это безъ подписи писано Александромъ Львовичемъ Давыдовымъ, сномъ Екатерины Николаевны, сестры графа Самойлова. Онъ былъ женатъ на Аглаѣ Граммонъ (de Grammont).

К а м е н ь а—мѣстечко въ 35 верстахъ отъ Смѣлы въ Чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, мѣстопробываніе матери Давыдова. Принадлежитъ теперь дѣтямъ Василя Львовича Давыдова.

С м ѣ л ь а—мѣстечко въ 25 верстахъ отъ города Черкаска, того же уѣзда Кіевской губерніи, мѣстопробываніе графа Самойлова. Принадлежитъ теперь внукамъ его графамъ Бобринскимъ.

Сынъ Александра Львовича Давыдова и Аглая Граммонъ занимаетъ въ настоящее время мѣсто предводителя дворянства Гродненской губерніи, д. с. с. Владиміръ Александровичъ

Давидовъ. Сестра сего послѣдняго, жена маркиза Габріакъ; другая сестра Адель (во-свѣтая Пушкинымъ) въ монастырѣ Sacré Cœur въ Парижѣ.

15.

ПИСЬМО КНЯЗЯ А. Н. ГОЛИЦЫНА.

Милостивый государь Александръ Николаевичъ!

Сего мѣсяца 6 числа будетъ въ моей домовой церкви, какъ и ежегодно бываетъ, панихида блаженныхъ памяти по покойной Государы-нѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексіевнѣ. И такъ какъ у меня будутъ оную слушать всѣ тѣ, кои принадлежали къ ея высочайшей особѣ, то я долгомъ счелъ увѣдомить ваше сіятельство, неуждно ли и вамъ пожаловать съ нами вмѣстѣ помолиться о ея душѣ.

Панихида начнется въ одиннадцать часовъ поутру.

Примите увѣреніе истиннаго высокопочитанія и преданности, съ коими честь имѣю быть вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

4 Нолбра 1813 года.

С.-Петербургъ.

Князь А. Н. Голицынъ жилъ на Фонтанкѣ въ домѣ, нынѣ занимаемомъ министромъ Императорскаго Двора, а въ то время, когда писано это письмо, приобретенномъ у Ѳ. Ѳ. Вадковскаго. П. Б.

16.

ПИСЬМО КНЯГИНИ И. Р. ДАШКОВОЙ.

За прекрасную табакерку, а паче за дружеское письмо вашего сіятельства душевно васъ благодарю. Извините, если я замедлила васъ увѣдомить, также что и деньги я свои чрезъ брата вашего получила. Онъ меня видѣлъ и можетъ вамъ сказать, въ какомъ послѣ опасной болѣзни я расслабленіи, и теперь еще ни читать, ни писать много не могу безъ нервной боли въ головѣ. Сдѣлайте одолженіе, доставьте включенное письмо племянницѣ моей Катеринѣ Николаевнѣ Кочетовой и будьте увѣрены, что я къ вамъ искренно привязана, пребывая съ истиннымъ почтеніемъ вашего сіятельства покорная служница княгиня Дашкова.

Сынъ мой вамъ почтеніе свое свидѣтельствуесть.

У графа Самойлова братьевъ не было, такъ что рѣчь идетъ вѣроятно объ одномъ изъ двоюродныхъ братьевъ.

17.

ПИСЬМО ГРАФА САМОЙЛОВА КЪ ЕКАТЕРИНѢ II-Й.

Всемилоствѣйшая Государыня

Премилосердая мать!

При разобраніи вещей покойнаго дяди моего, Михайла Сергѣичъ Потемкинъ присутствуя, объявилъ словесно высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе, чтобы всѣ письма собствен-ной руки вашей, какія найтятся могутъ, отданы были ему для под-несенія ихъ Вашему Императорскому Величеству.

Принявъ повелѣніе сіе съ достоуважаемымъ благоговѣніемъ, собралъ я всѣ сколько могъ найтись и, не касаясь до нихъ чтеніемъ, положи-лъ ихъ въ записную книжку, которую въ присутствіи Михаила

Сергѣича запечаталъ я своею и брата моего Энгельгарда печатью, а потомъ и отдалъ ему, о чемъ долгомъ моимъ поставленъ Вашему Императорскому Величеству донести.

Въ тоже самое время между разными бумагами найдено мною въ одномъ изъ сундуковъ, гдѣ находились вещи, приложенное письмо въ семъ же пакетѣ безъ надписи запечатанное, и которое, какъ извѣстно, писано было послѣ Бендерской кампаніи. Не входя въ смыслъ письма сего и не судя объ обстоятельствахъ какъ тогдашнихъ, въ которыя оно писано было, такъ и о тѣхъ, которыя имъ послѣдовали, но увидя только, что относилось оно къ Вашему Императорскому Величеству, поставляю себѣ священнымъ долгомъ никогда и ничего предъ вами не скрывать, и письмо сіе осмѣлился представить вамъ, всемилостивѣйшая Государыня.

Вы, премилосердая всѣмъ мать, а паче покойному дядѣ моему, должны быть свѣдомы отъ него самого о всѣхъ намѣреніяхъ, какія могъ онъ при жизни своей имѣть; по неограниченной преданности своей къ Вашему Императорскому Величеству, не имѣлъ онъ ничего отъ васъ сокровеннымъ, а потому какъ о семъ письмѣ ежели было по оному какое ни есть намѣреніе у него, такъ и о распорядженіяхъ его къ особѣ, въ письмѣ упоминаемой, не оставилъ онъ въ послѣднюю бытность свою въ Петербургѣ открытъ Вашему Императорскому Величеству, какъ матери толико ему милосердой.

Я же, повергнувъ себя къ осященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, вновь осмѣливаюсь испрашивать милостивѣйшаго покровительства и призорія, всемилостивѣйшая государыня, вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій и преданнѣйшій Александръ Самойловъ.

1 Декабря 1791 г.

Собственноручно.

Ясен.

18.

МАСОНСКАЯ КЛЯТВА ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ РЕПНИНА.

Je Nicolas Repnin atteste devant l'Être Suprême de ne jamais nommer le nom de l'Ordre, qui me sera dit par le très-respectable frère Schröder, et de ne jamais dire, que c'est lui, qui a pris de moi une supplique aux Supérieurs de cet Ordre pour m'y recevoir, avant que j'y sois reçu et avant que je recoive une permission expresse de me découvrir aux frères de cet Ordre.

Nicolas P-ce Repnin, général en chef au service de Russie.

Переводъ. Я Николай Репнинъ клянусь Всевышнимъ Существомъ, что никогда не назову имени Ордена, которое мнѣ будетъ сказано почтеннѣйшимъ братомъ Шредеромъ и никому не выдамъ, что онъ принялъ отъ меня прошеніе къ предстоятелямъ сего Ордена о вступленіи моемъ въ оный, прежде чѣмъ я вступаю и получу особое позволеніе открыться братьямъ Ордена. Князь Николай Репнинъ, полный генералъ Россійской службы.

Подчеркнутыя слова написаны одною рукою, а остальныя—другимъ почеркомъ.

Подлинники этихъ бумагъ принадлежать родному внуку графа Самойлова графу Александру Алексѣевичу Бобринскому, любезно сообщившему ихъ въ Русскій Архивъ.

Воспоминаніе о князѣ А. Н. Волконскомъ.

2-го Апрѣля нынѣшняго 1878 года скончался въ Римѣ князь Александръ Никитичъ Волконскій. Онъ бесспорно принадлежалъ къ числу лучшихъ и образованнѣйшихъ Русскихъ людей, и я полагаю, что нѣсколько словъ о немъ отъ лица, знавшаго его съ дѣтства, будутъ нелишними.

Отецъ его князь Никита Григорьевичъ, офицеръ Измайловскаго полка, служилъ адъютантомъ у дѣда своего по матери фельдмаршала кн. Николая Васильевича Репнина, въ Вильнѣ, вмѣстѣ съ поручикомъ Лубяновскимъ, который оставилъ послѣ себя известныя Записки *). Когда князя Репнина постигла опала при императорѣ Павлѣ, то оба его адъютанта отставлены за замѣченный въ нихъ «Репнинскій духъ», какъ сказано въ высочайшемъ приказѣ. Въ царствованіе Александра Павловича, князь Н. Г. Волконскій служилъ адъютантомъ при Михельсонѣ, который былъ главнокомандующимъ въ войну противъ Турокъ и по кончинѣ Михельсона назначенъ флигель-адъютантомъ къ Государю. Въ этомъ званіи онъ состоялъ до производства въ генералъ-маіоры и находился до кончины Императора при немъ, будучи близкимъ родственникомъ известнаго князя Петра Михайловича Волконскаго, супруга котораго была родная сестра Никиты Григорьевича.

Мать князя Александра Никитича, знаменитая кн. Зинаида Александровна, была дочь кн. Бѣлосельскаго, бывшаго посланника въ Дрезденѣ, потомъ въ Туринѣ, и по своей матери внучка Марьи Дмитріевны Татишевой, сестры известнаго Петра Дмитріевича Еропкина, усмирившаго бунтъ въ Москвѣ, во время чумы 1771 года. Княгиня Волконская была женщина умная и образованная; ее не даромъ называли *la Corinne du Nord* (Сѣверная Коринна). Вмѣстѣ съ мужемъ своимъ она сопровождала главную квартиру Государя во время славныхъ походовъ 1813—1814 годовъ. Съ нею ѣздилъ и единственный ея сынъ, тогда еще младенецъ (онъ родился въ Августѣ 1811 г.). Малютка находился при главной квартирѣ и въ сраженіи подъ Дейцигомъ, и во Франціи, и даже сопровождалъ Александра Павловича въ Англію. Княгиня сама занималась воспитаніемъ и ученіемъ сына до 15-ти лѣтняго его возраста. Она старалась развить въ немъ охоту ко всему изящному. Княгиня Зинаида жила въ Москвѣ съ 1824—1829 годъ, въ домѣ мачихи своей княгини Анны Григорьевны Бѣлосельской и принимала у себя отборное общество. У нея были вечера, на которые собирались Пушкинъ, князь Вяземскій, Давыдовъ, Веневитиновъ, А. Н. Муравьевъ, князь В. Ф. Одоевскій. Вечера проходили въ чтеніи и музыкѣ; здѣсь собирались лучшіе музыканты и пѣвцы Итальянской оперы. Княгиня сама отлично пѣла, знала хорошо музыку и всегда участвовала въ исполненіи музыкальныхъ піесъ. Вечера эти имѣли благотворное

*) Напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1872 года.

вліяніе на молодость князя Александра и впоследствии предохранили его от вредных увлеченій. Во время коронаціи императора Николая въ 1826 году, находясь съ эскадронами лейбъ-гвардіи гусарскаго полка въ Москвѣ, я часто посѣщаль эти вечера, но никогда не видалъ, чтобы тамъ играли въ карты. Многіе знакомые просили у княгини позволенія составить партію виста, но она пожелательно заявила, что никогда не дозволить, чтобы у нея въ домѣ играли въ карты. У князя Александра Никитича съ пятилѣтняго возраста былъ товарищемъ Владиміръ Дмитріевичъ Павей. Княгиня Зинаида, будучи въ Англии въ 1815 году, нашла Павей круглымъ сиротой, взяла и воспитала вмѣстѣ съ сыномъ. Впоследствии Павей былъ истиннымъ другомъ князю Волконскому и сдѣлалъ ему много добра. Во время служенія князя за границей, всѣ имѣнія его и матери до того были разстроены беспорядочнымъ управленіемъ, что не только съ нихъ не получались надлежащіе доходы, но даже не платились проценты въ Опекунскій Совѣтъ, и едва было не поступили въ продажу съ публичнаго торга. Объ этомъ я нѣсколько разъ писалъ княгинѣ въ Римъ, и наконецъ она рѣшилась послать въ Россію Павей съ полною довѣренностью. Павей пріѣхалъ въ Москву и тотчасъ же отправился по всѣмъ имѣніямъ. Разными оборотами по хозяйству, онъ въ два года успѣлъ уплатить всѣ долги и впоследствии привелъ въ порядокъ дѣла и доходы по имѣніямъ.

По достиженіи княземъ Александромъ 17-лѣтняго возраста, матерью его былъ приглашенъ для усовершенствованія его въ наукахъ, извѣстный впоследствии профессоръ Московскаго университета С. П. Шевыревъ, котораго княгиня упросила ѣхать съ нею и съ сыномъ въ Римъ, гдѣ князь и окончилъ свое воспитаніе. Еще прежде, 18 лѣтъ отъ роду, онъ опредѣленъ былъ по высочайшему повелѣнію на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ съ причисленіемъ къ Римской миссіи сверхъ штата. Въ 1833 году князь возвратился въ Россію вмѣстѣ съ наставникомъ своимъ Шевыревымъ, выдержалъ экзаменъ въ Московскомъ университетѣ и послѣ того былъ причисленъ къ департаменту внутреннихъ сношеній и назначенъ камеръ-юнкеромъ. Здѣсь уже начинается дѣйствительная служба князя Александра Никитича: въ 1834 году онъ былъ откомандированъ къ дипломатической канцеляріи главнокомандующаго дѣйствующею арміею фельдмаршала князя Паскевича въ Варшавѣ, гдѣ въ званіи чиновника особыхъ порученій VIII класса, состоялъ до 1853 года. Живучи въ Варшавѣ, князь успѣлъ снискать себѣ, какъ расположеніе князя Паскевича, такъ и любовь всѣхъ сослуживцевъ, исполняя свою обязанность примѣрно и добросовѣстно, что не всегда дѣлалось окружающими князя Паскевича. Въ 1849 году онъ участвовалъ въ Венгерской компаніи, находясь при главной квартирѣ дѣйствующей арміи. Въ 1856 году, уже въ званіи камергера, онъ былъ назначенъ совѣтникомъ посольства въ Вѣну. Бывшій въ то время посланникъ баронъ Будбергъ поручилъ ему занятія по дѣламъ Славянскихъ народовъ, вслѣдствіе чего князь былъ хорошо знакомъ съ этимъ вопросомъ. Прослуживъ около двухъ лѣтъ въ этой должности, князь былъ переведенъ въ Дрезденъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при королѣ Саксонскомъ.

Доброта сердечная, умъ и ласковое обхожденіе со всѣми, кто только имѣлъ до него дѣло, заставили всѣхъ, отъ короля до послѣдняго человѣка, любить и уважать его. Въ 1860 году онъ переведенъ посланникомъ при королѣ Неа-

политанскомъ, находился при немъ во все время революціи и былъ въ Гаагѣ, когда этотъ городъ подвергся блокадѣ и бомбардированію. По уничтоженіи Неаполитанскаго королевства въ 1862, князь назначенъ и отправленъ въ Мадридъ посланникомъ ко двору Испанской королевы, гдѣ и пробылъ болѣе пяти лѣтъ. Послѣ случившагося тамъ переворота и отъѣзда королевы изъ Испаніи, въ 1867 году, князь по высочайшему повелѣнію, находился въ Парижѣ, а въ 1870 году, не имѣя возможности, по разстроенному здоровью, продолжать дѣйствительную службу, былъ назначенъ состоять при Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ.

Покойный князь все время служилъ по дипломатической части и поэтому болѣе половины жизни провелъ за границей. Но онъ любилъ свое отечество, слѣдилъ за Русскою литературою, писалъ статьи во многихъ журналахъ, и былъ въ душѣ Русскій человекъ. Онъ былъ женатъ на баронессѣ Луизѣ Диліенъ, отъ которой у него была дочь, умершая въ Варшавѣ 6-ти лѣтъ отъ роду. По высочайшему разрѣшенію, онъ удочерилъ родственницу свою изъ рода Еропкина, дочь мою Надежду (ей было тогда нѣсколько мѣсяцевъ отъ рожденія). Князь любилъ ее какъ собственную дочь, и она была ему единственнымъ утѣшеніемъ въ жизни. Надя находилась при немъ безотлучно, во время болѣзни и до самой кончины не отходила отъ него. Онъ оставилъ ей по духовному завѣщанію все имѣнія рода Еропкиныхъ и все наличныя деньги.

Покойный князь Волконскій имѣлъ наследственную подагру, которая по временамъ появлялась то въ рукахъ, то въ ногахъ. Болѣзнь усиливалась отъ частыхъ путешествій по желѣзнымъ дорогамъ и отъ перемѣнной пищи, и впоследствии достигла до такой степени развитія, что князю трудно было ходить безъ посторонней помощи. Въ 1877 году, во время путешествія изъ Парижа въ Римъ, онъ заболѣлъ въ городѣ Пизѣ, гдѣ и пробылъ около шести недѣль и, уже по нѣкоторомъ облегченіи, его съ трудомъ могли довести до Рима, гдѣ онъ поселился въ собственной виллѣ вблизи города. Покойная жизнь, здоровый климатъ и хорошій докторъ значительно облегчили болѣзнь князя, такъ что весной онъ уже всталъ съ постели, а въ Іюль, хотя не совершенно здоровый, имѣлъ довольно силъ, чтобы, по обычаю возвратиться въ Россію. 20 Іюля князь отправился въ свою Веневскую деревню, село Урусово. Въ Сентябрѣ онъ возвратился въ Москву и жилъ тамъ до отъѣзда своего за границу въ Мартѣ 1878 года.

Князь Александръ Никитичъ былъ человекъ рѣдкихъ качествъ; никто изъ близкихъ знакомыхъ не видалъ его не только сердитымъ, но даже скучнымъ. Онъ никогда ни о комъ не говорилъ дурно. Если уже кто нибудь сильно ему не нравился, то о такомъ лицѣ говорилъ онъ только съ усмѣшкой. Онъ былъ очень образованъ и имѣлъ память необыкновенную. Съ нимъ весьма пріятно было бесѣдовать. Не было происшествія въ дальнемъ или въ настоящемъ времени, котораго бы онъ не зналъ и не рассказалъ подробно и ясно. Большая часть людей имѣютъ измѣнчивый характеръ, или настроеніе духа, смотря по обстоятельствамъ, отъ разныхъ неудачъ въ жизни; покойный же князь всегда былъ въ хорошемъ расположеніи и одинаковъ въ обращеніи, особенно съ людьми, ниже его поставленными въ обществѣ. Онъ умѣлъ ихъ такъ принимать и обласкать, что имъ всегда пріятно было проводить у него время. Онъ любилъ людей не по чинамъ, а по достоинству: поѣдетъ бывало съ визитомъ къ вы-

сокому сановнику, а отъ него къ мелкому лицу; у него это было безразлично. Многие думали, что князь былъ католикомъ. Я зналъ очень хорошо князя, пользовался его довѣрjemъ и дружбою и утвердительно могу сказать, что онъ никогда не измѣнялъ своему исповѣданiю. Когда онъ прїѣзжалъ въ свое Веневское имѣнiе, то каждый разъ въ Успенскiй постъ говѣлъ и причащался; а какъ я всегда проводилъ съ нимъ все лѣто въ имѣнiи, то и былъ свидѣтелемъ этого. Скажутъ, что у католиковъ это позволительно, чтобы скрыть въ Россiи истинную свою религiю; но въ Римѣ, гдѣ князь кончилъ жизнь, не затруднились бы похоронить его по обряду Римско-Католической церкви и даже настояли бы на томъ; а извѣстно, что для отпѣванiя и погребенiя покойнаго былъ вызванъ изъ Флоренцiи священникъ Сень-Донатской церкви, отецъ Владимиръ съ причтомъ, который и совершилъ надъ тѣломъ его обрядъ отпѣванiя. Я счелъ священнымъ долгомъ заявить объ этомъ, чтобы не было никакого нареканiя или осужденiя памяти покойнаго князя Александра Никитича, который въ продолженiе всей жизни своей никому не дѣлалъ зла и никого не осуждалъ.

В. Ильинъ.

Историко-литературная замѣтка.

Нельзя не пожалѣть, что труды по исторiи Русской литературы составляютъ теперь рѣдкое явленiе и что число лицъ, занимающихся этимъ предметомъ, кажется, теперь меньше, чѣмъ было, напримѣръ, въ 50-хъ годахъ; поэтому всякое новое имя, подписанное подъ историко-литературною статью, тѣмъ больше обращаетъ на себя вниманiе. Въ числу такихъ именъ принадлежить и имя П. В. Быкова, сотрудника «Древней и Новой Россiи», специально занимающагося биографiями Русскихъ женщинъ-писательницъ. Такихъ биографiй уже явилось четыре *); въ послѣдней («графиня Е. П. Ростопчина») авторъ даетъ намъ возможность познакомиться съ его личными взглядами и вкусами. Авторъ биографiй является послѣдователемъ книги Чернышевскаго «Эстетическiя отношенiя искусства къ дѣйствительности» и годъ ея выхода въ свѣтъ (1855) считаетъ эпою, отъ которой нужно вести литературное лѣтосчисленiе. Хотя подобный взглядъ изслѣдователя невыгоденъ для писателей, жившихъ въ до-Чернышевскую эпоху, и едва ли удобенъ для самого биографа; но во всякаго рода историческихъ изслѣдованiяхъ главное не въ личныхъ взглядахъ автора, а въ знакомствѣ его съ дѣломъ и въ добросовѣстномъ отношенiи къ источникамъ. Что же мы находимъ у г. Быкова? Естественно, что составитель биографiй Русскихъ женщинъ-писательницъ, смотрящiй на литературу съ точки зрѣнiя «Эстетическихъ отношенiй», долженъ относиться не совсѣмъ благосклонно къ Пушкину, а къ поэту, каковъ г. Фетъ, непременно отнесется даже враждебно; но подобныя отношенiя не снимаютъ съ него обязанности добросовѣстно ссылаться (если встрѣтится надобность) на этихъ писателей, а не передавать ихъ творенiя своими словами, т. е. не извращать смысла ихъ. Если г. Быковъ считалъ излишнимъ заглянуть въ Фета и полагалъ неважнымъ стихъ его: «Тремъ Соловья» измѣнить въ

*) «Древн. и Новая Россiя» 1877 г. №№ 7, 9 и 10 и 1878 г., № 7.

«Трескъ Соловья»; то Пушкинъ, уже по одному тому, что онъ писатель старыи, давно умершій, казалось бы, долженъ остановить на себѣ большее вниманіе нашего ученаго автора. Ни чуть не бывало! Г. Быковъ съ бойкою нецеремонностію приписываетъ Пушкину то, чего онъ никогда не говорилъ. Сказавъ о пробужденіи нашего общества въ концѣ 50-хъ годовъ, авторъ біографіи графини Ростопчиной, между прочимъ, выражается слѣдующимъ образомъ: большинство начало понимать всю нелѣпость тѣхъ стиховъ, гдѣ говорится, будто бы мы лишь

...рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ. .

(„Др. и Нов. Россія“, 1878, № 7, стр. 241).

Пощадите, г. Быковъ! Эта нелѣпость принадлежитъ всецѣло вамъ, а не Пушкину,—вамъ, повидимому, не знающему даже, гдѣ отыскать это двустишіе. Въ этихъ, ненавистныхъ вамъ, стихахъ Пушкинъ говоритъ вообще о поэтахъ, о поэтахъ лирическихъ, а не о себѣ, тѣмъ менѣе не о насъ съ вами, не о публикѣ, вообще о людяхъ, о человѣческомъ обществѣ. Подобной нелѣпости, что люди (или, по г. Быкову,—мы) «рождены для вдохновенья» не только Пушкинъ, но ни одинъ здравомыслящій писатель, сказать не могъ и не скажетъ.

Г. Мордовцевъ въ статьѣ о Некрасовѣ («Древ. и Нов. Россія», 1878 г., № 2, стр. 142) также останавливается на приведенномъ выше двустишіи Пушкина (привода его своими словами) и хотя не считаетъ его, какъ г. Быковъ, нелѣпостью, но тоже неодобрительно къ нему относится именно на томъ основаніи, что Некрасовъ, даже шутя, не говоритъ ничего подобнаго. Но то, что извинительно, до известной степени, г. Мордовцеву, какъ литератору другой специальности, непростительно г. Быкову, занимающемуся составленіемъ историко-литературныхъ статей. Послѣдній обязанъ знать, что приведенные стихи Пушкина вложены имъ въ уста поэта и что поэтъ высказываетъ ихъ Черни (т. е. подонкамъ общества, а не обществу, не народу), требующей отъ него проповѣди, наставленія, исцѣленія ея недуговъ.

Принявъ выходъ въ свѣтъ «Эстетическихъ отношеній» за эру новаго литературнаго лѣтосчисления, нѣкоторые писатели ведутъ основателей новой эстетической или реальной школы по прямой линіи отъ Бѣлинскаго, предполагая, что знаменитый критикъ, поживи онъ больше, былъ бы тѣмъ же, чѣмъ стали потомъ Добролюбовъ, Писаревъ и др. Грубое заблужденіе! Бѣлинскій прежде всего былъ превосходный критикъ и отличный знатокъ поэтическихъ произведеній и инымъ, позднѣйшимъ реалистомъ, быть не могъ, какъ бы ни измѣнялись его социальныя взгляды. Бѣлинскій не допустилъ бы глумленія и паясничества надъ Пушкинымъ и безпощадно преслѣдовалъ бы дикіе литературныя взгляды и выходки, невозбранно гуляющіе теперь по нивѣ Россійской словесности. Но теперь и самого Бѣлинскаго называютъ только «Великорусскимъ критикомъ». Это курьезное изрѣченіе мы встрѣтили въ статьѣ известнаго писателя, помѣщенной 3—4 года тому въ одномъ распространенномъ журналѣ. Остается величать Пушкина Псковскимъ поэтомъ, Лермонтова—Пензенскимъ, а Гоголя—Полтавскимъ. Эстетическій учитель оказывается нужнымъ для реалистовъ-литераторовъ, а иначе они забудутъ самыя азбучныя истины, какъ это доказываетъ наша современная критика, не только

литературная, но даже историческая. Богъ знаетъ, до чего можно договориться, и договариваются. Нѣтъ голоса, нѣтъ силы, которые держали бы подъ страхомъ (какъ держалъ Бѣлинскій) эстетическое невѣжество, натворившее столько литературныхъ бѣдъ, извратившее литературный вкусъ и пониманіе въ нашемъ обществѣ.

М. Де-Пуле.

22 Августа 1878.

Письмо архимандрита Антонія къ Московскому городскому головѣ князю В. А. Черкасскому.

Ваше сіятельство

Милостивый государы!

Весьма въ странное положеніе привела меня просьба господъ К—хъ, мнѣ вовсе неизвѣстныхъ, просящихъ моего письма къ вашему сіятельству.

Г-жа К., заботясь о доставленіи мѣста службы мужу своему, призвала ходатайство въ семь дѣлѣ не только живыхъ, но и отошедшихъ съ земнаго поприща и дважды видѣла чрезъ сонъ святителя Филарета, указывающаго ей просить меня написать къ вамъ, прося пристроить К—ва, какъ человѣка способнаго добросовѣстно исполнять волю начальства своего.

Не имѣю довѣрія къ сновидѣніямъ; но привычка нравственная въ теченіи 40 лѣтъ исполнять волю святителя Филарета, въ должности намѣстника Лавры, невольно увлекла мои мысли исполнить просьбу К—ыхъ отъ имени святителя Филарета.

Прошу ваше сіятельство простить мнѣ, что затрудняю васъ чтеніемъ моего письма.

Призываю вамъ благословеніе преподобнаго отца нашего Сергія.

Вашего сіятельства покорный слуга и богомолецъ, Лавры намѣстникъ

Архимандритъ Антоній.

Августа 18 дня
1872 года.

Поправки.

Во 2-й книгѣ Р. Архива сего года, въ статьѣ Я. Б. Грота: «Гриммъ и г-жа д'Эпинъ», слѣдуетъ поправить:

- Стр. 464. Не Mesdames, а Madame, при чемъ подразумевается vient или voicit.
- » 465. Сентъ-Бэвъ, а не Сентъ-Бэвъ (Sainte-Beuve).
- » 466. Міровозрѣній, а не міра возрѣній.
- » 470. д'Аламберъ, а не Дидро.

Нъ исторіи приобрѣтенія Амура.

Сношенія съ Китаемъ съ 1848 по 1860 годъ.

Въ Апрѣлѣ 1846 г. было поручено командиру брига «Великій Князь Константинъ», корпуса флотскихъ штурмановъ подпоручику Гаврилову 2-му (состоявшему на службѣ въ Россійско-Американской Компаніи) производство гидрографическихъ работъ въ Охотскомъ морѣ, при чемъ замѣчено, что экспедиція эта предназначается по высочайшему повелѣнію и что Государю Императору угодно, чтобы въ исполненіи ея была избѣгаема всякая гласность. Поэтому Гаврилову предписано было взять все на себя и устранить даже помощниковъ своихъ отъ извѣстности, въ какомъ мѣстѣ онъ будетъ плавать. Въ инструкціи Гаврилову сказано было, что отъ Тунгусовъ, скитающихся по берегамъ Охотскаго моря, правительство наше извѣстилось, что многіе изъ Русскихъ перебѣжчиковъ или бродягъ-бѣглецовъ, преслѣдуемыхъ закономъ, пробрались на устьѣ Амура и основали тамъ свои поселенія точно такъ, какъ подобныя же имъ люди основали когда-то Албазинъ. Поэтому Гаврилову велѣно было соблюдать строжайшее инкогнито, выдавая себя за не-Русскаго рыбака, со всѣми малѣйшими предосторожностями, имѣя на суднѣ даже табакъ Виргинскій, а не-Русскій. Ему было предписано войти такимъ образомъ въ лиманъ Амура и отыскать его устьѣ; а въ случаѣ встрѣчи Русскихъ поселенцевъ говорить имъ, что порусски научился на берегу Охотскаго моря отъ Русскихъ, гдѣ ловилъ рыбу.

Гавриловъ встрѣтилъ мели, и изслѣдованія его не только не привели ни къ какимъ результатамъ, но скорѣе, если можно такъ выразиться, закрыли Амуръ.

Начало и выполнение вопроса объ отысканіи и занятіи устьевъ Амура принадлежитъ вполне одному графу Муравьеву - Амурскому.

Императоръ Николай Павловичъ, назначая его генераль-губернаторомъ въ Восточную Сибирь, говорилъ съ нимъ о развитіи различныхъ отраслей мѣстнаго хозяйства и объ отношеніяхъ нашихъ къ Китаю, и изволилъ прибавить слѣдующія замѣчательныя слова: «Что же касается до Русской рѣки Амуръ, то объ этомъ рѣчь впереди».

Генераль Муравьевъ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Сибирь, не теряя времени началъ знакомиться съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находилось въ то время дѣло объ Амурѣ. Хаосъ свѣдѣній, мнѣній и предположеній объ этой рѣкѣ, въ концѣ 1847 г., только возбудилъ энергію и настойчивую силу воли Муравьева. Онъ вполне понялъ сказанный ему покойнымъ Императоромъ полунамекъ—à bon entendeur peu de paroles *).

*) Для смышленнаго слушателя не нужно много словъ.
III, 17.

Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, генералъ Муравьевъ познакомился съ капитанъ-лейтенантомъ Невельскимъ, находившимся въ то время при постройкѣ въ Гельсингфорсѣ транспорта «Байкаль» для періодическаго обыкновеннаго доставленія въ Камчатку различныхъ грузовъ и припасовъ отъ морскаго вѣдомства. Онъ сообщилъ г. Невельскому свое мнѣніе о необходимости болѣе правильнаго изслѣдованія устья Амура, гдѣ по словамъ, сказаннымъ ему Государемъ, будто бы только три фута глубины при входѣ *).

Послѣ отъѣзда генерала Муравьева, г. Невельской сталъ хлопотать какъ о назначеніи своемъ командиромъ судна, идущаго въ Камчатку (что не было еще рѣшено въ бытность Муравьева въ Петербургѣ), такъ и о скорѣйшемъ окончаніи строящагося транспорта и вооруженіи его, чтобы имѣть возможность придти весной 1849 г. въ Петропавловскъ, сдать тамъ грузъ и остающееся время навигаціи употребить на опись и изслѣдованіе юговосточныхъ береговъ Сибири и Амурскаго лимана. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ въ Иркутскъ къ генералу Муравьеву, въ Февралѣ 1848 г., письмо, въ которомъ прямо сознавался, что безъ его ходатайства въ Петербургѣ никто объ Амурѣ и думать не хочетъ, а безъ предписанія самъ собою онъ дѣйствовать не посмѣетъ.

По высочайшему повелѣнію назначенъ былъ Комитетъ, 29 Января 1849 г., въ которомъ обсуждался вопросъ объ Амурѣ. Въ 8-й день Февраля высочайше утверждено положеніе Комитета о морской экспедиціи для изслѣдованія устьевъ этой рѣки. На счетъ ея изслѣдованія и плаванія по ней съ этою цѣлью, рѣшено было воздержаться отъ подобнаго предпріятія, могущаго встревожить Китайцевъ. А какъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, по высочайшему повелѣнію, составлялось предположеніе установить сношенія съ Гиляками, обитающими на сѣверной сторонѣ устьевъ Амура и наблюдать въ тѣхъ мѣстахъ за дѣйствіями и происками иностранцевъ: то Комитетъ выразился, что желательно, чтобы лѣвый берегъ устья Амура и находящаяся противъ него часть Сахалина не были заняты никакою постороннею державою. Но, чтобы предупредить это, не давъ повода къ притязаніямъ или разрыву съ Китаемъ, графъ Нессельроде полагалъ отправить въ тѣ мѣста изъ Аянскаго порта моремъ небольшую экспедицію, подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ, поручивъ начальство надъ нею лицу, заслуживающему довѣрія и на благоразуміе и осторожность котораго можно бы вполне положиться, снабдивъ его разными вещами для торговли съ Гиляками и съ прочими обитателями тѣхъ мѣстъ и наставленіями, въ видахъ привлеченія къ намъ Гиляковъ, тѣснѣйшаго съ ними сближенія и упроченія тамъ нашего вліянія. Въ этомъ же Комитетѣ постановлено, чтобы, для наблюденія за могущими появиться въ Охотскомъ морѣ иностранными судами, учредить въ тѣхъ мѣстахъ временное крейсерованіе, которое могло бы содѣйствовать также и къ поддержанію торговыхъ и пріязненныхъ связей съ тамошними жителями.

Въ случаѣ какихъ либо со стороны Англичанъ или другаго народа покушеній на островъ Сахалинъ или прилегающую къ устью Амура мѣстность, предоставлено генералу Муравьеву, немедленно по полученіи о томъ извѣстія и не ожидая разрѣшенія отъ высшаго правительства, сообщить о замѣченномъ чрезъ Иркутскаго губернатора Ургинскимъ пограничнымъ правителямъ, дабы такимъ образомъ об-

*) Такъ донесло Государю Правленіе Россійско-Американской Компаніи.

ратить вниманіе Китайцевъ на подобныя покушенія иностранцевъ и отклонить всякія на нашъ счетъ подозрѣнія.

Приведеніе въ исполненіе этихъ предварительныхъ мѣръ полагалъ Комитетъ предоставить морскому вѣдомству или, лучше того, возложить на Россійско-Американскую Компанію, принявъ на счетъ казны потребныя на то расходы, а между тѣмъ отстраняя явное участіе правительства въ этомъ дѣлѣ.

Чтобы все это привести въ исполненіе «безъ шума и съ должною осторожностью», графъ Нессельроде находилъ удобнѣйшимъ—отправленному въ 1848 г. къ берегамъ Охотскаго моря, съ военнымъ судномъ, капитанъ-лейтенанту Невельскому поручить сдѣлать осмотръ береговъ отъ Шантарскихъ острововъ до устья Амура; а также осмотръ сѣверныхъ береговъ Сахалина и отысканіе, на означенномъ пространствѣ и по возможности въ недалекомъ разстояніи отъ устья Амура, удобнаго и выгоднаго пункта для занятія, если бы въ послѣдствіи найдено было своевременнымъ приступить и къ сему предпріятію. Если морское начальство признаетъ возможнымъ возложить на капитанъ-лейтенанта Невельскаго подобное порученіе, то предписать ему, при произведеніи осмотра, не возбуждать подозрѣній и вниманія Китайцевъ; свѣдѣнія же, какія онъ соберетъ, укажутъ дальнѣйшій планъ дѣйствія. Въ видахъ установленія сношеній съ Гиляками рѣшено было предоставить Американской К^о, чтобы она сдѣлала опытъ подобныхъ съ ними сношеній сухимъ путемъ изъ Аяна, собравъ подробныя свѣдѣнія о Гилякахъ и объ отношеніяхъ ихъ къ Китаю и чтобы на основаніи этихъ свѣдѣній, которыя будутъ собраны предполагаемою сухопутною экспедиціею, можно было потомъ сообразить дальнѣйшія средства упроченія нашего вліянія надъ этимъ народомъ. Издержки, которыя должны быть весьма незначительны, графъ Нессельроде полагалъ принять на счетъ казны.

Въ Февралѣ 1849 года графъ Нессельроде обо всемъ этомъ сообщилъ Главному Правленію Россійско-Американской К^о, прося обратить особенное вниманіе на выборъ лицъ, которымъ будетъ поручено завязать сношенія съ Гиляками; привлечь послѣднихъ выгодами и приласкать тѣхъ, которые имѣютъ надъ ними вліяніе и такимъ образомъ облегчать пути къ дальнѣйшимъ и тѣснѣйшимъ сношеніямъ, избѣгая всякихъ столкновеній съ Китайцами и вообще храня порученіе это въ особенной тайнѣ.

Обо всемъ этомъ государственный канцлеръ увѣдомилъ въ то же время и генераль-губернатора Восточной Сибири Муравьева, прося оказывать компаніи зависящее содѣйствіе. Такъ какъ зимняя Камчатская почта изъ Охотска въ Петропавловскій портъ въ это время уже ушла, то генераль Муравьевъ, получивъ отъ Комитета инструкцію капитану Невельскому, отправилъ ее со своими секретными представленіями изъ Иркутска съ нарочнымъ курьеромъ, штабсъ-капитаномъ Карсаковымъ, который, бывъ задержанъ въ Охотскѣ льдами до Іюня, вышелъ въ началѣ этого мѣсяца на ботѣ «Кадьякъ» въ море и направился прямо къ сѣвернымъ берегамъ Сахалина: онъ рассчитывалъ, что въ это время не можетъ уже застать транспорта «Байкаль» въ Петропавловскомъ портѣ. Разошедшись съ нимъ у сѣверныхъ береговъ острова Сахалина и выдержавъ здѣсь нѣсколько свѣжихъ вѣтровъ, ботѣ «Кадьякъ», крейсировалъ между этимъ и матерымъ берегомъ, два раза заходилъ въ Константиновскую гавань, но, не отыскавъ транспорта «Байкаль», отправился въ обратный путь и при-

шелъ въ Аянъ. Между тѣмъ въ Маѣ капитанъ Невельской былъ уже въ Петропавловскѣ, гдѣ нашелъ письмо отъ генерала Муравьева, въ которомъ онъ предлагаетъ ему идти къ описи устья Амура, увѣдомляя, что по всѣмъ вѣроятіямъ объ этомъ скоро послѣдуетъ высочайше утвержденная инструкція изъ Петербурга.

Капитанъ Невельской рѣшился дѣйствовать, не ожидая этой инструкціи. Чтобы не терять времени, онъ сдаль въ Петропавловскѣ грузъ и 31-го Мая 1849 года направился со своимъ транспортомъ «Байкаль» къ восточному берегу острова Сахалина, съ цѣлью оттуда начать свои изслѣдованія; обогнулъ сѣверную оконечность острова и за тѣмъ направился съ Сѣвера въ проливъ между матерымъ берегомъ и островомъ; заходилъ въ заливъ Обмана, назвалъ его именемъ своего транспорта и, продолжая путь далѣе къ Ю. З., 24 Іюня встрѣтилъ у мыса Головачева отмели, сталъ на якорь, спустилъ шлюпку и послалъ на нихъ мичмана Грота и подпоручика Попова отыскивать фарватеръ. Но поиски были неудачны. Отъ мыса Головачева онъ покоротилъ на С. З. вдоль песчаной отмели къ матерому берегу. Здѣсь при прочистившемся туманѣ увидали гористый берегъ Маньчжуріи; не доходя до него около 4-хъ миль, обогнули банку *) и, слѣдуя въ дальнемъ разстояніи отъ этого берега къ Югу, между имъ и банкою, 28 Іюня вошли въ лиманъ Амура. Здѣсь капитанъ Невельской сталъ на якорь и на шлюпкахъ началъ промѣръ и изслѣдованіе сѣверной части лимана. Мичманъ Гротъ пошелъ вдоль Сахалинскаго берега, а лейтенантъ Казакевичъ вдоль матерого. Послѣдній открылъ устье Амура, вошелъ въ рѣку и, слѣдуя лѣвымъ ея берегомъ, присталъ къ Гилицкой деревнѣ Чадбахъ. Потомъ самъ капитанъ Невельской заходилъ въ устьё Амура и, слѣдуя изъ него далѣе по лиману на Югъ, черезъ нѣсколько дней подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ матерой берегъ сближается съ противуположнымъ западнымъ берегомъ о. Сахалина и здѣсь, у мысовъ, названныхъ имъ Лазаревымъ и Муравьевымъ, вмѣсто воображаемаго Лаперузомъ, Броутономъ, Крузенштерномъ и Гавриловымъ перешейка, оказался проливъ, въ которомъ глубина была 5 сажень. Пройдя южиѣе паралели, до которой въ прошломъ столѣтіи доходилъ капитанъ Броутоновъ, отъ мыса матерого берега (м. Невельскаго), капитанъ Невельской поворотилъ обратно на Сѣверъ. Пройдя тѣмъ же открытымъ имъ проливомъ, а послѣ того слѣдуя вдоль Сахалинскаго берега по глубокому каналу, возвратился послѣ 30 дней отсутствія на транспортъ «Байкаль» (который въ это время занимался изслѣдованіемъ лимана) и послѣ 45-ти дневныхъ тщетныхъ усилій войти съ транспортомъ въ Амуръ, направился обратно къ Сѣверу въ Охотское море. Въ это время Россійско-Американская К^о отправила прапорщика корпуса штурмановъ Орлова на двухъ байдаркахъ изъ Аяна къ Югу, вдоль берега моря. Ему, между прочимъ, поручено было отыскать транспортъ «Байкаль», который, между тѣмъ, выйдя изъ лимана и слѣдуя матерымъ берегомъ около Гилицкой деревни Искай, открылъ заливъ, закрытый съ моря песчаною низменною косою. Капитанъ Невельской назвалъ его заливомъ Счастія. Заштилѣвъ у мыса Мухтеля, онъ былъ найденъ г. Орловымъ, который, слѣдуя вдоль берега, доходилъ до деревни Коль, лежащей въ 20 миляхъ къ С. З. отъ залива Счастія, и вступилъ въ сношенія съ туземцами.

*) Банкою называется подводная отмель, мѣшающая плаванію.

1-го Сентября ¹⁾ транспортъ «Байкаль» зайдѣвъ Аянъ и въ глубинѣ залива трехмачтовое судно (транспортъ «Иртышъ») съ адмиральскимъ флагомъ на стеньгѣ. При входѣ въ заливъ, 2-го Сентября, транспортъ генералъ встрѣченъ катеромъ, на которомъ прибылъ на транспортъ генералъ Муравьевъ ²⁾ со своимъ штабомъ, нетерпѣливо желавшій узнать результатъ порученія. Передавъ капитану Невельскому свои соображенія и наставленія, генералъ Муравьевъ отправился въ Иркутскъ, куда приказалъ прибыть и капитану Невельскому.

Эти изслѣдованія и открытія капитана Невельскаго обратили на себя вниманіе высшаго правительства въ С.-Петербургѣ, куда онъ былъ командированъ генералъ-губернаторомъ. По представленію сего послѣдняго, была утверждена особая Амурская Экспедиція, и съ возвратившимся изъ Петербурга капитаномъ Невельскимъ ³⁾ дано генералу Муравьеву разрѣшеніе основать зимовье въ заливѣ Счастія для установленія сношеній и торговли съ Гиляками и для развѣдыванія края, не касаясь ни подъ какимъ предлогомъ устья Амура.

Капитанъ Невельской отправился въ Апрѣлѣ 1850 года въ Аянъ, а отсюда на транспортѣ «Байкаль» 21-го Іюня прибылъ въ гавань Счастія. Тамошніе жители приняли его съ радушіемъ и ласкою. По тщательномъ изслѣдованіи мѣстности, онъ нашелъ наиболѣе удобнымъ для устройства зимовья пунктъ противъ острова Лутковскаго.

При этомъ принято было въ соображеніе, чтобы подходъ судна къ селенію былъ простъ и безопасенъ; чтобы изъ селенія во всякое время можно было подать помощь входящему съ моря судну; чтобы у селенія можно было грузиться и наливать воду и въ случаѣ нужды зимовать судну и, наконецъ, чтобы изъ селенія можно было достигнуть сухопутьемъ береговъ р. Амура. Избранное мѣсто удовлетворяло всѣмъ этимъ потребностямъ, земля была доброкачественная.

Жители селенія Гинель-во, находившагося въ 200 сажняхъ отъ нашего зимовья, предложили добровольно для устройства поста свои услуги; лѣсъ къ первоначальной закладкѣ тотчасъ былъ приготовленъ, и 29-го Іюня, помолясь Богу, Русскіе заложили первое въ преддверіи р. Амура заселеніе, которое, во имя св. апостола, и въ священную память Петра Великаго, названо «Петровское Зимовье» Россійско-Американской Компаніи.

Между тѣмъ въ Петербургѣ все было вооружено противъ г. Муравьева. Министръ финансовъ Вронченко писалъ министру иностранныхъ дѣлъ, что изъ Москвы графъ Закревскій передалъ ему, что Маймачинскіе Китайцы сообщили нѣкоторымъ проживающимъ на Кяхтѣ торговцамъ нашимъ, будто бы усилія Муравьева къ открытію плаванія по Амуру возбудили ропотъ и неудовольствіе Китайскаго правительства. Объ этомъ подана была Государю всеподданнѣйшая докладная записка, на которую, къ счастью, Его Величество не обратилъ особеннаго вниманія. Генералъ-губернаторъ Западной

¹⁾ Замѣчательно, что въ перепискѣ съ г. Невельскимъ, генералъ-губернаторъ назначилъ ему свиданіе именно 1-го Сентября.

²⁾ Генералъ Муравьевъ выѣхалъ изъ Иркутска 15 Мая 1849 года съ супругою, проѣхалъ отъ Якутска до Охотска 1100 верстъ верхомъ, отсюда отправился на транспортѣ «Иртышъ» въ Петропавловскъ и обратно въ Аянъ.

³⁾ Назначеннымъ для особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ.

Сибири князь Горчаковъ тоже выразилъ свои опасенія за будущность вѣреннаго ему края. Онъ конфиденціально сообщилъ князю Чернышеву, что Амуръ для Россіи лишнее, что неизмѣримыя дебри отъ Якутска до Камчатки и къ Охотскому побережью являютъ собою границу, не требующую охраненія и, что всего важнѣе, отстраняють жителей Сибири отъ непосредственнаго прикосновенія къ иностранцамъ, которое легко могло бы обратиться въ дѣло пагубной пропаганды и въ путь существеннаго вспомошествованія безпорядку. Положеніе это князь Горчаковъ считалъ тѣмъ опаснѣе, что жители Сибири отнюдь не питають къ Россіи той привязанности, которою льститъ себя генералъ Муравьевъ. Одно уже то, что въ Сибири Петрашевскій, убѣждало князя Горчакова въ сомнительномъ состояніи Зауралья. Но что будетъ, спрашивалъ онъ, если народонаселеніе сблизится съ Англичанами и Американцами, которые примуть на себя легкій трудъ внушить народу, что ему за свое золото удобнѣе получать отъ нихъ то, что понынѣ доставлялось изъ Россіи, и что въ случаѣ нужды они поддержать эту сдѣлку оружіемъ? Князь сослался на современную и даже древнюю исторію, свидѣтельствующую, что «духъ крамолы принимаетъ всякія формы и сверхъ ожиданія заводитъ людей далеко». Онъ кончаетъ письмо желаніемъ, чтобы все, сказанное имъ, сохранилось въ тайнѣ, предоставляя впрочемъ сдѣлать изъ письма то употребленіе, которое потребуеть служба.

Князь Чернышевъ не преминулъ воспользоваться этимъ нелѣпымъ пугаломъ и доложилъ письмо Государю, прося учредить комитетъ для обсужденія вопроса о возможности отложенія Сибири отъ Россіи. Государь Императоръ, прочитавъ письмо, изволилъ сдѣлать слѣдующую резолюцію: «Будемъ имѣть въ виду, по пріѣздѣ генералъ-лейтенанта Муравьева. 22-го Октября 1850 года».

Въ этомъ же 1850 году, капитанъ Невельскойъ плавалъ верстъ на сто вверхъ по Амуру и въ 25 верстахъ отъ устья заложилъ 6-го Августа Николаевскій Постъ. Пріѣхавъ въ Иркутскъ, онъ не засталъ тамъ генералъ-губернатора, при которомъ онъ назначенъ былъ состоять, и отправился въ Петербургъ, гдѣ и сдѣлалъ донесеніе генералу Муравьеву, который, вмѣстѣ съ запискою маіора Карсакова, лично доложилъ о томъ Государю 20-го Ноября, въ день двадцатипятилѣтія его царствованія, присовокупивъ, что Невельскойъ поставилъ на Амурѣ флагъ и пушку.

Вслѣдствіе этого донесенія и доклада назначенъ былъ «Гиляцкій Комитетъ», въ которомъ участвовали: графъ Нессельроде, князь Чернышевъ, министръ финансовъ Вронченко, князь Меншиковъ, графъ Перовскій, графъ Вергъ, тайный совѣтникъ Сенявинъ и генералъ Муравьевъ.

Въ комитетѣ этомъ господствующею мыслью графа Нессельроде было не допускать занятія устья Амура; гавань Счастія совершенно его удовлетворяла, соотвѣтствуя его видамъ, такъ какъ устье Амура оставалось свободнымъ. Графъ Нессельроде находилъ, что возводити постройки въ Гиляцкой землѣ опасно и рановременно. Касательно же пункта, занятаго на Амурѣ, онъ полагалъ, что торжественное занятіе это не можетъ не встревожить Китайцевъ, и благоразуміе требуетъ оставить этотъ пунктъ, не ожидая никакихъ по этому предмету вопросовъ и жалобъ отъ Китайскаго правительства, «чѣмъ избѣгнемъ крайней опасности» (!). Кто можетъ поручиться, заявляя по-

сѣдѣльнѣй дипломатъ, что Китайцы не придутъ туда въ значительной силѣ, не вытѣснятъ горсть нашихъ людей, не раззорятъ въ глазахъ Гиляковъ наши постройки и не попрутъ самага флага? Все это, по словамъ его, произведетъ вреднѣйшее для насъ влияніе на Гиляковъ, нежели добровольное оставленіе нами поста. И такъ, для сохраненія чести и достоинства нашего правительства гораздо лучше, говорилъ онъ, теперь же удалиться оттуда, нежели продолжать занимать этотъ пунктъ на Амурѣ въ ожиданіи, что напишетъ Китайское правительство.

Генераль-губернаторъ доказывалъ необходимость этого занятія, чтобы предупредить иностранцевъ, которые могли занять это пустынное мѣсто. Въ особенности были противъ занятія устья Амура, послѣ графа Нессельроде, г. Сенявинъ и князь Чернышевъ. Послѣдній имѣлъ даже неосторожность обратиться къ генералу Муравьеву съ упрекомъ, сказавъ ему: «вы хотите воздвигнуть себѣ памятникъ!»

Засѣданіе кончилось безъ всякаго опредѣленнаго заключенія; но графъ Перовскій, уходя вмѣстѣ съ генераломъ Муравьевымъ, сказалъ ему, что постановленіе вѣроятно будетъ неблагоприятно для занятія Амура. Такъ и случилось. Черезъ нѣсколько дней прислали генералу Муравьеву подписать журналъ, который прежде уже былъ подписанъ всѣми членами, исключая г. Сенявина. Въ журналѣ этомъ доказывалось неудобство занятія устья Амура, выражены опасенія о разрывѣ съ Маньчжурами, и въ заключеніе сказано было, «что призванный въ засѣданіе генераль-губернаторъ согласился съ этимъ мнѣніемъ». Курьеръ, привезшій протоколъ для подписи къ генералу Муравьеву, объявилъ ему отъ имени графа Нессельроде, что его просятъ только подписать и требуютъ немедленно журналъ возвратитъ. Это было вечеромъ; у г. Муравьева были гости. Онъ не рѣшился исполнить этого настоятельнаго требованія графа Нессельроде и, предложивъ курьеру стаканъ чаю, поспѣшилъ написать особое свое мнѣніе, покуда тотъ пилъ чай, такъ что, не задерживая курьера, онъ однакожъ въ весьма краткихъ выраженіяхъ и съ соблюденіемъ всѣхъ приличій въ отношеніи сановитыхъ подписей, изъяснилъ рѣшительное свое несогласіе на содержаніе этого протокола. Князь Чернышевъ былъ страшно недоволенъ и выразилъ даже это неудовольствіе г. Муравьеву на другой день въ Комитетѣ Министровъ, но тѣмъ не менѣе журналъ съ мнѣніемъ г. Муравьева былъ доложенъ Государю Николаю Павловичу, и Его Величество велѣлъ собраться комитету вновь, подѣ председательствомъ Государя Наслѣдника, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, и изъ всѣхъ прежнихъ членовъ,

Государь Наслѣдникъ, прежде назначенія засѣданія, призвалъ генераль-губернатора Муравьева и взялъ отъ него пояснительную записку по всему этому дѣлу; а въ засѣданіи, которое состоялось 19 Января 1851 года, рѣшительнымъ Своимъ мнѣніемъ въ пользу занятія устья Амура, убѣдилъ нѣкоторую часть членовъ; но графъ Нессельроде, князь Чернышевъ, гг. Сенявинъ и Вронченко остались при прежнемъ своемъ мнѣніи. Тѣмъ не менѣе Государь Императоръ, прочитавъ это новое постановленіе, повелѣлъ военный постъ, постановленный капитаномъ Невельскимъ на устьѣ Амура, оставить тамъ и еще усилить содѣйствіемъ одного морскаго судна въ лѣтнее время. Постъ этотъ долженъ былъ быть въ видѣ торговаго склада Россійско-Американской К^о.; за тѣмъ постановлено продолжать дальнѣйшія дѣйствія черезъ эту же компанію, въ указанныхъ видахъ, на Гиляковъ.

Такъ рѣшено было, послѣ немалыхъ затрудненій и борьбы, занятіе нами устья Амура. Брандвахту на Амурѣ, какъ рѣкѣ намъ не принадлежащей, учредить нашла излишнимъ; съ Китайскимъ правительствомъ положено было снестись обычнымъ порядкомъ, съ приглашеніемъ войти съ нами въ объясненія касательно обезпеченія устьевъ Амура отъ всякихъ покушеній иностранныхъ державъ, представивъ въ тоже время Россійско-Американской К^о и нашему крейсеру, въ случаѣ появленія близъ устья Амура иностранныхъ судовъ и обнаруженія ими намѣренія занять какой либо пунктъ, дѣлать имъ объявленіе, что, безъ согласія Россійскаго и Китайскаго правительствъ, никакія распоряженія въ тѣхъ мѣстахъ не могутъ быть допускаемы и что послѣдствія такихъ самовольныхъ поступковъ могутъ пасть на ихъ отвѣтственность.

5-го Февраля была написана отъ Сената въ Китайскій трибуналъ внѣшнихъ сношеній слѣдующая бумага: «До свѣдѣнія нашего дошло, что съ нѣкотораго времени у устья Амура стали появляться иностранныя суда, и мы имѣемъ причины думать, что появленіе тамъ сихъ иностранныхъ судовъ, изъ коихъ нѣкоторыя были военныя, — не безъ цѣли. Вѣковыя, дружественныя наши съ Китаемъ сношенія побуждаютъ насъ довести до свѣдѣнія Китайскаго правительства о семъ важномъ обстоятельстве. Овландѣніе устьемъ Амура или занятіе въ тѣхъ мѣстахъ пункта какою либо морскою державою не можетъ быть нами терпимо, такъ какъ Амуръ вытекаетъ изъ нашихъ предѣловъ и притомъ самыя земли, отъ р. Уди къ Востоку лежащія и слѣдовательно примыкающія къ устью Амура, по трактату нашему съ Китайскою имперіею, оставлены неразграниченными. Поэтому существенныя выгоды какъ Китая, такъ и Россіи требуютъ, чтобы никакія иностранныя суда не могли имѣть входъ въ Амуръ и плавать по этой рѣкѣ, и чтобы устье оной не принадлежало никакой сторонней державѣ. Все это дружески сообщается Китайскому правительству на дальнѣйшее его размышленіе, и не признаетъ ли оно полезнымъ войти съ нами въ соглашеніе на счетъ обезопасенія устья помянутой рѣки и противолежащаго острова отъ всякихъ покушеній на сіи мѣста иностранцевъ, чего, повидимому, требовала бы взаимная безопасность нашихъ и вашихъ въ тѣхъ мѣстахъ предѣловъ».

Между тѣмъ изъ донесеній капитана Невельскаго, посланныхъ въ Ноябрь 1851 года изъ Петровскаго Зимовья, генералъ Муравьевъ усмотрѣлъ, что, при постепенномъ распространеніи нашего вліянія и заселенія въ землѣ Гиляковъ, открываются и новыя потребности въ командахъ и каботажныхъ средствахъ; а съ другой стороны изъ отзывовъ Россійско-Американской К^о онъ заключилъ, что экспедиція эта, особенно послѣ крушенія около зимовья барка «Шелеховъ», уже отяготительна для нея. Имѣя притомъ въ виду, что по важности этого государственнаго дѣла должно воспользоваться успѣшными послѣдствіями двухлѣтнихъ тамъ нашихъ дѣйствій и болѣе всего заботиться, чтобъ при занятіи этихъ мѣстъ соблюдался строгій порядокъ, безъ котораго самое лучшее начало можетъ быть испорчено, г. Муравьевъ полагалъ необходимымъ дать этой экспедиціи слѣдующее правильное образованіе: 1) въ землѣ Гиляковъ имѣть одну изъ четырехъ ротъ 46-го флотскаго экипажа съ приличнымъ числомъ штабъ и оберъ-офицеровъ и мастеровыхъ, священника, доктора и отдѣленіе Камчатскаго госпиталя; 2) имѣть тамъ же полсот-

ни казаковъ съ офицеромъ; 3) всѣмъ этимъ командамъ предоставить преимущества и содержаніе по особо имъ составленному проекту штата и подчинить непосредственно особому начальнику экспедиціи, изъ состоящихъ при генераль-губернаторѣ морскихъ штабъ-офицеровъ; 4) Россійско-Американскую К^о. освободить отъ всѣхъ обязанностей, которыя на нее возложены въ отношеніи къ описанію и заселенію тамошнихъ мѣстъ и, принявъ въ вѣдѣніе казны всѣ находящіяся тамъ заведенія и строительные матеріалы, предоставить компаніи продолжать торгъ съ мѣстными жителями на общихъ правахъ, помѣщая товары ея въ казенныхъ уже зданіяхъ, тамъ возведенныхъ и возводимыхъ; 5) вознаградить компанію за понесенные ею убытки нынѣ же, какъ это имѣлось въ виду въ 1855 году, еслибъ она отказалась тогда отъ сего предпріятія. Учрежденіе это не представляло никакихъ особыхъ значительныхъ для правительства издержекъ, исключая справедливаго единовременнаго вознагражденія компаніи за понесенные ею убытки, вмѣсто 1855 г., въ 1852 году. Содержаніе 4-й роты 46 флотскаго экипажа могло быть отнесено на счетъ этого экипажа, а содержаніе полсотни казаковъ на счетъ Забайкальскаго казачьяго войска. Безъ правильной отчетности экспедиціи и безъ надлежащаго утвержденія высшаго начальства объ употребленіи тамъ морскихъ и воинскихъ чиновъ и обезпеченіи ихъ всѣми потребностями, г. Муравьевъ нашелъ для себя затруднительнымъ удовлетворять справедливымъ и необходимымъ требованіямъ капитана Невельскаго; а между тѣмъ права Россійско-Американской К^о. на всѣ занятія тамъ мѣста и возводимыя зданія могли бы впоследствии сдѣлаться отягчительны для правительства.

Вышеизложенное образованіе, облекая экспедицію въ правильные размѣры и давая ей стройное утвержденіе, не представляло въ то же время и никакихъ неудобствъ и измѣненій въ отношеніи политическомъ: ибо двухлѣтнее пребываніе командъ нашихъ въ тѣхъ мѣстахъ извѣстно было уже какъ Китайцамъ, такъ и другимъ иностранцамъ; ни тѣ, ни другіе не подозрѣвали даже, что команды эти числились компанейскими, а не правительственными. Между тѣмъ дружественныя наши сношенія съ Китаемъ на тамошнихъ границахъ укрѣплялись болѣе и болѣе, что ясно обозначалось всѣми переговорами съ ними въ 1851 г. и даже при посылкѣ курьеровъ нашихъ въ Ургу въ началѣ Января 1852 года. Впрочемъ Китайское правительство было предупреждено еще листомъ отъ 5 Февраля 1851 г. о причинахъ, которыя насъ побуждали обращать особое вниманіе на тѣ мѣста, и хотя г. Муравьеву не было извѣстно, былъ ли отвѣтъ на этотъ листъ изъ Китайскаго трибунала внѣшнихъ сношеній, но и самое молчаніе въ этомъ случаѣ, при продолженіи дружескихъ на границѣ отношеній, убѣждало его, что дѣйствія наши при устьяхъ Амура Китайскимъ правительствомъ не оспариваются. Муравьевъ понималъ, что дѣло Амурское, начатое по высочайшей волѣ и продолжавшееся успѣшно, достигло уже той степени, въ которой неудобно было оставлять его безъ надлежащихъ средствъ и непосредственнаго руководства правительственнаго, какъ для дальнѣйшаго успѣшнаго развитія его, такъ и во избѣжаніе столкновеній, которыя бы могли произойти отъ преждевременнаго стремленія къ полученію матеріальныхъ отъ него выгодъ.

Поспѣшая удовлетворить требованія капитана 1-го ранга Невельскаго, г. Муравьевъ въ то же время распорядился объ отправкѣ къ

нему медикаментовъ и прочаго на 12-ть больничныхъ кроватей и съ открытіемъ навигаціи 1851 года распорядился командировать къ нему изъ Охотска нижнихъ чиновъ морскаго вѣдомства и казаковъ въ дополненіе къ находившимся уже въ Петровскомъ Зимовѣ, сколько могло оказаться изъ Охотска возможнымъ, и на всѣхъ продовольствіе до навигаціи 1853 года.

Обо всемъ этомъ г. Муравьевъ представилъ въ Петербургъ. Ему отвѣчали, что, «при постоянномъ желаніи Государя, чтобъ въ распространеніи нашихъ сношеній съ чуждыми намъ доселѣ племенами восточнаго Азіатскаго края соблюдалась крайняя осторожность и неспѣшность, предлагаемыя нынѣ генераль-губернаторомъ по этому предмету мѣры и распоряженія признаются при настоящихъ обстоятельствахъ ранвременными и потому въ исполненіи своемъ должны быть отложены». Вопросъ же о вознагражденіи Россійско-Американской К^о. вмѣсто 1855 г. въ 1852-мъ велѣно было передать на рѣшеніе Комитета о Гілякахъ.

Все, на что рѣшились въ Петербургѣ, это послать на устье Амура священника.

Энергическая дѣятельность капитанъ-лейтенанта Невельскаго подробно выяснена въ напечатанныхъ его посмертныхъ запискахъ. Патріотъ въ душѣ, ободряемый настойчивостью генерала Муравьева, онъ съ твердостью шелъ впередъ и, не взирая ни на какія противудѣйствія, основалъ нѣсколько военныхъ постовъ въ устьѣ Амура, въ гаваняхъ Татарскаго берега и на островѣ Сахалинѣ.

Теперь мы обратимся снова къ постановленію Комитета 8 Февраля 1849 года, которымъ, вмѣстѣ съ экспедиціею капитанъ-лейтенанта Невельскаго, разрѣшена была сухопутная экспедиція къ устьямъ Амура.

Въ концѣ 1848 года, безъ всякихъ предварительныхъ сношеній съ генераломъ Муравьевымъ, составлена была секретная экспедиція подъ начальствомъ подполковника генеральнаго штаба Агте, подъ видомъ изслѣдованія Забайкальскаго края. Въ бумагахъ, по этому случаю, отъ генераль-адъютанта князя Долгорукова къ генераль-квартирмейстеру Бергу сказано было, что Государь Императоръ, имѣя въ виду не довольно точное опредѣленіе нашей границы съ Китайскими владѣніями, полагалъ бы необходимымъ, для подробнаго означенія ея, составить комиссію изъ офицеровъ корпуса горныхъ инженеровъ и путей сообщенія подъ руководствомъ одного штабъ-офицера генеральнаго штаба, присоединивъ къ комиссіи одного или двухъ офицеровъ корпуса топографовъ и нѣсколькихъ топографовъ. Экспедиція этой поручалась изслѣдовать пограничный край и въ минералогическомъ отношеніи для открытія тамъ драгоцѣнныхъ металловъ и другихъ ископаемыхъ.

Въ Январѣ 1849 года департаментъ генеральнаго штаба представилъ всѣ соображенія объ экспедиціи и между прочимъ свѣдѣнія о границѣ нашей съ Китаемъ, изъ которыхъ убѣдились, что о мѣстности отъ р. Горбицы, впадающей въ Шилку, до Охотскаго моря нѣтъ никакихъ положительныхъ топографическихъ свѣдѣній и все показанное по картамъ на этомъ пространствѣ не заслуживаетъ никакого довѣрія. На счетъ этой неизвѣстной границы, названной въ трактатахъ нашихъ съ Китаемъ предварительною, сообщены были академикомъ Миддендорфомъ, посланнымъ Академіею Наукъ въ Сибирь въ 1844 и 1845 годахъ, кое-какія смутныя свѣдѣнія. Возвраща-

щаяся изъ Удскаго края, онъ видѣлъ четыре столба, поставленные Китайцами и принялъ ихъ за пограничныя на основаніи послѣдняго пункта трактата 1689 года. Какъ должно полагать, г. Миддендорфъ говорить о столбахъ, разграничивающихъ Хейлуцзинскую провинцію отъ Циринской, поставленныхъ отъ рѣки Науна по лѣвую сторону Сунгари до соединенія ея съ Амуромъ, а отсюда по хребту Янь-Шань и Доусэ къ Становому хребту, что явственно показано на картѣ іезуита Дю-Гальда, приложенной къ описанію Китая. Становой хребетъ составляетъ естественную границу съ Китаемъ, и Китайцамъ не для чего было ставить пограничныя столбы гораздо южнѣе отъ хребта и признавать этимъ мѣста, лежащія отъ него къ Югу, принадлежащими Россіи. Да и въ послѣднемъ пунктѣ Нерчинскаго трактата, на который ссылался академикъ Миддендорфъ, ничего вообще не говорится о границахъ и о постановленіи какихъ либо пограничныхъ знаковъ; самые знаки эти иначе не могли бы быть поставлены, какъ обоюдными комиссарами, а поэтому нельзя было допустить, чтобы открытые г. Миддендорфомъ столбы дѣйствительно въ глазахъ правительства означали границу съ Россіею.

Описывая за тѣмъ богатства Приамурскаго края по всѣмъ царствамъ природы, записка, составленная въ генеральномъ штабѣ, упоминаетъ о выгодахъ, какихъ должно ожидать отъ учрежденія свободнаго судоходства по Амуру, какъ единственному пути сообщенія Сибири съ Востокомъ, необходимаго намъ для упроченія владѣнія Охотскимъ краемъ, Камчаткою и Сѣверо-Американскими колоніями. Приведено было указаніе того же академика Миддендорфа на необходимость рекогносцировки теченія рѣки Амура и на опасное соперничество Англичанъ, которые могли предупредить насъ на устьѣ Амура основаніемъ твердаго пункта въ землѣ Гиляковъ и тѣмъ захватить въ свои руки всѣ выгоды отъ сообщенія по Амуру, что подтверждалось попытками Англичанина Остена, который, подъ предлогомъ геогностическихъ изслѣдованій и пользуясь гостепримствомъ Россіи, занимался изслѣдованіемъ р. Амура и ея притоковъ. Что же касается до Гиляковъ, то они считали себя отъ Китая независимыми и охотно, какъ надо думать, уступать за бездѣнокъ часть своей земли, для основанія, при самомъ устьѣ Амура, складочнаго торговаго мѣста.

Докладъ, съ представленными департаментомъ генеральнаго штаба свѣдѣніями, по высочайшей волѣ переданъ былъ государственному канцлеру иностранныхъ дѣлъ, который донесъ Государю Императору, что осмотръ пространства между Горбицею и Удью, по отдаленности отъ обитаемыхъ мѣстъ Китая, можетъ быть допущенъ безъ особенныхъ неудобствъ въ политическомъ отношеніи, но съ однимъ условіемъ, чтобъ осмотръ этотъ былъ сдѣланъ съ осторожностію и чтобы начальнику экспедиціи постановлено было въ непремѣнную обязанность не приближаться къ рѣкѣ Амуру и избѣгать всякихъ столкновеній съ Китайцами; отъ дѣйствій же по изслѣдованію р. Амура, какъ могущихъ встревожить Китайцевъ, должно воздержаться до благоприятнѣйшихъ обстоятельствъ.

Такъ какъ предназначавшаяся экспедиція имѣла связь съ составившимся въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ предположеніемъ объ установленіи сношеній съ Гиляками, обитающими близъ устья Амура, и о наблюденіи въ тѣхъ мѣстахъ за движеніями и происками иностранцевъ: то государственный канцлеръ испрашивалъ повелѣнія о

разсмотрѣніи обоихъ дѣлъ въ особомъ комитетѣ, который и былъ составленъ изъ графа Нессельроде, князя Чернышева, князя Меншикова, графа Перовскаго и генераль-адъютанта Берга, и 8 Февраля 1849 г. подписано высочайшее повелѣніе отправить сухопутную экспедицію подъ начальствомъ подполковника Агте съ прикомандированіемъ къ ней двухъ ученыхъ, одного по горной части, а другаго для метеорологическихъ наблюденій. Экспедиціи велѣно было ограничиться точнымъ опредѣленіемъ той части границы нашей съ Китаемъ по трактатамъ, которая оставлена безъ ближайшихъ изысканій, отнюдь не посягая на земли, намъ не принадлежащія, дабы на основаніи точныхъ свѣдѣній можно было ясно опредѣлить, по какому именно направленію горъ должна слѣдовать наша съ Китаемъ граница на основаніи Нерчинскаго трактата. При этомъ начальнику экспедиціи поставлено въ непремѣнную обязанность производить изслѣдованія съ крайнею осторожностію и избѣгать всего того, что можетъ встревожить Китайцевъ и подать поводъ къ какому либо съ ними столкновенію. Въ инструкціи сказано, что осторожность въ дѣйствіяхъ въ сихъ видахъ должна быть главнымъ и первымъ его правиломъ. Графъ Нессельроде до того простеръ свою мнительность, что даже самыя изслѣдованія по горной части предписалъ лучше производить на сѣверной покатости горъ, т. е. въ мѣстахъ, неоспоримо принадлежащихъ Россіи; что же касается до земель южной покатости, то положительно воспрещено было приближаться къ Амуру и къ населеннымъ мѣстамъ Китая. Дабы самыя распоряженія объ отправленіи экспедиціи не могли подать повода къ толкамъ, ей велѣно было именоваться «экспедиціею для изслѣдованія Забайкальскаго края». Въ случаѣ встрѣчи съ Китайцами (чего, какъ сказано было, впрочемъ никакъ ожидать нельзя) велѣно было на спросы ихъ отвѣчать, что люди зашли съ промышленною цѣлію для отысканія звѣриныхъ промысловъ. И предъ туземцами, состоящими въ Русскомъ подданствѣ, приказано было выдавать себя за частныхъ промышленниковъ. Срокъ дѣйствій экспедиціи опредѣленъ былъ на три года; Китайскіе пограничные столбы, которыми настрашалъ академикъ Миддендорфъ, поручено осмотрѣть лишь на третій годъ, и то въ такомъ случаѣ, если начальникъ экспедиціи успѣетъ собрать достовѣрныя свѣдѣнія, что совершить это можно съ успѣхомъ, не возбуждая подозрѣнія Китайцевъ.

Вся эта экспедиція была слѣдствіемъ записки, поданной въ 1845 г. академикомъ Миддендорфомъ на высочайшее воззрѣніе. Указывая на необходимость рекогносцировки всего теченія Амура, г. Миддендорфъ самъ вызывался спуститься въ сопровожденіи двухъ топографовъ и четырехъ казаковъ на лодкѣ, особенно для этой цѣли устроенной, внизъ по теченію Амура въ море, намѣреваясь выплыть къ Аянскому порту Охотскаго моря. Но, какъ мы видѣли, объ Амурѣ графъ Нессельроде не хотѣлъ и слышать. Военнаго же министра, князя Чернышева, экспедиція вовсе не интересовала, что ясно видно изъ того, что онъ, въ концѣ Юля 1849 года, спрашивалъ собственноручной запиской департаментъ генеральнаго штаба, что послужило началомъ къ секретной экспедиціи Агте, было ли дѣло это разсмотрѣно въ Азіатскомъ Комитетѣ и гдѣ теперь подполковникъ Агте? Онъ позабылъ, что дѣло это было кончено уже въ Мартѣ комитетомъ, въ которомъ самъ же присутствовалъ.

Генераль-адъютантъ Бергъ предлагалъ послать коллежскаго совѣтника Миддендорфа черезъ Якутскъ и Аянъ моремъ къ Гилякамъ для дипломатическихъ съ ними переговоровъ объ уступкѣ намъ земли за нѣсколько пудовъ табаку, утверждая, что никто лучше г. Миддендорфа не въ состояніи исполнить этого порученія: ибо ему одному извѣстна мѣстность, онъ уже свелъ съ Гиляками знакомство, былъ со многими изъ нихъ въ дружескихъ отношеніяхъ и сверхъ того знаетъ (?) ихъ языкъ. Генераль Бергъ видѣлъ даже возможность, по прибрѣтеніи отъ Гиляковъ земли за весьма недорогіе подарки, поселить на ней, для удержанія ея за нами, два или три семейства, по мѣрѣ возможности увеличивая это поселеніе.

• Не такъ и не то думалъ въ это время генераль Муравьевъ, лично собиравшійся на устье Амура.

Сухопутная экспедиція состояла изъ начальника оной, подполковника генеральнаго штаба Агте, назначеннаго по высочайшей волѣ, астронома Пулковской обсерваторіи Шварца, двухъ опытныхъ и знающихъ свое дѣло минералоговъ, изъ офицеровъ корпуса горныхъ инженеровъ, штабсъ-капитана Кованько и поручика Меглицкаго, назначенныхъ министромъ финансовъ; 2 штейгеровъ, двѣнадцати горныхъ мастеровыхъ, 2 топографовъ, 4 казаковъ, 4 Тунгузовъ и 2 человекъ прислуги. На издержки экспедиціи назначено по 10,000 р. сер. въ годъ. Въ Апрѣлѣ 1849 года, военный министръ увѣдомилъ генерала Муравьева, что экспедиція отправляется въ Иркутскъ и просилъ его объ оказаніи ей возможнаго содѣйствія, а такъ какъ планъ дѣйствій экспедиціи можетъ по обстоятельствамъ измѣниться, то, не упуская изъ виду главной цѣли, дальнѣйшее исполненіе предоставлено ближайшему усмотрѣнію подполковника Агте, по предварительному обсужденію и сношенію съ нимъ, генераль-губернаторомъ, если по мѣсту нахождения экспедиціи будетъ это возможно.

15-го Мая 1849 года генераль Муравьевъ выѣхалъ изъ Иркутска въ Камчатку. Но едва успѣлъ онъ доплыть до Якутска, какъ получилъ высочайшее повелѣніе о назначеніи экспедиціи подъ начальствомъ подполковника Агте. Какъ мы видѣли выше, объ экспедиціи не было никакихъ предварительныхъ сношеній съ г. Муравьевымъ; ей строго вмѣнялось въ обязанность не доходить, не касаться Амура, что одно и могло бы быть полезно, и наконецъ, ей назначено было дѣйствовать именно въ то время, въ то самое лѣто, въ которое генераль-губернаторъ отправлялся въ Камчатку, что въ Петербургѣ давно было извѣстно.

Генераль Муравьевъ, предусматривая помѣху, которую могла экспедиція эта сдѣлать въ настоящихъ видахъ на Амуръ и въ то самое время, когда безъ огласки производилось изслѣдованіе его устья, рѣшился не исполнить высочайшаго повелѣнія и предписалъ предсѣдательствующему въ совѣтѣ въ Иркутскѣ остановить въ этомъ городѣ экспедицію до возвращенія своего изъ Камчатки, и изъ Якутска же донести о томъ Императору Николаю Павловичу въ собственныя руки. Онъ убѣждалъ Государя, что, если съ нашей стороны имѣются какіе либо виды на занятіе устьевъ р. Амура, то всякое секретное предпріятіе по ту сторону р. Горбицы неумѣстно до тѣхъ поръ, покуда не будетъ занято устье Амура и не возбуждено будетъ съ Китайцами приличныхъ переговоровъ о возвращеніи въ наше

владѣніе лѣваго берега этой рѣки; что изслѣдованіе неопредѣленныхъ нашихъ границъ съ Китаемъ за рѣкою Горбицею неоднократно было предпринимаемо; и что послѣ путешествія академика Миддендорфа въ этомъ отношеніи едва ли болѣе представляется надобность, тѣмъ болѣе, что единственною цѣлю нашихъ предпріятій въ этой странѣ можетъ быть обладаніе р. Амуромъ, какая бы ни была почва земли на лѣвомъ ея берегу; что простое изслѣдованіе сѣверной покатости Становаго хребта до Олекмы и Якутска, а также Удскаго края можетъ быть сдѣлано изъ Иркутска съ несравненно меньшими издержками и людьми, гораздо опытнѣйшими въ краѣ; что движеніе экспедиціи за Горбицу непременно дойдетъ до свѣдѣнія и возбудитъ вниманіе Китайцевъ, тѣмъ болѣе для насъ неудобное, что мы не можемъ представить имъ никакой уважительной причины этому дѣйствію, а потому генераль Муравьевъ, по лежащей на немъ отвѣтственности, не смѣя скрыть своихъ опасеній въ этомъ дѣлѣ (особенно когда долговременное и отдаленное отсутствіе лишаетъ его всякой возможности наблюдать за ходомъ экспедиціи, поставленной въ независимое отъ него положеніе) просилъ Государя повелѣть отложить изслѣдованіе, по крайней мѣрѣ до возвращенія его изъ Камчатки, присовокупляя, что онъ принялъ смѣлость приостановить экспедицію въ Иркутскѣ до полученія дальнѣйшихъ повелѣній.

Князь Чернышевъ и графъ Вронченко, задѣтые за живое, употребляли всѣ усилія, чтобы доказать неосновательность самовольныхъ распоряженій генерала Муравьева по дѣлу экспедиціи; но Государь Императоръ 30-го Сентября 1849 г. положилъ высочайшую резолюцію: «оставить дѣло это до прибытія въ С. Петербургъ генераль-лейтенанта Муравьева».

Въ ожиданіи разрѣшенія на дальнѣйшее слѣдованіе приостановленной въ Иркутскѣ экспедиціи, г. Агте, съ согласія предсѣдательствующаго въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири, въ Юлѣ 1849 г., сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: двухъ офицеровъ, штабсъ-капитана Кованько и поручика Меглицкаго, командировалъ въ Нерчинскій округъ на тамошніе золотые промыслы для подробнаго изученія мѣстности оныхъ, такъ какъ данныя, представляемыя этою мѣстностію и направленіе горъ заставляло предполагать, что пространство, предстоявшее обзору экспедиціи, заключаетъ въ себѣ одинаковыя условія съ пространствомъ Нерчинскаго округа; при чемъ офицерамъ этимъ поручено было составить полное геогностическое описаніе Нерчинскихъ золотыхъ россыпей. Астронома Шварца съ топографами подполковникъ Агте послалъ для опредѣленія астрономическихъ пунктовъ и производства наблюденій въ уѣздахъ Иркутской губерніи и на Байкалѣ. Гг. Кованько и Меглицкій окончили занятія свои въ Октябрѣ 1849 года, при чемъ послѣдній, сравнивая золотоносную долину р. Кары и ближайшихъ рѣчекъ съ долиною пограничной рѣки Малой Горбицы, вывелъ то замѣчательное заключеніе, что и на другихъ рѣчкахъ, текущихъ параллельно Горбицѣ и впадающихъ ниже ея въ Шилку съ лѣвой стороны, должно искать, съ вѣрною надеждою на успѣхъ, новыхъ, доселѣ еще неоткрытыхъ золотыхъ россыпей.

По возвращеніи въ Иркутскъ, генераль Муравьевъ нашелъ тамъ подполковника Агте съ другими членами экспедиціи и, чтобы извлечь изъ нея хоть нѣкоторую пользу безъ вреда, который бы могъ произойти отъ первоначальнаго ея направленія, рѣшилъ, что признаеть

возможнымъ и полезнымъ съ наступленіемъ весны 1850 г. направить дѣйствія экспедиціи для обозрѣнія и описанія пространства между р. Удью, Охотскимъ моремъ, Амурскимъ лиманомъ и рѣкою Амуромъ, не смотря на то, что въ инструкціи г. Агте запрещено было и приближаться къ этой рѣкѣ.

Не желая отрѣшаться отъ первоначально возложеннаго на него въ Петербургѣ порученія, подполковникъ Агте изложилъ въ поданномъ генералу Муравьеву проектъ, будто бы подробный и основательный осмотръ вышеупомянутой мѣстности можетъ представить возможность разъяснить обстоятельства о границѣ нашей съ Китаемъ. Генералъ Муравьевъ не могъ понять, какъ можно искать границы тамъ, гдѣ ея по трактату нѣтъ и доказывалъ всю ошибочность взгляда подполковника Агте: и дѣйствительно, во всѣхъ трактатахъ нашихъ съ Китаемъ пространство между Удью и Охотскимъ моремъ было оставляемо неразграниченнымъ, и конечно съ благонамѣренною цѣлю со стороны Россійскихъ уполномоченныхъ, которые всегда уклонялись отъ Китайскихъ предложеній въ этомъ отношеніи. А потому всякое покушеніе частнаго лица или даже экспедиціи, правительствомъ отправленной, искать границу въ неразграниченномъ пространствѣ было неумѣстно, неблагоприятно и противно государственнымъ пользамъ. Не слѣдовало даже и вмѣнять въ обязанность экспедиціи разъяснять вопросъ о несуществующей границѣ, дабы не подавать повода въ послѣдствіи къ какимъ либо превратнымъ толкованіямъ о какихъ либо пограничныхъ знакахъ, къ которымъ насыпаныхъ и къ которымъ видѣнныхъ, но не могущихъ имѣть никакого значенія, когда все это пространство не ограничено.

Въ дополненіе къ занятіямъ экспедиціи, какія предполагалъ подполковникъ Агте, генералъ Муравьевъ находилъ полезнымъ и необходимымъ поручить экспедиціи самое подробное изслѣдованіе и съемки отъ устья р. Амура вверхъ по обоимъ ея берегамъ на всемъ пространствѣ, обитаемомъ Гиляками, а также и сѣверной части острова Сахалина, куда переѣздъ черезъ лиманъ въ Гиляцкихъ лодкахъ не затруднителенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выборъ въ большомъ масштабѣ пунктовъ для укрѣпленій, какъ при устьѣ Амура, такъ и на Сахалинѣ. Что касается до возвращенія экспедиціи, то если бы въ продолженіе ея занятій на вышеозначенномъ пространствѣ не было никакой переменны въ пограничныхъ нашихъ отношеніяхъ съ Китаемъ, должно возвратитъ ее опять черезъ Удской край; а оттуда, занявшись изслѣдованіемъ пространства по сѣверному склону Становаго хребта до вершинъ Алдана (по которымъ въ древнія времена предприимчивые казаки наши направлялись къ Амуру) направить ее въ Якутскъ. Кромѣ того генералъ Муравьевъ полагалъ, что по его мнѣнію прежде, чѣмъ приступить къ утвержденію проекта о занятіяхъ экспедиціи, должно было бы рѣшиться, въ случаѣ претензій, могущихъ возникнуть отъ Китайцевъ, отвѣчать имъ положительно, что мы признаемъ то пространство, гдѣ будетъ дѣйствовать экспедиція, принадлежащимъ Россіи. Если же всякій сомнительный въ этомъ отношеніи вопросъ будетъ разрѣшаться уступкою съ нашей стороны, или трусливою отговоркою, что намъ неизвѣстно, какіе люди тамъ были, то лучше никого не посылать за Удской край и совѣмъ отложить такъ называемую Забайкальскую экспедицію, которая, за Горбицею, не премѣнно бы возбудила вниманіе Китайцевъ и родила бы означенные вопросы, а въ предназначенномъ ей нынѣ направленіи

могла бы возбудить ихъ лишь случайно; уступчивый же отвѣтъ нашъ только отодвинулъ бы назадъ исполненіе всякаго полезнаго для государства предпріятія въ тѣхъ странахъ.

На живыя и разумныя предложенія генерала Муравьева Министерство Иностранныхъ Дѣлъ отвѣчало робкими, мертвыми, казенными бумагами. Оно повторяло избитую фразу Китайскаго трибунала въшнихъ сношеній, что «наше государство и Китайское государство съ давнихъ поръ находятся въ мирныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ», поэтому мы не должны подавать повода къ справедливымъ со стороны Китайцевъ жалобамъ; что существующіе съ Китаемъ трактаты должны служить основаніемъ во всѣхъ нашихъ дѣйствій въ отношеніи къ Китаю, такъ что самая осторожность, которую рекомендовали подполковнику Агте, въ особенности нужна относительно Удскаго пространства, не столько изъ опасенія сдѣлать неприятели Китайцамъ, сколько изъ лежащей на насъ священной обязанности не поступать въ противность трактатамъ, не нарушать условий, ими постановленныхъ, не подавать, слѣдственно, повода къ справедливымъ и законнымъ со стороны Китая жалобамъ; а потому Министерство Иностранныхъ Дѣлъ осталось при прежнемъ мнѣніи своемъ и полагало нужнымъ подполковнику Агте подтвердить, чтобы онъ при научныхъ изслѣдованіяхъ своихъ не выходилъ изъ границъ осторожности и отнюдь не простиралъ этихъ изслѣдованій въ Примурскій край. Графъ Нессельроде назначалъ даже предѣломъ изысканій г. Агте верховья рѣкъ Тугура и Уди, что, по его мнѣнію, составило бы немалую пользу, если ихъ надлежащимъ образомъ изслѣдовать.

Обо всемъ этомъ графъ Нессельроде составилъ всеподданнѣйшій докладъ, на которомъ покойный Государь, 5-го Сентября 1850 г., собственноручно написать изволилъ: «рѣшить по пріѣздѣ генералъ-лейтенанта Муравьева».

Еще въ Февралѣ того же 1850 года генералъ-лейтенантъ Муравьевъ былъ вызываемъ Государемъ въ Петербургъ. По пріѣздѣ его вопросъ о Забайкальской экспедиціи обсуживался въ Азиатскомъ Комитетѣ *). Засѣданіе назначено было 30-го Ноября въ квартирѣ министра иностранныхъ дѣлъ.

26-го Декабря высочайше утвержденъ журналъ этого комитета, которымъ измѣнялся первоначальный планъ занятій экспедиціи; ей поручались разныя изысканія по горной части и прослѣдованіе направленія хребта горъ, идущаго отъ Горбицы къ Востоку и составляющаго нашу умственную границу съ Китаемъ, держась при этомъ, разумѣется, только нашего сѣвернаго склона, чтобы не нанести оскорбленія замкнутому Китаю.

Въ комитетѣ этомъ, кромѣ генерала Муравьева, засѣдали графъ Нессельроде, князь Чернышевъ, князь Меншиковъ, графъ Вронченко, графъ Перовскій, генералъ Бергъ и Сенявинъ.

Въ концѣ 1852 г., подполковникъ Агте возвратился въ Иркутскъ и доставилъ весьма важныя и полезныя свѣдѣнія по пограничному съ Амуромъ вопросу, почерпнутыя имъ и членами его экспедиціи какъ на сѣверной, такъ и на южной покатоности Становаго хребта, и согласно этимъ свѣдѣніямъ составилъ даже карту, на которой было

*) Учрежденномъ еще въ Январѣ 1849 г. для рассмотрѣнія предположеній объ изслѣдованіи восточной части границы нашей съ Китаемъ.

обозначено, какое именно пространство на лѣвомъ берегу Амура мѣстные жители, подданные Китайской имперіи, называютъ имъ принадлежащимъ и съ какаго мѣста считаютъ земли, на Амурѣ же, принадлежащими Россіи. Подполковникъ Агте привезъ также нѣкоторыя свѣдѣнія и о теченіи р. Амура и о возможности плаванія по всему ея протяженію, о чемъ до того времени послѣднія свѣдѣнія почерпаемы были лишь изъ показанія ссыльнаго бѣглеца, Гурія Васильева, проплывшаго черезъ весь Амуръ.

Генераль Муравьевъ, предположивъ отправиться самъ опять въ Петербургъ въ началѣ 1853 г., нашелъ однакожь нужнымъ, чтобъ подполковникъ Агте съ подробными донесеніями своей экспедиціи отправился въ Петербургъ прежде и отпустилъ его съ наступленіемъ зимы 1852 г., а въ концѣ Марта 1853 г. пріѣхалъ и самъ въ Петербургъ.

Покойный Государь Николай Павловичъ, по прибытіи подполковника Агте, приказалъ доложить себѣ всѣ эти дѣла, когда пріѣдетъ генераль Муравьевъ, и по пріѣздѣ его докладъ этотъ былъ назначенъ 22 Апрѣля 1853 г. въ присутствіи Наслѣдника Престола, Великаго Князя Константина Николаевича и военнаго министра.

Къ докладу потребованы были генераль-губернаторъ и полковникъ Агте. Въ то же время представлены Государю Императору всѣ съемки и карты Восточной Сибири, составленныя какъ экспедиціею полковника Агте, такъ и другими членами генеральнаго штаба Восточной Сибири.

Государь принялъ очень милостиво полковника Агте, разсматривалъ всѣ карты, спрашивалъ его подробно о его путешествіи и свѣдѣніяхъ, имъ собранныхъ и по разсмотрѣніи той карты, о которой выше упомянуто, и соображеніи ея съ Нерчинскимъ трактатомъ, изволилъ сказать о томъ пространствѣ Пріамурья, которое лежитъ отъ рѣки Буреи къ морю: «И такъ это наше!». Обратившись къ военному министру, Николай Павловичъ сказалъ: «Такъ и снести объ этомъ съ Китайцами».

Потомъ, подозвавъ къ общей картѣ Амура генераль-губернатора, говоритъ ему: «Все это хорошо, но я вѣдь долженъ посылать защищать это изъ Кронштата» (указывая на устье Амура). Тогда Муравьевъ сказалъ ему: «Кажется, нѣтъ надобности, Государь, такъ изъ далека» и, проводя рукою по теченію Амура изъ Забайкальскаго края, прибавилъ: «Можно и ближе подкрѣпить».

Государь при этихъ словахъ положилъ ему руку на голову и сказалъ: «Эхъ, Муравьевъ, ты право когда нибудь сойдешь съ ума отъ Амура!» Муравьевъ отвѣчалъ: «Государь! Сами обстоятельства указываютъ этотъ путь». Николай Павловичъ, ударивъ его по плечу, сказалъ: «Ну такъ пусть же обстоятельства къ этому и приведутъ: подождемъ».

Что Государь былъ очень доволенъ докладомъ и всѣми тѣми свѣдѣніями, которыя онъ тутъ получилъ, ясно было: потому что на другой же день, 23 Апрѣля, генераль Муравьевъ, полковникъ Агте и всѣ члены экспедиціи были осыпаны наградами.

Разсматривая 22 Апрѣля 1853 года подробную карту, составленную полковникомъ Агте, Государь Императоръ, какъ мы знаемъ, сказалъ военному министру, чтобы снести съ Китайцами о томъ пространствѣ Пріамурья, которое лежитъ отъ р. Буреи къ морю.

Но въ Азіатскомъ департаментѣ это приказаніе, въ томъ смыслѣ и направленіи какъ думалъ Государь, было замято; тамъ тянули и тянули отправлять это сношеніе до тѣхъ поръ, покуда генераль Муравьевъ уѣхалъ въ отпускъ за границу для излеченія болѣзни, и отравили свою ноту въ Пекинъ въ то время, когда уже его не было въ Петербургѣ и въ такомъ смыслѣ, который могъ только вредить Амурскому дѣлу. Нота эта, отъ 16-го Іюня 1853 года, была слѣдующая:

«По трактату, существующему между Россійскою и Китайскою имперіями, границею отъ вершинъ р. Горбицы къ Востоку положенъ хребетъ горъ такимъ образомъ, что всѣ рѣки, текуція на сѣверную сторону отъ сихъ горъ, должны состоять во владѣніи Россійскаго государства, а рѣки, текуція на полуденную сторону тѣхъ же горъ, должны быть во владѣніи Китайскаго государства. Изъ донесенія главнаго нашего начальства Восточной Сибири намъ извѣстно *), что съ вашей стороны пограничные знаки, могущіе служить для вашихъ подданныхъ указаніемъ границы, между тѣмъ какъ съ нашей стороны таковыхъ знаковъ доселѣ не было поставлено. Поэтому и въ слѣдствіе представленія генераль-губернатора Восточной Сибири, что постановленіе подобныхъ знаковъ было бы полезно въ видѣ учрежденія большаго порядка по границѣ и для отвращенія всякихъ незаконныхъ черезъ оную переходовъ, Всемилостивѣйшему нашему Государю Императору благоугодно было высочайше повелѣть: чтобы безъ дальнѣйшаго отлагательства было приступлено къ такому распоряженію и чтобы мы предварили о семъ ваше правительство на тотъ конецъ, что, можетъ быть, оному желательно будетъ, дабы пограничные знаки, для большаго ясности и правильности дѣла сего, были поставлены по обоюдному соглашенію съ присланными отъ васъ довѣренными лицами, каковому справедливому желанію мы съ своей стороны готовы удовлетворить, и по нашему мнѣнію всего лучше было бы прислать вашихъ уполномоченныхъ въ Кяхту или въ Иркутскъ, гдѣ они могли бы предварительно условиться съ нашимъ генераль-губернаторомъ Восточной Сибири, яко главнымъ начальникомъ въ томъ краѣ. Мѣра эта, т. е. присылка къ намъ уполномоченныхъ отъ вашего правительства, была бы тѣмъ полезнѣе, что тогда можно бы было также войти въ переговоры и о пространствѣ, прилегающемъ къ морю, которое, какъ вамъ извѣстно, по трактатамъ оставлено во все неразграниченнымъ впредь до усмотрѣнія. Такимъ образомъ и пограничный сей вопросъ могъ бы дружелюбнымъ соглашеніемъ быть приведенъ къ желаемому окончанію, сообразуясь съ потребностями обоихъ государствъ. На все сіе будемъ ожидать вашего отвѣта».

Возвратившись изъ-за границы въ Октябрѣ мѣсяцѣ, генераль Муравьевъ поспѣшилъ переговорить съ директоромъ Азіатскаго департамента Сенавинымъ и спрашивалъ его, что нѣтъ ли ему надобности по сношеніямъ съ Китаемъ отправиться поскорѣе въ Восточную Сибирь? Сенавинъ ему отвѣтилъ, что нѣтъ никакихъ особыхъ сношеній съ Китайцами и что по ихъ вѣдомству ему нѣтъ никакой надобности спѣшить теперь возвращаться въ Восточную Сибирь, и генераль Муравьевъ, имѣвъ другія дѣла, которыхъ рѣшенія должно было дожидаться въ Петербургѣ, — остался. Но въ

*) Никогда подобнаго донесенія не было.

концѣ Декабря мѣсяца прискакалъ къ нему изъ Иркутска курьеръ съ весьма экстреннымъ донесеніемъ изъ Кяхты, что Китайскіе уполномоченные собираются въ Ургѣ и будутъ на дняхъ въ Маймачинѣ близъ Кяхты для трактованія одѣлахъ Амура, въ слѣдствіе ноты Русскаго правительства. Генераль Муравьевъ послалъ это донесеніе прямо къ Сенявину. Тогда только сей послѣдній сказалъ ему, что дѣйствительно было подробное сношеніе, что они имѣли уже отвѣтъ изъ Пекина, и что трактованіе это съ Китайцами возлагается на него, генераль-губернатора.

Недобросовѣстность вышеизложеннаго листа въ Китайскій трибуналъ очевидна, и цѣль Министерства Иностранныхъ Дѣлъ была достигнута. Листъ этотъ далъ поводъ Китайскому правительству уклониться отъ мысли, которую генераль Муравьевъ постоянно внушалъ Китайскимъ пограничнымъ властямъ, что лѣвый берегъ Амура долженъ намъ принадлежать; въ листѣ этомъ указывалось преимущественно на необходимость постановки пограничныхъ столбовъ по лѣвому берегу Амура; а объ опредѣленіи границъ въ восточныхъ оконечностяхъ, вовсе неразграниченныхъ, говорится какъ о вопросѣ второстепенномъ.

Китайское пограничное начальство, пользуясь этимъ оборотомъ нашей ноты, вызвалось послать своихъ чиновниковъ для постановки столбовъ по лѣвому берегу Амура, начиная отъ р. Горбицы и приглашало выслать туда же нашихъ уполномоченныхъ; но такъ какъ это основаніе было совершенно противно пользамъ Россіи и какъ постановка столбовъ на лѣвомъ берегу отъ Горбицы добровольно съ нашей стороны положительно заперла бы для насъ Амуръ, то генераль Муравьевъ отъ этого уклонился и просилъ трибуналъ разъяснить недоразумѣнія и разнорѣчія, «въ этой перепискѣ возникшія». Подробныя обстоятельства дѣла были слѣдующія.

Пекинское правительство, получивъ нашъ листъ отъ 16-го Іюня 1853 г., поручило предварительное разсмотрѣніе этого предмета старшему Ургинскому правителю амбаню Вейссе съ тѣмъ, чтобъ онъ затребовалъ всѣ нужныя свѣдѣнія о мѣстности по Амуру и вызвалъ Амурскаго амбана изъ Сахалинъ-Ула-Хотона, подъ предсѣдательствомъ котораго коммисія должна была отправиться сперва въ Кяхту, для разъясненія требованій нашего правительства.

Въ Ноябрь 1853 года Китайская коммисія для разсужденія по вопросу о разграниченіи съѣхалась въ Ургѣ. Кяхтинскій градоначальникъ Ребиндеръ, ничего объ этомъ дѣлѣ не знавшій, немедленно донесъ въ Иркутскъ и, желая вѣроятно поиграть въ дипломаты, просилъ поскорѣ прислать ему всѣ дѣла, планы и документы по этому дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ командировать къ нему полковника генеральнаго штаба Заборинскаго. Не ограничиваясь этимъ, Ребиндеръ, помимо г. Муравьева, донесъ прямо отъ себя графу Нессельроде, что происшествія въ Китаѣ могутъ отразиться волненіями въ Монголіи и что какой-то лама Наванъ-Чонжинъ, подвыпивъ, проболтался ему о сочувствіи Монголовъ къ Русскимъ и желаніи ихъ принять Россійское подданство. Обстоятельство это было принято министромъ иностранныхъ дѣлъ за дѣло великой важности, и графъ Нессельроде затѣялъ объ этомъ веселомъ дѣлѣ съ г. Ребиндеромъ серьезную переписку.

Предсѣдательствующій же въ совѣтѣ главнаго управленія въ Иркутскѣ, генераль Венцель, считалъ гораздо благоразумнѣе послать

курьера къ генералу Муравьеву въ Петербургъ. Курьеръ поспѣвалъ 6-го Декабря.

Дѣло состояло въ томъ, что Китайскій императоръ, получивъ листъ нашъ, велѣлъ немедленно приступить къ разграниченію на Востокъ земель. Трибуналъ предписалъ Амурскому джанжуну собрать подробныя свѣдѣнія о теченіи р. Амура, въ особенности о лѣвомъ его берегу. Амурскій джанжунъ донесъ, что по лѣвому берегу Амура нѣтъ никакихъ ни Русскихъ, ни Маньчжурскихъ селеній, исключая немногихъ инородцевъ Тунгусскаго племени, подъ названіемъ Оро-чонъ, которые, ведя бродячую жизнь, занимаются звѣроловствомъ и часто переходятъ въ Русскую сторону; что мѣстность лѣваго берега камениста, лѣсиста и гориста, такъ что вовсе неудобна къ проѣзду и ни къ какому заселенію и если потребуется положить границу, то это можно сдѣлать только сплавомъ по рѣкѣ и не прежде, какъ по вскрытіи оной. Донесеніе свое Амурскій джанжунъ заключилъ тѣмъ, что требованіе Русскихъ умѣренное и что уступка со стороны Китайцевъ не принесетъ никакой потери. Гиринскій джанжунъ говорилъ противное.

Заключеніе это очень не понравилось Ургинскому амбаню Бэйссе. Трибуналъ внѣшнихъ сношеній, получивъ донесеніе амбана Бэйссе, предписалъ Амурскому джанжуну выслать въ Ургу людей, знающихъ хорошо эту мѣстность, а амбаню Бэйссе предписано, собравъ подробныя и точныя свѣдѣнія о берегахъ Амура, согласно желанію Русскаго сената, избрать достойныхъ чиновниковъ и послать на Кяхту, стараясь скоро и дружески окончить это дѣло разграниченія.

Вслѣдствіе сего Амурскій джанжунъ послалъ въ Ургу Солонскаго чиновника, по имени Джирга-шана и при немъ до 15-ти человекъ Солонъ. Люди эти не могли вполнѣ объяснить всего пространства лѣваго берега Амура, а доставили только свѣдѣнія о мѣстахъ ими занимаемыхъ, что заставило амбана Бэйссе обратиться съ новымъ требованіемъ къ Амурскому джанжуну, чтобъ онъ сдѣлалъ сношеніе съ Гиринъ-оланскимъ джанжуномъ и, истребовавъ отъ него полныя свѣдѣнія о цѣломъ пространствѣ Амура, поспѣшилъ бы доставить ихъ въ Ургу. (Декабрь 1853 года).

Пока Ребиндеръ готовился приступить къ вырѣшенію дипломатическаго вопроса, генералъ Муравьевъ написалъ ему изъ Петербурга, что такъ какъ никакіе вопросы о разграниченіи съ нашей стороны не могутъ быть не только рѣшаемы, но даже и начинаемы безъ высочайшаго повелѣнія, то если бы Китайскіе комиссары изъ Урги пріѣхали въ Кяхту, то отвѣчать имъ, что, при всемъ желаніи, удовлетворить ихъ вопросовъ Ребиндеръ не можетъ, не получивъ приказанія отъ высшаго начальства, что генералъ Муравьевъ самъ еще не получилъ по означенному предмету никакихъ распоряженій, а потому Ребиндеру нѣтъ причины къ особой поспѣшности. Генералъ Муравьевъ совѣтовалъ ему въ разговорахъ съ Китайскими чиновниками ограничиваться лишь обыкновенными учтивостями, не излагая даже своего мнѣнія о какихъ либо предположеніяхъ нашего правительства. Въ Январѣ 1854 г. генералъ Муравьевъ написалъ еще Ребиндеру съ цѣлью дать знать Китайцамъ неофициальными путями, что для приступленія къ разсужденіямъ по предмету границъ, трибуналу ихъ необходимо отнести листомъ къ генералу Муравьеву, т. е. къ главному начальнику края и войскъ въ Восточной

Сибири и сообщить ему, куда они намѣрены выслать своихъ уполномоченныхъ, въ Иркутскъ ли, или въ другое мѣсто Забайкальской области и къ какому именно времени. Предположенія же Ребиндера вхаты по этому предмету въ Ургу генераль Муравьевъ не одобрилъ, не находя причины въ этомъ случаѣ и въ настоящихъ обстоятельствахъ идти на встрѣчу Китайскому правительству. Для пользы дѣла какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и на будущее время, генераль Муравьевъ призналъ совершенно необходимымъ сохранить существующія издревле пограничныя сношенія между нашимъ губернаторомъ и Ургинскими правителями; но считалъ полезнымъ, въ то же время, учредить сношенія о предметахъ болѣе важныхъ между Китайскимъ трибуналомъ и генераль-губернаторомъ, а не Сенатомъ, какъ по отдаленности центрального правительства, такъ и по уваженію тѣхъ полномочій, какія правительство предоставляет генераль-губернатору и чтобъ Китайцы отнюдь не смѣшивали званія губернатора со званіемъ генераль-губернатора, которое они до сихъ поръ знали только по наслышкѣ; онъ желалъ, чтобъ они знали, что лицу этому подчинены и всѣ сухопутныя, и морскія войска отъ отдаленныхъ западныхъ границъ до Восточнаго океана и что ему же подчиненъ непосредственно губернаторъ. Мысль эта была высказана впервые, достигнута впоследствии Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ вполне и послужила главнымъ основаніемъ успѣха дальнѣйшихъ переговоровъ.

По тогдашнему положенію дѣлъ въ Китаѣ, всѣ эти обстоятельства принимали особенную важность и, въ ожиданіи дальнѣйшихъ инструкцій отъ высшаго правительства, генераль Муравьевъ просилъ Ребиндера сдѣлать объ этомъ кому слѣдуетъ надлежащія внушенія и излишнею поспѣшностію не испортить въ самомъ началѣ таковаго дѣла, которое обдумывалось и приготавлилось многіе годы.

Въ началѣ Марта генераль Муравьевъ писалъ изъ Красноярска г. Венцелю, что на дняхъ долженъ быть листъ въ Китайскій трибуналъ изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, то чтобы этотъ листъ задержать въ Иркутскѣ до дальнѣйшаго распоряженія.

Въ листѣ этомъ, отъ 6-го Февраля 1854 года, было сказано, что еще прошлаго 1853 года Іюня 16-го писано въ трибуналъ внѣшнихъ сношеній, что по дѣлу объ опредѣленіи границъ предоставлено со стороны Россіи войти въ надлежащія объясненія съ Китайскими уполномоченными, и что нынѣ Государь Императоръ разрѣшилъ генералу Муравьеву лично отъ себя по этому дѣлу сноситься съ трибуналомъ. Въ этомъ же 1854 г. назначенъ къ генералу Муравьеву секретарь по дипломатической части и переводчикъ Китайскаго и Маньчжурскаго языковъ для переписки съ Китайскимъ правительствомъ.

Послѣ объявленія войны Турціи и явной уже неприязни къ намъ Англии и Франціи, генераль Муравьевъ, находя необходимымъ принять особыя мѣры для защиты прибрежныхъ нашихъ владѣній въ Охотскомъ морѣ и Восточномъ Океанѣ, еще въ концѣ 1853 года лично представилъ Великому Князю Генераль-Адмиралу подробную записку объ этихъ мѣрахъ, въ числѣ коихъ главнѣйшее было сплавить войско, продовольствіе и снаряды по р. Амуру. Записка была разсмотрѣна въ особомъ Комитетѣ, гдѣ и разрѣшено г. Муравьеву плыть по Амуру. Государь Императоръ изволилъ утвердить постановленіе Комитета, и такимъ образомъ настала та минута, которой Россія ожидала полтораста лѣтъ.

Г. Муравьевъ тотчасъ же отправилъ въ Иркутскъ подполковника Карсакова курьеромъ, съ порученіемъ приготовить окончательно Амурскій сплавъ, который уже заранѣе подготовленъ былъ въ Шилкинскомъ заводѣ капитаномъ 2 ранга Казакевичемъ, гдѣ построенъ имъ былъ пароходъ «Аргунь». Вскорѣ за отъѣздомъ подполковника Карсакова, самъ генераль-губернаторъ въ началѣ 1854 года выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Иркутскъ, откуда увѣдомилъ Китайское правительство о томъ, что онъ отправляется по Амуру для сплава войскъ и различныхъ военныхъ снарядовъ. Считаемо нелишнимъ привести здѣсь подробности первой по Амуру экспедиціи. 14 Мая экспедиція, послѣ напутственнаго молебна предъ древней иковой Божіей Матери, вынесенной изъ Албазина и при салютаціи изъ древней Албазинской пушки, отвалила отъ берега и пустилась въ дальній путь. Впереди плыла лодка г. Муравьева. Подъ нимъ флотиліей командовалъ капитанъ 2 ранга Казакевичъ, а сухопутными войсками подполковникъ Карсаковъ. Съ Муравьевымъ былъ баталіонъ пѣхоты, сотня конныхъ казаковъ и два горныхъ орудія, всего до тысячи человекъ. Въ свитѣ его были горный офицеръ Аносовъ, чиновники Свербеевъ и Бибииковъ, капитанъ 1 ранга Арбузовъ, полевые инженеры Рейнъ и Мровинскій, естествоиспытатель Герстфельдъ, потомственный почетный гражданинъ, Кузнецовъ и чиновникъ отъ Кабинета Е. И. В. Пермякинъ. 17 числа экспедиція подошла къ Усть-Стрѣлгѣ и 18-го вошла въ Амуръ. Трубачи заиграли «Боже царя храни», всѣ встали на лодкахъ, сняли шапки и крестились. Генераль зачерпнулъ въ стаканъ Амурской воды и поздравилъ всѣхъ съ началомъ плаванія по Амуру. Въ отвѣтъ раздалось громкое ура!

20 Мая экспедиція подошла къ бывшему Албазинскому острогу. Причаливая къ пустынному мѣсту, священному по преданіямъ, музыка играла «Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ»; по всѣмъ судамъ скомандовали на молитву, за которой слѣдовалъ народный гимнъ. Первымъ взошелъ на Албазинскій валъ генераль-губернаторъ.

28 Мая экспедиція подошла къ Маньчжурскому городу Сахалинь-Улахотонъ, или Айгуню. Г. Муравьевъ остановился на ночлегъ на у. Зеи, пославъ впередъ на лодкѣ чиновниковъ, которые передали правителю города Маньчжурскую копію съ посланнаго имъ 14 Апрелья въ Китайскій трибуналъ листа, въ которомъ между прочимъ было сказано, что, по случаю открывшихся у насъ военныхъ дѣйствій съ другими державами, генераль-губернаторъ, вслѣдствіе полученнаго имъ приказанія, отправляется съ приличнымъ числомъ войска на судахъ по р. Амуру на подкрѣпленіе нашихъ приморскихъ владѣній. Комендантъ города, не получившій отъ своего правительства никакихъ извѣстій, затруднился было пропускать Русскихъ, но видя огненную лодку и множество судовыхъ людей, выразилъ желаніе, чтобъ Русскій отрядъ какъ можно скорѣе миновалъ ихъ городъ.

Продолжая путь далѣе къ устью Амура, экспедиція 30 Мая достигла устья р. Буреи, проплыла устье р. Сунгари, 2 Юня и 5 числа миновала устье Усури.

За неимѣніемъ никакихъ картъ р. Амура, длину пути считали по генеральной картѣ Азіи и 9 Юня, находясь 200 верстъ ниже Усури, полагали, что подходятъ къ озеру Кызи, по сходству мѣстности, какъ увѣряли бывалые тамъ. Въ этотъ день внезапно налетѣла буря, въ нѣсколько минутъ затопила суда, и экспедиція едва не потеряла весь свой грузъ. Два дня сушили провіантъ у низменнаго острова, на-

званнаго островомъ Св. Кирилла, празднуемаго въ этотъ день. 10 числа вечеромъ завидѣли на встрѣчу плывшую лодку съ мичманомъ Разградскимъ, который сообщилъ, что до Маринска еще 500 верстъ. Разградскій вручилъ генералу письмо отъ капитана Невельскаго, въ которомъ онъ указывалъ на необходимость оставить на устьѣ Хунгари конную сотню казаковъ, чтобы войти оттуда въ сношеніе съ Императорскою Гаванью.

До сихъ поръ экспедиція находила большую часть прибрежныхъ деревень пустыми, потому что жители бѣжали отъ страха; но отсюда экспедиція встрѣчала расположеніе мѣстныхъ жителей. Изъ числа ихъ явились лопманы и проводники, приготовленные Разградскимъ, которыхъ до того времени нельзя было достать нигдѣ, что сильно затрудняло плаваніе по названной рѣкѣ.

Жители прибрежныхъ деревень получали отъ генералъ-губернатора подарки, серебряные слитки и монеты.

Продолжая свое плаваніе по Амуру, г. Муравьевъ, не доходя Маринскаго Поста, отправилъ впередъ пароходъ «Аргунь», который и прибылъ туда 12 Юня. Въ 7 верстахъ отъ поста капитанъ Невельской встрѣтилъ экспедицію и донесъ генералу Муравьеву о благополучномъ состояніи нашихъ постовъ на Амурѣ и островѣ Сахалинѣ.

Къ полудню 14 Юня, экспедиція прибыла въ Маринскій Постъ, гдѣ всѣ барказы и лодки вошли въ заливъ Амурской протоки. На берегу стояли тогда только двѣ избы. Въ этотъ день за обѣдомъ у Николая Николаевича собрались всѣ его спутники и поздравляли другъ друга съ успѣшнымъ окончаніемъ первой Русской экспедиціи.

Для усиленія защиты Петропавловскаго Порта, 350 ч. нижнихъ чиновъ, сплывшихъ по Амуру на укомплектованіе 47-го флотскаго экипажа, немедленно отправились изъ Маринскаго Поста черезъ оз. Кызи въ заливъ Декастри, а оттуда на транспортахъ «Иртышъ» и «Двина» направились въ Петропавловскій Портъ.

Сотня казаковъ при двухъ горныхъ орудіяхъ была оставлена въ Маринскомъ Посту; остальные чины отряда спустились внизъ по Амуру въ Николаевскій Постъ.

Генералъ-губернаторъ пѣшкомъ прошелъ просѣкой въ Декастри и отсюда на шкунѣ «Востокъ» отправился въ Императорскую Гавань для свиданія съ адмираломъ Путятинымъ.

Подполковникъ Карсаковъ былъ посланъ на шкунѣ «Востокъ» съ донесеніемъ къ Государю.

Между тѣмъ (какъ мы уже упомянули) въ Апрѣлѣ 1854 г. посланъ былъ отъ генерала Муравьева листъ въ трибуналъ съ извѣщеніемъ, что онъ, Муравьевъ, ѣдетъ съ войскомъ къ устью Амура для защиты нашихъ восточныхъ острововъ отъ непріятелей и просить его увѣдомить, къ какому времени и куда именно будутъ посланы уполномоченные сановники Дайцинскаго государства для опредѣленія восточныхъ границъ двухъ великихъ имперій, доселѣ остающихся неразграниченными.

Въ Февралѣ 1855 года Ургинскій амбанъ писалъ г. Ребиндеру, предупреждая его, чтобы Русскій посолъ и чиновники прибыли къ Юню мѣсяцу на Горбицу для постановки пограничныхъ знаковъ, в с л ѣ д ст в і е п р о с ѣ б ы н а ш е г о С е н а т а .

Въ Маѣ того же года тотъ же амбанъ увѣдомилъ Кяхтинскаго градоначальника, что въ Кяхту придутъ чиновники для взаимнаго соглашенія съ нашими на счетъ постановки столбовъ. Градоначальникъ

отозвался, что безъ разрѣшенія генерала Муравьева, проплывшаго въ низовья Амура, онъ ничего сказать не можетъ.

Китайскіе чиновники пріѣхали 7 Мая въ Кяхту. Изъ писемъ находившагося при миссіи нашей въ Пекинѣ, о. Палладія, видно было, что трибуналь ничего не смыслить въ дѣлѣ переговоровъ и положился во всемъ на амбана Бэйссе-Ургинскаго.

Между тѣмъ генераль Муравьевъ, еще въ Февралѣ 1855 года, предложилъ трибуналу отсрочить время переговоровъ до осени по тому случаю, что продолжающіяся военныя дѣйствія наши съ Англійей обнаружили замыселъ Англичанъ завладѣть нашими приморскими восточными мѣстами, а также, прорвавшись чрезъ приморское устье Амура, совершенно проникнуть въ рѣку. Для достиженія сего своего намѣренія, продолжаетъ генераль Муравьевъ въ отзывѣ трибуналу, они лѣтомъ минувшаго (1854) года, пріѣхавъ на шести военныхъ корабляхъ, уже нападали на нашу Камчатку, но были отражены и прогнаны. Великій нашъ Государь Императоръ, не только пекущійся о своихъ владѣніяхъ и своемъ народѣ, но и желающій сохранить выгоды соседней Дайцынской державы, болѣе 200 лѣтъ съ нами въ дружбѣ состоящей, недавно изданнымъ указомъ повелѣлъ генераль-губернатору Восточной Сибири, взявъ достаточное количество войска, большіхъ и малыхъ пушекъ и прочихъ припасовъ, тотчасъ по вскрытіи рѣкы отправиться къ морю и истребить коварныхъ и своекорыстныхъ Англичанъ. Исполняя волю Монарха, генераль Муравьевъ обязанъ отправиться въ экспедицію на устье Амура и возвратиться оттуда можетъ только въ Октябрѣ. Если трибуналу угодно будетъ прислать отвѣтъ на сіе къ устью Амура, то Муравьевъ съ радостію займется тамъ этимъ важнымъ дѣломъ.

Въ это время посланъ былъ и изъ Пекина листъ, съ требованіемъ, чтобы весною Китайскіе и Русскіе уполномоченные сошлись на Ургинской границѣ и отправились къ Горбицѣ. Генераль Муравьевъ отвѣчалъ 8 Мая трибуналу, что листъ этотъ онъ получилъ нынѣ на Амурѣ и, чтобъ не было замедленія, отвѣчаетъ черезъ городъ Сахалинъ-Ула-Хотонъ. Въ отвѣтѣ своемъ онъ упоминалъ, что переговариваться съ Китайскими уполномоченными о разграниченіи предоставлено великимъ нашимъ Государемъ ему, Муравьеву; а онъ, какъ увѣдомлялъ ихъ въ Февралѣ, плыветъ теперь съ войсками на устье Амура для защиты его отъ непріятелей; но желая, сколь можно, поспѣшить совѣщаніями о разграниченіи, готовъ принять Китайскихъ уполномоченныхъ для предварительныхъ о томъ переговоровъ на устьѣ Сунгарии-Ула, гдѣ онъ пробудетъ до Сентября. Генераль Муравьевъ кончаетъ листъ тѣмъ, что онъ совершенно согласенъ съ трибуналомъ, что по дружескимъ обоимъ государствъ отношеніямъ, въ этомъ важномъ дѣлѣ медленности и проволочки допускать не должно.

Слѣдуя по р. Амуру, близъ Камарскаго караула, встрѣтилъ Муравьевъ 12 Мая четыре джонки; на нихъ было нѣсколько Китайскихъ чиновниковъ, отправленныхъ отъ правительства изъ прибрежныхъ Амурскихъ областей на Горбицу для постановленія столбовъ и совѣщаній съ нами о разграниченіи. Муравьевъ объявилъ имъ, что ему необходимо плыть поспѣшно къ устьямъ Амура и предложилъ чиновникамъ плыть обратно въ Сахалинъ-Ула-Хотонъ, гдѣ и дождаться дальнѣйшихъ распоряженій изъ Пекина вслѣдствіе листа, посланнаго имъ въ трибуналь; на что они отозвались, что не смѣютъ не исполнить указанія богдыхана и не плыть въ Горбицу, при чемъ

однако полагають получить вскорѣ повелѣніе слѣдовать для совѣщаній на устьѣ Амура. Предоставивъ имъ дѣйствовать по усмотрѣнію и долгу своему и снабдивъ ихъ охранительнымъ билетомъ къ нашимъ начальникамъ, генералъ Муравьевъ отправился даѣе по Амуру.

15 Мая чиновники, состоявшіе при генералъ-губернаторѣ послали мейренъ-джангину города Сахалинъ-Ула листъ, которымъ сообщили, что въ настоящее время генералъ-губернаторъ ѣдетъ къ Восточному морю на устьѣ Амура для защиты его отъ Англичанъ, что при немъ слѣдуютъ 104 большихъ судна, въ числѣ коихъ одинъ пароходъ, что съ Амура обратно вверхъ пойдутъ три парохода; что малыхъ судовъ къ устью Амура идетъ 50; что на большихъ судахъ 300 слишкомъ лошадей, 300 головъ рогатаго скота и слишкомъ 8000 людей обоого пола. На большихъ же судахъ помѣщаются пушки, ружья, порохъ и всякое военное оружіе и припасы. Суда, имѣющія билеты, просили не задерживать.

Можно себѣ представить, какое сдѣлало это впечатлѣніе на Китайцевъ.

Графъ Нессельроде видѣлъ, что дѣло Амурское ушло изъ его рукъ. Онъ написалъ 31 Мая 1855 г. Его Высочеству Генералъ-Адмиралу, что ему сомнительно, чтобы Китайцы уступили лѣвый берегъ Амура безъ войны, а война къ добру не поведетъ. Но генералъ Муравьевъ взялся исправить дипломатическую ошибку графа Нессельроде; онъ твердо рѣшился, если Китайцы, основываясь на нашемъ листѣ 16 Іюня 1853 года, будутъ требовать постановки столбовъ отъ р. Горбицы, имъ объявить, что не имѣется на это полномочія Государя Императора; что подобное разграниченіе совершенно бесполезно, когда р. Амуръ представляетъ естественную границу и что если въ листѣ 16-го Іюня и упомянуто о постановкѣ столбовъ отъ Горбицы, то ему, Муравьеву, предоставлено было прежде удостовѣриться о возможности исполненія сего и что, найдя это по мѣстности совершенно невозможнымъ, онъ, Муравьевъ, такъ и донесъ Государю и ожидаетъ высочайшаго повелѣнія трактовать о разграниченіи в о з м о ж н о м ъ и у д о б н о м ъ для обоюдныхъ пользъ Россійскаго и Дайцинскаго государствъ, особенно въ видахъ защиты рѣки Амура отъ вторженія иностранцевъ.

Въ Іюнѣ Его Высочество Генералъ-Адмиралъ писалъ къ Муравьеву, что Государь Императоръ соизволилъ признать необходимымъ, въ видахъ развитія Сибирскаго края, «утвердить за Россіею весь лѣвый берегъ Амура» и получить право свободной торговли въ сѣверныхъ областяхъ Китайской имперіи. Поэтому Государь поручаетъ генералу Муравьеву вступить съ Китаемъ въ сношенія и заключить формальный договоръ.

12-го Августа Дайцинскаго государства охраняющій всѣ мѣста по р. Амуру генералъ, приближенный къ государю сановникъ, князь 6-й степени И, послалъ генералу Муравьеву письмо, которымъ извѣщалъ, что посланные Китайскіе чиновники имѣютъ прибыть на Сунгари-Ула для переговоровъ. По требованію Муравьева трибуналь приказалъ имъ быть на устьѣ Сунгари-Ула къ 3-му Сентября.

8-го Сентября Китайскіе уполномоченные прибыли къ Маринскому Посту. Четверо изъ нихъ были тѣже самые, которыхъ генералъ Муравьевъ встрѣтилъ у Камарскаго караула въ Маѣ мѣсяцѣ. Они были на Горбицѣ, гдѣ долго ожидали повелѣній отъ своего двора и потомъ, получивъ таковыя, пошли въ городъ Сахалинъ-Ула, гдѣ къ нимъ присоединились еще четыре чиновника изъ Урги.

9-го Сентября въ Маріинскомъ Посту составленъ протоколъ перваго засѣданія по случаю совѣщанія съ Китайскими уполномоченными о разграниченіи земель. Генераль Муравьевъ, по случаю болѣзни, предоставилъ предсѣдательствовать вмѣсто себя Камчатскому военному-губернатору контръ-адмиралу Завойкѣ.

Китайскимъ чиновникамъ выставлены на видъ быстрыя завоеванія Англіи въ разныхъ частяхъ свѣта, распространившей свои виды и на здѣшнія владѣнія, вовлекшей съ собою и Францію и угрожающей Россіи, которая должна принимать всѣ мѣры противъ соединенія вражескихъ силъ.

Китайскимъ уполномоченнымъ сказано было, что еще въ 1851 году правительство наше, вслѣдствіе появленія военныхъ иностранныхъ судовъ у устья Амура, писало въ Китайскій трибуналъ, что оно не потерпитъ, чтобъ устье Амура было занято какою бы ни было иностранною державою, такъ какъ вершины этой рѣки находятся во владѣніяхъ Россіи и земли, къ Востоку по Амуру лежащія, доселѣ остаются неразграниченными. Имъ объявили, что Государь Императоръ повелѣлъ генераль-губернатору Восточной Сибири образовать во ввѣренномъ ему краѣ до 100,000 постоянного войска, имѣя въ виду съ одной стороны необходимость охраненія и защиты р. Амура отъ вторженія иностранцевъ; а съ другой—возникшія въ то время въ дружескомъ Дайцинскомъ государствѣ смуты, произведенныя конечно тѣми же иностранцами. Чиновникамъ Китайскимъ внушено, что защита Амура, дѣятельно и съ огромными издержками предпринятая Россіей, не можетъ быть временной мѣрой. Сосредоточенныя на устьяхъ Амура военныя наши силы и воздвигнутыя укрѣпленія на вѣчныя времена должны еще усиливаться и охранять эту страну отъ всякаго чуждаго вторженія, а потому генераль Муравьевъ требовалъ слѣдующаго:

1. Всѣ мѣста, для этой цѣли занятыя нами тамъ, и весь при-
морскій край должны окончательно остаться во владѣніи Россіи.

2. Для необходимаго и непрерывнаго лѣтомъ и зимою сообщенія войскъ и крѣпостей нашихъ, на устьѣ Амура находящихся, со внутренними областями нашими (такъ какъ сообщеніе горами, по всѣмъ изслѣдованіямъ, рѣшительно невозможно ни зимою, ни лѣтомъ) намъ должно имѣть свои поселенія на всемъ лѣвомъ берегу Амура, который вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ самую естественную и безспорную границу между обоими государствами. Такимъ только образомъ внутреннія области Восточной Сибири будутъ вполне обезпечены отъ всякаго покушенія иностранцевъ со стороны моря, и такимъ только разграниченіемъ оба государства, Китайское и Россійское, устранить всякій поводъ къ недоразумѣніямъ между собою, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ времени возникнуть могущимъ.

Засѣданіе окончилось въ 8 часовъ вечера. Китайскіе уполномоченные просили дать имъ прочтенный протоколъ письменно, такъ какъ иначе они упомянуть не могутъ и не могутъ повѣрить сдѣлать своихъ замѣчаній.

Второе засѣданіе было 11-го Сентября. Уполномоченные явились въ 12^{1/2} часовъ. По докладѣ о томъ, на засѣданіе прибыли генераль Муравьевъ и контръ-адмиралъ Завойко.

Генераль Муравьевъ спросилъ уполномоченныхъ, все ли сказанное въ первомъ засѣданіи находится въ бумагахъ, вчера имъ переданной и имъ подписанной? На это уполномоченные заставили младшаго

чиновника прочесть на Маньчжурскомъ языкѣ бумагу: это оказался знаменитый листъ нашего Сената отъ 16 Юня 1853 года.

Генераль Муравьевъ сказалъ имъ, что одновременно съ отправленіемъ вышепрочтеннаго листа въ Китайскій трибуналъ, ему, Муравьеву, было повелѣно Государемъ сначала имѣть совѣщаніе о земляхъ неразграниченныхъ и уже послѣ того приступить къ самому разграниченію. Генераль Муравьевъ кончилъ слѣдующими словами: «Сообщая мысли мои, вамъ прочитанныя, прошу представить ихъ Китайскому правительству и быть увѣренными, что главною мыслию нашего правительства есть сохраненіе мира для обоюдныхъ пользъ двухъ великихъ сосѣдственныхъ державъ, Дайцинской и Россійской, на вѣчныя времена».

Генераль Муравьевъ просилъ поспѣшить отвѣтомъ изъ трибунала, такъ какъ время военное, и будущю весною онъ снова долженъ былъ сплавить по Амуру значительное количество орудій и войска для подкрѣпленія крѣпостей; а также учредить постоянное лѣтомъ и зимою сообщеніе крѣпостей и войскъ нашихъ на рѣкѣ Амурѣ съ внутренними областями.

Генераль Муравьевъ, послѣ совѣщанія, послалъ о томъ листъ въ Китайскій трибуналъ отъ 12-го Сентября, и просилъ въ то же время ходатайства Его Высочества Генераль-Адмирала, чтобы Сенатъ немедленно отнесся въ трибуналъ, что генераль-губернатору дано повелѣніе, по военнымъ обстоятельствамъ, еще значительнѣе усилить въ будущемъ году защиту устьевъ Амура и снабдить продовольствіемъ тамошнія войска изъ внутреннихъ областей Восточной Сибири. Генераль Муравьевъ просилъ сообщить Китайцамъ, что все, доводимое до свѣдѣнія ихъ нашимъ генераль-губернаторомъ, основано на данныхъ ему высочайшихъ повелѣніяхъ.

Генералу Муравьеву хотѣлось, чтобы Сенатъ подтвердилъ Китайскому трибуналу все то, что сообщено ему генераль-губернаторомъ. Листъ 5 года, 4 луны, 25 дня говорить, что плаваніе судовъ могло быть не иначе, какъ по взаимному соглашенію съ Сенатомъ, то чтобы не оставить 4000 человекъ, защитниковъ устьевъ Амура, безъ продовольствія, отъ Сената долженъ былъ быть отзывъ: иначе, имѣя въ виду листъ 16 Юня 1853 г., Китайское правительство могло думать, что Сенатъ имѣетъ не одни съ Муравьевымъ виды, и особенно въ отношеніи разграниченія.

12-го Ноября Китайскій главнокомандующій великій хуанди писалъ Сахалинъ-Уласкому джангину (помощнику дивизионнаго командира) Фулхунгъ о томъ, что вышелъ указъ богдыхана, чтобы въ будущемъ 1856 году не дозволялось Русскимъ судамъ спускаться по рѣкѣ.

Генераль Муравьевъ не сомнѣвался, что мѣра эта измѣнится вслѣдствіе переговоровъ его, бывшихъ въ Маріинскомъ Посту съ Китайскими уполномоченными. Дружескій тонъ послѣднихъ листовъ доказывалъ, что Китайское правительство, не смотря на изложенное въ нихъ запрещеніе, отнюдь не желаетъ поставить себя во враждебное отношеніе съ нами и, говоря о неприкосновенности р. Амура, какъ своего достоянія, защищаетъ его (какъ полагалъ генераль Муравьевъ) только потому, что доселѣ ясно и опредѣленно нами не была высказана необходимость, заставляющая Русское правительство постановить Амуръ граничною чертою между двумя государствами.

Въ послѣднемъ листѣ 25 числа, 4-й луны, трибуналъ общалъ намъ, въ случаѣ нужды, позволить плаваніе по Амуру послѣ взаимной

переписки обоихъ правительствъ. Причина такой явной уступки Китайскаго правительства заключалась единственно въ опасеніи разрыва съ Россіей, которое, при безпокойствахъ внутреннихъ и энергическихъ настояніяхъ генерала Муравьева, безъ всякаго сомнѣнія должно было дать уступчивое направленіе Китайской политикѣ съ нами.

Относительно же вышеупомянутаго указа о недозвожденіи намъ плаванія въ 1856 году, Фулхунга, изъ личнаго уваженія къ генералу Муравьеву, рискуя на себя навлечь гнѣвъ своего начальства, оказывалъ содѣйствіе и пособіе нашимъ запоздавшимъ лицамъ и командамъ, поднимавшимся вверхъ по Амуру, снабжалъ ихъ лошадьми и провизіей, отказываясь отъ всякой за то платы и вознагражденія. Въ письмѣ своемъ, отъ 1-го Ноября къ генералу Муравьеву, онъ ему пишетъ: «Вы, почтеннѣйшій, великій главнокомандующій Муравьевъ, своею справедливостію, точностію и не о б ы к н о в е н н о ю т в е р д о с т і ю навсегда оставили такую по себѣ славу, что обитатели нашей Черной рѣки вѣчно будутъ превозносить васъ похвалами».

12 Января 1856 г. генералъ Муравьевъ увѣдомилъ Китайскій трибуналъ о новыхъ приготовленіяхъ къ сдаву того года, а самъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Государь Императоръ повелѣлъ пріостановиться всякими сношеніями съ Китайскимъ трибуналомъ до полученія отъ него отвѣта на листъ Сената отъ 14 Декабря 1855 года. Тотъ листъ, который проектировалъ генералъ Муравьевъ, вѣрно было оставить, не предъявляя Китайцамъ никакихъ новыхъ домогательствъ.

Все это было слѣдствіемъ представленій Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которое испугалось листа, полученнаго въ Петербургъ въ началѣ Февраля 1856. Листъ этотъ былъ отъ трехъ главныхъ начальниковъ Китайскихъ пограничныхъ областей, амбаней Гиринаскаго, Амурскаго и Ургинскаго. Они ссылались на Нессельродовскій листъ 16 Юня 1853 года о постановкѣ столбовъ. «Мы, говорятъ они, выслали чиновниковъ; но вашъ генералъ-губернаторъ, для защиты отъ нападена Англійскаго флота, занялъ на р. Сунгари отъ моря нѣсколько городовъ и нѣсколько селеній, издавна платящихъ дань нашему государю. Муравьевъ вовсе не заботится о поддержаніи двухсотлѣтняго дружественнаго согласія и твердаго мира, и потому просимъ вразумить Муравьева».

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ считало крайнимъ предѣломъ дипломатическаго искусства «испросить у Китайцевъ права плаванія по Амуру и учрежденія на сей рѣкѣ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, станцій для склада нужныхъ заготовленій провизіи и топлива».

Къ счастью въ это время прибылъ въ Петербургъ самъ генералъ Муравьевъ. Онъ доказалъ необходимость дарованія ему формальнаго уполномочія для переговоровъ съ Китайскимъ правительствомъ при заключеніи новаго трактата, опровергъ всѣ доводы Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и убѣжденія его до того были ясны и сильны, что Государь Императоръ повелѣлъ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ снабдить генерала Муравьева полномочіемъ для переговоровъ съ Китайцами и заключенія съ ними условій, по тѣмъ требованіямъ, которыя уже были сообщены имъ отъ него; плаваніе по Амуру вѣрно продолжать и Китайцамъ, за требуемыя уступки, предложить артиллерію въ томъ числѣ орудій, какое заранѣе будетъ опредѣлено; воздерживаться, впрочемъ, отъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, употребляя открытую силу только для освобожденія изъ плѣна Русскихъ

въ случаѣ задержанія ихъ Китайцами, имѣя въ виду, что въ подобномъ случаѣ нужны скорыя и рѣшительныя мѣры, и что всякая переписка, которая, по Китайскимъ обычаямъ, продолжается цѣлые годы, была бы вредна. Полномочіе получилъ генераль Муравьевъ 30 Марта и немедленно отправилъ въ Иркутскъ курьера съ предписаніемъ полковнику Карсакову энергически стоять въ отношеніи сплава экспедиціи 1856 года.

Въ половинѣ Мая полковникъ Карсаковъ спустился по Амуру.

21-го числа, около 9 часовъ утра, Русскій отрядъ изъ 10 барказовъ, одной канонирской лодки и парохода «Надежды», имѣвшаго на буксирѣ лодку губернатора Забайкальской области полковника Карсакова, подходилъ къ лѣвому берегу противъ города Айгуна и былъ встрѣченъ Маньчжурскими чиновниками, которые просили губернатора отъ имени трехъ амбаней пристать къ городу въ томъ мѣстѣ, гдѣ приготовлена палатка, и что тамъ его ожидаютъ Чернорѣцкій (Айгунскій) мѣйрень-джангинъ Куйфу, хулунъ Буирскій мѣйрень-джингинъ Дзираминга и изъ Чичигара гусайда Фуяннга. Губернаторъ приказалъ поблагодарить амбаней за вниманіе ихъ и велѣлъ сказать, что сначала пристанетъ противъ города къ лѣвому берегу рѣки, чтобъ видѣть свой отрядъ, который приставалъ къ берегу противъ города, а потомъ придетъ къ амбанямъ. Чиновники отправились. Осмотрѣвъ на пароходѣ суда отряда, полковникъ Карсаковъ присталъ къ берегу и тотчасъ же послалъ чиновника и переводчика въ Айгунъ, на пароходѣ, дать знать амбанямъ о пріѣздѣ своемъ и сказать, что онъ спустя нѣсколько времени будетъ къ нимъ самъ. Подойдя къ городу наши бросили якорь и, сѣвъ на шлюпку, сѣхали на берегъ. На берегу въ городѣ была раскинута палатка и окружена разнаго званія народомъ; впереди по обѣимъ сторонамъ входа въ палатку стояли Маньчжурскіе чиновники. Начальникъ города, старикъ лѣтъ 60 слишкомъ, стоялъ въ палаткѣ (прочихъ амбаней тутъ не было); чиновникъ и переводчикъ подошли къ нему и засвидѣтельствовали почтеніе отъ лица своего губернатора. Спустя немного времени, пришли одинъ за другимъ хулунъ Буирскій мѣйрень-джангинъ Дзираминга и Гиринскій гусайда Фуяннга, который былъ въ прошломъ году, въ числѣ прочихъ комиссаровъ отъ Китайскаго правительства, на устьѣ Амура по дѣлу о разграниченіи. Начальникъ города просилъ ихъ передать губернатору, что они (три амбана) будутъ ожидать его тутъ въ палаткѣ, и что они особо пошлютъ своихъ чиновниковъ поздравить его съ пріѣздомъ и просить къ себѣ.

Чиновники Маньчжурскіе были у полковника Карсакова, поздравили его отъ имени амбаней съ пріѣздомъ и просили въ городъ. Спустя часъ, губернаторъ отправился въ Айгунъ въ сопровожденіи своей свиты. Амбани встрѣтили его при входѣ въ палатку, спрашивали о здоровьѣ, благополучно ли совершаетъ путь, просили сѣсть по лѣвую руку Куйфу, подали вина, чаю и конфектъ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій полковникъ Карсаковъ объявилъ амбанямъ, что онъ прибылъ сюда по распоряженію генераль-губернатора Муравьева проводить наши суда, идущія на устьѣ Амура, и встрѣтить у города Айгуна нашъ большой пароходъ, который долженъ быть съ устья Амура и, передавъ для него разныя распоряженія генерала Муравьева, возвратиться въ Читу. Онъ предупредилъ ихъ, кромѣ того, что будутъ ходить въ теченіе всего лѣта, вверхъ и внизъ по рѣкѣ, наши суда и пароходы, а также и команды воз-

вращаться съ устьевъ Амура, для чего генераль-губернаторъ приказалъ оставить на нѣкоторыхъ мѣстахъ по лѣвому берегу Амура продовольствіе съ людьми для храненія онаго и оказыванія, въ случаѣ нужды, помощи проходящимъ нашимъ судамъ и командамъ.

Амбани, подумавъ, сказали, что о пропускѣ Русскихъ плавать по рѣкѣ они никакого разрѣшенія не имѣютъ отъ своего начальства, но, уважая дружбу двухъ государствъ, пропускаютъ насъ и боятся не получить бы за это отъ правительства своего неприятности; поэтому, по мнѣнію ихъ, не слѣдовало бы оставлять продовольствіе и команды.

Губернаторъ отвѣчалъ, что онъ это дѣлаетъ по приказанію высшаго своего начальства, предоставивъ амбанимъ, во избѣжаніе отвѣтственности, донести объ этомъ въ Пекинъ.

На вопросъ сколько у насъ войска на устьѣ Амура, полковникъ Карсаковъ отвѣчалъ: около десяти тысячъ, и въ нынѣшнемъ году пройдетъ еще тысячъ пять; а когда онъ сказалъ, что на Зейскомъ посту будетъ около 500 человекъ, то амбани и чиновники съ безпокойствомъ значительно переглянулись между собою.

Амбани просили дать имъ записку о числѣ чиновниковъ, находящихся при губернаторѣ, имена ихъ, о числѣ проходящихъ въ теченіе лѣта внизъ и вверхъ нашихъ судовъ и пароходовъ, а также о количествѣ людей. При этомъ амбани просили внушить нашимъ людямъ, чтобы они не обижали ихъ людей, равно какъ и они внушаютъ своимъ не обижать нашихъ.

Простившись съ губернаторомъ, амбани провожали его до того мѣста, откуда онъ съѣзъ на шлюпку.

Въ Августѣ генераль Муравьевъ имѣлъ намѣреніе писать въ трибуналъ, чтобы уполномоченные отъ Китайскаго правительства были стравлены въ Кяхту, къ бѣлому мѣсяцу, для трактованія съ нимъ и окончанія всѣхъ дѣлъ и чтобы, во избѣжаніе бесполезной траты времени, чиновники сіи были снабжены полными уполномочіями, какъ и Муравьевъ на этотъ предметъ уполномоченъ отъ великаго Государя своего.

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ добилось, что листъ этотъ не былъ посланъ.

Въ Декабрѣ генераль Муравьевъ уѣхалъ изъ Петербурга.

Въ 1857 году, въ Январѣ, Его Высочество Генераль-Адмиралъ писалъ изъ ГанOVERA князю Горчакову о необходимости послать доврѣнное лицо въ Китай для окончательнаго разрѣшенія возникшаго вопроса о границахъ нашихъ, дабы непременно предупредить прибытіе въ Пекинъ Англійскаго и Французскаго резидентовъ. Его Высочество указывалъ на графа Путятина, который заявилъ въ Японіи свои способности и выговорилъ выгодный для насъ трактатъ.

Изъ Дрездена онъ же сообщилъ генералу Муравьеву, отъ 24 Января, что Англичане и Французы намѣрены послать въ Китайскія моря значительныя силы и резидентовъ въ Пекинъ, и что изъ Петербурга думаютъ послать графа Путятина для выговоренія лѣваго берега Амура и прибрежнаго края.

Въ Февралѣ назначеніе графа Путятина полномочнымъ въ Китай состоялось, и отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ послано съ фельдъегеремъ офиціальное о томъ извѣщеніе къ Китайскому правительству, которому написали, что, желая поскорѣе кончить всѣ возникшіе между Россією и Китаемъ вопросы и не желая, чтобы внутрен-

нее волненіе въ Китаѣ и нападенія на него извнѣ отразились на нашихъ границахъ, какъ сухопутныхъ, такъ особенно морскихъ, Государь Императоръ призналъ за благо послать немедленно лицо, пользующееся полною довѣренностью Его, собственнаго генералъ-адъютанта графа Путятина, предоставивъ ему полную власть условиться и рѣшить по всемъ дѣламъ, до Россіи и Китая относящимся.

Такъ какъ это дѣлалось тайно, то предложомъ поѣздки графа Путятина избрано было порученіе—осмотрѣть береговъ Восточной Сибири и избраніе мѣста для новаго порта. При этомъ нашли неудобнымъ заселеніе лѣваго берега Амура казаками, такъ какъ оно могло отразиться на переговоры, имѣя на нихъ вредное вліяніе; въ случаѣ же успѣха переговоровъ, переселеніе казаковъ должно было опредѣлиться трактатомъ.

21 Февраля графъ Путятинъ, снабженный надлежащими инструкціями, выѣхалъ изъ Петербурга.

Петербургскія распоряженія не парализовали настойчивой дѣятельности генерала Муравьева; онъ видѣлъ, что Китайское правительство становится тѣмъ неразумнѣе, чѣмъ затруднительнѣе его положеніе и убѣждался все болѣе, что много разговаривать съ нимъ бесполезно; а всѣ сомнительные вопросы надобно намъ разрѣшать самимъ, ибо дѣйствіямъ нашимъ оно препятствовать не смѣетъ и не препятствуетъ. Онъ помнилъ слова покойнаго Государя, сказанныя ему въ 1853 году: «Китайцы должны исполнять справедливыя наши требованія и если не захотятъ, то у тебя теперь есть войска, мы можемъ ихъ заставить». И дѣйствительно, если бы переговоры повели къ пушечнымъ выстрѣламъ, генералъ Муравьевъ былъ готовъ и къ нимъ.

Князь Горчаковъ писалъ въ Маѣ графу Путятину, что Англійское правительство, желая содѣйствія нашего въ дѣлахъ Китая, поручило пребывающему въ Петербургѣ посланнику своему конфиденціально узнать, встрѣтитъ ли оно въ насъ готовность вступить съ нимъ въ соглашеніе по сему предмету. Князь отвѣчалъ лорду Вудгоузу, что не только по Китайскимъ дѣламъ, но по всякому вопросу Европейской важности мы готовы войти въ предварительныя соглашенія съ Англійскимъ правительствомъ, что однакоже, какъ графъ Путятинъ отправился въ Пекинъ въ самыхъ миролюбивыхъ видахъ, то и содѣйствіе лорду Эльгину можетъ онъ лишь оказывать въ путяхъ миролюбія. О видахъ своего правительства лордъ Вудгоузъ сообщилъ князю Горчакову, что Англійскій уполномоченный лордъ Эльгинъ прибудетъ къ устью р. Пейхо и объявитъ Пекинскимъ властямъ о готовности своей вступить въ переговоры съ лицомъ, которое для сего назначено будетъ со стороны Китайскаго императора для окончанія возникшей между Англією и Китаемъ распри, чтобы добиться прямыхъ сношеній съ правительствомъ и дозволенія иностранцамъ свободнаго сообщенія съ большими городами, находящимися внутри Китая; а также о предоставленіи всемъ христіанамъ, живущимъ въ Китаѣ, свободы вѣроисповѣданія.

Въ Апрѣлѣ графъ Путятинъ былъ уже въ Кяхтѣ, гдѣ полученъ былъ отъ 15 Апрѣля изъ Китайскаго трибунала листъ, въ которомъ на счетъ отправки посла сказано, что и въ прежнее время, когда Англичане возбудили беспорядки, Китайское государство само принимало мѣры обороны отъ ихъ нападеній, не пользуясь содѣйствіемъ постороннихъ державъ (взаимныя же распри между иностранными

государствами до Китайскаго государства не касаются); что, наконецъ, между Китаемъ и Россіею нѣтъ секретныхъ и важныхъ дѣлъ для обсуждения, поэтому «нѣтъ и нужды въ назначеніи особаго посла въ Пекинъ, а лучше во всемъ сообразоваться со смысломъ листовъ палаты» (?)

Графъ Путятинъ, видя, что въ Кяхтѣ ему долѣе дѣлать нечего, послалъ министру иностранныхъ дѣлъ депешу, предлагая взять Китайскій городъ Айгунь, и отправился затѣмъ на Амуръ съ генераломъ Муравьевымъ, куда тотъ поѣхалъ съ двумя баталіонами пѣхоты и дивизиономъ полевой артиллеріи. Графъ Путятинъ хотѣлъ остановиться въ городѣ Сахалинъ-Ула (Айгунь) и спросить, получено ли тамъ разрѣшеніе принять его черезъ Маньчжурію. Ген. Муравьевъ былъ убѣжденъ, что нѣтъ. Оно такъ и оказалось, а потому графу Путятину оставалось только отправиться къ устью Амура, а оттуда, сѣвъ на пароходъ «Америка», плыть въ Печелійскій заливъ.

Генералъ Муравьевъ рассчиталъ остаться на Зейскомъ посту, чтобъ прикрывать переселеніе казаковъ на лѣвый берегъ рѣки; ибо, послѣ бывшей о посольствѣ переписки и неблагоприятнаго результата оной, необходимо было принять нѣкоторыя военныя предосторожности.

Генералъ Муравьевъ никакъ не ожидалъ, чтобы Китайцы были до такой степени упрямы и невѣжливы; онъ думалъ, что посольство будетъ принято, хотя и не ожидалъ, что оно въ Пекинѣ достигнетъ своей цѣли.

На случай, еслибъ въ Печелійскомъ заливѣ или въ Пекинѣ возбужденъ былъ вопросъ о плаваніи нашемъ и владѣніяхъ на Амурѣ, генералъ Муравьевъ сообщилъ графу Путятину для свѣдѣнія, слѣдующія свои соображенія.

Въ началѣ 1851 года правительство наше, озабочиваясь охраненіемъ устья Амура и острова Сахалина отъ занятія иностранцами, обращалось по этому предмету къ Китайскому правительству въ Февралѣ того же года изъ нашего Сената, такъ какъ мѣста эти, по прежнимъ трактатамъ, остались между нами и Китайскою имперіей неразграниченными, и приняло съ своей стороны надлежащія мѣры къ укрѣпленію устьевъ рѣки; но отъ Китайскаго правительства никакого на этотъ листъ отвѣта не воспослѣдовало, и мы семь лѣтъ занимаемъ тѣ мѣста безспорно и безпрепятственно, безъ всякаго со стороны Китайцевъ протеста и противодѣйствія, употребляя значительныя силы и денежныя средства для укрѣпленія входа въ рѣку Амуръ и острова Сахалина.

Очевидно и положительно, что Китайское правительство молчаніемъ своимъ признало за нами право владѣнія и обязанность защиты устьевъ Амура и острова Сахалина; въ систему защиты входитъ восточный берегъ Маньчжуріи, гдѣ заливъ Декастри и Императорская Гавань заняты и укрѣплялись нами съ того же времени.

Вослѣдствіи, для снабженія войскъ и укрѣпленій нашихъ на устьѣ Амура продовольственными и военными припасами, открыто нами на судахъ нашихъ съ вершинъ этой рѣки, находящихся въ Забайкальской области, и до устьевъ оной, вновь плаваніе, которое до 1854 г. прекращено было лишь потому только, что мы не имѣли въ немъ надобности; а отнюдь не какимъ либо трактатомъ, въ которыхъ нигдѣ о плаваніи по этой рѣкѣ, издревле намъ принадлежавшей, по всему ея протяженію, не упоминается.

Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 4 Іюня 1855 года возложено на генерала Муравьева, при переговорахъ о разграниченіи съ Китаемъ, утвердить за Россіей весь лѣвый берегъ Амура и потому, при переговорахъ съ Китайскими уполномоченными, прибывшими въ Маринскій Постъ съ листомъ къ Муравьеву отъ приближеннаго къ богдыхану сановника, князя И, объявлено имъ было и сообщено письменно его, Муравьева, мнѣніе о такомъ разграниченіи 10 Сентября 1855 г. и сообщено трибуналу 12 Сентября; а 14 Декабря того же года посланъ изъ С.-Петербурга отъ нашего Сената въ трибуналъ листъ, въ которомъ объяснено, что все, сообщенное генераломъ Муравьевымъ Китайскому правительству, основано на данныхъ ему высочайшихъ повелѣніяхъ. Какъ на этотъ листъ изъ Сената, такъ и на переговоры генерала Муравьева съ Китайскими уполномоченными въ Маринскомъ Посту изъ трибунала внѣшнихъ сношеній до сихъ поръ, въ теченіи полутора года, никакого отвѣта и опроверженія не воспослѣдовало, и хотя мѣстные пограничные начальники писали къ намъ въ Сенатъ отъ 20 Января 1856 года, что они не считаютъ себя вправѣ докладывать высшему своему правительству мнѣніе Муравьева о разграниченіи; но по высочайшей волѣ, объявленной ему Его Высочествомъ Генералъ-Адмираломъ, предоставлено ему отвѣчать симъ мѣстнымъ Китайскимъ пограничнымъ начальникамъ, что онъ, Муравьевъ, приостановилъ докладъ ихъ листа Сенату, который ожидаетъ отъ трибунала отвѣта на вышеупомянутый свой листъ отъ 14 Декабря 1855 года, о чемъ Муравьевъ ихъ и увѣдомилъ изъ С.-Петербурга 3 Марта 1856 года.

Новая эта продолжительная безотвѣтность Китайскаго трибунала внѣшнихъ сношеній на наши листы о разграниченіи не можетъ быть иначе принята, какъ за знакъ согласія на сдѣланныя генераломъ Муравьевымъ предложенія, тѣмъ болѣе, что съ открытіемъ навигаціи прошлаго 1856 года разставлены были казачьи посты наши по всему лѣвому берегу Амура, начиная отъ Усть-Стрѣлочнаго караула; а главнѣйшій изъ этихъ постовъ находится на Усть-Зеѣ, близъ самаго города Сахалинъ-Ула (Айгуня), и начальники этого поста находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Китайскими властями этого города. Въ нынѣшнемъ же 1857 году предназначено усилить всѣ эти посты и переселить туда семейства казаковъ, которыхъ ихъ занимаютъ, что и будетъ Муравьевымъ сдѣлано въ теченіе настоящаго Іюня мѣсяца, во исполненіе того, что уже имъ сообщено трибуналу еще 12 Сентября 1855 года относительно учрежденія лѣтнаго и зимняго по Амуру сообщенія нашего.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ, а также изъ послѣднихъ отношеній къ графу Путятину Китайскаго трибунала и Ургинскихъ пограничныхъ начальниковъ, гдѣ они рѣшительно ничего объ Амурѣ не упоминаютъ, не смотря на весьма ясное занятіе лѣваго его берега нашими постами и даже говорятъ, что кромѣ Чугучакскаго дѣла никакихъ другихъ дѣлъ съ нами для переговоровъ не имѣютъ, генералъ Муравьевъ вывелъ графу Путятину прямое заключеніе, что Китайское правительство полагаетъ Амурское дѣло конченнымъ на тѣхъ основаніяхъ, какъ Муравьевымъ было предложено ихъ уполномоченнымъ 10 Сентября 1855 г. въ Маринскомъ Посту и, что послѣ всей позднѣйшей съ ними переписки, оно даже потеряло всякое право протеста на большее или меньшее занятіе нами лѣваго берега Амура.

Что же касается заключенія новаго съ Китаемъ пограничнаго трактата, 19.

тата, то весьма естественно, что Китайское правительство, не препятствуя намъ занимать лѣвый берегъ Амура и всѣ приморскія мѣста, не желаетъ заключать поэтому новаго трактата, опасаясь гласности передъ собственными своими подданными.

Генераль Муравьевъ могъ настойчиво идти къ цѣли уже и потому, что на границахъ Маньчжуріи и Монголіи у него было достаточное количество войска.

Графъ Путятинъ проплылъ городъ Сахалинь-Ула 5 Іюня. Въ городѣ онъ посылалъ спрашивать у амбана, не имѣетъ ли онъ отъ высшаго Китайскаго правительства повелѣнія провезти его въ столицу чрезъ Маньчжурію, но отвѣтъ былъ отрицательный, и, послѣ обычныхъ взаимныхъ привѣтствій черезъ чиновниковъ, графъ Путятинъ отплылъ далѣе. Генераль Муравьевъ, съ двумя канонирскими лодками, проводилъ его нѣсколько верстъ за городъ и на другой день, 6 Іюня, отправившись на этихъ же лодкахъ вверхъ по Амуру, возвратился 7 числа на Усть-Зейскій постъ, куда въ тоже время прибыли сверху рѣки главныя силы сосредоточеннаго имъ здѣсь военнаго отряда.

Завѣдывающему 1-мъ отдѣленіемъ Амурской линіи генераль Муравьевъ далъ инструкцію, какъ держать себя относительно Китайцевъ. Онъ просилъ сохранять дружескія отношенія съ властями города Айгуни (Сахалинь-Ула-Хотонъ) и вообще со всѣмъ народонаселеніемъ осѣдлымъ и кочующимъ, находящимся на берегахъ Амура; посѣщать по временамъ амбана и принимать всегда ласково его самого и чиновниковъ, которые отъ него присылаемы будутъ и поручить одному изъ казачьихъ офицеровъ при отрядѣ принимать также тѣхъ чиновниковъ, которые будутъ прѣзжать для мѣстныхъ сношеній. Сотенныя команды обязалъ онъ также ласково принимать чиновниковъ, которые будутъ прѣзжать къ нимъ въ штабы и приказалъ посылать въ городъ офицеровъ для наблюденія, не производятъ ли тамъ какихъ либо военныхъ приготовленій.

Генераль Муравьевъ приказалъ оказывать жителямъ во всѣхъ случаяхъ покровительство и даже помощь, внушая обращеніемъ нашимъ полное къ намъ довѣріе и тѣмъ доказывая, что наше владычество въ этихъ странахъ для нихъ выгоднѣе, чѣмъ нынѣшнее ихъ правительство.

Въ разговорахъ съ чиновниками и жителями велѣно объявлять, что жители, остающіеся на лѣвомъ берегу, поступать съ будущей навигаціей совершенно въ наше распоряженіе; а потому тѣ, которые этого не пожелаютъ, должны вовремя перейти на правый берегъ Амура. Во всѣхъ разговорахъ съ амбанемъ или присланными отъ него чиновниками генераль Муравьевъ приказалъ завѣдывающему 1-мъ отдѣленіемъ Амурской линіи сообщать имъ и стараться внушить, что, имѣя отъ него приказаніе сохранять съ ними по всей линіи дружбу и согласіе, онъ въ тоже время обязанъ, въ случаѣ малѣйшаго вида недружелюбія съ ихъ стороны или скопленія военныхъ силъ, перейти на правый берегъ рѣки, забрать все ихъ оружіе и расположиться въ самомъ городѣ съ войсками и артиллеріею, внушая имъ вообще, что мѣстный начальникъ во всемъ исполняетъ лишь волю Государя и что если они имѣютъ какія либо неудовольствія противъ дѣйствій мѣстнаго начальника на Усть-Зей, то могутъ жаловаться генераль-губернатору въ Иркутскъ или Сенату нашему въ Петербургъ. Если бы жители лѣваго берега Амура стали, по распоряженію своего на-

чальства, переходить на правый, то генералъ Муравьевъ велѣлъ имъ объявить, чтобъ они не беспокоились за свои дома, что они будутъ сохранены въ цѣлости и что съ открытіемъ навигаціи они могутъ продать ихъ нашимъ переселенцамъ; если такимъ образомъ опустѣютъ цѣлыя деревни, то велѣлъ занять ихъ постами для охраненія отъ огня; а еслибъ опустѣли всѣ селенія противъ города, то послать цѣлую роту, которая и должна расположиться въ селеніяхъ противъ города, имѣя съ Усть-Зейскимъ постомъ ежедневное сообщеніе. Еслибъ амбанъ или чиновники его стали входить въ разсужденія о правахъ своихъ на лѣвый берегъ Амура, то генералъ Муравьевъ приказалъ объявить имъ разъ на всегда, что это до начальника линіи не касается и что они обо всемъ этомъ могутъ объяснять генералу Муравьеву.

*

Въ Іюлѣ полученъ на Амурѣ листъ отъ Китайскаго трибунала отъ 12 Іюня, въ которомъ сообщается Сенату, что ему писано уже, что въ дѣлѣ усмиренія смуть, производимыхъ злоумышленниками, срединное государство никогда не пользовалось помощью иностранныхъ державъ и что поэтому нашему высокому посланнику нѣтъ нужды слѣдовать къ нимъ въ Пекинъ. Нынѣ же, получивъ отъ посла нашего друга сообщенія, что онъ намѣренъ прибыть къ Тянь-цзиню, трибуналъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что Тянь-цзинъ тѣмъ болѣе не мѣсто для переговоровъ между подданными обѣихъ имперій.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ изъ С.-Петербурга еще разъ написали Пекинскому двору о принятіи нашего посла. Графъ Путятинъ 1-го Іюля вышелъ изъ Николаевска и 24 числа прибылъ къ устью р. Пей-хо, или правильнѣе Хай-хэ, впадающей въ заливъ Джилійскій, или Печели. 4-го Августа прибылъ Китайскій сановникъ и былъ принятъ съ почетомъ, слѣдующимъ его сану. Послѣ привѣтствій онъ объявилъ, что хотя не обязанъ, но изъ пріязни и подъ большою отвѣтственностію приметъ бумагу съ тѣмъ, что отвѣтъ на нее будетъ присланъ въ Кяхту или на Амуръ къ генералу Муравьеву. Узнавъ же, что графъ Путятинъ этого условія не допускаетъ, онъ отказался принимать дальнѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ; но объявилъ, что сообщить обо всемъ генералъ-губернатору приморскихъ областей, отъ котораго отвѣтъ можетъ быть полученъ черезъ 8 дней. 12-го Августа дѣйствительно прибылъ товарищъ генералъ-губернатора и принялъ пакетъ съ условіемъ доставить отвѣтъ въ Печели; но принялъ не прежде, какъ употребивъ всѣ усилія, чтобы отклониться отъ этого:

Между тѣмъ трибуналъ жаловался Сенату, что «Путятинъ прислалъ листъ изъ Кяхты, увѣдомляя о намѣреніи прибыть въ Пекинъ для совѣщаній о важныхъ дѣлахъ; что посланники, слѣдующіе въ Пекинъ, обыкновенно имѣютъ цѣлю доставить дань и лично представиться богдыхану. Если же случатся дѣла, требующія взаимныхъ совѣщаній, то эти совѣщанія непременно должны производиться на границѣ; а допустивъ посла въ столицу, затруднительно было бы принимать его. Поэтому изъ палаты отправленъ былъ листъ въ Кяхту о томъ, что Путятину нѣтъ нужды ѣхать въ Пекинъ. Вопреки ожиданію Китайскаго правительства, Путятинъ, хотя и получилъ отвѣтныи листъ, но все таки прибылъ въ Тянь-цзинъ и передалъ листъ, въ которомъ жалуется, что въ срединной имперіи не оказываютъ ему должнаго приѣма. Но надо вспомнить, что въ дѣлѣ пере-

говоровъ между двумя имперіями необходимо съ той и съ другой стороны условиться о мѣстѣ свиданія: тогда только можно пригото- вить все необходимое для пріема. Въ настоящемъ случаѣ мы вовсе не условились назначать мѣстомъ совѣщанія Тянь-цзинь: какимъ же образомъ мѣстныя власти могли сдѣлать къ тому приготовленія? Въ помянутомъ мѣстѣ нельзя принимать собственно и бумагъ изъ ино- странныхъ державъ; но такъ какъ Путятинъ прибылъ издалека и находился тамъ уже долгое время, то тамошнее начальство приняло отъ него листъ и доставило къ намъ. Палата въ общемъ собраніи вскрыла листъ и прочла его содержаніе. Въ семь листъ вы говорите, что нашъ отвѣтный листъ прибылъ къ вамъ позже назначеннаго срока. По расчету условный срокъ не былъ промедленъ, и отвѣтъ прибылъ въ 5 лунъ, какъ желалъ и ожидалъ Путятинъ. Но онъ, по полученіи сего листа, прибылъ въ Тянь-цзинь, который не есть про- ѣздное мѣсто, и тамошнія власти никакъ не могли знать о его при- ѣздѣ; слѣдовательно нельзя говорить, что посланнику оказано не- вниманіе. Но у Путятина нѣтъ грамоты отъ вашего высокаго пра- вительства, то и нѣтъ надобности дѣлать ему пріема, какъ послан- никамъ, пріѣзжающимъ съ данью и для представленія нашему госу- дарю. Притомъ онъ самъ именуется себя сановникомъ высшей сте- пени, графомъ,—тѣмъ болѣе нельзя обойтись съ нимъ, какъ съ про- стымъ человѣкомъ, пріѣзжающимъ по дѣламъ неважнымъ: въ случаѣ какаго либо невниманія къ нему могло бы нарушиться наше доброе согласіе. Потомъ, такъ какъ Путятинъ не объяснилъ предмета тре- буемыхъ совѣщаній, то мы при отвѣтѣ своемъ еще не могли пони- мать сущность дѣла. Теперь же изъ вновь полученнаго листа ока- зывается, что дѣло идетъ о взаимныхъ переговорахъ касательно еще неопредѣленной границы. Границы обоихъ государствъ опредѣлены въ правленіе Каяъ-хи; границами поставлены р. Горбца и боль- шой Хинганскій хребетъ. Тогда поставили пограничныя столбы на вѣчныя времена нерушимо. Посему объ этомъ ненуж- но трактовать. Остаются неразграниченныя только мѣста, прилега- ющія къ р. Уди и бывшія издавна промежуточнымъ пространствомъ между обѣими государствами. Въ третьемъ году настоящаго прав- ленія, по желанію вашего высокаго правительства, мы поручили Ги- ринскому, Амурскому и Ургинскому правителямъ командировать чи- новниковъ для освидѣтельствованія границъ вмѣстѣ съ вашими пол- номочными; съ тѣхъ поръ прошло много времени, а результатовъ никакихъ еще не было. Въ настоящее время, пользуясь присутствіемъ здѣсь сановника вашего, Путятина, палата можетъ испросить у ве- ликаго нашего государя повелѣніе назначить особаго сановника, ко- торый вмѣстѣ съ Путятинымъ осмотритъ Удскую страну и сообща съ нимъ опредѣлитъ тамъ границу. Хайланъ-Омо, поселеніе Котунъ и Цзинкари суть пограничныя мѣста срединной имперіи; а Муравь- евъ, во главѣ множества людей, объявляя, что они всѣ отправлены вашимъ правительствомъ, завладѣлъ тѣми мѣстами и построилъ тамъ зданія. Вѣроятно, это было безъ вѣдома вашего государя. Такъ какъ Путятинъ прибылъ въ первый разъ и издалека, то палата сдѣла- ла отвѣты на всѣ пункты листа посланника; повелѣно также Тянь- цзинскимъ военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, при отправленіи посланника, лично проводить его по морскому берегу для совершен- наго исполненія закона гостепріимства и вмѣстѣ съ тѣмъ отправить листъ въ высокій Сенатъ для предупрежденія, что если кто снова

прибудеть въ Тянь-цзинь или другой приморскій портъ, палата, согласно установленному порядку, не иначе будетъ имѣть письменныя сношенія, какъ черезъ Ургинскихъ правителей и не будетъ сноситься съ посланникомъ».

Китайское правительство, должно быть, было въ то время въ храбромъ настроеніи. Оно рѣшилось протестовать противъ занятія нами лѣваго берега Амура. Генераль Муравьевъ получилъ листъ отъ мейренъ-джаангина города Сахалянъ-Ула, въ которомъ, послѣ обычныхъ напоминаній о двухсотлѣтней дружбѣ Россіи съ Китаемъ, говорится, что суда, пропущенныя на устье Амура якобы для отраженія Англичанъ, достигнувъ до мѣста Хотонъ, стали тамъ дома строить и поселились. Муравьевъ спускался на многихъ судахъ и при проплывтіи Сахалянъ-Ула помогаемо было исправить разбившееся судно. Послѣ того, зимою, болѣе ста человекъ Русскихъ, возвращаясь изъ мѣстечка Хотонъ, достигли до Сахалянъ-Ула, снабжены были провизіей и лошадьми отъ города. Нынѣ генераль-губернаторъ Муравьевъ, прибывши съ судами и людьми, не имѣлъ свиданія взаимнаго, говоря, что спѣшить и проплывши городъ, на другой день возвратился, остановился въ мѣстечкѣ Хайланъ-Омо, при устьѣ Зеи. Были посланы чиновники спросить о причинѣ построекъ, но ничего положительнаго не узнали. «Изъ этого предвидимъ, что вы завладѣваете насильственно мѣстами срединнаго государства и, какъ кажется, вовсе не для отраженія Англичанъ, и кажется, нѣтъ повелѣнія вашего Императора. Что же касается до торговыхъ сношеній, то пункты для этого опредѣлены трактатами. Мѣста наши Гиринскія и Сахалянъ-Уласкія холодныя и бѣдствующія, ничего не производятъ, самимъ едва хлѣба и овощей достаетъ: гдѣ же взять для продажи? Кромѣ того, люди здѣшніе крѣпкаго сложенія и надменны, къ спорамъ и дракамъ охотники, по этому вамъ слѣдуетъ пораньше возвратить всѣхъ людей и поддерживать этимъ дружеское согласіе съ нами. Генераль-губернаторъ! Ты, нарушивши дружественныя отношенія, сряду четыре года отъ Сахалянъ-Ула ѣздилъ вверхъ и внизъ и построилъ много домовъ въ мѣстечкѣ Хайланъ-Омо. Какая этому непрѣмная причина? Объяснить надо для донесенія высшему правительству и для рѣшенія по обстоятельствамъ. Просимъ тебя, генераль-губернаторъ, тщательно размысливши высокими мыслями твоими, не разрушать добраго согласія двухъ государствъ, но разяснивши настоящее истинное дѣло, написать листъ на Маньчжурскомъ языкѣ и прислать намъ, по разсмотрѣніи котораго, мы бы посовѣтовались и рѣшили и тѣмъ избавили бы отъ хлопотъ и безпокойства войско двухъ государствъ».

Генераль Муравьевъ отвѣчалъ, что изъ листа этого онъ усматриваетъ, что амбаниямъ вовсе неизвѣстна переписка его еще съ 1855 года съ высокимъ трибуналомъ. На всю нашу переписку отъ вышаго Китайскаго правительства никакого противорѣчія не было и когда въ нынѣшнемъ году, по высочайшей волѣ нашего Великаго Государя, посланъ былъ въ Пекинъ посланникъ, то онъ трибуналомъ туда пропущенъ не былъ подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы нѣтъ предмета для переговоровъ. «По всему этому, почтенные амбани, продолжаетъ генераль Муравьевъ, и я не считаю себя вправѣ принять вашъ листъ и входить по оному въ какіе-либо переговоры и вынужденъ листъ вашъ при семъ возвратить. Посланникъ же нашъ теперь въ Печелійскомъ заливѣ, и правительство ваше можетъ обо

всемъ съ нимъ переговорить въ Пекинѣ, куда ему назначено было отправиться. По дружественнымъ же отношеніямъ обоихъ государствъ, прошу васъ обращаться со всѣми словесными объясненіями къ г. Языкову, назначенному на Усть-Зею и по всему лѣвому берегу Амура начальникомъ, равностепеннымъ съ амбанемъ. Письменныхъ же листовъ онъ принимать отъ васъ не можетъ, ибо не имѣетъ при себѣ переводчика, который бы умѣлъ читать и писать».

Затѣмъ осенью генералъ Муравьевъ отправился въ Петербургъ.

Вышній трибуналъ послалъ въ Сенатъ листъ въ томъ же духѣ, какъ былъ листъ амбаней, прося о своевольныхъ распоряженіяхъ Муравьева доложить Властителю нашего высокаго государства.

Въ Ноябрьрѣ полученъ листъ изъ Пекина, которымъ увѣдомляли, что военнымъ и гражданскимъ чинамъ Тянь-цзина велѣно было проводить посланника съ честью во исполнение долга гостепрѣимства, и что вслѣдъ за симъ получено донесеніе, что посланникъ Путятинъ, получивъ отвѣтный листъ и усмотрѣвъ сообщеніе палаты, изъявилъ свое особенное удовольствіе и выразился, что, по возвращеніи въ отечество, онъ испроситъ у своего Государя новаго способа рѣшенія дѣла, послѣ чего онъ немедленно отправился. Трибуналъ кончаетъ увѣдомленіемъ, что богдыханъ уже отправилъ сановниковъ въ Сахалинь-Ула для ожиданія посланника Путятина, дабы вмѣстѣ съ нимъ осмотрѣть взаимныя границы на р. Уди.

Черезъ недѣлю припелъ еще листъ въ Сенатъ съ жалобой, что Муравьевъ заселяетъ Амуръ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на протесты мѣстныхъ Китайскихъ властей, что срединное государство съ нами въ давнишней дружбѣ, а потому нѣспія лица не должны были бы произвольно занимать земли срединнаго государства, и потому хорошо было бы, еслибы Русское правительство поспѣшило приказать Муравьеву отвести обратно людей и суда и тѣмъ предотвратить большія неприятели.

Обиженный графъ Путятинъ, получивъ отказъ отъ трибунала, послалъ въ Сентябрьрѣ мѣсяцѣ изъ Шанхая въ Петербургъ рапортъ Генералъ-Адмиралу, предлагаая остановить Кяхтинскую торговлю. Онъ писалъ, между прочимъ, что увѣренность Китайскаго правительства въ необходимости этой торговли для Россіи есть одна изъ главныхъ причинъ неудачи нашихъ политическихъ сношеній съ Пекиномъ, что если бы правительство наше не пожалѣло ассигновать отъ 3 до 5 милліоновъ на взятку, то посольство имѣло бы полный успѣхъ. Далѣе онъ сообщалъ отъ 2-го Ноября, что страхъ и смятеніе произведены во всей прибрежной странѣ до самаго Пекина появленіемъ нашего парохода при устьяхъ р. Бай-хэ, основывая достовѣрность этой вѣсти на разсказахъ католическихъ миссіонеровъ. Онъ успокоивалъ Россію тѣмъ, что надменный тонъ, принимаемый Китайскимъ правительствомъ въ официальныхъ своихъ сношеніяхъ, есть только одна уловка, чтобъ прикрыть внутреннее свое безсиліе.

Между тѣмъ Англичане приняли рѣшительное намѣреніе овладѣть Кантономъ и ожидали только прибытія нѣкоторыхъ судовъ, отправленныхъ изъ Англіи съ морскими солдатами, чтобъ сдѣлать нападеніе на этотъ городъ. Баронъ Гро, прѣзжавшій въ Гонконгъ изъ Макао для совѣщанія съ лордомъ Эльгиномъ, посѣтилъ графа Путятина на пароходѣ «Америка» и сообщилъ ему, что Французская эскадра объявить блокаду Кантонской рѣки за нарушеніе трактата, заключающагося въ сильныхъ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ Франціи въ ли-

цѣ ея миссіонеровъ. Адмиралъ Риго-де-Женульи прислалъ графу Путятину съ письмомъ официальную декларацію блокады Кантонской рѣки. Американскій министръ, г. Ридъ, просившій свиданія съ генералъ-губернаторомъ Иа, получилъ на это отказъ, и сказалъ повтому, что Соединенные Штаты принуждены будутъ употребить силу противъ Китайцевъ, если имъ будутъ отказывать въ привилегіяхъ, которыя будутъ предоставлены Европейцамъ.

Сношенія наши съ Американцами, какъ писалъ графъ Путятинъ, до с е д ѣ весьма дружелюбны и откровенны; съ Англичанами же и Французами в е с ь м а в ѣ ж л и в ы, приязненны, но ограничиваются н ѣ к о т о р о ю осторожностію.

Неудавшееся посольство графа Путятина не подавало и въ будущемъ никакой особенной надежды. Депешю изъ Гонъ-Конга, отъ 17-го Декабря, онъ извѣщалъ, что вышелъ декретъ богдыхана для отраженія вторженія Русскихъ въ Амурскій край, что одни дипломатическія настоянія недостаточны для убѣжденія Китайцевъ измѣнить образъ сношеній съ другими государствами и что безъ сильныхъ поудительныхъ мѣръ нельзя достигнуть никакого результата. Какъ самое дѣйствительное средство, графъ Путятинъ полагалъ учредить блокаду обоихъ устьевъ р. Пейхо, ограничивая оную недопущеніемъ Китайскихъ джонокъ входить въ рѣку, пока не будетъ высланъ министръ Пекинскій въ Печелійскій заливъ, уполномоченный для переговоровъ объ опредѣленіи границъ, д а р о в а н ы хъ Россіи и преимуществъ, равныхъ съ прочими націями. Эту блокаду графъ Путятинъ считалъ весьма удобоисполнимою судами шедшаго туда отряда, и остановка подвоза риса и другаго зерноваго хлѣба въ Пекинъ скорѣе всего, какъ онъ полагалъ, заставитъ Китайцевъ б р о с и т ь свое упорство. Въ случаѣ же перенесенія союзниками войны на Сѣверъ, графъ Путятинъ признавалъ выгоднымъ и полезнымъ с в о е в р е м е н н о предложить Франціи и Англій содѣйствіе нашихъ морскихъ силъ въ здѣшнихъ моряхъ для достиженія и общихъ цѣлей, и частныхъ, касающихся одной Россіи. Иначе, такъ кончается своа депешу графъ Путятинъ, трудно предвидѣть, какими путями дипломатическими можно достигнуть рѣшенія нынѣшнихъ нашихъ споровъ съ Китаемъ.

Генералъ Муравьевъ былъ немедленно вызванъ въ Петербургъ изъ Парижа, куда онъ отправился для поправленія разстроеннаго здоровья и, по совѣщаніи съ нимъ, графу Путятину написали, въ концѣ Декабря 1857 года, что такъ какъ званіе посланника въ Китаѣ дѣлается уже безполезнымъ, то онъ, по волѣ Государя Императора, назначается начальникомъ отдѣльной эскадры и императорскимъ комиссаромъ, дабы имѣть возможность слѣдить за дѣйствіями западныхъ державъ въ отношеніи къ Китаю.

Генералъ Муравьевъ настоялъ, чтобы продолжать заселеніе Амура и вести переговоры въ миролюбивомъ духѣ, что и было ему предоставлено.

Китайцамъ же написали, что они напрасно послали своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ въ Сахалианъ-Ула, между тѣмъ какъ посланникъ нашъ, графъ Путятинъ, не получивъ никакого удовлетворительнаго отвѣта, отправился въ другія страны на встрѣчу нашей флотиліи, которая идетъ къ устьямъ Амура. Въ заключеніе Китайцевъ извѣстили, что с а м ѣ генералъ Муравьевъ вызванъ Государемъ Императоромъ въ первопрестольный градъ для особыхъ погра-

ничныхъ дѣлъ, гдѣ и получить всѣ приказанія отъ Его Величества относительно того, какъ ему переговариваться и какъ дѣйствовать на границѣ.

Мѣры, которыя предлагалъ графъ Путятинъ, повели бы за собою вызовъ миссіи, закрытіе Кяхтинской торговли и прервали бы всѣ сношенія съ Китайцами, что вполне согласовалось бы съ видами и желаніями Китайскаго правительства.

Насталъ 1858 годъ. Графъ Путятинъ, ревнуя на дипломатическомъ поприщѣ, писалъ ноты въ верховный государственный совѣтъ въ Пекинѣ, выражая въ нихъ общія требованія для всѣхъ государствъ и для Россіи въ особенности, отвергая, въ дѣлѣ разграниченія, Хинганскій хребетъ и предлагая рѣку Амуръ границею, болѣе приличною, для чего вызывалъ въ Шанхай полномочныхъ изъ Пекина. Между тѣмъ Амурскій Комитетъ обсудилъ и заключилъ въ Февралѣ, что графъ Путятинъ долженъ оставаться въ Китайскихъ моряхъ въ наблюдательномъ положеніи, не принимая участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, ибо Англія и Франція торжественно объявили, что всѣ выгоды, которыя будутъ выговорены для нихъ въ мирномъ трактатѣ съ Китаемъ, должны простираться и на прочія Европейскія государства.

Немало надѣлало страху въ Петербургѣ донесеніе графа Путятина, что Китайцы заготовляютъ порохъ для нападенія на насъ; но прозорливый генералъ Муравьевъ успокоилъ встревожившихся. Хотя въ Маньчжуріи и производились сборы войскъ, но онъ приписывалъ всѣ эти приготовленія тревожному состоянію, въ которомъ находилось Китайское правительство по случаю войны съ Англо-Французами и естественному опасенію, что и мы можемъ предпринять противъ нихъ враждебныя дѣйствія. Генералъ Муравьевъ ждалъ только минуты, чтобъ вслѣдъ за льдами поплыть къ устью Зеи, предварительно предписавъ генералъ-маіору Карсакову поспѣшить приготовленіемъ къ сплаву частей войскъ, слѣдующихъ на Амуръ и въ особенности обратить вниманіе на поспѣшный сплавъ крѣпостныхъ орудій и всѣхъ принадлежностей для возведенія батарей. Немедленно по возвращеніи своемъ изъ С.-Петербурга, генералъ Муравьевъ послалъ въ Ургу Кяхтинскаго пограничнаго комиссара для подробнѣйшихъ объясненій съ тамошними правителями, и чтобы сообщить имъ, что графъ Путятинъ приметъ на себя даже посредничество между Китайскимъ правительствомъ и западными державами, если Пекинскій кабинетъ будетъ объ этомъ просить графа и что если онъ этого пожелаетъ, то долженъ послать къ графу Путятину начальника или одного изъ членовъ Пекинской духовной миссіи. Въ отношеніи же заселеній нашихъ на Амурѣ генералъ Муравьевъ предупредилъ Ургинскихъ правителей, что будетъ продолжать и въ нынѣшнемъ году заселять различныя мѣста по Амуру и Усури, на основаніи данныхъ ему высочайшихъ повелѣній; но что дѣйствія эти ничего враждебнаго къ нимъ не заключаютъ, а напротивъ клонятся къ общимъ пользамъ обоихъ государствъ.

Въ тоже время отправилъ онъ на устье Зеи курьера, приказавъ ему, когда будетъ въ Айгунѣ, сказать амбаню, что Муравьевъ будетъ на Амурѣ тотчасъ по вскрытіи льдовъ, но что не можетъ медлить въ верховьяхъ рѣки, а долженъ спѣшить къ устью и что если онъ желаетъ съ Муравьевымъ переговариваться, то это будетъ удобнѣе на возвратномъ его пути отъ устья Амура. Предупрежденіе это

онъ сдѣлалъ вопервыхъ въ надеждѣ, что на устьѣ Амура получить извѣстіе отъ графа Путятина, а вовторыхъ, чтобъ показать Китайцамъ, что съ его стороны нѣтъ особаго стремленія съ ними переговариваться.

3-го Апрѣля 1858 полученъ былъ въ Иркутскѣ листъ изъ Пекинскаго трибунала, въ которомъ жаловались, что графъ Путятинъ, вопреки ожиданій Китайскаго правительства, вовсе не отправился на Амуръ для переговоровъ, а выразилъ намѣреніе прибыть въ Шанхай и вмѣстѣ съ Американцами поставилъ Китайцамъ на видъ событія въ Кантонѣ, чѣмъ, изъ-за дѣлъ другихъ государствъ, нарушаетъ законы взаимной пріязни; онъ проситъ отправить чиновника въ Шанхай для переговоровъ о важныхъ дѣлахъ, но въ настоящее время нѣтъ другихъ дѣлъ, требующихъ переговоровъ, кромѣ разграниченія на Амурѣ, гдѣ есть для этого уполномоченный главнокомандующій. Шанхай далеко отъ Амура, и трудно въ этомъ городѣ уяснить обстоятельства, касающіяся раздѣленія границы. «Посему», кончаетъ трибуналъ, вашему великому правительству слѣдуетъ приказать посланнику не медлить въ Шанхайд, изъ опасенія нарушить правила дружбы, существующія между обѣими имперіями».

1-го Апрѣля графъ Путятинъ прибылъ въ Печели прежде судовъ иностранныхъ эскадръ. Переговоры не удались, и 17 Мая послѣдовалъ онъ за барономъ Гро и лордомъ Эльгиномъ въ Тянь-цзинь; а 16-го Мая генераль Муравьевъ заключилъ Айгунскій трактатъ и по совершеніи благодарственнаго молебствія въ Усть-Зейскомъ посту отдалъ 18 числа слѣдующій приказъ:

«Товарищи, поздравляю васъ! Не тщетно трудились мы: Амуръ сдѣлался достояніемъ Россіи! Святая церковь молится за васъ, Россія благодаритъ! Да здравствуетъ Императоръ Александръ и да процвѣтаетъ подъ кровомъ Его вновь пріобрѣтённая страна! Ура!»

21 Мая генераль Муравьевъ донесъ о заключеніи договора Государю Императору и въ тотъ же день заложилъ храмъ во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, переименовавъ въ тоже время Усть-Зейскій постъ въ станицу Благовѣщенскую.

*

Приступая къ описанію бывшихъ въ Айгунѣ переговоровъ, мы ограничимся указаніемъ только самыхъ главныхъ обстоятельствъ. Передать всѣ подробности невозможно; каждый день приходилось повторять, что было говорено наканунѣ.

Китайскіе чиновники встрѣтили генерала Муравьева еще за 80 верстъ выше устья Зеи съ вопросомъ, долго ли онъ можетъ пребыть въ этихъ мѣстахъ и съ просьбою обождать хотя нѣсколько дней прибытія въ Айгунъ ихъ главнокомандующаго изъ Цицигара. На другой же день послѣ прибытія генерала Муравьева въ Усть-Зею, пріѣхалъ къ нему изъ Айгуна амбанъ съ извѣстіемъ, что главнокомандующій ихъ уже прибылъ въ городъ и проситъ его хоть на нѣсколько дней отложить дальнѣйшее плаваніе, чтобъ поговорить о разграниченіи на Амурѣ, такъ какъ дѣло это крайне заботитъ ихъ правительство, и пограничные люди ихъ находятся въ тревогѣ и оторваны отъ сельскихъ своихъ занятій. Генераль Муравьевъ согласился и пошелъ въ Айгунъ съ 2-мя канонирскими лодками и въ 6 дней заключилъ договоръ.

На первомъ свиданіи, бывшемъ 11 Мая, генераль Муравьевъ, изложивъ на словахъ все, что неоднократно было уже писано Китайскому правительству о необходимости опредѣлить границу обохъ

государствъ по теченію р. Амура, объ обоюдной пользѣ окончанія этого дѣла, присовокупилъ, что въ настоящее время Китайскому правительству тѣмъ болѣе должно бы кончить это дѣло, что Китай въ войнѣ съ Англичанами, которые могутъ обнаружить желаніе завладѣть устьемъ Амура и мѣстами отъ него къ Югу, вдоль морскаго берега, лежащими; что мы можемъ имъ въ томъ воспрепятствовать только въ случаѣ, если, на основаніи заключеннаго договора, мы можемъ показать означенныя мѣста намъ принадлежащими.

На это Китайскій главнокомандующій возразилъ также въ смыслѣ прежеписанныхъ изъ трибунала по этому дѣлу листовъ, поднялъ всѣ трактаты, Горбицу, Удь и неразграниченныя земли. За тѣмъ послѣдовали съ той и другой стороны прѣнія, которыя не подвигали дѣла, а какъ засѣданіе продолжалось уже 4 часа, то генераль Муравьевъ прекратилъ оное, передавъ Китайскому уполномоченному заранѣе изготовленный проектъ трактата и просилъ по разсмотрѣніи онаго объявить его мнѣніе въ засѣданіи на слѣдующій день.

Проектъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ:

1. Границѣ между обоими государствами быть по р. Амуру такъ, чтобы лѣвый берегъ до устья принадлежалъ Россійскому, а правый, до р. Усури, Китайскому государству; за тѣмъ по р. Усури до ея истоковъ, а отъ оныхъ до полуострова Кореи.

2. Плаваніе по рѣкамъ, составляющимъ границу, дозволяется только судамъ двухъ государствъ.

3. По симъ рѣкамъ свободная торговля.

4. Китайскимъ подданнымъ, находящимся на лѣвомъ берегу, переселиться на правый въ теченіи трехъ лѣтъ.

5. Пересмотръ (чрезъ нарочно назначенныхъ для сего съ обеихъ сторонъ лицъ), прежнихъ трактатовъ для постановленія новыхъ правилъ по всѣмъ предметамъ, касающимся до пользы и славы обеихъ государствъ и

6. Настоящій договоръ считать дополненіемъ прежнихъ трактатовъ.

Изъ этого перваго засѣданія было вынесено убѣжденіе такого рода, что Китайское правительство хотя и желаетъ непременно сохранить дружбу съ нами (ибо объ этомъ уполномоченный нѣсколько разъ упоминалъ), но что оно упорно будетъ придерживаться прежнихъ, столь часто выраженныхъ имъ мнѣній о пограничномъ дѣлѣ и что переговоры могутъ такимъ образомъ продолжаться весьма долго.

Мы, напротивъ того, желали привести дѣло къ окончанію какъ можно скорѣе; однако, чтобы не высказать этого желанія, а также съ цѣлю имѣть въ сбереженіи высшій авторитетъ, къ окончательному рѣшенію котораго можно было бы прибѣгнуть на случай какихъ либо недоразумѣній, положено было отправить на другой день переводчика нашего объявить, что генераль Муравьевъ, по причинѣ болѣзни, не можетъ продолжать переговоры, а поручаетъ оныя г. Перовскому, котораго онъ представилъ, какъ служащаго въ томъ самомъ Сенатѣ, изъ котораго пишутся наши листы и что въ предвидѣніи могущихъ быть переговоровъ, на основаніи послѣдняго листа изъ трибунала, поручено г. Перовскому сопровождать генерала Муравьева до Айгуня.

Начавшіяся за тѣмъ ежедневныя свиданія г. Перовскаго то съ амбанами, то съ главнымъ переводчикомъ и другими лицами, продолжались по 3 и по 4 часа утромъ и вечеромъ. Трудно передать всѣ хитрости, всѣ уловки Китайскихъ чиновниковъ съ цѣлю передать

слушателю убѣжденіе о ихъ славѣ, о неоспоримомъ превосходствѣ ихъ надъ другими народами; но трудно было имъ выдерживать постоянно эту роль и скрыть собственное сознаніе о своемъ безсиліи, о шаткомъ положеніи дѣлъ въ ихъ государствѣ, о страхѣ, чтобы мы не дѣйствовали противъ нихъ вмѣстѣ съ Англичанами, которыхъ они столько же не любили, сколько боялись.

Генераль Муравьевъ просилъ г. Перовскаго не упускать удобнаго случая дать имъ почувствовать, что положеніе ихъ вполне намъ извѣстно. Когда же, послѣ нѣсколькихъ засѣданій, г. Перовскій замѣтилъ, что упорство ихъ не ослабѣваетъ, то объявилъ имъ, по приказанію генераль-губернатора, что только великодушію нашего Монарха обязаны они сохраненіемъ дружественныхъ сношеній между обоими государствами, тогда какъ поступки ихъ въ послѣдніе годы давали бы намъ полное право дѣйствовать иначе; что напрасно они упираются на прежніе трактаты для опредѣленія границъ къ Востоку отъ рѣки Горбицы и въ мѣстахъ около р. Уди лежащихъ, ибо при заключеніи трактата въ 1689 году они поступили недобросовѣстно: изъ Пекина было писано, что свита ихъ уполномоченныхъ будетъ немногочисленна, тогда какъ на самомъ дѣлѣ къ мѣсту переговоровъ выслала цѣлую армию; съ нашей же стороны нашему посланнику дана была только необходимая свита; что, наконецъ, Китайцы сами нарушили трактаты тѣмъ во первыхъ, что брали ясакъ съ жителей въ мѣстахъ неразграниченныхъ, на что они не имѣли никакого права, а во вторыхъ тѣмъ, что нынѣ не приняли посланника, отправленнаго по повелѣнію Государя Императора съ дружескимъ привѣтствіемъ къ ихъ богдыхану и что таковое обстоятельство между всѣми просвѣщенными государствами влечетъ за собою обыкновенно разрывъ и непріязненные дѣйствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Перовскій упомянулъ, что они возбудили еще одно непріятное дѣло, въ которомъ поступили несправедливо, а именно дѣло о соженіи и разграбленіи факторіи нашей въ Чугучакѣ.

Эти слова произвели на Китайцевъ сильное впечатлѣніе: они согласились на заключеніе договора, между тѣмъ какъ первоначально отказывались отъ сего подъ разными предлогами; но просили измѣнить переданный первый проэктъ. Главныя измѣненія относились до опредѣленія границы по Усури и до статьи о пересмотрѣ прежнихъ трактатовъ; ихъ уполномоченный главнокомандующій (дзянь-дзюнь) объявилъ рѣшительно, что переговариваться и упоминать о сихъ двухъ статьяхъ онъ не имѣетъ никакого права, поэтому необходимо было съ нимъ согласиться. За тѣмъ они просили не упоминать, что р. Амуръ составляетъ границу между обоими государствами. Отчего именно они опасались этого слова, трудно объяснить: выраженіе, употребленное въ подлинномъ договорѣ, что лѣвый берегъ рѣки до устья въ морѣ составляетъ владѣніе Россійскаго государства безъ сомнѣнія равносильно слову граница; надобно полагать, что уполномоченные, которые неоднократно упоминали, что они не знаютъ, какъ для нихъ это дѣло окончится въ Пекинѣ и имѣли въ виду представить въ свое оправданіе какое либо хитрое поясненіе этой статьи. Въ тѣхъ же, вѣроятно, видахъ просили они о помѣщеніи словъ «для защиты отъ иностранцевъ», словъ, не имѣющихъ впрочемъ особой силы, такъ какъ отдѣльною статьею постановлено, что плаваніе по рѣкамъ, составляющимъ границу, дозволяется только судамъ обоихъ государствъ.

Не имѣя уполномочія на опредѣленіе границы по Усури, Китайскій дзянь-дзюнь предлагалъ вовсе не упоминать о сей рѣкѣ и о мѣстахъ, по ней лежащихъ, или сказать: «мѣста же отъ Усури къ морю лежащія остаются, какъ и нынѣ, неразграниченными».

Когда, наконецъ, всѣ статьи договора, послѣ упорнаго оспариванія, были опредѣлены, Китайскіе уполномоченные, желая испытать послѣднее средство сопротивленія, объявили, что подписать они его не могутъ, а должны предварительно послать на утвержденіе въ Пекинъ, и что для этого потребно, по малой мѣрѣ, сорокъ дней.

Убѣдившись, что уступчивости съ нашей стороны надобно положить конецъ, мы рѣшились также прибѣгнуть къ окончательному способу убѣжденія, до послѣдней минуты нами отложенному, т. е. генералъ-губернаторъ отправился къ дзянь-дзюню и объявилъ ему, что измѣненій въ договорѣ онъ больше никакихъ не можетъ сдѣлать, что онъ удивляется нерѣшительности его подписать документъ, въ которомъ Китайцы въ особенности нуждаются и что ежели за тѣмъ для нихъ послѣдуютъ какія либо непріятности отъ предпріятій Англичанъ на неопредѣленныхъ мѣстахъ, то должны пенять на себя.

Эта мѣра имѣла желаемый успѣхъ; противорѣчій съ ихъ стороны уже не было никакихъ и договоръ подписанъ. Но при этомъ дзянь-дзюнь повторилъ, что хотя это дѣло между ими и нами уже кончено, но онъ не знаетъ, какъ оно кончится для него въ Пекинѣ, куда онъ отправится съ представленіемъ договора. Тѣмъ не менѣе Муравьевъ разстался съ Китайскими властями въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Относительно торговыхъ и почтовыхъ сообщеній нашихъ съ Китаемъ, генералъ Муравьевъ предложилъ приставу нашей духовной миссіи, статскому совѣтнику Перовскому, во время пребыванія его въ Пекинѣ, войти съ тамошними властями въ переговоры.

*

И такъ Амуръ, съ миллиономъ квадратныхъ верстъ и приморскимъ берегомъ, составилъ однимъ почеркомъ пера генерала Муравьева законную собственность Россіи. Въ письмѣ своемъ къ Его Высочеству Генералъ-Адмиралу, онъ между прочимъ пишетъ: «если же господа невѣрующіе стануть и теперь еще утверждать, что договоръ не облеченъ всѣми дипломатическими формами, то ошибутся, какъ ошибались и прежде въ сношеніяхъ своихъ съ Китаемъ».

Отъ 6-го Іюня князь Горчаковъ писалъ графу Путятину, что Государь Императоръ высочайше повелѣтъ соизволить вопросъ объ опредѣленіи границъ съ Китаемъ оставить въ исключительномъ завѣдываніи генералъ-адъютанта Муравьева; а 17-го Іюля писалъ г. Перовскому, чтобъ онъ предупредилъ графа Путятину о заключеніи Айгунскаго трактата, и ежели бы онъ заключилъ и съ своей стороны, то объявилъ бы таковой недѣйствительнымъ. А между тѣмъ графъ Путятинъ 7-го Іюня донесъ Его Высочеству Генералъ-Адмиралу, что заключилъ трактатъ въ городѣ Тянь-цзинѣ 1-го Іюня.

Графъ Путятинъ совершенно напрасно требовалъ открытія переговоровъ въ Шанхаѣ по вопросу о границѣ, относящемуся исключительно до Россіи; ибо въ Шанхаѣ труднѣе, чѣмъ гдѣ либо, можно было избѣжать вмѣшательства другихъ державъ, которое намъ необходимо было отклонить. Вообще же, не предвидя успѣховъ въ сношеніяхъ нашихъ съ Китаемъ и не имѣвъ въ виду удачнаго окончанія переговоровъ въ Айгунѣ, князь Горчаковъ рѣшился продолжать

занятіе Амура, пока самыя обстоятельства не дозволятъ обезпечить нашего права формальнымъ договоромъ.

Заключая съ графомъ Путятинымъ трактатъ въ Тянь-цзинѣ, Китайцы знали уже объ Айгунскомъ договорѣ и 3-го Іюня извѣстили графа, что богдыханъ утвердилъ послѣдовавшее у генерала Муравьева съ Хейлунцзянскимъ главнокомандующимъ соглашеніе о проведеніи границы отъ Усури до морскихъ портовъ и объ учрежденіи торговли на Амурѣ.

И. И. Богоявленскаго.

Повелѣвая увѣдомить объ этомъ графа Путятина, Китайскій императоръ поручилъ своимъ полномочнымъ сказать ему, что послѣ всего, что теперь сдѣлано серединымъ государствомъ для Россіи, нужно, чтобъ она съ своей стороны оказала услугу Китаю, усовѣстивъ Англичанъ и Французовъ и положивъ предѣлы ихъ несправедливымъ требованіямъ. Въ отвѣтъ на это графъ Путятинъ написалъ, что Китайскому правительству уже извѣстны старанія его по возможности помогать его сановникамъ совѣтами въ настоящихъ дѣлахъ Китая съ союзниками; но что дѣйствительную помощь Россія можетъ оказать только въ будущемъ, такъ какъ для устройства теперешнихъ дѣлъ, безъ важныхъ уступокъ со стороны Китайскаго правительства, время упущено не по винѣ Россіи. вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Путятинъ предложилъ вновь Китайскому правительству о присылкѣ ему орудій для устройства войска и укрѣпленій, на что богдыханъ согласился.

19 Іюня генералъ-маіоръ Карсаковъ увѣдомилъ генерала Муравьева, что Айгунскій амбанъ прислалъ къ нему полковника съ формальнымъ увѣдомленіемъ объ утвержденіи богдыханомъ договора, заключеннаго Муравьевымъ съ Амурскимъ главнокомандующимъ, княземъ И шань; при чемъ сообщилъ частный слухъ, будто богдыханъ приказалъ Маньчжуръ, живущихъ на лѣвомъ берегу Амура, отъ устья р. Зеи и ниже, переселить на правый берегъ рѣки.

Въ Іюлѣ Амурскій главнокомандующій, князь И-шань и генералъ Муравьевъ при свиданіи постановили, что находящіяся на лѣвомъ берегу Сахалинъ-Ула, начиная отъ устья р. Зеи и до Кармолядзинъ, прежнія деревни оставить вѣчно по прежнему на тѣхъ мѣстахъ; а прочія за тѣмъ пустыя мѣста в сѣ да составляютъ владѣніе Россійскаго государства, въ чемъ и обмѣнялись взаимно листами за подписаніемъ ихъ. Кромѣ того производить торговлю съ живущими по лѣвому берегу рѣки Русскими людьми. На докладъ объ этомъ богдыхану, его величество повелѣлъ: согласно взаимно обмѣненнымъ листамъ, лѣвый берегъ р. Сахалинъ считать границею и согласно просьбѣ открыть взаимную торговлю, на особо установленныхъ для сего правилахъ.

Въ это самое время Министерство Иностранныхъ Дѣлъ выразило статскому совѣтнику Церовскому свои опасенія, какъ бы графъ Путятинъ не заключилъ трактата менѣе выгоднаго, чѣмъ Айгунскій и просило его, въ такомъ случаѣ, заявить въ трибуналъ внѣшнихъ сношеній, по колику это отъ него будетъ зависѣть, недѣйствительность трактата графа Путятина, какъ послѣдовавшаго отъ неизвѣстности положенія, въ которое былъ поставленъ графъ Путятинъ противорѣчащими одно другому распоряженіями Китайскаго правительства.

Въ Іюлѣ же посланъ въ Пекинъ листъ изъ Сената съ извѣщеніемъ, что генералъ Муравьевъ доставилъ договоръ, заключенный имъ въ

Айгунъ 16 Мая 1858 года. Обнародовавъ этотъ договоръ въ извѣстность пограничнымъ людямъ, Сенатъ выразилъ увѣреніе нашего Государя Императора, что договоръ сей скрѣпитъ еще болѣе взаимную дружбу двухъ государствъ и послужитъ къ вѣчному благу обоюдныхъ подданныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Горчаковъ предписалъ статскому совѣтнику Перовскому остаться въ Пекинѣ до прибытія его преемника. Къ нему же послана изъ С.-Петербурга ратификація Тянь-цзинскаго трактата и на него возложенъ обмѣнъ. Китайскимъ должностнымъ лицамъ посланы въ подарокъ собольи и лисьи мѣха, серебряный сервизъ, золотыя вещи и оружіе.

3-го Декабря въ Амурскомъ Комитетѣ принимали участіе графъ Путятинъ и генераль-майоръ Барсаковъ. Рѣшено было посольства въ Пекинъ не посылать, такъ какъ дано уже полномочіе статскому совѣтнику Перовскому для ратификаціи трактата. Первый пунктъ Айгунскаго трактата и девятая статья Тянь-цзинскаго договора побудили генерала Муравьева принять энергичскія дѣйствія къ разграниченію по Усури, куда посланъ былъ офицеръ генеральнаго штаба Венюковъ. Въ 9-мъ пунктѣ Тянь-цзинскаго трактата сказано, что неопредѣленныя части границъ между Россією и Китаемъ будутъ безотлагательно изслѣдованы на мѣстахъ довѣренными лицами отъ обоихъ правительствъ и проч. Генераль Муравьевъ толковалъ, что намъ слѣдовало отнести эти выраженія къ пространству, оставленному по Айгунскому трактату въ общемъ владѣніи, т. е. отъ Усури и до моря; а потому онъ и просилъ г. Перовскаго, на основаніи даннаго ему полномочія, предложить Китайскому правительству назначить, не теряя времени, комиссію для изслѣдованія пространства отъ р. Усури до морскихъ портовъ и сообщить ему, что Муравьевъ отправляетъ въ тѣ мѣста для тойже цѣли экспедицію, сознавая вполне, что проведеніе пограничной черты должно быть окончено сколь возможно поспѣшнѣе въ видахъ взаимныхъ пользъ Китая и нашихъ, дабы имѣющіе прибыть въ Пекинъ для размѣна ратификацій иностранные посланники не воспрепятствовали этому дѣлу, что въ особенности вредно было бы для Китая: ибо Англичане или Французы вѣроятнѣе пожелали бы занять какой либо заливъ между Корейскими и нашими владѣніями. Онъ полагалъ это тѣмъ болѣе возможнымъ, что мѣста эти были уже осмотрѣны и тѣми, и другими. Руководствуясь этими опасеніями, онъ во всякомъ случаѣ предписалъ нашей комиссіи отъ р. Усури поставить посты, еслибы даже комиссія наша и не встрѣтила Китайской. Начальникомъ комиссіи для установленія границы назначенъ генеральнаго штаба подполковникъ Будогоскій.

Статскому совѣтнику Перовскому очень трудно было дѣйствовать въ Китаѣ и ожидать успѣховъ. Для совершеннаго опредѣленія новыхъ отношеній нашихъ къ срединному государству, пополненія пропусковъ Тянь-цзинскаго трактата и измѣненія того невыгоднаго заключенія, которое Китайцы могли вывести изъ сравненія обстановки нашего комиссара съ обстановкою представителей Англій и Франціи; необходимо было прислать въ Пекинъ посланника съ большими матеріальными средствами. Полумѣра, къ которой сочли нужнымъ прибѣгнуть, переименовавъ пристава духовной миссіи въ уполномоченнаго Россійскаго Императора, никуда не годилась. Поправить эту ошибку было нелегко, но можно было лишь присылкою посланника.

Г. Перовскому, кромѣ размѣна ратификацій, велѣно было войти съ Китайскими властями въ соглашеніе касательно опредѣленія границъ по Усури, купеческихъ нашихъ каравановъ и устройства почтъ.

При ратификаціи Тянь-цзинскаго трактата положеніе г. Перовскаго было самое затруднительное. Ошибка, сдѣланная графомъ Путятинымъ, подписавшимъ два Маньчжурскихъ текста того же трактата, разнящіеся между собою, — необъяснима. Графъ Путятинъ донесъ 31 Августа 1858 года министру иностранныхъ дѣлъ, что Маньчжурскіе тексты подписаны обѣими договаривавшимися сторонами въ двухъ экземплярахъ, но что разницы между обоими экземплярами нѣтъ; вѣроятно вслѣдствіе этого донесенія въ министерствѣ ихъ и не свѣряли. Китайскіе чиновники, предъявивъ г. Перовскому отъ имени уполномоченныхъ копію съ Маньчжурскаго текста трактата, объявили, что при размѣнѣ ратификацій ему можетъ быть переданъ такой точно текстъ, ибо онъ одинъ подписанъ и скрѣпленъ въ Тянь-цзинѣ печатами уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ, а текста, какой получили отъ г. Перовскаго, у Китайскаго правительства вовсе нѣтъ.

По сравненіи переводчикомъ нашимъ обѣихъ Маньчжурскихъ текстовъ, оказалась разница въ нѣкоторыхъ статьяхъ въ словахъ; а потому г. Перовскій не могъ не заподозрить Китайцевъ въ желаніи, при размѣнѣ ратификацій, передать ему экземпляръ трактата, передѣланный по ихъ усмотрѣнію и предоставляющей имъ право толковать смыслъ трактата съ выгодной для нихъ стороны, при могущихъ встрѣтиться случайностяхъ. Отъ этого Перовскій поручилъ передать Китайскимъ уполномоченнымъ, что онъ не можетъ допустить возможности, чтобъ у нихъ не было Маньчжурскаго экземпляра, одинаковаго съ тѣмъ, который присланъ изъ С.-Петербурга; что объ экземплярѣ, съ котораго они предъявили копію, онъ не имѣетъ никакого понятія. Г. Перовскій изъявилъ желаніе видѣть подлинникъ; дабы убѣдиться, что разница происходитъ не отъ ошибки переписывавшаго копію. Китайцы уклонились отъ этого подъ тѣмъ предлогомъ, что подлинникъ хранится у императора. Тогда Перовскій изъявилъ желаніе видѣться съ уполномоченными, которые прислали ему сказать, что у нихъ такъ много занятій, что имъ нѣтъ времени пріѣхать къ нему, а что подлинный трактатъ увезенъ въ Шанхай съ ихъ сановниками Гуй-лянъ и Хуа-шанъ. Недобросовѣстность Китайскихъ чиновниковъ вынудила обратиться въ верховный совѣтъ; но Китайское правительство по обыкновенію медлило ходомъ дѣлъ въ бесполезной перепискѣ и церемоніяхъ; духовныя лица нашей миссіи трусились, по свойственной имъ привычкѣ, и г. Перовскій лишенъ былъ всѣхъ способовъ имѣть какія-либо свѣдѣнія о происходящемъ въ Китаѣ, такъ какъ миссія наша рѣшительно ничего не знала о томъ, что нужно было ей знать; такъ напр. никто въ миссіи не зналъ, что лордъ Эльгинъ поднялся по Янцзе-Кіангу; они даже не знали 3 Февраля, что 11 Января отправленъ былъ изъ Китайскаго трибунала листъ въ нашъ Сенатъ о присылкѣ оружія и пушекъ, вмѣсто береговъ Печелійскаго залива, въ Монголію. Естественно, что этотъ порядокъ дѣлъ, издревле существовавшій, не могъ быстро измѣниться, но и продолжаться ему не слѣдовало бы. Хорошо еще; что г. Перовскій пугалъ Китайцевъ Муравьевымъ; онъ писалъ ему, между прочимъ: «Vous savez, que dans mes papiers aux Chinois j'use de la permission que vous m'avez accordée d'employer votre nom comme épouvantail. Je crois que cela a produit son effet, mais la difficulté de rompre leur entêtement

vous persuadera sans doute qu'il est impossible d'aller avec eux promptement en affaires, и страхомъ этимъ слѣдовало воспользоваться во всѣхъ случайностяхъ».

Насталъ 1859 годъ. Въ Январѣ князь Горчаковъ сообщилъ графу Муравьеву-Амурскому, что для временнаго исполненія обязанности нашего дипломатическаго агента въ Пекинѣ, по отбытіи оттуда дѣйствительнаго статскаго совѣтника Перовскаго, избранъ былъ Государемъ Императоромъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Игнатъевъ. Графъ Муравьевъ выразилъ мнѣніе свое министру иностранныхъ дѣлъ, что, съ назначеніемъ Игнатъева въ Пекинѣ политическимъ агентомъ нашимъ, необходимо дать ему званіе посланника для того, чтобы въ глазахъ Китайцевъ по крайней мѣрѣ степень его не была ниже степени Брюса, и конечно весьма полезно, чтобъ свита его состояла преимущественно изъ военныхъ офицеровъ, но не для обученія Китайской арміи, какъ думалъ графъ Путятинъ, ибо Китайцы вовсе этого не желаютъ. Графъ Амурскій просилъ упомянуть въ листѣ, что ему даны отъ Государя Императора надлежащія приказанія на всѣ случайности, и что посланникъ нашъ въ Пекинѣ долженъ находиться съ нимъ въ самыхъ частыхъ сношеніяхъ. Графъ полагалъ, что мы въ настоящихъ обстоятельствахъ Китая должны быть очень осторожны, чтобы преждевременнымъ какимъ распоряженіемъ не заставить Пекинскій дворъ обратиться къ другой помощи вмѣсто нашей, а потому энергическія мѣры съ своей стороны онъ счелъ несвоевременными до полученія новыхъ извѣстій отъ г. Перовскаго и до соображенія съ видами высшаго правительства.

Главное назначеніе генералъ-маіора Игнатъева состояло въ томъ, чтобы по мѣрѣ возможности вспомошествовать разрѣшенію вопросовъ въ Пекинѣ, которые неизбежно должны были возродиться при проведеніи границы нашей отъ Усури до моря. Г. Игнатъеву поручено было продолжать дѣйствія г. Перовскаго, принявъ дѣла въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застанетъ и вполнѣ соображаясь съ тѣми инструкціями, которыя ему даны; не касаясь вопросовъ, которые будутъ приведены къ окончанію г. Перовскимъ, дать движеніе другимъ, если по какимъ-либо причинамъ они остановились, и попытаться возобновить требованія по тѣмъ, по которымъ правительство богдыхана уклоняется въ исполненіи; а главное объ окончательномъ опредѣленіи границы отъ Усури до моря, соображаясь съ инструкціями, данными г. Перовскому, а также съ указаціями и личными объясненіями графа Муравьева.

Въ Мартѣ князь Горчаковъ писалъ старшему члену верховнаго совѣта въ Пекинѣ о назначеніи вмѣсто г. Перовскаго г. Игнатъева на основаніи 2 статьи Тянь-цзинскаго трактата. Въ Мартѣ же Ургинскій амбанъ Бэйссе увѣдомилъ нашего Кяхтинскаго градоначальника, что богдыханъ запретилъ пропускъ большихъ особъ кромѣ миссіонеровъ; а повтому, имѣя въ виду, что посланникъ Игнатъевъ есть значительное лицо, амбанъ до разрѣшенія трибунала пропустить его не можетъ, и пусть Игнатъевъ подождетъ въ Кяхтѣ.

Графъ Муравьевъ и оставилъ тамъ г. Игнатъева, а самъ 2 Мая уѣхалъ на Амуръ. Отъ 13 Мая пришло отъ министерства военныхъ дѣлъ предписаніе, которымъ, по случаю разнѣна ратификацій, г. Игнатъеву разрѣшенъ проѣздъ въ Пекинѣ, куда онъ прибылъ 15 Юня, выхавъ изъ Кяхты 24 Мая. Г. Перовскій не замедлил выѣздомъ

тотчасъ по прибытіи г. Игнатьева, ничѣмъ не вырѣшивъ разницы въ Маньчжурскихъ текстахъ Тянь-Цзинскаго трактата. Такъ какъ оба экземпляра подписаны нашимъ полномочнымъ, слѣдовательно находившійся при графѣ Путятинѣ драгоманъ Маньчжурскаго языка самъ виноватъ, что не обратилъ вниманія въ свое время на это разногласіе. Вообще же разнорѣчія эти были весьма неважны и состояли преимущественно въ словахъ, а не въ смыслѣ, а потому Государь Императоръ повелѣтъ соизвоилъ, не обращая вниманія на формы и слова, стараться сколь возможно поспѣшить размѣномъ ратификацій трактата.

Каковы бы ни были въ послѣдствіи обстоятельства Китая, измѣнится ли существующій въ немъ порядокъ, для насъ всего необходимѣе было имѣть свидѣтельства юридическія на право обладанія тѣмъ, чѣмъ мы владѣли въ то время въ самомъ дѣлѣ (de facto).

26 Марта Пекинскій трибуналъ протестовалъ противъ послышки чиновниковъ на Усури и Суйфунъ, такъ какъ рѣки эти принадлежатъ къ губерніи Цзиринь-Ула (Гиринской) и несмежны съ границами Россіи. Поэтому трибуналъ, полагая, что Государь нашего высокаго государства не знаетъ о таковыхъ необдуманнхъ дѣйствіяхъ Муравьева, нарушающихъ правду и возобновляющихъ уже рѣшенныя дѣла, просилъ сдѣлать распоряженіе о возвращеніи людей и судовъ.

Графъ Муравьевъ отвѣчалъ, что ему страшно, что трибуналъ сталъ посылать въ Сенатъ листы, неизвѣстные нашему уполномоченному въ Пекинѣ, что первый листъ отъ 11-го Января на счетъ оружія, онъ, Муравьевъ, послалъ въ С.-Петербургъ; а этотъ обращаетъ въ Пекинъ къ свѣдѣнію г. Перовскаго, при чемъ просить скорѣе кончать всѣ дѣла по трактатамъ и выслать для проведенія граничной черты на Усури чиновниковъ, куда онъ, Муравьевъ, уже послалъ г. Будогоскаго.

Наконецъ, г. Перовскій 12 Апрѣля размѣнялъ ратификаціи Тянь-цзинскаго трактата. При размѣнѣ ихъ сдѣлано одно только дополнительное условіе въ отношеніи проѣзда посланниковъ нашихъ въ Пекинъ изъ Печелійскаго залива; объ Айгунскомъ же договорѣ не упомянуто, а также и о новой границѣ нашей по Усури. Графъ Муравьевъ пришелъ къ прежнему заключенію, что утвержденіе новой нашей границы по Амуру и Усури должно совершиться въ Пекинѣ утвержденіемъ тѣхъ пограничныхъ картъ, которыя будутъ доставлены нашему уполномоченному въ Пекинѣ по прибытіи графа Муравьева въ Печелійскій заливъ. Утвержденіе это требовалось 9-мъ пунктомъ Тянь-цзинскаго трактата; а для составленія этихъ картъ на мѣстахъ отправленъ въ Январѣ 1859 года оберъ-квартирмейстеръ подполковникъ Будогоскій.

Въ концѣ Мая графъ Муравьевъ былъ уже въ Николаевскѣ, 4 Іюня въ Декастри, откуда осматривалъ побережье, лежащее между мысомъ Горнетъ (онъ назвалъ его Поворотный) и устьемъ р. Тюмень-Ула, составляющей границу Маньчжури съ Кореей. Все это пространство на 120 морскихъ миль онъ назвалъ заливомъ Петра Великаго (42° широты). Въ заливѣ Посьета, составляющемъ южную оконечность залива Петра Великаго, онъ нашелъ одну изъ лучшихъ въ свѣтѣ гаваней—Новгородскую. Тамъ графъ Муравьевъ встрѣтилъ Будогоскаго, который проложилъ границу до Тюмень-ула. Оставалось ожидать утвержденія этой границы въ Пекинѣ, куда должна

была быть отправлена составленная Будогоскимъ карта, а описаніе къ нашему посланнику.

Чтоже касается Айгунскаго трактата, то Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, при самомъ полученіи его, уже вступившаго въ законную силу указомъ богдыхана, не считало нужнымъ прибѣгать къ разнѣну ратификацій, что неизбѣжно повлекло бы къ новымъ затрудненіямъ со стороны Китайскаго правительства. Государь Императоръ соизволилъ съ Своей стороны утвердить договоръ Айгунскій, и министерство этимъ ограничило всѣ формальности. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ имѣло тогда въ виду, соглашаясь съ мнѣніемъ графа Муравьева, подтвердить этотъ договоръ разнѣномъ обоюднo утвержденнымъ картъ разграниченія, что придадо бы полную законность акту и по Европейскому праву, а потому министерство полагало вести къ окончанію дѣло по принятому уже въ самомъ началѣ предположенію, чѣмъ и долженъ былъ руководствоваться уполномоченный нашъ въ Пекинѣ.

Наиболѣе слѣдовало ожидать затрудненій въ утвержденіи карты въ Пекинѣ, гдѣ Китайцы не имѣютъ понятія о нашихъ картахъ. Съ другой же стороны представлялось необходимымъ составить эту карту новой границы и требовать ея утвержденія въ Пекинѣ, потому что 9-я статья Тянь-цзинскаго трактата (на основаніи ея «условія, которыя будутъ заключены о граничной чертѣ, составятъ дополнительную статью этого трактата») осталась невыполненною, а Айгунскій договоръ не былъ въ Петербургѣ внесенъ въ высочайше-ратификованный Тянь-цзинскій трактатъ.

По всему этому графъ Муравьевъ снарядилъ экспедицію на Усури, какъ мы видѣли выше.

Если бы въ Тянь-цзинскомъ трактатѣ не было включено никакихъ статей, относящихся до Амура и границъ нашихъ,—не возникло бы болѣе никакихъ вопросовъ по этому дѣлу, ибо вслѣдствіе заключенія Айгунскаго договора, богдыханъ указомъ своимъ увѣдомилъ графа Путятина, что по трактату, который 16 Мая 1858 г. заключенъ на Амурѣ съ Русскими, границею между двумя государствами назначается р. Усури до морскихъ портовъ; а въ то же время трактатъ уже приводился въ исполненіе на мѣстахъ по Амуру еще съ 1857 года, а по правому берегу Усури съ 1858 года учреждались казачьи заселенія.

Графъ Муравьевъ, предусматривая всѣ затрудненія къ быстрому окончанію пограничной экспедиціи по Усури, а въ особенности къ утвержденію пограничной карты въ Пекинѣ безъ особаго личнаго его содѣйствія и настоянія, рѣшился отправиться къ южнымъ гаванямъ въ Маньчжуріи, куда должна была выйти Усурійская экспедиція, пролагая новую пограничную черту; а затѣмъ въ Печелійскій заливъ для того, чтобъ доставить кратчайшимъ путемъ въ Пекинѣ къ посланнику нашему пограничную карту, которая должна была быть составлена экспедиціею во время самаго похода.

Отдѣлку карты полковникъ Будогоскій оканчивалъ во время плаванія въ Печелійскомъ заливѣ на пароходѣ «Америка» и 2 Іюля пароходъ этотъ, на которомъ генералъ-губернаторъ имѣлъ свой флагъ, бросилъ якорь при устьѣ р. Пей-хо, подлѣ Американскаго пароходо-фрегата «Пагратанъ».

Но здѣсь получено было неожиданное извѣстіе, что Китайцы открыли нападеніе Англо-французской экспедиціи и потопили нѣсколь-

ко канонирскихъ ея лодокъ. Хотя по нѣкоторымъ соображеніямъ событіе это и не должно было чрезмѣрно тревожить Русское посольство; но, зная хорошо Китайское правительство, можно было безошибочно предусмотрѣть, что упоенное этимъ успѣхомъ, оно будетъ упорствовать противъ всѣхъ предложеній нашего посланника въ Пекинѣ, какъ бы справедливы и малозначущи они ни были.

Тѣмъ не менѣе графъ Муравьевъ вошелъ въ сношеніе съ мѣстными Китайскими властями объ отправленіи въ Пекинѣ къ нашему посланнику полковника Будогоскаго; онъ прибылъ въ Пекинѣ 12 Юля, не испытавъ тѣхъ препятствій и стѣсненій, которымъ подвергался на этомъ же пути и въ тоже время Американскій посланникъ.

Соображая, что послѣ пораженія многочисленной Англо-французской экспедиціи, имѣвшей въ Печелійскомъ заливѣ до 20 судовъ, въ числѣ коихъ нѣсколько фрегатовъ, присутствіе тамъ нашей маленькой эскадры не произвело бы никакого впечатлѣнія на Китайцевъ, графъ Муравьевъ предпочелъ не вводить туда этой эскадры и оставилъ ее на сборномъ пунктѣ при входѣ въ Печелійскій заливъ, въ бухтѣ Вей-хай-вей и имѣлъ съ собою только пароходъ «Америга» и клиперъ «Джигитъ». Во время стоянки въ Печелійскомъ заливѣ онъ видѣлся нѣсколько разъ съ Американскимъ посланникомъ г. Уардомъ, и сношенія ихъ были самыя предупредительныя и дружескія. Г. Уардъ предоставлялъ намъ нѣсколько разъ маленький пароходъ, при немъ бывшій, для входа въ р. Бейтонъ, куда «Америга», по мелководію, проникнуть не могла; а графъ Муравьевъ снесся съ посланникомъ нашимъ въ Пекинѣ объ оказаніи г. Уарду всевозможнаго содѣйствія и предоставилъ Американскому командору отправить на клиперѣ «Джигитъ» депеши въ Шанхай съ своимъ адъютантомъ. Затѣмъ графъ Муравьевъ отправился прямо въ Хакодате.

На возвратномъ пути изъ Японіи по Амуру, въ Благовѣщенскѣ онъ послалъ казачью сотню объявлять сущность Айгунскаго трактата во всѣ Маньчжурскія селенія, оставленныя по этому трактату на лѣвомъ берегу Амура, чтобы жители ихъ знали, что живутъ на Русской землѣ и подъ нашимъ покровительствомъ.

Во время шестинедѣльнаго пребыванія графа Муравьева въ Благовѣщенскѣ, при неоднократныхъ переговорахъ съ Айгунскимъ амбанемъ, который старался вызвать его на нѣкоторыя уступки въ отношеніи границы по р. Усури, объявлено амбаню, что противъ заключеннаго въ Айгунѣ трактата никакихъ уступокъ и измѣненій дѣлать не будемъ, и что всякое нарушеніе этого трактата съ ихъ стороны прерветъ дружественныя наши отношенія, двѣсти лѣтъ существующія. По всей Амурской и Усурійской границѣ показана была Маньчжурамъ военная готовность наша отразить силу силою, и все пришло въ обычный порядокъ, не смотря на значительныя военныя приготовленія, которыя дѣлалъ уже весною Айгунскій амбань, какъ послѣ оказалось, опасаясь нашего наступательнаго движенія.

Для окончательнаго приведенія въ исполненіе Айгунскаго договора и вслѣдствіе обозрѣнія генералъ-губернаторомъ южныхъ портовъ Маньчжуріи, имъ признано полезнымъ занять военными постами двѣ лучшія гавани въ заливѣ Петра Великаго, а именно Владивостокъ и Новгородскую. Устройствомъ постовъ въ этихъ гаваняхъ окончилось занятіе всѣхъ пунктовъ новой нашей границы отъ Усури, а населеніе казаковъ на этой рѣкѣ выражало достаточное ручательство для охраненія границы.

Теперь мы обратимся къ генералу Игнатьеву. 15 Іюня прибылъ онъ въ Пекинъ, гдѣ не обратили никакого вниманія на пріѣздъ его, не смотря на настоянія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Перовскаго о встрѣчѣ посла Китайскими чиновниками. На другой же день онъ послалъ въ верховный государственный совѣтъ бумагу, въ которой извѣстилъ о прибытіи своемъ въ Пекинъ для замѣщенія отвѣщающаго обратно въ Россію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Перовскаго, а для окончанія переговоровъ по разнымъ дѣламъ, до пользы обоихъ государствъ относящимся, просилъ о назначеніи уполномоченныхъ.

Г. Перовскій уѣхалъ 18 числа, а 19—четыре Китайскихъ чиновника прибыли на подворье, чтобы объяснить генераль-маіору Игнатьеву, что главноуправляющій трибуналомъ виѣшнихъ сношеній Су-шунъ и президентъ уголовной палаты Жуй-чанъ, тѣже, которые вели переговоры съ г. Перовскимъ, назначены вновь уполномоченными.

Здѣсь излишнимъ будетъ упомянуть, что г. Перовскій предложилъ Китайскому правительству заключить новый трактатъ изъ 8 статей, утверждающій за нами морской берегъ до Кореи, опредѣляющій границу нашу на Востокъ и на Западъ, дающій намъ право сухопутно торговать въ Китаѣ и имѣть консуловъ во многихъ городахъ и проч. Уполномоченные въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ опровергали доводы г. Перовскаго и наконецъ письменно три раза отказали въ принятіи его предложеній. Наконецъ, Китайское правительство стало не только отвергать все вновь предложенное, но даже и разграниченіе пространства между р. Усури и моремъ и уступку намъ новой границы, опредѣленной по Айгунскому договору, говоря, что и лѣвый берегъ они дали только въ аймы для поселенія Русскихъ, и вообще стали отрезаться отъ трактата.

Первое свиданіе г. Игнатьева съ уполномоченными было 28 Іюня. Послѣ обычныхъ привѣтствій и предъявленія обоюдныхъ полномочій, Су-шунъ тотчасъ же спросилъ его, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Пекинъ, выражая удивленіе Дайцынскаго правительства о его пріѣздѣ, присовокупивъ, что всѣ дѣла съ Россіею окончены и предмѣстнику г. Игнатьева даны уже такіе отвѣты на предложенныя имъ новыя требованія, что о нихъ и говорить болѣе не слѣдуетъ, и что вѣроятно генераль-маіоръ Игнатьевъ пожелаетъ поскорѣе возвратиться въ отечество.

Во время этихъ приготовительныхъ совѣщаній все было такъ обставлено фактами и доказано логически, что генераль-маіоръ Игнатьевъ надѣялся поколебать Китайскихъ сановниковъ; но 5 Іюля чиновники привезли отъ уполномоченныхъ записку, въ отвѣтъ на объясненія г. Игнатьева и доложили на словахъ, что на развитіе сухопутной торговли богдыханъ не соглашается, потому что наши торговые люди станутъ безчинствовать въ Монголіи и Китаѣ и породятъ важныя несогласія между двумя государствами; что о восточной границѣ до Кореи и говорить нечего, что даже въ Айгунскомъ трактатѣ, на который мы ссылаемся, упоминается не о пространствѣ между Усури и Кореею, а только о правомъ берегѣ р. Амура, который отъ Усури до моря оставленъ въ общемъ владѣніи впредь до разграниченія, и что на указъ богдыхана, объявленный графу Путятину, не слѣдуетъ ссылаться, потому что богдыхану неправильно тогда доложили и указъ вышелъ ошибочный, вслѣдствіе чего виноватые чиновники уже наказаны.

Опровергнувъ всё эти доводы и сдѣлавъ чиновникамъ внушеніе, г. Игнатьевъ отправилъ 6 числа Іюля къ Су-шуню и Жуй-чану новую объяснительную записку при официальной бумагѣ и просилъ ихъ прѣхать на конференцію не позже 9 Іюля. Конференція 9 числа была шумная и бурная. Г. Игнатьевъ рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку окончить дѣло о восточной границѣ до выхода графа Муравьева изъ Печелійскаго залива.

Относительно восточной границы Китайцы снова отрицали дѣйствительность Айгунскаго трактата, право И-шаня заключать подобное условіе и утверженіе трактата богдыханомъ. Подъ конецъ они однако сознались, что лѣвый берегъ Амура уже нашъ неотъемлемо и сказали, что можно бы согласиться, еслибы Муравьевъ занялъ одни лишь морскіе порты на Маньчжурскомъ берегу, не проникая внутрь края. О сухопутной торговлѣ и назначеніи консуловъ они и слышать не хотѣли.

Жаркій споръ съ Китайскими уполномоченными продолжался 2¹/₂ часа. Не имѣя возможности объяснить причины несогласія своего на наши предложенія, Китайцы объявили, что богдыханъ просто не хочетъ принять предложеній Русскаго посла и самовольное занятіе нами предлагаемой восточной границы почтеть за нарушеніе дружбы между обоими государствами.

На возраженія генераль-маіора Игнатьева Су-шунь позволилъ себѣ нѣсколько разъ сказать, что богдыханъ готовъ воевать съ Россією скорѣе, чѣмъ согласиться на наши требованія. Г. Игнатьевъ отвѣчалъ ему, что если онъ такъ выражается по приказанію богдыхана, то въ такомъ случаѣ войска наши тотчасъ же вступятъ въ Монголію, Маньчжурію, Джунгарію и начнутъ дѣйствія въ Туркестанѣ. На вопросъ, видны ли Русскіе суда въ Печелійскомъ заливѣ, Су-шунь отвѣчалъ, что Муравьевъ прибылъ съ судами и видѣлся съ Американскимъ посланникомъ.

13 Іюля Китайскіе уполномоченные прислали г. Игнатьеву отвѣтъ на проектъ добавочныхъ статей къ прежнимъ трактатамъ. Они писали, что мѣста по Усури принадлежатъ вѣдѣнію Гириискаго, а не Пріамурскаго генераль-губернатора И-шаня, что за превышеніе власти богдыханъ съ И-шаня снялъ чинъ, а помощника его, Цзи-ламинъ-га велѣлъ отправить на Усури, тамъ надѣтъ на него деревянный ошейникъ, канъ-гу, и показывать мѣстнымъ жителямъ въ примѣръ и острастку другимъ; что высокій уполномоченный Муравьевъ въ то время зналъ объ этомъ и не позволилъ себѣ занять такую землю, о которой ясно еще не произнесено сужденія. Бумага кончалась словами: «мы полагаемъ, что высокій уполномоченный, услышавъ сіе, возрадуется и охотно согласится съ нами».

Съ 18 Іюня ходили уже въ народѣ слухи, что 10 числа подошла Англійская эскадра къ устьямъ Бай-хе и требовала, чтобы батареи, построенныя Монгольскимъ княземъ Сень-ваномъ, родственникомъ богдыхана, были срыты въ теченіи 5 дней для свободнаго прохода иностранныхъ судовъ въ Тянь-цзинъ. Сень-ванъ далъ знать о томъ въ Пекинъ и получилъ положительное приказаніе уступить Англичанамъ и снять всё прегражденія въ рѣкѣ. Онъ же не уведомилъ о томъ Англичанъ, а тѣ 15 числа начали стрѣлять по батареямъ, и Сень-ванъ сталъ отвѣчать на ихъ огонь. Китайцы потеряли убитыми коменданта и до 1,000 солдатъ. Сень-ванъ рѣшился защищаться въ Да-чу небывалымъ у Китайцевъ образомъ и для предупрежденія бѣг-

ства своего войска снялъ съ тылу лагерья всѣ мосты чрезъ водяной ровъ, окружавшій укрѣпленный лагерь.

29 Іюня генералъ-маіоръ Игнатьевъ получилъ извѣстіе, что изъ Шанхая пришло донесеніе отъ Гуйяна и Хуа-шана о разрывѣ съ Англичанами. Англіійскій посланникъ объявилъ, что онъ не поѣдетъ сухимъ путемъ въ Пекинъ, а поѣдетъ въ Тянь-цзинь, и затѣмъ отправился съ эскадрою въ Печелійскій заливъ. Французскій уполномоченный и Американскій посланникъ, послѣдовали за Англіійскимъ со своими эскадрами. Изъ Тянь-цзина пришло извѣстіе, что Англичане дѣлали нѣсколько попытокъ къ высадкѣ, но неудачно. Этимъ извѣстіемъ частію объясняется самоувѣренность и воинственный жаръ Сушана во время конференцій съ г. Игнатьевымъ.

Положеніе послѣдняго было весьма неутѣшительное. Мы не имѣли никакого вліянія въ Пекинѣ и въ сравненіи съ Англичанами пользовались только тѣмъ преимуществомъ, что Китайцы насъ не боялись и считали за невойнолюбивыхъ и несильныхъ, но безпokoйныхъ и коварныхъ сосѣдей. Безпослѣдственные и слишкомъ частыя угрозы поселяли въ Китайцахъ убѣжденіе только въ нашемъ безсиліи и нисколько не были соотвѣтственны достоинству Россіи, а напротивъ того поощряли въ Китайцахъ смѣшныя воинственные выходы. Продолжать настаивать на новыхъ уступкахъ въ нашу пользу, угрожая пустозвонными фразами, а не пушками, какъ Англичане, — значило играть самую жалкую, недостойную Россіи роль.

Не имѣя никакого опредѣленнаго дипломатическаго званія, а считаясь въ глазахъ Китайцевъ между тѣмъ за посланника, какой должень былъ г. Игнатьевъ принять титулъ въ отношеніи къ представителямъ другихъ державъ? И если бы Китайцы, послѣ пораженія въ Тянь-цзинѣ, прибѣгли къ посредничеству Игнатьева, то неимѣніе опредѣленнаго дипломатическаго званія могло поставить его въ затруднительное положеніе въ отношеніяхъ къ Англичанамъ, Французамъ и Американцамъ.

Г. Игнатьевъ доказывалъ Китайцамъ, что имена Викторія, Брюсъ, Наполеонъ, данныя уже портамъ на восточномъ Маньчжурскомъ берегу, всеконечно свидѣтельствуютъ о намѣреніи завладѣть помннутыми портами. Онъ далъ имъ для большей ясности составленную на этотъ случай общую карту границы Россіи съ Китаемъ отъ Коканскихъ предѣловъ до Кореи, съ надписями на Русскомъ и Китайскомъ языкахъ и съ соотвѣтствующими нашимъ видамъ условными знаками. На это уполномоченные Су и Жуй отвѣчали 20 Іюля, что они не хотятъ приступить къ немедленному разграниченію по картѣ, составленной Будогоскимъ и «что Китайскій великій государь, вездѣ любя все живое, не хотѣлъ, чтобы простой народъ Русскаго государства терпѣлъ лишенія и стѣсненія и далъ пустыя земли по лѣвому берегу р. Амура и земли, гдѣ находятся Котунь-тунь (Маріинскъ) и Ци-ци (Кизи) для житья безпріютному народу. Это показываетъ, что ихъ государь нечется о иностранномъ народѣ, какъ о своемъ. Однимъ словомъ, мѣста по Усури и Суфынъ не могутъ быть уступлены. Въ случаѣ упорства со стороны Россіи, Китайское правительство прекратитъ торговлю въ Маймачинѣ, Чугучакѣ и Кульдѣ и доведетъ до свѣдѣнія всѣхъ другихъ государствъ несправедливость Русскихъ дѣйствій».

На это г. Игнатьевъ сказалъ Китайскимъ уполномоченнымъ, что вслѣдствіе этой дерзкой бумаги онъ отказывается вести личные пере-

говоры съ Китайскими чиновниками. Послѣ сего они сдѣлались несравненно вѣжливей, и уполномоченные Су и Жуи увѣдомили его, что Гиринскому генераль-губернатору Цзинь-чуню поручено ожидать на мѣстѣ Русскаго посланника для устройства дѣлъ по взаимному соглашенію, признавая такимъ образомъ, въ противность прежнихъ своихъ увѣреній, что Гиринская область смежная съ нами и что разграниченіе должно произвести въ этой области, а не въ Амурской, какъ прежде утверждало Китайское правительство.

Въ Сентябрѣ г. Игнатьевъ написалъ въ верховный совѣтъ бумагу. Выставивъ неприличность дѣйствій уполномоченныхъ Су и Жуи, всю неосновательность ихъ доводовъ противъ нашихъ предложеній и справедливость нашего образа дѣйствій, онъ просилъ сдѣлать главному уполномоченному Су надлежащее внушеніе отъ богдыхана о назначеніи для переговоровъ, на основаніи 2 статьи Тянь-цзинскаго договора, вмѣсто Су кого нибудь изъ министровъ или членовъ государственнаго совѣта. Черезъ пять дней государственный совѣтъ прислалъ ему черезъ палату церемоній письменный отвѣтъ. Защищая довольно слабо уполномоченныхъ, совѣтъ ссылается на 9-ю статью Тянь-цзинскаго трактата, въ силу которой слѣдуетъ разграниченіе земель произвести по предварительному осмотру мѣстности и взаимному соглашенію, и утверждаетъ, что въ столицѣ этого сдѣлать съ должною аккуратностію нельзя. Вмѣстѣ съ тѣмъ верховный совѣтъ увѣдомляетъ г. Игнатьева, что разграниченіе поручено Гиринскому и Амурскому генераль-губернаторамъ и проситъ поспѣшить распоряженіемъ объ отправленіи на Амуръ Русскаго чиновника для совѣщанія съ мѣстными властями.

Г. Игнатьевъ отвѣчалъ, что онъ готовъ отправить изъ Пекина въ Айгунь немедленно и кратчайшею дорогою черезъ Маньчжурію двухъ чиновниковъ съ тѣмъ, чтобы они вступили въ соглашеніе о проведеніи граничной линіи съ мѣстными властями. Онъ предлагалъ отправить въ Айгунь генеральнаго штаба подполковника Будогоскаго и переводчика Шипмарева, которымъ генераль Муравьевъ уже прежде поручалъ сношенія съ мѣстными Китайскими чиновниками о проведеніи восточной границы нашей. Вмѣстѣ съ тѣмъ генераль Игнатьевъ имѣлъ въ виду, что графъ Муравьевъ, возвращаясь поздно осенью изъ Николаевска въ Иркутскъ, могъ имѣть возможность, при перенесеніи переговоровъ въ Айгунь, лично оными распорядиться и своимъ вліяніемъ на пограничное Китайское начальство придать быстрѣйшее теченіе и болѣе рѣшительное направленіе переговорамъ о восточной границѣ. Но Китайское правительство не согласилось пропустить нашихъ комиссаровъ черезъ Маньчжурію, и верховный совѣтъ опять объявилъ г. Игнатьеву, что границы наши уже опредѣлены во время императора Канъ-хи Нерчинскимъ трактатомъ и что богдыханъ позволилъ намъ изъ снисхожденія и въ знакъ особой дружбы плавать по Амуру на Востокъ до моря, давая такимъ образомъ замѣтить, что это только позволеніе, а не право и что слѣдовательно низовье Амура и устье намъ не принадлежатъ. Относительно Усури и Суйфуна верховный совѣтъ положительно объявилъ, что на проведеніе тамъ границы Дайцынское правительство никакъ не можетъ согласиться, гдѣ бы ни разсуждать объ этомъ, въ столицѣ или внѣ оной, что мѣстному главнокомандующему поручено устроить по взаимному соглашенію дѣло о плаваніи нашихъ судовъ по нижней части р. Амура (Сунгари-Ула) и объ уступкѣ намъ Маринска и Кизи.

Возвращеніе въ Пекинъ Гуй-ляна и Хуа-шана имѣло для насъ неприятыя послѣдствія. Англичане не потеряли времени, чтобы вооружить Китайцевъ противъ предлагаемаго нами разграниченія, вселить въ нихъ крайнее недовѣріе къ намъ и распространить въ Китаѣ весьма ложныя свѣдѣнія о Россіи.

10-го Сентября Су-шань пріѣхалъ къ г. Игнатьеву, который ему сказалъ, что значительныя силы будутъ направлены изъ Европы и Индіи для наказанія Китайцевъ за пораженіе, нанесенное при Да-чу Английской эскадрѣ и что потому для Китая необходимо сохранить дружественныя отношенія къ Россіи и окончить какъ можно скорѣе пограничныя дѣла наши. Су-шань старался убѣдить г. Игнатьева, что Китайское правительство нисколько не опасается возобновленія военныхъ дѣйствій съ Англичанами, не нуждается ни въ руководителяхъ, ни въ войскахъ, ни въ оружій, ни въ боевыхъ снарядахъ и что Китайцы будутъ драться упорно съ Европейцами. Въ заключеніе продолжительнаго разговора, Су просилъ Игнатьева не настаивать на требованіяхъ, замѣчая при этомъ, что всѣ другія государства будутъ надъ ними смѣяться, если узнаютъ, что двухсотлѣтняя дружба между нашими государствами нарушится отъ подобныхъ причинъ. Онъ просилъ Игнатьева непременно довести до свѣдѣнія нашего Государя, что богдыханъ рѣшительно не можетъ согласиться на уступку предлагаемой нами границы на Востокъ и предложилъ для продолженія переговоровъ ожидать отвѣта изъ С. Петербурга.

Г. Игнатьевъ полагалъ, что предъявленіе энергическаго листа изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ верховный совѣтъ и вызвѣдъ его изъ Пекина на границу произведутъ, можетъ быть, желаемое впечатлѣніе на Китайское правительство, и за тѣмъ думалъ возобновить наши предложенія въ Кяхтѣ и на Амурѣ и поддержать ихъ, въ случаѣ надобности, занятіемъ Урги, Айгуня, Санъ-Сина и движеніемъ къ Цицикару пароходовъ. Г. Игнатьевъ находилъ это время самымъ благопріятнымъ для нашихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Война Китая съ Англіею должна была, по его мнѣнію, способствовать быстрѣйшему достиженію желаемого нами результата.

Но графъ Муравьевъ думалъ иначе. Онъ полагалъ, что для насъ не существуетъ настоящей необходимости добиваться рѣшенія этого вопроса непременно въ этомъ году и даже посредствомъ военныхъ дѣйствій. Хочетъ ли, или не хочетъ Китайское правительство признавать Айгунскій договоръ, мы съ своей стороны отъ него не должны отступаться и удержимъ за собою все, что приобрѣли въ силу этого договора. Графъ былъ убѣжденъ, что умысленныя превратныя толкованія значенія условій не перемѣнятъ фактовъ и не заставятъ насъ отказаться отъ нашихъ правъ; онъ рѣшился продолжать дѣйствовать на Амурѣ, основываясь на своемъ пониманіи условій Айгунскаго договора, а не на Китайскомъ лжетолкованіи его и если вслѣдствіе этого извѣстное пространство останется на время неразграниченнымъ между Россіею и Китаемъ, то невыгода отъ этого едва ли не будетъ вся на сторонѣ Китая. Другое дѣло, еслибъ вмѣсто словъ Китайцы вздумали перейти къ дѣйствию и силою осмѣлились помѣшать намъ пользоваться тѣмъ, на что мы приобрѣли право вслѣдствіе Айгунской конвенціи: тогда безъ сомнѣнія на силу мы отвѣтили бы силою. Но графъ Амурскій видѣлъ, что со стороны Китайцевъ все ограничится однимъ словопрѣніемъ, и г. Игнатьеву онъ совѣтовалъ категорически объявить въ Пекинѣ, что Китайское лже-

толкованіе Айгунскаго трактата не можетъ быть нами принято, что мы складываемъ съ себя отвѣтственность за всѣ неприятыя послѣдствія и столкновенія, которыя въ будущемъ могутъ произойти отъ неразграниченія нашихъ владѣній отъ вершины Усури до моря; прекращеніе торговыхъ сношеній мы будемъ считать нарушеніемъ существующихъ договоровъ, а обращенія къ суду иностранныхъ народовъ мы не страшимся, потому что наши дѣйствія основаны на строгомъ исполненіи трактатовъ.

На вопросъ г. Игнатьева, долженъ ли онъ выѣхать въ мѣсто дѣйствія союзныхъ посланниковъ, если они будутъ вести переговоры не въ Пекинѣ, ему отвѣчено было изъ министерства, что виды и стремленія наши въ Китайской политикѣ были совершенно другія, чѣмъ Европейскихъ державъ; содѣйствія ихъ къ достиженію нашей цѣли мы ожидать не могли, противодействовать имъ однимъ своимъ вліяніемъ или оказать существенную пользу Китаю едва ли Игнатьевъ въ состоянїи: а потому въ такомъ только случаѣ, еслибы иностранные представители дѣйствительно пожелали присутствія Игнатьева и личнаго его участія въ сношеніи съ Китайскимъ правительствомъ, ему разрѣшено было отправиться въ тотъ приморскій пунктъ, гдѣ будутъ вѣдены переговоры.

Китайцы исполнили одно изъ желаній г. Игнатьева, выслали въ Айгунь для переговоровъ съ графомъ Муравьевымъ, во время его проѣзда, Гиринскаго дзянь-дзюня *)); но онъ самъ къ графу не являлся, а выслалъ въ Благовѣщенскъ амбана Айжинъ-шай, который сообщилъ графу, что богдыханъ запретилъ Русскимъ плавать по Сунгари и Усури и старался узнать, будетъ ли онъ разговаривать съ дзянь-дзюномъ, если тотъ поведетъ рѣчь о разграниченіи около Кизи. Графъ отвѣчалъ, что о разграниченіи у насъ рѣчь можетъ быть только относительно страны на Югъ отъ озера Ханка до моря, что объ этомъ трактуетъ нашъ посланникъ въ Пекинѣ; а что относительно какъ плаванія по рѣкамъ, такъ и всего остальнаго, графъ строго и въ точности будетъ исполнять Айгунскій трактатъ, что ему приказано Государемъ.

Положеніе дѣлъ въ Китаѣ и медленный ходъ переговоровъ генералъ-маіора Игнатьева въ Пекинѣ понудили Министерство Иностранныхъ Дѣлъ написать въ Октябрѣ графу Муравьеву, что если онъ убѣдится изъ дальнѣйшихъ донесеній нашего полномочнаго въ Пекинѣ, что Китайцы никакъ не соглашаются на проведеніе границъ, указанныхъ богдыханомъ въ повелѣніи, сообщенномъ графу Путятину въ Тянь-цзинѣ Китайскими полномочными, — то графъ Муравьевъ долженъ приступить къ фактическому занятію этихъ границъ, нашими войсками праваго берега Усури, а судами портовъ Маньчуріи, коль скоро время года и мѣстныя соображенія допустятъ, каковое занятіе есть «неизбѣжное послѣдствіе упорства и неисполненія принятыхъ на себя обязательствъ Пекинскимъ кабинетомъ».

Повелѣвая генералъ-маіору Игнатьеву оставаться въ Пекинѣ, Государь Императоръ приказалъ графу Амурскому имѣть неослабное наблюденіе за тѣмъ, чтобы, на случай какихъ либо крайнихъ или непредвидимыхъ обстоятельствъ, одно изъ судовъ было въ распоряженіи его у устьевъ Пей-хо.

*) Тэ-пу-цзына.

Въ половинѣ Ноября графъ Муравьевъ былъ въ Благовѣщенскѣ. Значительныя приготовленія, дѣлаемыя въ Англіи и Франціи къ новой войнѣ съ Китаемъ, поставляли и насъ въ необходимость имѣть въ готовности всѣ суда Амурской флотиліи къ выступленію въ море немедленно по вскрытіи льда въ лиманѣ, подъ личнымъ начальствомъ контръ-адмирала Казакевича. Эскадрѣ этой графъ Муравьевъ велѣлъ занять и укрѣпить два пункта для небольшихъ командъ въ гаваняхъ Новгородской и Владивостокѣ въ заливѣ Петра Великаго, крейсировать около него и описать всѣ берега его отъ границы Кореи съ Юга до бухты Ольга къ Сѣверу со всевозможною точностію и подробностію. По всей Амурской и Усурійской линіи, графъ Муравьевъ предписалъ быть регулярнымъ войскамъ и казакамъ въ военной готовности и построить двѣ канонирскія лодки. Всѣ военныя приготовленія дѣлались не скрытно, а напротивъ открыто въ виду Китайцевъ и Маньчжуровъ.

Въ Айгунѣ опасались военныхъ дѣйствій съ нашей стороны и объясняли враждебно пребываніе графа Муравьева въ Благовѣщенскѣ. Тэ-пу-цынъ уѣхалъ въ Цицикаръ, чтобъ сообщить о своихъ опасеніяхъ въ Пекинъ. Графъ Муравьевъ находилъ полезнымъ дать замѣтить Китайскому правительству, что Тэ-пу-цыну легко поссорить оба государства своими ложными донесеніями богдыхану и безконечными отступленіями отъ исполненія трактата. Онъ считалъ полезнымъ, чтобы Тэ-пу-цына смѣнили и не возвращали въ Гиринь, о чемъ сообщилъ генералу Игнатьеву.

Въ Забайкальѣ и Иркутскѣ графъ приказалъ распустить слухъ о вѣроятномъ движеніи нашихъ войскъ весною за границу, такъ что свѣдѣнія объ этомъ съ разныхъ сторонъ должны были достигнуть до Пекина, что онъ считалъ полезнымъ для переговоровъ г. Игнатьева.

Генералъ Игнатьевъ, со времени прекращенія съ его стороны переговоровъ съ Китайскими полномочными, вслѣдствіе невозможности соглашенія по вопросу о границахъ, не имѣлъ никакихъ сношеній съ Пекинскимъ кабинетомъ, не видѣлъ исхода бездѣйственному положенію, въ которомъ находился и считалъ необходимою принятіе нашимъ правительствомъ рѣшительныхъ мѣръ. Онъ указывалъ на вредное для насъ въ этомъ дѣлѣ вліяніе Англіи, когда представитель ея будетъ находиться въ Пекинѣ, и предлагалъ два средства для удовлетворительнаго окончанія разграниченія, а именно: ждать въ Пекинѣ исхода войны съ Англо-Французами и воспользоваться пораженіемъ Китайцевъ для склоненія ихъ къ уступкамъ, или же, сдѣлавъ послѣднее предложеніе Китайскому правительству о приведеніи въ исполненіе Айгунскаго трактата, оставить въ случаѣ отказа Пекинъ и перенести переговоры на Амуръ, подкрѣпляя наши домогательства понудительными мѣрами и движеніемъ войскъ на границахъ.

Графъ Муравьевъ предлагалъ согласиться по Китайскимъ дѣламъ съ Европейскими державами, снабдить генераль-маіора Игнатьева инструкціями на случай возможнаго посредничества съ его стороны въ Китайскихъ дѣлахъ и предписать ему выѣхать изъ Пекина вмѣстѣ съ Китайскими уполномоченными на мѣсто, гдѣ будутъ ведены переговоры между Китайцами и Англо-Французами, если послѣдніе откажутся отъ занятія Пекина. Въ случаѣ же паденія Маньчжурской династіи, властвующей въ Китаѣ, принять рѣшительныя мѣры къ огражденію сосѣднихъ намъ Монголіи и Маньчжуріи отъ вліянія новаго Китайскаго правленія.

Неопредѣленность положенія генераль-маіора Игнатьева вызвала изъ С.-Петербурга въ Январѣ 1860 года повелѣніе ему выѣхать изъ Пекина и отправиться въ Бей-танъ на Русское судно, которое будетъ тамъ находиться по примѣрному соображенію въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Прежде окончательнаго выѣзда г. Игнатьевъ долженъ былъ сдѣлать послѣднее предложеніе Китайскому правительству о приведеніи въ исполненіе Айгунскаго трактата относительно разграниченія вверхъ по р. Усури и отъ истоковъ ея къ морю, какъ сказано въ инструкціи графу Муравьеву-Амурскому отъ 13 Октября 1859 г. Въ предложеніи своемъ генераль-маіоръ Игнатьевъ долженъ былъ упомянуть, что ежели за симъ Китайское правительство не согласится утвердить находящіеся у него планы и карты обоюдныхъ границъ, то онъ оставитъ Пекинъ, а Сибирскій генераль-губернаторъ сдѣлаетъ надлежащія распоряженія о приведеніи въ исполненіе Айгунскаго трактата. Расчитывая на вѣроятность отказа, генераль-маіору Игнатьеву предписали соображать подачу предложенія съ приходомъ нашего судна въ Бейтанъ для того, чтобъ имѣть возможность немедленно привести въ исполненіе объявленіе свое относительно выѣзда изъ Пекина.

Если же Китайское правительство согласится на наши предложенія, то онъ долженъ былъ объявить министрамъ богдыхана, что останется нѣкоторое время съ Русскою эскадрою въ заливѣ Печели на тотъ конецъ, чтобъ въ случаѣ нужды оказать дружеское содѣйствіе свое въ пользу богдыхана во время переговоровъ его уполномоченныхъ съ уполномоченными союзныхъ державъ.

Что же касается до командированія военнаго судна въ Бейтанъ, то рѣшили немедленно отправить курьеромъ морскаго офицера черезъ Суецъ и Шанхай въ Хакодате къ командиру находящагося тамъ крейсера съ тѣмъ, чтобъ онъ немедленно отправился къ указанному ему мѣсту и по приходѣ своемъ увѣдомилъ генераль-маіора Игнатьева. Съ тѣмъ вмѣстѣ имѣлось въ виду распоряженіе объ отправленіи военной нашей эскадры, въ Николаевскѣ находящейся, въ Печелійскій заливъ въ распоряженіе нашего полномочнаго, который, пересѣвъ на Русское судно, долженъ былъ сообразовать свои дѣйствія съ положеніемъ Англо-Французской эскадры и если найдетъ въ Печелійскомъ заливѣ Американскія военныя суда, то имѣеть пригласить ихъ къ совмѣстному съ нами миролюбивому дѣйствію. Въ подрѣвленіе Сибирской эскадрѣ командированъ былъ въ распоряженіе уполномоченнаго вашего въ Пекинѣ капитанъ 1-го ранга Лихачевъ; въ составѣ эскадры, имъ командуемой, находились фрегатъ Свѣтлана, корветъ Посадникъ, клипера Разбойникъ и Наѣздникъ, отправленные въ Восточный Океанъ въ 1859 году и клиперъ Джигитъ со станціи въ Хакодате. Затѣмъ были командированы въ составъ эскадры капитана Лихачева изъ портовъ Восточнаго Океана корветы Бояринъ и Воевода и клиперъ Опричникъ. Капитану Лихачеву поручено было какъ можно поспѣшнѣе, съ раннею весною, занять одну изъ самыхъ южныхъ гаваней въ заливѣ Посьета,—обстоятельство весьма важное, какъ одна изъ мѣръ фактическаго подрѣвленія нашихъ требованій. Кромѣ того назначеніе эскадры имѣло ту важность, что представляло первый фактъ единодушнаго и согласнаго дѣйствія Петербургскихъ распоряженій съ мѣстными силами генераль-губернатора и Пекинскаго посланника.

Не участвуя въ военномъ движеніи, Игнатьевъ долженъ былъ на-

ходиться въ наблюдательномъ положеніи до того времени, когда Китайскіе полномочные войдутъ въ переговоры съ начальниками морскихъ и военныхъ силъ союзныхъ державъ. Въ этомъ случаѣ онъ долженъ былъ, подобно графу Путятину въ 1858 г., слѣдить, чтобъ державы, ведущія переговоры, не коснулись условій, протинныхъ нашимъ интересамъ, и если найдетъ возможнымъ, то вновь предложить Китайскимъ уполномоченнымъ объ утвержденіи и размѣнѣ картъ разграниченія, что должно было замѣнить самый размѣнъ ратификацій Айгунскаго трактата. Новыя же права и преимущества, которыя Китайцы должны будутъ уступить Англичанамъ и Французамъ въ политическомъ и торговомъ отношеніи, сами собою, по силѣ 12 ст. Тянь-цзинскаго трактата, распространяются и на Россію.

Графу Муравьеву-Амурскому подтверждены прежнія инструкціи касательно занятія Усури и портовъ Маньчжуріи, и если бы Китайскіе полномочные выѣхали для переговоровъ въ Айгунь или на Усури, то поручить оныя генераль-маіору Карсакову.

Генераль-маіоръ Игнатьевъ продолжалъ получать на свои бумаги сухіе отказы верховнаго совѣта, который писалъ ему, что изъ прежнихъ сообщеній усматривается, что Игнатьевъ въ Пекинѣ не имѣетъ такихъ дѣлъ, которыя можно было бы рѣшить по возможному соглашенію и что слѣдовательно ему не о чемъ здѣсь совѣщаться.

Г. Игнатьевъ сообщилъ съ своей стороны причины, заставляющія его желать назначенія вмѣсто Су и Жуй новыхъ уполномоченныхъ и препроводилъ засвидѣтельствованную копию съ Китайскаго текста указа, сообщеннаго министромъ Гуйляномъ графу Путятину. Въ этомъ указѣ отъ 5 числа 5-й луны, Сянь-фынь 8 года (3-го Юня 1858 г.) именно сказано, что р. Усури назначена пограничною между двумя государствами до морскихъ портовъ и что Айгунскій трактатъ утвержденъ богдыханомъ. Указъ этотъ играетъ весьма видную роль въ нашихъ дипломатическихъ сношеніяхъ этой эпохи. Генераль Игнатьевъ выразилъ убѣжденіе, что, по сличеніи этого документа съ копіею, хранящеюся въ государственномъ совѣтѣ, члены онаго согласятся съ законностію объявленія Игнатьева, что Айгунскій трактатъ мы считаемъ уже утвержденнымъ богдыханомъ и рѣку Усури пограничною между Китаемъ и Россіею, и что ежели Китайское правительство будетъ отрекаться отъ прежнихъ трактатовъ и данныхъ обѣщаній, то ни одно государство не можетъ имѣть къ нему довѣрія и подобное расположеніе породитъ нескончаемую войну и безчисленныя затрудненія.

Государственный совѣтъ, желая выдержать до послѣдней возможности разъ принятый способъ дѣйствія, вручилъ отвѣтъ свой Су и Жуй и увѣдомилъ о томъ г. Игнатьева, предлагая назначить день свиданія. Отвѣтъ совѣта былъ придуманъ довольно ловко для того, чтобы согласить законное требованіе нашего посланника съ назначеніемъ уполномоченными Су и Жуй: не отвергая доводъ г. Игнатьева и не говоря, что Су и Жуй останутся по прежнему уполномоченными, или что имъ сдѣлано внушеніе для болѣе примирительнаго и уступчиваго образа дѣйствій, совѣтъ доставилъ случай Су и Жуй прійхать къ Игнатьеву для примиренія подъ предлогомъ доставки бумаги и далъ ему возможность принять этихъ сановниковъ, не отступая отъ объявленнаго рѣшенія. Г. Игнатьевъ готовъ былъ принять у себя каждое изъ лицъ, назначенныхъ правительствомъ, но вести переговоры и переписываться рѣшился только съ государственнымъ совѣтомъ.

Въ бумагахъ совѣта Су и Жуй не были даже названы, какъ прежде, уполномоченными, а просто президентами.

На этомъ основаніи г. Игнатъевъ изъяснилъ, что приметъ Су и Жуй только какъ подателей бумаги государственнаго совѣта. Тѣмъ болѣе ему слѣдовало на это согласиться, что изъ числа высшихъ сановниковъ тогда почти некого было назначить, кромѣ этихъ двухъ лицъ, такъ какъ изъ министровъ одинъ Гуй-лянъ не былъ занятъ особеннымъ порученіемъ; да и тотъ, когда только услышалъ въ государственномъ совѣтѣ о необходимости удовлетворить настоятельныя требованія г. Игнатъева, заболѣлъ и просилъ увольненія.

Не желая однакожь, чтобы верховный совѣтъ объяснилъ согласіе на личное свиданіе съ Су и Жуй внезапною сговорчивостію и ослабленіемъ настойчивости, г. Игнатъевъ воспользовался тѣмъ, что Су-шунъ не прислалъ своихъ чиновниковъ въ подворье условиться о днѣ и часѣ свиданія, какъ это дѣлалось прежде, и написалъ новую бумагу въ верховный совѣтъ, въ которой вкратцѣ снова изложилъ свои требованія и наменнулъ (вслѣдствіе бывшаго за нѣсколько дней въ подворьѣ разговора съ Китайскими чиновниками) на ту пользу, которую могла бы оказать Россія въ настоящихъ обстоятельствахъ участіемъ своимъ къ положенію Китая, въ случаѣ если бы богдыханъ согласился на предложенія Игнатъева.

Въ тотъ же самый день, 3-го Января 1860 года, явились чиновники отъ Су-шуна съ извиненіями, говоря, что онъ потому не прислалъ спросить о днѣ свиданія, что крайне былъ занятъ въ палатѣ финансовъ; но что теперь онъ, не смотря на обремененіе дѣлами, проситъ Игнатъева избрать по произволу день свиданія. Г. Игнатъевъ поручилъ драгоману передать чиновникамъ, что если Су-шунъ намѣренъ вести себя также, какъ въ предшествовавшія свиданія или привезетъ неудовлетворительный отвѣтъ, то лучше бы не беспокоился прѣзжать. Чиновники вздумали предложить г. Игнатъеву принять Су и Жуй безъ бумаги совѣта. Тогда имъ объявлено было рѣшительно, что они будутъ приняты какъ сановники, которымъ поручено доставить лично отвѣтъ верховнаго совѣта, или, ежели они желаютъ, какъ частныя знакомые; но что безъ бумаги государственнаго совѣта Игнатъевъ ихъ для личныхъ объясненій по дѣлу переговоровъ не приметъ и не намѣренъ съ ними тратить время въ пустыхъ спорахъ, ни къ чему не ведущихъ.

Часа два прошло въ напрасныхъ настояніяхъ чиновниковъ; видно было, что разгадали намѣреніе Су-шуна прѣхать подъ благовиднымъ предлогомъ, но безъ положительнаго отвѣта. Вечеромъ прѣхалъ другой чиновникъ съ извѣстіемъ, что Су и Жуй привезутъ въ назначенный Игнатъевымъ день и часъ обстоятельный отвѣтъ государственнаго совѣта.

4-го Января, въ полдень, прѣехали президенты Су и Жуй. Г. Игнатъевъ принялъ ихъ вѣжливо, но холодно и серьезно. Передъ ними несли бумагу изъ совѣта, которую они подали г. Игнатъеву запечатанною. Бумага эта въ сущности признавала за нами права относительно восточной границы, которая Игнатъевъ доселѣ тщетно отстаивалъ, но отличалась своею наивностію. Сознавшись въ томъ, что Айгунскій трактатъ былъ утвержденъ богдыханомъ, т. е. что указъ, на который г. Игнатъевъ постоянно ссылался, существуетъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его представляли, Китайскіе сановники однакоже не высказали положительно этого

поздняго сознанія. Въмѣстѣ съ тѣмъ они думали объявить дѣйствія И-шаня самовольными и глупыми на томъ только основаніи, что уступленныя имъ земли принадлежать вѣдомству не Амурскаго губернатора, а Гиринскаго, и что И-шань не приложилъ къ своему донесенію карты мѣстности (!!). Стараясь объяснить происшедшее послѣ того измѣненіе и намѣреніе богдыхана уклониться отъ исполненія постановленій Айгунскаго трактата, они высказали, что причиною тому было донесеніе Гиринскаго главнокомандующаго и доносъ его на И-шаня. Въ бумагахъ Китайцы полагали скрыть отъ Игнатьева имя главнокомандующаго подъ именемъ «одного военнаго чиновника Гиринской области»; но извѣстно, что оттуда имѣть право посылать донесенія никто другой, какъ одинъ главнокомандующій; притомъ изъ собранныхъ подъ рукою свѣдѣній предположеніе это вполнѣ подтвердилось. Далѣе въ бумагахъ своей совѣтъ увѣдомляетъ, что богдыханъ, собственно ради взаимной дружбы обоихъ государствъ, опасается уступкою Усури поставить насъ въ невыгодное положеніе, произвезти неудовольствіе въ мѣстныхъ жителяхъ и возбудить споры и несогласія между ими и поселенцами нашими, которыхъ, по увѣренію Гиринскаго генералъ-губернатора, жители рѣшили, во что бы то ни стало, не пускать на р. Усури.

Въ заключеніе верховный совѣтъ высказываетъ неслыханную въ Китайской официальной перепискѣ мысль, что «гнѣвомъ народа трудно управлять и что богдыханъ не въ состояніи принудить мѣстныхъ жителей быть довольными».

Такимъ образомъ для опроверженія доводовъ, представленныхъ г. Игнатьевымъ, верховный совѣтъ, по истощеніи всѣхъ обыкновенныхъ уловокъ Китайской дипломатіи, не нашель, наконецъ, другаго средства, какъ сослаться на глупость своего уполномоченнаго, на недостатокъ пограничной карты и на гнѣвъ мѣстныхъ жителей.

Прочитавъ переводъ бумаги государственнаго совѣта, г. Игнатьевъ сказалъ Су и Жуи, что не можетъ считать отвѣтъ верховнаго совѣта ни удовлетворительнымъ, ни достаточнымъ, но будетъ возражать письменно. Су и Жуи хотѣли было возобновить съ нимъ прежнія прѣвія и сказали, что они собственно присланы для того, чтобы пополнить и объяснить бумагу совѣта. На словахъ они снова начали отвергать утвержденіе Айгунскаго трактата, объясняя указъ богдыхана незнаемъ мѣстности и проч. Г. Игнатьевъ прекратилъ всѣ подобныя разсужденія, сказавъ, что все это онъ уже не разъ слышалъ и все это неоднократно и достаточно опровергнувъ, а потому находить излишнимъ продолженіе спора; притомъ онъ ведетъ переговоры съ верховнымъ совѣтомъ, а они какъ не присутствующіе въ этомъ совѣтѣ, могутъ только передать ему то, что имъ поручено добавить на словахъ къ переданной бумагѣ; что же касается до незнаія мѣстности, то нельзя допустить, чтобы земля, принадлежащая Дайцинскому государству и столь важная, какъ они говорятъ, была вполнѣ неизвѣстна и богдыхану, и Гуялянну, и государственному совѣту и, судя по ихъ словамъ, мы должны скорѣе придти къ заключенію, что земли, находящіяся на правомъ берегу Усури, никогда не принадлежали Китайской имперіи.

На предложеніе Су и Жуи донести еще разъ въ С.-Петербургъ о встрѣченныхъ затрудненіяхъ и ожидать оттуда отвѣта и новыхъ инструкцій, г. Игнатьевъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, говоря,

что правительству нашему уже известно все происходившее здѣсь въ теченіи прошлаго лѣта, что онъ получилъ достаточно полную инструкцію, не дѣйствуетъ иначе, какъ сообразно съ точною волею и указаніями правительства и снабженъ полномочіемъ на всѣ случаи. На замѣчаніе Су и Жуй относительно того, что для переговоровъ посланъ къ графу Амурскому Тэ-пу-цынь, г. Игнатъевъ сказалъ имъ, что по полученнымъ имъ съ послѣднею почтою отъ графа извѣстіямъ, Тэ-пу-цынь сдѣлалъ такія же неумѣстныя предложенія для проведенія граничной линіи, каковыя были сдѣланы и ему, что поэтому графъ Амурскій и не намѣренъ быть входить въ обсужденіе предложеній Тэ-пу-цына, и что, слѣдовательно, ожидать какаго-либо результата отъ этихъ переговоровъ во всякомъ случаѣ нельзя.

Затѣмъ г. Игнатъевъ прекратилъ официальную бесѣду съ Китайскими уполномоченными. Подали угощенія и начали говорить объ общихъ предметахъ: о наступающихъ здѣсь праздникахъ новаго года, объ извѣстіяхъ изъ Европы, о газетахъ и журналахъ, о телеграфахъ и желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ, о способѣ выдѣлыванія у насъ и у Китайцевъ пороха, объ Англіи и Франціи, о минувшей войнѣ нашей съ четырьмя Европейскими государствами, объ оборонѣ Севастополя и разсуждали о будущихъ дѣйствіяхъ союзниковъ въ Тянь-цинѣ. Су и Жуй, озадаченные сначала отвѣтами г. Игнатъева, старались однакоже быть чрезвычайно любезными, и вообще какъ они, такъ и ихъ чиновники были вѣжливы и вели себя очень чинно. Въ обращеніи Су-шуня произошла значительная перемена; онъ не позволилъ себѣ ни одной неумѣстной выходки и ни разу не возвысилъ голоса. По всему видно было, что Су-шунъ получилъ замѣчаніе за свой прежній образъ дѣйствія и приказаніе быть осторожнымъ и избѣгать ссоры.

Во время разговора, продолжавшагося около двухъ часовъ, и Су, и Жуй старались допытаться, правда ли, что мы помогаемъ и деньгами и людьми Англичанамъ въ ихъ дѣйствіяхъ противъ Китая и подъ конецъ объяснили, что слухи о нашей двуличности и о тайной помощи, данной Англичанамъ, получены изъ Шанхая, гдѣ разсказывали это Китайскимъ чиновникамъ иностранцы, утверждая даже, что въ Да-чу были въ числѣ десанта Русскіе, переодѣтые въ Англійскую военную форму. Хотя это, можетъ быть, была и чисто Китайская выдумка и сообщено было для того, чтобы вывѣдать дѣйствительныя наши намѣренія; но можетъ статься, что подобныя слухи распространялись въ Шанхай съ цѣлю поколебать предполагаемыя довѣріе и расположеніе къ намъ Китайскаго правительства. Г. Игнатъевъ объяснилъ Су и Жуй, что мы не только не помогаемъ Англичанамъ въ настоящее время, но изъ дружескаго расположенія къ Китаю старались отговорить Американцевъ и Французовъ отъ оказанія помощи Англіи; что Англичане такъ убѣждены въ превосходствѣ и искусствѣ нашихъ войскъ и въ добромъ расположеніи нашемъ къ Китаю, что, встрѣтивъ отпоръ въ Да-чу, воображали себѣ, что на батареяхъ находились Русскіе офицеры и опасались вторично подступить къ Тянь-цину, пока не убѣдились, что Русскіе не помогаютъ Китайскимъ войскамъ на этомъ пунктѣ. При этомъ г. Игнатъевъ сослался на извѣстныя Китайцамъ статьи Шанхайской газеты, въ которыхъ упоминается о предположеніи, что на батареяхъ въ Да-чу находились Русскіе офицеры и Китайскія войска были вооружены Русскимъ оружіемъ.

Су и Жуй сообщили подъ конецъ г. Игнатьеву, что они понимаютъ, что Англія боится Россіи, а потому желаетъ различными внутренними поссорить Китайцевъ съ Русскими. На это г. Игнатьевъ замѣтилъ Су-шуню, что, не соглашаясь съ нашими справедливыми требованіями и не исполняя данныхъ обѣщаній, Китайскіе савовники дѣйствуютъ совершенно въ видахъ Англіи, старающейся, по ихъ же словамъ, разорвать наши дружественныя связи, чтобы легче одолѣть Китайскую имперію.

Въ продолженіе разговора Су-шунъ высказалъ убѣжденіе, что Французы потому только посылаютъ войска свои противъ Китая, что Англичане наняли ихъ за недостаткомъ собственныхъ войскъ. Всѣ старанія г. Игнатьева разувѣрить въ этомъ отношеніи Китайскихъ уполномоченныхъ были, повидимому, напрасны; но Су проговорился также, что, хотя Американцы несравненно лучше, нежели Англичане и даже Французы, но и они довольно ненадежный народъ, и сознался, что между Китаемъ и Америкою произошли въ послѣднее время новыя затрудненія по исполненію Тянь-цзинскаго трактата. Какъ кажется, эти недоразумѣнія произошли по тому же поводу, по которому Китайское правительство обратилось къ г. Игнатьеву въ Августѣ 1859 г. съ требованіемъ, чтобы онъ призналъ недѣйствительнымъ Тянь-цзинскій трактатъ въ отношеніи къ открытію портовъ и морской торговли, до ралификаціи Англійскаго и Французскаго трактатовъ.

Увлекаясь разговоромъ, Су-шунъ сознался, что всѣ недоразумѣнія относительно Айгунскаго трактата произошли потому только, что Гиринаго главнокомандующаго не было при переговорахъ и что въ его отсутствіе Амурскій главнокомандующій уступилъ мѣста, не подвѣдомственный ему; что вообще Китайское правительство мало знакомо и съ пограничною мѣстностію и съ пограничными дѣлами, и потому, если бы прошлою зимою Гиринаскій главнокомандующій и мы сами въ Пекинѣ не возбудили сего дѣла, то Айгунскій трактатъ прошелъ бы незамѣченнымъ до извѣстнаго времени. Эта черта вполнѣ характеризуетъ Китайское правительство и объясняетъ, почему пограничные начальники могутъ до времени дѣлать все, что имъ вздумается на границѣ, но за то никогда не смѣютъ доносить правительству о положеніи дѣлъ во ввѣренномъ имъ краѣ въ истинномъ свѣтѣ. Такъ, напримѣръ, по распоряженію графа Амурскаго выведенъ за рѣку Амуръ караулъ Маньчжурскій, находившійся до того времени въ Улусу-Модонѣ, на лѣвомъ берегу рѣки; Тэ-пу-цынъ, донося объ очищеніи этого караула, объяснилъ, что караулъ сожженъ по неосторожности начальника онаго и что за небрежное обращеніе съ огнемъ сей послѣдній долженъ быть преданъ суду; о Русскихъ же и о переводѣ караула съ лѣваго берега Амура—ни слова.

Су-шунъ былъ любезенъ и очень вѣжливъ до конца свиданія, неоднократно повторяя, что отношенія Россіи къ Китаю нельзя сравнивать съ отношеніями другихъ государствъ и что намъ не слѣдуетъ воевать между собою, потому что другія государства будутъ смѣяться тогда надъ нашею дружбою. Г. Игнатьевъ замѣтилъ ему, что если Китайское правительство не приметъ нашихъ предложеній, то можно будетъ придти къ заключенію, что невыгодно быть въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Китайскимъ правительствомъ, такъ какъ оно не принимаетъ въ расчетъ ни добраго нашего расположенія, ни справедливости и законности требованій, и вообще уступаетъ

только тогда, когда объявляется война; что на этомъ основаніи выгодно бытъ въ войнѣ съ Китаемъ, нежели въ дружбѣ. Относительно Англичанъ, не смотря на все сказанное для поселенія въ Китайскихъ сановникахъ убѣжденія въ невозможности для Китая бороться съ Англією, Су-шунъ продолжалъ утверждать, что правительство здѣшнее не боится Англичанъ, зная, что на сухомъ пути они ничего предпринять не могутъ противъ Китая и что они опасны только на судахъ и на морскомъ берегу. Самонадѣянность и самообольщеніе Китайскихъ сановниковъ изумительны были бы, еслибъ можно было еще чему нибудь изумляться относительно Маньчжурскаго правительства и его представителей: они не выражали даже малѣйшаго желанія ознакомиться съ новѣйшими открытіями наукъ и искусствъ и съ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, упорно утверждая, что все имъ уже вполне извѣстно.

Су-шунъ спросилъ г. Игнатъева передъ самымъ выходомъ, въ какихъ отношеніяхъ мы теперь съ Англією. Онъ отвѣчалъ, что въ хорошихъ, и что если Китайцы отвергнутъ всѣ наши предложенія, совершенно законныя, то можетъ случиться, что мы будемъ поставлены въ необходимость удалиться отъ Китайцевъ и согласиться дѣйствовать вмѣстѣ съ Англичанами.

По собраннымъ свѣдѣніямъ Игнатъевъ убѣдился, что верховный совѣтъ не докладываетъ его бумагъ богдыхану; а потому и спросилъ бумагою у совѣта, имѣетъ ли онъ право не доводить до свѣдѣнія богдыхана его сообщеній и просилъ непременно доставить положительный и ясный отвѣтъ на его предложенія. Г. Игнатъевъ старался оправдать дѣйствія И-шаня и доказать, что заключеніе Айгунскаго договора нельзя назвать самовольнымъ и необдуманымъ поступкомъ Китайскаго уполномоченнаго, и что трактатъ этотъ утвержденъ какъ нашимъ Государемъ, такъ и богдыханомъ, приведенъ съ нашей стороны въ исполненіе и объявленъ всѣмъ пограничнымъ жителямъ, и что, стало-быть, объ измѣненіи постановленій Айгунскаго договора и непризнаніи его Китайскимъ правительствомъ и рѣчи быть не можетъ. Относительно р. Усури г. Игнатъевъ объявилъ Китайскому правительству, что правый берегъ уже заселенъ нашими военными поселенцами, а побережье Маньчжуріи уже совершенно нами занято и въ портахъ, нѣсколько лѣтъ сряду, помѣщаются на зиму наши военныя суда. Вмѣстѣ съ этимъ онъ воспользовался представившимся случаемъ, чтобы обвинить Гириньскаго главнокомандующаго за его доносы противъ И-шаня, явное къ намъ недоброжелательство и постоянное противодѣйствіе распоряженіямъ графа Амурскаго и попытался удалить его отъ нашей новой границы или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать для насъ безвреднымъ. Чтобы возбудить въ Китайскомъ правительствѣ желаніе скорѣйшимъ окончаніемъ пограничнаго вопроса предупредить новыя недоразумѣнія, г. Игнатъевъ позволилъ себѣ сдѣлать извѣстнымъ верховному совѣту, что если не прекратятся споры по разграниченію, то графъ Амурскій вѣроятно поставленъ будетъ въ необходимость отправиться на пароходахъ въ Гиринь съ цѣлью лично уговорить тамошняго главнокомандующаго соблюдать правила добраго сосѣдства съ нами и заключенные трактаты, объясняя, что повѣдка эта не состоялась въ нынѣшнемъ году только въ увѣренности, что Китайское правительство исполнитъ ходатайство г. Игнатъева сдѣлать надлежащее внушеніе Гириньскому главнокомандующему. Въ заключеніе г. Игнатъевъ объявилъ

верховному совѣту, что вопросъ теперь состоитъ только въ томъ, хочеть или не хочеть Пекинское правительство заключить съ нимъ предложенныя дополнительныя условія къ Тянь-цзинскому и Айгунскому трактатамъ и утвердить карту граничной линіи для предупрежденія недоразумѣній на будущее время.

Нелишнимъ считаемъ упомянуть здѣсь объ одномъ довольно важномъ обстоятельстве. Въ Декабрѣ 1859 г. умеръ въ Пекинѣ скоропостижно Хуа-ша-на, бывший вторымъ уполномоченнымъ при заключеніи Тянь-цзинскаго трактата. Министръ Гуй-лянъ и президентъ Хуа-ша-на представляли свои переговоры съ иностранными посланниками, въ 1858 и 1859 годахъ, въ превратномъ видѣ, и даже нѣкоторыя статьи Англійскаго и Французскаго Тянь-цзинскихъ трактатовъ не были доведены до свѣдѣнія богдыхана въ томъ смыслѣ, въ какомъ они выражены въ Европейскихъ текстахъ. Богдыханъ потребовалъ обоихъ къ себѣ и началъ спрашивать въ подробности о переговорахъ и трактатахъ съ Англіею и Франціею. Незавѣстно, что происходило на этой аудіенціи; но Хуа-ша-на, по возвращеніи изъ дворца, простился со своею семьею, заперся въ своей комнатѣ и отравился. Гуй-лянъ подалъ просьбу объ увольненіи отъ службы, во вниманіе къ престарѣлымъ его лѣтамъ; но богдыханъ отказалъ ему въ этомъ и приказалъ остаться министромъ впредь до разъясненія дѣла по сношенію съ иностранцами.

Въ это же время навелъ страхъ на богдыхана и на всѣхъ Маньчжуровъ долетѣвшій въ Пекинѣ изъ Шанхая слухъ, будто бы Англичане привезутъ съ собою въ Тянь-цзинъ одного изъ начальниковъ южныхъ инсургентовъ Ши-да-кай (желѣзовѣда) съ тѣмъ, чтобъ посадить его на Китайскій престолъ, въ случаѣ побѣды надъ Сенъ-Ваномъ.

Пока въ Пекинѣ шли переговоры, графъ Амурскій, въ Январѣ 1860 г., издалъ объявленіе всѣмъ людямъ, которые за установленіемъ Усурійской границы будутъ находиться на земляхъ Русской державы, что, къ какому бы они племени или роду ни принадлежали, могутъ свободно жить на Россійскихъ земляхъ и заниматься своими промыслами безпрепятственно. Всѣмъ, проживающимъ на Россійской землѣ, оставляются въ полное ихъ владѣніе обработываемыя ими земли и пастбища. Никакихъ податей или сборовъ въ казну производиться съ нихъ не будетъ, а равно никто не имѣетъ права чинить имъ обиды, либо какія притѣсненія. Торговля всѣмъ и всякими товарами разрѣшается свободная какъ съ людьми Россійскаго государства, такъ и сосѣдами. Въ случаѣ какихъ-либо неудовольствій, обиженные или нуждающіеся въ чемъ-либо имѣютъ обращаться къ Россійскимъ начальникамъ, постановленнымъ на р. Усури, при Усури, при устьѣ Суйфуна и близъ р. Гаоли-дзянь. Въ случаѣ же, когда сіи начальники не окажутъ желаемого правосудія, то обращаться къ губернатору всей области, живущему на устьѣ Амура.

Г. Игнатьевъ, думавшій, что дѣла наши въ Пекинѣ приняли довольно благоприятное направленіе, ошибся въ расчетѣ. Послѣ двухъ совѣщаній въ государственномъ совѣтѣ, на коихъ присутствовали и Сенъ-Ванъ и Су-шунъ, переговоры наши не только не подвинулись, но возвратились къ тому же положенію, въ какомъ были въ прошлую осень.

Совѣтъ утверждалъ, что И-шанъ былъ принужденъ страхомъ подписать договоръ, что онъ согласился на свободное плаваніе нашихъ судовъ по рѣкамъ Маньчжуріи, не нивъ на то уполномочія. Нѣкто-

рые сановники говорили, что было бы безразсудно сдѣлать важныя уступки Россіи, отдать часть Маньчжуріи, не зная еще, каковъ будетъ исходъ предстоящей борьбы съ западными Европейскими державами и не удастся ли отразить новую попытку на Тянь-цзинь или помириться съ Франціею и Англіею, избѣгнувъ необходимости сдѣлать уступки Россіи или обязываться намъ? По ихъ мнѣнію было бы опасно согласиться на наши предложенія, потому что всѣ другія государства будутъ смѣяться надъ уступчивостію Маньчжурскаго правительства, и возбужденныя примѣромъ и изъ зависти къ Россіи, увеличатъ свои требованія непомернымъ образомъ. «Россія не будетъ воевать съ нами», говорили и Сень-Ванъ, и Су-шунь; она не въ состояніи послать войска на Пекинъ чрезъ Гоби: въ этомъ отношеніи она несравненно менѣе опасна и страшна для Китая, нежели Франція и Англія, которыя при каждой ссорѣ готовы идти на столицу; еще будетъ время сойтись съ Русскимъ уполномоченнымъ, ежели впоследствии это сдѣлается совершенно необходимымъ. Русскіе и такъ забрали у Маньчжуръ лучшіе соболиныя участки, такъ, что въ нынѣшнемъ году (1860) получено изъ Маньчжуріи только половинное число противъ прежняго соболей; ежели же уступить Россіи еще правый берегъ Усури, то, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ отъ мѣстныхъ начальниковъ, всѣ соболи будутъ попадаться въ руки Русскимъ».

При этомъ въ доказательство, что неудовлетвореніе требованій Россіи не можетъ быть опасно, наши противники сослались на свѣдѣтельство амбана Дэ-Бейцзы, бывшаго Ургинскимъ правителемъ, который говорилъ многимъ, что Восточная Сибирь мало населена, что тамъ мало войска, а «собственная Россія отстоитъ очень далеко отъ Китайскихъ предѣловъ» и что пройти черезъ Монгольскія степи конечно войска Россіи не могутъ. На этомъ основаніи совѣтъ 24 Января доложилъ богдыхану, что полагаетъ ненужнымъ соглашаться на наши требованія.

По пріѣздѣ курьера изъ С.-Петербурга, г. Игнатьевъ, отвѣчавъ коротко на вышеупомянутый отзывъ государственнаго совѣта, еще разъ выразилъ удивленіе, что по сіе время предложенія его не доложены богдыхану и ему не сообщено рѣшеніе его величества, и сказалъ, что явное намѣреніе Китайскаго правительства не признавать святости договоровъ и не исполнять данныхъ обѣщаній можетъ имѣть гибельныя послѣдствія. Въ заключеніе объявлено совѣту, что, получивъ различныя свѣдѣнія изъ Россіи съ прибывшимъ курьеромъ, г. Игнатьевъ предупреждаетъ Китайское правительство, что графу Муравьеву-Амурскому дано высочайшее повелѣніе принять всѣ зависящія отъ него мѣры для неослабнаго и точнаго исполненія Айгунскаго договора и что вслѣдствіе сего нынѣшнею весною вся мѣстность, уступленная намъ, на основаніи трактата и сообщенія министра Гуй-яна, будетъ занята нашими военными поселенцами, въ портахъ же и на рѣкахъ, на которыхъ дозволено по договору плаваніе нашихъ судовъ, будутъ находиться наши военныя суда.

Государственный совѣтъ отвѣчалъ г. Игнатьеву 8 Февраля повтореніемъ своихъ прежнихъ отказовъ; а 18 Февраля посланникъ нашъ получилъ изъ совѣта бумагу о томъ, что, по донесенію изъ Гириня, въ прошломъ Декабрѣ мѣсяцѣ множество людей Русскаго государства самовольно вышли на берегъ р. Усури и произвели тамъ безпорядки. Вслѣдствіе сего совѣтъ обратился къ г. Игнатьеву съ прось-

бою извѣстить о томъ «Россійскаго государства сановника Муравьева, полагая, что о семъ ему еще ничего неизвѣстно, дабы онъ привелъ все это въ порядокъ»; въ противномъ случаѣ «мы опасаемся, чтобы мѣстные жители, военные и поселяне, не пришли въ негодование и не нарушили тѣмъ добраго согласія обоихъ государствъ».

Видя бесполезность всѣхъ мирныхъ усилій нашихъ, г. Игнатьевъ рѣшился выжидать приближенія къ Да-чу Англо-французской экспедиціи или какихъ-нибудь особенно благоприятныхъ обстоятельствъ для возобновленія дѣятельныхъ переговоровъ съ Китайскимъ правительствомъ; но такъ какъ послѣднюю бумагу совѣта нельзя было оставить безъ возраженія, то онъ написалъ ему, что уже давно предсказывалъ Китайскому правительству тѣ непріятности, которыя могутъ произойти отъ неразграниченія земель, и что графу Муравьеву должно быть извѣстно происходившее на Усури тѣмъ болѣе, что онъ въ началѣ нынѣшней зимы нѣсколько времени жилъ въ Благовѣщенскѣ для того, чтобы сдѣлать нужныя распоряженія для устройства новой границы нашей. При этомъ снова повторено было, что нынѣшнею весною вся мѣстность, уступленная намъ богдыханомъ, будетъ занята нашими войсками, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія привести въ точности въ исполненіе постановленное въ 1858 году.

Между тѣмъ Сенъ-Ванъ написалъ изъ Шанъ-хай-гуаня, что принялъ какъ тамъ, такъ и въ Тянь-цзинѣ всѣ надлежащія мѣры для встрѣчи враговъ и надѣется прикрыть доступы къ столицѣ. Не смотря на то, всѣ зажиточные люди изъ числа жителей Тянь-цзина начали удаляться изъ города и воинственный пылъ, одушевлявшій мѣстныхъ жителей, послѣ побѣды въ Да-чу, уже сталъ исчезать: мирные граждане стали открыто поговаривать, что нельзя держаться противъ варваровъ нѣсколькихъ государствъ, а лучше заключить миръ.

Получивъ предписаніе министра иностранныхъ дѣлъ (отъ 13 Января 1860 г.) о высочайшемъ повелѣніи выѣхать съ открытіемъ навигаціи изъ Пекина въ Бэй-танъ, г. Игнатьевъ долженъ былъ войти какъ можно скорѣе въ сообщеніе съ начальникомъ нашей эскадры въ водахъ Тихаго Океана и условиться съ нимъ относительно принятія мѣръ для переѣзда изъ Пекина на военное судно въ Бэй-танъ. Имѣя это въ виду, г. Игнатьевъ попытался переслать письмо въ Шанхай на имя нашего консульскаго агента для передачи капитану 1-го ранга Дихачеву. Всѣ его попытки не удались. Сначала онъ обратился къ Китайскому правительству съ просьбою доставить его письмо въ Шанхай; но ему было въ томъ отказано подъ предлогомъ, что о пересылкѣ писемъ нашихъ на Югъ не упоминается въ Тянь-цзинскомъ трактатѣ. Верховный совѣтъ увѣдомилъ г. Игнатьева, что наши суда не должны приходить въ Бэй-танъ преимущественно потому, что Англичане могутъ ими воспользоваться, чтобы приблизиться, подъ Русскимъ флагомъ, къ Китайскимъ укрѣпленіямъ.

Г. Игнатьевъ отвѣчалъ, что, не имѣя возможности быть въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ нашими судами, онъ не можетъ отвѣчать за тѣ недоразумѣнія, которыя могутъ случиться, по мнѣнію верховнаго совѣта, на устьѣ рѣки Хай-хэ и что, видя озабоченность Китайскихъ сановниковъ по поводу ожидаемыхъ ими случайностей, онъ намѣренъ послать чиновника въ Бэй-танъ и письмо къ начальнику нашей эскадры собственно для предупрежденія непріятностей.

Съ 8 Марта письменныя сношенія посланника нашего съ Китайскимъ правительствомъ снова прекратились.

Всѣ собранныя подъ рукою свѣдѣнія утверждали, что правительство опасается чрезвычайно сношеній г. Игнатьева съ судами и выѣзда его, такъ сказать, на встрѣчу союзниковъ. Инсургенты въ послѣднее время стали снова усиливаться и одержали верхъ надъ войсками богдыхана; но правительство продолжало весьма часто объявлять въ Пекинской газетѣ о мнимыхъ побѣдахъ надъ инсургентами, ожидая, между тѣмъ, со страхомъ и трепетомъ, въ весьма непродолжительномъ времени появленія Англо-французской экспедиціи въ Да-чу. Монгольскіе ламы передали г. Игнатьеву извѣстіе, что послано въ Ургу приказаніе, изъ числа собраннаго съ Халхасцевъ пятидесяти тысячнаго войска оставить въ окрестностяхъ Урги 2.500 человекъ на случай разрыва съ нами.

Въ концѣ Марта отъ торгующихъ въ Айгунѣ Китайскихъ купцовъ и нѣкоторыхъ Маньчжурскихъ чиновниковъ получено въ Благовѣщенскѣ свѣдѣніе, что въ деревнѣ Алинь, находящейся въ 70 верстахъ отъ Айгуна, по Цицикарской дорогѣ, назначенъ сборъ войскъ изъ Маньчжурскихъ и Монгольскихъ племенъ въ 20,000 человекъ и что на р. Сунгари строятся суда для сплава 10,000 чел. на Усури для воспрепятствованія Русскимъ селиться на этой рѣкѣ. До какой степени вѣрны были эти свѣдѣнія, конечно, тогда нельзя было опредѣлить: и при занятіи Амура распространялись слухи о сборѣ большаго числа войскъ Маньчжурскихъ, и эти слухи оказывались впоследствии несправедливыми. Можно было только утвердительно сказать, что у Маньчжуръ дѣлались военныя приготовленія; что приготовленія эти имѣли цѣль чисто оборонительную, по крайней мѣрѣ на границѣ Амурской области и что они вызваны распространившимся слухомъ, что Русскіе предполагаютъ, по открытіи навигаціи, начать военныя дѣйствія противъ Китая. Военныя приготовленія Маньчжуръ высказывались въ томъ, что въ теченіе зимы доставлены въ Айгунъ 2,000 ружей, а въ концѣ Февраля привезены крѣпостныя ружья на пяти повозкахъ. Въ Мартѣ пріѣхалъ въ Айгунъ амбанъ города Мергена принимать рогатый скотъ и провіантъ для продовольствія войскъ на мѣстѣ сбора, при чемъ весь рогатый скотъ, не употребляемый жителями на полевыя работы, отбирался у нихъ силою за ничтожную плату.

Графъ Мурачевъ-Амурскій находился въ это время въ С.-Петербургѣ. Возвратившись въ половинѣ Іюля въ Иркутскъ съ личными повелѣніями Государя Императора, онъ подтвердилъ всѣ тѣ предписанія, которыя были даны разнымъ лицамъ въ теченіи прошедшей зимы какъ имъ, такъ и свиты Его Величества генераль-маіоромъ Карсаковымъ, такъ какъ предписанія эти были совершенно согласны съ высочайшею волею, объявленною графу. Онъ получилъ извѣстіе отъ Игнатьева, что Китайскіе христіане передали письмо его капитану Лихачеву чрезъ торговый домъ Росселя въ Шанхаѣ, и 29 Апрѣля посланникъ нашъ получилъ чрезъ нихъ же предложеніе дома Росселя своихъ услугъ на будущее время нашей Пекинской миссіи и письмо отъ капитана Лихачева, который передалъ отношеніе г. Игнатьева командиру Русскаго судна. Капитанъ Лихачевъ прибылъ 21 Марта въ Шанхай, 26 числа былъ намѣренъ отправиться на нанятомъ пароходѣ отыскивать суда, находящіяся въ Японіи и надѣялся съ однимъ изъ нихъ быть въ концѣ Апрѣля въ Печелійскомъ заливѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извѣстилъ нашего посланника, что хотя Французскій главнокомандующій уже въ Шанхаѣ, но войскъ Француз-

свихъ тамъ еще вѣтъ; что Англійскія войска собираются въ Гонконгъ; что въ Шанхаѣ ожидаютъ, въ первыхъ числахъ Апрѣля, отвѣта Китайскаго правительства на посланный въ Пекинъ ультиматумъ и что въ случаѣ отрицательнаго отвѣта Англичане намѣрены занять тотчасъ же о. Чу-санъ, а въ началѣ Іюня начать военныя дѣйствія въ Печелійскомъ заливѣ.

7 Мая, вечеромъ, явились на подворье Китайскіе чиновники съ извѣстіемъ, что Русскія суда пришли къ Бѣй-тану; они доставили посланнику письмо отъ капитана 1 ранга Лихачева, который, по изготовленіи транспорта «Японецъ» къ выступленію въ море, отправился въ заливъ Петра Великаго, высадивъ въ бухтѣ Посыета десантскую партію изъ 2 офицеровъ, 25 нижнихъ чиновъ при 1 полевомъ единорогѣ и, занявъ такимъ образомъ самый необходимый пунктъ новаго приморскаго края, прибылъ 29 Апрѣля въ Бѣйтанъ, а 30 пришелъ туда клиперъ «Джигитъ».

На случай разрыва съ нами Су-шунъ дѣйствительно предлагалъ послать къ нашей границѣ до 20,000 Китайскаго войска, выведя въ Китай, въ замѣнъ ихъ, 2000 Халхасцевъ, ненадежныхъ (по мнѣнію его), если воевать съ нами. Министръ Пынъ возсталъ противу незаконной, по Китайскимъ понятіямъ, мѣры, и предложеніе Су-шуна не приведено въ исполненіе. Чтобы выразить свое неудовольствіе, онъ сказался больнымъ.

Недостатокъ въ деньгахъ ощущался въ казнѣ постоянно. Правительство прибѣгало къ различнымъ средствамъ для усиленія своихъ доходовъ и уменьшенія расходовъ. Такъ, напримѣръ, собственный дядя богдыхана лишенъ на 15 лѣтъ впередъ жалованья по поводу неправильнаго рѣшенія дѣла по изданію жизнеописанія покойнаго богдыхана Дао-Гуана; обвиненный въ лихоимствѣ Пекинскій оберъ-полицеймейстеръ Сенъ-Ванъ пожертвовалъ изъ награбленныхъ имъ прежде денегъ 1,000,000 руб. сер. и оставленъ по этому безнаказаннымъ; для постройки дополнительныхъ укрѣпленій въ Шанъ-хай-гуанѣ посланъ туда одинъ изъ нажившихся чиновниковъ, завѣдывавшій прежде соляными сборами въ Тянь-цзинѣ, и этому чиновнику пришлось строить укрѣпленія на собственный счетъ. Англичане же, не смотря на запрещенія Китайскаго правительства, покупали безпрепятственно въ Шанхаѣ, для предстоящей экспедиціи, все, что имъ нужно: вьючный скотъ, лошадей (изъ Монголіи), крупу и проч.

По полученіи извѣстія о приходѣ нашихъ двухъ судовъ въ Бѣйтанъ, г. Игнатьевъ, на другой же день, 8 Мая, отправилъ чрезъ палату церемоній отношеніе въ государственный совѣтъ, сдѣлавъ послѣднее предложеніе Китайскому правительству о приведеніи въ исполненіе Айгунскаго трактата утвержденіемъ и размѣномъ пограничныхъ картъ и потребовалъ рѣшительнаго отвѣта къ 11 Мая, предваривъ верховный совѣтъ, что обязанъ будетъ выѣхать изъ Пекина въ случаѣ отрицательнаго отзыва и сѣсть на пароходъ, ожидающій его у Бѣй-тана. Выѣздъ изъ Пекина онъ назначилъ чрезъ 8 дней и просилъ сдѣлать благовременныя распоряженія по дорогѣ для проѣзда къ морю.

Верховный совѣтъ не считалъ нужнымъ даже доложить богдыхану объ этомъ послѣднемъ предложеніи, надѣясь завлечь нашего посланника въ безплодные переговоры и выиграть время до разъясненія дѣла.

На другой день, 12 Мая, г. Игнатьевъ отправилъ въ верховный

совѣтъ бумагу, въ которой повторялъ, что требуетъ положительнаго отвѣта на сдѣланные имъ въ послѣдней бумагѣ вопросы: «да или нѣтъ».

Въ этотъ же день, одновременно съ отправленіемъ нашей бумаги, пріѣхали чиновники и передали, между прочимъ, что Су-шунъ говорилъ имъ, что Китайское правительство не пуститъ г. Игнатъева въ Бай-танъ. Однакожь 15 Мая, вечеромъ, прислали чиновниковъ на подворье объявить, что такъ какъ посланникъ намѣренъ былъ выѣхать 16 Мая, то сдѣлано распоряженіе о нарядѣ повозокъ и лошадей и присылкѣ чиновника для сопровожденія и что затѣмъ верховному совѣту нечего отвѣчать на его бумаги. 16 Мая 1860 г. посланникъ нашъ выѣхалъ изъ Пекина, о чемъ членъ миссіи; архимандритъ Гурій сообщилъ въ Иркутскъ.

Хотя выездъ посланника нашего изъ Пекина вовсе не долженъ былъ имѣть никакого непріязненнаго значенія въ отношеніи къ Китайскому правительству, но такъ какъ предъ отъѣздомъ своимъ Игнатъевъ получилъ окончательный отказъ объ утвержденіи пограничной карты: то, можетъ быть, Китайское правительство само могло видѣть въ этомъ выездѣ нашего посланника угрозу разрыва. Графъ Муравьевъ счелъ нужнымъ командировать чиновника къ Айгунскому амбаню, чтобъ объяснить ему, что Русское правительство, по давнишней своей дружбѣ съ Китайскимъ, ни въ какомъ случаѣ не помышляетъ обременять положеніе Китая въ то время, когда протівъ него дѣйствуютъ двѣ сильныя морскія державы и что, не смотря на отказы Китайскаго правительства, данные нашему посланнику, сей послѣдній и на морѣ будетъ стараться во всѣхъ случаяхъ смягчить дѣйствія союзниковъ протівъ Китая. Поэтому они могутъ совершенно покойно смотрѣть на всѣ наши военныя приготовленія, которыя имѣютъ только цѣлю поддержать точное исполненіе Айгунскаго трактата, а не какія-либо наступательныя дѣйствія. Чиновникъ этотъ долженъ былъ предупредить амбана, что въ отношеніи исполненія трактата даны всѣмъ пограничнымъ начальникамъ на Амурѣ и Усури рѣшительныя повелѣнія, а именно: 1) въ случаѣ какихъ-либо безпорядковъ со стороны Маньчжурскихъ жителей и чиновниковъ, обратиться къ ближайшему ихъ начальству о немедленномъ наказаніи виновныхъ и, въ случаѣ неисполненія сего, послать вооруженныхъ людей, чтобъ самимъ отыскать, взять и наказать этихъ виновныхъ; 2) въ случаѣ слага Китайскихъ военныхъ судовъ по Сунгари съ вооруженными людьми, тотчасъ занять то мѣсто на устьяхъ Сунгари, гдѣ находится Китайскій караулъ и не допускать артиллерію выходить вооруженнымъ судамъ изъ Сунгари въ Амуръ; 3) по р. Усури прслать вооруженныя суда до оз. Ханка для устраненія всѣхъ могущихъ произойти тамъ между жителями обоихъ государствъ безпорядковъ, о которыхъ такъ часто упоминали Китайскіе сановники. При этомъ поручалось сказать амбаню, что всѣ эти вооруженныя мѣры и строгія распоряженія происходятъ лишь оттого, что Китайскіе сановники въ Пекинѣ упрямылись утвердить пограничную карту, согласно Айгунскому трактату, и что мѣстныя Китайскія власти постоянно и въ разныхъ случаяхъ старались возбуждать въ жителяхъ непріязненныя къ намъ отношенія; что конечно не въ его, Муравьева, власти заставить ихъ дѣйствовать иначе, но что не дурно бы имъ поспѣшить разграниченіемъ отъ оз. Ханка до моря сколь возможно скорѣе; что если амбанъ найдетъ возможнымъ, или самъ, или

черезъ генераль-губернатора командировать нынѣ же на оз. Ханка чиновниковъ для того, чтобы пройти вмѣстѣ съ нашими до морскихъ портовъ, то осмотръ этой мѣстности ясно укажетъ Китайскому правительству, что нѣтъ никакого для него вреда утвердить предложенную нашимъ посланникомъ карту и тѣмъ положить конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ, прибавивъ, что впрочемъ собственно для Россіи особенной въ этомъ надобности нѣтъ, ибо въ Айгунскомъ трактатѣ мѣста эти впредь до разграниченія оставлены въ общемъ владѣніи и слѣдовательно, такъ какъ мы располагаемъ тамъ большими силами, то скорѣе люди наши могутъ захватить лишнее у нихъ, чѣмъ они у насъ въ тѣхъ пустынныхъ мѣстахъ, покуда не сдѣлано будетъ рѣшительнаго разграниченія.

Поручивъ высказать все это амбаню, графъ Муравьевъ въ тоже время предупреждалъ нашего военнаго губернатора Амурской области, что противу Маньчжуръ съ нашей стороны никакихъ военныхъ дѣйствій въ виду не имѣется, и что въ случаѣ еслибы Айгунское начальство вздумало вооружить жителей своихъ, на лѣвомъ берегу Амура находящихся, то не медля устроить на островѣ противъ Айгуни батарею; а у жителей лѣваго берега отобрать все розданное имъ оружіе, сообщивъ амбаню, что по трактату имъ дозволено жить на этомъ берегу не для того, чтобы дѣйствовать противъ насъ оружіемъ, и что они живутъ тамъ подъ покровительствомъ нашимъ; однимъ словомъ, кромѣ этихъ полицейскихъ мѣръ, никакихъ другихъ предпринимать графъ не разрѣшилъ.

Что же касается нападенія со стороны Маньчжуръ въ большихъ силахъ, то графъ положительно былъ убѣжденъ, что этого никогда и ожидать нельзя; но еслибъ, паче чаянія, подобное покушеніе могло случиться съ ихъ стороны, то приказалъ вездѣ и на всякомъ пунктѣ отражать силу силою, не уступая ни одного шагу.

Для нравственнаго поддержанія силы и значенія нашихъ постовъ и заселеній на границѣ, графъ Муравьевъ приказалъ держать наготовѣ на Усури двѣ канонирскія лодки и перевезти горный дивизионъ Забайкальской бригады изъ Маринска на оз. Ханка. Самъ же онъ остался въ Иркутскѣ, какъ ближайшемъ пунктѣ для полученія извѣстій съ театра военныхъ дѣйствій между Англо-французами и Китайцами.

Союзники ждали прибытія своихъ послѣднихъ судовъ и 17 Юля построились, въ числѣ болѣе 200 Англо-французскихъ военныхъ и транспортныхъ судовъ, въ 7 линій, впереди Русской эскадры, на которой находился нашъ уполномоченный Игнатъевъ, посѣтившій, по выѣздѣ своемъ изъ Пекина, Шанхай.

Мы не станемъ описывать военныхъ дѣйствій союзниковъ. Знакомецъ нашъ Гуй-лянъ еще въ концѣ Августа лишенъ былъ званія уполномоченнаго; богдыханъ бѣжалъ въ Монголію съ пріятелями нашими Сенъ-Ваномъ и Су-шунемъ, и 22 Сентября загородный дворецъ императора разграбленъ союзниками.

Между тѣмъ нашъ посланникъ оставался въ Тянь-цзинѣ, пославъ оттуда Китайскому правительству увѣдомленіе о своемъ прибытіи изъ Шанхая и о намѣреніи прибыть въ Пекинъ послѣ Англійскаго и Французскаго уполномоченныхъ. Получивъ на то согласіе Китайскаго правительства и извѣстия о мнимомъ окончаніи переговоровъ съ союзниками, генералъ Игнатъевъ 6 Сентября выѣхалъ изъ Тянь-цзина, а 16 прибылъ въ Тунь-чжоу. Здѣсь онъ оставался, въ ожиданіи

рѣшенія участи Пекина, до 3 Октября, получая ежедневно отъ союзныхъ уполномоченныхъ увѣдомленія о ихъ дѣйствіяхъ.

Послѣдній срокъ, данный Китайцамъ для сдачи города, кончился въ полдень 1-го Октября. Въ случаѣ добровольнаго открытія сѣверо-восточныхъ воротъ союзные главнокомандующіе обѣщали пощадить городъ. Остававшаяся въ Пекинѣ наша духовная миссія, при штурмѣ и бомбардированіи города, подвергалась большой опасности, которая увеличилась въ особенности тѣмъ, что начальники войскъ не могли бы предохранить городъ отъ совершеннаго раззоренія и разграбленія. По ходатайству нашего посланника, оба уполномоченные и главнокомандующіе обѣщались принять нашу миссію подъ особое свое покровительство, не направлять выстрѣловъ къ сторонѣ нашего подворья и при самомъ началѣ штурма отрядить тотчасъ особые караулы для охраненія миссіонеровъ и ихъ имущества. Сообщенія съ нашею миссіею имѣть было нельзя, потому что всѣ городскіе ворота были заперты.

Наконецъ 1-го Октября Китайцы, не заключивъ никакаго условія съ союзниками, открыли сѣверо-восточные ворота, и войска Англійскія и Французскія тотчасъ заняли ихъ, обративъ пушки на городъ. Но въ Пекинѣ не оказалось никого, съ кѣмъ бы можно было вести переговоры: богдыханъ бѣжалъ, все государственное управленіе разсѣялось.

При такомъ оборотѣ дѣлъ нашъ посланникъ, желая лично удостовѣриться, существуетъ ли еще Маньчжурское правительство и находятся ли въ Пекинѣ какія нибудь власти, — 3-го Октября выѣхалъ изъ Тунь-чжоу и, приблизившись къ Пекину, остановился на Русскомъ кладбищѣ. Въ этотъ же день онъ видѣлся съ барономъ Гро и лордомъ Эльгиномъ. 4 Октября онъ въѣхалъ въ Пекинъ, и на другой же день къ нему явились всѣ оставшіеся въ городѣ старшіе чиновники просить совѣта, что имъ дѣлать въ настоящихъ крайнихъ обстоятельствахъ. Въ числѣ посѣтителей былъ нашъ знакомецъ Жуи, теперь исправляющій должность генераль-губернатора Пекина. Генераль Игнатьевъ выразилъ Китайскимъ чиновникамъ негодованіе свое, по случаю варварскаго обращенія съ плѣнными Европейцами, и увѣрилъ ихъ, что поступокъ этотъ возбудитъ сильное неудовольствіе Русскаго правительства и подниметъ на Китай всю Европу. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ однако увѣрилъ ихъ въ нашемъ участіи и желаніи вывести ихъ изъ настоящаго бѣдственнаго положенія, въ которое поставило ихъ недовѣріе къ нашимъ совѣтамъ и предостереженіямъ и управленіе нѣкоторыхъ сановниковъ. Вслѣдъ за тѣмъ, 6 Октября, самъ Гунъ-Цинъ-Ванъ, младшій братъ богдыхана, оставшійся правителемъ государства, прислалъ нашему посланнику письмо, въ которомъ извѣщалъ, что онъ съ удовольствіемъ выслушалъ докладъ разныхъ степеней сановниковъ о томъ, что Русское почтенное государство согласно принять участіе, въ качествѣ примирителей, въ распрѣ, возникшей у Китая съ Англійей и Франціей, и что это служить для нихъ сильнымъ доказательствомъ взаимной дружеской пріязни и расположенія. Въ заключеніе Гунъ-Цинъ-Ванъ просилъ устроить примиреніе самымъ лучшимъ образомъ, по совершенной справедливости, чтобы ни той, ни другой сторонѣ не было никакихъ поводовъ къ разномыслию, и чтобы, размѣнявшись трактатами, они могли сохранить взаимное согласіе. Нашъ посланникъ отвѣчалъ ему, что онъ душевно желаетъ помочь имъ и готовъ содѣйствовать къ примире-

нію Китая съ Англією и Францією; но озабочивается неоконченными между нашими двумя государствами дѣлами и желалъ бы въ непродолжительномъ времени получить сообщеніе, какъ доказательство того, что Китайское правительство строго соблюдаетъ договоръ и проч. На другой же день, 8 Октября, Гунъ-Цинъ-Ванъ снова писалъ нашему посланнику, что какъ только устроится примиреніе между ними и Англією и Францією, то неоконченныя между нашими государствами дѣла весьма легко и скоро можно будетъ устроить по взаимному соглашенію, почему и просить не слишкомъ о томъ безпокоиться.

Во время открывшихся, такимъ образомъ, прямыхъ сношеній между правителемъ Китайскаго государства и Русскимъ уполномоченнымъ, лордъ Эльгинъ и баронъ Гро, 6-го Октября, послали князю Гуну свои ультиматумы, въ которыхъ требовали денежнаго вознагражденія для лицъ, пострадавшихъ въ плѣну и для семействъ умершихъ, всего около 1.000.000 р. сер.; сверхъ того требовали наказанія Китайскихъ чиновниковъ, виновныхъ въ захватѣ лицъ подъ парламентарскимъ флагомъ и немедленнаго подписанія конвенціи, составленной въ Тянь-цзинѣ, съ добавленіемъ разрѣшенія союзнымъ войскамъ зимовать въ Тянь-цзинѣ. Въ заключеніе Гунъ-Цинъ-Вану объявлялось, что если 8 Октября, къ 10-ти часамъ утра, послы не получатъ отъ него увѣдомленія о томъ, что всѣ условія, безъ изыятія, Маньчжурскимъ правительствомъ приняты, что деньги 1 милл. рубл. будутъ 10 Октября уплачены и что 11-го онъ готовъ подписать конвенцію и размѣнять ратификацію трактатовъ 1858 г.: то военныя дѣйствія немедленно возобновятся. Лордъ Эльгинъ прибавилъ къ тому, что пока союзникамъ не дано удовлетворенія за поступокъ съ плѣнными, миръ между Англією и существующею Маньчжурскою династією невозможенъ.

Присланные Гунъ-Цинъ-Ваномъ на Русское подворье, для совѣщаній, Жуй-чанъ и другіе откровенно высказали нашему посланнику свое положеніе, объяснили затрудненія, встрѣчаемыя ими въ мирныхъ переговорахъ съ союзниками и представили, въ чемъ именно заключаются требованія послѣднихъ и желанія Маньчжурскаго правительства. Давъ имъ надлежащіе совѣты и поручившись за личную безопасность Гунъ-Цинъ-Вана, еслибы онъ выѣхалъ въ Пекинъ для переговоровъ, генералъ Игнатъевъ отправился, 7 Октября, къ барону Гро и лорду Эльгину и, узнавъ, въ чемъ именно заключаются рѣшительныя требованія, виды и предположенія ихъ, возвратился въ тотъ же день въ городъ, созвалъ вечеромъ къ себѣ знатѣйшихъ сановниковъ и убѣдилъ ихъ послать завтра, къ 7-ми часамъ утра, удовлетворительные отвѣты, обѣщая, что въ такомъ случаѣ городъ будетъ пощаженъ. По приказанію Гунъ-Цинъ-Вана нашему посланнику привезли, поздно вечеромъ, для предварительнаго просмотра, бумаги къ лорду Эльгину и барону Гро и обоемъ главнокомандующимъ. Въ ту же ночь г. Игнатъевъ успѣлъ предупредить барона Гро, что Гунъ принимаетъ предложенія союзниковъ, а съ разсвѣтомъ послалъ о томъ же записку и лорду Эльгину. Отвѣтъ Китайцевъ былъ доставленъ въ назначенное имъ время.

На другой день, 8-го Октября, начались непосредственные переговоры между Китайцами и союзниками. Уклонившись отъ прямого въ нихъ участія и открытаго посредничества, нашъ посланникъ принялъ только косвенное участіе совѣтами. Китайскіе чиновники приходили

къ нему на подворье по нѣскольку разъ въ день и не предпринимали ничего, не спрося предварительно его мѣнія и указанія, какъ поступать.

Уладивъ такимъ образомъ сношенія Китайцевъ съ союзниками, нашъ посланникъ продолжалъ предъавлять свои настоятельныя требованія объ окончаніи дѣлъ Россіи съ Китаемъ.

9 го Октября онъ отвѣчалъ на письмо Гунъ-Цинъ-Вана, что, не смотря на то, что къ его совѣтамъ обратились поздно, онъ надѣется, что мирные переговоры съ союзниками могутъ устроиться скоро; для окончанія же нашихъ дѣлъ онъ предлагалъ прислать два или три довѣренныхъ лица, съ которыми бы можно было пересмотрѣть проектъ условій и подготовить все для того, чтобы на другой день послѣ размѣна договоровъ между Англіею, Франціею и Дайцзынскимъ правительствомъ, и мы могли бы окончательно рѣшить дѣла наши.

На другой день Гунъ-Цинъ-Ванъ отвѣчалъ, что изъ всего этого онъ видитъ искренность и глубокое расположеніе къ нимъ и, будучи не въ состояніи высказать сего, цвѣнитъ оно въ сердцахъ. Что же касается до неоконченныхъ дѣлъ Русскаго почтеннаго государства, то тотчасъ будутъ назначены сановники, которые явятся на подворье для совѣщаній, чтобы въ скорѣйшемъ времени устроить все то, что окажется полезнымъ для того и другаго государства.

Послы оставались съ войсками въ сѣверномъ предмѣстьѣ, не рѣшаясь перейти за стѣну, въ городъ. Союзныя войска занимали одни сѣверовосточные ворота: всѣ другіе, за исключеніемъ югозападныхъ, были заперты. Такимъ образомъ нашъ посланникъ восемь дней оставался въ Пекинѣ одинъ, съ своею свитою изъ 14 казаковъ, на скромномъ Русскомъ подворьѣ.

Наконецъ, 12 Октября, баронъ Гро переѣхалъ въ Пекинъ, и въ то же время лордъ Эльгинъ съ большимъ конвоемъ до 2.000 чел. вступилъ въ городскіе ворота и отправился въ палату церемоній (Ли-бу), гдѣ Гунъ-Цинъ-Ванъ уже ожидалъ его. Во время окончательныхъ переговоровъ Гунъ нѣсколько разъ посылалъ къ нашему посланнику за совѣтомъ, какъ поступить и что отвѣчать. Наконецъ, въ 4 часа пополудни подписана была дополнительная конвенція, условіе уплаты 15 мил. рубл. сер., открытіе для торговли Тянь-цзина и проч. Кроме того уступленъ участокъ земли противъ Гонконга, на материкѣ. На другой день подписана барономъ Гро и Гунъ-Цинъ-Ваномъ дополнительная конвенція, подобная Англійской. Послѣ того произошелъ размѣнъ ратификацій. Въ тотъ же день представитель нашъ послалъ Гунъ-Цинъ-Вану письменное поздравленіе съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла.

По удаленіи Англо-Французскихъ войскъ изъ Пекина нашъ посланникъ остался тамъ снова одинъ, въ той же обстановкѣ, что и до отъѣзда своего въ Шанхай, съ тою же духовною миссіею и тѣми же 14 казаками, которые составляли всю матеріальную поддержку его значенія. Не смотря на то, на другой день послѣ удаленія иностранныхъ пословъ изъ Пекина, 29 Октября, самъ Гунъ-Цинъ-Ванъ, братъ богдыхана, прибылъ къ нему на подворье, извинялся, что не могъ быть ранѣе, по случаю множества дѣлъ и хлопотъ, благодарилъ за участіе, оказанное въ трудныхъ обстоятельствахъ Манчжурскому правительству и лично ему, за совѣты и помощь нашего посланника, прибавивъ притомъ, что только въ такое смутное время познаются истинные друзья. Предварительно Гунъ-Цинъ-Ванъ по-

слазь спросить, увидится ли съ нимъ Русскій посланникъ и когда послѣдній отвѣчалъ, что онъ помогалъ Китайцамъ по порученію своего правительства, а что лично ему нѣтъ никакой надобности видѣться съ Гунь-Цинь-Ваномъ, то онъ тотчасъ же прибылъ на Русское подворье, изясняя, что онъ спрашивалъ это только для того, чтобы не развѣхаться съ посланникомъ.

На другой день, 2-го Октября, г. Игнатъевъ возвратилъ визитъ брату богдыхана, принявшему его какъ нельзя лучше. Въ этотъ же день Жуй-чанъ доставилъ нашему посланнику экземпляръ напечатаннаго, по его требованію, Тянь-цзинскаго нашего договора съ Китаемъ, 1858 г., который до сего времени не былъ сообщенъ и объявленъ въ приморскихъ портахъ, а хранился подъ спудомъ.

При всемъ томъ, не смотря на письменное удостовѣреніе князя Гуна, «что дѣла наши могутъ быть устроены легко и скоро», въ первыхъ же совѣщаніяхъ было встрѣчено весьма упорное сопротивленіе со стороны уполномоченныхъ сановниковъ относительно разграниченія на Востокъ и сухопутной караванной торговли нашей. Только 22-го Октября успѣли окончателно условиться по всѣмъ предметамъ и рѣшили отложить подписаніе заключенныхъ условій до представленія проекта договора богдыхану и полученія княземъ Гуномъ разрѣшенія приложить печать.

31-го Октября явились на подворье три Китайскіе сановника, неся надъ головой желтый ящикъ, въ которомъ находилась копія съ указа богдыхана, утверждающаго проектъ договора, составленный по соглашенію между нами и довѣренными отъ Гунь-Цинь-Вана чиновниками. Копія съ указа была вручена нашему посланнику при бумагахъ Гуна. Условившись относительно дня и порядка подписанія договора, приступили къ переписыванію его.

2 Ноября, въ четвертомъ часу по полудни, князь Гунь съ участвовавшими въ переговорахъ Китайскими сановниками и ихъ свитой, прибыли на наше подворье въ парадныхъ костюмахъ. Въ 4 часа договоръ былъ подписанъ обѣими сторонами, равно какъ и протоколъ размѣна этого договора. Послѣдній актъ необходимъ былъ для того, чтобы Китайцы не могли потомъ отказаться отъ указа богдыхана и сказать, что князь Гунь подписалъ договоръ по ошибкѣ или по принужденію. Новый договоръ былъ утвержденъ и скрѣпленъ печатами тѣмъ же порядкомъ и въ той степени, какъ и договоры, заключенные Англією и Францією.

Въ Январѣ 1861 года Муравьевъ командировалъ полковника Будогоскаго въ Хабаровку, гдѣ назначенъ былъ съѣздъ комиссаровъ въ Апрѣлѣ, а 16 Юня въ постѣ Турій Рогъ, на оз. Ханка, окончень съ Китайскими комиссарами размѣнъ граничныхъ картъ и описаній. Протоколъ подписанъ контръ-адмираломъ Казакевичемъ, полковникомъ Будогоскимъ, директоромъ хлѣбныхъ магазиновъ Чень-ци и Гириньскимъ главнокомандующимъ Цзинь съ тѣмъ, что протоколъ этотъ будетъ составлять дополнительную статью къ Пекинскому дополнительному договору 1860 г.

Граница поставлена отъ устья р. Усури до оз. Ханка по р. Сунгача. Затѣмъ граничная линія между двумя государствами отъ истока р. Сунгача пересѣкаетъ оз. Ханка и идетъ къ р. Беленке (Турь-бира); отъ устья сей послѣдней по горному хребту къ устью р. Хубиту; оттуда по горамъ, лежащимъ между р. Хунь-чунь и моремъ до р. Тумень. Граничная линія упирается въ Тумень на 20 Китай-

скихъ ли, выше впаденія ея въ море. На картѣ граница проведена красной чертой, а въ натурѣ въ разныхъ мѣстахъ поставлены столбы съ Русскими и Китайскими надписями.

Географическое положеніе бывшихъ границъ Восточной Сибири, замкнутой съ Сѣвера берегами Ледовитаго Океана, недоступнаго для свободнаго плаванія съ Востока, хотя прилегающей къ двумъ морямъ, Камчатскому и Охотскому, но также затруднительнымъ для морскаго пути и наконецъ на Югѣ огражденной пустынными степями Монголіи и Маньчжуріи,—было между прочимъ виною того бездѣйственнаго состоянія, въ которомъ находилась эта страна при многихъ своихъ условіяхъ щедрой производительности.

Международныя сношенія наши съ Китаемъ приняли, со времени возбужденія графомъ Муравьевымъ вопроса о рѣшительномъ возвращеніи бывшихъ владѣній на Амурѣ, характеръ болѣе твердый и правильный.

До назначенія графа Муравьева генераль-губернаторомъ Восточной Сибири, въ международныхъ сношеніяхъ нашихъ съ Китаемъ достоинство Россіи приносилось въ жертву вѣковому убѣжденію о необходимости уважать невозмутимую замкнутость Китайской имперіи и избѣгать всего, что могло бы ее встревожить. Графъ Муравьевъ блестящимъ образомъ вырѣшилъ всѣ спорные вопросы и увѣнчалъ рядъ многолѣтнихъ, настойчивыхъ домогательствъ Россіи къ возвращенію владѣній ея на Амурѣ. Безспорно и навсегда утверждены права Россіи на владѣніе прекрасною странкою, щедро надѣленною богатствами природы и ожидающею лишь большаго населенія, которое бы воспользовалось ея богатствами и благопріятными географическими и климатическими условіями для прочнаго и успѣшнаго развитія.

*

Обстоятельства, сопроводившія заключеніе Айгунскаго трактата, такъ интересны, что считаемъ не лишнимъ изложить ихъ со всѣми подробностями. 10-го Мая 1858 года генераль-губернаторъ, на своемъ катерѣ въ сопровожденіи двухъ, такъ называемыхъ канонирскихъ лодокъ, отправился въ Айгунъ на обѣдъ къ амбаню. Маньчжуры еще заранѣе просили позволенія генерала принять его съ почестями и пушечными выстрѣлами, на что онъ изъявилъ свое согласіе. По этому при выступленіи его на берегъ, показался въ сторонѣ дымъ и послышался слабый трескъ нѣсколько разъ: пушекъ не было видно, но судя по звуку, можно было судить, что это были небольшія мортирки подобно какъ въ Маймачинѣ. Наши канонирскія лодки отвѣчали имъ 3-мя выстрѣлами изъ полевыхъ орудій, громкій звукъ которыхъ озадачилъ и, какъ впоследствии оказалось, не понравился Маньчжурамъ. Генераль-губернатора посадили вмѣстѣ съ статскимъ совѣтникомъ Перовскимъ въ парадную одноколку амбана, свитѣ его предложили приготовить на берегу верховыхъ лошадей, и такимъ порядкомъ всѣ въ парадной формѣ слѣдовали чрезъ городъ и крѣпость при большомъ стеченіи народа. Амбанъ встрѣтилъ генераль-губернатора какъ почетнаго гостя у однихъ изъ наружныхъ воротъ, ведущихъ во внутренніе дворы его дома. Въ дверяхъ дома встрѣтилъ генераль-губернатора дзянь-дзюнь, главнокомандующій Амурскими силами и крѣмъ князь И-шань, родственникъ богдыхана и вслѣдъ генераль-губернатора въ комнаты вмѣстѣ съ статскимъ совѣтникомъ

Перовскимъ, оберъ-квартирмейстеромъ подполковникомъ Будогоскимъ, переводчикомъ Маньчжурскаго языка Шишмаревымъ и завѣдывающимъ путевою канцеляріею Карповымъ. Съ ними помѣстились дзянь-дзюнь И-шанъ и амбанъ Дзираминга. Секретарь Маньчжуровъ, ротный командиръ Айжиндай стоялъ за столомъ. Остальные члены свиты генераль-губернатора помѣстились въ другой комнатѣ, служившей сѣнями въ двѣ половины дома, и были угощаемы сидѣвшими вмѣстѣ съ ними Маньчжурскими штабъ-офицерами съ синими прозрачными шариками на шапкахъ. Началось угощеніе, состоявшее изъ чаю и разныхъ сухихъ сластей, поставленныхъ на столѣ въ нѣсколькихъ блюдечкахъ; потомъ подавали жареную баранину, жаренаго поросенка, нарѣзанныхъ мелкими кусочками, которые приходилось класть въ ротъ поманьчжурски двумя палочками, и въ заключеніе подобіе супа. Во время обѣда неоднократно подавали теплую рисовую водку (майгула) въ крошечныхъ чашечкахъ фарфоровыхъ, а генералу въ серебряной, съ соблюденіемъ строгаго чинопочитанія, — т. е. начиная всегда съ генерала, потомъ поднося г. Перовскому и тѣмъ, которые или по своей тучности, или по своей презентабельности казались имъ старше другихъ. Обѣдъ прошелъ весьма весело: говорили любезности, сообщали другъ другу новости, но о главномъ дѣлѣ не упоминали ни слова. Послѣ обѣда дзянь-дзюнь предложилъ генераль-губернатору переговорить о дѣлѣ, но Николай Николаевичъ отклонилъ это, говоря, что сегодня будемъ пировать, а всѣ дѣла отложимъ до завтра. Этимъ генераль Муравьевъ, между прочимъ, хотѣлъ показать Маньчжурамъ, что онъ не слишкомъ дорожитъ и вовсе не торопится переговорами съ ними. Обѣдъ кончился въ седьмомъ часу вечера, послѣ чего генераль-губернаторъ и его свита отправились въ свой катера и вмѣстѣ съ канонирскими лодками перешли къ противоположному берегу, гдѣ стали на якорь у песчаного острова.

• На другой день, 11-го Мая, генераль-губернаторъ съ своимъ штабомъ, въ парадной формѣ, перешелъ въ катеръ къ противоположному берегу. Таже одноколка и верховыя лошади ожидали ихъ въ Айгунѣ, но на этотъ разъ генераль-губернаторъ отправился верхомъ, съ своею свитою, въ домъ амбаня, гдѣ дзянь-дзюнь ожидалъ его къ 10-ти часамъ утра. Предварительно было условлено, чтобы при переговорахъ присутствовали съ обѣихъ сторонъ только необходимыя лица: съ Китайской стороны дзянь-дзюнь, амбанъ и Айжиндай; съ нашей — генераль-губернаторъ, статскій совѣтникъ Перовскій и переводчикъ Шишмаревъ; но въ первое же засѣданіе потребовали съ картами оберъ-квартирмейстера Будогоскаго. Всѣ эти лица помѣстились въ той же комнатѣ, въ которой наканунѣ обѣдали, такимъ образомъ, что налѣво отъ входа на широкихъ нарахъ сидѣли по обѣимъ сторонамъ стола дзянь-дзюнь и направо отъ него амбанъ; направо отъ входа на такихъ же нарахъ сидѣлъ за столомъ генераль-губернаторъ; справа отъ него статскій совѣтникъ Перовскій, а слѣва подполковникъ Будогоскій, когда его потребовали. Переводчикъ Шишмаревъ и секретарь Айжиндай стояли по бокамъ, каждый у стола своей стороны. Остальные члены свиты находились въ другой комнатѣ.

Сначала генераль-губернаторъ изложилъ съ историческою послѣдовательностію наши дѣйствія на Амурѣ, причины и цѣль этихъ дѣйствій, клонящіяся къ пользѣ обоихъ государствъ. Генераль-губернаторъ Муравьевъ указывалъ въ особенности на то обстоятельство, что, при настоящемъ распространеніи въ Тихомъ Океанѣ иностран-

ныхъ владѣній и Англійскихъ завоеваній, нельзя долѣе оставлять прилегающія къ устью Амура страны и моря безъ разграниченія, какъ то считалось по Нерчинскому трактату, и нельзя не распространять въ этихъ странахъ заселенія, способнаго защищать ихъ; что Россія не потерпитъ, чтобы устье рѣки, вершины которой протекаютъ по ея владѣнїямъ, было занято какою либо иностранною державою, и что, напротивъ, занявъ и укрѣпивъ это устье, она защищаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Маньчжурію отъ вторженія въ нее какой бы то ни было иностранной силы, какъ это уже и было доказано минувшею войною. Кромѣ того, какъ на Маньчжурскомъ берегу находятся удобныя морскія гавани, теперь безлюдныя и никому не принадлежащія, то иностранцы могутъ занять ихъ, основать тамъ пристанища своимъ судамъ и потомъ, въ случаѣ разрыва, произвести вторженіе внутрь Маньчжуріи и Россіи. Поэтому, принимая на себя защиту Маньчжуріи отъ непріятельскаго вторженія со стороны моря, Россія должна имѣть въ своемъ владѣнїи часть приморской страны, а для сообщенія этой страны со внутренностью Сибири, должна основать свои поселенія на берегу Амура, какъ удобнѣйшаго воднаго пути, единственно возможнаго для правильнаго передвиженія огромныхъ массъ грузовъ. Поэтому, чтобы не допустить иностранцевъ къ занятію приморскаго берега и вторженію въ рѣки, намъ нужно занять весь Маньчжурскій берегъ до Кореи, для чего необходимо опредѣлить границу по Амуру и Усури, составляющую удобнѣйшую естественную черту между обоими государствами.

По окончаніи своего изложенія генераль-губернаторъ представилъ Китайскому уполномоченному заблаговременно написанный на бумагѣ проектъ граничной черты по Амуру, Усури и чрезъ верхніе протоки ея на протоки рѣки Тумень-ула и по теченію послѣдней до моря. Но чтобы еще болѣе объяснить Маньчжурамъ направленіе этой черты, онъ потребовалъ изъ другой комнаты Будогоскаго, который указалъ эту черту на картѣ Маньчжуріи.

За тѣмъ генераль-губернаторъ предъявилъ свое полномочіе, написанное на Русскомъ и Маньчжурскомъ языкахъ, которымъ объявлялось, что ему, генераль-губернатору Восточной Сибири, поручено отъ Русскаго правительства вести переговоры съ Китаемъ какъ о разграниченіи, такъ равно и о всѣхъ дѣлахъ, которыя, по его мнѣнію, могутъ клониться ко взаимнымъ пользамъ обоихъ государствъ. На вопросъ его, какое имѣетъ дзянь-дзюнь полномочіе отъ Китайскаго правительства, послѣдній отказался показать его, говоря, что оно писано на Китайскомъ языкѣ и здѣсь нѣтъ человека, который бы могъ перевести его на Русскій языкъ. Такимъ образомъ съ самаго начала предстояло выпытать отъ дзянь-дзюня степень предоставленнаго ему полномочія, и для этого генераль Муравьевъ, излагая, что всѣ недоразумѣнія мѣжду обоими государствами возникли отъ несоблюденія прежнихъ договоровъ, предложилъ пересмотрѣть эти договоры, дабы тѣмъ яснѣе опредѣлить взаимныя отношенія. Китайскій уполномоченный отказался отъ этого рѣшительнымъ образомъ, говоря, что онъ не имѣетъ никакого права касаться прежнихъ договоровъ и можетъ только трактовать о границѣ на Амурѣ. Для этой же цѣли генераль-губернаторъ предложилъ сначала разобрать дѣла и несогласія, возникшія у насъ въ послѣднее время на Западной границѣ Китая, въ Чугучакѣ, на томъ основаніи, что для полученія

согласія на уступку Амура, онъ былъ уполномоченъ отказаться отъ претензіи, которую имѣло Русское правительство на Китайцевъ за сожженіе нашей факторіи въ Чугучакъ и уступить имъ право на двоеданниковъ, обитающихъ по западной границѣ Китая. Но при самомъ началѣ этого вопроса, дзянь-дзюнь положительно отклонилъ всякія о немъ прѣвнія, говоря, что ему дано только право трактовать о Пріамурскихъ странахъ, состоящихъ въ его завѣдываніи; о дѣлахъ же на Западной границѣ Китая имѣеть право трактовать только мѣстный дзянь-дзюнь (главнокомандующій) въ Или, который и получаетъ по этому предмету всѣ инструкціи изъ Пекина.

Тогда генераль-губернаторъ снова началъ доказывать необходимость уступки намъ лѣваго берега Амура и Пріамурской страны, на что Маньчжуры отвѣчали, что для нихъ это невозможно, потому что они издревле владѣють ими, собираютъ съ жителей ясакъ и что иностранцы не могутъ высадиться на морской берегъ и проникнуть внутрь страны, потому что у нихъ на этомъ пространствѣ вездѣ есть свои караулы, такъ что при появленіи иностранцевъ пусть Русскіе только дадутъ знать о томъ Маньчжурамъ, и они ихъ прогонятъ. Генераль Муравьевъ возразилъ имъ, что въ томъ-то и состоитъ ихъ вина, что они собирали ясакъ, не имѣя никакого права на жителей неразграниченныхъ странъ; что же касается до иностранцевъ, то они подходятъ къ берегамъ на такихъ большихъ корабляхъ и съ такими большими пушками, что ихъ можно прогнать только подобными же большими пушками. Кромѣ того генераль объяснилъ имъ, что едва ли Китайское правительство будетъ въ состояніи защищать морское побережье Пріамурскаго края, столь удаленное отъ центра государства; что если уже ближайшій къ нему и многолюдный городъ Кантонъ не могъ устоять противъ ничтожныхъ силъ Англичанъ и Французовъ, то еще труднѣе для нихъ будетъ удержать за собою отдаленную, дикую и ненаселенную страну, съ которой они не имѣють никакихъ сообщеній. Дзянь-дзюнь отвѣчалъ, что онъ главнокомандующій Цицигарской провинціи, и поэтому не имѣеть никакихъ свѣдѣній о Пріусурійскомъ краѣ, который принадлежитъ къ провинціи Гиринь, управляемой особымъ дзянь-дзюномъ, главнокомандующимъ, поэтому и не считаетъ себя вправѣ говорить о разграниченіи этой провинціи. Остальныя требованія генерала Муравьева оспаривались весьма слабо и нелогично: Маньчжуры нѣсколько разъ принимались доказывать, что караулы ихъ всегда могутъ наблюдать за моремъ и успѣють предупредить и извѣстить о покушеніяхъ иностранцевъ. Впрочемъ они выразились, что не мѣшаютъ Русскимъ занимать незаселенныя мѣста и гавани морскаго берега, но съ тѣмъ, чтобы мы имѣли съ ними сообщеніе не по Амуру, а вѣшнимъ морскимъ путемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ отзывъ генерала Муравьева о Кантонѣ особенно непріятно выразился на лицахъ Маньчжуровъ.

Генераль-губернаторъ, предложивъ обсудить всѣ его предположенія о границахъ, обѣщалъ прислать на бумагѣ проектъ договора и сказалъ, что вѣроятно дзянь-дзюнь утомленъ уже продолжительнымъ прѣвніемъ (ибо былъ уже 3-й часъ послѣ полудня) и, можетъ быть, привыкъ въ это время обѣдать. Потомъ просилъ посѣтить его и для этого назначить часъ. Условились, что дзянь-дзюнь прибудетъ на катеръ въ 4 часа по полудни.

Такъ кончилось первое засѣданіе. Всѣ переговоры велись на Маньчжурскомъ языкѣ; но не смотря на то, что дзянь-дзюнь былъ род-

ственникъ богдыхана, слѣдовательно истый Маньчжуръ,—онъ по видимому лучше зналъ природный Китайскій языкъ (какъ у насъ Французскій), нежели свой родной Маньчжурскій. Рѣчь г. губернатора къ дзянь-дзюню, г. Шишмаревъ переводилъ амбаню поманьчжурски, а тотъ переводилъ ее дзянь-дзюню по-китайски. Когда же г. губ. адресовался къ амбаню, то слова Шишмарева на Маньчжурскомъ языкѣ передавались амбаню особымъ переводчикомъ по-китайски.

Около половины 4-го часа стали подтягиваться къ катеру генераль-губернатора двѣ огромныя джонки, назначавшіяся, по словамъ Маньчжурскихъ чиновниковъ, для переѣзда дзянь-дзюня на катеръ. Ихъ поставили по сторонамъ катера, но Николай Николаевичъ послалъ г. Шишмарева просить дзянь-дзюня переѣхать къ нему на вельботѣ. Ровно въ 4 часа показалось изъ города шестіе дзянь-дзюня съ огромною свитою, предшествуемое двумя оруженосцами впереди. На катеръ генераль-губернатора были впущены: дзянь-дзюнь, амбань, Айжиндай, личный секретарь дзянь-дзюня, его прислужникъ съ трубкою и два оруженосца. Угощеніе состояло изъ чая, сластей, мадеры, Шампанскаго и, наконецъ, ликера. Хоръ трубачей Иркутскаго коннаго полка игралъ на одной изъ канонирскихъ лодокъ. Музыка, какъ видно, очень нравилась дзянь-дзюню, въ особенности веселые мотивы Русскихъ плясовыхъ пѣсень, которыя, по его желанію, повторялись нѣсколько разъ. Такимъ образомъ время шло незамѣтно между веселымъ разговоромъ и изобильнымъ угощеніемъ. Наконецъ, дзянь-дзюнь, согрѣтый виномъ, снялъ даже свою курму (родъ кофты съ широкими рукавами) и пожелалъ выйти на чистый воздухъ, чтобы нѣсколько освѣжиться, послѣ чего уѣхалъ на берегъ къ себѣ домой.

Наслѣдующій день, 12 Мая (1858), генераль-губернаторъ, сказавшись больнымъ, отправилъ съ статскимъ совѣтникомъ Перовскимъ и переводчикомъ Шишмаревымъ проектъ договора, состоящій изъ 5 пунктовъ. Въ первомъ опредѣлялась точная граничная черта между Россією и Маньчжурією отъ слиянія Шилки съ Аргунью по Амуру до устья Усури, далѣе вверхъ по Усури и по верхнимъ ея притокамъ до водораздѣльнаго хребта, чрезъ который переваливала на лѣвые притоки рѣки Тумень-ула и по сей послѣдней до моря; во второмъ назначалось свободное плаваніе по всемъ рѣкамъ, составляющимъ границу; въ третьемъ дозволялось свободное переселеніе жителей обоихъ государствъ съ земель, отошедшихъ во владѣніе другаго государства, въ теченіе одного года; въ четвертомъ учреждалась взаимная торговля по Амуру и Усури для жителей обоихъ береговъ этихъ рѣкъ; а потомъ назначался пересмотръ прежнихъ трактатовъ относительно торговыхъ сношеній, сообщеній съ Пекиномъ, отправленія миссіи, пословъ, курьеровъ и прочаго, могущаго доставить пользу и славу двумъ дружественнымъ государствамъ. По предъявленіи этого проекта договора, Маньчжуры снова возобновили предъ статскимъ совѣтникомъ Перовскимъ свои односторонніе доводы и опроверженія всѣхъ пунктовъ, а о послѣднемъ рѣшительно отказались разсуждать, говоря, что дзянь-дзюнь не имѣетъ на то полномочія и что ему поручено трактовать только о здѣшнихъ дѣлахъ на Амурѣ, а если мы желаемъ сверхъ того коснуться нашей торговли съ Китаемъ, то должны будемъ начать отдѣльные переговоры, совершенно особо отъ настоящихъ. О словѣ «граница», употребленномъ въ нашемъ договорѣ, Маньчжуры не хотѣли и слышать, ссы-

лася на то, что граница Россіи съ Китаемъ уже утверждена прежними трактатами. Айжиндай указалъ на то мѣсто договора, гдѣ было сказано: ради большей славы и пользы обоихъ государствъ, говоря: зачѣмъ тутъ упомянуто слово слава? «Наше государство и безъ того такъ славно, что большей славы ему желать нельзя». По его желанію это выраженіе было замѣнено: ради большей, вѣчной, взаимной дружбы двухъ государствъ, для пользы ихъ подданныхъ и проч.

Вечеромъ, въ этотъ же день, пріѣхалъ Айжиндай для подробнѣйшихъ объясненій съ г. Шишмаревымъ и привезъ свой проектъ договора, утверждая, что дзянь-дзюнь и амбань никакъ не согласятся измѣнить его, такъ что если генераль не согласится уступить и измѣнить свой проектъ, то они должны будутъ разойтись. Проектъ этотъ состоялъ въ томъ, что для защиты Амура отъ иностранцевъ Русскіе могутъ поставить свои войска на лѣвомъ берегу отъ Аргуни до устья Усури, гдѣ пожелаютъ, исключая тѣхъ мѣстъ, гдѣ есть Маньчжурскія деревни. О приморскомъ же краѣ ничего не упоминалось, и Айжиндай утверждалъ, что объ этомъ дзянь-дзюнь даже не имѣетъ права и переговариваться; что они и безъ того зашли уже далѣе, нежели сколько имъ слѣдовало; что ихъ дѣло переговариваться только о рѣкѣ Сахалинъ-ула, т. е. о верхней половинѣ Амура до устья рѣки Сунгари, а они дошли уже до устья рѣки Усури, тогда какъ тамошнею страню управляетъ другой Гириньскій дзянь-дзюнь. Всѣ эти разсужденія съ Айжиндаемъ производились на этотъ разъ статскимъ совѣтникомъ Перовскимъ и г. Шишмаревымъ въ каютѣ катера. Въ другой каютѣ, отдѣленной отъ первой тонкой перегородкой, находился генераль-губернаторъ, слѣдившій за ходомъ переговоровъ и, когда нужно было, принимавшій въ нихъ участіе или посредствомъ записокъ, передаваемыхъ г. Перовскому, или посредствомъ громкаго разговора, заставляя подполковника Будогоскаго говорить громко, какъ бы въ разговорѣ съ нимъ, ту мысль или то выраженіе, которыя нужно было чтобы слышали въ другой каютѣ гг. Перовскій и Шишмаревъ. Между различными своими доводами и убѣжденіями Айжиндай говорилъ статскому совѣтнику Перовскому, что мы, предъявляя подобныя требованія, какъ бы пользуемся несчастнымъ ихъ положеніемъ. Г-нь Перовскій отвѣчалъ: развѣ вы не пользовались нашимъ подобнымъ же положеніемъ во время заключенія Нерчинскаго договора въ 1689 году? Тогда вы привели къ Нерчинску 12,000 войска, не смотря на то, что было условлено имѣть съ обѣихъ сторонъ только по 1,200 человекъ, и силою заставили насъ подписать договоръ; теперь настала наша очередь. На это Айжиндай отвѣчалъ въ смущеніи, что если вы хотите брать силою, то мы ничего не будемъ подписывать: берите что хотите. Между тѣмъ вслѣдствіе этихъ прѣвій генераль-губернаторъ согласился нѣсколько измѣнить свой проектъ договора, а именно: оставивъ граничную черту отъ слиянія Шилки съ Аргуною до устья Усури опредѣленною по теченію Амура, дальнѣйшее направленіе оной не означать съ точностію, выразивъ это обстоятельство такимъ образомъ: «мѣста же отъ Усури и до моря да останутся подъ защитою Россійскаго государства, какъ и нынѣ находились». О жителяхъ лѣваго берега было сказано оставить вѣчно на прежнихъ мѣстахъ, не упоминая ничего о землѣ, находящейся въ ихъ владѣніи. Пятый пунктъ о пересмотрѣ трактатовъ былъ вовсе уничтоженъ.

13 Мая утромъ г. Шишмаревъ отправился въ Айгунь и предложилъ измѣненный проектъ договора на разсмотрѣніе дзянь-дзюня и амбана. Прежнія доказательства и опроверженія снова возобновились съ ихъ стороны, такъ что г. Шишмаревъ, послѣ продолжительныхъ споровъ, успѣлъ только согласить амбана на допущеніе обоюдной торговли по Амуру, но съ тѣмъ, чтобы мы измѣнили первый пунктъ договора. Послѣ этого прибылъ Айжиндай, который въ силу новыхъ соглашеній вмѣстѣ съ г. Шишмаревымъ составилъ новый проектъ договора и повезъ его въ Айгунь. Но вечеромъ Айжиндай снова прибылъ на катеръ и съ отчаяніемъ увѣрялъ, что онъ не досмотрѣлъ первой статьи договора о земляхъ отъ Усури до моря, и при чтеніи не вникнулъ въ смыслъ этой статьи, а потомъ уже, по прїѣздѣ въ Айгунь, вмѣстѣ съ амбанемъ разсмотрѣлъ ее. При этомъ Айжиндай со слезами умолялъ г. Шишмарева измѣнить эту статью, утверждая, что его ожидаетъ тяжкое наказаніе за этотъ недосмотръ, такъ что если не согласится измѣнить этотъ параграфъ, то онъ сейчасъ же въ виду ихъ утопитса въ Амурѣ. Г. Шишмаревъ упрекнулъ его, говоря, что нельзя непрерывно измѣнять одно и то же, что вѣроятно ихъ дзянь-дзюнь не имѣетъ полномочія, если отпирается отъ своихъ предложеній. На это Айжиндай отвѣчалъ г. Шишмареву, что хорошо вамъ такъ рассуждать, когда вы хотите отъ насъ брать, тогда какъ нашему дзянь-дзюню приходится уступать; вотъ если бы вашъ дзянь-дзюнь уступалъ что нибудь, то вѣроятно онъ рассуждалъ бы на переговорахъ иначе. Г. Шишмаревъ повелъ Айжиндаю къ генераль-губернатору, предъ которымъ онъ снова возобновилъ свои просьбы о томъ, чтобы выраженіе о земляхъ отъ Усури до моря было вовсе исключено изъ договора. Генераль вмѣсто этого приказалъ зачеркнуть слова, о которыхъ говорилъ Айжиндай, и написать, что «объ этомъ генераль и дзянь-дзюнь завтра будутъ рассуждать».

Убѣдившись безуспѣшнымъ ходомъ переговоровъ, длившихся только время, что обыкновеннымъ путемъ нельзя добиться отъ Маньчжуровъ никакого толка, генераль-губернаторъ рѣшился, по совѣту г. Перовскаго, измѣнить характеръ переговоровъ. Для этого 14 Мая онъ вмѣстѣ съ подполковникомъ Будогоскимъ и г. Шишмаревымъ прибылъ въ Айгунь и предложилъ окончательный проектъ договора. Маньчжуры снова начали приводить свои одностороннія и шаткія доказательства на право владѣнія этими странами, собираемый ими ясакъ съ жителей и проч. Главное затрудненіе предстояло въ уступкѣ Пріусурійской страны, прѣнія о которой теперь уже болѣе не отклонялись Маньчжурами, подъ предлогомъ, что они не имѣютъ на это права. Кромѣ прежнихъ доказательствъ, что у нихъ по берегу моря вездѣ есть свои караулы, Маньчжуры приводили, что на Югѣ Пріусурійской страны находится родина ихъ императорской фамиліи, и что по этому уступка этой страны была бы съ ихъ стороны государственною измѣною. На это имъ возражали, что родина ихъ царствующей династіи есть Индѣнь, что въ Пріусурійскомъ краѣ у нихъ нѣтъ никакихъ учреждений, что они объ этой странѣ, какъ и сами сознались, не имѣютъ никакихъ свѣдѣній и что тамъ живутъ только одни бѣглецы, отъ которыхъ Китайцы не получаютъ никакой пользы, даже не получаютъ отъ нихъ и свѣдѣній объ иностранцахъ; какъ напримѣръ имъ, вѣроятно, до сихъ поръ еще неизвѣстно, что въ заливѣ св. Владиміра уже устроенъ нами городъ, а во многихъ пунктахъ морскаго побережья поставлены не Маньчжурскіе караулы,

а Русскіе посты. Вмѣстѣ съ тѣмъ приводили Маньчжурамъ, что все, что Россія ни предпринимала въ Приамурскомъ краѣ съ 1854 года, все это клонилось къ пользамъ ихъ имперіи, и что, употребивъ уже на осуществленіе подобной цѣли столько трудовъ и издержекъ, Россія не можетъ отказаться отъ своихъ благодѣтельныхъ для Китая намѣреній, не приведя ихъ къ окончательному результату и т. п. Дзянь-дзюнь возражалъ, что онъ не сомнѣвается въ высокой цѣли Русскихъ относительно защиты Китая отъ рыжихъ варваровъ, но въ случаѣ если бы для подобной цѣли пришли Китайцы въ Нерчинскій край, то дозволило ли бы имъ Русское правительство перейти черезъ Аргунь и прогнать варваровъ? Время шло въ подобныхъ отклоняющихся отъ цѣли разговорахъ; Маньчжуры не убѣждались никакими доводами и тянули только время, не смотря на то, что генералъ-губернаторъ предупреждалъ ихъ, что онъ не можетъ оставаться долго у Айгуня, а спѣшить на устье Амура на встрѣчу Англичанъ и Французовъ ¹⁾. Наконецъ, истощивъ всѣ убѣжденія на соглашеніе дзянь-дзюня и амбана, генералъ Муравьевъ, обратясь съ сердитымъ видомъ къ г. Шишмареву, поручилъ ему передать имъ, что онъ лично съ дзянь-дзюнемъ останутся друзьями; но что такъ переговариваться нельзя, что онъ имъ сказалъ все, что отъ него зависѣло, и теперь ихъ дѣло обсудить это и согласиться на его предложенія, для чего онъ даетъ имъ сроку до завтра. Не дождавшись пока г. Шишмаревъ успѣлъ перевести это, генералъ быстро вышелъ изъ комнаты, у воротъ сѣлъ на коня и въ сопровожденіи Будогоскаго и Шишмарева поѣхалъ къ пристани, гнѣвно поглядывая на толпы народа.

Вскорѣ генерала догналъ Айжиндай съ мрачной физиономіей и, подѣхавъ къ г. Шишмареву, спрашивалъ его, куда генералъ такъ спѣшить: теперь поднялся такой сильный вѣтеръ и на рѣкѣ волненіе, что дзянь-дзюнь говоритъ, лучше бы немного обождать. Но г. Шишмаревъ слѣдовалъ молча за генералъ-губернаторомъ, который, подѣхавъ къ берегу, быстро соскочилъ съ коня, бросилъ въ сторону нагайку, сѣлъ въ катеръ, въ которомъ оставалась вся его свита и, приказавъ поставить парусъ, при сильномъ низовомъ вѣтрѣ, быстро пошелъ вверхъ по рѣкѣ къ противоположному берегу. Толпы собравшихся на берегу Маньчжуровъ выпучили глаза отъ удивленія, привыкнувъ видѣть генерала всегда привѣтливо поглядывающаго на толпащійся по улицамъ Айгуня народъ, а теперь видя его нахмуреннымъ, разсерженнымъ и уходящимъ прочь отъ Айгуня ²⁾. Отойдя вверхъ по рѣкѣ до 7 верстъ, генералъ остановился у Маньчжурской деревни лѣваго берега, обѣдалъ здѣсь съ своею свитою и къ вечеру возвратился въ своемъ катерѣ къ канонирскимъ лодкамъ, стоявшимъ по прежнему напротивъ Айгуня у противоположнаго берега. Вскорѣ сюда прибыли чиновники отъ дзянь-дзюня спросить о здоровьи генерала и о причинѣ его гнѣва; а вмѣстѣ съ тѣмъ просили извинить ихъ, утверждая, что впередъ они будутъ себя вести такъ, чтобы генералъ не сердился.

¹⁾ Въ это время ожидали прихода въ Николаевскъ. Англійскихъ и Французскихъ судовъ изъ Китайской эскадры, намѣревавшихся производить въ этихъ моряхъ опись береговъ.

²⁾ Во время этого проѣзда по улицамъ Айгуня генералъ потерялъ брилліантовую звѣзду Св. Александра Невскаго, которая и послѣ не отыскалась.

Вслѣдствіе этого на другой день, 15 Мая, прибылъ на катеръ генерала гусайда (баталіонный командиръ) Маншань съ Айжиндаемъ для окончательнаго соглашенія всѣхъ договорныхъ статей. Слово «граница», которое Маньчжуры никакъ не соглашались употребить въ договорѣ, было вычеркнуто и замѣнено выраженіемъ, что лѣвый берегъ р. Амура отъ р. Аргуни до морскаго устья да будетъ владѣніемъ Россійскаго государства. Право обоюднаго плаванія по пограничнымъ рѣкамъ Амуру и Усури въ Маньчжурскомъ текстѣ вышло: по рѣкамъ Сахалянъ-ула, Сунгари-ула и Усури-ула¹⁾. Айжиндай возразилъ, что, стало быть, вслѣдствіе этого пункта Русскіе могутъ плавать по рѣкѣ Сунгари внутрь Маньчжурии и торговать въ лежащихъ по берегамъ этой рѣки городахъ. Ему отвѣчали на это утвердительно и доказывали всю пользу этого какъ для самыхъ Маньчжуровъ, такъ и для всей ихъ страны, съ чѣмъ онъ и согласился.

Въ заключеніе генеральъ выразилъ, что такъ какъ теперь они уже окончательно согласились во всѣхъ пунктахъ, то онъ намѣренъ подойти съ канонирскими лодками ближе къ городу и салютовать въ честь заключенія трактата. Айжиндай, предлагая подойти къ ихъ берегу, если генералу это угодно, просилъ только не стрѣлять, прибавивъ: мы, чиновники, не боимся; а наши военные люди не любятъ выстрѣловъ. Это желаніе Маньчжуровъ было исполнено и затѣмъ ни въ этотъ день, ни въ слѣдующій никакихъ выстрѣловъ произведено не было. Для окончанія разныхъ мелкихъ недоразумѣній Шишмареву приходилось еще два раза ѣздить на берегъ въ Айгунь къ амбану.

Наконецъ наступилъ и достопамятный день 16-го Мая. Трактатъ назначено было подписывать въ 12 часовъ, но за перепискою бѣловыхъ экземпляровъ на Русскомъ и Маньчжурскомъ языкахъ время протянулось до вечера. Въ 6 часовъ генераль-губернаторъ съ своею свитою, въ парадной формѣ, вышелъ на берегъ Айгуни и пѣшкомъ отправился къ дзянь-дзюню, гдѣ по его приходѣ тотчасъ же началось подчиванье чаемъ и сладями. Послѣ краткаго привѣтствія генеральъ Муравьевъ сказалъ дзянь-дзюню, что онъ очень радъ, что наконецъ они согласились во всѣхъ пунктахъ и кончили дѣло, продолжавшееся болѣе полутора столѣтія и давно заботившее ихъ правительство, послѣ чего приступили къ чтенію и повѣркѣ текста на Маньчжурскомъ языкѣ. За тѣмъ началось подписываніе трактата на Русскомъ и Маньчжурскомъ языкахъ Муравьевымъ, дзянь-дзюнемъ, амбанемъ, г. Шишмаревымъ и Айжиндаемъ²⁾. Послѣ подписи Муравьевъ и дзянь-дзюнь взяли каждый въ одну руку по два подписанныхъ экземпляра на Русскомъ и Маньчжурскомъ языкахъ, обмѣнялись ими и передали другъ другу со взаимными поздравленіями.

Окончивъ весь церемоніалъ заключенія трактата, генеральъ Муравьевъ скорѣе оставилъ дзянь-дзюня, поцѣловался съ нимъ на прощаньи и отправился на своемъ катерѣ въ обратный путь къ Благовѣщенску. По прибытіи Николая Николаевича спутники его, по Русскому обычаю, съ Шампанскимъ въ рукахъ, поздравили его съ совершившимся великимъ событіемъ, которое доставило Россіи болѣе миліона квадратныхъ верстъ богатой земли, открыло для Сибири удоб-

¹⁾ Рѣка Амуръ у Маньчжуровъ и Китайцевъ раздѣляется на двѣ части: верхняя называется Сахалянъ-ула, а нижняя Сунгари-ула.

²⁾ Перо, которымъ Н. Н. Муравьевъ подписалъ возвращеніе Амура, взялъ къ себѣ на сохраненіе оберъ-квартирмейстеръ подполковникъ Будогоскій.

ный водяной путь къ Океану, оправдало блестящимъ образомъ дальновидныя соображенія и предположенія Муравьева и увѣнчало достойнымъ образомъ его десятилѣтніе труды и усилія.

Заключенный трактатъ состоялъ въ слѣдующемъ: «Великаго Россійскаго государства главнокомандующій надъ всѣми губерніями Восточной Сибири, Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича г.-адъютантъ, г.-лейтенантъ Николай Муравьевъ и великаго Дайцынскаго государства г.-адъютантъ, придворный вельможа, Амурскій главнокомандующій князь И-шань, по общему согласію, ради большей, вѣчной, взаимной дружбы двухъ государствъ, для пользы ихъ подданныхъ и для охраненія отъ иностранцевъ, постановили»:

«I. Лѣвый берегъ р. Амура, начиная отъ р. Аргуни до морскаго устья р. Амура, да будетъ владѣніемъ Россійскаго государства, а правый берегъ, начиная внизъ по теченію до р. Усури, — владѣніемъ Дайцынскаго государства. Отъ р. Усури далѣе до моря находящіеся мѣста и земли, впредь до опредѣленія по симъ мѣстамъ границы между двумя государствами, какъ нынѣ, да будутъ въ общемъ владѣніи Дайцынскаго и Россійскаго государствъ. По рѣкамъ Амуру, Сунгари и Усури могутъ плавать только суда Дайцынскаго и Россійскаго государствъ; всѣхъ же прочихъ иностранныхъ государствъ судамъ по симъ рѣкамъ плавать не должно. Находящихся на лѣвомъ берегу р. Амура, отъ Зеи на Югъ до деревни Хирмолдзинъ, Маньчжурскихъ жителей оставить вѣчно на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства, подъ вѣдѣніемъ Маньчжурскаго правительства съ тѣмъ, чтобы Русскіе жители обидъ и притѣсненій имъ не дѣлали».

«II. Для взаимной дружбы подданныхъ двухъ государствъ дозволяется взаимная торговля проживающимъ по Усури, Амуру и Сунгари подданнымъ обоихъ государствъ, и начальствующіе должны взаимно покровительствовать на обоихъ берегахъ торгующимъ людямъ двухъ государствъ».

«III. Чтò уполномоченный Россійскаго государства, г. губ. Муравьевъ и уполномоченный Дайцынскаго государства, Амурскій главнокомандующій, И-шань, по общему согласію постановили, — да будетъ исполнено въ точности и ненарушимо на вѣчныя времена, для чего Россійскаго государства г. губ. Муравьевъ, написавши трактатъ на Русскомъ и Маньчжурскомъ языкахъ, передалъ Дайцынскаго государства главнокомандующему князю И-шаню, а Дайцынскаго государства главнокомандующій князь И-шань, написавши на Маньчжурскомъ и Монгольскомъ языкахъ, передалъ Россійскаго государства г. губ. Муравьеву. Все здѣсь написанное распубликовать въ извѣстіе пограничнымъ людямъ двухъ государствъ. Городъ Айгунь, 1858 года, Мая 16 дня».

Подлинный подписали: «Его Императорскаго Величества Всемилоствѣйшаго Государя моего г. адъютантъ, г. лейтенантъ Николай Муравьевъ. Службы Его Императорскаго Величества по Мин. Ин. Д. с. сов. П. Перовскій. Амурскій главнокомандующій И-шань. Помощникъ дивизионнаго начальника Дзиранинга».

Скрѣпили: «состоящій при г. губ. Восточной Сибири переводчикъ губ. секр. Шишмаревъ. Ротный командиръ Айжиндай».

Петръ Шумахеръ.

М а з е п а.

(Изъ Записокъ Яна Хризостома Пассека).

Исторія молодости Мазепы оставалась до сихъ поръ неизвѣстною. Преданіе о томъ, что онъ за любовь къ прекрасной Полькѣ былъ привязанъ ея мстительнымъ мужемъ къ спинѣ дикой лошади, которая занесла его на Украйну, гдѣ онъ потомъ сдѣлался гетманомъ, это преданіе, рассказанное Вольтеромъ въ Исторіи Карла XII и потомъ внушившее Байрону чудную его поэму, считалось нелѣпнымъ вымысломъ. Записки Пассека, товарища и сослуживца Мазепы при дворѣ короля Польскаго Яна Казимира, показываютъ, что это не было вымысломъ. Пассекъ рассказываетъ про этотъ случай во всей его прозаической дѣйствительности. Дѣйствительность иногда сходится съ поэзіей, но это случается очень рѣдко; по большей же части одна противоположна другой, и тоже самое событіе, плѣнявшее насъ въ поэтическомъ преданіи, подъ вѣяніемъ истины лишается своихъ поэтическихъ красокъ. Но за то и Исторія не должна отвергать преданій, которыя съ перваго раза кажутся однимъ поэтическимъ бредомъ. Рассказъ Пассека относится къ поэмѣ Байрона, какъ дѣйствительность относится къ поэзіи.

Авторъ Записокъ не любитъ Мазепы и иногда, кажется, непрочъ прихвастнуть; но онъ передаетъ со всею откровенностію все что видѣлъ и слышалъ. Пассекъ велъ свои Записки въ царствованія королей Яна Казимира, Михаила Вишневецкаго и Яна Собѣскаго съ 1656 по 1688 годъ. Дядя нашего автора Пассекъ, какъ видно изъ Записокъ, былъ судьей Смоленскимъ; ему также, какъ и его племяннику, поручались проводы пословъ Русскихъ. Не отъ нихъ ли произошелъ родъ Пассековъ, давшій Россіи нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей, какъ напр. извѣстнаго писателя-этнографа Вадима Васильевича и его брата, храбраго Кавказскаго генерала Діомида Васильевича Пассековъ?

Записки Пассека имѣли нѣсколько изданій и очень извѣстны въ Польской литературѣ. Подлинная ихъ рукопись находится въ Петербургѣ, въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

х.

1662 годъ.

Король велѣлъ мнѣ всякій день приходитъ къ нему для приказаній и давалъ мнѣ деньги на содержаніе. Денегъ у меня было въ волю: оставалось у меня и отъ Датскаго похода, и король недавно пожаловалъ мнѣ 500 червонцевъ, а провожая пословъ ¹⁾, я получилъ 17,000.

¹⁾ Пассекъ былъ посланъ встрѣтить и проводить отъ Польской границы Русское посольство, отправленное царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1662 году въ Варшаву на сеймъ для переговоровъ о мирѣ. Главный посолъ былъ царскій стольникъ Аванасій Ивановичъ Нестеровъ.

Легко они доставались и также легко уходили. Мы часто гуляли съ придворными; извѣстное дѣло, въ Варшавѣ скоро найдется и знакомство, и компанія. Мазепа уже повинился передъ королемъ въ своихъ Гродненскихъ плутняхъ и снова бывалъ при дворѣ ^{а)}). Мы встрѣчались съ нимъ, и хотя его обвиненіе не причинило мнѣ никакого зла (напротивъ того, оно доставило мнѣ и хлѣбъ, и добрую славу, такъ что самые сообщники его, одни завидовали мнѣ, а другіе меня поздравляли); но мнѣ на него бывало досадно, особенно выпивши, когда, какъ извѣстно, всякая обида лѣзетъ въ глаза. Однажды я пришелъ въ залу, находившуюся передъ комнатою, въ которой былъ король; тамъ я засталъ Мазепу и нѣсколько человѣкъ придворныхъ. Я былъ хорошо выпивши и, подойдя къ нему, сказалъ: «Челомъ бью пану эсаулу!» Гордая тварь, онъ не замедлилъ отвѣтомъ: «Челомъ бью пану капралу!» Такъ назвалъ онъ меня потому, что я былъ подъ стражею у Нѣмцевъ въ Гроднѣ. А я, недолго думая, какъ хвачу его въ лицо, и тотчасъ отскочилъ назадъ. Онъ за саблю, и я тоже. Придворные вскочили и кричатъ: «Стойте! Стойте! Король за дверью». Но никто изъ нихъ не подалъ ему помощи, его не очень-то любили: вопервыхъ онъ былъ плутовать, а къ тоужуе былъ казакъ, недавно получившій шляхетство. Они видѣли также, что я имѣлъ право считать себя обиженнымъ и уважали меня, потому что я успѣлъ уже съ ними покумиться и не скупился на угощеніе. Поднялся гвалтъ, и одинъ изъ бывшихъ тутъ вошелъ въ комнату короля и говоритъ: «Ваше величество! Панъ Пассекъ ударилъ въ лицо Мазепу». А король тотчасъ его самого по лицу и сказалъ: «Не говори пустяковъ, когда тебя не спрашиваютъ». Находившійся съ нами епископъ ужаснулся, видя тутъ большое преступленіе и полагая, что меня ожидаетъ страшная кара. Онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Я не знаю васъ, но ради Бога спасайтесь скорѣе: въ королевскихъ покояхъ ударить въ лицо придворнаго человѣка—это уголовное преступленіе». Я отвѣчалъ ему: «Ваша милость не знаетъ, какъ виновать передо мною этотъ бездѣльникъ». Епископъ на это: «Какъ бы то ни было, но въ здѣшнемъ мѣстѣ не подобаетъ давать волю рукамъ. Спасайтесь, пока еще есть время и пока не узналъ объ этомъ король». — «Не пойду!» возразилъ я.

Мазепа вышелъ изъ комнаты чуть не со слезами; ему не такъ чувствителенъ былъ мой ударъ, какъ то, что никто изъ придворныхъ не заступился за него, какъ за товарища. Я сталъ рассказывать епископу про мою обиду, какъ вдругъ вошелъ коронный подкоморій и объявилъ, что епископъ можетъ войти къ королю. Проходя мимо, подкоморій погрозилъ мнѣ, приложивши палецъ къ носу: я догадался, что тамъ уже объ этомъ знаютъ. Они вошли къ королю, а я воротился домой.

На другой день была Суббота, и я не пошелъ въ замокъ: меня тревожило опасеніе, а особенно потому, что трезвый уже иначе смо-

^{а)} Въ Запискахъ Пассека не достаетъ начала, и потому неизвѣстно, въ чемъ именно Мазепа повинился передъ королемъ.

трить на вещи. Спрашиваю издалека: не дошло ли дѣло до короля? Говорятъ мнѣ, что король все знаетъ, но не гнѣвается, и даже въ шутку ударилъ въ лице пажа, который доложилъ ему объ этомъ и сказалъ: «Вотъ и тебѣ тоже самое, если тамъ тебѣ ничего не досталось; не говори мнѣ пустяковъ». Въ Воскресенье пошелъ я къ подкоморію и спрашиваю, могу ли я показаться королю? Онъ отвѣчалъ, что король и не думаетъ сердиться и даже отозвался такъ: «Не удивляюсь: клевета больнѣе раны; хорошо еще, что они не встрѣтились гдѣ нибудь на дорогѣ. Счастливъ Мазепа, что этимъ отдѣлался! Пусть въ другой разъ знаетъ, какъ дурно распускать ложныя вѣсти».

Я вошелъ въ то самое время, когда король и королева сидѣли за столомъ. Увидя меня, король сказалъ: «Что это значить, что вы такъ загордѣли; я васъ уже не вижу четвертый день. Надо бы васъ съ господами послами построже содержать, тогда бы вы почаше являлись къ намъ». Я отвѣчалъ: «Милостивый король, и такъ уже послы скучаютъ, хотъ у нихъ всего въ волю, благодаря вашему величеству, а иначе никто бы не высидѣлъ съ ними». Потомъ король разговаривалъ съ разными лицами о другихъ предметахъ. Я былъ радъ, что онъ и не намекнулъ о Мазепѣ. Въ покоѣ находилось много изъ сеймовыхъ депутатовъ и людей военныхъ. Между тѣмъ подали на столъ десертъ. Былъ у короля медвѣженокъ или скорѣе человекъ походившій на медвѣдя, лѣтъ около 13-ти ³⁾. Мартинъ Огинскій въ Литвѣ, велѣлъ охотникамъ загнать его живаго въ сѣти; они исполнили это съ большимъ трудомъ: медвѣди не допускали подходить къ нему, а болѣе всѣхъ защищала его большая медвѣдица, словно его мать. Когда медвѣдицу убили, то взяли и мальчика. Онъ былъ совершенно такой какъ человекъ; даже на рукахъ и на ногахъ были у него не когти, какъ у медвѣдя, а ногти какъ у человека. Онъ только тѣмъ и отличался отъ людей, что какъ медвѣдь весь обросъ длинными волосами; все, даже лицо было у него въ волосахъ, только свѣтились одни глаза. Были о немъ разные толки: одни говорили, что это помѣсь человека съ медвѣдемъ; другіе же, что, должно быть, медвѣдица гдѣ нибудь похитила его маленькимъ ребенкомъ и выкормила своею грудью, и что отъ того онъ сдѣлался похожъ на звѣря. Мальчикъ этотъ не могъ говорить, и всѣ ухватки у него были не какъ у человека, а какъ у животнаго. Королева подала ему кожицу съ груши, посыпавши ее сахаромъ; онъ съ большимъ удовольствіемъ положилъ ее въ ротъ, но попробовавши выплюнулъ на руку и въ такомъ видѣ бросилъ въ глаза королевѣ. Король громко захохоталъ. Королева сказала что-то пофранцузски, а король еще болѣе сталъ смѣяться. Марія Людовика разгнѣвалась и вышла изъ комнаты. Король приказалъ всѣмъ намъ подать вина, велѣлъ пить, музыкѣ играть, позвалъ придворныхъ дамъ и сталъ веселиться. Тогда онъ приказалъ позвать и Мазепу, велѣлъ намъ поцаловаться и извиниться другъ передъ дру-

³⁾ Юлія Пастрана и нашъ Костромской мужикъ, недавно показывавшій себя публикѣ, допускаютъ возможность существованія подобнаго человека.

гомъ. «Вы должны простить другъ другу, сказалъ онъ, потому что теперь вы оба виноваты одинъ передъ другимъ».

И такимъ образомъ между нами настало согласіе, и потомъ мы сживали и пивали вмѣстѣ; но на другой годъ Мазепа по прежнему со стыдомъ оставилъ Польшу, и вотъ по какой причинѣ.

На Воляни была у него деревушка, въ сосѣдствѣ съ Фальбовскимъ, котораго, не знаю почему, онъ сталъ часто навѣщать. Онъ любилъ бывать у него, когда Фальбовскій уѣзжалъ изъ дому; домашніе, особенно тѣ что носили записки и слышали кое-что изъ разговоровъ, довели о томъ до свѣдѣнія своего господина. Однажды Фальбовскій собрался куда-то въ далекій путь, простился съ женою и, выѣхавъ изъ дому, остановился на дорогѣ, по которой ѣзжалъ къ нему Мазепа. Вдругъ ѣдетъ съ письмомъ посланецъ, тотъ самый что всегда исполнялъ такія порученія и самъ же донесъ о томъ своему господину. Фальбовскій взялъ письмо. Въ немъ извѣщали, что его милость выѣхалъ изъ дому и просили пожаловать въ гости и пр. Отдавши обратно письмо посланцу, Фальбовскій сказалъ ему: «Ступай и проси отвѣта; скажи, что госпожа велѣла поторопиться». Посланецъ уѣхалъ, а Фальбовскій остался ожидать, пока онъ воротится съ отвѣтомъ, потому что разстоянія было двѣ мили. Исполнивъ порученіе, посланецъ поспѣшилъ обратно и отдалъ своему господину письмо, въ которомъ Мазепа изъвѣщала готовность къ услугамъ и обѣщала немедленно пріѣхать. Черезъ нѣсколько времени ѣдетъ Мазепа. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, Фальбовскій спрашиваетъ: «Куда ты ѣдешь?» Мазепа назвала какое-то другое мѣсто. Фальбовскій: «Милости прошу ко мнѣ». Мазепа извиняется, что не можетъ, имѣя крайнюю надобность. «Вы сами тоже, кажется, куда-то ѣдете?»—«О нѣтъ! сказалъ Фальбовскій, и тутъ же схватилъ его за воротъ и спрашиваетъ: «А что это за письмо?» Мазепа замеръ отъ страха и давай просить: говорить, что онъ ѣдетъ въ первый разъ и что никогда не былъ прежде. Фальбовскій зоветъ посланца и спрашиваетъ: «Много ли разъ онъ былъ безъ меня?» Тотъ отвѣчаетъ: «Столько разъ, сколько у меня на головѣ волосъ». Тогда Фальбовскій велѣлъ связать Мазепу и дорогою сказалъ ему: «Избирай родъ смерти!» Мазепа сознался во всемъ и просилъ, чтобы его не лишали жизни. Фальбовскій, натѣшившись надъ нимъ и, измучивъ его, раздѣлъ до нага, привязалъ на собственнаго его коня, снявъ сѣдло и оборотивъ лицомъ къ хвосту, а ногами къ головѣ, руки связалъ на спинѣ, а ноги подвязалъ подъ брюхо коню; а потомъ коня, и безъ того горячаго, стали бить нагайками, подзадоривать и, чтобы еще болѣе разгорячить, нѣсколько разъ выстрѣлили у него надъ ухомъ. Конь какъ бѣшеный помчался домой, не по большой дорогѣ, а чрезъ густой кустарникъ, черезъ заросли, колючій терновникъ, узкими дорожками, по которымъ привыкъ возить своего господина, какъ обыкновенно ѣздятъ, когда хотятъ пробѣжать незамѣтно. И въ обыкновенномъ положеніи, держа въ рукахъ поводья, часто бываетъ нужно наклоняться въ густомъ лѣсу и обвязывать дурныя мѣста; и не безъ того, чтобы иногда не доставалось вѣтвями по головѣ, или не разорвать платья. Каково же

было теперь нагому, съ головою обращенною къ хвосту лошади, на такомъ быстромъ и необузданномъ конѣ, который отъ страха и боли несся куда попало! Сколько надобно было вынести мученій, пока конь выбрался изъ дѣсу!

Двухъ-трехъ слугъ, которые сопровождали Мазепу, Фальбовскій задержалъ и не позволилъ имъ ѣхать за нимъ, чтобы они не могли подать ему помощи.

Примчавшись къ воротамъ своего дома, еле живой, Мазепа зоветъ сторожа. Сторожъ узналъ его голосъ и отворяетъ ворота; но, увидя страшное зрѣлище, скорѣе опять затворяетъ ихъ, бѣжитъ прочь и зоветъ всѣхъ дворовыхъ. Тѣ заглядываютъ въ ворота и крестятся. Мазепа кричитъ имъ, что онъ ихъ господинъ, они не вѣрятъ; когда же, прозябшій и избитый, онъ уже почти не могъ говорить, они его наконецъ впустили. Фальбовскій, пріѣхавши къ женѣ, сообразилъ какъ ему надо поступать: онъ постучалъ въ окно, чрезъ которое входилъ Мазепа; окно открыли и приняли его какъ желаннаго гостя. Но что вытерпѣла жена, то неприлично здѣсь и рассказывать; а особенно отъ шпоръ нарочно для этого приготовленныхъ и привязанныхъ какъ-то къ колѣнямъ. Довольно сказать, что это былъ славный примѣръ наказанія и обузданія людей своевольныхъ. Мазепа едва не погибъ, но вытершись мазью и вылѣчившись, выѣхалъ изъ Польши, гдѣ было ему позорно оставаться.

Далѣе слѣдуютъ стихи, въ которыхъ авторъ читаетъ мораль Мазепѣ и въ довольно свободныхъ выраженіяхъ обращается къ г-жѣ Фальбовской, ставя ее въ примѣръ другимъ и превознося премудрость ея мужа.

Окончу рассказъ о двухъ знатныхъ королевскихъ придворныхъ: казакъ, какъ я уже сказалъ, бѣжалъ изъ Польши; но что случилось съ медвѣдемъ? Сдѣлался ли изъ него человекъ или нѣтъ, мнѣ неизвѣстно; знаю только, что его отдали въ науку Французамъ и что онъ уже началъ учиться говорить.

Воспоминанія графини Антонины Дмитріевны Блудовой *)

Конѣцъ 1831 года.

Хотя въ письмахъ нашихъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, которыя уцѣлѣли, не упоминается болѣе о Каподистріи, я однако очень помню скорбный интересъ, съ которымъ мы слѣдили въ газетахъ за подробностями, относящимися къ его смерти и какъ я опять впала въ уныніе, которое у меня всегда соединялось съ омерзѣніемъ къ выѣзду въ большой свѣтъ. 3 (15) Ноября 1831 года я писала батюшкѣ:

«Сколько ужъ прошло почти, что я пишу къ вамъ не по страницамъ, а по строчкамъ, и всему виновны визиты, страшные зимніе, непрерывные визиты, которыхъ кругъ похожъ на тѣ кольцообразные круги, коими представляютъ вѣчность: имъ нѣтъ конца, да и начало вспомнить невозможно. Прошлую недѣлю мы всю провели въ разъѣздахъ, а на нынѣшней неумолимые Нѣмцы оплачиваютъ намъ *aves usque* ¹⁾. Я нападаю на Нѣмцевъ; но, вѣроятно, было-бъ тоже самое и въ Петербургѣ: всякое счастье, всякое веселье зависитъ отъ насъ самихъ, отъ расположенія нашего духа, а мой духъ:..... что-то все мраченъ. Я однакожъ не хочу жаловаться, вопервыхъ потому, что, не смотря на мнимо-веселыя лица, могу часто замѣтить, что на глаза другихъ людей, какъ и на мои, навертываются слезы. Вотъ еще сегодня графиня Бутурлина (предобрая, милая женщина) была у насъ и разговаривала, и смѣялась, а ужъ какъ у нея глаза были красны: ея братъ Понятовскій въ гусарскомъ полку, и семейство не имѣетъ о немъ никакихъ вѣстей. Бѣдная! Я счастливѣе ея. Не буду жаловаться, напротивъ буду стараться съ благодарностію принимать все печальное, что Богу будетъ угодно послать. Кромѣ вѣрныхъ утѣшеній вѣры, я имѣю другое великое утѣшеніе, которое немногимъ дается: я имѣю драгоценныя ваши письма. То, что вы пишете о сестрахъ *misses Birney* и все-все, что вы пишете къ намъ..... Знаете ли, я было попыталась, по примѣру сестры и братьевъ, писать стихи; но это вышло такъ смѣшно и неудачно, что я должна придерживаться

*) См. Р. Архивъ 1875, II, 182. Читатели припомнятъ, что графиня А. Д. Блудова, въ то время, къ которому относится эта часть ея воспоминаній, находилась съ матерью своею, сестрою и братьями въ Берлинѣ, а отецъ ея (впоследствии графъ) Д. Н. Блудовъ оставался въ Петербургѣ, въ должности статсъ-секретаря. П. Б.

¹⁾ Съ лихвою.

à la vile prose ²⁾, какъ говоритъ Вольтеръ. Мнѣ кажется однако, что онъ ошибается: есть такая прекрасная проза! Напримѣръ, конечно, стоитъ его стиховъ проза Шатобриана. Я думаю, Вольтеръ такъ говорилъ, впрочемъ, въ пророческомъ предчувствіи прозы Луи-Филиппа. Читали-ли вы его вялое письмо къ Жерарду? Оно напечатано въ Gazette de France, какъ нарочно въ столбцѣ противъ вашего манифеста ³⁾. Признаюсь, это польстило моему самолюбію, какъ дочери и какъ Русской; мнѣ было дорого читать эти прекрасныя, благородныя слова, писанныя отцемъ моимъ отъ имени Государя. Послѣ ваятія Варшавы, я про себя сочиняла манифестъ, разумѣется, мысленно только. По слогу онъ конечно не подходилъ къ вашему, но мысли были почти тѣже; только я говорила очень ясно и откровенно Полякамъ, что имъ слѣдуетъ остерегаться и не довѣрять иностранцамъ, которые всегда стараются поселить раздоръ между Славянами, потому что они боятся той грозной силы, которая составила бы изъ нашихъ воинственныхъ племень, если бы они всё дружно соединились».

Я тогда воображала, что Славяне въ самомъ дѣлѣ воинственны; но, исключая Сербовъ и, можетъ быть, Поляковъ, между нами драчуновъ нѣтъ, и хотя въ случаѣ нужды мы, всё Славяне, храбро сражаемся и стойко защищаемъ нашу землю и вѣру, но мы въ сущности самое смиренное и кроткое племя, и именно отъ того (Стурдза увѣряетъ) мы такъ расширяемъ свои владѣнія, «что кроткіе наследятъ землю».

Возвращаюсь къ письмамъ отца моего. «7 (19) Ноября 1831. Государь все еще въ Москвѣ; къ завтраму, какъ слышно, готовятъ большой балъ и ожидаютъ иманинника, великаго князя Михаила Павловича. Великій Князь Наслѣдникъ долженъ выѣхать изъ Москвы во Вторникъ и слѣдственно въ будущую Пятницу или Субботу будетъ здѣсь. Вскорѣ послѣ 20-го мы надѣемся увидѣть и Государя, и Императрицу. Между тѣмъ они оба продолжаютъ быть очень довольны своимъ пребываніемъ въ древней нашей столицѣ, и она отъ нихъ въ восторгѣ. Тамъ была выставка Русскихъ издѣлій и, какъ сказываютъ, прекрасная. Ты, вѣроятно, уже знаешь по газетамъ или слухамъ, что генералъ Ермоловъ принятъ въ службу: это очень порадовало Москву, коей онъ былъ почти постояннымъ жителемъ со времени своей отставки. Да вотъ еще вѣсть оттуда-же: Государь купилъ домъ, принадлежащій вмѣстѣ графу Юрью Головкину (новому оберъ-камергеру) и вашей пріятельницѣ графинѣ Брюжъ, не знаю, за какую цѣну; но слышалъ, что этотъ домъ великолѣпный и красивый, хотя деревянный, назначается въ подарокъ, вѣроятно завтра, великому князю Михаилу Павловичу, которому онъ очень полюбился прошлаго года, когда онъ пилъ въ Москвѣ искусственныя Карльсбадскія воды».

«14 (26) Ноября 1831. Надѣюсь, что гр. Брюжъ доѣхала благополучно, не смотря на Самогитскихъ разбойниковъ, которыхъ она сильно боялась. Благодаря бывшимъ смятеніямъ, лѣса въ сѣверной части

²⁾ Презрѣнной прозы.

³⁾ Т. е. манифеста послѣ усмиренія Польскаго возстанія. Большинство манифестовъ въ царствованіе Николая Павловича было писано графомъ Блудовымъ.

Литвы доселѣ наполнены шайками вооруженныхъ бродягъ: они иногда врываются и въ Курляндію, и не очень давно разбили мызу графа Петра Палена. Это *soucoupé*, только не въ пользу законнаго государя. Новый временный губернаторъ князь Долгорукій теперь обязываетъ Самогитскій уѣздъ Виленской губерніи, чтобы принять мѣры для прекращенія безпорядковъ. Балъ князя Голицына, попечителя Московскаго Университета и Воспитательнаго Дома, остановилъ Наслѣдника въ Москвѣ на два лишніе дня. Я, кажется, уже писалъ тебѣ, что домъ графини Брюжъ купленъ; вѣроятно, что за него заплатили щедро, да ужъ конечно не ту цѣну, которой онъ стоилъ своему первому хозяину, чудаку графу Головкину ⁴⁾. Вы узнаете изъ газетъ, что въ Москвѣ сдѣлана новая статсъ-дама, Муханова, и еще нѣсколько фрейлинь, въ томъ числѣ одна Петербургская и будущая Берлинская, Аглая Рибопьеръ».

«18 (30) Ноября 1831. Новаго у насъ только прїѣздъ Великаго Князя Наслѣдника, который возвратился изъ Москвы четвертаго дня ввечеру. Государя и Государыню мы ожидали къ 25 нынѣшняго мѣсяца. Государь возвращается черезъ Ярославль и Тихвинъ; такъ по крайней мѣрѣ мнѣ сказывалъ вчера прїѣзжій изъ Москвы, графъ Орловъ».

«Есть еще новость, которая здѣсь никого не удивила, вѣроятно не удивить и васъ, какъ всѣми давно ожидаемая. Княгиня Ловичъ, послѣ страданій, которыя продолжались почти безпрестанно нѣсколько лѣтъ и безпрестанно же усиливались въ теченіи послѣднихъ мѣсяцевъ столь для нея горестныхъ, наконецъ вчера 17 (29) Ноября, ровно черезъ годъ послѣ Варшавскаго бунта, скончалась въ Царскомъ Селѣ. Сказываютъ, что она погребена въ тамошней Римско-Католической церкви. Перевезти ее въ городъ, куда она нѣсколько разъ собиралась, было невозможно за совершеннымъ изнеможеніемъ силъ ея. Съ Сентября она, такъ сказать, ежеминутно умирала. Князь Долгорукій объявилъ мнѣ на сихъ дняхъ, что онъ скоро поѣдетъ въ Берлинъ; надѣюсь отправить съ нимъ что-нибудь, а вы *par contre* пришлите ко мнѣ *le Nouveau diable boiteux*, который уже вышелъ и, кажется, перемѣнилъ имя: его называютъ, если не ошибаюсь, *Paris* или *l'ouvrage des 121*».

Это точно былъ сборникъ сочиненій сто одного или 121 извѣстнѣйшихъ Французскихъ литераторовъ. Онъ послужилъ образцомъ, или подалъ мысль къ составленію Русскаго Сборника въ пользу книгопродавца Смирдина подъ названіемъ: Сто Русскихъ литераторовъ.

Это письмо разѣхалось съ моимъ отъ 22 Ноября (4 Декабря) изъ Берлина.

«Мы наконецъ получили 1-й томъ *Diable boiteux*; все это время не могли его добиться, потому что г-нъ Шлезингеръ ⁵⁾, выписавъ только одинъ экземпляръ, изволилъ его перепечатывать прескверно; но, не пустивъ Парижскихъ въ продажу, продаетъ свои такъ дешево,

⁴⁾ Недавно домъ этотъ сгорѣлъ; рядомъ съ нимъ воздвигнутъ Лицей Цесаревича Николая.

⁵⁾ Одинъ изъ главныхъ Берлинскихъ книгопродавцевъ.

что, того гляди, самъ Луи-Филиппъ, изъ страсти къ экономіи, станеть выписывать всѣ Французскія книги изъ Берлина, запасшись однако терпѣніемъ: ибо Шлезингеръ не скоро ихъ перепечатываетъ. Разсказавъ про наружную форму книги, остается поговорить и про внутреннія ея достоинства. Я еще не успѣла всего прочесть, но до сихъ поръ мнѣ кажется, что это въ родѣ басни о горѣ и мыши. Le palais royal de m-g Roch такъ скучно, что мы и окончить не могли, потомъ слѣдуютъ Беранже стихи: «Châteaubriand, pourquoi partir?» и Шатобриановъ отвѣтъ. За этимъ слѣдуетъ «Политическая неблагодарность» г-на Жуи; начинается она банальными фразами о неблагодарности народовъ. Это впрочемъ справедливо, но вдругъ онъ называетъ Шарлотту Корде героинею, совершившею дѣло прекрасное, превосходное, добродѣтельное, выше всякой похвалы, и сердится, что ей не поставили еще статуи съ надписью: «plus grande que Brutus». Я конечно Марата не долюбиваю, но еслибъ онъ еще вдесятеро злѣе былъ и жилъ бы также долго, какъ самъ Лафайетъ (у котораго, я право, думаю, жизнью девять, какъ у кошекъ, состоящихъ на службѣ у вѣдьмъ, по старинному повѣрью), и тогда бы убійство мнѣ казалось убійствомъ, т. е. преступленіемъ, а Шарлотта Корде и Брутъ достойными жалости, а не благоговѣнія.

«Г-нъ Жуи продолжаетъ выставлять другіе примѣры неблагодарности народной и, переходя отъ одной революціи (1793) къ другой новѣйшей (1830), отъ умершихъ къ живымъ, защищаетъ всѣхъ главныхъ приверженцевъ Орлеановъ, и совсѣмъ неожиданно оканчиваетъ статью краснорѣчивымъ похвальнымъ словомъ самому себѣ!»

«Есть еще описаніе славнаго праздника, даннаго королю Неаполитанскому тогдашнимъ герцогомъ Орлеанскимъ (Луи-Филиппомъ), и Сальванди такъ подло льститъ ему въ этой статьѣ, что хочется сказать, какъ m-g de Montalivet, Французскій министръ, выразился намеренно въ камерѣ: «Cela me fait mal au coeur», что кажется не совсѣмъ изящно для говорящаго съ каеэдрами».

Около этого времени случились какіе-то безпорядки довольно серьезные въ Бристолѣ, не припомню, что именно; но матушка писала:

«28 Октябрю ст. ст. 1831. Ты увидишь вѣроятно изъ газетъ, что происходитъ въ Бристолѣ; пришла очередь и Англій, Англій, которая вмѣстѣ съ Франціею хотѣла управлять и давать законы всей Европѣ. Я сегодня ввечеру видѣла Чадда (Chadd, Англійскій министръ) у Люксембурговой, и хотя онъ старался, по обыкновенію, смѣяться и шутить, однако скоро уѣхалъ. Какъ бы Англичанамъ не пришлось сочинять протоколы о самихъ себѣ».

Вѣроятно это было не болѣе серьезно, какъ то что сегодня (27-го Сент. 1874 г.) происходитъ въ Northampton'ѣ, гдѣ была свалка между избирателями, и радикалы атаковали дома консерваторовъ, при чемъ многіе были ранены, какъ говорится въ телеграммѣ.

«18 (30) Ноября 1831. Если у васъ такая же погода, какъ у насъ, то немудрено простудиться: морозы не болѣе 6-ти градусовъ, но вѣтеръ прехолодный и пронзительный; отъ окошекъ, даже отъ тѣхъ, гдѣ я вставила двойныя рамы, ужасно несетъ, отъ половъ тоже, а

печи какъ ни натопишь, послѣ обѣда уже остыли, и вечеромъ холодныя. Всѣ принуждены топить два раза въ день, и я намѣрена дѣлать тоже. Однако говорятъ, что сегодня вся королевская фамилія переѣзжаетъ въ городъ; понемножку вообще съѣзжаются, и начались вечера: доказательство, что уже не боятся холеры; даже мало объ ней говорятъ». «Принятію Ермолова опять въ службу здѣсь Русскіе весьма обрадовались, между прочими Мансуровы, которые впрочемъ въ большомъ огорченіи о смерти матери. Это несчастное извѣстіе они получили только въ Пятницу. George Трубецкой ужасно огорченъ, очень много плакалъ въ Воскресенье у обѣдни и, кажется, не поѣдетъ въ Италію».

«Берлинъ, 21 Ноября (3 Декабря) 1831. Вчера мы Русскіе праздновали въ церкви восшествіе на престолъ, слушали обѣдню и молебень съ колѣнопреклоненіемъ, и были пѣвчіе: семь студентовъ, пріѣхавшихъ сюда недавно изъ Петербургскаго Университета, которые намѣрены пѣть на клиросѣ каждое Воскресенье. Я тоже познакомилась съ двумя другими молодыми людьми, Лифляндцами; одинъ Петерсовъ, а другой, не помню фамиліи, родня князю Ливену, у котораго онъ тебя выдалъ; да, вспомнила, Липгардъ; его отецъ предводитель дворянства. Они оба слушаютъ лекціи правъ. Вѣроятно, ты увидишь въ газетахъ ужасы, происходящіе въ Ліонѣ. Да вотъ хорошія извѣстія: В. К. Елена Павловна возвращается въ Россію и недѣли черезъ три будетъ сюда проѣздомъ на нѣсколько дней; надѣюсь, что я ее увижу. Напомни пожалуйста кн. Мещерскому ⁶⁾ о дьячкѣ, чтобы скорѣе прислалъ. Здѣшній бѣдный одинъ, принужденъ и читать, и прислуживать священнику въ алтарѣ; ты можешь вообразить, что это такое, — просто неприлично. Анна Блудова».

Когда я вспомню нашу убогую посольскую церковь въ Берлинѣ, убогую безвкусіемъ и небрежностію богослуженія, мнѣ становится больно даже и теперь; но таковы были почти всѣ посольскія церкви тогда. Какая разница съ теперешними, часто изящными и даже великолѣпными и всегда приличными церквями Русскими въ чужихъ краяхъ! Надобно жить долго за границей, жить не для своего удовольствія, но по стеченію разныхъ обстоятельствъ, задерживающихъ васъ въ чужихъ краяхъ, чтобы понять, какое это утѣшеніе своя церковь, какъ чувствуешь себя въ ней дома, въ отечествѣ, и какъ больно и какъ будто нѣсколько стыдно, когда нѣтъ въ ней благолѣпія и порядка, когда претензіи на художественную иностранную отдѣлку и далеко неграмоническій голосъ одного дьячка, кое-какъ небрежно припѣвающаго, то шепотомъ, то вдругъ вскрикивая, раздражаютъ вашъ слухъ столько же, какъ живопись иконостаса колетъ глаза и вся обстановка смущаетъ.

Неудивительно, что матушка настаивала на пріѣздѣ втораго причетника. Это чувство привязанности къ своему храму, къ обряду церковному, кажется, особенно сильно у насъ Славянъ право-

⁶⁾ Оберъ-прокурору Св. Синода.

славныхъ. Помню, съ какимъ умиленіемъ молились и говорили о богослуженіи здѣшнимъ православные и униаты, бывшіе здѣсь на Славянскомъ създѣ, Головацкій, Ковачевичъ, Милетичъ, Коларджъ; помню, какъ Милетичъ залился слезами, когда услышалъ «Христосъ Воскресе» Сербскаго напѣва за всеюнощной въ церкви графа Шереметева. Правда, пѣлъ хоръ почти ангельскій, и Ламакинъ управлялъ имъ. На дняхъ съ такимъ же восторгомъ и умиленіемъ говорилъ мнѣ о службѣ въ Исакиевскомъ соборѣ пріѣзжій изъ Угорской Руси извѣстный Добрянскій; онъ не могъ удержаться отъ слезъ: «отъ умиленія ли, что у васъ такъ хорошо, или отъ жалости, что дома нѣтъ этого благолѣпія», сказалъ онъ.

Изъ Петербурга не получали мы политическихъ извѣстій. Батюшка говорилъ только о маленькихъ событіяхъ свѣтскихъ или о литературныхъ новостяхъ.

«25 Ноября (7 Декабря) 1831. Можетъ быть, завтра я буду принужденъ поставить себѣ пиввицы къ лопаткѣ или къ боку и потому отказался отъ намѣренія ѣхать въ Царское Село на погребеніе княгини Ловичъ, которое назначено въ будущую Пятницу, и для котораго я уже отправилъ отсюда Римско-Католическихъ епископа и поповъ. Кстати о погребеніяхъ, знаешь ли, кого хоронили третьяго дня? Вѣдную княжну Елену Трубецкую, которую я по ошибкѣ пожаловалъ въ невѣсты. У нея была уже нѣсколько мѣсяцевъ изнурительная лихорадка, *fièvre lente*; наконецъ, сдѣлалось воспаленіе, и въ прошлую Субботу она умерла не только къ ужасной горести, но и къ удивленію отца и матери, которые совсѣмъ не подозрѣвали опасности положенія ея. Отъ той же болѣзни умираетъ, если не умерла уже, также молодая дѣвушка, графиня Толстая, дочь бывшей Анеты Протасовой, и также родители не знаютъ, что имъ грозитъ. Д. Б.»

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ батюшки пришло письмо отъ Телешева, нашего учителя Русской Исторіи, исправлявшаго должность директора канцеляріи, такъ сказать личной, у батюшки, и искренняго друга нашего. Я уже объ немъ говорила; онъ былъ такой честный и вѣрный, ему можно было довѣрить всѣ самыя секретныя дѣла по службѣ, а въ семейныхъ горестяхъ и радостяхъ онъ принималъ участіе, какъ родной. Благоговѣніе его къ памяти Карамзина еще сближало насъ; разстаться съ нимъ было очень тяжело батюшкѣ, но Телешевъ, кромѣ службы, не имѣлъ никакихъ средствъ, а по смерти отца и матери у него осталась на рукахъ незамужняя сестра, которая пріѣхала къ нему въ Петербургъ. Вслѣдствіе этого пришлось ему искать мѣста въ губерніи, гдѣ бѣ жизнь была подешевле. Ему посчастливилось; онъ женился на Пр. Гр. Сколковой, любимицѣ и воспитанницѣ старой княгини Грузинской, которая позаботилась о ея матеріальныхъ средствахъ; и счастливая семейная жизнь, и скромный достатокъ замѣнили для него пріятное положеніе и болѣе блистательную карьеру, на которыя онъ могъ надѣяться въ Петербургѣ. Я уже упоминала о клеветѣ, которая обрушилась на него и отравила послѣдніе годы его жизни послѣ смерти жены. Не я одна, но и батюшка, и всѣ знавшіе его близко въ провинціи, никогда не

вѣрили гнуснымъ сплетнямъ, которыхъ онъ былъ жертвою. Невольно вспомнишь простонародное выраженіе: «уши вянуть», слушая, какъ люди толкуютъ вкривь и вкось, собственно изъ празднословія. Тѣ-ли дѣло вымышленныя лица въ романѣ или поэмѣ, которыхъ и любишь, и ненавидишь безъ малѣйшаго для нихъ вреда.

За то съ какой радостію писала я къ батюшкѣ: «Вчера какъ хорошо провели мы время; мы играли съ Лидіей концертъ Бортнянскаго. Какъ очаровательно музыка пробуждаетъ въ нашей памяти лучшія воспоминанія прошлаго! Особенно концерты Бортнянскаго напоминаютъ мнѣ все, что для меня дорого: васъ, Россію, нашу святую вѣру, семейство, друзей, за которыхъ молилась въ церкви Шереметева въ Петербургѣ. Вечеромъ же мы читали нашего Данте, а потомъ... вообразите, какая радость! новый романъ Вальтеръ-Скотта, который и посылаемъ къ вамъ завтра съ курьеромъ».

По правдѣ сказать я теперь забыла этотъ романъ и даже его названіе, но всякая литературная новинка была для насъ кладомъ.

• С.-Петербургъ 28 Ноября (10 Декабря) 1831 г. Спасибо тебѣ, тысячу разъ спасибо, что ты заботишься объ удовольствіи моей давнишней и доселѣ неизлечимой-слабости покупать книги. И прежде, во время почти празднои моей жизни, я не успѣвала читать всѣхъ тѣхъ, которыми меня снабжали книгопродавцы и добрые пріятели: теперь и подавно, ибо могу читать почти только въ тяжелыя ночи безсонницы, но тѣмъ не менѣе, все хочется имѣть если не передъ глазами, такъ по крайней мѣрѣ подъ рукою все новое и старое интересное. Барнавъ и Записки князя Гарденберга, 3 и 4 томы, здѣсь уже получены и есть у меня. La peau de chagrin и другія сказки Бальзака, кажется, также получены, но ихъ мнѣ не надобно: я не люблю этого автора и его неестественный, натянутый слогъ. Пришли мнѣ прибавленіе къ новому Шатобрианову памфлету, подъ названіемъ: au lecteur, если оно напечатано особо. Я съ своей стороны также составляю къ вамъ посылки и также большею частію изъ книгъ. Государь вчера поутру пріѣхалъ въ Царское Село и былъ на погребеніи княгини Ловичъ. Наслѣдникъ также. Сегодня мы ожидаемъ Государя и Государыню въ Петербургъ. Между тѣмъ публика занимается разными, одинъ другому противорѣчащими слухами о перемѣнахъ въ министерствѣ. Да, вотъ вѣсть, которая для васъ можетъ быть интересна: Берлинскій Долгорукій⁷⁾, хотя и возвращается къ своему мѣсту, но помолвленъ здѣсь на своей двоюродной племянницѣ графинѣ Апраксиной, дочери бывшаго камеръ-юнкера. Ей только пятнадцать лѣтъ, и потому свадьба ихъ отложена, кажется, на два года. Говорятъ, что невѣста очень хороша собой и сверхъ того будетъ богата: ея тетка Баранова отдаетъ ей свое имѣніе. Д. Б.»

Долгорукій воротился въ Берлинъ съ портретомъ своей невѣсты. Что это была за красавица! Мы не могли налюбоваться на этотъ портретъ, хотя помню, что часто просили Долгорукаго показывать

⁷⁾ Князь Сергій Алексѣвичъ, нынѣ предсѣдатель Комиссіи Прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя.

его намъ. Онъ по своему обычаю былъ спокойно и нешумно счастливъ, но добрая улыбка чаще появлялась на его лицѣ, и мы по прежнему почти ежедневно дружески видались съ нимъ.

«Спб. 2 (14) Декабря 1831 г. Ты спрашиваешь, кто мой докторъ? Теперь Отсолигъ, котораго, за отсутствіемъ Арендта, я взялъ по рекомендаціи двухъ покойниковъ, Ремана и Филиповскаго: послѣдній былъ его соученикомъ и товарищемъ и умеръ на его рукахъ».

Феодоръ Мартыновичъ Отсолигъ остался нашимъ докторомъ и другомъ 32 года. Въ то время, когда батюшка былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Отсолигъ оставался въ Медицинскомъ Департаментѣ, гдѣ прежде служилъ. Въ это время случились злоупотребленія по части аптекарскихъ запасовъ. Отсолигъ счелъ долгомъ обнаружить ихъ; разумѣется, вышли неприятности, и многіе сердились на Отсолига, а у насъ въ это время была собака, красавица Испанской породы, умная, какъ всѣ собаки этого рода, вѣрная, трогательно привязанная къ отцу моему, къ которому она добровольно пошла въ подданство и отъ котораго не отходила ни на шагъ, хотя собственно была подарена сестрѣ и мнѣ. Къ своимъ хорошимъ собачьимъ качествамъ она однако присоединяла недостатокъ не по своему росту (она была большая), недостатокъ маленькихъ злыхъ собаченокъ: она врчала, лаяла и даже бросалась, хватала за фалды, за подошвы платьевъ. Много комическихъ записокъ писалъ Жуковскій объ ней, увѣряя, что нужно предпосылать каждому своему визиту прошеніе объ удержаніи Медорки на цѣпи. Она сдѣлалась весьма извѣстна между всѣми нашими знакомыми и посѣтителями, и когда случилась вышеупомянутая исторія въ Медицинскомъ Департаментѣ, тѣ, которые отъ нея пострадали, стали говорить, что министръ внутреннихъ дѣлъ напускаетъ на встрѣчнаго и поперечнаго двухъ собакъ: Медора и Отсолига. Если Отсолигъ вѣрно и крѣпко сторожилъ казенное добро отъ расхищенія, онъ не менѣе вѣрно и справедливо смотрѣлъ на обязанности казенныхъ учреждений въ отношеніи къ народу вообще, народу всѣхъ званій и къ бѣднымъ людямъ особенно. Онъ считалъ, что министерства и департаменты установлены правительственной властію, какъ орудія благодѣтельнаго управленія въ пользу управляемыхъ, а не для того только, чтобы получать награды и чины. Когда онъ сдѣлался директоромъ департамента, его главная забота обращена была на аптеки и больницы. И тутъ опять досталось ему за строгость въ выборѣ аптекарей; говорили о подкупѣ, примѣшали и національность. Отсолигъ считалъ слишкомъ важнымъ ограждать больныхъ отъ вѣвѣжества или плутовства, пагубныхъ въ этомъ родѣ торговли, и не смущался толками. Онъ относился съ теплотою душевной, съ любовію христіанской къ своимъ больнымъ и, когда оставилъ практику, ту же теплоту и любовь перенесъ въ свою служебную дѣятельность. Никогда не забуду его непрерывныхъ стараній, его постоянной заботы и душевнаго соболѣзнованія къ тѣмъ страждущимъ отъ недостатковъ нашихъ больницъ или недостатка помѣщенія для несчастныхъ чернорабочихъ. Помню, съ какой горестью и горечью онъ рассказывалъ о состояніи палатъ, наполнен-

ныхъ и переполненныхъ несчастными прачками, кухарками, женами рабочаго люда, изнуренными чрезмѣрными усиліями для прокормленія своихъ семействъ, между тѣмъ какъ модная филантропія устроивала самую удобную и даже изящную лечебницу для заразныхъ болѣзней совершенно другаго происхожденія. Десять лѣтъ и болѣе стучался онъ во всѣ двери, пробовалъ всякіе извороты, чтобы добиться постройки или хоть временнаго найма хорошаго дома, приспособленнаго къ здоровому помѣщенію больныхъ. Одно его утѣшеніе были тѣ палаты, въ которыхъ ходили за больными Крестовоздвиженскія сестры, хотя иногда онъ ссорился съ ними за то, что онъ называлъ баловствомъ больныхъ, когда онѣ не имѣли духу отказать имъ въ какомъ нибудь лакомствѣ. Особенно благоговѣлъ онъ передъ Елисаветой Петровной Карцевой. Въ разныхъ комитетахъ, комиссіяхъ, совѣщаніяхъ онъ ратовалъ за устройство или приобрѣтеніе хорошаго большаго дома, въ которомъ можно бы было ввести вновь изобрѣтенныя системы вентиляціи и другіе способы для очищенія воздуха и для удобства и лѣченія больныхъ; онъ представлялъ о необходимости такихъ мѣръ въ виду ужасающихъ размѣровъ, принимаемыхъ тифозными болѣзнями, и недостатка помѣщенія даже плохаго для чернорабочихъ людей, съ которыхъ однакоже бралась пошлина именно на этотъ предметъ съ каждаго паспорта. Наконецъ, кажется въ 1862 году, казалось, что онъ скоро достигнетъ своей цѣли; помню, съ какимъ радостнымъ, сіяющимъ лицомъ пришелъ онъ ко мнѣ въ мундирѣ съ какаго-то торжественнаго засѣданія. На этотъ разъ было обѣщано полное, скорое содѣйствіе. Увы! Мѣсяца черезъ два опять все рушилось. Онъ не вынесъ этого удара и рѣшился выйти въ отставку. Онъ уже нѣсколько лѣтъ страдалъ хроническою болѣзнію. Разрушеніе всѣхъ его плановъ, надеждъ, стремленій окончательно погубило его здоровье; уже силъ не хватило на борьбу съ болѣзнію, и около года спустя онъ скончался. Но сѣмя посѣянное возшло; другіе исполнили по крайней мѣрѣ отчасти его мысль, и на этотъ разъ, какъ столько и столько разъ на моемъ вѣку, подтвердилось изрѣченіе Евангельское: «иный сѣяй, иный жнй». Для меня же лично такаго вѣрнаго, честнаго и добраго друга врядъ ли когда нибудь найти.

Война совсѣмъ кончилась, всѣ возвращались и, припоминая разныя мелкія обстоятельства и частные случаи, я нахожу еще нѣсколько строкъ, не выписанныхъ мною изъ письма 22 Апрѣля (4 Мая) этого же года, которыя служатъ тоже характеристикой того времени: ...«Мы поѣхали въ театръ, чтобъ видѣть дебютъ Французской актрисы *m-lle Constance Deschanel*. Она пріѣхала недавно изъ Варшавы, откуда ее выгнали за то, что она всячески помогала Русскимъ плѣннымъ, давала имъ деньги, посылала деньги для нихъ въ лазареты и многимъ помогла убѣжать. Озерову между прочими она дала деньги на дорогу, когда онъ искалъ по всей Варшавѣ гдѣ нибудь въ займы, чтобы выѣхать на Польскую границу».

«С.-Петербургъ, 9 (21) Декабря, 1831. Не смотря на состояніе моего здоровья, я продолжаю и выѣзжать и работать, потому что и

выѣзды мои также ничто иное, какъ работа; дѣлаю сколько могу все, что дѣлають другіе и въ прошедшее Воскресенье на балѣ отвѣчалъ Государю, когда онъ спросилъ меня, здоровъ ли я: «Какъ будто, Ваше Величество». Онъ засмѣялся и по прежнему не хотѣлъ вѣрить, чтобы я былъ болѣнъ. Оставимъ меня, чтобы поговорить о другихъ. Ты, конечно, уже знаешь изъ газетъ Русскихъ или Берлинскихъ, что 6 Декабря было поутру представленіе или, лучше сказать, поздравленіе, а ввечеру большой балъ въ бѣлой залѣ, что въ этотъ же день издано новое Положеніе о дворянскихъ выборахъ, почти то самое, котораго составленіемъ я занимался, помнишь, нѣсколько ночей въ Павловскѣ. Въ этотъ же день пожалованы Кочубей княземъ (безъ свѣтлости), а Васильчиковъ графомъ».

«6 Декабря (24 Ноября). Берлинъ. Сейчасъ принесли намъ Gazette de France съ одной статьей, которую перепишу для васъ, если успѣю, и на которую хочу сообщить вамъ мои возраженія. Она называется Réponse à un Russe, который писалъ въ Gazette de France о Польшѣ. Начинаю мои комментаріи. Въ 4-мъ параграфѣ говорится: «Il fut un temps où les Polonais étaient maîtres de la Moscovie et de sa capitale; un élan patriotique de la part des Russes les en chassa. Les Russes furent-ils les rebelles?»⁸⁾. Какъ невѣжественны должны быть Французы по нашей исторіи, чтобы сравнивать событія 1612 г. съ событіями 1830 года! «Поляки владѣли Московіей» — т. е. Поляки завладѣли Москвою, но они по всей остальной Россіи встрѣчали вооруженное сопротивленіе. А Троицкая Лавра? А Шеинъ въ Смоленскѣ, а всѣ низовыя земли, которыя и Владислава даже не признавали совсѣмъ? Развѣ все это не Московія? Развѣ Поляки не были принуждены занимать войсками своими или наемными всякій взятый ими городъ? А теперь, т. е. два года назадъ, какія Русскія войска занимали Царство Польское? Нѣсколько полковъ почетной (по старому — потѣшной) гвардіи для Великаго Князя, а остальное народная, превосходно вооруженная и дисциплинированная Польская армія. Впрочемъ всѣ, даже самые рьяные Поляки, принуждены сознаться, что простой народъ былъ доволенъ, счастливъ и не хотѣлъ возставать противъ правительства, которое покровительствовало ему. А въ 1612 году кто у насъ первые возстали, кто составлялъ большее число войска, кто отдавалъ свое достояніе и жизнь за земское дѣло, въ сознаніи, что это дѣло ихъ именно, а не чужое? Кто? Крестьяне, мѣщане, бѣдные горожане, равно какъ и богатые, отозвавшіеся единодушно на кличъ Минина. Да и самъ Мининъ былъ мясникъ (гуртовщикъ). Въмѣсто того, въ 1830 году только высшіе классы, отчасти изъ властолюбія, отчасти, можетъ быть, изъ обезьянства, чтобы подражать Французамъ, довели до войны. Тѣже дворяне, таже Польская шляхта своимъ неугомоннымъ духомъ, ненасытнымъ властолюбіемъ и ненавистью ко всякому правленію и порядку, которые во всѣ времена прошлаго

⁸⁾ Было время когда Поляки владѣли Московіей и столицей ея. Они были выгнаны оттуда, благодаря патриотическому взрыву Русскихъ. Что жъ, Русскіе были мятежниками?

содѣлали бесплодными и храбрость народа, и гениальность ихъ государей, и даровитость ихъ ученыхъ, словомъ, все хорошее, все, что могло спасти ихъ край; они же и теперь обрушили на отечество новыя развалины и бѣдствія. Впрочемъ *Gazette de France* все проповѣдуетъ великодушіе Государю, и конечно я съ нею согласна; но должно бы проповѣдывать Полякамъ искреннее примиреніе съ нами и союзъ какъ Славянъ съ Славянами противъ друзей-предателей, которые только стараются насъ ссорить для того, чтобы ослабить и тѣхъ, и другихъ. Ахъ, увѣряю васъ, я такъ пламенно желаю этого примиренія и единства, что, не взирая на мою трусливость, я бы, кажется, дала себя убить безъ страха, если бы смертью своею могла купить миръ между нами!»

«P. S. Послѣ волненій въ Лионѣ, увѣряютъ, что Луи Филиппъ, который принимаетъ на содержаніе правительства такихъ же виновниковъ беспорядковъ, Поляковъ, тысячами и водворяетъ ихъ во Франціи, однако хочетъ сослать до 40 тысячъ рабочихъ съ Лионскихъ фабрикъ. Надѣюсь, что не на каторгу онъ ихъ сошлетъ, а просто за границу, и вотъ бы Государю принять ихъ и водворить въ Россіи, выдавъ имъ, также какъ Французы Полякамъ, 300 тысячъ на содержаніе! *Par là nous rendrons aux Français ce qu'ils ont fait pour les Polonais, et ces braves ouvriers de Lyon fabriqueront de si belles étoffes, qu'en France on fera venir les soieries de Russie*»⁹⁾.

«Спб. 12 (24) Декабря 1831. У насъ комитеты слѣдуютъ одинъ за другимъ, какъ ружейные выстрѣлы въ парадной пальбѣ, бѣглыми огнями, и не даютъ мнѣ времени ни поставить себѣ пиваицъ, ни вырвать или инымъ образомъ порядочно полечить свой больной зубъ. Сегодня въ одиннадцать часовъ я назначилъ свиданіе Сосероту, и вдругъ получаю записку, что надобно быть на совѣщаніи о дѣлахъ и пр. Какъ же быть? Тянуть свою лямку, пока или она не порвалась, или я не упаду отъ непомѣрнаго усилія. Во всякомъ случаѣ пусть будетъ, что угодно Тому, который не по нашему знаетъ, что намъ нужно и полезно. Скажи нашимъ мальчикамъ, что объ нихъ спрашивалъ очень милостиво и, по обыкновенію, очень мило Великій Князь Наслѣдникъ. Онъ прибавилъ, что ужъ очень давно объ нихъ не слышитъ. Не успѣю я отвѣчать на милыя письма Антуанеты и Лидиньки. Только скажу первой изъ нихъ, что ея опроверженіе статьи: *Réponse à un Russe* очень хорошо, кажется мнѣ, но не совсѣмъ полно. Вида, какъ Французы въ своихъ книгахъ и газетахъ ошибаются, или нарочно врутъ на счетъ Россіи, она не должна вѣрить извѣстіямъ о дѣлаемыхъ будто бы притѣсненіяхъ Царству Польскому и Западнымъ губерніямъ Россіи. Все это ложь. Въ Царствѣ доселѣ вышелъ одинъ только важный указъ или манифестъ о всеобщемъ прощеніи, но изъ сего общаго прощенія исключены нѣкоторые главнѣйшіе или виновнѣйшіе мятежники. Можно-ль было

⁹⁾ Этимъ мы заплатимъ Французамъ за то, что они сдѣлали для Поляковъ, и отличные Лионскіе рабочіе станутъ готовить такія прекрасныя ткани, что Франція будетъ выписывать шелковыя матеріи изъ Россіи

поступить иначе? Не думаю. Правосудіе должно быть умѣряемо, а не уничтожаемо милосердіемъ, и великодушіе не есть слѣпота. У возвращенныхъ отъ Польши губерній не отнимаютъ никакихъ привилегій. Велѣно одному развратному и вредному классу людей, которые называютъ себя дворянами, шляхтою, не имѣвъ на то доказательства и правъ, наконецъ, приписаться къ какому-нибудь состоянію гражданъ, платить подати, нести повинности, но безъ запрещенія каждому изъ нихъ документами доказать свое дворянское происхожденіе, если онъ можетъ, и быть настоящимъ, а не самозванцемъ-дворяниномъ. Велѣно также предсѣдателямъ уголовныхъ судовъ и тѣхъ которое время быть не по выборамъ, какъ прежде, а по назначенію правительства. Но какъ же въ землѣ, которая только что освободилась отъ насилія мятежниковъ, дозволить участвовавшимъ въ мятежъ и еще не заслужившимъ полученнаго ими прощенія дозволить самимъ назначать своихъ судей въ дѣлахъ уголовныхъ, слѣдственно, между прочимъ, быть можетъ, и въ новыхъ проискахъ или замыслахъ противъ общаго порядка? Но Государь такъ мало намѣренъ навсегда отнимать у Западныхъ губерній ихъ привилегію избирать предсѣдателей палатъ гражданскихъ и даже уголовныхъ, что, напротивъ, даровалъ сіе право и другимъ Великорусскимъ губерніямъ. А временныя предосторожности и мѣры для того, чтобъ сблизить съ Россіею въ нравственномъ смыслѣ этотъ древній Русскій, подъ владычествомъ Польши нѣсколько измѣнившійся край, совершенно необходимы. «Лежачаго непріятеля не бьютъ», конечно, но обезоруживаютъ для того именно, чтобы можно было дозволить ему встать, безъ опасности для другихъ, даже и для него самого. Д. Б.»

«Берлинъ (9 21) Декабря 1831. Твое письмо отъ 28 Ноября я получила на 12-й день, а за разлитіемъ рѣкъ, вѣроятно, еще дольше буду безъ извѣстій объ твоёмъ здоровьѣ. Я въ этомъ грустномъ расположеніи духа ѣздила вчера къ Великой Княгинѣ ¹⁰⁾, съ Антуанетой, которую ей представила. Она очень хорошо приняла насъ. Были только мы двѣ, Мансуровы и четверо господъ нашей миссіи. Великая Княгиня, войдя, почти подбѣжала ко мнѣ, обняла и сказала, что она очень рада меня видѣть, что ей было хорошо въ Англіи, но (прибавила она со слезами на глазахъ) *qu'elle n'avait personne des siens, au milieu des évènements qui se sont passés!* ¹¹⁾ Она спрашивала о твоёмъ здоровьѣ, упрекала меня, что я тебя оставила одного на такое долгое время и такъ меня тронула, что я не могла удержаться отъ слезъ. Вечеромъ я возила дѣтей въ оперу *Muette de Portici*, гдѣ и она была со всей королевской фамиліей. Король хотѣлъ дать балъ, но она не пожелала по причинѣ траура по княгинѣ Ловичъ. Сегодня сказывали, что она отправилась въ путь, въ часъ. Жаль, что ей будетъ, вѣроятно, очень дурная дорога, и задержать рѣки; вчера она еще не знала, гдѣ находится Великій Князь, который хотѣлъ ее встрѣтить на границѣ. Анна Блудова».

¹⁰⁾ Еленѣ Павловнѣ.

¹¹⁾ Посреди происходившихъ событій она оставалась безъ своихъ близкихъ.

Сколько свѣтлыхъ, сколько грустныхъ, сколько дорогихъ воспоминаній проснулось въ душѣ моей, когда я перечитывала это письмо матушки! Какой длинный рядъ годовъ и событій проходитъ вереницею въ моей памяти при этихъ словахъ: «Великая княгиня почти подбѣжала ко мнѣ!» Тогда, 8-го Декабря 1831 г., 45 лѣтъ назадъ, я въ первый разъ увидѣла ее и эту стремительность походки ея, которая поражала какъ особенность виѣшняя, привлекательная, какъ живое радушіе. Эта стремительность, такая знакомая мнѣ и симпатичная, была лишь вѣрнымъ выраженіемъ стремительности характера и ума ея, стремительности, которою она увлекала всѣ мало-мальски живые умы, которая ее самую иногда увлекала и приводила за собой немало разочарованій, но сама по себѣ была очаровательна въ ней. Ни лѣта, ни болѣзнь, ни горе не измѣнили этой особенности, и только въ самый послѣдній разъ праздничнаго приѣма у нея, въ самый послѣдній разъ, когда я ее видѣла живою, 28-го Декабря 1872 г., за 12 дней до ея кончины, измѣнилась эта походка, и какое-то неопредѣленное, смутное чувство недоумѣнія и безпокойства охватило меня. Еще прекрасная, но блѣдная, какъ будто надломленная, подходила она къ намъ въ приемной, что передъ домовою церковью ея, опираясь на руку фрейлины; она, которая никогда не нуждалась въ такой помощи, которая, бывало, свѣжая и веселая, какъ бы окрыленная своимъ живымъ умомъ, переходила отъ одного къ другому изъ собравшихъ у нея гостей, съ улыбкой и привѣтливыми словами для каждаго! Улыбка была еще на ея блѣдномъ лицѣ и слова привѣта въ устахъ, но утомленные глаза и слабая походка непохожи были на нее и болѣзненно поражали сердце. Но, Боже мой! Какъ однако далеко было отъ мысли о скорой кончинѣ!

Между этими двумя днями 1831 и 1872 годовъ, днями придворнаго приѣма, сколько прошло близкихъ, душевныхъ, искреннихъ отношеній, сколько радости, горя, тревогъ пережито вмѣстѣ, сколько дружнаго общія мысли, иногда и открытаго, честнаго противорѣчія другъ другу, иногда и охлажденія момиходнаго; но никогда не было сомнѣнія ни съ ея стороны, ни съ нашей (ибо говоря о ней, я никакъ не могу отдѣлать себя отъ батюшки) въ непреложной честности, правдивости и сердечномъ сочувствіи между нами. Она имѣла даръ, рѣдкій у столь высокопоставленныхъ лицъ, сохранять вполнѣ человѣческія отношенія духовнаго равенства, соблюдая однако постоянно достоинство своего сана, то мягкое, привѣтливое, безобидное достоинство, которое истекаетъ изъ высоты моральной, соединенной съ высотой свѣтскаго положенія и которое такъ охотно признается всѣми, потому что чувствуется, въ его основаніи, сознание своихъ высокихъ обязанностей болѣе, чѣмъ своихъ правъ.

Любопытность ея была изумительная, но далекая отъ того празднаго любопытства, которое незамѣтно переходитъ въ мелочныя свѣтскія сплетни, прикрываемыя только забавнымъ или извительнымъ блескомъ остроумія. Одна изъ главныхъ извѣй вообще великосвѣтской жизни, безъ сомнѣнія, замкнутость въ маломъ кружкѣ людей одинаковыхъ мыслей, воззрѣній и привычекъ, людей, которые, невольны и

безсознательно, кормят другъ друга самой ядовитой лестію, лестію искренняго поклоненія вашимъ страстямъ и предрасудкамъ, потому что ихъ страсти и предрасудки тѣже и никогда не провѣряются ни противорѣчіемъ, ни дѣйствительностію. Между тѣмъ этотъ заколдованный кругъ такъ убаюкиваетъ и усыпляетъ, что невольно втягиваешься въ него и незамѣтно становишься адептомъ старой секты *m-me Guyon*, квіэтизма, къ которой, кажется, принадлежитъ огромное множество великосвѣтскихъ людей, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ.

Цѣлый міръ кругомъ хранитъ,
Всѣ киваютъ и молчатъ.
 Вы волнуетесь, горите,
 Въ сердцѣ горечь, въ слухѣ звонъ....
 А кругомъ-то поглядите,
 Какъ отраденъ мирный сонъ!
 Жаль мнѣ васъ, людей безсонныхъ.
 Ужъ не лучше ли заснуть
 И отъ думъ неугомонныхъ
 Хоть на время отдохнуть?

Есть же прелесть въ квіэтизмѣ, если такой умъ и такая душа, какъ у Фенелона, плѣнились имъ въ свое время. И я, — именно въ молодости, когда живость характера доходила у меня до серьезнаго недостатка, — склонялась очень и очень къ исключительности такъ называемой *coterie*. Правда, нашъ кружокъ былъ многочисленный и довольно разнообразный: служебныя отношенія батюшки и старые пріятели его частнаго круга, артистическій элементъ въ домѣ Оленина и блистательный кругъ В. К. Елены Павловны, все это составляло конечно не узкій горизонтъ; но все же чаще и ближе и больше сходились всѣ въ одномъ направленіи умственномъ, если не въ одномъ положеніи житейскомъ, и мало бывало серьезнаго противорѣчія въ воззрѣніяхъ и въ сужденіяхъ. Мнѣ казалось бесполезнымъ знакомство съ людьми новыми, не блистательными ни по уму, ни по образованію или, по просту, я находила ихъ скучными. Въ этомъ отношеніи какъ во многихъ другихъ, Великая Княгиня мнѣ открыла глаза наставленіемъ своимъ: «*Un petit cercle, la coterie, fait un grand mal; il retrécit l'horizon, il développe les préjugés; au lieu de fermeté il inspire l'entêtement. Pour le coeur on peut s'en tenir aux amis; mais pour l'intelligence il faut des éléments nouveaux, il faut la contradiction, il faut savoir ce qui se passe au delà de votre maison. Croyez moi, il n'y a pas d'homme si stupide ni si ignorant dont on ne puisse pas apprendre quelque chose d'utile, si on veut se donner la peine de s'instruire*¹²⁾». Какъ это справедливо, я убѣ-

¹²⁾ Маленькій кругъ, *la coterie*, дѣлаетъ большой вредъ; онъ суживаетъ горизонтъ, онъ развиваетъ предрасудки; изъ твердости правилъ онъ зарождаетъ упрямство. Для сердца нужно водиться только съ друзьями, но для ума нужны элементы новые, нужно противорѣчіе. Надобно знать, что дѣлается и внѣ вашего дома. Повѣрьте, нѣтъ такого тупаго или невѣжественнаго чело-

диглась опытомъ жизни; какъ она умѣла воспользоваться такими людьми, я часто видала. Самое замѣчаніе это такъ вѣрно, что я его сразу поняла и запомнила и, по мѣрѣ силъ, держалась этого правила. Великая Княгиня принадлежала къ тому царственному дому, которому Россія столько обязана своими воспитательными и благотворительными учрежденіями. Князья Монбельярскіе приняли наслѣдство Виртемберга, когда одна изъ ихъ принцессъ уже была за мужемъ за наслѣдникомъ Русскаго Престола, при великой Екатеринѣ, въ то время, когда блистательнѣйшіе умы Европы, особенно Франціи, распространяли въ литературѣ тѣ такъ называемыя либеральныя идеи, которыя цѣнили тогдашнія поколѣнія и еще не успѣли попасть въ руки вѣтренныхъ эгоистовъ, сдѣлавшихся сумазбродными злодѣями, и самолюбивыхъ невѣждъ, опьянѣлыхъ въ дикомъ корыстолюбіи и властолюбіи и вообразившихъ, что они проводники самыхъ возвышенныхъ и благодѣтельныхъ политическихъ теорій. Въ сущности, помимо блистательнаго слога и истаго Французскаго самолюбія, все стремленіе философской школы XVIII-го столѣтія было безсознательной попыткой ввести въ политику и гражданское управленіе ничто иное какъ христіанское начало. Но невѣжество, гордость и обособленіе, такъ сказать, Французско-европейскаго міра должны были привести ихъ не къ изученію Евангелія, а къ борьбѣ съ папизмомъ и съ замкнутостію религіознаго міра, которыя исказили ученіе Христа отчасти по невѣжеству племенъ первоначально крещеныхъ на Западѣ, отчасти по тому языческому строю ума и жизни, которые они наслѣдовали отъ Рима. *Civis Romanus sum* ¹³⁾ есть тотъ аристократическій лозунгъ, который перешелъ и въ церковь, и въ политическую жизнь у Франковъ, у Англо-Норманновъ, у Тевтоновъ. А изрѣченіе вольнолюбиваго Руссо: «для того чтобы граждане могли быть совершенно вольными, рабы должны быть совершенно безправны», опять таки чисто-классическое правило, я хочу сказать, Греческое и Римское политическое начало языческаго устройства, пресловутой вольности древнихъ республикъ. Жестокость законовъ, презрѣніе ко всему, что не принадлежитъ къ избранному или наслѣдственному кругу, были основою языческаго строя жизни; они перешли въ средневѣковое христіанство и остались увѣ! доселѣ идеаломъ большей части аристократическихъ народовъ, особенно Англій, и партій, величающихъ себя прозваніемъ консервативныхъ. Императрица Марія Ѳеодоровна не такъ поняла модное направленіе XVIII столѣтія и, увлекаясь прелестію слога и добрыми намѣреніями многихъ изъ выдающихся тогда во Французской литературѣ лицъ, которыя при дворѣ Екатерины были въ чести, она однако примѣнила ихъ мысли къ своей дѣятельности въ Россіи, только на твердомъ основаніи вѣры и церкви, и на этомъ камнѣ построила всѣ воспитательныя и благотворительныя учрежденія, которыя донинѣ носятъ названіе «Учрежденій Императрицы Маріи».

вѣка, отъ котораго бы нельзя было узнать чего нибудь полезнаго, если хочешь дать себѣ трудъ поучиться.

¹³⁾ Я Римскій гражданинъ.

Изъ Виртемберга же, изъ того же владѣтельнаго дома, но младшаго поколѣнія, была великая княгиня Елена Павловна, умомъ и образованіемъ гораздо выше ея, но съ тѣми же преданіями, съ тѣмъ же благороднымъ и высокимъ воззрѣніемъ на обязанности своего званія. Весь секретъ переустройства политической жизни въ жизнь христіанскую содержится въ словахъ Спасителя: «Аще кто хочетъ старѣй быти, да будетъ всѣмъ слуга», и въ изреченіи Апостола Павла: «Повинуйтесь не яко раби, но яко свободни». Эти святыя правила Великая Княгиня Елена Павловна понимала какъ нельзя лучше и примѣняла ко всѣмъ общественнымъ предпріятіямъ, во главѣ которыхъ она стала. Она не сваливала на другихъ труда и дѣятельности, но и не завладѣвала одна всѣмъ дѣломъ, какъ бываетъ со многими, и не теряла такимъ образомъ дорогой помощи тѣхъ скромныхъ силъ, которыя въ совокупности составляютъ сильнѣйшій двигатель великаго предпріятія. Она умѣла воодушевлять своихъ сотрудниковъ и собственною неутомимостію, и увѣренностію, что они полезны и нужны, что имѣютъ свою долю въ достиженіи цѣли. За то, бывши постоянно слугою дѣла, она находила дѣлателей, повиновавшихся ей радостно и самоотверженно и не яко раби, но яко свободни.

Особенно близко видѣла я ее въ такомъ дѣлѣ во время Крымской войны, и всѣ заботы ея о сестрахъ въ эти, вѣчной памяти, 54 и 55-й годы. Пока большинство хорошихъ людей волновалось, негодовало, плакало о злоупотребленіяхъ, о недостаткахъ, о гибели людей, и бранило бесполезно мошенниковъ, она прямо и безотлагательно принялась за дѣло: отворила настежь двери своего дворца, открыла сокровищницу своей казны и сокровищницу еще богатѣйшую своего дѣятельнаго, практическаго ума, своего свѣтлаго, положительнаго разума, своей благородной, пылкой души,—пригласила всѣхъ знатоковъ дѣла, всѣхъ опытныхъ врачей и послала воззваніе ко всѣмъ Русскимъ женщинамъ, не связаннымъ обязанностями семейными: вдовамъ и дѣвушкамъ, желающимъ принести свою долю жертвы и добра въ великомъ жертвоприношеніи Россіи. Нижний этажъ дворца сдѣлался большимъ складочнымъ мѣстомъ для вещей и медикаментовъ, покупаемыхъ ею, или присылаемыхъ со всѣхъ угловъ Петербурга. И прежде того, корпія и бѣлье посылались со всѣхъ краевъ Россіи, но они не доходили до назначенія, они лежали упакованныя въ канцеляріяхъ, или гнили валяясь въ грязи на площадяхъ и дорогахъ, или продавались (какъ увѣряли) даже непріятелю. Елена Павловна не принадлежала къ тѣмъ обыкновеннымъ у насъ въ Россіи добрымъ душамъ, которыя готовы до послѣдней копейки, до послѣдней рубашки отдать бѣдному или отдать отечеству, въ порывѣ любви и жалости, безъ оглядки, великодушно, и а а в о с ь, — не подумавъ, поидеть ли въ прокъ. Она была безгранично щедра, но щедра разумно и, не довольствуясь удовлетвореніемъ собственнаго добраго чувства, пеклась о томъ, чтобъ это чувство принесло помощь и утѣшеніе предмету ея жалости. Она печалилась о страждущихъ въ простонародномъ значеніи этого слова. Ея печаль была дѣятельная забота о нихъ. И такъ, взявшись подать

помощь раненымъ и больнымъ, она позаботилась о томъ, чтобъ все было доставлено вѣрно, и скоро и сохранно. Подрядчики, провожаемые, пересыльщики были выбираемы людьми толковыми и рекомендованные, являлись къ ней самой, для условій и приказаній, такъ что кромѣ спеціального избранія знатоковъ дѣла, еще сообщалась избраннымъ та нравственная поддержка, которую сочувствіе и здравое возрѣніе ея и прелесть ея обращенія и красоты сообщали незамѣтно всякому, къ кому она обращалась. Всѣ отправленія транспортовъ были такимъ образомъ матеріально обезпечены, и нравственно, такъ сказать, застрахованы ея заботливыми распоряженіями. Первые транспорты были отправляемы вмѣстѣ съ отрядами сестеръ, потомъ посылались прямо къ нимъ и къ врачу, отправленному съ ними. Эти госпитальныя принадлежности уже не гнили и не залеживались на пути. Хины у насъ было слишкомъ мало (вообще плутовство по части хины и ревеню было давно въ нашихъ обычаяхъ). Великая Княгиня воспользовалась сношеніями своими за границей и, черезъ брата своего принца Августа, выписала въ это время громадное количество хины изъ Англіи. Вездѣ, гдѣ была потребность, она узнавала о лучшемъ способѣ удовлетворенія и къ этому способу прибѣгала съ неутомимой дѣятельностію и умѣніемъ. Всѣ въ ея дворцѣ работали по ея примѣру. Внизу тюки принимались, разбирались, уставлялись, распредѣлялись; вверху у фрейлинь—свои и посторонніе шили, кроили, примѣряли, дѣлали образцы чепцовъ, передниковъ, воротниковъ для сестеръ, записывали ихъ имена. Въ конторѣ, съ ранняго утра и до поздней ночи, принимали отвѣты, посылали отзывы, писали условія съ подрядчиками, съ врачами, съ аптекарями. У самой Великой Княгини являлись лица, нужныя для этой новой дѣятельности, составлялся уставъ и инструкціи для Общины сестеръ милосердія Воздвиженія Креста.

По присоединеніи Великой Княгини къ православной церкви, ея ангеломъ сдѣлалась Св. Елена, отыскавшая и воздвигнувшая Крестъ Господень въ IV вѣкѣ. Вѣроятно поэтому, Елена Павловна сроднилась, такъ сказать, съ этимъ праздникомъ нашей церкви. Особенно сочувственно относилась она къ церкви на Ямской, куда подарила великолѣпную икону и, когда пришлось выбрать названіе и, такъ сказать, посвятить новую общину празднику или угодику, она опять выбрала Воздвиженіе Креста. Впрочемъ, для такаго дѣла лучше и выбрать нельзя было. Она тоже сама выбрала для креста, который носятъ сестры, Андреевскую ленту въ память просвѣщенія Россіи Св. Апостоломъ Андреемъ, именно на берегахъ Крыма, у самаго Севастополя.

Когда заговорили о надписи на крестѣ этомъ, одна изъ фрейлинь (барон. Раденъ) настаивала на которое либо изъ побѣдоносныхъ ирѣченій въ отношеніи ко Кресту; но Великая Княгиня выбрала слова Спасителя, вырѣзанныя на крестѣ снаружи:

„Возьмите иго Мое на себе“.

а на оборотѣ:

„Ты, Боже, крѣпость моя“

и сказала: «только въ смиренномъ терпѣннн крѣпость и силу получаемъ мы отъ Бога».

Кромѣ доктора Тарасова, который выѣхалъ съ первымъ отрядомъ сестеръ и оставался при общинѣ даже послѣ войны, до крайняго предѣла силъ своихъ, Елена Павловна послала еще на помощь Тарасову пять врачей: Реберга, который потомъ поселился въ Ницца и до сихъ поръ, кажется, тамъ живетъ, Мецлера, Оберъ-Миллера ¹⁴⁾, Бекерса ¹⁵⁾ и Пабо ¹⁶⁾. Какъ трогательно было первое собраніе передъ отправленіемъ сестеръ подъ начальствомъ сестры Стаховичъ! Въ домовоѣ церкви (архистратига Михаила), во дворцѣ Великой Княгини, сестры произнесли обѣты свои, и на каждую возложенъ золотой крестъ, столь явственный въ этомъ случаѣ символъ ихъ тяжелаго христіанскаго подвига. И онѣ, и всѣ присутствующіе со слезами на глазахъ молились такъ усердно, какъ рѣдко бываетъ на церемоніяхъ въ придворной церкви. Великая Княгиня, можетъ быть, болѣе всѣхъ была тронута. Это была первая попытка въ Россіи такого женскаго служенія на полѣ битвы. Выдержать ли онѣ? Достанетъ ли терпѣнія, умѣнія и физическихъ силъ на ихъ подвигъ любви и патріотизма? Многія сами сомнѣвались и боялись за свои нервы при ужасномъ зрѣлищѣ ампутацій. Чтобы испытать ихъ силы, ихъ посылали нѣсколько разъ въ больницы присутствовать и помогать при операціяхъ, и Великая Княгиня сама подала примѣръ, поѣхала въ одну изъ больницъ, помогала при перевязкахъ и оставалась въ продолженіи длинной опасной ампутаціи ноги у одного пациента. Это былъ бѣдный человѣкъ: его хлороформировали и даже съ трудомъ разбудили. Великая Княгиня не отходила во все время; а когда уже положили больнаго на койку, и онъ пришелъ въ себя, она потихоньку вынула деньги изъ бумажника и положила ему подъ подушку, говоря съ улыбкой: «Когда отдохнешь хорошенько, посмотри подъ подушкой, тамъ найдешь что нибудь». Лице бѣдняка просіяло радостію, и свѣтлымъ взглядомъ онъ поблагодарилъ ее; а она еле-еле добралась до корридора,—такъ ей сдѣлалось дурно отъ виду. Однако черезъ нѣсколько минутъ ужъ она опять явилась съ бодрымъ видомъ и улыбкой участія въ другой палатѣ, у другаго страдальца. И все это не было минутнымъ увлеченіемъ, преходящимъ возбужденіемъ чувства. Она не измѣнила себѣ во все время устроенія общины, искуса и отправленія сестеръ, сперва въ Крымъ, потомъ въ Финляндію, и наконецъ, по окончаніи войны, когда основала постоянную общину съ перевязочнымъ отдѣленіемъ и лечебницей, куда и понынѣ столько бѣдныхъ и изувѣченныхъ машинами фабричныхъ работниковъ прибѣгаютъ для операцій, за помощію и уходомъ.

¹⁴⁾ Хирурга, котораго многіе въ Севастополѣ считали не менѣе Пирогова искуснымъ, но болѣе счастливымъ, т. е. что меньше умирали у него отъ операцій.

¹⁵⁾ Который въ послѣдствіи отравился.

¹⁶⁾ Менѣе извѣстный, нежели другіе.

Не только для Россіи, но для человѣчества вообще, не прошло безслѣдно начинаніе Великой Княгини. Она положила основаніе женской христіанской помощи раненымъ на полѣ битвы. Женевская Конвенція въ послѣдствіи распространила это дѣло. Въ Россіи же доброе сѣмя, посѣянное умѣлой рукой Елены Павловны, взлелѣянное сердечной заботой Императрицы Маріи Александровны, возшло нынѣ сторицею и богатою жатвою надѣлило насъ. Русскія сестры Краснаго Креста соревнуютъ сестрамъ Воздвиженскимъ и всюду смягчаютъ страданія, залѣчиваютъ раны, освящаютъ свою христіанскою любовію страшныя послѣдствія людской злобы и людскихъ страстей и рука объ руку съ христіолюбивыми Русскими солдатами вносятъ милосердіе, всепрощеніе и благотворительность въ самую среду отчаянно-борющихся враговъ.

Другой близко знакомой мнѣ общественной дѣятельности ея во время Редакціонной Коммиссіи по освобожденію крестьянъ здѣсь не мѣсто мнѣ описывать. Съ тѣмъ же свѣтлымъ взглядомъ и тою же сердечною теплотою относилась она къ дѣлу воспитанія въ тѣхъ училищахъ, которыя были отданы въ ея вѣдѣніе, или которыя она взяла сама въ свое распоряженіе, вслѣдствіе различныхъ случайностей, какъ на примѣръ училище Святой Елены. До послѣднихъ дней ея жизни она заботилась объ обезпеченіи этихъ учрежденій, которыя только отчасти могла снабдить капиталомъ изъ богатыхъ доходовъ, оставленныхъ въ ея пожизненное пользованіе послѣ кончины Вел. Кн. Михаила Павловича. Русскія деньги ею употреблены были на Русскія нужды: на помощь бѣднымъ, на развитіе умственное, на поддержку искусства (какъ Консерваторія), на облегченіе трудностей жизни учащихъ (дешевыя столовыя по близости учебныхъ заведеній), не говоря о ея частной, личной, такъ сказать, благотворительности. Вскорѣ послѣ ея кончины мы какъ-то сошлись, человѣкъ до десяти близкихъ къ ней людей, и стали вспоминать съ удивленіемъ, какъ она могла при огромныхъ размѣрахъ, принятыхъ лѣчебными учрежденіями своими, удѣлять столько мелкихъ суммъ, раздаваемыхъ съ рукъ на руки. Никто изъ насъ не помнилъ, чтобъ она когда либо отказала въ такой помощи по просьбѣ кого либо изъ насъ. Иногда скажетъ: «теперь не могу, подождите», и непременно черезъ нѣсколько дней или недѣль дастъ просимое, т. е. какъ скоро сама получитъ деньги. Говоря объ этомъ, одна близкая къ ней личность замѣтила очень мѣтко: «Она могла не отказывать никому, потому что себѣ отказывала во многомъ». Однако она жила открыто, болѣе нежели всѣ другія Великія Княгини, давала не часто, но великолѣпные большіе праздники, одѣвалась, по своему положенію въ свѣтъ, всегда богато, считая долгомъ часть своего достатка употреблять въ поощреніе Русской торговлѣ и гостепріимному Петербургскому обществу или Московскому, когда ей случалось быть въ Москвѣ. Но баловства самой себя она себѣ не позволяла, фантазій разныхъ не имѣла. Даже въ то время, когда поѣздка за границу всѣхъ членовъ Императорской фамиліи уплачивалась казною, она отказывалась не разъ отъ требуемыхъ докторами поѣздокъ, по экономиче-

скимъ и фамильнымъ соображеніямъ, исполненнымъ добросовѣстности и сердечности. Такое же чувство обязанности и благоразумной сдержанности въ своей щедрости вносила она и въ ту личную, частную благотворительность, о которой я упоминала. Начинаящимъ жизнь или дѣятельность, человѣку ли, предпріятію ли, она умѣла помочь стать на ноги и пройти первые трудные, рѣшающіе ихъ будущее, шаги, предоставляя ихъ потомъ собственнымъ окрѣпшимъ силамъ. Разумѣется, не всѣ были довольны, и много несправедливыхъ нареканій навлекало на нее это твердое, разумное дѣйствіе. Постоянная неограниченная помощь слабымъ людямъ или предпріятіямъ, не имѣющимъ жизненной силы, отнимала бы у нея средство на то своевременное пособіе другимъ, которое дороже и плодотворнѣе милліоновъ, въ данныя минуты для людей и предпріятій, имѣющихъ истинную силу и полезную будущность.

Въ своихъ истинныхъ дружескихъ отношеніяхъ она была замѣчательно вѣрна и до конца осталась искреннимъ другомъ друзей своей молодости, какъ напримѣръ графа Петра Петровича Палена, графа Киселева, Либермана, моего отца и другихъ, о которыхъ не упоминаю, или потому, что я ихъ менѣе знала, или потому, что это были не столь долговременныя дружескія отношенія. Искренность ея и истинная дружба, уравнивающая морально отношенія съ нею, не смотря на неравенство званія, такъ трогательно выразились въ ея письмахъ и запискахъ, что лучше всего рисуютъ эту дорогую и рѣдкую черту ея характера и когда нибудь послужатъ лучшимъ отвѣтомъ на клеветы о ея холодности, о ея безсердечіи и нелюбви къ Россіи и Русскимъ, которыхъ мы немало наслушались. Здѣсь не мѣсто и не время для полнаго біографическаго очерка Елены Павловны. Довольно мысль уносилась далеко въ прошедшее, такое далекое по времени, и такое близкое по сердцу. Для меня на минуту ожилъ тотъ блестящій, благородный кругъ, котораго она была центромъ и, вспоминая ее и ихъ, мнѣ приходятъ на умъ и на уста слова, проникнутыя одинаковою мыслию, одинаковымъ духомъ, и Русскаго и Американскаго поэтовъ:

„О милыхъ спутникахъ, которые сей свѣтъ
Своимъ присутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ!
А съ благодарностію: были!“

Жуковский.

O! though oft depressed and lonely
All my fears are laid aside,
If y but remember only
Such as these have lived and died.

Longfellow.

*

«С. Петербургъ 30 Дек. '11 Генв. 1831). Дѣла у насъ, какъ древніе Египетскіе пружи и нынѣшняя саранча, безпрестанно умножаются, пожираютъ все наше время, отнимаютъ всѣ силы, по крайней мѣрѣ у меня. Прибавь къ тому балы, вечеринки, обѣды, на ко-

торые надобно хотъ иногда являться или изъ учтивости, или изъ повиновенія, прибавь необходимые визиты, и что же останется для самого себя, для ума и сердца? И послѣ того, какъ удивляться, что свѣтскіе и такъ называемые государственные люди рѣдко отличаются огнемъ сердца или живостію умственныхъ способностей. Кстати о балахъ, въ прошедшее Воскресенье былъ небольшой, но и не совсѣмъ маленькій балъ у Государя въ концертной залѣ, которая перемѣнила свой цвѣтъ темнаго мрамора на яркій бѣлый и отъ того сдѣлалась не только вдвое свѣтлѣе, красивѣе, но даже, какъ кажется, и вдвое больше; я возвратился и не послѣдній съ этого бала въ половинѣ третьяго. Сегодня звалъ на другой къ молодымъ Дурновымъ, и между сими двумя балами были или будутъ засѣданія Государственнаго Совѣта и три Комитета; я ужъ не говорю о работѣ домашней, которая однакоже требуетъ больше времени и больше вниманія, нежели мнимыя наши веселія и самыя невеселія совѣщанія о дѣлахъ».

«Что еще скажу тебѣ? Здѣсь новая свадьба: графъ Нессельроде выдаетъ дочь свою Елену за молодаго Хрептовича. Говорятъ, но только еще говорятъ, и о другой свадьбѣ: фрейлины и красавицы княжны Щербатовой съ Александровымъ, олігель-адъютантомъ, не очень давно пріѣхавшимъ изъ Варшавы. Онъ вѣроятно будетъ не такъ богатъ, какъ Хрептовичъ, однакожъ, какъ сказываютъ, имѣетъ два или три милліона чистаго капитала. Д. Б.»

*

На этой свадьбѣ, которая точно состоялась, и на этихъ милліонахъ мы и остановимся.

Война съ Польшей кончилась, все возвратилось къ прежнему мирному положенію, и картина того времени, хотя не писана мастерскою кистью, но полная и особенно правдивая, окончена. Князь Вяземскій говоритъ совершенно справедливо, что письма современныхъ всего живѣе рисуютъ духъ и впечатлѣнія времени; и въ отданной мною Русскому Архиву перепискѣ, кажется, довольно ясно рисуются мысли, ощущенія, воззрѣнія на жизнь, на семейныя отношенія, на политическіе и воспитательные вопросы въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Въ этомъ только и могутъ представить нѣкоторый интересъ эти письма, а для меня дорого было правдиво и вѣрно представить тѣ личности историческія, о которыхъ упоминалось здѣсь и которыя такъ часто являются искаженными (можетъ быть и неумышленно) въ статьяхъ и книгахъ, писанныхъ людьми другаго поколѣнія, не знавшаго ни этихъ личностей, ни подробныхъ обстоятельствъ ихъ времени и судящаго только по какимъ нибудь сухимъ официальнымъ документамъ или по клеветамъ враговъ, въ другихъ же случаяхъ даже не враговъ, а пустослововъ, повторяющихъ сплетни «огорченныхъ людей».

Возмутительныя воззванія.

Составленіе и распространеніе возмутительныхъ воззваній и прокламацій не есть явленіе новое въ нашей общественной жизни.

Любопытно прослѣдить, какъ относились къ симъ воззваніямъ и къ способамъ ихъ преслѣдованія различными царствованіями.

Еще въ законодательствѣ древнихъ царей, напр. Феодора Алексѣевича, встрѣчаются постановленія противъ воамутительныхъ воззваній, которыя назывались тогда предестными письмами¹⁾, а также причинными и ватѣйными письмами²⁾.

При императорѣ Петрѣ I-мъ, преобразованія котораго и измѣненія нѣкоторыхъ коренныхъ государственныхъ основъ, какъ напр. порядка престолонаслѣдія, вызывали неудовольствія многихъ и заговоры противъ его правительства, возмутительныя воззванія начали доставляться въ Россію изъ-за границы, гдѣ завелась для сей цѣли типографія, именно въ Данцигѣ. Петръ писалъ въ Москву своимъ боярамъ 24 Февраля 1708 г., что непріятель (т. е. Шведскій король) имѣлъ «цѣлой дружъ словъ Славенскихъ, которыми печатаѣ въ Амстердамѣ Славенскія книги Тесингъ, и по омерти его тотъ мастеръ, не имѣя чѣмъ кормиться, ѣхалъ къ намъ и съ онымъ дружомъ, которой нынѣ у него въ Гданскѣ отъ непріятели ваятъ. Тѣми словами множество всякихъ возмутительныхъ писемъ напечатано во Гданскѣ, которыя хочетъ черезъ шпионовъ посылать въ наши края. Чего для надлежитъ вездѣ сіе объявить всѣмъ и накрѣпко заказать, дабы сего зѣло смотрѣли вездѣ, гдѣ такія письма явятся, чтобы приносили, в паче и тѣхъ ловили, которые оныя приносить будутъ». И бояре, на совѣщаніи своемъ, приговорили: «На Москвѣ къ воротамъ прибить о томъ листы, буде какія письма гдѣ явятся, напечатанныя Славенскими (т. е. Русскими) словами и складомъ Славенскимъ же, къ возмущенію народа или хотя подъ какимъ ни есть лестнымъ образомъ, приводя къ тому же, чтобъ тѣмъ обманомъ народъ привести къ возмущенію. И такимъ письмамъ отнюдь не вѣрять, и у себя не держать, котя будетъ и то въ нихъ написано, будто они на Москвѣ печатаны. А гдѣ и у кого такія письма явятся, такихъ людей ловить и спрашивать, гдѣ кто такія письма взялъ и на кого скажутъ, и тѣхъ людей сыскивать со всякимъ крѣпкимъ прилежаніемъ и присылать къ Москвѣ. А за сыскъ такихъ возмутителей, кто ихъ сыщеть, будетъ имъ его госу-

¹⁾ 31 Декабря 1682 г., 22 Марта 1683 (П. С. З. т. II, № 978 и 1002).

²⁾ 21 Мая 1683 (П. С. З. т. III, № 1014).

рева милость. И о тѣхъ возмутительныхъ письмахъ въ городахъ прибить листы на торжкахъ и гдѣ пристойно, а пойманныхъ возмутителей и письма присылать для розыска въ Преображенскій Приказъ»³⁾).

Кромѣ того, изъ указовъ Петра и Екатерины I-й видно, что, за немѣняемымъ въ то время правильныхъ органовъ гласности, въ Россіи въ большомъ количествѣ распространялись подметныя письма, въ которыхъ люди недовольные правительствомъ не только подвергали критикѣ его дѣйствія, но и возбуждали къ его ниспроверженію.

Всѣ мѣры строгости къ преслѣдованію сочинителей и распространителей подметныхъ писемъ оказывались безсильными, и наконецъ въ 1715 г. Петръ I повелѣлъ не доносить болѣе о подметныхъ письмахъ, а приказалъ, чтобы всѣ лица, которые найдутъ таковыя, при свидѣтеляхъ ихъ сожигали. «Понеже, сказано въ указѣ Января 25-го 1715 года⁴⁾, многія являются подметныя письма, въ которыхъ большая часть воровскихъ и раскольничьихъ вымысловъ, которыми, подъ видомъ добродѣтели, адъ свой изливаютъ: того ради повелѣвается всѣмъ, кто какое письмо подниметь, тотъ бы отнюдь не доносилъ объ немъ, ни же челъ, ни распечатывалъ, но объяви постороннимъ свидѣтелямъ жгли на томъ мѣстѣ, гдѣ подыметь».

Этотъ мудрый указъ измѣнилъ разомъ самый характеръ преступленія, которымъ опредѣлялась виновность лица, не донесеннаго о полученномъ или найденномъ имъ возмутительномъ возваніи или сочиненіи. Изъ преступленія государственнаго оно обратилось въ проступокъ менѣе тяжкій, почти полицейскій, легко обнаруживаемый дознаніемъ и наказуемый справедливымъ примѣненіемъ наказанія за неисполненіе закона предписаннаго.

При Петрѣ III наше правительство пошло еще далѣе въ измѣненіи тогдашняго строго-розыскаго порядка производства политическихъ дѣлъ. Указомъ 21 Февраля 1762 г. закрыта вовсе тайная розыскная канцелярія, при чемъ правительство объясняло, «что къ открытію ея и слѣдовательно къ установленію такого тайнаго производства побудили Петра I-го тогдашнихъ временъ обстоятельства и неисправленные еще въ народѣ нравы».

Указъ этотъ подтверждаетъ былъ указомъ императрицы Екатерины II-й отъ 19 Сентября 1762. Но такъ какъ въ царствованіе этой императрицы недоброжелатели ея продолжали смущать общество разнаго рода возмутительными возваніями, то императрица манифестами увѣщевала свой народъ не «прибѣгать къ дерзостнымъ возваніямъ, но смотрѣть, сколько она принимаетъ заботъ для счастья страны».

Приведемъ одинъ изъ подобнаго рода замѣчательныхъ манифестовъ.

«Нѣтъ въ свѣтѣ государства, о благополучіи котораго не прилагали бы владѣтели и правительства ихъ всевозможнаго старанія и трудовъ, къ возстановленію въ высшую степень благоденствія всѣхъ живущихъ въ оныхъ обитателей. Нѣтъ такихъ и подданныхъ, кои бы,

³⁾ 24 Февраля 1708 (П. С. З. т. IV, 2489).

⁴⁾ Полн. Собр. Зак. т. V, 3877.

имѣя благоразумныя мысли, не желали себѣ всякаго добра, тишины и спокойствія, тѣмъ, что благополучіе подданныхъ есть истинное и прямое благополучіе самихъ государей; а единодушное и неразвратное попеченіе прямыхъ сыновъ отечества о пользѣ общей—непоколебимое тому утвержденіе. Мы, со дня самаго вступленія нашего на Всероссійскій Престолъ, сему правилу послѣдуемъ и, Богу содѣйствующу въ сердцахъ нашихъ, никогда о пользѣ и всеобщемъ добрѣ нашихъ подданныхъ не пешишь (яко мать о дѣтяхъ своихъ) не оставимъ, въ чемъ да уравить и укрѣпить насъ Его-жь рука святая. Въ слѣдствіе сего равное же желаніе и воля наша есть, чтобъ всѣ и каждой изъ нашихъ вѣрноподданныхъ единственно прилежалъ своему званію и должности, удаляясь отъ всякихъ продерзкихъ и непристойныхъ разглашеній. Но, противу всякаго чаянія, къ крайнему нашему присорбію и неудовольствію, слышимъ, что являются такіе развращенныхъ нравовъ и мыслей люди, кои не о добрѣ общемъ и спокойствіи помышляютъ, но какъ сами заражены странными разсужденіями о дѣлахъ, совсѣмъ до нихъ не принадлежащихъ, не имѣя о томъ прямого свѣдѣнія, такъ стараются заражать и другихъ слабоумныхъ, и даже до того попускаютъ свои слабости въ безразсудномъ стремленіи, что касаются дерзостно своими истолкованіями не только гражданскимъ правамъ и правительству и нашимъ издаваемымъ уставамъ, но и самымъ Божественнымъ законамъ, не воображая знатно себѣ нимало, какимъ таковыя непристойныя умствованія подвержены предосужденіямъ и опасностямъ. И хотя таковыя зловредныя истолкователи праведно заслуживаютъ достойную себѣ казнь, яко спокойствію нашему и всеобщему вредны; но мы, прежде употребленія въ сему случаѣ всей строгости, по природному нашему человѣколюбію, всѣхъ таковыхъ зараженныхъ неспокойными мыслями матерински увѣщаемъ удалиться отъ всякихъ вредныхъ разсужденій, нарушающихъ покой и тишину, прилежати единственно званію своему, и препровождая время не въ праздности или невѣжествѣ и буянствѣ, но въ полезныхъ и свойственныхъ каждому упражненіяхъ, на пользу свою и ближняго. А если сіе наше матернее увѣщаніе и попеченіе не подѣйствуетъ въ сердцахъ развращенныхъ и не обратитъ на путь истиннаго блаженства: то вѣдалъ бы всякъ изъ таковыхъ невѣждей, что мы тогда поступимъ уже по всей строгости законовъ, и неминуемо преступники почувствуютъ всю тяжесть нашего гнѣва, яко нарушители тишины и презрители нашей высочайшей воли. Однакожь мы надѣемся прежде отъ всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, что они, видѣвъ нашу къ себѣ материнскую любовь и попеченіе, взаимною другъ другу помощію и съ Христіанскою любовію проживутъ въ спокойствіи и тишинѣ, и истребятъ всякую вредность и непристойныя званію ихъ развращенныя истолкованія и конечно всѣхъ такихъ рѣчей и неприличныхъ выраженій удалятся, къ особенному своему спокойствію, а тѣмъ самымъ приобрѣтутъ себѣ щедроту и благословеніе Божіе и нашу монаршую милость, довѣренность и благоволеніе, ко умноженію всеобщаго благоденствія.

Не менѣ замѣчателенъ въ этомъ отношеніи манифестъ императрицы Екатерины отъ 24 Октября 1762 г., извѣщавшій о замыслахъ Хрущева и Гурьева. Вотъ его вступительныя слова:

«Всѣмъ вѣрно намъ подданнымъ объявляемъ. Каждый вѣдаетъ разумный и благонамѣренный сынъ отечества, что власть надъ нимъ предержавшая для его же добра установлена отъ Бога, которой онъ повиноваться долженъ для своего и ближняго своего благоденствія. Почему и оскорбители оныя, яко противляющіеся Богу и яко нарушители общаго покоя, суть такіе преступники, которыхъ слово Божіе и законъ гражданскій осуждаютъ быть не только извергами своего отечества, но и въ родѣ человѣческомъ нетерпимыми. Мы можемъ, не похвалившись предъ Богомъ, цѣлому свѣту сказать, что отъ руки Божіей пріяли Всероссійскій Престолъ не на свое собственное удовольствіе, но на расширение славы его и на учрежденіе добраго порядка и утвержденіе правосудія въ любезномъ нашемъ отечествѣ. Къ сему достохвальному намѣренію мы приступили не словомъ, но истиннымъ дѣломъ и о добрѣ общемъ ежедневно печемся, едино полагая то въ намѣреніи, чтобъ радостію, удовольствіемъ и порядкомъ нашихъ подданныхъ, принимая себѣ оныя воздаяніемъ, видѣть внутреннюю тишину и благосостояніе нашей имперіи. Таковымъ средствомъ мы желаемъ прославить Бога, и таковымъ путемъ мы ищемъ достигнуть вѣчнаго себѣ отъ Него воздаянія. Но при сихъ нашихъ чистосердечныхъ намѣреніяхъ, къ чувствительному нашему сожалѣнію, нашлись въ самомъ нашемъ здѣшнемъ столичномъ городѣ такіе неспокойные люди, которые, возненавидя свое и общее блаженство и будто бы не токмо прилежныя изобрѣтатели своего злоключенія, но и живота своего отчаянные злодѣи, презрѣвъ страхъ Божій и не помышляя о потеряннн временнаго и вѣчнаго своего живота, покусились и дерзнули дѣлать умыселъ къ испроверженію Божію о насъ Промысла и къ оскорбленію нашего величества, и тѣмъ безумно вознамѣрились похитить Богомъ врученнаго намъ народа общее блаженство, о которомъ мы безпрестанно трудимся съ матернимъ попеченіемъ» и т. д.

Императоръ Александръ Павловичъ 2 Апрѣля 1801 г. вновь отмѣнилъ тайный розыскной порядокъ производства политическихъ дѣлъ слѣдующимъ достопамятнымъ манифестомъ.

«Нравы вѣка и особыя обстоятельства временъ протекшихъ побудили государей предковъ нашихъ между прочими временными постановленіями учредить тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію, которая подъ разными именами и на разныхъ правилахъ даже до временъ вселюбезнѣйшей бабки нашей Государыни Императрицы Екатерины II-й существовала. Признавъ судилище сіе установленному въ Россіи образу правленія несвойственнымъ и собственнымъ правиламъ ея толико противнымъ, въ 1762 г. изданнымъ манифестомъ, она торжественно его уничтожила и отвергла. Такимъ образомъ имя сей канцеляріи было уже въ положеніяхъ закона изглажено; между тѣмъ однакоже, по уваженію обстоятельствъ, признано было нужнымъ продолжить ея дѣйствіе подъ названіемъ тайной канцеляріи со

всевожможнымъ умѣреніемъ правилъ ея личноу мудростію и собственнымъ высочайшимъ всѣхъ дѣлъ разсмотрѣніемъ. Но какъ съ одной стороны въ послѣдствіи времени открылось, что личныя правила, по самому существу своему переменѣнъ подлежація, не могли положить надежнаго оплота злоупотребленію, и потребна была сила закона, чтобы присвоить положеніямъ симъ надлежащую непоколебимость, а съ другой разсуждая, что въ благоустроенномъ государствѣ всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона: мы признали за благо не только названіе, но и самое дѣйствіе тайной экспедиціи навсегда упразднить и уничтожить, повелѣвая всѣ дѣла въ оной бывшія отдать въ государственнй архивъ къ вѣчному забвенію; на будущее же время вѣдать ихъ въ 1-мъ и 5-мъ Департаментѣ Сената и во всѣхъ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ вѣдаются дѣла уголовныя.

«Сердцу нашему пріятно вѣрить, что, сливая пользы наши съ пользами нашихъ вѣрноподданныхъ и поручая единому дѣйствію закона охраненіе имени нашего и государственной цѣлости отъ всѣхъ прикосновеній невѣжества или злобы, мы даемъ имъ новое доказательство, колико удостовѣрены мы въ вѣрности ихъ къ намъ и престолу нашему и что пользы нашихъ никогда не раздѣляемъ мы отъ ихъ благосостоянія, которое едино составлять всегда будетъ все существо мыслей нашихъ и воли».

Извѣстно, что въ послѣдніе годы своего царствованія императоръ Александръ I-й подъ вліяніемъ графа Аракчеева во многомъ измѣнилъ взглядъ свой, и сердце его утратило вѣру въ охрану закона отъ прикосновеній невѣжества или злобы. Въ этотъ періодъ времени нѣтъ слѣдовъ какихъ либо прокламацій или возмутительныхъ воззваній; не менѣе того обнаружившееся 14 Декабря возстаніе свидѣтельствуетъ, что не одни жалкія прокламаціи ожесточенныхъ и сбитыхъ съ толку юношей могутъ служить мѣриломъ общественнаго спокойствія и выраженіемъ общественнаго настроенія. Ужасной рѣзнѣ во время бунта въ военныхъ поселеніяхъ также не предшествовали никакія прокламаціи; и однако достаточно было одного ничтожнаго предлога, чтобы вызвать наружу все затаенное неудовольствіе несчастныхъ жертвъ Аракчеевскаго благоустройства.

Въ наши дни, печатавшіяся въ Лондонѣ изданія Герцена и Огарева немедленно утратили политическую ядовитость свою и за тѣмъ прекратились, какъ скоро подвергнуты были обсужденію и разбору въ Русской поврежденной печати.

Изъ приведеннаго историческаго очерка видно, что возмутительныя воззванія въ Россіи дѣло давно бывалое и что существованіе ихъ всегда съ пользою было оглашаемо самимъ правительствомъ, которое не напрасно полагалось на дружное содѣйствіе самаго общества въ необходимомъ отпорѣ зловреднымъ ученіямъ.

Мое знакомство и переписка съ С. А. Соболевскимъ.

Соболевскій давно былъ извѣстенъ не только библиофиламъ и библиографамъ, но и многимъ изъ читателей периодическихъ изданій, въ которыхъ онъ помѣщалъ, по временамъ, свои замѣтки или небольшія статьи о Русскихъ и иностранныхъ книгахъ. Имя Соболевскаго встрѣчается нерѣдко въ письмахъ и біографіяхъ нашихъ знаменитыхъ поэтовъ, литераторовъ и композиторовъ. Хотя Соболевскій и не принадлежалъ къ числу такихъ общественныхъ дѣятелей, о которыхъ еще при жизни ихъ помѣщаютъ біографіи въ словаряхъ и лексиконахъ; но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ полезнымъ членомъ общества и своими библиографическими познаніями оказалъ немало услугъ не только бібліотекамъ частныхъ лицъ, но и общественнымъ книгохранилищамъ, которыхъ онъ былъ почетнымъ членомъ.

С. А. Соболевскій родился въ Ригѣ 10 Сентября 1803 года и скончался въ Москвѣ 6 Октября 1870 года, на 68 году отъ рожденія. Онъ нѣсколько разъ бывалъ за границу, имѣлъ обширное знакомство и связи со многими болѣе или менѣе извѣстными личностями, постоянно находился въ кругу представителей литературы, искусствъ и художествъ, велъ дѣятельную переписку съ Русскими и иностранными учеными, библиографами и библиофилами,—словомъ, жилъ умственною дѣятельностію и сочувствовалъ всему полезному въ наукѣ.

Подробная и полная біографія такого замѣчательнаго въ многихъ отношеніяхъ человѣка могла бы быть не только весьма интересною, но и доставить немало, еще неизвѣстныхъ, эпизодовъ изъ жизни Пушкина, Грибоѣдова, Глинки, Брюлова, Мицкевича и другихъ знаменитостей, съ которыми Соболевскій имѣлъ дружескія сношенія.

Я давно былъ слышанъ о Соболевскомъ, какъ о библиофилѣ и знатокѣ книгъ, но лично его не зналъ до 1868 года. Съ этого только времени у меня началась переписка съ Соболевскимъ, которая, впоследствии, доставила мнѣ возможность познакомиться съ нимъ лично и пользоваться его дружескимъ расположеніемъ. Въ продолженіи слишкомъ двухъ лѣтъ мы вели постоянно библиографическую переписку, въ которой съ откровенностію и безпристрастіемъ высказывали свои мнѣнія и сужденія о разныхъ книгахъ, о ихъ достоинствахъ и рѣдкости, а иногда писали и о другихъ предметахъ, имѣвшихъ какое либо отношеніе къ библиографіи. Такихъ писемъ Соболевскаго у меня находится около ста, и я сохраняю ихъ какъ драгоценный для меня памятникъ взаимной дружбы и душевнаго расположения.

Моя переписка съ Соболевскимъ началась весьма оригинальнымъ образомъ. Въ 1868 году я началъ печатаніе составленнаго мною каталога книгъ, подъ заглавіемъ: «Матеріалы для бібліографіи». Это описаніе книгъ должно было состоять изъ восьми или десяти книжекъ, изъ которыхъ первыя четыре книжки уже были отпечатаны къ Маю мѣсяцу и поступили въ продажу. Въ первой изъ этихъ книжекъ, на 5-й страницѣ, было помѣщено заглавіе одной весьма рѣдкой иностранной книги, напечатанной въ Нюренбергѣ, въ 1508 году, Нѣмецкими готическими буквами. При книгѣ находился небольшой лоскутокъ бумаги съ надписью, сдѣланною кѣмъ-то карандашемъ: «Старинная масонская книга на Нѣмецкомъ языкѣ». Разсматривая эту старинную книгу, я съ трудомъ могъ прочесть въ ней нѣсколько строкъ и, не обративъ надлежащаго вниманія на ея содержаніе, основываясь на словахъ приложенной къ ней записки и напечаталъ въ своихъ «Матеріалахъ для бібліографіи», что означенная книга мистическаго содержанія о масонствѣ. Въ началѣ Іюня, а именно 5 числа, я неожиданно получаю, изъ типографіи Глазунова, гдѣ печатались мои книжки, письмо отъ Соболевскаго. Въ этомъ письмѣ онъ увѣдомлялъ меня, что у него находится точно такая же книга, какая означена у меня въ первой книжкѣ моихъ матеріаловъ, но только его книга Нѣмецкая, а моя — Голандская; въ его книгѣ содержится собраніе древнихъ путешествій въ Америку, а въ моей будто-бы мистика, что ставитъ его въ недоумѣніе, и потому, пишетъ онъ, «я предполагаю слѣдующее:

А) что вы ошиблись, называя вашу книгу Нѣмецкою: она Голандская.

В) Что это переводъ моей книги на Голандскій языкъ съ Нѣмецкаго или прямо съ Итальянскаго. (ибо моя книга есть переводъ съ Итальянскаго подлинника, Vissela, 1507).

С) Что слѣдовательно она есть не мистическаго содержанія, а собраніе путешествій. Прошу васъ почтить меня немедленнымъ отвѣтомъ. Готовый къ услугамъ С. Соболевскій. Москва, 3 Іюня 1868».

По полученіи этого письма, я со вниманіемъ разсмотрѣлъ загадочную для меня книгу и, убѣдясь въ своей ошибкѣ, тотчасъ же написалъ Соболевскому отвѣтъ на его письмо, приложивъ къ нему и факсимиле съ заглавнаго листа книги. Съ этого времени у меня началась чуть не ежедневная переписка съ Соболевскимъ о заинтересовавшей его книгѣ; онъ увѣрялъ меня, что книга моя Голандская, а я утверждалъ, что она на древнемъ Нѣмецкомъ языкѣ, platt-deutsch. Каждый изъ насъ, разумѣется, старался отстаивать свое мнѣніе и, въ слѣдствіе этого, С. А. прислалъ мнѣ пространное письмо, въ которомъ съ подробностію выписалъ изъ бібліографій, грамматикъ и лексиконовъ тридцать Нѣмецкихъ мѣстностей, имѣющихъ свои особыя нарѣчія и грамматики, чѣмъ старался убѣдить меня, что нарѣчія platt-deutsch или nieder-deutsch употреблялись въ Голандіи въ 1508 году: почему и слѣдуетъ книгу мою назвать Голандскою. «Если, пишетъ онъ, опредѣлять ея нарѣчіе съ строгою точностію, то слѣдуетъ сказать, что она написана на древне-Голандско-Марко-Меклем-

бурго - Померано - Прусско - Саксонскомъ!!! Хотя я поголандски знаю лишь на столько, чтобы читать свободно прозу (а не поэтическія произведенія), но я всего болѣе по этому моему недостаточному познанію догадался, что книга Нѣмецкая (hoch-deutsch), а вовсе не потому, что я знаю хорошо пошмекте; а Нѣмецкій языкъ можетъ называться моимъ роднымъ: ибо я родился въ Ригѣ, и онъ былъ мною употребляемъ прежде Русскаго и всякаго другаго.

Въ одномъ письмѣ я выразился, что весьма было бы полезно для исторіи библиографіи, если бы каждый имѣющій библиотеку издавалъ описаніе своихъ книгъ. На такое замѣчаніе я получилъ отъ Соболевскаго письмо слѣдующаго содержанія:

...«Вы очень справедливо замѣчаете, что описаніе библиотекъ составляетъ лучшій матеріалъ для библиографіи; я же прибавлю, что таковыя описанія, какъ составленное вами, есть драгоценный матеріалъ для исторіи словесности; что же касается собственно библиографіи (то-есть наружной исторіи и описанія книгъ), то на этотъ счетъ смѣю вамъ замѣтить нѣкоторые недостатки и ошибки. Если бы спросили у меня, какое право я имѣю на это, то я отвѣчу слѣдующее: 1) мнѣ 64 года; 2) я въ теченіи 35 лѣтъ собралъ библиотеку въ 25000 томовъ, за которую мнѣ книгопродавцы, нарочито пріѣзжавшіе сюда изъ-за границы, предлагали 50000 талеровъ (вѣроятно, считывая на барышъ, а не на убытокъ); 3) что я рыскалъ многожды по всей Европѣ для закупокъ; 4) что я почетный членъ Императорской Библиотеки и здѣшняго Музея и, наконецъ, 5) что о моей библиотекѣ часто упоминаетъ и послѣднее изданіе Manuel de Brunet, въ которомъ послѣднее слово 1-го тома—мое имя, какъ сотрудника. Кромѣ того, библиотека Чертнова и Голицына *) здѣсь поручались владѣльцами моему надзору, и устройство ихъ въ нынѣшнемъ видѣ сдѣлано мною. Приобрѣта такимъ образомъ нѣкоторую опытность въ библиографіи, подкрѣпленную знаніемъ большей части Европейскихъ языковъ, я, кажется, имѣю право говорить о дѣлѣ этомъ, какъ о близко мнѣ знакомомъ... Изъ доставленной мнѣ копіи послѣсловія я вижу, что ваша Голандская (platt-deutsch) книга есть переводъ съ того подлинника, который указанъ мною (въ первомъ письмѣ) какъ напечатанный въ Вісепга 1507, многожды перепечатаннаго въ первой половинѣ XVI столѣтія и переведеннаго тогда же на многіе языки; у меня есть переводы на Французскій, на Латинскій, но вашего на Голандскій у меня нѣтъ. Если бы вы задумали разстаться съ этой книгою для пополненія моего собранія, то я приму такое предложеніе съ радостію... ибо главныя спеціальности моей библиотеки суть книги о путешествіяхъ и библиографіи»...

На предложеніе Соболевскаго я поспѣшилъ заявить ему, что, дорожа своею книгою, какъ замѣчательною библиографическою рѣдкостію, не могу уступить ее ни за какія деньги, и вообще не расстаюсь ни съ какою книгою, поступившею въ мою библиотеку. Въ отвѣтъ на это Соболевскій писалъ.... «Касательно того, что вы не разстаетесь ни съ какою книгою, я не вашего мнѣнія; напротивъ того: я

*) Князя С. М. Голицына. П. Б.

всегда радъ услужить специалисту въ его специальности и дать ему способъ пополнить свой отдѣлъ такою книгою, которая не входитъ въ мои главные отдѣлы и только сохраняю ее потому, что она представляетъ нѣкоторую рѣдкость. Мнѣ случалось, даже часто, покупать книги для другихъ, безъ ихъ спросу, но только потому, что имъ это должно быть пріятно. Ежели же дѣло идетъ до публичныхъ библіотекъ, то я пополненіе считаю долгомъ; тамъ напримѣръ, я считалъ бы грѣхомъ не снабдить СПБ. библіотеку книгою о Россіи, въ ней не имѣющеюся, хотя бы даже она меня сильно интересовала и служила пополненіемъ которой нибудь изъ моихъ любимыхъ серій. Съ частными людьми я поступаю иначе: свою специальность предпочитаю ихъ специальности; но, какъ сказано выше, всегда готовъ пожертвовать капризомъ ихъ справедливому желанію.... Я уже имѣлъ честь вамъ писать, что и миллионеру-библіофилу слѣдуетъ не тратить времени и денегъ безъ опредѣленныхъ специальностей, а опредѣлить специальность болѣе или менѣе обширную и по карману, и по другимъ отношеніямъ. Если бы я не имѣлъ случая, изъ важныхъ торговыхъ дѣлъ, безпрестанно ѣздить съ одного конца Европы на другой, то я бы вѣрно не достигъ ничего порядочнаго по собранію книгъ о географіи и библіографіи. Чтѣ скажу объ этихъ отдѣлахъ у себя? Они въ глазахъ знатоковъ чрезвычайно полны, не хуже любыхъ публичныхъ библіотекъ; но въ моихъ глазахъ—мнѣ бы нужно прожить еще не менѣе 25 лѣтъ, чтобы попасть по случаю на многое и истратить еще болѣе того, что потрачено мною, сотни тысячъ, чтобы быть довольнымъ ихъ полнотою».

Такъ продолжали мы вести переписку до конца Іюня мѣсяца, оставаясь знакомыми незнакомцами. Я весьма заинтересовался перепискою съ Соболевскимъ и очень желаю познакомиться съ нимъ лично, ожидая къ тому удобнаго случая. Въ концѣ Іюня мѣсяца, намѣреваясь сѣздить въ нѣкоторые старинные Русскіе города, а въ томъ числѣ и въ Москву, я написалъ къ Сергію Александровичу о своемъ намѣреніи и желаніи съ нимъ познакомиться и лично побесѣдовать о библіографіи, но при этомъ просилъ уведомить меня, въ какое время можно явиться къ нему, чтобы не отвлечь его отъ занятій, не быть гостемъ хуже Татарина. На мое письмо Соболевскій отвѣчалъ 20 Іюня.... «Хотя я всегда занятъ, но никакъ не бойтесь быть у меня Татариномъ: мнѣ всегда пріятно будетъ васъ видѣть, и я не называю оторваться отъ дѣла—бесѣду съ другомъ-библіофиломъ... Ожидаю васъ въ концѣ мѣсяца и поэтому откладываю свой отъѣздъ (въ Петербургъ). Fac-simile съ предисловія (Голандской книги) для меня очень желательно, но если вы привезете и самую книгу, то мнѣ пріятно будетъ посмотреть на нее для точнаго описанія и внести оное въ Bibliotheca vetustissima Americana, которая великолѣпно издана нѣкимъ г-мъ Hanisse въ Нью-Йоркѣ и которую вы увидите у меня».

27 Іюня, пріѣхавъ въ Москву, я отправился къ Соболевскому. Онъ жилъ на Смоленскомъ бульварѣ, въ домѣ кн. Волконскаго. Скоро оты-

скалъ я этотъ домъ и, вѣхавъ на дворъ, усыпанный пескомъ, остановился у подъѣзда двухэтажнаго дома. Вышедъ изъ кабриолета и подойдя къ дверямъ, я увидалъ на нихъ двѣ мѣдныя дощечки съ надписями, на одной: В. Ѡ. Одоевскій, а на другой: С. А. Соболевскій. Въ это же самое время изъ соедѣннаго флигеля вышелъ ко мнѣ человекъ въ черномъ фракѣ и, узнавъ, что я пріѣхалъ къ Соболевскому, поспѣшилъ отпереть мнѣ двери у подъѣзда. Только что я успѣлъ войти въ переднюю и снять съ себя пальто, какъ въ ту же минуту вышелъ ко мнѣ мужчина преклонныхъ лѣтъ, высокаго роста, съ сѣдыми, довольно длинными волосами и небольшою Наполеоновскою бородкою. Онъ былъ одѣтъ по домашнему, въ коломеновомъ пиджакѣ и такихъ же брюкахъ свѣтло-гороховаго цвѣта. Опросивъ мою фамилію, онъ дружески протянулъ мнѣ руку и просилъ войти. Это былъ Сергій Александровичъ Соболевскій, которому и тотчасъ же рекомендовался и поднесъ экземпляръ «Матеріаловъ для библіографіи», прося его принять въ знакъ моего искренняго расположенія.—«Благодарю васъ, сказалъ Соболевскій, и весьма радъ съ вами познакомиться». Послѣ этихъ словъ онъ повелъ меня въ кабинетъ, чрезъ комнаты, уставленные шкафами съ книгами.

Войдя въ кабинетъ, Соболевскій попросилъ меня сѣсть поближе къ нему, а самъ сѣлъ въ волтеровское кресло съ высокою спинкою и съ пулпитромъ, на которомъ лежали раскрытыми мои «Библіографическіе Матеріалы». У насъ сей-часъ же начался разговоръ о книгахъ и о моемъ изданіи. Замѣтивъ, что я обращаю вниманіе на его комнату, Соболевскій сказалъ: «Я живу, какъ старый холостякъ, совершенно одинъ, и эта комната служитъ мнѣ и кабинетомъ, и спальною; книги, которыя вы здѣсь видите, относятся всѣ къ библіографическому отдѣлу; тутъ вы найдете всѣ каталоги и все необходимое для библіофила. Такъ какъ эти книги мнѣ очень часто требуются для справокъ, то и размѣщены не въ шкапахъ, а на полкахъ, нарочно для нихъ сдѣланныхъ, безъ стеколъ и безъ дверей». Я спросилъ: есть ли между этими книгами рѣдкое изданіе Палаты Академіи? Соболевскій, тотчасъ же вставъ съ кресель, досталъ означенную книгу и съ улыбкою передалъ мнѣ; потомъ показавъ еще нѣсколько замѣчательныхъ библіографическиххъ сочиненій на Русскомъ и иностранныхъ языкахъ.—«Какъ вамъ уже извѣстно, сказалъ Соболевскій, моя бібліотека состоитъ преимущественно изъ двухъ отдѣловъ: путешествій и библіографіи, которыя содержатъ въ себѣ все, что есть лучшаго по этимъ предметамъ; но, кромѣ этихъ сочиненій, у меня есть немало и другихъ, почему либо замѣчательныхъ или рѣдкихъ». Пойдемте, я покажу вамъ всю свою бібліотеку и ея рѣдкости».

Соболевскій повелъ меня чрезъ всѣ комнаты своей довольно обширной квартиры, находившейся въ нижнемъ этажѣ; одна половина ея состояла изъ комнатъ, расположенныхъ окнами въ садъ, а другая—во дворъ. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ окна были закрыты ставнями отъ палящихъ лучей солнца, а потому въ нихъ было довольно темно. Въ каждой комнатѣ, вдоль стѣнъ, стояли небольшой величины книжные шкафы, а на срединѣ длинныя письменныя столы

съ атласами и ландкартами. При обзорѣннн комнатъ, я замѣтилъ Соболевскому, что такое удобное помѣщеніе для библіотеки, какое у него, рѣдко найдется въ частныхъ домахъ, и въ случаѣ переѣзда на другую квартиру встрѣтится большое затрудненіе. «Мнѣ нигуда не придется переѣзжать, сказалъ Соболевскій; я условился съ владѣльцемъ дома, чтобы эта квартира принадлежала мнѣ до конца жизни, и потому размѣстилъ въ ней свою библіотеку какъ въ собственномъ своемъ домѣ. Всѣ мои книжные шкафы сдѣланы по моему образцу и въ моей квартирѣ, по расположенію комнатъ. Во всѣхъ шкафахъ ввинчены одинаковые замки, которые отпираются однимъ ключемъ, что очень удобно и не отнимаетъ времени на отыскиваніе ключей».

По обзорѣнн всѣхъ комнатъ и книжныхъ шкафовъ, мы возвратились въ прежній кабинетъ и, черезъ нѣсколько времени, перешли изъ него въ сосѣднюю комнату. Тутъ я занялся разсмотрѣніемъ равныхъ книгъ, между которыми видѣлъ весьма рѣдкія изданія Юрнатовъ и Камеръ-Фурьерскихъ Журналовъ; неоконченный печатаніемъ пятый томъ Грамотъ и Договоровъ, слѣдующій къ изданію графа Румянцова; сочиненія Карамзина, напечатанныя въ двухъ небольшихъ томикахъ въ Венеціи; полную 39-ю часть Россійскаго Театра; собраніе масонскихъ пѣсенъ и нѣсколько другихъ книгъ.

Отсюда мы пошли въ слѣдующія комнаты, гдѣ помѣщались книги относительно путешествій по Россіи, географіи, этнографіи, топографіи и проч. Здѣсь я въ особенности обратилъ вниманіе на рѣдкій атласъ, изданный къ путешествію Сарычева и на иностранныя изданія Герберштейна, Оларія и Мейерберга.

Потомъ Сергѣй Александровичъ повелъ меня въ небольшую комнату съ двумя окнами, расположенную во дворъ. Въ ней находились разныя рукописи Соболевскаго и письма къ нему отъ разныхъ лицъ. По срединѣ комнаты стоялъ высокій станивъ съ подвижными полками, а за нимъ помѣщался шкафъ, выкрашенный черною краскою и особеннаго устройства со съемнымъ ящикомъ. Въ этомъ ящикѣ сохранялись у него особенно рѣдкія книги, которыя, въ случаѣ пожара, легко было вынести и спасти. Позади шкафа помѣщалась переписка Соболевскаго съ разными лицами; она была съ тщательностію переплетена въ прекрасные переплеты большаго формата и разставлена на полкѣ въ алфавитномъ порядкѣ и по годамъ. Вдоль стѣны, на полкахъ, стояли картонныя коробки съ рукописями и разными бумагами Соболевскаго.

Съ величайшимъ любопытствомъ разсматривалъ я многотомную библіотеку Соболевскаго и до того былъ занятъ его разговорами, что совершенно позабылъ о времени. Бесѣда моя съ Соболевскимъ продолжалась до пяти часовъ и окончилась только потому, что мы оба вздумали объ обѣдѣ. Карета Соболевскаго уже давно ожидала его, чтобы везти къ обѣду въ Англійскій клубъ, гдѣ онъ состоялъ членомъ и завѣдывалъ библіотекою. Прощаясь съ Соболевскимъ, я сказалъ, что мнѣ очень желательно доставить нѣсколько экземпляровъ моихъ «Матеріаловъ для библіографіи» нѣкоторымъ лицамъ и библіо-

текамъ въ Москвѣ, но не знаю, какъ это исполнить. Соболевскій съ удовольствіемъ вызвался принять на себя этотъ трудъ и просилъ привезти къ нему предназначенные экземпляры въ Субботу, часу въ первомъ; при прощаніи онъ подарилъ мнѣ каталогъ библиотеки г. Черткова, подписавъ на оберткѣ его: «за прилежаніе и успѣхи въ библиографіи» и три тома Записокъ Туманскаго о Петрѣ Великомъ, не достававшихъ въ моемъ экземплярѣ и купленныхъ имъ нарочно для меня.

Такъ происходило мое первое свиданіе и началось знакомство съ библиофиломъ и библиографомъ С. А. Соболевскимъ.

Въ Субботу, 29 Іюня, былъ праздникъ св. Апостоловъ Петра и Павла. Желая воспользоваться прекрасною погодою, я отправился утромъ въ Симоновъ монастырь къ обѣднѣ, а оттуда прошелъ на Старое Симоново, чтобы поклониться праху славныхъ въ исторіи инокъ Пересвѣта и Ослябя и обозрѣть ихъ могилу. День былъ чрезвычайно жаркій; и я немало утомился, пройдя полемъ разстоніе версты въ двѣ или болѣе, подъ лучами полящаго солнца. По возвращеніи моемъ въ гостиницу, не смотря на свое утомленіе и усталость я тотчасъ же отправился къ Соболевскому съ нѣсколькими экземплярами моихъ Матеріаловъ.

Сергій Александровичъ уже давно ожидалъ меня, сидя въ своемъ обычномъ креслѣ. Въ рукахъ у него были книжки Матеріаловъ, закрѣпленныя шнурами къ особому переплету. Послѣ перваго привѣтствія, я рассказалъ ему о своей поездкѣ въ Симоново и о видѣнной мною могилѣ инокъ. При этомъ у насъ начался разговоръ о нѣкоторыхъ Московскихъ древностяхъ и о знатокахъ ихъ Иванѣ Михайловичѣ Снегиревѣ. «Да, сказалъ Соболевскій, у насъ, Москвичей, онъ одинъ изъ замѣчательныхъ знатоковъ Русской археологіи, въ особенности церковной; но, къ общему сожалѣнію, въ настоящее время онъ находится въ весьма болѣзненномъ состояніи и, кажется, на всегда потерявъ для науки».... Затѣмъ мы перешли къ библиографіи, разговоръ о которой Соболевскій началъ словами: «Я почти не расстаюсь съ вашими книжками и уже много выучилъ изъ нихъ наизусть, а все же не могу находить желаемыхъ мною сочиненій. Очень жаль, что вы напечатали ихъ безъ оглавленій и безъ послѣдовательной нумерации страницъ; безъ этихъ двухъ необходимыхъ принадлежностей каждой справочной книги въ нихъ ничего нельзя отыскать». На замѣчаніе Соболевскаго я отвѣчалъ, что это затрудненіе временное, и что при послѣдней книжкѣ приложу два алфавитныя оглавленія какъ сочиненій, такъ и фамилій авторовъ. «Готовъ словамъ я вашимъ вѣрить и терпѣливо ждать конца», сказалъ, улыбаясь, Соболевскій. Ваши слова, замѣтилъ я ему, напомнили мнѣ стихи Баратынскаго, вырѣзанные на его могильномъ памятникѣ. Заговоривъ о поэзіи, я коснулся А. С. Пушкина, друга и сотоварища Соболевскаго, при чемъ замѣтилъ, что стихи Пушкина я любилъ почти съ дѣтства, заучивалъ наизусть цѣлыя его поэмы и до сихъ поръ съ благоговѣніемъ произношу имя безсмертнаго поэта. «И такихъ почитателей Пушкина, какъ вы, найдется не одна тысяча

людей въ Россіи, сказалъ Соболевскій. Да, Александръ Сергѣевичъ былъ ко мнѣ весьма расположенъ и, какъ другу, повѣрялъ свои задушевные мысли. Его стихотвореніе «Братья разбойники» было издаемо мною, да и въ изданіи Руслана и Людмилы я также принималъ большое участіе вмѣстѣ съ Львомъ Сергѣевичемъ. Въ знакъ особаго ко мнѣ расположенія Пушкинъ напечаталъ одинъ экземпляръ своей поэмы Цыганы на пергаментѣ и преподнесъ его мнѣ; въ послѣдствіи я отдалъ этотъ экземпляръ князю Николаю Ивановичу Трубецкому. Съ братомъ Пушкина Львомъ Сергѣевичемъ я вмѣстѣ воспитывался въ благородномъ пансіонѣ, а впослѣдствіи былъ опекуномъ надъ его дѣтьми. Если вы такой восторженный почитатель Александра Сергѣевича, то пойдите, я покажу вамъ подлинныя его письма къ этому Льву Сергѣевичу. Они были напечатаны въ Библиографическихъ Запискахъ въ 1858 году и, вѣроятно, у васъ имѣются; но я вамъ подарю экземпляръ въ отдѣльномъ оттискѣ, которыхъ отпечатано 110 экземпляровъ». Послѣ этихъ словъ Сергій Александровичъ повелъ меня въ ту комнату, гдѣ сохранялись его рукописи и переписка съ разными лицами. Вошедъ въ эту комнату, онъ досталъ небольшую тетрадь въ 4 д. л. въ синемъ бархатномъ переплетѣ и подалъ ее мнѣ, съ улыбкою говоря: «Съ благоговѣніемъ пересмотрите листы этой тетради, исписанной рукою обожаемаго вами поэта».—Я съ осторожностію принялъ отъ Соболевскаго тетрадь Пушкина и, подошедъ къ окну, со вниманіемъ сталъ разсматривать находящіяся въ ней письма, переплетенныя въ хронологической послѣдовательности; въ концѣ тетради была и картинка, нарисованная Пушкинымъ карандашемъ и предназначавшаяся для Невскаго Альманаха.

Разсматривая тетрадь Пушкина, я припоминалъ себѣ годы своей юности и то невыразимое удовольствіе, какое доставляло мнѣ чтеніе неподражаемыхъ стиховъ безсмертнаго поэта. Обзорѣвъ тетрадь, я возвратилъ ее Соболевскому, и затѣмъ мы занялись обзоромъ рѣдчайшихъ книгъ. Эти книги находились въ томъ самомъ сѣмномъ ящикѣ, сдѣланномъ на случай пожара, о которомъ я уже упоминалъ прежде. Соболевскій отодвинулъ наружную доску ящика и вынулъ изъ него книгу, на заглавномъ листѣ которой была точно такая же виньетка, какъ на моей книгѣ, напечатанной въ Нюрнбергѣ въ 1508 году. «Вотъ, сказалъ Соболевскій, то самое сочиненіе, какое есть у васъ, т. е. описаніе древнихъ путешествій въ Америку, но только на Нѣмецкомъ языкѣ, а ваше на Голандскомъ». За тѣмъ, вынувъ другую книгу, прибавилъ: «Вотъ еще такое же сочиненіе въ подлинникѣ на Итальянскомъ языкѣ; у меня есть также переводы съ него на Латинскомъ и Французскомъ языкахъ, напечатанныя въ началѣ XVI столѣтія и очень рѣдкіе. Мнѣ было бы весьма желательно присоединить къ нимъ и вашу Голандскую книгу, которой у меня недостаетъ. Напрасно вы не привезли ее въ Москву и лишили меня удовольствія посмотрѣть на вашу рѣдкость; но я вполне увѣренъ, что вы уступите мнѣ вашу книгу и пополните ею пробѣлъ въ моемъ собраніи. Въ замѣнъ ея я готовъ уступить вамъ не менѣе рѣдкую книгу, съ которою расстаюсь только потому, что у меня она въ двухъ

экземплярахъ». Сказавъ это, онъ досталъ изъ ящика предлагаемую книгу и началъ мнѣ объяснять библиографическую ея рѣдкость. Книга эта была Географія Птоломея, напечатанная на Итальянскомъ языкѣ въ стихахъ, въ 1478—80 годахъ, съ 27 географическими картами, на которыхъ впервые явились гравированныя, а не тисненныя имена мѣстностей. Хотя предлагаемая на обмѣнъ книга была весьма рѣдкая и немало соблазнила меня, однакоже я предпочелъ ей свою книгу и не рѣшился съ нею разстаться, а потому и сказалъ Соболевскому, что не могу тотчасъ же согласиться на его предложеніе и долженъ объ этомъ нѣсколько подумать. «Подумайте, сказалъ Соболевскій, и полюбуйте на вашу книгу, если вы еще не довольно на нее на-смотрѣлись, но потомъ уступите мнѣ именно потому, что я имѣю специальное собраніе сочиненій объ Америкѣ и почти всѣ изда-нія Сборника древнихъ путешествій, кромѣ Голандскаго перевода». Окончивъ на этомъ переговоры о Голандской книгѣ, Соболевскій досталъ изъ ящика два прекрасно переплетенные тома сочиненій императора Людовика Наполеона. Къ сожалѣнію, я не могу припо-мнить теперь, какое именно это было сочиненіе, но если только не ошибаюсь, кажется, Исторія Юлія Цезаря. «Эти книги, сказалъ Со-болевскій, я получилъ въ подарокъ отъ императора Наполеона, съ ко-торымиъ познакомился еще бывши въ Италіи. Вотъ и его собствен-норучная надпись, сдѣланная для меня на экземплярѣ». Я со вниманіемъ прочелъ надпись Наполеона и пересмотрѣлъ нѣсколько листовъ пре-красно изданной книги. «Кстати, я покажу вамъ еще одинъ рѣдчай-шій экземпляръ сочиненія Аделунга: *Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde*.—«У меня есть эта книга, замѣтилъ я Соболевскому и даже съ собственноручною на экземплярѣ надписью Аделунга». «Мой экземпляръ, сказалъ Соболевскій, тоже принадлежалъ Аделунгу, но онъ несравненно дороже вашего». Затѣмъ Соболевскій досталъ книгу въ 4 д. л. и, показывая находящіяся въ ней записки, спросилъ: «узнаете ли по этому почерку руки, кѣмъ онъ писаны». «Танімъ почеркомъ, отвѣчалъ я, писала императрица Екатерина II, и у меня есть нѣсколько факсимиле съ ея писемъ». «А это, сказалъ Со-болевскій, собственноручныя замѣтки императрицы Екатерины, по-чему и можно назвать мой экземпляръ рѣдчайшимъ».

Окончивъ обзоръ нѣкихъ и замѣчательныхъ книгъ, мы снова возвратились въ кабинетъ, гдѣ я отдалъ Соболевскому пять экзе-мпляровъ библиографическихъ матеріаловъ и просилъ передать одинъ изъ нихъ князю М. А. Оболенскому, другой князю П. А. Вяземскому, третій М. П. Погодину, четвертый въ бібліотеку Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и пятый въ бібліотеку Г. А. Черткова.

Соболевскій съ готовностію взялся исполнить мое порученіе и про-силъ пріѣхать къ нему дня черезъ три; но я объяснилъ Соболевско-му, что не могу такъ скоро воспользоваться его приглашеніемъ, по-тому что черезъ два дня отправлюсь изъ Москвы въ Сергіевскую Лавру, а оттуда намѣренъ проѣхать въ Переяславль-Залѣсскій и Ростовъ, и поэтому не могу быть у него ранѣе какъ по возвраще-ніи своемъ въ Москву, иедѣли черезъ двѣ. Соболевскій пожелалъ мнѣ

счастливаго странствованія и, прощаясь, подарилъ купленные имъ прежде пять книжекъ Матер. для Библ. съ разными своими замѣтками на поляхъ страницъ и съ пространною надписью на оборотѣ заглавнаго листа. На оберткѣ первой книжки былъ наклеенъ фотографическій портретъ Соболевскаго съ надписью подъ нимъ словъ: «строгъ, но справедливъ». На портретѣ Соболевскій изображенъ безъ бороды и съ коротко обстриженными на головѣ волосами, сидящимъ у стола въ креслахъ, въ застегнутомъ двухбортномъ сартукѣ и съ лорнеткою въ правой рукѣ. Этотъ портретъ имѣетъ большое сходство, хотя и былъ снятъ съ Соболевскаго за нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Кромѣ этого экземпляра Соболевскій подарилъ мнѣ съ своими надписями въ отдѣльныхъ оттискахъ письма Пушкина къ брату и Оглавленіе статей Каммеръ-Фурьерскихъ журналовъ, составленное Соболевскимъ и отпечатанное въ Русскомъ Архивѣ 1868 г. на велевевой глазированной бумагѣ.

На другой день, Соболевскій прислалъ мнѣ по городской почтѣ письмо, написанное къ нему княземъ М. А. Оболенскимъ, который извѣщалъ мнѣ въ своемъ письмѣ благодарность за доставленные ему книжки Матеріаловъ.

По возвращеніи въ Москву, 7-го числа Іюля, въ Воскресенье, въ первомъ часу, я отправился къ Сергію Александровичу и засталъ его по обыкновенію сидящимъ въ своихъ покойныхъ креслахъ, съ книгою въ рукахъ. Соболевскій, не предполагая свидѣться со мною раньше двухъ недѣль, весьма удивился, увидавъ меня въ своемъ кабинетѣ. Я пояснилъ ему причину моего скорого возвращенія въ Москву и рассказалъ вкратцѣ о своей поѣздкѣ въ Сергіевскую Лавру, во Владимиръ и Боголюбовъ. Разговаривая о Владимирѣ и его памятникахъ старины, мы коснулись древнѣйшаго Дмитриевского собора и его описанія, составленнаго и изданнаго графомъ Строгоновымъ. «У васъ, сказалъ Соболевскій, есть эта рѣдная книга и упоминается въ Матеріалахъ, но у меня ея нѣтъ; она напечатана въ самомъ маломъ числѣ экземпляровъ и не поступала въ продажу. Теперь, скажу вамъ относительно вашего порученія, что я его почти исполнилъ. Книжки библиографическихъ матеріаловъ розданы мною согласно съ вашимъ предназначеніемъ, кромѣ одного экземпляра, опредѣленнаго для князя Вяземскаго; этотъ экземпляръ остается еще у меня, но, при первомъ случаѣ, я постараюсь передать его князю, который теперь живеть въ Москвѣ, кажется, въ Ильинскомъ. У меня находится для васъ нѣсколько книгъ, присланныхъ вамъ отъ разныхъ лицъ въ знакъ благодарности за ваши Матеріалы, а именно: отъ князя М. А. Оболенскаго: Грамота, утверждающая санъ царя Іоанна Васильевича, Лѣтописецъ Суздальскій и давно желаемый вами рѣдчайшій пятый томъ Румянцовскихъ грамотъ и договоровъ; отъ М. П. Погодина: пятый томъ его лекцій и замѣчаній о Русской Исторіи, недостающей въ вашей коллекціи; отъ Г. А. Черткова, чрезъ посредство П. И. Бартенева: Путешествіе по Сициліи, съ атласомъ рисунковъ, который вы считаете рѣдкимъ и два прибавленія къ описанію древнихъ русскихъ монетъ Черткова». Всѣ означенныя книги лежали на подвиж-

номъ стативѣ и были вручены мнѣ Соболевскимъ, котораго я весьма благодарилъ за его благосклонное участіе. Передавъ мнѣ книги, Соболевскій снова началъ разговоръ о Голандскомъ переводѣ древнихъ путешествій въ Америку и просилъ уступить ему эту книгу. Жалѣя расстаться съ своею книгою, я подъ разными предлогами отклонялся отъ его просьбы, и мои неопредѣленные и уклончивые отвѣты, замѣтно, встревожили и разсердили Соболевскаго. Хотя я обѣщалъ уступить ему книгу, когда достаточно на нее посмотрюсь, однакоже слова мои не могли возратить ему прежняго спокойствія и веселости.

Узнавъ, что я завтра уѣзжаю въ Петербургъ, Соболевскій, при прощаніи со мною, пожелалъ мнѣ счастливаго пути и обѣщался непременно посѣтить меня въ Петербургѣ. Если-же, прибавилъ онъ, придется вамъ быть въ Москвѣ раньше моего пріѣзда, то пріѣзжайте ко мнѣ, какъ къ своему собрату по библиографіи, но не позабудьте привезти мнѣ на показъ своего Голандца, котораго, будьте вполнѣ увѣрены, я отъ васъ не отжилю. Это слово обоихъ насъ разсмѣшило, и мы довольно весело распрощались другъ съ другомъ. Я уѣхалъ отъ Соболевскаго въ 5 часовъ, совершенно не предполагая, что расстался съ нимъ навсегда, и что третья наша библиографическая бесѣда была и послѣдняя.

По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, я вскорѣ написалъ Соболевскому письмо, въ которомъ благодарилъ его за радушный пріемъ и за оказанное ко мнѣ вниманіе, а въ заключеніи письма просилъ его забыть то минутное неудовольствіе, которое я причинилъ ему своими отвѣтами при разговорѣ о Голандской книгѣ, въ послѣднее наше свиданіе. На это письмо я не получилъ отъ него никакого отвѣта и, предполагая, что онъ все еще на меня сердится, отправилъ къ нему другое письмо. 17 числа Августа я получилъ отъ него такое увѣдомленіе... «Я вчера возвратился изъ Казани (куда отправился 1 числа) и письмо ваше отъ 4 числа нашелъ у себя на столѣ. Удивляюсь, какъ вы 4 числа не получали письма моего, отправленнаго къ вамъ до моего отъѣзда, которымъ я извѣщалъ васъ объ исполненіи вашихъ комиссій, касательно передачи вашихъ Матеріаловъ... Въ Нижнемъ и въ Казани я искалъ и не нашелъ ничего хорошаго по части насъ интересующей, хотя въ Казани и есть старинная Русская книжная лавка. Я видѣлъ мало интереснаго вообще и ничего, способнаго войти въ мою библіотеку. Даже нѣтъ Казанскихъ изданій, напечатанныхъ въ послѣдніе годы!!!... Извѣстную Голандскую книгу мнѣ изъ Лондона предлагаютъ за 10 фунт. стерл. (что составить по теперешнему курсу около 70 рубл.), но я не рѣшаюсь оной взять за эту цѣну, ибо жду, не будетъ ли мнѣ сдѣлано другаго предложенія изъ Парижа, Лейпцига и т. д.»

Съ этого времени у насъ по прежнему возобновилась переписка о библиографіи, рѣдкихъ книгахъ и библіотекахъ. 20 числа Августа Соболевскій извѣщалъ меня о распродажѣ книгъ, принадлежавшихъ покойному библиофилу М. П. Полуденскому и просилъ пріѣхать, хотя на денекъ, въ Москву, но я не могъ воспользоваться его приглашеніемъ.

1 числа Сентября Соболевскій прислалъ мнѣ письмо съ пространнѣмъ сужденіемъ о книгахъ; часть изъ этого письма считаю великимъ помѣстити здѣсь.

....«Повѣрьте мнѣ: библіофилъ, даже библіофилъ-милліонеръ (къ которымъ ни я, ни вы—мы, вѣроятно, не принадлежимъ) долженъ обратить вниманіе и деньги на специальность, ибо только специальность можетъ быть доступна не только частнымъ лицамъ, но даже и правительственнымъ заведеніямъ. Взгляните на отдѣлъ *Rossica* въ Имп. Публ. Библіотекѣ. Сколько настойчивости, труда и денегъ потрачено, а все еще не достигнуто настоящей полноты. Всякая специальность въ собраніи—дѣло жизни собирателя! И такъ, у частныхъ людей цѣлью собирательства должна быть специальность, которая по средствамъ можетъ быть обширнѣе и уже, хотя, по моему мнѣнію, и самая узкая специальность доходитъ до обширныхъ размѣровъ. Моя библіотека, кромѣ специальностей, составлена иначе: она есть отраженіе моей умственной жизни, то-есть, я покупалъ тѣ книги, кои мнѣ были нужны для изучаемаго въ извѣстный моментъ предмета, и отъ того происходитъ въ ней совершенное отсутствіе всякой непросмотрѣнной книги. (Не говорю: непрочитанной, потому что есть тысячи книгъ, которыхъ никогда не читаютъ, но которыя держатъ для какой нибудь справки). Просмотрѣть книгу—у меня значить познакомиться съ ея содержаніемъ на столько, чтобы узнать, чего мнѣ въ ней искать можно.... Кстати о рѣдкости книгъ. Русскія книги, вообще, дѣлаются скоро рѣдкими, и потому что имъ нѣтъ складочныхъ торговыхъ мѣстъ, и потому что онѣ разбросаны на огромномъ пространствѣ, и потому что мы Россіяне вообще безпорядочны и не-скопидомы. Особенно же всякая книжка, не стоящая при появленіи расхода на переплетъ, дѣлается рѣдкостью, потому что рвется скоро; эти-то книги и составляютъ цвѣтъ нашей коллекціи, потому что въ нихъ частехонько бываетъ больше сущности, чѣмъ въ толстыхъ томахъ. И притомъ, такъ какъ онѣ не сберегаются, то нѣтъ возможности ихъ имѣть въ извѣстный часъ надобности».

Отправивъ къ Соболевскому VI книжку «Матеріаловъ для библіографіи», я получилъ отъ него письмо 17 Сентября съ нѣкоторыми на нее замѣчаніями и, между прочимъ, онъ писалъ: «Единственный способъ библіофильствовать съ успѣхомъ—помогать другъ другу, пользоваться обстоятельствами и помнить и о пользѣ другихъ. Напримѣръ, вы мнѣ сообщили, что разпрерѣдкой книжицы Шлепера нѣтъ въ Импер. Публ. Библіотекѣ; теперь она уже тамъ есть по вашей милости *). Я также поступалъ часто и за границею; вотъ почему я во всѣхъ библіотекахъ и у всѣхъ библіофиловъ свой человекъ, другъ и благодѣтель».

По полученіи отъ меня VIII книжки «Матеріаловъ для библіографіи», отпечатанной въ первыхъ числахъ Февраля мѣсяца 1869 года, Собо-

*) Книга Шлепера имѣетъ заглавіе: Краткое изображеніе Россійской Исторіи; она переведена съ Французскаго языка и издана въ 36 д. л. со многими гравированными портретами.

левский замѣтилъ въ ней неполные экземпляры Вѣнской и Флорентинской картинныхъ галлерей и написалъ слѣдующее.... «На что вамъ онъ? Зачѣмъ онъ въ вашей библиотекѣ? Чтѣ въ нихъ Русскаго? А если это для пополненія книгъ о художествахъ, то знайте, что и Ротшильду не собрать чегонибудь полнаго по отдѣлу галлерей.... Многожды повторялъ я вамъ: человѣку, библиофилу, не имѣющему капиталовъ Ротшильда, слѣдуетъ избрать специальность болѣе или менѣе обширную, а не пускаться во всѣ отрасли. Да и Ротшильду нельзя брать нѣкоторыхъ специальностей (наприм. галлерей). На это или публичныя библиотеки, куда время все сноситъ, или библиотеки Англійскихъ лордовъ, у коихъ собранія состояются многими поколѣніями, сохраняются чрезъ многія поколѣнія въ однихъ и тѣхъ же домахъ, съ тѣми же, чрезъ многія поколѣнія, непрекращаемыми богатыми средствами. А у нашей братіи нѣтъ ни своего дома, ни семейства для передачи; куда намъ собирать въ большихъ размѣрахъ! Мои собранія (Путешествія и Библиографія) огромны, когда сравниваю ихъ съ такими же собраніями у другихъ; но ничтожны, если вспомнить, чего въ нихъ недостаетъ. А мнѣ благоприятствовало многое: связи, путешествія, торговья корреспонденція, собственное помѣщеніе (въ деревнѣ и Питерѣ), знаніе языковъ, отличная память и проведенные на свѣтѣ и въ свѣтѣ многіе годы»....

Относительно прочихъ сочиненій, описанныхъ мною въ VII книгѣ Матеріаловъ, онъ сдѣлалъ слѣдующую замѣтку о Дельвигѣ и Грибоѣдовѣ,—къ стр. 38 и 53.... «Другъ мой Дельвигъ не зналъ погречески, но понималъ инстинктивно духъ Греческихъ писателей. ..Горе отъ ума — врядъ ли писалось въ Тифлисѣ: Грибоѣдовъ въ Москвѣ читалъ мнѣ кое-что изъ него, по мѣрѣ и въ день написанія».... О рѣдкомъ изданіи Руссова: «Воспоминанія на 1832 годъ» (стр. 101) онъ замѣтилъ: «Для библиографіи важно то, что Руссовъ издалъ не одни замѣчанія на Герберштейна, а полныя переводы его; чтобы не придралась цензура, онъ будто-бы опровергаетъ его»... На 50 страницъ, гдѣ говорится о мѣстѣ погребенія Гоголя, сдѣлана важная опечатка: вмѣсто Данилова монастыря намечатано Демидовъ. Соболевскій, замѣтивъ эту ошибку, написалъ: «Вѣтъ живи—вѣтъ учишь! Узнаю, что существуетъ Демидовъ монастырь! Есть Донской, Даниловъ, а объ этомъ не слыхалъ»... Онъ долго шутилъ и смѣялся надъ этою ошибкою въ своихъ письмахъ, что заставило и меня написать къ нему такое восьмистишіе:

Бѣги въ лѣса, творецъ Е ж е й *),
 Поишь на вѣки берегъ Невскій:
 Не то сатирою своей
 Тебя погубить Соболевскій.

*

Докозь, какъ дождевой пузырь,
 Ты не погибь съ семью Е ж а м и:
 Бѣги въ Демидовъ монастырь
 И скройся за его стѣнами...

*) Ежами в недотрогами называлъ Соболевскій мои книжки Матеріаловъ, потому что при нихъ не было алфавитныхъ оглавленій, и по этой причинѣ они были неудобны и недоступны для справокъ.

Въ одномъ изъ писемъ Соболевскій, заявляя мнѣ о своемъ сожалѣніи, что я не слѣдую его указаніямъ и совѣтамъ, говоритъ: ...«Я надѣялся, что мои совѣты по бібліографіи (что не говори кто, а въ ней я дова) будутъ приняты не хуже тѣхъ совѣтовъ, кои испрашивали у меня по словесности (въ которой не считаю себя далеко докою) Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Баратынскій, Дельвигъ и многіе другіе. Судите-же о моемъ огорченіи!»...

До 27 числа Февраля между нами была еженедѣльная переписка о рѣдкости старопечатныхъ книгъ и о ихъ стоимости, но она вдругъ прекратилась, и отъ Соболевскаго я получилъ письмо не ранѣе 22 Марта; оно начиналось слѣдующими словами: «Любезнѣйшій Я. Ф. Цѣлый вѣкъ не писалъ къ вамъ. Вы знаете мое горе: самый старшій и лучшій другъ мой Одоевскій вдругъ скончался, прямо надъ моею головою. До бібліографіи ли мнѣ было?»...

Князь Владиміръ Ѳеодоровичъ Одоевскій жилъ въ домѣ кн. Волконскаго, во второмъ этажѣ, надъ самою квартирою Соболевскаго, и скончался 27 числа Февраля 1869 года. Онъ былъ сверстникъ Соболевскаго и въ продолженіи всей жизни былъ съ нимъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ. Одоевскій родился въ 1803 году Іюля 30 дня и былъ только двумя мѣсяцами старше Соболевскаго.

Въ Майской книгѣ Р. Архива 1869 г. Соболевскій помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: «Новыя явленія въ Русской Библіографіи»; въ этой статьѣ онъ высказалъ свое мнѣніе о вышедшихъ тогда каталогахъ Глазунова и Вазунова, а также коснулся и моихъ книжекъ «Матеріалы для бібліографіи», о которыхъ между прочимъ написалъ: «Въ нихъ читатели найдутъ много полезныхъ свѣдѣній о книгахъ, пропущенныхъ или упомянутыхъ только вкратцѣ у Сопикова и другихъ, замѣчательную точность описаній, бездну трудолюбія въ исчисленіи статей каждаго сборника, но съ тѣмъ имѣетъ тѣмъ странностей, и е р я ш е с т в ѣ и излишествъ».... Прочитавъ эту статью, я написалъ Соболевскому, что слово *н е р я ш е с т в ѣ* непримѣнимо къ описанію книгъ и употреблено имъ совершенно не у мѣста. Соболевскій всѣми средствами старался убѣдить меня, что это слово имѣетъ тотъ же смыслъ, какъ и слово *б е з п о р я д о ч н о с т ь* и для доказательства приводитъ выписки изъ разныхъ словарей. Не смотря на всѣ его старанія убѣдить меня, я не соглашался съ его мнѣніемъ и заявлялъ, что такое слово не слѣдовало бы помѣщать ему въ прекрасной своей статьѣ. Вслѣдствіе нашего филологическаго диспута, Соболевскій прислалъ мнѣ два оттиска своей статьи, одинъ напечатанный на бѣлой веленовой бумагѣ, а другой на розовой, въ которомъ слово *н е р я ш е с т в ѣ* было замѣнено точками. На оборотѣ заглавнаго листа этого оттиска напечатано: «Въ книжное сборище Якова Федуловича Беревина - Ширяева. Единственный экземпляръ *б е з ъ н е р я ш е с т в ѣ*». Эту именную брошюрку, напечатанную на розовой бумагѣ въ одномъ только экземплярѣ, Соболевскій прислалъ мнѣ въ подарокъ, какъ бібліографическую рѣдкость.

Въ половинѣ Мая мѣсяца я переѣхалъ на дачу въ Царское Село, но это нисколько не препятствовало нашей бібліографической пере-

пискѣ, которая съ особенною дѣятельностію продолжалась цѣлое лѣто, по случаю пріобрѣтенія мною разныхъ книгъ прошедшаго столѣтія. Между этими книгами было немало изданій рѣдкихъ и замѣчательныхъ, о которыхъ я сообщалъ Соболевскому. Въ это же время я занимался описаніемъ библиографическихъ сочиненій и каталоговъ для восьмой книжки «Матеріаловъ», которою и намѣревался закончить свое изданіе. Соболевскій, узнавъ, что у меня недостаетъ нѣкоторыхъ необходимыхъ книгъ по этому отдѣлу, успѣшилъ пополнить его своими дублетными экземплярами и выслалъ мнѣ съ почтою въ Царское Село порядочный тюкъ книгъ, между которыми были рѣдкіе каталоги библиотекъ: Демидова, Норова, Власова и Ширяева. вмѣстѣ съ этими каталогами онъ прислалъ мнѣ игунабулъ на Латинскомъ языкѣ, напечатанный въ Венеціи въ 1480 году. Эта рѣдная книга, имѣющая заглавіе: Fasciculus temporum, содержитъ въ себѣ сокращенную всемірную исторію отъ сотворенія міра до 1480 года; она напечатана въ листъ со многими въ текстѣ рисунками и весьма хорошо сохранена.

Интересуясь библиографическимъ отдѣломъ восьмой книжки «Матеріаловъ», подготовляемой мною къ печати, Соболевскій нерѣдко обращался ко мнѣ съ вопросами о ней: «Что же восьмой Ежъ,—когда онъ явится?» По нѣкоторымъ обстоятельствамъ я не могъ окончить этой книжки въ 1869 году, и потому отвѣчалъ Соболевскому, что ожидаемый имъ Ежъ родится на свѣтъ не ранѣе будущаго года. Продолжая вести со мною дѣятельную переписку, Соболевскій нерѣдко повторялъ мнѣ въ своихъ письмахъ, что библиографы должны помогать другъ другу и при этомъ упоминалъ иногда о моей Голландской книгѣ. Хотя эта книга уже давно была предназначена мною Соболевскому, но я не заявлялъ ему о своемъ намѣреніи и до времени старался отклонять о ней вопросъ. Съ окончаніемъ года Соболевскій вдругъ прекратилъ со мною сношенія и не сталъ болѣе присылать писемъ. Въ Январѣ и Февралѣ мѣсяцахъ я писалъ къ нему нѣсколько разъ, но ни на одно письмо не имѣлъ отвѣта. Меня до крайности удивляло такое внезапное прекращеніе переписки, тѣмъ болѣе, что оно не зависѣло отъ болѣзни или отсутствія Соболевскаго, который въ продолженіи этого времени прислалъ мнѣ нѣсколько брошюръ. Желая разгадать таинственную причину его продолжительнаго молчанія, я написалъ къ нему нѣсколько писемъ, на которыя только 26 Марта 1870 года получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ.

«Милостивый государь Я. Ф. Вы желаете знать причину моего молчанія, вотъ она».

«Переписка наша завелась по случаю книги, изданной въ 1508 году, которою я заинтересовался. Вскорѣ послѣ этого, узнавъ, что вы собираетесь въ Москву, я просилъ васъ захватить эту книгу съ собою на показъ мнѣ; вы не исполнили моей просьбы, какъ бы въ страхъ, чтобы я у васъ оной не отжилилъ. Впослѣдствіи я лично просилъ васъ мнѣ ее уступить. Просьба моя была вовсе не неумѣстная, ибо дѣло шло о вещи, не имѣющей для васъ никакой важности; для меня же о пополненіи специальности. Это такая библиофильская учтивость, что и предложить уступку, и успѣшить

на одну—вещь обыкновенная, простое дѣло, когда кто увѣренъ, что при этомъ не потерпитъ въ матеріальномъ отношеніи. Наконецъ, я просилъ васъ позволить мнѣ написать въ вашемъ каталогѣ исправленное свѣдѣніе объ этой книгѣ въ пользу науки, которую—и вы и я—мы занимаемъ. И этой просьбы вы не уважили. Такое неуваженіе къ тремъ моимъ просьбамъ, не имѣющее другаго основанія кромѣ чистаго каприза, показало мнѣ, что я ошибся на счетъ дружескаго расположенія, которое я предполагалъ въ васъ ко мнѣ. Вслѣдствіе этого я рѣшился прекратить интимность, которой я было предался въ отношеніяхъ моихъ къ вамъ; считаю ее излишнею. Честь имѣю пребыть покорнѣйшимъ слугою вашимъ.

С. Соболевскій».

„25 Марта 1870“.

Въ слѣдствіе этого письма я написалъ Соболевскому нѣсколько писемъ, въ которыхъ просилъ не сердиться на меня и доказывалъ, что не расстаюсь съ своею Голандскою книгою не потому что не расположенъ къ нему или по капризу, но единственно по той причинѣ, что дорожу ею, какъ необыкновенною библиографическою рѣдкостію и не могу достаточно на нее наглядѣться. Однакоже, не смотря на всѣ мои убѣжденія, Соболевскій не хотѣлъ согласиться съ моими доводами и не возобновлялъ переписки, а только по временамъ присылалъ ко мнѣ краткія замѣтки о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и брошюры. Видя, что слова мои не могутъ убѣдить Соболевскаго въ моемъ истинномъ къ нему расположеніи, я не сталъ болѣе докучать ему своими письмами. Такія библиофильскія неудовольствія, возникшія между нами изъ-за Голандской книги, прекратили наши сношенія на довольно продолжительное время, такъ что въ Апрѣлѣ, Маѣ и Іюнѣ мѣсяцахъ мы, кажется, вовсе не писали другъ къ другу.

1-го числа Іюля вышла изъ печати восьмая и послѣдняя книжка «Матеріаловъ для библиографіи», которой я немедленно послалъ нѣсколько экземпляровъ къ Соболевскому. Въ этой книжкѣ, на страницѣ 8-й, было помѣщено мною болѣе точное и подробное свѣдѣніе о рѣдкой Голандской книгѣ, при чемъ указывалось и на разныя ея изданія. Такое заявленіе снова возбудило въ Соболевскомъ библиофильскую страсть къ обладанію книгою и послужило поводомъ къ возобновленію переписки. 4-го числа Іюля онъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ увѣдомлялъ о полученіи имъ моихъ книжекъ, а 6-го числа прислалъ другое письмо, въ которомъ, между прочимъ, заявлялъ о возобновленіи со мною переписки на такихъ условіяхъ: ...«Я предлагаю вамъ возобновить прежнія отношенія слѣдующимъ образомъ. Я вамъ вышлю: 1) Отличный экземпляръ Ровинскаго съ атласомъ, библиофически переплетенные, 2) ваши Матеріалы — тоже въ особомъ переплетѣ по моему, 3) кое-что изъ Русской библиографіи. Вы мнѣ вышлите путешествіе platt-deutsch (т. е. Голандскую книгу), въ исполненіе обѣщанія. Послѣ этого, кто вспомнитъ старое, тому глазъ вонъ».

Прочитавъ такое письмо, я тотчасъ же написалъ въ отвѣтъ Соболевскому, что съ величайшимъ удовольствіемъ принимаю его пред-

ложеніе и немедленно пришлю къ нему своего Голандца, на котораго достаточно уже посмотрѣлся.

11 числа Іюля 1870 г. я получилъ отъ Соболевскаго письмо, начинавшееся такими словами: «Сейчасъ я былъ обрадованъ вашимъ письмомъ. Давно бы такъ, и изъ дружбы ко мнѣ (въ которой я долженъ былъ сомѣваться), и изъ библиографическаго соображенія. Библиофилы должны помогать другъ другу; одинъ ничего порядочнаго не сдѣлаетъ. Вы наглядѣлись на своего путешественника, а у меня онъ принесетъ пользу библиографіи; вы знаете, что я человѣкъ не хорыстный, и такъ я вамъ послѣшу выслать такія вещи, что вамъ придется сейчасъ же напечатать добавочный листокъ къ Матеріаламъ».

16 числа Іюля я отправилъ съ почтою къ Соболевскому свою Голандскую книгу и, кажется, въ этотъ же самый день получилъ изъ почтамта присланный мнѣ атласъ гравюръ къ сочиненію Ровинскаго, отпечатанный только въ числѣ 23 экземпляровъ. Книга моя весьма обрадовала Соболевскаго, который 21 Іюля писалъ мнѣ между прочимъ слѣдующее:

«Только сейчасъ.... я получилъ вашу посылку изъ почтамта.... Очень радуюсь книгѣ, что она моя, но болѣе того радуюсь, что она не ваша. Вотъ почему: въ случаѣ вашей смерти или чего либо другаго, она прошла бы незамѣтною, въ родѣ старыхъ газетъ или афишекъ—и была бы неизвѣстна въ библиографіи. Рѣдкость ея не въ томъ, что она напечатана въ 1508 году (ибо изданій инкунабуловъ до 18.000 извѣстно прежде 1500 года), а тѣмъ она рѣдка, что не описана и не упомянута никѣмъ изъ специалистовъ по части книгъ путешествій, коихъ много (т. е. специалистовъ). Это оттого, вѣроятно, произошло, что она по наружному виду, по рисунку заглавія, по формату, по шрифту, по числу тетрадей и листовъ—совершенно похожа на Рюмахера, напечатаннаго въ томъ же году и тѣмъ же типографщикомъ, такъ что всякій каталографъ, видѣвшій разъ Рюмахера и получившій въ руку вашу книгу, не дастъ себѣ и труда прочесть заглавіе или взглянуть въ текстъ, будучи увѣренъ, что это знакомый ему давно Рюмахеръ. Я увѣренъ, что ваша книга существуетъ въ нѣкоторыхъ библіотекахъ Германіи, но въ оныхъ считается просто Рюмахеромъ и ничѣмъ инымъ, а platt-deutsch переводъ неоглашенъ по нынѣ»....

Отправивъ книгу, я написалъ Соболевскому, что не замедлю сообщить ему всѣ подробности, какимъ образомъ была приобрѣтена мною эта Голандская книга, случайно найденная между старыми газетами, въ сараѣ у одного рыночнаго торговца. «Опишите мнѣ подробно, писалъ Соболевскій, какъ, гдѣ и у кого куплена эта книга, надѣлавшая мнѣ тѣму хлопотъ и заставившая томиться около двухъ лѣтъ библиофильскою лихорадкою. Авось ли доберемся до того, какии манеромъ она попала въ наши Гиперборейскія страны!»... Начавъ по прежнему вести частую переписку, я сообщилъ Соболевскому подробное описаніе о томъ, какъ досталась мнѣ Голандская книга и по какому случаю; а 24 Августа онъ извѣстилъ меня, что въ одной изъ книжекъ Русскаго Архива будетъ заявлено имъ о моей Го-

ландской книгѣ, поступившей въ спеціальную его бібліотеку, при чемъ печатно изъявится благодарность г-ну N. N. за Голандца и принесется раскаяніе въ словѣ: «Ежи» на томъ основаніи, что алфавитъ все исправилъ и сдѣлалъ мои «Матеріалы для бібліографіи» полезною справочною книгою.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ я получилъ отъ Соболевскаго нѣсколько писемъ, и въ одномъ изъ нихъ онъ извѣщалъ меня, что 10 Сентября былъ день его рожденія и ему минуло 67 лѣтъ. При этомъ онъ написалъ: «Я родился въ Ригѣ 10 Сентября 1803 года, о чемъ во второмъ изданіи Е ж е и или въ добавочномъ Е ж ѣ придется вамъ упомянуть, говоря объ умершемъ благопріятелѣ».

Послѣднее письмо отъ Соболевскаго я получилъ 29 Сентября; оно заключало въ себѣ мнѣніе его о цѣнности и достоинствѣ старинныхъ иностранныхъ книгъ, продававшихся по случаю въ Петербургѣ, на Вознесенскомъ проспектѣ. Всѣмъ этимъ книгамъ былъ напечатанъ краткій каталогъ, который Соболевскій видѣлъ въ Москвѣ у графа Орлова-Давыдова и просилъ меня немедленно выслать ему экземпляръ такого каталога. Я на другой же день исполнилъ просьбу Соболевскаго, пославъ къ нему каталогъ и письмо, въ которомъ сообщилъ кое-что о продававшейся бібліотекѣ.

Въ первыхъ числахъ Октября мѣсяца, я со дня на день ожидалъ письма отъ Соболевскаго, но къ крайнему моему удивленію не получалъ ни одной строки. 12 числа Октября, бывъ въ Императорской Публичной Библиотекѣ, я, совершенно неожиданно, услышалъ отъ А. Ѳ. Бычкова, что Сергій Александровичъ Соболевскій скончался на дняхъ. Такое прискорбное извѣстіе опечалило меня до крайности; оно было столь для меня неожиданно, что казалось даже невѣроятнымъ. Не буду распространяться о томъ, какъ чувствительна была для меня столь внезапная потеря человѣка, котораго я истинно любилъ и уважалъ. Вснорѣ я прочелъ въ 11-й книжкѣ Русскаго Архива 1870 года подробныя свѣдѣнія о жизни и кончинѣ Соболевскаго. Въ этой же книжкѣ была помещена небольшая статья его о моихъ восьми книжкахъ «Матеріаловъ для бібліографіи», при чемъ упомянуто и о Голандской книгѣ, поступившей отъ N N въ его спеціальную бібліотеку. Съ грустію въ сердцѣ читалъ я статью Соболевскаго, которая напомнила мнѣ о началѣ нашего знакомства и о трехлѣтней дружеской перепискѣ. Эта статья обо мнѣ была послѣднимъ печатнымъ словомъ Соболевскаго, который какъ бы закончилъ ея навсегда свою дружескую переписку со мною.

Яковъ Березинъ-Ширяевъ.

Отсылая читателей къ указанной статьѣ 1870 года содержащей въ себѣ краткій очеркъ жизни Соболевскаго, прибавимъ къ ней нѣсколько словъ. Участъ многолѣтняго и самаго тщательнаго книжнаго собранія, оставшагося послѣ Соболевскаго, была самая печальная. Старый холостякъ, любившій устраивать дѣла друзей своихъ, онъ не успѣлъ устроить свои собственныя. Онъ слылъ богачемъ, а между тѣмъ не оставилъ въ наличности, чѣмъ

похоронить себя, и похороны справлять на свой счет душеприкащикъ его А. А. Ратцигъ. Дѣло въ томъ, что деньги его (впрочемъ не особенно большія), завѣщанныя ему его матерью и приумноженныя его участіемъ въ устройствѣ и управленіи Мальцовской бумагопрядильной мануфактуры (что въ Петербургѣ у Самсонія), находились въ акціяхъ Французскихъ желѣзныхъ дорогъ, а дороги эти, вслѣдствіе погрома Франціи въ 1870 году, перестали приносить доходъ, такъ что Соболевскій, не задолго до кончины, долженъ былъ прибѣгать къ займамъ. Еще нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, желая обезпечить одно дорогое ему семейство, онъ рѣшился было продать свою библиотеку и велъ о томъ переговоры съ графомъ Борфомъ и съ иностранными книжными торговцами. Изъ Берлина нарочно вріѣхалъ для того въ Москву одинъ Еврей, и дѣло было сладилось; но наличныхъ денегъ, полностью, Соболевскому не дали, и онъ утѣшилъ себя тѣмъ, что, показывая Еврею Московскія достопримѣчательности, водилъ его въ церкви и заставлялъ класть крестное знаменіе, о чемъ потомъ преуморительно рассказывалъ. — Послѣ скоропостижной кончины Соболевскаго, вскрыто было его духовное завѣщаніе, по которому онъ отказалъ все свое состояніе Софьѣ Николаевнѣ Львовой. Она уѣхала въ скоромъ времени за границу и тамъ продала библиотеку Соболевскаго за 25 тысячъ талеровъ Лейпцигскому книгопродавцу Листу, который немедленно запродавалъ многія книги Британскому Музею. Въ Лейпцигѣ появилась печатный каталогъ библиотеки со статьею о Соболевскомъ, и за тѣмъ послѣдовала прибыльная распродажа или аукціонъ. Такимъ образомъ разбрелось по рукамъ, и преимущественно по рукамъ чужимъ, такъ долго подбиралое и заботливо лелѣянное Русское книжное сокровище.

Вмѣстѣ съ книгами книгопродавецъ Листъ увезъ изъ Москвы за границу вышеупомянутыя и переплетенныя тетради рукописей Соболевскаго, которыя, почти въ полномъ составѣ своемъ, были куплены однимъ Русскимъ человекомъ. Они, сколько намъ извѣстно, не представляютъ собою особенной важности. Изъ числа множества писемъ, полученныхъ и сбереженныхъ Соболевскимъ, приводимъ на первый разъ четыре письма А. С. Пушкина и нѣсколько писемъ брата его, знаменитаго Девушки, черезъ котораго собственно и произошло сближеніе Соболевскаго съ великимъ поэтомъ: Левъ Сергѣевичъ и Соболевскій были товарищами по такъ называемому Благородному Пансіону при Педагогическомъ Институтѣ въ Петербургѣ, гдѣ однимъ изъ преподавателей былъ только что начинавшій свое поприще Плетневъ. Сосланный на Югъ въ Маѣ 1820 года, Пушкинъ не успѣлъ допечатать первую свою поэму и поручилъ изданіе Руслана и Людмилы своему брату и Соболевскому, который тогда началъ и стихотворствовать; но замѣчательно, что первые его опыты отличались сантиментальностью и были противоположны по содержанію своему позднѣйшимъ стихотвореніямъ, коими онъ прославился въ нашемъ обществѣ и обращения которыхъ напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1874 года.

Письма А. С. Пушкина къ С. А. Соболевскому.

1.

Четыре письма Александра Сергѣевича относятся къ тому времени, когда Соболевскій, будучи такъ называемымъ «архивнымъ юношей», проживалъ въ Москвѣ въ полнѣйшемъ раздолбѣ, богатымъ шалуномъ, балуемый своей матерью и преданный всѣмъ прихотямъ образованности и просвѣщеннаго матеріализма. Пушкинъ, какъ извѣстно, поселился у него, осенью 1826 года, по возвращеніи изъ ссылки. Отъ него онъ уѣзжалъ на короткое время въ Псковскую деревню, и изъ Пскова писалъ ему нижеслѣдующее:

Вотъ въ чемъ дѣло. Освобожденный отъ цензуры, я долженъ однакожь, прежде чѣмъ что нибудь напечатать, представить оное выше, хотя бы бездѣлицу. Мнѣ уже (очень мило, очень учтиво) вымыли голову. Конечно я въ точности исполню высшую волю и для того писалъ Погодину дать знать въ цензуру, чтобъ моего ничего нигдѣ не пропускали. Изъ этого вижу для себя большую пользу: освобожденіе отъ альманашиковъ, журнальщиковъ и прочихъ щепетильныхъ литературщиковъ.—Съ Погодинымъ уговоримся снова.

Перешли письмо Зубкову безъ задержанія малѣйшаго. Твои догадки гадки, виды мои гладки. На дняхъ буду у васъ, покажеться сажу или лежу во Псковѣ. Мнѣ пишутъ, что ты боленъ: чѣмъ ты объѣлся? Остановлюсь у тебя.

2.

Пока Пушкинъ ѣздилъ въ деревню, Соболевскій въ Москвѣ печаталъ вторую главу Онѣгина. Между тѣмъ Погодинъ собирался издавать Московскій Вѣстникъ, который и началъ выходить съ 1827 года и въ которомъ Пушкинъ преимущественно помѣщалъ свои стихи. — Пушкинъ забавлялся словомъ альманашикъ, и позднѣе въ Петербургской Гражданской Палатѣ совершилъ довѣренность на имя Плетнева, препоручая ему вести денежные счета вмѣсто него «съ альманашиками обѣихъ столицъ». — Василій Петровичъ Зубковъ, замѣтное лицо въ тогдашнемъ Московскомъ обществѣ, человѣкъ образованный и занимавшійся зоологіею (въ которой извѣстенъ жукъ его имени, *Carabus Zubkovius*), былъ женатъ на родственницѣ Пушкина, который въ то время влюбился въ сестру ея (впослѣдствіи Панину) и проводилъ безпрестанно время у Зубковыхъ. У нихъ написалъ онъ свои знаменитые стансы: «Въ надеждѣ славы и добра», въ Декабрѣ 1826 года.

Слѣдующее письмо должно относиться къ 1827 году, когда Пушкинъ уѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ и вышла въ свѣтъ третья глава Евгения Онѣгина.

Еслибы ты просто написалъ мнѣ, пріѣхавъ въ Москву, что ты не можешь прислать мнѣ 2-го главу; то я безъ хлопотъ ее бы перепе-

читалъ; но ты все общалъ, общалъ и, благодаря тебѣ, во всѣхъ книжныхъ лавкахъ продажа 1-ой и 3-ей главъ остановилась. Покорно благодарю.

Что изъ того слѣдуетъ?

Что ты безалаберный.

Что ты ольдекопничаешь и воейковствуешь, перепечатывая насъ, образцовыхъ великихъ людей—Мерзлякова, двухъ Пушкиныхъ, Великопольскаго, Подолинскаго, Полеваго и проч. ¹⁾.

Хорошъ!

3.

Третье письмо писано вслѣдъ за кончиною матери Соболевскаго, которая во всю его жизнь была ему святынею. Избалованный юноша очутился только съ тѣми деньгами, которыя мать записала на его имя еще при его рожденіи, и долженъ былъ прекратить широкую жизнь и барскія затѣи. Богатыя помѣстья его матери достались законнымъ наследникамъ Давыдовымъ и Апраксинымъ, а сыну любви пришлось подумать, какъ упрочить свое благосостояніе, для чего онъ и занялся Самсоновскою бумагопрядильнею въ Петербургѣ, предварительно побывавъ въ чужихъ краяхъ и выучившись фабричному производству и порядкамъ управленія. Когда умирали старуха-мать, друзья Соболевскаго уговаривали его, чтобъ онъ напомнилъ ей о своемъ обеспеченіи; но огорченный Соболевскій не рѣшился беспокоить умирающую. Узнавъ объ этомъ, А. С. Пушкинъ написалъ ему очень сочувственное, горячее письмо, которое мы читали у Соболевскаго, но котораго теперь въ его бумагахъ не оказалось; въ этомъ письмѣ Пушкинъ говорилъ, что до тѣхъ поръ только любилъ его, а теперь и уважаетъ.

15 Июля (1828).

Вечоръ узналъ я о твоёмъ горѣ и получилъ твои два письма. Что тебѣ скажу? Про старыя дрожжи не говорятъ трожды; не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ; посылаю тебѣ мою наличность, остальные 2500 получишь вслѣдъ. —Цыганы мои не продаются вовсе, деньги же эти—трудовые, въ потѣ лица моего выпонтированныя у нашего друга Полторацкаго ²⁾. Пріѣзжай въ П. Б., если можешь. Мнѣ бы хотѣлось съ тобою свидѣться да переговорить о будущемъ. Перенеси мужественно перемѣну судьбы твоей, то-есть, по одежкѣ твоя ножки; все перемелится, будетъ мука. Ты видишь, что, кромѣ пословицы, ничего путнаго тебѣ сказать не съумѣю. Прощай, мой другъ.

4.

Последнее изъ сохранившихся писемъ должно относиться къ 1829 году. Пушкинъ называетъ своего пріятеля именемъ Шекспировскаго Калибана (въ «Бурѣ»), разумѣя его непомерную чувственность. Четвертая и пятая главы Онягина вышли вмѣстѣ въ Петербургѣ, въ самомъ началѣ 1829 года. Кто «мудрецъ» написавшій разборъ ихъ въ Атенеѣ, намъ неизвѣстно.

¹⁾ Ольдекопъ издалъ Нѣмецкій переводъ «Кавказскаго Пѣнника» въ одной книжкѣ съ Русскимъ подлинникомъ, не спросясь Пушкина. А. Ф. Воейковъ жила въ часто на счетъ людей, которыхъ оглашалъ друзьями своими и которые не прогоняли его отъ себя только изъ уваженія къ его женѣ. П. Б.

²⁾ Извѣстнаго библіофила С. Д. Полторацкаго.

Безалаберный!

Ты ничего не пишешь мнѣ о 2,100 рубляхъ мною тебѣ должныхъ. Вотъ въ чемъ дѣло: хочешь ли оную сумму получить съ Моск. Вѣстника? Узнай, въ состояніи ли они мнѣ за нынѣшній годъ выдать 2,100, и дай отвѣтъ. Если нѣтъ, то получишь ихъ съ Смирдина въ разные сроки. Что, душа моя Калибанъ? Какъ это тебѣ нравится? Пиши мнѣ о своихъ дѣлахъ и планахъ—кто у васъ производитъ, кто потребляетъ? Кто этотъ Атенеическій Мудрецъ, который такъ хорошо разобралъ IV—V главу? Зубаревъ, или Ив. Савельичъ? Я собираюсь къ вамъ, мои милые, да не знаю, попаду ли: во всякомъ случаѣ въ П. В. не остаюсь.

Есть еще пятое письмо Пушкина съ известными стихами, въ которыхъ онъ даетъ наставленіе молодому сибариту, какъ вѣхать въ Петербургъ: «У Гальяни или Больони», и т. д. Письмо это напечатано въ Исаковскоѣ изданіи Сочиненій А. С. Пушкина, 1859 года I, 357. Оно должно быть отнесено къ 1828 году. Встати замѣтить, что въ первомъ стихѣ заключена игра словъ.

Письма Льва Сергѣевича Пушкина къ С. А. Соболевскому.

1.

Вопервыхъ, благодарю тебя за письмо твое. Вовторыхъ, имѣю честь тебя увѣрить, что, если бы твои уши были довольно длинны для того, чтобы я ихъ отсюда досталъ, то я бы ихъ выдралъ чрезвычайно усердно за дурную твою шутку въ отношеніи къ О. С. ¹⁾. Тебѣ впрочемъ, можетъ быть, неизвѣстно, что я сдѣлался человекомъ весьма моральнымъ, и по сей-то причинѣ предоставляю тебѣ на сѣденье одного С. Л. Только, кушая его, не подавись сморщеннымъ его мясомъ; мнѣ же оно такъ пріѣлось, что послѣ каждаго нашего свиданія у меня отъ одного его запаха бываетъ тошнота и индигестія. Теперь утро, и на тощахъ объ этихъ вещахъ говорить не должно. Что тебѣ вздумалось мнѣ давать препорученія къ Циціанову? Знаешь ли, что онъ и гдѣ онъ. Вотъ тебѣ вся его исторія. Пріѣхавши въ Петербургъ, его свѣтлость князь Циціановъ, наследникъ Имеретинскаго престола, остановился въ Большой Мѣщанской, въ трактирѣ Парижъ, подъ № 27. Мы же, темные дворяне, каждый день у него обѣдывали, ужинали, завтракали, и каждый день ему обходился около 200 и 300 рубл. Между тѣмъ, Циціановъ игралъ въ карты и проигралъ 50 тысячъ; не въ состояніи будучи уплатить ихъ и не намѣреваясь давать векселя, онъ началъ укладывать въ узелки бѣлье свое и тихомолкомъ надѣялся ускользнуть восвояси; но Луи, содержатель и заимодавецъ Циціанова, остановилъ его силою полиціи. Какой-то изъ Грузинскихъ царей поручился за него; но Циціановъ, находящійся уже не въ состояніи продолжать роскошную жизнь свою, удалился въ Ямскую, гдѣ и живетъ уже около

¹⁾ Ольгѣ Сергѣевнѣ, сестрѣ Пушкина.

двухъ мѣсяцевъ, и никто его не видаеть. «Аминь, аминь, тѣмъ кончу я рассказы!»²⁾).

2.

Я чрезвычайно радъ, что мы возобновили съ тобой никогда впрочемъ незаводимую переписку; пиши же самъ объ Москвѣ, объ ея глупостяхъ и объ В. Л. Увѣрь эту скотину, что «Ахъ тетушка, ахъ Анна Львовна» не брата и никого изъ семейства; развѣ, можетъ быть, С. А. хотѣлъ подшутить, да и поддѣлался подъ брата. Поклонись отъ меня Вяземскому и скажи ему слѣдующее: «Вы спрашивали Льва Пушкина, чрезъ сестру его Ольгу, какія именно пьесы его брата надобно помѣстить, помнится, въ Телеграфѣ. Левъ же Пушкинъ сего не знаетъ и знать объ этомъ больше васъ самихъ никто не можетъ. Можетъ быть, Ольга Сергѣевна, съ непривычки, дурно объяснила ваше препорученіе; а вы спрашивали только, что нѣтъ ли у него, вышеупомянутаго Льва, какой либо пьесы, то на сіе послѣднее онъ говоритъ слѣдующее: помнится, я князю Вяземскому вручилъ всѣ новыя пьесы моего брата; но однако въ послѣдствіи оказалось, что одна изъ нихъ ускользнула, почему я и препровождаю ее на его благорасположеніе:

Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный

.

Тоску любви забуду я.

Перепиши эту пьесу для кн. Вяземскаго или, если лѣнь, то оторви ее для него отъ другой половины письма; во всякомъ случаѣ, уничтожь первую страницу, писанную какой-то свиньей, а не вашимъ поворнымъ

Л. Пушкинымъ.

3.

Вчера получилъ еще письмо отъ тебя, на которое гораздо больше разсердился, нежели на первое, потому что разсердился не въ шутку. Что за своевольное распоряженіе пьесой, мною присланной не къ тебѣ, а къ Вяземскому. Почему ты знаешь, что Вяземскій, единственный и полный ея хозяинъ, отдастъ бы ее въ Телеграфъ? Что же до меня, ты меня противъ брата поставилъ въ очень непріятное положеніе. Теперешнія наши отношенія, тебѣ неизвѣстныя, требуютъ чрезвычайной деликатности, а ты заставляешь меня ее нарушить. Можетъ быть, ты всего этого не поймешь; но я отъ тебя требую, какъ отъ пріятеля и отъ честнаго человѣка, чтобъ пьеса, присланная мною къ Вяземскому, никоимъ образомъ не была бы напечатана безъ вѣдома Вяземскаго. Прощай, въ другой разъ напишу тебѣ письмо повеселѣе; вольно тебѣ было разбѣсить меня.

Левъ Пушкинъ.

10 Ноября

1825. Спб.

²⁾ Стихъ А. С. Пушкина.

4.

Отвѣчать мнѣ на всѣ письма или сослать меня на каторгу: для меня почти одно и тоже; однакоже со всѣмъ тѣмъ я виноватъ передъ тобой; давно собираюсь отвѣчать на твои письма и наконецъ отвѣчаю слѣдующее.

1) Благодарю Полевова за присылку билета.

2) Растолкуй Полевому слѣдующее: я не могу и даже мнѣ невыгодно его предложеніе на счетъ пьесъ брата. Сдѣлавши съ нимъ предлагаемое имъ условіе, я обязываюсь ему ежемѣсячно доставлять пьесы брата; не всегда пьесы подъ рукой; къ тому я, продавая ихъ другимъ журналистамъ, получаю 10 и болѣе рублей за стихъ; вся годовая сумма Полевова равняется съ платой, которую предлагаетъ мнѣ Аладьянъ за одну пьесу брата. Вотъ моя невыгода; невыгода же Полевова въ томъ, что онъ будетъ платить за стихи, которые теперь, хотя не регулярно и не ежемѣсячно, но будетъ получать даромъ. Братъ рѣшился, сколько можно, поддерживать Телеграфъ. Наконецъ, рѣшительный мой отказъ, на который нѣтъ возраженій, имѣетъ причиною то, что у брата мелкихъ пьесъ мало, а у меня въ моемъ распоряженіи ихъ вовсе нѣтъ.

3) Присланная мной пьеса не оглавлена, — иди къ Вяземскому и окрестите ее какъ угодно. Дѣло въ томъ, что пьеса эта прелесть; Москвитяне, судя по тебѣ, не чухаютъ красоты поэзіи. Прости имъ Боже!

5.

(1826)

Здравья желаю Соболевскому!

Не взыскивай на мнѣ, что я не пишу тебѣ по три мѣсяца; ты долженъ знать мою дѣнь, она изъ меня дѣлаетъ чортъ знаетъ какую скотину; я же, думаю, тебѣ сказалъ, чему я уподобляю регулярную переписку. Къ тому же все это время я проклиналъ тебя, Москву, Московскихъ, судьбу и Б. Нужно было вамъ, олухамъ и сводникамъ, женить его! Чему вы обрадовались? Для того, чтобы заняться сватовствомъ, весьма похвальнымъ препровожденіемъ времени, вы ни за грошъ погубили порядочнаго человѣка. Б. въ теченіи трехъ лѣтъ былъ тридцать разъ на шагъ отъ женидьбы; тридцать разъ она ему не удавалась; *en était-il plus malheureux?* ¹⁾ Онъ ни минуты, никогда не жилъ безъ любви, и отлюбивши женщину, она ему становилась противна. Я все это говорю въ доказательство непостояннаго характера Б., котораго молодость не должна бы быть обречена семейственной жизни. Ты скажешь, что онъ счастливъ. Вѣрю, *mais attendons la fin* ²⁾, говоритъ басня, а тяжело заплатить цѣлымъ вѣкомъ скуки и отвращенія много много за годъ благополучія. Б. вѣчно преслѣдовала мысль, что жениться ему необходимо; но кто же изъ порядочныхъ

¹⁾ Былъ ли онъ оттого несчастливѣе?

²⁾ Подождемъ конца.

вѣрилъ ему? Не говоря объ характерѣ Б., спрашиваю тебя, обстоятельства его допускали ли его до этой глупости. Какую онъ выбралъ себѣ дорогу? Какъ онъ хочетъ себя устроить? Я не разумю подъ этимъ денежныхъ его обстоятельствъ; онъ можетъ быть Шереметевымъ, но долженъ на чемъ нибудь утвердиться. Для поэзіи онъ умеръ; его родъ т. е. эротическій, не къ лицу м у ж у; а теперь изъ издаваемого собранія своихъ сочиненій онъ выкидываетъ лучшія пьесы по этой самой причинѣ; а исключить Б. изъ области поэзіи, это штука Эрострата, и тебѣ подобаешь слава сія—радуйся! Что жъ ему остается? Быть помѣщикомъ, и въ этомъ случаѣ нужно было очень подождать вступить въ бракъ. Да чортъ возьми, дѣло или бездѣлье (но не бездѣлка) сдѣлано, и говорить нечего. Довольно трехъ страницъ, которыми морю тебя. Я этимъ заставилъ тебя искупить грѣхъ твоего сводничества.

Что ты обѣщала пріѣхать въ Петербургъ, да и не думаешь. Хорошь! Пора бы тебѣ, хотя на время, оставить Москву. То-то я заболтаю и заругаю тебя, когда Богъ приведетъ паки свидѣться. Оно бы было мнѣ большимъ утѣшеніемъ въ моей мизантропіи.

Leon Puchkin.

Синопскій бой.

18-го Ноября настоящаго года минеть двадцать пять лѣтъ со дня знаменитаго Синопскаго боя. Двадцать пять лѣтъ, какой небольшой повидимому промежутокъ времени, а между тѣмъ много ли осталось изъ того, что принимало участіе въ этомъ послѣднемъ торжествѣ Русскаго военнаго флота? Самаго флота не существуетъ: онъ погибъ въ волнахъ роднаго моря, уничтоженный родными руками; главные участники сложили головы на Севастопольскихъ бастионахъ, и въ настоящую минуту къ порѣдѣвшему кругу Синопскихъ героевъ примѣняются слова Пушкина:

„Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, конкъ ливъ
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состаркись и ивнуть въ тишинѣ
Главою лавровой“....

Говорить о Синопскомъ боѣ, какъ объ отдѣльномъ событіи, прославившемъ морскія лѣтописи, и невозможно, и несправедливо. Синопскій бой не былъ обыкновеннымъ сраженіемъ: онъ только блистательно завершилъ собою двадцатилѣтнюю эпоху Лазаревскаго Черноморскаго флота.

Тридцать - сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда отсутствіе путей сообщеній и недостатокъ общественной критики давали людямъ возможность дѣйствовать почти безконтрольно, въ отдѣльныхъ углахъ Русскаго царства самостоятельно работали довѣренныя царской власти. Послѣдствія указали на несостоятельность подобнаго порядка дѣлъ. Безнаказанность вела къ злоупотребленіямъ и горькимъ опытомъ понудила искупать случавшуюся нерѣдко ошибочность выбора; но рядомъ съ этимъ обширная самостоятельность, вытекавшая изъ названныхъ условій, рождала и воспитывала замѣчательныхъ дѣятелей и администраторовъ. Теперешнимъ намѣстникамъ и генералъ-губернаторамъ даже мысленно недоступна почти неограниченная власть, которою пользовались въ свое время Воронцовы, Перовскіе, Лазаревы....

Въ это-то время, на далекой окраинѣ, при устьяхъ Буга и въ Севастопольской бухтѣ, развивалась жизнь морскаго сословія, почти отрѣзаннаго отъ остальнаго отечества. Въ Петербургѣ, подтянувшись въ струнку и приведенномъ къ одному знаменателю, мало принимали эту своеобразную жизнь, не связанную по рукамъ и ногамъ военнымъ артикуломъ, а полную своеобразной свободы, съ однимъ только кодексомъ словъ адмирала. «Адмиралъ сказалъ, адмиралъ

приказалъ», и кончено. А тамъ, въ свободное время, можно и сюртукъ растегнуть, и говорить по душѣ, и веселиться въ смѣшанномъ кругу начальниковъ и подчиненныхъ. «Безпардонная команда», говорилъ Петербургъ про недоступную ему сѣру, покровительствуемую самимъ Государемъ. «Пьяницы, разнузданная, распущенная ватага», говорили услужливые пройдохи, и нужны были одинадцать мѣсяцевъ Севастопольской обороны, одинадцать мѣсяцевъ трезваго стоянія на часахъ у томившейся родины, на глазахъ цѣлаго міра, чтобы опровергнуть недостойную клевету.

Но въ то самое время, когда зловредная сплетня силилась подорвать значеніе непонятной, нравственной силы, въ типѣ уединенія, на просторѣ величественной стихіи, происходила незамѣтная работа служенія отчизнѣ. Будучи поставленъ во главѣ Черноморскаго сословія, М. П. Лазаревъ, самъ прошедшій суровую школу практическаго моряка, знакомый съ порядками Англійскаго флота, совершившій кругосвѣтное плаваніе, участникъ Наварина, признанный за лучшаго командира, заводилъ новые порядки и питалъ въ подчиненныхъ страсть къ благородной службѣ, соревнованіе и опытность, возбуждавшія чувство затаенной злобы въ сердцахъ нашихъ злѣйшихъ ненавистниковъ. Подпольная работа разрушалась сама собою, когда предъ глазами покойнаго Императора гордо проходили эти безукоризненно вооруженные корабли, блиставшіе изумительною исправностью и смѣлостью морскихъ маневровъ. Черноморскій флотъ молча отвѣчалъ на брошенные ему упреки и, нестѣсняемый, продолжалъ свою работу.

Вокругъ Лазарева росла школа, беззавѣтно преданная своему дѣлу, влюбленная въ свою стихію. Сосредоточенная въ одномъ направленіи, она всѣ силы души, всѣ благородные порывы самолюбія направляла къ одной цѣли—заслужить одобреніе адмирала. Тутъ не было вопросовъ о карьерѣ въ общепринятомъ смыслѣ; карьера заключалась въ довѣрїи адмирала и въ той самостоятельности, которую онъ давалъ избраннымъ. Знатокъ человѣческой природы, Лазаревъ занимался усиленно постройкою судовъ мелкаго ранга и, на замѣчаніе о непригодности этихъ судовъ на случай военнаго времени, отвѣчалъ, что они ему нужны для командованія молодыми офицерами. «Тотъ, кто въ лейтенантскомъ чинѣ былъ командиромъ», думалъ адмиралъ, «никогда не разстанется съ моремъ». Всякая мелочь въ смыслѣ морскаго совершенствованія обращала на себя его вниманіе; не только управленіе какимъ либо судномъ, но обыкновенное катаніе на шлюпкахъ подъ парусами представляло обильную тему для разговоровъ и замѣчаній. Адмиралтейство, то есть судостроительство, доведено было до замѣчательнаго совершенства; входя въ разборъ малѣйшей мелочи, Лазаревъ приучилъ подчиненныхъ во всему относиться съ самымъ строгимъ вниманіемъ, и жизнь Черноморскихъ моряковъ, всегда исполненная интереса, протекала среди вѣчныхъ усилій и стараній довести Черноморскій флотъ до перворазряднаго состоянія.

Домъ Лазарева пріобрѣлъ значеніе высшей школы: попасть въ кругъ его приближенныхъ считалось не только честью, но счастье-

емъ. Здѣсь, за воскресными обѣдами, происходили тѣ осмысленныя, спеціальныя бесѣды, которыя воспитывали фанатиковъ. Изъ этой школы выходили люди, считавшіе для моряка семейную жизнь невозможною. «Одинаково любить море и семью», говорили они, «нельзя: остается выборъ». Разъ излюбивши человека, Михаилъ Петровичъ относился къ нему не въ качествѣ подчиненнаго, а друга, и разница служебнаго положенія не мѣшала ему, главному командиру и адмиралу, вести обильную душевную переписку съ лицами, едва начинавшими самостоятельное служеніе. Если величіе души и способность угадывать людей служатъ мѣриломъ начальническаго дарованія, то доказательствомъ сего послѣдняго является Лазаревская школа съ Нахимовымъ, Корниловымъ, Истомиными, графомъ Путятинимъ, Новосельскимъ, Уньковскимъ и многими другими. А если способность возбудить обожаніе къ своему искусству и фанатическому выполнению долга опредѣляетъ значеніе учителя, то Севастопольскіе бастіоны представляютъ лучшій памятникъ Лазаревской дѣятельности.

Но сложившіяся обстоятельства не дали Лазареву возможности еще при жизни видѣть блистательное подтвержденіе своихъ стараній. Мирная эпоха его управленія составляла періодъ подготовки, и только чрезъ два года послѣ его смерти набѣжавшая гроза выказала въ полномъ блескѣ весь скрытый смыслъ двадцатилѣтнихъ усилій. Еще разъ оправдалось предвидѣніе покойнаго адмирала. Озабоченный будущностью своего созданія, онъ всегда придерживался той мысли, что для практическихъ результатовъ необходимо имѣть на Черномъ морѣ флотъ болѣе сильный, чѣмъ тотъ, во главѣ котораго онъ былъ поставленъ. Восточная война 1853—1856 годовъ подтвердила это мнѣніе. Лазарева уже не было въ живыхъ, онъ скончался въ 1850 году. Томимая опасеніемъ за развитіе Русскаго вліянія на Востокѣ, съ завистливымъ чувствомъ наблюдавшая за развитіемъ Черноморскаго флота, Англія радостно протянула руку вѣнчанному авантюристу и въ соединеніи съ послѣднимъ возбудила извѣстныя Турецкія замѣшательства. Громадная коалиція собралась на Россію; Черноморскій флотъ, обреченный вынести первые удары, спокойно готовился выполнить свой долгъ, завѣщанный преданіями. Вступленіе Русскихъ войскъ въ предѣлы Молдо-Валахіи и вслѣдъ затѣмъ появленіе соединенныхъ флотовъ въ предѣлахъ Турецкихъ водъ близили развязку. Разжигаемые союзниками, увѣренные въ собственной безнаказанности и подготавливая намъ затрудненія, Турки обратили вниманіе на Кавказское побережье. Они дерзко завладѣли пограничнымъ постомъ Св. Николая на Кавказской границѣ и направили свои эскадры съ оружіемъ и военными снарядами на помощь уже изнемогавшимъ, но не покорявшимся горцамъ. Въ это время съ нашей стороны въ Черномъ морѣ крейсировали эскадры адмираловъ Нахимова и Новосельскаго, обязанныя отвѣчать въ случаѣ нападенія, но еще лишеныя свободы дѣйствій, такъ какъ объявленія войны не послѣдовало.

Н. И. Богоявленскаго.

Тринадцатаго Ноября на эскадрѣ вице-адмирала Нахимова получено было офиціальное увѣдомленіе объ открытіи военныхъ дѣйствій

и немедленно сообщено въ приказѣ по эскадрѣ. «Война объявлена! Отслужить молебень и поздравить команду!» писалъ Нахимовъ. Въ ночь на 16 Ноября къ Нахимову присоединилась эскадра контръ-адмирала Новосельскаго и, не отлагая дѣла, на другой же день, Нахимовъ отдалъ приказъ о намѣреніи атаковать непріятельскій флотъ, укрывшійся въ Синопской бухтѣ.

Соединенныя силы двухъ Русскихъ адмираловъ, подъ общимъ начальствомъ Павла Степановича (какъ старѣйшаго въ чинѣ), состояли изъ кораблей: Императрица Марія подъ флагомъ Нахимова (командиръ, капитанъ 2-го ранга Барановскій), Чесма (командиръ, капитанъ 2-го ранга Микрюковъ), Ростиславъ (командиръ, капитанъ 1-го ранга Кузнецовъ), Парижъ подъ флагомъ контръ-адмирала Новосельскаго (командиръ, капитанъ 1-го ранга Истомина), Великій князь Константинъ (командиръ, капитанъ 2-го ранга Ергомышевъ), Три Святителя (командиръ, капитанъ 1-го ранга Кутровъ) и фрегатовъ: Кагуль подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Спицына и Кулевча-капитанъ-лейтенанта Будищева.

Силы непріятельскаго флота, стоявшаго въ Синопѣ, на пути къ западнымъ берегамъ Кавказа, состояли изъ 7-ми фрегатовъ, 2-хъ корветовъ, одного шлюпа, двухъ пароходовъ и двухъ транспортовъ подъ прикрытіемъ береговыхъ батарей.

Отдавая свой приказъ о предстоящемъ боѣ (приказъ, впоследствии сдѣлавшійся образцомъ точности распоряженій), Нахимовъ предусматривалъ разнообразныя случайности боя и говорилъ между прочимъ въ 7-мъ пунктѣ: «Ставь на якорь и уладивъ шпрингъ *), первые выстрѣлы должны быть прицѣльные; при этомъ хорошо замѣтитъ положеніе пушечнаго клина на подушкѣмъ фломъ, для того, что послѣ въ дыму не будетъ видно непріятеля, а нужно поддерживать быстрый батальный огонь». Но, не смотря на такую предусмотрительность, Нахимовъ не хотѣлъ связать подчиненныхъ строгостью инструкцій, а усматривая залогъ успѣха въ разумной находчивости и примѣненіи къ обстоятельствамъ, заканчивалъ приказъ словами: «Въ заключеніе я выскажу свою мысль, что всѣ предварительныя наставленія, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, могутъ затруднить командира, знающаго свое дѣло, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо дѣйствовать по усмотрѣнію своему, но непременно исполнить свой долгъ. Государь Императоръ и Россія ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ Черноморскаго флота; отъ насъ зависитъ оправдать ожиданія».

Точно дѣйствуя, согласно полученныхъ приказаній, 18 Ноября въ полдень Русскіе корабли направились къ Синопу. Въ 20 минутъ 1-го часа раздался первый выстрѣлъ, а въ четвертомъ часу пополудни все затихло, и Турецкаго флота уже не существовало.

Одушевляемая испытанными командирами, руководимая любимымъ вождемъ, Черноморская семья работала какъ на ученьи; одинъ за другимъ взлетали на воздухъ или выбрасывались на берегъ избитыя

*) Морское выраженіе, значить завести якорь съ кормы.

Турецкія суда; а береговыя батареи, не смотря на преимущество положенія, смолкали, засыпанныя мѣткими прицѣльными выстрѣлами. Интересна между прочимъ слѣдующая случайность. Кораблю Императрица Марія въ началѣ боя пришлось обратить огонь на Турецкій фрегатъ Фазли-Аллахъ взятый у насъ Турками въ 1829 году и называвшійся Рафайломъ. Огорченный столь безпримѣрнымъ случаемъ въ летописяхъ Русскаго флота, покойный Государь тогда же издалъ высочайшее повелѣніе: «Предать огню фрегатъ Рафайлъ, какъ недостойный носить Русскій флагъ, когда возвращенъ будетъ въ наши руки». Эта царская воля въ точности была исполнена черезъ 24 года на Синопскомъ рейдѣ. Зажженный выстрѣлами съ корабля Императрица Марія, Фазли-Аллахъ сгорѣлъ на виду у всей Русской эскадры.

Русскіе корабли буквально выполняли инструкцію и, очищая предъ собою пространство, торопились оказывать помощь другъ другу. Корабль Парижъ, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Истомина, заслужилъ особое благоволеніе начальствующаго, и въ донесеніи о ходѣ боя вице-адмиралъ Нахимовъ доносилъ между прочимъ: «Нельзя было довольно налюбоваться прекрасными и хладнокровно-разсчитанными дѣйствіями корабля Парижъ; адмиралъ приказалъ было изъявить ему свою благодарность, во время самаго сраженія, но къ сожалѣнію не на чемъ было поднять сигнала: всѣ фалы *) были перебиты».

Три непріятельскихъ фрегата, два корвета и одинъ пароходъ взорваны на воздухъ, и три фрегата и корветъ сожжены, по окончаніи сраженія, какъ совершенно избитые и къ дальнѣйшей службѣ непригодные.

Только одному Турецкому пароходу удалось избѣгнуть общей участи. Пользуясь преимуществомъ хода, пароходъ Тайфъ, еще въ началѣ дѣла, оставилъ злополучный рейдъ и направился къ Константинополю съ цѣлю сообщить объ участи захваченной эскадры; обмѣнявшись выстрѣлами съ караулившими выходъ изъ бухты фрегатами Кагуль и Кудевча и оставивъ ихъ далеко за собою, Тайфъ неожиданно подвергся новому преслѣдованію.

Начальникъ штаба Черноморскаго флота генералъ-адъютантъ В. А. Корниловъ, соображая возможность столкновенія Нахимовской эскадры съ непріателемъ, во главѣ трехъ пароходовъ отправился изъ Севастополя по направленію къ Югу. Судьбѣ было угодно, чтобы онъ подошелъ къ Синопской бухтѣ передъ самымъ окончаніемъ боя. Усмотрѣвъ удалявшійся непріятельскій пароходъ, онъ немедленно сдѣлалъ необходимыя распоряженія къ его преслѣдованію, но лучший ходокъ Тайфъ успѣлъ уйти изъ-подъ выстрѣловъ, и генералъ-адъютантъ Корниловъ повернулъ къ сторонѣ уже смолгавшихъ выстрѣловъ. Въ минуту его прибытія на Синопскій рейдъ, дѣло было кончено; ему оставалось только первому привѣтствовать счастли-

*) Веревки, на которыхъ подымается флагъ.

выхъ сотоварищей и оказать имъ другую важную услугу: избитые до нельзя, къ тому же въ бурную погоду, корабли едва-ли могли бы благополучно добраться до Севастополя безъ помощи Одессы, Крима и Херсонеса, захватившихъ ихъ на буксиры.

Такимъ образомъ закончился Синопскій бой, возбудившій всеобщій восторгъ Россіи и еще болѣе распалившій ненависть союзниковъ.

Въ Синопскомъ сраженіи уже намѣчены были главнѣйшіе дѣятели предстоявшей Севастопольской обороны, ихъ имена сдѣлались народными; но, руководимые чувствомъ безусловной скромности, они, въ лицѣ вождя, приписали свой успѣхъ любимому учителю. До окончанія сраженія и возвращенія въ Севастополь, вице-адмиралъ Нахимовъ въ письмѣ на имя вдовы покойнаго адмирала Лазарева весь успѣхъ боя приписалъ не з а б в е н н о м у благодѣтелю и учителю, тѣнь котораго невидимо носилась среди сражавшихся.

Синопскій бой былъ лебединою пѣснью Черноморскаго флота; черезъ годъ ему суждено было погибнуть. Но духъ Черноморскихъ моряковъ, истребленныхъ почти поголовно въ теченіи одиннадцатимѣсячной осады, снова проявилъ себя уже въ наши дни, при болѣе скромныхъ условіяхъ.

Въ Севастополѣ, близъ стараго адмиралтейства, поставленъ памятникъ Михаилу Петровичу Лазареву, обращенный къ сторонѣ моря. Входящія на рейдъ суда направляютъ свой путь, «держа на адмирала». Такихъ судовъ, къ сожалѣнію, еще очень мало; но надо надѣяться, что бронзовый адмиралъ дождется въ концѣ концовъ исполненія своей завѣтной мысли видѣть на Черномъ морѣ флотъ способный не только геройски умирать, но и повторить великія преданія Синопскаго боя.

В. Ф. Святловскій и А. П. Хрущовъ.

(По поводу наступающаго столѣтняго юбилея Перваго Московскаго
Кадетскаго корпуса).

Мы не ошибемся, если скажемъ, что воспитанники Перваго Московскаго Кадетскаго корпуса изъ числа своихъ старшихъ начальниковъ за періодъ времени съ 1830 по 1850 годъ, доселѣ съ особою любовію и признательностію воспоминаютъ преимущественно о двухъ директорахъ: генераль-лейтенантъ Николаѣ Петровичѣ Анненковѣ (1836—1842) и генераль-маіорѣ Михаилѣ Феодоровичѣ Брадкѣ (1845—1850) и объ ихъ достойныхъ помощникахъ, баталіонныхъ командирахъ: полковникѣ Викентіѣ Францовичѣ Святловскомъ (1838—1840) и полковникѣ Александрѣ Петровичѣ Хрущовѣ (1844—1848).

Викентій Францовичъ Святловскій происходилъ изъ дворянъ Кіевской губерніи Бердичевскаго уѣзда; онъ получилъ воспитаніе во 2-мъ Кадетскомъ корпусѣ, изъ коего былъ выпущенъ въ артиллерію; службу по военноучебнымъ заведеніямъ началъ въ дворянскомъ полку и оттуда въ 1828 году былъ назначенъ въ чинъ подполковника баталіоннымъ командиромъ Перваго Московскаго Кадетскаго корпуса, за 4-е года передъ тѣмъ перемѣщеннаго въ Москву изъ Костромы. За вѣдывая при трехъ директорахъ (Ренненкампеѣ, Статковскомъ и Анненковѣ) въ теченіи 12 лѣтъ хозяйственною, воспитательною и фронтовою частями корпуса, онъ былъ, такъ сказать, душею цѣлаго заведенія и сообщилъ ему то нравственное направленіе, которое на долго опредѣлило характеръ цѣлаго заведенія; укрѣпленію же этого направленія много содѣйствовалъ и вообще религіозно-патріотическій духъ Московскаго общества въ тогдашнее время. Директора, зная опытность, честность и энергію В. Ф. Святловскаго, не мѣшали ему посвящать свои способности и дѣятельность пользѣ вѣреннаго имъ заведенія, поддерживали честнаго труженика своимъ вѣсомъ у высшаго начальства, и въ этомъ нельзя не признать ихъ главной заслуги. Но особенно цѣнили и уважали В. Ф. Святловскаго послѣдній изъ трехъ директоровъ, при которыхъ протекла его служба, именно Н. П. Анненковъ, самъ пользовавшійся вполне заслуженною милостію и высокимъ довѣріемъ Государа Императора Николая Павловича, который въ глаза и заочно называлъ его «мой добрый Анненковъ». Его глубокое христіанское благочестіе, душевное благородство и неисчерпаемое добродушіе на всегда останутся памятны всѣмъ его подчиненнымъ и современникамъ ему воспитанникамъ перваго Московскаго Кадетскаго корпуса, которыхъ онъ, человекъ безсемейный, любилъ

всю силою прекрасной души своей, какъ бы родныхъ дѣтей своихъ. До самой его кончины, въ день своего Ангела (6 Декабря) Николай Петровичъ, продолжавшій службу въ званіи инспектора военноучебныхъ заведеній, имѣлъ утѣшеніе видѣть свою Петербургскую квартиру на Васильевскомъ острову наполненною офицерами всѣхъ родовъ войска, пріѣзжавшихъ поздравить бывшаго любимаго начальника съ именинами.

Московскіе кадеты чтили В. Ф. Святловскаго, какъ человѣка многоопытнаго, начальника строгаго (по духу того времени), но справедливаго и внимательно относившагося къ ихъ быту и нуждамъ, управлявшаго заведеніемъ на основаніи всесторонняго знакомства съ каждымъ изъ своихъ воспитанниковъ—по поведенію и успѣхамъ въ наукахъ. Въ назначеніи фельдфебелей и отдѣленныхъ унтеръ-офицеровъ изъ кадетъ, которые имѣли въ тогдашнемъ строѣ корпусовъ большое вліяніе на своихъ товарищей, В. Ф. Святловскій обыкновенно принималъ во вниманіе ту репутацию, которой назначаемый пользовался въ кругу своихъ товарищей, и потому выборъ бывалъ всегда удаченъ. При выпускахъ каждому воздавалось по заслугамъ: ни протекція, ни фаворитизмъ не имѣли при немъ мѣста, что составляетъ лучшую сторону его педагогической дѣятельности и виѣсть неотъемлемое право на вѣчную признательность въ душахъ его воспитанниковъ. Въ 1840 году В. Ф. Святловскій съ производствомъ въ генераль-маіоры былъ назначенъ первымъ директоромъ вновь открытаго Петровскаго Полтавскаго Кадетскаго корпуса и приложилъ свою многолѣтнюю опытность къ устройству этого заведенія на твердомъ основаніи; но къ сожалѣнію смерть отъ горловой чахотки вскорѣ пресѣкла его многополезную дѣятельность († 1844 г.). Святловскій былъ отличный семьянинъ, женатъ на Москвичкѣ, вдовѣ г-жѣ Масловой и имѣлъ отъ нея одного сына Владимира, которому далъ твердое воспитаніе; онъ пошелъ по стопамъ своего родителя и долго съ честію управлялъ Московской Военной Прогимназіей. Будучи католикомъ по вѣроисповѣданію, Святловскій питалъ глубокое уваженіе къ православной церкви и личнымъ своимъ примѣромъ поддерживалъ въ кадетахъ благочестіе, опираясь въ этомъ отношеніи на опытнаго законоучителя отца-протоіерея Александра Николаевича Шаврова, имѣвшаго самое благотѣтельное вліяніе на умы и сердца воспитанниковъ.

Полковникъ Александръ Петровичъ Хрущовъ, изъ дворянъ Тульской губерніи, также получилъ воспитаніе во 2-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, изъ коего былъ выпущенъ въ 1825 году въ Піонерный батальонъ. Въ 1831 году онъ былъ вытребованъ начальствомъ 2-го Кадетскаго Корпуса на службу въ оный; оттолѣ былъ переведенъ сперва въ Орловскій, а потомъ въ Полтавскій корпусъ, а въ 1844 г. въ чинѣ подполковника назначенъ баталіоннымъ командиромъ въ 1-й Московскій Кадетскій Корпусъ, и въ слѣдъ за симъ директоромъ Корпуса былъ назначенъ генераль-маіоръ Михаилъ Фёдоровичъ Брадке, о которомъ А. П. Хрущовъ въ своихъ запискахъ оставилъ такой отзывъ: «Я рѣдко встрѣчалъ людей съ такою теплою душою и съ такимъ благороднымъ характеромъ. Онъ полюбилъ меня какъ брата

и оказывалъ полную довѣренность. Всѣ подчиненные и кадеты любили его какъ отца, и въ его управление Московскій Кадетскій Корпусъ сдѣлалъ большіе успѣхи». М. Ѳ. Брадке скончался въ 1850 году и не смотря на то, что онъ былъ лютеранинъ, высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ, зная лично и уважая его какъ человѣка глубоко нравственнаго, разрѣшилъ по просьбѣ воспитателей и кадетовъ почтить память его служеніемъ православной панихиды о упокоеніи души его.

Въ 1848 году Александръ Петровичъ Хрущовъ, не смотря на общую любовь къ нему начальства и воспитанниковъ, рѣшился выйти въ отставку, съ тою цѣлью, чтобы, послѣ краткаго отдыха, вступить на службу въ дѣйствующую армію по случаю предвидѣвшейся кампаніи.

По сему поводу онъ обратился съ письмомъ къ уважаемому имъ и уважавшему его взаимно начальнику Штаба Военноучебныхъ заведеній генералъ-майору Я. И. Ростовцеву, и получилъ отъ него отвѣтъ, который лучше всякихъ похвалъ свидѣтельствуешь, какъ понимало и цѣнило его высшее начальство. «Съ большимъ огорченіемъ я прочелъ письмо ваше (пишетъ къ нему Я. И. Ростовцевъ), любезный Александръ Петровичъ; довольно долго не отвѣчалъ вамъ, колеблясь: убѣждать ли васъ остаться и отложить свое намѣреніе? Наконецъ, я остановился на той мысли, что если даже Михаилъ Ѳеодоровичъ, который любилъ васъ какъ друга и котораго вы всѣмъ сердцемъ любите, не могъ успѣть въ этомъ, какъ самъ онъ ко мнѣ пишетъ,—то мои попытки остались бы бесполезны и только, по деликатности вашей, поставили бы васъ на нѣкоторое время въ безпокойное расположеніе духа. Все я понимаю и очень сокрушаюсь. Если вы сами рѣшитесь остаться, я буду чрезвычайно этому радъ; если же нѣтъ, то какъ мнѣ ни прискорбно, но съ теплымъ чувствомъ уваженія, благословляю васъ на путь новый—и все, чѣмъ я могу быть вамъ пріятнымъ или полезнымъ, все предлагаю въ ваше распоряженіе. Отчисляться по арміи вамъ не совѣтую: или выходить въ отставку, потому что войска приводятся вновь въ мирное положеніе, или перейти въ армейскій полкъ. Я знаю, что вы давно уже хотѣли оставить корпусъ; безъ командованія полкомъ вы долго не останетесь. Всѣмъ и я буду радъ служить вамъ, какъ человѣкъ, душевно васъ уважающій. Обнимаю васъ, почтеннѣйшій А. П., и прошу васъ вѣрить въ искренность моихъ чувствъ, чувствъ истиннаго уваженія къ вамъ и преданности».... Вслѣдъ за симъ А. П. подалъ просьбу объ отставкѣ и получилъ ее 4 Декабря 1848 г. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы, въ честь отъѣзжающаго, было дано два обѣда: одинъ отъ директора, другой отъ г-дъ офицеровъ, а 20 Декабря А. П. выѣхалъ въ Тулу. Послѣдующая его служба и геройскіе подвиги въ Крымскую кампанію при осадѣ Севастополя и за тѣмъ во время Польскаго возстанія, извѣстны всей Россіи и ставятъ высоко имя бывшаго баталіоннаго командира 1-го Московскаго Кадетскаго Корпуса, указывая воспитанникамъ онаго настоящій путь къ славѣ: быть честнымъ человѣкомъ и быть готовымъ вездѣ и всюду на боръ-

бу со зломъ въ его разнообразныхъ видахъ, помни и вѣри въ завѣтную Русскую пословицу: «служить такъ не картавить, а картавить такъ не служить». Кто зналъ свѣтлую личность А. П. и кто знакомъ съ правдивой исторіей жизни и службы этого истиннаго Русскаго человѣка, тотъ не можетъ не сказать, что корпуса наши честно сослужили свою службу Отечеству и въ день столѣтія одного изъ нихъ, слава Богу, есть о комъ вспомнить и кого помянуть какъ изъ бывшихъ начальниковъ, такъ и изъ товарищей, оставшимся въ живыхъ участникамъ готовящагося торжества.

А. Л—ъ.

Октябрь 1878 года.

Дидеротъ къ графу Миниху.

Знаменитый писатель Дидеротъ (1713—1784), другъ Фальконета, работавшаго статую Петра Великаго, прожилъ въ Россіи около полугода, въ теченіи котораго чуть ли не ежедневно бывалъ въ Зимнемъ дворцѣ. Наши читатели имѣютъ превосходную статью М. Ѳ. Шугурова объ этомъ пребываніи Дидарота въ Россіи (въ первой книгѣ сборника: «Осмнадцатый Вѣкъ»). Дешеша Англійскаго посланника при Русскомъ дворѣ Роберта Гуннинга, отъ 12 (23) Ноября 1773 года, недавно обнародованная Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ (томъ 19-й), свидѣтельствуетъ, что не одни общія философскія идеи служили предметомъ вечернихъ бесѣдъ Екатерины съ Дидеротомъ и что милостями къ нему Государыни захотѣлъ воспользоваться Французскій король, поручавшій Дидероту передать Екатерину предложеніе посредничества своего въ войнѣ нашей съ Турками. Какъ извѣстно, Людовикъ XV-й любилъ подобныя тайныя сношенія и дѣятельно велъ ихъ безъ вѣдома своего министерства и своихъ представителей при другихъ державахъ. Но Екатерина сразу пресѣкла эти сношенія: она сожгла бумагу, переданную ей Дидеротомъ и объявила напрямикъ, что простить ему такое вмѣшательство въ несвое дѣло, если онъ передастъ королю о сожженіи поданной имъ бумаги. Такимъ образомъ Дидероту пришлось возвратиться въ свою колею и ограничиться разсужденіями объ общихъ правахъ челоуѣчества, объ успѣхахъ просвѣщенія, о враждѣ къ предразсудкамъ и т. п. Однако, будучи истиннымъ Французомъ, т. е. что называется челоуѣкомъ себѣ-на-умѣ, Дидеротъ не захотѣлъ уѣхать изъ Россіи, не заручившись нѣкоторыми свѣдѣніями, полезными для Франціи въ ея торговыхъ сношеніяхъ съ Россіею. Онъ выпросилъ у Государыни позволеніе отобрать у тогдашняго президента Коммерцъ-Коллегіи графа Миниха отвѣты на свои дѣловые вопросы.

Нижеслѣдующее подлинное письмо Дидерота сохранилось въ архивѣ графа С. Д. Шереметева и сообщено имъ въ наше изданіе. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны отвѣты графа Миниха, вызванные назойливымъ любопытствомъ Французскаго философа. П. Б.

I.

Monsieur le comte.

Voilà les principales questions sur les quelles je vous supplie de m'instruire. Quand vous m'aurez appris ce que vous en savez, personne

III, 26 (2).

n'en saura plus que moi. Pardonnez cette importunité à un étranger qui voudroit bien ne pas s'en retourner tout-à-fait ignorant. Songez que je serai assailli d'interrogations et qu'il faudra pourtant satisfaire à quelques unes. Si vous avez écrit quelque chose sur l'administration politique, civile, militaire etc. et que vous m'estimassiez assez pour me confier vos réflexions, je vous jure que je n'aurais aucune repugnance à me parer de vos plumes. Je suis avec un profond respect,

Monsieur le comte, votre très-humble et très-obéissant serviteur

Diderot.

Ce 31 Janvier
1774.

Переводъ. Милостивый государь графъ! Вотъ главные вопросы, разяснить которые я васъ умоляю. Никто кромѣ меня не узнаетъ вашихъ отвѣтовъ. Простите эту назойливость иностранцу, которому не хотѣлось бы возвращаться домой въ полномъ невѣдѣніи. Представьте себѣ, что меня осыплютъ вопросами, а на нѣкоторые изъ нихъ необходимо же будетъ отвѣчать. Если у васъ что-либо написано о политическомъ, гражданскомъ, военномъ и пр. управленіи, и если вы достаточно меня уважаете, чтобы довѣрить мнѣ ваши соображенія, то я клянусь, что мнѣ будетъ пріятно убраться вашими перьями. Съ глубочайшимъ уваженіемъ, м. г. графъ, остаюсь вашимъ покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою. Дидеротъ. 31 Января 1774.

Questions renvoyées par Sa Majesté Impériale
à monsieur le comte de Munick *)

A combien peut s'évaluer la production annuelle de grains de toute la Russie, année commune? Cela se sait-il?

A combien peut s'évaluer le produit annuel du chanvre et du lin, année commune?

Quelle quantité l'étranger en tire-t-il?

Sur les détails du tabac, renvoyé à m-r le comte de Munick.

Quel était le prix du bail de la douanne en 1749?

Quelle quantité de chaque sorte de bois sort-il annuellement des ports de Russie?

Sur la poix, le goudron et le brai renvoyé à m-r le comte de Munick.

Ce qu'il pourra savoir sur la production, la manière de recue, le transport et la vente de la rubarbe?

Quelle est la quantité de chevaux tirée de l'étranger, année commune?

Ce qu'il sait sur le commerce du miel et de la cire?

*) Писано рукою Дидерота.

La quantité de l'exportation annuelle des pelleteries et des cuirs, celle des cuirs verts est-elle permise?

La population à peu-près de l'empire, de Pétersbourg, de Moscou, des principales villes de l'empire.

Je lui serai bien obligé de me débrouiller le dédale du commerce des eaux de vie.

Quelle quantité d'huile tirée de l'étranger, année commune?

A combien s'évalue l'exportation du poisson et du caviar, année commune?

Quel est le rapport du salaire du journalier au prix des denrées nécessaires, ou combien un ouvrier journalier pourrait-il acheter de pain avec son salaire, ce qui vaut la livre du pain qu'il mange?

Que paye-t-on pour avoir le droit d'exercer librement son métier de tailleur, de perruquier e. t. c., et à qui ce droit se paye-t-il?

Saurait-on le nombre à peu-près de métiers-battants de l'empire?

Où sont les fabriques de savon?

Y-a-t-il plusieurs manufacture de glaces? Où en est celle qui a été établie par Pierre le-grand?

Quel est le salaire des matelots. Quel est le fret? Quel est le cabotage de port à port? Employe-t-il beaucoup de navires?

Y-a-t-il quelques banques ou compagnies d'assurances? Quel en est le cours dans les tems de paix? Y-a-t-il quelques usages de jurisprudence sur ce point?

Sa Majesté Impériale prie (oui, prie) m-r le comte de Munich de tâcher de me procurer un tableau, le plus complet qu'il se peut, des poids et mesures, longueur, largeur et profondeur, itinéraires, de solide, de fluide e. t. c.

Même prière sur les monnaies (autre tableau). Les espèces d'or et d'argent.

Quel est le revenu total de l'empire?

Quelle est la dette publique?

Pour combien de papiers?

Comment est ou se fait l'échange des espèces étrangères? Y-a-t-il des changeurs en titre et privilégiés?

Les tributaires de la couronne payent-ils en argent ou en denrées? Si en denrées, que deviennent-elles?

Переводъ. Вопросы, съ которыми Ея Императорскаго Величества поручила обратиться къ графу Миниху.

На какую сумму производится вся Россія ежегодно зерноваго хлѣба, считая годъ обыкновенный? Извѣстно ли это?

На какую сумму производится въ обыкновенный годъ конопля и льну?

Какое изъ того количество уходитъ въ чужіе края?

За подробностями о табакѣ велѣно обратиться къ графу Миниху.

По какой цѣнѣ нанимались таможенные помѣщенія въ 1749 году?

Сколько какаго лѣса ежегодно отпускается изъ Русскихъ портовъ?

О смоля, дегтѣ и варѣ вѣдно спросить у графа Миниха.

Что можно узнать объ урожаѣ, способѣ добыванія, перевозкѣ и продажѣ ревеню?

Какое количество лошадей отправляется въ обыкновенный годъ за границу?

Что ему извѣстно о торговлѣ медомъ и воскомъ?

Количество ежегоднаго вывоза шѣховъ и кожи. Дозволено ли вывозить сырую кожу?

Приблизительное населеніе имперіи, Петербурга, Москвы, главныхъ городовъ.

Я былъ бы ему очень обязанъ за разъясненіе спутанныхъ подробностей въ торговлѣ водкою.

Въ какомъ количествѣ получается изъ-за границы деревянное масло, принимая годъ обыкновенный?

На какую сумму вывозится въ обыкновенный годъ рыбы и шеры?

Какова бываетъ ежедневная заработная плата соотвѣтственно цѣнѣ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ, или сколько рабочій можетъ на получаемую имъ плату ежедневно купить себѣ хлѣба и что стоитъ фунтъ потребляемаго имъ хлѣба?

Что платится за право заниматься свободно ремесломъ портняжничьимъ, парикмахерскимъ и пр., и кому вносится эта плата?

Извѣстно ли приблизительно, сколько въ имперіи въ ходу ремесль?

Гдѣ мыльные фабрики?

Много ли стеклянныхъ заводовъ? Гдѣ учрежденный Петромъ Великимъ?

Сколько получаютъ жалованья матросы?

Какая плата за наемъ судна?

Каково прибрежное плаваніе изъ порта въ портъ? Много ли употребляется кораблей?

Есть ли банки и страховыя общества?

Каковъ ихъ курсъ въ мирное время?

Имѣются ли по этому предмету какіе либо юридическіе обычаи?

Ея Императорское Величество просить (да, просить) графа Миниха постараться о доставленіи мнѣ елико возможно полной таблицы вѣса и мѣры, долготы, ширины и глубины, путей, твердыхъ веществъ, жидкостей и пр.

Таже просьба о монетахъ (другая таблица) золотыхъ и серебряныхъ.

Какъ великъ ежегодный доходъ имперіи?

Какъ великъ общественный долгъ?

На сколько имѣется бумажекъ?

Сколько и гдѣ мѣняется иностранной монеты?

Есть ли привилегированные и заявленные мѣнялы?

Казенныя подати взимаются ли деньгами или произведеніями?

Если произведеніями, то что изъ нихъ дѣлается?

Графъ Моцениго.

Эпизодъ изъ первой Турецкой войны при Екатеринѣ II-й.

Рассказъ этотъ писанъ С. Р. Воронцовымъ, который послѣ Турецкой войны (въ которой принималъ онъ отличное участіе), вышелъ въ отставку и для поправленія здоровья ѣздилъ въ Италію, гдѣ и встрѣтился съ графомъ Моценигою. Судьбу его графъ Воронцовъ изложилъ въ собственноручномъ письмѣ - тетради, которое сохранилось въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, посреди Венеціанскихъ дѣлъ, въ картонѣ 1784 года. Къ кому именно писано письмо, положительно сказать нельзя; но можно догадываться, что оно было обращено къ закадычному другу графа Воронцова, графу П. В. Завадовскому, который состоялъ въ великой силѣ при Екатеринѣ. Письмо помѣчено: «Пиза, 29 Мая (10 Іюня) 1777 года». Лѣтошъ этого года Завадовскій утратилъ придворное значеніе и уже не могъ передать Государынѣ содержаніе письма о графѣ Моценигѣ, а отдалъ его вѣроятно графу Безбородкѣ, чѣмъ и можетъ быть объяснено, отчего оно сохранилось въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. П. Б.

Плачевное положеніе графа Моцениги, происшедшее отъ привязанности его, вѣрныхъ и знаменитыхъ услугъ имперіи нашей, заслуживаетъ несумѣнно вниманія Государыни. Онъ не только не награжденъ по мѣрѣ заслугъ своихъ, но еще потерялъ оными большую часть своего имущества и претерпѣваетъ по сіе время немалый ущербъ въ чести, принадлежащей знатности его имени. Въ семь дѣлъ не Государыня виновна, конечно. Всѣ знаютъ ея великодушіе, щедрость и сколь она ревнительно (какъ и должно) уважаетъ на достоинство свое и имперіи ей подвластной и какъ вслѣдствіе сего наградила Кантакузина, Аргирія и многихъ тому подобныхъ, коихъ заслуги были велики, но никакъ не равняются съ оказанными г. Моценигою. Несчастіе сего чловѣка произошло отъ того, что не во время онъ былъ въ Россіи; что тотъ, который его употреблялъ къ великой выгодѣ нашей и больше всѣхъ былъ въ состояніи объяснить его службу и страданія и испросить, наконецъ, достойно-должное ему награжденіе, былъ съ пріѣзду своего въ Москву не въ состояніи или (думая, что не въ состояніи быть за когонибудь заступникомъ) отрекся помогать ему. Потомъ тотъ же въ Петербургѣ, дѣльно или недѣльно (ибо я судить о семъ не могу), почитая себя огорченнымъ, сказалъ ему напрямикъ, что онъ «помнитъ весьма, коль велики его заслуги, коль много онъ потерялъ и страдалъ за оныя и коль достоинъ помѣрнаго награжденія; но что онъ въ такомъ поло-

женіи, что никакъ ни за кого заступитъ не можетъ; что если о немъ спросятъ, онъ отдастъ ему справедливость, но въ самое то время ничего за него просить не можетъ»¹⁾. Къ большому несчастію г. Моцениги, во все время его у насъ пребыванія, графъ Микита Ивановичъ²⁾ сначала былъ не въ силахъ, а потомъ былъ боленъ. Итакъ онъ попалъ въ руки Григорія Александровича³⁾ и вице-канцлера: первой ему не доброжелательствовалъ, а другаго ты самъ знаешь. Позволь, мой другъ, чтобъ я изъяснилъ тебѣ теперь для собственнаго твоего свѣдѣнія прошедшее и настоящее положеніе сего несчастнаго человѣка, состояніе его фамиліи и все, что онъ для Россіи дѣлалъ, почему и пропалъ.

Фимилія Моцениго—наипервѣйшая въ Венеціанской республикѣ какъ древностію своею, такъ знаменитостію великихъ дѣлъ; что она учинила, всѣми историками прославляется. Нынѣшній дождь есть восьмой, что она дала республикѣ, и ни которая другая столь большаго числа дождей у себя не имѣла. Во время второй Крестовой войны⁴⁾, когда Французы и Венеціанцы измѣннически овладѣли Цареградскимъ престоломъ, симъ послѣднимъ достались на долю большая часть Морей, Кандія, Негропонтъ и всѣ почти острова, что мы въ прошедшую войну имѣли въ Архипелагѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, Греки, выгнавъ Французовъ изъ столицы, изъ Фракіи и отсюду изъ земель Греческихъ, съ Венеціею помирились, уступя ей все ею заграбленное. Тогда она, дабы вѣрнѣе удержать сіи земли, отдѣлила туда часть своихъ гражданъ и дворянство, учредя вездѣ, по примѣру древнихъ Римлянъ, колоніи. Между дворянствомъ, въ Морею переселеннымъ, былъ одинъ Моцениго. Потомки сего, а предки нашего, получили въ той странѣ великія маестности, кои не токмо что въ старыхъ ландкартахъ именованъ сей фамиліи означены, но и нынѣ еще тако тамъ называются, и множество домовъ въ Коронѣ и Медонѣ стоятъ съ ихъ гербами; чему свидѣтели суть гр. Федоръ Григорьевичъ⁵⁾ и генералъ Анибалъ. Сначала первые переведенцы сохраняли законъ свой Римскій, но въ продолженіи времени многіе стали брать въ супружество знатныхъ дѣвицъ той земли и Греческаго исповѣданія; умирая, оставляли иногда дѣтей малолѣтнихъ, коихъ матери перекрестили въ свою вѣру. Республика сему не жѣлала, желая какъ наиболѣе привязать къ себѣ тогда Греческую націю, отчего произошло, что одной фамиліи одни въ Венеціи Западной церкви, другіе въ Греціи Восточной поклонялись. Сіе точно случилось съ Моценигами. Одинъ изъ предковъ нашего, будучи уже въ нашей вѣрѣ, по вышеозначеннымъ случаямъ, женился на дочери князя Токи; владѣтеля острова Занте. Сей князь умеръ, не имѣя сыновей и оставилъ наследство дочери; но сей изобильной островъ прельстилъ Венецію. Затѣмъ она (какъ сіе изпредавна между правленіями водится) овла-

¹⁾ Бого тутъ разумѣетъ графъ Воронцовъ, мы не знаемъ.

²⁾ Графъ Панинъ.

³⁾ Потемкина.

⁴⁾ Т. е. во время втораго Крестоваго похода.

⁵⁾ Орловъ.

дѣла онымъ, оставя законной наслѣдницѣ нѣсколько собственныхъ маестностей покойнаго князя, чѣмъ и понынѣ владѣтъ тотъ, о которомъ пишу и отъ чего онъ получалъ, до его аресту, отъ 9 до 10 тысячъ рублей доходу, а теперь ничего. Когда султанъ Баязеть выгналъ совсѣмъ Венеціанцовъ изъ Морем, республика наградила всѣхъ, кои потеряли тамъ земли, другими въ Кандіи, гдѣ Моцениги получили знаменитыя около Ретимо, коими владѣли до завоеванія Турками сего острова, послѣ чего переселились въ Зантъ. Тѣ изъ дворянъ Венеціанскихъ, кои сохранили законъ Римской, возвратились въ Венецію, гдѣ потомки ихъ пользуются преимуществами и правомъ соправленія республики. Моцениги Венеціанскіе повторительно уговаривали однофамильцовъ своихъ Зантскихъ, дабы возвратились къ прежней ихъ вѣрѣ, но безъ успѣху. Сии послѣдніе, хотя потеряли владѣнія свои въ Греціи, но сохранили привязанность, почтеніе и довѣренность въ земляхъ и островахъ того народа, такъ что безпрестанно надлежало республикѣ употреблять ихъ какъ во времена разрывовъ съ Портою, для диверсіевъ въ Греціи, такъ и во времена мира для сохраненія непрерывной связи съ несчастною сею землею, почему уважала и ласкала Моцениговъ Зантскихъ паче всѣхъ фамиліевъ въ Левантскихъ островахъ ея владѣнія. Отецъ нашего, въ послѣднюю войну между республикою и Портою, командовалъ двумя Венеціанскими военными кораблями, что никогда не случалось чело-вѣку другаго закона: ибо сухопутныя свои силы она поручаетъ иностраннымъ и иногда людямъ не-Римскаго исповѣданія, но морскія—никому кромѣ своихъ патрицевъ, кои всѣ Западной церкви, не вѣрять. При рожденіи нашего былъ ему отцемъ крестнымъ однофамилецъ его нынѣшній дожъ, а тогда кавалеръ Saviogrande и прокураторъ св. Марка, т. е. имѣя наипервѣйшія достоинства того правленія. Онъ испросилъ его отъ отца къ себѣ въ домъ для воспитанія и взялъ въ Венецію о 14-ти мѣсяцахъ, имѣлъ попеченіе какъ о сынѣ и держалъ до 20 лѣтъ, доколѣ окончилъ свое ученіе; между тѣмъ всячески старался уговорить его къ перемѣнѣ закона, но всеу. Вѣрбичествѣ г. Моцениго отрицался, бояся отца своего; а пришедъ въ совершенный возрастъ, когда уже и отецъ умеръ, отрекся то учинить не для суевѣрія, но почитая весьма гнуснымъ перемѣнить законъ своихъ предковъ, оставя сіе разбирать Богу, чья мольба Ему угоднѣе. Воспитатели не переставали любить его за то; ибо болѣе для собственной его выгоды на землѣ, нежели для спасенія его души въ небѣ проповѣдывали. Живучи въ Венеціи, онъ былъ, по причинѣ однофамильцовъ своихъ, всегда въ обществѣ наипервѣйшихъ членовъ сей республики, почему и знаетъ ее совершенно.

Видя, наконецъ, что по причинѣ закона надлежитъ ему остаться навсегда въ праздности и безъ мѣста сходственнаго съ достоинствомъ его фамиліи, вознамѣрился онъ принять чужую службу, имѣвъ сему примѣръ въ своемъ домѣ, гдѣ дядя его родной былъ въ службѣ курьера ГанOVERскаго (которой послѣ былъ королемъ Англійскимъ), у коего былъ подъ конецъ тайнымъ совѣтникомъ и министромъ въ Венеціи, гдѣ въ сей должности и умеръ. По причинѣ

вѣры онъ весьма желалъ служить Россіи, но, не имѣвъ ни малаго у насъ знакомства, опасался не успѣть и сдѣлать предальнее путешествіе втунѣ. И такъ былъ въ нерѣшимости. Однакожь, для всякаго случая, взялъ дозволеніе у штатскихъ инвизиторовъ принять иностранную службу и получилъ его формально. Онъ бы могъ и безъ того обойтись, поелику всѣ дворяне подданства республики, лишь бы не были патриціи и соправители оной, вольно могутъ брать иную службу; почему Австрійской домъ множество ихъ имѣетъ между своими генералами, какъ то Пелегрини и т. п. Но онъ сіе сдѣлалъ изъ уваженія къ сродственникамъ своимъ въ Венеціи. Скоро потомъ необходимыя нужды не дозволяли ему помышлять о семь дѣлѣ, а надлежало ѣхать въ Зантъ и пребыть тамъ нѣсколько лѣтъ сряду. Потомъ, за годъ до войны нашей, былъ онъ въ Венеціи, помышляя пуще прежняго искать нашей службы; но въ самое то время возвратился изъ Россіи Маруци съ знатнымъ чиномъ и лентою. Тогда зачалъ онъ размышлять, что естли, поѣхавъ въ Петербургъ, возвратится менѣе отличенъ чѣмъ Маруцій, которой весьма далекъ отъ него породю и прочимъ, сіе оскорбитъ сродственниковъ и однофамильцовъ его и нанесетъ ему въ Зантъ и во всей Греціи стыдъ и посмѣяніе. Онъ отложилъ свое намѣреніе, уважая и на то, что уже былъ тогда въ такихъ лѣтахъ, что метаться, какъ молодому человѣку, неприлично; положилъ возвратиться въ домъ свой, упражняться воспитаніемъ своего сына и послать онаго, какъ придетъ въ возрастъ, къ намъ для принятія службы.

Въ Зантъ будучи, свѣдалъ онъ о разрывѣ нашемъ съ Портою и, какъ не приготавливалъ себя никогда къ военному ремеслу, то и не считалъ, чтобы сіе приключеніе завело его къ Россійской службѣ, тѣмъ наипаче, что ни онъ и никто вообразить себѣ не могъ, чтобы флотъ нашъ появился въ Левантъ; за тѣмъ и жилъ спокойно, какъ вдругъ, по несчастью его, можно сказать, присталъ къ острову, противъ самыхъ его владѣній, первый Россійскій фрегатъ, нагруженный военными припасами, необходимо нужными для флота и Морейскаго предпріятія. Оной потерялся отъ флота около Магона и занесенъ былъ впередъ, въ страны неизвѣстныя нашимъ мореплавателямъ, безъ должныхъ картъ тѣхъ морей, безъ лоцмановъ, знающихъ тѣ гавани, ни къ кому не адресованный, имѣя нужду во всемъ и вѣсто помощи вида всевозможныя себѣ препятствія (ибо Венеціанской губернаторъ съ фрегата на берегъ никого пустить не дозволилъ и своимъ къ судну подѣзжать запретилъ). На другой день фрегатъ сей попалъ на камень и погибъ бы несумѣнно, ибо наполнялся уже водою. Тогда г. Моцениго, изъ жалости, изъ усердія къ вѣрѣ и имперіи нашей, не смотря на запрещеніе, послалъ болѣе 300 человѣкъ своихъ подданныхъ въ разныхъ баркахъ съ искусными лоцманами, кои, работая полторы сутки, съ трудомъ и противъ чаянія, судно спасли и привели въ портъ, гдѣ тотъ же Моцениго удовольствовалъ экипажъ всѣми потребностями и склонилъ губернатора просьбами и подарками, дабы онъ позволилъ сему судну исправиться въ Зантъ. Капитанъ, всѣ офицеры и матросы не иначе признавали г. Моценигу

какъ ихъ спасителя. При отправленіи изъ Занты онъ снабдилъ ихъ картами и искусными лоцманами.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ⁶⁾, увѣдомясь отъ офицеровъ того фрегата о семъ происшествіи и узнавъ отъ всѣхъ Грековъ, коимъ великой кредитъ имѣеть г. Моцениго въ Греціи, Албаніи и Далмаціи, написалъ къ нему письмо прелюбопытное, прося при томъ, дабы принять Россійскую службу и остался бы въ Зантѣ для пользы оной, помогая флоту всячески и подавая ему нужныя извѣстія о всемъ, что происходитъ въ областяхъ непріятельскихъ смежныхъ съ мѣстомъ, гдѣ онъ находится, и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онъ имѣеть сношеніе, обнадѣживая его объ отличности и награжденіяхъ, что Государыня не преминетъ ему сдѣлать, и между тѣмъ посылая ему патентъ подполковничій. Онъ сему весьма удивился и хотѣлъ патентъ отослать назадъ, какъ человѣкъ въ семъ ремеслѣ не упражнявшійся и желающій служить въ штатскомъ или политическомъ, да и не съ такимъ малымъ чиномъ, помня особливо Маруція. Сей подполковничій чинъ польстилъ бы его въ 25 лѣтъ, а не въ 43, кои онъ тогда имѣлъ. Но, размышляя, что огорчитъ невиннаго человѣка, котораго, можетъ быть, и сила далѣе не простиралася; надѣясь при томъ, что гр. Алексѣй Григорьевичъ не оставитъ о немъ предстательствовать и что, отказавъ, самъ у себя отъиметъ способъ оказать ревностную свою службу къ государству, къ коему онъ уже издавна усердствовалъ, отвѣчалъ графу Алексѣю Григорьевичу, что благодарить его не за патентъ (поселику онъ уже въ такихъ лѣтахъ, что, не служа доселева въ войскѣ, теперь поздно сему ремеслу учиться), но за то, что подаетъ ему случай оказать свое усердіе толь великой Государынѣ, для которой онъ готовъ жертвовать себя и свое имущество, и что съ сей поры онъ всѣ свои дѣла оставитъ, чтобъ упражняться порученными ему отъ графа. Тутъ стали давать ему какъ оба графа, такъ и Спиридовъ безпрерывныя комисіи, поручили ему снабжать всѣ приставающія суда наши, стали требовать лоцмановъ, карты морей и острововъ, описанія разныхъ мѣстъ непріятельскихъ, желали имѣть обстоятельныя извѣстія о приуготовленіяхъ Турецкихъ въ тамошнихъ округахъ, для чего онъ долженъ былъ содержать шпионовъ въ Моревъ, въ Дульцинии, въ Кандіи и Тунисѣ, принужденъ былъ возобновить старыя свои переписки въ Цимарѣ, въ Албаніи и Далмаціи, гдѣ его предки великой кредитъ имѣли, которой онъ и по сіе время, не смотря на несчастное свое положеніе, сохраняетъ. Изъ сихъ трехъ провинціевъ онъ болѣе 5 тысячъ солдатъ вооруженныхъ въ разныя времена подговорилъ и доставилъ къ флоту, такъ наблюдая интересъ казенный, что сіе отправленіе ничего не стоило и что имъ жалованье началось по прибытіи въ Пиросъ, когда прочіе господа ни одного человѣка не поставили Грека, Албанца или Далмата, чтобъ оной въ 60 рублей не сталъ еще до прибытія.

Извѣстія, кои онъ давалъ о вооруженіяхъ непріятельскихъ, были толь вѣрны и обстоятельны, что никто прежде его не зналъ и вѣрить не

⁶⁾ Орловъ.

хотѣлъ, чтобъ во время перемирія Дульциніоты и Тунисское правленіе могли бы переслаться и уговориться между собою вооружить какъ можно болѣе фрегатомъ и шембековъ и, соединясь съ третьею эскадрою, что ожидали изъ Кандіи, идтить прямо въ Аузу, портъ при Паросѣ, гдѣ наши спокойно стояли, надѣясь на перемиріе и гдѣ бы были сожжаны несумнѣнно, какъ Турки въ Чесмѣ. Но графъ Моцениго тотчасъ извѣстилъ какъ о намѣреніи, такъ и о силахъ, что въ вышеозначенныхъ мѣстахъ приготовлялись и представилъ, что неотмѣнно надлежитъ идтить въ Дульциню, гдѣ наибольшая часть силъ непріятельскихъ собирается и разбить оную до соединенія съ прочими. Графъ Алексѣй Григорьевичъ сперва не вѣрилъ, потомъ опасался войтить или послать кого въ Адриатическое море, думая, какъ и многіе, что въ оное кромѣ Венеціанскихъ военныхъ судовъ прочимъ военнымъ судамъ другихъ державъ входить не можно для мнимаго владычества сей республики надъ симъ моремъ; но онъ ему доказалъ, что сіе мнимое право неосновательно, не всѣми признано, и что коли есть авторы, кои оное утверждаютъ, есть столько же, кои торжественно его опровергли; представилъ ему примѣръ Французскихъ кораблей, кои какъ при Людовикѣ XIV-мъ, такъ и при правительствѣ герцога Орлеанскаго, входили въ Адриатику; наконецъ, представилъ, что когда Дульциніоты, непріатели наши, живущіе на берегу сего моря, противу насъ вооружаются, мы имѣемъ неоспоримое право искать ихъ въ ихъ гнѣздѣхъ и истребить, поколику сіе возможно будетъ. Онъ убѣдилъ сими доказательствами. Послана была эскадра, и велѣно ей зайтить въ Зантъ для полученія подробныхъ объясненій отъ г. Моцениги. Онъ снабдилъ ее всѣмъ потребнымъ, далъ лоцмановъ, знающихъ тѣ берега и пристани и увѣдомилъ, что надлежитъ слѣпить (ибо Дульциніоты уже вышли въ море), что надлежитъ ихъ встрѣтить до выхода изъ Адриатики и что, упусти сіе, въ Средиземномъ трудно будетъ помѣшать соединенію непріателя. Эскадрѣ удалося счастливо; ибо, встрѣтя Дульциніотовъ въ морѣ, драгася съ оными, гнала до Патроса, подъ коимъ городомъ было другое сраженіе, въ коемъ 17. наибольшихъ непріятельскихъ судовъ сожжено, остальные 11 успѣли завернуть (хотя весьма поврежденные) въ портъ того города, подъ защиту крѣпости. Тунисцы, услышавъ о семъ несчастіи, не смѣли войтить въ море, и какъ они, такъ и Кандійское вооруженіе и Дульциніоты во всю войну нигдѣ болѣе ужъ не показывались.

Вотъ какія полезныя извѣстія онъ подавалъ по флоту! Онъ увѣдомлялъ нашихъ не только что дѣлается въ пограничныхъ областяхъ непріателя, но и о томъ, что въ Царѣ-градѣ происходило; ибо всегда имѣлъ, способомъ вѣрныхъ друзей въ Венеціи, реляціи баила или по нашему посла Венеціанскаго при Портѣ. Онъ имѣлъ способъ сообщать и о томъ, что въ Венеціанскомъ Сенатѣ происходило. Затѣмъ онъ получалъ благодарныя письма отъ графа и Спиридова, въ коихъ точно сіе изображено (ибо я ихъ читалъ): ты нашъ спаситель, ты нашъ вѣрный сторожъ; мы за твоею прозорливостію пребываемъ спокойны; не сумнѣвай-

ся о награжденіяхъ, похвальныхъ⁷⁾ отличности службъ твоихъ.

Венеціанцы (опасаясь Турокъ по привычкѣ, а насъ еще болѣе по причинѣ, что всѣ подданные ихъ въ Левантѣ и Далмаціи суть нашего исповѣданія и такъ намъ суевѣрно преданы, что, явно пренебрегая повелѣнія республики, къ нашимъ приставамъ, подавали всевозможную помощь и воевали противу Турокъ, не смотря на то, что многіе претерпѣли за сіе казнь престоюкую) стали подозрѣвать гр. Моценигу и привязываться къ оному. Но сіе было трудно, поелику онъ объявлялъ уже предъ тѣмъ губернатору, что онъ находится въ Россійской службѣ, показалъ патентъ свой и что имѣетъ повелѣніе пребывать въ Зантѣ неотлучно для исправленія нуждъ флотскихъ, для чего и оставленъ былъ на время въ покой. Графъ Алексѣй Григорьевичъ поручилъ ему примать въ свое покровительство тѣхъ несчастныхъ Мореотовъ, кои, спасаясь отъ ищенія и меча Турецкаго, въ Зантѣ приставали. Тутъ онъ вздумалъ первой и послалъ о томъ проентъ къ графу, чтобъ забрать дѣтей отъ наипервѣйшихъ изъ сихъ несчастныхъ и отправить ихъ въ Россію для воспитанія, чѣмъ возстановится наипаче въ будущія времена связь межъ Россією и Греками, что и учинилось. Но, не довольствуясь малымъ числомъ тѣхъ дѣтей, кои были тогда въ Зантѣ, онъ посылалъ еще вѣрныхъ людей въ Морею и Албанію, гдѣ, способомъ довѣренности, что христіане тамо живущіе къ нему и его фамиліи имѣють, удалось ему украсть множество сихъ несчастныхъ ребятъ изъ самыхъ рукъ Турецкихъ, что паши вмѣсто залогу при себѣ держали. Сіе надѣшно⁸⁾ взбѣсило тѣхъ нашей и Порту, которые съ угрозою требовали отъ республики выдачи уведенныхъ и наказанія графа Моцениги, какъ Венеціанскаго подданаго; но онъ успѣлъ укрыть несчастныхъ сихъ отъ пагубы, отправивъ ихъ заблаговременно на судахъ нашихъ, а Венеціанцамъ отвѣчалъ, что, будучи въ службѣ Россіи, которая въ войнѣ съ Портою, онъ дѣлаетъ что ему приказано, и имъ за него отвѣчать не надлежитъ.

Венеціанцамъ онъ столь несносенъ сталъ, что всячески избавиться отъ него желали и возрадовались сему случаю, какъ способному для его изгнанія; но, бояся флота нашего, не смѣли то учинить явно. Правленіе сдѣлалось какъ будто невѣдомо, что онъ въ нашей службѣ, якобы Зантской губернаторъ о томъ оное не увѣдомилъ, и разглашать стало, что графъ Моцениго бунтуетъ, не слушается губернатора въ Зантѣ и заводитъ вражду межъ республикою и Турками. Губернаторъ началъ подъ рукою стращать его и что, если онъ не спасется бѣгствомъ, то предстоить ему великія напасти; наконецъ, видя, что графъ Моцениго съ мѣста не трогается, сталъ онъ подсылать къ нему людей, кои, уговаривая его къ оставленію острова, объявили ему, что правленіе негодуетъ на его тамъ пребываніе и что неизбѣжно будетъ несчастливъ. Онъ отвѣчалъ на сіе, что онъ не

⁷⁾ Т. е. соразвѣрныхъ.

⁸⁾ По нѣмѣнскому—чрезвѣрно.

въ своей волѣ, что безъ посрамленія и достойнаго наказанія онъ не можетъ, презрѣвъ данныя ему повелѣнія, оставить свое мѣсто изъ малодушія, что всякая напасть ему гораздо менѣ оскорбительна безчестія, что онъ писалъ къ графу Алексію Григорьевичу, прося дозволенія выѣхать изъ Занта, что до полученія онаго онъ никакъ самъ собою не поѣдетъ, развѣ губернаторъ пришлетъ къ нему письменное повелѣніе оставить островъ: тогда онъ конечно противиться не будетъ, имѣя смѣло оправданіе у своихъ начальниковъ; что онъ дивится при томъ, для чего (если онъ такъ неповинно сдѣлался несноснымъ правленію) уже давно ему не послали сіе письменное повелѣніе вмѣсто словесныхъ совѣтовъ, кои ничего не значуть и отъ коихъ всегда отпереться можно, а онъ въ дуракахъ останется. Онъ дѣйствительно увѣдомилъ уже графа, что дѣло дойдетъ до крайности и что въ положеніи, въ коемъ находится, его въ Зантѣ пребываніе не можетъ ужъ быть полезно службѣ. Но долго не получалъ отвѣта; а Венеціанцы, потерявъ терпѣніе и позабывъ должное къ Россіи уваженіе, арестовали его, что произошло слѣдующимъ образомъ. Какъ всѣ жители города и острова Занта суть Греческаго исповѣданія и всѣ весьма привязаны къ графу Моценигъ, то губернаторъ, опасаясь возмущенія отъ обывателей въ пользу онаго, послалъ подполковника съ 400 солдатъ вооруженныхъ для взятія его подъ караулъ; но, не смотря на число сихъ воиновъ, народъ, который тамъ всегда вооруженъ бываетъ и гораздо храбрѣе никуда негодныхъ Итальянскихъ солдатъ, что республика тамъ держитъ, окружилъ тотчасъ домъ графа Моцениги съ тѣмъ чтобы, разбивъ солдатъ, выручить плѣннаго. Подполковникъ былъ внѣ себя отъ страху; а плѣнный, видя, что онъ окруженъ солдатами, кои во время бою его бы застрѣлили, принужденъ былъ выйти на балконъ и уговорить народъ, чтобы правленію не мѣшали и чтобы о немъ не сумнѣвались: ибо, какъ въ службѣ ея императорскаго величества, онъ на защиту ея уповаеть. Съ трудомъ, но уговорилъ онъ обывателей. Въ благодарность сего, подполковникъ съ офицерами и всѣмъ причетомъ разграбили весь домъ, разломали кладовыя, вытащили серебро, деньги, женины брилліанты; къ сему несчастію соединилось то, что при арестѣ жена его такъ одному испугалась, что въ ту же минуту пала въ параличъ, отъ котораго по сіе время ходить не можетъ и только что въ церковь, съ помощію двухъ человѣкъ, кои ее поддерживаютъ, развѣ въ мѣсяцъ таскается.

По взятіи перевезли его на островъ Корфу и посадили въ цитадель въ темницу, гдѣ пробылъ 8 мѣсяцевъ и гдѣ бы удавили его конечно, и онъ самъ ежечасно ожидалъ своей кончины, и для того сдѣлалъ свою духовную, препоручая бѣдныхъ своихъ дѣтей призрѣнію Государыни и попрося попа, котораго ему отказать не могли, вручить ему оную для пересылки ея по смерти его въ Россію. Но счастье его адмиралъ Спиридовъ (ибо графъ былъ тогда въ Петербургѣ).

Надо знать, что графъ Моцениго, предвидя свое несчастіе, всѣ бумаги свои успѣлъ за нѣсколько времени тайно перевезти въ одинъ отдаленный свой загородный домъ и наканунѣ ареста получилъ письмо

отъ адмирала весьма дружеское и въ коемъ онъ ему даетъ множество комиссіевъ, касающихся до службы. Сіе письмо схвачено было подполковникомъ и переслано въ Венецію, гдѣ стали опасаться слѣдствія сего дѣла; затѣмъ Сенатъ повелѣлъ генералу своему въ Левантъ Реньеро, чтобъ онъ послалъ къ Спиридову того же подполковника съ письмомъ слѣдующаго содержанія: Графъ Моцениго, подданный республики, впавшій въ непослушаніе и почти явный бунтъ, посаженъ оною въ темницу; но какъ слухъ носится, якобы онъ находится въ Россійской службѣ, то, если сіе неложно и господинъ адмиралъ его потребуетъ, онъ возвращенъ будетъ безъ задержанія.

Адмиралъ, который увѣдомилъ уже дворъ о семъ арестѣ и думая, что оной конечно съ твердостью, сходною съ достоинствомъ имперіи, не токмо потребуетъ его возвращенія съ честью (наблюдая, чтобы по выдачѣ не разворенъ былъ въ имуществѣ), но что потребуетъ должную сатисфакцію или извиненіемъ республики, или наказаніемъ губернатора,—не смѣлъ принять графа Моценигу и за тѣмъ отвѣчалъ весьма благоразумно, что хотя дошелъ до него слухъ о семъ страшномъ происшествіи, но онъ вѣрить тому не хочетъ, чтобъ республика, столь мудростью издавна прославляемая, допустила, чтобъ мимо оной господинъ генералъ повелѣлъ подкомандующему своему, губернатору острова Занта арестовать, противъ права народнаго, уполномоченнаго штабъ-офицера Россійской императрицы, который, по публичнымъ повелѣніямъ ея, исправлялъ Россійскія дѣла въ Зантѣ; что онъ паче всего дивится, что теперь какъ будто сумнѣваются о бытности его въ службѣ императорской, когда уже нѣсколько лѣтъ сряду сами губернаторы Зантійскіе чрезъ него, какъ повѣреннаго отъ флота, доставляли въ оной разныя свои представленія; что онъ его принять теперь не можетъ, поелику извѣстилъ о семъ уже Государыню, которая конечно съ республикою объяснитсѣ о семъ необыкновенномъ дѣлѣ, а между тѣмъ надѣется, что графъ Моцениго будетъ сохраненъ съ честью и почтеніемъ, принадлежащимъ его имени и особливо величеству Государыни, которой онъ служить. Но какъ адмиралъ опасался, чтобы арестантъ не былъ отравленъ ядомъ (что въ Венеціи нерѣдко бываетъ, когда инако ей отъ кого отдѣлаться не можно), то повелѣлъ нашимъ судамъ всячески прививаться къ Венеціанскимъ купеческимъ и арестовавъ приводить въ Паросъ, аки бы доставляющихъ непріятелю нашему припасы. Генералъ Левантскій Реньеро писалъ къ нему о семъ жалобы, на кои онъ ничего не отвѣчалъ, сказавъ только словесно, что онъ сіе дѣло и разбирать не станетъ, пока не окончено будетъ дѣло графа Моцениги. При томъ, какъ онъ опасался отравы сего несчастнаго, то и разгласилъ умышленно, такъ что сіе дошло до Венеціи, что все что приключится съ арестантомъ нашимъ, тожъ самое будетъ съ Венеціанцами, взятыми на корабляхъ, что испугало Сенатъ и спасло при томъ того; о комъ пишу.

Наконецъ, пока изъ флота дошло извѣстіе ко двору и отъ онаго хотя незамедленно послано требованіе въ Венецію, прошло 8 мѣся-

цевъ, республика тотчасъ выпустила графа Моценигу, объявивъ ему при томъ, что подъ смертною казнію запрещается ему показываться во владѣніяхъ оной. Спиридовъ принужденъ былъ его принять, послѣ того какъ дворъ такъ кончилъ. Но, ежели бы дворъ нашъ, требуя усильно арестанта, заключилъ тѣмъ, что окончаніе сего дѣла адмиралу препоручаетъ, сей бы принудилъ Венеціанцовъ отступить отъ запрещенія, сдѣланнаго арестанту толь безчестно и разорительно. Онъ, и въ темницѣ будучи, усердіемъ, разумомъ и не щадя своего разореннаго имущества, нашелъ способъ служить флоту, какъ будто находился въ Зантѣ и на волѣ: ибо, подкупя стерегущихъ его офицеровъ, сталъ сначала переписываться съ знакомыми ему богатыми Корфіотами, кои давали ему взаймы денегъ, коими онъ награждалъ офицеровъ и чрезъ то имѣлъ способъ продолжать всѣ старыя свои перениски и по онымъ увѣдомлять о всемъ адмирала, который теперь въ Петербургѣ и можетъ о всемъ засвидѣтельствовать.

Ты видѣлъ всю его службу. Знай же теперь все, что онъ потерялъ оною. Въ семь лѣтъ, что онъ былъ въ оной, не получалъ ни полушки ни жалованья, ни награжденія; за шпионовъ, коихъ онъ содержалъ въ Моревъ, во многихъ мѣстахъ Румелии, въ Кандіи и Тунисѣ и коимъ платилъ богато (поелику сіе ремесло водить на висѣлицу), ему ничего не заплатили; за почту, по пространной его перепискѣ по дѣламъ нашимъ въ Левантѣ, ничего же не дано. Трижды призывали его въ Пизу, куда надлежало изъ Занта ѣздить моремъ до Неапольскаго королевства, а оттоль чрезъ всю Италію до Пизы и тако назадъ; дважды посылали его въ Венецію, не давъ никогда ничего на дорогу. Домъ его разграбленъ болѣе какъ на 20,000 рублей. Чтобъ содержать жену, сына и дочь въ Италиі, чтобъ съ чѣмъ ѣхать въ Россію, чтобъ заплатить долгъ, что онъ по причинѣ аресту, подкупленія офицеровъ и пересылки въ разныя стороны и къ адмиралу, сдѣлалъ въ Корфу, онъ принужденъ былъ истратить остатокъ своего имущества, ибо вынулъ изъ Венеціанскаго банка 5000 своихъ червонныхъ, кои ходили въ процентъ. Въ Россіи проволочили его 15 мѣсяцевъ, въ кои онъ такъ прожилъ, что еслибъ Государыня не пожаловала ему 2000 рублей на дорогу, ему бы выѣхать не съ чѣмъ было. Какъ ему запрещено въѣзжать въ Венеціанскія области и какъ онъ подъявнымъ негодованіемъ того правленія, то всѣ тамошніе отъ него отступились. Ни одинъ адвокатъ не примаётся стряпать по дѣламъ его, отчего онъ и потерялъ ужъ много процессовъ; должники ничего ему не платятъ, прикащики его отъ смотрѣнія за деревнями отказались. Сіи деревни всячески разоряются, и онъ ни полушки дохода съ нихъ не получаетъ и, слѣдовательно, безъ конфискаціи оныя дѣйствительно конфискованы. И такъ онъ потерялъ, служа намъ, все что дошло ему отъ предковъ. Сравни же, прошу, его съ Канталузиннымъ, съ Аргіріемъ, съ Маруціемъ. Первые два служили конечно, и воздаяніе имъ надлежало; но ихъ услуги не равняются съ тѣми, что оказалъ графъ Моцениго. Они ничего не претерпѣли и, какъ ты самъ знаешь, себя не позабывали, и всякій изъ нихъ, не въ зачетъ будущаго награжденія, сами себя награждали, такъ что, при оконча-

ни войны, они очутились гораздо богаче, какъ при началѣ оной. Я никакъ не порочу то, что для Маруція сдѣлано; ибо Россія неотвѣдно должно привизывать къ себѣ Греческую націю, а чины и ленты въ той странѣ сильнѣе, какъ у насъ дѣйствуютъ. Фортуна, что сдѣлалъ у насъ Рагузинскій, подѣйствовала сильно во всемъ Левантѣ. Отличности, что получилъ Маруцій, сугубую возжгли надежду на призрѣніе Россіи къ народамъ одновѣрнымъ съ нею. Но что учинилось съ графомъ Моценигою, удивляетъ всѣхъ неизобразимо: ибо никто понять не можетъ, отчего произошло, что человѣкъ, который во всѣхъ тѣхъ странахъ знатностію породы и кредитомъ ни съ кѣмъ не равняется, который не искалъ въ насъ нужды, который изъ усердія служилъ отлично, жертвовалъ жизнію, потерялъ все имѣніе, брошенъ пуще всѣхъ. Я его и съ славнымъ Кантемиромъ не равняю, ибо что тотъ сдѣлалъ? Развѣ онъ или какой государь Молдавскій или Волосской могъ бы, когда Турокъ нѣтъ въ землѣ ихъ (какъ то тогда случилось) выгнать собственными своими силами сильное и регулярное войско, которое полтора года предъ тѣмъ разбило славную и страшную Шведскую армію; отъ него ничего другаго не требовалъ фельдмаршалъ Шереметьевъ (который за нѣсколько мѣсяцевъ прежде Государя вступилъ въ Молдавію и зимовалъ въ Яссахъ) какъ провіанту для будущаго лѣта. Но, провождая всю зиму въ винѣ и въ банкетахъ, онъ за Кантемиромъ не смотрѣлъ, а тотъ или не въ состояніи былъ, или самъ былъ обмануть, провіанту не собралъ, что главною причиною было къ тому Прутскому безчестію: ибо хотя Петръ I имѣлъ дѣйствительно (какъ то видно по журналамъ) 40 тысячъ пѣхоты, кромѣ кавалеріи; но, не имѣвъ духа общаго нашего благодѣтеля^{*)}, который смѣло повелъ 17 тысячъ голодныхъ отнять обѣдъ у 150 тысячъ непріятеля, принужденъ былъ за недостаткомъ провіанта, учинить миръ безчестный и возвратиться во свояси съ Турецкими сухарями, кои даны были изъ милосердія. Вотъ дѣло Кантемира, и за что потомки его пребогаты, когда прочихъ государей дѣти безъ хлѣба часто въ Цареградѣ шатаются?

Разсуди пожалуй, справедливо ли, что графъ Моцениго, котораго для тысячи причинъ отличить бы надлежало, служба болѣ и претерпѣвъ болѣ какъ Кантакузинъ, и раззоренъ совершенно, однакожь не награжденъ и не отличенъ по сіе время.

Онъ въ Петербургѣ просилъ вице-канцлера: 1) о удовлетвореніи за претерпѣнные убытки и за службу не награжденную; 2) о истребованіи отъ Венеціанцовъ разрѣшенія отъ запрещенія ему сдѣланнаго; ибо, хотя онъ не хотѣлъ жить въ областяхъ республики, но надлежало ему хоть изрѣдка свидѣтельствовать своихъ повѣренныхъ и учреждать свою экономію; 3) о полученіи мѣста министерскаго въ Тосканѣ или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, въ Италіи или гдѣ бы то ни было, съ чиномъ и жалованьемъ сходнымъ съ его должностію. Онъ мнѣ божился, что естлибъ онъ получилъ равное награжденіе съ Кантакузинымъ, онъ бы тотчасъ натурализовалъ себя Русскимъ и переселился бы и со всею фамиліею въ Россію. Вице-канцлеръ ему отвѣчалъ только, что онъ въ первые два артикула не входитъ, а на третье ему сказывается, что о

*) Т. е. графа П. А. Румянцова-Задунайскаго.

семь и докладывать не хочеть, ибо въ Италиі нигдѣ у насъ нѣтъ министровъ, а въ Тосканѣ нельзя имѣть затѣмъ, что Тосканской дворъ у насъ своего не имѣеть. Сей отвѣтъ неоснователенъ, поелику великій герцогъ нигдѣ ихъ не держитъ, ниже во Франціи, въ Гиспаніи и Неаполѣ, съ коими онъ въ толь тѣсномъ сродствѣ, за тѣмъ, что всѣ дѣла его дѣлають во всѣхъ дворахъ министры брата его императора; все же сіи дворы и Англицкой съ ними имѣють министровъ своихъ во Флоренціи. Графъ Моцениго, какъ не былъ еще въ нашей службѣ, когда бывалъ во Флоренціи, былъ допущенъ, по причинѣ знатной своей породы, во внутренніе покои великаго герцога, куда только наипервѣйшее дворянство Тосканское и министры дворовъ впускаются; а нынѣ, съ чиномъ комисара (котораго съ консулами равняютъ) онъ ужъ не впускается. Двѣ тысячи жалованья, что онъ имѣеть, никакъ ему недостаетъ съ семьею, что онъ имѣеть. Естьлибъ онъ предвидѣлъ, что нашъ дворъ (какъ-то теперь случилось), разъ трактуй о немъ съ Венеціанцами, по отказѣ оныхъ отступится: онъ бы не просилъ инаго, а занявъ тысячъ 7 или 8 червонныхъ, деньгами бы досталъ свое разрѣшеніе; ибо лучше потерять оныя, нежели 10 тысячъ рублей доходу. Но онъ на дворъ надѣялся, и ему казалось, что неблагопристойно для онаго и для себя стыдно искать милости у своихъ враговъ и тѣмъ доказать, что онъ у насъ въ презрѣніи. Естьлибъ, при требованіи, что еще можно сдѣлать, была бы какая угроза, какъ-то что дворъ нашъ не можетъ сіе такъ оставить и что онъ не преминетъ вспомнить сіе дѣло при случаѣ: Венеціанцы, угнетаемые Турками, еще болѣе дворомъ Вѣнскимъ, бояся всего и страшась насъ всякой разъ что флотъ нашъ гуляетъ по Леванту, не смѣли бы отказать нашему требованію, особливо въ теперешнихъ обстоятельствахъ, что еще не рѣшено, имѣть ли намъ опять войну, которая, еслии будетъ, неотмѣнно надлежитъ флоту нашему быть въ Левантѣ. Теперь уже ему и деньгами того достать нельзя: ибо, отказавъ Государынѣ, кромѣ какъ ей опять въ угодность, для него самого теперь безъ двора нашего не сдѣлають.

Представъ себѣ, ради Бога, все злополучіе сего пренесчастливаго чловѣка и подумай, кто послѣ толь жестокаго примѣра отважится намъ служить! Я никакъ не сумнѣваюсь, и онъ самъ того же мнѣнія, что еслилибъ Государыня, которая столько же милостью, правосудіемъ, какъ мудростью преиспоинена, была обстоятельно увѣдомлена о его службѣ и разореніи, то конечно не оставила бы его безъ возданія.

Вотъ, мой другъ, что побудило меня обременить тебя письмомъ безкомечнымъ. Надѣюсь, что ты, изъ правосудія и изъ преданности въ Государынѣ, не оставишь учинить должное изъ сего употребленіе.

Прощай и помни, что коли есть рай, то въ оной только тѣ войдутъ, кои невиннымъ и несчастнымъ помогаютъ.

*

Графъ С. Р. Воронцовъ подружился съ графомъ Моцениго живучи въ Пизѣ, въ 1777 году, и черезъ пять лѣтъ, когда его назначили посланникомъ въ

Венецію (1783), и частнымъ образомъ защищалъ дѣло графа Моцениги передъ Венеціанскими властями, и писалъ въ Петербургъ, склоняя наше правительство настоячиво потребовать у Венеціанъ возвращенія графу Моценигѣ его имущества. Но кажется, что всѣ старанія графа Воронцова были въ этомъ отношеніи напрасны. Графъ Моцениго въ продолженіи долгаго времени оставался въ скромной должности нашего повѣреннаго при Тосканскомъ дворѣ. При Павлѣ, когда возымѣлъ значеніе графъ Ростовчинъ, ревностный приверженецъ графа Воронцова, сей послѣдній возобновилъ свое ходатайство, но также безуспѣшно ¹⁰⁾. Мало вѣроятія, чтобы графъ Моцениго былъ удовлетворенъ послѣ паденія Венеціанской республики, хотя въ царствованіе Александра Павловича графъ Н. П. Панинъ писалъ графу Воронцову изъ Петербурга въ Лондонъ: «Графу Моценигѣ воздана будетъ полная и совершенная справедливость. Его незаслуженныя страданія обращаютъ на себя милостивое вниманіе Государя съ самыхъ первыхъ дней его воцаренія, и рѣшено, что ему дадутъ первое открывшееся посланическое мѣсто» ¹¹⁾. Строки эти писаны 7 Іюля 1801 года, а вскорѣ за тѣмъ графъ Моцениго скончался, и 12 (24) Сентября того же года графъ Воронцовъ писалъ своему брату: «Ты часто отъ меня слышалъ о дружбѣ моей съ покойнымъ графомъ Моцениго. Онъ сдѣлалъ мнѣ великія одолженія во время втораго моего путешествія по Италіи, послѣ войны. Я тогда заболѣлъ тяжело въ Пизѣ, и онъ ходилъ за мною, какъ за роднымъ. Съ той поры онъ еще болѣе доказалъ мнѣ свою дружбу. Отправившись въ Пизу по кончинѣ жены, я былъ болѣнъ, и болѣзнь дошла до того, что докторъ Рицци въ теченіи нѣсколькихъ дней считалъ, что я уже больше не встану. Тогда графъ Моцениго необыкновенно какъ заботился обо мнѣ и о моихъ бѣдныхъ дѣтяхъ; онъ обращался съ ними, словно съ родными дѣтьми» ¹²⁾.

Имя графа Моцениги должно сохраняться признательно въ историческихъ преданіяхъ Русскаго народа. Онъ пострадалъ за свою приверженность къ православнои вѣрѣ и къ Россіи. Что касается до погубившей его Венеціанской республики, тогдашнее состояніе ея превосходно изображено С. М. Соловьевымъ въ новомъ (28) томѣ его Исторіи Россіи (стр. 49): «Это былъ разлагавшійся трупъ. Венеціанское правительство боялось всякаго движенія, ибо всякое движеніе могло болѣзненно потрясти и даже разрушить дряхлое государственное тѣло».

Сынъ графа Моцениги находился также въ Русской дипломатической службѣ.

П. Б.

¹⁰⁾ Архивъ Князя Воронцова VIII, 250.

¹¹⁾ Архивъ Князя Воронцова XI, 139.

¹²⁾ Архивъ Князя Воронцова X, 129.

Изъ бумагъ графа Никиты Ивановича Панина.

Бумаги эти, состоящія изъ черновыхъ писемъ знаменитаго графа Панина и изъ писемъ, которыя онъ получалъ со всѣхъ сторонъ, сохранились въ семейномъ архивѣ княгини Маріи Александровны Мещерской (урожд. графини Паниной). Мы разсмотрѣли покажеть 1770 годъ и съ дозволенія владѣлицы сообщаемъ сдѣланныя нами извлеченія. П. В.

А. Убийство генераль-аншефа Леонтьева.

Генераль аншефъ Н. М. Леонтьевъ (отецъ котораго приходился двоюроднымъ братомъ дарицѣ Натальѣ Кирилловнѣ) имѣлъ въ супружествѣ сестру графа П. А. Руманова-Зандунайскаго, графиню Екатерину Александровну; она не захотѣла жить съ нимъ и уѣхала обратно къ знаменитой своей матери (урожд. графинѣ Матвѣевой). Славный Еропкинъ былъ женатъ на сестрѣ убиеннаго Леонтьева, Елисаветѣ Михайловнѣ. Другая его сестра Анастасія Михайловна была свекровью княгини Дашковой; третья была за кн. Гагаринымъ, четвертая за Нарышкинымъ. Убийство человѣка въ такомъ чинѣ и съ такими связями было крупнымъ событіемъ въ жизни тогдашняго Русскаго общества; графамъ же Панинымъ убиенный Леонтьевъ приходился двоюроднымъ братомъ (матери ихъ, племянница князя А. Д. Меншикова, урожд. Еверлаковн, были родныя сестры). Леонтьевъ, въ Семилѣтнюю войну, въ Цорндорфскомъ сраженіи, былъ вѣтъ въ плѣнъ Прусаками. По развѣстѣ плѣнныхъ, Екатерина произвела его въ генераль-аншефы, въ день своего коронаванія въ 1762 году, послѣ чего онъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ своей Тульской губерніи, Крапивненской уѣзда. Прославившійся въ скоромъ времени усмиреніемъ Московскаго матажа Еропкинъ, стало бить, не могъ бить расположенъ къ мягкому обращенію съ чернью. Къ ниже-слѣдующему письму его приложенъ краткій экстрактъ изъ дѣла объ убійствѣ его шурина. Оказывается, что въ 1769 году Леонтьева застрѣлили спящаго, ночью, Матвѣй Садовскій, крѣпостной человѣкъ помѣщика Вонлярскаго. Убийцу подговорили къ тому дворовые люди и крестьяне Леонтьева, который жилъ въ деревнѣ, окруженный крѣпостными гусарами, кофишенками, скороходами и пр. Обращеніе его съ людьми видно изъ того, что по ночамъ у него привязывали къ солнечнымъ часамъ какого-то мальчика. Еропкинъ (тоже служившій въ Семилѣтнюю войну), во время убійства Леонтьева завѣдывалъ въ Москвѣ Главною Соляною Конторою и былъ сенаторомъ.

1.

Письмо къ графу Н. И. Панину изъ Москвы отъ П. Д. Еропкина.

Не поставьте себѣ, милостивый государь, за безпокойство высмотрѣть тѣ обстоятельства, въ каковыхъ состоитъ нынѣ тотъ самый ужасный случай, который произвелъ чрезвычайную кончину покойнаго Николая Михайловича. Я, ихъ поднося вашему сіятельству, признаюсь въ томъ, что не хотѣлъ бы я самъ при непрестанныхъ вашихъ, милостивый государь, важныхъ упражненіяхъ утруждать ваше сіятельство; но съ одной стороны, данное отъ вашего сіятельства на то позволеніе есть мнѣ предводителемъ, съ другой же и развѣявшіеся здѣсь ложные слухи о томъ, будто бы всѣ дворовые люди покойнаго въ розыскной экспедиціи перепытаны, обявали меня упреждать сіи плеведы тѣмъ, чтобъ иногда и при отъѣзѣ у двора ваше сіятельство имѣли

способъ о существовательномъ состояніи сего дѣла подать истинную идею; донося при томъ, что кромѣ шести человѣкъ, совершенно подозрительныхъ, въ числѣ которыхъ и самый убица, никто изъ взятыхъ подъ караулъ двадцати трехъ человѣкъ не только пытанъ, но и съ побоями не допрашиванъ; а и помянутымъ шести человѣкамъ, яко то убійцѣ и двумъ прикащикамъ, умершему Агаѣонову и другому Шебанову и сыну Агаѣонову, сотскому и одному малому, дѣланы только были распросы съ сѣченіемъ плетью. Изъ сего вашему сіятельству способно будетъ совершенное сдѣлать заключеніе, что разглашеніе о семъ, въ превратномъ видѣ производимое, безъ сумнѣнія стараніемъ вѣдомой особы, въ наслѣдство вступающей *)), произведено.

Правда, что по дошедшимъ по слѣдствію обстоятельствомъ отъ розыскной экспедиціи, представлено о пыткѣ убійцы, согласно съ постановленными на то законами, но еще резолюціи на произведеніе того не дано. Реестръ о привавшихъ отъ своихъ людей мучительную смерть въ одной только Московской губерніи имѣю честь прилагать при семъ. Съ истиннымъ высокопочитаніемъ не престану никогда быть и называться вашего высокографскаго сіятельства вѣрнымъ и всепокорнѣйшимъ слугою Петръ Ерощинъ.

Ч. 14 Января
1770-го года
Москва.

2.

вѣдомость, сколько отъ 1764 года до сего 1769 года понынѣ состоитъ дѣлъ въ увивствѣ людьми и крестьяны помѣщиковъ ихъ по Московской губерніи, а именно:

1764.

Помѣщицы Елисаветы Горчаковой и съ дочерью ея Анной.

1765.

Титулярнаго совѣтника Федора Васильева.

1766.

Капитана Никиты Грязева,
Титулярнаго совѣтника Алексѣя Лаптева,
Подпоручика Ивана Лопырева,
Маіорши Батерины Карташевой.

1767.

Прапорщика Андрея Бондаурова,
Капитана князь Ивана Мещерскаго,
Артиллеріи подпоручика Ивана Дмитріева,
Лейбъ-гвардіи поручика Ивана Шейшина съ женою его Елисаветою Семеновою.

1768.

Отставнаго секретаря Андрея Рогожина,
Дворянина Якова Трегубова,

*) Не княгини ли Дашковой?

Вахмистра Ефрема Тверитинова,
 Помѣщика Михайлы Муромцова,
 Помѣщицы Марьи Нестеровой,
 Морскаго флота констаеля *) Петра Зиновьева,
 Поручика Петра Семенова,
 Поручика Прохора Погонина,
 Поручика Щукина.

1769.

Отставнаго прокурора Василья Новокщенова и жены его,
 Вацтаньши Анны Атуевой,
 Прапорщика Давыда Болдырева,
 Подполковницы Агсины и дочери ея дѣвицы Натальи Вяткиныхъ,
 Лейбъ-гвардіи отставнаго каптенармуса Якова Коробова,
 Адъютанта Андрея Воейкова,
 Флота поручицы Елены Зиновьевой,
 Генералъ-аншефа и кавалера Николая Леонтьева.

*

Сверхъ того сколько на помѣщиковъ своихъ люди и крестьяне умышляли къ убивству смертному, а именно:

1766.

Инженеръ-совѣтника Раевского.

1767.

Прапорщика Семена Спѣшнева,
 Отставнаго капитана Бириллы Яновскаго,

1769.

Надворнаго совѣтника Федора Маевского,
 Артиллеріи генералъ-поручика Матвѣя Григорьева сына Мартынова.

3.

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ОТЪ МОСКОВСКИХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ.

Безчеловѣчное варварство и едва прииѣрное въ благоустроенныхъ христіанскихъ государствахъ, Сенатъ несчастіе имѣеть Вашему Императорскому Величеству чрезъ сіе донести.

Въ 1764 году открылося злодѣйство, что собственные домашніе люди помѣщичью свою и съ дочерью мучительски умертвили, а въ слѣдующемъ 1765 такое же повторилося; но съ того времени понинѣь каждаго года въ одной Московской губерніи такъ сильно тоже варварское злодѣйство отъ домашнихъ людей къ помѣщикамъ своимъ, а иногда и къ фамиліямъ ихъ умножилоса, что въ послѣднихъ четырехъ годахъ двойнымъ и тройнымъ больше числомъ, отъ собственныхъ своихъ людей многіе помѣщики и помѣщицы въ домахъ своихъ мучительски пострадали.

*) Констанель—нынѣь упраздненный чинъ прапорщика въ морской артиллеріи.

Предъ нѣсколькими до сего числами генераль-поручикъ Еропкинъ Сенату представилъ, что шурина его родной генераль-аншефъ Леонтьевъ по заговору домашнихъ своихъ людей отъ одного изъ нихъ ружейнымъ выстрѣломъ въ деревнѣ своей умерщвленъ. Такое, наконецъ, неслыханное злодѣйство и усугубленная дерзость навели страхъ и ужасъ на каждого изъ помѣщиковъ, до кого только слухомъ оное дошло. Больши паче Сенатъ, какъ и всѣ вѣрноподанные, въ сокрушеніе сердца пришли, вѣдая сколь много оскорбитъ долженствуетъ важное сіе происшествіе нѣжное въ человѣколюбии сердце Вашего Величества, которое неуспынный трудъ прилагаетъ въдривать благонравіе въ подданныхъ своихъ не страхомъ и мучительнымъ за преступленіе наказаніемъ, но кроткими и милосердными учрежденіями.

А какъ всѣ вѣрноподанные рабы Вашего Императорскаго Величества, подъ Богомъ врученною Вашему Величеству державою, вкусили уже того блага, котораго подданные отъ своей Самодержицы, милосердой и человѣколюбивой, ожидать естественное желаніе имѣли: то непосредственно и отъ всякаго вреда всѣ (во)обще и каждый особенно безопасность свою въ монаршей Вашего Величества особѣ полагаютъ. Слѣдовательно и уповаютъ, что неповинно пострадавшіе отъ руки злодѣевъ домашнихъ (отъ которыхъ никто предохраниться въ домѣ своемъ не можетъ) безъ праведнаго за нихъ отмщенія не останутся.

Сенатъ не осмѣлился, всемилостивѣйшая Государыня, видя столь великое въ народѣ зло, годъ отъ году двойнымъ и тройнымъ числомъ умножающееся, оставить безъ доношенія Вашему Величеству; а исполняя оное, находитъ себя непремѣнно обязаннымъ поднести сей всеподданнѣйшій докладъ, дерзая имъ представить, что Сенатъ Вашего Императорскаго Величества признаетъ нынѣ въ сихъ столь въ короткое время умножившихся убивствахъ особливую чрезвычайность варварскаго зараженія въ сердцахъ слугъ противъ ихъ помѣщиковъ и что умноженіе сего злодѣйства едва ли уже можетъ прекращаемо быть обыкновеннымъ въ человѣколюбивыхъ монаршихъ законахъ наказаніемъ. И она не требуетъ ли особливаго предписанія и власти Вашего Императорскаго Величества, дабы по такой чрезвычайности настоящаго государственнаго случая слѣдующіе нынѣ къ наказанію по симъ преступленіямъ особливо же и наказаны были, столько же для примѣра и воздержанія страхомъ другихъ, какъ и во исправленіе примѣчаемой очевидно заразы въ сердцахъ людей, не имѣющихъ въ душахъ своихъ воспитаннаго благонравія, ни въ христіанскомъ законѣ, ниже въ гражданской жизни ихъ природнаго состоянія, дабы тѣмъ всѣ вѣрноподанные рабы Вашего Императорскаго Величества впредъ не колебались въ безопасности отъ своихъ домашнихъ?

Всемилоствѣйшая Государыня! Сенатъ все сіе съ должнымъ подобострастіемъ предаетъ просвѣщенному, мудрому и пронизательному усмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества и ожидаетъ на оное высочайшаго повелѣнія въ учиненіи симъ послѣднимъ злодѣямъ смертной по законамъ казни, и сію божественными и гражданскими во всѣхъ народахъ уставами праведную месть не соизволите ли хотя на сей только случай повелѣть исполнить къ устрашенію злодѣевъ и къ удержанію отъ столь сварѣпаго и умножающагося челоукоубійства?

Вумага съ помятками и неизвѣстно, была ли въ этомъ видѣ доложена графомъ Панинымъ Государынѣ и состоялся ли Сенатскій докладъ чрезъ генераль-прокурора. Не знаетъ также наказанія, которое отерѣли убійцы Леонтьева.

Б. ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ, ВО ВРЕМЯ
МОРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ.

1.

Панины и Орловы представляют собою въ царствование Екатерины двѣ противоположныя силы, охранительную и начинательную. Братья Панины, по своему общественному положенію, глядѣли не совсѣмъ добродетельно на предпріятія братьевъ Орловыхъ, казавшіяся имъ какимъ-то опаснымъ молодецествомъ. Мысль о Морской экспедиціи принадлежала вполнѣ Орловымъ. Графъ Григорій могъ вознѣсть ее вслѣдствіе бесѣдъ съ Греческими и Славянскими выходцами, которые являлись къ нему, такъ какъ подъ его управленіемъ находилась такъ называемая „Контора опекунства иностранныхъ“; а графъ Алексѣй, побывавшій гдѣ-то въ Италію и посѣтившій Венецію, тотчасъ открылъ у себя прибѣжнице тамошнихъ православныхъ людей. Государя была, разумѣется, на сторонѣ Орловыхъ, и графу Никитѣ Ивановичу, управлявшему Иностранною Коллегіею, пришлось помогать дѣлу, которому первоначально самъ онъ не особенно сочувствовалъ.

Сб. 13 Января 1770.

Почтеннѣйшее вашего сіятельства письмо отъ $\frac{8}{10}$ Декабря произвело во мнѣ крайнее удовольствіе увѣреніемъ, что драгоцѣнная ваша дружба непремѣнно ко мнѣ продолжается. Какъ въ чистосердечное ей соотвѣтствіе, по персональной моей къ вамъ преданности, такъ и по долгу сына отечества, усердно радуюсь я, что прибытіе эскадры нашей въ Средиземное море приближаетъ и открытіе дѣлъ вашихъ, толь благоразумно предустроенныхъ.

Въ рескриптѣ за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ, которой ваше сіятельство съ симъ же курьеромъ получаете, находятся въ полной мѣрѣ всѣ тѣ предписанія, кои вамъ по разнымъ обстоятельствамъ нужны быть могутъ. Теперь остается намъ въ радостной нетерпѣливости ожидать счастливаго открытія вашихъ операций. Они всемѣрно удивятъ не однихъ враговъ нашихъ, невѣждъ Турковъ, но и всю Европу, потому что до самаго событія никто не воображалъ себѣ и возможности оныхъ. Правда, надобно было впервыхъ спорить съ стихіями; но, слава Богу, и тутъ уже большая часть трудностей преодолѣна, и мы надѣемся, что скоро и всѣ они прекращены будутъ прибытіемъ къ вамъ отставшихъ кораблей эскадры адмирала Спиридова, а по нимъ и Эльфинстоновой эскадры. Будутъ еще по огромности подвига нашего настоять естественно и другія препоны; но тѣ, коихъ преодолѣніе будетъ моральнымъ образомъ вовсе невозможно, не возмогутъ конечно остановить теченія вашего; а тѣ напротивъ, которыя могутъ еще тѣмъ или другимъ образомъ отвращены и пересилены быть, не устоятъ же равномерно, напередъ увѣренъ я, противъ мужества, прозорливости и великости духа вашего.

Въ Константинополѣ находится теперь нѣкто именемъ Лефортъ. Онъ былъ прежде во Французской морской службѣ, потомъ перешелъ въ Гишпанскую, а въ прошломъ году оставилъ оную по неустойкѣ Мадридскаго двора въ učinенныхъ ему обѣщаніяхъ. Баронъ Стакельбергъ, министръ Ея Императорскаго Величества въ Гишпаніи, нашелъ средство склонить его въ нашу службу съ чиномъ мор-

скаго порутчика, ибо онъ въ званіи своемъ дѣйствительно отъ всѣхъ признаваемъ былъ за офицера достойнаго, храбраго и искуснаго, а особливо весьма знающаго всѣ Турецкія воды и гавани; почему еще, да и по бывалости его въ Константинополь, отправилъ онъ его туда секретнѣйшимъ образомъ для исправленія дѣлъ службы нашей, адресуя къ Прусскому тамъ министру Цегелину, но съ тѣмъ однакожь, чтобъ онъ, какъ Французъ и какъ партикулярной человекъ, жилъ подѣ протекціею Французскаго посла.

Сей Лефортъ, осмотрясь чрезъ нѣкоторое время въ Царь-градѣ и распространя еще и далѣе на другія мѣста примѣчанія свои, явится потомъ съ оными къ вашему сіятельству или во флотъ, гдѣ уже и можете вы, милостивый мой государь, употребить его съ пользою въ настоящей морской службѣ: ибо баронъ Стакельбергъ, какъ выше сказано, особливо выхвалялъ искусство его въ навигаціи, а наипаче совершенную знаемость всѣхъ Турецкихъ на твердой землѣ и въ Архипелагѣ береговъ, гаваней и водъ.

При семъ имѣю честь приложить три ко мнѣ изъ Царя-града дошедшія піесы съ ихъ переводами. Первые два состоятъ въ прошеніяхъ къ Ея Императорскому Величеству за руками нѣкихъ Греческихъ епископовъ и капитановъ, а третья—въ меморіалѣ одного въ Константинополь живущаго Грека. Хотя они всѣ и не заключаютъ въ себѣ ничего новаго; но я не хотѣлъ однакожь оставить ихъ безъ сообщенія вашему сіятельству: авось либо что по лучшему вашему на мѣстѣ усмотрѣню и пригодится, по крайней мѣрѣ, къ познанію подписавшихся людей и къ употребленію ихъ во свое время. Въ меморіалѣ есть, правда, много такаго, что за основательное почтено быть можетъ; но какъ оной еще при началѣ войны писанъ былъ и прежде нежели о нашихъ резолюціяхъ гдѣ либо знать было можно, то и найдете, ваше сіятельство, что нужная и возможная его часть вся предварена уже собственными нашими мѣрами и распоряженіями.

2.

(Безъ числа).

Препровождая симъ высочайшій именной къ вашему сіятельству рескриптъ, долженъ я испросить вашего мнѣнія по поводу предмета, связаннаго отчасти съ порученнымъ вамъ дѣломъ.

Изъ разныхъ мѣстъ представляются намъ теперь охотники вооружить на своемъ иждивеніи нѣсколько каперовъ, для поисковъ въ Средиземномъ морѣ и около Архипельскихъ острововъ надѣ навигаціею нашего непріятели. Они единственно требуютъ обыкновенныхъ отъ насъ патентовъ къ аутизаціи ихъ развѣздовъ и предпріятій. Сей весьма для насъ дешевой способъ беспокоить и обезсилить нашего непріятели и съ самой ему чувствительной стороны, встрѣчаетъ единственно то неудобство, что аутизуемые отъ насъ каперы, изыскивая только свою пользу и прибыль, стануть иногда безъ разбору атаковать и грабить не только собственныя Турецкія, но и употребляющія ихъ флагъ христіанскія суда, между коими могутъ натурально случаться и принадлежащія жителямъ разныхъ христіанскихъ про-

винцій, кои только ими Турецкихъ подданныхъ носить, да можетъ быть и вступили уже, или еще вступить могутъ, въ соглашеніе съ нашимъ сіятельствомъ о услугахъ ихъ въ нашу пользу.

Все сіе заставляетъ меня просить ваше сіятельство сообщить мнѣ, безъ потерянія времени, ваши по сему мысли, а особливо не можно ли будетъ предупредить опасаемое неудобство такихъ отъ насъ патентовъ предписаніемъ каперамъ, какія и именно христіанскія провинціи и ихъ кораблеплаваніе почитать и не трогать.

Р. С. Я за нужно почелъ доставить вашему сіятельству при настоящемъ случаѣ нѣскольکو экземпляровъ публикованнаго здѣсь о разрывѣ нашемъ съ Портою манифеста съ Греческимъ переводомъ. Въ немъ ясно изображено все противъ насъ вѣроломство Турковъ, а потому и удобнѣе будетъ вашему сіятельству вводить въ оное людей, съ коими вы дѣло имѣть будете, раздачею тѣхъ экземпляровъ.

Не хотя трудить ваше сіятельство маловажными матеріями, которыя обыкновенно чрезъ почту письмамъ ввѣряются, я ожидалъ отправления отъ братцовъ вашихъ къ вамъ курьера для засвидѣтельствованія вамъ, милостивой мой государь, искренной моей благодарности за два ваши письма отъ 8-го Февраля и 9-го Марта, а притомъ и служить моими отвѣтами на оныя. Чистосердечно и по самой истинѣ я увѣряю ваше сіятельство, что я, какъ министръ и какъ вашъ вѣрной другъ, съ совершеннымъ удовольствіемъ видѣлъ въ оныхъ столь вами благоразумно уважаемыя обстоятельства и принятіе по онымъ вашихъ намѣреній касательно до учрежденія отъ васъ консуловъ въ тѣхъ мѣстахъ, коихъ дворы частію разнствуютъ, а частію безпрестанно колеблются въ своей политикѣ. Я удостоиврительно вижу, что ваше сіятельство попали на истинное правило вашего съ ними обращенія. Когда наше поведеніе не будетъ казистымъ образомъ притѣснять и усиливать каждаго изъ нихъ разносторонніе политическіе виды и уваженія, то надѣюсь, можно будетъ навсегда сохранить однихъ по частямъ болѣе или менѣе намъ полезными, а другихъ гораздо меньше вредными, нежели бѣ они намъ быть могли и хотѣли, какъ по политической ихъ къ намъ ненависти, такъ и по локальному ихъ земель положенію. Сіе самое и производить то политическое прекословіе, которое мы теперь видимъ въ поведеніяхъ противъ насъ дворовъ, существительными интересами между собою раздѣленныхъ. Англія и ея политикѣ свойственныя державы съ одной стороны не хотятъ и запрещаютъ, чтобы въ ихъ службѣ находящіеся подданные принимали отъ насъ консульскія комиссіи, когда въ то же время всѣми образами стараются служить и помогать намъ въ нашихъ снабдваніяхъ противъ непріятеля, лишь бы только оное не имѣло ни титула, ни формы публичныхъ. Съ другой же стороны Франція, со всѣми своими Бурбонскими и къ нимъ привязанными дворами, конечно бы желала, не отлагая до завтра, всѣхъ насъ потопить хотя въ ложкѣ воды, если бѣ только въ томъ возможность была. Но при всей таковой злобѣ, не дерзнули ни одинъ самопроизвольно постановить явныя препятствія вашему предпріятію, которое тѣмъ чувствительнѣе пронзаетъ ихъ къ намъ

ненависть, чѣмъ болѣе они видятъ причиняемое тѣмъ внутреннее потрясеніе нашему неприятелю, котораго они столь легкомысленно противъ насъ возбудили. Ваше сіятельство, изъ слѣдующихъ при семъ письмѣ достовѣрныхъ извѣстій изъ Царя-града, достаточно увидите, въ какой упадокъ и смущеніе вѣроломная Оттоманская Порта приведена вашими начальными дѣйствіями въ Моревъ, съ чѣмъ я васъ, милостивой мой государь, вседушно поздравляю. По описанію о тамошней, частію заготовляемой и частію уже отправленной, противъ васъ обороны, кажется, и настоящія ваши морскія силы немного оную упражнены будутъ. Съ стороны же твердой земли будетъ дѣло самихъ Грековъ, желающихъ освободить себя изъ подъяга нечестія; но какъ они, по своему состоянію, конечно требуютъ только добраго устройства и разумнаго предводительства, то мы и можемъ спокойны въ томъ оставаться, что тотъ, кто умѣлъ возбудить въ нихъ къ тому желаніе и предпріятіе, будетъ умѣть ихъ поставить и вести въ порядкѣ. Позвольте мнѣ себѣ сказать, м. м. г., что я въ правду увѣренъ, что вамъ нерѣдко будетъ приходить нужда въ Петергофскихъ вашихъ доказательствахъ, о которыхъ вы издѣвкою въ своемъ письмѣ ко мнѣ упоминаете, чтобы настраивать и содержать во всегдашнемъ порядкѣ души, въ раболѣпствѣ рожденные, а неограниченною надеждою и убѣжденіями вѣры своей въ волненіе приведенные.

3.

Въ Сарскомъ Селѣ, 19 Мая 1770.

Его сіятельство графъ Григорій Григорьевичъ, сообщая мнѣ послѣднее ваше къ нему письмо, просилъ меня въ то же время, чтобъ я въ дружеской откровенности изъяснилъ вашему сіятельству мысли мои о томъ, что вы писали о желающихъ въ нашу службу Голандскихъ морскихъ офицерахъ.

Конечно, не можетъ быть никакого сумнѣнія въ существѣ принятія въ службу нашу Голандскихъ офицеровъ, ибо они люди совершенно свободные и властны служить тамъ, гдѣ похотятъ, развѣ когда гдѣ добровольными капитуляціями на срочные годы обязаны, въ которомъ случаѣ надобно прежде ихъ выжить. Такимъ образомъ и можете ваше сіятельство безъ всякаго сумнѣнія принимать на обыкновенномъ основаніи въ службу Ея Императорскаго Величества изъ Голандской тѣхъ морскихъ офицеровъ, которые, имѣя абшиды, въ оную добровольно представляются, да и хорошія способности имѣть будутъ, по мѣрѣ той нужды и недостатка, которой на вскадрахъ нашихъ въ наличномъ числѣ собственныхъ офицеровъ оказываться можетъ; ибо инако излишество офицеровъ было бы безъ всякой пользы, въ напрасную кораблямъ тягость. Совсѣмъ напротивъ того, другое обстоятельство въ разсужденіи тѣхъ же Голандскихъ офицеровъ, когда они на собственныхъ республики Голандской корабляхъ въ дѣйствительной службѣ или должностяхъ находятся; ибо принятіе таковыхъ, безъ полученія ими должныхъ абшидовъ, можетъ по справедливости имъ самимъ въ дезерцію, а намъ въ непопозволен-

ной подговоръ почтено быть, что впрочемъ ни съ достоинствомъ двора нашего, ни съ пользою самой службы сходствовать не можетъ; да и я отнюдь не сумнѣваюсь, чтобъ ваше сіятельство цѣлили на людей сего рода.

Съ другой стороны, можетъ быть и то, что представлялись вамъ иногда къ службѣ нашей самые судовые хозяева и командиры, между коими извѣстнымъ образомъ много есть дѣйствительныхъ офицеровъ, съ тѣмъ чтобъ имъ съ людьми и кораблями ихъ быть употребленными въ арматоры подъ Россійскимъ флагомъ, въ чемъ ихъ никто уже, какъ людей вольныхъ, нисколько зазрить не можетъ. Надобность или ненадобность сего рода людей долженствуетъ быть вашему сіятельству на мѣстѣ больше видна и извѣстна, нежели намъ, здѣсь въ удаленіи обо всемъ наугадъ почти судящимъ. Посему и не входя въ разсмотрѣніе того, но оставляя оное натурально собственному вашему проищанію и благоизволенію, удовольствуюсь я только примѣтить, что какъ посторонній арматоръ не имѣетъ въ предпріятіи своемъ другаго вида, кромѣ одного своего обогащенія подъ протекціею воюющаго флага, не разбирая впрочемъ, полезенъ ли онъ взаимно сему флагу или же больше вреденъ: то по сей причинѣ и надобно употребленіе ихъ распорядить съ крайнею осторожностію, чтобъ вмѣсто выгоды не имѣть неудобствъ и хлопотъ, а потому и ограничивать даваемую имъ свободу въ точныхъ и строгихъ предѣлахъ, что въ нашихъ обстоятельствахъ тѣмъ нужнѣе, чѣмъ болѣе мы должны имѣть менажементовъ ко всѣмъ вообще державамъ въ разсужденіи ихъ торговли и навигаціи и чѣмъ болѣе сіе самое нынѣ вновь обоимъ эскадрамъ подтверждается.

Французскій дворъ и министры его вездѣ отзываются, что король ихъ отнюдь не намѣренъ дѣлать и малѣйшее какое либо предпріятіе противу нашего флота безъ справедливой причины, а только-де ручаться нельзя, чтобъ одинъ или другой изъ нашихъ корабельныхъ командировъ или другихъ офицеровъ лишнею рюмкою рума не могъ быть подвигнутъ на какое либо самовольство, грубость и насильство. Посему изъ сихъ отзывовъ и нужно не безъ основанія заключать, что Французы придираются только къ казистому претесту, дабы послѣ выслать свою или Гишпанскую эскадру для примѣчанія за нами, а можетъ быть и для непосредственнаго препятствованія операціямъ нашимъ.

Ваше сіятельство, сами будучи на мѣстѣ и имѣя въ управленіи своемъ всю махину, можете, напротивъ того, на мѣстѣ жъ разсудить; сколько бѣ такой Версальскаго двора беззаконной поступокъ вреденъ былъ для успѣха дѣлъ нашихъ въ вашей сторонѣ. Пускай и то будетъ правда, что мы не удержимъ его отъ онаго скромностию и менажементами и самымъ выступленіемъ изъ военнаго въ непріятельскихъ водахъ права, буде тотъ дворъ рѣшительно уже опредѣлилъ нарушить нейтралитетъ свой; но по крайней мѣрѣ тогда, сдѣлавъ все уже возможное, будемъ мы имѣть справедливость всю на нашей сторонѣ, а по ней, можетъ быть, и Англія проснется отъ глубокаго своего сна и воздастъ Франціи достойную изду.

На семь основаніи, не сумнѣваюсь, изволите ваше сіятельство, согласно съ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества рескриптомъ, распорядить вездѣ собственныя ваши мѣры, дабы отъ употребляемыхъ иногда партикулярныхъ арматоровъ ничего предосудительнаго послѣдовать не могло.

Изъ рескрипта къ г. Елѳинстону усмотрите вы, милостивый государь мой, что въ Ливурнѣ у Аглицкаго купца Рудерфорта находится въ готовности достоинство девяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Сіи деньги переведены туда изъ Англіи, и вексель на оную былъ уже въ рукахъ г. Елѳинстона; но онъ при отъѣздѣ своемъ возвратилъ его г. Пушкину *). Ея И. В-во повелѣла нынѣ дать знать Рудерфорту, чтобъ онъ изъ сей суммы принималъ и исполнялъ требованія и асигнаціи какъ вашего сіятельства, такъ и г. Елѳинстона, почему во взаимномъ ихъ съ двухъ сторонъ употребленіи и надобно будетъ снестись съ помянутымъ контръ-адмираломъ, дабы иначе не послѣдовало тутъ какаго затрудненія.

P. S. Въ крайнѣйшемъ секретѣ и для вашего, яко главноуправляющаго морскія наши дѣла, одного собственнаго свѣдѣнія, имѣю удовольствіе сообщить вашему сіятельству, что, въ соотвѣтствіе Французской эскадры въ вашихъ моряхъ, подъ предлогомъ покровительства ея собственной коммерціи, Англинскій дворъ высылаетъ такую же изъ своихъ портовъ для охраненія общаго нейтралитета Командиръ сей послѣдней эскадры однакожъ имѣетъ особливою отъ двора своего секретной указъ, чтобъ онъ особливо остерегалъ, дабы для перевѣсу между нами воюющими державами никакая третья и посторонняя сила не вмѣшалась; а если сіе увидитъ, то бы по первому пушечному выстрѣлу отъ оной ее атаковалъ и билъ, помогая той воюющей сторонѣ, которая ею атакована будетъ въ помощь другой. Вы, милостивой государь мой, изъ сего сами несомнѣнно заключить изволите, что Лондонской дворъ принялъ сію политическую мѣру единственно противъ Франціи, чтобъ она не вмѣшалась въ пользу Турокъ; а потому и изволите надежно въ такомъ случаѣ полагаться на Аглицкую эскадру, сообщая при востребованіи надобности командиру оной, что вамъ его инструкціи извѣстны, лишь бы только корабли вашей команды во всемъ поступали какъ противъ Французовъ, такъ и противъ другихъ по самой точности послѣднихъ отъ Ея Императорскаго Величества вамъ предписаній.

4.

6 Октября 1770.

Съ отправленнымъ изъ Ливорны отъ кавалера Дика куріеромъ Христенекомъ имѣлъ я честь получить дружеское вашего сіятельства письмо отъ 20 Іюня, за которое приношу должное мое благодареніе. Я признаюсь вамъ, милостивый государь мой, что худой оборотъ въ Морей и несогласіе господъ адмираловъ привели насъ сначала въ нѣкоторое размышленіе; но вы его очень скоро и славно рѣшили,

*) Графу Мусиву-Пушкину, нашему посланнику въ Англію.

принявъ сами команду надъ соединеннымъ флотомъ и произведя съ нимъ немедленно такое дѣло, которое чаяніе Европы всей превышаетъ и останется на всегда въ дѣяніяхъ свѣта эпохомъ нашего вѣка. Я разумѣю тутъ совершенное Турецкимъ морскимъ силамъ въ первыхъ числахъ минушаго Юля мѣсяца отъ васъ нанесенное поражение и истребленіе онымъ всего мореходнаго стана гордыхъ Оттомановъ. Мы получили сію радостную и важную вѣсть изъ Мальты отъ маркиза Кавалькабо; а вскорѣ потомъ пріѣхалъ сюда отправленный изъ Ливурны отъ кавалера Дика курьеромъ Англичанинъ съ депешами, посланными отъ вашего сіятельства съ княземъ Долгоруковымъ. Сверхъ же того вѣдаемъ мы, что ваши славныя дѣла извѣстны уже и въ самомъ Царѣ-градѣ, гдѣ ужасъ и трепеть объемлютъ и народъ, и правленіе, ожидая въ сосѣдство свое побѣдителей. Ваше сіятельство можете сами по себѣ судить о великости обрадованія нашего. Я не описываю вамъ здѣшняго торжества вашей побѣды, не сумнѣваясь, что все оное вамъ мимо меня сообщено будетъ; а остается мнѣ засвидѣтельствовать какъ вамъ, м. г. м., такъ и любезному братцу вашему Федору Григорьевичу, то искренное и чисто-сердечное участіе, которое въ успѣхахъ и славахъ вашей я приѣмлю и принести вамъ усерднѣйшее поздравленіе въ полученіи милости монаршей, толь много вами заслуженной.

О знаменитомъ Чесменскомъ дѣлѣ графъ Орловъ такъ писалъ въ Москву.

Письмо графа А. Г. Орлова о Чесменской побѣдѣ.

1770 года, Юля 27, изъ портъ острова Хио, изъ канала, что между Анатолиемъ.

Государь братецъ, здравствуй! Скажу тебѣ немного о нашемъ плаваніи. Морю принуждены были оставить. Зажегши вездѣ огонь, съ флотомъ за непріателемъ пошли, до него дошли, къ нему подошли, схватились, сразились, разбили, побѣдили, поломали, потопили, сожгли и въ пепель обратили. А я, вашъ слуга, здоровъ и братъ мой также, чего вамъ оба желаемъ и остаюсь графъ А. Орловъ.

Р. S. Со всѣмъ вышеписаннымъ васъ поздравляю, а что впредь Богъ дастъ, не знаю. Вотъ этотъ камышекъ у меня на шеѣ былъ, о которомъ я къ вамъ изъ Италіи прежде писалъ шутя. Мнѣ стало полегче, какъ онъ у меня свалился. Не знаю, каково-то теперь тебѣ.

Письмо это здѣсь напечатано съ подлинника, сохранившагося у Бориса Сергѣевича Шереметева. Писано око, вѣроятно, къ графу Ивану Григорьевичу Орлову.

5.

25 Декабра 1770 года.

Въ слѣдующемъ здѣсь высочайшемъ рескриптѣ, за собственноручнымъ подписаніемъ Ея Императорскаго Величества, найдете ваше сіятельство повелѣнія по случаю начавшихся съ нѣкотораго времени первыхъ поступей къ миру. Хотя въ ономъ, какъ самое сего дѣла происшествіе, такъ и предварительная резолюція всемилостивѣйшей Государыни съ довольною ясностію изображены, однакожь я, по

имѣющей моей къ вамъ безпредѣльной откровенности не могу оставить, чтобъ не войти еще и здѣсь въ нѣкоторыя ближайшія изъясненія о той части негоціаці, которая нынѣ собственно руководству вашему ввѣряется, чрезъ требованіе для коммерціи и навигаціи нашей въ Средиземномъ морѣ свободы и этаблисента, кои чаятельно народу Турецкому тѣмъ меньше противны будутъ, чѣмъ болѣе оной нынѣ раздраженъ скоростижнымъ и безразсуднымъ нарушеніемъ мира: ибо сія новая между обѣими имперіями связь можетъ для переду цѣну сохраненія его на обѣ стороны гораздо увеличить и важнѣе сдѣлать, и чрезъ предварительное отосланіе сей частной негоціаці къ вашему сіятельству (какъ запасно снабденному уже на оную достаточною полною мочью) изволила Ея Императорское Величество имѣть при расположеніи мирнаго плана такое намѣреніе, чтобъ подъ симъ видомъ и пользу такъ славно вами произведенной диверсіи надежнымъ образомъ утвердить, и вамъ со флотомъ на всякой случай предуготовить путь и средство къ безопасному выведенію себя изъ дѣла, еслибъ того обстоятельства и самое состояніе флота неминуемо востребовали. Ваше сіятельство властны потому, примѣняясь къ однимъ и другому, дать негоціаці, если изъ оной что выйдетъ и Турки къ намъ отзовутся съ первымъ предложеніемъ, такой оборотъ и теченіе, какіе вы сами на мѣстѣ за полезнѣйшіе къ службѣ Ея Императорскаго Величества признать изволите. Если силы и ресурсы ваши будутъ позволять продолженіе диверсіи и военныхъ дѣйствій, въ семъ случаѣ можно, да и не худо для выигранія времени, дѣлать такіе запросы, на кои бы Порты по самому существу ихъ поступить и согласиться не могла; инакоже, при внутреннихъ своихъ недостаткахъ, собственное вашего сіятельства благоразуміе и прозорливость откроютъ вамъ путь къ размыру по онымъ снисходительнѣйшихъ требованій съ вашей стороны, дабы было временно еще тамошнія дѣла вывести изъ зависимости отъ перемѣнныхъ обстоятельствъ. Открывая вашему сіятельству сіи мои чистосердечныя мысли, увѣряюсь я, что вы ихъ признать изволите и сходственными съ содержаніемъ вышеупомянутаго рескрипта, и новымъ опытомъ моей къ вамъ преданности и дружбы, по которымъ не могу я еще оставить, чтобъ, при ввѣренной нынѣ вамъ толь важной и тѣсной негоціаці, не возжелать полныхъ успѣховъ къ увѣнчанію персональной вашей славы и славы оружія нашего.

Состояніе дѣлъ нашихъ въ Молдавіи и Валахіи таково, какъ лучше желать нельзя и конечно съ своей стороны способствуетъ къ озабоченію Турковъ, а особливо если начатая братомъ моимъ съ Крымомъ негоціаціа о сложеніи Турецкаго ига достигнетъ желаемого совершенства, и обитающія въ сего полуострова Татарскія орды, Буджацкая, Едисанская, Едичкульская и Джелибулугская подали уже тому примѣръ: ибо они дѣйствительно отреклися Турецкаго подданства и, принявъ, въ качествѣ вольнаго и независимаго народа, протекцію всемилоствѣйшей нашей Государыни, перепущены уже нами изъ прежнихъ своихъ мѣстъ на Крымскую степь здѣшняго берега рѣки Днѣпра.

Есть довольныя причины думать, что и Крымцы внутренно склонны тоже учинить; но, будучи люди поселенные и окруженные Турецкими гарнизонами, въ крѣпостяхъ ихъ не смѣютъ явно подняться, прежде нежели наше оружіе очиститъ оныя крѣпости. Нынѣ вторая армія, подъ командою князя Василія Михайловича Долгорукова, дѣйствительно къ тому назначена, а потому и нужно же со многою вѣроподобностію предполагать, что будущая кампанія развяжетъ Татаръ съ Турками и, обезпечивая тѣмъ съ одной стороны границы отечества на будущія времена, поставитъ съ другой Порту въ сущую невозможность непосредственнаго впродъ воеванія съ Россією и по крайней мѣрѣ отниметъ у нея легчайшіе и вреднѣйшіе способы не только противу насъ, но и противу другихъ ея сосѣдей.

В. Письма графа Н. И. Панина къ фельдмаршалу графу Румянцову, во время Турецкой войны.

Въ 1770 году, къ которому относятся эти письма, графъ Румянцовъ командовалъ первомъ и передовою армією, а вторая армія, дѣйствовавшая къ сторонѣ Крыма, находилась подъ командою графа Петра Ивановича Панина, бывшаго генераль-губернаторомъ Восточной Пруссіи въ то время, какъ графъ Румянцовъ начиналъ заявлять блестящія военныя дарованія своя въ Семилѣтнюю войну. Съ Панининымъ онъ находился въ родствѣ черезъ Леонтьева.

1.

Слб. 1 Января 1770.

Единое ваше свидѣтельство довольно бы и предовольно было къ признанію достойнымъ офицеромъ г. барона Штейна; покровительство, вами ему оказуемое, привлекаетъ меня упражнить все мое стараніе къ тому, чтобъ сдѣлать пребываніе его здѣсь ему пріятнымъ, вспомошествова ему въ исполненіи видовъ, приемлемыхъ имъ на будущую кампанію; и я могу заранѣе васъ увѣрить, что Ея Величеству конечно будетъ угодно продолженіе его волонтерской службы и въ будущую кампанію.

Вслѣдствіе втораго дружескаго письма вашего ожидаю я сюда Волоскаго господаря, а между тѣмъ и сообщенія объ его состояніи и обстоятельствахъ.

Милостивое обѣщаніе отпустить маіора Левашова на нѣкоторое время въ домъ его почитаю я себѣ особливимъ отъ васъ одолженіемъ.

Въ заключеніе всего на третіе письмо ваше я безъ лести могу вамъ, милостивый мой другъ, сдѣлать, что я отъ душевныхъ вашихъ качествъ не менѣе и ожидалъ какъ того, что сдѣлали вы въ облегченіе наказанія виновныхъ по дѣлу Нѣжинскаго общества. Я погрѣшилъ бы предъ должною справедливостію и чувствами добродѣтельнаго вашего сердца, еслибъ хотѣлъ отдѣлить на счетъ моего за нихъ у васъ заступленія хотя малое что, въ чемъ конечно собственное ваше человеколюбіе весь подвигъ составляло. Я доставилъ до рукъ все-милостивѣйшей Государыни включенное о томъ письмо ваше и могу предварительно васъ увѣрить, что высокія свойства Ея Величества несумнѣнно не оставятъ безъ достойнаго уваженія такое ваше заступленіе.

14 Января 1770.

Принося мою наичувствительнѣйшую благодарность за описаніе состоянія и качествъ князя Гики съ его свитою, я оставляю болѣе распространяться по сей матеріи, а сиѣшу васъ, моего милостиваго друга, увѣдомить о полученіи здѣсь реляціи вашей. Я, искренно и всѣмъ сердцемъ раздѣляю участіе во всякомъ до васъ касающемся происшествіи, чувствуя во всемъ пространствѣ вашу заботу и смущеніе отъ оказавшейся заразительной болѣзни въ мѣстахъ вашего завоеванія. Испрашиванное вами отъ Ея И. В-ва повелѣніе о введенныхъ въ тѣ мѣста войскахъ, на случай еслибъ сіе злоключеніе, преодолевая все предохраненіе, распространяться стало, будетъ конечно къ вашему сіятельству отправлено съ будущимъ курьеромъ; а между тѣмъ, во исполненіе воли и желанія вашего сіятельства, за долгъ собѣ поставляю не оставить въ молчаніи мои собственныя по тому мнѣнія. Специальныя средства и способы, которыми прекращаютъ сей бичъ человѣческаго истребленія, довольно извѣстны въ нашемъ жизненномъ обращеніи. Я же имѣю твердое удостовѣреніе, что свойство великости вашего духа откроетъ вамъ все нужнѣйшее и достаточное къ свойственнѣйшему, лучшему и надежнѣйшему на настоящій случай и особливныя его обстоятельства.

Настоящее зимнее время и безъ всякихъ предохраненій между самими Турками часто истребляетъ ихъ повѣтренную заразу, да и весьма рѣдко она въ сіи мѣсяцы оказывается; а можетъ статься, что и теперешнее извѣстіе тамъ на мѣстѣ въ первый моментъ больше увеличено, нежели оно въ себѣ было. По послѣдней мѣрѣ сіе гаданіе свойственно желанію тому, которое мы имѣть должны. Со всѣмъ же тѣмъ, м. г. мой, вамъ самимъ довольно извѣстно, что ни которая война съ сими варварами не миновалася безъ подобной злоключительной въ войскахъ опасности, да и мы сами въ послѣднюю войну съ ними тому же подвержены были; но употребляемыми извѣстными тогда средствами отъ всякой потери войскъ охранились. Всевышній, покровительствуя столь очевиднымъ образомъ справедливости оружія нашего, несомнѣнно оградить васъ отъ такой крайности, чтобъ вы принуждены были избрать и рѣшиться между неизбѣжнаго истребленія знатной части арміи или добровольнаго отступленія отъ воѣхъ сдѣланныхъ завоеваній. Вотъ, м. г. мой, искреннія мнѣнія, происходящія по самой истинѣ отъ чистосердечной моей къ вамъ дружбы и безпредѣльной конечно преданности. Ваше сіятельство весьма благоразумно предписать изволили господину ген.-порутчину фонъ Штофельну касательно до Аустрійскихъ дезертировъ. Съ одной стороны уничтожительно-бъ было, если-бъ мы съ оказательствомъ большаго ампресіемента ихъ военныхъ людей выдавали, когда они нашихъ нескрѣтно принимаютъ; съ другой же, политическое дѣлѣ положеніе требуетъ однакожъ избѣгать всякую съ ними остуду. Потому мое мнѣніе, которое я единственно предаю къ собственное ваше проницательное благоусмотрѣніе, полагаю: еслибъ Цесарскій

генераль адресовался къ вашему сіятельству съ жалобами, что ихъ дезертиры удерживаются въ вашей арміи, не возможили бы вамъ было, яко главнокомандующему арміею, отъ собственнаго вашего лица ему представить, чтобъ, въ разсужденіи близости войскъ дружелюбныхъ и камеральныхъ интересами столь связанныхъ государствъ, поставить вамъ между собою военный картель о взаимной выдачѣ перебѣжчиковъ, дабы тѣмъ взаимно же охранить оба высочайшіе двора отъ непріятныхъ жалобъ? Впрочемъ, я сердечно сожалѣю, видя, что вы еще сверхъ необходимыхъ вашихъ великихъ трудовъ и заботъ принуждены исправлять правила жизни господина Штофельна въ его ихъ употребленіи. Люди, которые не сами шли къ счастью, но счастье ихъ влекло, по большей части остаются на вѣкъ съ привычкою полость, а не ходить во всѣхъ своихъ дѣлахъ.

3.

Сиб. 22 Января 1770.

Касательно пребыванія Польскихъ войскъ, подъ командою региментаря Стемшковскаго, въ близости арміи вашей, донесу чрезъ сіе въ отвѣтъ съ обыкновенною моею откровенностію.

Весьма согласенъ я со мнѣніемъ в. с—ва, что близость неустроенной команды господина Стемшковскаго можетъ имѣть разныя свои неудобства; но и то съ другой стороны должно не меньше почитать за правду, что она, при всей своей распускности, оставаясь однакожь по сию пору въ полномъ и ненарушимомъ повиновеніи сохраняемой еще тѣни законнаго правленія республики, не отважится, конечно, дерзнуть ни на какія намъ противныя шалости, доколя сія тѣнь, маскою ли искренности, или же страхомъ мщенія нашего, обуздываема оставаться будетъ.

Вашему сіятельству извѣстны тѣ резоны, коими Польскій дворъ отклонилъ первое наше требованіе объ удаленіи команды Стемшковскаго изъ нынѣшнихъ ея мѣстъ, то-есть невозможность содержать ее индѣ, а съ оною и справедливое опасеніе, чтобъ люди, опредѣленнаго себѣ содержанія не получающіе, лишась къ оному и другихъ всѣхъ способовъ, не были тѣмъ самымъ принуждены разбрестись и умножить собою и безъ того уже многочисленныя толпы мятежниковъ. Сіи резоны настоятъ и теперь неотмѣнно; но сколь они ни важны, должныступить однакожь уступить въ свое время мѣсто другимъ большей важности. Сего ради, при востребованіи обстоятельствъ, когда войсками нашими для прикрытія на пути тяжелой артилеріи нужные посты заниматься стануть, и можно уже будетъ командирамъ оныхъ предписывать, чтобъ они при входѣ своемъ въ такіе, гдѣ Польскія команды случатся, сихъ послѣднихъ доброю манерою и сколько можно безъ всякаго вида насильства далѣе отъ себя во внутрь земли отсылали подъ предлогомъ военного резона, яко оной войскамъ разныхъ служебъ въ одномъ мѣстѣ быть не позволяетъ.

Что касается до причиняемыхъ единовѣрнымъ нашимъ обидъ и утѣсненія, принятые нами политическія правила взыскиваютъ непременно дѣлать различіе между тѣми, кои издревле въ нашемъ законѣ

родились и тѣми, кои съ нѣкотораго времени Унію, родясь въ ней, оставили. Первые заслуживаютъ по всему охраненіе наше; а послѣдніе, напротивъ, должны въ молчаніи, слѣдовательно же и въ подчиненіи универсаламъ какъ региментаря Степановскаго, такъ и Уніятскаго епископа Щептицкаго, безъ всякаго съ нашей стороны вниманія оставляемы быть. По симъ между собою разнымъ усмотрѣніямъ надобно прежде опредѣлить, къ которому изъ обоихъ классовъ принадлежитъ новое, подѣ уѣзднымъ региментаремъ Мисевичемъ произведенное насильство, дабы по разности ихъ размѣрить и приемиемы наши на тотъ или другой случай мѣры. Можетъ быть, дѣло послѣдовало въ такомъ мѣстѣ и въ такой церкви, гдѣ прежде Унія принята была и гдѣ, слѣдовательно, священникъ закона нашего не могъ имѣть права, подходя точно подѣ строгость законовъ Пѣльскихъ.

Дознанное в. с-ва просвѣщеніе удостовѣряетъ меня, что въ надобность предварительнаго въ томъ разсмотрѣніи сами признать изволите, дабы намъ инако не начать такого дѣла, отъ котораго послѣ отступиться собственная наша политика заставить могла бы.

Между тѣмъ, сходственно съ собственнымъ в. с-ва къ князю Волконскому отзывомъ, пишу я нынѣ къ сему послу, чтобъ онъ вновь сдѣлалъ пристойное въ своемъ мѣстѣ представленіе объ удаленіи команды господина Степановскаго, какъ по тому, что военной резонъ не можетъ сносить толикой ея близости отъ арміи нашей и чинимыхъ въ оной приготовленій, такъ и потому еще, что мы сами интересованы, да и способовъ имѣемъ больше сохранять въ той сторонѣ тишину и не допускать черни до новаго волненія *).

4.

11 Февраля 1770.

Ваше сіятельство, по свойству своего духа, сколь великодушно извинять ни изволите военную неудачу предпріятія на Браиловъ господиномъ Штофельномъ; однакожъ я, по существу вещи, воображаю себя во всемъ пространствѣ и искренно соучаствую въ той чувствительности, которую въ васъ натуральнымъ образомъ произвѣст оное долженствовало, когда вы видѣть принуждены, сколь недостаточное исполненіе толь благоразумно и съ такимъ военнымъ искусствомъ отъ васъ опредѣляемымъ мѣрамъ. Господинъ Штофельнъ, будучи главнымъ командиромъ въ той провинціи, слѣдовательно имѣвъ способы, казалось бы невозможно заранѣе не развѣдать о точномъ состояніи оной крѣпости, а зная оное, лучше, по моему мнѣнію, не подходить къ ея палисадамъ, когда заранѣе не могъ принять рѣшительной резолюціи противъ непріятели передъ городомъ вломиться въ крѣпость онаго съ нимъ вдругъ. Но какъ ужъ то ни есть, милостивой государь мой, всякое искусство, а военное можетъ быть и паче другаго, насъ научаетъ, что, не дѣлавъ погрѣшности, едва можно ли, по послѣдней же мѣрѣ очень рѣдко, производить хорошія

*) Разумѣется бывшая два года тому назадъ Коліевщина или избіеніе колыями Польскихъ помѣщиковъ въ Кіевской губерніи.

и знатныя дѣла. Можетъ быть, и господинъ Штофельтъ намъ сіе подтвердитъ лучшимъ своимъ успѣхомъ подѣ Бухарестомъ.

О путешествіи отправленныхъ отъ вашего сіятельства депутатовъ я никакого извѣстія не имѣю. Волоской же господарь въ Москву уже пріѣхалъ, и надѣюсь чрезъ нѣсколько дней его здѣсь увидѣть.

Картина Цареградскаго положенія отъ 18-го и 19-го Декабря въ разныхъ трехъ тетрадахъ здѣсь слѣдуетъ. Послѣдующія же за тѣми четыре копіи писемъ отъ 3-го Генваря нов. ст. объяснятъ вашему сіятельству непріятельскія силы, по Дунаю собранныя, съ ихъ намѣреніемъ и предпріятіемъ. Я не сомнѣваюсь, чтобъ оное не послужило вамъ, милостивый другъ, къ точайшему усмотрѣнію ихъ подвиговъ и къ вашему противъ того ополченію, особливо къ отверстію будущей кампаніи, для главнаго намѣренія закрытія Бендерской осады и недопущенія непріятели занять Молдавію и въ ней опять утвердить себя.

5.

18 Февраля 1770

Въ началѣ сей недѣли прибылъ сюда Волоской господарь благополучно. Я теперь занятъ распоряженіемъ о пребываніи и содержаніи сего гостя и могу вашему сіятельству засвидѣтельствовать, что князь Мещерской *) своей расторопностію въ его препровожденіи и добрымъ своимъ поведеніемъ заслуживаетъ особливую отъ меня похвалу и что имѣю я въ немъ добраго помощника въ произведеніи въ дѣйство моихъ распоряженій, которыя какъ скоро единожды въ порядокъ приведутся, то я, по желанію князя Мещерскаго, и не умедлю его обратно къ в. с-ву отправить. Господарь представленъ будетъ въ Воскресенье Ея И. В-ву, а сегодня былъ онъ у меня. Описание в. с-ва о его качествахъ весьма много послужило мнѣ при настоящемъ случаѣ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ сходственнѣе съ самой истинною. О прибытіи въ Москву Молдавскихъ депутатовъ я еще не имѣю извѣстія; но въ томъ не сомнѣваюсь, что и они скоро сюда прібудутъ.

Приложеніе.

Письмо князя С. В. Мещерскаго къ графу Н. И. Панину.

Особливою себѣ честью и долгомъ поставляю покорнѣйше донести в. с-ву, что я, по отправленіи моемъ 17 числа прошедшаго Генваря отъ графа Петра Александровича съ Волоскимъ господаремъ и со всею его свитою, изъ 28 человекъ состоящую, сегодня пріѣхалъ въ здѣшній городъ. Для исправленія собственныхъ его нуждъ и для его отдохновенія пробылъ въ Кіевѣ и Нѣжинѣ нѣсколько дней.

Въ продолженіе дороги, разными своими разсужденіями, открылъ онъ какъ подробное свое знаніе политической системы Оттоманской Порты, ея силъ и недостатковъ, такъ и то желаніе, которое онъ имѣетъ

*) Это былъ князь Сергѣй Васильевичъ, двоюродный братъ фельдмаршала графа Румянцова (матери ихъ Матвѣевы), отецъ оберъ-прокурора Св. Синода (при Николаѣ Павловичѣ) и прадѣдъ князя Н. П. Мещерскаго, нынѣ попечителя Московскаго учебнаго округа.

сообщеніемъ нѣкоторыхъ своихъ до нынѣшнихъ обстоятельствъ ка-
сающихся совѣтовъ быть полезнымъ Россіи и подать ясныя опыты,
сколько велика его усердность и преданность къ ея интересамъ. При-
докъ мыслей его показываетъ въ немъ, сколько я приимѣтнъ могъ,
человѣка разумнаго, тонкаго, замысловатаго и твердаго.

Въ Москвѣ

14 Февраля 1770.

6.

Отправлено 26 Марта 1770.

Препровождающее Волоскихъ депутатовъ почтенное письмо вашего
сіятельства отъ 8-го Генваря мнѣ отъ нихъ подано на прошедшей
недѣлѣ; а какъ между тѣмъ по долговременной остановкѣ въ дорогѣ
Молдавскихъ депутатовъ за болѣзнію г. Палладія, которая кончилась
въ Нѣжинѣ его смертію, и сіи послѣдніе на сихъ дняхъ сюда при-
были, то объ депутации имѣютъ быть допущены предъ очи Ея И.
В-ва послѣ завтра въ день Вербнаго Воскресенья. Съ какимъ же
обрядомъ по пристойности обстоятельствъ сіе учинено будетъ, я не
премину въ свое время сообщить в. с-ву.

Ваше сіятельство отдадите мнѣ справедливость, удостовѣрясь со-
вершенно, что я чистосердечно раздѣляю съ вами вашу славу и удо-
вольствіе въ пораженіи непріятельскихъ предпріятій въ настоящую
зиму и что теперь вы себѣ доставили свободныя руки къ снабженію
войскъ всѣмъ нужнымъ и къ приуготовленію выступить въ поле.
Въ должной же мой отвѣтъ вамъ, милостивому другу, имѣю честь
сказать на приносимыя вамъ жалобы отъ Польскихъ помѣщиковъ о
выдачѣ имъ крестьянъ, кои во время настоящихъ смутеній пересе-
лились въ наши границы: я для большаго обнадеживанія поведенія
в. с-ва касательно до сего, яко политическаго предмета, не оставилъ,
объ ономъ представить Ея И. В-ву и получилъ высочайшую резо-
люцію, чтобы убѣдшихъ отъ внутреннихъ замѣшательствъ подъ по-
кровительство Ея И. В-ва не выгонять, слѣдовательно и не выдавать
въ смутную область, какова есть теперь Польша. Господа Поляки,
и при спокойномъ своемъ положеніи, худое право имѣютъ требовать
отъ насъ выдачи своихъ подданныхъ, когда они нашими публично у
себя населили цѣлыя мѣста и деревни. Настоящій же ихъ обывате-
лей выходъ не только въ нашу одну сторону, но и во всѣ другія
пограничныя съ ними области, они должны приписывать единственно
неспокойству ихъ собственныхъ духовъ, чѣмъ они привели свое оте-
чество въ такое неустройство и замѣшательство; ибо право челове-
чества, яко верховнѣйшее всѣмъ другимъ людскимъ правамъ, какъ
съ одной стороны даетъ свободу искать въ другомъ мѣстѣ спокой-
наго пребыванія тѣмъ людямъ, которые въ своемъ обществѣ онаго
лишены и отъ которыхъ по ихъ званію и состоянію другаго не тре-
буется, какъ только спокойнаго бытія и исправленія принадлежа-
щихъ къ тому должностей, такъ и съ другой стороны тоже самое
право, конечно, воспрещаетъ лишать такихъ людей имъ естествен-
ныхъ выгодъ и выгонять ихъ въ мѣста, ихъ невинное бытіе раззо-
ряющія. Я; конечно; увѣренъ, м. г. мой, что сіи усмѣтрѣнія сами

по себѣ не скрылися отъ собственнаго вашего проищанія; а теперь, познавъ высочайшую резолюцію Ея Величества, вы изволите ихъ употребить по пристойности персонъ въ убѣжденіе господъ Польскихъ помѣщиковъ, которые васъ своими представленіями и просьбами беспокоятъ, чтобъ они съ бѣльшимъ восчувствованіемъ признали истинное существо ихъ бѣдственнаго положенія и обратили бѣ свои мысли къ прямому его исправленію.

Относительно до нашихъ раскольщиковъ, поселившихся въ Молдавіи, скажу я вамъ, м. г. мой, въ дружескую откровенность мои собственныя мнѣнія. Мнѣ видится, не надобно теперь ничего располагать о будущемъ ихъ жребіи. Положеніе дѣлъ при мирной неготиціи должно произвестъ рѣшительныя объ нихъ намѣренія, а теперь нужно искать довольствоваться ихъ настоящимъ тамъ бытіемъ въ пользу подкрѣпленія и усиленія нашихъ военныхъ операцій; ибо вывозъ ихъ и преселеніе нынѣ въ наши границы могли бы, конечно, еще нѣсколько больше ослабить ресурсы той земли, столь для насъ нужны на настоящее время.

Р. S. При семъ здѣсь имѣю честь включить собственноручное письмо Ея И. В-ва; а сегодня получилъ ваше почтенное отъ 3-го Марта и приложенное къ оному съ кинжаломъ поднесъ Государю Цесаревичу. Его Императорское Высочество предоставилъ себѣ самъ съ будущимъ курьеромъ имѣть удовольствіе благодарить в. с-ву за напечатаніе и любопытный для него вашъ ему подарокъ.

7.

Въ С.-Петербургѣ, 9 Апрѣля 1776.

Простите мнѣ, в. с-во, что я съ послѣднимъ курьеромъ не писалъ и тѣмъ остался вамъ долженъ отвѣтомъ на дружеское ваше письмо отъ 18 Марта. Обыкновенной день отправленія того курьера случился въ Великой Четвергъ, а законъ нашъ и мое особое званіе при воспитываніи молодаго государя къ престолу требовали въ оной исполненія духовныхъ должностей, которыя упразднили все мое время.

Теперь принесу вамъ, м. г. мой, искреннее мое благодареніе за дружеское ваше испрашиваніе отъ меня увѣдомленія о настоящемъ нашемъ политическомъ сопряженіи съ Вѣнскимъ дворомъ, по которому бы вашему сіятельству возможно было судить и уважать участвія вами съ Трансильванскихъ границъ вѣдомости о тамошнихъ военныхъ движеніяхъ. Я уповаю, что на реляцію вашу по сей же матери ваше сіятельство съ будущимъ курьеромъ достаточно наставлены будете имяннымъ рескриптомъ Ея И. В-ва. Здѣсь же я для предварительнаго вамъ свѣдѣнія сообщаю въ дружескую конфиденцію министеральное мое письмо въ Вѣну къ князю Дмитрію Михайловичу Голицыну. Оно, милостивой мой другъ, вамъ откроетъ, въ какомъ политическомъ сопряженіи мы состоимъ съ тѣмъ дворомъ, въ чемъ по здравому разсудку на него мы полагаться можемъ при его настоящей системѣ, изъ времени и постороннихъ политическихъ резонахъ составленной и какое, размѣряя и тѣмъ и другимъ, Ея И.

В—во предписать указала поведеніе своему тамъ министру, дабы съ твердѣйшимъ удостовѣреніемъ отъ той стороны мы могли вести наши дѣла и принимать по тому благовременныя мѣры.

Мы вѣрно знаемъ, м. г. м., что Версальской дворъ, или лучше сказать, его остервенившійся министръ дюкъ Шуазель не ставитъ мѣры никакимъ противъ насъ распадениамъ. Онъ конечно бы не сберегъ, я чаю, ни неба, ни земли, если бы только то было въ его возможности. Правда же и Вѣнской дворъ, а особливо князь Кауницъ, яко зяждитель политической системы, на однихъ вѣжныхъ интересахъ своей государыни и ея собственной фамиліи устроенной, тѣсно сопряженъ съ Версальскимъ, да и такъ, что можетъ быть больше нежели въ одномъ мѣстѣ стѣсняются до самаго уничтоженія непремѣнные статскіе интересы Аустрискаго дома; но однакожь и то, съ другой стороны, не меньшею правдою быть должно, что тотъ министръ не можетъ предъ собою скрывать, сколь коварно дюкъ Шуазель возбуждаетъ другихъ противъ насъ, самъ же сберегаетъ свои силы и главные ресурсы для непосредственныхъ дѣлъ и собственныхъ политическихъ видовъ своего двора. Онъ намъ злобствуетъ и злобствуетъ до отчаянія, но съ употребленіемъ только другихъ и постороннихъ; свой же дворъ на то непосредственно не отваживается, но паче сберегаетъ для всякаго случая позадь себя путь выѣститься къ намъ въ медиацию: ибо иначе могъ бы онъ конечно самъ своимъ однимъ дворомъ намъ поставить превеликія препятствія въ Средиземномъ морѣ. Напротивъ же того, мы достовѣрно знаемъ, что ни Франція, ни Гишпанія не дѣлаютъ никакихъ вооруженій въ тамошнихъ своихъ портахъ.

Изъ сихъ обоюднаго разсужденія предметовъ невозможно безвременно и безъ ощутительныхъ доказательствъ заключать, чтобъ тутъ, гдѣ Франція сберегаетъ еще такъ очевидно свое собственное политическое положеніе и интересъ, Вѣнской бы дворъ жертвовалъ всѣмъ своимъ въ угодность одного своего настоящаго политическаго соединенія съ нею и, забывъ непремѣнный интересъ цѣлости и безопасности своихъ областей, захотѣлъ выѣшаться въ дѣло, поспѣшествующее дерзости и вѣроломству такаго сосѣда, который обладаетъ во всегдашнему его уничтоженію провинціями и землями, по всѣмъ качествамъ свойственнѣйшими его владѣнію.

Объясня такимъ образомъ вашему сіятельству политическія наши разсужденія о Вѣнскомъ дворѣ, скажу теперь и собственное мое мнѣніе о Трансильванскихъ у васъ извѣстіяхъ. Могли въ самомъ дѣлѣ оныя произойти отъ приуготовленій для тѣхъ семи баталіоновъ, которые при перемѣнѣ въ Вѣнѣ гарнизона туда наряжены были; а такое войскъ движеніе легко народною молвою такъ увеличило число оныхъ и для нихъ заготовленій. Князь Дмитрій Михайловичъ достаточно у того двора свѣдущій министръ, и потому на его увѣреніе положиться можно, что какъ съ одной стороны перемѣна гарнизона въ Вѣнѣ есть дѣло ежегодно обыкновенное, такъ съ другой прибавленіе кордона въ Венгріи и Трансильваніи сдѣлано для большаго обузданія и воспрепятствованія тамошнихъ подданныхъ нашего и про-

тестантскаго законовъ выходить изъ ихъ жилищъ. При семъ однакожь можетъ и то статься, что князь Кауницъ въ нѣкоторую угодность Версальскому двору, а потому и для политическаго мерита себѣ у Турокъ, пропустилъ тотъ увеличивающій слухъ на границу. И такъ мнѣ видится, ваше сіятельство еще можете спокойно взирать на тотъ край и распорядить свои операціи съ однимъ обыкновеннымъ уваженіемъ къ правамъ нейтральства и къ той дружбѣ и доброму согласію, которыя изъ естественнаго положенія земель происходятъ и сохраняться должны между Россією и Аустрійскимъ домомъ, независимо отъ всѣхъ временныхъ конъюнктуръ и сопряженій.

Недавно я свѣдалъ, что была учреждена почта изъ Бухареста чрезъ Браиловъ въ Вѣну и въ Царьградъ; поворно прошу в. с.—во приказать меня увѣдомить, не продолжается ли она теперь или пресѣлась по вступленіи нашихъ войскъ въ тотъ городъ, и можетъ ли и какимъ образомъ она нынѣ восстановлена бытъ для скорѣйшаго полученія писемъ изъ Царьграда и туда оныхъ доставленія.

Генераль-губернаторъ¹⁾ Ѳедоръ Матвѣевичъ Воейковъ релациею своею ко двору доноситъ, что по ходатайству у васъ г. старосты Черкаскаго²⁾ ген.-лейтенанта и кавалера князя Сангушка изволите требовать возвращенія въ Польшу бывшихъ въ конфедераціи взятыхъ въ плѣнъ шляхтичей княжества Заславскаго пятидесяти одного человѣка, и что онъ, генераль-губернаторъ, писалъ уже о присылкѣ ихъ въ Кіевъ къ Казанскому губернатору. Я конечно увѣренъ, м. г. м., что вы, по уваженію пользы дѣлу Ея И. В.—ва, изволили снизить на заступленіе того знатнаго Поляка; однакоже я себя счелъ бы неисправнымъ предъ долгомъ моимъ въ обязательствѣ дружбы къ в. с.—ву, еслибы по сему случаю оставилъ безъ точнѣйшаго васъ увѣдомленія о предположенномъ здѣсь нашемъ поведеніи касательно до плѣненныхъ нами Польскихъ возмутителей. У насъ положено въ разсужденіи ихъ дѣлать различіе и не поступать съ ними по обыкновеннымъ правиламъ военнаго плѣна, дабы они и ихъ собратія въ Польшѣ больше были удостовѣрены, что мы ихъ предпріятія пріемлемъ и считаемъ сущимъ внутреннимъ возмущеніемъ и разбоемъ, а не войною противъ насъ. Почему, м. г. м., и всякое снисхожденіе къ кому-либо изъ нихъ самихъ или къ заступленію объ нихъ отъ кого-либо другаго долженствуетъ ими бытъ воображаемо гораздо цѣннѣе освобожденія другаго каждаго военноплѣннаго.

8.

Спб. 16 Апрѣля 1776.

Препровождая здѣсь в-му с.-ву письмо Государя Цесаревича, не могу оставить безъ засвидѣтельствованія по самой истинѣ, что оно собственныхъ мыслей и собственнаго сочиненія Его Императорскаго Высочества, такъ что ни я и никто ни единого слова въ немъ не перемѣнили.

¹⁾ Кіевскій.

²⁾ Г. е. староста города Черкаска (за Кіевомъ).

Я в-му с-ву здѣсь открою мое мнѣніе съ совершенною искренностію, касательно до открывшейся съ стороны Крымскаго хана переплюки: Вамъ, м. м. другъ, извѣстно, что братъ мой отозвался отъ себя письмами отверстными ко всѣмъ Татарамъ вообще и особливѣе къ предвѣстнику сего хана, какъ и къ нѣкоторымъ Крымскимъ и кочующимъ Татарскимъ начальникамъ, о возбужденіи въ нихъ желанія отложиться отъ Турецкаго подданства. Легко можетъ статья, что происшедшая изъ того молва между Татарами была нѣкоторымъ случаемъ, а можетъ быть и самою причиною паденія того хана; но какъ по обстоятельствамъ сей въ ханахъ настоящей перемены, такъ и особливо по содержанію отвѣтнаго письма, сумнѣваться уже невозможно, чтобъ оно не у Порты новому хану составлено было. А посему и открывається въ немъ достаточно намѣренія Порты истребить наше мнѣніе о возможности отвлечь Татаръ отъ ея подданства и, съ оказаніемъ варварскаго самохвальства о своихъ преимущественныхъ предъ нами силахъ и ресурсахъ, предоставить однакоже намъ отворенный нами самими путь къ мирнымъ предложеніямъ, которыхъ, при всемъ султанскомъ звѣрствѣ, онъ самъ и все его министерство весьма желаютъ, что со всѣхъ сторонъ единогласно намъ подтверждается. Особливаго, м. г. мой, примѣчанія заслуживаетъ содержащееся въ письмѣ ханскомъ сравненіе ресурсовъ на продолженіе войны. Сія мысль самая та, которую Французскій дворъ наусильнѣйше султану въпереть, о чемъ я наивѣрнѣйшимъ образомъ извѣстятъ.

Ваше с-во желаете имѣть отъ меня заблаговременно средство узнать, въ какомъ бы видѣ вамъ отвѣтствовать сему хану, еслибъ случай впередъ больше открылъ его намѣреніе вступить въ негоціацію. Основываясь на вышеписанномъ моемъ вамъ сообщеніи, я, по настоящему расположенію дѣлъ нашей всемилостивѣйшей Государыни, не могу, милостивый другъ, вамъ инаго совѣтывать, какъ простое принятіе на доношеніе Ея И. В-у всего того, что можетъ быть вамъ представляемо отъ хана ли Крымскаго, или съ стороны самого визиря, касательно до соглашенія о мирѣ или же и о временномъ ружья удержаніи. Что же касается до предложеній, могущихъ быть съ Татарской стороны, независимо отъ Турецкаго примиренія, но относительно къ ихъ отложенію отъ Турокъ: въ томъ ваше с-во, имѣя теперъ вѣрное свѣдѣніе о семъ Ея И. В-ва желаніи, конечно можете и отъ своего лица подать имъ въ отвѣтъ точное обнадеживаніе высочайшимъ именемъ Ея В-ва, что ихъ освобожденіе и вольность навсегда защищаемы будутъ, какъ скоро они отложатся отъ настоящаго своего подданства и останутся въ разсужденіи насъ въ покоѣ въ своихъ жилищахъ, защищая оныя отъ насильствъ и нападеній Турецкой сволочи.

Я выше упомянулъ о случаѣ предложенія временно удержать оружіе. Ваше с-во изъ приложенныхъ здѣсь разныхъ Константинопольскихъ извѣстій сами усмотрѣть изволите, съ какими многими затрудненіями и недостатками сопряжено Турецкое снаряженіе къ настоящей кампаніи, и что дѣйствительно тамъ помышляютъ объ изъ-

исканіи на всякой случай способовъ къ удержанію оружія. Сей случай ихъ нужды инако настоять не можетъ какъ тогда, когда они увидятъ себя въ существительной слабости и совсѣмъ въ несостояніи продолжать кампанію. Слѣдовательно я и удостовѣренъ, что ваше с-во не восхотите сами тогда удержать свой мечъ на ихъ доскональное пораженіе.

Теперь, м. г. мой, позвольте мнѣ продолжить здѣсь съ вами дружеское разсужденіе о представляющихся видахъ къ отверстію кампаніи. Я, воображая себѣ невѣжество нашего непріятеля, остаюсь еще при томъ мнѣніи, что онъ, какъ превышшая скотина, къ одной стезѣ можетъ имѣть прямое намѣреніе—переходить черезъ Дунай по Исакческому мосту, если ему удастся оной въ скоромъ времени навести. Особливо, зная всѣ произведенные вами подъ нимъ послѣдніе поиски вокругъ Бухареста и далѣе, легко по своему невѣчеству счесть онъ можетъ, что и главнѣйшія ваши силы въ ту же сторону по Дунаю собираются; а потому можетъ онъ и такъ разсудить, что ему отъ Исакчи ближе будетъ дорога къ защищенію Бендеръ отъ второй нашей арміи, чѣмъ тому же его невѣчеству было бы свойственно. Находящійся здѣсь депутатъ князь Кантакузинъ мнѣ сказывалъ, что онъ былъ самъ главнымъ комисаромъ отъ провинціи при устроении вышепомянутаго Исакческаго моста, и что оставшій конецъ на здѣшнемъ берегу, послѣ разведенія Турками судовъ сего моста, есть такаго великаго и твердаго зданія, что новое его строеніе конечно требуетъ по послѣдней мѣрѣ двумѣсячнаго времени, хотя бы и всѣ къ тому матеріалы, а особливо дѣсь (котораго бревны должны быть самой большой толщины), могли на сей сторонѣ рѣки также скоро сысканы быть, какъ въ прошедшемъ году при заготовленіи къ войнѣ. Если все оное правда, то невозможно ль, м. г. мой, принять такія мѣры, чтобъ ту къ наведенію мостовыхъ судовъ пристань заблаговременно истребить?

9.

4 Мая 1770.

Предъ нѣсколькими часами прибылъ сюда отправленной отъ в. с-ва курьеръ съ подробною реляціею о полученныхъ при Журжѣ авантажкахъ господиномъ Штофельномъ. Принося искренную благодарность за дружеское в. с-ва письмо, не имѣю и времени служить вамъ на оное пространнымъ отвѣтомъ, ниже справится въ архивѣ о томъ митрополитѣ Русскомъ Володкевичѣ, о которомъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ вы упоминать изволите. Кажется мнѣ, что онъ тотъ же, самый, который въ Барскую конфедерацію ограбилъ обозъ и послѣ того имѣлъ многіе коварные и хищные умыслы противъ нашего войска. Сіе не для того сообщаю я в. с-ву, чтобъ съ нимъ поступлено было за то съ большимъ угнетеніемъ, а особливо если имѣеть еще онъ отъ нашего посла рекомендацію; но примѣчаю симъ, то только, сколь мало на слова Поляковъ и на ихъ о себѣ самихъ и другъ противъ друга увѣренія полагаться возможно. Слѣдственно остается съ сими людьми дѣлать то, что велитъ благоразуміе по настоящему

положенію дѣлѣ и обращенію каждаго, съ чѣмъ совершенно ваше сіятельство сообразоваться изволили въ своемъ отвѣтѣ бискупу Львовскому.

10.

Петергофъ, 12 Іюля 1770.

Изъ слѣдующихъ здѣсь двухъ за собственноручнымъ ея императорскаго величества подписаніемъ высочайшихъ рескриптовъ усмотрите ваше сіятельство, въ какомъ намѣреніи и на какомъ основаніи отправленъ нынѣ къ вамъ Волосской господарь Гика. Сверхъ того, что мы сами собою могли спознать о истинной его къ интересамъ имперіи преданности, упоминаемая въ одномъ изъ рескриптовъ рекомендація объ немъ г. тайнаго совѣтника Обрѣзкова дошла нынѣ сюда ко мнѣ изъ настоящаго его заключенія; онъ его представляетъ намъ человѣкомъ многихъ уже заслугъ и вѣрности, почему всему наипаче надѣяться можно, что онъ, господарь, въ бытность свою при вашемъ сіятельствѣ, охотно и ревностно будетъ себя употреблять во все ему поручаемое.

Между тѣмъ позвольте мнѣ, милостивый мой другъ, открыть вамъ здѣсь собственное мое изъ одного долга персональной къ вамъ дружбы и почтенія происходящее мнѣніе, что данныя вамъ повелѣнія не связываютъ вамъ рукъ въ употребленіи господаря въ то или другое политическое дѣло свыше собственнаго вашего разсужденія и вами самими усматриваемой надобности: ибо опредѣленіе въ томъ момента и точной мѣры долженствуетъ зависѣть отъ локальныхъ обстоятельствъ и времени. По такому же моему собственному разсужденію равномерно можетъ оставаться въ собственномъ вашемъ благоизобрѣтеніи, при себѣ ли всегда въ арміи содержать господаря или же опредѣлять ему позади оной способныя къ пребыванію мѣста, дабы онъ васъ инако отягощать не могъ. Первая польза изъ отправленія его къ вашему сіятельству представляется мнѣ та, что онъ, по совершенному своему свѣдѣнію о состояніи и ресурсахъ княжества Молдавскаго и всей тамошней стороны, можетъ вамъ подавать удобнѣйшія средства къ подкрѣпленію вашей арміи какъ вооруженными людьми, такъ и всѣми другими снабженіями.

Р. С. Господарь усильно просилъ меня о заступленіи у вашего сіятельства, дабы Каргапольскаго карабинернаго полку поручикъ Данилевской, къ которому онъ здѣсь привычку сдѣлалъ, и въ арміи при немъ оставленъ, а если можно и чиномъ по милости вашей повышенъ былъ, что я предаю собственному вашему лучшему разсмотрѣнію.

11.

9 Сентября 1770.

Милость, которую ваше с—во племяннику моему князю Репницу *) сдѣлать намѣрены увольненіемъ его сюда, я по истинѣ принимаю собственнымъ мнѣ одолженіемъ, тѣмъ для меня чувствительнѣйшимъ, что разстроица его домоваго состоянія необходимо требуетъ его собственнаго присутствія, дабы не лишиться ему, наконецъ, всего

*) Знаменитому князю Николаю Васильевичу, который послѣ своего посольства въ Польшѣ отправился на войну съ Турками.

его имѣнія, о чемъ я не упустилъ предупредить Ея И. В—во, и всемилоствѣйшая Государыня несумѣнно снизойти изволить на его просьбу, какъ скоро ваше с—во оную реляцію вашею представите, съ таковою объ немъ вашею апробаціею, какову онъ заслужить могъ подъ повелѣніями вашими.

По содержанію слѣдующаго здѣсь проекта письма отъ в. с—ва къ верховному визирю, сего числа апробованному Ея И. В—вою, будетъ въ началѣ будущей недѣли отправлено къ вамъ въ надлежащей формѣ то настоящее письмо при имянномъ рескриптѣ, съ предписаніемъ о доставленіи онаго отъ вашего лица. Я теперь предварительно сіе вамъ, м. г. мой, сообщаю съ тѣмъ, чтобы сократить сколько возможно то время, которое для переводу его на Турецкой языкъ употребить будетъ надобно, въ чемъ я здѣсь на нашихъ переводчиковъ положиться не могу; надѣюсь же, что въ вашихъ предѣлахъ найдутся способные къ тому люди. Покорно прошу между тѣмъ приказать о заготовленіи сего перевода. Я думалъ бы, м. г. мой, чтобы господарь Гика для исправленія онаго могъ быть способнѣе другихъ, какъ въ разсужденіи знанія Турецкой грамоты, такъ особливо и потому, что онъ въ дѣлахъ сего рода довольное время обращался и имѣеть въ нихъ хорошую оріентальную практику; но я не знаю, гдѣ вы опредѣлить изволили его пребываніе и не пропадетъ ли нужное время, если его нарочно оттуда къ вамъ привозить.

12.

Въ С.-Петербургѣ, 4 Октября 1770.

Учиненныя въ Польшѣ распоряженія противу мороваго повѣтрія были уже мнѣ извѣстны по доношеніямъ генераль-порутчика Веймарна; но я не могъ себѣ никогда вообразить, какъ то между тѣмъ сверхъ чаянія случилось, чтобы оныя кромѣ внутренняго въ землѣ распорядка и осторожностей могли въ исполненіи своемъ относиться до затрудненія или остановки предписанныхъ вапимъ с—вою мѣръ къ пропитанію арміи; ибо сей пунктъ, какъ крайній и ничѣмъ инымъ незамѣняемой нужды, долженствовалъ натурально вамъ однимъ предоставляемъ и отъ васъ однихъ зависимъ быть.

Коль велико удостовѣреніе мое о искренности участія, которое в. с—во принимать изволите въ счастливомъ по столь многихъ трудахъ преодолѣніи Бендерской крѣпости *), столько же много и почитаю я себя вамъ обязаннымъ за ласкательное изъясненіе онаго.

Для лучшаго пониманія этихъ писемъ напомнимъ читателю, что начавшаяся осенью 1768 года (по Французскимъ просякамъ) первая Екатерининская война съ Турціею долгое время шла безъ особенной удачи и весьма озабочивала Россію, которая едва успѣла отдохнуть отъ войны Семилѣтней и имѣла новое правительство, въ военномъ отношеніи еще ничѣмъ себя не ознаменовавшее. Мы заняли Молдавію и Валахію, но рѣшительныхъ успѣховъ не имѣли, и въ 1769 году взятіе Хотина стоило великихъ жертвъ. Правительство успѣло выдти изъ бѣды лишь благодаря своей настойчивости, и лѣтомъ 1770 года, можно сказать, неожиданно-негаданно, завистливая Европа потрясена была удивительными побѣдами при Чесмѣ (24 и 25 Іюня), при Ларгѣ (7 Іюля) и Кагулѣ (21 Іюля). Распоряженія были тверды и

*) Взятая графомъ П. И. Панинымъ.

дальновиднѣ. Еще въ Октябрѣ 1769 года графу П. И. Панину поручено отъезжать Татари отъ Турецкаго подданства. Первоначальное порученіе это, утѣчавшееся должнымъ успѣхомъ лишь въ 1783 году, описано въ нижеслѣдующей запискѣ. Надо замѣтить, что графъ Панинъ (бывшій генералъ-губернаторъ Восточной Пруссіи) началъ боевое свое поприще подъ начальствомъ фельдмаршала Миниха, съ которымъ дѣйствовалъ въ Крыму, участвуя во взятіи Перекопа и Бахчисарая (1736).

ЗАПИСКА, КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ПРЕВОДИТЕЛЕМЪ ВТОРОЙ АРМІИ ГЕНЕРАЛОМЪ ГРАФОМЪ ПАНИНЫМЪ НАЧАТО ПРОИЗВОДИТЬСЯ ПРЕДПРИЯТИЕ РОССИЙСКО-ИМПЕРАТОРСКИМЪ ДВОРОМЪ И ЕМУ ПОРУЧЕНОЕ НАМѢРЕНІЕ, КЛОНЯЩЕЕСЯ КЪ ПОКОЛѢВАНІЮ ТАТАРСКИХЪ ОРДЪ ПРОТИВЪ НИЖНЯГО ИХЪ ПОДДАНСТВА (1770).

Великая Екатерина, будучи побуждена наглостію въродомной Оттоманской Порты вести съ нею войну, была, сказать можно, сиобораема десницею Всевышняго. Войска ея, куда ни обращали оружіе, вездѣ къ новому мужеству своего прославленію прагматъ невріателя, новыми прибрѣтати Самодержицѣ своей завоеванія. Но и при самыхъ сихъ воинскихъ успѣхахъ ея человѣколюбіе, всѣмъ великимъ душамъ ородире, скорбѣло о пролитіи крови не только върныхъ своихъ подданныхъ, но и невріателей своего государства; и потому, взирая бодрстваннымъ окомъ на всѣ предметы, могущіе доставить благоденствіе роду человѣческому и будучи еще спомоществуема совѣтниками въ воинскихъ и политическихъ дѣлахъ искусными, препоручила свой арміи въ походѣ 1769 г. въ предводительство искусствомъ и мужествомъ испытанныхъ полководцевъ, на которыхъ колико полагалась ихъ Государыня, только надѣялось ихъ отечество. Графъ Руманцовъ, бывшій предводителемъ второй арміи, получилъ повелѣніе отбыть къ первой, на мѣсто командовавшаго ею князя Голицына, а сію отдать князю Долгорукову до прибытія опредѣленнаго къ ней главнѣйшимъ командиромъ графа Панина, которому еще поручено было произвести въ дѣйство Ея Императорскаго Величества намѣреніе, отъ начальныхъ ея видовъ неотклонное, состоящее во освобожденіи разныхъ Татарскихъ ордъ отъ порабитительнаго ига Оттоманской Порты, ухищреніемъ оною прибрѣтенныхъ. Вслѣдствіе сего получилъ сей главнокомандующій за рукою Ея Величества рескриптъ отъ 16 Октября 1769 года, состоящій въ томъ, что Ея Величество заблагоразсудить изволила сдѣлать испытаніе, не можно ли будетъ, при настоящихъ войны обстоятельствахъ, Крымъ и всѣ Татарскіе народы отвлечь отъ Оттоманской Порты внушеніемъ имъ мыслей къ составленію у себя ни отъ кого независимаго правительства, общаваа съ своей стороны подавать имъ дѣйствительныя къ тому вспоможенія.

Онымъ же рескриптомъ позволено было графу взять для перевода на Турацкой языкъ писемъ, которыми при рескриптѣ образцы приложены были, къ Крымскому хану, такъ и вообще къ всѣмъ Татарамъ, изъ Кіева Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ секретаря Равича; равно какъ и находящагося тамъ же при въграничныхъ дѣлахъ канцеляріи совѣтника Веселицаго *), если бы онъ графъ за нужное

*) Веселицкій-Божидаровичъ, отецъ цвѣстнаго генерала 1812 года и дѣдъ современнаго намъ дѣятеля по освобожденію Босніи и Герцеговины.

нашелъ отъ сего послѣдняго (какъ отъ примѣнившагося по его долгой при дѣлахъ бытности къ Татарскимъ поступкамъ и обычаямъ) получить какое либо изъясненіе о мѣрахъ, къ производству предпріятія сего способствовать могущихъ. Впрочемъ, въ рескриптѣ предлагаются способы, коими достигать до вождѣннаго предмета возможно, а наконецъ предписывается предводителю составить планъ своихъ операцій, соотвѣтствующій образу поведенія Татарскихъ народовъ.

Содержаніе же приложенныхъ двухъ писемъ, одного къ хану Крымскому, а другаго отверстаго къ нему же хану и ко всѣмъ Татарамъ, находящимся въ Турецкомъ подданствѣ, есть слѣдующее. Главный предводитель, давъ ему титулъ свѣтлѣйшаго хана, увѣдомляетъ его, что его Государыня, будучи убѣждена принять оружіе противъ Турецкаго двора, вѣроломно нарушившаго миръ, свято и торжественно на вѣки утвержденный, имѣетъ съ своей стороны справедливѣйшія къ произведенію настоящей войны причины; напротивъ чего Порты, не только не взирая на дружественныя съ Россійской стороны обнадеживанія, но не уважая и самыя оной доказательства, по всей высокоумности алкая къ похищенію чужихъ земель, нарушила сей на вѣки утвержденный миръ и, будучи нечувствительна къ пролитію человѣческой крови, предпочла сумнительный жребій войны толь вождѣнному человѣческому родомъ мирному спокойствію; увѣдомляетъ его, что Всероссійская Императрица не имѣетъ намѣренія распространять свои границы, но отомщевая несправедливому и клятвопреступному непріятелю, желаетъ привести его къ раскаянію, а притомъ показываетъ, каковы освобожденные Всероссійскимъ оружіемъ, но предъ симъ утѣсняемые непріятелемъ вольные народы, находятъ уже отраду подъ защищеніемъ Ея Императорскаго Величества.

Потомъ показываетъ ему, что Порты, присовокупя къ своей державѣ Крымцовъ и всѣ Ногайскіе народы не по праву войны или наслѣдства, но своими ухищреніями, возлагаетъ на нихъ тягостное иго, уничтожаетъ ихъ частою и по своимъ единственно прихотямъ смѣною хановъ и, получая отъ нихъ истинныя услуги и вспоможенія, оставляетъ ихъ безъ помощи, когда при военныхъ обстоятельствахъ они сами принуждены опасаться непріятельскаго въ свои земли нашествія.

Въ окончаніи подаетъ ему главнокомандующій совѣтъ воспользоваться обстоятельствами войны, свергнуть съ себя иго подданства, сдѣлаться независимомъ ни отъ кого областію, и обнадеживаетъ торжественно именемъ Ея Величества, что она не имѣетъ намѣренія употреблять Крымскія силы противъ Порты, но по врожденному ея челоуколюбію желаетъ утѣсеннымъ даровать свободу.

Содержаніе втораго и отверстаго письма къ хану и ко всѣмъ Крымскимъ и прочимъ Ногайскаго поколѣнія народамъ во всемъ сходно съ первымъ, только писано обще къ хану, къ ширинбеямъ и прочимъ Крымскимъ и Ногайскимъ мурзамъ съ прибавленіемъ, что предложеніе сіе дѣлается имъ въ такое время, въ которое Россійское оружіе вездѣ пріобрѣтаетъ побѣды и въ кое Хотинъ взять, визирь разбитъ и прогнанъ, Яссы и Букурешты заняты, знатныя корпусы непріятельскіе при Галацѣ, Фокшанахъ, Браиловѣ и Юрьевѣ въ разныя времена побиты, что слѣдовательно служить яснымъ доказательствомъ единственнаго Россійской Императрицы попеченія

о соблюденіи неповинной человѣческой крови, а не желанія расширять свои границы, и что имъ Крымцамъ и Ногайцамъ настала свободная часть свергнуть съ себя поносное иго рабства.

Вслѣдствіе сего намѣренія главнокомандующій, истребовавъ къ себѣ господина Веселицаго, взявъ отъ него изъясненіе о состояніи и склонностяхъ Крымскихъ и прочихъ народовъ, чтобы, получа отъ него нужное свѣдѣніе, употребить надежнѣйшіе способы къ вѣрнѣйшему исполненію предпріяятаго намѣренія.

Содержаніе же изъясненія, даннаго господиномъ Веселицинымъ, есть.

1) Крымскіе Татары народъ поселенной, живущій домами и, по удобному положенію своего полуострова и плодоносію земли, упражняется въ домостроительство, въ торговлѣ, скотоводствѣ и хлѣбопашествѣ, въ чемъ находя корысть свою, обыкъ безропотно повинываться всѣмъ налогамъ правительства, за что отъ прочихъ Ногайскихъ Татаръ презирается.

2) Едичкульская на Крымской степи кочующая орда, хотя начинается съ нѣсколькихъ лѣтъ привыкать къ хлѣбопашеству, однако главное оной упражненіе состоитъ въ скотоводствѣ, въ ловлѣ звѣриной и въ грабѣжѣ смежныхъ народовъ.

3) Едисанская орда, многолюдствомъ своимъ всѣхъ прочихъ превосходящая, кочуетъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра къ Очакову и по Бугу къ Днѣстру, а промыслы имѣетъ тѣже самыя что и Едичкульская.

4) Чюмбулукская всѣхъ прочихъ Ногайскихъ ордъ малолюднѣе, кочуетъ на степяхъ къ Клибурну, промыслы имѣетъ равныя съ Едичкульскою и Едисанскою ордами.

5) Буджацкая или Бѣлогородская поселена большими слободами, селами и деревнями по правому берегу Днѣстра къ Дунаю, образъ жизни имѣетъ равной съ Крымскими Татарамъ.

Главное правительство надъ сими ордами ввѣряется отъ Порты возводимому ею на ханской престолъ князю. Въ военномъ правленіи первой по ханъ есть калга-султанъ, который имѣетъ начальство надъ-одними Крымцами. Въ земскомъ правленіи, когда ханъ въ своей столицѣ, присутствуетъ съ нимъ изъ духовныхъ казаскерь, нѣсколько мулловъ и кадій, а изъ свѣтскихъ визирь, диванъ-эендій, ширинъ-мурзы, нѣсколько султановъ и прочихъ мурзъ; въ отсутствіи же хана управляетъ намѣстникъ съ прочими сочленами.

Каждый ново-возведенный ханъ имѣетъ власть опредѣлять во всемъ правительствѣ новыя чины по своему произволію.

Надъ Ногайскими ордами опредѣляются султаны главными начальниками съ титуломъ сераскерь-султановъ, кои съ помощію мурзъ правятъ подчиненныя имъ орды.

Всѣ упомянутыя Ногайскія орды почитаютъ Едисанскую за то, что она и многолюдна, и предприимчива, чему господинъ Веселицкой приводитъ въ свидѣтельство поступокъ умершаго Крымъ-Гирея хана, который, преклонивъ сію сильную орду на свою сторону, былъ возведенъ ею противъ воли Порты въ ханское достоинство.

Потомъ господинъ канцеляріи совѣтникъ воспоминаетъ, что сія орда съ Буджацкою двоекратными отзывами показывала склонность свою предаться Россійской державѣ, что и предъ начатіемъ настоящей войны, за частыя перемѣны хановъ, явно негодовала и роптала противъ правительства, оказывая желаніе свое отдаться Россіи.

Въ окончаніи оны Веселицкой совѣтуеть послать осторожнаго повѣреннаго въ Яссы, которой бы отправилъ отъ себя искуснаго и Татарской языкъ довольно знающаго человѣка къ Эдисанской сперва ордѣ, какъ уже хотѣвшей предаться Россіи, съ такимъ наставленіемъ, чтобъ оной старался развѣдать, кто изъ сераскерь-султановъ предпримчивѣе и народомъ любимѣе, и того уловляя веѣмъ возможнымъ отправить къ нему свои письма, а потомъ, когда уже сіе желаннаго не возымѣетъ успѣха, писать какъ во веѣ прочія орды, такъ и къ самому хану.

Его сіятельство графъ Панинъ, собравъ сіи объясненія, приказалъ присланныя письма перевести на Турецкой языкъ; но какъ по достовернымъ извѣстіямъ увѣдомлено было, что ханъ съ Ногайскими Татарами, препроводя нампанію 1769 года при Турецкой арміи, обрѣтался тогда въ городѣ Аккерманѣ, то и опредѣлилъ отправить письма къ ханскому намѣстнику казаскеру и первенствующему ширинь-мурзѣ. И въ сему присланы были 4 человека изъ нововышедшихъ Молдавцевъ, которые ялтвою порученное имъ дѣло вѣрно исправить обявались. Трое изъ сихъ назначены были для врученія писемъ вышеозначеннымъ начальникамъ, и точно въ одно время, для того; чтобъ одинъ кто-либо изъ нихъ, ожидая отъ Порты награжденія, не задержалъ другихъ посланныхъ, и тѣмъ бы не изпровергъ предпріятыхъ къ производству дѣла сего способовъ; четвертый же имѣлъ повелѣніе примѣчать и развѣдывать, какъ письма приняты, выходить ли содержаніе ихъ нъ народъ, и каковъ дѣйствіе оныя причиняютъ. И такъ, давъ имъ довольное наставленіе, приказано было отъ Архангельскаго шанца вѣхать въ Польшу и, пробѣгаясь оною къ Волослимъ по берегу Днѣстра поселеннымъ слободамъ, гдѣ имъ удобнѣе усмотрится, переѣхать Днѣстръ и вступить въ Молдавію, отнюдь, оставляя Бендеры въ лѣво, слѣдовать до Хайнешла, отиуда посредствомъ своихъ знакомыхъ и свойственниковъ чрезъ Очаковъ и Кинбурнъ до Черкона и Вакчисарая. Въ сей городъ приказано было имъ вѣхать въ сумерни и тремъ подателямъ стать на одной квартирѣ, а четвертому вблизи ихъ.

Чрезъ три недѣли по ихъ отправленіи, предводитель второй арміи, въ чаяніи, что первые до назначенныхъ имъ мѣстъ доѣхали и порученное дѣло исправили, вознамѣрился отправить прямо въ Крымъ съ таковыми же письмами, какъ по всему Крымскому народу, къ переселившимся съ давнихъ временъ изъ подъ Россійской державы Калмыкамъ, изъ коихъ одинъ плѣнный отзывался, что они при немъ еще изъявляли желаніе возвратиться подъ Россійскій скипетръ; такъ и въ Эдисанскую орду согласную съ Бужацкою. Къ сему выбранъ былъ одинъ плѣнный, отъ Запорожскаго войска въ подарокъ главному командиру присланный, Эдисанецъ. Господинъ Веселицкой внушалъ сему Татарину нѣсколько дней средю о важномъ отправленныхъ съ нимъ писемъ содержаніи, кое можетъ доставить веѣмъ Татарамъ совершенное благоденствіе; ему жъ особливо обѣщано было награжденіе, естли онъ вѣрно вручитъ письма къ тремъ главнымъ мурзамъ и привезетъ отъ нихъ отвѣты. Сей плѣнный, обявавшись ялтвою по своему закону, отправился изъ главной квартиры 3 Января сего 1770 года; вѣхать же ему приказано было чрезъ Яссы въ томъ разсужденіи, что Эдисанская орда расположена была за Днѣстромъ къ Дунаю, а для препровожденія его посланъ майоръ Бастевикъ, которому приказано было везти при себѣ онаго Эдисанца до Яссъ, гдѣ

ему майору явиться у находящагося тамъ главнаго командира, коему данъ былъ ордеръ, повелѣвающій подавать всѣ вспоможенія по его требованіямъ, касательно какъ до отправленія сего Татарина за форпосты, такъ и по другимъ въ бытность его въ Яссахъ случаться могущимъ по порученной ему комисіи надобностямъ.

По отправленіи онаго Татарина изъ Яссъ, повелѣно было господину Бастевіку прискаты изъ тамошнихъ обывателей двухъ человекъ, кои бы по единоувѣрію обязались (подъ видомъ или торговли или другихъ приличныхъ причинъ) слѣдовать за симъ Татариномъ въ Едисанскую орду и тамъ развѣдывать, какое повелѣныя письма между народомъ произвели движеніе, а узнавъ увѣдомить о томъ господина Бастевіка. О семъ отправленіи въ Яссы увѣдомленъ былъ графъ Румянцовъ.

Впослѣдствіе сихъ двухъ отъ 3 Января отправленій, главнокомандующій разсудилъ за нужно отпустить въ Яссы самого господина Веселицкаго, котораго и графъ Румянцовъ для правленія тѣхъ провинцій требовалъ, и препоручить ему стараться склонять кого-либо изъ Татарскихъ султановъ къ возведенію себя силою Едисанской орды въ ханское достоинство, подойти подъ покровительство Россіи и учинить себя не только независимымъ отъ Порты, но и колѣно свое навсегда наслѣдственнымъ сдѣлать.

Потомъ главнокомандующій помышлялъ отправить еще въ Едичкульскую орду, а къ сему способнымъ признанъ былъ попавшійся въ плѣнъ начальникъ всѣхъ Киргизцовъ, кои въ прошлую съ Турками войну послѣ взятія Азова изъ Россіи бѣжали; плѣнникъ же сей сказывалъ, что онъ съ главнымъ Едичкульской орды мурзою обязанъ дружбою, объявлялъ, что Едичкульцы и Чамбулуки, въ разсужденіи наносимыхъ войною обстоятельствомъ, терпятъ утѣсненія и раззоренія, за которыя они рошцуть, а къ тому жъ прибавлялъ, что, видя склонности ихъ, надѣется онъ ввѣренное ему дѣло исправить благополучно, въ вѣрности жъ по своему закону учинилъ присягу, а въслѣдствіе такаго увѣренія главнокомандующій положилъ:

1) Отправить сего плѣнника по желанію его чрезъ Никитинскую заставу къ мурзѣ Мамбету, главному Едичкульскому начальнику съ письмомъ, къ которому приложить объявительной всему народу листъ, а съ нимъ до оной заставы послать переводчика, которому явиться у находящагося у той заставы командира съ ордеромъ предводителя, повелѣвающимъ подавать ему переводчику для отправленія того Киргица потребныя вспоможенія; переводчику жъ приказано было пробывать на заставѣ три или четыре недѣли съ тѣмъ, чтобъ отправлять къ главнокомандующему тѣхъ, кои съ отвѣтами присылаемы быть могутъ; естли же въ сей срокъ не будетъ отвѣта, тогда поведѣвалось ему возвратиться въ Харьковъ.

2) Для безопаснаго степью отъ Днѣпра до Едичкульской орды проѣзда и оттоля съ отвѣтомъ отправляемымъ Татарамъ, посланный плѣнникъ снабженъ былъ двумя открытыми ордерами, которыми предписывалось всѣмъ командирамъ, на ихъ навѣзгать могущимъ, не чинить имъ ни малой остановки, ниже какаго-либо ослобленія.

3) Ему жъ приказано было для прикрытія ввѣреннаго ему дѣла сказываться на Татарскихъ форпостахъ или при встрѣчѣ ихъ партии ушедшимъ изъ плѣна.

4) По прибытіи жъ къ Мамбету-мурзѣ, вручить ему письмо наединѣ и стараться обще съ нимъ, естли сей на то согласенъ будетъ, о успѣхъ ввѣреннаго ему дѣла.

На семъ основаніи помянутой плѣнникъ Бузатъ-ага отправленъ отъ 31 Января къ главному Едичкульской орды мурзѣ Мамбету, и къ мурзинскому сыну съ письмомъ.

9 Февраля главнокомандующій получилъ изъ Яссы отъ майора Вастевика отъ 29 января рапортъ, въ которомъ онъ Вастевикъ доноситъ, что въ продолженіи дороги не оставлялъ онъ подкрѣплять посылаемаго Татарина въ совершеніи предпріятого имъ дѣла, а по прибытіи ихъ за ненастливымъ тогдашнимъ временемъ 20 того-жъ мѣсяца въ Яссы, отправилъ плѣнника 22; вслѣдствіе жъ даннаго ему повелѣнія сыснаны имъ посредствомъ Молдавскаго боярина Аргирибана, рекомендованнаго ему господиномъ генералъ-майоромъ Черноевичемъ, два надежные и Турецкой азыкъ знающіе челоѣкъ, кои подъ приличнымъ видомъ отправлены отъ него одинъ къ Буджацкимъ Татарамъ, другой къ Едисанскимъ, при которыхъ находится старшій Крымъ-Гирей-хана сынъ Бахти-Гирей султаномъ, съ тѣмъ, чтобы они развѣдывали, какое между Татарами посланнаго письма движеніе производятъ. Потомъ, увѣдомляя о нѣкоторыхъ Турецкаго войска пораженіяхъ, доноситъ, что Крымской ханъ находится въ Каушанахъ, что носится слухъ, будто бы ханъ соединится съ Бендерскими Турками для нападенія на Молдавію, что бывший визирь смѣненъ, а новой находится въ Бабадагъ, что слухъ сей послѣдній, забравъ своихъ женъ, дѣтей и всю Едисанскую орду со всеѣмъ скотомъ, перешелъ Днѣстръ и приблизился къ Россійскимъ границамъ.

Вторымъ рапортомъ отъ 15 Февраля, полученнымъ же 1-го Марта, господинъ Вастевикъ доноситъ, что посланный съ письмами къ своимъ начальникамъ Едисанецъ, не зная, что сія орда, поссорясь съ Буджацкими Татарами, перешла вся на здѣшнюю сторону Днѣстра и расположилась между сею рѣкою и Бугомъ по выпровоженіи его за послѣдній Россійской форпостъ взять встрѣтившимися Буджацкими, отведенъ въ Каушаны и представленъ къ хану, которой, по прочтеніи бывшихъ съ нимъ писемъ, созвалъ къ себѣ всеѣхъ мурзъ и начальниковъ для совѣта.

Изъ сего происшествія было видно, что Едисанская орда о содержаніи тѣхъ писемъ была неизвѣстна; къ тому жъ и съ Крымской стороны изъ посланныхъ къ тамошнему правительству никто не возвратился.

Главнокомандующій положилъ: исполнить намѣреніе свое писать въ Крымъ на общее лицо всего народа. Къ сему выбраны были два плѣнника, Крымскіе Татары, обязавшіеся по своему закону присягою исправить вѣрно возлагаемое на нихъ дѣло; съ ними же посланы были письма къ тремъ начальникамъ особливо, а между ними къ Девлетчибею, которой Татарами первымъ по ханъ почитается, въ достоинствѣ своемъ по смерти пребываетъ безсмынно и которой въ небытность хана управляетъ народомъ Крымскимъ съ ханскою властію. Сии плѣнные поручены до крѣпости Святаго Дмитрія господину полковнику Нащокину, возвращавшемуся изъ главной квартиры въ Азовъ, куда 10 Марта они и отправились.

По прибытіи ихъ въ сію крѣпость, приказано господину оберъ-коменданту Потапову ихъ отправить за послѣдній къ Сивашу Россійской форпостъ и на всеѣхъ своего вѣдомства форпостахъ Крыму наискрѣчайше подтвердить, если кто изъ Татаръ явится на оныхъ съ письмами, то бѣ, благоприятно ихъ принимая, препровождать до крѣ-

пости Святаго Димитрія, а оттуда съ исправнымъ офицеромъ доставлять въ Харьковъ.

2) Для посылки въ Эдисанскую орду равномерно два человѣка плѣнныхъ Эдисанцевъ приуготовить повелѣно, кои клятвою по ихъ закону обязались порученное имъ дѣло вѣрно исполнить. Симъ двумъ Эдисанцамъ дано письмо для доставленія Эдисанскимъ главнымъ начальникамъ. Въслѣдствіе сего 11 Марта изъ Харькова отправлены въ провозденіи толмача Кутлубицкаго прямѣйшимъ путемъ чрезъ Кременчугъ въ Сѣчу, гдѣ приказано было толмачу явиться у коменданта, которому предписывалось, не задерживая ихъ, отправить въ Россійской ближней къ Эдисанской ордѣ форпостъ, и для большей ихъ безопасности, данъ имъ изъ главной квартиры открытой ордеръ, предохраняющій ихъ отъ несчастія, случиться могущаго при встрѣчѣ разбѣздовъ; на форпосты же, противъ сей орды разставленные, посланы приказы, чтобъ въ случаѣ прибытія на оныя Эдисанцовъ съ письмами приниманы они были благопріятно и провождаемы до Сѣчи, а оттоль до Харькова. Отправя такимъ образомъ во все Татарскія орды къ Крымскому хану, къ тремъ первенствующимъ Крымскаго правительства членамъ, къ знатнѣйшимъ тремъ ихъ начальникамъ на общее лице Татаръ Крымскихъ письма, главнокомандующій опредѣлилъ въ непродолжительномъ времени отправить господина Веселицкаго въ Яссы, какъ то выше сего сказано.

12 Марта главнокомандующій получилъ отъ отправленнаго 1 Февраля съ плѣннымъ Киргизскимъ начальникомъ Дженъ-Булатъ-агою возвратившагося въ Харьковъ переводчика Череса рапортъ, которымъ онъ доносилъ, что, по выпровоженіи посланнаго съ нимъ плѣнника на Татарскую степь, ожидалъ онъ въ Ново-сѣченскомъ ретраншементѣ четыре недѣли возвращенія Киргизца, но не получа никакого извѣстія и будучи долженъ ѣхать въ Харьковъ, просилъ господъ кошевого и майора Миккульшина о благопріятномъ приемѣ и о безопасномъ до Харькова препровоженіи отправленнаго ли плѣнника или другаго Татарина, когда сіи съ письмами къ нимъ явятся.

Рапортуеть также, что въ бытность свою въ Сѣчѣ слышалъ отъ кошевого, будто бы между ханомъ, вага-султаномъ и прочими Нугайскими ордами произошло несогласіе, которое хотя учиненнымъ отъ хана удовольствіемъ въ Татарскихъ требованіяхъ прекращено, но однакожъ ханъ, опасаясь, чтобы Едичкульская орда не покорилаь Россіи, повелѣлъ оной съ женами, съ дѣтьми и съ большею частью имущества, перейти въ Перекопъ, оставя на своихъ степяхъ небольшое число скота и для прикрытія онаго людей, и будто наслано отъ хана повелѣніе всемъ Татарамъ готовиться идти къ Бендерамъ.

Его сіятельство вознамѣрился возвратившагося майора господина Бастевича вторично отправить въ Яссы, почему 27 Марта и данъ ему ордеръ съ такимъ точно повелѣніемъ: прискаты надежныхъ людей для доставленія Эдисанской орды сераскерь-султану Бахти-Гирею, Крымъ-Гирея-хана сыну письмо, препровожденнаго по знакомству его господина майора съ нимъ, особымъ отъ имени его письмомъ же съ тѣмъ однакожъ, буде сей султанъ смѣненъ или при ордѣ не находится, то писемъ никому не отдавать, но привезти обратно, и для отправленія въ Каушаны, въ Бендеры и Очаковъ, приказалъ всемъ имъ развѣдывать, какое посылаемыя письма движеніе въ народѣ производятъ, а при томъ объявлять, что полководецъ, назначенный къ

покоренію Бендеръ, есть братъ перваго министра и человекъ хотя искусной и мужественной, но притомъ и благосклонной, почему шадъ человѣческую кровь, намѣренъ требовать, подступа къ Бендерамъ и Очакову, добровольной сдачи, чтобъ тѣмъ не допустить жителей до конечной ихъ гибели, въ случаѣ же упорства, предать ихъ ярости раздраженнаго побѣдителя.

Впрочемъ поручалось ему Бастевіку рапортовать какъ о досто- вѣрныхъ движеніяхъ непріятельскихъ, такъ и о всемъ къ свѣдѣнію главнаго командира потребномъ.

Еще приказано ему было отправить вѣрнаго человекъ въ Бендеры извѣдать, правда ли, что Французскій инженеръ вошелъ въ Турецкую службу, и ежели правда, то описать его примѣты, а съ нимъ же господиномъ майоромъ были отправлены въ Яссы два Турка, шкиперъ Османъ-ага и его товарищъ, задержанные при началіи войны въ крѣпости Святаго Дмитрія, но потомъ въ размѣнъ отпущенные въ свое отечество.

30 Марта главнокомандующій получилъ отъ кошеваго Запорожской Сѣчи рапортъ, которымъ доносило было, что Едисанцевъ, при толмачѣ присланныхъ, отправить чрезъ Сѣчу за Бугъ за чрезвѣрнымъ разлитіемъ сея рѣки невозможно, для чего препровождены они до крѣпости Святыя Елисаветы къ генералъ-майору господину Лебелю.

Употребивъ всевозможные способы ко благополучному окончанію сего предпріятія, ожидалъ главнокомандующій на свои письма отвѣтовъ, изъ которыхъ отъ хана Капланъ-Гирея, сына Салимъ-Гирея-хана, 8 Апрѣля и получилъ.

Письмо сіе писано слогомъ Азіатскимъ, то есть горделивымъ и надменнымъ. Въ началѣ ханъ, отрицая истинныя доказательства нашего предводителя въ нарушеніи Портою мирныхъ положеній и разрыва самаго мира, возлагаетъ сіе на Россійской дворъ, а превращая защищеніе съ Россійской стороны вольности Польской на истребленіе оной, какъ по сему такъ и по завладѣнію Кабардинцовъ, приписываетъ началіе войны Россіи, выхваляетъ храбрость народовъ Магометанской вѣры, входитъ въ богословскія разсужденія, упоминаетъ о ниспосланіи трехъ первыхъ пророковъ (Моисея, Иіи и Христа) на землю, описываетъ непослушаніе къ нимъ невѣрныхъ народовъ и, поставляя сіе причиною посланія послѣдняго пророка Магомета, утверждаетъ истину его ученія и Турецкаго могущества тѣмъ, что при началѣ его поученій нѣсколько человекъ, всходя одинъ за другимъ на площадь, помощію сабли очищали свѣтъ отъ невѣрныхъ и, почитая себя послѣдователями сего пророка, возлагаетъ свое упованіе на обѣщанную имъ отъ Бога помощь. Пораженіе войскъ своихъ и покореніе Молдавіи и Валахіи приписываетъ онъ 30-ти лѣтнему миру и Божескому за грѣхи ихъ наказанію, полагаетъ свою впередъ надежду на Бога и Турецкія силы, воспоминаетъ 23 годъ, описываетъ могущество Порты, какъ на морѣ такъ и на сухомъ пути; говоритъ, что число войскъ ихъ, къ продолженію войны назначенныхъ, превосходитъ всякое чаяніе, изъявляетъ вѣрность свою султану и называя тѣ времена, въ которыя Крымскій народъ не подлежалъ Портѣ, бѣдственными для сего народа, почитаетъ счастіемъ быть подъ Турецкою властію; возражаетъ на нѣкоторыя слова, говоря, что ихъ отъ сна возстаніе инаково быть не можетъ какъ съ саблею. Потому, оказывая ревность свою къ вѣрѣ, преданность къ султану и несогласіе

къ предлагаемому имъ дѣлу, пишетъ онъ, что естли главнокомандующій имѣеть какіе либо обѣимъ сторонамъ полезныя виды, то бѣ немедленно о томъ съ разумнымъ человекомъ его увѣдомилъ.

Въ концѣ письма своего хотя опять и входитъ онъ въ исчисленіе силъ своихъ, однако заключаетъ повтореніемъ: естли естъ въ видахъ главнокомандующаго польза обѣихъ воюющихъ державъ, то бы о семъ увѣдомить его немедленно.

По содержанію сего, надменными возраженіями наполненнаго, отвѣтнаго письма, господинъ Веселицкой поднесъ предводителю арміи слѣдующее объясненіе: 1) Ханъ Крымской безъ повелѣнія Порты не можетъ отважиться, особливо же въ военное время, на отправленіе письма подобнаго содержанія; но, какъ видно, оное сочинено ея министерствомъ, а по повелѣнію скрѣплено и отъ имени его отправлено. 2) Политика Порты, по подчиненіи себѣ Крымскаго хана съ Татарскимъ народомъ (ради лучшаго утвержденія онаго на будущія времена въ ея подданствѣ безъ истребованія въ разсужденіи единовѣрія обыкновенныхъ изъ знатныхъ породъ особъ въ залогъ) изобрѣла сіи способы: ханскихъ поколѣній принцамъ и низверженнымъ ханамъ жаловать за рѣкою Дунаемъ, въ Романіи, на Архипедагскихъ островахъ и въ другихъ ближнихъ къ Константинополю провинціяхъ особенныя удѣлы, называемыя чифлики, во владѣніе, и на пребываніе съ фамиліями, отъ коихъ чифликовъ получаютъ они доходы на достаточное по ихъ Азіатскому обыкновенію продовольствіе; а нѣкоторымъ изъ нихъ по примѣченнымъ способностямъ и къ воинскимъ упражненіямъ склонностямъ, сверхъ тѣхъ доходовъ производится особливая пенсія. На такомъ основаніи они въ своихъ чифликахъ живутъ и безъ дозволенія Порты за Дунай и въ Крымъ отлучиться не могутъ. Всѣ ханы, а по нимъ принцы ханскихъ поколѣній, называемыя гиреями и салатинами, то естъ принцы крови, ожидающіе возведенія въ ханы, либо опредѣленія въ сераскеры-султаны, или просто въ султаны надъ ордами, или же въ калга-султаны надъ Крымцами, какъ воспитанные по Татарскому обыкновенію въ невѣжествѣ и подлости, по знатности своей породы льстятъ себѣ мнимою надеждою когда нибудь Турецкимъ овладѣть скипетромъ, утверждаясь на преемническомъ разсказѣ, будто Порта, во время подверженія Крыма, ханскихъ поколѣній потомкамъ, по пересѣченіи потомства Турецкихъ султановъ, въ разсужденіи единовѣрія и знаменитой породы, наиторжественнѣйше особливымъ письменнымъ актомъ право наслѣдства уступила и присвоила. Сею политикою, усердіемъ къ магометанству и недоувѣркою къ христіанамъ, ханы не только прельщены, но и убѣждены будучи, ни въ какіе не входятъ резоны, благоденствіе Татарскаго общества поспѣшествовать могущіе, а остаются Портѣ вѣрными и преданнѣйшими. Слѣдовательно всякая прямымъ образомъ по сему важному дѣлу хану чинимая попытка отъ легкомысленнаго вышеупомянутаго убѣжденія безцѣдною останется, и для того надежнѣйшимъ способомъ къ достиженію по сему столь важному дѣлу высочайшаго намѣренія признается послышка искуснаго повѣреннаго въ Яссы съ достаточнымъ наставленіемъ для отправленія въ Едисанскую и Бужацкую орды съ письмами изъ тамошнихъ обывателей отъ такихъ людей, кои въ тѣхъ ордахъ не только знакомы, но и у Ногайцевъ и ихъ начальниковъ кредитъ имѣють, дабы своими пристойными внушеніями и сильнѣйшими увѣреніями стараніе употребили къ поколебанію въ вѣрности къ

Туркамъ и къ избиранию себѣ новаго хана, подражая примѣру Крымъ-Гирея-хана, хотя бы то, по алчности къ сребролюбію Азіатскаго народа, и обѣщаніемъ нѣкоторой суммы денегъ въ дѣйство произвести.

Предводитель *)), ожидая на прочія свои письма отъ начальниковъ Татарскихъ и Ногайскихъ ордъ отвѣтовъ и отъ господина Бастевика извѣстій, упражнялся въ снабдеваніи порученной ему арміи и въ приведеніе ея въ готовность выступить въ походъ, какъ скоро полевой къ прокормленію многочисленнаго скота (подъ тяжелую артиллерію, кавалерію и полковыя повозки) кормъ поспѣетъ; когда жъ оный въ желаемое возрастеніе приходитъ началъ, тогда по повелѣнію главнокомандующаго полки, еще находящіяся въ Харьковѣ, выступили въ походъ 17 Апрѣля.

30-го Апрѣля отправленные въ Крымъ для доставленія тамошнимъ тремъ въ правительствѣ главнымъ чинамъ (а именно: каймакану, казаскеру и знатнѣйшему изъ ширинъ-мурзъ) писемъ, четыре Волоха возвратясь объявили: 1) что они предписаннымъ имъ путемъ слѣдовали до Молдавскаго мѣстечка Оргей, гдѣ двое изъ нихъ съ лошадьми остались, а другіе два пошли въ Каушаны, и свѣдавъ, что тѣ правительства знаменитые чины прибыли въ сей городъ для поздравленія нововозведеннаго хана, то одинъ изъ нихъ, явась у ширинъ-мурзы Джелилибея, подалъ оному на одинъ письмо, препроводивъ словеснымъ по повелѣнію объясненіемъ; но онъ, по прочтеніи услышавъ, что и къ другимъ такія же письма посланы, приказалъ оныя такимъ же образомъ вручить, а потомъ обѣ ихъ отзвѣвъ его увѣдомить, что и исполнено; кои по прочтеніи отпустили его отъ себя, не давъ ему никакаго по онымъ отвѣта и не вступя ни въ какіе отзвы, о чемъ сей реченному Джелилибею и объявилъ, который приказалъ ему, никому о томъ не разгласяя, возвратиться во свояси; 2) что новый ханъ при немъ въ Каушаны прибылъ, коимъ повидимому Татары весьма недовольны; 3) примѣчали они, что Татары имѣютъ намѣреніе къ примиренію съ Россією, но опасаясь Турковъ, въ томъ еще удерживаются.

2 Маія и самъ предводитель почтою въ путь отправился.

3-го того мѣсяца встрѣтилъ его изъ Яссы курьеръ съ рапортомъ отъ 27 Апрѣля, которымъ Бастевикъ доносилъ: Турецкій шкиперъ и съ его товарищемъ отпущены къ Бендерамъ, для препровожденія же оныхъ наняты два Молдавца, коимъ приказано было, прибывъ въ Бендеры, развѣдать по возможности обстоятельно, въ надлежащее ли оборонительное состояніе приведенъ городъ, довольно ли снабденъ войскомъ, артиллерією, порохомъ и хлѣбомъ, все ли назначенное къ оборонѣ войско собралось или еще ожидается, въ коликѣмъ оное числѣ, кто главный командиръ и какаго онъ свойства извѣдать, и какое мнѣніе имѣютъ Турки о Татарахъ и Татары о Туркахъ; гарнизонъ и жители твердое ль намѣреніе имѣютъ оборонять городъ, или склонны къ сдачѣ; разгласить какъ о многолюдствѣ войска и артиллеріи, такъ и о великодушіи командующаго онымъ, которой при добровольной города сдачѣ сохранить жителямъ не только жизнь, но и все ихъ имѣніе, въ случаѣ жъ упорства предасть всѣхъ въ волю побѣдоноснаго воинства. Таковое наставленіе дано въ Бендеры же отправленному Ясскому жителю Греку съ прибавленіемъ, чтобъ онъ (по объявленному имъ знакомству съ нѣкоторыми Бендерскаго гарнизона Янычарами)

*) Т. е. графъ П. И. Панинъ.

старался всячески чрезъ нихъ узнать, нѣтъ ли въ городѣ вступившаго, съ перемѣною или безъ перемѣны закона, въ Турецкую службу инженернаго Французскаго офицера, и ежели оный есть подлинно, то разсмотрѣть обстоятельно примѣты онаго, а самому явиться въ Россійской арміи при ея къ городу приближеніи. Доносилъ Бастевикъ, что въ Фокшанахъ и Букарештѣ по рапортамъ ген.-пор. князя Репнина было все спокойно, и какъ объ умноженіи непріятельскаго войска, такъ и о переходѣ его на сію сторону Дуная ничего не слышно, посылаемые разѣзды нигдѣ непріятели не видятъ; Татары съ Турецкимъ подкрѣпленіемъ бывшіе 8000 человекъ, послѣ разбитія своего маіоромъ Зоричемъ, нападеній дѣлать не отваживаются; изъ отправленныхъ генералъ-порутчикомъ Штофельномъ трехъ Волоховъ за Дунай одинъ возвратясь объявилъ, якобы при Исакчѣ чрезъ сію рѣку мостъ на судахъ дѣлается, и какъ чрезмѣрнымъ воды разлитіемъ всѣ близъ находящіяся лоцины оною наполнены, то и чрезъ сію на сваяхъ мостъ дѣлался. По объявленію тогожъ Волоха, съ визиремъ въ одномъ Бабадагѣ, исключая лежащія по ту сторону рѣки города, находится войска 20000, но и всякой день умножается; онъ видѣлъ нѣсколько большихъ судовъ съ хлѣбомъ слѣдующихъ по Дунаю къ Исакчѣ, но господинъ генералъ-порутчикъ, не увѣряясь на сихъ извѣстіяхъ, еще двоихъ за Дунай отправилъ. По послѣднему рапорту генералъ-маіора Потемкина ¹⁾ Никопольской паша, командированный въ состоящій по сію сторону рѣки городъ Журжу, хотѣлъ, соединясь съ тамошними Турками, напасть на Россійскіе въ Валахіи около Букарешта передовые форпосты; но сіи сказали, что онъ, востревожа Россіянъ, паки за рѣку уйдетъ, а они чрезъ то разориться и женъ лишиться могутъ, и идти съ нимъ отказались. 2) Что напротивъ сего, онъ отъ Молдавскаго боярина Аргірія-бана и своихъ коммисіонеровъ увѣдомленъ, якобы мостъ при Исакчѣ уже построенъ, и визирь, переправивъ по оному нѣсколько войска, велѣлъ ему соединенно съ ханомъ слѣдовать къ Бендерамъ; что не малое жъ число непріятели, перешедъ Дунай, вошли въ Браиловъ, отколѣ помышляли напасть на стоящія въ Фокшанахъ Россійскія войска; прочее жъ Турецкое войско, на сей сторонѣ находящееся, да и самъ визирь идти къ Бендерамъ намѣрены. 3) Что два изъ Бендеръ ушедшіе Волоха ему объявили, будто бы въ городѣ войска было уже до 10000, да и еще ожидалось; хлѣба, сказывали, хотя много, однако съ сбереженіемъ употребляется; сады въ предмѣстіяхъ вырублены, жители находятя во ожиданіи прихода Россійскаго войска въ великомъ страхѣ, и для того хотѣли съ женами и имѣніемъ выбраться въ безопасныя мѣста, но силою начальниковъ своихъ отъ того удержаны; что къ сему оттолжжъ ушедшій Полякъ прибавлялъ: изъ Цесарской области провозится къ непріятели много хлѣба, и съ пашею Абаза называемымъ (которой подѣ Хотиномъ былъ) еще прибыло войска до 10000. 4) Что ханъ послѣ экспедиціи маіора Зорича, собравъ Буджацкую орду, выступилъ изъ Фокшанъ къ Буджаку для защищенія земель своихъ. Едисанцы стоятъ отъ Каушанъ къ Молдавіи верстахъ въ 50.

Еще Бастевикъ доноситъ: На посланные вновь продводителемъ съ двумя Едисанцами къ главнымъ тамошнимъ мурзамъ письма еще отъзвѣва не имѣеть, но тоѣмо увѣдомленъ онъ, что посланный имъ чрезъ

¹⁾ Григорія Александровича, отличившагося въ этомъ году при Фокшанахъ.

Аргирія-бана въ первый его въ Яссы прѣздъ Молдавецъ Стахій Рензой для развѣдыванія о собраніи ханомъ всѣхъ мурзъ Татарскихъ на совѣтъ, возвратясь изъ Каушанъ и не найдя его въ Яссахъ, явился къ Аргирію-бану, а симъ былъ представленъ къ генералу-порутчику Штофельну, коему объявилъ, что, принимая всѣ предосторожности, остановился онъ близъ Каушанъ въ селѣ Молокоши, гдѣ онъ отъ тамошняго жителя свѣдалъ, что когда ханъ Девлетъ-Гирей получалъ въ Едисанскую орду отправленные письма, повелѣлъ всѣмъ мурзамъ собраться къ себѣ для совѣту, и какъ сіи собираться начали, то визирь, увѣдавъ о томъ и возмимѣвъ на всѣхъ подозрѣніе, призвалъ хана къ себѣ за Дунай, чѣмъ собраніе ихъ и было разорвано. Въ срединѣ жъ Февраля мѣсяца видѣлъ сей Молдавецъ, что въ Каушаны на мѣсто Девлетъ-Гирея прибылъ Капланъ-Гирей. Едисанскіе и Буджацкіе мурзы хотѣли съ Крымскими ширинъ-мурзами выѣхать ему навстрѣчу, но сіи послѣдніе допущены и благосклонно приняты были; первые жъ, будучи у него въ подозрѣніи, увидѣтъ его не могли. Сей ханъ перемѣнилъ въ Крыму калга-султана, Едисанцевъ же отдалялъ отъ Россійской стороны и, пресѣкая имъ всѣ къ отступленію отъ Порты способы, приказалъ имъ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ перейти за Днѣстръ къ Буджацкой сторонѣ. Но какъ Едисанцы ослушались его повелѣнія, то ханъ послалъ при одномъ султанѣ нѣсколько сотъ сейменовъ (его гвардія), повелѣвая принудить Едисанцовъ къ переходу, почему сіи и были переведены. Въ то жъ время слышалъ онъ, якобы ханъ намѣревался собрать къ себѣ знатнѣйшее духовенство, всѣхъ мурзъ и сельскихъ старшинъ для учиненія имъ увѣщательнаго наставленія. Еще прибавляетъ, что житель Молокоша, у котораго посланный въ бытность свою въ селѣ стоялъ, сказывалъ, будто бы всѣ Татары, а особливо Едисанцы, будучи отягчаемы разными отъ Порты образами, ропшутъ и къ Россійской сторонѣ при приближеніи войскъ нашихъ преклониться намѣрены. Нѣкоторые старшины, призывая его, спрашивали, можетъ ли вѣдать, что Россіяне ихъ отягощать не стануть, на что онъ по наставленію, данному посланному, обнадеживалъ ихъ, что они не токмо при своихъ правахъ останутся, но и вящую милость Россійской Самодержицы восчувствуютъ, на что сіи старшины объявили, что, возвратясь отъ хана, отправимъ его съ требованіемъ Россійской протекціи въ Яссы, почему онъ и ожидаемъ былъ въ сей городъ, и хотя онъ прибылъ, но вмѣсто желаемыхъ писемъ привезъ отъ самого хана къ генералъ-маіору князю Прозоровскому. Изъ сего заключаетъ господинъ Бастевикъ, что тѣ старшины по увѣщаніи ханскомъ намѣреніе свое отмѣнили. Содержаніе письма ханскаго состоитъ только въ томъ: что онъ требуетъ отпуску къ себѣ нѣкому Французу именемъ Руфену, называя его консуломъ. Г-нъ Бастевикъ, окончивая рапортъ свой, доноситъ, что онъ отправилъ надежныхъ людей 21 то-гожъ мѣсяца за Дунай къ мѣстечку Бабадагу, гдѣ визирь стоитъ съ арміею, 22 въ Каушаны, 24 въ Очаковъ, 26 въ Бендеры (сему описаны примѣты) и снабдилъ ихъ всѣхъ потребными наставленіями. Въ неотправленіи же въ Едисанскую орду надежнаго человѣка извиняется тѣмъ, что при смѣнѣ новымъ ханомъ многихъ султановъ не вѣдалъ, гдѣ Едисанской находится, но обнадеживая, что спознать о томъ можетъ, и тогда уже къ нему писать будетъ; въ самомъ же заключеніи пишетъ, что въ Яссахъ зачинаетъ открываться язва.

Курьеръ, прибывши отъ господина Бастевика, вручилъ его сіятельству рапорты отъ генераль-порутчика Штофельна, изъ которыхъ въ 1-мъ доносено, что для безопаснаго въ Бендеры проѣзда Турецкаго шкипера съ товарищемъ командиры на стоящихъ по сей сторонѣ форпостахъ снабжены нужными повелѣніями; во 2-мъ что полученныя предъ тѣмъ деньги для отданія господину Бастевика ему вручены.

Главнокомандующій, получа сіи извѣстія, послалъ 4-го тогожъ мѣсяца съ тѣмъ же курьеромъ господину Бастевика ордеръ, въ которомъ въ началѣ похваляетъ его въ службѣ усердіе; потомъ въ разсужденіи послѣдняго въ его рапортѣ пункта, предохраняя свою армию отъ сей угрожающей опасности, повелѣваетъ ему: 1) по возложеннымъ на него дѣламъ отправлять курьеровъ не прямо въ армию, но на имя генераль-порутчика барона Елмита на тотъ отъ его корпуса постъ, которой онъ предпишетъ; 2) самому господину маюру быть при генераль-порутчикѣ Штофельнѣ, или тамъ, когда сей генераль отбудетъ къ армии, гдѣ учредится послѣдній коммуникаціонный съ Яссами постъ; 3) о слѣдствіяхъ сея болѣзни рапортовать господина генераль-порутчика Елмита, о позиціи котораго ему господину маюру знать давалось.

Съ симъ же курьеромъ посланы ордера господамъ генераль-порутчику Елмиту и генераль-маюру графу Пушкину. Первый слѣдующаго содержания: Главнокомандующій, прилагая копию съ рапорта господина Бастевика, увѣдомляетъ его о отвѣтномъ ордерѣ, поручаетъ ему учредить впереди себя по Ясской дорогѣ въ способномъ мѣстѣ постъ, на которомъ бы присылаемые изъ Яссъ курьеры останавливаемы; а получаемые рапорты по окуреніи и омоченіи въ уксусъ съ другимъ отсылаемы къ нему, господину барону, а отъ него же копія въ армию доставляемы были; предписываетъ увѣдомить себя, гдѣ сей для переписки съ господиномъ Бастевикомъ постъ учрежденъ будетъ; также далъ ли онъ повелѣніе осадной артиллеріи изъ Умани слѣдовать, и выступила ль она оттогъ; возбраняетъ ѣдущихъ изъ Яссъ всякаго званія людей впускать въ свои посты; въ окончаніи увѣдомляетъ, что скоро прибудетъ въ крѣпость Святая Елисаветы. Къ графу Пушкину въ ордерѣ дано знать о повившейся заразѣ въ Яссахъ и о данномъ вслѣдствіе того барону Елмиту повелѣніи въ предпріятіи нужной предосторожности; ему жъ графу предписываемо было, принявъ оныя, повелѣтъ еще маюру Тырку чрезъ частые отъ своихъ легкихъ командъ развѣзды развѣдывать и наблюдать, чтобы со стороны Яссъ и другихъ непріятельскихъ мѣстъ никто за учрежденные имъ посты пройти не могъ.

14 Маія получены рапорты отъ господина Штофельна и маюра Бастевика. Первымъ доносимо было, что посланный Турецкій шкиперъ за Прутъ переправленъ, и нѣсколько времени конвоированъ былъ, что при послѣднемъ отъ конвоя его отпущенъ взята у него росписка въ безопасномъ его чрезъ всѣ Россійскіе форпосты проѣздѣ, и что тогдажъ открытый ордеръ предводителя, предохраняющій его отъ развѣздовъ, навлзаетъ на него могущихъ, ему отданъ.

Г-нъ Бастевикъ въ рапортѣ своемъ доносилъ: 1) что чрезъ отправленнаго имъ въ Каушаны 22 Апрѣля, а оттогъ возвратившагося 3 Маія Яскаго жителя извѣстился онъ какъ письменно, отъ нѣкоего ему знакомаго Волоха, такъ и словесно отъ посыланнаго, что ханъ, собирая всѣ свои силы, находится при рѣчкѣ Быкомъ называемой, въ разстояніи отъ Бендеръ верстахъ въ 40 къ Молдавскимъ границамъ; что

при немъ разныхъ ордъ Татаръ до 30,000, Турокъ 5,000, кромѣ вновь пришедшаго изъ Бендеръ Абазы-паши съ 600, да 6 пушекъ, и намѣреніе имѣть итти къ селу Чечу, какъ для раззоренія селеній лежащихъ надъ Днѣстромъ, между Прута и Хотина даже до Черноуцъ, такъ и для пресѣченія Прутомъ къ первой арміи идущаго провіанта; стоящему же противъ Фалчи Буджацкому съ 14,000 человекъ султану приказано, при началѣ своихъ движеній, итти вверхъ по Пруту и равняясь съ Ясами примѣчать движеніе войскъ Россійскихъ; 2) что Яскіе жители, провождающіе подъ видомъ наемщиковъ шкипера Османа съ товарищемъ, возвратились и объявленіе ихъ письменно сообщая, прилагаетъ открытый ордеръ, данный имъ отъ хана для свободнаго ихъ назадъ возвращенія; 3) что какъ оный, такъ и въ Каушаны посланный объявляютъ за вѣрный слухъ, будтобы въ Бендерахъ войска 15,000 и болѣе не ожидается, а хлѣба хотя въ запасъ достаточно, однако употребляется съ береженіемъ. 4) Что въ Очаковѣ войска весьма мало по причинѣ недостатка въ хлѣбѣ, отъ котораго не только жители большею частію выѣхали, но и военные люди разбѣжались. 5) Что получено извѣстіе, будтобы визирь прибылъ къ Исакчѣ, и будучи не въ состояніи переходить Дунай по мосту, за чрезмѣрнымъ сія рѣки разлитіемъ, началъ переправляться на дубахъ и на прибывшихъ съ хлѣбомъ судахъ, а переправясь намѣренъ стать лагеремъ у Рябой Могилы. Потомъ доносить о полученномъ 3 числа Маія извѣстія о нападеніи Татаръ, въ 2000 состоящихъ, 30 Апрѣля на стоящій за Прутомъ въ селѣ Чечи форпостъ и какъ о разбитіи онаго, такъ и о плѣненіи Молдавцовъ, жившихъ подъ защитою сего форпоста, а къ сему прибавляетъ, что противу сихъ отъ непріятеля движеній господинъ генераль-поручикъ Шт. фельдъ приказалъ Хотинскому коменданту, наблюдая нужную предосторожность, выступить однакожъ при непріятельскомъ приближеніи съ нѣсколькими стами человекъ пѣхоты на недалеое отъ города разстояніе, къ деревнѣ Крывъ называемой, майору Зоричу съ нѣкоторымъ числомъ пѣхоты и конныхъ перейти Прутъ, жителямъ же оной стороны на сію перебраться; въ Букарештѣ и Фокшанахъ стоящему войску, въ разсужденіи его безсилія противъ умножающагося непріятельскаго, изъ тѣхъ мѣстъ подъ видомъ мороваго повѣтрія выступя слѣдовать къ Берлату; самъ же господинъ генераль-поручикъ по собраніи всего корпуса, дождавшись сюда другихъ изъ арміи полковъ, намѣренъ выступя отсель стоять между Берлатомъ и рѣчкою Серетомъ. Для закрытія Молдавскихъ селеній опредѣленъ пѣхотный баталіонъ съ двумя пушками и нѣсколько легкаго войска, а для удобнаго оному мѣста посланъ выбрать оное между Серетомъ и Трансильванскими горами офицеръ. Увѣдомляетъ еще, что первая армія ожидаема была 9 сего мѣсяца къ Хотину, что предводитель оной былъ уже въ походѣ, а потомъ пронесся слухъ, якобы графъ Румянцовъ имѣетъ намѣреніе итти къ Исакчѣ; доносить о вторичномъ отправленіи нѣкоего Грека въ Бендеры, описывая его примѣты. Касательно жъ Бахти-Гирея пишетъ съ удостовѣрностію, что онъ и понынѣ надъ Едисанскою ордою сераскерь-султаномъ, но по причинѣ присутствія его при ханѣ не можетъ доставить къ нему письма, ибо никто врученіе ему онаго на себя взять не отваживается. При семъ рапортѣ приложено письмо къ Аргирію-бану отъ того Волошанина, живущаго въ Каушанахъ, по коему посылается отъ него Ясской житель, и оное содержитъ тожъ, что и выше показано, то есть ханъ

стоятъ надъ рѣкою Быкомъ и намѣренъ дѣлать на Россійскія войска нападеніе, въ Бендерахъ новаго войска не прибываетъ, и совѣтуетъ Россійскому приближаться къ сему городу, говоря, что Татары, будучи строго содержаны ханомъ, хотя и намѣрены предаться Россіянамъ, но не видя отъ нихъ на себя нашествія, о томъ просятъ не будутъ.

Содержаніе жъ объявленія Ясскихъ жителей, провождающихъ Турецкаго шкипера съ его товарищемъ, есть.

1) Отправясь изъ Яссы и пріѣхавъ въ Россійскіе форпосты, ѣхали большою дорогою до Тодарешта, гдѣ нашли до 6000 Татаръ, коими будучи взяты, представлены своему султану, а сими подъ прикомандированы отправлены къ хану, находящемуся уже въ Ботно, отъ Каушанъ въ 15 верстахъ.

2) По прибытіи ихъ въ Ботно, шкиперъ представлень былъ къ хану и онымъ вмѣсто Бендеръ, къ визирю отправлень.

3) Шкиперской товарищъ и Волохи порознь разведены были, и на сихъ послѣднихъ ночью налагались оковы, а днемъ снимались; во время жъ ханскаго похода они при войскѣ везены были.

4) По прошествіи пяти дней, хотя и были представлены хану, но тамъ ничего имъ не сказано; но потомъ ханскій переводчикъ Якубей (сей до объявленія войны получалъ отъ Россіи пенсію), взявъ ихъ къ себѣ, приказалъ имъ, возвратясь въ Яссы, донести Россійскимъ генераламъ, чтобъ они вмѣсто присылаемыхъ къ Татарскимъ народамъ писемъ, писали, есть ли имѣютъ намѣреніе примириться, къ самому хану, который, усердствуя Портѣ и долагая за нее всѣ свои силы, приметъ однако въ семъ случаѣ отъ нихъ посланнина; но чтобы впередъ Зоричъ не нападалъ на Татарскія жилища, за что ханъ обѣщадся не чинить нападенія на Молдавію. Говорилъ имъ еще о превосходномъ числѣ Турецкаго войска предъ Россійскимъ, котѣль увѣрять, что Хотинъ, Молдавія и часть Валахія Турками нарочно оставлены для того, чтобы не изнурить наступленіемъ зимняго времени своего войска и, выхваляя настоящихъ хана и визиря, нарекалъ бывшихъ предъ тѣмъ намѣною.

5) При ханѣ, находящемся уже тогда въ Кишеневѣ, примѣтили они Едисанскихъ, Буджацкихъ и Бѣлогородскихъ Татаръ до 30000, Турковъ 5600, да 5 пушекъ; а отъ тамошнихъ Волоховъ слышали, якобы ханъ, намѣреваясь итти къ Хотину съ тѣмъ, чтобы на пути лежащія селенія разворять, и Россійскимъ въ Молдавію транспортамъ препятствовать, приказалъ стоящему на рѣкѣ Кахельницѣ султану съ его Татарами примѣчать Россійскія движенія.

6) Слышали они, что въ Бендерахъ съ прибывшими туда передъ тѣмъ съ пашею тремя тысячами Турокъ считалось войска до 15000, на которое число провіанта въ городѣ находится довольно.

7) Въ бытность свою при Татарахъ слышали, будтобы мостъ чрезъ Дунай еще былъ не оконченъ, и визирь стоитъ на томъ берегу рѣки. Въ окончаніи сказывали, что при нихъ была послана большая партія, но куда—они не знали; только при своемъ отпускѣ видѣли оную, возвратившуюся съ нѣсколькими плѣнниками.

На рапортъ господина Бастевика, предъ симъ изображенный, того жъ 14-го числа ордеръ былъ посланъ, что его рапортъ со всѣми приложениями полученъ, похвалялось его ревность и усердіе къ службѣ, а потомъ предписывалось: 1) увѣдомлять о всемъ, что съ достовѣрностію спознаеть, о непріятельскихъ противъ Россійскихъ армій оборотахъ; 2) приложить стараніе доставить, спрятаннымъ

отъ хана образомъ, предводительское письмо къ Едисанскому сержанту-султану Вахти-Гирею; 3) стараться изыскать способы склонить ханскаго переводчика Якуба, бывшаго предъ симъ преклонна въ Россійской державѣ, опять на нашу сторону и побудить его общаніемъ награжденія склонить хана отступить отъ Порты и, бывъ подъ единою протекціею Россіи, доставить ханское достоинство своему колѣну въ вѣчное потомство, и содѣлать область свою ни отъ кого независимую; представлять ему, что Россійскія вооруженія суть не мнимы, какъ то Турецкія, коими они угрожаютъ, но прямо какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути надъ непріятелями Государыни своей торжествующія, чему послѣдствія самъ онъ ханъ почувствуетъ съ раскаяніемъ въ своихъ предѣлахъ.

27. Главнокомандующій получилъ на походѣ отъ ген.-порутчика Элимта рапортъ отъ 25, которымъ донесено, что съ полученнымъ къ господину Бастевнику ордеромъ нарочнаго къ нему отправилъ, предложивъ и отъ себя о сысканіи и отправленіи надежнаго человѣка въ Очаковъ, для развѣдыванія, справедливо ли извѣстіе полученное предводителемъ о семь городѣ; между жъ тѣмъ подаетъ надежду, что и онъ надѣется сыскать надежнаго къ сему дѣлу, котораго послать туда не преминетъ. На сіе предводитель арміи того жъ числа отвѣтствовалъ, что хотя онъ самъ для освѣдомленія въ Очаковъ послалъ и отъ Запорожцовъ послать приказалъ, но чтобы съ большею достовѣрностію на получаемыя извѣстія положиться, поручилъ ему и отъ себя сыскавъ человѣка туда отправить.

29. Полученъ отъ барона Элимта отъ 27 Маія рапортъ съ приложеніемъ копии съ рапорта майора Бастевика. Господинъ Бастевикъ пишетъ, что послѣ отправленнаго къ нему 15 числа рапорта извѣстился онъ тогожъ вечера, что непріятель въ четырехъ тысячахъ Турокъ и Татаръ съ тремя пушками переправились чрезъ Прутъ и, оставя пушки на берегу, вознамѣрились подъ прикрытіемъ ихъ перейти залива третьяго, у коего въ удобномъ мѣстѣ поставлены были два офицера съ двумястами человѣкъ регулярнаго, съ двумя пушками и съ тремястами легкаго войска. Непріятель, подошедъ къ сему мѣсту съ обыкновенною при началѣ своихъ покушеній отвагою, бросался въ воду и, не заирая на производимый по немъ изъ пушекъ и ружья огонь, до половины залива дошелъ, но увидя лишеніе своихъ, начали отступать, а когда господинъ майоръ Зоричъ приспѣлъ къ тому мѣсту съ нѣсколькими единорогами, тогда, въ совершенное обратясь бѣгство, паки за Прутъ ушли.

Извѣщено¹⁾, что непріятельскій лагерь на томъ же за Прутомъ мѣстѣ, очевидно приумножается, а партіи ихъ на Пруту до Рябой Могилы дѣлаютъ развѣдыванія; посланные же отъ генералъ-порутчика фонъ-Штофельна, для точнаго о непріятелѣ развѣдыванія, возвратясь объявили, что сей Турецкій корпусъ числомъ только до 12000, состоитъ большею частію изъ Татаръ, и поставленъ на томъ мѣстѣ для примѣчанія движеній войскъ Россійскихъ и ея второй арміи; такъ какъ и ханъ, кочующій съ знатнымъ числомъ Турокъ и Татаръ при рѣкѣ Быгѣ, примѣчающій слѣдованіе второй арміи къ Бендерамъ. Новый же слухъ прошелъ, что изъ онаго войска часть пошла

¹⁾ Извѣсто: получено извѣщеніе.

вверхъ по Пруту, изъ чего заключаютъ въ Яссахъ, что они намѣрены прорваться на сю сторону.

Потомъ господинъ Бастевикъ рапортуетъ, что другія извѣстія дошли, будтобы визирь нѣсколько уже дней назадъ намѣренъ былъ со всемъ войскомъ перейти Дунай и слѣдовать на Браиловъ, Божурешты и Фокшаны, хану жъ предписалъ до своего къ Молдавіи прихода примѣчать Россійскіе къ Бендерамъ и въ другія мѣста обороты, а потомъ слѣдовать къ Молдавіи съ нимъ въ соединеніе отъ Бендеръ. Для такового жъ примѣчанія, чрезъ Днѣстръ переправился одинъ Татарскій султанъ съ тремя тысячами Татаръ. Въ окончаніи рапорта объявляетъ, что повѣтріе утихать начинаетъ и извѣщаетъ, что генераль порутчикъ Штофельнъ 19 выступилъ изъ Яссы въ лагерь, при которомъ и онъ по данному повелѣнію изъ сего города выѣхалъ. При рапортѣ присланъ одинъ Молдавецъ, знающій, какъ онъ о себѣ сказывалъ, всѣ сдѣланныя вновь предъ Бендерами мины, который для выдержанія карантинна въ Могилевѣ былъ удержанъ.

Къ сему прилагаютъ господинъ маіоръ извѣстіе, полученное имъ отъ посланнаго отъ него 24 прошедшаго Апрѣля, чрезъ Бендеры въ Очаковъ, Молдавца и 16 Маія назадъ возвратившагося, кое содержитъ слѣдующее.

Молдавецъ сей, достигнувъ до села Каловъ, въ 10 верстахъ отъ Бендеръ отстоящаго, нашелъ на одного Молдавца и семь человекъ Турокъ, пасущихъ лошадей одного Бендерскаго старшины, которымъ объявилъ, что, будучи взятъ Россійскими въ плѣнъ, ушелъ и живъ 6 мѣсяцевъ въ Могилевѣ у Жида, возвращается на первое свое жилище. Молдавецъ сей объявилъ о томъ своему господину, который прежде бралъ его предъ себя, а потомъ водилъ и къ другимъ старшинамъ, коимъ по испрашиванію о Россійскихъ силахъ объявилъ великое оныхъ число, (кои при запрещеніи подъ смертію сказывать то народу) дали ему 30 паръ, а потомъ взявъ онъ однимъ старшиною въ услуги.

О Бендерахъ же доносить: 1) войска въ нихъ до пятнадцати тысячъ, но носился предъ его уходомъ слухъ, будтобы визирь для защищенія сего города отрядилъ 60000 Турокъ; 2) командиръ Бендерскій Ахметъ-паша, прибывъ въ сей городъ и усмотрѣвъ неисправность городской артиллеріи, почелъ командовавшаго его измѣнникомъ и велѣлъ задрать; 3) городъ обнесенъ новымъ валомъ; 4) въ крѣпости противъ воротъ, называемыхъ Орду-Капысы, за мечетью, въ каменномъ погребѣ положенъ порохъ; 5) хлѣба въ городѣ для войска довольно, однако продается съ торгу весьма дорого; 6) хану предписано слѣдовать внизъ по Пруту до Рябой Могилы, гдѣ самъ визирь соединиться съ нимъ намѣренъ; 7) въ Очаковѣ, по причинѣ вступленія въ службу къ означенному старшинѣ, итти не могъ, но слышалъ отъ своего господина, что войско и большая часть обывателей, за неимѣніемъ хлѣба оттолѣ вышли. Наконецъ, уходя изъ Бендеръ, договорилъ съ собою того Молдавца, котораго въ селѣ Каловѣ нашелъ, и съ нимъ купно объявили, что въ Бендерахъ оказалось моровое повѣтріе.

Предводитель второй арміи, соображая всѣ сіи извѣстія и видя болѣе Азіатскаго ухищренія, нежели истины, вслѣдствіе сего писалъ того же числа къ предводителю первой арміи графу Румянцову, что при наступленіи ожидаемаго для военныхъ движеній времени онъ за нужное почитаетъ по обязательствамъ взаимно возложенныхъ на нихъ отъ Ея Императорскаго Величества противу неприятелей дѣй-

ствий, увѣдомлять его чаще о своемъ положеніи, напротивъ чего надѣется и съ его стороны равное получать увѣдомленіе; потомъ сообщаетъ ему, что за истребленіемъ зашедшими въ сей край на поселеніе Молдавцами (изъ коихъ нѣкоторые и шпионами признаны) лѣсу, отъ деревни Злынки до самаго Екатерининскаго ретрашаменты, при которомъ имѣя намѣреніе перейти Бугъ, понтонныя мосты уже наведены, нашелся принужденнымъ для ожиданія хотя одной передовой части подвижнаго магазейна и остальныхъ своихъ полковъ (еще до сихъ поръ соединиться съ нимъ не возможнымъ) остановиться при сей деревнѣ на 4 дни, по прошествіи которыхъ самъ безостановочно оную рѣку перейдетъ совокупно всеми имъ предводимыми силами, и дальнѣйшія свои движенія по обстоятельствамъ производить будетъ. Въ концѣ, сообщая ему предъ симъ изображенныя извѣстія, почитаетъ ихъ со стороны непріятеля покушеніемъ, не возможно-ли будетъ симъ отвѣсти объ арміи на дальнѣйшее между ними разстояніе, и тѣмъ лишить ихъ взаимнаго вспоможенія и споспѣшествованія; заключаетъ тѣмъ, что въ случаѣ самой точности сихъ извѣстій не оставитъ онъ приложить всевозможныя силы къ преодоленію поставляемыхъ непріятелемъ препонъ и проситъ его, чтобъ со вручителемъ сего и впредъ почасту ради пользы взаимныхъ ихъ движеній и къ большому укрѣпленію ихъ пріятства сообщалъ ему какъ о своемъ положеніи, такъ и о получаемыхъ объ непріятелѣ извѣстіяхъ.

Съ тѣмъ же курьеромъ къ генералъ-порутчику барону Эмпту главнокомандующій предложилъ: что онъ посланнаго отъ маіора Бастевика чрезъ Бендеры въ Очаковъ подозрѣваетъ въ вымысленіи сихъ извѣстій, или еще и въ соглашеніи съ непріятелемъ, почему и выведенъ имъ другой Молдавецъ, которой бы, извѣдавъ что либо объ насъ, извѣстилъ бы непріятелей, чего для приказано ихъ содержать: перваго подъ присмотромъ, другаго подъ карауломъ, снабждая однако нужною ихъ пищею, а между тѣмъ прискавъ другихъ, отправить въ Бендеры; 2) пересланнаго отъ Бастевика и задержаннаго въ карантинѣ, по прошествіи потребнаго къ безопасности времени, взявъ его къ себѣ или присоединить къ деташаменту генералъ-маіора Бурмана, какъ человѣка, отъ втораго, можетъ быть, нѣкоторыя истинныя свѣдѣнія при Бендерахъ получить будетъ возможно; 3) причину, какъ выше къ графу Румянцову видно, своего при деревнѣ Злынкѣ остановленія; 4) съ позицій генералъ-маіора графа Пушкина о переходѣ Запорожцевъ чрезъ Бугъ, о своемъ намѣреніи переправясь чрезъ сію рѣку, дожидаться задняго провіанта; 5) рекомендуетъ изыскать способы, комми бы въ Сорокули, если она надежно занята будетъ, или еще лучше на позицію генералъ-маіора Бурмана доставить на обывательскихъ лошадяхъ изъ Ладыженскаго магазейна до 3000 четвертей муки и крупъ по пропорціи, а оттолѣ уже или на плотахъ съ деревянными матеріалами къ осадѣ идущими сплавить за армію, или на опоражнивающихся фурахъ, чтобы имѣя болѣе въ близости хлѣба надежнѣе въ дальнихъ операціяхъ обращаться было возможно.

При семъ ордерѣ послано къ маіору Бастевіку наставленіе, предписывающее: 1) содержать какъ посланнаго въ Очаковъ, такъ и выведеннаго имъ изъ Бендеръ подъ присмотромъ, въ томъ разсужденіи, что одиңъ, не дошедъ до желаемаго мѣста, могъ самъ сплести свои вѣдомости для полученія обѣщаннаго награжденія; другой, будучи слугою, не могъ слышать рѣчей посланнаго со старшинами, а подтверждая слова его, можетъ быть, еще по наущенію непріате-

лей, чтобы, увеличивая ихъ силы отвлечь отъ Бендеръ грозящій на него ударъ, а потомъ, разсмотрѣвъ въ нашей арміи, уйти обратно; 2) прискивать еще надежныхъ людей къ развѣдыванію о числѣ неприятельскихъ при Бендерахъ, Очаковѣ и визирѣ войскахъ; 3) если опасность изъ Яссахъ миновалась, переѣхать опять въ сей городъ и состоять въ вѣдѣніи оставленнаго предводителемъ первой арміи военнаго командира, или учрежденнаго имъ земскаго правительства.

1 Іюня полученъ рапортъ отъ господина генераль-порутчика Элмпта, коимъ увѣдомляетъ, что моровая язва оказалась въ Польскомъ мѣстечкѣ Врошевѣ, разстояніемъ отъ Могилева въ 20 верстахъ, вслѣдствіе чего отъ него ко всемъ въ командѣ его состоящимъ воинскимъ начальникамъ для предосторожности надлежащія учинены подтвержденія.

5. Главнокомандующій второю арміею генералъ графъ Панинъ прибылъ къ Екатерининскому ретрашаменту, въ близости котораго для перехода армій въ неприятельскую землю чрезъ рѣку Вугъ понтонныя наведены мосты.

6. Отъ господина генераль-порутчика Элмпта получено извѣстіе о умножающемся въ Яссахъ повѣтріи, коимъ генераль-порутчикъ Штофельнъ и находящійся при маіорѣ Вастевикѣ для курьерскихъ посылокъ сержантъ Стерлинговъ померли, что и рапортомъ господина Вастевика подтверждено съ такимъ присовокупленіемъ: 1) расположенное пространнымъ лагеремъ за рѣкою Прутомъ Турецкое и Татарское подъ предводительствомъ хана Крымскаго всякой день съ корпусомъ подъ командою князя Репнина перестрѣлку имѣеть; 2) за усилившимся въ Яссахъ повѣтріемъ и по причинѣ выступления изъ онаго къ Рябой Могилѣ полковъ, большая часть обывателей, а бояръ и чиновначальниахъ кромѣ двухъ въ диванѣ присутствующихъ, въ разныхъ мѣстахъ развѣхались, чѣмъ великое ему причинено затрудненіе въ сысканіи надежныхъ людей для отправленія письма къ Едисанскому сераскирѣ-султану Бахти-Гирею; а къ ханскому переводчику Якубъ-агъ повелѣнное чрезъ одного Молдавца послалъ; коимъ напоминаетъ ему прежнюю его къ Россійской имперіи обязанность, усердіе и преданность, собственно къ нему довѣренность и дружбу во многихъ случаяхъ, особливо же въ Каушанахъ во время содержанія его подъ арестомъ, самимъ дѣломъ доказанныхъ, за что извѣявляетъ свою признательнѣйшую благодарность, увѣщевая употребить у хана по приобрѣтенному кредиту удобновозможное стараніе для преклоненія его на отторженіе себя со всемъ Татарскимъ народомъ отъ Турецкаго подданства и на составленіе, подъ протекціею Россійской Императрицы, особливою Татарской ни отъ кого независимой державы, на древнихъ Татарскихъ правахъ, узаконеніяхъ, преимуществвахъ и вольности основанной; поощряетъ его къ сему предпріятію обѣщаніемъ знатнѣйшаго воздаянія, каковыми Россійская Императрица великая Екатерина знаменитыхъ каждого заслуги награждать изволяетъ; напоследѣ, увѣряя о истинной къ нему преданности, проситъ отъ него дружескаго на все вышерѣченное отвѣта.

Сей день армія послѣ полудня чрезъ три наведенные на рѣкѣ Вугѣ моста перешла въ неприятельскую землю и маневрами занимала вышины къ лагерю принадлежащія.

10. Отправленъ съ нарочнымъ повелѣніемъ на письмо Капанъ-Гирея-хана отвѣтъ господину генераль-порутчику Верху для вѣрнаго Крымскимъ обывателямъ доставленія.

11. Армія переходила рѣку Кодиму по наведеннымъ понтоннымъ мостамъ. Присланы отъ князя Прозоровскаго пѣхотные Запорожскими казаками при разбитіи подъ Хаджибеемъ форпоста Турецкихъ бешліевъ два Татарскіе мурзы и два Татарина.

12. Въ разсужденіи того, что Крымскій ханъ Капланъ-Гирей съ Турецкимъ и Татарскимъ войскомъ движеніе дѣлаетъ по Пруту противъ первой арміи, графъ Панинъ повелѣнное отвѣтное письмо отъ правилъ съ нарочнымъ къ главнокомандующему первой арміею генералу графу Румянцову, прося о вѣрномъ того по удобности хану доставленіи.

14. Полученъ отъ господина генераль-порутчика Элмпа рапортъ и при ономъ копія съ рапорта изъ Яссъ отъ 6-го числа, коимъ доносить о продолжающемся повѣтріи, о выступленіи изъ Яссъ господина генераль-маіора Черноевича съ послѣднею воинскою командою въ лагерь, о неотправленіи еще письма къ сераскерь-султану Бахти Гирею; ибо надежнаго къ тому сыскать не можетъ человѣка. Возвратившійся изъ Бендеръ посланной для развѣдыванія Грекъ Антоній Ціонъ между прочимъ объявилъ, что на сдѣланномъ вновь вокругъ крѣпости валу 30 пушекъ, а на городовомъ валу до 70 и нѣсколько мортиръ, войска Турецкаго въ городѣ до 15,000, а къ тому въ прибавокъ отъ визиря присланъ Агметъ-паша съ 3000 Янычаръ и два султана съ 6000 Татаръ, въ крѣпости при сераскерьѣ два паши, провіанта изобильно, и всякой аммуниціи множество.

19. Хотя 10 числа сего господину генераль-порутчику Берху точная копія съ повелѣннаго отвѣтнаго письма къ Крымскому хану Капланъ-Гирею при ордерѣ и послана была для вѣрнаго доставленія Крымскимъ обывателямъ; но предводитель второй арміи графъ Панинъ, полагая, что содержаніе онаго по дѣйствительномъ въ народѣ разсѣданіи можетъ нѣкоторымъ образомъ поколебать мысли онаго расположенія, а потому и немалое сдѣлать движеніе, приказалъ одного изъ пѣхотныхъ мурзъ приуготовить къ отправленію въ Крымъ съ упомянутымъ отвѣтомъ, что господиномъ Веселицкимъ, признанъ Шахъ-мурзу къ сей посылкѣ способнымъ, и исполнено. Сей мурза (прельщанъ будучи обѣщаннымъ ему знатнымъ награжденіемъ, если онъ, по доставленіи письма, постарается своими внушеніями народъ поострить къ поспѣшествованію столь благому и полезному для всего Крымскаго общества дѣлу) учиненною по его закону клятвою увѣрять сталъ, что онъ надѣется посредствомъ своего пріятеля, яко знатнаго и въ великомъ кредитѣ въ народѣ состоящаго, чиновначальника Батыръ-аги въ томъ предупѣть: то его сіятельство, предводитель второй арміи графъ Панинъ за удобно призналъ экземпляръ съ повелѣннаго отвѣта препроводить особливимъ къ реченному Батыръ-агѣ письмомъ, а сего мурзу, давъ ему на проѣздъ 30 рублей, отправить подъ присмотромъ порутчика Шахматова къ господину ген.-порутчику Берху, съ такимъ предписаніемъ, чтобъ того по прибытіи немедленно съ пристойнымъ козвиемъ за послѣдніе къ Перекопу препроводить форпосты, и естли отъ Крымцевъ по сей вновь попыткѣ какой воспослѣдуетъ письменной чрезъ нарочнаго отзывъ, то, не входя ни въ какія изъясненія, онаго немедленно съ письмомъ прислать къ предводителю по почтѣ съ однимъ исправнымъ офицеромъ, для удовольствія и сбереженія его дорогою отъ всякихъ встрѣтиться могущихъ непристойностей; а если какіе депутаты изъ чиновныхъ съ словеснымъ иногда представленіемъ по поводу отправленныхъ къ

нимъ писемъ у него явиться имѣли бѣ, то таковыхъ принявъ съ личною благопріятностію оставить при себѣ, увѣдомивъ тотчасъ чрезъ нарочнаго предводителя, а до полученія отъ онаго резолюціи оказывать имъ возможную благоугодность и гостепрѣимство, но не входя ни въ какія условія, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда они увѣрятъ сталибѣ, что письменнымъ снабжены уполномочіемъ договориться о добровольной сдачѣ подчиненному ему войску Перекопской крѣпости и всей линіи оной, въ коемъ обстоятельствѣ подтверждено ему не только безъ удушенія и малѣйшаго времени чрезъ нарочнаго увѣдомить, но и сюда бѣ съ возможнѣйшею поступать предосторожностію, наблюдая какъ истинную пользу Россійской имперіи, такъ и не меньше славу и честь побѣдоноснаго великой Екатерины оружія.

16 Іюня предводитель, по прибытіи наканунѣ съ вѣременною ему арміею подѣ крѣпость Бендерскую, хотя и упражнялся всякими по воинскому ремеслу до осады и до укрѣпленія лагеря принадлежащими распоряженіями, однако и возложенную на него отъ Ея Императорскаго Величества комиссію объ отторженіи Крыма со всемъ Татарскимъ обществомъ отъ подданства Оттоманской Порты для составленія особой вольной и ни отъ кого независимой Татарской области подѣ протекціею Россійской Самодержицы, изъ виду не выпуская, чего ради и приуготовлялся оставленной до излѣченія ранъ изъ, присланныхъ отъ кошеваго атамана плѣнный Мурзаказы-Мегметъ на посылку съ письмомъ и въ Буджацкую орду.

17. Ради приобрѣтенной первою арміею надѣ непріателемъ побѣды принесены были Всевышнему благодарственныя молитвы, при окончаніи коихъ изъ всехъ пушекъ и мелкаго ружья въ виду и въ слухъ непріятеля учиненъ троекратной бѣглой огонь.

18. Вышепомянутому плѣнному Казы-Мегметъ-мурзѣ, содержанному чрезъ все въ полону время во всякомъ довольствіи, дана свобода съ тѣмъ однакожъ по его закону клятвеннымъ обѣщаніемъ, что онъ отправляемое съ нимъ въ Буджацкую орду къ главнымъ начальникамъ письмо, вѣрно доставить и содержаніе онаго, яко ему извѣстное, Татарскому народу внушить, чего ради при отпускѣ и данъ ему на дорожныя расходы денежной подарокъ, а для препровожденія до перваго по Каушанской дорогѣ Татарскаго форпоста послана съ нимъ легкихъ войскъ команда.

20. Проводившая помянутаго мурзу команда возвратясь объявила, что при сближеніи къ Татарскимъ во околичности Каушанъ не въ дальнемъ разстояніи отъ стану ихъ разставленнымъ форпостамъ, чрезъ толмача дано знать объ увольненіи, по великодушію предводителя, изъ полону одного мурзы, а по возвратѣ толмача оной и отпущенъ, которой, сколько видѣть и примѣтить было можно, отъ форпоста отвѣденъ въ станъ къ султану тѣхъ Татаръ.

25. Явился у нашихъ на Каушанской дорогѣ форпоставъ Татарской ага со открытымъ за подписаніемъ и печатью предводителя орденомъ, данномъ въ Харьковѣ, при отправленіи Едисанда Иліуса съ письмомъ въ Едисанскую орду для безопаснаго его при возвратномъ оттуда съ отвѣтомъ въ пути прѣзда.

Сей ага по данному на форпостахъ предварительному повелѣнію въ главной станъ препровожденъ къ поставленной для него палаткѣ, гдѣ господиномъ канцеляріи совѣтникомъ Веселицимъ ласково принять, а потомъ окруженному генералами и знатными военными чиновначальниками предводителю представляеть, коему при засвидѣтелѣ

ствованіи высокаго почтенія отъ своихъ начальствующихъ поднесъ подписанное пятью знатными мурзами письмо. Сей ага, или земскій почтенный старшина, именуемой Тинай-ага, удостоенъ быть у стола предводителя, коимъ и всѣми прочими присутственными генералами, штабъ-офицерами и волонтерами былъ приласкаемъ и содержанъ въ бытность его во всякомъ довольствіи. Въ сей же день, по полученіи отъ графа Петра Александровича Румянцова о одержанной первою арміею 21 сего мѣсяца знаменитой надъ непріятелемъ побѣдѣ, принесены были Всевышнему, благословляющему оружіе Ея Императорскаго Величества, благодарственныя мольбы, послѣ которыхъ какъ изъ артиллерій, такъ и изъ мелкаго ружья троекратной произведенъ огонь.

29 Іюня. Вышереченной Тинай-ага присланъ былъ отъ Едисанской и Буджацкой ордъ знаменитыхъ мурзъ съ желанною предводителемъ давноожданною на его письма отвѣдью, что сей народъ, возчувствовавъ благотворительную десницу нашей всемилостивѣйшей Государыни, отступаютъ отъ неправовсѣйной въ нихъ Турецкой вражды противъ Россіи, уклонясь отъ пагубнаго для нихъ съ нами воеванія, просятъ позволенія пройти въ Крымъ, показывая притомъ склонность принять и протекцію Россійскую. Ага обратно отправленъ съ отвѣтомъ на ихъ письмо, въ коемъ предводитель, подкрѣпляя ихъ впредь о приемлемомъ намѣреніи, общаетъ имъ высочайшую Ея Императорскаго Величества милость, и еще къ большому ощущенію предстоящаго ихъ благоденствія, давая имъ на размышленіе семидневный срокъ, требуетъ, чтобъ они прислали аманатовъ для подтвержденія предприемаемаго ими намѣренія. Предводитель, получа подлинное извѣстіе, что помянутыхъ Едисанской и Буджацкой ордъ Татары къ правому берегу рѣки Днѣстра у городка Поланки и ниже онаго собираются (знатно для переправленія чрезъ сію рѣку и удобнѣйшаго въ Крымъ по желанію прохода); что нѣсколько тысячъ Турокъ изъ разбитой визирской арміи къ Килии прибыли, и оттуда въ Валгородъ идти намѣрены, да и что ханъ Капланъ-Гирей къ визирю за Дунай отлучился, предписалъ командующему особеннымъ корпусомъ, господину генералъ-майору Каменскому знатную партію легкихъ войскъ и на подкрѣпленіе оныхъ карабинеръ отправить за Днѣстръ къ сторонѣ Авермана и Килии, какъ для примѣчанія, такъ и для поиску надъ непріятелемъ, дабы тѣмъ въ разстройкѣ находящихся Татаръ болѣе понудить къ скорѣйшему принятію представленныхъ имъ мѣръ и способовъ. Сія отправленная знатная партія, наѣхавъ на Татарскій обозъ между Паланкою и Анкерменомъ, сдѣлала на оной сильное нападеніе и, разбивъ Татаръ положеніемъ на мѣстѣ до тысячи человекъ, возвратилась. Изъ сего происшествія воспослѣдовало то, что 2 Августа явился у форпоста съ Каушанской стороны отправленной съ письмомъ къ предводителю отъ Едисанскаго сераскерь-султана, Бахти-Гирея, Исмаилъ-ага, который по повелѣнію препровожденъ въ главный станъ, и канцеляріи совѣтникомъ господиномъ Веселецкимъ представленъ былъ предводителю, коему онъ при приличномъ отъ своего султана привѣтствіи поднесъ отвѣтное такого содержания письмо, что онъ, выразумѣвъ силу предводителя къ нему чрезъ Тинай-агу письма, увѣряетъ, что отъ князей, мурзъ и всего общества, чрезъ два или три дня, отправлены будутъ имѣютъ уполномоченные для постановленія договоровъ желаемой дружбы и полученія дозволенія къ переходу ихъ за

Днѣстръ въ Крымъ, прося, пока тотъ договоръ распорядится и состоится, запретить Россійскимъ императорскимъ войскамъ никакого вреда Татарамъ не причинять, въ заключеніи же общасть взятыхъ вновь казаковъ возвратить.

3 (Юля). Присланный Исмаиль-ага, по пристойномъ угощеніи и приласканіи учиненнымъ ему отъ предводителя вещами и деньгами подаркомъ, отпущенъ съ отвѣтомъ.

5. Прибыли къ форпосту ожидаемые отъ Едисанской и Буджацкой орды полномочные, а именно: первой орды бегъ-Оглу-Мамбетъ-мурза, Салманша-Оглу-Мехметъ-мурза, старшины Тинай-ага, Чобанъ-ага и Мукай-ага; второй—ханъ Мамбетъ-Бейнъ-Оглу-Джанъ-Мамбетъ-мурза, Али-Мурзинъ-Оглу-Чобанъ мурза; старшины Хаджрутунъ-Хаджи-эфенди и Курбадъ-Али-ага-Скои-баши. Подъ видомъ нѣсколькаго отдохновенія, отъ форпостнаго командира прошены въ Паланку, а между тѣмъ отправленъ господинъ канцеляріи совѣтникъ Веселицкой съ немалою свитою и экипажемъ предводителя для встрѣчи, принятіи и препровожденія сихъ гостей въ главной станъ, которой, посадивъ съ собой перваго въ карету, везъ ихъ нарочно мимо всей для удобнѣйшаго обложенія города на разные квартиры раздѣленной арміи, показавъ имъ паралели и за рѣкою Днѣстромъ расположенной особливой корпусъ. По прибытіи въ главный станъ, представлены всѣ предводителю, коему первой изъ нихъ по учиненіи чрезъ переводчика пристойнаго привѣтствія поднесъ за руку обихъ орды знаменитыхъ 25-ти князей и мурзъ письмо. Сии уполномоченные депутаты приняты отъ предводителя для вящаго ихъ приласканія съ особливою благосклонностію, и учинено имъ откровенное всего того повтореніе со внушеніемъ подлиннѣйшихъ причинъ, коими все Татарское общество совершеннаго достигнуть можетъ благоденствія.

6. Съ сими депутатами трактовано было чрезъ канцелярію совѣтника господина Веселицкаго о прелиминарномъ актѣ утверждаемой между сими двумя знаменитыми ордами и Россійскою имперіею вѣчной дружбы и союза, подъ протекціею и ручательствомъ Россійской Самодержицы, съ отторженіемъ ихъ на вѣчныя времена отъ подданства Оттоманской Порты, которой актъ въ сей же день обѣими договаривающимися сторонами не только согласенъ, постановленъ, подписанъ и печатами утвержденъ, но и для лучшей имовѣрности, по учиненіи съ ихъ стороны по магометанскому закону клятвы цѣлованіемъ Алкорана, подтвержденъ и развѣненъ. Депутаты въ доказательство своей благонамѣренности объявили предводителю, что ханъ Капланъ-Гирей, возвратясь отъ виазря, изъ Паланкѣ прибылъ, куда изъ разбитой виазрской арміи до 20,000 Турокъ къ нему присоединилось, усиленно прося притомъ, чтобы, до переходу ихъ орды на лѣвый берегъ Днѣстра, не предиринимано было никакихъ противъ хана поисковъ и тѣмъ бы ихъ самихъ, еще не совершенно обезопасившихся, не попустить войти въ какое-либо непредвидѣнное огорчительное слѣдствіе. Предводитель, по полученіи еще перваго о семъ сборищѣ вѣвѣстія, бодрствую ввиря на сіи обстоятельства и не желая ни образъ облежанія города перемѣнить, ниже собравшагоса непріятели на ближнее допустить разстояніе, сдѣлавъ тотчасъ всѣ къ тому потребныя распоряженія и назначилъ генераль-порутчика Элипта съ его дивизіею къ отраженію и разбитію сего непріятели; но, убѣжденный просьбою мурзъ Татарскихъ, хотя и отложилъ дѣйствительное нападеніе, но однакожъ отраженнымъ для того деташаментомъ

составилъ лагерь въ задѣ правого фланга по дорогѣ, слѣдующей къ той сторонѣ.

9. Генералу-порутчику Берху и генералъ-маіору князю Прозоровскому посланы ордера съ увѣдомленіемъ о полезномъ съ Татарами постановленіи и о данномъ имъ потому дозволеніи со всѣмъ ниуществомъ переходить чрезъ Днѣстръ и расположиться на лѣвомъ берегу онаго, за Желтыми Водами къ морю, съ такимъ подтвержденіемъ, чтобы отъ подчиненныхъ имъ войскъ, особливо же отъ корпуса князя Прозоровскаго, который въ той сторонѣ форпосты содержитъ и разъѣзды дѣлаетъ, противъ сихъ Татаръ отнюдь никакихъ не предпринимать непріятельствъ, но въ случаѣ встрѣчи всякое имъ оказывать благопріятство; касательно же до хана предписано: еслилибъ оный въ Крымъ пробираться похотѣлъ, то употребить всѣ мѣры къ опроверженію такового его предпріятія; если же оный адресовать сталъ бы къ одному или другому изъ сихъ генераловъ съ преклоненіемъ себя въ протекцію Ея Императорскаго Величества, тогда, истребовавъ у него, чтобы оставилъ собравшихся къ нему Турокъ, употребить всевозможное къ плѣненію или разбитію оныхъ.

10. Получено чрезъ нарочно присланнаго письмо отъ бывшаго при ханахъ переводчикомъ (а потомъ Дубасарскій гетманомъ, нынѣ же по ихъ службѣ называющимся стражемъ правого крыла войска Порты Оттоманской) Якуба-аги, которымъ онъ, вспоминая о своей Россійскому двору издавна преданности и оказываемыхъ до началъ войны услугахъ, увѣдомляетъ, что изъ данныхъ Портою въ его команду двухъ тысячъ челоувѣкъ Турокъ большая половина отъ страху за Дунай побѣжали, а другая также разбѣжалась, и увѣряя, что онъ участвовалъ въ преклоненіи Едисанскаго сераскерь-султана подъ Россійскую протекцію, испрашиваетъ себя и своимъ людямъ позволенія о безопасномъ прибытіи въ Россійскую армію.

11. Предводитель, отвѣтствуя агѣ Якубу, удостовѣряетъ его, что, по высочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ и намѣренію, всегда клонящимся къ доставленію благоденствія челоувѣческому роду и къ избавленію утѣсненныхъ сильною властію отъ порабощенія, позволяетъ онъ прибыть ему къ арміи, ради чего отправленъ къ нему для безопасности открытой войскамъ, могущимъ съ нимъ повстрѣчаться, ордеръ; а присланный отъ него нарочный удержанъ.

12. Предписано князю Прозоровскому имѣть недремалное примѣчаніе на поступки какъ самаго хана съ его единомысленниками, такъ и подклонившихся Россійскому скипетру, но весьма легкомысленныхъ Татарскихъ ордъ, и котовать¹⁾ ихъ своимъ штабамъ, къ усиленію котораго командированы двѣ пушки и Ямбургскій карабинерный полкъ, такимъ образомъ, чтобы они ни въ границы наши впаденія сдѣлать, ниже безъ позволенія предводителя въ Крымъ войти могли, а поставить ихъ въ такое состояніе, которое бы удержало ихъ въ предпріятіи ими иногда о томъ намѣреніи.

16. Полученъ отъ князя Прозоровскаго рапортъ, изъ его при Первомъ Куяльничѣ лагерь, съ оригинальнымъ къ нему отъ Едисанскаго сераскерь-султана письмомъ, увѣщающимъ, что и самъ ханъ Крымской въ принятію Россійской протекціи съ ними согласенъ, и съ словеснымъ къ сему письму (посланному съ маіоромъ Ангеловымъ) прибавленіемъ, что онъ Бахти-Гирей самъ видѣлся съ ханомъ,

¹⁾ Французское *сбоуег*, иди *божь-о-божь*.

который, приступая къ предпріятію ихъ, хочетъ отправить отъ себя къ предводителю второй арміи своего мурзу. Вслѣдствіе сихъ извѣстій князь Прозоровскій доноситъ, что онъ какъ съ регулярнымъ своего деташамента, такъ и съ Запорожскимъ войскомъ, немедленно выступя пойдетъ между Хаджибейскаго и Долницкаго лимановъ къ Черному морю, отъ лагера своего 30 верстъ; ежели же тамъ не застанетъ хана, то отправится вслѣдъ за нимъ до Березанскаго лимана, и гдѣ съ нимъ сойдется, тамъ истребуешь отъ него рѣшительнаго слова, приметъ ли онъ протекцію Ея Императорскаго Величества, какъ о томъ сераскертъ-султанъ увѣряетъ; и если онъ на сіе согласенъ будетъ, то потребуетъ, чтобъ, не приближаясь болѣе къ Очакову, отправилъ къ предводителю отъ себя посланца; если же согласенъ не будетъ, тогда онъ князь Прозоровскій его атакуетъ, хотя бы онъ и въ превосходномъ былъ числѣ. Предводитель, предупредя всѣ случитися могуція приключенія, вознамѣрился, въ случаѣ, если бы и Татары, наруша данныя свои обязательства, соединились съ ханомъ, или бы сей одинъ вознамѣрился пробираться въ Крымъ степью (для чего бы принужденъ былъ переходить рѣку Бугъ) опровергнуть сіе ихъ покушеніе, а для того отправилъ къ полковнику Чорбѣ ордеръ, которымъ прописывалъ, что Едисанская и Буджацкая орды отреклись отъ подданства Турецкаго подъ протекцію Россійскаго скипетра, но какъ по дошедшимъ извѣстіямъ и ханъ Крымскій, перешедъ за ними на тотъ же берегъ и не приступая къ общему съ ними союзу, старается еще и ихъ пани привлечь въ подданство Порты, и если въ томъ предупредитъ, то соединенно съ ними, въ противномъ же случаѣ, одинъ съ Крымскими Татарами намѣренъ пробираться въ Крымъ; то потому повелѣвалъ ему: 1) къ способствованію князю Прозоровскому изъ ротъ (содержащихъ въ Екатерининскомъ ретраншаментѣ, въ Павловскомъ редутѣ, въ Архангельскомъ и Самбурскомъ шанцахъ гарнизоны) остави только по 40 человекъ, прочимъ приказавъ съ состоящими въ тѣхъ мѣстечкахъ легкими войсками и со всѣми имѣющимися при нихъ ради полевыхъ дѣйствій пушками, идти къ Екатерининскому ретраншаменту, а оттолзъ ему полковнику, совокупа ихъ, сдѣлать самому съ ними внизъ по лѣвому берегу Буга два марша и тамъ расположить-ся; 2) изъ сего расположенія имѣть легкими войсками по обѣимъ берегамъ Буга частыя разѣзды, посылать въ степь партіи, для примѣчанія движеній Татарскихъ; а когда князь Прозоровскій, надъ оными жъ надзирая, приблизится къ Бугу, тогда своими партіями и до его деташамента достигать и о примѣченныхъ неприяТЕЛЬСКИХЪ движеніяхъ его рапортовать; когда жъ ханъ и другіе Татары похотятъ переходить Бугъ, а не будутъ снабдены ради того письменнымъ отъ предводителя или князя Прозоровскаго видомъ, тогда стараться всѣми способами одѣлать надъ ними поискъ и ихъ разбить.

Сей же день отправленъ ордеръ и къ князю Прозоровскому, которымъ предводитель, апробуя его дѣйствія, прописываетъ мѣры къ воспрепятствованію хану пройти сухимъ путемъ въ Крымъ.

Сего жъ числа отправленъ ордеръ и къ генераль-поручикну Берху, которымъ предводитель прописываетъ, что ханъ Крымскій, не приступая къ единомысленнымъ видамъ ордъ Едисанской и Буджацкой, перешедъ съ своими Татарами и съ нѣкоторымъ числомъ присоединившихся къ нему отъ разбитой визирской арміи Турковъ на лѣвой

берегъ Днѣпра (съ тѣмъ, чтобы чрезъ Киенбургъ пробраться въ Крымъ, для чего и отправленъ отъ него нарочный къ калгъ-султану, чтобъ сей со всѣмъ Крымскимъ войскомъ слѣдовалъ въ помощь ему къ Киенбургу) и приказывалъ ему генералъ-порутчику взять надежнѣйшія мѣры къ расположенію находящагося подъ командою его войска такимъ образомъ, чтобъ какъ калгъ-султану изъ Крыма, такъ хану въ Крымъ путь загражденъ былъ; при покушеніи же котораго либо изъ нихъ къ произведенію своего намѣренія въ дѣйство, сдѣлать надъ ними поискъ.

Къ сему въ ордерѣ присовокуплено было, что, если бы они, желая употребить хитрость и подъ видомъ пріятельства получить только свободный себѣ проходъ, прислали къ нему генералъ-порутчику съ объявленіемъ, что и они согласны принять протекцію Всероссийской Императрицы, тогда учинить имъ рѣшительный отвѣтъ, что на требованіе ихъ безъ предводительскаго повелѣнія онъ согласиться не можетъ, но чтобы они въ знакъ такого добраго намѣренія выбрали къ отправленію къ двору Ея Императорскаго Величества знаменитаго отъ Крыма посольства пять человѣкъ, также знатной породы, имѣющихъ быть до заключенія настоящихъ договоровъ аманатами и если они дадутъ оныхъ, тогда отправить ихъ къ арміи съ достаточнымъ конвоемъ, въ противномъ же случаѣ поступить съ ними какъ съ непріятелями.

Съ возвратившимся поручикомъ Завадовскимъ (чрезъ прибывшихъ вновь по требованію предводителя отъ Едисанской и Буджацкой ордъ въ посланцы къ высочайшему двору и въ аманаты, шести изъ знаменитѣйшихъ мурзъ и съ ними знатныхъ старшинъ 10 человѣкъ) получены письма: 1) за подписаніемъ обѣихъ ордъ начальствующихъ 21 мурзъ, коимъ представляютъ крайнюю свою опасность отъ раздраженныхъ Турокъ, но причинѣ отторженія ихъ отъ подданства Порты и вступленія въ дружбу съ Россійскою имперією, подъ протекціею ея Самодержиды, если имъ дозволено не будетъ еще въ Августѣ мѣсяцѣ податься вверхъ къ Бугу ближе къ селеніямъ, какъ для полученія пропитанія, въ коемъ крайнѣйшій они терпятъ недостатокъ, такъ и для отдаленія себя отъ Турокъ и воспоминаая о своей прежней просьбѣ по постановленному условію, просятъ о обѣщанномъ дозволеніи на рѣку Днѣпръ переходить на прежнее ихъ жилище, гдѣ они, совокупясь съ Едичкульцами и Джамбулукими, будучи по близости границъ Россійскихъ, могли бѣ защищены быть; 2) рекомендуютъ отправленіе посланцовъ къ высочайшему двору съ присяжнымъ письмомъ за руками и печатами 27 знаменитыхъ мурзъ, кое прислано незапечатанное и отдано на разсмотрѣніе предводителя; 3) отъ сераскерь-султана Бахти-Гирея, который, упоминая о возстановленной съ Россійскою имперією дружбѣ, заключаетъ, что должно имѣющихся у обѣихъ сторонъ плѣнныхъ возвращать, вслѣдствіе чего и проситъ взятаго подъ Хотинымъ въ прошломъ году изъ Крымскихъ князей князя Халиль Селамета, и въ нынѣшнемъ году у Рыбой Могилы при урочищѣ Муиджирѣ изъ придворныхъ его людей Абды-Рахима освободить, увѣряя, что во взаимность тому съ ихъ стороны Россійскіе плѣнные, гдѣ бы ни были, безъ всякаго сомнѣнія съжжаны и отпущены быть имѣютъ.

17. Полученъ отъ князя Прозоровскаго рапортъ. Онъ, идучи внизъ по Куяльнику, приближился къ Хаджибею, у котораго нашелъ перешедшіе чрезъ поселеніе Куяльникъ великіе Татарскіе обозы, такъ

какъ и на Среднемъ Куляникѣ, гдѣ лимажъ начинается, увидѣлъ множество Татаръ, къ которымъ онъ послалъ майора Ангелова, дабы успокоить ихъ отъ могущей случиться между ними тревоги, и звать къ себѣ ихъ мурзъ. Посему и прѣехали къ нему двое, кои объявляли ему (какъ они сказывали) слышанное отъ пришедшаго изъ Хаджибей, будто бы ханъ въ тотъ вечеръ съ находящимися при немъ 5000 Турокъ и съ нѣсколькими стами Крымскихъ Татаръ въ сіе мѣстечко былъ ожидаемъ съ тѣмъ, чтобы ему на приготовленномъ для него галіотѣ ѣхать въ Очаковъ, въ которой Турки при немъ находящіеся сухимъ путемъ отправлены будутъ. О себѣ жъ объявляли, что они свои движенія дѣлаютъ единственно для конскихъ кормовъ; а какъ онъ генералъ-майоръ предложилъ имъ, чтобы они для искорененія въ ихъ единомысленникахъ подозрѣній отъ движенія его detachementa проиграть могущихъ, остались при немъ: то одинъ изъ нихъ самъ на то согласился, другой же прислалъ вмѣсто себя своего сына и 10 человекъ Татаръ. Князь Прозоровскій, по дошедшимъ до него слухамъ о разнообразныхъ мысляхъ сихъ Татаръ, будучи побужденъ въ искренности ихъ усумниться и опасаясь приближеніемъ къ Хаджибею стать у нихъ въ срединѣ и быть окружену двумя лиманами и шоремъ, рассудилъ назадъ возвратиться и, выходя изъ среды ихъ, перейти Послѣдній Куляникъ и у Телигула отъ ихъ обозовъ верстахъ въ четырехъ расположиться, почему къ полковнику Ямбургскаго карабинернаго полка Каменну, отъ арміи въ подкрѣпленіе его отряженному, къ казачьимъ полкамъ и къ Калмыцкому войску послалъ онъ повелѣніе, чтобы шли къ нему въ соединеніе.

Къ сему прибавляетъ князь Прозоровскій, что отъ сераскерь-султана вѣдѣній мурзъ (съ тѣмъ, чтобы вышедшіе подъ протекцію Россійской державы орды не тревожились отъ приближенія войскъ нашихъ) захватилъ къ нему, которому онъ объявилъ что естли они далѣе впередъ идти похотятъ безъ предводительскаго позволенія, то такой ихъ поступокъ принудитъ его почитать ихъ непріятелями.

Въ заключеніи же доноситъ, что посланной ротмистръ Роде, съ партією изъ подъ Хаджибей возвратясь, рапортовалъ, что ханъ и при немъ (по увѣренію Татарскихъ мурзъ) Турокъ до 1000 человекъ съ нѣсколькими пушками 14 сего мѣсяца прибылъ въ Хаджибей, гдѣ къ его отъѣзду изготовлено пять галіотовъ.

Сего числа отправленъ къ князю Прозоровскому ордеръ, которымъ предводитель, увѣдомляя его о прибытіи къ арміи для отправленія ко двору Ея Императорскаго Величества посланцовъ и къ нему аманатовъ, предписываетъ поступать съ сераскерь-султаномъ Бахти-Гиремъ дружески, однако до новаго повелѣнія чрезъ Телигулъ его не перепускать, но только увѣдомить его, что посланцы ихъ къ арміи прибыли, что по переводѣ полученныхъ писемъ немедленно отцовѣдъ прислана, и что съ нимъ, такъ какъ съ обѣими ордами и со всѣми, кои отъ Турецкаго скипетра отступятъ, съ искреннимъ дружелюбіемъ по предводительскому приказанію поступаемо будетъ.

Впрочемъ предписывалось въ семъ ордерѣ стараться сдѣлать, гдѣ только позволитъ случай, удобовозможные поиски надъ ханомъ; когда же онъ отвѣтитъ, что согласно съ Едисанскою и Бужацкою ордами хочетъ и онъ принять покровительство Ея Императорскаго Величества, то не прежде увѣриться на ономъ какъ тогда, когда онъ въ залогъ вѣрности пришлетъ для отправленія къ предводителю нѣсколькимъ знатнѣйшихъ своего поколѣнія мурзъ аманатами.

Сего же числа полученъ отъ него князя Прозоровскаго рапортъ съ приложеніемъ оригинальнаго отъ сераскерь-султана Бахти-Гирея къ нему письма, коимъ рапортомъ генераль-маіоръ доноситъ, что возвратившемуся отъ Бахти-Гирея маіору Ангелову словесно увѣрито приказано было, что ханъ въ Очаковѣ ѣхать не намѣренъ, а между тѣмъ Татары тянутся къ Телигулу, и что онъ въ разсужденіи сераскерь-султанова письма (къ которому маіора Ангелова обратно отправилъ) осмѣлился, дабы не разорвать иногда устанавлиаемаго согласія, до особливаго предводительскаго повелѣнія, оставить хана потому болѣе въ покоѣ, что на него, какъ находящагося въ среднѣи Татарскихъ ордѣ, нельзя сдѣлать нападеніе, не причиня тѣмъ и симъ ордамъ вреда. Впрочемъ доноситъ, что по дошедшимъ до него изъ другихъ сторонъ слухамъ, будто бы ханъ дѣйствительно въ Очаковѣ ѣхать намѣренъ, командировалъ отъ него маіоръ Хорватъ съ нѣсколькими гусарскими и пикинерными эскадронами къ устью Телигулскаго лимана, представляетъ необходимость Татаръ перемѣнять для прокормленія находящагося при нихъ скота свои лагери, и проситъ снабдить его повелѣніемъ, на которыя мѣста ради показанной здѣсь причины пропустить ихъ позволено будетъ. Бахти-Гирей же въ своемъ письмѣ увѣряетъ князя Прозоровскаго, что доходящіе слухи будто бы при ханѣ многу Турковъ суть неосновательны, что оныхъ только до 4 тысячъ. Въ семъ же письмѣ внесено, что ни отъ Татаръ, ни отъ Турокъ при ханѣ находящихся непріятельскихъ покушеній не воспослѣдуетъ, что по союзу крови и находящихся при нихъ соединенныхъ еродствомъ чиновныхъ людей, всякой на хана помыслъ не можетъ онъ почестъ никакъ бы оной противу и его самого сдѣланъ былъ; впрочемъ, прося пропуску для сохраненія своего скота къ Бугу, Бахти-Гирей удостовѣряетъ, что на позволенныхъ имъ мѣстахъ болѣе пяти часовъ разстояніемъ отъ его detachementa находится они не будутъ.

Сего жъ числа полученъ отъ князя Прозоровскаго рапортъ, которымъ доноситъ, что по достовѣрному извѣстію онъ увѣдомленъ, что ханъ, продолжая походъ свой, прибылъ къ устью Телигулскаго лимана, гдѣ оной въ море впадаетъ и у котораго предъ симъ командированному маіору Хорвату съ нѣсколькими гусарскими и пикинерными эскадронами съ нимъ сойтись и ему переходъ чрезъ Телигулъ возбранить надлежало, но однако по полученіи послѣдняго извѣстія отряжены еще изъ Запорожскаго войска 1000 человекъ по дорогѣ Очаковской съ тѣмъ, чтобы его догнавъ остановить; въ случаѣ жъ его упорства, проситъ князь Прозоровскій къ лучшему вокругъ его обступленію командировать конную къ Большому Куяльнику команду. Волѣдствіе сего гусарскаго Сумскаго полка полковнику Тутолмину данъ ордеръ, въ которомъ предводительъ прописываетъ, что Татарская, Едисанская и Бѣлгородская орды, отшедъ отъ подданства Турецкаго, приняли покровительство Россійской имперіи, почему и позволено было имъ перейти на лѣвый берегъ Днѣстра и расположиться между Чернаго моря и Желтыхъ Водъ, но какъ на ту сторону ханъ съ Крымскими Татарами и съ присоединившимися къ нему изъ разбитой визирской арміи Турками перебрался и обращается между ими, не съ тѣмъ чтобы къ ихъ приступить намѣренію, но дабы ихъ развратить и вовлечь пани подъ иго Турецкое, а потомъ пробраться въ Очаковъ или Крымъ: то потому и предписано ему господицу полковнику съ своимъ Сумскимъ гусарскимъ,

однимъ Донскимъ и однимъ Малороссійскимъ казачьими полками и четырьмя единорогами идти къ Большому Куяльнику и расположась при ономъ состоятъ въ командѣ князя Прозоровскаго, надзирая движенія хана и Бахти-Гирея и объ оныхъ рапортовать предводителю и князю Прозоровскому. Едисанцамъ и Буджагамъ приказано было оказывать знаки своего дружества и отвѣтствовать, если бы сіи о причинѣ прихода войскъ спросили, что оное прибыло, сколько къ искорененію враговъ Россійской державы, столько жъ и къ собственному ихъ защищенію, ежели бы несоглашающіеся съ ними Крымскіе Татары, надѣясь на превосходство своего числа, что-либо враждебное на нихъ, яко на союзниковъ Россійскихъ, предпринять вознамѣрились.

Сего же числа посланъ ордеръ къ князю Прозоровскому, въ которомъ приказано поступать съ ханомъ и сераскерь-султаномъ Бахти-Гиреемъ согласно съ отправленными къ Бахти-Гирею отъ предводителя письмами. Предводитель, избразивъ ему, что нынѣшнія обстоятельства подають Татарскимъ народамъ совершенные способы сложить съ себя неправо ихъ отягощающее иго Оттоманской Порты, прописываетъ въ отвѣтъ на присланное къ себѣ и князю Прозоровскому отъ него Бахти-Гирея письмо, что онъ Россійскаго войска предводитель съ ханомъ и всѣми его единомысленниками, яко съ подданными Турецкаго скипетра, непріятельски поступать и вездѣ ихъ искоренять будетъ.

20. Отправленное чрезъ абшитованнаго значковаго Константина Мавроева Кантарджи къ Бахти-Гирею султану письмо, въ отвѣтъ на полученное отъ него о освобожденіи изъ плѣна двухъ знатныхъ Татаръ съ пространнымъ объясненіемъ всѣхъ справедливыхъ причинъ, коими предводитель, сообразуясь высочайшей волѣ и намѣренію своей Самодержицы Великой Екатерины, подалъ случай Татарскому народу къ избавленію себя отъ насильственнаго Оттоманской Порты ига и бѣдственнѣйшаго приключенія несправедливо зачатой противъ Россіи войны съ доставленіемъ на все будущее время благоденственнѣйшаго имъ состоянія, съ сильнѣйшимъ увѣреніемъ, еслии онъ султанъ на томъ же точно основаніи съ благонамѣреннымъ Татарскимъ обществомъ подъ протекцію Ея Императорскаго Величества подвергается и равнымъ залогомъ вѣрности въ томъ обнадежить, что болѣе себя ни подданнымъ, ни завноящимъ отъ Оттоманской Порты и султана Турецкаго быть не поставляетъ: то въ такомъ случаѣ предводитель съ великою радостію готовъ всѣ его требованія и желанія удовлетворить, увѣдомляя притомъ, что о требуемыхъ плѣнныхъ записка въ тѣ отдаленныя мѣста, гдѣ оныя содержатся, послана и еслии сыщутся, возвращены будутъ. По второму къ князю Прозоровскому отъ него жъ султана письму предводитель отвѣчаетъ: когда жъ атакованіе нашими войсками хана поставляетъ за равной себѣ вредъ и требуетъ съ находящимися при немъ ордами скорого свободнаго перехода не только чрезъ Телигуль, но и далѣе за другія рѣки, былъ бы извѣстенъ, что до тѣхъ поръ пока ханъ, хотя ему и братъ, не объявитъ себя освобожденнымъ отъ власти и правительства Оттоманскаго скипетра и не прибѣгнетъ подъ защищеніе Россійской императрицы съ присылкою въ залогъ изъ своей фамиліи знаменитой особы, то предводитель и всѣ его войска въ немъ самомъ и во всѣхъ окружающихъ его людяхъ, съ нимъ въ одномъ состоящихъ намѣреніи, почитать будутъ непріятеля и потому должны таковыхъ

вездѣ искать и побѣдоноснымъ орудіемъ ихъ атаковать. Вслѣдствіе сего, еслии султанъ усерднѣе къ Россійской имперіи и освобожденнымъ отъ Порты Оттоманской себя поставляетъ, то видится непристойно за враговъ Россійской имперіи вступаться, но наче атакованію оныхъ способствовать; по которой причинѣ и свободнаго чрезъ Телигуль перехода дозволить нельзя, ибо таковымъ походомъ закрывается отъ предводителя оружія недоброжелательный ханъ съ находящимися при немъ военными людьми. Въ заключеніе предводитель требуетъ скорого и рѣшительнаго отвѣта.

Сего жъ числа чрезъ прибывшаго Крымскаго мурзу Абдурахмана получено отъ находящихся тамъ при ханѣ Капланъ-Гирѣвъ за рукою двадцати шести челоувѣкъ военачальниковъ и прочихъ чиновъ письмо, коимъ они увѣдомляютъ, что, свѣдавъ изъ писма кн. Прозоровскаго къ Едисанцамъ и Буджакамъ причины недозволенія имъ прохода въ Крымъ, извиненіе свое приносятъ, оправдаясь, что за малымъ числомъ при ханѣ находящихся Крымскихъ старѣйшинъ они не осмѣлились письменною адресоваться о томъ просьбою, а когда собратья ихъ уже въ дружбѣ съ Россійскимъ дворомъ состоятъ, они объясниться должны, что сдѣланное ихъ собратьями къ тому положеніе не по одной ихъ склонности совершено, но общимъ побужденіемъ и наставленіемъ содѣйствовано, и потому заключить можно, что и у нихъ другихъ мыслей и намѣреній нѣтъ, какъ быть съ Россією въ дружбѣ, обѣщая по прибытіи въ Крымъ немедленно о томъ условиться, чего ради просятъ ихъ собратьямъ и свойственникамъ дозволить свободный въ Крымъ походъ и о томъ князю Прозоровскому дать повелѣніе.

24. Вышереченной Крымской мурза отправленъ обратно съ отвѣтнымъ письмомъ. Сего жъ числа отправлены обратно въ Едисанскую и Буджацкую орду изъ присланныхъ посланцовъ два мурзака и шесть аговъ, въ препровожденіи поручика Заводовскаго съ отвѣтнымъ отъ предводителя письмомъ.

Сего числа полученъ отъ князя Прозоровскаго рапортъ, которымъ онъ доноситъ, что отправленному къ нему полковнику Тутолмину приказалъ онъ стоять у Куяльниковъ и дѣлать къ Бѣлгороду и Черному морю развѣзды; самъ же, за недостаткомъ конскихъ кормовъ перемѣняя свой лагерь, пойдетъ сверхъ по Вугу и у рѣчки Еланца станеть. Къ сему прибавляетъ онъ, что получилъ извѣстіе, будто бы ханъ Крымской объявилъ Татаръ Буджацкой и Едисанской ордъ измѣнниками.

Сего числа пришедшій изъ плѣна Донской Калмыкъ и одинъ Волошинъ согласно объявили, что Крымскій ханъ съ сераскертъ-султаномъ Бахти-Гиреемъ, по случившейся между ихъ мурзъ ссорѣ, побранились, и послѣдній, со всею своею свитою отъ хана отдѣляясь, уѣхалъ въ Румелію.

Сего числа вслѣдствіе полученнаго отъ князя Прозоровскаго рапорта о употребленномъ отъ Джанъ-Мамбетъ-бея стараніи во удержаніи обѣихъ Татарскихъ ордъ благонамѣренными (почему оный общимъ согласіемъ надъ народомъ обѣихъ сихъ ордъ и избранъ главнымъ начальникомъ) отправлено къ нему письмо, коимъ предводитель, похваляя его усердіе во увѣщаваніи Татаръ къ утверженію ихъ въ преподанныхъ ему совѣтахъ, доставляющихъ Татарскому обществу совершеннаго благоденствія, поздравляетъ онаго въ новомъ достоинствѣ, и въ знакъ Ея Императорскаго Величества къ особѣ

его всевысочайшаго благоволенія, посылаетъ къ нему подарокъ, прося о увѣдомленіи, подъ какимъ названіемъ достоинство вышшаго начальства ояъ на себя, до утвержденія волею ихъ общества его въ ханствѣ, носить изволятъ.

1-го Сентября съ возвратившимся отъ Татаръ Константиномъ Мавровымъ Калтарджиемъ получено письмо за руками главныхъ двухъ благонамѣренныхъ начальниковъ ордъ и восьми мурзъ, кои они, благодаря за посланные къ нимъ отъ высочайшаго Ея Императорскаго Величества имени подарки, увѣдомляютъ, что Вахти-Гирей-султанъ, не устоявъ въ данномъ имъ словѣ и предводителю общаши, по соглашеніи съ братомъ его Каплай-Гирей-ханомъ, отъ нихъ отдѣлился; воспоминая жъ учиненныя имъ отъ предводителя сильныя общанія о неоставленіи ихъ въ нынѣшней разстройкѣ своимъ вспоможеніемъ, представляютъ крайній свой въ пищѣ и одѣяннн недостатокъ, такимъ образомъ оный изъясняя, что не только живыхъ члѣвъ приодѣтъ, но и на мертвыхъ, по обыкновенію, для погребенія не изъ чего саваны дѣлать; ради чего усильно просятъ дозволить имъ за рѣку Бугъ и Днѣпръ прохода, къ Джамбулукамъ и Едичкуламъ, гдѣ они помощію силъ родственниковъ свое состояніе исправить нѣсколько могли бъ, увѣряя, что если бы по ихъ переходѣ Крымскій народъ съ ними на соединеніе преклониться не хотѣлъ, то Едичкулацы и Джамбулаки неотвѣнно на равномъ съ ними основанн къ тому присоединятся. Елико же принадлежитъ до совершеннаго и на будущія времена отторженія отъ Порты Оттоманской и до вступленія съ Россіею въ вѣчную дружбу, то они для лучшей въ томъ имовѣрности предводителю знаютъ даютъ, что учиненною воевъ по ихъ закону присягою оное подтвердили; въ заключенн упоминаютъ, что осень сближается, и потому, опасаясь, чтобъ они и фамиліи ихъ, имѣя во всемъ недостатокъ, до послѣдней крайности доведены не были, отдаютъ на благоразсмотрѣніе предводителя.

Сентября 8-го получено письмо отъ благонамѣренныхъ ордъ за рукою начальствующихъ мурзъ: Джанъ-Мамбетъ-бей, Канъ-мурза-хаджи и Саламанша-мурзы, съ сильнѣйшимъ увѣреніемъ о ненарушимомъ сохраненн утвержденной съ Россіею дружбы, которую Всевышній да благословитъ и да сотворитъ всемъ полезною, увѣдомляя, что когда они состояли подъ ханами, называли Джанъ-Мамбета мурзу беемъ, а нынѣ по отторженн отъ Порты и совершенномъ подверженн подъ протекцію Россійской Императрицы, народъ избралъ его надъ собою главнымъ, ни отъ кого независимымъ начальникомъ и владѣтелемъ, почему онъ по свойству ихъ языка называется беглеръ-бей—князь князей и пехливанъ-джегманъ—знаменитый рыцарь; что онъ всего Татарскаго, въ дружбѣ съ Россіею состоящаго, народа главный начальникъ, а по немъ надъ Бухадною ордою второй Канъ-мурза-хаджи. Въ заключенн, благодаря за посланный къ нему подарокъ, просятъ, дабы прежде Дмитріева дня дозволеше имъ дано было перейти на просимыя мѣста. Другимъ высшомъ Джанъ-Мамбетъ-бей отъ своего только имени увѣдомляетъ, что писанныя еще изъ Харькова письма къ нему доходили, но онъ, будучи тогда подъ властію Турецкою, отвѣтствовать на оныя не могъ; а нынѣ по устроенной Промысломъ Божиимъ дружбѣ открыта дорога на дружескую переписку, ибо о истинной его къ Россійской Имперіи преданности и малѣйшаго сумнѣнн имѣть не должно, потому-что и прежде сего онъ посылкою пріятельскихъ своихъ писемъ чрезъ Кутлукай-хаджия и Османъ-агу то доказалъ

Сего жъ числа прибылъ Вуджапкой орды Оракъ-Огдйисаго покойнїя Джанъ-Темиръ-мурза съ письмомъ, за рукою семи между ими первенствующихъ знаменитыхъ мурзъ, съ жалобою, что по заключенїи съ Россїею вѣчной дружбы условлено и постановлено, дабы одна сторона другой отнюдь ни въ чемъ никакихъ обидъ не причиняла, однако послѣ того, при Кишли и при Кормазъ урочищѣ у нихъ Россійскихъ войскъ людьми стада лошадей отогнаны. Просить объ отысканїи и возвращенїи, а потомъ и о настрожайшемъ защенїи, чтобъ подобныя вѣчной дружбѣ противныя поступки впредь совсѣмъ престъчены были.

Въ слѣдующіе дни по сей комиссіи ничего не происходило, а предводитель упражнялся распоряженїями къ штурмованію города Бендеръ, который великимъ духомъ предводителя, побуждающаго своимъ примѣромъ подчиненныхъ ему храбрыхъ воиновъ, въ ночь съ 15 на 16 сего, продолжавшимся чрезъ 12 часовъ сильнѣйшимъ съ обѣихъ сторонъ огнемъ, взять и гарнизонъ онаго плѣненъ. А потомъ упражненїе предводителя простиралось въ расположенїяхъ по сей крѣпости и въ отправленїи плѣнныхъ.

25. Господинъ канцеларїи совѣтникъ Веселицкїй посланъ въ благонамѣренныя орды съ достаточнымъ наставленїемъ для вышшаго увѣренїя всего общества о истинныхъ дружбы сентиментахъ и для подписанїя вновь сочиненнаго письма, отъ Татарскаго общества къ Ея Императорскому Величеству съ посланцами отправляемаго. По исполненїи того именемъ предводителя дано онымъ позволенїе переходить чрезъ рѣки Вугъ и Днѣпръ, для расположенїя на тѣхъ точно между Россійскими границами и Крымомъ степяхъ, гдѣ прежде сего Ногайцы кочевали, не касаясь отнюдь границы Россійской имперїи, ниже новоучрежденной отъ устья рѣки Московки по устью рѣки Берды линїи. По сему обстоятельству, предводитель во всѣ смежныя губерніи, Запорожскому и Донскому атаманамъ, пограничныхъ крѣпостей комендантамъ, господину генералъ-поручику Берху и князю Прозоровскому знать далъ, чтобъ сихъ двухъ благонамѣренныхъ ордъ Татарамъ, прїѣзжающимъ съ письменными видами въ селенїя Россійской имперїи для покупки провизїй и прочихъ надобныхъ вещей, отнюдь никто не осмѣлился какое либо огорченїе или обиду причинять, но напротивъ того, яко вступившимъ въ вѣчную дружбу и союзъ съ Россійскою имперїею, подъ протекцію и ручательство Ея Императорскаго Величества, всякое вспоможенїе подаваемо и гостепрїимство оказываемо было, продавая имъ все потребное по обыкновенной цѣнѣ, подъ опасенїемъ за неисполненїе жесточайшей и неупустительной по государственнымъ законамъ казни и наказанїя. Ему же господину Веселицкому даны 1,250 червонныхъ иностраннѣхъ на подарки тамошнимъ первенствующимъ мурзамъ, для конвою эскадронъ Днѣпровскаго пикьернаго полку, и Сѣвскаго полку капитанъ Заводовскїй, который, по частой у Татаръ бытности, со всѣми знатными мурзами знакомство имѣлъ, для переводу и письма переводчикъ Дементьевъ и генеральнїй писарь Семеновъ.

Савва Текели въ Россіи.

(1787—1788).

Задолго до большаго переселенія Сербовъ изъ Венгріи въ Южную Россію, при Елисаветѣ Петровнѣ, выселялись къ намъ въ одиночку Австровенгерскіе Сербы, поступая большею частію на службу въ Сербскій гусарскій полкъ и получая земли въ Малороссіи. Тѣмъ былъ Петръ Аврамовичъ Текели, прославившійся впоследствии уничтоженіемъ Запорожской Сѣчи и дослужившійся до чина генерал-аншефа. Другой Сербъ, тоже генералъ Русской службы Екатерининскихъ временъ, Семенъ Пишчевичъ въ своемъ рукописномъ «Извѣстіи о выходѣ Сербскаго народа въ Россію», такъ выразился о старомъ Текели: «Онъ служилъ столько, сколько и каждому повелѣваетъ его долгъ; но въ продолженіе всей своей жизни имѣлъ такое счастье, что не только достигъ до великой старости, сохранивъ при этомъ крѣпкое здоровье, но еще на него сыпались чины, ордена и великое богатство; женатъ онъ не былъ и, стало быть, дѣтей законныхъ не имѣлъ, но оставилъ послѣ себя двоихъ побочныхъ, сына и дочь, которыхъ и назначилъ наследниками большей части своего имѣнія, передавъ имъ и свою фамилію»¹⁾.

У этого Текели было нѣсколько братьевъ, изъ которыхъ нѣкоторые также переселились въ Россію; но одинъ изъ нихъ, Райко, остался въ Венгріи, гдѣ имѣлъ домъ въ городѣ Арадѣ. У Райки былъ сынъ Савва (род. 17 Авг. 1761, ум. 21 Сент. 1842 г.), прославившійся въ нынѣшнемъ столѣтіи пожертвованіями на пользу народнаго образованія Венгерскихъ Сербовъ, для ихъ педагогическихъ и литературныхъ учрежденій и даже удѣлившій небольшія деньги Мадьярской академіи и реформатской коллегіи въ Дебращинѣ. Это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, Старосербскій меценатъ и Венгерскій магнатъ. Онъ дожилъ до того времени, что день его именинъ, въ который приходилась и память св. Саввы, просвѣтителя Сербіи, сталъ праздноваться во всѣхъ школахъ у Венгерскихъ Сербовъ. Имѣніями и капиталами его, завѣщанными на пользу народнаго образованія, управляетъ общество, пребывавшее сперва въ Пештѣ, а съ 1864 года въ Новомъ Садѣ, и называемое «Сербскою Матицею». Въ библіотекѣ этого общества хранится автобіографія Саввы Текели, и на основаніи ея, еще по поводу столѣтняго юбилея со дня его рожденія,

¹⁾ См. мою статью «Военныя поселенія Сербовъ въ Австріи и Россіи», въ «Вѣстникѣ Европы» за 1870 г., кн. VI, стр. 604.

извѣстный Сербскій юристъ и драматургъ Іованъ Субботичъ составилъ очеркъ жизни Саввы (изд. въ Будимѣ въ 1862 г., на 73 стр.). Въ прошломъ 1877 году, въ 119 книгѣ «Лѣтописей Сербской Матицы» появилась въ свѣтъ самая автобіографія, впрочемъ только начало ея (стр. 1—81); окончаніе должно быть напечатано въ слѣдующихъ двухъ книгахъ. Помимо общаго интереса, который представляютъ біографическія свѣдѣнія о Саввѣ Текели, его жизнеописаніе интересно для насъ и потому еще, что въ немъ сохранены болѣе или менѣе подробныя извѣстія о трехъ путешествіяхъ Саввы въ Россію. Самое продолжительное и интересное по своимъ подробностямъ было первое, начавшееся въ Маѣ 1787 и окончившееся въ Сентябрѣ 1788 года. Оно совершено было по вызову дяди Петра Аврамовича Текели, который думалъ было назначить Савву своимъ наследникомъ, но потомъ разошелся съ нимъ. Въ это путешествіе Савва проѣхалъ отъ южно-польской границы въ Новосербію, оттуда чрезъ Кременчугъ, Полтаву, Курскъ, Тулу, Москву, Тверь и Новгородъ до Петербурга, и затѣмъ чрезъ Шкловъ, Могилевъ, Черниговъ, Кіевъ, Аксайскую станицу и Ставрополь въ Георгіевскую крѣпость, гдѣ была главная квартира Кавказской арміи, которою тогда командовалъ П. А. Текели. Второе путешествіе, начавшееся 10 Октября 1811 и окончившееся въ Февралѣ 1812 года, и третье, относящееся къ 1816 году, были кратковременны, имѣли цѣлю разрѣшеніе фамиліальныхъ споровъ о наследствѣ и ограничивались посѣщеніемъ родственниковъ въ Миргородѣ, Елисаветградѣ и Херсонѣ. Мы остановимся только на первомъ путешествіи, но предварительно скажемъ нѣсколько словъ о молодыхъ годахъ Саввы.

Савва Текели съ дѣтства отличался находчивостью, смѣлостью и желаніемъ быть независимымъ отъ другихъ. Онъ рано понялъ, что лучшими средствами къ тому могутъ быть образованіе и богатство. Конечно, овладѣть обоими этими средствами помогли ему природныя дарованія. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рано сталъ мечтать о военной службѣ въ Россіи. Въ 1773 году пріѣзжалъ въ домъ его родителей Русскій майоръ, дядя Лазарь, раненый въ бою съ Турами въ Валахія, и подарилъ ему съ братомъ и сестрой 100 р. отъ имени Петра Текели. Въ слѣдующемъ году пріѣзжалъ изъ Россіи отъ другаго дяди, Константина, поручикъ Іованъ для принятія доходовъ съ его Венгерскихъ имѣній. Въ это время Савва прошелъ уже первоначальную и Латинскую школы въ городѣ Арадѣ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ своею семьей имѣлъ случай въ 1770 году быть представленнымъ императору Іосифу II, какъ потомокъ основателя этого города Іована Текели, послѣ котораго долгое время сохранились въ ихъ семьѣ двѣ медали: серебряная съ изображеніемъ Петра Великаго, украшенная брилліантами, и золотая на таковой же большой цѣпи, пожалованная императоромъ Іосифомъ I. Съ 1775 года Савва учился въ Будимской гимназіи, сперва въ классѣ поэзіи, потомъ риторики, который и окончилъ уже въ Арадѣ, куда переѣхалъ по болѣзни. Въ 1779 году и слѣдующемъ онъ слушалъ курсъ философскихъ наукъ при университетѣ, который тогда только что переселенъ былъ изъ Тирявы въ Будимъ; а потому въ

Пештъ, и кромѣ того учился рисовать у извѣстнаго тогда профессора Вальтера. Едва только исполнилось Саввѣ 19 лѣтъ, какъ мать стала принуждать его къ женидбѣ; но Савва на отрѣзъ отказался, объявивъ, что желаетъ окончить свое образованіе. Родители отпустили его изъ дому, но не дали на дорогу ни крѣйцера. Оказалось, что у Саввы были свои деньги. Въ 1779 году онъ получилъ отъ дяди Петра изъ Россіи 100 р. и сберегъ изъ нихъ значительную часть, а кромѣ того имѣлъ золотые часы, имѣ самими приобретенные, и дорожной мѣхъ, присланный изъ Россіи. Расчитывая на эти средства, онъ отправился въ Вѣну, да еще захватилъ съ собою слугу, котораго одѣлъ прилично. Попытка поступить въ Вѣнскую инженерную академію не удалась, и Савва сталъ посѣщать университетъ, гдѣ слушалъ высшую математику у Зонненфельса, анатомію у Лебера, химию и ботанику у Жакмена, полицейское право у Вема, каноническое у Цейлера, естественное и всеобщее у Ванхида. Кромѣ того у Саввы были большія способности къ изученію языковъ: зная уже Сербскій, Мадыарскій и Нѣмецкій, онъ въ теченіе двухлѣтняго своего пребыванія въ Вѣнѣ успѣлъ ознакомиться съ Французскимъ, Итальянскимъ и Испанскимъ, и при всемъ томъ не покидалъ уроковъ рисованія и игры на органѣ. Жилъ онъ, конечно, очень бѣдно: обѣды его стоили не болѣе 8 или 10 крѣйцеровъ (отъ 5¼ до 7 коп. сер.), а ужиновъ вовсе не было; и при всемъ томъ пришлось сперва отпустить слугу, потомъ продать Русскій мѣхъ за 36 дукатовъ и, напоследокъ, заложить золотые часы. Наконецъ, средства истощились и Савва написалъ родителямъ, что и самъ желалъ бы вернуться домой, но не дозволяютъ сдѣлать того долги. Родители прислали 50 дукатовъ. Съ полученіемъ денегъ у него возникла мысль докончить курсъ юридическихъ наукъ въ Пештѣ, а потому онъ написалъ отцу и матери, что присланныхъ ими денегъ недостаточно для покрытія долговъ. Въ отвѣтъ на это получены были еще 40 дукатовъ. Тогда только Савва отправился въ Арадъ, и хотя мать опять настаивала на женидбѣ, но сынъ одержалъ верхъ и уѣхалъ доучиваться въ Пештъ, на этотъ разъ сопровождаемый благословеніями и деньгами отъ родителей. Такимъ образомъ, начавъ въ 1782 году слушаніе юридическихъ наукъ въ Пештскомъ университетѣ, Савва Текели въ 1783 году окончилъ его и ватѣмъ, послѣ блестящаго публичнаго диспута, въ Маѣ того же года получилъ степень доктора права. Онъ былъ первый Сербъ, достигшій этой степени. Президентъ Намѣстническаго Совѣта не замедлилъ предложить ему мѣсто секретаря въ этомъ учрежденіи; но Савва отказался отъ столь лестнаго предложенія, мечтая о военной службѣ, и притомъ въ Россіи. Дѣйствительно, старшій Петръ Текели прислалъ въ слѣдующемъ году письмо къ родителямъ Саввы, въ коемъ просилъ ихъ отправить къ нему своего сына, котораго онъ намѣренъ назначить своимъ наследникомъ. Отецъ и мать не хотѣли отпускать Савву въ Россію; но братъ Петръ, не любившій Савву и надѣявшійся, что онъ навсегда останется въ Россіи, купилъ ему четыре лошади, нанялъ прислугу и снарядилъ его въ путь. Родители потребовали, чтобы онъ, довидавшись съ богатымъ и заслуженнымъ дядею, возвратился на родину.

Проѣхавъ Дебречинъ и Кошицу (Кашау), Савва Текели перебрался у Комарника черезъ границу между Венгріей и присоединенною къ имперіи Габсбурговъ за 15 лѣтъ предъ тѣмъ, послѣ перваго раздѣла Польши, Восточною Галиціей. Здѣсь онъ былъ свидѣтелемъ грубаго обращенія Нѣмецкихъ чиновниковъ съ Поляками. Проѣзжіи Нѣмецъ-канцеляристъ, остановившійся въ панскомъ домѣ, шумѣлъ и бранился за то, что не дали овса его лошадямъ. Текели разспросилъ по-латыни Поляка, къ которому относилась брань и, узнавъ о причинѣ ея, обратился къ проѣзжему на Нѣмецкомъ языкѣ за разъясненіями. Тотъ, хотя и отвѣчалъ, что иначе нельзя держать себя съ Поляками, которые не заслуживаютъ благороднаго обхожденія; но, замѣтивъ на Текели форменное платье, принялъ его за немаловажнаго чиновника изъ Венгріи и извинился предъ обиженнымъ. Въ предѣлахъ тогдашней Польши Савва имѣлъ случай наблюдать около Бердичева народныя свадебныя обычаи, при чемъ его вниманіе особенно остановили на себѣ постоянныя выкупы, посредствомъ которыхъ провозятые жениха должны были овладѣвать сперва входомъ, а потомъ и почетными мѣстами въ домѣ родителей невесты. Подобныя же обряды онъ имѣлъ случай наблюдать потомъ и въ Россіи, въ деревняхъ своего дяди, особенно въ селѣ Александровкѣ. Ему особенно нравилось, что всякій шагъ въ свадебномъ ритуалѣ сопровождался особою пѣнею. Онъ даже просилъ сельскаго писаря записать эти пѣсни, обѣщая заплатить за трудъ; писарь соглашался на то, но не исполнилъ своего слова.

Граница между Польшей и Россіей шла въ то время, между прочимъ, подъ самымъ Миргородомъ, на разстояніи четверти часа ѣзды отъ него. Съ Польской стороны расположено было имѣніе князя Любомирскаго; а на Русской—деревня Листопадово. Таможенный офицеръ, взглянувъ на паспортъ Саввы, велѣлъ немедленно пропустить его, а самъ послалъ гонца къ генералу Текели, жившему тогда въ Миргородѣ, съ извѣстіемъ о приѣздѣ его племянника. Дворъ Петра Текели находился на южномъ краѣ города. Во дворѣ стоялъ большой домъ. Большая дорога шла вдоль дворовыхъ службъ, и по ней поселено было 70 Черногорскихъ семействъ, между коими еще слышался Сербскій говоръ. Съ восточной стороны Текелиева двора построено было 16 хатъ, въ которыхъ жили крѣпостные генерала, переселенные изъ его Витебскихъ деревень и обязанные работать около дома и сада. Въ получасѣ ходьбы отъ города находилась большая пасѣка для пчелъ, также принадлежавшая Петру Текели, а подлѣ нея роща и до 2,000 десятинъ пашенъ и луговъ, спускавшихся къ рѣкѣ Бугу, которая составляла тогда границу съ Турціей. Здѣсь было большое село въ 300 дворовъ, называвшееся Михѣево, и водяная мельница о двѣнадцати колесахъ: и село, и мельница принадлежали тому же дядѣ Саввы, по замѣчанію котораго у Петра Текели было еще 25 деревень въ Витебской губерніи, пожалованныхъ ему за уничтоженіе Запорожской Сѣчи. Миргородскій домъ генерала Текели заключалъ въ себѣ до двадцати комнатъ съ паркетными полами и красивыми шпалерами; стѣны были изъ огромныхъ дубовъ, подаренныхъ кня-

земь Любомирскимъ изъ его Листопадовскихъ лѣсовъ. Службы при домѣ были чрезвычайно обширны, конюшня о 70 стойлахъ. Тогда въ Миргородѣ были двѣ церкви: святаго Николая, построенная при содѣйствіи Петра Текели и небольшая церковь для Черногорцевъ. Въ Миргородѣ находились уѣздный и городской суды, полиціймейстеромъ былъ генераль-маіоръ графъ Подгоричанинъ. Во время вторичной поѣздки Саввы въ Россію, Миргородскія владѣнія Петра Текели были уже въ сильномъ запустѣніи. Онъ оставилъ ихъ своему незаконному сыну, но тотъ промоталъ ихъ: домъ и дворъ поступили въ собственность губернскаго управления, которое и назначило ихъ въ жительство епископу. Но когда епископская кафедра переведена была въ Херсонъ, то все опустѣло, и только гробница Петра Текели въ Николаевской церкви напоминала о томъ времени, когда въ Миргородѣ преобладала шумная жизнь Сербскихъ милиціонеровъ.

Но, во время перваго путешествія Саввы, покоритель Запорожцевъ былъ въ полной своей славѣ. Начиналась новая война съ Турціей, и противъ нея выставлены были три арміи: самъ Потемкинъ имѣлъ непосредственное начальство надъ Молдавскою, а Крымскою и Кавказскою командовали Суворовъ и Текели, находясь лишь въ номинальномъ подчиненіи у Потемкина. Въ Кавказской арміи насчитывалось до 84,000 человекъ; ее поддерживали двѣ флотиліи, одна со стороны Каспійскаго моря, другая со стороны Чернаго. Однимъ изъ конныхъ полковъ ея командовалъ Селимъ-ханъ, сынъ послѣдняго Крымскаго владѣтеля, отдавагося Россіи, а надъ однимъ изъ пѣхотныхъ полковъ имѣлъ начальство сынъ Грузинскаго царя. Оба они были молодые люди съ небольшимъ лѣтъ 20-ти, жили тогда при Петрѣ Текели, и Савва водилъ съ ними знакомство.

Первое свиданіе между дядею и племянникомъ было радушное. Едва только получено извѣстіе о пріѣздѣ Саввы, который остановился въ простой корчмѣ, какъ явился къ нему адъютантъ звать къ генералу. Переодѣвшись Савва поѣхалъ на генеральскій дворъ и былъ встрѣченъ дядею на крыльцѣ. Старикъ обнялъ и поцѣловалъ его. Изъ первыхъ разговоровъ Савва узналъ, что за 8 дней до его пріѣзда чрезъ Миргородъ проѣхалъ Іосифъ II, цѣлью котораго было видѣться съ Екатериною II, для взаимнаго уговора на случай Турецкой войны. Но, для прикрытія этой цѣли, свиданіе ихъ было устроено подъ видомъ большаго смотра войскамъ, для которыхъ и устроенъ былъ лагерь подъ Херсономъ и отдѣльныя стоянки по всѣмъ окрестностямъ. Во время смотра Херсонскимъ лагеремъ командовалъ. Петръ Текели, который рассказывалъ племяннику, что, когда онъ обѣдалъ у царицы, то она замѣтила, что черты его лица напоминаютъ портреты Петра Великаго, почему приказала снять съ него портретъ и взяла его съ собой для Эрмитажа. Окончивъ смотръ и разставшись съ Іосифомъ, Екатерина возвратилась въ Петербургъ, а князь Потемкинъ остался въ Новой Сербіи для дальнѣйшихъ распоряженій и купилъ село Михайловку, какъ бы для сельско-хозяйственныхъ занятій, но въ сущности имѣлъ въ немъ свою главную квартиру.

Ежедневно по вечерамъ били зорю, почти всегда въ присутствіи Петра Текели. Тутъ Савва насмотрѣлся на поля, расположенные тогда между Херсономъ и Миргородомъ. Это были легко-конные гусары, и прежде ихъ полки назывались Сербскимъ, Молдавскимъ, Черкесскимъ и т. д.; но Потемкинъ далъ имъ названія по городамъ: Сербскій полкъ переименованъ былъ въ Ольвиопольскій и стоялъ тогда въ Миргородѣ, Петръ Текели нѣкогда былъ полковникомъ въ немъ. Савва рассказываетъ, что въ Петровъ день, когда старый Текели былъ имѣищикъ, отъ названнаго полка присланъ былъ къ нему цѣлый эскадронъ со всѣми музыкантами въ богатомъ убранствѣ, отчасти сохранявшемъ память о Сербскихъ нарядныхъ одѣяніяхъ. Музыканты съиграли на своихъ серебряныхъ трубахъ три Сербскихъ пѣсни, и послѣ развода офицеры позваны были къ обѣду, къ которому были приглашены также нѣкоторые изъ жителей Миргорода и окрестныхъ селеній съ женами и дочерьми. Въ числѣ гостей былъ и Русскій консулъ изъ Молдавіи съ женою и двумя красивыми дочерьми, 15 и 16 лѣтъ, одѣтыми помолдавански съ открытымъ до соблазна (какъ замѣчаетъ Савва) станомъ. Всего охотнѣе говорили онѣ погречески, но могли также изъясняться порусски, понѣмецки и порумынски. Обѣдъ происходилъ въ залѣ и четырехъ боковыхъ комнатахъ; и посуда и приборы къ ней были серебряные. Послѣ обѣда начался балъ «Пока другіе плясали и танцевали, дядя взялъ Сербскихъ офицеровъ въ особую комнату и тамъ веселился съ ними, ибо нѣкогда не хотѣлъ пускаться въ дружескія отношенія съ Москвитинами. Тутъ пѣлись Сербскія пѣсни и повторялось частыя обниманія. Особенно оберъ-лейтенантъ Ивановъ (иногда называвшійся прежде Ювановичемъ) изъ Самбора зналъ много Сербскихъ пѣсень. Послѣ полудня прибылъ генералъ - майоръ князь Любомирскій и зашелъ въ ту комнату. Ивановъ сказалъ ему: «На, князь, пей!» Князь, види его уже пьянымъ, отвѣчалъ: «Благодарю, не могу пить». Тогда Ивановъ сказалъ посербски: «а кой чортъ занесъ тебя въ пьяное общество, когда не можешь пить!» Князь замѣтилъ: «шажды нѣтъ», на что Ивановъ возразилъ: «а кто видалъ, чтобы вино пили отъ жажды? Пей-же, князь!» и заставилъ его выпить. «Въ другой комнатѣ было много дѣвицъ, съ которыми я любезничалъ; между ними была дочь городничаго, которую я и обнималъ однажды; но въ эту минуту вошелъ адъютантъ дяди, майоръ Олшавскій, который и пошалоуался на меня дядѣ, ибо сей послѣдній сказалъ мнѣ, чтобы я не обходился такъ дерзко съ дѣвками. Этотъ адъютантъ строилъ куры жагѣ полковника того же полка Лисневичевой; но она была благосклоннѣе ко мнѣ, вешела къ майору; дядя и о ней замѣтилъ мнѣ, что она полковница и что я долженъ относиться къ ней съ великимъ почтеніемъ. Да, подумалъ я, еслибъ ты, дядюшка, зналъ, какъ она меня обнимаетъ и цѣлуетъ, когда никто насъ не видитъ, что бы тогда сказалъ ты? И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ было всего 26 лѣтъ, и всякой женщиной я правился».

Проводя время въ такихъ забавахъ, среди новыхъ знакомствъ съ людьми, не забывшими еще Сербскихъ обычаевъ, Савва Тевели воз-

буждалъ нерасположеніе къ себѣ въ нѣкоторыхъ людяхъ, обнаружавшихъ его дядю. Такъ онъ сдѣлался непріятель Иванову, который считалъ себя лучшимъ стрѣльцомъ, ибо могъ убить изъ ружья орла, сидящаго на высокому дубѣ. Савва сказалъ ему при другихъ, что это можетъ сдѣлать всякій, кто умѣетъ владѣть ружьемъ. Дядя послалъ ихъ вмѣстѣ на охоту, и хотя въ рождѣ не попалось имъ на этотъ разъ ни одного орла, ни зайца, но на обратномъ пути, идя по лесу, Савва подстрѣлилъ на лету перепела, жаворонка и ласточку. Ивановъ долженъ былъ признать въ немъ опаснаго для себя соперника. Само собою разумѣется, что съ опасеніемъ узнала о прибытіи Саввы и любовница стараго генерала, желавшая, чтобы все наследство послѣ него досталось ея дѣтямъ, а не пріѣхавшему изъ Венгріи племяннику.

Вскорѣ послѣ именинъ дяди Савва Текели сталъ проситься у него въ Москву и Петербургъ. Дядя повезъ его сперва къ князю Потемкину. «Пока дядя говорилъ съ княземъ (сказано въ автобіографіи), я былъ въ залѣ, гдѣ генераль-аншеѣ князь Репнинъ бесѣдовалъ со мной; но вотъ открылись двери, и дядя ввелъ меня въ комнату, гдѣ находились графиня Браницкая и еще двѣ дамы. Потемкинъ съ веселымъ видомъ сказалъ имъ обо мнѣ по-французски, а онѣ, осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы, не произвели ни слова, что возбудило во мнѣ досаду; затѣмъ мы вышли въ залу, гдѣ вслѣдъ затѣмъ обѣдали и потомъ возвратились въ Миргородъ».

Отпуская племянника въ путь, Петръ Текели далъ ему двѣ тысячи рублей частію на дорожныя издержки, частію на покушку церковныхъ одѣяній для церкви въ Михѣевѣ, которыя могли стоить до 1,000 рублей. Кромѣ того дядя далъ Саввѣ рекомендательныя письма къ подполковнику Преображенскаго полка, генералу Петру Васильевичу *), къ графу Безбородкѣ и князю Потемкину, прибавивъ, что послѣдній также хотѣлъ дать ему рекомендательныя письма въ Петербургъ. Дядя наставлялъ племянника, чтобы на вопросъ Потемкина о томъ, скоро ли онъ отправится къ Кавказской арміи, давалъ такой отвѣтъ: обозъ уже отправленъ, а въ будущій Понедѣльникъ поѣдетъ и самъ дядя. Наконецъ, дядя распорядился, чтобы Саввѣ данъ былъ въ спутники стражмейстеръ, въ родѣ кондуктора. Съ нимъ и съ своимъ слугою Савва въ тотъ же день, какъ выѣхалъ изъ Миргорода, прибылъ къ вечеру въ село Михайловку, гдѣ жилъ Потемкинъ. За позднимъ временемъ онъ расподгался уже спать, какъ къ нему явился адъютантъ съ приглашеніемъ немедленно явиться къ князю. Потемкинъ, распросивъ Савву о дядѣ и получивъ вышеупомянутый отвѣтъ, оставилъ Савву на ужинъ, а адъютантъ князя баронъ Вейсъ объяснилъ ему, что для него приготовлено помѣщеніе въ одномъ изъ палатокъ шатровъ; но Савва пожелалъ ночевать въ занятой имъ квартирѣ. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня онъ былъ разбуженъ стражмейстеромъ, доносившимъ, что князь и весь генеральный штабъ удалились ночью изъ Михайловки, ибо пріѣхалъ

*) Савва Текели не называетъ фамиліи.

курьеръ съ извѣстіемъ, что Турки перешли чрезъ Бугъ. Хотя мѣсто переправы находилось въ двѣнадцать миль отъ Михайловки и весь край былъ занятъ многочисленными войсками, но князь успѣшилъ удалиться за Днѣпръ, въ Кременчугъ. Всѣ лошади изъ Михайловки были ввѣты подъ вещи главной квартиры. Пришлось послать за подводой въ ближнее село. Пока за ними ходили, Савва успѣлъ побывать на дворѣ у князя; но тамъ все было растворено и пусто, одни разодранныя письма валялись на полу. Возвращаясь къ себѣ, Савва встрѣтилъ на улицѣ генерала Давида Неранчича, который спросилъ его: «Что пріятель? Охлаждѣлъ раскосый *)? Отчего это?» Савва, не отвѣчая, спросилъ въ свою очередь: «Какъ намъ быть?» Неранчичъ совѣтывалъ ждать возвращенія лошадей изъ-подъ главной квартиры и потомъ слѣдовать за ней. Но Савва предпочелъ заплатить десять рублей за трехъ лошадей, приведенныхъ стражмейстеромъ до первой станціи, и направиться инымъ путемъ, мимо главной квартиры, черезъ Крюковъ. Савва не ошибся въ расчетѣ. Когда они выѣхали изъ Михайловки, то весь путь къ Кременчугу усѣянъ былъ юнными бѣглецами съ женами, дѣтьми и скотомъ; но, свернувъ нѣсколько въ сторону, наши странники могли уже мирно продолжать путь, тѣмъ болѣе, что Савва запретилъ своимъ слугамъ распускать вѣсть о Туркахъ. Однако это происшествіе было причиною, что Савва такъ и не получилъ отъ Потемкина обѣщанныхъ рекомендательныхъ писемъ и много жалѣлъ о томъ. Въ Кременчугѣ Савва видѣлся съ другими своими родственниками, а также съ генераломъ Хорватомъ. Чрезъ нѣсколько дней получены были извѣстія, что Турки ударили на Кинбурнъ, гдѣ командовалъ Суворовъ. Всѣ военныя власти спѣшили на свои мѣста, и Савва рѣшился продолжать путь на Полтаву.

До сихъ поръ Савва Текели зналъ Россію только въ ея новыхъ поселеніяхъ. На сколько роскошно и беззаботно жилось среди разноплеменнаго военного люда, расползавшагося вдоль окраинъ государства, на столько бѣдна необходимыми для путника удобствами была жизнь во внутреннихъ губерніяхъ. Въ Полтавѣ не нашлось гостиницы, гдѣ бы можно было остановиться, а только кофейня, гдѣ давали напиться чаю или кофе, но печенаго хлѣба и жаренаго мяса можно было купить только на рынкѣ. «Тутъ и впервые увидѣлъ, замѣчаетъ Савва, что иное дѣло—Россія господская, иное—Россія внѣ господскаго двора: никакого пристанища для путниковъ. Я пошелъ осматривать городъ, гдѣ было очень мало приличныхъ едакій и почти всѣ изъ дерева; тутъ былъ убадный судъ, городокія и прочія управленія; тутъ стоялъ столбъ, поставленный на память о побѣдѣ Петра I надъ Карломъ XII, королемъ Шведскимъ. Не имѣя что смотрѣть, я вернулся къ своей телѣгѣ, ожидавшей меня на рынкѣ, гдѣ сидѣли торговки, продававшія жареное мясо, хлѣбъ, сыръ и проч. Я спросилъ моего проводника: вездѣ-ли такъ въ Россіи? Онъ отвѣ-

*) «Твора», или какъ объясняетъ Савва Текели въ пригованіи къ этому мѣсту: на одинъ глазъ раскосый, какъ и называли Потемкина Сербы, когда хотѣли, чтобы Русскіе не понимали, о комъ идетъ рѣчь.

чалъ: ей Богу, такъ, и здѣсь надо купить и взять съ собой, что намъ нужно. И такъ онъ купилъ четверть жаренаго барана, сыру, хлѣба, нѣсколько бѣлыхъ хлѣбцевъ и соли, ибо мясо ѣдятъ не соленое. А какой въ немъ вкусъ? Приходилось больше питаться сыромъ и бѣлымъ хлѣбомъ, чѣмъ чернымъ и тѣмъ жаренымъ мясомъ. А при томъ никакого вина, одна водка, которой я не могъ пить». Въ Ахтыркѣ Савва Текели видѣлъ чудотворную икону Богородицы въ богатыхъ ризахъ и кіотѣ, увѣшанномъ серебряными изображениями глазъ, ногъ, рукъ и другихъ исцѣленныхъ частей тѣла.

Пріѣхавъ въ Курскъ, Савва замѣтилъ, что это былъ первый Велико-русскій городъ. «До тѣхъ поръ, говоритъ онъ, попадались все Малороссіяне, люди высокаго роста, съ бритыми головами и оставленными на макушкѣ клокочъ волосъ, за что Великороссіяне называли ихъ хохлами; но все это былъ народъ простой, довольно глупый въ рѣчахъ своихъ и неловкій въ движеніяхъ, совершенно различный отъ Великороссіянъ, даже по языку и одѣянію; словомъ, во всемъ они казались людьми тяжелыми; а Великороссіянинъ скоръ, поворотливъ, быстръ, добръ, храбръ, обманщикъ, что у Малороссіянъ бываетъ рѣдко».

Перемѣнивъ въ Курскѣ лошадей, Савва получилъ въ извозчики парнишку лѣтъ 12-ти. При выѣздѣ изъ города имъ пришлось ѣхать по плотинѣ вдоль большаго пруда. Они догнали телѣгу, въ которой сидѣла молодая женщина лѣтъ 19, а лошадьми правилъ 10 или 11-лѣтній мальчикъ. Савва шутя сказалъ своему проводнику: отнимемъ молодуху у парнишки; но проводникъ возразилъ: да вѣдь это его жена. Савва удивился, что у мальчика можетъ быть женою такая баба. Проводникъ посоветовалъ Саввѣ спросить о томъ своего извозчика, который не только подтвердилъ сказанное стражмейстеромъ, но еще спросилъ Савву: развѣ не видали мою жену, что принесла въ котомкѣ хлѣба? Но Савва припомнилъ, что то была женщина лѣтъ подлѣ 40 и не повѣрилъ было розказнямъ своего извозчика. Но тотъ такъ просто передалъ ему объ отношеніи своего отца къ снохѣ, о двухъ дѣтяхъ, записанныхъ на его имя, и прибавилъ, что и онъ дождется своей очереди, когда женить своего парнишку, что Савва пришелъ въ ужасъ. Но въ послѣдствіи, вернувшись въ Венгрію, Савва долженъ былъ, въ примѣчаніи къ этому мѣсту своей автобіографіи, сказать, что и у Венгерскихъ Русняковъ существовалъ подобный же обычай, только обратный: тамъ выдавали замужъ дѣвочекъ лѣтъ 7 или 8 и принимали къ нимъ въ домъ взрослыхъ парней, права надъ которыми принадлежали тещамъ.

Проѣзжая на пути къ Мценску селомъ Долгимъ, которое состояло собственно изъ нѣсколькихъ селеній съ церквами, раскиданныхъ вдоль большаго озера, Савва едва было не подвергся нападенію отъ мѣстныхъ сельчанъ, которые занимались грабежомъ проѣзжавшихъ чрезъ ихъ мѣста путниковъ. Въ самомъ Мценскѣ Саввѣ не пришлось остановиться на почтовомъ дворѣ, откуда раздавались людскіе кри-

ки и женскіе вопли: оказалось, что прїѣхавшія не задолго предъ ними почтовые лошади привезли убитыхъ почталіона и ямщика.

Тула удовлетворила Савву тѣмъ, что онъ встрѣтилъ въ ней первый трактиръ, но за то удивила его необычнымъ общественнымъ явленіемъ. Когда онъ вышелъ на площадь, то увидалъ до сорока дѣвицъ, стоявшихъ толпою, и спросилъ проводника, что онѣ тутъ дѣлаютъ, о чемъ шумятъ? «Продаются», былъ отвѣтъ.—«Что? развѣ люди продаются какъ скотина?» спросилъ Савва. «А подите къ нимъ сами», отвѣчалъ стражмейстеръ. На вопросъ Саввы дѣвицы заговорили на перебой: «купи насъ, господинъ, купи!» Савву ошеломилъ веселый видъ, съ какимъ дѣвицы говорили о собственной продажѣ; но онъ попробовалъ спросить ихъ: «а пошли бы вы за мной, куда бы я васъ ни повелъ?»—«Намъ все равно—вамъ или другому служить», былъ отвѣтъ. По поводу такой встрѣчи Савва Текели пустился сравнивать обычаи Русскіе и Венгерскіе. Но такъ какъ размышленія не объясняли мѣстныхъ обычаевъ, то пришлось удовлетворить свое любопытство разспросами проводника. Тотъ, какъ видно, былъ знатокъ Русской народной жизни и рассказалъ Саввѣ слѣдующее: «Эти дѣвки изъ крѣпостныхъ, которыхъ здѣсь называютъ крестьянами. Крѣпостные люди не имѣютъ ничего, кромѣ души, остальное все помѣщиково. Помѣщикъ можетъ продать мужа отъ жены, жену отъ мужа, дѣтей отъ родителей, избу, корову, даже и одежду ихъ можетъ продать. Однако же помѣщики умѣютъ оберегать и защищать крѣпостныхъ, которые такому помѣщику не пожалѣютъ ничего отдать; а бываютъ между крѣпостными и очень богатые люди. Рассказываютъ, что въ 1772 году къ графу Салтыкову пришли его крѣпостные въ Валахію, гдѣ онъ воевалъ, и поднесли ему въ даръ 2,0000 рублей. Отъ этого Россія такъ скоро успѣла въ фабрикахъ и разныхъ художествахъ: ибо помѣщикъ, взявъ сына отъ отца, отдаетъ его учиться разнымъ ремесламъ, пошлетъ его въ Петербургъ или въ чужія земли, къ Нѣмцамъ, либо во Францію, а не то въ Англію, и оттуда возвращаются обученные и послѣ по всему царству производятъ свои ремесла и другихъ имъ обучаютъ. Отъ того, какъ бы мало ни было село у помѣщика, онъ все-таки имѣетъ своего кузнеца, каретника, портнаго, скорняка, сапожника и др». Савва припомнилъ, что и самъ видѣлъ у майора Марковича, владѣвшаго всего 70 дворами, не только ремесленниковъ всякаго рода, но 14 музыкантовъ, живописца, двухъ поваровъ и пр., все изъ крѣпостныхъ. Савва даже нашелъ, что такой порядокъ вещей въ экономическомъ отношеніи несравненно выгоднѣе, чѣмъ существовавшій въ Венгріи. Тамъ никто не заботится объ обученіи ремесламъ народа, а если и берутъ ребятъ изъ-за хлѣба для обученія чему нибудь, то, отслуживъ извѣстные годы, такой ученикъ отходитъ отъ своего хозяина и остается безпомощнымъ; а сколько средствъ, заботъ и времени употребляется въ Россіи на совершенное обученіе крѣпостныхъ ремесламъ и художествамъ. «По истиннѣ, рассуждалъ Савва, наибольшія памятники воздвигнуты людьми посредствомъ рабства; чрезъ него же обогатился и самый народъ, чтобы потомъ чрезъ свободныхъ людей произ-

вести что либо великое». Но въ послѣдствіи Савва познакомился и съ другими сторонами крѣпостнаго быта и вотъ какъ записалъ о нихъ въ своей автобіографіи: «Правда, что бывають и такіе негодни, которые ставятъ на карту своего крѣпостнаго и проигрываютъ его, или отпускають красивыхъ дѣвицъ въ Москву и Петербургъ зарабатывать нечестнымъ трудомъ деньги съ условіемъ, чтобы платили своему господину по 100 и по 200 рублей въ годъ, и тогда могутъ свободно заниматься своимъ ремесломъ, чему я не вѣрилъ; но одинъ майоръ познакомилъ меня съ такою, и когда я сказалъ ей: «слышу, что ты крѣпостная, хочу тебя купить и увезти съ собою», тогда она стала плакать и просить, чтобы я ея не покупалъ, и готова была отдать все, чтобы только ея не брали изъ Петербурга; она сказывала, что платитъ своему господину 10 рублей, но и господинъ потратился на нее, научивши ее музыкѣ, шитью и другимъ занятіямъ».

Съ рынка Савва ходилъ осматривать оружейный заводъ. Самое зданіе ему не понравилось, но громадность производившихся на немъ работъ изумила его. По этому случаю онъ замѣтилъ, что и всѣ Русскіе полки похожи на движущійся городъ, въ которомъ можно найти мастера всякаго ремесла. Съ завода Савва отправился въ балаганы, гдѣ торговали стальными вещами. Онъ нашелъ, что цѣлый аршинъ навязанныхъ стальныхъ дробинъ стоилъ въ Тулѣ не болѣе 30 крейцеровъ, между тѣмъ какъ въ Вѣнѣ каждое зерно стоило не менѣе 10 крейцеровъ. Кромѣ того Савва купилъ изящно отдѣланную подушку для шитья, какихъ въ Вѣнѣ нельзя было найти.

Въ Москвѣ Савва остановился въ Донскомъ монастырѣ у архимандрита Милановича, родомъ Серба, изъ Новаго Сада. Архимандритъ этотъ купилъ Саввѣ всѣ церковныя вещи, пріобрѣсти которыя поручилъ ему Петръ Текели. Покупка обошлась въ 800 рублей. Самъ же Савва, вмѣстѣ съ племянникомъ архимандрита, отправился осматривать достопримѣчательности Москвы: Кремль, колокольню Ивана Великаго, царь-колоколь, въ который они и входили, другой колоколь, о которомъ Саввѣ рассказали, будто въ него звонили стрѣльцы, возставши противъ Петра Великаго, соборныя церкви съ ихъ богатыми ризницами и мощами, патриаршую ризницу съ ея драгоценностями, приведшими Савву въ изумленіе, царскія палаты съ ихъ сокровищами, которыя въ тоже время осматривалъ и Голандскій посланникъ. Савва зашелъ и въ Гостиный дворъ, хотѣлъ приторговаться къ мѣхамъ, но они оказались несравненно дороже, чѣмъ въ Вѣнѣ. Самый Кремль и видъ съ него на зарѣчную сторону города очень понравились Саввѣ. Поразило его также множество церквей, архитектуру которыхъ онъ однакожъ не хвалилъ, хотя и остался доволенъ помѣщенными куполами. О другихъ постройкахъ онъ выразился такъ: «Городъ совсѣмъ не красивъ; можно увидѣть палаты, стоящія до ста тысячъ, и рядомъ съ ними избушку въ сто рублей». За то Савва съ большою похвалою отзывается о такомъ достоинствѣ Москвы, которымъ не обладала, по его словамъ, столица Австріи того времени и которымъ ужъ никакъ не можетъ похвалиться со-

временная Москва. Даже не вѣрится, когда читаешь въ его автобіографіи слѣдующія слова: «Но какъ хорошо, что при такомъ множествѣ церквей нѣтъ ни одного нищаго, да и въ цѣлой Россіи я нигдѣ не видалъ на улицахъ просящихъ милостыни, только кой-гдѣ оставшие офицеры ходятъ по домамъ, прося пособія; а у насъ цѣлые цехи нищихъ, которые одѣваются въ разодранныя платья, а дома ѣдятъ и бражничаютъ».

Изъ жителей Москвы Текели познакомился только съ двумя, къ которымъ возилъ его архимандритъ Миланковичъ: это были Сабакинъ и фельдмаршалъ-лейтенантъ Милорадовичъ. Къ первому они сначала явились съ визитомъ, а на другой день обѣдали у него. Онъ былъ человѣкъ богатый, и хотя другихъ гостей не было, но за столомъ служили 13 лакеевъ въ красивыхъ ливреяхъ и въ теченіе обѣда играло 12 музыкантовъ. Сабакинъ былъ человѣкъ малорослый, вдовый и жилъ съ любовницей. Послѣ обѣда архимандритъ спросилъ Сабакина безъ околичностей: «Вы имѣли жену, а теперь живете съ любовницей; скажите мнѣ вправду, которую вы болѣе довольны?» Сабакинъ отвѣчалъ: «Скажу вамъ правду, у меня была добрая жена, но съ любовницей живу лучше; не удивляйтесь тому, батюшка! Эта должна мнѣ угождать, опасаясь, чтобъ я ея не отправилъ, а женѣ я угождалъ, ибо иначе было нельзя». Савва Текели по поводу этого разговора замѣтилъ въ своей автобіографіи, что въ Россіи въ то время «никто не стѣснялся имѣть любовницу, которая распоряжается въ домѣ какъ жена, и дѣти рождаются, которыхъ никто не скрываетъ, какъ у насъ, но держатъ ихъ явно, какъ и законныхъ». Посѣщеніе Милорадовича оставило въ Саввѣ только два воспоминанія: что хозяинъ не зналъ посербски, а только порусски, и что въ комнатахъ у него было холодно, такъ что заѣзжій гость получилъ ревматизмъ въ ногахъ, просидѣвъ у фельдмаршала вмѣстѣ съ архимандритомъ два часа въ штиблетахъ и натянутыхъ брюкахъ со штрипками. Уже только черезъ два года Текели вылечился отъ ревматизма въ холодныхъ купальняхъ Виагоша.

Проживъ въ Москвѣ съ недѣлю, Савва выѣхалъ на Тверь, чрезъ которую проѣзжалъ ночью и записалъ, что, во время перемѣны почтовыхъ лошадей, на башнѣ прозвонили часы, и всѣхъ ударовъ насчиталъ онъ 19: оказалось, что въ Твери на городскихъ часахъ время считалось отъ одной утренней зари до другой на цѣлыя сутки. Новгородъ, гдѣ Савва переночевалъ, понравился ему своимъ «увеселительнѣйшимъ» видомъ и торговымъ характеромъ. Даже не останавливаясь въ Царскомъ Селѣ, нашъ путникъ прибылъ въ Петербургъ, проѣхавъ отъ Москвы 137 миль по мостовой, сдѣланной изъ круглыхъ; неотесанныхъ еловыхъ бревенъ, отъ которыхъ при небольшой ѣздѣ экипажъ такъ трясся, что спутники Саввы верѣдко кричали отъ боли: почти вся дорога шла низменными лугами, только кой-гдѣ попадались сухія мѣста безъ деревянной настилки. Прибывъ въ Петербургъ, Текели не нашелъ хорошей гостинницы и остановился въ частномъ домѣ, гдѣ и нанялъ квартиру въ три комнаты. Въ томъ же домѣ жилъ нѣкій майоръ изъ Новой Сербіи, большой мотъ, хлопо-

тавнѣй: объ отдачѣ въ залогъ своего имѣнія въ Петербургскомъ банкѣ. Паспортъ и подорожную у Текели взяли въ полицейское управление и возвратили ему лишь тогда, какъ онъ собрался въ обратный путь. Помѣщеніе Савву приходилось имѣть развѣ противъ Исаіевской церкви, которую начала строить Елисавета Петровна, но Екатерина велѣла разобрать и вновь строить изъ мрамора: архитектура ея не понравилась Савву. Жонная статуя Петра Великаго оставовила на себѣ его одобрителное вниманіе. Адмиралтейство, мраморный и зимній дворцы, домъ Лавскаго, каналы, набережныя, Смольный монастырь, Невскій проспектъ, Александровская Лавра, домъ умалишенныхъ были осмотрами Саввою въ первые же дни по приѣздѣ. Невскій проспектъ въ то время не достигалъ до Лавры, и на пути къ ней расположено было село, занятое гусарскимъ эскадрономъ, который былъ учрежденъ Зоричемъ во время его близости къ двору и въ которомъ еще находилось на службѣ немало Сербовъ: капитаномъ былъ Войновичъ, у котораго и бывалъ не разъ Текели. Между профессорами Александро-Невской Лавры также былъ одинъ Сербъ, преподававшій философію, имя котораго однакожъ Текели забылъ. Затѣмъ онъ побывалъ въ торговыхъ баняхъ и удивился смѣшенію въ нихъ посѣтителей обоюдо пела и обычаю парничихся кидаться зимой въ обнаженномъ видѣ въ стѣгъ. На Петербургскихъ театрахъ въ то время играли на многихъ языкахъ. Русская опера понравилась Савву не менѣе Итальянской: такого прекраснаго пѣнія, декорацій и машинъ, какими отличалась опера «Иванъ Царевичъ», онъ не слыживалъ и не видывалъ даже и въ Вѣнѣ. На Нѣмецкомъ театрѣ онъ смотрѣлъ «Der Ring», который видалъ и въ Вѣнѣ, но къ удивленію своему замѣтилъ, что въ Петербургѣ Нѣмецкій выговоръ показался ему грубымъ, что онъ объяснялъ привычкою своего уха къ плавному Русскому говору. Мимходомъ Савва замѣтилъ, что и новыя моды проникали въ Петербургъ ранѣе, чѣмъ въ Вѣну.

На Васильевскомъ острову Текели посѣщалъ коллегіи или диванстеріи, царскую бібліотеку, куность-кабинетъ, Академіи Наумъ и Художествъ, при чемъ исконакомился съ своимъ соотечественникомъ Яковичемъ-де-Миріево. Въ Петропавловской крѣпости онъ поклонился гробницами умершихъ царей, была въ Кронштатѣ и Петергофѣ, который ему чрезвычайно понравился; посѣтилъ Ораниенбаумъ, гдѣ вспоминалъ о паденіи Петра III. Наконецъ съѣздилъ и въ Царское Село, гдѣ осматривалъ дворецъ.

Жизнь свою въ Петербургѣ Текели устроилъ такимъ образомъ. Занимая постоянную квартиру, онъ не имѣлъ у себя стола. Отправился было онъ въ рыбный рядъ закупить, спросталъ семги, и она ему не очень понравилась, а въ добавокъ неопрятность рыбнаго ряда превозвала въ немъ такое отвращеніе, что онъ никогда болѣе не входилъ въ него. Онъ скоро отыскалъ Итальянскій трактиръ, имѣвшій большую общую залу и много отдѣльныхъ комнатъ. Савва сначала помѣстился въ первой; подлѣ громаднаго стола, на который хозяинъ разставлялъ до 60 блюдъ. Неопытный Текели принялся за оубъ; но пока онъ сидѣлъ за нимъ, остальные посѣтители, ходя вокругъ

стола, накладывали себѣ въ тарелки мясо, что попадалось подъ руку, и въ нѣсколько минутъ все кушанье было истреблено. Уже самъ трактирщикъ, замѣтивъ неловкость новаго посѣтителя, подсунулъ ему какую-то мясную порцію. А между тѣмъ за такое участіе въ общемъ обѣдѣ платилось по 60 копѣекъ съ человѣка. Тогда Савва, видѣвъ съ майоромъ, квартировавшимъ въ одномъ съ нимъ домѣ, уговорился съ трактирщикомъ объ отдѣльномъ обѣдѣ для нихъ въ особой комнатѣ, такъ что за 15, 16 блюдъ имъ приходилось платить не болѣе рубля. Ни о какихъ другихъ расходахъ своихъ въ Петербургѣ Савва не упоминаетъ. Только однажды зашелъ онъ въ гостинный дворъ и въ мѣховомъ ряду купилъ себѣ шапку за 10 р., хотя купецъ и запросилъ за нее сначала въ четверо дороже.

Что касается личныхъ знакомствъ Саввы въ Петербургѣ, то они, хоть и были многочисленны, ограничивались избраннымъ обществомъ. Прежде всего онъ былъ у графа Безбородки. Въ приемной онъ нашелъ множество посѣтителей и между ними немало людей, украшенныхъ отличіями. Хотя Безбородко и скоро принялъ Савву, но, взявъ отъ него письмо, едва удостоивъ нѣсколькими вопросами о дядѣ и путешествіи и затѣмъ отпустилъ. Представясь Австрійскому посланнику Юзефу Кобенцелю, онъ нашелъ въ немъ чрезвычайно любезнаго и предупредительнаго человѣка. Кобенцель предлагалъ ему помѣщеніе у себя въ дому, отъ чего впрочемъ Савва отказался, и звалъ къ себѣ обѣдать въ каждый свободный для него день. У Кобенцеля онъ познакомился съ посланниками: Французскимъ Сегюромъ, Итальянскимъ, который всегда цѣловался при встрѣчѣ съ Саввою за то, что послѣдній говорилъ съ нимъ на Итальянскомъ языкѣ, съ Испанскимъ Лимою, который также обнималъ его всякій разъ, какъ Савва пробовалъ говорить съ нимъ поиспански. Однажды, прѣиди къ Кобенцелю обѣдать, Савва неожиданно попалъ въ совершенно новое для него общество. «Вижу, накрытъ большой столъ, писалъ онъ потомъ. Кобенцель объявилъ, что у него будутъ обѣдать актеры. Это было мнѣ необычно, ибо въ то время у насъ на актеровъ смотрѣли какъ на бродягъ. Но я еще болѣе удивился, когда къ обѣду прѣехали Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ Безбородко, Французскій посланникъ и другіе великіе господа; оказалось, что комедіанты здѣсь были въ чести. При этомъ Французскій посланникъ читалъ сочиненную имъ комедію, въ которой особенно понравилось всѣмъ, какъ удачно изобразилъ онъ характеръ горничной».

«Всякое Воскресенье я ходилъ въ придворную церковь. Тутъ были три-четыре комнаты, которыми царица шла въ церковь: первая для Русскихъ министровъ, другая для иностранныхъ посланниковъ и лицъ генеральскаго чина. Черезъ эту комнату проходилъ и великій князь Павелъ съ своею супругою и дѣтьми, Александромъ и Константиномъ. Въ этой же комнатѣ, довольно большой, сидѣли съ одной стороны придворныя дамы и фрейлины, одѣтыя въ драгоценныя платья; особенно красива была фрейлина Нарышкина, 16 или 17 лѣтъ. Я ходилъ въ эту комнату, хотя и не имѣлъ генеральскаго чина; но

многіе обращали на меня вниманіе, потому что Французскій и Неаполитанскіе послы, находясь чаще всего подлѣ дверей, куда входили важные господа, всегда здоровались со мной, при чемъ масть посланникъ называлъ меня своимъ землякомъ, и это кидалось другимъ въ глаза. Однажды министръ представлялъ царицѣ одного молодого офицера, когда она проходила въ церковь; офицеръ палъ предъ нею на землю и, вѣжась, поцѣловалъ край платья; царица едва взглянула на него. Царица не высокая женщина, полна и еще красива; на головѣ была у ней малая корона съ брилліантами. Въ третьей, меньшей комнатѣ, толпились штабъ-офицеры, которые не могли входить во вторую комнату; въ четвертой остальные офицерскіе чины. И такъ всякій рангъ имѣлъ свою комнату. Когда царица выходила, то министры давали знакъ о томъ и шли впередъ, за ними дѣти великаго князя, потомъ самъ онъ, наконецъ царица и за нею придворныя дамы. Въ церкви на переднихъ мѣстахъ съ правой стороны становилась только царская фамилія, а съ лѣвой до 30 пѣвчихъ, одѣтыхъ въ длинныя темноглубыя платья. Дворъ стоялъ благоговѣнно, а тамъ за балюстрадой шли разговоры съ дамами и фрейлинами. Одинъ священникъ служилъ обѣдню, другой говорилъ краткую проповѣдь; служившій выносилъ царицѣ просфору, она цѣловала у него руку, а онъ у нея, послѣ чего царица обыкновенно уходила другимъ путемъ; да и въ церковь она являлась иногда этимъ путемъ, а не вышесказаннымъ. Что мнѣ не совѣмъ обычно было видѣть въ церкви, это именно ангеловъ, вырванныхъ изъ дерева, точно въ католическихъ церквахъ. Далѣе Савва говоритъ о церемоніи освященія воды въ день Богоявленія и главнымъ образомъ останавливается свое вниманіе на парадной формѣ кавалергардовъ, Преображенцевъ и другихъ гвардейскихъ, конныхъ и пѣшихъ, полковъ. Каски нѣкоторыхъ изъ нихъ показались ему такъ украшенными, что и самъ Тешелъ не являлся такимъ разодѣтымъ на театральную сцену. Съ наступленіемъ зимы Тешелъ былъ свидѣтелемъ конскихъ скачекъ на Невскомъ льду. Иные рысани цѣнились до двухъ тысячъ рублей. Бывала также ѣзда на оленяхъ. Наконецъ Тешелъ видѣлъ о масляницѣ общенародное гулянье и большое катанье съ ледяныхъ горъ.

Проживая въ столицѣ Русской имперіи, Савва рѣшился поспушить въ Россіи на службу и съ этою цѣлію подалъ Юсепу Кобенцелю просьбу на имя императора, ходатайствуя въ ней о разрѣшеніи остаться въ Россіи. Кобенцель отпривилъ его просьбу въ Вѣну и прѣмъ того далъ ему письмо къ принцу Делицу, находившемуся въ главной квартирѣ у Потемкина. Савва однакожъ не воспользовался этимъ письмомъ. Во время его пребыванія въ Петербургѣ случалось было донесеніе отъ его дяди о побѣдѣ надъ Кавказскими Татарями: пѣвчихъ было до 15,000. Императрица наградила Петра Тешела большимъ крестомъ св. Владимира.

Послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ Петербургѣ, Савва Тешелъ выѣхалъ къ дядѣ, но не чрезъ Москву, а чрезъ Шалонъ, для того чтобъ повидаться съ Зоричемъ и осмотрѣть Вытебскія деревни дяди.

Санной путь не понравился ему: встрѣтивъ подъ Петербургомъ глубокіе ухабы, онъ не шути принявъ ихъ за шапцы, выѣзъ изъ саней и только, провалившись по носы въ необъѣзженномъ санномъ сугробѣ, убѣдился, что предполагаемые шапцы и была настоящая дорога. Тутъ онъ познакомился и съ лыжами. На пути онъ повстрѣчался съ какинъ-то коллежскимъ ассесоромъ, которому знакомъ былъ Шляговъ. Оба они явились къ Зоричу и были любезно приняты. Домъ Зорича не былъ еще отдѣланъ въ то время, но уже вполне отстроенъ былъ Кадетскій корпусъ на 30 человекъ, которыхъ онъ обучалъ и содержалъ на свой счетъ. Приближенные Зорича рассказывали Саввѣ, что его соплеменникъ, столь блазкій незадолго предъ тѣмъ къ Екатеринѣ, лишился ея милости за то, что не хотѣлъ подчиняться Потемкину. Три дня прожилъ Савва у Зорича, выслушивая отъ него большею частію рассказы о недавнемъ путешествіи въ Венгрію, изъ коего тотъ возвратился за два мѣсяца предъ тѣмъ. Витебскихъ деревень дяди Савва не видалъ, ибо не могъ разузнать съ точностью, гдѣ онѣ находятся. На послѣдней станціи предъ Черниговомъ, онъ испыталъ въ довольно морозный день, что такое значить, когда станціонное начальство не захочетъ дать лошадей. Дѣло доходило чуть не до драки и разрѣшилось уже въ Черниговской полициі взаимными жалобами нашего путника и станціоннаго писара другъ на друга. За Чернигомъ началась степель, и Савва переѣзжалъ Днѣпръ подъ Кіевомъ съ большимъ страхомъ. Въ Кіевѣ онъ, разумеется, посѣтилъ прежде всего Печерскую Лавру и ея шецеры. Кромѣ преданій о почивавшихъ въ нихъ затворникахъ, Савва заслушался рассказовъ о перемѣнахъ, произведенныхъ Екатериною въ управленіи монастырскими имуществами и въ способѣ содержанія иноковъ. Затѣмъ онъ посѣтилъ только церковь св. Екатерины и поспѣшилъ выѣхать изъ Кіева въ виду наступающей весны. Переѣзжая въ Миргородѣ, пока пути поправились, Савва выѣхалъ къ Кавказской линіи. Изъ Миргорода онъ долженъ былъ отпустить на родину слугъ, взятыхъ имъ изъ Венгріи, а вмѣсто нихъ выбрать двухъ парней между крѣпостными людьми своего дяди. Изъ Кременчуга Савва поѣхалъ вмѣстѣ съ курьеромъ, который отправлялся на Кавказскую линію. Въ Бахмутѣ, по совѣту курьера, Савва посѣтилъ губернатора, который жилъ въ небольшомъ деревянномъ домѣ. Губернаторъ встрѣтилъ гостей въ разорванной бекешѣ, а за обѣдомъ, хотя и жилъ въ мѣстахъ крѣпкомъ заселенныхъ Сербами, и хотя зналъ, что у него въ гостяхъ племянникъ Петра Тежеля, такъ дурно описывалъ Сербовъ, называя грубыми и несслуханными и принималъ имъ такіе недостатки, что Савва едва удержался, чтобы не отплатить ему тѣмъ же и замѣтилъ, что Сербы — не Русскіе крѣпостные, имѣютъ свою душу и не привыкли къ работѣ.

Замка воевода Донскаго понравилась Саввѣ. Онъ сравнивалъ казаковъ съ Австро-венгерскими граничарами. Вся земля была раздѣлена между казаками, и послѣдніе не завистли отъ помѣщиковъ; но многие изъ казацкихъ старшинъ, занявъ огромное пространство земли подъ шестымя для своихъ стадъ, построили на нихъ опера шалаши

я маѣнни, а потомъ мало по малу населили ихъ своими крѣпостными, чрезъ что и въ землѣ Доновихъ казаковъ завелось крѣпостное право. Прибывъ въ Аксайскую станицу, гдѣ въ то время находилось главное управленіе казанами, Савва увидалъ широко разлившійся Донъ. Казачій генералъ, узнавъ о его прибытіи чрезъ курьера, пригласилъ къ себѣ его на обѣдъ. Генералъ жилъ въ хорошемъ одноэтажномъ каменномъ домѣ. Савва провель у него время очень весело, ибо у генерала были двѣ красивыя дочери, которыя болтали съ гостемъ по-французски, хотя и одѣты были въ народные платья. Съ большимъ трудомъ Савва и курьеръ переправились чрезъ Донъ. Отправляясь въ степь, онъ долженъ былъ купить двухъ верховыхъ коней, — одного для себя, другаго для вещей, ибо въ степи не было почтовыхъ станцій; курьера же перевозили отъ форпоста до форпоста линейные казаки на своихъ лошадахъ. Подъ Аксаемъ Текели видѣлъ первыя Калмыцкія юрты, осмотрѣлъ ихъ, описалъ внѣшній видъ Калмыковъ и Калмычекъ, ихъ одежду, пищу и житейскую обстановку. Впослѣдствіи отъ одного изъ Калмыцкихъ родоначальниковъ онъ получилъ въ подарокъ красивый лукъ со стрѣлами.

Отъ Дона до Донской Слободы считалось оноло сорока миль, но на всемъ этомъ разстояніи не было ни одного села; только чрезъ каждыя 2 или 3 мили попадались небольшіе редуты, вооруженные одною или двумя пушками и занятые пѣхотными солдатами, отъ 20 до 50 человекъ, и казаками въ такомъ же количествѣ. Эти сторожевые редуты назначены были для охраны почтъ, курьеровъ и другихъ путешественниковъ. Еслибы какой путникъ, прибывшій въ одинъ изъ такихъ редутовъ вечеромъ, захотѣлъ продолжать свой путь, то не былъ бы выпущенъ до утра, когда возвращаются ночные патрули изъ степи или окрестнаго лѣса: только курьеры могли ѣздить и ночью. Такимъ образомъ Савва продолжалъ свое путешествіе уже одинъ, сопровождаемый отъ редута до редута очередными казаками. Для него и для вещей устроенъ былъ въ Донской Слободѣ самоѣльный экипажъ, собранный изъ разнокалиберныхъ колесъ, запасныхъ сидѣній и дышла съ крышей, плетеной изъ лыка и укрѣпленной на небольшихъ колесахъ. Но казачія лошади, непривычныя къ управленію, перазъ грозили опасностію такому экипажу; при выѣздѣ изъ одного редута, стоявшаго на берегу рѣки, лошади, сведенныя внизъ подъ удцы казаками, подымаясь въ гору, понеслись, выбросили сидюковъ и вещи и скрылись въ степь. Одни казаки кинулись ловить ихъ, другіе приехали за почику экипажа. Вышло такое изобрѣтеніе, что жители слѣдующихъ редутовъ съ изумленіемъ осматривали экипажъ Саввы, который объяснялъ имъ, что онъ ѣдетъ изъ Петербурга и тамъ такіе экипажи въ модѣ. Съ тѣхъ поръ Савва Текели странствовалъ по Россіи уже не иначе, какъ имѣя при себѣ запасные ремни, веревки, шару деревянныхъ брусель, ось, буравъ и топоръ.

Прибывъ въ Георгиевскую крѣпость, Савва нашелъ дядю больнымъ. Незадолго предъ тѣмъ, получивъ въ даръ отъ одного Черкесскаго князя красиваго скакуна, не привычнаго къ удламъ, онъ осѣдлалъ его по своему и когда, сѣвъ на него, хотѣлъ потянуть за узду, колъ пере-

вздвигаясь назад и повалился на упавшаго всадника. Петръ Тенели долго провалялся въ постели, и только необычайно крѣпкая натура спасла его отъ смерти. Больной принялъ племянника сердито. Пона дядя былъ боленъ, Савва, познакомившись съ однимъ инженеромъ, обошедшимъ все предкавказье, срисовалъ у него многія карты, на которыя нанесены были тамошнія мѣстности. Другаго занятія не зная въ это время Савва, живя въ деревянномъ баракѣ, обитомъ снаружы дощаткомъ, а изнутри зеленымъ сукномъ и раздѣленнымъ на спальню и столовую, съ стекляннымъ окномъ въ каждой. Онъ досталъ спеціальныя карты отдѣльныхъ мѣстностей Кавказа, составленныя въ генеральномъ штабѣ, между коими были даже карты каждой горы, долины, рѣки и потока; онъ переносилъ ихъ на одну общую карту, доводя ее за Яикъ до Монгольскихъ предѣловъ. Начались и другія занятія. Такъ, онъ осматривалъ развалины древняго города, находившіяся близъ Георгіевска внизъ по рѣкѣ Кумѣ. Онъ назывались Маджары, и на ихъ мѣстѣ существовало маленькое село. Савва рѣшилъ, что тутъ нѣкогда жило Мадьярское племя, ибо историки говорятъ, что оно переселилось въ Европу изъ-за Дона. Близость рѣкъ Терека и Кумы къ развалинамъ Маджаръ дали поводъ Саввѣ выводить отсюда Маджаръ, Куманъ и Турокъ, какъ одноплеменные народы; ибо съ одной стороны Византійскіе историки называли Маджаръ Турками, а съ другой—и въ лексическомъ, и въ синтаксическомъ отношеніи Турецкій и Мадьярскій языки сходны между собою. Кавказскія горы Тенели видѣлъ только издали: изъ Георгіевска они представлялись въ видѣ блѣдно длиннаго полотна, протянувшагося по направленію отъ Чернаго къ Каспійскому морю; ибо эти горы покрыты были вѣчнымъ снѣгомъ, и среди этихъ снѣжныхъ вершинъ возвышалась, какъ коня въ полѣ, одна, которую Татары называли Шаръ, а Русскіе—Эльбрусъ (древняя Бѣгвиг). Тогда рассказывали, что до послѣдняго времени никто не восходилъ на вершину Эльбруса; но за три года предъ тѣмъ генераль-поручикъ Эммануилъ, родомъ Сербъ изъ Вержца, вообщалъ отъ 100 до 200 р. тому, кто поднимется на эту вершину, и послѣ многихъ затрудненій одному Черкесу удалось достигнуть цѣли и поставить на горѣ изображеніе Русскаго орла съ крестомъ. Немало занимало Савву и самое населеніе Кавказа. Онъ вѣрилъ, что тамъ можно было насчитать до ста разноплеменныхъ родовъ, жившихъ по разнымъ законамъ и обычаямъ. Прежде всего онъ познакомился съ Нѣмецкими поселеніями, расположенными подъ Моздокомъ вдоль Терека. Затѣмъ онъ видѣлъ Ингушевцевъ, о которыхъ ему рассказывали, что они вѣрятъ въ св. Ілію, и если случится, что молніей убьетъ какую женщину, то они радуются и принимаютъ за веселую пляску, говоря, что Ілія взялъ ее себѣ въ жены, затѣмъ кладутъ трупъ на телегу, запряженную волами, и куда они двинутся, туда идетъ за ними и народъ, а гдѣ остановятся, тамъ и погребаютъ тѣло. Отъ Кавказскихъ племенъ безпрестанно прѣзжали къ Петру Тенели разные люди: одни, чтобъ посмотреть на генерала, другіе для переговоровъ. Въ то время Кабардинцы и Черкесы были въ союзѣ съ Русскими, и два князя ихъ, посѣтивъ

генерала, заходили въ шатеръ къ Саввѣ. На нихъ были надѣты колючуги, а отъ ручныхъ сочлененій до локтя шла шина изъ ошливно выдѣланнаго желѣза, которую они и подставляютъ, еслибъ кто захотѣлъ ударить ихъ саблею по головѣ. Оба они были высокаго роста, но ни станомъ, ни лицомъ не были красивы. Они были въ шапкахъ, имѣвшихъ форму срѣзанной дыни и обшитыхъ позументомъ; шея голая; одежда, какъ выражается Текели, на подобіе «нашихъ Аттилъ или Зриній» *); пояса шелковые съ золотомъ; на груди съ обѣихъ сторонъ по шесть патроновъ; нижнее платье бѣлое, а на ногахъ изъ черной кожи башмаки. Они подарили Савву другой лукъ со стрѣлами. Третій Чернесь, постоянно жившій въ Георгіевскѣ, выучилъ Савву стрѣлать изъ лука. Тутъ же онъ ближе познакомился съ Салимъ-Гиреемъ, сыномъ бывшаго Крымскаго хана, и съ Грузинскимъ царевичемъ, котораго онъ называетъ Хираксиемъ. Онъ первымъ Савва ѣздилъ иногда въ окрестныя Татарскія села, и жители падали ницъ предъ камнемъ, а иные цѣловали подошву его платья. Текели такъ описываетъ бытъ Кавказскихъ Татаръ: «Осла ихъ состояли изъ избъ, разставленныхъ въ общій кругъ, дворы открыты тростникомъ; на ночь скотина загонялась въ эти дворы; но Татары часто крали ее другъ у друга. Дѣвушки носили красную шапочку, бѣлую рубашку, перехваченную поясомъ и иногда украшенную шитьемъ, красные шаровары, а женщины одѣвались точно также съ тою лишь разницею, что голову покрывали бѣлымъ пологомъ, а верхнюю одежду носили изъ бумажной матеріи, преимущественно краснаго цвѣта. Женщины были толще, дѣвочки тоньше, ибо послѣднихъ нарочно кормили не до сыта; но тѣ и другія одинаково имѣли естественную бѣлизну и румянецъ на лицѣ и были несравненно красивѣе Ногайскихъ Татарокъ». Савва охотно водился и съ дѣвками, которые обучали его наизакичеству, и знакомъ былъ съ нѣкоторыми изъ ихъ ошцеровъ. Онъ былъ въ дружбѣ съ толмачами разныхъ языковъ, которыхъ было много въ Георгіевскѣ, и при помощи ихъ записывалъ разныя свѣдѣнія о туземныхъ нарѣчіяхъ. Зналъ онъ также одного Нѣнца штабъ-лѣкаря, который обмывовелно угощалъ Савву наилучшимъ Тогайскимъ виномъ, какое только случалось пивать ему въ Венгріи. На вопросъ: откуда у него такое вино, лѣкарь отвѣчалъ, что царица отдала его въ аптеку для больныхъ солдатъ, но онъ уже почти все выпилъ съ пріятелями, а солдатамъ даетъ туземный чихирь, Татарское цитъе, которое готовится такъ: когда настоящее вино сцѣдятъ, то въ чашѣ оцѣтъ нальютъ воды, и она, смѣшавшись съ отстоемъ и простоемъ двѣ десяти, приметъ виный вкусъ и запахъ, — пьется много, а напьется до пьяна нользя.

Изъ И. Богоявленскаго.

Текели замѣчаетъ, что въ рѣчныхъ долинахъ на Кавказѣ, кроме винограда, росли смоква, яблони, персики и т. п. плоды. Но все это росло единственно подъ покровомъ природы; обработанныхъ

*) Такія названія даны жителями Венгріи старинному національному одѣванію, въ память объ Аттилѣ и о знаменитомъ банѣ Зриніи.

садовъ почти не было; около Кизляра разводился рисъ, фунтъ коего стоилъ 2 копейки. Изъ звѣрей водились рыси, леопарды, гиены и другіе хищники; для яствъ употреблялись олени, серны, кабаны, зайцы. Въ степяхъ къ Дону водился звѣрьокъ байбакъ, въ родѣ кошки съ рыжею шерстью, жилъ въ норахъ какъ мышь; выходя изъ норы, онъ обыкновенно свисталъ какъ человѣкъ; а если кто нибудь приближался къ нему, то опять свистнувъ уходилъ въ нору. Однажды Савва провелъ нѣсколько часовъ за охотою на этого звѣря: скроется въ одну нору, а появится потомъ гдѣ-либо въ сторонѣ; только-что обернувшись къ нему, онъ опять въ нору. Такъ и не удалось убить ни одного; другое дѣло, если бы охотились вмѣстѣ человѣка три. Изъ птицъ водились дикіе гуси и утки, фазаны, тетерева, рябчики. Нѣкоторые изъ нихъ были тадаго краснаго цвѣта, какъ сунно на гусарахъ. Особенно много было курошатовъ, которыхъ казаки били, подкрадываясь къ нимъ подъ прикрытіемъ, сдѣланнымъ изъ полотна на подобіе лошади; отъ краевъ такаго прикрытія шли длинныя крылья; или ловецъ и охватывалъ часть пространства, на которомъ паслись курошати. Последнія такъ глухи, что принимаютъ похотию за настоящую лошадь и даже включают подошедшаго казака въ ноги. Иногда казаки ловятъ такимъ образомъ цѣлое стадо, которое, посылая какъ бѣгуна, посылаютъ далѣе на продажу. Драгвы также подпускали къ себѣ шаговъ до десяти. Въ рѣкахъ водилась рыба, покойная на себѣ и появившаяся въ большомъ количествѣ дважды въ годъ. Вѣзуги, осетры, карпы, макрель водились во множествѣ; фунтъ лучшей икры стоилъ не болѣе 30 копѣекъ. Раковъ же никогда не видалъ столько на своемъ вѣку Текели. Всѣ берега усыпаны были остатками отъ нихъ; ибо ловцы вырывали только бѣлое мясо изъ нихъ, а остальное вывали на мѣстѣ. Отъ 30 до 40 раковъ можно было купить за копейку. Къ Саввѣ въ баранѣ чрезъ каждыя три дня приносили новую траву, и однажды ночью проснувшись онъ подумалъ, что его баранъ горитъ: такъ много было свѣтляковъ и въ травѣ, и во всей комнатѣ.

Хорошо жилось Саввѣ Текели въ тѣхъ мѣстностяхъ, но не было ладовъ у него съ дядею. Многіе думали, что Петръ Текели возьметъ племянника къ себѣ въ адъютанты, но этого не сбылось. Съ наядымъ днемъ онъ показывалъ все болѣе и болѣе не только равнодушіе; но иногда и ненависть къ Саввѣ. Последній пересталъ ходить на обѣды къ дядѣ и имѣлъ столъ у полковника Павлова, который также не пользовался расположеніемъ Петра Текели. Когда дядя совоиъмъ выздорѣвалъ, Савва сталъ мало по малу приготовляться къ отъѣзду; но въ тоже время раздумывалъ о причинахъ таковой немилости со стороны дяди. Отчасти тогда же, отчасти впоследствии, онъ узналъ, что виновниками таковыхъ отношеній къ нему Петра Текели были: любовница послѣдняго (который имѣлъ отъ нея сына и дочь), другой дядя, полковникъ Лазарь, у котораго было три сына и двѣ дочери, маіоръ Игнатій Степановичъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ генерала, завѣдывавшій его деньгами дѣлами и надѣявшійся послѣ его смерти быть дунсирмачишникомъ его, что и сбылось къ

ихъ несчастію, и майоръ Островскій, первый адъютантъ Царя Тезели, женатый на дочери Станковича. Онъ наняли старину въ уши, будто-бы Савва, проживая въ Петербургѣ, подавалъ жалобу Боударинѣ на дядю за то, что онъ ввелъ въ ихъ фамилію незаконныхъ дѣтей. Кажется, этой выдумкѣ вѣривъ и дядя Лазарь; ибо самъ открылъ ее Саввѣ; но послѣдній объяснилъ ему, что, будучи юристомъ, не могъ подавать такой жалобѣ, ибо признаеть за всякимъ правою свободно располагать своимъ имуществомъ. Прощаніе даждь съ изменникомъ было сухое: не было ни вопроса о томъ, вѣдѣтъ ли убійца, ни приглашенія оставаться. Уже на другой день, предъ отъѣздомъ Саввы, Петръ Тезели прислалъ ему 2000 рублей. Хотя у Саввы было и достаточно денегъ на путевыя издержки; но не желая ссориться съ дядей, онъ принялъ подарокъ. Но когда они кормилъ лошадей на первой станціи, его догналъ курьеръ съ письмомъ отъ адъютанта, который требовалъ вознагражденія двѣнадцати паръ ножей, полученныхъ имъ еще въ Миргородѣ чрезъ тамошннго адъютанта Петра Макояловича, которому онъ и хотѣлъ возразить ихъ подѣ респексу. Савва отвѣчалъ письмомъ къ Островскому, требуя, чтобы оно было показано Петру Тезели. Въ письмѣ Савва жаловался, что дядя, во все время пребыванія его въ Герлицѣ, съ весны до Сентября, не требовалъ ножей, а теперь, опускаясь уже въ дорогу, послалъ за ними канѣ за украденною вѣнцою, и что они готовы возвратитъ теперь не только данныя деньги, но и подаренную нѣкогда казацкую саблю, отдѣланную серебромъ; ибо дорожить своею честию болѣе, чѣмъ богатствомъ. Въ письмѣ было прибавлено, что Савва будетъ ждать отвѣта отъ дяди на той же станціи. Видѣсто того дядя прислалъ Саввѣ приказать не вѣрять властямъ давали ему въ проводники по два казака для безопасности, и Савва поѣхалъ далѣе.

До Ставрополя путники проѣхали покойно; тутъ повсѣрѣшали имъ казаки, которые спѣшили въ городъ въ вѣдѣю, что Татары прорвались сквозь кордонъ и захватили въ плѣнъ 13 жавницъ и дѣтей. Савва, рассудивъ, что Татары не будутъ долго держаться отъ плѣнными за кордонной линіей, рѣшился продолжать путь; но ему пришлось въ теченіе нѣсколькихъ часовъ укрываться въ одной рощѣ отъ группы всадниковъ, скакавшихъ въ сторонѣ по степи и назавшихся его проводникамъ Татарами. Савва и его спутники могли встрѣтить враговъ восемнадцатью выстрѣлами, но нигде не пошла на нихъ, и къ полночи они прибыли въ станцію Московскую. На слѣдующій день Савва не успѣлъ доѣхать до села Данслага и ночевалъ недалеко отъ него подъ стогомъ сѣна. Отъ Дюнской до Ажсайской станицы не произошло ничего замѣчательнаго съ нашими путникомъ: онъ записалъ только, что въ отгородахъ одной станицы онъ видѣлъ необыкновенной величины огурцы, до сута длиной; встрѣчалъ въ поляхъ много дѣло растущаго грѣна, тюлянковъ и бѣтушникъ гребенкомъ. «И такъ, прибавляетъ онъ, пройдя эту пустыню, я перѣѣхалъ чрезъ Дюнь у Ажсайской станицы; и, оставивъ тутъ Азію, вступилъ въ Европу». На этотъ разъ Савва поспѣшилъ

се въ Аксаѣ съ мѣстными жителями и нашелъ, что они ни въ чемъ не уступаютъ лучшимъ Венгерскимъ. Съ еще меньшими приключеніями проѣхалъ Савва отъ Аксаѣ до Кременчуга; только, проѣзжая чрезъ одно село бывшихъ Запорожцевъ, онъ побаивался, чтобъ мѣстные жители не узнали, что онъ племянникъ генерала, раззорившаго ихъ Сѣчь. Изъ Кременчуга онъ проѣхалъ къ другому дядѣ въ село Александровку. Здѣсь онъ размышлялъ о томъ, не отправиться ли прямо къ Потемкину и проситься къ нему въ службу; ибо въ Россіи въ то время ученую степень доктора приравнивали къ майорскому чину; но разсудилъ, что Потемкинъ можетъ встрѣтить его замѣчаніемъ: если бы ты былъ годный къ службѣ человекъ, то зачѣмъ было бы родному дядѣ отпускать тебя? И такъ Савва рѣшился ѣхать на родину и отдать подаренные ему дядею Петромъ 2,000 р. дядѣ Лазарю, взявъ съ него квитанцію, по которой могъ получить равноцѣнную сумму изъ экономіи, управлявшей Венгерскими вѣдями дяди Петра.

Не такъ-то скоро отдѣлался Савва отъ гостеприимныхъ соплеменниковъ своихъ, застѣшикъ въ Новосербіи. Цѣлая недѣля прошла въ обѣдахъ и ужинахъ, на которые приглашали гости по соседству, а въ промежуткахъ шли танцы и пляски. Затѣмъ дядя Лазарь собрался провожать племянника, и на пути захвали къ генераль-порутчику Чорбѣ, дядиному тестю; тутъ снова пиры. Потомъ и съ цѣлымъ семействомъ Чорбы поѣхали къ генералу Хорвату. Тамъ ожидалъ ихъ балъ съ музыкой, а на другой день большой обѣдъ. Оттуда, всѣ, въ томъ числѣ и семья Хорвата, направились къ нѣкоему Димѣ, гдѣ посѣдовало новое ниршество, и за тѣмъ съ Димичами вся компанія собралась къ подполковнику Стажковичу. Нашировавшись и наплававшись у него и опять-таки вмѣстѣ съ его домочадцами, выѣхали всѣ къ другому Хорвату, майору, такъ что ему пришлось угощать уже 94 человека гостей, и при нихъ 96 лошадей. Такъ проводили время отды и дѣды Гоголевскихъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ. После двухдневнаго пребыванія у Стажковича удалось наконецъ Саввѣ, поблагодаривъ родню и новыхъ знакомцевъ своихъ за любовь и угощеніе, подняться въ Миргородъ. Одновременно и въ Уманіи ему пришлось угощаться у тамошняго майора, родомъ Серба. Здѣсь во время ужина такъ искусно играли на гитарѣ два крѣпостныхъ казака, подлаживая подъ свою игру, что Савва хотѣлъ было купить одного изъ нихъ у майора за 100 дунатовъ; но вспомнилъ, что въ Венгріи нѣтъ крѣпостнаго права, и купленный имъ можетъ, прибывъ туда, захватить себя свободы. Охотниками до свободы оказались даже заклятые Саввою люди: едва онъ переѣхалъ за Польскую границу, какъ бѣжалъ отъ него кучеръ; остался при немъ только слуга-парикмахеръ, но и тотъ впоследствии епился.

У Тарнополя Савва подвергся осмотру Австрійской таможи: у него отобрали лукъ со стрѣлами, какъ военную контрабанду. Во Львовѣ ему удалось выхлопотать у главнаго начальника Галицкихъ таможенъ приказаніе возвратитъ отображенные у него вещи; но такъ какъ Тарнопольская таможа подчинена въ средней инстанціи таможи

Бродокой, то и приказаніе должно было идти сперва въ Броды, а оттуда вѣсть съ предписаніемъ отъ мѣстнаго начальства уже въ Тарнополь. Отвезти приказаніе и принять вещи вызвался Еврей факторъ. Путешествіе его обошлось Саввѣ въ 35 дукатовъ и кромѣ того задержало его на 4 дни во Львовѣ. Такимъ бюрократическимъ приемомъ встрѣтила Австрія возвращавшагося на родину доктора правъ. Въ Венгріи же ему сказали о нашествіи Турокъ и мятежѣ Румынъ въ Трансильваніи. Въ Арадѣ Савва уже не нашелъ никого изъ своихъ родныхъ: всѣ бѣжали въ виду воинственныхъ слуховъ. Савва поспѣшилъ въ Пештъ, куда и прибылъ во время Рождественскихъ праздниковъ *).

Въ столицѣ Венгріи уже никто не говорилъ о блестящемъ докторскомъ диспутѣ Текели. Всѣ забыли молодого свѣтскаго Серба. Савва рѣшился напомнить о себѣ оригинальнымъ способомъ. Онъ отправился на одинъ изъ общественныхъ баловъ, надѣвъ богатое Татарское платье, а на лицо маску, и перекинувъ за плечо лукъ со стрѣлами. Великосвѣтскія дамы, особенно графини Алмаши, Радаи и Гадекъ, стали спрашивать его; но онъ говорилъ только потурецки. Привели одного Грека, который понималъ потурецки и сталъ переводить имъ рѣчи Текели; но никто его не признавалъ за Турка, находя отвѣты его слишкомъ цивилизованными для поклонника Магомета. Графиня Гадекъ пригласила его на менуэтъ, Текели не отказался; дошла очередь до l'ombge, Савва и тутъ отличился. Это собрало около него чуть не всѣхъ присутствовавшихъ на балу: одни разсматривали его одѣяніе, другіе—оружіе. Предъ развѣздомъ дамы просили его быть и на слѣдующемъ балу. Текели, разумѣется, не отказался. Когда Татаринъ появился въ обществѣ, то познакомившіяся съ нимъ наканунѣ дамы стали рекомендовать его небывшимъ на вчерашнемъ балу, изъявляя при этомъ сожалѣніе, что представляемый говоритъ только потурецки. Но къ удивленію ихъ Татаринъ объявилъ, что, желая сдѣлать пріятное Пештскимъ дамамъ, онъ за ночь изучилъ всѣ языки, на которыхъ говорятъ въ ихъ городѣ. На него посыпались вопросы на Французскомъ, Итальянскомъ, Мадьярскомъ, Словацкомъ, Сербскомъ и Греческомъ языкахъ, и на всѣ получены были отвѣты. Вопросавшія дамы рѣшили, что переодѣтый Татаринъ долженъ быть Австрійскій посланникъ въ Константинополь графъ Эстергази, и просили его продолжать свои посѣщенія общественныхъ баловъ. На слѣдующій разъ Текели явился въ костюмѣ Еврея и хотя безъ маски, но сильно загримированный, и опять никто его не узналъ. Общее любопытство росло и въ слѣдующіе дни, а между тѣмъ Савва сталъ одѣваться все проще и проще, пока не былъ признанъ женою одного изъ членовъ «Септемберскаго стола». Такъ удалось Саввѣ Текели снова занять мѣсто въ общественной жизни своей родины и познакомиться съ аристократическимъ міромъ ея, послѣ двухлѣтняго отсутствія изъ Пешта.

*) Здѣсь оканчивается та часть автобіографіи, которая напечатана въ «Сербской Лѣтописи»; дальнѣйшій разсказъ заимствуемъ изъ брошюры Субботича (стр. 40—41).

Недолго жалѣлъ онъ о томъ, что ему не удалось остаться въ Русской службѣ; онъ посвятилъ свои силы и способности на служе-
ніе Венгріи и въ особенности ея Сербамъ. Только спустя два года
по приѣздѣ изъ Россіи онъ столкнулся съ возвратившимся оттуда же
Петромъ Стояновичемъ, который видѣлся съ его дядею и рассказалъ
ему слѣдующее. Потемкинъ спрашивалъ старика Текели: «какъ вы,
Петръ Абрамовичъ, ни одного изъ вашихъ двухъ племянниковъ, такихъ
хорошихъ молодцовъ, не удержали при себѣ?» Старикъ извинялся,
говоря, что у племянниковъ хорошія имѣнія въ Венгріи, которыхъ
имъ не хотѣлось оставить. Потемкинъ, кажется, не повѣрилъ тако-
му объясненію; не вѣрили и другіе. Но дядя распорядился хорошо:
безъ его суроваго приѣма, Венгерскіе Сербы лишились бы въ Саввѣ
Текели одного изъ лучшихъ народныхъ дѣятелей своихъ, перваго
покровителя школъ и возрождавшей Сербской литературы.

Ниль Полевъ.

Разказы изъ недавней старины.

М. В. Велинскій ¹⁾, служившій въ собственной Его Императорскаго Величества Канцелярїи чиновникомъ IV класса, получилъ однажды записку отъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ которой спрашивалось о днѣ высочайшаго приѣма для прибывшихъ въ Петербургъ губернаторовъ и губернскихъ предводителей. На запискѣ этой рукою Николая Павловича была сдѣлана отмѣтка: «завтра, въ 12 часовъ, въ Зимнемъ дворцѣ». (Государь и дворъ въ это время имѣли пребываніе въ Петергофѣ). Повелѣніе это было передано Велинскимъ министру. Но затѣмъ Велинскій сообразилъ, что въ слѣдующій день приходилась Суббота, а приѣмы губернаторовъ и предводителей (какъ онъ извѣтилъ) назначались всегда Государемъ по Воскресеньямъ, и потому онъ далъ знать министру, что «Государю Императору благоугодно назначить приѣмъ не завтра, а послѣ завтра, въ Воскресенье, въ 12 часовъ, въ Зимнемъ дворцѣ». вмѣстѣ съ тѣмъ въ портфель Государю Велинскій вложилъ записку слѣдующаго содержанія: «В. И. В. изволили назначить приѣмъ (такихъ-то) губернаторовъ и губернскихъ предводителей завтра, въ 12 часовъ, въ Зимнемъ дворцѣ. Принимая во вниманіе, что въ теченіи моей пятнадцатилѣтней службы не было примѣра назначенія Вашимъ Величествомъ приѣма губернаторовъ и губернскихъ предводителей въ Субботу, а всегда въ Воскресенье, и полагаю, не произошло ли здѣсь ошибки въ дняхъ, я извѣтилъ министру внутреннихъ дѣлъ о назначеніи приѣма въ Воскресенье, въ 12 часовъ, въ Зимнемъ дворцѣ. Если же я сдѣлалъ ошибку, всеподданнѣйше прошу В. И. В. во меня простить». На другой день, въ Субботу, Государь прибылъ въ Зимній дворецъ, что сдѣлало для Велинскаго предположеніе собственной ошибки болѣе вѣроятнымъ. Въ двѣнадцатомъ часу онъ посылаетъ во дворецъ своего курьера; но проходитъ часъ, другой, — курьеръ не возвращается. Велинскій остается въ самой томительной неизвѣстности, почти не отходитъ

¹⁾ Тайный совѣтникъ Михаилъ Васильевичъ Велинскій, Черниговскій поѣздникъ, былъ впоследствии вице-директоромъ и директоромъ Инспекторскаго Департамента гражданскаго вѣдомства. Это тотъ Велинскій, у котораго на рукахъ, во время пожара въ Зимнемъ дворцѣ, былъ домашній архивъ Государя и напечатанъ въ 5 милліоновъ рублей. Послѣ пожара на вопросъ Государя: «что, Велинскій, все сгорѣло?» Велинскій имѣлъ счастье, къ удовольствію Государя, отвѣчать: «все цѣло, Ваше Величество». Онъ лично самъ все спасъ.

отъ окна. Въ половинѣ третьяго прѣѣхали курьеры и его, и дворцовый съ портфелемъ. Велинскій, трепещущій, высыпаетъ нетерпѣливо изъ портфеля всѣ бумаги и находитъ между ними свою записку съ надписью Государя карандашемъ: «А я и забылъ, что сегодня Суббота». Велинскій поцѣловалъ эту надпись, а записку сохранилъ на память.

Этотъ случай, какъ увидимъ, послужилъ въ пользу Велинскому. Когда учрежденъ былъ Инспекторскій Департаментъ гражданскаго вѣдомства, и статсъ-секретарь Танѣевъ представилъ на благоусмотрѣніе Государя—назначить вице-директоромъ Велинскаго, Государь ему сказалъ: «Ты хочешь раскрасировать мою канцелярію? Къ Велинскому я привыкъ, и онъ изучилъ мои привычки».

Однако Государь уступилъ представленію Танѣева, и Велинскій былъ назначенъ вице-директоромъ.

Когда личный составъ вновь учрежденнаго департамента представлялся Государю, онъ произнесъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Я хочу возвысить гражданскую службу, какъ возвысилъ военную. Я хочу знать всѣхъ моихъ чиновниковъ, какъ я знаю воѣхъ офицеровъ моей арміи. У насъ чиновниковъ болѣе, чѣмъ требуется для успѣха службы; я хочу, чтобы штатъ чиновниковъ отвѣчалъ дѣйствительной потребности, какъ, напримѣръ, въ моей канцеляріи. У насъ есть много честныхъ тружениковъ, кои несутъ всю тягость службы, не пользуясь ея преимуществами; между тѣмъ есть такіе, кои, пользуясь службою другихъ, получаютъ всѣ преимущества по службѣ. Я не хочу, чтобы было такъ!» Всѣ поклонились, а Велинскій присовокупилъ: «Постараемся исполнить волю Вашего Величества». Государь, взглянувъ на него, произнесъ задумчивымъ тономъ: «Что тутъ моя воля? Тутъ надо думать о благѣ общему!»

Служба въ собственной Е. И. В. Канцеляріи была такова, что Велинскому пришлось прожить тяжкіе два года, въ теченіи коихъ онъ видѣлъ дѣтей своихъ только спящими: онъ возвращался домой, когда дѣти спали, обходилъ ихъ кровати, осѣняя спящихъ крестнымъ знаменіемъ; уважалъ же онъ, когда дѣти еще не вставали, и тѣмъ же порядкомъ съ ними прощался. Праздниковъ для него не существовало. Усердіе Велинскаго не укрылось отъ Государя, и Его Величество, говорятъ, указывалъ на него какъ на примѣрнаго или, вѣрнѣе сказать, безпримѣрнаго труженика. Однако служба эта отозвалась на здоровьи Велинскаго: онъ получилъ нервное трясеніе въ рукахъ и ногахъ, вслѣдствіе чего не могъ ходить безъ посторонней помощи, а потому долженъ былъ подать въ отставку. Въмѣсто отставки онъ получилъ отпускъ для излеченія и денежное пособіе. Не получая облегченія, Велинскій неоднократно возобновлялъ ходатайство объ увольненіи отъ службы, но вмѣсто отставки, получалъ, какъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, такъ и при благополучно нынѣ царствующемъ Государѣ Императорѣ, отсрочку отпуска. Такимъ образомъ онъ два, если не три, года считался въ отпуску съ сохраненіемъ полного содержанія. Наконецъ, по настоятельной его просьбѣ, онъ уволенъ былъ въ отставку въ 1855 году съ пенсіономъ въ 5500

рублей, а въ слѣдующемъ году, во время коронаціи, о немъ вспомнилъ Государь Императоръ и изволилъ, отставному уже, прислать Владимірскую звѣзду.

*

Не припомню въ которомъ году, не припомню и именъ дѣйствующихъ лицъ (въ этомъ, полагаю, не заключается особой важности) былъ слѣдующій замѣчательный случай. Одинъ молодой человѣкъ, чиновникъ, получавшій отъ отца по 50 рублей 1-го числа каждаго мѣсяца, возымѣлъ крайнюю нужду въ такой суммѣ (кажется, вслѣдствіе карточного проигрыша). Отецъ его былъ человѣкъ аккуратный до странности: сынъ и наканунѣ 1-го числа никогда не имѣлъ права просить у него назначеннаго ему мѣсячнаго содержанія. Не рассчитывая на отца (Петербургскія же улицы не украшались еще тогда вывѣсками «ссуда подъ залогъ»), молодой человѣкъ поспѣшилъ къ своему пріятелю, офицеру, у котораго всегда были свободныя деньги. Не заставъ его, онъ идетъ прямо въ спальню и въ знакомомъ ему мѣстѣ, гдѣ тотъ владѣлъ деньгами, никогда не запирая, взялъ 50 рублей, рассчитывая ему сказать при свиданіи. Между тѣмъ пріятель-офицеръ, возвратясь домой и не досчитавшись денегъ, заявилъ о томъ полиціи. При допросѣ, деньщикъ, утверждая, что онъ денегъ не бралъ, указалъ на г-на N, который одинъ входилъ въ спальню, когда его офицера не было дома. Такимъ образомъ N, быть можетъ, и безъ воли хозяина, привлеченъ былъ къ слѣдствію. Онъ, разумѣется, во всемъ сознался, объясняя, что не успѣлъ только предупредить объ этомъ пріятеля. Но тѣмъ не менѣе, какъ дѣло началось уже, его заключили въ арестантское помѣщеніе при полиціи. Отецъ, узнавъ объ этомъ, подалъ Государю прошеніе, коимъ, не оправдывая сына до окончанія дѣла, просилъ лишь о скорѣйшемъ рѣшеніи, такъ какъ люди, съ которыми вмѣстѣ заключенъ его сынъ, могли или совершенно растлѣть его, или произвести на него такое нравственное потрясеніе, что онъ во всякомъ случаѣ не могъ бы оставаться полезнымъ членомъ общества, хотя и оказалась бы въ его поступкѣ одна необдуманность. Государь на этомъ прошеніи положилъ слѣдующую резолюцію: «Завтра въ 10 часовъ представить мнѣ на конференцію». Такимъ образомъ менѣе чѣмъ въ сутки времени дѣло должно было пройти по слѣдующимъ инстанціямъ: представлено въ Губернское Правленіе; въ Губернскомъ Правленіи составленъ журналъ о немѣдлѣннѣйшихъ препятствіяхъ для преданія суду N, подписанъ всеми членами, утвержденъ губернаторомъ, пропущенъ губернскимъ прокуроромъ, и за тѣмъ дѣло при указѣ отослано въ Уѣздный Судъ; въ Уѣздномъ Судѣ составленъ приговоръ (чего конечно нельзя было сдѣлать безъ знакомства съ дѣломъ), подписанъ членами, пропущенъ уѣзднымъ стряпчимъ; затѣмъ дѣло при рапортѣ представлено въ Уголовную Палату на ревизію; въ Уголовной Палатѣ составлено опредѣленіе, подписано членами, пропущено прокуроромъ и препровождено при отношеніи на заключеніе губернатора, а съ заключеніемъ при рапортѣ представлено въ Правительствующій Сенатъ, гдѣ составлено опредѣленіе, подписано сенаторами, пропущено обер-прокуроромъ и препровождено на заключеніе министру внутреннихъ

дѣла (такъ какъ чиновникъ N служилъ по его вѣдомству), а съ его заключеніемъ черезъ министра юстиціи въ Комитетъ Министровъ, и черезъ сей послѣдній уже Государю Императору на конфирмацію.

Понятно, что ночь была проведена всѣми безъ сна, во всѣхъ этихъ мѣстахъ были чрезвычайныя засѣданія, всю ночь скрипѣли перья, летали курьеры, и высочайшая воля была исполнена. Конечно, при обыкновенномъ движеніи этого дѣла, потребовалось бы времени по меньшей мѣрѣ годъ. Не помню, какъ рѣшили Палата и Сенатъ, но N былъ Государемъ разжалованъ или сданъ въ рядовые и отправленъ на Кавказъ, а черезъ мѣсяцъ прощенъ. Въ настоящее время судъ вѣроятно оправдалъ бы N, и нынѣ скажутъ, что наказаніе было слишкомъ строго. Но здѣсь очевидно наказаніе исходило не отъ личной строгости, а отъ строгаго взгляда на понятіе чести.

*

На это указываетъ и слѣдующій случай.

Князь N, человекъ отменно честный, бывъ Малороссійскимъ генераль-губернаторомъ и всегда нуждаясь въ деньгахъ вслѣдствіе беспечнаго хозяйства, подписалъ предложеніе Приказу Общественнаго Призрѣнія доставить ему известную сумму (кажется, 20 т. р. ассигнаціями). Сумма эта оказалась только что внесенною въ Приказъ одною помѣщицею. Передъ отъѣздомъ князя изъ города, помѣщица, узнавъ о судьбѣ своего капитала, явилась къ нему съ требованіемъ ея денегъ. Князь ее обнадѣжилъ въ немедленномъ исполненіи ея законнаго требованія. Не получая однако денегъ, помѣщица обратилась къ преемнику князя N, князю Долгорукову, а послѣдній написалъ къ князю N. Не получая отвѣта, онъ написалъ вторично. На сей разъ былъ отвѣтъ, но очень рѣзкій. Князь Долгоруковъ представилъ все это Государю.

Государь получилъ почту съ этимъ роковымъ для князя N извѣстіемъ, бывши въ Красномъ Селѣ, передъ самыми маневрами, назначенными въ 4 часа утра. Князь N долженъ былъ туда же явиться. Онъ встрѣтилъ Государя со свитою на плотинѣ, возлѣ какой-то деревушки. Государь такъ грозно посмотрѣлъ на него, что, какъ говорилъ князь N графу Орлову, онъ, одинъ изъ героевъ 1812 года, принимавшій въ своемъ домѣ коронованныхъ особъ, считалъ себя совершенно уничтоженнымъ и никогда въ жизни не испытывалъ такого тремета и страха, какой испыталъ подъ вліяніемъ этого взгляда. Затѣмъ, кажется, графъ Бенкендорфъ, подѣхавъ къ нему, объявилъ высочайшую волю: отправиться въ Петербургъ на свою квартиру и ожидать дальнѣйшаго повелѣнія. Не зная причины, встревоженный князь пріѣхалъ къ графу Орлову въ Царское Село. Онъ засталъ его за завтракомъ и просилъ узнать о причинѣ гнѣва Государева. У графа Орлова завтракалъ въ это время д. с. с. Шляревичъ, со словъ котораго и передается настоящій разсказъ²⁾. Спустя нѣкоторое время, при дворѣ былъ балъ. Опальный князь, не получая никакого повелѣнія, явился на балъ какъ генераль-адъютантъ. Къ нему

²⁾ Д. с. с. Шляревичъ, бывшій Минскій, а потомъ Смоленскій губернаторъ, Черниговскій помѣщикъ.

подошелъ графъ Бенкендорфъ и объявилъ, что онъ считается арестованнымъ. Это конечно смутило князя до крайности. На вопросъ его: что ему дѣлать? графъ Бенкендорфъ посоветовалъ ѣхать за границу, что тотъ и сдѣлалъ.

*

Слѣдующій случай даетъ намъ указаніе на то, какъ Государь былъ внимателенъ къ заслугамъ. Въ Енисейской губерніи въ 1843 году забунтовались 22 тысячи раскольниковъ. Они выпороли исправника, чуть не убили губернатора. Сей послѣдній, не принявъ лично никакихъ мѣръ, ограничился донесеніемъ о случившемся и испрашивалъ высочайшаго повелѣнія, какъ поступить? Государь, объявивъ ему выговоръ, повелѣлъ двинуть войско, усмирить бунтовщиковъ, снести часовню, отобрать попа (отставнаго солдата), а виновныхъ подвергнуть строжайшему наказанію. При генераль-губернаторѣ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій штабъ-ротмистръ Безносиковъ ³⁾; бывшій еще очень молодымъ человѣкомъ. Безносиковъ, желая уберечь народъ отъ несчастій, а казну отъ лишнихъ расходовъ, упростилъ генераль-губернатора дозволить ему съѣздить и попробовать путемъ убѣжденій достигнуть желаемаго Государемъ результата.

Этотъ случай самъ по себѣ не безынтересенъ, а потому я позволю себѣ изложить его съ нѣкоторыми подробностями, какъ слышалъ отъ генерала Безносикова.

Ему дано было 36 казаковъ съ есауломъ и при нихъ чиновникъ Губернскаго Правленія. Съ этою силою онъ прибылъ въ первое забунтовавшееся селеніе вечеромъ. Вскорѣ по пріѣздѣ его, хозяинъ дома, въ которомъ остановился Безносиковъ, выдававшій себя человѣкомъ, преданнымъ законному порядку, вошелъ, встревоженный, въ комнату и сообщилъ, что дворъ окруженъ народомъ и что Безносикова хотятъ убить. При этомъ онъ обязательно предложилъ проводить его за огородъ, гдѣ его сынъ на лихой тройкѣ готовъ къ услугѣ. Безносикову это показалось подозрительнымъ, такъ какъ казаки были возлѣ дома и во дворѣ и должны бы объ этомъ дать знать. Онъ поручилъ есаулу провѣрить слова хозяина; а когда есаулъ явился съ предложеніемъ связать хозяина, устроившаго Безносикову ловушку, послѣдняго уже не было. Онъ исчезъ.

Однако обстоятельство это немало встревожило пріѣзжихъ, и они легли спать не въ особенно спокойномъ настроеніи.

Здѣсь произошелъ страшный случай съ Безносиковымъ. Едва онъ легъ въ постель и загасилъ свѣчу, какъ замѣтилъ подошедшую къ нему человѣческую фигуру, которая, нагнувшись къ нему, произнесла слѣдующія слова: «будь покоемъ, завтра до вечера попустишь, и все будетъ хорошо». Безносиковъ вскочилъ, окликнулъ есаула, тотъ зажегъ свѣчу. Въ комнатѣ не оказалось никого. На другой день рано утромъ пріѣхали они въ другое селеніе, состоящее изъ 8 тысячъ душъ, средоточіе бунта, въ коемъ была сооружена часовня. Послали за выборными. Явилось нѣсколько тысячъ народа и стали шумѣть такъ,

³⁾ Генераль-маіоръ Константинъ Степановичъ Безносиковъ воспитывался въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ, скончался 1876 года.

что нельзя было понять ихъ объясненій. Едва Безносикову удалось убѣдить ихъ, что толковать съ цѣлою толпою невозможно и что они должны выбрать человѣкъ шесть старѣйшихъ и разумѣйшихъ домохозяевъ. Они выбрали 70 человѣкъ, которыхъ Безносиковъ и велѣлъ вести во дворъ. А толпа на улицѣ гудѣла и увеличивалась отъ притока единомышленниковъ изъ другихъ селеній. Безносиковъ объяснилъ имъ, что Государь Императоръ повелѣлъ двинуть сюда 10 т. войска для усмиренія бунта, что здѣсь камня на камнѣ не останется и что черезъ нѣсколько дней не будетъ и признаковъ существованія селенія. Отвѣты выборныхъ были дерзки. Тогда Безносиковъ далъ имъ понять, что онъ лично за себя ничего не боится, что, еслибъ задумали они и убить его, ничего не выиграютъ, такъ какъ онъ явился къ нимъ почти одинъ, въ расчетѣ подѣйствовать на ихъ разсудокъ, а если для вразумленія ихъ нужна сила, то она и явится и съ тяжкими для нихъ жертвами возобновитъ порядокъ; при этомъ онъ крикнулъ, что ему предоставлена неограниченная власть (это сказано было съ горяча) и что ни одинъ изъ нихъ не выйдетъ живымъ. Сказавъ это, онъ велѣлъ запереть ихъ въ сарай, а самъ вернулся въ комнату, гдѣ хозяинъ между тѣмъ накрылъ столъ для обѣда. Всѣ отказались отъ ѣды. Безносиковъ понималъ конечно, что слова его не имѣютъ никакого значенія, а шумъ возлѣ дома усиливался, съ чѣмъ вмѣстѣ усиливалось и опасеніе за собственную жизнь. Въ такомъ положеніи онъ провелъ 2—3 часа. Наконецъ, выборные просили отпустить изъ нихъ 12 человѣкъ къ народу потолковать. Отпустить было рискованно, но и не исполнить ихъ требованія тоже не было возможнымъ. Безносиковъ велѣлъ отпустить 6 человѣкъ. Въ скоромъ времени онъ замѣтилъ на улицѣ пыль, а потомъ скачущую тройку. Когда тройка поравнялась съ воротами его квартиры, изъ телѣги выбросили какой-то тюкъ, который былъ подхваченъ казаками и внесенъ быстро во дворъ, ворота котораго сейчасъ же были заперты, тройка же умчалась. Оказалось, что это былъ не тюкъ, а раскольничій попъ, котораго громада рѣшилась выдать обманомъ. Затѣмъ явилась громада съ повинною. Безносиковъ объяснилъ имъ, какое несчастіе могли они навлечь на себя своимъ упорствомъ. Они отвѣчали ему, что имъ дѣлалась поблажка властями, съ вѣдома коихъ и часовня устроена, и попъ выписанъ, и что все это имъ очень дорого стоитъ. «И жаль намъ, говорили они, нашихъ затратъ». При этомъ они просили его обратиться къ нимъ милосердіе Царя. Безносиковъ, похваливъ ихъ разсудительность, далъ слово просить генераль-губернатора объ исходатайствованіи всемилостивѣйшаго прощенія (что и было достигнуто). Тутъ же была разобрана часовня, снесены иконы, утварь, книги въ квартиру Безносикова, который сдѣлалъ распоряженіе объ отправкѣ всего этого, вмѣстѣ съ попомъ, подъ охраною конвоя, по указанному имъ маршруту. Но маршрутъ этотъ секретно былъ измѣненъ. Такая предусмотрительность оказалась весьма умѣстною; такъ какъ въ 30 верстахъ сдѣлана была засада нѣкоторыми злоумышленниками, съ цѣлію отобрать драгоценную для нихъ кладь.

Вернувшись въ квартиру, Безносиковъ нашелъ на столѣ сунъ, поданный домовымъ хозяиномъ. Обли за столъ въ полдень удовольствій, и въ тоже время раздался благовѣстъ къ вечернѣ. Все перекрестились и вспомнили удивительное предсказаніе вчерашняго вечера.

Представляя дѣло это министру, генераль-губернаторъ ходатайствовалъ о награжденіи Безносикова. Министръ на это представленіе отвѣчалъ, что въ прошедшемъ году Безносиковъ получилъ орденъ св. Владиміра (кажется, за описаніе р. Амуре, по которой онъ первый проплылъ), а потому онъ не считаетъ возможнымъ исполнить желаніе генераль-губернатора. Государь, интересуясь этимъ дѣломъ; потребовалъ подлинное производство. Рассмотрѣвъ его, онъ спросилъ: что получилъ ротмистръ Безносиковъ за свой подвигъ? Министръ доложилъ о причинѣ, по которой онъ не смѣлъ представить его къ награждѣ. Тогда Государь на докладъ написалъ: «Ротмистра Безносикова, *въ примѣръ прочимъ*, произвести въ слѣдующій чинъ». Разумѣется для Безносикова это было высшею наградою, нежели и самый чинъ ⁴⁾.

Интересно вѣтъмъ было распоряженіе провіантскаго вѣдомства. Безносиковъ, во время похода, своей командѣ (36 казакамъ), шедшимъ на опасный подвигъ, для поддержанія и ободренія ихъ, выдавалъ мясную и водочную порціи. Провіантское вѣдомство нашло, что Безносиковъ допустилъ здѣсь произволъ, такъ какъ отпускъ мясной и водочной порцій не былъ ему разрѣшенъ, а потому нерасходованные имъ на сей предметъ 136 рублей распорядилось вычесть изъ его жалованья. Такой вычетъ изъ ротмистрскаго жалованья, когда промѣ его ничего не имѣлось, вѣроятно былъ очень чувствителенъ. Это, думаю, умалило и удовольствіе получить чинъ, за который тоже дѣлался вычетъ. А между тѣмъ, что стоило бы правительству передвиженіе 10,000 войска и сколько сбережено здѣсь жертвъ?!

*

Говорятъ, Государь Николай Павловичъ считалъ Понедѣльникъ днемъ тяжелымъ и никогда не выѣзжалъ въ дорогу по Понедѣльникамъ, а обыкновенно въ Воскресенье послѣ литургій. По дорогѣ къ Москвѣ приказывалось готовить обѣдъ въ Ижорѣ и непремѣнно два блюда: щи и кашу. Разъ мѣстное купечество поднесло свѣжія большія стерляди, усердно прося приготовить для Государя. По общему совѣту рѣшились подать уху. Государь, увидѣвъ уху, разгнѣвался и, обратясь къ А. Э. Львову, сказалъ: «Тамъ исполнена моя воля? Лошадей!!» и, не обѣдавъ, выѣхалъ, а обѣдалъ уже вечеромъ ⁵⁾.

Другой обращикъ простоты въ жизни покойнаго Государя. Провѣзжалъ онъ разъ черезъ Пропойскъ (Могилевской губерніи) и остановился на ночлегъ. Въ комнату внесли складное кресло. Потому

⁴⁾ Здѣсь произошла оригинальная случайность: ротмистръ Безносиковъ получилъ о производствѣ его приказъ за подписью названнаго атамана Безносикова и дежурнаго штабъ-офицера Безносикова (первый былъ его отецъ, а послѣдній братъ).

⁵⁾ Отъ т. с. Велинскаго.

намерь-лагой принесъ на маломъ подносѣ графинчикъ водки со стаканчикомъ, два ломтя чернаго хлѣба и соль. Государь выпилъ стаканчикъ водки, посолилъ ломоть хлѣба, закусилъ и показалъ графу Орлову. Тотъ сдѣлалъ тоже самое. Затѣмъ Государь, освѣдомившись, что офицеръ, стоящій въ той же комнатѣ на часахъ, не понимаетъ пофранцузски, съ четверть часа поговорилъ съ графомъ Орловымъ, почему пожалъ ему руку, пожелавъ покойной ночи. Государь легъ, не раздвываясь, на походномъ креслѣ, а графъ Орловъ легъ на диванѣ ⁶⁾.

Государь скоро привыкалъ къ платью, экипажамъ и лошадямъ и не любилъ переѣзжѣть. Если ему подавалась новая лошадь, онъ спрашивалъ: «Это что за лошадь?»—«Новая, Ваше Величество».—«Дрянн, слабосильна!» Затѣмъ Государь дѣлалъ такіе концы, что лошадь возвращалась совершенно мокрою. «Я говорилъ, что слабосильна», замѣчалъ Государь, выходя изъ саней. Также точно новый экипажъ всегда казался Государю съ недостатками: «коротокъ, негдѣ ногу протянуть». По большей части новую лошадь или сани подавали въ первый разъ вечеромъ, когда Государь ѣхалъ въ театръ, а на другой день на вопросъ Государя: «это что за лошадь? это что за экипажъ?» ему отвѣчали: «Вчера изволили ѣздить въ театръ, Ваше Величество». Замѣчаній уже не было ⁷⁾.

Разказы изъ ежедневной жизни покойнаго Государя умиительны. Государь занимался всегда до двухъ, а иногда до трехъ часовъ ночи. Камердинеръ его говаривалъ: «Засну иной разъ, а потомъ очнусь и подумаю: не пора ли Государю подавать одѣваться? Загляну, а онъ самъ раздѣлся и легъ. Иной разъ съ просонья слышу шорохъ; осмотрю, а Государь, замѣтивъ, что я заснулъ, на носочкахъ прохаживать мимо меня».

Государь былъ набоженъ. Окончивъ занятія, онъ всегда колѣнопреклоненно молился передъ кіотомъ, прилѣпивъ восковую свѣчу къ спинкѣ стула. Разъ, по утомленію отъ трудовъ, поздною ночью, онъ задремалъ, склонивъ голову на стулъ. Между тѣмъ свѣча нагнулась, и воскъ сталъ капать на подушку стула, близъ самой головы. Камердинеръ, увидѣвъ это, разбудилъ Государя и позволилъ себѣ замѣтить: «Вѣдь вотъ, Ваше Величество, вѣрно не желаете, чтобы знали, что вы такъ молитесь?»—«Да», отвѣчалъ Государь. «А вотъ свѣча-то какъ наклонилась, и воскъ на стулъ капаетъ; еще бы немного нагнулась, на голову бы вамъ капнула, знакъ бы остался (Государь, какъ извѣстно, имѣлъ лысину), и догадались бы».—«Правду говоришь, старикъ», замѣтилъ Государь. «Не позволите-ли: я аналойчикъ сдѣлаю?»—«Нѣтъ, хуже будутъ знать». Такимъ образомъ старикъ устроилъ въ кіотѣ выдвижную донечку, въ которую вставилъ металлическую трубочку для свѣчи ⁸⁾.

⁶⁾ Отъ Могилевскаго старожила Ш. Г. Ганкевича, а онъ слышалъ отъ офицера, бывшаго на караулѣ.

⁷⁾ Отъ полиціоника гвардіи Антолена Ивановича Энгельмейера, а онъ слышалъ отъ покойнаго камердинера Государева.

⁸⁾ Отъ г. с. Велинскаго.

Дошло до свидѣнія Государя, что его лейбъ-кучеръ раздаетъ деньги офицерамъ за проценты. Государь на другой день, сѣвъ въ сани, приказалъ ѣхать на Каменно-островскій проспектъ, затѣмъ повернуть въ какой-то переулокъ, гдѣ ни души зимою нельзя встрѣтить. Тутъ уже онъ далъ волю своему гнѣву. «Ты у меня ростовщикомъ сдѣлался!» крикнулъ онъ. «Офицерамъ за проценты деньги раздаешь!» и спина виновника почувствовала физическую силу Государя. «Я тебя туда сошлю, куда Макарь телятъ не гонялъ», приказалъ въ заключеніи Государь. Но послѣ Государь никогда ни слова не говорилъ объ этомъ, хорошо понимая, что проступокъ, вызвавшій такой гнѣвъ Государя, не могъ повториться⁹⁾.

*

Слѣдующіе случаи могутъ дать понятіе, какъ Государь читалъ церковныя и ея уставы.

У насъ распространено невѣрное сказаніе объ открытіи триумфальныхъ воротъ въ Москвѣ, будто бы митрополиту Филарету, отказавшемуся освящать ихъ, такъ какъ на нихъ изображенъ «языческій богъ» (Марсъ на коняхъ), Императоръ приказалъ передать: «скажите Филарету, что я не Петръ и онъ не Митрофаній». Ничего этого не было. Напротивъ, Императоръ поступилъ какъ Петръ. Когда флигель-адъютантъ Государя пріѣхалъ къ Филарету и объяснилъ ему, что Государю Императору благоугодно завтра освятить триумфальные ворота, Филаретъ, устремивъ взоръ долу, отвѣчалъ «слышу». Флигель-адъютантъ продолжалъ: «Государю Императору благоугодно, чтобы ваше высокопреосвященство сами изволили быть на освященіи». Филаретъ отвѣчалъ тѣмъ же «слышу,» также покуривъ голову и съ тою же задумчивостію. «Не будетъ ли какихъ распоряженій, ваше высокопреосвященство? Что прикажете доложить Государю Императору?» «А что слышите», отвѣчалъ тѣмъ же тономъ владыка. Когда Государь спросилъ: «А что Филаретъ?» флигель-адъютантъ доложилъ, что онъ его не понялъ и до-слова передалъ Государю свой разговоръ съ высокопреосвященнымъ. «А! такъ я понимаю», замѣтилъ Государь. «Приготовить лошадей: я сегодня уѣзжаю». Такимъ образомъ открытіе происходило въ отсутствіи Государя. Полковой священникъ отслужилъ передъ войсками молебствъ, и участіе церкви въ этомъ торжествѣ тѣмъ и кончилось¹⁰⁾.

Многимъ памятно еще удаленіе митрополитовъ Московскаго Филарета и Филарета Кіевскаго отъ присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. Слухи о причинѣ этого удаленія ходили чудовищные. Хотя оно вызвано было интригою, но Государемъ руководила единственно ревность къ церкви: на Филаретовъ указывали какъ на либераловъ, ввергающихъ въ церковь новшества.

Профессоръ С.-Петербургской духовной Академіи Павскій, читавшій Еврейскій языкъ; переводилъ на лекціяхъ Библію. Въ продолженіи семи лѣтъ она, такимъ образомъ, была переведена, и у воспитанни-

⁹⁾ Отъ полковника Энгельмейера.

¹⁰⁾ Со словъ одного почтеннаго іерарха нашей церкви, бывшаго тогда въ Москвѣ.

новъ оказалась вся Библия въ Русскомъ переводѣ. Иногда записки ихъ поправлялись Павсиниъ, иногда мѣтъ, что, быть можетъ, и было причиною появленія въ переводѣ нѣкоторыхъ ошибокъ. Воспитанники, желая имѣть возможно большее число экземпляровъ, отлитографировали записки свои. Эти экземпляры пошли на расхватъ. Одинъ экземпляръ какая-то Московская дама передала инспектору Московской Духовной Академіи Агаангелу ¹¹⁾. Онъ нашелъ здѣсь что-то протестантское и написалъ замѣчанія на пяти листахъ. Замѣчанія преимущественно относились къ шрифтамъ. Агаангелъ препроводилъ записку свою и литографированную Библию кому-то въ Петербургъ. Дѣло стало гласнымъ. Снарядили комиссію изъ слѣдующихъ лицъ: Венедиктъ, епископъ Ревельскій, викарій С.-Петербургскій, Войцеховичъ, директоръ Канцеляріи Св. Синода и Сербиновичъ, директоръ оберъ-прокурорской канцеляріи. Въ Академіи сдѣланъ былъ обыскъ, но нашли всего пять экземпляровъ. Государь Императоръ, чрезъ оберъ-прокурора, повелѣлъ передать дѣло на обсужденіе Св. Синода. Филареты Кіевскій и Московскій подали такое мнѣніе: «Если народъ жаждетъ читать слово Божіе на родномъ языкѣ, то задача высшаго церковнаго правительства должна состоять въ томъ, чтобы удовлетворить этой духовной потребности народа, а потому слѣдуетъ настоящимъ трудомъ воспользоваться, исправивъ готовый переводъ, а что еще не переведено, перевести» ¹²⁾. Митрополитъ Серафимъ (бывшій тогда уже дряхлымъ старикомъ) высказался въ пользу безусловнаго воспрещенія перевода. Мнѣніе свое онъ поручилъ написать ректору Академіи Анастасію ¹³⁾. Такъ какъ это мнѣніе отвѣчало взглядамъ, т. е. вѣрнѣе сказать, видамъ оберъ-прокурора, то мнѣнія Филаретовъ никто не поддерживалъ. Государю же объяснено было, что это можетъ породить новый расколъ. Тогда на докладъ Государь написалъ: «Въодарю преосвященнаго Серафима за его ревность къ Православной церкви, а митрополитовъ Московскаго и Кіевского уволить на епархіи» ¹⁴⁾.

Строгость такой мѣры относительно святителей Филаретовъ созналъ и самъ Государь. Когда возобновляли великую церковь Кіево-Печерской Лавры, мѣстные художники закрыли старинныя фрески новою живописью, масляными красками. Это считалось и тогда преступленіемъ, а потому была назначена комиссія, и Синодъ постановилъ митрополиту Филарету сдѣлать выговоръ. Государь написалъ на докладъ: «Оставить старика въ покое; мы и такъ ему насолили» ¹⁵⁾.

Говорили мнѣ въ Кіевѣ, что въ первый заѣздъ Государя въ Лавру, митрополитъ Филаретъ, послѣ обычнаго молебствія, указавъ на группу чернецовъ, сказалъ: «Вотъ, Ваше Величество, художники, расписывавшіе храмъ». — «Кто ихъ училъ?» спросилъ Государь.

¹¹⁾ Известный ревнитель церкви, архіепископъ Вольевскій. † 1875 г.

¹²⁾ Черезъ 30 лѣтъ это мнѣніе вошло въ сознаніе правительства.

¹³⁾ Бывшій епископъ Астраханскій, нынѣ на покой въ Москвѣ.

¹⁴⁾ Отъ бывшего тогда воспитанникомъ Петербургской Академіи П. Г. Г.

¹⁵⁾ Отъ него же. См. ниже письма Серафима. П. Б.

«Матерь Божія», отвѣчалъ престоудшно владыка. «А! въ такомъ случаѣ и говорить нечего», замѣтилъ Императоръ.

*

Покойный протопресвитеръ арміи и флота (или, какъ называлось тогда на церковно-русскомъ языкѣ, оберъ-священникъ) Кутневичъ перенесъ гоненіе. Его желали отдалить и создать новое званіе архіепископа арміи и флота. Эта мысль поддерживалась оберъ-прокуроромъ графомъ Протасовымъ. На мѣсто это нѣлось въ виду назначить Аѳанасія, ректора Петербургской Академіи. По довѣрію къ архимандриту Аввакуму¹⁶⁾, жившему тогда на покое въ Невской Даврѣ, планъ этотъ былъ сообщенъ ему. Предлогомъ къ удаленію Кутневича былъ оказывавшійся у него недостатокъ въ переходящихъ суммахъ. Войцеховичу было поручено обревизовать его книги. Добрякъ Аввакумъ не вытерпѣвъ, отправился къ Кутневичу и все передалъ. Кутневичъ просто сказалъ Войцеховичу: «Да что вы тутъ стараетесь? У меня недостаетъ десяти тысячъ. Да будетъ воля Божія и начальства; я готовъ принять наказаніе». Все это было доведено до свѣдѣнія Государя, кажется княземъ Гагаринимъ. Государь послалъ Кутневичу 10 т. для пополненія недочета, а когда черезъ два-три дня графъ Протасовъ представилъ докладъ, Государь его уничтожилъ. Кстати о Кутневичѣ. Онъ былъ уроженецъ Могилевской губерніи и воспитывался въ Могилевской Семинаріи. Когда, проѣздомъ на богомолье въ Кіевъ, Московскій митрополитъ Платонъ останавливался въ Могилевѣ, Кутневичъ, бывъ воспитанникомъ, произнесъ рѣчь на Латинскомъ языкѣ. Преосвященный Платонъ, подошедъ къ нему и погладивъ по головѣ, сказалъ: «Это будетъ человекъ извѣстный». Покойный Кутневичъ завѣщалъ сыну, въ бытность въ Могилевѣ, засѣсть Семинарію. «Въ актовомъ залѣ, отойди отъ дверей на 6 шаговъ, ты будешь, говорилъ онъ, стоять на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ я, произносилъ передъ митрополитомъ Платономъ рѣчь и слушалъ его одобреніе». Сынъ исполнилъ¹⁷⁾.

Извѣстно, что Государь строго смотрѣлъ на дисциплину и при этомъ былъ внимателенъ къ положенію солдатъ. Разъ, во время Турецкой войны, въ лѣтній жаркій день, не помню, было ли сдѣлано передвиженіе войскъ или смотръ прибывшаго полка, знаю только, что полкъ былъ въ рянцахъ и полной походной формѣ. Когда Государь, осмотрѣвъ, ушелъ въ свою палатку, всѣ начальствующіе разошлись, а полкъ остался на томъ же мѣстѣ, подъ ружьемъ. Государь сѣлъ въ своей палаткѣ у окна и занимался. Увидѣвъ въ окно Дибичева адъютанта Долинскаго, онъ далъ знать ему рукою, чтобы онъ подошелъ. «Гдѣ дежурный флигель-адъютантъ?» спросилъ онъ. «Здѣсь нѣтъ, Ваше Величество». Государь вышелъ быстро изъ палатки, схватилъ Долинскаго за руку и приказалъ вести себя въ чью-то палатку. Зашедъ къ Дибичу, онъ засталъ его обливающимся водою. Между тѣмъ, услыжавъ голосъ Государя, скоро собрались всѣ Го-

¹⁶⁾ Служившій 20 лѣтъ при Екатеринѣ.

¹⁷⁾ Отъ Могилевскаго кафедральнаго протоіерея о. Петра Ганкевича.

сударь съ большимъ гнѣвомъ говорилъ: «Всѣ предаются отдыху, а о бѣдныхъ людяхъ не подумали, что они въ ранахъ, подъ ружьемъ въ жару стоять. Ложись!» крикнулъ затѣмъ Государь, и вся команда легла ¹⁵⁾.

*

Разъ, въ бытность въ Варшавѣ, Государь, проживая въ Лазенковомъ дворцѣ, замѣтилъ въ окно, что часовой сдѣлалъ проходившему мимо гауптвахты офицеру на караулъ, но офицеръ не отдалъ чести. Государь вышелъ изъ дворца и, подойдя къ часовому, спросилъ: «замѣтилъ ты, что офицеръ не отдалъ чести?»

— Точно такъ, Ваше Императорское Величество.

— Зналъ ты его?

— Никакъ нѣтъ, В. И. В—во.

— А въ лицо можешь узнать?

— Могу, В. И. В—во.

— Такъ слушай: никогда этому офицеру не дѣлай на караулъ; а если онъ тебя спроситъ: почему? скажи, что Императоръ не приказалъ. Слышишь?

— Слушаю, В. И. В—во.

Въ тотъ же день было это извѣстно въ полкахъ и конечно послужило добрымъ предостереженіемъ ¹⁶⁾.

*

Въ 1845 году въ Вяткѣ были постоянные поджоги. Уголовною Палатою 48 человекъ оставлено было, по недостаточности уликъ, подъ подозрѣніемъ. Губернаторъ Тюфяевъ представилъ министру о необходимости сослать ихъ въ Сибирь, доказывая, что эти 48 человекъ суть единственные поджигатели, такъ какъ, когда производилось слѣдствіе и судъ и они были въ заключеніи, поджоговъ не было. Тюфяевъ просилъ объ этомъ доложить Государю Императору, какъ о крайне необходимой и даже единственной мѣрѣ для прекращенія зла. Министръ отвѣчалъ, что представленіе Тюфяева на столько выходитъ изъ области закона, что онъ не смѣетъ и доложить о томъ Его Величеству. Тюфяевъ тогда представилъ всеподданнѣйшій рапортъ того же содержанія, присовокупивъ, что, какъ на его обязанности лежитъ благосостояніе и спокойствіе края, ввѣреннаго его управленію, то онъ не можетъ скрыть отъ Его Величества, что безнаказанность, являющаяся лишь по неполнотѣ уликъ, увеличиваетъ дерзость преступленія.

Отправивъ рапортъ, Тюфяевъ вмѣстѣ съ тѣмъ далъ предложеніе Губернскому Правленію объ изготовленіи 48 паръ кандаловъ, а полиціи предписалъ этихъ 48 человекъ взять подъ стражу. Очень скоро было получено высочайшее повелѣніе «исполнить». Въ одинъ день Тюфяевымъ дано было предложеніе Губернскому Правленію объ отсылкѣ въ Сибирь этихъ 48 человекъ, сообщено въ Тобольскій

¹⁵⁾ Отъ генералъ-маіора Вгора Яковлевича Долинскаго.

¹⁶⁾ Отъ генералъ-маіора Александра Васильевича Ласовскаго.

Комитетъ о сеньныхъ, всеподданнѣйшимъ рапортомъ донесено Государю Императору объ исполненіи высочайшаго повелѣнія и сообщено обо всемъ министру внутреннихъ дѣлъ, для свѣдѣнія ²⁹⁾.

Тюфяевъ вышелъ въ губернаторы изъ кантонистовъ. При императрицѣ Екатеринѣ II-й пріѣзжалъ въ Tobольскъ сенаторъ на ревизію и просилъ дать ему, для переписки бумагъ, четырехъ кантонистовъ изъ школы. Всѣ они ему понравились смысленностію. Онъ просилъ зачислить ихъ для военной службы неспособными и увезъ въ Петербургъ, гдѣ опредѣлилъ въ Сенатъ на службу. Изъ нихъ Тюфяевъ былъ губернаторомъ сначала въ Перми, а потомъ въ Вяткѣ; другой былъ губернскимъ прокуроромъ въ Перми, третій оберъ-секретаремъ. Бывъ въ Перми губернаторомъ, Тюфяевъ, къ чести его, не скрывалъ своего происхожденія и нерѣдко, шути, упрекалъ бывшаго своего товарища, прокурора, въ жадности. При этомъ онъ рассказывалъ о своемъ дѣтствѣ слѣдующее: «Получалъ я отъ матери на обѣдъ по копѣйкѣ, на которую покупалъ два калача; пойдуть ребятишки купаться, хочется и мнѣ, а сапоговъ снять не могу: они на ногахъ сохнутъ. Прошу его снять, а онъ: давай, говоритъ, одинъ калачъ — сниму. Жаль и калача, калачъ отдашь. Пока купаешься, сапоги поставишь въ воду и надѣнешь ихъ безъ бѣды; а на другой день опять таже исторія. Такъ онъ, злодѣй, бывало все лѣто меня въ проголодь держитъ». «А кто тебѣ велѣлъ, ваше превосходительство, барничать, отвѣчаетъ старый товарищъ: самъ бы снималъ сапоги, и калачъ былъ бы при тебѣ».

Тюфяевъ былъ волокита. Отличая жену одного совѣтника, онъ украшалъ и мужа знаками отличія; такъ послѣдній получилъ сначала Анну, а потомъ Владиміра на шею. Ознобишинъ, будучи очень молодымъ человѣкомъ, на карточномъ столѣ написалъ мелкомъ, во время званого вечера, слѣдующее четверостишіе:

Вземли, вселенная, вземли!
 Се чудо новое явилось на земли:
 Козель, за то что онъ съ рогами,
 Двумя украсенъ орденами!

Все это слышалъ я отъ покойнаго отца, лично знавшаго Тюфяева.

*

Въ Псковѣ былъ губернаторомъ Александръ Львовичъ Черкасовъ. Государь, зная его, какъ честнѣйшаго труженика, не имѣющаго никакаго состоянія и обремененнаго семействомъ, при замужествѣ каждой дочери, жаловалъ на приданое.

*

Въ Черниговѣ былъ 28 лѣтъ губернскимъ предводителемъ Степанъ Михайловичъ Ширай. Онъ имѣлъ крестъ Св. Владиміра 4 степени съ бантомъ, собственноручно припиленный ему императрицею Екатериною II-й, когда онъ явился отъ Суворова съ доносеніемъ о

²⁹⁾ Отъ Вятскаго уроженца, кол. сов. Виктора Михайловича Тиманова, бывшаго въ этотъ день у Тюфяева.

взятіи какой-то крѣпости ²¹⁾. Во время коронаціи Государь Николай Павловичъ пожаловалъ ему Владимира 3-й степени. Ширай привезъ этотъ крестъ министру и просилъ доложить Государю, что онъ не можетъ принять этой награды. Министра это изумило. «Доложите Государю, настаивалъ Ширай, что я не могу разстаться съ престомъ, собственноручно припиленнымъ мнѣ его бабкою, которую онъ самъ считаетъ Великою». Государь пожаловалъ ему Анненскую звезду ²²⁾.

*

Въ первые годы царствованія Государя Николая Павловича былъ въ Перми слѣдующій случай. Управляющій имѣніями и заводами одного высокопоставленнаго лица убилъ человѣка, въ минуту раздраженія. Вообще онъ былъ жестокъ. Дѣло это, при вліяніи владѣльца и помощи подкупа, замяли и въ Судѣ, и въ Палатѣ. Въ палатѣ не согласился съ общимъ мнѣніемъ засѣдатель Копыловъ ²³⁾, отказавшись отъ приношеній. О дѣлѣ дошло до свѣдѣнія Государя. Былъ посланъ флигель-адъютантъ, для секретнаго дознанія. Узнавъ отъ него обстоятельства дѣла, Государь повелѣлъ имѣть въ виду Копылова на должность губернатора. Копыловъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и назначенъ предсѣдателемъ Тобольскаго Губернскаго Правленія, а черезъ годъ или два Енисейскимъ губернаторомъ ²⁴⁾.

Государь Николай Павловичъ, бывъ великимъ княземъ, составилъ какое-то руководство для офицеровъ. Передавая его офицерамъ своего полка, онъ сказалъ: «не обращайтесь вниманія, господа, на орфографію; я долженъ сознаться, что на эту часть при моемъ воспитаніи не обращалось должнаго вниманія» ²⁵⁾. Конечно, Государь могъ

*

²¹⁾ Когда Ширай возвратился къ Суворову, и Суворовъ, увидѣвъ на немъ Владимирскій крестъ, спросилъ: «это что значитъ?» Ширай отвѣчалъ: «значитъ, что я храбръ, да не великъ» (а то дескать, получилъ бы Георгія).

²²⁾ Этотъ случай извѣстенъ всѣмъ Черниговскимъ старожиламъ.

²³⁾ Копыловъ началъ службу съ кописта въ Земскомъ Судѣ, потомъ, разумѣется, былъ подканцеляристомъ, канцеляристомъ, новытчиномъ, затѣмъ засѣдателемъ Земскаго Суда, Уѣзнаго и наконецъ Уголовной Палаты.

²⁴⁾ Отъ д. с. с. Павла Ильича Маслова, лично знавшаго Копылова въ Красноярскѣ. Говорятъ, Копыловъ не измѣнилъ своихъ привычекъ, бывъ губернаторомъ; такъ ходилъ онъ въ нанковомъ платьѣ, кухарка ставила ему на столъ горшокъ щей, когда онъ садился обѣдать. Жена пережила его и жила на скудной тогда пенсіи въ Вяткѣ, гдѣ умерла отъ испуга: ночью у нея въ квартирѣ произведенъ былъ полиціею обыскъ, по подозрѣнію ея прислуги въ воровствѣ. Бывшая губернаторша перепугалась полиціи, заболѣла и черезъ два-три дня отдала Богу душу. Слышалъ объ этомъ отъ ет. сов. Нарциса Игнатъевича Цюнкковскаго, который въ то время былъ полицмейстеромъ въ Вяткѣ.

²⁵⁾ Отъ тайн. совѣтн. князя Николая Николаевича Тѣнишева, бывшаго управляющимъ путей сообщенія въ Царствѣ Польскомъ.

поручить кому нибудь переписать, но это не отвѣчало прямому и честному его характеру.

Передъ Крымскою войною былъ отправленъ въ кругосвѣтное плаваніе транспортъ «Байкалъ». По настоянію Великаго Князя Генераль-Адмирала, капитаномъ транспорта былъ назначенъ капитанъ 1-го ранга Невельской ²⁶⁾.

Невельской, явившись разъ къ князю Меншикову, управляющему морскимъ министерствомъ, просилъ дозволить ему изслѣдовать берега Охотскаго моря и устье Амура. (Было убѣжденіе, что Охотское море не имѣетъ удобныхъ гаваней, а устье Амура, по мелководью, не можетъ принимать и плоскодонныя суда). Меншиковъ объяснилъ Невельскому, что такого разрѣшенія онъ дать не можетъ, такъ какъ этимъ измѣнились бы высочайше утвержденныя инструкція и маршруты. Невельской настаивалъ, увѣряя, что онъ на это не потребуеъ ни времени, ни лишннихъ средствъ, что онъ, наконецъ, просить только ему не мѣшать. Кн. Меншиковъ замѣтилъ ему, что его разжалуютъ за это въ матросы. При разговорѣ этомъ былъ покойный графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій ²⁷⁾. Послѣдній замѣтилъ Меншикову: «Да что тебѣ за дѣло? Если у него двѣ головы, ну и пусть подставляетъ одну!» Князь Меншиковъ тогда, махнувъ рукою, сказалъ Невельскому: «Какъ знаете, а я не мѣшаюсь».

Невельской исполнилъ свое намѣреніе и возвратился къ назначенному сроку въ Петербургъ съ добытыми имъ свѣдѣніями. Но тѣмъ не менѣе, какъ имъ допущенъ былъ произволъ въ измѣненіи высочайше утвержденного маршрута, его потребовали для объясненій въ Комитетъ Министровъ. Когда Невельской объяснилъ, что онъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководствовался единственно пользою отечества, ему замѣтили: «это хорошо; но что если всякій капитанъ 1-го ранга будетъ, руководствуясь пользою отечества, нарушать высочайшую инструкцію?» При этомъ присовокупили, что его ожидаетъ разжалованіе. Невельской оттуда прямо отправляется къ Его Высочеству, Генераль-Адмиралу. Великій Князь доложилъ обо всемъ Государю, и Невельской потребованъ былъ къ Его Величеству. Когда Невельской вошелъ въ Кабинетъ Государя, Государь всталъ, подошелъ къ нему и, взглянувъ на маленькую и худенькую фигуру Невельскаго, сказалъ: «Такъ это ты сочиняешь экспедиціи и измѣняешь высочайше утвержденныя инструкціи? А что—матросъ?! Матросъ! Мичманъ! Лейтенантъ! Капитанъ-лейтенантъ! Капитанъ 2-го ранга! Капитанъ 1-го ранга!» Затѣмъ, надѣвъ на шею Невельскому Владимірскій крестъ и поцѣловавъ, Государь его отпустилъ ²⁸⁾.

Сообщено Иваномъ Степановичемъ Листовскимъ.

²⁶⁾ Адмиралъ, Геннадій Ивановичъ Невельской умеръ 1875 г.

²⁷⁾ Генералъ адъютантъ графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, бывшій Оренбургскій и Самарскій генералъ-губернаторъ, умеръ 1857 г.

²⁸⁾ Отъ покойнаго Петербургскаго предводителя дворянства Михаила Алексѣевича Атрыганьева.

Два письма митрополита Серафима къ графу Н. А. Протасову.

1.

Ваше сіятельство, милостивый государь!

По болѣзни моей, я не могъ принять личнаго участія въ разсмотрѣніи поступившаго въ Святѣйшій Синодъ дѣла объ оказавшемся здѣсь искаженномъ и нечестивомъ переложеніи учительныхъ и про- роческихъ книгъ Ветхаго Заветъа, изданномъ втайнѣ и распростра- ненномъ посредствомъ литографированія; но по особенной важности случая, вмѣняю себѣ въ обязанность, собравъ на одрѣ болѣзни оста- токъ силъ, сообщить вашему сіятельству соображенія и мысли, ка- кія внушаютъ мнѣ долгъ моего званія, святость присяги, сыновняя преданность къ нашей древней отечественной православной вѣрѣ и опыты долгодѣтнаго служенія святой церкви.

При извѣстіи объ упомянутомъ переложеніи, я исполнился душев- наго прискорбія, какъ потому, что такое злоупотребленіе святынею очевидно угрожаетъ той чистотѣ, въ которой ученіе вѣры препода- валось въ отечествѣ нашемъ, ограждаемомъ отъ пагубныхъ инозем- ныхъ суемудрій помощію Божіею и попеченіемъ благочестивѣйшаго Государя Императора, такъ и потому, что такое злокачественное посягательство явилось отъ имени и посреди духовнаго юношества, отъ котораго мы ожидаемъ вѣрныхъ и усердныхъ пастырей и слу- жителей церкви, воспитывающей ихъ своими трудами и пожертвова- ніями. Разсматривая сей случай со всѣхъ сторонъ, я къ великому прискорбію усматриваю въ немъ горестное послѣдствіе тѣхъ лож- ныхъ на счетъ употребленія Слова Божія понятій, которыя, бывъ нѣкогда занесены къ намъ иновѣрцами и увлекши умы нѣкоторыхъ у насъ, угрожали іерархіи подрывомъ ея власти, народу воспитані- емъ въ немъ обольстительнаго, но вмѣстѣ и гибельнаго чувства не- зависимости отъ церкви, православію—испроверженіемъ коренныхъ началъ его: ибо по ученію православной церкви Священное Писаніе передано Богомъ не народу, а сословію пастырей и учителей, и уже чрезъ нихъ народу. Зловредныя мнѣнія, пресѣченіе коихъ требовало великихъ усилій отъ истиннаго усердія къ церкви, возродившись ны- нѣ и явившись во всемъ своемъ безобразіи, на самомъ опытѣ пока- зали, какъ глубоко вкореняются и съ какимъ трудомъ вращаются

подобные недуги. Нечестивое предложеніе Священнаго Писанія тѣмъ большее возбуждаетъ негодованіе и скорбь; что оно явилось тогда, когда православная церковь наша такъ недавно еще одними истинами своего неповрежденнаго ученія возвратила къ себѣ миллионы отпадшихъ чадъ, когда начинаютъ вразумляться и другіе, погрѣшительно укоряющіе насъ въ допущеніи перемѣнъ, и когда церковь наша съ утѣшеніемъ видитъ возрастающимъ благочестивое чувство въ народѣ, возбужденное примѣромъ благочестія въ Государѣ.

Въ сихъ мысляхъ я полагаю: 1) Дознать съ полною достовѣрностію, кто именно тотъ или тѣ, которые возбудили студентовъ приступить къ такому дѣлу; ибо не могу я допустить, чтобы студенты приступили къ тому сами, безъ руководства, безъ опыта, безъ связи съ прежнимъ воспрещеннымъ образомъ мыслей; и затѣмъ виновнымъ пресѣчь всякую возможность посягать на подобныя дѣйствія, испытавъ совѣсть и тѣхъ, которые почему-либо знали о существованіи зла и оказывали грѣховное равнодушіе, не послѣдивъ обнаружить того, какъ требовали и присяга и польза церкви; и 2) усилить мѣры, которымъ ваше сіятельство столь усердно споспѣшествуете и на которыя всегда взиралъ я съ истинною признательностію, призывая на нихъ благословеніе Божіе, чтобы на будущее время все воспитаніе духовнаго юношества направлено было къ сохраненію во всей неприкосновенности прямаго православнаго ученія вѣры и ограждено отъ всякаго колебанія мыслями иновѣрныхъ, и чтобы никто ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ не отваживался посягать на предложеніе Священнаго Писанія, долженствующаго оставаться въ томъ видѣ, въ какомъ оно принято нами отъ нашихъ благочестивыхъ предковъ и донынѣ служило залогомъ нашего благоденствія. Глубоко убѣжденный въ сей истинѣ, я старался ограждать ее по мѣрѣ силъ моихъ, во все продолженіе моей службы, готовъ изойти и теперь съ тѣмъ же усердіемъ; а если Господу Богу угодно будетъ оставить меня на одрѣ болѣзни, то передаю ее вашему сіятельству, какъ мое послѣднее желаніе, какъ завѣщаніе архіерея, служившаго до глубокой старости церкви и Государю въ истинной къ нимъ любви и преданности.

Зная вполне образъ мыслей вашего сіятельства совершенно православный и ваше усердіе къ службѣ Его Императорскаго Величества, я остаюсь покойнымъ и утѣшаюсь мыслию, что вы примете всѣ нужныя мѣры въ семъ столь важномъ случаѣ, прося васъ, милостивый государь, передать мои мысли и Святѣйшему Синоду, если я не возмогу въ скоромъ времени присутствовать въ ономъ. Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и душевною преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга

Серафимъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій.

№ 37.

Марта 1-го 1842 года.

И. М. Богоявленскаго. 2.

Милостивый государь графъ Николай Александровичъ!

Разсмотрѣвъ присланную мнѣ записку Московскаго митрополита Филарета, составленную имъ по случаю появленія литографированной Библии, нахожу изложенныя въ ней предложенія:

1) Излишними. Въ православной церкви сохраненіе и распространеніе спасительныхъ истинъ вѣры обезпечивается сословіемъ пастырей, которымъ съ сею именно цѣлю и преподается даръ учительства, и которые нарочито къ сему приготавливаются въ духовныхъ заведеніяхъ. Сей путь наставленія народа, какъ единый законный, сохранялся и сохраняется въ нашей православной церкви во всей силѣ. Если явившійся переводъ есть плодъ одной любознательности, то сей любознательности надобно дать другое направленіе, болѣе соотвѣтствующее пользамъ церкви.

2) Опасными. Постепенное изданіе толкованій святыхъ отцевъ, какъ было, такъ и будетъ самымъ полезнымъ подвигомъ для святой церкви. Но толкованія Священнаго Писанія, основанныя или на собственномъ сужденіи толкователя, или на сравненіи отеческихъ толкованій одного съ другимъ, равно какъ и текста Еврейскаго съ Греческимъ, могутъ ослабить благоговѣніе, питаемое православными къ святымъ отцамъ и предметы вѣры сдѣлать предметами одного холоднаго изслѣдованія. Издать же Библию со внесеніемъ въ нее какихъ бы то ни было оглавленій и замѣчаній, по самой краткости своей неудовлетворительныхъ, значило бы умамъ празднымъ давать поводъ къ спорамъ и разномыслию и многимъ заблужденіямъ. Такое изданіе не только не уничтожитъ соблазна, произведеннаго нечестивыми примѣчаніями къ тексту литографированнаго перевода, но еще произведетъ новый соблазнъ, заронивъ въ умы мысль, что какъ будто святое Слово Божіе имѣетъ нужду въ человѣческомъ оправданіи, и что народъ можетъ быть судіею въ дѣлахъ вѣры.

По симъ причинамъ, согласно съ тѣмъ, какъ я уже писалъ къ вашему сіятельству, по полученіи извѣстія о появленіи литографированнаго перевода, полагаю: оставивъ священный текстъ Библии въ томъ точно видѣ, въ какомъ онъ теперь, обратить все вниманіе на предметы ученія въ семинаріяхъ, строжайше воспретивъ наставникамъ въ ученіи богословскомъ выходить за предѣлы, православною нашею церковію положенныя, а равно и самую организацію учебной части въ духовныхъ заведеніяхъ подвергнуть строгому разсмотрѣнію.

Мысли сіи прошу васъ, милостивый государь, передать и Святейшему Синоду.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и душевною преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Серафимъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербуржскій.

Марта 4 дня 1842 года.

(Изъ бумагъ И. С. Сербиновича).

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА 1878 г.

(Тетради 9, 10, 11 и 12) *И. И. Богоявленскаго.*

Абаза-наша. 461, 464.	Александръ Македонскій. 37.
Абдуль-Гамидъ, султанъ. 11, 57, 87, 116, 167.	Александръ Невскій. 51.
Абдурахманъ-мурза. 480.	Александръ Николаевичъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ. 263, 273, Государь 287, 295, 297, 299, 300, 302, 304, 305, 306, 313, 325, 342, 349, 350, 354, 358.
Авакумъ, архимандритъ - миссіонеръ въ Битаѣ. 517.	Александръ Павловичъ, великій князь (его рожденіе). 38—40, 44, 46, 51, 57—60, 63, 65, 66, 70, 72—76, 79—82, 84—86, 88—91, 95, 98, 102, 105, 109, 110, 117, (кумъ г-жи дю-Бюейль) 134, 150, 154, 175, 186, 188, 194, 196, 202 (мысль Екатерины короновать его), 204, 205, 208, 211, 212, 218, 219, 223, (леченіе отъ глухоты) 227, 233, 237, (императоръ) 251, (отмѣна розыскаго порядка) 372, 373, 425, 496, 497.
Августа, принцесса Брауншвейгская. 74.	Алексѣй Михайловичъ, царь. 20, (Русское посольство въ Варшаву 1662 года). 343.
Августа, принцесса Виртембергская (Зельмира). 129, 131, 133, 137—139, 141—145, 148, 150, 152, 167—169.	Али-Мурзинишъ-оглу-Чебанъ-мурза. 173.
Августъ, принцъ Виртембергскій. 364.	Алмаши, графиня. 505.
Ага-Мехметъ-хашъ. 231, 233, 236.	Альгаретти, Итальянскій писатель. 77.
Агаоангель, архіеп. Волынскій. 516.	Ангальтъ - Бернбургская принцесса. 214.
Агаооновъ. 427.	Ангальтъ-Бернбургскій принцъ. 165.
Агте, подполковникъ. 266, 268—273.	
Аделунгъ, (сочиненіе). 382.	
Азоръ, Францискъ (Арабъ Екатерины II-й). 42, 43, 44, 48.	
Аладъишъ. 397.	
Александра Павловна, великая княжна. 92, 93, 176, 205, 212, 213, 221, 230, 232, 233, 238.	
Александра Осодоровна, императрица. 349, 350, 353.	
Александровъ, Гр. Никол. 242.	
Александровъ, флигель-адъютантъ. 368.	

- Ангальтъ, графъ. 94, 112, 130, 153, 227.
 Ангальтъ-Дессау, принцъ. 238.
 Ангальтъ-Цербстскіе принцы. 215.
 Ангеловъ, маіоръ. 474, 477, 478.
 Ангулемская герцогиня. 248.
 Андерсонъ Томъ. 41.
 Анибаль, генер. 414.
 Анна, дочь Греческаго императора. 217.
 Анна Павловна, великая княжна (рожденіе) 216, 217, (Русская пляска) 232.
 Анненковъ, Н. П. генер.-лейт. 405.
 Аносовъ, горный офицеръ. 278.
 Антошій, архимандритъ. 256.
 Антошъ Ульрихъ, Брауншвейгскій. 128.
 Апраксина, графиня. 354.
 Апраксины. 394.
 Аракчеевъ, графъ (вліяніе на государя). 373.
 Арбузовъ, вап. 1-го ранга. 278.
 Аргирій, банъ. 413, 422, 456, 461, 462, 464.
 Арендтъ, врачъ. 355.
 Армфельдъ. 172, 220, 221.
 Арно, аббатъ. 78.
 Аристъ, купецъ. 168.
 Арраскій, епископъ. 204, 205.
 Артуа, (д') гр. 177, 196, 197, 204—206, 209, 232, 240.
 Атрыганьевъ, М. А. 521.
 Атусва, Анна. 428.
 Ахметъ-наша. 467, 470.
 Афанасій, ректоръ Академіи. 516, 517.
 Айжидай. 313, 334, 337—342.
 *
 Баварскій, курфюрстъ. 203.
 Баденскія, принцессы. 204.
 Базиль, органистъ. 219.
 Базуновъ, книгопр. 387.
 Баженовъ, придворный архитекторъ при Екатеринѣ II. 16.
 Бальи. 102, 103, 111.
 Башидъ, Вѣнсскій профес. естественнаго и всеобщаго права. 485.
 Баранова. 354.
 Барановскій, капит. 2-го ранга. 402.
 Баратынскій, Е. А. 380, 387, 397, 398.
 Барятинскій, князь Ал-дръ Ив. фельд-маршалъ. 114.
 Барятянскій, кн. Ив. Серг. 13, 30, (посланникъ въ Парижъ) 114.
 Барятинскій, кн. Фодоръ Серг. 44, 46, 53.
 Бассевиль. 201.
 Бастевикъ, маіоръ. 455, 456, 458, 460, 465, 469.
 Батыръ-ага. 470.
 Бауеръ, генераль Фодоръ Вилим. 80, 85, 86, 92, 93, 165.
 Бахметева, А. П. 14.
 Бахти-Гирей, сераскерь-султанъ. 456, 457, 464, 466, 469, 470, 472, 474, 476, 481.
 Баязеть, султанъ. 415.
 Байли. 135.
 Байронъ. 343.
 Безбородко, гр. А. А. 56, 58, 69, 83, 86, 91, 106, 117, 118, 121, 138, 143, 150, 153, 167, 168, 192, 193, 198, 201, (отправка въ Яссы) 243, (письмо къ А. Н. Самойлову) 245, 246, 413, 489, 496.
 Безносиковъ, генер.-маіоръ Констан. Степан. (усмирение раскольничьяго бунта въ Енисейск. губ.). 511, 513.
 Безносиковъ, наказ. атаманъ. 513.
 Безносиковъ, шт.-офиц. 513.
 Бекерсъ, врачъ. 365.
 Бельзэнь (де), братъ г-жи дю Бюзль. 169, 194, 200.
 Бемъ, Вѣнсскій профес. полицейскаго права. 486.
 Бешкендорфъ, гр. А. X. 510, 511.
 Бенуа. 179.
 Бергъ, генер.-квартирмейстеръ. 266, 268, 269, 272.

- Бергъ, генер. - поручикъ. 469, 470, 474, 475, 482.
 Бергъ, графъ. 262.
 Березинъ-Ширяевъ, Як. Федул. 374, 392.
 Бернбургскій, принцъ. 238.
 Бернисъ, кардиналъ. 55.
 Бецкій, Нв. Ив. 46, 125, 138, 143, 144, 209, (кончина) 225.
 Бибиковъ, генералъ. 8, 278.
 Бидгай, баснописецъ. 94.
 Блакстонъ. 31, 33, 36.
 Блудова, графиня Антонина Дм. (вспоминанія ея). 348, 368.
 Блудова, Лидія. Дм. 354, 358.
 Блудовъ, гр. Д. Н. 20, 348, 349, 354, 355, 357, 359, 361, 367, 368.
 Бобринскій, гр. А. А. 107, 124, 126, 135, 136, 138, 143, 144, 146, 148, 155, 165, 168, 169, 215, 248, 250.
 Болдыревъ, Давыдъ. 428.
 Болевъ, Анна, супруга Генриха VIII Англійскаго. 55.
 Болтинъ. 224.
 Бомарше, издатель. 148.
 Борхъ, баронъ. 245.
 Браганцскій герцогъ. 23.
 Брадке, М. Ѡ. генер. - майоръ. 405, 406, 407.
 Бразинскій, Христіанъ Ермолаевичъ, камердинеръ Екатерины II-й. 126.
 Браницкая, графиня. 117, 141, 144, 489.
 Браницкій, генералъ. 141.
 Браски, (Пій VI). 17.
 Брауншвейская, принцесса. 84.
 Брауншвейскій герцогъ, отецъ Зельмиры. 131, 133, 140—145, 168, 180, 183, 204.
 Бретель. 35, 43, 47, 87, 201, 207.
 Бромитонъ, живописецъ. 89.
 Броутошъ. 260.
 Бруть. 351.
 Брюжъ, графиня. 349, 350.
 Брюловъ. 374.
 Брюсова, гр. Праск. Александр. 45, 106.
 Брюсъ, гр. 56, 91, 112, 159, 304.
 Будбергъ, генер. 229, 252.
 Будищевъ, кап.-лейт. 402.
 Будогоскій, подполковникъ. 302, 305, 306, 311, 332, 334, 335, 338, 339, 340, 341.
 Буксгевденъ. 169.
 Булатъ-ага, пфѣнникъ. 456.
 Булье. 195.
 Бурбоискій герцогъ. 132.
 Бургуанъ, генералъ-губернаторъ Канады. 39.
 Бурманъ, генер.-майоръ. 468.
 Буссе, библиотечаръ Академіи. 208.
 Бутурлина, графиня. 348.
 Бухвальдъ, г-жа, пріятельница Гримма. 62, 169.
 Бушуевъ. 136.
 Бушъ, садовникъ Екатерины II-й. 76.
 Быковъ, П. В. 254, 255.
 Бычковъ, А. Ѡ. 391.
 Бѣлинскій, В. Г. 255, 256.
 Бѣлосельская, княгиня Анна Гр. 251.
 Бѣлосельская, княжна Зинаида Александровна. 251.
 Бэйссе амбаль. 275, 276, 280, 304.
 Бюрней, дѣвицы. 348.
 Бюффонъ, отецъ. 61, 63, 66, 68, 75, 76, 77, 83, 92, 102, 103, 111.
 Бюффонъ, сынъ. 83, 92.
 Бюейль (дю), госпожа (внучка г-жи д'Эпяно). 134, 169, 188, 193, 211, 224.
 Бюейль (дю), дѣвица. 134, 188.
 *
 Вагнеръ. 65, 71.
 Вагнеръ, пасторъ. 39.
 Вагнеръ, учитель Екатерины II. 12, 20, 27, 31, 41, 49.
 Вадковскій, Ѡ. Ѡ. 249.
 Ваза, графъ. 236, 237, 238.
 Вальтеръ, профессоръ живописи. 485.

- Ванжура, баронъ. 165.
 Ванъ-Дезинъ, адмиралъ. 164.
 Ванъберъ, секретарь Вольтера. 85.
 Васильевъ, Гурій, смыльный. 273.
 Васильевъ, Фодоръ. 427.
 Васильчиковъ, Александръ Семеновичъ. 9, 128.
 Васильчиковъ, И. В. (пожалованіе графомъ). 357.
 Великопольскій. 394.
 Велискій, Мих. Вас. 507, 508, 514.
 Велеситиновъ. 251.
 Венедиктъ, еписк. Ревельскій. 516.
 Венцель, генералъ. 275, 277.
 Венюковъ. 302.
 Веракъ (де), маркизъ. 153.
 Вержень. 82, 87, 135.
 Веселитскій-Божидаровичъ, генералъ 1812 года. 451.
 Веселитскій-Божидаровичъ, совѣтникъ канцеляріи. 451, 453, 454, 459, 470, 473, 482.
 Веселитскій - Божидаровичъ, дѣятель по освобожденію Босніи и Герцеговины. 451.
 Вейкардъ, врачъ. 101.
 Веймарскій, герцогъ. 214.
 Вейсъ, баронъ. 489.
 Вейтбрехтъ. 110.
 Вильгельмъ. 227.
 Вильде, г-жа. 145, 168, 169.
 Виртембергскій, герцогъ. 133, 191.
 Вишневецкій, Мих. 343.
 Владиміръ, святой. 86, 87, 217, 226.
 Владиміръ, священникъ Санъ-Донатской церкви (похороны кн. А. Н. Волконскаго). 254.
 Владиславъ, Польскій королевичъ. 217, 357.
 Власовъ, (библіотека). 388.
 Восйковъ, Андр. 428.
 Восйковъ, А. Ф. 394.
 Восйковъ, генер. Фодоръ Матвѣевичъ. 446.
 Волконская, княгиня Зинаида Александровна. 251, 252.
 Волконская, княгиня Луиза. 253.
 Волконскій, князь. 441.
 Волконскій, кн. А—дръ Никитичъ. 251—254.
 Волконскій, князь М. Н. 18.
 Волконскій, кн. Никита Григ. 251.
 Волконскій, кн. Петръ Мих. 251.
 Володковичъ, митрополитъ. 448.
 Вольтеръ. 7, 38, 40, 46, 47, 49, 52—54, 62, 65, 66, 85, 94, 98, 148, 173, 201, 343.
 Волярскаго, помѣщикъ. 426.
 Воронцовъ, гр. А. Р. 85.
 Воронцовъ, кн. Мих. Семен. 213.
 Воронцовъ, графъ С. Р. 155, 240, (разсказъ о Моценигъ) 413, 424, 425.
 Войновичъ. 495.
 Войцеховичъ, 516, 517.
 Врончевко, министръ финансовъ. 261, 262, 263, 270, 272.
 Вудгоузъ, лордъ. 287.
 Вяземскій, князь А. А., генералъ-прокуроръ. 119, 133, 138, 199, 251, 368, 397.
 Вяземскій, князь П. А. 382, 383.
 Вяткина, Акинья. 428.
 Вяткина, Наталья. 428.
 *
 Габріакъ, маркизъ. 249.
 Гавриловъ 2-й, подпоручикъ. 257, 260.
 Гага, графъ (Густавъ III). 97, 122, 236—238.
 Гагаринъ, кн. 426, 517.
 Гадекъ, графиня. 505.
 Гальяни, аббатъ. 37, 39, 153.
 Гашкевичъ, П. Г. 514, 517.
 Ганноверскій курфирстъ. 415.
 Гарди, гувернеръ Ян. Дм. Ланскаго. 72, 82.
 Гаррисъ. 153, 199.
 Гваделумскій, Гр. Александръ (Азоръ). 48.

- Гваренги. 60, 76, 79, 98, 119, 123.
201, 212.
- Гедвига, Польская королева. 217, 226.
- Гельбигъ, авторъ книги Russische Günstlinge и секретарь Саксонскаго посольства. 228, 233.
- Гельвецій. 210.
- Генрихъ, принцъ Прусскій. 12, 14, 15, 25, 28, 29, 33, 51, 110, 129, 132, 166, 174, 179, 180, 184, 192, 219, 229.
- Генрихъ IV-й. 171, 197, 205.
- Георги, профессоръ академіи. 83.
- Георгъ III-й, король Англійскій. 154, 155, 164, 165, 168, 180, 184, 186, 178, 199.
- Георгъ IV, Англійскій. 74.
- Гераклій, Грузинскій царь. 236.
- Герберштейнъ. 379, 386.
- Герстфельдъ, естествоиспытатель. 278.
- Герценъ, 373.
- Герцъ, госпожа. 120, 122.
- Герцъ, Прусскій посланникъ въ Петербургъ. 74, 78, 84, 120, 122, 124, 215, 233.
- Герцбергъ, первый министр Фридриха Великаго. 106, 129, 174, 178, 180, 182, 184, 186, 187, 192, 217.
- Геснеръ. 150.
- Гессенъ - Дармштадскій ландграфъ. 203.
- Гессенъ - Дармштадскій наслѣдный принцъ. 24.
- Гёте. 104.
- Гика, князь. 439, 449, 450.
- Глазуновъ, типографчикъ. 375, 387.
- Глинка. 374.
- Глуховъ. 216.
- Гоголь, Н. В. 255 (мѣсто его погребенія) 386.
- Голицына, княгиня. 211.
- Голицына, княгиня, Дарья Алексѣевна. 45.
- Голицына, княгиня, Прася. Нв. 58.
- Голицынъ, вн. Ал—дръ Мих. (уступка Московскаго дома Екатерины II). 14, 45, 93.
- Голицынъ, вн. А. Н. (письмо къ А. Н. Самойлову). 249.
- Голицынъ, вн. Дм. Мих. 29, 72, 444, 445.
- Голицынъ, вн. Мих. Мих. 14.
- Голицынъ, вн. Сергій Мих. 14, 235, 350, 376.
- Головацкій, 353.
- Головинъ, графъ (наклонность къ просканъ). 228.
- Головкинъ, гр. Юрій. 228, 229, 233, 349, 350.
- Гольдони, издатель. 146.
- Горчакова, Анна. 427.
- Горчакова, Елисавет. помѣщица. 427.
- Горчаковъ, князь. 262, 286, 287, 300, 302, 304.
- Гостомысль. 224.
- Готскій, принцъ. 62.
- Готская, герцогиня. 229.
- Грабовскій, генералъ. 213.
- Граммонъ, Аглая (Давыдова). 248.
- Грейгъ, адмиралъ. 78, 160, 162, 164.
- Грибоѣдовъ. 374, 386, 387.
- Гриммъ, баронъ (письма къ нему Екатерины II). 5—240.
- Гро, баронъ, 294, 297, 329, 330, 331.
- Гросслагъ, баронъ. 106, 196.
- Гроссъ. 236.
- Гротъ, Ян. Карл. 5, 103, 256, 260.
- Грузинская, княгиня. 353.
- Грузинскій, царевичъ. 487.
- Грушецкая, 71.
- Грязевъ, Никита, капит. 427.
- Губеръ, живописецъ. 20, 33.
- Гудевичъ, гр. Ив. В. (письмо къ А. Н. Самойлову). 246.
- Гудонъ. 98.
- Гушиницъ, Робертъ, Англ. посланникъ. 409.

- Гуль-Шивъ-Ванъ, братъ богдыхана. 329—332.
- Гурій, архимандритъ. 327.
- Гурьевъ, (заговоръ). 372.
- Густавъ III. 89, 46, 47, 53, 66, 91—93, 97, 123, 137, 152, 154, 164, 166, 167, 170, 179, 180, 184 — 187, 192, 196, 199, 200, 206.
- Гуй-лянь. 303, 310, 312, 316, 317, 318, 322, 323, 328.
- Гюльзенъ. 93.
- *
- Давыдова, Аглая. 248—248.
- Давыдова, Адель (воспѣтая Пушкинымъ). 249.
- Давыдова, Ев. Никол. 248.
- Давыдовъ, Ал-дръ Льв. (письмо къ А. Н. Самойлову). 247, 248.
- Давыдовъ, Вас. Льв. 248.
- Давыдовъ, Владисиръ Александр. 249.
- Давыдовъ, Д. В. 251.
- Давыдовы. 394.
- Даламберъ. 256.
- Далинь, историкъ. 224.
- Дальбергъ, баронъ. 55, 65, 140.
- Данилевскій, поруч. 449.
- Дао-гуанъ, богдыханъ. 326.
- Дармштадскій герцогъ. 12, 15, 17, 22, 27, 32, 34.
- Дашкова, Анастасія Мих. 426.
- Дашкова, Екат. Ром. 70, 85, 86, 195, (письмо къ графу Самойлову). 249, 427.
- Дашковъ, кн. Пав. Мих. 70.
- Девлетъ-гирей-ханъ. 462.
- Декоршъ. 209.
- Деламетъ-Шевалье. 134.
- Деларивьеръ. 57.
- Деланъ, принцъ. 66, 134, 141—143, 146, 149, 152, 153, 189, 497.
- Дельвигъ, бар. А. А. 386, 387.
- Деметьевъ, переводчикъ. 482.
- Демидовъ, (библиотека). 388.
- Деница, аббатъ. 165.
- Дзонъ, шведск. 40, 47.
- Державинъ, Гавр. Ром. 244.
- Дешавель, актриса. 356.
- Джанъ-Мамбетъ-бей. 480, 481.
- Джанъ-Темиръ-мурза. 482.
- Джелилибей-ширинъ-мурза. 460.
- Дженъ-ванъ. 323, 326.
- Джирга-шанъ, Китайскій чиновн. 276.
- Дженъ-Булатъ-ага, павный Биргизскій начальникъ. 457.
- Дзиранинга. 285.
- Дзянь-дзюнь. 340.
- Дибичъ, графъ И. И. 517.
- Дидеротъ, вдова. 100.
- Дидеротъ, дѣвица. 105.
- Дидеротъ. 6, 15, 23, 105, 111, 123, 256, (письмо къ гр. Михину). 409.
- Дидотъ. 171.
- Дикъ, кавалеръ. 435, 436.
- Дипа, Сербъ. 504.
- Димсдаль. 9.
- Дмитріевъ, Ив., убитъ своими крестьянами. 427.
- Дмитріевъ - Мамоновъ, графъ А. М. 127, (Красный Кафтанъ) 130, 134, 135, 138, 141, 146, 147, 149, 151, 153, 156, 157, 164.
- Добролюбовъ. 255.
- Добрянскій. 353.
- Долгорукова, княжна Праск. Никол. 71.
- Долгорукій, князь Сергій Алексѣевичъ. 350, 354.
- Долгоруковъ, князь Вас. Андр. 266.
- Долгоруковъ, кн. Вас. Мих. 45, 436, 438, 451.
- Долгоруковъ, князь Никол. Андр. 510.
- Долинскій, Егоръ Яковл. адъют. Дибича. 517.
- Дурновъ. 368.
- Дэ-Вэйцзы. 323.
- Дюмурье. 202—205, 214.
- Дюранъ, Франц. посланникъ въ Петербургѣ. 9, 53.
- *

- Евсрлаковы. 426.
- Екатерина I, (подметныя письма). 370.
- Екатерина II (письма къ бар. Гриму). 5—240, (къ гр. Н. И. Салтыкову) 241, 242, (къ гр. А. Я. Самойлову). 243, 244, 249, 362, (закрытіе тайной розыскной канцеляріи) 370, 372, (бесѣды съ Дидеротомъ) 409, (1-я Турецкая война) 413, 420, 421, 426, 429, 430, 436, 438, 444, 447, 450—452, 469, 471—477, 479—482, 487, 495—498, 503, 519, 520.
- Екатерина Павловна, великая княжна. 51, 156, 176, 204, (Русская пляска) 232.
- Елагинъ, Из. Перф. 69, 208.
- Елена, Гречанка, кормилица Константина Павловича. 58.
- Елена Павловна, великая княжна. 104, 105, 116, 134, 176, 205, 218, 232, 233, 352, 359—367.
- Елисавета Алексѣевна, великая княгиня. 208, 212, 217—219, 226, 232, 233.
- Елисавета Петровна, императрица. 12, 27, 40, 41, 47, 56, 483, 495
- Елисавета, эрцгерцогиня Австрійская. 171.
- Ергомышевъ, кап. 2 ранга. 402.
- Ермоловъ, Ал-дръ Петр. 109.
- Ермоловъ, А—й Петр. 349, 352.
- Еронкина, Елисавет. Мих. 426.
- Еронкинъ, Петръ Дм. 251, 426, 429.
- *
- Жакменъ, Вѣнскій проф. химіи и ботаники. 485.
- Жарковъ, портретистъ. 177.
- Жене, демагогъ. 196.
- Жи-да-кай. 322.
- Жоеренъ, госпожа. 58.
- Жун. 351.
- Жуковский, В. А. 355, 367.
- Журданъ. 239.
- Жуй-чанъ. 308—311, 316—320, 329, 330, 332.
- Жюшье (де), Французскій посолъ въ Петербургѣ. 22, 107, 124.
- *
- Завадовскій, гр. П. В. 155, 165, 413.
- Завадовскій, поручикъ. 480, 482.
- Завойко, контръ-адмиралъ. 282.
- Закревскій, графъ А. А. 261.
- Зальмира (Августа), принцесса Виртембергская. 78, 83, 84, 87—94, 111, 115, 116, 119—122, 126—129, 131, 133, 137—145, 148, 150, 152, 167, 169.
- Зиновьева, Елена. 428.
- Зиновьевъ, Петръ. 428.
- Зонненфельсъ, Вѣнскій профессоръ математики, 485.
- Зоричъ, Семень Гаврил. 44, 46, 461, 464—466, 495, 497, 498.
- Зубаревъ, 395.
- Зубковъ, Вас. Петр. 393.
- Зубовъ, гр. Вал. Александр. 216, 223, 233, 235, 236.
- Зубовъ, князь Платонъ Александр. 174, 184, 191, 195, 198, 201, 218, 228, 229.
- Зубовы. 199.
- Зюдерманландскій, герцогъ. 162, 170, 220, 234.
- *
- И, князь. 289.
- Ивановъ (Ювановичъ), оберъ-лейт. 488, 489.
- Ингельстромъ, ген. 172, 220.
- Игнатьевъ, генер.-маіоръ, нынѣ графъ Николай Павловичъ (дѣятельность въ Битаѣ) 304, 305, 308—332.
- Изабелла, королева Испанская, 353.
- Изембургъ, князь. 203.
- Ивяславъ. 217, 226.
- Иліюсъ, Едисанецъ. 471.
- Ильяна, Надежда Вас. 253.
- Ильинъ, В. В. 254.
- Исмаиль-ага. 472, 473.

Истоминъ, Влад. Ив. 401.
 Истоминъ, Б. И. 401—403.
 Италинскій. 228.
 И-шань. 301, 309, 318, 321, 322, 333, 334, 342.
 Из, генералъ-губернаторъ. 295.

*

Иенингъ. 233, 234.
 Іоаннъ Васильевичъ, царь. 383.
 Іосифъ, императоръ, 65, 118.
 Іосифъ І-й. 484.
 Іосифъ II-й, (возмущеніе Нидерландовъ) 152, 157, (кончина) 171, 179, 487, 497.

*

Кавалькабо, маркизъ. 436.
 Казаковичъ, лейтенантъ. 260, 278, (контръ-адмиралъ) 314, 332.
 Казье, переводчикъ. 107.
 Калиостро. 68, 69.
 Калонъ (де). 137, 138, 139, 144, 154.
 Каменнъ, полковникъ. 477.
 Каменскій, генералъ. 83, 85.
 Камеронъ, Шотландецъ. 60.
 Кампанъ, г-жа. 196.
 Кантакузинъ. 413, 422, 423, 448.
 Кантарджи, Константинъ Мавроевъ. 479, 481.
 Кантемиръ, князь. 19, 423.
 Канъ-мурза-хаджи. 481.
 Канъ-хи. 292, 311.
 Канлаъ-Гирей-ханъ. 458, 462, 469, 470, 472, 473, 480, 481.
 Камодистрія. 348.
 Караманъ, графъ. 56.
 Каранзинъ, Н. М. 353, 379.
 Кардель, наставница Екатерины II. 12, 15, 20, 27, 31, 41, 49, 50.
 Карлъ-Вильгельмъ-Фердинандъ, герцогъ Виртембергскій (отецъ Зельмиры). 168.
 Карлъ XII. 160, 369.
 Карлъ XIII, Шведскій король. 234.

Каролина, принцесса Брауншвейгская. 74.

Каролина, ландграфиня Даринштадская. 6, 7, 33.

Карновъ, завѣдывающій путовою канцеляріею гр. Амурскаго. 334.

Карташева, Енатор. 427.

Карцева, Елисавет. Петр., сестра милосердія. 356.

Кастри (де), маркизъ. 15, 142, 196.

Кауницъ, князь. 182, 445, 446.

Кауфманъ, Анжелика, портретистка. 230.

Кайсаровъ, Памсіи Серг. 70.

Квирини, Анджелико. 31, 39.

Кельхонъ, врачъ Екатерины II-й. 26, 37, 48, 101, 107.

Книгстонъ, герцогиня. 70.

Киселевъ, графъ П. Д. 367.

Клерфельдъ. 230.

Климентъ XIV, папа. 17.

Клотильда, королева Сардинская. 23.

Кобенцель, графъ Іосифъ, Германскій посолъ. 129, 496, 497.

Кобургскій, принцъ. 205.

Ковалько, инженеръ. 269, 270.

Ковачевичъ, 353.

Коларджъ. 353.

Колычевъ, Ст. Алексѣев. 240.

Кондауровъ, Андрей. 427.

Конде, принцъ. 177, 239.

Константины Николаевичъ, великій князь, генералъ-адмиралъ. 273, 277, 281, 283, 286, 289, 294, 300, 357, 521.

Константины Павловичъ, великій князь (крестины) 57, 58, 63, 73, 75, 79, 81, 82, 84, 86, 91, 95, (сходство съ Петромъ I) 109, 114, 117, 150, 154, 176, 186, 204, 208, 210, 214, 222, 223, 229, (планы женитьбы) 231, (отсрочка свадьбы) 232, 233, 496, 497.

Коншловъ, засѣдатель Уголовн. Палаты въ Перм. 520.

Корде, Шарлота. 351.

Корилла, Итальянская писательница. 26.
Корнель. 61.
Корниловъ, В. А., генер.-адъют. 401, 403.
Коробевъ, Яв. 428.
Корсаковъ, Ив. Никол. 55.
Корсаковъ, Сибирск. ген. губ. 259, 262, 279, 285, 286, 296, 301, 302, 316.
Корфъ, графъ. 392.
Костюшка. 214, 227.
Коцебу (писатель). 177, 185, 191.
Кочетова, Ев. Ник. 249.
Кочубей, гр. В. П., (письмо къ графу А. Н. Самойлову). 246, 247 (пожалованіе княземъ). 357.
Крамеръ, издатель сочиненій Вольтера, въ Женевѣ. 52.
Краонъ (де), принцъ. 191.
Кречетниковъ, курьеръ. 244.
Крейцъ, графъ. 93.
Крузенштерцъ. 260.
Кривцовы, 256.
Крымъ-Гирей-ханъ. 456, 457, 460.
Ксаверій, Саксонскій принцъ. 225.
Кузнецовъ, кап. 1 ранга. 402.
Кузнецовъ, почетн. гражд. 278.
Курбадъ-Али-ага-Скоп-башн. 473.
Курляндская, герцогиня. 45.
Куръ-де-Жебелевъ. 103, 108, 118.
Кутлаукай-Хадокій. 481.
Кутневичъ, оберъ-священникъ. 517.
Кутровъ, кап. 1 ранга. 402.
Куй-фу. 285.
Кюстницъ. 202.
 *
Лавальеръ, герцогиня. 38.
Лагарпъ, воспитатель вел. кн. Александра Павловича. 26, 70, 72, 73, 78, 88, 95, 102, 154, 175.
Лазаревъ, Мих. Петр., адмир. 400, 401, 404.
Ламакниъ, регентъ пѣвческаго хора. 353.

Лангетъ. 135.
Лампи, живописецъ. 201.
Ланская, Евдокія Дн. 102.
Ланская, Праси. Никол. 71.
Ланской, Ал—дръ Дн., камергеръ. 70, 71, 76, 77, 81—84, 88, 89, 91—100, 127.
Ланской, Вас. Серг. 70, 93.
Ланской, Дн. Артемьевичъ. 70,
Ланской, Ив. 96.
Ланской, Яв. Дн. 70, 71, 72
Ланерузь. 260.
Лангетъ, Ал-ѣй. 427.
Ласкаторъ, 137, 150, 156, 206.
Ласайетъ, маркизъ. 113, 154, 164, 166, 170, 197, 351.
Лачинова, Праси. Никол. 71.
Лебелъ, генералъ-майоръ. 458.
Леберъ, Вѣнскій профессоръ анатоміи. 485.
Лебрѣтъ, г-жа (неудачная по мнѣнію Екатерины портретистка). 230.
Левашевъ, генер. 155, 438.
Левекъ. 88.
Леклеркъ. 88.
Ленхель. 71, 72, 76.
Леонидъ, архим. 408.
Леонтьева, Екатер. Александровна, 426.
Леонтьевъ, Н. М. генер.-аншефъ, (убійство). 426, 428, 429, 438.
Леопольдъ, импер. 200.
Лермонтовъ, М. Ю. 255.
Лесорть, флотскій офицеръ. 430, 431.
Либермальъ. 367.
Ливень, генеральна. 218, 237.
Ливенъ, князь. 352.
Ливіо, братья. 208.
Лиліонъ, баронесса, Лунва. 253.
Лима. 496.
Лингардъ, Лифляндецъ. 852.
Лисневичева, полковница. 488.
Листовскій, Ал—дръ Вечесл. 518.
Листъ, Лейпцигскій многопродавецъ. 392.

Лихачевъ, капит. 1-го ранга. 315, 324, 325, 326.

Ловичъ, княгиня. 350, 353, (погребеніе) 354, 359.

Локмацъ, баснописецъ. 94.

Ломбардъ, Мальтійскій кавалеръ. 147.

Лонгаль. 47.

Лопыревъ, Ив. 427.

Лоранъ, учитель каллиграфіи Кваторі-ну II-ю. 22, 27, 31.

Лоссъ, графъ. 233.

Луи, трактирщикъ. 395.

Луиза Ульрика, сестра Фридриха Великаго и мать Густава III-го. 39.

Лун-Флициъ. 351, 358.

Лукевичи. 180, 181, 214, 228.

Львова, Софья Николаевна. 392.

Львовъ, А. Ѡ. 513.

Любомирскій, князь. 486, 487, 488.

Людвигъ, принцъ Виртемб. 121.

Людвигъ Наполеонъ, (его сочиненія). 382.

Людвигъ XIV. 230, 418.

Людвигъ XV. 8, 40, 110, 123, 155, 195, 409.

Людвигъ XVI. 6, 75, 76, 164, 166, 173, 193, 195—197, 199, 201, 204, 212, 213, 248.

Людвигъ XVIII. 235, 238, 248.

Люкебургова. 351.

Лютеръ, Мартанъ. 12, 16, 20, 27.

*

Мадагисскій. 227.

Маевскій, Федоръ. 428.

Мазена. 343—347.

Мазей. 200.

Макартней. 225.

Мальмбери, милади. 199.

Мамбетъ-Бемль - оглу-Джанъ-Мамбетъ мурза-ханъ. 473.

Мамбетъ, мурза. 455, 456.

Малойловичъ, Петръ. 503.

Мансуровы. 352, 359.

Мансуръ, имамъ. 154.

Машанъ. 341.

Мадштейнъ. 214.

Маратъ. 351.

Марія Александровна, Императрица. 366.

Марія Антуанета. 193, 196, 199, 201, 207.

Марія Людовика, королева Польская. 345.

Марія Павловна, великая княжна. 122, 176, 188, 204, 205, 218, 219, 232, 233.

Марія Терезія. 162.

Марія Теодоровна, императрица. 27, (принцесса) 32—34, (великая княгиня) 39, 45, 72, 74, 76, 78—80, 113, 129, 156, 171, 177, 204, 212, 218, (рожденіе Николая Павловича) 234, 362, 496.

Марковичъ, маіоръ. 492.

Мартыновъ, Матв. Григ. 426.

Маруди. 416, 417, 422, 423.

Маслова. 406.

Масловъ, Пав. Ильичъ. 520.

Матвѣева, графиня. 426.

Матвѣева (Мещерская). 443.

Матвѣева (Румянцова). 442.

Матюшина, графиня, Анна Алексѣевна. 45, 209.

Машковъ. 188.

Майеръ. 95.

Меглицкій, инженеръ. 269, 270.

Мекленбургская, герцогиня. 223.

Мекленбургская, принцесса. 229, 238.

Мекленбургъ-Шверинская, принцесса. 87.

Менгсъ, Рафаэль, живописецъ. 34, 39, 59.

Мешниковъ. 26.

Мельниковъ, князь. А. С. 262, 268, 272, 521.

Мевшиковъ, кн. А. Д. 426.
 Мерзляковъ. 394.
 Мервинги. 102.
 Мерси, графъ. 207.
 Местмахеръ. 233.
 Мейдлеръ, врачъ. 365.
 Мещерскій, князь, оберъ-прокуроръ.
 352.
 Мещерскій, князь Ив. 427.
 Мещерскій, кн. Н. П. 442.
 Мещерскій, кн. Серг. Вас. 442.
 Мейербергъ. 379.
 Миддендорфъ, академикъ 266—270.
 Микрюковъ, кап. 2 ранга. 402.
 Микульшинъ, майоръ. 457.
 Миланковичъ, архим. Моск. Донскаго
 монастыря. 493, 494.
 Милетичъ. 353
 Миллеръ. 94, 120.
 Милорадовичъ, фельдмаршалъ. 494.
 Миниль. 357.
 Минихи, графы, 35, 45, (письмо Ди-
 дерота) 409, 451.
 Миньонъ, аббатъ, племянникъ Воль-
 тера. 54.
 Мирабо. 180, 183, 186, 187, 201, 219.
 Миранда, Испанецъ. 131.
 Мисевичъ, региментаръ. 441.
 Митрофаній, св. 515.
 Михаилъ Николаевичъ, великій князь.
 349.
 Михаилъ Павловичъ, вел. князь. 366.
 Михельсонъ. 251.
 Мицкевичъ. 374.
 Моклеркъ, пасторъ. 41.
 Монбельярскіе князья. 362.
 Монбельяръ (де), супругъ Зельмиры.
 129, 131, 133, 137, 138, 139, 141—
 145, 148, 150, 152.
 Монморанси, 38.
 Монморанъ (де). 135.
 Монтальве, Франц. министръ. 351.
 Монтекеъ. 94.
 Мордовцевъ. 255.

Морелли, Итадьянская писательница.
 26.
 Моро. 239.
 Моцениго, графъ. 413—425.
 Моцениго, (предки). 414.
 Моцениго сынъ. 425.
 Мровицскій, инженеръ. 278.
 Мукай-ага. 473.
 Муравьевъ, А. Н. 251.
 Муравьевъ-Амурскій, графъ. 257—
 342.
 Мурза-Кизы-Мехметъ 471.
 Муромцовъ, Мих. 428.
 Муртаза-Кули-ханъ, знатный Персія-
 нинъ. 231, 233, 236.
 Мусиль-Пушкинъ, графъ, посланникъ
 въ Англии. 242, 435.
 Мухомова, статсъ-дама. 350.
 *
 Наванъ-Чономинъ, лама. 275.
 Наполеонъ I. 74.
 Наполеонъ III, (Брымская война). 401.
 Нарышкина, Анна Никит. 45, 230.
 Нарышкина, Марина Осип. 45.
 Нарышкина, оберъ-шеняша. 209.
 Нарышкина, фрейлина. 496.
 Нарышкинъ. 426.
 Нарышкинъ, Ал-дръ Александр. 45.
 Нарышкинъ, Левъ Александр. 46.
 Нарышкинъ, оберъ-щанкъ. 209.
 Нарышкинъ, оберъ-штальмейстеръ.
 120, 126, 130, 209, 233.
 Нарышкины. 18, 116, 121.
 Нассаускій, принцъ. 134, 141, 153,
 157, 170, 172, 189, 214.
 Наталья Алексеевна, вел. княгиня. 7,
 15, 22, 23, 25, 28, 29, (кончина). 32, 33.
 Наталья Кирилловна, царица. 426.
 Нахимовъ, вице-адмир. 401—404.
 Нащокинъ, полковникъ. 456.
 Неаполитанская королева. 283.
 Неаполитанскій король. 35, 252, 351.
 Невельской, Генн.-Ив. 258, 259, 266,
 279, 521.

- Неккеръ**, 36, 110, 137, 153, 170.
Некрасовъ. 255.
Немцова. Е. И. 169.
Неравичъ, Давидъ, генер. 490.
Нессельроде, графиня, Елена. 368.
Нессельроде, графъ. 258, 259, 262, 263, 268, 272, 275, 281, 368.
Нестерова, Марья. 428.
Нестеровъ, Аванасій Ив. посолъ, царскій столъникъ. 343.
Нефедьевъ. 244.
Николаи. 150.
Николай Павловичъ, (рожденіе) 234, 235, 252; (Амурская экспедиція) 257, 261, 262, 263, 266, 269, 270, 272, 274, 277, 279, 283, 349, 350, 354, 357, 358, 359, 368, 400, 402, 405, 442, 507, 521.
Новиковъ, Н. И. 106.
Новокшенова. 428.
Новокшеновъ, Вас. 428.
Новосельскій, контръ-адмиралъ. 401, 402.
Нолькенъ. 158, 159, 160.
Норовъ, (библиотека). 388.
Ньютонъ. 61.
- *
- Оберъ-Миллеръ**, хирургъ. 3 65.
Оболенскій, князь М. А. 383, 383
Обольяниновъ, лейтенантъ. 146.
Обрѣзковъ, 449.
Огаревъ, 373.
Огинскій Мартинъ. 345.
Оглу-Мамбетъ-мурза-бегъ, 473.
Одоевскій, кн. В. Ѳ. 251, 378, 387.
Озеровъ. 356.
Озиевичъ. 519.
Олсарій. 379.
Оленичъ. 361.
Ольга Павловна, великая княжна. 217.
Ольгердъ. 217.
Ольдекопъ. 394.
Ольшавскій, майоръ. 488.
- Оранскій**, принцъ. 130.
Орлеанскій, герцогъ. 5, 9, 132, 147, 418.
Орлова, княгиня, Екат. Никол. 45.
Орлова, княжна, Софья Григорьевна. 169.
Орловъ, М. Ѳ. 246.
Орловъ, прапорщикъ корпуса штурмановъ. 260.
Орловъ, графъ Влад. Гр. 6.
Орловъ, графъ. А-И Фед. 350, 510, 514.
Орловъ, гр. Ал-ѣй Гр. 26, 417—420, 430, 433. (Чесменская побѣда) 436.
Орловъ, гр. Ив. Григ. 436.
Орловъ, графъ Ѳеодоръ Гр. 99, 115, 414, 436.
Орловъ, князь Григорій Григорьевичъ 18, 23, 24, 27, 33, 35, 40, 45, 60, 62, 69, 77, 80, 85, 89, 90, 91, 93, 150.
Орловъ-Давыдовъ, графъ. 391.
Ослябя, янокъ (могила). 380.
Османъ-ага, шкиперъ. 458, 481.
Остерманъ, графъ. 196.
Остолигъ, Ѳеодоръ Мартыновичъ, врачъ 355.
Островскій, майоръ. 503.
Оттонъ II. 87.
Отъиъ, (d'). 195.
- *
- Пабо**, врачъ. 365.
Павель Петровичъ. 14, 28, 32, 34, 35, 45, 72, 74—76, 78—80, 113, 204, 218, 238, 244, 251, 363, 425, 444, 446, 496, 497.
Павей, Владим. Дн. 252.
Павловъ. 172.
Павловъ, полковникъ. 502.
Павскій, профес. С.-Петербургской Духовн. Акад. 515, 516.
Памзіелло. 57, 59, 60.
Палейъ, графъ Петръ Петр. 350, 367.
Паликучи, Гречанна. 132.
Паликучи, курьеръ-философъ. 132.

Палладій, свящ. 280, 443.
 Палласъ. 221.
 Панина, урожд. Пушкина. 393.
 Панинъ, графъ, Никита Ив. 36, 45, 89, 90, 93, 106, 206, 414, 425—436, 438.
 Панинъ, гр. Петръ Ив. 438, 450—482.
 Пашкукъ, издатель Вольтеровыхъ сочиненій. 55.
 Пасковичъ, вн. фельдмаршалъ. 252.
 Пассекъ, генералъ. 232.
 Пассекъ, Вадимъ Вас., писатель-этнографъ. 343.
 Пассекъ, Діомидъ Вас., Кавказскій генералъ. 343.
 Пассекъ, Янъ Хризостомъ. 343—347.
 Пастуховъ. 32.
 Пекарскій, П. П. 41.
 Пелегрини. 416.
 Переджи-Шамукъ, Персидская принцесса. 235.
 Пересильтъ, яноуъ (могила). 380.
 Пермякинъ, чиновникъ. 278.
 Перовскій, графъ В. А. 128, 262, 263, 268, 272, 298—305, 308, 333, 334, 337—339, 342, 521.
 Перовскій, графъ, Борисъ Алексеевичъ. 128.
 Петерсбургъ, Лафлидець. 352.
 Петлювъ, мръ. 200.
 Петръ I. 26, 150, 209, 212, 236, 369, 370, (Прутская неудача) 423, 493, 515.
 Петръ III. 7, 41, (закрытіе тайной россійской экспедиціи) 370, 495.
 Пироговъ, хирургъ. 365.
 Писаровъ. 255.
 Питтъ. 185, 192, 226.
 Питтъ, старшій. 52.
 Пимчевичъ, Семенъ, Сербъ. 483.
 Пій VI, папа. 17.
 Платонъ, митроп. Московск. 13, 20, 517.
 III, 34.

Плетневъ, П. А. 392, 393.
 Повалякинъ, адмиралъ. 164.
 Погодинъ, М. П. 382, 383, 393.
 Поговинъ, Прохоръ. 428.
 Подгоричанинъ, гр. генер.-маіоръ, Мѣргородскій полиціи-мейстеръ. 487.
 Подолинскій. 394.
 Полевой. 394, 397.
 Половцевъ, А. А. 6.
 Полторацкій, С. Д. 394.
 Полуденскій, М. П. библіофилъ. 384.
 Польманъ, 145, 167, 168.
 Полятовскій, 232, 348.
 Пономовъ, Нилъ Александр. 506.
 Пономовъ, подпоручикъ. 260.
 Порошинъ. 59.
 Потановъ, комендантъ крѣпости св. Дмитрія. 456.
 Потемкинъ, вн. Гр. Ал. 9, 10, 14, 20, 22, 23, 35, 39, 46, 47, 49, 51, 54, 86, 93, 99, 104, 107, 109, 112, 115, 123, 124, 126, 131, 134, 135, 140—143, 148, 152, 165, 166, 174, 185, 186, 188, 191, 193, 196—199, 204, 211, (кончина) 243, 245, (недоброжалательство въ Моценнго) 414, (дѣло подъ Фокшанами) 461, 487—490, 497, 498, 504, 506.
 Потемкинъ, Мих. Серг. 244, 249.
 Прозоровскій, князь. 462, 470, 474—480, 482.
 Протасова, Анна Степан. 151, 353.
 Протасовъ, гр. оберъ-прокуроръ. 517, 522.
 Пугачевъ, 10, 11, 15, 16, 159, 172.
 Путятинъ, графъ, адмиралъ. 279, 286—292, 294—297, 300—304, 306, 308, 313, 816, 401.
 Пушкина, Ольга Серг. 395, 396.
 Пушкинъ, графъ. 164, 222, 224, 463, 468.
 Пушкинъ, Ал—дръ Серг. 55, 251, 254, 255, 374, 380, 381, 383, 387, 392—395.

- Пушкинъ, В. Л. 396
 Пушкинъ, Левъ Серг. 381, 383, 392, 394—398.
 Пушкинъ, С. Л. 395, 396.
 *
- Равичъ, секретарь Коллегіи Иностр. Дѣлъ. 451.
 Рагузинскій. 423.
 Радам, графиня. 505.
 Раденъ, баронесса. 364.
 Радзивиль, княжна. 121.
 Радзивиль, князь. 229.
 Раевскій, Николай Николаевичъ. 246, 247, 428.
 Разградскій, мичманъ. 276.
 Разумовскій, фельдмаршалъ. 107, 157—159.
 Ранень Туарасъ, историкъ. 41.
 Ратцигъ, А. А. 392.
 Ребергъ, врачъ. 365.
 Ребиндеръ, Бялтинскій градоначальникъ. 275, 276, 277, 279.
 Ремашъ. 355.
 Рензой, Стахій, Молдавецъ. 462.
 Реньеро, генералъ. 421.
 Ренкина, княгиня Наталья Александр. 45.
 Реминитъ, князь Н. В. 13, 16, 23, 46. (Масонская клятва). 250, 251, 449, 461, 469, 489, 510.
 Рейналь, аббатъ. 73.
 Рейль, инженеръ. 278.
 Рейтгольцъ, Яковлевъ. 220, 234.
 Рейсштейнъ, знатокъ древностей, жившій въ Римѣ. 56, 59, 67, 85.
 Рибасъ. 25, 86.
 Рибошьеръ, Аглая. 350.
 Риго-де-Жемульи, адмиралъ. 295.
 Ридизель. 31.
 Ридъ, Американскій министръ. 295
 Риокуръ, графъ. 190.
 Рицци, докторъ. 425.
 Ришелье, герцогъ, устроитель Одессы. 68, 188, 191, 197.
 Ришелье, кардиналъ. 188.
 Робель. 57.
 Ровинскій, (сочиненіе). 389, 390.
 Рогожинъ, Андрей. 427.
 Роде, ротмистръ. 477.
 Рожерсонъ, докторъ Екатерины II. 21, 26, 69, 81, 102, 129, 130, 188, 169.
 Роллингъ. 49.
 Романъ, императоръ Константинопольскій. 87.
 Россель, торговый домъ въ Шанхаѣ. 325.
 Ростовцевъ, генер.-майоръ, Я. И. 407.
 Росточина, гр. Е. П. 254, 255.
 Росточинъ, гр. Ф. В. 213, 229, (неудачное ходатайство за Моцениго), 425.
 Ротшильдъ. 386.
 Руденскіюльдъ, дѣвица. 221.
 Рудерфордъ, Англ. купецъ. 435.
 Рудонъ, скульпторъ. 68.
 Румянцова, графиня Екат. Мих. 45.
 Румянцова, графиня Марія Андр. 46.
 Румянцовъ, гр. Н. П. 106, 172, 190, 191, 197, 213, 230, 236, (письмо къ гр. А. Н. Самойлову). 247.
 Румянцовъ, фельдмаршалъ, 21, 93, 133, 216, 379, 423, 426, 438, 442, 451, 455, 464, 467, 468, 470, 472.
 Румянцовъ, графъ Серг. Петр. 7.
 Румянцовы, графы. 25, 64.
 Руссо. 5, 52, 62.
 Руссовъ, (изданіе). 386.
 Руфенъ, Французскій инженеръ. 458, 461, 462.
 Рыглевъ, Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ. 168.
 Рюльеръ. 6.
 Рюмахеръ. 390.
 Рюрикъ. 224.
 *
- Сабатье. 53.
 Садовскій, Матвій (убійца Леонтьева) 426.

- Саконъ, капитанъ. 176.
 Саксенъ-Веймарскій, герцогъ. 215.
 Саксенъ-Готская, герцогиня. 189,
 190.
 Саксенъ-Готскій, герцогъ. 194, 215.
 Саксонскій король. 252.
 Салманша-оглу-Мехметъ-мурза. 473,
 481.
 Салтыковъ, генер. 100, 105.
 Салтыковъ, графъ. 492.
 Салтыковъ, кн. Никол. Ив. 46, (письма
 Екатерины II) 241, 242.
 Сальвади. 351.
 Самойлова, Екатерина Никол. 248.
 Самойловъ, гр. Ал—дръ Никол. 83,
 165, 243, 250.
 Сангумко, кн. 446.
 Санъ-Никола, дукъ. 83.
 Сартн. 107, 218.
 Сарычевъ, (путешествія). 379.
 Свербесъ, Д. Н. 278.
 Святловскій, В. В. 406.
 Святловскій, В. Ф. 405, 406.
 Святославъ. 217.
 Сегюръ, отецъ. 142.
 Сегюръ, графъ. 109, 112, 113, 116,
 117, 129, 134, 142, 146, 148, 149,
 153, 177, 188, 197, 496.
 Секель. 53.
 Селимъ-Гирей-ханъ. 458, 501.
 Селимъ, султанъ. 227.
 Семеновъ, Петръ. 428, 482.
 Сенакъ де-Мельякъ. 191, 195.
 Сень-Бёвъ. 256.
 Сень-Валъ, Монгольскій князь. 309,
 322, 324, 328.
 Сень-При. 135, 166, 167, 196, 197.
 Сенившъ, Левъ Гр. 262, 263, 272,
 274, 275.
 Серафимъ, митрополитъ. 516, 522.
 Сербиневичъ, директ. канц. Св. Си-
 нода. 516, 524.
 Сестренцевичъ, Богушъ. 75.
 Слейсъ, аббатъ. 210.
 Симолинъ, Русскій посланникъ въ
 Парижъ. 195, 196.
 Синеусъ. 224.
 Сколкова, Пр. Гр. 353.
 Скородумовъ. 76, 82, 83, 93.
 Смирдинъ, книгопродавецъ. 350, 395.
 Снегиревъ, Ив. Мих. 380.
 Соболевскій, врачъ. 101.
 Соболевскій, С. А. 374—398.
 Собѣвскій, Янъ. 343.
 Соловьевъ, С. М. (о паденіи Вене-
 ціанской республики). 425.
 Сошниковъ. 387.
 Соріель, живописецъ. 34.
 Сосеротъ. 358.
 Спиридовъ, адмиралъ. 417, 418, 420,
 421, 422, 430.
 Спицынъ, кап.-лейт. 402.
 Спѣшневъ, Сем. 428.
 Стакельбергъ, баронъ. 430, 431.
 Станковичъ, подполковникъ. 503, 504.
 Стаховичъ, сестра милосердія. 365.
 Стедингъ, Шведскій посланникъ. 221.
 Степанковскій, региментаръ. 440, 441.
 Степановичъ, Игнатій, майоръ. 502.
 Стефанъ, король Венгерскій. 87.
 Стольбергъ, графъ. 119.
 Стояновичъ, Петръ. 506.
 Стрекаловъ. 168.
 Строгановъ, гр. 61, 120, 383.
 Субботичъ, Іованъ, Сербскій юристъ
 и драматургъ. 484, 505.
 Суворовъ, кн. А. В. 147, 205, 215,
 216, 225, (письма Гримма) 231, 239,
 240, 487, 490, 520.
 Сутерландъ, банкиръ. 5, 124, 136,
 138.
 Сухтеленъ, Конст. Петр. 70.
 Сушанъ. 309, 312, 316, 323, 326,
 328.
 *
 Таласси, Анжело. 26.
 Талье. 155.
 Таишевъ, статсъ-секретарь. 508.

- Таракалова, княжна. 25.
 Тарасовъ, докторъ. 365.
 Татищева, Марья Дм. 251.
 Татищевъ, премьеръ-маіоръ. 241.
 Тверитиновъ, Бѳрѣмъ вѣхмистръ. 428.
 Текели, Іованъ. 484.
 Текели, Лазарь. 484; 502, 503, 504.
 Текели, генер. Петръ Аврамов. 154, 483—489, 493, 497—500, 502—506.
 Текели, Райко. 483.
 Текели, Савва (въ Россіи). 483—506.
 Телешевъ. 353.
 Тереза, (картины). 229.
 Терръ, аббатъ. 138.
 Теснигъ, типографщикъ. 369.
 Тейсоньеръ. 54.
 Тимановъ, Викт. Мих. 518.
 Тинай-ага. 472, 473.
 Тимбейвъ. 60.
 Тоди, пѣвица. 98, 118.
 Толстая, графиня. 353.
 Трегубовъ, Яновъ. 427.
 Трикольскій, курьеръ. 135.
 Троншевъ. 60.
 Трубецкая, княжна, Елена. 353.
 Трубецкой, кн. Никол. Ів. 381.
 Трубецкой, кн. Юрій. 352.
 Труворъ. 224.
 Туманскій, (записки о Петрѣ Великомъ). 380.
 Тутолминъ, генер. - поручикъ. 153, 241, 478, 480.
 Тыркъ, маіоръ. 463.
 Тѣвничевъ, кн. Никол. Никол. 520.
 Тз-ну-цунъ. 313, 314, 319, 320.
 Тюммель, баронъ. 229.
 Тюфякинъ, князь. 18.
 Тюфяевъ, Вятскій губернат. 518, 519.
 *
 Уардъ. 307.
 Уньковскій. 401.
 Ушаковъ, адмираль. 193.
 *
 Фаготъ. 87.
 Фальбовская. 347.
 Фальбовскій. 346, 347.
 Фалькенштейнъ, гр. 63, 64, 65, 73, 141—143, 153; 156.
 Фальконетъ, г.-жа. 138.
 Фальконетъ. 54, 56, 409.
 Фалькъ, докторъ. 68.
 Фелькерзамъ. 239.
 Фердинандъ, принцъ. 62, 229.
 Феронсъ, первый министр герцога Брауншвейгскаго. 167.
 Фетъ. 254.
 Фигаро, издатель сочиненій Вольтера. 146, 155.
 Филаретъ, митроп. Кіевск. 515, 516.
 Филаретъ, митрополитъ Моск. 256, 407, 515, 516—524.
 Филиновскій. 355.
 Филисталь, двоюродный братъ герцогини Саксенъ-Готской. 189, 190.
 Филиппъ V. 200.
 Филиппъ, Ванетъ. 300.
 Филиппъ, Эгалите. 229.
 Финдладеръ, маіоръ. 233.
 Фицъ-Гербертъ, Англійскій посланникъ при Русскомъ дворѣ. 129, 132.
 Фокнеръ. 193.
 Фоксъ. 226.
 Фолькинеръ, переводчикъ Екатерины II. 208.
 Фонвизинъ, Д. И. 127.
 Фонтенъ. 70, 71, 82, 88.
 Форстенбергъ, графъ. 191.
 Франклинъ. 47.
 Францъ. 171, 199.
 Францъ-Іосифъ. 235.
 Францъ II. 212.
 Фредерика, принцесса Баденская. 206.
 Фридрихъ, баронъ. 30.
 Фридрихъ - Августъ, братъ Екатерины II. 151.
 Фридрихъ, принцъ Виртембергскій. 74, 78, 79.

Фридрихъ, Великій. 39, 47, 77, 103, 124, 126. (кончина) 129, 165, 166, 179, 182, 210.

Фридрихъ-Вильгельмъ II. 33, 132, 134, 149, 152, 164, 165, 167, 168, 174, 178, 180, 182, 196, 199, 208, 213, 215, 230, 238, 240.

Фулгунга. 284.

Фунянга. 285.

*

Хаджругунъ-Хаджи-эфенди. 473.

Халиль-Саламетъ, Крымскій кн. 476.

Хильмерикъ I. 102.

Хиранскій, Грузинскій царевичъ. 501.

Хлорисъ. 102.

Хорватъ, генер. 490, 504.

Хорватъ, майоръ 478, 504.

Хрентовичъ. 368.

Христенекъ, курьеръ. 435.

Христина, королева 137, 150.

Хрущовъ, А. П. 405—408.

Хрущовъ, (заговоръ). 372.

Хуа-шанъ. 303, 310, 312, 322.

*

Цегелинъ, Прусск. министр. 431.

Цейлеръ, Вѣнскій проф. каноническаго права. 485.

Цзинъ, главнокомандующій. 332.

Цзяраминга. 309, 334, 342.

Циммерманъ, академикъ. 107, 126, 178.

Цицѣановъ, кн. Пав. Дмит. 213, 395.

Цюнковскій, Нарцизъ Игн. 520.

Цюнь, Антоній, Грекъ 470.

*

Чаддъ, Англійскій министр. 351.

Чатамъ, лордъ. 52, 53.

Чень-чи, директоръ хлѣбныхъ магазиновъ. 332.

Черкасскій, кн. В. А. 256.

Черкасовъ, Ал-дръ Львов., Псковскій губерн. 519.

Черноевичъ, генер.-майоръ, 457, 470.

Чернышова, гр. Анна Родион. 45.

Чернышова, Евдокія Дн. 102

Чернышовъ, гр. 112.

Чернышовъ, графъ. 199.

Чернышевъ, фельдмаршалъ, графъ Зах. Гр. 24, 45.

Чернышевъ, гр., Из. Гр. 46, 102.

Чернышевъ, Из. Львовичъ. 102.

Чернышевъ, князь А. И. 102, 262, 263, 268, 270, 272.

Чернышевъ-Кругляковъ, графъ. 24.

Чертковъ, Г. А. (библіотека). 376, 380, 382, 383.

Чобанъ-ага. 473.

Чорба, генер.-поруч. 504.

*

Шавровъ, протоіерей, А. Н. 406.

Шатобрианъ. 351.

Шахматовъ, поручикъ. 470.

Шахъ-мурза 470.

Шварцъ, астрономъ. 269, 270.

Шведенбургъ. 68.

Шебановъ. 427.

Шевыровъ. С. П. (воспитатель князя А. Н. Волконскаго). 252.

Шенъ, (осада Смоленска). 357.

Шеншина, Елис. Семен. 427.

Шеншинъ, Из. 427.

Шереметевъ, гр. А. Д. 213.

Шереметевъ, Бор. Серг. 436.

Шереметевъ, гр. Никол. Петр. 246.

Шереметевъ, графъ С. Д. 409.

Шереметевъ, фельдмаршалъ. 423.

Ширай, Ст. Мих., Черниг. предводит. дворянства. 519, 520.

Ширяевъ, (библіотека). 388.

Шиншаревъ, переводчикъ. 311, 334, 337, 338, 339, 340, 341, 342.

Шкляревичъ, Смоленск. губернат. 510.

Шлафъ. 159.

Шлезингеръ, Берлинскій книгопродавецъ. 350, 351.

- Шлецеръ, (сочиненіе). 384.
 Шембергъ, графъ. 84.
 Шредеръ. 145, 250.
 Штакельбергъ, графъ. 179.
 Штейнъ, баронъ. 438.
 Штофельтъ, генер.-поруч. 439, 440, 441, 442, 448, 461, 464, 466, 467, 469.
 Шуазель. 63, 156, 445.
 Шувалова, графиня. 203.
 Шуваловъ, Ив. Ив. 36, 38, 46, 56, 67, 120, 209.
 Шуваловъ, камергеръ. 179.
 Шугуровъ, М. Ѳ. (о Дидеротъ). 409.
 Шуленбургъ. 192.
 Шумахеръ, П. В. 342.
 *
 Щедринъ, скульпторъ. 83, 85, 93, 119, 122, 138.
 Щетицкій, епископъ. 441.
 Щербатова, княжна. 368.
 Щербатовъ, кн. (сгора съ принцемъ Ксаверіемъ). 224, 225.
 Щербинина, Н. М. 195.
 Щукинъ. 428.
Н. И. Богоявленскаго.
 Экъ, Петербургскій почтдиректоръ, при Екатеринѣ II, 33, 56.
 Эммитъ, баронъ. 463, 466, 468, 469, 470, 473.
 Эльгинъ, лордъ. 287, 294, 297, 303, 329, 330, 331.
 Эльфингстонъ. 430, 435.
 Эмилія, внучка г-жи д'Эпина. 96, 100, 105.
 Эммануилъ, Сербъ, генер.-поруч. 500.
 Энгельгардъ. 250.
 Энгельмейеръ, Аполлонъ Ив. 514, 515.
 Энсли, милордъ. 156, 209.
 Эшине (д'), госпожа, 63, 91, 96, 256.
 Эриксонъ. 49.
 Эстергази, графъ. 197, 505.
 Эйлеръ. 120.
 *
 Юлія, принцесса Саксенъ-Кобургская. 229, (зубная боль) 232, (супруга Константина Павловича) 233.
 Юсуфъ-паша. 192.
 *
 Ягайло. 217, 226.
 Языковъ. 294.
 Яковлевъ. 240.
 Якубей, ханскій переводчикъ. 465, 466, 469, 474.
 Яковичъ-де-Миріево. 495.
 Явовскій, Кирилъ. 428.
 Янъ-Казиміръ, король Польскій. 343.
 *
 Федоръ Алексѣевичъ, царь. 369.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1878 ГОДА.

(Тетради 9, 10, 11 и 12).

Изъ бумагъ графа Н. И. Панина 1770 г.	1781. Дѣтство Александра Павловича.—	
а) Убійство генераль-аншефа Леонтьева.	Калиостро.—Я. Д. Ланской.	66
б) Письма графа Н. И. Панина къ графу	1782. Ленкенъ.—Князь А. А. Вязем-	
А. Г. Орлову во время Морейской экспе-	ский.—А. Д. Ланской.—Юлій Цезарь.—	
диции (съ письмомъ въ Москву отъ графа	Вауеръ.—Дюкь-Санъ-Николо	73
А. Г. Орлова о Чесменской побѣдѣ). в)	1783. Святой Владиміръ.—Кончина кн-	
Его-же письма къ фельдмаршалу графу Ру-	зы Орлова.—Свиданіе съ Густавомъ Ш.	86
манцову. г) Служебный журналъ графа	1784. Книги для чтенія внукамъ.—Кон-	
П. И. Панина по отторженію Татаръ отъ	чина А. Д. Ланскаго.—Замариваніе горя.	95
Турецкаго подданства	1785. Словари.—„Первобытный Міръ“.—	426
Графъ Моцениго. Эпизодъ изъ первой	Бобринскій.—Зельмира.—Поѣздка въ Мо-	
Турецкой войны при Елизаветѣ II-й, въ	скову.—Яслегризь.	104
разсказѣ графа С. Р. Воронцова	1786. Образъ жизни.—Бобринскій въ	413
Запросы Дидерота о внутреннемъ со-	Парижѣ.—А. Д. Мамоновъ.	123
стояніи Россіи въ письмѣ къ президенту	1787. Путешествіе въ Крымъ.—Виртем-	
Коммерцъ-коллегіи графу Миниху. 1774.	бергская принцесса.—Кіевъ.—Созваніе	409
Новооткрытныя письма императрицы Ела-	Французскихъ чиновъ.—Іосифъ II-й.—Се-	
терины Второй къ барону Гримму 1774—	вастополь.—Турецкая война.—Рѣзние	
1796 годъ, съ объясненіями издателя.	камени.	129
1774. Ландграфиня Каролина.—Потем-	1788. А. Г. Бобринскій.—Шведская вой-	
кинъ.—Пугачевъ.	на.—Петербургъ подъ грозой намести	155
1775. Поѣздка въ Москву.—Страсть къ	1789. Сочиненія Фридриха Великаго.—	
законодательству.—Ходинскій праздникъ.	Пруссія	165
—Покупка Царицына.—Новый Іерусалимъ.	1790. Вездѣйствіе Франціи.—Револю-	13
1776. Воспомяніа дѣтства.—Кончина	ціа.—Кончина Іосифа II-го.—Праздникъ	
первой супруги и вторичный бракъ Павла	Шведскаго мира.—Александръ Павловичъ	167
Петровича.—Князь Орловъ.	1791. Елизавета предѣщаетъ Наполе-	26
1777. Петербургское наводненіе.—Рож-	она.—Германскія дѣла.—Принцъ Генрихъ	
денію Александра Павловича.	Прусскій.—Потемкинскій праздникъ.—	35
1778. Эпитафія себѣ самой.—Игра въ	Мирабо.—Графъ Сегюръ.—Сенакъ де	
бриллианты.—Праздникъ Азора.—Кончина	Мельянь.—Кончина князя Потемкина.	177
Вольтера и Пятта.—Великія княжн.—И.	1792. Французскія дѣла.—Будущая ко-	
Н. Корсаковъ	ронація Александра Павловича.—Нѣмец-	40
1779 И. И. Шуваловъ.—Буффонъ.—	кіе принцы	200
Кончина Рафаэля Менгса.	1793. Галлы противъ Франковъ.—Графъ	56
1780. Масони.—Графъ Фалькенштейнъ.	д'Артуа.—Французскіе философы	203
—Поѣздка въ Вѣлорусію	1794. Занятія Русскою исторіею.—Вос-	62

помянана молодости.—Жизнь въ Тавричскомъ дворцѣ.—Князь Циціановъ.—Иерверъ.—Графъ Валерьянъ Зубовъ . . .	208	Разсказъ изъ недавней старины (М. В. Велинскій.—Императоръ Николай Павловичъ.—Бунтъ Сибирскихъ раскольниковъ.—К. С. Безносиковъ.—Кутневичъ—Тюфяевъ.—Г. И. Невельской).	507
1796. Герцбергъ.—Коалиція.—Арифельдъ.—Шевалье де Саксъ.—Поляки.—Принцессы Кобургскія.—Муртаза-кулиханъ	217	Письма митрополита Серафима къ графу Н. А. Протасову. 1842.	522
1796. Свадьба Константина Павловича.—Иностранцы-агрономы.—Персидская принцесса.—Младенецъ-Николай.—Шведскій король въ Петербургѣ.—Императоръ XVIII-й.	232	Къ исторіи пріобрѣтенія Амура. Наши сношенія съ Китаемъ (1848—1860), по неизданнымъ источникамъ. Статья П. В. Шуматера	257
*		Мое знакомство и переписка съ С. А. Соболевскимъ. Статья Я. Ф. Березина-Ширяева.	374
Путешествіе Саввы Текели въ Россію въ 1787 и 1788 годахъ. Статья Н. А. Попова.	483	Письма Александра и Льва Сергѣевичей Пушкиныхъ къ С. А. Соболевскому . . .	393
Четыре письма Екатерины II-й къ графу Салтыкову во время Шведской войны 1788 года	242	Поминки по Синопскомъ боѣ ко дню его двадцатипятилѣтія	399
Изъ бумагъ генералъ-прокурора графа А. Н. Самойлова: письма къ нему Екатерины II-й, Павла Петровича и другихъ лицъ	244	В. Ф. Святловскій и А. П. Хруцовъ (къ столѣтнему юбилею Перваго Московскаго Екадетскаго корпуса). Статья архимандрита Д—а.	405
Воспоминаніе о князѣ Александрѣ Никитичѣ Волконскомъ. В. В. Ильина . . .	251	Письмо архимандрита Антонія къ князю В. А. Черкасскому	256
Воспоминанія графини А. Д. Блудовой. 1831 годъ (Переписка съ отцомъ.—Ф. М. Отсолигъ.—Мѣри въ усмиреной Польцѣ.—Великая княгиня Елена Павловна.—Брестово-одвиженская Община).	348	Новѣйшіе критики. Забѣтка М. Ф. де-Пуле	254
		Изъ Записокъ Пассека. Мазена при Царскомъ дворѣ	343
		Возмутительныя воззванія въ Русской исторіи	369

